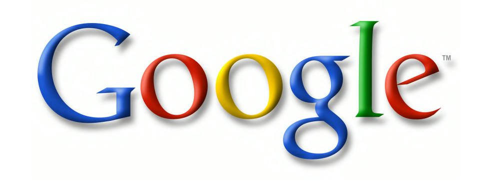


VE
RI
TAS

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

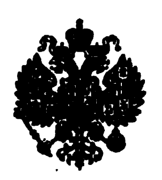
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVIII.

1908.

НОЯБРЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

См. 3-ю страницу обложки.

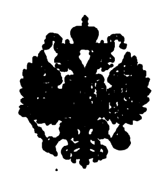
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVIII.

1908.

НОЯБРЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные правительствующему сенату.

1. (11-го октября 1908 года). „Директора департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника *Рахманова*—Всемилостивѣйше увольняемъ отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ".

2. (11-го октября 1908 года). „Вице-директору департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, Двора Нашего въ званіи камеръ-юнкера, статскому совѣтнику *Вестману*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ того же департамента, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи".

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (6-го марта 1908 года). *О присвоеніи Озекъ-Суатскому одноклассному начальному училищу, Ставропольской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 6 день марта 1908 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Озекъ-Суатскому одноклассному начальному училищу, Ставропольской губерніи, Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 10-го октября 1908 г., № 160, ст. 1314).

2. (25-го апрѣля 1908 года). *О присвоеніи Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича двумъ стипендіямъ, учрежденнымъ при Курскомъ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25 день апрѣля 1908 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича двумъ стипендіямъ, учрежденнымъ при Курскомъ дворянскомъ пансіонѣ-пріютѣ въ ознаменованіе высокорадостнаго событія рожденія Его Высочества.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 19-го сентября 1908 г., № 149, ст. 1248).

3. (16-го сентября 1908 года). *Объ установленіи процентныхъ нормъ для пріема въ учебныя заведенія лицъ іудейскаго исповѣданія.*

Совѣтъ министровъ полагалъ:

I. Въ отношеніи пріема евреевъ въ высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ консерваторій Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, постановить, что въ тѣхъ изъ упомянутыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, по которымъ не имѣется точныхъ по сему предмету указаній въ подлежащихъ уставахъ и положеніяхъ, соблюдаются слѣдующія процентныя, по отношенію къ общему числу учащихся, нормы: 3% для столичныхъ учебныхъ заведеній, 5% для находящихся въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи внѣ черты еврейской осѣдлости и 10% — въ районѣ сей осѣдлости.

II. Образовать, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, совѣщаніе изъ представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ для опредѣленія условій пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія, съ тѣмъ, чтобы предположенія сего совѣщанія были затѣмъ представлены на разсмотрѣніе совѣта министровъ.

Государь Императоръ, 16-го сентября 1908 года, положеніе сіе Высочайше утвердить соизволилъ.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 7-го окт. 1908 г., № 158, ст. 1297).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(6-го сентября 1908 года, № 62). *Назначаются*: инспекторъ народныхъ училищъ Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, статскій

совѣтникъ *Волковичъ*—директоромъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Тираспольскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Святскій*—директоромъ Болградской гимназіи Императора Александра III; инспекторъ народныхъ училищъ Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, статскій совѣтникъ *Ордынскій*, преподаватели: Оренбургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кузменко-Кузмицкій* и Хабаровскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Скибицкій*—директорами реальныхъ училищъ: Ордынскій—Липецкаго, Кузменко-Кузмицкій—Челябинскаго, а Скибицкій—Николаевскаго на Амурѣ; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской одиннадцатой гимназіи, статскій совѣтникъ *Рудневъ* и преподаватель Тамбовской гимназіи, статскій совѣтникъ *Лащенковъ*—директорами учительскихъ семинарій: Рудневъ—Гатчинской, съ 1-го августа, а Лащенковъ—Архангельской, съ 1-го сентября; ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, статскій совѣтникъ *Буличъ*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія и санскритскаго языка, съ оставленіемъ его ординарнымъ профессоромъ названнаго института; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ технологіи, титулярный совѣтникъ *Настюковъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ технологіи и технической химіи; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора С.-Петербургской Введенской гимназіи, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ русской словесности, коллежскій совѣтникъ *Замотинъ* и приватъ-доцентъ и хранитель зоологическаго музея Императорскаго Московскаго университета, докторъ зоологіи, коллежскій ассессоръ *Щелкановцевъ*—экстраординарными профессорами Императорскаго Варшавскаго университета, по каѳедрамъ: Замотинъ—русскаго и церковно-славянскаго языковъ и исторіи русской литературы, съ 1-го августа, а Щелкановцевъ—зоологіи; приватъ-доцентъ Императорскаго Юрьевскаго университета, магистръ богословія *Ганъ*—экстраординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ практическаго богословія.

Утверждается титулярный совѣтникъ *Тютчевъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Сергіево-Посадской гимназіи, согласно избранію, на три года, съ 6-го апрѣля.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія директоръ и ординарный профессоръ Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II, докторъ химіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тимофеевъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета, по каѳедрѣ химіи, съ 1-го сентября.

Перемѣщаются: директоръ Городнянской гимназіи, статскій совѣтникъ *Кауженъ*—директоромъ Глуховской гимназіи; директоръ Челябинскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Агровъ*—директоромъ Кунгурскаго реальнаго училища.

Увольняются отъ службы, за выслугою срока, директоръ Виндавскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Экерле*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошеніямъ: директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ*, съ 5-го августа, за выслугою срока; директоръ Люблинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь *Аргутинскій-Долгоруковъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ народныхъ училищъ Вятской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Анастасіевъ*.

(15-го сентября 1908 года, № 63). *Назначаются*: инспекторъ народныхъ училищъ Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи, статскій совѣтникъ *Марченко* и сверхштатный преподаватель Саратовской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Смольяниковъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый—Бирскаго, а второй—Петровскаго, Саратовской губерніи; директоръ Самаркандской женской гимназіи, статскій совѣтникъ *Дейнеко*, инспекторъ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области, статскій совѣтникъ *Николаевъ* и преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Семипалатинской гимназіи, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ *Сулима-Грудзинскій*—директорами гимназій: первый—Вѣрненской мужской, второй—Самаркандской женской и послѣдній—Семипалатинской мужской; коллежскій ассессоръ *Шестаковъ* и губернскій секретарь *Мутафоло*—почетными попечителями гимназій: Шестаковъ—вновь Кіевской второй, съ 9-го мая, а Мутафоло—Одесской второй, оба на три года; дѣлопроизводитель VI класса второго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, магистръ международнаго права, коллежскій совѣтникъ *Байковъ*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго лицея, по

каѳедрѣ энциклопедіи права; инженеръ-технологи, надворные совѣтники: преподаватель Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III *Бураковъ* и лаборантъ того же института *Фокинъ*—адъюнктъ-профессорами названнаго института, оба—съ 1-го сентября, изъ нихъ: первый—по прикладной механикѣ и теоріи построенія машинъ, а второй—по химической технологіи.

Утверждается, согласно избранію, коллежскій ассессоръ *Коробковъ*—почетнымъ попечителемъ Саратовскаго Александро-Маріинскаго реальнаго училища, на три года.

Перемѣщаются: директоры гимназій: Вяземской Императора Александра III, Смоленскаго земства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Воскресенскій* и Иркутской, статскій совѣтникъ *Бакай*—директорами гимназій: первый—Рыбинской, а второй—Томской.

Увольняется, согласно прошенію, почетный попечитель Тюменскаго Александровскаго реальнаго училища, купецъ 1-й гильдіи *Текутьевъ*—отъ означенной должности.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, директоръ реальнаго училища св. Филиппа Нерійскаго при римско-католической церкви св. Людовика, въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Фельи* — съ 1-го сентября.

Умершіе исключаются изъ списковъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ *Петріевъ*, съ 26-го іюля; директоръ Орѣховскаго реальнаго училища статскій совѣтникъ *Школьниковъ*, съ 9-го августа.

По Оренбургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ Нижне-Тагильскаго горно-заводскаго училища *Кларкъ*—съ 22-го августа 1907 г.; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Уральскаго реальнаго училища, *Борисовъ*—съ 16-го сентября 1907 г.; преподаватель Екатеринбургской гимназіи *Масленниковъ*—съ 1-го марта 1907 г.; преподаватель Екатеринбургскаго реальнаго училища *Шульцъ*—съ 5-го октября 1907 г.; преподаватель Оренбургской 1-й женской гимназіи *Розановъ*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* директоръ Красноуфимскаго промышленнаго училища *Новиковъ*—съ 9-го октября 1907 г.; преподаватель Челябинской женской гимназіи *Петровъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: преподаватель Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища *Жуковъ*—съ 1-го ноября 1906 г.; врачъ Алапаевскаго городского 3-хъ

класснаго училища *Петровъ*—съ 27-го октября 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: завѣдывающій Чердынской низшей ремесленной школой Сергѣй *Завьяловъ*—съ 1-го января 1905 г.; завѣдывающій Михайловской низшей ремесленной школой Владиміръ *Завьяловъ*—съ 30-го марта 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: преподаватель Ирбитской женской гимназіи *Тычининъ*—съ 3-го ноября 1904 г.; учитель Уфимскаго II городского училища *Бѣлобородовъ*—съ 1-го января 1906 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Оренбургской гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Квасниковъ*—съ 1-го іюня 1888 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: преподаватель Уральской войсковой женской гимназіи *Гаммъ*—съ 1-го августа 1905 г.; учитель графическихъ искусствъ Пермскаго Екатерино-Петровскаго 4-хъ класснаго городского училища *Семченковъ*—съ 1-го сентября 1904 г.; учитель, завѣдывающій Оренбургскимъ VIII мужскимъ приходскимъ училищемъ *Саппинъ*—съ 1-го августа 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* письмоводитель Уральскаго реальнаго училища *Хомяковъ*—съ 5-го октября 1906 г.; письмоводитель Уфимской мужской гимназіи *Кострицинъ*—съ 5-го октября 1906 г.; исправляющій должность эконома при пансіонѣ Оренбургской мужской гимназіи *Пьянковъ*—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: воспитатель пансіона Пермской гимназіи *Чебыкинъ*—съ 1-го августа 1903 г.; преподаватель Красноуфимскаго промышленнаго училища *Левочкинъ*—съ 15-го ноября 1903 г.; преподаватель Оренбургскаго реальнаго училища *Шемяновъ*—съ 1-го августа 1903 г.; преподаватель Пермскаго Алексѣевскаго реальнаго училища *Вроблевскій*—съ 1-го августа 1901 г., преподаватель Екатеринбургской женской гимназіи *Гавриловъ*—съ 20-го апрѣля 1901 г.; *титулярнаго совѣтника*, преподаватель Златоустовскаго ремесленнаго училища *Демидовъ*—съ 16-го сентября 1902 г.; *коллежскаго секретаря*: учитель Троицкаго городского 3-хъ класснаго училища *Карасевъ* — съ 1-го августа 1903 г.; сверхштатный учитель Пермскаго II-го городского училища *Гилевъ*—съ 1-го августа 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Оренбургской гимназіи *Потеряхинъ* — съ 23-го сентября 1903 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Оренбургскаго реальнаго училища *Берзинъ*—съ 15-го августа 1903 г.

По Варшавскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*:

помощникъ инспектора училищъ гор. Варшавы *Старосивильскій*—съ 1-го марта 1906 г. и сверхштатный учитель Радомской женской гимназіи *Фокинъ-Федосьевъ*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: прозекторъ при каѳедрѣ судебной медицины Императорскаго Варшавскаго университета *Варшавскій* — съ 18-го декабря 1907 г.; учителя: мужскихъ гимназій: Холмской, *Барсовъ*—съ 1-го августа 1906 г. и Варшавской 4-й, *Леонидовъ*—съ 1-го сентября 1907 г., Сосновицкаго реальнаго училища, *Пакалнынь*—съ 1-го августа 1907 г., Варшавскаго реальнаго училища (сверхштатный), *Головинъ*—съ 1-го августа 1907 г., Грубешовской мужской прогимназіи, *Александровъ*—съ 21-го января 1908 г. и учитель Андреевской учительской семинаріи *Клементьевъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: лекторъ Императорскаго Варшавскаго университета *Эрдманъ*—съ 1-го августа 1906 г. и учитель Лодзинской частной мужской гимназіи имени М. Витановскаго *Педаль*—съ 5-го сентября 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* ассистентъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Курдіани*—съ 1-го января 1908 г., врачъ Сосновицкаго реальнаго училища *Зеленевскій*—съ 21-го февраля 1906 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Ломжинской мужской гимназіи *Дулевичъ*—съ 1-го января 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: ассистентъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства *Нестрѣляевъ*—съ 1-го февраля 1908 г., дѣлопроизводитель того же института *Александровъ*—съ 20-го февраля 1908 г. и помощникъ классныхъ наставниковъ Варшавской 3-й мужской гимназіи *Ющукъ*—съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, помощникъ дѣлопроизводителя канцеляріи попечителя округа *Озеровъ*—съ 1-го мая 1908 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: письмоводители мужскихъ гимназій: Варшавской 4-й, *Васильевъ*—съ 1-го марта 1907 г. и Лодзинской частной, имени М. Витановскаго, *Алексюкъ*—съ 1-го октября 1907 г.; канцелярскіе служители канцелярій: Императорскаго Варшавскаго университета, *Снѣгоцкій*—съ 28-го января 1908 г. и попечителя округа *Лопачукъ*—съ 28-го января 1908 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, сверхштатный учитель Ченстоховской мужской гимназіи *Смирновъ*—съ 1-го апрѣля 1904 г.; *титулярнаго совѣтника*, руководитель столярно-мебельныхъ работъ Радомскаго ремесленнаго училища *Кузьминъ*—съ 15-го января 1904 г.; *коллежскаго секретаря*: помощ-

никъ классныхъ наставниковъ Прагской мужской гимназіи *Кубарко*—съ 1-го января 1904 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ, нынѣ учитель приготовительнаго класса Бѣльской мужской гимназіи *Матачъ*—съ 1-го сентября 1903 г.

По управленію учебными заведеніями Приамурскаго края. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: директоръ Восточнаго института *Рудаковъ*—съ 8-го декабря 1907 г., профессоръ китайской словесности Восточнаго института *Шмидтъ*—съ 28-го октября 1906 г., исправляющій должность профессора корейской словесности Восточнаго института *Подставинъ*—съ 15-го августа 1904 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватель Хабаровскаго реальнаго училища *Ращенко*—съ 26-го іюля 1907 г., преподаватель Восточнаго института *Дмитріевъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Николаевскаго городского 3-хъ класснаго училища *Федоровъ*—съ 6-го апрѣля 1906 г., учитель Благовѣщенской мужской гимназіи *Знаменскій*—съ 6-го іюля 1905 г.; преподаватель Восточнаго института *Кохановскій*—съ 12-го февраля 1907 г., преподаватель Хабаровскаго реальнаго училища *Гордіенко*—съ 18-го іюля 1904 г., учитель-инспекторъ Никольскъ-Уссурійскаго городского 6-ти класснаго училища *Родинъ*—съ 1-го сентября 1906 г., преподаватель Владивостокской женской гимназіи *Павинскій*—съ 23-го іюня 1905 г.; преподаватель Владивостокской женской гимназіи *Николинъ*—съ 28-го іюля 1904 г.; руководитель практическихъ работъ и преподаватель спеціальныхъ предметовъ Благовѣщенскаго ремесленнаго училища *Поляченъ*—съ 18-го сентября 1906 г.; преподаватель Благовѣщенскаго реальнаго училища *Шешуновъ*—съ 18-го сентября 1906 г.; учитель Хабаровскаго Николаевскаго городского 6-ти класснаго училища *Лукашевъ*—съ 9-го сентября 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, руководитель слесарныхъ работъ и преподаватель спеціальныхъ предметовъ Никольскъ-Уссурійскаго ремесленнаго училища *Алексѣевъ*—съ 8-го августа 1905 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: исправляющій должность профессора Восточнаго института по монгольскому языку *Цэбековичъ-Цыбиковъ*—съ 1-го іюня 1902 г.; учитель Хабаровскаго Николаевскаго городского 6-ти класснаго училища *Могильникъ*—съ 15-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, помощникъ учителя Владивостокскаго городского училища *Горбуновъ*—съ 8-го октября 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: преподаватель рисованія Благовѣщенской Алексѣевской женской гимназіи *Чуприненко*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель Благовѣщенской мужской гимназіи *Камбекъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; *титулярнаго совѣтника*, врачъ Благовѣщенской женской гимназіи *Образцовъ*—съ 1-го сентября 1902 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Благовѣщенской мужской гимназіи *Зубакинъ*—съ 10-го января 1903 г.; учитель Благовѣщенскаго городского 3-хъ класснаго училища *Антоненковъ*—съ 28-го августа 1902 г.; учитель Никольскъ-Уссурійскаго шестикласснаго городского училища *Мялькъ*—съ 1-го сентября 1901 г.; *коллежскаго регистратора*: экономъ Восточнаго института *Зайцевъ*—съ 5-го октября 1906 г.; письмоводитель Владивостокской мужской гимназіи *Чистяковъ*—съ 5-го февраля 1907 г.

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассесоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель-инспекторъ Кокандскаго городского 3-хъ класснаго училища *Ващенко* — съ 1-го сентября 1907 г., помощникъ классныхъ наставниковъ Ташкентской мужской гимназіи *Кутитонскій*—съ 3-го октября 1907 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель рисованія и чистописанія Самаркандской женской гимназіи *Цвѣтковъ*—съ 1-го сентября 1903 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя, завѣдывающіе русско-туземными училищами и школами: Кокандской, *Андреевъ* и Яны-Курганскимъ *Третьяковъ*, оба — съ 1-го августа 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: учитель Зааминскаго русско-туземнаго училища *Голотрюкъ*—съ 1-го ноября 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: преподаватели мужскихъ гимназій: Ташкентской, *Абрамовъ*—съ 15-го ноября 1903 г., Скобелевской: *Сійлитъ*—съ 5-го іюня 1903 г. и *Джапаридзе*—съ 1-го августа 1903 г.; *коллежскаго секретаря*: смотритель-учитель Красноводскаго мужского 2-хъ класснаго начальнаго училища *Калюжный*—съ 1-го сентября 1902 г.; *губернскаго секретаря*, помощникъ смотрителя учителя Теджевскаго русско-туземнаго 2-хъ класснаго училища *Стельмахъ*—съ 18-го сентября 1902 г.

(20-го сентября 1908 года, № 64). *Назначаются*: адъюнктъ-профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, магистръ ботаники, надворный совѣтникъ *Цингеръ*—профессоромъ того же института, по ботаникѣ, съ 1-го августа; директоръ

Камышинскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Соколовъ*, преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Воронежской второй гимназіи, статскій совѣтникъ *Шостенко*, преподаватели женскихъ гимназій: Рыбинской Маріинской, статскій совѣтникъ *Сарычевъ* и Ирбитской, статскій совѣтникъ *Бѣлавинъ* и сверхштатный преподаватель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи, надворный совѣтникъ *Геппенеръ* — директорами мужскихъ гимназій: Соколовъ—Самарской второй, Шостенко—Новохоперской, Сарычевъ—Галичской, Бѣлавинъ—Ирбитской и Геппенеръ—Смѣлянской; инспекторы гимназій: Тульской, статскій совѣтникъ *Морозовъ* и Курской, статскій совѣтникъ *Новосильцовъ*, заслуженный преподаватель состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Кунгурскаго техническаго, А. С. Губкина, училища, надворный совѣтникъ *Ошанинъ* и причисленный къ министерству, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Хлодовскій* — директорами училищъ: Морозовъ — Муромскаго реальнаго, Новосильцовъ—Суджанскаго реальнаго, Ошанинъ—названнаго техническаго и Хлодовскій — Торопецкаго реальнаго, изъ нихъ Ошанинъ съ 1-го іюля; директоръ Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта въ гор. Москвѣ, магистръ международнаго права, титулярный совѣтникъ *Богаевскій*—исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета, по каѳедрѣ государственнаго права; штатный преподаватель Московскаго частнаго реальнаго училища Ляшука, статскій совѣтникъ *Бѣляевъ* — старшимъ наблюдателемъ университетскихъ курсовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, съ 1-го августа.

Утверждаются, согласно избранію: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, докторъ физики, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Боргманъ* и ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго, докторъ русской словесности, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Карскій* и. св. Владиміра, докторъ политической экономіи и статистики статскій совѣтникъ *Цытовичъ*—вновь ректорами Императорскихъ университетовъ: первый—С.-Петербургскаго, второй—Варшавскаго и послѣдній—св. Владиміра, всѣ на три года, изъ нихъ: Боргманъ съ 7-го сентября, а Карскій и Цытовичъ съ 6-го сентября; профессоры: С.-Петербургскаго технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-технологъ, статскій совѣтникъ *Вороновъ* и Императорскаго Московскаго техническаго училища, инженеръ-механикъ, статскій совѣт-

никъ *Гавриленко*—вновь директорами: Вороновъ — названнаго технологическаго института, съ 6-го сентября 1908 г. по 1-е августа 1910 г., а Гавриленко — означеннаго техническаго училища, на три года, съ 7-го сентября 1908 г.; магистръ русской исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Шмурло*—вновь ученымъ корреспондентомъ въ Римѣ при отдѣленіи историческихъ наукъ и филологіи Императорской академіи наукъ, на пять лѣтъ, съ 21-го августа; статскій совѣтникъ *Шварцъ* — почетнымъ попечителемъ Преславской учительской семинаріи, на три года.

Умершіе исключаются изъ списковъ заслуженные ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Коркинъ*, съ 19-го августа, и Новороссійскаго, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Перетятковичъ*, съ 7-го августа.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: почетный членъ попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища *Губонинъ*—съ 17-го января 1908 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи *Кулюкинъ*—съ 13-го апрѣля 1907 г.; воспитатель пансіона при Московской 4-й гимназіи *Мощанскій*—съ 10-го ноября 1907 г.; учитель Елецкой гимназіи *Климко*—съ 10-го ноября 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели: Московской 4-й гимназіи, *Андреевъ*—съ 10-го декабря 1907 г. и школы колористовъ, состоящей при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ, *Федоровъ*—съ 17-го сентября 1907 г.; воспитатель при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ *Соловьевъ*—съ 6-го октября 1907 г.; учителя: Елецкой гимназіи, *Павловскій*—съ 9-го октября 1907 г., Орловской Николаевской женской гимназіи, *Алексѣевъ* — съ 7-го сентября 1907 г., Елецкой женской гимназіи, *Евграфовъ* — съ 24-го октября 1907 г., и руководитель работъ Тульскаго ремесленнаго училища *Державинъ*—съ 1-го января 1908 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: лаборантъ электро-технической лабораторіи Императорскаго Московскаго техническаго училища *Пешель* — съ 3-го января 1908 г.; учитель-инспекторъ Любимскаго городского училища, Ярославской губерніи, *Володцевичъ*—съ 15-го октября 1904 г.; врачъ мануфактурно-ремесленнаго училища товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры въ Москвѣ *Клименковъ*—съ 9-го февраля 1907 г.; преподаватель Коммисаровскаго техническаго училища *Кротковъ* — съ 17-го февраля

1908 г.; учителя реальныхъ училищъ: Нижегородскаго Владимірскаго, *Крюковъ*—съ 4-го марта 1906 г. и Тульскаго, *Доброницкій*—съ 7-го мая 1905 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: исправляющій должность учителя Бѣлевскаго, имени поэта В. А. Жуковскаго реальнаго училища *Киселевъ*—съ 28-го іюля 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Тульскаго I: *Петровъ*—съ 21-го августа 1907 г., *Ковалевъ*—съ 1-го августа 1907 г. и *Пучковъ*—съ 1-го октября 1906 г. и Алексинскаго, Тульской губерніи, *Андреевъ*—съ 1-го августа 1907 г.; сверхштатный учитель 2-го Смоленскаго городского училища *Карховъ*—съ 12-го марта 1899 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Нижегородскаго Владимірскаго реальнаго училища *Виноградовъ*—съ 1-го февраля 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Аваевъ*—съ 1-го февраля 1907 г.; учитель-инспекторъ Ярославскаго 2-го городского училища *Астановичъ*—съ 16-го августа 1903 г. и помощникъ бухгалтера (онъ же казначей) Императорскаго Московскаго техническаго училища *Кречетовъ*—съ 1-го января 1908 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища *Матвѣевъ*—со 2-го января 1908 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Ульянинскій*—съ 28-го марта 1908 г.; учитель частной женской гимназіи О. А. Виноградской въ гор. Москвѣ *Калининъ*—съ 1-го августа 1898 г.; помощники учителя Бѣльскаго городского училища, Смоленской губерніи: *Ивановъ*—съ 5-го октября 1900 г. и *Скачковъ*—съ 1-го ноября 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, бывшій помощникъ учителя городского училища, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ Смоленской мужской гимназіи *Ечеистовъ*—съ 1-го января 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Коммисаровскаго техническаго училища *Симонъ*—съ 1-го іюля 1905 г.; преподаватель начальной школы при Московскомъ Петропавловскомъ мужскомъ училищѣ *Пановъ*—съ 6-го ноября 1904 г.; учитель-завѣдывающій Мологскимъ приходскимъ, при воспитательно-исправительномъ пріютѣ для несовершеннолѣтнихъ училищемъ, Ярославской губерніи, *Казариновъ*—съ 19-го сентября 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *надворнаго совѣтника*, преподаватель Императорскаго Московскаго техническаго училища *Доброгурскій*—съ 1-го сентября 1907 г.; *коллежскаго ассессора* лаборантъ Императорскаго Московскаго техническаго училища *Шее-*

цовъ — съ 1-го сентября 1907 г.; учителя: Тульскаго реальнаго училища, *Марченко*—съ 5-го октября 1902 г. и Ржевской гимназіи, *Ильинскій*—со 2-го іюня 1903 г.; преподаватели: Московской женской гимназіи М. В. Приклонской, *Юрьевъ*—съ 15-го ноября 1902 г. и Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, *Софроновъ*—съ 5-го сентября 1903 г.; сверхштатный преподаватель Московской 3-й гимназіи *Зографъ* — съ 29-го января 1904 г.; *титулярнаго совѣтника*, врачъ женской гимназіи М. В. Приклонской, въ Москвѣ *Каптеревъ*—съ 22-го мая 1903 г., по степени лекаря; *коллежскаго секретаря:* учитель городского училища при Московскомъ учительскомъ институтѣ *Митрофановъ*—съ 17-го сентября 1903 г.; бывшій учитель городского училища, нынѣ учитель Жиздринской Маріинской прогимназіи и руководитель педагогическихъ курсовъ при той же прогимназіи *Мальхановъ* — съ 1-го августа 1903 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Тульской гимназіи, *Разумовскій* — съ 1-го сентября 1903 г. и Касимовскаго средняго семиклассного технического училища, *Калашниковъ*— съ 1-го октября 1903 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, инспекторъ народныхъ училищъ, 3-го района, Томской губерніи, *Преображенскій* — съ 1-го августа 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватели Томскаго технологическаго института Императора Николая II: *Гомеля*—съ 1-го іюля 1906 г., *Пинегинъ*—съ 1-го сентября 1906 г., *Введенскій*—съ 1-го сентября 1907 г. и *Крыловъ*—съ 1-го октября 1907 г.; наставники учительскихъ семинарій: Семипалатинской, *Харченко*—съ 1-го ноября 1906 г. и Омской *Никитинъ* — съ 1-го іюля 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: библіотекарь Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Курдюмовъ*—съ 19-го іюня 1906 г.; старшіе лаборанты того же института: *Лебедевъ*—съ 1-го августа 1906 г., *Филатовъ*—съ 1-го сентября 1906 г., *Калишевъ*—съ 1-го іюня 1907 г. и *Мостовичъ* — съ. 1-го августа 1907 г.; учителя Петропавловскаго реальнаго училища: *Шенецъ*—съ 1-го августа 1907 г. и *Вирунъ*—съ 1-го сентября 1907 г.; врачъ Тюменской женской гимназіи *Ноторинъ*— съ 10-го ноября 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Барнаульскаго реальнаго училища Императора Николая II *Баевъ*—съ 1-го декабря 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ, нынѣ письмоводитель Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техниче-

скаго училища *Плотниковъ*—съ 9-го апрѣля 1905 г. и младшій лаборантъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Гутовскій*—съ 1-го августа 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: второй учитель Каркаралинскаго трехклассного городского училища *Чебыкинъ*—съ 1-го августа 1905 г. и учитель Бійскаго Пушкинскаго трехклассного городского училища *Ивановъ* — съ 1-го сентября 1902 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: учитель Томскаго четырехкласснаго городского училища *Ткаченко*—съ 4-го іюля 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: надзиратель Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища *Сухановъ*—съ 16-го августа 1907 г.; письмоводитель Тобольской гимназіи *Клейнеръ* — съ 31-го октября 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, исправляющій должность помощника дѣлопроизводителя Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Николаевъ*—съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*, учитель Петропавловскаго реальнаго училища *Швецовъ*—съ 20-го ноября 1903 г.; учитель-инспекторъ Семипалатинскаго пятикласснаго городского училища *Мирошниченко*—съ 1-го декабря 1903 г.; инспекторъ Омскаго Императора Александра III низшаго механико-техническаго училища *Погоржельскій* — съ 13-го декабря 1903 г.; учителя гимназій: Омской: *Вознесенскій*—съ 20-го іюня 1902 г., *Вялыхъ*—съ 5-го іюня 1903 г., *Платоновъ*—съ 1-го ноября 1903 г. и Тобольской, *Дингильштедтъ* — съ 1-го августа 1903 г.; старшіе лаборанты Томскаго технологическаго института Императора Николая II: *Бѣлыгиевъ*—съ 1-го января 1906 г., (бывшій) коллежскій секретарь *Доссъ*—съ 1-го мая 1906 г. и *Гудковъ*—съ 15-го мая 1907 г.; *титулярнаго совѣтника*: бывшій первый учитель Семипалатинскаго пятикласснаго городского училища, нынѣ исправляющій должность учителя-инспектора Каркаралинскаго трехкласснаго городского училища *Степановъ*—съ 1-го августа 1903 г.; младшій лаборантъ Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Гринаковскій*—съ 1-го сентября 1906 г.; бывшій руководитель столярно-литейной мастерской Томскаго четырехкласснаго ремесленнаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Завалинъ* — съ 1-го сентября 1903 г.; *губернскаго секретаря*, исправляющій должность дѣлопроизводителя Томскаго технологическаго института Императора Николая II *Соколовъ*—съ 8-го мая 1907 г., по диплому второй степени Императорскаго университета.

По управленію учебными заведеніями въ Восточной Сибири. *Про-*

изводятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, учителя: Иркутской гимназіи *Корейша*—съ 12-го сентября 1907 г. и Якутскаго реальнаго училища, *Атласовъ*—съ 31-го декабря 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Енисейской гимназіи, *Френкель*—съ 1-го сентября 1906 г.; учитель Иркутской гимназіи *Бѣлкинъ*—съ 5-го января 1906 г.; преподаватель Иркутскаго промышленнаго училища *Вильманъ*—съ 10-го октября 1907 г.; бывшій учитель Иркутской гимназіи *Рутченко-Короткоручко*—съ 11-го января 1903 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя Иркутской гимназіи: *Спасскій* и *Островскій*, оба—съ 21-го іюля 1903 г.; преподаватель Красноярской гимназіи *Смирновъ*—съ 1-го марта 1907 г.; преподаватель Красноярской учительской семинаріи *Сергѣевъ*—съ 27-го января 1907 г.; учитель Якутской женской гимназіи *Охлопковъ*—съ 16-го августа 1905 г.; врачъ Енисейской гимназіи *Васильевъ*—съ 1-го апрѣля 1905 г.; учитель Читинскаго ремесленнаго училища Императора Николая II *Николаевъ*—съ 22-го октября 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: помощники классныхъ наставниковъ: Иркутской гимназіи, *Андреевъ*—съ 1-го ноября 1904 г. и Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища, *Осиповъ*—съ 1-го октября 1905 г.; учителя Иркутскихъ городскихъ училищъ: 5-тиклассваго: *Ганжара*—съ 21-го іюля 1903 г. и *Брайковскій*—съ 11-го сентября 1906 г. и 4-хъ-класснаго, *Никифоровъ*—съ 11-го сентября 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Троицкосавскаго Алексѣевскаго реальнаго училища *Каблуковскій* — съ 1-го іюля 1907 г.; учитель Верхнеудинскаго городского 4-хъ-класснаго училища *Озолъ* — съ 1-го августа 1905 г.; письмоводитель Красноярской гимназіи *Хромыхъ*—съ 15-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощникъ учителя Иркутскаго городского 5-ти-класснаго училища *Маньковъ*—съ 27-го августа 1905 г.; смотритель Троицкосавской сиро-питательной ремесленной школы и учитель существующаго при ней приходского училища *Капустинъ* — съ 1-го ноября 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Шилкинскаго желѣзнодорожнаго приходского училища *Марковъ*—съ 1-го іюля 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, преподаватель Красноярской гимназіи *Ивановъ*—съ 10-го августа 1900 г.; *коллежскаго секретаря*: помощникъ классныхъ наставниковъ Красноярской гимназіи *Смирновъ*—съ 1-го іюля 1902 г.; учитель Чи-

тинскаго городского 5-ти-класснаго училища *Компанъецъ* — съ 1-го іюля 1903 г.; *коллежскаго регистратора*, домашній учитель *Матовъ*— съ 1-го октября 1900 г.

(29-го сентября 1908 года, № 65). *Опредѣляются* на службу, изъ отставныхъ: докторъ физики, статскій совѣтникъ *Станкевичъ*—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ физики и физической географіи; статскій совѣтникъ *Болотовъ*—директоромъ Костромскаго дворянскаго пансіона-пріюта.

Назначаются: помощникъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ *Погодинъ*—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ; сверхштатный ординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій совѣтникъ *Третьяковъ* и экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ прикладной математики, статскій совѣтникъ *Воронецъ*—ординарными профессорами: первый—названнаго института, по зоотоміи, а второй—того же университета, по каѳедрѣ механики теоретической и практической; преподаватель Одесской второй женской гимназіи, статскій совѣтникъ *Бракенгеймеръ* — окружнымъ инспекторомъ Одесскаго учебнаго округа; директоръ Ревельской Александровской гимназіи, статскій совѣтникъ *Ивановъ* и инспекторъ Астраханской гимназіи, статскій совѣтникъ *Щиченковъ*—директорами реальныхъ училищъ: первый — Виндавскаго, а второй — Аткарскаго; преподаватель и старшій наблюдатель гимназическихъ классовъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая въ Москвѣ, статскій совѣтникъ *Страховъ* и преподаватель Екатеринбургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Масленниковъ* — директорами гимназій: первый — Вяземской Императора Александра III, Смоленскаго земства, а второй— Уфимской частной Верниковской и Ница; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины *Воронинъ* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ общей патологіи; наставникъ Туркестанской учительской семинаріи, кандидатъ богословія *Памфиловъ* — инспекторомъ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области.

Утверждаются, согласно избранію: ординарные профессоры С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, доктора медицины, статскіе совѣтники, *Салазкинъ* и *Кадьянъ* — въ тотъ же институтъ: первый—вновь директоромъ, а второй— вновь помощникомъ директора, оба—на два года, съ 27-го сентября; профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ, статскій совѣт-

никъ *Кундзинъ*—вновь директоромъ того же института, на три года, съ 3-го сентября; статскій совѣтникъ *Перренъ-Синельниковъ* — почетнымъ попечителемъ Острогожской гимназіи, на три года; потомственные почетные граждане: *Большаковъ* и *Касьяновъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Вышневолоцкаго, а второй — Хабаровскаго, оба—на три года, изъ нихъ Касьяновъ съ 1-го января; купецъ 1-й гильдіи *Шумилинъ* — товарищемъ почетнаго попечителя Саратовскаго средняго механико- и химико-техническаго училища, на три года, съ 8-го апрѣля.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: доктора медицины: ассистентъ клиническаго военнаго госпиталя, приватъ-доцентъ Императорской военно-медицинской академіи, коллежскій совѣтникъ *Яковлевъ* и ассистентъ названной академіи, надворный совѣтникъ *Игнатовскій* — экстраординарными профессорами Императорскаго Новороссійскаго университета, по каѳедрамъ: первый—систематическаго клиническаго ученія о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, а второй—частной патологіи и терапіи.

Перемѣщается директоръ Семипалатинской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Дирдовскій* — директоромъ Тобольской гимназіи, съ 20-го августа.

Увольняется, согласно прошенію, директоръ Тобольской гимназіи, почетный мировой судья округа Тобольскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ *Пановъ*—отъ первой изъ названныхъ должностей, съ 20-го августа.

(4-го октября 1908 года, № 66). *Назначаются*: директоръ народныхъ училищъ Иркутской губерніи, статскій совѣтникъ *Василенко*—главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора Черкасской гимназіи, статскій совѣтникъ *Сахаровъ*—директоромъ Городнянской гимназіи.

Утверждается, согласно избранію, профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Саноцкій*—директоромъ названнаго института, на три года, съ 4-го іюля.

Перемѣщаются дѣйствительные статскіе совѣтники, директоры реальныхъ училищъ: Смоленскаго, *Васильевъ* и Новоторжскаго, *Ушаковъ*—одинъ на мѣсто другого.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: исправляющій должность младшаго штатнаго ассистента хирургическаго отдѣленія Императорскаго клиническаго

института Великой Княгини Елены Павловны, *Миндлинъ*—съ 1-го января 1908 г.; сверхштатные ассистенты того же института: *Дмитріевъ*—съ 1-го января 1908 г.; *Быковскій*—съ 18-го апрѣля 1908 г.; дѣлопроизводители VII класса: департамента общихъ дѣлъ, *Зейдель*—съ 18-го іюня 1908 г. и отдѣла промышленныхъ училищъ, *Ященко*—съ 14-го мая 1908 г.; старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ, *Савиновъ*—съ 1-го января 1908 г.; членъ Императорской археографической коммиссіи *Шефферъ*—съ 10-го мая 1908 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: старшій хранитель Императорскаго россійскаго историческаго музея въ Москвѣ имени Императора Александра III *Орѣшниковъ*—съ 1-го января 1908 г.; библіотекарь зоологическаго музея *Бекманъ*—съ 30-го мая 1908 г.; вычислитель отдѣленія станцій 2-го разряда Николаевской главной физической обсерваторіи *Корвинъ-Коссаковскій*—съ 1-го января 1908 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры:* сверхштатный ассистентъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны *Майманъ*—съ 17-го декабря 1905 г.; помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія *Азимовъ*—съ 14-го мая 1908 г.; младшій помощникъ библіотекаря Императорской публичной библіотеки *Саккетти*—съ 14-го мая 1908 г.; столоначальникъ канцеляріи Николаевской главной физической обсерваторіи *Городенскій*—съ 1-го апрѣля 1908 г.; лаборантъ особой зоологической лабораторіи *Метальниковъ*—съ 19-го ноября 1907 г.; младшіе наблюдатели: Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи въ гор. Павловскѣ, *Кучинскій*—съ 1-го февраля 1908 г. и Константиновской магнитно-метеорологической станціи въ гор. Павловскѣ, *Безкровный*—съ 1-го апрѣля 1908 г.; дѣлопроизводители VIII класса: департаментовъ: общихъ дѣлъ, младшаго оклада, *Кротковъ*—со 2-го декабря 1907 г. и народнаго просвѣщенія, старшаго оклада, *Поповъ*—съ 29-го апрѣля 1908 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ библіотекаря Императорскаго россійскаго историческаго музея въ Москвѣ Имени Императора Александра III *Кононовъ*—съ 1-го января 1908 г.; наблюдатель Екатеринбургской магнитно-метеорологической обсерваторіи *Коровинъ*—съ 3-го марта 1908 г.; вычислитель отдѣленія станцій 2-го разряда Николаевской главной физической обсерваторіи *Желтухинъ*—съ 1-го апрѣля 1908 г.; дѣлопроизводитель VIII класса, младшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія *Трачъ*—съ 16-го мая 1908 г.; въ *коллежскіе регистраторы:* исправляющій долж-

ность сдатчика Императорской публичной библіотеки *Андерсонъ*—съ 4-го февраля 1908 г.; канцелярскій служитель управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ *Григорьевъ*—съ 15-го февраля 1908 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*, сверхштатный ассистентъ Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны *Эрбштейнъ*—съ 19-го марта 1904 г., по степени доктора медицины; *титулярнаго совѣтника*: сверхштатные ассистенты Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны: *Бичунскій*—съ 25-го іюля 1902 г., *Бруштейнъ* — съ 24-го февраля 1904 г., *Ловицкій* — съ 19-го марта 1904 г., всѣ трое по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*, помощникъ завѣдывающаго аптекой Императорскаго клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны *Кувшинскій*—съ 1-го сентября 1903 г., по степени провизора.

По С.-Петербургскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: директоръ Охтенскаго низшаго механико-техническаго училища *Бунинъ*—съ 1-го октября 1907 г.; инспекторъ С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Колесниковъ*—съ 22-го августа 1908 г.; преподаватели С.-Петербургской 10-й гимназіи: *Вейертъ*—съ 21-го ноября 1907 г. и *Мартэнъ*—съ 13-го мая 1907 г. и учитель С.-Петербургской 2-й гимназіи Императора Александра I *Лукашевичъ*—съ 1-го декабря 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: штатные клиническіе ассистенты С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, доктора медицины: *Какушкинъ*—съ 4-го октября 1906 г., *Корольковъ*—съ 11-го мая 1906 г., *Рокицкій*—съ 26-го февраля 1908 г., *Педенко*—съ 25-го іюля 1907 г., *Пуссеппъ* — съ 1-го іюня 1908 г.; преподаватели: реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго 1-го, *Бартельсъ*—съ 15-го декабря 1906 г. и Гатчинскаго, Императора Александра III, *Забекъ*—съ 25-го марта 1908 г., училища при евангелической лютеранской церкви св. Анны: *Бейеръ*—съ 1-го января 1908 г. и *Леценіусъ*—съ 18-го мая 1908 г., С.-Петербургской частной женской гимназіи Таганцевой, *Созоновъ*—съ 4-го декабря 1904 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: директоръ Архангельскаго низшаго механико-техническаго училища, инженеръ-электрикъ *Пономаревъ*—съ 7-го августа 1907 г.; преподаватели: С.-Петербургскихъ гимназій: 2-й, Императора Александра I, *Лучинскій*—съ 1-го сентября 1906 г., 5-й: *Евдокимовъ*—съ 16-го августа 1907 г. и *Федоровъ*—съ

1-го августа 1907 г., 7-й, *Рубцовъ*—съ 25-го августа 1907 г., 8-й: *Максименко*—съ 1-го сентября 1907 г. и *Трейеръ*—съ 24-го сентября 1906 г., 12-й: *Некрасовъ*—съ 1-го сентября 1907 г., *Мохначевъ* (сверхштатный)—съ 1-го августа 1907 г., воспитатель пансіона при гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества *Можайскій*—съ 1-го августа 1907 г.; преподаватели: С.-Петербургскаго частнаго реальнаго училища К. Мая, *Доннеръ*—съ 12-го октября 1902 г., Боровичскаго реальнаго училища, *Маакъ*—съ 1-го августа 1907 г., С.-Петербургской частной гимназіи К. Мая, *Гороховъ*—съ 1-го ноября 1907 г., частной женской гимназіи Песковской, *Ивановъ*—съ 28-го марта 1906 г.; наставники учительскихъ семинарій: Новгородской, *Николаевскій*—съ 8-го января 1906 г. и Псковской, *Дмитревскій*—съ 27-го сентября 1907 г.; учитель С.-Петербургскаго Казанскаго городского училища *Гобановъ*—съ 5-го ноября 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассесоры*: врачъ С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института, лекарь *Виламовскій*—съ 6-го марта 1904 г.; руководитель работъ и преподаватель Петрозаводскаго ремесленнаго училища *Мурашевъ*—съ 1-го августа 1905 г.; учитель Бологовскаго городского училища *Стрѣлковъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: экзекуторъ (онъ же смотритель) С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института *Кононовичъ*—съ 1-го іюня 1907 г.; преподаватель С.-Петербургскаго женскаго училища Принцессы Терезіи Ольденбургской *Гинкулъ*—съ 3-го ноября 1906 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ С.-Петербургской 12-й гимназіи *Языковъ*—съ 1-го сентября 1906 г.; учителя городскихъ училищъ: Архангельскаго: *Зиминъ*—съ 1-го іюля 1905 г., *Ефимовъ* и *Мирославскій*, оба—съ 1-го іюля 1906 г., Крестецкаго, *В. В. Ивановъ*—съ 1-го іюля 1906 г., Боровичскаго, *В. И. Ивановъ*—съ 1-го августа 1906 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: бывшій учитель приходскаго училища, нынѣ помощникъ классныхъ наставниковъ Олонецкой гимназіи *Борисовъ*—съ 1-го октября 1902 г.; письмоводитель Великолуцкаго реальнаго училища *Врученскій*—съ 7-го декабря 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, учитель Архангельскаго 3-го приходскаго училища *Филипповъ*—съ 1-го іюля 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*, преподаватель С.-Петербургской Ларинской гимназіи *Пилсманъ*—съ 1-го марта 1904 г.; *титулярнаго совѣтника*, учитель Череповецкой учительской семинаріи *Григорьевъ*—съ 15-го апрѣля 1903 г.;

коллежскаго секретаря, учитель Павловскаго городского 4-хъ-класснаго училища *Голубевъ*—съ 1-го іюля 1904 г., *коллежскаго регистратора*: домашніе учителя: *Вретманъ*—съ 8-го мая 1906 г. и *Гусарскій*—съ 28-го іюня 1907 г.

По Казанскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ; изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: исправляющій должность прозектора при каѳедрѣ зоотоміи Казанскаго ветеринарнаго института *Кириловъ*—съ 13-го декабря 1907 г.; учителя: Симбирской гимназіи, *Коробовъ*—съ 24-го августа 1907 г., реальныхъ училищъ: Орловскаго, *Штроманъ*—съ 24-го августа 1907 г., Саратовскаго 2-го, *Байковъ*—съ 15-го сентября 1906 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Саратовской губерніи *Грошевъ*—съ 5-го сентября 1906 г.; учителя: Саратовской 2-й гимназіи, *Лебедевъ*—съ 11-го августа 1907 г., реальныхъ училищъ: Вятскаго, *Беритекеръ*—съ 6-го ноября 1907 г., Казанскаго 1-го: *Горнъ*—съ 8-го августа 1907 г. и *Мельниковъ*—съ 6-го сентября 1907 г., Камышинскаго *Соколовъ*—съ 16-го августа 1904 г., *Ивановъ*—съ 5-го декабря 1904 г., Кузнецкаго, *Лоренцсонъ*—съ 29-го ноября 1907 г., Казанскаго промышленнаго, *Радцигъ*—съ 10-го сентября 1907 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: лаборантъ при каѳедрѣ физической географіи и магнитно-метеорологической обсерваторіи Императорскаго Казанскаго университета *Кортиковскій*—съ 24-го октября 1907 г.; Казанскаго ветеринарнаго института: помощникъ прозектора при каѳедрѣ зоотоміи, *Автократовъ*—съ 16-го декабря 1907 г., сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ заразныхъ болѣзней животныхъ, *Алексѣевъ*—съ 22-го сентября 1907 г.; учителя: Симбирской гимназіи, *Кована*—съ 16-го марта 1906 г., Казанскаго учительскаго института *Зосимовъ*—съ 1-го августа 1906 г., приготовительнаго класса Казанской учительской семинаріи, *Евсевьевъ*—съ 17-го декабря 1907 г.; хранитель музея при лабораторіи органической химіи Императорскаго Казанскаго университета *Зайцевъ*—съ 10-го ноября 1907 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Саратовской 2-й гимназіи *Емельяновъ*—съ 1-го августа 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: Императорскаго Казанскаго университета: лаборантъ при факультетской терапевтической клиникѣ *Левханьянцъ*—съ 7-го сентября 1905 г., лаборантъ дѣтской клиники, *Пичугинъ*—съ 18-го сентября 1905 г., сверхштатный лаборантъ при бактеріологическомъ институтѣ, *Бердниковъ*—съ 23-го ноября 1905 г., ординаторъ кожныхъ

и венерическихъ болѣзней, *Измайловъ* — съ 11-го декабря 1905 г.; учитель-инспекторъ Хвалынскаго городского четырехклассаго училища *Бѣлоусовъ*—съ 1-го сентября 1902 г.; завѣдывающій Камышинской низшей ремесленной школой *Кононенковъ*—съ 1-го іюля 1903 г.; врачъ Царицынскаго городского четырехклассаго училища *Славутскій* — съ 28-го декабря 1903 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель Саратовской 2-й гимназіи *Тиранъянцъ* — съ 4-го августа 1904 г.; учитель-инспекторъ Сердобскаго городского четырехклассаго училища *Лукьяновъ* — съ 20-го марта 1906 г.; сверхштатный хранитель геологическаго кабинета Императорскаго Казанскаго университета *Кротовъ*—съ 16-го ноября 1907 г.; помощники классныхъ наставниковъ: Казанской 2-й гимназіи, *Егоровъ* — съ 24-го августа 1904 г., Вольскаго реальнаго училища, *Дубровскій* — съ 1-го августа 1907 г.; учителя городскихъ училищъ: Вольскаго четырехклассаго, *Сысаловъ* — съ 30-го октября 1902 г., Царицынскаго трехклассаго (бывшій), *Говыринъ* — съ 14-го іюля 1904 г., Карсунскаго трехклассаго, *Емельяновъ* — съ 27-го августа 1904 г.; письмоводитель Императорской Казанской 1-й гимназіи *Каминсвъ* — съ 27-го ноября 1907 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Власовъ* — съ 5-го января 1905 г.; архиваріусъ Императорскаго Казанскаго университета *Бобровниковъ*—съ 19-го октября 1907 г., письмоводитель Казанскаго промышленнаго училища *Минѣевъ*—съ 6-го ноября 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: фельдшеръ факультетской хирургической клиники Императорскаго Казанскаго университета *Калязинъ* — съ 18-го октября 1907 г.; помощникъ экзекутора Императорскаго Казанскаго университета *Николаевъ*—съ 22-го марта 1902 г.

Утверждаются въ чинахъ со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: учителя: гимназій: Астраханской, *Тумиловичъ* — съ 13-го октября 1903 г., Императорской Казанской 1-й (сверхштатный), *Магницкій*—съ 5-го ноября 1903 г., Саратовской 2-й, *Элухенъ*—съ 11-го ноября 1903 г., реальныхъ училищъ: Аткарскаго, *Серебряковъ*—съ 31-го августа 1902 г., Вольскаго, *Луббау* — съ 13-го августа 1903 г., Самарскаго, *Ѳеоктистовъ*—съ 1-го августа 1903 г., Саратовскаго 2-го: *Заборовскій* — съ 21-го августа 1903 г., *Ураевскій* — съ 1-го августа 1903 г., *Бауеръ*—съ 27-го октября 1903 г.; наставникъ Ровнинской учительской семинаріи *Карьеръ* — съ 15-го іюля 1903 г.; учитель-инспекторъ Петровскаго городского четырехклассаго училища *Распоповъ*—съ 1-го октября 1902 г.; *титулярнаго совѣтника:* Император-

скаго Казанскаго университета: сверхштатный помощникъ прозектора при каѳедрѣ гистологіи, *Синицынъ*—съ 12-го ноября 1903 г., ординаторъ акушерско-гинекологической клиники, *Рузскій*—съ 12-го ноября 1903 г., сверхштатный ординаторъ глазной клиники, *Фелоновъ*—съ 29-го ноября 1903 г., врачъ Казанскаго городского четырехкласснаго училища, *Долговъ*—съ 24-го января 1904 г., всѣ четверо по степени лекаря; *коллежскаго секретаря:* сверхштатный лаборантъ при техническомъ кабинетѣ Императорскаго Казанскаго университета *Ищерековъ*—съ 1-го іюня 1907 г., по диплому первой степени Императорскаго университета; сверхштатный ассистентъ при клиникѣ заразныхъ болѣзней животныхъ Казанскаго ветеринарнаго института *Тушиновъ*—съ 25-го августа 1902 г., по степени ветеринара; учитель Вольской Маріинской женской гимназіи *Алексѣевъ*—съ 15-го августа 1903 г., наставникъ Казанской учительской семинаріи *Даулей*—съ 27-го сентября 1903 г., оба по степени кандидата богословія; помощникъ классныхъ наставниковъ Камышинскаго реальнаго училища *Калмыковъ*—съ 10-го октября 1903 г.; учителя городскихъ четырехклассныхъ училищъ: Казанскаго *Носковъ*—съ 30-го сентября 1900 г., Дубовскаго, *Лушниковъ*—съ 1-го августа 1902 г., Кузнецкаго (сверхштатный), *Дубровинъ*—съ 6-го сентября 1901 г., Петровскаго, *Балобановъ*, Царицынскаго: *Закржевскій* и *Барановъ* и бывшій городского училища, нынѣ учитель Ровнинской учительской семинаріи, *Рыбаковъ*, всѣ четверо—съ 1-го августа 1902 г.

IV. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (8-го сентября 1908 года, № 23034). *О недопущеніи лицъ священнаго сана въ число студентовъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній.*

Въ виду поступающихъ въ большомъ числѣ прошеній не только отъ священниковъ и діаконовъ, но и отъ лицъ монашествующихъ о дозволеніи имъ обучаться въ университетахъ и другихъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и принимая во вниманіе, что таковое стремленіе лицъ священнаго сана не соотвѣтствуетъ непосредственнымъ и истиннымъ задачамъ пастырскаго служенія, тѣсною и неразрывною связью объединяющаго пастыря съ его паствою, святѣйшій синодъ опредѣленіемъ отъ 3-го мая и 19-го іюня сего 1908 года призналъ необходимымъ не допускать лицъ священнаго сана въ число студен-

товъ университетовъ и другихъ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для свѣдѣнія и зависящихъ, въ чемъ будетъ слѣдовать, распоряженій.

2. (26-го сентября 1908 года, № 25160). *О пріемѣ евреевъ въ высшія учебныя заведенія.*

Въ отношеніи пріема евреевъ въ высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, за исключеніемъ консерваторій Императорскаго русскаго музыкальнаго общества, совѣтъ министровъ постановилъ, что въ тѣхъ изъ упомянутыхъ высшихъ учебныхъ заведеній, по которымъ не имѣется точныхъ по сему предмету указаній въ подлежащихъ уставахъ и положеніяхъ, соблюдаются слѣдующія процентныя, по отношенію къ общему числу учащихся, нормы: 3% для столичныхъ учебныхъ заведеній, 5% для находящихся въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи внѣ черты еврейской осѣдлости и 10% въ районѣ сей осѣдлости.

О таковомъ постановленіи совѣта министровъ, Высочайше утвержденномъ 16-го текущаго сентября, увѣдомляю ваше превосходительство, для соотвѣтствующихъ распоряженій.

3. (2-го октября 1908 года, № 25657). *Правила о видахъ на жительство и отпускныхъ билетахъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній.*

Препровождая при семъ одинъ экземпляръ правилъ о видахъ на жительство и отпускныхъ билетахъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, прошу ваше превосходительство, во исполненіе п. 2 означенныхъ правилъ, въ самомъ непродолжительномъ времени сообщить мнѣ, по соглашенію съ мѣстной административной властью, списокъ ближайшихъ къ городу, въ коемъ находится высшее учебное заведеніе, населенныхъ пунктовъ, въ которыхъ желательно разрѣшеніе студентамъ жительства.

Правила о видахъ на жительство и отпускныхъ билетахъ для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній.

1. Студентамъ высшихъ учебныхъ заведеній выдаются начальствомъ сихъ учебныхъ заведеній [1]) безплатныя свидѣтельства, замѣняю-

[1]) Точное указаніе того органа или лица въ высшемъ учебномъ заведеніи, на обязанности котораго лежитъ выдача свидѣтельствъ на жительство, должно быть упомянуто въ правилахъ, объявляемыхъ каждымъ учебнымъ заведеніемъ.

щія имъ виды на жительство (ст. 20, уст. пас., Св. Зак., т. XIV, изд. 1903 г.).

2. Означенныя въ п. I свидѣтельства выдаются студентамъ для проживанія исключительно въ томъ городѣ, гдѣ находится данное высшее учебное заведеніе, и въ ближайшихъ окрестностяхъ этого города, на срокъ не болѣе 6 мѣсяцевъ. Перечень ближайшихъ къ каждому городу населенныхъ пунктовъ, въ которыхъ студентамъ разрѣшается жительство, составляется начальниками высшихъ учебныхъ заведеній и утверждается подлежащими министрами и главноуправляющими отдѣльными частями по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Вмѣсто выдачи новыхъ свидѣтельствъ въ каждомъ полугодіи можетъ быть сдѣлана на первоначально выданномъ свидѣтельствѣ помѣтка о дѣйствительности его на слѣдующее полугодіе того же учебнаго года.

3. Если ко времени выдачи студентамъ свидѣтельствъ на жительство право даннаго студента на дальнѣйшее пребываніе въ учебномъ заведеніи окончательно не выяснено, то дѣйствіе прежняго можетъ быть продолжено на срокъ не свыше 1 мѣсяца.

4. При полученіи свидѣтельства на жительство студентъ, имѣвшій до поступленія въ учебное заведеніе особый видъ на жительство, обязанъ представить его начальству учебнаго заведенія. Документъ этотъ хранится въ учебномъ заведеніи съ прочими документами студента и выдается послѣднему обратно только при выбытіи изъ учебнаго заведенія.

5. Студентъ, желающій временно отлучиться изъ города, гдѣ обучается, получаетъ отъ своего учебнаго начальства отпускной билетъ съ точнымъ обозначеніемъ срока отпуска.

6. При полученіи отпускного билета студентъ оставляетъ въ учебномъ заведеніи свое свидѣтельство на жительство и входной билетъ на лекціи. По возвращеніи изъ отпуска и по предъявленіи отпускного билета оставленные документы возвращаются студенту.

7. Въ случаѣ потери или уничтоженія свидѣтельства на жительство студентъ обязанъ заявить о томъ начальству учебнаго заведенія. По представленіи отъ мѣстной полиціи копіи явочнаго прошенія и публикаціи объ утратѣ вида на жительство, помѣщенной въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, вмѣсто утраченнаго свидѣтельства выдается дубликатъ на тотъ же срокъ, на который было выдано утраченное свидѣтельство.

8. Такой же порядокъ соблюдается и въ случаѣ утраты отпускного билета, при чемъ, если отпускной билетъ былъ утерянъ въ канику-

лярное время, то вмѣсто дубликата отпускного билета студентъ можетъ получить отъ мѣстной полиціи временное свидѣтельство на жительство на срокъ, однако, не долѣе окончанія каникулъ.

V. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

На 1-ое сентября 1908 года по отдѣлу XXX специальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія „капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ“ состояло налицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	401.574	р.	11 к.
Процентными бумагами на нарицат. сумму	6.117.627	„	41 „

Изъ нихъ:

$4^1/_2$% закл. лист. Московскаго земельнаго банка	220.000	„	— „
„ „ „ Бессар.-Таврическаго „	224.700	„	— „
„ „ „ Донского земельнаго „	221.400	„	— „
„ „ „ Полтавскаго земельнаго „	223.900	„	— „
„ „ „ Кіевскаго земельнаго „	235.300	„	— „
„ „ „ Яросл.-Костромского „	220.400	„	— „
„ „ „ Виленскаго земельнаго „	225.500	„	— „
„ „ „ Нижег.-Самарскаго „	225.000	„	— „
„ „ „ С.-Петерб.-Тульск. поз. банка	166.500	„	— „
„ „ „ Харьковскаго земельнаго „	198.600	„	— „
$3^6/_{10}$% конверсіонныя облигаціи	182.000	„	— „
5% закл. лист. Тифлисскаго двор. банка	127.600	„	— „
4% свидѣт. Крестьянскаго поземельнаго банка	500	„	— „
5% свидѣт. Крестьянскаго поземельнаго банка	30.200	„	— „
6% именныя обязательства Крестьян. поз. банка	1.737.502	„	41 „
4% свидѣт. государственной ренты	543.500	„	— „
$4^1/_2$% закл. лист. земск. банка Херсонской губ.	229.600	„	— „
„ облигаціи Московск. гор. кред. общества	224.700	„	— „
„ „ С.-Петербургск. гор. кред. общ.	444.700	„	— „
5% внутренній заемъ 1905 года I выпуска	149.900	„	— „
„ „ „ „ II „	188.000	„	— „
„ Россійскій государственный заемъ 1906 года	98.062	„	50 „
4% конс. облиг. Россійскихъ жел. д. 1 и 2 серій	50.062	„	50 „
Итого	6.117.627	руб.	41 к.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Аннинскій, А.* Краткій учебникъ дидактики. Кишиневъ. 1908. Стр. 113. Цѣна 60 коп.“ (для VIII класса женскихъ гимназій, а равно для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Беллярминовъ, И.* Руководство къ русской исторіи съ дополненіемъ изъ всеобщей. Изд. 19-е. С.-Пб. 1907. Стр. 175+1 табл. Цѣна 60 коп.“ (для женскихъ гимназій и прогимназій, а также для городскихъ по Положенію 31-го мая 1872 г. училищъ).

— „*Вагнеръ, Ю. Н.* Начальный курсъ природовѣдѣнія. Изданіе Пироговскаго товарищества. Часть 1-я. Кіевъ. 1907. Стр. IV+188. Цѣна 60 коп. — Часть 2-я. Растенія. Кіевъ. 1908. Стр. 102. Цѣна 40 коп. — Часть 3-я. Человѣкъ и животныя. Кіевъ. 1908. Стр. VI+168. Цѣна 60 коп.“

— „*Wittram, E.* Leitfaden für den Unterricht in der deutschen Grammatik. I Teil: Wortlehre (Etymologie). Verlag von N. Kymmel. Riga. 1908. Стр. VIII+168. Цѣна не обозначена.“ (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ).

— „*Войновъ, А.* Основаніе анализа безконечно-малыхъ. Съ приложеніемъ дополнительныхъ статей алгебры. 3-е изд. Павловскъ н/Д. 1908. Стр. 2+126. Цѣна 85 коп.“

— „*Злотчанскій, П.* Прямолинейная тригонометрія. 9-е изд., Е. П. Распопова. Одесса. 1909. Стр. 125+II. Цѣна 75 коп.“

— „*Киселевъ, А.* Краткая алгебра. 10-е изд., В. В. Думнова. М. 1908. Стр. VIII+206. Цѣна 80 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Киселевъ, А.* Элементарная алгебра. Изд. 20-е, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. VIII+347. Цѣна 1 р. 10 коп.“

— „*Крюковскій, В. Я.,* и *Н. Н. Товстолѣсъ.* Учебникъ законовѣдѣнія. Изд. 5-е, испр. и доп. Вильна. 1908. Стр. 279+III. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Лебедевъ, Александръ*. Исторія христіанской церкви. 3-е изд., испр. и доп. С.-Пб. 1908. Стр. XII + 234. Цѣна 75 коп.“

— „*Маклашинъ, В*. Начальная физика. Изд. 2-е. Орелъ. 1908. Стр. 2 + 368. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Никифоровъ, В*. Латинская грамматика. По Штегману. Изд. 15-е, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. 280. Цѣна 1 р.“

— „*Никульцевъ, П*. Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть 1-я. Теоретическій отдѣлъ. Изд. 7-е, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. IV + 336. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Персональный, С. К*. Природовѣдѣніе. Живая природа (животныя). М. 1908. Стр. 134 + II. Цѣна 60 коп.“

— „*Помяловскій, М*. Учебникъ новой исторіи. Курсъ систематическій. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. 338 + VIII. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Пржевальскій, Е*. Элементарная алгебра. Изд. 4-е, испр. М. 1908. Стр. IV + 471. Цѣна 1 р. 50 коп.“

— „*Сосницкій, Аркадій*. Теорія словесности. Изд. 3-е, значит. испр., В. С. Спиридонова. М. 1908. Стр. 150. Цѣна 60 коп.“

— „*Темномѣровъ, Аполлоній*. Священная исторія новаго завѣта. С.-Пб. 1907. Стр. 155 + 1 карта. Цѣна 35 коп.“

— „*Усковъ, М. В*. Первые уроки естествовѣдѣнія. III часть. Строеніе тѣла человѣка и животный міръ. С-Пб. 1908. Стр. 192. Цѣна 70 коп.“

— „*Шалландъ, А*. Французская грамматика. Часть 2-я. Синтаксисъ. Изд. 8-е. С.-Пб. 1908. Стр. 98. Цѣна 45 коп.“

— „*Щербаковъ, С*. Курсъ космографіи. 7-е изд., просмотрѣнное и значительно улучшенное. Нижній-Новгородъ. 1908. Стр. IV + 224. Цѣна 1 р. 10 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бауеръ, Ю*. Руководство для обученія нѣмецкому языку по естественному методу. Книга 2-я. 2-е изд., маг. „Сотрудникъ школъ“. М. 1908. Стр. IV + 172. Цѣна 60 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Баумбахъ, Рудольфъ*. Избранные разсказы. Обработалъ *К. Р. Берентъ*. Изд. 4-е, дополн., С. А. Манштейна. (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1908. Стр. IV + 106 (текста) + 116 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 75 коп. въ перепл.“

— „*Беллярминовъ, И*. Курсъ русской исторіи (элементарный). Изд. 12-е. С.-Пб. 1907. Стр. IV + 146. Цѣна 50 коп." (для мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ качествѣ руководства для тѣхъ заведеній, гдѣ проходится элементарный курсъ русской исторіи).

— „*Вергилій Маронъ, П*. Энеида. Пѣснь II. Объяснилъ *Д. Нагуевскій*. Изданіе 7-е. С.-Пб. 1908. (Иллюстр. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергья Манштейна*). Часть I: Текстъ. Стр. 25 + 1 карта. — Часть II: Комментарій. Стр. 59. Цѣна за обѣ части 60 коп."

— „*Гауффъ*. Избранныя сказки. Обработалъ *Н. Г. Розенбергъ*. Изд. 8-е, С. А. Манштейна. (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1909. Стр. 126 (текста) +100 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ перепл."

— „*Conradi, Paul*. Lesebuch für den deutschen Unterricht. Verlag von E. Bruhns. Riga. 1908. II Teil: Quinta. Стр. 356. Цѣна 1 руб. 25 коп. — III Teil: Quarta. Стр. 432. Цѣна 1 р. 30 коп." (для учебныхъ заведеній съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія).

— „*Ксенофонтъ*. Походъ 10.000 грековъ по Анабасису Ксенофонта. Обработалъ *С. И. Любомудровъ*. Изд. 3-е. С.-Пб. 1908. (Иллюстрир. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергья Манштейна*). Часть I: Текстъ. Стр. 95 + 1 карта. — Часть II: Комментарій. Стр. 48. Цѣна за обѣ части 1 р."

— „*Ливій, Титъ*. Книга I. Періодъ царей. Объяснилъ *И. Нетушилъ*. Изд. 5-е. С.-Пб. 1908. (Иллюстр. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергья Манштейна*). Часть I: Текстъ. Стр. 58. — Часть II: Комментарій. Стр. 113. Цѣна за обѣ части 80 коп."

— „*Радецкій, С.*, и *В. Соколовъ*. Латинская хрестоматія съ русскими упражненіями. Изд. 6-е. М. 1908. Стр. XVII + 155 + 71. Цѣна 1 руб."

— „*Риль, В*. Повѣсти. (Kulturhistorische Novellen). (*Л. К. Якобсонъ*. Школьныя изданія нѣмецкихъ авторовъ. Вып. 4). 2-е изд. С.-Пб. 1908. Стр. 193. Цѣна 50 коп."

— „*Розеггеръ, П. К.* Избранные разсказы. Обработалъ *С. А. Манштейнъ*. Изд. 2-е, пересм. и дополн. (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1908. Стр. VI + 162 (текста) + 141 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 80 коп. въ перепл."

— „*Ушинскій, К*. Дѣтскій міръ и хрестоматія. Часть 1-я. Изд.

43-е, пересм. *Я. Н. Наумовымъ.* С.-Пб. 1908. Стр. III + 200 + 74. Цѣна 50 коп." (также для низшихъ училищъ).

— „*Шиллеръ.* Вильгельмъ Телль. Обработалъ *Г. Ю. Ирмеръ.* Изд. 5-е, С. А. Манштейна. (Избр. произведенія нѣм. и франц. писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1908. Стр. 135 (текста) + 113 (приложеній). Цѣна съ приложеніями 60 коп. въ переплетѣ."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Зусманъ, А.* Природовѣдѣніе. Часть I. Обзоръ неорганической природы и начальный курсъ географіи. Одесса. 1907. Стр. 193 + III. Цѣна 75 коп. — Часть II. Растенія. Человѣкъ. Животныя. Одесса. 1908. Стр. 239. Цѣна 90 коп." (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи замѣчанія ученаго комитета были приняты во вниманіе).

— „*Ивановъ, К. А.* Учебникъ новѣйшей исторіи. С.-Пб. 1909. Стр. 224 + II. Цѣна 80 коп." (для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи она была переработана, согласно замѣчаніямъ ученаго комитета, и чтобы на обложкѣ и заглавномъ листѣ книги не было помѣщаемо неумѣстное указаніе на предназначеніе книги „для самообразованія").

б) въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*La Mauricienne, M.* La troisième année de français. St.-Pbg. 1908. Pages 211 + 3. Prix 80 cop." (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Runge, E.* Mein erstes Buch. St. Pbg. 1908. Стр. 75. Цѣна 1 р." (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Байронъ.* Манфредъ. Драматическая поэма. Съ англійскаго. Переводъ *Ив. А. Бунина.* Изд. т-ва „Знаніе". С.-Пб. 1904. Стр. 70. Цѣна 40 коп."

— „*Богословскій, Евгеній.* Тургеневъ борецъ за права человѣка.

Опытъ разбора „Записокъ охотника". Баку. 1906. Стр. 53. Цѣна 12 коп."

— „*Вертеловскій, А.* Любовь къ Богу и ближнимъ въ жизни первыхъ христіанъ, по свидѣтельству исторіи церкви. Харьковъ. 1906. Стр. 96. Цѣна 40 коп."

— „*Генцъ, А.* Соціализмъ. Популярный критическій очеркъ. Съ предисловіемъ *А. Тихомирова*. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1908. Стр. XIII+212. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „*Дрентельнъ, Н. С.* Простые физическіе опыты и приборы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 52. Цѣна 40 коп."

— „*Елачичъ, Евгеній.* О вымершихъ животныхъ, Пресмыкающіяся. Изд. Д. К. Тихомирова. (Научно-популярная библіотека. Естествознаніе. № 6). С.-Пб. 1908. Стр. 118. Цѣна 30 коп."

— „*Зигвартъ, Христофъ.* Логика. Переводъ съ нѣм. *I. А. Давыдова.* Томъ I. Ученіе о сужденіи, понятіи и выводѣ. Изд. т-ва „Общественная польза" и книжнаго склада „Провинція". С.-Пб. 1908. Стр. XXIII+481. Цѣна 2 р. 50 коп."

— „*Игнатьевъ, И.* Ботаническіе очерки. Изд. О. Н. Поповой. (Библіотека нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1906. Кн. I. Растенія завоеватели. Стр. 100. Цѣна 20 коп.—Кн. II. Передъ зимнимъ сномъ. Весенніе первенцы. Стр. 87. Цѣна 20 коп."

— „*Лакуръ* и *Аппель.* Историческая физика. Изд. „Mathesis". Одесса. Выпускъ II. 1907. Стр. (145+272). — Выпускъ III. 1908. Стр. (273+435)+2 табл.—Выпускъ IV. 1908. Стр. 144."

— „*Де Бонъ, Густавъ.* Психологія соціализма. Переводъ съ французскаго. 2-е изд., Сергѣя Будаевскаго. С.-Пб. 1908. Стр. VIII+376. Цѣна не обозначена."

— „О холерѣ. (Правда и знаніе. Просвѣтительные листки для народа и войскъ. № 264). С.-Пб. 1907. Столб. 6. Цѣна 1 коп."

— „*Поповъ, Н. Г.* Турція и Греція. Воспоминанія и впечатлѣнія участника московской университетской экскурсіи 1903 года. М. 1907. Стр. 124. Цѣна 60 коп."

— „*Пржевальскій, Е.* Собраніе алгебраическихъ задачъ. Часть I. Задачи на преобразованія выраженій и уравненія. М. 1908. Стр. IV+369. Цѣна 1 р. 60 коп."

— „*Синегубъ, С.* Бабочки Россіи. Выпускъ I. Дневныя бабочки, сумеречницы и бражники. М. 1908. Стр. 139+4 табл. Цѣна 40 коп."

— „*Софоклъ,* Антигона. Съ греческаго. Переводъ *Д. С. Мережковскаго.* Изд. т-ва „Знаніе". С.-Пб. 1906. Стр. 63. Цѣна 40 коп."

— „*Софоклъ*. Эдипъ въ Колонѣ. Съ греческаго. Переводъ *Д. С. Мережковскаго*. Изд. 2-е, т-ва „Знаніе". С.-Пб 1904. Стр. 87. Цѣна 40 коп."

— „*Софоклъ*. Эдипъ-царь. Съ греческаго. Переводъ *Д. С. Мережковскаго*. Изд. 3-е, т-ва „Знаніе". С.-Пб. 1907. Стр. 74. Цѣна 40 коп."

Опредѣленіемъ основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „*Шапошниковъ, Н. А.* Учебникъ алгебры. Часть II. 7-е изд. В. В. Думнова. М. 1908. Стр. 1+176. Цѣна 70 коп."— признать не подлежащею допущенію къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Темномѣровъ, Аполлоній*. Священная исторія новаго завѣта. С.-Пб. 1907. Стр. 155+1 карта. Цѣна 35 коп." (для городск. по полож. 31 мая 1872 г. учил.).

— „*Zimmermann, R.* Rechenbuch für Volks- und Elementarschulen. Lodz. 1907. I. Teil. 115 S. Preis geb. 30 Kop.—II. Teil. 104 S. Preis geb. 30 Kop." (для нач. школъ Привислинскаго края, въ коихъ преподаваніе на нѣм. языкѣ).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Іегеръ, Оскаръ*. Педагогическое завѣщаніе. Практическія замѣтки по педагогикѣ и дидактикѣ. Переводъ *Сергѣя Крылова*. 2-е изд. К. Тихомирова. М. Стр. 87. Цѣна 50 коп."

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Алтаевъ, А.* Мигуэль Сервантесъ. Біографическая повѣсть. Книгоиздательство П. П. Сойкина. (Библіотека для юношества). С.-Пб. Стр. 159. Цѣна 50 коп.“

— „*Вернъ, Жюль.* 80.000 верстъ подъ водой. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 308. Цѣна 80 коп.“

— „*Ивашкевичъ, А.* Побѣгъ. Разсказъ изъ жизни русскихъ дѣтей въ Манчжуріи. Изд. О. Н. Поповой. (Библіот. нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1906. Стр. 28. Цѣна 6 коп.“

— „*Измайловъ, В.* Бѣглецъ. (Изъ уральскихъ разсказовъ). Изд. О. Н. Поповой. (Библіот. нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1906. Стр. 34. Цѣна 8 коп.“

— „*Кругловъ, А.* Игры и забавы для дѣтей. 50 игръ въ комнатѣ и на дворѣ. 2-е изд., А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 56. Цѣна 30 коп.“

— „*Лавровъ, А. Н.* Красное солнышко. Повѣсть изъ до-христіанской эпохи на Руси. Книгоиздательство П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 192. Цѣна 50 коп.“ (для городск. по Пол. 1872 г. учил.).

— „*Сно, Е. Э.* Англія. Этнографическій очеркъ. Издат-во О. Н. Поповой. № 82. (Государства и народы Европы). С.-Пб. 1906. Стр. 71. Цѣна 10 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Бельгія. Этнографическій очеркъ. Издат-во О. Н. Поповой. № 86. (Государства и народы Европы). С.-Пб. 1906. Стр. 54. Цѣна 7 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Германія. Этнографическій очеркъ. Издат-во О. Н. Поповой. № 83. (Государства и народы Европы). С.-Пб. 1906. Стр. 69. Цѣна 10 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Голландія. Этнографическій очеркъ. Издат-во О. Н. Поповой. № 85. (Государства и народы Европы). С.-Пб. 1906. Стр. 38. Цѣна 6 коп.“

— „*Сно. Е. Э.* Италія. Этнографическій очеркъ. Издат-во О. Н. Поповой. № 84. (Государства и народы Европы). С.-Пб. 1906. Стр. 62. Цѣна 10 коп.“

— „*Сно, Е. Э.* Франція. Этнографическій очеркъ. Издат-во О. Н. Поповой. № 81. (Государства и народы Европы). С.-Пб. 1906. Стр. 62. Цѣна 10 коп.“

— „*Ульяновъ, А.* Въ акробаты. Разсказъ. Изд. О. Н. Поповой. (Библіот. нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1906. Стр. 32. Цѣна 6 коп.“

— „*Ульяновъ, А. Н.* Въ ученьи. Разсказъ. Изд. 2-е, О. Н. Поповой. (Библіот. нашихъ дѣтей). С.-Пб. 1906. Стр. 30. Цѣна 6 коп.“

— „*Шелгунова, Л. П.* Русскія сказки. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Вып. VII. Стр. 47. — Вып. VIII. Стр. 47. Цѣна каждаго выпуска 15 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Пановъ, В. Н.,* и *Н. И. Соколовъ.* Букварь „Охота пуще неволи“. М. 1909. Стр. 72. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Алтаевъ, А.* Мигуэль Сервантесъ. Біографическая повѣсть. Книгоиздат-во П. П. Сойкина. (Библіот. для юношества). С.-Пб. Стр. 159. Цѣна 50 коп.“

— „*Геницъ, А.* Соціализмъ. Популярный критическій очеркъ. Съ предисловіемъ *А. Тихомирова.* Изд. 2-е, испр. и доп. М. 1908. Стр. XIII+212. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Гринвудъ, Дж.* Подлинная исторія маленькаго оборвыша. Романъ. Переводъ *Марко-Вовчка.* Изд. 3-е, М. В. Клюкина. М. 1907. Стр. 350. Цѣна 1 р.“

— „Крестьянинъ“. Журн. для народа. Изд. Виленскаго общ. „Крестьянинъ“. 2-й годъ изданія. Вильна. 1907. №№ 1—50. Стр. 834. Цѣна 1 р. 50 к.“ (для Сѣверо-западнаго края).

— „*Лавровъ, А. Н.* Красное солнышко. Повѣсть изъ до-христіанской эпохи на Руси. Книгоиздат-во П. П. Сойкина С.-Пб. Стр. 192. Цѣна 50 коп.“

— „О холерѣ. (Правда и знаніе. Просвѣтительные листки для народа и войскъ. № 264). С.-Пб. 1907. Столб. 6. Цѣна 1 коп.“

— „*Пузыревскій, И. И.* Подробный перечень и описаніе работъ

въ плодовомъ саду, питомникѣ плодовыхъ деревьевъ и огородѣ по мѣсяцамъ. С.-Пб. 1903. Стр. 88. Цѣна 50 коп."

— „*Т-чъ, С. Н.* Обладаніе землею. (Противопогромный очеркъ). 3-е испр. и доп. изд. Одесса. 1907. Стр. 31. Цѣна 7 коп."

— „*Шиллеръ*. Избранныя стихотворенія. Изд. А. С. Суворина. С.-Пб. 1905. Стр. 142. Цѣна 75 коп."

ЗНАЧЕНІЕ АѲОНА ВЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

На южномъ берегу Македоніи лежитъ Халкидикійскій полуостровъ, который тремя длинными, довольно широкими косами глубоко вдается въ Эгейское море. Самый восточный изъ этихъ полуострововъ, омываемый на востокѣ Стримонскимъ заливомъ, а на западѣ—Сингитскимъ, называется *Аѳономъ* (въ древности *Акти*). Въ геологическомъ отношеніи онъ представляетъ собой не что иное, какъ естественное продолженіе южно-македонскихъ горъ; начинаясь у самаго перешейка, аѳонскій горный кряжъ по направленію къ югу постепенно возвышается, достигая у моря исполинской высоты (2 верстъ). На всемъ своемъ восьмидесятиверстномъ протяженіи отъ перешейка до мыса, эта гора представляетъ собой сплошную панораму картинъ природы волшебной красоты, которая уже давно заслужила ей славу одного изъ поэтичнѣйшихъ уголковъ Европы.

Но еще болѣе, чѣмъ поэтическимъ, Аѳонъ славится своимъ *нравственнымъ ореоломъ*: на всемъ православномъ востокѣ онъ называется обыкновенно не иначе, какъ *Святою Горою* (греч. Ἅγιος ὄρος, болг. и серб. *Света гора* и т. д.). И въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ заслуженно: въ теченіе почти всего существованія Византійской имперіи, она была „центромъ византійскаго средневѣковаго монашества, главнымъ пунктомъ религіозно-созерцательной жизни Византіи и вмѣстѣ съ тѣмъ главною хранительницею церковнаго преданія и христіанскаго просвѣщенія, необоримой твердыней православія, Ватиканомъ Востока“ [1]).

Если, такимъ образомъ, Аѳонъ не совсѣмъ безъ основанія для

[1]) *Соколовъ*, Состояніе монашества въ византійской церкви. Казань, 1904, стр. 214—216.

многихъ милліоновъ людей самой различной національности и теперь является „Святою Горою", то не менѣе священна она и для тѣхъ искателей истины, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ руководятся только чистымъ интересомъ знанія ради знанія, ничего не оплакивая и ни о чемъ не сожалѣя, а стараясь только *понимать* и *понимать*. И для такихъ изслѣдователей „Святая Гора" священна, но священна, конечно, не аскетическими подвигами ея обитателей, а прежде всего— своими безцѣнными историческими, часто единственными въ своемъ родѣ реликвіями. Я никогда не кончилъ бы своей статьи, если бы ограничилъ ея содержаніе только голымъ перечнемъ тѣхъ неисчерпаемыхъ источниковъ всяческаго поученія, которые скрываются въ архивахъ, библіотекахъ, ризницахъ, церквахъ, башняхъ и подвалахъ 20 монастырей Аѳона и его безчисленныхъ скитовъ и келій. Работники всевозможныхъ спеціальностей находили, находятъ и будутъ находить въ нихъ огромное и во многихъ отношеніяхъ еще дѣвственное поле для своихъ изысканій. Будетъ ли это лингвистъ, онъ найдетъ здѣсь памятники языка глубокой древности и съ весьма важными и интересными чертами фонетики и морфологіи; будетъ ли это классикъ, онъ найдетъ здѣсь весьма цѣнные списки произведеній древнихъ авторовъ; будетъ ли онъ историкъ славянской или византійской литературы, онъ на каждомъ шагу можетъ брать здѣсь полными пригоршнями нужный ему матеріалъ; будетъ ли онъ палеографъ, онъ всегда встрѣтитъ тутъ первостепенные рукописные памятники, нерѣдко притомъ единственные въ своемъ родѣ; будетъ ли онъ археологъ или историкъ искусства, онъ найдетъ тутъ великолѣпные образцы византійской архитектуры, живописи, нѣкоторыхъ художественныхъ издѣлій и пр.; будетъ ли онъ историкъ культуры, къ его услугамъ явятся на Аѳонѣ цѣлыя горы еще неизданныхъ документовъ и грамотъ на греческомъ, латинскомъ, славянскомъ и другихъ языкахъ, и т. д. Словомъ, среди представителей гуманитарнаго знанія нѣтъ спеціалиста, которому книжныя и другія сокровища Аѳона не могли бы дать въ научномъ отношеніи столько, сколько онъ можетъ взять.

Такое огромное и единственное въ своемъ родѣ значеніе Аѳона для современнаго научнаго знанія обусловлено такимъ же огромнымъ и всеобъемлющимъ вліяніемъ, которое оказывалъ Аѳонъ на духовную жизнь Византіи и ея культурныхъ спутниковъ: какъ извѣстно, отъ лучей византійской образованности,—лучей то животворныхъ, то мертвящихъ,—не могъ укрыться ни одинъ уголокъ Балканскаго полуострова; не могли избавиться отъ ея чаръ и славянскіе народы, и

о значенія въ ихъ жизни Византіи можно съ полнымъ правомъ перефразировать то, что одинъ новѣйшій историкъ Сербіи сказалъ о вліяніи Восточной имперіи на сербовъ: „вся политическая и культурная жизнь балканскихъ славянъ вплоть до нашествія турокъ настолько сплетена съ византійской исторіей и проникнута византійскими вліяніями, что византійско-славянскія отношенія въ первые десять вѣковъ славянской исторіи составляютъ сущность славянской исторіи" [1]). Но если такъ, то духовный центръ Византіи—Аѳонъ одновременно былъ духовнымъ центромъ и православныхъ славянъ Балканскаго полуострова, и все, что мы знаемъ о значеніи его для первой, mutatis mutandis должно быть повторено и относительно послѣднихъ.

Какія же причины поставили Аѳонъ на такое безпримѣрное и исключительно-почетное положеніе въ огромномъ греко-славянскомъ мірѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ этой удивительной горы.

Образованіе аѳонской монашеской общины теряется въ глубокой древности. По однимъ, первые анахореты появились на Аѳонѣ въ царствованіе Константина Великаго (306—337), по другимъ—Констанція (337—361), по третьимъ—Ѳеодосія Великаго (379—395), по четвертымъ—Аркадія (395—408), по пятымъ—императрицы Пульхеріи (V в.) и т. д., но всѣ эти преданія отличаются легендарнымъ характеромъ, и одно можно сказать съ достовѣрностью, что келліоты появились на Аѳонѣ уже въ первыя времена существованія монашества на Востокѣ. Они были разсѣяны по всей Горѣ, не имѣли общей организаціи, но были подчинены монастырю Іоанна Колова (вблизи Іериссо). Такъ какъ жители окрестныхъ селъ, какъ и сама братія монастыря, постоянно препятствовали отшельникамъ заниматься ихъ дѣломъ, самовольно пользуясь ихъ лѣсами и пастбищами, то они испросили въ 872 г. у императора Василія Македонянина охранную грамоту, а когда она не подѣйствовала, то сынъ его Левъ Мудрый особымъ хрисовуломъ совсѣмъ освободилъ ихъ отъ зависимости отъ коловитовъ. Съ тѣхъ поръ аѳонскіе отшельники наслаждались относительнымъ покоемъ, до тѣхъ поръ, пока арабы не завладѣли островомъ Критомъ и не начали оттуда дѣлать свои опустошительные набѣги на греческіе острова и побережье. Нечего говорить, что и Аѳонская Гора не избѣжала ихъ многократныхъ нашествій, результатомъ которыхъ было почти полное раззореніе Святой Горы, потерявшей

---

[1]) *Станојевић*, Византија и срби, I, III.

почти все населеніе: одни монахи были избиты, другіе были уведены въ плѣнъ, а третьи разбѣжались.

Новый періодъ въ жизни Аѳона начинается съ серединою X вѣка. Около этого времени (именно около 963 г.) на Аѳонъ прибылъ инокъ Аѳанасій, котораго историки Святой Горы съ рѣдкимъ единодушіемъ называютъ первымъ законодателемъ и основателемъ монашеской республики. Онъ родился въ семьѣ одного трапезундскаго вельможи. По окончаніи образованія въ Константинополѣ, юноша Авраамій, уже тогда проникнутый пламеннымъ стремленіемъ къ аскетизму, предпочелъ открывавшейся передъ нимъ блестящей политической карьерѣ монашескую колонію на пустынной горѣ Киминѣ въ Виѳиніи. Здѣсь онъ близко сошелся съ ея игуменомъ Михаиломъ Малеиномъ, черезъ посредство котораго онъ познакомился и съ его племянникомъ, Никифоромъ Фокой, однимъ изъ величайшихъ полководцевъ Византіи и ея будущимъ повелителемъ. Въ то время Византія переживала эпоху особеннаго духовнаго, въ частности, религіознаго подъема. „Въ воздухѣ, говоритъ проф. Гельцеръ, вѣяло крестовымъ походомъ. Длинный рядъ блестящихъ побѣдъ очень укрѣпилъ самочувствіе византійцевъ. Истинное дитя этого времени былъ императоръ Никифоръ. Аѳанасій былъ его духовнымъ отцомъ и сопровождалъ его въ знаменитой экспедиціи на островъ Критъ, который черезъ полтора вѣка опять былъ вырванъ изъ рукъ невѣрныхъ. Въ благочестивомъ экстазѣ Никифоръ обѣщалъ своему другу вступить вмѣстѣ съ нимъ въ число аѳонскихъ монаховъ. Тѣмъ болѣе былъ разгнѣванъ Аѳанасій, когда Никифоръ 16-го августа 963 г. велѣлъ возложить на себя корону. Монахъ поспѣшилъ въ Константинополь и осыпалъ царя горячими упреками. Но послѣдній далъ слово презирать свою корону и величіе и жить на подобіе монаха" (Vom heiligen Berge und aus Makedonien, S. 16). Это обѣщаніе царя до извѣстной степени примирило съ нимъ суроваго монаха. Вернувшись на Аѳонъ, онъ приступилъ къ постройкѣ древнѣйшаго монастыря на Горѣ—Великой Лавры, которая особымъ императорскимъ хрисовуломъ была потомъ объявлена независимой отъ всякой духовной или свѣтской власти. Аѳанасій былъ назначенъ ея игуменомъ, съ правомъ выбирать себѣ преемника. Онъ составилъ для братіи монастыря особый типикъ, проникнутый крайне суровымъ, ригористическимъ духомъ; между прочимъ, уже здѣсь мы читаемъ знаменитое постановленіе, что на территорію монастыря не смѣетъ вступать не только женщина, но и вообще животное женскаго пола. Этотъ уставъ послужилъ основой для общеаѳонскаго типика (такъ

называемаго „трагоса"), утвержденнаго въ 971 г. императоромъ Цимисхіемъ.

Вскорѣ послѣ этого, другъ св. Аѳанасія Іоаннъ Иверіецъ, т. е. Грузинъ, построилъ Иверскій монастырь (985 г.), за которымъ одинъ за другимъ стали возникать и другіе. Таковы были, напримѣръ, монастыри: Каракалла, построенный римскими выходцами и названный такъ по имени римскаго монаха Антонія Каракаллы; Кутлумушъ, основанный, по всей вѣроятности, однимъ изъ членовъ византійской фамиліи Кутлумушей; Ватопедъ, возобновленный въ 980—997 г. тремя адріанопольскими вельможами изъ одной очень древней монашеской обители; Ставроникита, названный такъ по имени одного знатнаго мужа, возстановившаго монастырекъ во имя Чудотворца Николая, который существовалъ уже во время Константина Погоната; Филоѳеу, считающій своимъ обновителемъ монаха Филоѳея и возникшій на мѣстѣ прежняго Фтерійскаго монастыря; Есфигмену, братство котораго составилось изъ жителей села Сфиги (въ Ѳессаліи), имя котораго и теперь еще живетъ въ названіи монастыря; Зографскій, основанный въ 911 г. греческимъ монахомъ Георгіемъ Зографомъ, т. е. живописцемъ, и многіе другіе. Аѳонъ быстро завоевалъ славу монашескаго рая, въ который и начали отовсюду стекаться любители аскетизма: уже въ годъ смерти Аѳанасія (1000 г.) число монаховъ достигало почтенной цифры 3.000 душъ.

Кончина великаго организатора аѳонской монашеской общины Аѳанасія не задержала ея пышнаго расцвѣта въ XI вѣкѣ. Несмотря на частыя нападенія арабовъ, и несмотря на вредное вліяніе колонистовъ-міранъ на установившійся строй жизни на Аѳонѣ, авторитетъ аѳонской общины настолько возросъ на всемъ православномъ Востокѣ, что въ новомъ уставѣ ея, утвержденномъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ въ 1046 г., Аѳонъ уже офиціально называется *Святою Горою* (τὸ ἅγιον Ὄρος); и не напрасно: изъ этого же устава видно, что въ то время на Аѳонѣ было уже до 180 монастырей. Изъ нихъ впослѣдствіи особенно прославились, кромѣ приведенныхъ выше 4 обителей, еще слѣдующія: Дохіаръ, названный по имени своего основателя Дохіара и посвященный св. Николаю; другая обитель св. Николая, возобновленная въ первой половинѣ XIII вѣка болгарскимъ монахомъ Григоріемъ, и потому носящая теперь имя Григоріата; Ксиропотамскій монастырь, основанный въ X вѣкѣ болгарскимъ царемъ Петромъ для инока Павла Ксиропотамскаго (въ міру Рангабе), одного изъ первыхъ распространителей христіанства въ Болгаріи. Впослѣдствіи

этотъ монастырь получилъ имя своего перваго игумена преп. Павла, а названіе Ксиропотамскаго перешло на Стратоникійскую обитель Никифора. Для насъ особенно важно констатировать въ это время увеличеніе числа славянскихъ монаховъ, изъ которыхъ болгарскіе между 1046 и 1049 гг. обзавелись даже собственнымъ монастыремъ, занявъ греческій монастырь Зографа. За болгарами послѣдовали и русскіе: какъ извѣстно, основатель русскаго монашества преп. Антоній прошелъ школу аскетизма на Аѳонѣ; и теперь еще, близъ монастыря Есфигмену, показываютъ пещеру, гдѣ онъ подвизался. Но объединиться въ собственномъ монастырѣ русскимъ удалось значительно позже — послѣ 1143 г., когда они взяли въ свое владѣніе монастырекъ „Богородицы Ксилургу".

Вообще, въ XI вѣкѣ Святая Гора пользовалась постояннымъ вниманіемъ византійскихъ кесарей, которые не упускали случая поддержать матеріально то тотъ, то другой монастырь. Благодаря этому, уже тогда Аѳонъ не могъ жаловаться на бѣдственное положеніе. Но вершины своего внѣшняго блеска онъ достигъ въ царствованіе Комниновъ Алексѣя I (1081 — 1118) и Іоанна (1118 — 1143). Оба въ полномъ смыслѣ слова осыпали всевозможными дарами и привилегіями скромныя обители Аѳона. „Святые отцы!—писалъ Алексѣй аѳонскимъ монахамъ,—вы, обитающіе на божественной и святой Горѣ! Знайте, что какъ Константинополь есть царь городовъ и выше всѣхъ ихъ, такъ и царственнѣйшая и божественная ваша Гора превосходитъ всѣ горы вселенной, вы же, по Писанію,—нашъ свѣтъ и соль. Мы такъ думаемъ и такъ вѣримъ. И не только царство христіанъ, но и всѣ вокругъ насъ живущіе народы вмѣстѣ съ нами радуются вашей жизни въ Богѣ. Итакъ радуйтесь и молитесь о нашей державѣ и о всемъ мірѣ. Честныя же и святыя молитвы ваши да подарятся намъ и помогутъ въ часъ нашего исхода" (Соколовъ, ук. соч. 247—248). Свое преклоненіе передъ авторитетомъ Святой Горы Алексѣй показалъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ, торжественно освободивъ ее отъ всѣхъ податей и налоговъ и строжайшимъ образомъ запретивъ чиновникамъ вмѣшиваться въ дѣло монашеской общины. Мало того, ни одинъ епископъ (хотя бы имъ былъ самъ константинопольскій патріархъ), не могъ навязывать своихъ рѣшеній аѳонскимъ монахамъ.

Царствованіе Комниновъ, столь благодѣтельное для Аѳона вообще, составило эпоху и въ исторіи славянскихъ монастырей. При преемникѣ императора Алексѣя, Мануилѣ, русскіе монахи такъ размножились на Аѳонѣ, что имъ стало мало одной тѣсной обители Ксилургу, и они

обратились къ проту Святой Горы съ просьбой передать имъ одинъ изъ большихъ монастырей. Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было назначить имъ для обитанія монастырь св. Пантелеймона, а Ксилургу поставить въ зависимость отъ послѣдняго. Это было въ 1169 г. Но новый монастырь служилъ пріютомъ не только русскихъ, но и южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ. Здѣсь, между прочимъ, нашелъ первое прибѣжище (1186 г.) и принялъ постриженіе сынъ великаго жупана Сербіи Стефана Немани Растко, впослѣдствіи сыгравшій огромную роль въ исторіи родного народа какъ архіепископъ Сербіи. Изъ Руссика Савва перешелъ потомъ въ монастырь Ватопедъ, гдѣ въ скоромъ времени нашелъ себѣ товарища—въ лицѣ своего отца, который, тоскуя о своемъ любимомъ сынѣ, также постригся въ монахи и принялъ имя Симеона. Но отрекаясь отъ міра, онъ не отрекся отъ любви къ родинѣ, и, безъ сомнѣнія, это чувство вызвало въ немъ желаніе основать для сербовъ особый монастырь. Для этой цѣли онъ возстановилъ изъ развалинъ одинъ старый монастырекъ, носившій имя Хиландарь и посвященный Богоматери, особымъ хризовуломъ (1198—1199) подарилъ ему обширныя земли и выхлопоталъ другія у императора Алексѣя III. Кромѣ того, по просьбѣ основателя, монастырь получилъ названіе царской лавры и былъ освобожденъ отъ подчиненія проту. Но полнаго внутренняго и внѣшняго благоустройства монастырь достигъ по смерти Симеона (1200), когда во главѣ его сталъ Савва, составившій для монастыря особый типикъ.

Вскорѣ послѣ этого Хиландарю и другимъ аѳонскимъ монастырямъ пришлось выдержать цѣлую бурю нашествія съ Запада. Катастрофа, постигшая въ 1204 г. Византійскую имперію, подпавшую подъ власть франковъ, была тяжелымъ ударомъ и для Аѳона: въ политическомъ отношеніи онъ долженъ былъ признать надъ собой власть Солунскаго „короля", маркиза Монфератскаго Бонифатія, а въ церковномъ отношеніи долженъ былъ подчиниться легату кардиналу Бенедикту. Это открыло широкое поле не только для разнаго рода происковъ со стороны латинскихъ прелатовъ, но и для настоящихъ разбойническихъ экспедицій. Такъ, въ 1259 г. Иверскій монастырь былъ разграбленъ франками. И Есфигмену и Хиландарь также не избѣжали нападеній западно-европейскихъ пиратовъ. Эти бѣдствія заставили аѳонскихъ монаховъ обратиться съ просьбой о помощи даже къ римскому папѣ Иннокентію III, который и принялъ ихъ подъ покровительство папскаго престола.

При такихъ обстоятельствахъ, понятно, что нигдѣ реставрація

Византійской имперіи (1262 г.) такъ не привѣтствовалась, какъ на Аѳонѣ. Вернувшійся въ столицу предковъ императоръ Михаилъ Палеологъ щедро одарилъ аѳонскіе монастыри и подтвердилъ дарственные хризовулы своихъ предшественниковъ. Также поступили и его потомки. Только политическая независимость Аѳона потерпѣла нѣкоторый ущербъ, когда, при императорѣ Андроникѣ, протъ Святой Горы былъ подчиненъ константинопольскому патріарху (1313 г.), а епископъ города Іериссо сталъ епископомъ всей Горы.

Вскорѣ послѣ этого мирная Аѳонская Гора окунулась въ бурное море догматическихъ споровъ и партійныхъ раздоровъ. Быть можетъ, не безъ вліянія богомильскаго ученія, среди аѳонскихъ пустынниковъ и аскетовъ возникла своеобразная мистическая секта, которая утверждала, что всякій вѣрующій можетъ увидѣть Бога, если онъ долгимъ и неподвижно-устремленнымъ взоромъ будетъ смотрѣть на свой пупъ; прійдя въ экстазъ, онъ-де увидитъ тогда и лучи славы, которыми Христосъ былъ окруженъ на Ѳаворской горѣ. Этотъ свѣтъ, по мнѣнію исихастовъ, былъ не матерьяльнаго, а божественнаго происхожденія. Ученіе исихастовъ взялъ подъ свое покровительство солунскій митрополитъ Григорій Палама, и словомъ и перомъ защищалъ его отъ такихъ талантливыхъ и сильныхъ противниковъ, какими были извѣстный историкъ Никифоръ Григора и особенно Варлаамъ, греческій монахъ изъ Калабріи и горячій приверженецъ уніи съ Римомъ. Язвительныя насмѣшки послѣдняго надъ исихастами вызвали среди нихъ такое озлобленіе, что они подали офиціальную жалобу на Варлаама. Въ Константинополѣ былъ созванъ соборъ, на которомъ противники аѳонскихъ монаховъ были преданы проклятію (1351 г.). „Мистицизмъ, говоритъ проф. Гельцеръ, одержалъ блестящую побѣду. Это было въ то же время пораженіе схоластики, т. е. раціональнаго характера западно-европейскаго богословія, которое на греческой почвѣ не могло получить права гражданства. Но таковъ уже былъ рокъ эллинизма! Побѣда мистицизма имѣла послѣдствіемъ пораженіе мощнаго западноевропейскаго культурнаго вліянія, которое сто лѣтъ спустя окончательно завершилось крушеніемъ Флорентинскаго Собора и чрезвычайно рѣзкимъ развитіемъ раскола. Такимъ образомъ, Аѳонъ можно считать духовнымъ виновникомъ продолжавшагося до XVIII ст. постепеннаго окаменѣнія эллинизма. Но тѣмъ больше была его слава какъ истиннаго обиталища православія" (Gelzer, Vom heiligen Berge 28).

Съ завоеваніемъ Солуни турками въ 1430 г. Аѳонъ вступилъ въ новый періодъ своей исторіи. По особому договору съ падишахомъ,

Аѳонъ сохранилъ въ неприкосновенности свое внутреннее самоуправленіе, но зато онъ долженъ былъ платить ему ежегодную дань. Султанъ свято чтилъ установленія Аѳона, и даже для защиты его поставилъ отрядъ солдатъ, которые не должны были пускать ни одну женщину на Святую Гору.

Вообще, этотъ вѣкъ былъ для Аѳона эпохой бѣдствій, разрушенія и опустошенія. На мѣсто господствовавшаго до сихъ поръ общиннаго, киновіальнаго управленія въ монастыри постепенно начала проникать *идіоритмія*, т. е. управленіе, признававшее за монахами цѣлый рядъ индивидуальныхъ правъ, въ томъ числѣ право собственности. Это новшество весьма отрицательно отозвалось на матерьяльномъ благосостояніи монастырей, и нѣкоторые монастыри обѣднѣли до такой степени, что ихъ монахи, въ погонѣ за подаяніемъ, разбрелись по всему православному міру. Лавра, эта основная ячейка монашеской общины, не могла содержать больше 5 или 6 монаховъ, а отъ церкви и монастырскаго зданія Руссика въ 1626 г. остались только развалины. Параллельно съ матерьяльнымъ обѣдненіемъ шло и нравственное разложеніе монашеской общины: монахи безпрепятственно занимались торговлей, въ нѣкоторыя келіи были допущены монахини, между отдѣльными монастырями происходили кровавыя столкновенія. Къ этимъ раздорамъ присоединились скоро и національныя страсти. Въ теченіе XVI—XVII вв. греки систематически изгоняли славянъ, арабовъ и другихъ негреческихъ монаховъ со всѣхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ мѣстъ и замѣняли ихъ своими соплеменниками. Въ результатѣ этой шовинистической политики Иверскій монастырь, который еще въ XIV в. былъ грузинскимъ, сталъ теперь греческимъ; нѣкогда болгарамъ принадлежало четыре монастыря, теперь они владѣютъ только однимъ; русскимъ только въ прошломъ столѣтіи удалось отвоевать Пантелеймоновскій монастырь у грековъ, овладѣвшихъ имъ въ эпоху его упадка въ XVIII ст.

Нравственное паденіе монашеской республики сопровождалось такимъ же паденіемъ и умственнымъ. Это доказываютъ тѣ жалкіе споры, которые волновали умы въ монастыряхъ. Спорили, напримѣръ, о томъ, слѣдуетъ ли во время священнодѣйствія назначенный для панагіи кусокъ хлѣба класть направо или налѣво отъ священника.

Поэтому по-истинѣ лучемъ въ черномъ царствѣ была Аѳонская Академія, основанная въ пятидесятыхъ годахъ XVIII ст. Евгеніемъ Булгарисомъ. Эта Академія, построенная на восточномъ берегу полуострова по близости монастыря Ватопеда, имѣла своей задачей при-

мирить ученіе православной церкви съ результатами западно-европейской науки. Для этого въ учебную программу ея было введено чтеніе классиковъ и—horribile dictu!—изученіе новѣйшей философіи. Мало того, Булгарисъ завязалъ сношенія съ нѣмецкой наукой (въ Галле), и хотѣлъ пригласить оттуда профессора для своей Академіи. Нечего и говорить, какое огромное значеніе могла бы имѣть для Аѳона дѣятельность Булгариса. Но, къ сожалѣнію, она показалась реакціонерамъ опасной, и школа была закрыта...

Я нарочно изложилъ съ нѣкоторой подробностью исторію Аѳона не только потому, что она вполнѣ объясняетъ его исключительное значеніе въ исторіи средневѣкового Востока, но и потому, что уже она одна даетъ нѣкоторый матерьялъ для рѣшенія вопроса о качествѣ, положительномъ и отрицательномъ, вліянія Аѳона на духовно-зачарованные имъ народы. Какъ и теперь, такъ и въ древности Аѳонъ представлялъ собой, въ сущности, монашескую республику, почти независимую отъ власти какого бы то ни было епископа и часто даже самого константинопольскаго патріарха. Пользуясь почти неограниченной автономіей въ дѣлахъ внѣшнихъ, эта монашеская община очень послѣдовательно проводила ея принципъ и въ своей внутренней организаціи. Несмотря на то, что въ ея составъ входило иногда нѣсколько сотъ монастырей, выбиравшихъ себѣ ежегодно своего рода президента—„прота", она нисколько не стѣсняла самоуправленія отдѣльныхъ своихъ членовъ. Благодаря этому, на Аѳонъ стекались алчущіе и жаждущіе правды не только изъ среды грековъ, но и изъ среды всѣхъ народовъ православнаго Востока: здѣсь были и арабы, и сирійцы, и армяне, и грузины, и влахи, и славяне. Особенно много, можетъ быть, не меньше, чѣмъ грековъ, было здѣсь славянъ. Причиной этого было счастливое географическое положеніе Аѳона. Онъ находится на югѣ Македоніи, этнографически славянской странѣ даже въ настоящее время. А въ средніе вѣка она нерѣдко бывала принуждена признавать надъ собой и политическую власть болгарскихъ и сербскихъ царей. Неудивительно, что географическая близость Святой Горы, вмѣстѣ съ указаннымъ федеративнымъ устройствомъ ея монашеской общины и высокимъ нравственнымъ авторитетомъ и ригоризмомъ ея обитателей, не могли не привлекать къ себѣ тѣхъ изъ славянъ, которые желали посвятить себя созерцательной жизни, не отрекаясь ни отъ своего языка, ни отъ своей національности. Въ этомъ отношеніи Аѳонъ

долженъ былъ импонировать имъ такъ же, какъ въ политическомъ отношеніи импонировалъ имъ Царьградъ. И подобно тому какъ политическая столица Византіи была полна славянскихъ выходцевъ, мечтавшихъ сдѣлать въ ней свою общественную карьеру, такъ Аѳонъ кишѣлъ славянскими монахами: всего черезъ столѣтіе послѣ основанія Великой Лавры мы уже читаемъ о самостоятельныхъ славянскихъ монастыряхъ на Аѳонѣ; такъ, болгары жили въ монастыряхъ Зографскомъ, а русскіе—въ Ксилургу; впослѣдствіи къ нимъ прибавился русскій Пантелеймоновскій монастырь и многіе другіе. Эти монастыри сдѣлались очагами византинизма на славянскомъ югѣ. Живя у самаго источника византійской культуры, ежедневно сталкиваясь съ лучшими ея представителями, съ ея цвѣтомъ и часто даже съ ея гордостью и славою, славянскіе монахи не могли, конечно, не проникнуться пламеннымъ желаніемъ пересадить хотя бы незначительную часть цвѣтовъ „словеснаго вертограда“ (какъ они тогда обыкновенно выражались) съ греческой почвы на родную. И вотъ они приступили, съ трудолюбіемъ пчелъ и упорствомъ муравьевъ, къ гигантскому подвигу перевода, а потомъ переписыванія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся произведеній византійской литературы. Конечно, не одни аѳонскіе монахи занимались писательской дѣятельностью, но также иноки другихъ монастырей и даже многія частныя лица. Но что именно имъ принадлежитъ, все-таки, въ ней львиная доля, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; это доказываетъ не только *количество* славянскихъ рукописей, написанныхъ, хранившихся или сохраняющихся въ аѳонскихъ монастыряхъ, но, какъ увидимъ ниже, и ихъ *качество*, ихъ *содержаніе*, а также и нѣкоторыя прямыя историческія показанія, съ которыми мы познакомимся ниже. Во всякомъ случаѣ, переведенныя или переписанныя на Аѳонѣ произведенія не оставались въ стѣнахъ его монастырей, но въ десяткахъ и сотняхъ списковъ расходились по другимъ центрамъ славянскаго міра, повсюду распространяя византійскія идеи и идеалы, со всѣми ихъ немногими положительными сторонами и многими отрицательными. Эти идеи не оставались только на пергаменѣ или бумагѣ, но претворялись до извѣстной степени въ жизнь, отражаясь на всемъ укладѣ домашней и общественной жизни славянскихъ народовъ и даже на ихъ церковной и политической организаціи. Такимъ образомъ, Аѳонъ служилъ для славянъ не только своего рода научно-литературной лабораторіей, но и извѣстнымъ передаточнымъ пунктомъ и посредникомъ въ дѣлѣ практическаго усвоенія началъ византійской культуры славянскими народами. Дальше

я укажу нѣсколько поразительныхъ примѣровъ, когда Аѳонъ становился центромъ цѣлыхъ философско-религіозныхъ движеній, волновавшихъ въ одинаковой степени и грековъ и славянъ, а теперь я позволю себѣ указать на величественный образъ собирателя сербскаго государства Стефана Немани, смиренно отрекшагося отъ короны, чтобы кончить жизнь простымъ монахомъ въ основанномъ имъ *сербскомъ* монастырѣ на Аѳонѣ, и на не менѣе грандіозный образъ его сына Саввы, — этого великаго организатора сербской національной церкви, который провелъ свои лучшіе годы на Аѳонѣ и написалъ даже типики для двухъ его монастырей. Если, такимъ образомъ, основатель сербскаго государства *кончилъ* свою жизнь аѳонскимъ монахомъ, то основатель сербской народной церкви *началъ* свою сознательную дѣятельность аѳонскимъ инокомъ. Не является ли эта историческая картина живой эмблемой органической связи аѳонскаго византинизма съ судьбою юго-славянскихъ народовъ,—связи, оказавшейся въ конечномъ итогѣ столь трагичной для нихъ?

Итакъ, значеніе Аѳона для славянской культурной исторіи было почти такъ же велико и всеобъемлюще, какъ и значеніе византинизма вообще. Подробное разсмотрѣніе этого вліянія завело бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи, задача которой состоитъ въ характеристикѣ вліянія Аѳона лишь на одинъ отдѣлъ славянской культуры,—на славянскую письменность и литературу.

Какъ извѣстно, исторія славянской письменности начинается одной нерѣшенной еще въ наукѣ загадкой: древнѣйшіе церковно-славянскіе памятники, принадлежащіе къ X или XI в., не отличаются единствомъ правописанія, но пишутся или такъ называемой „глаголицей" или такъ называемой „кириллицей". Между тѣмъ, достовѣрные историческіе источники категорически говорятъ намъ, что св. Кириллъ изобрѣлъ только одну азбуку. Спрашивается, какую же изъ двухъ славянскихъ азбукъ мы должны считать его изобрѣтеніемъ: кириллицу или глаголицу? Хотя вопросъ этотъ породилъ огромную литературу, его нельзя считать окончательно рѣшеннымъ; можно только констатировать, что большинство авторитетныхъ ученыхъ въ настоящее время склоняется къ мнѣнію о старшинствѣ глаголицы передъ кириллицей. Какъ бы то ни было, но чрезвычайно интересно констатировать тотъ фактъ, что *Аѳонъ сохранилъ для науки самые древніе, самые крупные и самые цѣнные въ качественномъ отношеніи глаголическіе памятники.* Мало

того, въ архивѣ одного изъ аѳонскихъ монастырей, именно Иверскаго, сохранился документъ, который, хотя и написанъ на греческомъ языкѣ, является тѣмъ не менѣе *древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ не только глаголицы, но и славянскаго письма вообще* [1]). Я разумѣю извѣстный *судебный актъ 982 г.*, которымъ рядъ свидѣтелей удостовѣряетъ обмѣнъ землями, произведенный жителями крѣпости Іериссо съ основателемъ Иверскаго монастыря Іоанномъ Иверомъ. Актъ этотъ былъ открытъ въ 1846 г. извѣстнымъ русскимъ знатокомъ Аѳона, епископомъ Порфиріемъ. На верху этого акта онъ отмѣтилъ 75 крестовъ, подъ поперечниками которыхъ свидѣтели подписали свои имена. Около одного изъ крестовъ написаны буквы, которыхъ глаголическое происхожденіе не станетъ отрицать никто, кто хоть разъ видѣлъ эту азбуку.

Нѣкоторыя изъ этихъ буквъ, впрочемъ, читаются не совсѣмъ ясно, и потому нельзя быть увѣреннымъ, что чтеніе епископа Порфирія,—онъ возстановляетъ имя свидѣтеля, какъ попъ гиорги,—единственно вѣрное. Во всякомъ случаѣ, Иверская грамота является древнѣйшимъ датированнымъ памятникомъ славянской глаголической письменности, такъ какъ она на 11 лѣтъ старше знаменитой надписи Самуила. Въ виду этого, нельзя не выразить сожалѣнія, что со времени епископа Порфирія, подробно описавшаго свое открытіе въ книгѣ „Первое путешествіе на Аѳонъ“ (ч. I, отд. 2, стр. 310—316), драгоцѣнный документъ не только никѣмъ подробно не обслѣдовался, но не былъ даже ни разу изданъ in extenso. А между тѣмъ сдѣлать это было бы не трудно, такъ какъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ хранится фотографическій снимокъ акта, сдѣланный еще въ 60-хъ годахъ Севастьяновымъ. Разумѣется, за изданіе этого документа могло бы взяться только лицо, хорошо знакомое съ греческой палеографіей.

Болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи недатированнымъ глаголическимъ памятникамъ Аѳона, чему, конечно, было причиной ихъ первоклассное научное значеніе. Еще въ 1843 г. австрійскій консулъ Антонъ Михановичъ открылъ въ одной изъ древнѣйшихъ обителей Аѳона, въ монастырѣ Зографѣ, цѣлое *глаголическое евангеліе*, которое современные изслѣдователи единогласно ставятъ въ палеографическомъ

[1]) Изданный О. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и др.“ (1873 г., кн. 1) актъ Зографскаго мон, 980—981 г. со славянской подписью іером. Макарія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подозрителенъ.

и лингвистическомъ отношеніи на первое мѣсто въ глаголической письменности вообще. Съ тѣхъ поръ драгоцѣнный памятникъ пользовался постояннымъ вниманіемъ всѣхъ ученыхъ славистовъ, посѣщавшихъ Аѳонъ, пока, наконецъ, въ 1860 г. зографскіе старцы не поднесли рукопись въ даръ Императору Александру II. Въ настоящее время она хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, а въ 1879 г. дождалась критическаго изданія, блестяще выполненнаго Ягичемъ въ Берлинѣ (Quatuor evangeliorum codex glagoliticus). Въ Prolegomen'ахъ къ этому изданію (p. XXI) Ягичъ высказываетъ предположеніе, что манускриптъ былъ написанъ въ Болгаріи, и уже оттуда попалъ на Аѳонъ, но я не вижу причины, почему Зографское Евангеліе не могло находиться въ монастырѣ (отъ котораго оно получило свое имя) изстари и даже тамъ быть написано: вѣдь документально доказано, что болгарскіе монахи жили на Аѳонѣ уже въ X — XI вв.

Немногимъ уступаетъ по значенію Зографскому Евангелію и другой обширный глаголическій кодексъ, сохраненіемъ котораго мы должны быть также благодарны Аѳону. Я разумѣю извѣстное *Маріинское Четвероевангеліе*, названное такъ по имени Скита Пресвятой Богородицы, которому оно прежде принадлежало, и изъ котораго его вывезъ нашъ знаменитый славистъ В. И. Григоровичъ, во время своего путешествія по Европейской Турціи въ 1844 — 1845 гг. Подобно Зографскому Евангелію, и Маріинское критически было издано академикомъ Ягичемъ въ 1883 г. на средства Академіи Наукъ (Маріинское Четвероевангеліе, трудъ В. И. Ягича С.-Пб. 1883). Къ изданію Ягичъ присоединилъ подробное изслѣдованіе графики и языка рукописи, въ которомъ, между прочимъ, причисляетъ памятникъ „къ самымъ замѣчательнымъ остаткамъ славянской письменности. Уступая нѣсколько Зографскому Евангелію въ соблюденіи звуковыхъ тонкостей, онъ превзошелъ его въ вѣрной передачѣ рѣдкихъ грамматическихъ формъ, въ составѣ же словъ и оборотовъ сохранилъ не мало старины, благодаря которой значительно расширяются наши представленія о первоначальномъ переводѣ“ (стр. 474).

Итакъ, Аѳонъ сохранилъ намъ лучшіе и самые древніе глаголическіе памятники. Нельзя сказать этого съ такою же увѣренностью про кирилловскія рукописи того же языка. Только одинъ небольшой *отрывокъ поученій св. Кирилла Іерусалимскаго* несомнѣнно аѳонскаго происхожденія. Они были найдены уже упомянутымъ мною В. И. Григоровичемъ въ башнѣ Хиландарскаго монастыря и въ 1865 г. при-

несены имъ въ даръ библіотекѣ Новороссійскаго университета. Но лишь въ 1898 г. вышло ихъ критическое изданіе въ работѣ С. М. Кульбакина „Хиландарскіе Листки XI в.“ (С.-Пб.). Несмотря на свой небольшой объемъ, эти отрывки очень важны не только по своему чистому церковнославянскому языку, но и по содержанію: они представляютъ уже не богослужебный текстъ, а переводъ произведенія одного отца церкви.

Происхожденіе другихъ древне-церковно-славянскихъ памятниковъ: *Листковъ Ундольскаго*, *Саввиной книги* и *Супрасльской рукописи* крайне загадочно, и мы совершенно не знаемъ, какимъ путемъ эти рукописи, по письму и языку несомнѣнно юго-славянскія, могли попасть въ Россію. Судя однако же по тому, что русскіе еще въ XI в. должны были постоянно сталкиваться на Аѳонѣ съ болгарами и сербами, едва-ли покажется кому смѣлой догадка, что эти рукописи были вывезены съ Аѳона или самими монахами, какъ извѣстно, часто пріѣзжавшими въ наше отечество за сборомъ пожертвованій, или какими-либо поклонниками Святой Горы. Относительно *Супрасльской рукописи* эта гипотеза находитъ себѣ и фактическое подтвержденіе: какъ извѣстно, она была найдена каноникомъ М. К. Бобровскимъ въ 1823 г. въ Супрасльскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (въ 20 верстахъ отъ города Бѣлостока). А исторически доказано, что этотъ монастырь былъ построенъ въ концѣ XV в. А. Ходкевичомъ для монаховъ Святой Горы. Какое же можетъ быть болѣе естественное предположеніе, чѣмъ то, что именно эти монахи привезли съ собой драгоцѣнную Минею?

Перечисленные памятники представляютъ древнѣйшіе памятники церковно-славянскаго языка. А такъ какъ этотъ языкъ есть не что иное, какъ языкъ болгарскій въ его древнѣйшей стадіи развитія, то отсюда слѣдуетъ, что *Аѳонъ сохранилъ намъ старѣйшіе памятники этого языка!*

Но, конечно, не случайно за то же самое благодарятъ Аѳонъ и ихъ ближайшіе сосѣди и соплеменники—сербы. Правда, старѣйшій датированный памятникъ сербскаго языка—*грамота бана Кулина* 1186 г.—былъ найденъ въ Дубровникѣ и теперь хранится въ Императорской Академіи Наукъ, но зато слѣдующій по времени документъ—*хризовулъ великаго жупана Стефана Немани* 1198 г. донынѣ красуется въ Хиландарскомъ монастырѣ и составляетъ его величайшую историческую реликвію. Въ этой грамотѣ властитель сербскаго народа пожаловалъ монастырю длинный рядъ селъ и опредѣлилъ ихъ права и

обязанности по отношенію къ монастырю. Она содержитъ въ себѣ множество данныхъ для исторической географіи Балканскаго полуострова, а также для исторіи сербскаго языка и внутренняго быта народа. Несмотря на то, что знаменитый хризовулъ издавался нѣсколько разъ, онъ все еще не дождался точнаго критическаго и въ частности фотографическаго воспроизведенія.

Кромѣ хризовула Стефана, въ библіотекѣ Хиландарскаго монастыря до недавняго времени хранился еще одинъ сербскій памятникъ XII в. чрезвычайной важности. Это—извѣстное *Мирославово Евангеліе*, писанное кириллицей на 168 лл. во второй половинѣ XII в. Большой славой въ наукѣ пользуется его роскошный орнаментъ, расписанный нѣкіимъ дьякомъ Григоріемъ для сербскаго князя Мирослава († 1197), сына Завидина, брата Стефана Немани. Для сербовъ культурно-историческое значеніе этого великолѣпнаго памятника почти такъ же велико, какъ для насъ—Остромирова Евангелія. Во время пребыванія покойнаго сербскаго короля въ Хиландарскомъ монастырѣ въ 1896 г., Мирославово Евангеліе было поднесено ему въ даръ братіей монастыря, и въ слѣдующемъ году было издано по его распоряженію фотолитографически. И кстати! Во время государственнаго переворота въ маѣ 1903 г., жертвою котораго палъ самъ король, драгоцѣнная рукопись исчезла неизвѣстно куда. О судьбѣ ея уже теперь ходятъ легенды. По однимъ, она сгорѣла въ пожарѣ, по другимъ, она находится гдѣ-то въ Россіи, по третьимъ, гдѣ-то въ Италіи. Какъ бы то ни было, но пышные покои королевскаго дворца оказались для рукописи болѣе опасными, чѣмъ ветхія стѣны полуразвалившагося монастыря!

Безъ сомнѣнія, съ Аѳона, но неизвѣстно, когда и изъ какого именно монастыря, вывезено епископомъ Порфиріемъ *Вуканово Евангеліе*, названное такъ по имени великаго жупана Вукана, для котораго оно было написано старцемъ Симеономъ въ 1199—1200 гг. Оно хранится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ и, хотя по внѣшнему виду и не можетъ сравниться съ предыдущимъ памятникомъ, тѣмъ не менѣе и оно чрезвычайно важно для исторіи сербскаго языка. Его палеографическія и лингвистическія особенности описаны проф. Кульбакинымъ [1]), а полное критическое изданіе его готовитъ въ настоящее время проф. П. А. Лавровъ.

---

[1]) „Изв. Отдѣленія русск. яз. и слов. Академіи Наукъ“, 1898.

До сихъ поръ мы говорили о памятникахъ, которые имѣютъ болѣе значенія для исторіи языка или письма славянскихъ народовъ, чѣмъ для исторіи литературы въ тѣсномъ значеніи этого слова. Тѣмъ не менѣе и въ этой области аѳонскіе монастыри сохранили не мало памятниковъ первоклассной важности. Къ сожалѣнію, недостатокъ остающагося въ моемъ распоряженіи мѣста не позволяетъ мнѣ распространяться о нихъ подробно, но принуждаетъ ограничиться лишь самымъ бѣглымъ ихъ обзоромъ.

Извѣстно, что въ X в., въ царствованіе болгарскаго царя Симеона, болгарская литература пережила эпоху необыкновеннаго расцвѣта, благодаря тому чрезвычайно гостепріимному пріему, который встрѣтили у отца Симеона, Бориса, изгнанные изъ Моравіи ученики Кирилла и Меѳодія. Въ скоромъ времени въ Болгаріи образовались два литературныхъ центра, одинъ въ восточной Болгаріи, въ Прѣславѣ, другой—въ Македоніи, въ Охридѣ. Во главѣ перваго стоялъ самъ царь Симеонъ, а во главѣ второго—епископъ Климентъ.

И вотъ весьма интересно констатировать фактъ, что Аѳонъ, несмотря на свою географическую отдаленность отъ обоихъ центровъ, сохранилъ лучшіе и древнѣйшіе списки нѣкоторыхъ сочиненій чуть не всѣхъ извѣстныхъ по имени древнихъ болгарскихъ писателей.

Такъ, если мы пожелаемъ познакомиться съ сочиненіями Климента,—этого величайшаго послѣ Кирилла и Меѳодія южно-славянскаго писателя,—то мы не избѣжимъ услугъ аѳонскихъ библіотекъ. Такъ, въ Хиландарскомъ монастырѣ хранятся Климентовы *Похвала на преставленіе Богородицѣ* [1]) и *Похвальное слово сорока мученикамъ* въ сербскомъ спискѣ 1542 г. [2]). Еще важнѣе по своему историческому интересу *Похвальное слово Кириллу, епископу словенскому,* несомнѣнно принадлежащее Клименту и читаемое, между прочимъ, въ одномъ среднеболгарскомъ сборникѣ XIV в. Этотъ сборникъ принадлежалъ прежде аѳонскому монастырю св. Павла, откуда былъ вывезенъ русскимъ археологомъ П. И. Севастьяновымъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ настоящее время онъ хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеѣ [3]). Новѣйшія изслѣдованія обнаружили

[1]) *Sava*, Rukopisy Chilandarské 69, по другому списку изд. Антоніемъ въ Правосл. Соб. 1851 г.

[2]) *Sava*, ib. Текстъ изд. Лавровымъ подъ названіемъ „Новое похвальное слово Климента Словѣнскаго“ (Изв. III, 4, 1086—1105).

[3]) *Викторовъ*, Собр. рукоп. Севастьянова 63 — 66, текстъ изданъ имъ же въ „Кирилло-Меѳодьевскомъ сборникѣ“, стр. 309—313.

большое сходство стиля „Похвальнаго Слова" съ знаменитыми *Паннонскими житіями* Кирилла и Меѳодія, что дѣлаетъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени вѣроятнымъ происхожденіе этихъ перловъ славянской исторической прозы отъ пера Климента [1]). Для реконструкціи первоначальнаго текста житій чрезвычайно важны показанія ихъ южно-славянскихъ списковъ, которыхъ, однако, сохранилось очень мало. Изъ нихъ одинъ сохранился въ *Четьи-Минеѣ* Хиландарскаго монастыря [2]). По всей вѣроятности, аѳонскаго происхожденія и *Загребская Четья-Минея* (собраніе Михановича), въ которой также имѣется *Легенда о Кириллѣ* [3]).

Не въ меньшей степени мы должны быть благодарны Аѳону и за сохраненіе списковъ съ нѣкоторыхъ сочиненій Іоанна экзарха. Такъ, кромѣ двухъ его *поученій*, содержащихся въ одномъ *Сборникѣ Зографскаго монастыря* [4]), особенную важность представляетъ сербскій списокъ *Шестоднева* московской Синодальной Библіотеки. Какъ видно изъ уцѣлѣвшей записи, этотъ списокъ былъ приготовленъ въ 1263 г. грамматикомъ Ѳеодоромъ, по повелѣнію извѣстнаго дѣятеля сербской литературы Доментіана, іеромонаха Хиландарскаго монастыря. Въ послѣднемъ рукопись и хранилась до тѣхъ поръ, пока ее не вывезъ оттуда въ Москву извѣстный Арсеній Сухановъ [5]).

И епископъ Константинъ также не былъ обиженъ Аѳономъ. Въ Вѣнской Придворной Библіотекѣ хранится сербскій списокъ съ *Учительнаго Евангелія*, XIV вѣка. Какъ видно изъ одной приписки, онъ принадлежалъ прежде соборной келіи Хиландарскаго монастыря въ Кареѣ. Хотя качествомъ своего текста этотъ списокъ и уступаетъ русскому синодальному, тѣмъ не менѣе, для критики первоначальнаго текста онъ имѣетъ огромную важность [6]).

Несравненное *Сказаніе о письменехъ* черноризца Храбра сохранилось на Аѳонѣ въ двухъ спискахъ: Хиландарскомъ и Зографскомъ. Первый дошелъ въ *Сборникѣ* XV вѣка и былъ изданъ архимандри-

---

[1]) *Лавровъ*, Климентъ епископъ слов. М. 1895. *Vondrak*, Studie. V Praze. 1903.

[2]) *Sava*, ib.

[3]) *Ягичъ*, Вопросъ 37. *Порфирій*, Первое путешествіе II, 1, стр. 98 и сл.

[4]) *Григоровичъ*, Очеркъ[2], 56.

[5]) *Горскій* и *Невоструевъ*, Описаніе рукописей II, № 54, текстъ изд. *Бодянскимъ* (Шестодневъ, составленный Іоанномъ экз., М. 1879).

[6]) Ср. *Михайловъ*, Къ вопросу объ Учительномъ Евангеліи еп. Константина. М. 1894.

томъ Дучичемъ [1]), а второй—въ *Зографской Четьи-Минеѣ* XV—XVI вв.; со стороны текста послѣдній былъ изслѣдованъ проф. П. А. Лавровымъ [2]). По наблюденіямъ новѣйшаго издателя „Сказанія", Вилинскаго, оба списка имѣютъ много общаго съ основнымъ (1348 г.), особенно первый [3]).

Изъ Хиландарскаго монастыря епископъ Порфирій вывезъ *Житіе Панкратія* епископа Тавроменійскаго, произведеніе пресвитера Іоанна, въ спискѣ XIII—XIV вв. Въ настоящее время онъ хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ [4]), но подробно былъ изслѣдованъ еще самимъ владѣльцемъ его [5]).

Самъ глава литературнаго движенія, Симеонъ, повидимому, тоже не былъ забытъ аѳонитами: недавно проф. Лавровъ нашелъ въ Хиландарскомъ монастырѣ сборникъ, который, по всѣмъ признакамъ, представляетъ югославянскій (именно сербскій) списокъ знаменитаго *Сборника Симеона*, русскій списокъ котораго уже давно извѣстенъ въ видѣ „Сборника Святослава" 1073 г. Хотя оба списка совпадаютъ между собой не вполнѣ, тѣмъ не менѣе, въ общихъ статьяхъ они даютъ одинаковый переводъ [6]).

Въ царствованіе Симеона былъ сдѣланъ переводъ *Хронографа Георгія Амартола*. Его сербскій списокъ XV вѣка донынѣ хранится въ Хиландарѣ [7]); еще болѣе древнимъ спискомъ (1389 г.) обладалъ монастырь св. Павла, но, къ несчастью, онъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ другими рукописями этого монастыря въ концѣ XIX в. [8]).

Пышный расцвѣтъ болгарской литературы въ царствованіе Симеона оказался кратковременнымъ, и уже по смерти великаго государя мы съ трудомъ можемъ указать двухъ-трехъ писателей, оставившихъ сколько-нибудь крупныя по своему значенію произведенія. Въ теченіе почти четырехъ слѣдующихъ вѣковъ литературная дѣятельность болгарскихъ писателей состояла въ болѣе или менѣе точномъ переписываніи книгъ, переведенныхъ въ начальную пору славянской

---

[1]) *Старине* Хиландарске 68—94, ср. *Sava*, Rukopisy 38.

[2]) Изв. I[3], 582—586.

[3]) Сказаніе, 13—15.

[4]) Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшихъ еп. Порфирію. С.-Пб. 1885, стр. 5.

[5]) Первое путешествіе на Аѳонъ, ч. I, отд. 2, стр. 39—97.

[6]) *Лавровъ*, Апокрифическіе тексты. С.-Пб. 1899, стр. I—XIII.

[7]) *Sava*, о. с. 40—41.

[8]) *Григоровичъ*, о. с. 23—24. *Леонидъ*, Славяносербскія книгохранилища 49.

письменности, и притомъ книгъ, нужныхъ болѣе для церковнаго богослуженія, чѣмъ для частнаго пользованія. Точное зеркало расцвѣта болгарской литературы, Аѳонъ съ такою же точностью отразилъ въ своихъ книжныхъ богатствахъ и время ея упадка: въ его библіотекахъ встрѣчается не мало средне-болгарскихъ рукописей XIII—XIV вв., которыя, не представляя по своему содержанію ничего новаго въ идейномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе очень важны, какъ показатели эволюціи литературнаго болгарскаго языка. Таковы, напр., *Драгіино Евангеліе* Пантелеймоновскаго монастыря XIII вѣка [1]), *Иверское Евангеліе* XIII вѣка [2]), *Радомирова Псалтырь* Зографскаго монастыря XIII вѣка [3]), *Грубанова Тріодь* того же монастыря XIII вѣка [4]), уже упомянутый выше *Драгановъ Трефологій* XIII вѣка того же монастыря [5]), также уже отмѣченный *Севастьяновскій сборникъ* изъ монастыря св. Павла XIII—XIV вв., *Драгалевъ Апостолъ* XIV вѣка того же монастыря [6]), *Зографское Евангеліе* 1305 г. [7]), *Тертеріево Евангеліе* 1322 г. Хиландарскаго монастыря [8]) и мн. др.

Кромѣ указанныхъ памятниковъ, можно было бы привести и длинный рядъ другихъ написанныхъ, переписанныхъ или спасенныхъ Аѳономъ отъ гибели рукописей, но и перечисленныхъ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что древне-болгарская и средне-болгарская литература всегда имѣла на Аѳонѣ не только постоянныхъ читателей, но и писателей. Еще болѣе тѣсно была связана съ аѳонскими монастырями древне-сербская литература: безъ преувеличенія можно сказать, что

---

[1]) Два листка его хранятся также въ Моск. Рум. Музеѣ въ собраніи Григоровича № 1694. Научно описаны они *С. М. Кульбакинымъ* въ „Матеріалахъ“ I, 65—67, а изданы *В. Н. Щепкинымъ*, въ книгѣ „Болонская Псалтырь“ 246—250.

[2]) *Пстковичъ*, Обзоръ 15—16; фотогр. снимки 9 листовъ находятся въ Моск. Рум. М., собр. Севастьянова. Ср. *Викторовъ*, 92.

[3]) *Порфирій*, Второе путешествіе, 145. *Стоиловъ*, Прѣгледъ, 156—157, фотографич. снимокъ одного листа въ собр. Севастьянова Моск. Рум. М. Ср. *Викторовъ*, 93.

[4]) *Стоиловъ*. Прѣгледъ, 140—141.

[5]) О немъ существуетъ уже цѣлая литература. Ср. *Сырку*, Къ исторіи исправленія, I, 1, 415.

[6]) *Лавровъ*, Труды Слав. Коммиссіи, I.

[7]) *Срезневскій*, Юсов. пам. 123, 348—349. *Стоиловъ*, Прѣгледъ, 145—146. Одинъ листъ находится въ И. П. Б., въ собр. еп. Порфирія. Ср. *Кр. обзоръ*, 43.

[8]) *Срезневскій*, Юсовые пам., 124—125, 348—349. Свѣдѣнія LXXXI, 28. *Дучић* Старине Хиландарске, 101—102; запись напечатана Лавровымъ въ Изв., I, 110.

Святая Гора была ея колыбелью. Я уже выше указывалъ, что не случайно величайшій представитель сербской государственности кончилъ жизнь аѳонскимъ монахомъ, а величайшій представитель сербской національной церкви началъ свою сознательную жизнь аѳонскимъ аскетомъ. Подъ вліяніемъ разсказовъ одного русскаго монаха, Савва тайно бѣжалъ изъ Сербіи на Аѳонъ, гдѣ и принялъ иночество. Впослѣдствіи онъ, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, построилъ монастырь Хиландарь, который для сербовъ сдѣлался на много вѣковъ тѣмъ, чѣмъ въ Кіевской Руси былъ Кіево-Печерскій монастырь, т. е. разсадникомъ просвѣщенія и литературной школой. Во главѣ этой школы сталъ самъ Савва, котораго живой примѣръ и литературная дѣятельность создали цѣлую плеяду подражателей и учениковъ; многіе изъ нихъ впослѣдствіи съ честью занимали наиболѣе отвѣтственные посты въ религіозной жизни Сербіи до архіепископскаго престола включительно. А потомъ, какъ прекрасно говоритъ Ягичъ, „воспоминанія о Саввѣ и Симеонѣ, этихъ народныхъ просвѣтителяхъ, привлекли на Аѳонъ со всѣхъ концовъ Сербіи множество набожныхъ людей, желавшихъ послужить Богу на томъ же мѣстѣ, гдѣ ему служили Симеонъ и великій учитель св. Савва. Короли и цари сербскіе не забывали Святой Горы и сербской Хиландарской лавры. Въ самомъ Хиландарѣ жило постоянно по нѣскольку сотъ сербскихъ монаховъ, которые, кромѣ отправленія монастырскихъ обѣтовъ, занимались еще писаніемъ книгъ. *Въ Хиландарскомъ монастырѣ всего болѣе было написано древне-сербскихъ книгъ: лучшіе или драгоцѣннѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены, написаны или списаны, и отсюда распространены по всей Европѣ* [1]). Что говорится сербами о Герцеговинѣ,— будто она населила весь свѣтъ, а сама не опустѣла,—то же можно бы было сказать и о сербскомъ Хиландарѣ: онъ наполнилъ всѣ европейскія библіотеки, а самъ не опустѣлъ“ [2]).

Такимъ образомъ, Хиландарь можно съ полнымъ правомъ назвать центромъ древне-сербскаго просвѣщенія, и неудивительно поэтому, что память о немъ донынѣ жива въ народной пѣснѣ:

„Да видите чудо невиђено,
Бјел Вилиндар усред Горе Свете,
Задужбину Саве Светитеља
И његова оца Симеуна“.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) *Ягичъ*, Исторія сербо-хорв. литер. Каз., 1871, стр. 182.

При такомъ огромномъ вліяніи Аѳона на древне-сербскую культуру, мы не побоимся впасть въ гиперболу, если скажемъ, что исторія древней сербской литературы есть въ сущности исторія сербской письменности на Аѳонѣ. Не имѣя возможности дать полный очеркъ исторіи древне-сербской литературы здѣсь, я позволю себѣ напомнить только такіе факты изъ этой исторіи, въ которыхъ вліяніе Аѳона на сербскую литературу отразилось *непосредственно и особенно наглядно*.

Сюда относится, прежде всего, большая часть произведеній пера самого основателя сербской литературы св. Саввы. Бывая часто по дѣламъ своего монастыря въ административномъ центрѣ Аѳона— Кареѣ, Савва, для своихъ религіозныхъ потребностей, построилъ тамъ келлію или „молчальницу“ (исихастарій) съ церковью своего патрона св. Саввы Освященнаго. Порядокъ церковной службы, какъ и вообще правила подвижничества въ этой келліи, онъ установилъ въ особомъ уставѣ, въ основу котораго положилъ типикъ, употреблявшійся въ палестинскомъ монастырѣ того же имени. Такъ возникло (1199 г.) одно изъ самыхъ раннихъ литературныхъ произведеній св. Саввы— *Карейскій Типикъ*. Его подлинникъ хранился прежде въ самой „молчальницѣ“, но теперь онъ составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній библіотеки Хиландарскаго монастыря [1]). Въ той же келліи св. Савва написалъ „*Службу*“ своему отцу, когда, по случаю годовщины его смерти, особый соборъ аѳонскихъ монаховъ его канонизировалъ. Къ сожалѣнію, ученые до сихъ поръ еще не выяснили, какая именно изъ дошедшихъ до насъ службъ этому святому принадлежитъ перу Саввы [2]). Наконецъ, въ убогихъ стѣнахъ карейской келліи узрѣлъ свѣтъ и одинъ изъ крупнѣйшихъ трудовъ неутомимаго инока—*Хиландарскій типикъ* (1200 г.) [3]). Строго говоря, названіе этого памятника не совсѣмъ точно: изслѣдованія проф. Дмитріевскаго [4]) показали, что въ дѣйствительности онъ представляетъ не самый типикъ, а лишь „прологъ“ къ нему, переведенный болѣе или менѣе буквально съ греческаго „Пролога“ къ типику Евергетидскаго монастыря. Этотъ выводъ вполнѣ подтвердилъ и сдѣланный Ягичемъ детальный анализъ текста

---

[1]) Лучшее изданіе Стојановића Споменик Српске Академије III (по Севастьяновскимъ спискамъ).

[2]) Ср. *Вуловић*, О књижевном раду св. Саве, 4. *Гавриловић*, Св. Сава, 80.

[3]) Лучшее изданіе еп. *Димитрія* въ Споменикѣ XXXI св.

[4]) Описаніе литургич. рукописей, I, Кіевъ, 1895.

Хиландарскаго типика [1]). Ягичъ пришелъ даже къ выводу, что переводъ былъ совершенъ Саввой не лично, а лишь подъ его редакціей. Тотъ же переводъ и тѣмъ же лицомъ (по мнѣнію Ягича, какимъ-то аѳонскимъ монахомъ родомъ изъ Македоніи) былъ впослѣдствіи приспособленъ къ нуждамъ *Студеницкаго монастыря*. Такъ возникъ *Студеницкій типикъ* (1208—1215), почти вездѣ буквально повторяющій Хиландарскій [2]). Этотъ типикъ не дошелъ до насъ въ цѣломъ видѣ, но, вѣроятно, его вводную часть составляла біографія св. Симеона Немани, написанная Саввой и открытая Шафарикомъ въ томъ же сборникѣ, гдѣ онъ нашелъ и Студеницкій типикъ [3]). Нѣкоторые изслѣдователи обращаютъ вниманіе, что стиль „Житія“ во многихъ отношеніяхъ повторяетъ стиль уже упомянутаго мною *Хризовули Стефана Немани* 1198—1199 гг., и потому склонны даже думать, что и послѣдній вышелъ изъ-подъ пера Саввы [4]).

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что литературная дѣятельность Саввы была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ аѳонскими идеалами и традиціями. То же самое слѣдуетъ повторить и о его ученикѣ и подражателѣ—знаменитомъ Доментіанѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, увлеченный подвигами св. Саввы, отправился на Святую Гору, онъ ни разу не измѣнилъ завѣтамъ своего учителя, котораго „послѣднимъ ученикомъ“ онъ самъ себя называлъ. По смерти Саввы онъ поселился въ упоминавшейся уже мною Карейской кельѣ, и здѣсь, отчасти по собственнымъ воспоминаніямъ, отчасти по разсказамъ другихъ, написалъ *Житіе Саввы* [5]). Двадцать лѣтъ спустя мы видимъ его уже духовникомъ Хиландарскаго монастыря; по его побужденію какой-то грамматикъ Ѳеодоръ переписалъ по-сербски въ 1263 г. болгарскую рукопись „Шестоднева“ Іоанна Болгарскаго, о которомъ мы уже говорили выше. Въ то же время и самъ „книголюбецъ“ (какъ его называетъ Ѳеодоръ) Доментіанъ не сидѣлъ праздно, но писалъ *Житіе св. Симеона*, которое кончилъ въ 1264 г. [6]). Впослѣдствіи первое изъ произведеній хиландарскаго подвижника под-

---

[1]) Типик Хиландарски и његов грчки извор. Споменик. XXXIV.

[2]) Изданъ *Иречкомъ* въ Глас'ѣ XL.

[3]) Издана Šafařík'омъ въ Památkách[2] 1—15.

[4]) *Станојевић*, Летоп. Мат. Српске, Кн. 182. *Гавриловић*, о. с. 70—71.

[5]) Издано *Даничичемъ* въ книгѣ „Живот Св. Симеуна и Св. Саве“. У Бѣогр. 1865.

[6]) Издано *Даничичемъ* тамъ же.

верглось переработкѣ какого-то Ѳеодосія [1]). Когда жилъ этотъ писатель, сказать очень трудно, но, во всякомъ случаѣ, раньше 1336 г., когда нѣкій Ѳеодулъ переписалъ его трудъ, донынѣ хранящійся въ библіотекѣ Хиландарскаго монастыря [2]). Въ этой же рукописи сохранилось и другое произведеніе Ѳеодосія—„Похвала Симеону и Саввѣ" [3]).

Наиболѣе выдающійся сербскій писатель XIV в., архіепископъ Даніилъ, вышелъ также изъ среды аѳонскихъ монаховъ: въ своемъ главномъ сочиненіи *Житія королей и архіепископовъ сербскихъ* [4]) онъ самъ называетъ себя нѣсколько разъ „воспитанникомъ и ученикомъ Святой Горы". Это сочиненіе, которое дошло до насъ, между прочимъ, въ спискѣ 1553 г. Хиландарскаго монастыря [5]), вѣроятно, онъ написалъ, будучи игуменомъ Хиландарскаго монастыря. Но потомъ онъ отказался отъ игуменства и удалился въ Карейскую типикарницу, и тутъ, по словамъ его біографа-ученика—также, безъ сомнѣнія, аѳонскаго монаха,—написалъ много книгъ, которыя, къ сожалѣнію, до насъ не дошли. Кромѣ біографіи Даніила, тотъ же анонимный ученикъ продолжилъ *Родословъ* своего учителя житіями Стефана Дечанскаго и Стефана Душана [6]).

До сихъ поръ мы говорили о корифеяхъ древне-сербской литературы. Но кромѣ нихъ на Аѳонѣ или для Аѳона трудился и цѣлый сонмъ второстепенныхъ сербскихъ „писателей", произведенія которыхъ отчасти и теперь хранятся въ библіотекахъ Аѳона, отчасти разсѣяны по разнымъ книгохранилищамъ Европы. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ изъ нихъ отмѣтили въ записяхъ къ своимъ трудамъ время и мѣсто ихъ написанія, и еще меньше—обозначили въ нихъ свои имена. Только въ видѣ исключенія называются, напримѣръ, рашскій епископъ Григорій, списавшій въ 1305 г. въ Хиландарскомъ мон. *Номоканонъ* [7]); дьякъ Радославъ, который переписалъ въ 1316 г. *Евангеліе*, подаренное королемъ Стефаномъ Урошемъ Карейской келліи [8]); іеро-

---

[1]) Это сочиненіе *Даничичъ* ошибочно приписалъ также Доментіану и издалъ въ книгѣ „Живот Светога Саве, написао Доментијан, у Беогр. 1860".

[2]) *Sava*, Rukopisy, str. 17 (№ 9).

[3]) *Sava*, ib.

[4]) Издано *Даничичемъ* въ книгѣ „Животи краљева и архијепископа Српских" У Беогр. 1866 г.

[5]) *Sava*, o. c., str. 45—46 (№ 174).

[6]) *Ягичъ*, Исторія, стр. 221.

[7]) Хранится теперь въ Воскрес. мон.; запись у Стојановића I, 16—17.

[8]) *Григоровичъ*, Очеркъ [2] 27, запись у Стојановића I, 20—21.

монахъ Гервасій, переписавшій въ 1312—1317 гг., по распоряженію игумена хиландарскаго Никодима, *Апостолъ* [1]); послѣдній, уже въ санѣ архіепископа сербскаго, перевелъ въ 1319 г. съ греческаго языка на сербскій *Типикъ св. Саввы Освященнаго* [2]). Далѣе можно назвать монаха Николу, переписавшаго въ 1329 г. въ Жрелѣ *Евангеліе*, хранившееся до недавняго времени въ монастырѣ св. Павла на Аѳонѣ [3]); „грѣшнаго" Романа, переписавшаго въ 1331 г., по повелѣнію игумена Гервасія, *Типикъ*, прежде принадлежавшій Хиландарскому монастырю, а теперь Берлинской Королевской Библіотекѣ [4]); „многогрѣшнаго" Станислава, переписавшаго, по повелѣнію великаго воеводы Оливера, въ 1342 г. *Минею* для Хиландарскаго монастыря [5]); какого-то анонима, списавшаго въ 1347 г. для Стефана Душана въ лаврѣ св. Аѳанасія *Четвероевангеліе* [6]), и т. д., и т. д. Конечно, не всѣ изъ перечисленныхъ лицъ были аѳонскіе иноки, но для характеристики литературнаго вліянія Святой Горы на сербскую письменность не лишено интереса уже то обстоятельство, что ея монастыри хранили или сохранили всѣ эти рукописи; а, вѣдь, изъ нихъ уцѣлѣла до нашего времени только ничтожная часть!

Между тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно въ XIV вѣкѣ расцвѣтъ славянской письменности на Аѳонѣ долженъ былъ достигнуть своего апогея. Какъ я указывалъ уже выше, въ это время религіозная жизнь на Св. Горѣ очень оживилась, благодаря ученію объ „умномъ дѣланіи", которое здѣсь началъ распространять одинъ изъ величайшихъ византійскихъ писателей—Григорій Синаитъ. Онъ родился въ малоазіатскомъ городкѣ Кукула, въ богатой и благочестивой семьѣ. Еще съ дѣтскихъ лѣтъ имѣя влеченіе къ уединенной монашеской жизни, Григорій покинулъ родительскій домъ и долго скитался по разнымъ монастырямъ и пустынямъ. Сначала онъ посѣтилъ островъ Кипръ и Синайскую гору, гдѣ принялъ схимничество или великій ангельскій образъ. Его монашескіе подвиги на этой горѣ заслужили ему такую славу, что „Синаитъ" стало его прозвищемъ.

---

1) *Sava*, ib., 17, запись у Стојановића I, 21.

2) *Стојановић*, I, 22—24.

3) *Григоровичъ*, ib., 21, запись у Стојановића I, 25—26.

4) *Jagić*, Opisi i isvodi, 1 sq. *Воскресенскій*, Слав. рукоп. 12, зап. у Стојановића I, 27.

5) *Ламанскій*, О нѣк. слав. рукоп. 165; запись у Стојановића I, 31.

6) *Sava*, l. c. 18; запись у Стојановића I, 35.

Личныя столкновенія съ другими монахами, старавшимися набросить тѣнь на его искренность, сдѣлали, однако, его пребываніе на Синаѣ невыносимымъ, и онъ оставилъ его, чтобы поселиться на островѣ Критѣ въ одной уединенной пещерѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ однимъ монахомъ Арсеніемъ, у котораго онъ научился основамъ своего будущаго ученія—*созерцанію*. Одушевленный новыми идеалами и полный новыхъ идей, Григорій Синаитъ почувствовалъ необходимость въ болѣе широкомъ поприщѣ для своей дѣятельности, а такимъ могъ быть тогда только Аѳонъ. И вотъ скоро мы видимъ его на Святой Горѣ, окруженнымъ многочисленными учениками, жадно ловившими каждое его слово. Скромный скитъ Магула (близъ мон. Филоѳеу), гдѣ поселился Григорій, сдѣлался притягательнымъ центромъ для всѣхъ тѣхъ монаховъ, которые въ красивомъ ученіи объ интуитивномъ познаніи Бога посредствомъ безпрерывнаго нравственнаго совершенствованія и личнаго отреченія хотѣли найти смыслъ своей жизни. Въ числѣ учениковъ и послѣдователей Григорія были такіе выдающіеся византійскіе дѣятели, какъ св. Герасимъ, св. Іосифъ, св. Николай, Маркъ, Григорій Палама (бывшій Солунскій митрополитъ), Каллистъ и Филоѳей. Послѣдніе два позже занимали престолъ константинопольскаго патріарха. Безъ сомнѣнія, среди его аѳонскихъ учениковъ были и славяне: болгары и сербы. По крайней мѣрѣ, составитель его житія называетъ двухъ лицъ, которыя, какъ справедливо говоритъ Сырку, несомнѣнно, были славянскаго происхожденія, — это Іаковъ, который „наставленіемъ и водительствомъ божественнаго Григорія достигъ такой высоты добродѣтелей, что удостоился принять и санъ архіерейства;—онъ сдѣлался епископомъ Сербіи". Другой ученикъ, — Климентъ, который „былъ родомъ изъ Болгаріи и на родинѣ былъ пастухомъ овецъ" [1]). Конечно, это были не первые и не послѣдніе среди многихъ другихъ славянскихъ учениковъ великаго аскета, и не даромъ память о просвѣтительной дѣятельности Григорія долго жила среди славянъ: въ одной припискѣ къ рукописному сборнику его твореній, составленному, несомнѣнно, въ Болгаріи, Григорій Синаитъ титулуется какъ „первый учитель болгаромъ и сербомъ умнаго дѣланія по преданію и художеству древнихъ отецъ" [2]). Впрочемъ, весьма возможно, что въ этихъ словахъ сохранилась традиція не столько объ его аѳонскомъ учительствѣ, сколько о болѣе позднемъ періодѣ его жизни,

---

[1]) Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи I, 1, 69—70.

[2]) *Сырку*, ibid., 62.

когда онъ изъ-за постоянныхъ турецкихъ нашествій рѣшилъ совсѣмъ бросить Святую Гору и поселиться въ Параоріи (во Ѳракіи, на границѣ Болгаріи и Византіи). Здѣсь, уже на этнографически-славянской землѣ, онъ продолжалъ свою учительскую дѣятельность. Среди его славянскихъ учениковъ выдавались: Романъ, Ромилъ, но болѣе всѣхъ Ѳеодосій Тырновскій. Послѣдній, со всѣмъ пыломъ своего горячаго сердца, присоединился къ новому ученію, которое онъ могъ изучить во всѣхъ подробностяхъ не только изъ устъ и книгъ своего учителя, но и у самаго первоисточника—на Святой Горѣ, гдѣ онъ подвизался одно время по смерти Григорія. Вернувшись на родину и построивъ монастырь близъ Тырнова, Ѳеодосій началъ дѣятельно распространять ученіе исихастовъ среди своихъ приверженцевъ. Въ короткое время вокругъ него собрались около 50 монаховъ, между которыми были не только болгары, но и сербы, валахи и венгры. Такимъ образомъ, *благодаря Ѳеодосію, аѳонскій мистицизмъ сталъ важнымъ культурнымъ факторомъ на всемъ славянскомъ юго-востокѣ*. Здѣсь не мѣсто говорить о церковно-общественной и политической дѣятельности великаго болгарскаго исихаста. Для нашей цѣли важно только указать, что вызванное Ѳеодосіемъ умственное движеніе послужило могущественнымъ толчкомъ къ новому расцвѣту болгарской литературы при патріархѣ Евѳиміи [1]). Послѣдній, какъ можно считать теперь окончательно доказаннымъ послѣ новѣйшихъ изслѣдованій [2]), вышелъ вполнѣ изъ среды болгарскихъ послѣдователей аѳонскаго мистицизма. Любимый ученикъ Ѳеодосія Тырновскаго, онъ еще при его жизни былъ поставленъ игуменомъ основаннаго имъ монастыря. Когда въ 1365 г. Ѳеодосій отправился въ Константинополь, чтобы навѣстить своего стараго друга патріарха Каллиста, то онъ взялъ съ собой и Евѳимія. Здѣсь Ѳеодосій и прожилъ послѣдніе годы своей жизни (1365—1367). Похоронивъ учителя, Евѳимій не вернулся на родину, но отправился на Аѳонъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы въ центрѣ исихазма практически усвоить правила новаго ученія. На Аѳонѣ Евѳимій подвизался

---

[1]) Интересно, что одинъ изъ предшественниковъ Евѳимія по тырновской каѳедрѣ, патр. Ѳеодосій, также находился въ литературныхъ сношеніяхъ съ Аѳономъ: онъ подарилъ Зографскому мон. Пандекты Никона Черногорца 1349 г. съ собственноручною подписью. См. статью объ этой рукописи ея нынѣшняго владѣльца *Н. П. Лихачева* въ Изв. Отд. русс. яз. и слов. И. А. Н. X, кн. 4, стр. 312—319.

[2]) *Радченко,* Религіозное и литературное движеніе въ Болгаріи, К. 1898. *Сырку* Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи т. I, вып. 1, С.-Пб. 1898. *Kałužniacki,* Werke des patr. Euthymius. Wien 1901. *Поповъ,* Евтимий, Пловдивъ 1901.

сначала въ лаврѣ св. Аѳанасія, а потомъ на одномъ столпѣ близъ Зографскаго монастыря. Здѣсь Евѳимію пришлось, между прочимъ, выдержать столкновеніе не съ кѣмъ другимъ, какъ съ самимъ византійскимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ, когда тотъ на возвратномъ пути изъ Авиньона (1370) проѣзжалъ черезъ Аѳонъ: введенный въ заблужденіе клеветой одного монаха, будто Евѳимій прячетъ свои сокровища, императоръ тщетно пытался выжать у него деньги; обозленный неудачей, онъ сослалъ Евѳимія на островъ Лемносъ. Получивъ потомъ помилованіе, Евѳимій вернулся въ Трново и здѣсь (точнѣе, въ близъ лежащемъ монастырѣ св. Троицы) началъ свою многостороннюю и кипучую литературную дѣятельность.

Безъ сомнѣнія, мы бы очень далеко уклонились отъ темы статьи, если бы стали подробно излагать исторію литературной дѣятельности Евѳимія и его школы. Обращая вниманіе читателя на указанныя монографіи, я позволю себѣ напомнить здѣсь еще то обстоятельство, что нравственная связь съ Аѳономъ у великаго болгарскаго патріарха продолжалась не только при его жизни, но и послѣ его смерти. Это видно уже изъ широкой популярности, которою пользовались его творенія на Святой Горѣ: несмотря на всѣ опустошенія и хищенія, списки многихъ произведеній Евѳимія донынѣ хранятся въ библіотекахъ Аѳона. Такъ, Зографскій монастырь справедливо гордится великолѣпнымъ пергаменнымъ свиткомъ XIV вѣка, содержащимъ на средне-болгарскомъ языкѣ Евѳиміевъ переводъ *Литургическаго устава Іоанна Златоустаго* (составленнаго Константинопольскимъ патріархомъ Филоѳеемъ) [1]). Кромѣ того, въ томъ же монастырѣ хранятся три его *Служебника* (сербской ред. XV и XVI в.), уже послужившіе вмѣстѣ съ предыдущей рукописью предметомъ цѣлой диссертаціи [2]). Тамъ же проф. Истринъ отмѣтилъ средне-болгарскій сборникъ XV в. съ житіями *Іоанна Рыльскаго, Илларіона Мъгленскаго* и *Параскевы*, принадлежащими къ числу лучшихъ оригинальныхъ и исторически-цѣнныхъ произведеній Евѳимія [3]). Житіе патрона болгарскаго народа давно отмѣчено также въ одномъ сербскомъ сборникѣ XVII вѣка Хиландарскаго монастыря [4]) и еще въ другой рукописи (XIV—XV в.) того же мона-

---

[1]) *Сырку*, Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи I; 2, I—XII. *Kałužniacki*, Werke CII.

[2]) *Сырку*, о. с. *Kałužniacki*, о. с.

[3]) *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1896 г., апр., 75. *Kałužniacki*, о. с.

[4]) *Дмитріевъ-Петковичъ*, Обзоръ аѳонскихъ древностей, 61. *Sava*, о. с. 53—54. *Kałužniacki*, о. с. CI.

стыря, гдѣ оно помѣщено вмѣстѣ съ *Службой царицѣ Өеофанѣ* [1]). Въ Хиландарскихъ же сборникахъ (XVII в.) найдены *Посланіе Кипріану* и *Похвальное слово Константину и Еленѣ* [2]). Тѣ же самыя сочиненія Евөимія были открыты въ монастырѣ св. Павла, но, къ сожалѣнію, всѣ они погибли во время недавняго пожара. Древнѣйшею изъ этихъ рукописей былъ средне-болгарскій сборникъ XV—XVI в., содержавшій *Посланіе Кипріану* [3]). Остальныя относились къ XVI и XVII вѣку и заключали въ себѣ, между прочимъ, *житія Илларіона Моглѣнскаго* и *Іоанна Рыльскаго, Похвальное слово Михаилу изъ Потуки* и два *Похвальныхъ слова Константину и Еленѣ* [4]).

Литературное вліяніе Евөимія распространялось не только прямо—посредствомъ его книгъ и личнаго примѣра,—но и косвенно—черезъ его многочисленныхъ учениковъ, популяризовавшихъ его идеи (точнѣе: тогдашняго аөонскаго монашества) во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ православнаго славянства. Впрочемъ, нѣкоторые изъ его учениковъ сами побывали на Аөонѣ, гдѣ имѣли полную возможность усвоить результаты тогдашней византійской учености и ознакомиться съ новѣйшими теченіями религіозной мысли. Такъ, одинъ изъ ближайшихъ учениковъ и родственниковъ патр. Евөимія, Кипріанъ, еще до избранія своего въ митрополиты „всея Россіи“ (1379 г.), посѣтилъ Святую Гору; онъ жилъ тамъ преимущественно въ монастырѣ св. Павла и лаврѣ св. Аөанасія, игуменъ которой, бывшій византійскій патріархъ Филоөей, оказалъ ему всяческое покровительство [5]). На Аөонѣ же перевелъ въ 1371 г. *сочиненія Діонисія Ареопагита* съ толкованіями Максима Исповѣдника и тотъ іеромонахъ Исаія, который потомъ принесъ свой трудъ въ Россію (1417—1419 г.) [6]). О личности его почти ничего неизвѣстно, но судя по тому, что онъ жилъ во время Евөимія и былъ одно время монахомъ Трновской лавры 40 мучениковъ, его слѣдуетъ признать однимъ изъ учениковъ болгарскаго патріарха [7]). Нельзя сказать этого съ такою же увѣренностью о старцѣ

---

[1]) *Сырку*, Евөимія патр. Тырновскаго Служба преп. царицѣ Өеофанѣ, с. II. *Sava*, о. с. 37. *Kałużniacki*, ib.

[2]) *Sava*, о. с. 31, 44. *Kałużniacki*, о. с. C—CI.

[3]) *Леонидъ*, Славяно-серб. книгохранилища, 50. *Kałużniacki* о. с. CI.

[4]) *Дмитріевъ-Петковичъ*, о. с. 34. *Леонидъ*, 49, 57. *Kałużniacki*, ib.

[5]) *Поповъ*, Евөимій 241.

[6]) *Иконниковъ*, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русс. исторіи 62.

[7]) *Поповъ*, о. с. 272. По мнѣнію другихъ изслѣдователей, онъ былъ сербомъ. *Некрасовъ*, Пахомій Логоөетъ 8—9.

Іоаннѣ, который во второй половинѣ XIV вѣка занимался въ лаврѣ св. Аѳанасія переводами съ греческаго языка на славянскій разныхъ богослужебныхъ и небогослужебныхъ книгъ [1]). Но такъ какъ сообщенные епископомъ Порфиріемъ отрывки имѣютъ всѣ признаки трновской редакціи, то едва ли можно считать слишкомъ смѣлымъ мнѣніе Сырку, что старецъ Іоаннъ былъ „одинъ изъ сподвижниковъ или современниковъ трновскаго патріарха Евѳимія" [2]). Величайшій изъ учениковъ „художника словенскихъ письменъ", Григорій Цамблакъ, также не составлялъ исключенія въ ряду своихъ сотоварищей, но, какъ и они, прошелъ неизбѣжную въ то время иноческую и литературную школу въ одной изъ аѳонскихъ обителей. Вполнѣ безспорныя доказательства этого привелъ недавно А. И. Яцимирскій въ своей талантливой монографіи, посвященной знаменитому славянскому церковному проповѣднику [3]): здѣсь не только имъ окончательно установленъ самый фактъ пребыванія Цамблака на Святой Горѣ, но и указанъ точно монастырь, въ которомъ онъ подвизался и даже переписалъ въ 1389 г. *книгу Исаака Сирина* [4]). Это—все та же лавра св. Аѳанасія, которая, повидимому, была любимымъ мѣстопребываніемъ Евѳимія и его учениковъ. По не лишенной правдоподобія догадкѣ Яцимирскаго, тутъ же совершилось и иноческое посвященіе Цамблака, прежде Гавріила, теперь Григорія [5]). Въ своей послѣдующей кипучей литературной и церковно-общественной дѣятельности, которая протекала въ средѣ трехъ славянскихъ народовъ (болгарскаго, сербскаго и русскаго), Григорій Цамблакъ имѣлъ широкую возможность прилагать къ жизни пріобрѣтенный имъ на Святой Горѣ запасъ знаній. Но и Аѳонъ не совсѣмъ его забылъ, какъ можно судить по значительному числу его сочиненій, сохранившихся въ одномъ сборникѣ монастыря святого Павла [6]).

Такимъ образомъ, всѣ ближайшіе ученики Евѳимія считали своимъ долгомъ побывать на духовной родинѣ своего учителя. Но и тѣ писатели, которые лично не знали Евѳимія, но унаслѣдовали его литературныя традиціи черезъ его учениковъ, тоже, по большей части,

---

[1]) Онѣ перечислены въ записи Синайскаго Октоиха XIV в., описаннаго еп. Порфиріемъ въ книгѣ „Первое путешествіе въ Синайскій монастырь", стр. 215—216.

[2]) *Сырку*, Къ исторіи I, 1, 457.

[3]) Григорій Цамблакъ. С.-Пб. 1904, стр. 31.

[4]) *Яцимирскій*, о. с. 33—34.

[5]) *Яцимирскій*, о. с. 37.

[6]) *Яцимирскій*, о. с. 33.

стремились попасть на Аѳонъ. Такъ, по довольно вѣроятной догадкѣ Сырку, Святую Гору посѣтилъ, во время своего путешествія на Востокъ, *Константинъ Костенчскій* [1]). Но если бы даже эта догадка оказалась, въ концѣ концовъ, невѣрной, то отъ этого нисколько не умалилось бы значеніе Константина въ исторіи сербской письменности, къ которой онъ примѣнилъ принципы Евѳиміевскаго правописанія. Какъ извѣстно, эти принципы Константинъ усвоилъ у ученика Евѳимія Андроника и потомъ теоретически обосновалъ ихъ въ спеціальномъ трактатѣ „Сказаніе о письменехъ" [2]). Послѣдній положилъ начало цѣлой литературной школѣ „ресавскаго письма", которая представляла своеобразный компромиссъ правописанія сербскихъ книгъ съ орѳографическими пріемами Евѳимія. Такимъ образомъ, идея великаго болгарскаго святителя объ исправленіи церковныхъ книгъ и ихъ правописанія,— идея, зародившаяся у него, вѣроятно, еще на Аѳонѣ [3]), черезъ посредство его учениковъ сыграла огромную роль и въ сербской литературѣ.

Патріархъ Евѳимій и его ученики были послѣдніе крупные представители аѳонскаго монашества изъ болгаръ. Съ половины XIV в. въ славянскихъ монастыряхъ Святой Горы болгарское вліяніе начинаетъ постепенно уступать мѣсто сербскому [4]), и въ XV в. оно дѣлается господствующимъ. Это произошло, главнымъ образомъ, вслѣдствіе измѣнившихся условій политической жизни на Балканскомъ полуостровѣ. Завоеваніе Стефаномъ Душаномъ г. Серреса (1345 г.) значительно приблизило сербовъ къ Аѳону географически. Возложивъ на себя императорскій вѣнецъ и провозгласивъ сербскаго архіепископа независимымъ отъ Византіи патріархомъ, „Стефанъ Душанъ, говоритъ Ѳ. И. Успенскій, долженъ былъ искать опоры въ греческомъ духовенствѣ и въ старцахъ Аѳонской горы. Обиліе выданныхъ въ это время жалованныхъ грамотъ показываетъ, какъ онъ щедро вознаграждалъ своихъ приверженцевъ. Въ декабрѣ 1347 г. Душанъ лично посѣтилъ Аѳонъ и провелъ здѣсь четыре мѣсяца, всюду расточая знаки вниманія и дѣлая богатыя приношенія въ монастыри. Несомнѣнно, что сербскимъ

---

[1]) Очерки изъ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вв. С.-Пб. 1901, X, C.

[2]) Изданъ *Ягичемъ* въ книгѣ „Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ". С.-Пб. 1885—1895.

[3]) Ср. *Теодоровъ*, Българска литература², 81.

[4]) *Некрасовъ*, Пахомій Логоѳетъ 5 и сл.

царемъ руководила въ этомъ отношеніи политическая цѣль—поколебать на Балканскомъ полуостровѣ авторитетъ греческой власти и утвердить симпатіи къ основанному имъ сербскому царству и патріаршеству. Популярное на Аѳонѣ и въ Македоніи имя Григорія Паламы имѣло извѣстное значеніе въ планахъ Душана" [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что въ это время притокъ сербскихъ монаховъ въ Аѳонскіе монастыри долженъ былъ особенно усилиться. Сравнительно со своими болгарскими товарищами, послѣдніе находились въ болѣе выгодномъ положеніи, такъ какъ получали щедрую помощь не только со стороны сербскихъ государей, но и со стороны многихъ сербскихъ вельможъ и властителей. Между тѣмъ, болгарскіе иноки съ паденіемъ Трновскаго царства въ 1393 г. и Виддинскаго въ 1398 г. были предоставлены сами себѣ. По счастью, въ то время на Аѳонѣ еще не было политическаго антагонизма между обоими братскими народами, какой, къ сожалѣнію, наблюдается теперь. Сербскіе монахи не только не старались вытѣснить болгаръ изъ ихъ насиженныхъ гнѣздъ, но даже охотно пользовались плодами ихъ литературной дѣятельности. Еще при жизни Евѳимія и задолго до появленія въ свѣтъ знаменитаго трактата о письменахъ Константина Костенчскаго, сербы познакомились на Аѳонѣ съ орѳографической реформой болгарскаго патріарха, и евѳиміевскія исправленныя книги получили у нихъ такую славу, что онѣ стали у нихъ называться „правымъ святогорскимъ изводомъ". Доказательствомъ можетъ служить хотя бы то, что два серба, переписывая въ 1374 г. на Синаѣ Цвѣтную Тріодь, не безъ чувства гордости въ особой записи сообщаютъ, что ихъ оригиналъ принадлежалъ именно къ болгарскому изводу [2]). Что даже во время побѣдоносная шествія турокъ по Балканскому полуострову, Аѳонъ не переставалъ служить притягательнымъ центромъ для лучшихъ писательскихъ силъ Сербіи, видно изъ того, что когда деспотъ Стефанъ Лазаревичъ задумалъ обогатить родную литературу новыми переводами, то онъ могъ найти способныхъ выполнить эту задачу лицъ только на Святой Горѣ. Такъ, „собирая разнаго рода книги, разсказываетъ Сырку въ своихъ весьма интересныхъ «Очеркахъ изъ исторіи литературныхъ сношеній», разъ деспотъ

[1]) Очерки, 374—375. Болѣе подробно разсмотрѣнъ вопросъ объ отношеніи Душана къ Аѳону, старцамъ котораго онъ былъ особенно благодаренъ за ихъ участіе въ вѣнчаніи его на царство въ 1342 г., *Флоринскимъ* въ книгѣ „Южные славяне и Византія". С.-Пб. 1882, II, 121 и сл.

[2]) *Востоковъ*, Филологич. наблюденія, стр. 178. *Ягичъ*, Исторія, стр. 193. *Сырку*, Очерки LXXVIII.

напалъ на книгу *Зонары*, которая, по его мнѣнію, являлась какъ бы *новымъ паралипоменомъ* для другихъ, дополняя недостающее у другихъ писателей и даже недостающее въ книгахъ Моисейскихъ и четырехъ Царствъ. Эту книгу онъ передалъ іеромонаху Тимоѳею, чтобы понести ее на Аѳонъ, въ Хиландарь, для переписки. Видно, деспотъ у себя не имѣлъ еще въ то время людей, которые могли бы совершить это дѣло у него. На Аѳонѣ вскорѣ послѣ этого Тимоѳей сдѣлался игуменомъ Хиландарской лавры, и тогда онъ поручилъ переписку этой книги монаху Григорію, который, несмотря на свою болѣзнь, взялся исполнить порученіе, чтобы не казаться ослушнымъ волѣ игумена и не обидѣть деспота, который оказывалъ много благодѣяній Хиландарю. Несомнѣнно, Тимоѳей былъ аѳонецъ, и къ деспоту онъ явился по дѣлу монастырскому, всего вѣрнѣе за милостынею (стр. XCIII—XCIV). Григорій не просто переписалъ книгу, но критически провѣрилъ ея текстъ по лѣтописи Георгія Амартола, сдѣлавъ, гдѣ нужно, дополненія и сокращенія“ [1]). Это было въ 1408 г. Въ томъ году нѣкто Радичъ переписалъ для деспота *Цвѣтную Тріодь*. Хотя мѣсто его работы въ точности неизвѣстно, тѣмъ не менѣе довольно вѣроятно, что рукопись явилась въ свѣтъ на Аѳонѣ: оттуда (скитъ Лаккосъ), по крайней мѣрѣ, вывезъ ее епископъ Порфирій [2]). Черезъ четыре года другой инокъ Гавріилъ перевелъ въ Хиландарѣ *Толкованіе книги Іова Олимпіодора* [3]). Въ томъ же Хиландарѣ болгаринъ Герасимъ переписалъ для деспота какую-то книгу, но неизвѣстно въ точности, когда [4]). Около 1421 г. Стефанъ вызвалъ съ Аѳона одного монаха кины ради прѣписанія книжнаго. Но послѣдній, считая себя „недостойнымъ“ и „невѣждою“, согласился пріѣхать къ деспоту только послѣ вторичнаго приглашенія. Въ Сербіи, въ Любостинской пустыни, близъ монастыря Успенія, онъ переписалъ, по порученію деспота, *Евангеліе*; послѣ этого онъ хотѣлъ вернуться на Аѳонъ, но былъ удержанъ деспотомъ, уговорившимъ его переписать еще слѣдующія книги: *Судей*, *Левитъ*, *Второзаконіе*, *пять книгъ Моисея* и *Зонару*. Но и эта работа не была послѣдней. По окончаніи ея

[1]) Изд. *О. М. Бодянскимъ* „Паралипоменъ Зонаринъ“ М. 1843. Ср. *Сырку*, Очерки, XCIII.

[2]) Краткій обзоръ собранія рукописей, принадлежавшихъ преосв. еп. Порфирію, 13—14. *Стојановиħ*, Записи I, 67.

[3]) *Горскій* и *Невоструевъ*, II, 1, 54—55. *Стојановиħ*, Зап. I, 69.

[4]) *Јагиħ*, Гласник XLII, 242. *Сырку*, Очерки XLV.

деспотъ убѣдилъ монаха не покидать Сербіи и даже построилъ для него Рождественскій монастырь на рѣкѣ Далша (въ теперешнемъ Пожаревацкомъ округѣ). Здѣсь вокругъ него собралось скоро до 35 монаховъ, изъ которыхъ нѣкоторые пришли къ своему товарищу съ Аѳона [1]). По весьма правдоподобной догадкѣ Сырку, „въ связи съ дѣятельностью аѳонскаго монаха находится работа другого лица — Досиоея, въ схимѣ Моисея, который въ 1418 г. списалъ четыре библейскія книги Царствъ, переведенныя не задолго передъ тѣмъ, именно въ 1416 г., для деспота Стефана Лазаревича въ подкрилїи горы Прозрака, близъ храма прѣчистыѥ Богородицѥ, иже на Љювостыни" [2]). Эта книга весьма замѣчательна для исторіи славянской письменности въ Сербіи и уже вызвала въ нашей литературѣ цѣлую спеціальную монографію [3]). Даже въ послѣдніе годы своего царствованія деспотъ Стефанъ Лазаревичъ не переставалъ поощрять аѳонскихъ монаховъ къ литературной дѣятельности. Такъ, для его библіотеки была написана *Лѣствица Іоанна Климака*, по мнѣнію Сырку, тѣмъ же монахомъ, который былъ вызванъ деспотомъ съ Аѳонской горы [4]). А въ 1426 г., т. е. за годъ до его смерти, нѣкій монахъ Іаковъ перевелъ на Святой Горѣ *Шестодневъ Іоанна Златоустаго*, другую часть котораго перевелъ въ томъ же году попъ Венедиктъ [5]).

Всѣ эти факты наглядно показываютъ, какъ высоко цѣнились литературныя способности аѳонскихъ монаховъ еще въ XV в., и неудивительно, что деспотъ Стефанъ Лазаревичъ не жалѣлъ ничего для привлеченія ихъ въ Сербію. И онъ былъ, конечно, не одинъ. По крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что и деспотъ Юрій Бранковичъ столь же высоко цѣнилъ литературную репутацію аѳонитовъ: когда онъ убѣдился въ недостаточности древняго Симеоновскаго перевода *Лѣствицы*, то онъ собралъ въ свою столицу Смедерево множество греческихъ и славянскихъ списковъ этого памятника и пригласилъ туда монаховъ, столѣтнихъ старцевъ изъ Хиландаря, для составленія но-

[1]) Всѣ эти данныя находятся въ записи упомянутаго Евангелія мон. св. Павла, отрывокъ котораго вывезенъ еп. Порфиріемъ и теперь находится въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Ср. *Новаковић*, С археолошке изложбе 11, Краткій обзоръ 48—49. *Сырку*, Очерки, XCVI—XCVII.

[2]) *Сырку*, о. с., XCVII—XCVIII.

[3]) *Попруженко*, Къ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV в. „Книги Царствъ". Одесса 1894 г.

[4]) *Сырку*, о. с., XCVIII.

[5]) *Ягичъ*, Исторія, стр. 200. *Сырку*, о. с., XCV—XCVI.

ваго исправленнаго текста *Лѣствицы*. Они блестяще выполнили возложенную на нихъ задачу [1]).

Окончательное паденіе сербской политической независимости (1459 г.) было тяжелымъ ударомъ и для славянскихъ монастырей Аѳона: они уже не могли разсчитывать на близкую и щедрую поддержку сербскихъ деспотовъ, а помощь румынскихъ господарей и московскихъ царей не всегда приходила во время, какъ вслѣдствіе географической отдаленности Аѳона отъ ихъ державъ, такъ и вслѣдствіе ихъ частыхъ политическихъ столкновеній съ Турціей. Съ этого-то времени и начинается то постепенное разложеніе аѳонской монашеской общины и паденіе ея благосостоянія, о которомъ я говорилъ выше въ своемъ историческомъ очеркѣ Аѳона. Конечно, параллельно съ его матерьяльнымъ упадкомъ, шло и разложеніе духовное, вслѣдствіе чего и литературная дѣятельность славянскихъ монаховъ сильно понизилась и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, окончательно славянская письменность на Аѳонѣ не прекращалась никогда, какъ не прекращались у тамошнихъ иноковъ и литературные интересы. Это доказываютъ уже тѣ огромныя книжныя богатства, которыя аѳонскимъ монастырямъ удалось если не создать, то сохранить и сберечь въ самыя тяжелыя для нихъ времена. Несмотря на постоянныя хищенія, которымъ начали подвергаться аѳонскія книгохранилища со времени знаменитой экспедиціи Арсенія Суханова; несмотря на частые пожары, опустошавшіе и иногда до тла уничтожавшіе такія огромныя библіотеки, какъ монастырь св. Павла; несмотря даже на еще болѣе разрушительное дѣйствіе человѣческой злобы и невѣжества,—несмотря на все это, книжныя богатства Аѳона колоссальны даже теперь, въ XX вѣкѣ! Какими же они должны были быть въ XVI и XVII вв., когда къ прежнимъ вандаламъ еще не присоединились новѣйшіе?!

Но что для насъ дороже всего, такъ это то, что въ сердцахъ славянскихъ монаховъ Аѳона, вмѣстѣ съ любовью къ книжному слову, никогда не угасали и любовь къ своей народности и ея сознаніе. Мало того, многіе изъ нихъ не только свято сохранили для потомства преданія славнаго прошлаго, но даже выступили передовыми бойцами и за лучшее будущее южнаго славянства, когда съ конца XVIII в. оно начало пробуждаться къ новой жизни. Однимъ изъ такихъ протагонистовъ славянскаго возрожденія былъ хиландарскій инокъ Паисій

---

[1]) *Горскій* и *Невоструевъ*, I. 2, 217. *Ягичъ*, Исторія, 198.

(родомъ изъ Самоковской епархіи), который въ 1762 г. написалъ въ Зографскомъ монастырѣ свою знаменитую *Исторію славяно-болгарскую*, положившую начало ново-болгарской литературѣ и ново-болгарскому возрожденію. Подлинникъ этого замѣчательнаго произведенія, которое въ десяткахъ списковъ расходилось по всѣмъ уголкамъ болгарской земли, всюду возбуждая пламенную любовь къ несчастной отчизнѣ и горячіе протесты противъ ея угнетателей, считался потеряннымъ, но въ самое послѣднее время онъ былъ найденъ невредимымъ въ Зографскомъ монастырѣ молодымъ болгарскимъ ученымъ Іорданомъ Ивановымъ. Такимъ образомъ, по знаменательной игрѣ случая, одинъ и тотъ же аѳонскій монастырь сохранилъ намъ старѣйшіе памятники и древне-болгарской и ново-болгарской литературы!

Изъ того же Хиландарскаго монастыря вышелъ цѣлый рядъ и другихъ болгарскихъ патріотовъ, которые шли по стопамъ Пансія, словомъ и дѣломъ возбуждая своихъ соотечественниковъ къ патріотической дѣятельности. Историкъ болгарскаго возрожденія не можетъ при этомъ не вспомнить съ чувствомъ особенной благодарности о дѣятельности такъ называемыхъ „исповѣдниковъ". „Исповѣдниками" назывались аѳонскіе монахи (преимущественно изъ монастырей Хиландаря и Зографа), которые оставляли пріютившія ихъ обители и шли въ родную землю учить и наставлять населеніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что учительная дѣятельность этихъ старцевъ не ограничивалась только наставленіями чисто-религіознаго и нравственнаго характера, но преслѣдовала, между прочимъ, и національно-патріотическія цѣли: они учили своихъ духовныхъ дѣтей любить родной языкъ, дорожить своимъ якобы презрѣннымъ именемъ „болгаръ" и въ яркихъ красках рисовали имъ шовинизмъ и корыстолюбіе греческихъ фанаріотовъ, которые старались отнять у своей паствы самое дорогое, что осталось у нея послѣ турецкаго разгрома—національное сознаніе... [1]). „Исповѣдники" подготовили почву для борьбы за болгарскую національную церковь, и когда эта борьба началась по всѣмъ линіямъ, то передовыя изъ нихъ занимали и тогда аѳонскіе монахи. Достаточно напомнить, что одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ вождей въ борьбѣ за болгарскую церковную автокефалію—*Неофитъ Бозвели* былъ архимандритъ Хиландарскаго монастыря, который потомъ и упокоилъ его кости. А его вѣрный другъ, соратникъ и помощникъ *Илларіонъ* былъ секретарь того же монастыря...

---

[1]) *Маренинъ*, Манастиръ Хиландаръ. София 1900, стр. 14—15.

Менѣе глубокое вліяніе оказала Святая Гора на сербское національное возрожденіе. Потому-ли, что съ окончательнымъ паденіемъ сербской независимости сербскіе иноки на Аѳонѣ лишились щедрыхъ покровителей, или потому, что географическая удаленность его отъ Сербіи препятствовала непрерывному притоку сербскаго элемента, но въ концѣ XVIII в. число сербскихъ монаховъ на Аѳонѣ значительно сократилось—даже такіе исконно-сербскіе монастыри, какъ Хиландарь, по своему составу были тогда почти вполнѣ болгарскими [1]). Но если, вслѣдствіе этого, Аѳонъ не могъ воспитать такихъ энтузіастовъ сербскаго народнаго дѣла, какими были упомянутые болгарскіе дѣятели, то, по крайней мѣрѣ, сама Сербія, на разсвѣтѣ своей новой жизни, не забыла о своей духовной родинѣ. Прежде чѣмъ направить корабль сербскаго просвѣщенія рѣшительно по западно-европейскому курсу, Досиѳей Обрадовичъ, тогда еще не основатель ново-сербской литературы, а молодой, жаждущій знаній инокъ, рѣшилъ попытаться примирить свои религіозные идеалы съ западно-европейской наукой. И, со свойственнымъ ему чутьемъ, онъ понялъ, что этотъ синтезъ древняго православія съ итогами науки онъ могъ въ то время найти скорѣе всего только въ лекціяхъ Евгенія Булгариса, въ его знаменитой и упомянутой уже нами Аѳонской Академіи. Изъ двухъ попытокъ его пробраться на Святую Гору удалась только вторая (1765 г.), но, къ сожалѣнію, она не достигла цѣли: за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія Досиѳея, Булгарисъ прекратилъ свои лекціи [2]). Тѣмъ не менѣе, Досиѳей не сразу покинулъ Святую Гору, но провелъ на ней всю осень и зиму 1765 г., преимущественно проживая въ Хиландарскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ, такимъ образомъ, неслучайно отецъ ново-сербской литературы встрѣтился съ отцомъ ново-болгарской—Паисіемъ. Впрочемъ, для послѣдняго это была не первая встрѣча съ сербскимъ патріотомъ: еще въ 1758 г. Хиландарь посѣтилъ сербскій богословъ Іоаннъ Раичъ, собирая матеріалъ для своей „Исторіи славянъ"; по его примѣру, и Паисій „задумалъ написать свою „Исторію славяно-болгарскую", которая сыграла потомъ такую огромную роль въ исторіи болгарскаго возрожденія...

Передъ нами прошла вся исторія болгарской и сербской литературы, съ первыхъ лѣтъ ихъ зарожденія и до начала ихъ новаго рас-

[1]) *Сава Хиљендарац*, Историја манастира Хиљендара, стр. 27.
[2]) *Радченко*, Д. Обрадовичъ, 38; *Гавриловић*, Д. Обрадовић, 34.

цвѣта въ концѣ XVIII в.... И мы видѣли, что не было ни одного періода, когда бы Аѳонская гора переставала вліять на эти литературы то какъ огромный университетъ всевозможныхъ знаній, то какъ гигантская лабораторія безчисленнаго количества литературныхъ произведеній, то какъ центръ религіозныхъ и философскихъ движеній. Девять вѣковъ Аѳонъ былъ главнымъ умственнымъ средоточіемъ южнославянской интеллигенціи, exilium corporis et paradisus animi ея лучшихъ представителей и широкимъ поприщемъ для моральныхъ подвиговъ, не аскетическихъ только, но и литературныхъ... Неудивительно поэтому, что почти всѣ выдающіеся литературные дѣятели изъ югославянъ вышли изъ среды аѳонскихъ монаховъ, или воспитались подъ вліяніемъ послѣднихъ, и неудивительно, что *вся исторія юго-славянскихъ литературъ есть, въ сущности, исторія большаго или меньшаго вліянія аѳонскихъ идеаловъ на духовную культуру православнаго славянства Балканскаго полуострова.*

Но значеніе Аѳона не ограничивается только его постояннымъ вліяніемъ на болгарскую и сербскую литературу. Вѣдь извѣстно, что южно-славянская литература, въ свою очередь, оказала громадное вліяніе и на развитіе литературы русскаго народа. Относительно древнѣйшаго періода послѣдней можно даже говорить не о подражаніи ея другой, а о почти полномъ тожествѣ обѣихъ, такъ какъ, по справедливымъ словамъ акад. А. И. Соболевскаго, „русская литература получила начало отъ литературы южно-славянской (древне-болгарской), и первые ея памятники, за немногими исключеніями,—не болѣе, какъ списки съ памятниковъ южно-славянскихъ“ [1]). Но если такъ, то все сказанное нами о значеніи Аѳона для древнѣйшаго періода южно-славянской литературы mutatis mutandis можетъ быть съ полнымъ правомъ отнесено и къ древне-русской литературѣ... Послѣ нѣкотораго ослабленія литературнаго взаимодѣйствія между Русью и балканскими славянами,—ослабленія, вызваннаго завоеваніемъ Болгаріи греками, а Руси татарами, — южно-славянское вліяніе на русскую литературу возобновилось съ неожиданной силой во второй половинѣ XIV в. и продолжалось непрерывно почти цѣлый вѣкъ. Въ результатѣ этого вліянія русская литература не только увеличилась почти вдвое, не только обогатилась и качественно новыми и неизвѣстными до сихъ поръ произведеніями, не только замѣнила неисправные богослужебные тексты исправными, но и накопила огромный матеріалъ самостоятель-

---

[1]) Переводная литература Московской Руси, С.-Пб. 1903, стр. 6—7.

ныхъ историческихъ энциклопедій, въ родѣ *Хронографа* [1]). Но мы видѣли выше, что новый расцвѣтъ южно-славянской литературы въ XIV в. находился въ прямой зависимости отъ возрожденія мистицизма на Святой Горѣ при Григоріи Синаитѣ и его многочисленныхъ подражателяхъ. Слѣдовательно, и вошедшая въ сферу южно-славянскаго вліянія русская литература XIV—XV вв. также обязана своимъ расцвѣтомъ въ конечномъ итогѣ именно этому могучему религіозно-философскому движенію. На лучахъ аөонскаго солнца, по мнѣнію нѣкорыхъ изслѣдователей [2]), пустили ростки и зародыши ученій стригольниковъ и жидовствующихъ, впослѣдствіи сыгравшихъ такую огромную роль въ исторіи умственныхъ теченій въ древней Руси; на этихъ лучахъ грѣлись и многіе южно-славянскіе писатели, которые посвятили потомъ бо́льшую часть своей жизни Россіи. Таковы, напримѣръ, были упомянутые уже московскій митрополитъ Кипріанъ и кіевскій—Цамблакъ, таковъ былъ и сербскій іеромонахъ Пахомій Логоөетъ, начинающій собой новый періодъ въ исторіи русской житійной литературы. А примѣръ несчастнаго Максима Грека блестяще доказываетъ, что даже аөонскіе греки дѣлались въ Россіи иногда корифеями цѣлыхъ литературныхъ движеній.

Вообще, если древне-русскую литературу можно сравнить съ моремъ, то значительная часть его водъ была принесена южно-славянскими ручьями. Но съ благодарностью пользуясь услугами своихъ соплеменниковъ, наши предки старались въ то же время черпать эти воды непосредственно изъ главнаго ихъ источника—Аөона. Я уже упоминалъ о томъ, что основатель Кіево-Печерскаго монастыря—св. Антоній прошелъ аскетическую школу на Аөонѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ успѣлъ передать лучшія аөонскія традиціи своимъ послѣдователямъ въ „культурномъ центрѣ домонгольской Россіи" [3]), который не даромъ сталъ потомъ родиною русской литературы вообще. Но какъ мы видѣли выше, и на самомъ Аөонѣ очень рано появился русскій монастырь, а вмѣстѣ съ нимъ должны были тамъ появиться и русскія книги. И дѣйствительно, изъ сохранившейся описи русскаго монастыря Ксилургу, мы знаемъ, что ему принадлежали русскія рукописи *апостоловъ, ирмологіевъ, синаксарей, паремейниковъ, минологіевъ, твореній Ефрема*

[1]) *Соболевскій*, ib., 13—14.
[2]) *Некрасовъ*, Пахомій Логоөетъ, 4. *Успенскій*, Очерки, 388.
[3]) *Goetz*, Das Kiever Höhlenkloster, Passau 1904.

Сирина и *номоканоновъ* [1]). А такъ какъ нельзя допустить, что всѣ эти рукописи были перевезены сюда изъ Россіи, то остается предположить, что, по крайней мѣрѣ, часть ихъ была переписана (а, можетъ быть, и переведена) русскими монахами на мѣстѣ [2]). Конечно, русскіе иноки имѣли на Аѳонѣ близкія сношенія со своими соплеменниками, но, по мнѣнію, Соболевскаго, „не со всѣми, а лишь съ одними болгарами; вслѣдствіе этого, одна часть переводовъ и оригинальныхъ сочиненій, бывшихъ у сербовъ Аѳона въ XIV и началѣ XV вѣковъ, русскимъ осталась совсѣмъ или почти совсѣмъ неизвѣстна; съ другою мы познакомились черезъ посредство болгаръ. Отсюда понятно, почему русскіе списки, сдѣланные прямо съ сербскихъ оригиналовъ и потому болѣе или менѣе изобилующіе сербизмами,—такъ рѣдки“ [3]).

Какъ ни мало милостива была судьба къ памятникамъ русской дѣятельности на Святой Горѣ, все-таки, до насъ дошли имена нѣсколькихъ русскихъ монаховъ, способствовавшихъ распространенію въ Россіи южно-славянскихъ текстовъ.

Таковъ былъ, напримѣръ, извѣстный основатель Вишерскаго монастыря подъ Тверью—Савва. Онъ принесъ изъ Аѳонской горы „Правила“, вошедшія впослѣдствіи въ составъ *Кормчія* Вассіана Патрикѣева [4]).

Таковъ былъ новгородскій игуменъ Илларіонъ, привезшій съ Аѳона оригиналъ *Пандектовъ* Никона Черногорца, 1397 г. [5]).

Таковъ былъ Досиѳей, архимандритъ Печерскій, вынесшій *Правило Святой Горы* [6]).

Таковы были „убогій“ Евсевій и „непотребный“ Ефремъ Русинъ, получившіе въ 1425 г. отъ Іакова Доброписца *Постническія слова* Максима Исповѣдника [7]).

Таковъ былъ іеромонахъ Аѳанасій Русинъ, переписавшій въ тридцатыхъ годахъ XV ст. *житія* св. Аѳанасія Аѳонскаго и Григорія Оми-

---

[1]) *Иконниковъ*, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русск. исторіи, Кіевъ 1869, 59.

[2]) Правосл. Собес., 1859 г. III, 372.

[3]) *Соболевскій*, Переводная литература Московской Руси, стр. 11.

[4]) *Соболевскій*, о. с., 32.

[5]) *Соболевскій*, ib.

[6]) *Соболевскій*, ib.

[7]) *Соболевскій*, ib.

ритскаго и въ 1430 г. купившій въ м. Пандократора *Четвероевангеліе* [1]).

Таковы были далѣе Митрофанъ Бывальцевъ, Іона, игуменъ угрѣшскій [2]) и многіе другіе, которые также обогатили нашу литературу множествомъ аѳонскихъ книгъ, но именъ которыхъ мы не знаемъ, да и врядъ-ли узнаемъ когда. Напримѣръ, неизвѣстно, кѣмъ доставлены въ Россію такія важныя рукописи, какъ *Толкованія словъ Григорія Богослова* и *Лѣтовникъ Георгія Никона* [3]).

Нѣкоторые изъ русскихъ иноковъ, побывавъ на Аѳонѣ, до такой степени проникались его идеями, что, по возвращеніи на родину, посвящали всю свою жизнь ихъ пропагандѣ, и притомъ не только словомъ, т. е. своими сочиненіями, но и дѣломъ, т. е. устраивая скиты по образцу аѳонскихъ отшельниковъ. Таковы были, напримѣръ, Епифаній, авторъ житія Сергія Радонежскаго, ученикъ послѣдняго—Сергій Нуромскій, Арсеній Коневскій и въ особенности Нилъ Сорскій, одна изъ самыхъ талантливыхъ личностей Московской Руси,—писатель, идеи котораго и теперь еще находятъ убѣжденныхъ послѣдователей [4]). Словомъ, вполнѣ былъ правъ проф. Некрасовъ, когда въ своей диссертаціи о Пахоміи Логоѳетѣ констатировалъ, что „почти все передовое въ литературномъ отношеніи Руси XV в. [и XVI] стояло въ связи съ Византіей и особенно съ Аѳономъ“ [5]).

И подобно тому, какъ въ XVIII в. Аѳонъ сыгралъ извѣстную роль въ исторіи болгарскаго и сербскаго возрожденія, въ томъ же столѣтіи онъ оказалъ не менѣе благотворное вліяніе на культурный ренессансъ одной изъ крупнѣйшихъ племенныхъ разновидностей русскаго народа—малороссовъ. Я разумѣю знаменитаго Паисія Величковскаго, литературная дѣятельность котораго находилась въ тѣснѣйшей связи съ возрожденіемъ аѳонскаго мистицизма въ концѣ прошлаго вѣка [6]). Какъ извѣстно, Паисій основалъ на Аѳонѣ Ильинскій скитъ, который и теперь населяется преимущественно малороссами...

Г. Ильинскій.

---

[1]) *Соболевскій*, 31.

[2]) Прибавл. къ твор. отцовъ церкви, 1853, II, 813.

[3]) Прав. Собес. 1859, III, 383.

[4]) *Архангельскій*, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. С.-Пб. 1882.

[5]) *Некрасовъ*, стр. 19.

[6]) *А. И. Яцимирскій*, „Почесть“, 185.

ИЗЪ ЭПОХИ РОМАНТИЗМА.

(Вопросъ о древней и новой поэзіи) [1]).

Слово „романтизмъ“—самое употребительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое неясное и туманное; оно одно изъ тѣхъ, которымъ каждый считаетъ себя въ правѣ давать особый смыслъ, особое значеніе [2]). Терминъ пущенъ въ оборотъ, но съ нимъ не связано никакого опредѣленнаго понятія. Одинъ усматриваетъ романтизмъ тамъ, гдѣ проявляются извѣстныя душевныя свойства человѣка, вѣчныя и неизмѣнныя, какъ сама природа; ищетъ его вездѣ: въ античной поэзіи, въ твореніяхъ новѣйшихъ писателей, и находитъ вездѣ или, вѣрнѣе, не находитъ нигдѣ, такъ какъ, при подобной постановкѣ вопроса, самое понятіе становится столь расплывчатымъ, что утрачивается какая-либо возможность отмежевать романтизмъ отъ не-романтизма; другой соединяетъ романтизмъ съ общественнымъ и литературнымъ движеніемъ конца XVIII и начала XIX вѣковъ; наконецъ, третій видитъ въ романтизмѣ теорію... Часто создается характерный заколдованный кругъ: предполагая даннымъ то, что требуется доказать, изслѣдователи обнаруживаютъ „раннія романтическія вѣянія“, толкуютъ о почвѣ романтизма и его дальнѣйшемъ развитіи, и въ то же время не знаютъ, что должно разумѣть подъ загадочнымъ словомъ. Очевидно, заманчивый ярлыкъ наклеивается каждымъ произвольно на все, что ему понравится; задача упрощается чрезвычайно... но, къ сожалѣнію,

---

[1]) Выборъ нижепоименованныхъ западно-европейскихъ сочиненій о романтизмѣ обусловленъ желаніемъ автора статьи выяснить отношеніе иностранныхъ источниковъ, извѣстныхъ Н. И. Надеждину, къ диссертаціи „De origine, natura et fatis poëseos, quae romantica audit“, о которой будетъ рѣчь впослѣдствіи.

[2]) Сл. *F. Brunetière.* Etudes critiques, III, p. 294.

только для автора изслѣдованія, а не для читателя, который осужденъ пребывать въ недоумѣніи.

Такое недоумѣніе было знакомо и французамъ въ эпоху расцвѣта романтизма. Объ этомъ свидѣтельствуетъ В. Гюго [1]), твердятъ его современники [2]). Желающіе понять, что такое романтизмъ, — заявляетъ Мюссе — принуждены были перескакивать съ одного опредѣленія на другое. Двое такихъ смѣльчаковъ Dupuis и Cotonet въ теченіе двухъ лѣтъ полагали, что романтизмъ имѣетъ отношеніе лишь къ театру и отличается отъ классицизма тѣмъ, что можетъ обходиться безъ единствъ; затѣмъ, послѣ появленія „знаменитаго предисловія", въ продолженіе цѣлаго года, считали его сочетаніемъ веселаго и серьезнаго, смѣшного и ужаснаго, т. е. комедіи и трагедіи; позже слово „romantique" стало казаться имъ синонимомъ слова „romanesque"; вплоть до 1830 года романтизмъ былъ для нихъ подражаніемъ англичанамъ и нѣмцамъ, съ 1830 по 1831—жанромъ историческимъ, съ 1831—„интимной" поэзіей, съ 1832 по 1833—философской системой..

Насмѣшка Мюссе имѣетъ болѣе серьезныя основанія, чѣмъ можно подумать; мы имѣемъ дѣло не съ чистой фантазіей, но съ злой карикатурой, касающейся дѣйствительности. „На первыхъ порахъ ни приверженцы, ни противники романтизма не знали навѣрно, въ чемъ онъ состоитъ. Они соглашались, конечно, признать, что онъ — нѣчто

---

[1]) *M. Souriau.* La préface de Cromwell. Paris, p. 192: „... nous venons d'indiquer le trait caractéristique, la différence fondamentale qui sépare, à notre avis, l'art moderne de l'art antique, la forme actuelle de la forme morte, ou, pour nous servir *de mots plus vagues, mais plus accrédités*, la littérature *romantique* de la littérature *classique*".—Припомнимъ, что въ Германіи сторонники новаго направленія подвергались нареканіямъ: „Da indessen einseitige Bewunderer der Alten immer fortfahren zu behaupten, alle Abweichung von ihnen sei nichts als eine Grille der neuesten Kritiker, welche *geheimnissvoll davon sprächen, ihm* (*dem Romantischen*) *aber keinen gültigen Begriff unterzulegen wüssten* etc". (*A. W. Schlegel.* Sämmtliche Werke. Leipzig, 1846. Fünfter Band, S. 12).

[2]) *Bibliothèque Universelle des sciences, belles-lettres et arts*, 1826, t. XXXIII, pp. 218—219: „Au premier coup d'oeil que l'on jette sur l'état actuel de cette question dans la république des lettres, on n'aperçoit qu' un *chaos d'opinions incohérentes et contradictoires.* Il n'y a peut-être pas, en France, un seul journal qui n'ait donné son avis sur la fameuse querelle. Les hommes de tous les partis, les écrivains de tout rang, depuis l'académicien titré jusqu'à l'humble journaliste, ont parlé pour ou contre le romantique. On l'a loué, prôné, exalté, condamné, décrié, bafoué, en prose et en vers, dans des traités et des brochures, des satires et des vaudevilles, des discours académiques et des épigrammes; *et, au milieu de cette masse de jugements divers, on a peine à trouver deux idées concordantes, deux opinions qui soient le résultat d'une même manière de voir*".

другое, чѣмъ классицизмъ; но каковъ его характерный признакъ, каково его основное начало, они не были въ состояніи открыть. Каждый ухищрялся придумать свою формулу—и всѣ формулы были различны и часто непримиримы между собой". „Обратите вниманіе"—говорилъ Л. Вите—„на тѣхъ писателей, которые впервые занесли къ намъ изъза Рейна слово „романтизмъ", самое большее лѣтъ двадцать тому назадъ [1]). Какимъ условіямъ нужно было удовлетворять, съ ихъ точки зрѣнія, чтобы быть романтикомъ? Нужно было порвать всѣ связи съ языческой миѳологіей и съ античными, греческими и римскими преданіями; нужно было черпать вдохновеніе только въ таинствахъ христіанства и въ великихъ событіяхъ средневѣковья; романтизмъ былъ поэзіей сѣверныхъ народовъ, противоположной поэзіи народовъ южныхъ,—романской поэзіей и *продолженіемъ пѣсенъ труверовъ и трубадуровъ*. Другія лица, явившіяся, быть можетъ, пять-шесть лѣтъ назадъ, смотрѣли иначе на дѣло и утверждали, что романтизмъ точное изображеніе вещей такими, каковы онѣ есть на самомъ дѣлѣ; что классикъ находитъ удовлетвореніе въ идеалѣ, романтикъ—въ дѣйствительности: одинъ пребываетъ въ сферѣ обобщеній, другой анализируетъ личность, рисуетъ характеръ, не страсти, людей, не идеи... Иные усмотрѣли въ спорѣ классиковъ и романтиковъ отголоски старины: la vieille querelle des anciens et des modernes; иные раздѣляли всѣ литературы на оригинальныя и подражательныя, считая первыя романтическими, а вторыя—классическими. Мы не говоримъ уже о тѣхъ, кто обратилъ романтизмъ въ школу, отличающуюся неологизмами, дѣланнымъ энтузіазмомъ, ложной чувствительностью, приторной и туманной меланхоліей".

Понятіе о романтизмѣ, какъ и понятіе о либерализмѣ, сдѣлалось относительнымъ. По мнѣнію Стендаля, романтизмъ—искусство создавать литературныя произведенія, способныя доставлять наиболѣе удовольствія современному обществу, классицизмъ—прадѣдамъ. Поклонники старыхъ традицій попросту разумѣютъ подъ классицизмомъ нѣчто хорошее, подъ романтизмомъ дурное. Раздаются голоса, что суть романтизма заключается въ неопредѣленности мыслей, въ забвеніи того, что называли „les éternelles proportions du beau". Освѣтить пренія, вызвать читателей на размышленія и вообще „разогнать облака, окутавшія важный вопросъ", брался журналъ *Le Globe*. Здѣсь можно найти цѣлую коллекцію опредѣленій романтизма, сдѣланныхъ

[1]) Писано въ 1825 г.

въ Германіи и Англіи. Романтизмъ является то „поэзіей душевныхъ впечатлѣній, а не образовъ", то поэзіей религіозной, то поэзіей, гдѣ образы прекрасны единственно чрезъ посредство идей, которыя соединяются съ ними, тогда какъ въ классицизмѣ послѣднія прекрасны сами по себѣ; то поэзіой, не имѣющей подходящей формы для выраженія своего идейнаго содержанія, тогда какъ классицизмъ всегда можетъ получить таковую. „Историческими источниками" романтизма, не менѣе многочисленными, чѣмъ его опредѣленія, считаются: 1) христіанство и рыцарство (Stäel, Schlegel; отчасти W. Scott); 2) вліяніе мавровъ (Bouterwek); 3) нравы и обычаи саксонскіе (Mackintosh) и нормандскіе (Coleridge); 4) вліяніе завоеваній вообще (Sismondi); 5) вліяніе религіозныхъ идей Реформаціи (Villers).

Подписчики *Le Globe* не могли жаловаться: у нихъ было даже слишкомъ много опредѣленій романтизма. И сотрудники журнала чувствовали, что читателямъ было трудно выпутаться изъ этого хаоса и выбрать одну формулу изъ массы другихъ. Вотъ почему они рѣшили представить свои собственныя. Эти формулы слѣдующія: романтизмъ— 1) поэзія новыхъ народовъ, отражающая характерныя черты новѣйшей цивилизаціи; 2) введеніе спиритуализма въ литературу; 3) протестантизмъ въ литературѣ и искусствѣ и т. д. Но подобныя мнѣнія не могли, конечно, считаться рѣшающими; было очевидно, что легче указать недостатки классиковъ, чѣмъ опредѣлить достоинства романтиковъ [1]).

Неясность и запутанность сужденій, высказанныхъ въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія, свидѣтельствуютъ о томъ, что серьезное изученіе романтизма еще только начиналось. Какъ лучше провести грань между романтизмомъ средневѣковымъ и новѣйшимъ, какіе направленія и оттѣнки замѣтны въ послѣднемъ, каково отношеніе романтизма къ классицизму, изъ какихъ элементовъ должна сложиться поэзія будущаго? — вотъ вопросы, которые волновали съ конца XVIII в. нѣмецкихъ и французскихъ философовъ, поэтовъ-теоретиковъ и литературныхъ критиковъ. Тогдашнія постановка и разрѣшеніе этихъ вопросовъ, не утратившихъ интереса и въ настоящее время, любопытны для историка.

---

[1]) *Revue des Lettres Françaises et Etrangères*, 1900, t. II, pp. 129—136 (*G. Michaut.* Sur le romantisme. Une poignée de définitions). — *Th. Ziesing.* Le Globe de 1824 à 1830 considéré dans ses rapports avec l'école romantique. Zurich, 1881, pp. 9—13, 59 — 75. — *Alfred de Musset.* Oeuvres compelètes. Paris, t. VI, pp. 269 — 302.

Въ Германіи Шиллеръ въ 1795—1796 гг. сдѣлалъ попытку опредѣлить особенности старой и новой литературы въ трактатѣ „О наивной и чувствительной поэзіи".

Задача поэзіи — писалъ Шиллеръ — состоитъ въ изображеніи эстетическаго идеала, т. е. „человѣческой природы въ счастливомъ и совершенномъ созвучіи своихъ силъ, въ гармоническомъ единствѣ ея духовныхъ и чувственныхъ способностей, въ томъ состояніи свободы, которой ищетъ моральный человѣкъ и которой недостаетъ чувственному" [1]). Эстетическій идеалъ или существуетъ въ дѣйствительности, или не существуетъ; онъ „живетъ въ насъ или какъ природа, или какъ страстное желаніе". *Наивная* поэзія отражаетъ прекрасную природу, какъ существующую дѣйствительность; *чувствительная* — изображаетъ идеалъ. Оба рода поэзіи противоположны другъ другу. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ перестаетъ быть наивнымъ, онъ становится чувствительнымъ. Природа мало-по-малу исчезаетъ изъ жизни, какъ опытъ, и „восходитъ" въ поэзіи, какъ идея. Пока чувственность согласуется съ разумомъ, не противорѣчитъ ему, человѣкъ дѣйствуетъ какъ нераздѣльное единство, какъ органическое цѣлое, и бываетъ наивенъ; но когда цивилизація накладываетъ на человѣка свою руку, гармонія чувствъ съ разумомъ уничтожается: она „уже болѣе не въ человѣкѣ, но внѣ его, какъ мысль, которая должна еще осуществиться, а не какъ жизненный фактъ", — на смѣну наивности является чувствительность. И въ природѣ мы начинаемъ видѣть „только счастливую сестру, оставшуюся въ отеческомъ домѣ, изъ котораго, гордые своею свободою, мы бурно выбѣжали на чужбину. Едва взглянули мы на всѣ передряги цивилизаціи, какъ уже съ тоскливымъ желаніемъ хотимъ вернуться назадъ, и изъ далекой области искусства слышимъ трогательный зовъ матери". Древніе поэты плѣняютъ насъ „природою, живымъ настоящимъ", новые — только идеями; первые наивны, вторые — чувствительны. *Наивное* — существенный признакъ *классицизма*; *чувствительное* — существенный признакъ *романтизма*.

Наивная поэзія имѣетъ свой предметъ, который данъ ей въ природѣ; она — абсолютное изображеніе конечной величины, объективна по своему характеру. „Объектъ владѣетъ наивнымъ поэтомъ совершенно; сердце его не лежитъ, подобно неблагородному металлу, тотчасъ подъ поверхностью, но, подобно золоту, хочетъ, чтобы его искали въ глубинѣ. Какъ божество — позади міозданія, такъ и онъ стоитъ

[1]) *Куно-Фишеръ*. Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890, стр. 151.

позади своего произведенія". Наивный поэтъ, въ родѣ Гомера, „мощенъ искусствомъ ограниченія" и исключительно подражаетъ дѣйствительности.

Иного характера чувствительная поэзія. Она не имѣетъ предмета, который ей былъ бы данъ, а должна его создать. Создается идеалъ, который развивается до безконечной величины, и сама поэзія становится изображеніемъ абсолютнаго. Не природой, а своей фантазіей живетъ чувствительный поэтъ, неизбѣжно сознающій контрастъ между идеаломъ и дѣйствительностью. Таковъ Клопштокъ. „Его сфера всегда царство идей, и все, что обработываетъ, онъ умѣетъ перевести въ безконечное". Онъ рѣшительно со всего матеріальнаго „совлекаетъ тѣлесную оболочку, чтобы сдѣлать его духомъ, въ то время какъ другіе поэты все духовное облекаютъ тѣломъ".

Наивный поэтъ „имѣетъ преимущество передъ чувствительнымъ въ реальности: онъ доводитъ до дѣйствительнаго существованія то, къ чему послѣдній возбуждаетъ только живое влеченіе"; но и чувствительный поэтъ имѣетъ выгоду сравнительно съ наивнымъ, ибо „въ состояніи дать этому влеченію бóльшій предметъ". „Всякая дѣйствительность, какъ извѣстно, уступаетъ идеалу, такъ какъ все существующее имѣетъ свои границы, а мысль безгранична. Это ограниченіе, которому подвержено все чувственное, вредитъ наивному поэту, тогда какъ безусловная свобода мышленія выгодна для чувствительнаго". Вообще мы „охотнѣе погружаемся черезъ созерцаніе въ самихъ себя, гдѣ мы находимъ пищу для возбужденнаго влеченія въ міръ идей, чѣмъ изъ самихъ себя устремляемся за чувственными предметами. Чувствительная поэзія есть порожденіе затворничества и тишины, къ которымъ и манитъ насъ; наивная — дитя жизни, и возвращаетъ насъ къ жизни".

Наивный геній „нуждается въ помощи *извнѣ*", „долженъ видѣть вокругъ себя богатую формами природу, поэтическій міръ". При отсутствіи этихъ условій, когда онъ „окруженъ одной бездушной матеріей", онъ рискуетъ сдѣлаться *пошлымъ*. Чувствительный геній „питается и очищается изъ *самого себя*"; его „сфера и задача—абсолютное", но въ извѣстныхъ „предѣлахъ, заключающихся въ самомъ понятіи о человѣческой природѣ". Генію грозитъ опасность: онъ не долженъ переходить этихъ предѣловъ. Въ противномъ случаѣ, онъ будетъ не идеализировать, но „выйдетъ изъ границъ всякой возможности", станетъ мечтать и сдѣлается *высокопарнымъ*.

„Ни наивный, ни чувствительный характеръ, разсматриваемые по-

рознь, не исчерпываютъ вполнѣ идеала прекраснаго человѣчества, который можетъ возникнуть только изъ ихъ взаимнаго тѣснаго соединенія". Наивный характеръ, по отдѣленіи отъ него всего поэтическаго, обращается въ реалистическій; чувствительный въ идеалистическій. Для истиннаго пониманія вещей идеализмъ и реализмъ должны дополнять и проникать другъ друга. И поэтъ будущаго, представитель прекраснаго человѣчества, не можетъ быть ни романтикомъ, ни классикомъ, а явится лицомъ, въ которомъ чувствительность соединится съ наивностью: онъ-то и создастъ высокое художественное твореніе, гдѣ элегія обратится въ идиллію. Онъ станетъ „преслѣдовать идеалъ до конца, до полной чистоты и не остановится до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ наибольшаго результата, не обращая вниманія на то, поспѣваетъ ли за нимъ дѣйствительность". Онъ „отвергнетъ недостойную уловку унизить идеалъ, чтобы подогнать его подъ мѣрку человѣческой нужды и исключить духъ, чтобы тѣмъ легче подѣйствовать на сердце". Онъ „поведетъ насъ не обратно къ нашему дѣтству, чтобы цѣною драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній ума заставить насъ купить покой, который прекращается съ пробужденіемъ нашихъ духовныхъ силъ, но поведетъ насъ впередъ, къ нашему совершеннолѣтію, чтобы дать намъ почувствовать высшую гармонію, которая награждаетъ борца, дѣлаетъ счастливымъ побѣдителя". Онъ „поставитъ себѣ задачею идиллію, которая изображаетъ пастушескую невинность также въ субъектахъ культуры и при всѣхъ условіяхъ самой здоровой, самой пламенной жизни, самаго разносторонняго мышленія, самаго чистаго искусства, самой высокой общественной утонченности. Словомъ, онъ поведетъ въ Элизій человѣка, который уже не можетъ болѣе возвратиться въ Аркадію". Но все-таки идеалъ будетъ не вполнѣ достигнутъ... Поэтому человѣкъ долженъ вѣчно помнить тѣ границы, въ которыхъ онъ можетъ дѣйствовать:

An dem Eingang der Bahn liegt die Unendlichkeit offen,
Doch mit dem engesten Kreis höret der Weiseste auf [1]).

Тема, затронутая Шиллеромъ, привлекала вниманіе поколѣнія молодыхъ литераторовъ. Живо откликаясь на запросы современной жизни, Фр. Шлегель и Новалисъ тоже задумывались надъ разрѣшеніемъ однородной задачи; имъ также хотѣлось подмѣтить отличительныя черты новаго искусства.

[1]) Deutsche National-Litteratur, B. 129, 1. Schillers Werke. Zwölfter Theil, erste Abtheilung, SS. 341—429.

Поэзія сродни философіи съ точки зрѣнія Шлегеля, пытавшагося разграничить литературы классическую и новѣйшую и называвшаго послѣднюю субъективной, а первую объективной. Идеалъ, который греки хотѣли выразить въ своемъ искусствѣ, конеченъ, и поэтому они достигли своей цѣли; идеалъ новѣйшихъ писателей неуловимъ, безконеченъ,—отсюда незаконченность ихъ произведеній. Насъ поражаетъ роковое несоотвѣтствіе между тѣмъ, что мы дѣлаемъ, и тѣмъ, что мы хотѣли бы сдѣлать; наши желанія остаются неудовлетворенными. Художникъ не забываетъ, что его истинная цѣль абсолютное начало; отдѣльный предметъ для него только средство достичь „всеобщаго", и зоркій глазъ усматриваетъ въ немъ „безконечное", которое онъ выражаетъ. Абсолютное начало и есть прекрасное, существующее лишь для лицъ, способныхъ созерцать его. Прекрасное вліяетъ на все существо, даетъ полное удовлетвореніе чувствамъ и уму и приводитъ душу въ гармоническое состояніе. На крыльяхъ своего воображенія поэтъ поднимается выше „реальнаго" міра, гдѣ сталкиваются различные интересы и мы разъединяемся другъ съ другомъ, и достигаетъ умиротворяющей и все объединяющей красоты. Фр. Шлегель принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые постоянно чувствуютъ потребность выйти за предѣлы конечнаго міра, чтобы потеряться въ безконечности. Но лишь въ рѣдкіе моменты „душевной экзальтаціи" онъ приближается къ Божеству, которое пока не проявило себя во вселенной [1].

Символистъ, въ родѣ Новалиса, признаетъ особую высшую математику, посредствомъ которой мы можемъ вскрыть не внѣшнія соотношенія, но сокровенныя свойства существъ. „Поэтическая математика", или „философія" даетъ возможность видѣть во вселенной алгебраическое уравненіе, которое слѣдуетъ рѣшить. „Философія" пріобщаетъ насъ къ высшему сознанію; намъ становится понятнымъ значеніе Идеи, которая обнаруживается въ міроздании (теофанія). Въ мірѣ внѣшнемъ, видимомъ, призрачномъ, мѣняющемся, скрытъ другой сокровенный, невидимый міръ духовъ, существованіе котораго оправдывается вѣрой. Въ этотъ міръ высшаго порядка трудно проникнуть ученому, но *проникнетъ поэтъ*.

Новалисъ читалъ Канта и Шиллера, но онъ не могъ удовлетвориться относительнымъ знаніемъ человѣчества. Онъ хотѣлъ сдернуть

---

[1]) *I. Rouge.* Frédéric Schlegel et la genèse du romantisme allemand. Paris, 1904, pp. 72, 76, 80, 94, 96—97, 150—151, 232, 236, 297—304.

покрывало, окутывающее таинственный истуканъ въ Саисѣ и постичь истину. „Смертный долженъ попытаться сдѣлаться безсмертнымъ". Истуканъ—природа, на которую накинутъ загадочный покровъ, усѣянный гіероглифами. И тщетно ученые стараются разгадать ихъ значеніе. Они анализируютъ природу, но всѣ ихъ кропотливыя изысканія даютъ ничтожные результаты. Они изучаютъ бездушный автоматъ, безжизненный механизмъ, „caput mortuum" природы; они безсильны соединить въ одно цѣлое разъятые члены ея, возсоздать божественный первообразъ, сообщить ему трепетаніе жизни. Прошелъ золотой вѣкъ, прошла эпоха райской невинности, когда человѣкъ стоялъ ближе къ природѣ, приходилъ съ нею въ непосредственное общеніе, былъ ея органомъ, стоялъ у творческаго источника, былъ надѣленъ чудесными дарами волшебства и пророчества; когда природа говорила прямо его сердцу на языкѣ простомъ и ему знакомомъ. Разрывъ между природой и человѣкомъ сдѣлалъ послѣдняго одинокимъ. И лишь немногіе *избранники* (поэты) теперь понимаютъ, что природа одухотворена, что у ней есть душа, едва ли не та вѣчная субстанція, въ которой примирены всѣ земныя противорѣчія, разрѣшена загадка бытія. Природа—цѣлая поэма, на страницахъ которой можно прочесть о многихъ чудесахъ. Надо, чтобы эти страницы сдѣлались доступны для всякаго. „Когда-нибудь не будетъ болѣе природы, и все преобразуется въ духовный міръ". [1]).

Читающему сочиненія Фр. Шлегеля и Новалиса выясняется то сильное влеченіе къ идеалу, которое побуждало видѣть въ новой поэзіи исполное разоблаченіе тайнъ бытія, отраженіе безконечнаго начала; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, также сразу бросается въ глаза крупный недостатокъ: туманность, расплывчатость и разбросанность мыслей; отсутствіе точности, опредѣленности. Знакомство съ философскими системами не сдѣлало ихъ умовъ строго систематическими, философскими... Безпорядочность и сбивчивость изложенія уступаютъ мѣсто системѣ въ Эстетикѣ Фр. Аста (1805).

Искусство—полагаетъ Астъ—возможно при наличности двухъ элементовъ: безконечности и конечности, абсолютная гармонія которыхъ порождаетъ красоту. Противоположность обоихъ элементовъ не только обнаруживается въ каждомъ художественномъ произведеніи, но сама опредѣляетъ роды искусства. Въ одномъ родѣ господствуетъ без-

[1]) *E. Spenlé*. Novalis. Essai sur l'idéalisme romantique en Allemagne. Paris, 1904, pp. 143, 145–146, 159, 179–180, 188, 191–194, 205, 212–217, 235, 242.

конечное, въ другомъ—конечное. Въ одномъ родѣ безконечное является какъ реальное, образованное символически и позитивно, въ другомъ—какъ идеальное, образованное аллегорически и отрицательно. Первый родъ искусства, гдѣ прекрасное возникаетъ въ видѣ чистой, объективной гармоніи безконечнаго и конечнаго,—есть античное искусство, *реализмъ* искусства. Наоборотъ, другой родъ, гдѣ прекрасное носитъ характеръ субъективный и идеальный и безконечное проявляется только отрицательно въ безграничной любви и тоскѣ по безконечному,—есть романтическое искусство, *идеализмъ* искусства. Но прекрасное, въ силу своего совершенства, основывается на согласованіи безконечнаго и конечнаго; поэтому необходимо, чтобы объективное и субъективное творчество согласовались между собой. *Идеалъ искусства есть романтическое преображеніе античнаго искусства.*

Противоположность древняго и романтическаго искусства вполнѣ объясняется противоположностью религій грековъ и романтическаго міра. Греки созерцали высочайшее начало въ символахъ безконечнаго (въ чувственныхъ образахъ), соотвѣтственно своей миѳологической религіи; они сами жили уже въ реальномъ божественномъ мірѣ. Романтическіе художники, напротивъ, жили, сообразно особенностямъ христіанской религіи, только въ идеѣ, въ подъемѣ духа къ божественному началу, которое превращалось въ идеальное. Миѳологія грековъ проистекала изъ вдохновеннаго созерцанія объективно образовавшагося абсолюта, видимаго всеобщаго начала—природы, и была сама по себѣ поэтической, какъ символическое представленіе созерцаемой безконечности; греки постоянно испытывали на себѣ вліяніе поэтической стихіи. Миѳологія была для нихъ полна безконечныхъ художественныхъ зачатковъ, которые нуждались только въ прикосновеніи поэтическаго чувства, чтобы развиться въ художественный міръ. Религія романтиковъ, наоборотъ, пребывала единственно въ глубинѣ человѣческаго духа, а ея основой была идея незримаго, чисто духовнаго міра. Принципъ греческой религіи—естественное, уже само по себѣ поэтическое; принципъ романтической—нравственное, само по себѣ философское. Слѣдовательно, божественное было для грековъ реально созерцаемымъ; для романтиковъ оно было идеально воспринятымъ и субъективно созданнымъ, пребывающимъ не въ реальной вселенной, но въ подъемѣ духа.

Миѳологія грековъ—міръ реально представленныхъ символовъ божественнаго начала, изъ которыхъ каждый отличается законченностью. Ихъ Олимпъ—группа боговъ. Греки разсматривали божественное

начало, какъ распадающееся на безконечное число составныхъ частей и органически образованное, то есть какъ живую природу. Каждое изображеніе безконечнаго создавалось по-человѣчески, каждый кумиръ казался отдѣльнымъ отъ другихъ, особеннымъ и ограниченнымъ существомъ,—греческая религія была политеизмъ. Въ христіанской религіи нѣтъ ничего подобнаго. Здѣсь конечное, какъ реальное, противопоставлено безконечному; оно—не символъ безконечнаго и не существуетъ само собою, но только мыслится какъ аллегорія безконечности. Поэтому безконечное—чисто божественное начало; оно объективно созерцается только какъ безконечное во времени, и можетъ быть понято исторически. У грековъ божественное обнаруживается въ согласіи съ конечностью; есть множество, природа; въ христіанской религіи божественное—сама идеальность, единство, духъ, какъ таковой, котораго сущность состоитъ въ отрицаніи, уничтоженіи и распинаніи конечнаго. Любовь, центръ христіанства,—не что иное, какъ самъ себя пожирающій огонь, который обрѣтаетъ успокоеніе только въ божественномъ, слѣдовательно въ умерщвленіи конечнаго. Матерія и духъ греческаго искусства—реальны, объективны и какъ бы образованы въ пространствѣ, слѣдовательно миѳичны и пластичны; матерія и духъ христіанскаго искусства—идеальны, субъективны и образованы во времени, слѣдовательно характера историческаго и музыкальнаго.

Искусство должно изображать символы абсолютнаго начала и лишено возможности обойтись безъ миѳологіи. Послѣдняя для него столь необходима и существенно важна, какъ само реальное изображеніе абсолюта. Безъ миѳологіи недостаетъ искусству крѣпости, опредѣленнаго центра, и оно *находится въ опасности затеряться въ произвольныхъ вымыслахъ, которымъ не хватаетъ объективной реальности*. Для нашего искусства, котораго основаніе и источникъ идеальны, миѳологія не можетъ, подобно миѳологіи греческой, происходить изъ непосредственнаго созерцанія абсолюта, какъ реально образованнаго въ природѣ, но, согласно характеру новаго искусства, можетъ быть возсоздана только изъ глубины собственнаго духа. *Нашъ идеализмъ долженъ развиться въ реализмъ*; идеалъ долженъ перейти въ объективно созданный міръ, чтобы получить тѣло и образъ, при чемъ подходящимъ уборомъ (Staat) для идеала можетъ служить усовершенствованная нравственная природа человѣка. Утренняя заря истиннаго искусства займется лишь тогда, когда свѣтъ философіи, отъ которой зависитъ образованіе, основанное на самопознаніи, озаритъ души всѣхъ людей. Созерцаніе божественнаго міра,

исходящее изъ внутренняго просвѣтлѣнія человѣчества, реализуется въ символахъ философіи, которая превратится въ общій образъ мышленія,—и появится объективный символизмъ искусства—миѳологія. Наступитъ моментъ, когда художникъ, способный гармонически сочетать природу съ любовью, красоту съ истиной, окажется творцомъ новой, собственной миѳологіи и истинной поэзіи, гдѣ произойдетъ *взаимное проникновеніе и сліяніе античнаго и романтическаго искусства* (die absolute Durchdringung der griechischen und romantischen Kunst) [1]).

За трудомъ Аста послѣдовалъ рядъ другихъ трудовъ по эстетикѣ. Бутервекъ (1806, 1824), Штутцманъ (1808), Бахманъ (1811) разносторонне разсматривали романтизмъ и сопоставляли его съ классицизмомъ.

Для опредѣленія романтической поэзіи Бутервекъ считаетъ нужнымъ коснуться характеристики романтическаго стиля.

На возможности безконечно разнообразнаго смѣшенія элементовъ прекраснаго въ искусствѣ,—пишетъ онъ—какъ другъ съ другомъ, такъ и съ индивидуальностью художника, съ его вѣкомъ и артистическими склонностями—основывается стиль. Стиль является впервые тамъ, гдѣ въ границахъ одного изящнаго искусства есть безконечное разнообразіе видовъ изображенія, которые могутъ настолько уклоняться другъ отъ друга, какъ напримѣръ, стиль Рафаэля отъ стиля Микеля Анджело, стиль Клопштока отъ стиля Гете, итальянскій стиль въ музыкѣ отъ нѣмецкаго, и все-таки, согласуются между собой въ томъ, что вообще относится къ красотѣ опредѣленнаго рода художественныхъ произведеній. Хорошій стиль не имѣетъ ничего общаго съ педантическимъ стилизмомъ, пренебрегающимъ лиліей потому, что она не выглядитъ какъ роза; онъ также чуждъ манерности, вычурности; онъ—твореніе духа, желающаго двигаться въ границахъ хорошаго вкуса *со свободою*, которая не должна быть сдержана *никакимъ педантическимъ правиломъ*, и не имѣющаго возможности отречься отъ своихъ особенностей. Если индивидуальный стиль мастера оригиналенъ и отличнаго качества, онъ неизбѣжно побуждаетъ къ подражанію,—и образуется хорошій стиль школы, при чемъ большую роль играетъ вкусъ вѣка, въ которомъ жилъ художникъ, и націи, къ которой онъ принадлежалъ.

---

[1]) *Fr. Ast.* System der Kunstlehre oder Lehr- und Handbuch der Aesthetik. Leipzig, 1805, SS. 59—71.

Греческій стиль безусловно, красивъ, но—какъ все земное—не можетъ считаться образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Настоятельной заботой греческаго художника было сохранить въ своей душѣ первообразъ человѣческой жизни, или чисто человѣческое, и заставить его проявиться въ художественныхъ произведеніяхъ. Все, что противорѣчитъ этому первообразу, слѣдовательно, также все непомѣрное и преувеличенное, было ему противно въ искусствѣ, какъ и въ жизни. Онъ не погружался никогда въ мрачное созерцаніе самого себя. Свѣтло смотрѣлъ онъ на міръ, радовался своей силѣ, охватывалъ природу, какъ она есть, съ любовью къ ней; возвышалъ типъ естественности до чистѣйшей идеальности,—и наслаждался искусствомъ безъ мечтаній. Сообразно своей художественной потребности, грекъ самое важное для человѣка—его религію преобразовалъ въ эстетическую грезу, но не для того, чтобы забавляться ею. Миѳологическія изобрѣтенія художниковъ должны были свести божественное въ кругъ человѣческаго и олицетворить его въ прелестныхъ формахъ. Изящное искусство грековъ должно было припомнить людямъ самымъ интереснѣйшимъ образомъ жизненныя отношенія, воспринять въ себя все прекраснѣйшее изъ жизни и примирить само сердце съ неизбѣжнымъ зломъ, угнетающимъ человѣчество.

Греческому стилю новая критика противопоставила романтическій. Стиль вытекаетъ изъ духа, и между духомъ греческаго и романтическаго искусства есть, конечно, контрастъ. Греческій духъ стремится безконечное стянуть въ рамки конечнаго; романтическій—охотнѣе теряется въ чувствѣ безконечнаго. Греческій вкусъ избѣгалъ всякой мистики, а романтическій—развивался подъ постояннымъ вліяніемъ христіанскаго мистицизма. Прекраснѣйшей стороной романтики является ея мечтательно-нѣжная нравственность, особенно въ выраженіи чувства любви. Посредствомъ этого выраженія собственной природы, романтика раскрыла искусству, особенно поэзіи, совершенно новый и неисчерпаемый, неизвѣстный грекамъ міръ. Во всѣхъ греческихъ формахъ является твердая наклонность къ простому и правильному, вплоть до пластической округлости. *Въ романтическихъ формахъ преобладаетъ разнообразіе надъ единствомъ, произволъ смѣлой фантазіи надъ склоннымъ къ порядку художественнымъ чутьемъ—и такъ сильно, что нерѣдко естественность и правдивость, а вмѣстѣ съ ними истинная красота, совершенно исчезаютъ изъ этихъ формъ.* Чтобы избѣжать подобной опасности, требуется самобытный особенный вкусъ, какой выказали итальянскіе живописцы и поэты, когда

они, *выражая романтическія идеи и чувства, греку неизвѣстныя, не забывали, во многихъ отношеніяхъ поучительной, греческой художественной школы* [1]).

Штутцманъ начинаетъ свои разсужденія съ анализа античнаго искусства. Искусство грековъ—говоритъ онъ—носитъ отпечатокъ ихъ языческихъ воззрѣній. Оно имѣетъ общее реальное направленіе и, хотя обладаетъ идеальной стороной, непремѣнно склоняется къ объективному и внѣшнему; оно можетъ быть разсматриваемо, какъ твореніе природы, его форма—объективно-пластическая. Душа греческаго художника, скрытая въ его созданіи,—наивна. При господствующемъ направленіи отъ безконечнаго къ конечному, общее въ искусствѣ является частнымъ, или родъ—индивидуумомъ: божественное начало объективируется, какъ царство боговъ. Въ античномъ искусствѣ все проникнуто и оживлено возвышеннымъ покоемъ природы. Языческому міру соотвѣтствуетъ природа планетъ, у которыхъ есть индивидуальность и которыя, будучи относительно оторваны отъ центра и поддерживая собственную жизнь въ центробѣжности, все-таки остаются близки началу ихъ жизни и двигаются въ одинаковомъ размѣрѣ и въ совершенной гармоніи вокругъ этого начала. Красота—центральный пунктъ греческаго искусства; здѣсь все доходитъ до совершенной индивидуальности и образности.

Искусство христіанской эпохи объясняется духомъ христіанской религіи. Особенность этой эпохи—направленіе отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ реальнаго къ идеальному, почему все искусство должно было принять субъективный, идейный характеръ. Въ античныхъ твореніяхъ господствовала природа, въ новыхъ—исторія; тамъ все получило прочное ограниченіе конечности, здѣсь созданія *расплылись въ неопредѣленныхъ формахъ* субъективности. Тамъ божественное начало ниспускалось въ сферу конечнаго и восприняло ясность объективнаго бытія, здѣсь проявляется божественное начало, какъ безконечное и неопредѣленное. Тамъ царитъ искусство природы; здѣсь—изображеніе субъективности и свободы личности. Тамъ существуетъ болѣе объективно-пластическая форма природы; здѣсь—болѣе субъективно-живописный и выражающійся въ гораздо менѣе опредѣленныхъ границахъ міръ души. Тамъ было нѣчто конечное само по себѣ и приведенное въ единство съ безконечнымъ; здѣсь, наоборотъ, конечное только намекало на безконечное. Потому тамъ возникалъ символъ;

---

[1]) *Fr. Bouterwek.* Aesthetik. Göttingen, 1824. Erster Theil, SS. 214—226.

здѣсь—аллегорія. Тамъ, дѣйствительно, существуетъ общее въ частномъ, и потому древнее искусство имѣетъ для себя примѣръ и первообразъ; здѣсь же проявляется особенное, какъ общее, и потому оригинальность и субъективная сентиментальность свойственны новому искусству. Въ силу объективности античнаго искусства, послѣднее является какъ неизмѣнное, само въ себѣ; въ силу субъективности, новое искусство подчинено прогрессу и перемѣнамъ. Въ античной миѳологіи вселенная становится природой; съ христіанской точки зрѣнія, вселенная разсматривается какъ міръ Провидѣнія и исторіи. Античная миѳологія представляется замкнутымъ міромъ боговъ; христіанство, наоборотъ, возводитъ все къ безконечному цѣлому: тамъ— ограниченность, здѣсь — безграничность; тамъ господствуетъ бытіе, здѣсь—становленіе,—одни образы пребываютъ, другіе преходятъ. Въ первомъ случаѣ, по необходимости, зарождается политеизмъ; во второмъ—монотеизмъ, ибо тамъ характерный признакъ—конечность и множество, здѣсь—безконечность и единство. Возникшее изъ стремленія къ идеальному началу, новое искусство должно было преимущественно выказать субъективность и подчинить ваятельное творчество поэзіи, или краснорѣчію. Драмы Шекспира—символы абсолютной жизни новаго міра, изліянія свободнѣйшаго духа, который имѣетъ надо всѣмъ неограниченное владычество и самъ разрушаетъ священный реализмъ, чтобы не допустить никакихъ предѣловъ для своей свободной силы. Борьба между конечнымъ и безконечнымъ разрѣшается отрицательнымъ образомъ посредствомъ *гибели конечнаго, которое не могло перейти въ безконечное*. Очевидно, апоѳеозъ искусства Штутцманъ усмотрѣлъ бы въ иномъ разрѣшеніи этой борьбы, когда форма не расплылась бы въ неопредѣленности, а съ чисто классической ясностью и отчетливостью отразила бы возвышенный идеалъ христіанства. Но пока противорѣчія не примирены, и былая гармонія составляетъ лишь предметъ сильныхъ, но едва ли осуществимыхъ желаній [1].

Параллель, проведенная Штутцманомъ между поэзіей грековъ и поэзіей христіанской эпохи, проводится также и въ сочиненіи Бахмана, который слѣдитъ за развитіемъ художественнаго творчества и признаетъ его зависимость отъ различныхъ жизненныхъ условій. Религія, философія, законы, нравы, языкъ, климатъ оказываютъ вліяніе

---

[1]) *J. Stutzmann*. Philosophie der Geschichte der Menschheit. Nürnberg, 1808, SS. 287—291; 452—457.

на художника и характеръ его произведеній. Поэтому, различіе, существующее между міромъ греческимъ и нашимъ, является причиной противоположности искусства древняго и новаго, классическаго и романтическаго.

Географическое положеніе Греціи прекрасное. Прибрежная страна, завязавшая торговыя сношенія съ чужеземными государствами, привлекавшая вниманіе мореходцевъ-промышлениковъ, Греція находится въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ Европы. „При благорастворенномъ воздухѣ, подъ свѣтлымъ небомъ, она не испытывала ни оцѣпеняющей стужи сѣвера, ни губительнаго зноя юга". „Она занимала прекрасную средину, въ коей Аристотель полагаетъ сущность всякой добродѣтели". Почва Греціи изобиловала растительностью. Здѣсь можно было наслаждаться красотами природы, и все порождало и воспитывало чувство изящнаго. Самый языкъ, „составленный не по мертвымъ правиламъ", но сложившійся подъ воздѣйствіемъ музыки, пѣнія, былъ „благозвучнѣйшимъ по гармоническому сліянію гласныхъ и согласныхъ, по богатству оборотовъ, по своей нѣжности". Политическое состояніе и законодательство грековъ „способствовало успѣхамъ" искусствъ, которыя не были изолированы, а представляли какъ бы „потребность быта гражданскаго". Для таланта раскрывалось обширное поприще дѣятельности; все его возбуждало, онъ „повсюду встрѣчалъ одобреніе, награду, почести, славу, и творецъ произведенія, повидимому, самаго маловажнаго могъ прославить и увѣковѣчить свое имя". Процвѣтанію искусства содѣйствовало и воспитаніе грековъ, которое основывалось на томъ мудромъ правилѣ, „*что тѣло и душа должны составлять одно, тѣснѣйшими узами связанное, нераздѣльное цѣлое*". Гимнастика имѣла цѣлію развивать тѣлесныя силы, а музыка — духовныя. Но „средоточіемъ и основой" всего образованія была религія — „вдохновенное созерцаніе природы, поэтическое ей поклоненіе". „Дѣти природы въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова", греки „смотрѣли на нее съ нѣжностью, какъ влюбленный смотритъ на предметъ своей страсти". Ихъ божества „являлись въ человѣческихъ образахъ", либо „люди просвѣтлялись до обоготворенія". „Растенія, животныя, люди, герои, боги составляли одно чудное цѣлое", надъ которымъ „простиралось мрачное царство судьбы". Греки дорожили лишь *настоящимъ*. „Безпечная, свѣжая" жизнь „всегда и вездѣ растворялась у нихъ полнымъ, чистымъ наслажденіемъ. Подъ благотворнымъ вліяніемъ обстоятельствъ *они сдѣлали все, что только можетъ сдѣлать человѣкъ, заключенный въ предѣлахъ конечнаго*. Худо-

жественныя и поэтическія ихъ произведенія, вмѣстѣ взятыя, выражають сознаніе *гармоніи всѣхъ силъ*". Природа казалась имъ самодовлѣющею, „существующею по своимъ собственнымъ законамъ, чуждою недостатковъ, стремящеюся къ такому совершенству, какого она можетъ достигнуть своею дѣятельностью. Смерть для нихъ была переходомъ въ безмолвную печальную страну подземнаго міра", царство призраковъ и тѣней. „Словомъ, вся жизнь грековъ представляетъ собою" „*величественный эпосъ*, измѣняющійся въ формѣ и составѣ по различію временъ и обстоятельствъ. *Объективность* составляетъ господствующій характеръ грековъ и имѣетъ перевѣсъ во всѣхъ ихъ искусствахъ и наукахъ".

Очаровательный античный міръ былъ разрушенъ христіанствомъ. „Надъ развалинами прекрасной чувственности возникло безпредѣльное *стремленіе*, пламенная любовь *къ созерцанію вѣчнаго*". „Могущество, мудрость, благость, всѣ благородныя, необыкновенныя, возвышенныя явленія, которыя раздроблялись у грековъ на *множество* божествъ и въ которыхъ каждое божество, сообразно понятію, объ немъ составленному, принимало большее или меньшее участіе"—все это „въ христіанской религіи, подобно множеству лучей, слилось въ понятіи *единаго*, вѣчнаго, неисповѣдимаго Существа. На природу, отдѣльныя силы которой подъ художественной рукой грека являлись въ *прекрасныхъ образахъ божествъ*, начали взирать какъ на *слабое твореніе* всемогущей воли тріединаго Бога". На самыхъ ничтожныхъ и самыхъ величественныхъ частяхъ природы Онъ „*напечатлѣлъ слѣды вездѣсущаго своего Промысла*", но „пути Его сокрыты отъ насъ священнымъ мракомъ". „По своему величію" Богъ „*не доступенъ для усилій искусства*"; „по своей таинственности—непостижимъ для ума, и только чистой, исполненной вѣры душѣ христіанина является во всей своей славѣ". Христіанинъ не цѣнитъ настоящаго, не считаетъ загробное существованіе „крѣпкимъ сномъ послѣ шумнаго веселаго дня жизни", заточеніемъ въ темномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни пѣсенъ, ни плясокъ. Земная жизнь въ глазахъ христіанина—„странствіе путника къ святому гробу", „школа для высшаго бытія, царство мрака и ночи, а тѣло—темница, могила души". Лишь свергнувъ „бренный покровъ", душа возносится въ высшія сферы, и тамъ, за рубежомъ земли, для нея „восходитъ новый торжественный день". „Всякое здѣшнее счастіе—кратковременно", и „никакой внѣшній предметъ не въ состояніи совершенно наполнить нашего сердца".

Отсюда — „вѣчное *томленіе*", борьба, упованіе и „*какая-то не-*

опредѣленная грусть"; отсюда—„*совершенное раздѣленіе между міромъ внѣшнимъ и внутреннимъ*". „Въ язычествѣ все движется какъ будто *на поверхности міра внѣшняго*", и „чувственныя склонности человѣка настраиваются" легко и гармонично. Христіанство—напротивъ—проникаетъ въ *тайники сердца*, „трогаетъ сокровеннѣйшія и нѣжнѣйшія его струны", развиваетъ *самоуглубленіе, пареніе ввысь, къ Божеству* „*на крыльяхъ молитвы и вдохновенія*". „Характеръ греческой религіи есть *прекрасное*, христіанской — *высокое*".

Религіозныя воззрѣнія повліяли на искусство. Въ твореніяхъ грековъ замѣтно „*воплощеніе вѣчной идеи*", „*тожество безконечнаго съ конечнымъ*", — поэтому „они приводятъ душевныя силы человѣка въ *игру стройную и тихую*". Въ твореніяхъ христіанскихъ „*перевѣсъ* бываетъ на сторонѣ безконечнаго: *идея не можетъ въ нихъ найти себѣ полнаго проявленія*, „осуществиться" во всемъ своемъ величіи, а „между тѣмъ сильно овладѣваетъ нашимъ духомъ", „пробуждаетъ въ насъ чувство недосягаемаго, неизъяснимаго", „*потрясаетъ*" все существо наше. Греки преуспѣвали въ *пластикѣ*, „объективнѣйшемъ изъ всѣхъ искусствъ", „выражающемъ идею изящнаго въ пространствѣ посредствомъ вещественныхъ образовъ"; христіане имѣютъ преимущество въ *музыкѣ*, „искусствѣ болѣе внутреннемъ и субъективномъ", „выражающемъ идею изящнаго во времени посредствомъ звуковъ".

Объективное и субъективное, вещественное и духовное—противоположны другъ другу и неполны, а слѣдовательно несовершенны. Очевидно, должно быть нѣчто третье, гдѣ бы противоположности слились вмѣстѣ. Чѣмъ-то среднимъ между образомъ и звукомъ является „живое слово", „членораздѣльный, видимый звукъ и звучащій образъ". А выраженіе идеи изящества посредствомъ слова есть *поэзія*, „сопроникновеніе музыки и пластики", которымъ она „предшествовала". „Едва человѣкъ вышелъ на свѣтъ изъ творческихъ рукъ Создателя, онъ ощутилъ непреодолимую потребность въ языкѣ, а сей языкъ его, при всемъ своемъ несовершенствѣ, былъ *поэтическимъ*".

Какъ изъ первобытной поэзіи, съ теченіемъ времени, выдѣлились пластика и музыка, такъ изъ эпоса, какъ основного единства, получили начало лирика и драма. Оба литературные рода страдаютъ неполнотой: одинъ нуждается во внѣшней изобразительности, другой—во внутренней. Гдѣ же оба противоположныхъ полюса сольются вмѣстѣ и, сливаясь, исчезнутъ? Въ какомъ видѣ предстанетъ предъ нами первоначальное единство? Вѣроятно, *въ формѣ романа, который совмѣщаетъ въ себѣ драму и лирику, примиряя объективность съ*

субъективностью, или, вѣрнѣе, главные принципы языческаго и христіанскаго искусства [1]).

Эстетики нѣмецкихъ философовъ, нѣсколько освѣтившія взаимныя отношенія классицизма и романтизма и доказывавшія, что новая поэзія, въ силу историческихъ условій, не можетъ походить на древнюю, видимо, не казались убѣдительными для всѣхъ, кто воспиталъ свой вкусъ на образцовыхъ произведеніяхъ XVII и XVIII вѣковъ. По мнѣнію сторонниковъ классицизма, литературные критики глубокомысленно говорили о романтизмѣ, не имѣя о немъ опредѣленнаго понятія. Подобное мнѣніе казалось несправедливымъ А. В. Шлегелю, и онъ взялся въ „Чтеніяхъ о драматическомъ искусствѣ" (1809—1811) дать разъясненія относительно происхожденія и характера этого рода творчества, представляющаго полный контрастъ античной поэзіи.

Еще Hemsterhuys замѣтилъ, что новѣйшіе скульпторы болѣе походятъ на живописцевъ, тогда какъ древніе живописцы напоминали скульпторовъ, и онъ правъ: склонность къ ваянію проявляется во всѣхъ античныхъ, а пристрастіе къ живописи во всѣхъ новѣйшихъ искусствахъ. Культура грековъ заключалась въ усовершенствованіи физической природы. Происходившіе изъ благороднаго и прекраснаго племени, воспріимчивые и веселые, они процвѣтали подъ чуднымъ, яснымъ небомъ, пользуясь съ избыткомъ всѣми благами бытія. Баловни судьбы, они совершили все, что дано совершить человѣку въ здѣшнемъ мірѣ, въ предѣлахъ земной жизни. Во всѣхъ ихъ искусствахъ и поэзіи выражалось чувство гармоніи всѣхъ ихъ способностей: была изобрѣтена поэтика счастія. Ихъ религія—обоготвореніе силъ природы и земной жизни. Но этотъ культъ, который у другихъ народовъ былъ мрачнымъ и зловѣщимъ, ужасалъ и черствилъ душу суровыми обрядами, у грековъ отличался благородствомъ, величіемъ, мягкостью. Суевѣріе, заставляющее обыкновенно талантъ глохнуть, здѣсь способствовало его развитію; покровительствовало искусствамъ: алтари боговъ были разукрашены, а изображенія послѣднихъ — идеально прекрасны.

Но какіе успѣхи ни сдѣлали греки въ области искусства и нравственной философіи, ихъ культура носитъ характеръ очищенной и облагороженной чувственности. Это относится, конечно, лишь къ

---

[1]) *Бахманъ*. Всеобщее начертаніе теоріи искусствъ. Переводъ М. Чистякова. М. 1832, ч. I, стр. 31—46, 54—55; ч. II, стр. 4, 7—8, 27, 33—39, 79—80, 86—87, 101, 113—114, 117—118, 121—124.

Ссылаемся на русскій переводъ книги Бахмана, такъ какъ нѣмецкаго оригинала мы не нашли въ столичныхъ библіотекахъ.

общему направленію умовъ и не исключаетъ возможности тѣхъ великихъ откровеній, которыхъ удостоивались проницательные мыслители либо вдохновенные поэты.

Религія—истинная основа нашего бытія, и если бы человѣкъ могъ отречься отъ нея совершенно, въ немъ не осталось бы ничего серьезнаго и глубокаго. Потому, когда этотъ центръ перемѣщается съ одного мѣста на другое, измѣняется направленіе дѣятельности всѣхъ духовныхъ силъ. Подобное явленіе произошло въ Европѣ съ принятіемъ христіанства. Благотворно вліяющая, возвышенная религія переродила истощенный и разложившійся старый міръ и сыграла рѣшающую роль въ судьбѣ новыхъ народовъ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ, сильное воздѣйствіе на ходъ европейской цивилизаціи оказали воинственные завоеватели, давшіе новые жизненные принципы одряхлѣвшимъ національностямъ. Суровая природа сѣвера побуждаетъ человѣка уходить въ самого себя, и, проигрывая въ развитіи чувствъ, онъ выигрываетъ въ развитіи болѣе благородныхъ свойствъ духа. Съ искреннимъ сердечнымъ влеченіемъ отнеслись къ христіанству древніе германскіе народы, и оно глубоко запало имъ въ сердце. Смѣшеніе грубаго, но честнаго героизма сѣверныхъ завоевателей съ христіанскими идеями способствовало возникновенію рыцарства. Необходимо было связать священными обѣтами жестокаго воина и предотвратить злоупотребленіе силою, къ чему онъ имѣетъ наклонность. Съ рыцарскими доблестями соединяется новое понятіе о цѣломудренной, возвышенной любви; возникаетъ благоговѣйное поклоненіе женщинѣ, которую возводятъ на пьедесталъ и считаютъ существомъ совершеннѣйшимъ; религія какъ бы освящаетъ такія отношенія, дѣлая предметомъ почитанія смертныхъ то, что является на землѣ самымъ чистымъ и самымъ трогательнымъ, — невинность дѣвы и любовь матери.

Христіанство не довольствовалось, подобно язычеству, внѣшними обрядами, оно обращалось къ сердцу человѣка и хотѣло властвовать надъ самыми сокровенными его побужденіями. Тогда зарождается чувство внутренней свободы, нравственная самостоятельность; и въ этой области подчиняются лишь голосу чести. Житейская мораль кое въ чемъ расходится съ религіозной, но имѣетъ съ ней и точки соприкосновенія: религія и честь не взвѣшиваютъ послѣдствій поступковъ, но освящаютъ безусловные принципы и ставятъ ихъ выше посягательствъ разсудка.

Рыцарство, любовь и честь воспѣвались въ безчисленныхъ произведеніяхъ безыскусственной средневѣковой поэзіи. Эта эпоха имѣла

свою миѳологію, основанную на рыцарскихъ легендахъ и сказаніяхъ; но героическій и чудесный элементъ, здѣсь преобладающіе, не имѣютъ ничего общаго съ мотивами античной миѳологіи. Меланхолія была существеннымъ признакомъ поэзіи сѣвера.

Древній грекъ чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, не испытывалъ ни въ чемъ недостатка и не желалъ другого совершенства кромѣ того, котораго онъ могъ достичь, полагаясь на свои силы. Между тѣмъ, высшая мудрость разъясняетъ христіанамъ, что родъ человѣческій, впавъ въ великое заблужденіе, лишился первоначально предназначеннаго ему мѣста и имѣетъ лишь одну цѣль въ земной жизни— отыскать его вновь; но не достичь ему этой цѣли, пока онъ предоставленъ лишь своимъ собственнымъ силамъ. Чувственная религія грековъ не обѣщала иныхъ благъ, кромѣ внѣшнихъ и временныхъ; безсмертіе представлялось имъ въ видѣ царства тѣней въ невѣдомой дали, оно было тусклымъ отраженіемъ прекрасной здѣшней жизни. Христіанское ученіе иное. Размышленіе о безконечномъ привело къ отрицанію всего конечнаго; здѣшняя жизнь—міръ призраковъ, погруженный въ глубокую тьму, и лишь по ту сторону могилы брезжитъ разсвѣтъ, и начинается истинное существованіе. Такая религія пробуждаетъ всѣ предчувствія, которыя дремлютъ въ глубинѣ чуткой, отзывчивой души, убѣждаетъ насъ, что мы жаждемъ невѣдомаго, высшаго блаженства, что ничто тлѣнное не можетъ заполнить пустоту въ нашемъ сердцѣ, что всякая радость есть мимолетная иллюзія... И, подобно плѣнному еврею, подъ плакучей вавилонской ивой, оглашающему жалобными напѣвами берега чужеземной рѣки, наша душа, изгнанная на землю, тоскуетъ по своей отчизнѣ и изливаетъ свое горе въ меланхолическихъ звукахъ. Поэзія древнихъ выражаетъ наслажденіе счастьемъ; поэзія христіанская—душевную тоску: одна имѣетъ основаніе въ настоящемъ, другая колеблется между воспоминаніемъ прошедшаго и предчувствіемъ грядущаго.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что меланхолія постоянно изливается въ монотонныхъ сѣтованіяхъ и выражается слишкомъ рѣзко. Какъ у грековъ была возможна, несмотря на свѣтлый взглядъ на жизнь, ужасающая трагедія, такъ романтическая поэзія мѣняетъ одинъ тонъ на другой и отъ грустныхъ мотивовъ переходитъ къ радостнымъ. Въ ней есть что-то неопредѣлимое, указывающее на ея происхожденіе: чувство болѣе глубоко, воображеніе менѣе чувственно, мысль болѣе созерцательна... Но все это трудно строго разграничить, точно опредѣлить и подогнать въ рамки понятія.

Греки видѣли идеалъ человѣческой природы въ совершенной соразмѣрности всѣхъ силъ, въ естественной гармоніи. Новѣйшіе писатели, наоборотъ, страдаютъ отъ глубокаго внутренняго *разлада, что дѣлаетъ античный идеалъ недостижимымъ. Отсюда стремленіе ихъ поэзіи къ примиренію духовнаго и чувственнаго міровъ, къ ихъ полному сліянію.* Чувственныя воспріятія освящаются посредствомъ таинственной связи съ высшими проявленіями духа, а самыя неизъяснимыя движенія, самыя неопредѣленныя склонности сердца находятъ себѣ соотвѣтствующіе символы.

Въ греческомъ искусствѣ и поэзіи есть первоначальное безотчетное единство содержанія и формы; въ новѣйшемъ — если оно остается вѣрнымъ своему настоящему духу — лишь отыскивается глубокое взаимное проникновеніе обоихъ, какъ двухъ противоположностей. Греческое искусство въ совершенствѣ разрѣшило свою задачу; новѣйшее иногда только, и то не вполнѣ, удовлетворяетъ своему стремленію къ безконечному и — вслѣдствіе обнаруживающагося несовершенства — тѣмъ скорѣе подвергается опасности быть непризнаннымъ.

Поэзія будущаго должна, повидимому, заключать въ себѣ достоинства *античнаго* и *средневѣковаго* искусства, не имѣя ихъ недостатковъ. Языческій матеріализмъ одностороненъ и устарѣлъ; романтическимъ творчествомъ, несмотря на очевидную склонность къ нему, мы не можемъ *вполнѣ* удовлетвориться: стремясь выразить безконечное начало и приблизиться къ нему, авторы рискуютъ стать непонятными; ихъ фантазія легко становится разнузданной, и они начинаютъ увлекаться странными химерами... Значеніе романтической поэзіи для насъ утрачено; ее надо возстановить, облагородить... Но какъ? Возникаетъ мысль о гармоническомъ объединеніи духовнаго и матеріальнаго начала, безъ нарушенія основъ христіанской религіи [1].

Изложеніемъ взглядовъ А. В. Шлегеля можно заключить обзоръ нѣмецкихъ теорій романтизма, такъ какъ Гейне и Тикъ, съ нѣкоторыми варіаціями, развивали уже извѣстные намъ мотивы. Гейне (1833) утверждалъ, что романтическая школа въ Германіи — „не что иное, какъ пробужденіе средневѣковой поэзіи“, рѣзко отличающейся отъ греческой. „Классическое искусство стремилось воспроизвести только *конечное*, и его *образы могли отожествляться съ идеей художника;* у романтическаго была цѣль *изображать, или вѣрнѣе указывать на*

[1]) *A. W. Schlegel.* Sämmtliche Werke. Leipzig, 1846. Fünfter Band, SS. 3—20; sechster Band, SS. 432—434.

безконечное и только на спиритуалистическія отношенія, а потому оно прибѣгло къ системѣ традиціонныхъ *символовъ*, или скорѣе параболъ, какъ и самъ Христосъ высказывалъ свои идеи въ формѣ всевозможныхъ прекрасныхъ притчъ. Отсюда мистическое, загадочное, чудесное и причудливое въ произведеніяхъ средневѣковаго искусства; *воображеніе тамъ дѣлаетъ страшнѣйшія усилія, чтобы выразить въ чувственныхъ образахъ чисто духовное*, и чтобы достигнуть неба, оно придумываетъ самыя гигантскія причуды, оно громоздитъ Пеліонъ на Оссу, „Парциваля" на „Титуреля" [1]). Но, какъ рѣзко ни отличается средневѣковая поэзія отъ античной, Тикъ (1828) надѣется, что наступитъ моментъ, когда выдающійся критикъ примиритъ сужденія Аристотеля съ данными, добытыми новѣйшимъ опытомъ [2]).

Литературное движеніе, развившееся въ Германіи, не могло не оказать воздѣйствія на Францію, гдѣ также возникли пренія по поводу романтизма. Трактатъ „О наивной и чувствительной поэзіи", кажется, пользовался здѣсь большою популярностью: на него ссылались, съ нимъ сводили счеты [3]). Ансильонъ (1809) выступаетъ противникомъ Шиллера.

Геніальный художникъ предполагаетъ, что поэзія древняя существенно отличается отъ новой: первая, съ его точки зрѣнія, наивна, такъ какъ рисуетъ природу въ состояніи совершенства, съ полнымъ примиреніемъ всѣхъ контрастовъ и противорѣчій человѣческой натуры, которые не слиты въ трогательную гармонію въ поэзіи новой— чувствительной. Сужденія Шиллера болѣе остроумны, чѣмъ основательны.

Прежде всего, терминъ „природа" часто подвергается злоупотребленіямъ. Говорятъ: созданія природы, законы природы, какъ бы отличая природу отъ нея самой, такъ какъ она представляетъ совокупность этихъ созданій и законовъ. Затѣмъ, противополагаютъ природу искусству: находятъ природу въ дѣтяхъ, въ дикихъ народахъ,— и не хотятъ признать ее въ человѣкѣ зрѣлыхъ лѣтъ и въ націяхъ цивилизованныхъ. Но человѣкъ, въ какую бы историческую эпоху

[1]) *Г. Гейне.* Полное собраніе сочиненій. С.-Пб. 1904, т. III, кн. 8, стр. 264, 269—270.

[2]) *L. Tieck.* Schriften. Berlin, 1828. Erster Band, S. XII.

[3]) *M-me de Staël-Holstein.* De l'Allemagne. Paris et Leipzig, 1814. Tome III, p. 245: „Schiller a écrit deux traités *sur le naïf et le sentimental*, dans lesquels le talent qui s'ignore et le talent qui s'observe lui-même, sont analysés avec une sagacité prodigieuse".

его ни взяли, не отрекается отъ человѣческой природы. Природа состоитъ въ усовершенствованіи, слѣдовательно, и въ искусствѣ. Искусство не что иное, какъ человѣческая природа, развивающаяся подъ постояннымъ вліяніемъ мѣста, времени, обстоятельствъ. Золотой вѣкъ невинности, когда нравственная свобода и естественныя наклонности представляли гармоническое цѣлое, существовалъ въ древнемъ мірѣ не болѣе, чѣмъ въ нашемъ, и принадлежалъ античной поэзіи не болѣе, чѣмъ новѣйшей. Міръ и поэзія всегда являли намъ борьбу страстей и нравственной свободы, съ безчисленными оттѣнками и видоизмѣненіями. Поэтому нельзя вообще сказать, что древніе поэты ближе новѣйшихъ стояли къ природѣ. Было бы произвольно соединять имя природы съ первыми моментами цивилизаціи, исключая послѣдующіе.

Древняя поэзія, говорятъ, наивна въ высшей степени. Справедливо, что наивность придаетъ большое очарованіе античной литературѣ. Но не надо забывать, что многія вещи въ этой литературѣ кажутся намъ наивными потому, что мы присваиваемъ лицамъ, которыя ихъ высказали, нашъ образъ мыслей и чувствованій и сближаемъ настоящее положеніе общества съ прошедшимъ.

Извѣстный писатель, кажущійся намъ наивнымъ, не казался наивнымъ своимъ современникамъ, которые слишкомъ на него походили, чтобы считать его такимъ. Нѣтъ ничего болѣе относительнаго и произвольнаго, чѣмъ впечатлѣніе, которое мы получаемъ, въ данномъ случаѣ, отъ древней поэзіи.—Съ другой стороны, Мольеръ, Лафонтенъ, Аріостъ, Тассъ, Шекспиръ—всѣ наивны въ томъ же смыслѣ, какъ и древніе поэты, ибо, по примѣру послѣднихъ, часто незамѣтно для самихъ себя, рисуютъ картины со всею неподражаемою свѣжестью красокъ и откровенною правдивостью выраженія. Существа, ими созданныя, индивидуальны въ такой высокой степени, что они кажутся существующими или дѣйствительно существовавшими, такъ какъ они имѣютъ характеръ и всѣ необходимыя условія для существованія.

Новѣйшая поэзія, говорятъ, чувствительна. Наши поэты смягчаются при видѣ природы. Они скорѣе рисуютъ съ тайнымъ вожделѣніемъ чувства, внушаемыя имъ природой, чѣмъ самую природу. Греки обладали въ бо́льшей мѣрѣ воображеніемъ; предметы природы или тѣ, которые они творили по божественному образцу, ихъ интересовали непосредственно и производили на нихъ глубокое впечатлѣніе. Сильные и живые образы, гармоническіе звуки достаточно говорили ихъ

сердцу. Теперь, чтобы намъ нравиться, предметы должны возбуждать мысли въ умѣ нашемъ. Эти мысли волнуютъ и трогаютъ насъ гораздо болѣе, чѣмъ образы.

Если бы такое расположеніе ума было всеобщимъ у новѣйшаго поколѣнія, оно доказывало бы, что поколѣніе не имѣетъ воображенія и что нынѣшніе поэты исключительно ораторы и переряженные философы. Оттѣнокъ чувствительности, сдѣлавшійся обыкновеннымъ въ Европѣ только за послѣднее время, есть болѣзнь воображенія или, по крайней мѣрѣ, признакъ особаго рода новой поэзіи, а не ея общій характеръ. Итальянцы, испанцы, французы, въ золотой вѣкъ ихъ литературы, очень приближались къ грекамъ и римлянамъ по манерѣ, съ которой они рисовали природу; они обработывали иные сюжеты, отдѣлывали ихъ по инымъ образцамъ, придавали имъ иныя формы, но не сообщали имъ чувствительнаго оттѣнка.

Склонность къ чувствительности и мечтательности у многихъ новѣйшихъ поэтовъ происходитъ отъ недостатка силы и живости воображенія и чувства. Она является отличительнымъ свойствомъ выдающихся людей въ тѣ вѣка, когда распространеніе нравственной испорченности идетъ наравнѣ съ развитіемъ ума. Въ подобныя эпохи потребности сильны, а средства къ ихъ удовлетворенію дороги и мало доступны; созданія искусства порождаютъ желаніе и утончонный вкусъ; привычка къ роскоши и тщеславіе разжигаютъ страсти, которыя умъ дѣлаетъ болѣе опасными и вредными. Подобныя бѣдствія— результаты злоупотребленія цивилизаціей. Люди, одаренные обширнымъ умомъ, глубиною чувства и пылкимъ воображеніемъ, быстро постигаютъ зло со всѣми его послѣдствіями и, пораженные въ самое сердце, воспроизводятъ дѣйствительность. Если они поэты, они *изливаютъ свои чувства въ элегіяхъ или сатирахъ*. Ихъ негодованіе и печаль тѣмъ живѣе и глубже, чѣмъ болѣе они страдаютъ не только какъ свидѣтели пороковъ другихъ, но еще отъ гибельнаго вліянія, которое на нихъ оказываетъ цивилизація. Ихъ умъ развитъ, душа возвышенна; имъ дороги идеи духовнаго совершенствованія, чистой нравственности, абсолютнаго блага,—эти идеи они противопоставляютъ тому, что̀ ихъ окружаетъ, и получающійся контрастъ рѣзко выдѣляетъ всѣ недочеты и несовершенства дѣйствительности. Проницательность ихъ ума разсѣиваетъ всѣ иллюзіи, украшающія жизнь, и лишаетъ въ ихъ глазахъ предметы той прелести, какую они имѣютъ при первомъ на нихъ взглядѣ. Достигши предѣловъ знанія, такіе люди находятъ тамъ сомнѣнія, которыя тревожатъ, либо глубокій мракъ,

приводящій въ уныніе. *Ихъ душа жаждетъ дѣятельности, но ей не соотвѣтствуетъ ничто во внѣшнемъ мірѣ; она снѣдаетъ самое себя,—и среди конечныхъ предметовъ, которые не могутъ ее удовлетворить, она безпрестанно тоскуетъ о безконечномъ.* Недовольные обществомъ, они бросаются въ объятія *природы;* они живутъ съ нею; она становится наперсницей ихъ чувствъ, причиной ихъ мрачныхъ думъ, хранительницей ихъ жалобъ, сѣтованій и желаній. Природу они предпочитаютъ обществу, ибо она совершенна въ любой моментъ своего существованія, тогда какъ общество только способно къ усовершенствованію и, слѣдовательно, несовершенно. Сама природа не найдетъ у нихъ пощады и вызоветъ ихъ ропотъ, разъ они отдѣлятъ ее отъ *безконечнаго религіи.*

Въ подобную эпоху, когда лучшіе люди проявляютъ склонность къ мечтательности, мрачной задумчивости, поэзія не будетъ наивной; появится новый родъ поэзіи и краснорѣчія, не чуждый великихъ красотъ, но чуждый античному міру.

Различіе между древней и новой поэзіей состоитъ какъ въ различіи предметовъ, которыхъ онѣ касаются, такъ и въ различіи общаго тона и способа изложенія. Такое различіе зависитъ отъ несходства нравовъ и духа вѣковъ въ эти двѣ эпохи исторіи человѣчества. Идеализмъ является характерной чертой новой поэзіи, въ которой замѣтно стремленіе къ безконечному, обусловливаемое христіанской религіей. Законченность формы достигла наивысшаго совершенства въ древней литературѣ, что̀ способствовало развитію пластики. Поэтическая истина болѣе поражаетъ въ твореніяхъ древнихъ; поэтическая сила встрѣчается чаще у писателей новѣйшихъ. Первые все приносятъ въ жертву прекрасному; высокое—божество послѣднихъ.

Есть роды поэзіи, въ которыхъ поэтъ забываетъ самъ себя, живетъ исключительно въ мірѣ тѣхъ предметовъ, которые рисуетъ его кисть; чѣмъ менѣе авторъ проявляетъ свою личность, чѣмъ болѣе онъ стушевывается, тѣмъ удивительнѣе и совершеннѣе его созданія. Подобное движеніе души, которое увлекаетъ ее впередъ и направляетъ чувства и воображеніе къ міру внѣшнихъ предметовъ—самое первичное и самое естественное. Именно ему предавались древніе поэты въ минуты восторга и вдохновенія, и оно надежно приводило ихъ къ цѣли. Вотъ почему они имѣли большой успѣхъ въ тѣхъ родахъ поэзіи, гдѣ преобладаетъ эта точка зрѣнія,—именно въ области эпоса и драмы.

Есть другіе роды поэзіи, въ которыхъ поэтъ проявляетъ себя,

говоритъ самъ, живетъ въ мірѣ своихъ чувствъ и идей, и изображаетъ всѣ предметы сообразно впечатлѣнію, которое они на него производятъ. Это возвратное движеніе души, которое побуждаетъ ее замкнуться въ самой себѣ, препятствуетъ поэту отражать и представлять предметы, какъ бы въ вѣрномъ зеркалѣ. Тогда предметы, которые онъ творитъ или наблюдаетъ, даютъ ему только поводъ развить свои собственныя мысли и высказать свои собственныя чувства. Новые поэты часто смотрятъ съ этой точки зрѣнія; отсюда понятны ихъ выдающіеся успѣхи въ области лирики, элегической или дидактической.

По мѣрѣ развитія своего ума, человѣкъ мѣняетъ образъ дѣйствій. Дитя развиваетъ свою дѣятельность во внѣшнемъ мірѣ, и націи, въ періодъ ихъ юности, живутъ преимущественно среди природы и общества. Человѣкъ возмужавшій сосредоточиваетъ вниманіе на самомъ себѣ; націи, созрѣвшія или состарившіяся, любятъ внутренній міръ мысли. *И будетъ счастлива эпоха, которая соединитъ оба рода творчества и сблизитъ обѣ точки зрѣнія* [1]).

Почти въ одно время съ Ансильономъ дѣйствовала на литературномъ поприщѣ г-жа Сталь. Въ книгѣ „De l'Allemagne" (1813), гдѣ она заплатила значительную дань Шлегелю, романтизму отведено не послѣднее мѣсто. Слово „романтическій"—говоритъ она—стало употребляться недавно въ Германіи для обозначенія поэзіи, возникшей изъ пѣсенъ трубадуровъ во времена рыцарства и христіанства. Нельзя судить съ „философской точки зрѣнія" о вкусѣ античномъ и новѣйшемъ, не признавъ, что язычество и христіанство, сѣверъ и югъ, древность и средніе вѣка подѣлили между собой всю литературу. Въ различныхъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ сравнивали античную поэзію со скульптурой, а романтическую—съ живописью, и всячески характеризовали развитіе человѣческаго ума, который постепенно переходилъ отъ матеріалистическихъ религій къ спиритуалистическимъ, отъ природы — къ Божеству.

Эпическія поэмы и трагедіи грековъ отличаются простотой, свидѣтельствующей, что люди нѣкогда были способны слиться съ природой и вѣрить въ свою зависимость отъ судьбы. Человѣкъ размышлялъ мало и всегда относилъ къ внѣшнему міру движенія собственной души; даже угрызенія совѣсти были изображены чисто внѣшнимъ образомъ:

---

[1]) *F. Ancillon.* Mélanges de littérature et de philosophie. Paris, 1809. Tome I, pp. 181—234.

вмѣстѣ съ яркими искрами сыпались съ факеловъ фурій всевозможныя бѣдствія на голову преступника. Происшествія играли громадную роль въ древности; характеръ преобладаетъ въ новѣйшее время; и безпокойная мысль, которая терзаетъ насъ, какъ коршунъ Прометея, показалась бы безуміемъ греку, привыкшему къ ясности и опредѣленности—характернымъ чертамъ гражданской и общественной жизни древнихъ народовъ.

Только великое разнообразіе фактическаго матеріала даетъ поэту возможность уловить безконечные оттѣнки процесса душевной жизни. Если бы въ наше время изящныя искусства отличались античной простотой, они не производили бы сильнаго впечатлѣнія и не отразили бы сокровенныхъ и сложныхъ движеній человѣческаго духа. Простота искусства у новѣйшихъ поэтовъ легко можетъ сдѣлаться холодной и отвлеченной, тогда какъ у древнихъ она была полна жизни. Честь и любовь, храбрость и состраданіе—вотъ тѣ чувства, которыя были свойственны рыцарству и нашли себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ подвиговъ, сопряженныхъ съ большими опасностями, въ сердечномъ томленіи, въ романическихъ приключеніяхъ и ужасающихъ бѣдствіяхъ,—вслѣдствіе чего фонъ поэтическихъ картинъ не постоянный, а вѣчно мѣняется. Различны и источники сценическихъ эффектовъ въ классической и романтической поэзіи: въ одной царитъ судьба, въ другой—Провидѣніе: судьба ни во что не ставитъ чувства людей, Провидѣніе оцѣниваетъ ихъ поступки только сообразно съ чувствами. Въ новой поэзіи, естественно, былъ созданъ новый міръ. Иное дѣло представить дѣйствія слѣпого рока, гнетущаго смертныхъ; иное дѣло изобразить мудрое устройство вселенной, управляемой Верховнымъ Существомъ, къ которому человѣкъ возноситъ моленія и которое краснорѣчиво говоритъ его душѣ.

Поэзія языческая должна быть проста и рельефна, какъ внѣшніе предметы; поэзія христіанская нуждается во всѣхъ цвѣтахъ радуги, чтобы не пропасть въ облакахъ. Поэзія древнихъ представляетъ собою болѣе чистое искусство; новѣйшая — заставляетъ проливать болѣе слезъ. Вопросъ, который подлежитъ разрѣшенію, заключается не въ томъ, чтобы выбрать классическую, либо романтическую поэзію, а въ томъ, чтобы подражать первой, либо вдохновляться второй. Литература древнихъ для новѣйшихъ поэтовъ—чужеземное, пересаженное растеніе; литература романтическая, или рыцарская для нихъ—туземнаго происхожденія, ибо наша религія, наши государственныя и общественныя учрежденія способствовали ея расцвѣту. Классическая поэзія

доходитъ до насъ лишь чрезъ воспоминаніе о язычествѣ; нѣмецкая поэзія относится къ христіанской эрѣ изящныхъ искусствъ, волнуетъ насъ и затрагиваетъ наше сердце. Одна романтическая литература можетъ быть усовершенствована, такъ какъ пустила корни въ нашей почвѣ; она воскрешаетъ въ памяти важные моменты изъ нашей исторіи; ея происхожденіе связано съ отдаленными вѣками, но не съ античнымъ міромъ. Послѣдній, однако, не долженъ быть совершенно забытъ современнымъ поколѣніемъ. Средневѣковыя литературныя произведенія не безусловно прекрасны. Хотя они возбуждаютъ сильный интересъ своими достоинствами, но знакомство съ античностью и съ прогрессомъ цивилизаціи дало намъ такія преимущества, къ которымъ нельзя отнестись пренебрежительно. Конечно, надо не отодвигать назадъ искусство и не задерживать его развитіе, а *соединять, насколько возможно, различныя свойства, проявленныя человѣческимъ умомъ въ разныя эпохи*. Тогда исчезнетъ туманность мысли—характерный недостатокъ нѣмецкихъ писателей; она будетъ замѣнена ясностью, свойственною французской поэзіи, какъ наиболѣе классической, и самыя отвлеченныя понятія найдутъ себѣ точныя и опредѣленныя выраженія. Народы должны указывать другъ другу пути, ведущіе къ знанію, и дѣлиться взаимно плодами просвѣщенія, которое есть общее достояніе человѣчества [1]).

Послѣ г-жи Сталь число лицъ, пишущихъ о романтизмѣ, значительно увеличивается; къ половинѣ двадцатыхъ годовъ обсужденіе столь важнаго предмета переносится на страницы французскихъ періодическихъ изданій.

По словамъ Ампера (1825?), есть два литературныхъ направленія: классическое и романтическое, но они менѣе различны, менѣе противоположны, чѣмъ думаютъ; „далекія отъ того, чтобы отвергать и исключать другъ друга, они часто сливаются вмѣстѣ для созданія образцовыхъ произведеній". Нѣтъ творенія, авторъ котораго былъ бы всецѣло поглощенъ подражаніемъ, и нѣтъ творенія, на которомъ бы вовсе не отразилось никакого иностраннаго вліянія; но есть много промежуточныхъ комбинацій, гдѣ классицизмъ сочетается съ романтизмомъ, удачно либо неудачно, въ зависимости отъ таланта и вкуса поэтовъ [2]).

---

[1]) *M-me de Staël-Holstein*. De l'Allemagne. Paris et Leipzig, 1814. Tome I, pp. 172—173; t. II, pp. 32—38; t. III, pp. 245—246, 252—258.

[2]) *Th. Ziesing*. Le Globe de 1824 à 1830 considéré dans ses rapports avec l'école romantique. Zurich, 1881, pp. 67—68.

Объясненіе „сущности“ обоихъ сближающихся и переплетающихся другъ съ другомъ поэтическихъ родовъ дано Адольфомъ Пикте (1826). На его взглядъ, вопросъ о романтизмѣ, возбудившій споръ между литераторами, не получалъ удовлетворительнаго рѣшенія. Одни усматриваютъ въ романтическомъ жанрѣ отсутствіе всякихъ правилъ, изысканность языка, туманность мысли и необузданность воображенія; другіе говорятъ, что романтизмъ есть изображеніе старыхъ временъ и нравовъ; третьи полагаютъ, что онъ характеризуетъ эпоху начала XIX вѣка; четвертые смѣшиваютъ его съ чувствительностью... „Мечты, уныніе и радость, ужасное и трогательное, томный свѣтъ луны и сіяніе солнца, — все это было попеременно приводимо, какъ несомнѣнное доказательство романтическаго жанра“. Иногда странное смѣшеніе понятій обнаруживали даже извѣстные писатели. Такъ, Купріанъ Демаре совершенно исказилъ слова Сталь, заявивъ, что она сравнила классицизмъ съ живописью, а романтизмъ съ ваяніемъ, и началъ доказывать вѣрность подобнаго сравненія.

Чтобы избѣгнуть противорѣчій, слѣдовало разрѣшить великую задачу — основательно выяснить противоположность между древней и новой литературой. Починъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ Германіей. Шиллеръ „первый началъ разсматривать этотъ вопросъ съ философской точки зрѣнія“. Въ древней поэзіи—думалъ онъ—господствуетъ наивность, т. е. проявленіе духа, который „живетъ во внѣшности и предается ей, не обращаясь въ самого себя“; напротивъ, чувствительность, т. е. стремленіе человѣка углубляться въ самого себя, есть характерная черта поэзіи новѣйшихъ народовъ. Различіе намѣчено справедливо, но оно страдаетъ неполнотой. Вѣдь, наивность— „одинъ изъ отличительныхъ признаковъ всякой возникающей поэзіи; она равно принадлежитъ произведеніямъ и среднихъ вѣковъ, и классической древности“. А чувствительность является всюду, гдѣ „образованность достигаетъ извѣстной степени развитія“ и гдѣ поэтъ, болѣе или менѣе отдалившійся отъ природы, стремится къ послѣдней, жаждетъ слиться съ нею.

Взглядъ, высказанный Шиллеромъ, скоро привелъ къ другой точкѣ зрѣнія. Начали разсуждать о вліяніи, производимомъ религіею на изящныя искусства и особенно на поэзію: происхожденія новѣйшей поэзіи искали въ христіанствѣ, начала древней—въ греческой миѳологіи. Не отдавая преимущества ни той, ни другой, „стали думать о томъ, какъ бы понять и надлежащимъ образомъ оцѣнить“ ихъ. Тогда въ первый разъ были употреблены выраженія: *классицизмъ* и *романтизмъ*.

Явились сочиненія Шлегелей, Тика, Новалиса, Жанъ-Поля, и госпожа Сталь ознакомила съ ихъ идеями французскую литературную публику.

Положительная теорія классицизма и романтизма не была выработана, такъ какъ главное вниманіе было обращено на „историческія данныя" и на „внѣшнія свойства" поэтическихъ родовъ безъ объясненія „сущности" послѣднихъ. „Отдѣльныя наблюденія надъ литературою извѣстнаго народа, извѣстной эпохи" не могли привести къ „общему разрѣшенію вопроса". „Опредѣленія, составленныя по такому способу изслѣдованія, были всегда неполны и нерѣдко противорѣчивы". „Говорили, напримѣръ, что романтизмъ есть поэзія христіанская"; но „справедливѣе было бы сказать наоборотъ", что поэзія христіанскихъ народовъ, имѣющая нѣчто общее съ поэзіей языческихъ народовъ сѣверной Европы и Востока,—романтическая. Подобное недоразумѣніе есть результатъ неправильной постановки вопроса, который, по необходимости, долженъ быть „заключенъ въ тѣснѣйшіе предѣлы", ибо, въ противномъ случаѣ, отдѣльныя, хотя бы и глубокомысленныя „замѣчанія и сравненія" не будутъ „приведены къ *одному* началу и останутся безъ всякой связи".

Цѣль поэзіи — воспроизведеніе изящнаго, которое, „при всемъ своемъ единствѣ, допускаетъ различіе родовъ и притомъ такъ, что само *не иначе* можетъ обнаружиться, какъ являя упомянутое различіе". Изящное „обнаруживается" только при наличности двухъ элементовъ: умственнаго и вещественнаго, или *идеи* и *формы*. Идея— „планъ художника, предшествующій исполненію"; форма—„выраженіе, проявленіе идеи, въ мраморѣ, краскѣ, языкѣ поэтическомъ". „Идея владычествуетъ надъ формою и даетъ ей извѣстное направленіе; форма проявляетъ идею ощутительнымъ образомъ и приводитъ ее изъ состоянія отвлеченности въ вещественность". Идея—„причина"; форма— „слѣдствіе". Идея безъ формы—чистая отвлеченность; форма безъ мысли—„нестройная масса". Твореніе художника—результатъ слiянія этихъ двухъ элементовъ.

Послѣдніе сами по себѣ, а также и отношенія ихъ между собою подвержены различнымъ измѣненіямъ,—отсюда возникаютъ „различныя отрасли, составляющія область изящныхъ искусствъ". Отношеніе идеи къ формѣ можетъ быть трояким: „или идея превышаетъ форму, или обѣ онѣ находятся въ равновѣсіи, или, наконецъ, форма превышаетъ идею". Форма, будучи вещественна, „по свойству своему ограничена и никогда не можетъ выступить изъ предѣловъ конечнаго";

идея, напротивъ, равно можетъ и заключаться въ предѣлахъ міра вещественнаго, и возвыситься до безконечнаго. Двойному характеру идеи соотвѣтствуетъ двойной характеръ формы.

„Когда идея не превышаетъ сферы видимаго міра, тогда легко находитъ она выраженіе въ формѣ, ее облекающей". Созданія искусства, являющіяся слѣдствіемъ этого первоначальнаго отношенія, „представляютъ совершенное соединеніе, тѣснѣйшее сліяніе идеи и формы", достигаютъ высшей степени изящества. Въ данномъ случаѣ форма доходитъ также до наибольшаго совершенства, такъ какъ *вполнѣ* проявляетъ идею. Отличительныя особенности этого рода изящнаго—единство и простота, такъ какъ идея, воплощающаяся въ формѣ, едина и проста.

„Но когда идея, оставляя міръ вещественный, стремится къ безконечному, тогда представляется новая задача, неразрѣшимая по своей сущности". Какимъ образомъ форма, всегда ограниченная, „въ состояніи выразить то, что отвергаетъ всякое ограниченіе"? Какимъ образомъ конечное будетъ служить внѣшней оболочкой для безконечнаго? Между тѣмъ это чудо должно совершиться, и безконечное должно сдѣлаться видимымъ. „Обязанная повиноваться" двумъ противоположнымъ началамъ, форма „стремится приблизиться къ безконечному: ослабляя и расширяя границы, отъ которыхъ никогда не можетъ совершенно освободиться, она дѣлается исполинскою, неопредѣленною", или, „распадается, такъ сказать, на части и силится посредствомъ разнообразія выразить то, что всегда ускользаетъ" отъ всякаго ограниченія и формы. Конечно, „задача остается не вполнѣ разрѣшенною". Какъ бы ни была обширна форма, какъ бы она ни мѣняла свой видъ, безконечное въ ней не можетъ вмѣститься, и идея не находитъ для себя полнаго выраженія. Поэтому впечатлѣніе, производимое изящнымъ этого рода, отличается какой-то неопредѣленностью, таинственностью и уныніемъ. Здѣсь также есть единство, ибо безъ него нѣтъ изящнаго, но это единство выражается разнообразными формами, оно—гармонія въ противоположностяхъ.

Третій родъ изящнаго не существуетъ, хотя и есть третье отношеніе идеи къ формѣ: перевѣсъ послѣдней надъ первой всегда остается несовершенствомъ и не можетъ быть признанъ источникомъ красоты. А противоположность разсмотрѣнныхъ родовъ изящнаго не что иное, какъ противоположность классицизма и романтизма; она имѣетъ свою теорію и укрѣплена на прочномъ основаніи.

Литература всякой націи принимаетъ извѣстное направленіе не

въ силу случайныхъ обстоятельствъ: на нее вліяютъ „географическое положеніе, климатъ, физіологическія свойства породы“, общеніе съ другими народами и—прежде всего—религія, которая можетъ *различно* дѣйствовать на человѣка.

Религія, которая представляетъ собою „обоготвореніе силъ природы“, „нисколько не возвышаетъ человѣка надъ видимымъ міромъ“, а „новыми узами соединяетъ его съ нимъ“. Такъ было въ древней Элладѣ во время ея расцвѣта и славы. Могъ ли грекъ обладать способностью углубляться въ самого себя, отвлекаться отъ земной жизни и „теряться“ въ мечтахъ? Чувственность слишкомъ говорила его сердцу: онъ не могъ отъ нея отрѣшиться. „Религія представляла ему всю природу въ прелестнѣйшемъ свѣтѣ. Онъ видѣлъ боговъ, которые сходили съ неба на землю и жили въ храмахъ“, воплощаясь „въ изящнѣйшихъ формахъ“. „Радостными торжествами, плясками и гимнами“ чествовалъ онъ „небожителей, и самыя жертвы, влекомыя къ алтарю, были увѣнчаны цвѣтами“. Онъ былъ патріотично настроенъ; его личныя выгоды зависѣли отъ судьбы отчизны. „Поэтъ Греціи, вмѣстѣ и воинъ, и мужъ государственный, и витія, воспѣвалъ то, что видѣлъ, и почти не имѣлъ нужды украшать природу. Мысли и чувства, всегда *находясь въ гармоніи* съ блестящимъ, окружавшимъ его міромъ, какъ бы произвольно облекались въ простыя, прекрасныя формы. Въ произведеніяхъ его все было точно и ясно, подобно свѣту дневному; все, имъ описываемое, было очевидно, осязаемо, и въ этомъ отношеніи весьма основательно сравниваютъ греческую поэзію съ ваяніемъ“.

Искусство романтическое не похоже на классическое. Христіанская религія, прямо противоположная греческой, „перевернула полюсы человѣческаго существованія“. „Направивъ умъ къ міру духовному“, она сосредоточила вниманіе всѣхъ на безконечномъ, и „жизнь земная исчезла, какъ тѣнь“. Старое забывалось; все „требовало преобразованія“,—искусство приняло новыя формы. Измѣнилось качество основныхъ элементовъ, а въ зависимости отъ этого, измѣнилось и ихъ взаимное отношеніе. „Грекъ не иначе могъ видѣть совершенство изящнаго, какъ въ гармоніи, тѣсномъ сліяніи идеи съ формою“. Христіанинъ сразу почувствовалъ глубокое противорѣчіе между конечностью формы и безконечностью идеи, которую онъ силился выразить. Пытаясь проявить одно посредствомъ другого, примирить крайности, выразить невыразимое, онъ „отнялъ у формы свойственный ей характеръ единства и опредѣленности“. Отсюда съ одной стороны явилось

множество разнообразныхъ выраженій, съ другой — полная неопредѣленность формы, стремящейся сдѣлаться безконечною; отсюда въ области искусствъ пластическихъ пренебреженіе къ ваянію и предпочтеніе живописи, какъ формы менѣе осязаемой, менѣе вещественной; отсюда „таинственная необъятность въ твореніяхъ зодчества“; отсюда, наконецъ, въ поэзіи „совершенно духовное стремленіе, унылость чувствъ“, возвышенность мыслей, „неограниченность воображенія“,— что представляетъ рѣзкую противоположность греческой поэзіи.

Унылость чувствъ есть результатъ стремленія осуществить возвышенныя мысли. Безконечная христіанская идея пока тщетно ищетъ для себя *полнаго* выраженія, которое нашла себѣ „не превышающая сферы видимаго міра“ идея язычества. Будетъ ли когда либо конецъ этимъ исканіямъ? Повторится ли гармоническое сліяніе идеи съ формою? На этотъ вопросъ Пикте не даетъ, и, видимо, не можетъ дать отвѣта [1]).

Журнальные толки о романтизмѣ и полемика были въ самомъ разгарѣ, когда Викторъ Гюго выпустилъ знаменитое „Предисловіе къ Кромвелю“ (1827). Великому художнику было угодно высказать нѣсколько своихъ соображеній.

Развитіе поэзіи—думаетъ онъ—находится въ тѣсной связи съ развитіемъ общественныхъ вкусовъ и взглядовъ, съ развитіемъ цивилизаціи. Поэзія зародилась и созрѣвала вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ; ей суждено, подобно всему земному, имѣть свою юность, свой расцвѣтъ и свой закатъ.

Первобытный человѣкъ былъ первымъ поэтомъ. Пораженный красотою новосозданнаго міра, онъ почувствовалъ приливъ вдохновенія, и его первыя слова слились въ торжественный гимнъ. Ничто не стѣсняетъ пѣвца; пастухъ и кочевникъ, онъ, въ уединеніи, предается созерцанію природы и причудливымъ грезамъ; онъ ощущаетъ свою близость къ Богу, находится часто въ экстазѣ; его посѣщаютъ видѣнія, и со струнъ его лиры срываются звуки, славословящіе творца, душу, твореніе... Молодости свойственъ *лиризмъ:* излюбленной формой поэзіи является *ода...* Книга Бытія была одой временъ первобытныхъ.

Но патріархальный періодъ кончается: семья становится племенемъ; глава семьи—царемъ. Образуются государства. Мало-по-малу одна нація сталкивается съ другой, — отсюда войны, переселенія на-

---

[1]) *Bibliothèque Universelle des sciences, belles-lettres et arts*, 1826, t. XXXIII, pp. 217—244. Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1828, № 17.

родовъ... Поэзія отражаетъ великія событія; она воспѣваетъ вѣка, народы, царства, становится *эпической*... Рождается Гомеръ. Эпопея принимаетъ многія формы, но не утрачиваетъ своего характера: она замѣтна въ исторіи (Геродотъ), въ трагедіи... То, что̀ воспѣвали рапсоды, актеры декламируютъ на сценѣ.

Съ паденіемъ Рима замираетъ эпопея. Начинается новая эра для всей вселенной и для поэзіи. Языческій матеріализмъ уступаетъ мѣсто христіанской религіи. Эта религія истинная; она проповѣдуетъ мораль. Она указываетъ, что человѣку предстоитъ прожить двѣ жизни: одну временную, другую вѣчную; одну на землѣ, другую на небѣ; что онъ двойственъ, какъ и его судьба, ибо состоитъ изъ духа и тѣла. Божественное откровеніе проясняетъ ту ночь, среди которой блуждали представители античной философіи; христіанство порождаетъ въ человѣкѣ чувство грусти, *меланхолію* и пытливость ума, выдвигаетъ на первый планъ *личность*, затертую въ древнемъ обществѣ, и приводитъ поэзію къ *истинѣ*. Въ Греціи и Римѣ изучали природу только съ одной стороны, безпощадно исключая изъ области искусства все, что̀ не подходитъ подъ извѣстный типъ *прекраснаго*; теперь начинаютъ сознавать, что въ Божьемъ твореніи на ряду съ прекраснымъ существуетъ безобразное: непригл̀ядное чередуется съ граціознымъ, уродливое съ высокимъ, зло съ добромъ, тѣнь со свѣтомъ, и поэзія старается приблизиться къ природѣ. Особенностью христіанскаго искусства оказывается *уродливо-комичное*, его литературной формой—*комедія*.

Взятое само по себѣ, отдѣльно, уродливо-комичное разнообразнѣе высокаго и прекраснаго; усиленіе уродливаго—шагъ къ дальнѣйшему совершенству, къ сліянію въ одно цѣлое двухъ разнородныхъ элементовъ. Это высшая ступень, которой можетъ достичь искусство. Красота—монотонна; она много выигрываетъ, будучи сопоставлена съ безобразіемъ. Уродливое должно оттѣнить свойства высокаго. Здѣсь богатый источникъ, открытый природой для искусства. Рубенсъ понялъ значеніе контраста и изображалъ королевскія торжества, коронованія, пышныя церемоніи, на которыхъ рѣзко выдѣлялась отвратительная фигура придворнаго карлика. Франческа ди-Римини и Беатриче не были бы такъ восхитительны, если бы поэтъ не привелъ насъ въ Башню голода и не показалъ ужасную трапезу Уголино. Но самый лучшій образецъ въ этомъ отношеніи—драма Шекспира, совмѣщающая въ себѣ трагедію и комедію и представляющая собою типичное произведеніе современной литературы. Драма — истинная,

совершенная поэзія; ея характерный признакъ—реализмъ, какъ результатъ *скрещенія прекраснаго и безобразнаго, высокаго и уродливо-комичнаго*, которыя переплетаются въ драмѣ такъ же, какъ въ жизни и во всемъ мірозданіи. Все, что есть въ природѣ, есть въ искусствѣ! Передъ нами гармоническое сочетаніе двухъ противоположныхъ началъ, нѣкогда господствовавшихъ въ античной и средневѣковой поэзіи ¹)!

Промежутокъ въ тридцать слишкомъ лѣтъ раздѣляетъ „Предисловіе къ Кромвелю“ отъ трактата „О наивной и чувствительной поэзіи“. За этотъ періодъ мѣнялись литературные вкусы; создавались вышеизложенныя теоріи о романтизмѣ.—Какихъ же результатовъ достигли разсуждавшіе на злободневную тему? Пришли ли они хоть въ чемъ-нибудь къ соглашенію? Какіе итоги можно подвести ихъ критической работѣ?

Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о романтизмѣ не получилъ надлежащаго разрѣшенія, что онъ продолжалъ оставаться открытымъ. Предложенныя „формулы“ нуждались либо въ исправленіяхъ, либо въ дополненіяхъ и не могли вполнѣ удовлетворить самихъ взыскательныхъ литераторовъ прошлаго вѣка. Къ вопросу подходили то съ одной, то съ другой стороны; иногда недоумѣвали, иногда слишкомъ поспѣшно дѣлали обобщающія заключенія; не разъ впадали въ противорѣчія... Однако, несмотря на неясность и колебанія неустойчивыхъ мыслей, въ ученіяхъ о новомъ искусствѣ намѣчены общія идеи: a) романтизмъ иногда считается пробужденіемъ средневѣковой поэзіи христіанскихъ народовъ, и b) въ „синтезѣ“ классицизма съ романтизмомъ усматривается надежный залогъ дальнѣйшаго процвѣтанія художественнаго творчества.

Шиллеръ одинъ изъ первыхъ устанавливаетъ, что „ни наивный, ни чувствительный характеры, разсматриваемые порознь, не исчерпываютъ вполнѣ идеала прекраснаго человѣчества, который можетъ возникнуть только изъ ихъ взаимнаго тѣснаго соединенія“. Фр. Шлегель и Новалисъ (позже Гейне) не дѣлаютъ подобнаго вывода; они согласны съ Шиллеромъ лишь въ томъ, что идеалъ новѣйшихъ поэтовъ—безконеченъ, и потому не можетъ вполнѣ проявиться. Начиная съ 1805 г. философы-эстетики опять возвращаются къ мысли Шиллера, но доходятъ до нея независимо, путемъ самостоятельныхъ раз-

¹) *M. Souriau.* La préface de Cromwell. Paris, pp. 169—223.

сужденій. Они признаютъ верхомъ совершенства „романтическое преображеніе античнаго искусства" (Астъ); рекомендуютъ для лучшаго выраженія идей и чувствъ, греку неизвѣстныхъ, воспользоваться пріемами греческой художественной школы (Бутервекъ); неудовлетворены расплывчатой неопредѣленностью романтической формы, хотятъ, чтобы послѣдняя съ чисто классической ясностью и точностью отразила возвышенный идеалъ христіанства (Штутцманъ); придаютъ особое значеніе примиренію главныхъ принциповъ языческаго и христіанскаго искусства: объективности и субъективности (Бахманъ). А. В. Шлегель подчеркиваетъ важность гармоническаго объединенія духовнаго и матеріальнаго начала, идеи и формы, и указываетъ, что новѣйшіе писатели могли бы поучиться у грековъ мастерскому разрѣшенію задачи поэзіи. Въ свою очередь, Тикъ мечтаетъ о критикѣ, который пойметъ сужденія Аристотеля и примиритъ ихъ съ данными, добытыми новѣйшимъ опытомъ.

Во Франціи Ансильонъ предсказываетъ наступленіе счастливаго времени, когда античная точка зрѣнія сблизится съ новѣйшей, а г-жа Сталь утверждаетъ, что поэты должны соединять, насколько возможно, различныя свойства, проявленныя человѣческимъ умомъ въ разныя эпохи. Романтизмъ можетъ сочетаться съ классицизмомъ— заявляютъ журналисты 1820-хъ годовъ (Амперъ); христіанская поэзія достигла бы высшей степени изящества, если бы, подобно античной, могла найти форму, вполнѣ проявляющую безконечное начало (Пикте). И уже въ драмахъ Шекспира замѣтно своеобразное скрещеніе характерныхъ элементовъ древняго и средневѣкового искусства (Гюго).

Итакъ, пресловутый „синтезъ" представляется весьма желательнымъ; но реализація его—дѣло нелегкое.

Въ христіанскомъ искусствѣ измѣненіе характера идеи повлекло за собою измѣненіе въ отношеніяхъ ея къ формѣ, которая могла лишь весьма слабо отражать идею. Отсюда природа, являющаяся прекраснымъ художественнымъ твореніемъ Божества [1]),—„неполное, призрачное" отраженіе безконечнаго, либо идеала [2]), постичь который

---

[1]) *L. Tieck.* Phantasien über die Kunst von einem kunstliebenden Klosterbruder. Berlin, 1814, SS. 79—80. Ср. *Куно-Фишеръ.* Публичныя лекціи о Шиллерѣ. М. 1890, стр. 85: Природа—отпечатокъ Божественнаго Существа.

[2]) „По отношенію къ нравственному идеалу красота есть чувственный образъ, т. е. несовершенное отраженіе, которое, изображая намъ тотъ сверхчувственный идеалъ, въ то же время затемняетъ его" (*Куно-Фишеръ.* Лекціи о Шиллерѣ. М. 1890,

можетъ только человѣкъ высшей духовной организаціи, надѣленный даромъ прозрѣнія, тогда какъ идеалъ античнаго міра былъ доступенъ всякому. „Alle Dinge nur sind der Geisterwelt ein Kleid", пишетъ Тикъ [1]). В. Гюго ему вторитъ: „Sous le monde réel, il existe un monde idéal qui se montre resplendissant à l'oeil de ceux que des méditations graves ont accoutumés à voir dans les choses plus que les choses" [2]). Видѣть незримое, по мнѣнію Новалиса,—удѣлъ одного поэта. Онъ, какъ пророкъ, дѣйствуетъ безотчетно, подъ вліяніемъ наитія, въ экстазѣ; прорицатель грезитъ, погружается въ волшебные сны, надѣленъ ясновидѣніемъ [3]). Поэтъ-мудрецъ знаетъ тайны міра; его взоръ проникаетъ въ нѣдра природы; ему знакомъ высокій идеалъ, тускло просвѣчивающій сквозь земную оболочку.

Wer die Weisheit kennt, kennt keinen Zügel,
Er sieht die ganze Welt in jedem Zeichen,
Zur Sternenwelt trägt ihn der kühne Flügel [4]).

Онъ—чародѣй, волшебникъ. Объ этомъ говоритъ Винфреда Тика.

Ich bin so sündig, wie die andern Menschen,
Doch wurde mir seltsamer Weis' verliehn,
In innre Tiefe der Natur zu schaun.
Da seh ich, was getrennt, zusammenhängen,
Und was dem *blöden* Auge einig scheint,
In ferne Gränzen aus einander fliehn [5]).

Въ духовномъ развитіи человѣчество стоитъ гораздо ниже поэтовъ. Они одни могутъ поучать обыкновенныхъ смертныхъ [6]), которые, безъ этой поддержки, безпомощны и жалки: они—слѣпы, утратили счастье древняго грека.

Безконечное пока не находитъ выраженія въ конечномъ; форма не способна вполнѣ отразить идею. Чтобы *всѣ* могли постичь идею, проникнуться ею, необходимо или усовершенствованіе всего человѣ-

---

стр. 93). Ср. стихотвореніе Шиллера „Покрытый истуканъ въ Саисѣ"; также *E. Spenlé*. Novalis. Paris, 1904, pp. 145—146.

[1]) *L. Tieck*. Schriften. Berlin, 1828. Zweiter Band, S. 177.

[2]) *V. Hugo*. Odes et ballades. Paris, 1829, t. 1, p. X.

[3]) *E. Spenlé*. Novalis. Paris, 1904, pp. 144, 147, 151—152, 188, 192, 212.

[4]) *L. Tieck*. Schriften. Berlin, 1828. Zweiter Band, S. 67.

[5]) *L. Tieck*. Schriften. Berlin, 1828. Zweiter Band, S. 176. Ср. *E. Spenlé*. Novalis, pp. 214—215: „On peut dire qu'il contraint alors les Esprits invisibles à lui apparaître, à se révéler à lui etc.".

[6]) *L. Tieck*. Schriften, Zweiter Band, S. 68.

чества, которое должно возвыситься до *зрячаго* поэта, или *полное* проявленіе безконечнаго въ природѣ, а затѣмъ и въ созданіяхъ искусства. И вѣра въ прогрессъ не покидала философовъ и художниковъ, мечтавшихъ о совершенномъ искусствѣ будущаго. Когда-нибудь—думали они—должно разрѣшиться ихъ мучительное томленіе, ихъ страстная тоска по идеалу; когда-нибудь должна быть удовлетворена жажда знанія. Классики завѣщали потомству *абсолютное изображеніе* (eine absolute Darstellung) конечнаго, романтики — *изображеніе абсолютнаго* (Darstellung eines Absoluten) [1]; въ созданіяхъ новаго искусства *абсолютное начало найдетъ себѣ абсолютное выраженіе*. И плѣнительная, смѣлая мысль о воплощеніи невоплотимаго невольно мелькала въ повышенно настроенныхъ умахъ нашихъ теоретиковъ. Эта мысль не могла получить развитія, но отъ нея было трудно отказаться. Такъ покорила сердца поэтовъ чудная и—увы!—неосуществимая греза.

Н. Козминъ.

---

[1]) Ср. Deutsche National-Litteratur, 129, 1. Schillers Werke. Zwölfter Theil, erste Abtheilung, S. 397.—*Куно-Фишеръ*. Публичныя лекціи о Шиллерѣ, стр. 159.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТЕКСТУ КНИГИ „ПАЛОМНИКЪ" АНТОНІЯ НОВГОРОДСКАГО [1]).

IX.

Кровь Господня. Если признать правильнымъ сказанное ранѣе о томъ, что Антоній различалъ двѣ иконы, изъ которыхъ изошла кровь: 1) икону Богородицы съ младенцемъ и 2) Спаса во св. Кладязѣ, то спрашивается, какую кровь цѣловалъ онъ въ „алтарѣ маломъ". Онъ говоритъ, что кровь эта изошла изъ иконы: „А кровь-же Господню, исшедшую изъ иконы (сами видѣхомъ изсохшу и цѣловали есмя (цѣловалъ есмъ) въ олтарѣ маломъ" (стр. 2). Если считать, что кровь эта принадлежала иконѣ Богородицы съ младенцемъ, какъ это вытекаетъ изъ послѣдовательности текста Антонія, то оказывается, что никто, кромѣ Антонія, не указываетъ этой крови въ церкви св. Софіи, какъ связанной съ чудомъ названной иконы. Остается еще два предположенія: не видѣлъ-ли Антоній и не цѣловалъ-ли кровь, исшедшую отъ Виритской иконы, или же, наконецъ, самую истинную кровь Христову, исшедшую изъ ребра Господня, которая, какъ извѣстно, въ это время хранилась въ Константинополѣ. Повидимому, эту послѣднюю кровь и гвоздь Антоній видѣлъ въ церкви Воскресенія „ту-же страстій Господнихъ гвоздь и крови Господни; и празднуютъ въ великій пятокъ" [2]). Послѣднее предположеніе во всякомъ случаѣ не имѣетъ для себя никакого основанія, такъ какъ въ текстѣ Антонія говорится о крови, исшедшей изъ иконы, но первое сдѣлано было уже графомъ Ріаномъ, считавшимъ самую икону за Виритскую. Однако, все сказанное

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, новая серія, III (1906, № 6), отд. 2.

[2]) *Х. М. Лопаревъ*, о. с., стр. 29; *Саввантовъ*, о. с., 141.

ранѣе объ этой иконѣ (§ V, стр. 261—268) препятствуетъ принять мнѣніе Ріана, такъ какъ Антоній говоритъ не о Виритской иконѣ и, слѣдовательно, имѣетъ въ виду не Виритскую, а какую-то другую кровь. Кромѣ того, неизвѣстно, дѣйствительно-ли кровь отъ Виритской иконы хранилась въ это время въ церкви св. Софіи. Эта кровь, какъ справедливо отмѣтилъ Х. М. Лопаревъ, была положена во Влахернахъ Фокой, въ 962 году была перенесена въ церковь Всѣхъ Святыхъ, въ 1403 году ее видѣлъ опять во Влахернахъ Клавихо (равно и самую кровь Христову) [1]), а въ 1420 году Зосима прикладывался къ ней въ церкви Іоанна Продтечи. Объ этой крови говорятъ многіе западные авторы по поводу ея похищенія на западъ и указываютъ ее въ разныхъ мѣстахъ [2]). Къ этимъ указаніямъ должно прибавить еще одно. На Суздальскомъ ковчегѣ 1383 года, святыни котораго принесены были изъ Царьграда, находится также часть Виритской крови, а въ 1420 году эту кровь и желчь видѣлъ въ монастырѣ Продрома (Подромъ) нашъ паломникъ Зосима: „и желчи и кровь Христова, что отъ иконы Спасовы истече, кою икону жидове пробили (копіемъ) во градѣ Веруте" [3]). Послѣ разграбленія Константинополя латинами Виритская кровь была прислана (неизвѣстно вся или часть) [4]) въ Венецію, но въ XVI вѣкѣ объ этой крови сложились уже сомнительныя извѣстія. Францискъ Сансовино писалъ въ 1581 году: „una ampola *del vero sangue* di Christo il quale venuto a Berutti dalla citta di Ierusalem, fu quindi portato a Venezia come riferisce il Cardinal Contarino nelle opere sue; ma il Dandolo scrive, que fu mandato a Venezia da Constantinopoli da doge Henrico Dandolo" [5]). Изъ этихъ словъ видно, что Виритская кровь называется истинной кровью, принесенной въ Венецію изъ Іерусалима сообразно указаніямъ кардинала Контарини, или же изъ Константинополя, какъ утверждаетъ потомокъ дожа Генриха Дандоло, при которомъ была принесена эта кровь въ Венецію. Эти разнорѣчивыя свѣдѣнія, однако, показываютъ, что эпитетъ „Виритская" можетъ служить путеводной нитью для опредѣленія крови Христовой даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она называется „истинной кровью Христовой", хотя не исключаются случаи смѣшенія той и другой

---

[1]) *Н. П. Кондаковъ*, Путешествіе на Аѳонъ, 210—11.

[2]) *Riant*, Exuviae, II, см. указатель: Sanguis Berytensis.

[3]) Прав. Пал. Сборн. Вып. 24, стр. 8.

[4]) Іоаннъ Діаконъ (XII в.) упоминаетъ: „De sanguine et aqua làteris Domini ampullae duae" въ Латеранѣ въ Sancta Sanctorum. Monuments Piot. T. XV, p. 26.

[5]) Exuviae, II, p. 267—8.

крови. Изъ этихъ данныхъ вытекаетъ, что Антоній имѣетъ въ виду какую-то особую, не Виритскую кровь, а кровь, исшедшую изъ иконы съ изображеніемъ Богородицы съ младенцемъ, и что кровь эта хранилась въ церкви св. Софіи. Ранѣе я указалъ, что анонимная „Бесѣда о Царьградѣ“ даетъ новое и интересное свѣдѣніе относительно крови, исшедшей изъ иконы Спаса, стоявшей въ эпоху написанія „Бесѣды“ въ церкви св. Николая (стр. 268). Въ ней отмѣчается тотъ фактъ, что кровь эта была „запечатана“, а икона поставлена въ церкви св. Николая. Такимъ образомъ, кровь эта представляла собою мѣстную цареградскую святыню, связанную съ чудомъ во святомъ кладезѣ (вверже въ кладезь). Кто правъ въ данномъ случаѣ—Антоній-ли, который приписываетъ эту кровь иконѣ Богородицы съ младенцемъ, или „Бесѣда о Царьградѣ“, связывающая ее съ иконой Спаса въ церкви св. Николая, я рѣшить не могу за неимѣніемъ данныхъ, но укажу, что Антоній Новгородскій помѣщаетъ ее въ алтарѣ маломъ, въ то время какъ „Бесѣда“ не указываетъ ея мѣстонахожденія, и только смыслъ всего текста ея заставляетъ предполагать ея нахожденіе въ церкви св. Софіи (стр. 218). Графъ Ріанъ зналъ текстъ о чудѣ съ иконой во св. Кладязѣ, приводимомъ Бароніемъ подъ 446 годомъ, но онъ не высказался о томъ, гдѣ хранилась кровь отъ этой иконы [1]).

X.

Алтаръ малый. Указаніе Антонія на „олтарь малый“ есть первое топографическое данное въ книгѣ „Паломникъ“ и требуетъ поясненія. Здѣсь Антоній видѣлъ множество предметовъ, описанныхъ частью въ дальнѣйшихъ примѣчаніяхъ. Уже Савваитовъ [2]), Х. М. Лопаревъ [3]) и Д. Ѳ. Бѣляевъ безошибочно узнали въ олтарѣ маломъ діакониконъ и сосудохранительницу, но покойный Д. Ѳ. Бѣляевъ доказывалъ это съ полной очевидностью: „Описанныя Антоніемъ святыни“, говоритъ онъ, „находившіяся возлѣ этого олтаря малаго, были несомнѣнно на лѣвой сторонѣ, такъ какъ это мѣсто до построенія храма (вся ризница—σκευοφυλάκιον ὅλον) принадлежала вдовѣ Аннѣ, которая тутъ же за крестомъ, служившимъ мѣриломъ возраста Христова, и погребена въ придѣлѣ. Въ пользу принятія сѣверо-во-

[1]) *Riant*, Les depouilles religieuses, enlevées à Constantinople. Paris. 1875, p. 115, прим. 2.

[2]) O. c., 55, 60.

[3]) Введеніе, XLIV—V.

сточнаго угла квадрата за ризницу говоритъ и очень важное свидѣтельство Аркульфа: „Interioris domus aquilonali in parte pergrande et valde pulchrum monstratur armarium, in quo capsa habetur recondita lignea... in quo illud salutare habetur reconditum crucis lignum" [1]). Къ этому слѣдуетъ добавить лишь слѣдующее. Указаніе Антонія на олтарь малый является крайне точнымъ потому, что провѣряется изъ греческихъ источниковъ и переводнаго на славянскій Сказанія о св. Софіи. Крестъ мѣрный стоялъ, по Антонію, внѣ дверей олтаря малаго, а у Анонима Бандури и въ другихъ родственныхъ текстахъ онъ помѣщенъ въ сосудохранительницѣ: „ἐν τῷ σκευοφυλακείῳ" (эти слова опущены въ рукописи С) [2]). За крестомъ Антоній помѣщаетъ тѣло Анны, „иже давала дворъ свой св. Софѣи", на немъ же поставленъ олтарь малый". Изъ сказанія о святой Софіи слѣдуетъ, что на мѣстѣ, данномъ Анной размѣстилась сосудохранительница: „ἐστὶν δὲ ὁ τόπος τῶν οἰκημάτων αὐτῆς τὸ σκευοφυλακεῖον ὅλον" [3]). „Есть же мѣсто дому ея съсудохранительница вся". Отсюда совершенно ясно полное тожество малаго олтаря Антонія съ сосудохранительницей греческихъ источниковъ (см. слѣд. прим.).

XI.

Крестъ мърный. Среди многихъ и разнообразныхъ крестовъ, которые Антоній видѣлъ въ церкви св. Софіи, крестъ мѣрный заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ разъясняетъ цѣлую область почитанія большихъ распятій одинаково, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, равно какъ и у насъ въ Россіи. Кромѣ того данныя Антонія объ этомъ крестѣ въ точности провѣряются изъ греческихъ источниковъ.

„И внѣ дверей (двери) олтаря малаго стоитъ крестъ мѣрный (измѣренный), колико былъ Христосъ возвышенъ плотию на землѣ; за тѣмъ крестомъ лежитъ Аньна (нѣкая жена), иже давала (дала) дворъ свой святѣй Софѣи (на немже и поставленъ малый олтарь) и того ради положена бысть ту" (о. с. 4). Саввантовъ сопоставилъ текстъ Антонія съ текстомъ Анонима Бандури, въ которомъ повторяются всѣ свѣдѣнія Антонія и приводятся новыя. Я привожу этотъ текстъ по изданію Прегера: Ὁ δὲ τίμιος σταυρὸς ὁ ἱστάμενος σήμερον ἐν τῷ σκευο-

[1]) *Бѣляевъ*, Byzantina II, p. 120.
[2]) *Preger*, Scriptores etc. p. 98.
[3]) Ibid., p. 78.

φυλακείῳ τὸ μέτρον ἐστὶ τῆς ἡλικίας τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ὃς ἀκριβῶς ἐμετρήθη παρὰ πιστῶν καὶ ἀξιολόγων ἀνδρῶν ἐν Ἰερουσαλήμ. Καὶ διὰ τοῦτο ἐνέδυσεν αὐτὸν ἄργυρον καὶ λίθους παντοίους καὶ κατεχρύσωσεν αὐτὸν καὶ μέχρι τῆς σήμερον ἰάσεις ποιεῖ νοσημάτων καὶ δαίμονας ἐλαύνει" (р. 98—99): „Честный крестъ, иже стоитъ нынѣ въ сосудохранилницѣ, еже есть мѣра возраста Господа нашего Іисуса Христа, якоже извѣсто измѣренъ бысть отъ вѣрныхъ человѣкъ, иже въ Іерусалимѣ: и сего ради (Густиніанъ) обложи и сребромъ чистымъ и златомъ и каменіемъ многоцѣннымъ. Тъ оубо крестъ и до днешняго дни недуги различныя исцѣляетъ, и бѣсы отъ человѣкъ прогоняетъ".

Изъ этого текста, повторяемаго стереотипно различными описаніями церкви св. Софіи, довольно темнаго по содержанію, однако, слѣдуетъ, что крестъ, стоявшій въ сосудохранительницѣ, считался за мѣру роста Христова. Изъ славянскаго текста неясно, что собственно было измѣрено вѣрными людьми въ Іерусалимѣ: ростъ Христовъ или крестъ, такъ какъ переводчикъ передалъ это мѣсто о крестѣ посредствомъ словъ: „якоже... измѣренъ бысть", въ то время какъ въ греческихъ изводахъ стоитъ не „ὡς ἐμετρήθη", а „ὃς ἐμετρήθη", что вполнѣ соотвѣтствуетъ выраженію Антонія крестъ мѣрный, и варіанту „измѣренный". Такимъ образомъ, дѣло должно понимать въ такомъ смыслѣ, что въ Іерусалимѣ вѣрными людьми былъ измѣренъ, именно, крестъ, но какой? Точно держась греческихъ текстовъ, должно полагать, что авторы словами „ὃς ἐμετρήθη ἐν Ἰερουσαλήμ" указываютъ, что, именно, описываемый ими крестъ былъ измѣренъ въ Іерусалимѣ, такъ какъ эти слова характеризуютъ Честный Крестъ „ὁ ἱστάμενος σήμερον ἐν τῷ σκευοφυλακείῳ" („иже нынѣ стоитъ въ съсоудохранительницѣ"). Изъ того же текста слѣдуетъ, что Юстиніанъ не былъ заказчикомъ этого креста, такъ какъ въ тѣхъ же описаніяхъ ему приписывается устройство пяти драгоцѣнныхъ крестовъ (Σταυροὺς δὲ ἐποίησε πέντε κτλ. р. 101), а въ данномъ текстѣ подчеркивается, что Юстиніанъ лишь обложилъ мѣрный крестъ серебромъ и драгоцѣнными камнями и позолотилъ его. Изъ этого обстоятельства, выдвигаемаго съ особенной настойчивостью въ греческихъ текстахъ, можно сдѣлать заключеніе, что крестъ существовалъ ранѣе времени Юстиніана, и что послѣдній ради особенной почитаемости этого креста, какъ измѣреннаго въ Іерусалимѣ и представлявшаго мѣру роста Христова, украсилъ его драгоцѣнными камнями поверхъ серебряной облицовки. Слѣдуетъ отмѣтить также и то, что слова: „ἱστάμενος σήμερον" (стоитъ нынѣ) заставляютъ предполагать нахожденіе этого креста ранѣе времени Юсти-

ніана не въ сосудохранительницѣ, а въ другомъ мѣстѣ, которое, однако, не указано.

Деревянный крестъ, во всемъ подобный кресту, на которомъ былъ распятъ Христосъ, впервые извѣстенъ, именно, въ Іерусалимѣ. По преданію его поставилъ Константинъ Великій на Краніевомъ мѣстѣ, т. е. на Голгоѳской скалѣ. Мнѣ приходилось уже не разъ касаться голгоѳскаго креста, поставленнаго Константиномъ Великимъ въ Іерусалимѣ, равно какъ и той серіи драгоцѣнно украшенныхъ крестовъ, которые по порядку смѣнили этотъ деревянный крестъ [1]). Здѣсь я приведу только крайне интересный текстъ автора, извѣстнаго подъ именемъ Петронія епископа Болонскаго (420 г.?), въ которомъ описанъ этотъ первый крестъ. Описавши гробъ Господень и базилику Константина, онъ продолжаетъ: „In eodem vero loco, qui Golgotha dicitur, posuit ligneam crucem, quae in longitudine et latitudine undique per totum facta fuerat ad instar Crucis Christi“ [2]), т. е.: „На томъ же мѣстѣ, которое называется Голгоѳа, онъ (т. е. Константинъ Великій) поставилъ деревянный крестъ, который въ длину и въ ширину и во всемъ остальномъ былъ сдѣланъ на подобіе Креста Христова“. О постановкѣ Константиномъ Великимъ креста на Голгоѳѣ говоритъ и паломница въ Святую Землю, извѣстная подъ именемъ Сильвіи (372—394 гг.), упоминая о немъ много разъ [3]). Этотъ большой вотивный крестъ изображенъ въ прекрасной мозаикѣ IV вѣка церкви св. Пуденціаны въ Римѣ, встрѣчается много разъ на древнѣйшихъ памятникахъ скульптуры и живописи, и вообще возобладалъ въ искусствѣ IV—VIII вѣковъ, какъ историческая форма креста, на которомъ былъ распятъ Христосъ. Изъ приведенныхъ словъ Петронія слѣдуетъ кромѣ того, что форма этого креста воспроизводила форму Честнаго Древа, найденнаго св. Еленой въ Іерусалимѣ въ 326 году. Послѣднее, какъ извѣстно, по нахожденіи, было раздѣлено на двѣ части: одна часть была оставлена въ Іерусалимѣ и хранилась въ особомъ ларцѣ въ спеціальномъ кубикулѣ базилики Константина, другая часть была отослана ею въ серебряномъ ларцѣ въ Константинополь. Эту часть честнаго Древа видѣлъ въ сосудохранительницѣ церкви св. Софіи Аркульфъ

[1]) См. Голгоѳа и крестъ въ мозаикѣ IV вѣка. Сообщ. Прав. Палест. Общ., февраль 1894 г., отд. отт. стр. 9—10. Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 47; Расположеніе главныхъ зданій Константиновыхъ построекъ по даннымъ письменныхъ источниковъ, стр. 25. Также *Dobschutz*, Christusbilder p. 290.

[2]) *Molinier* et *Kohler*, Itinera Hierosolymitana, p. 145.

[3]) Располож. Констант. построекъ, стр. 23—4.

(630 года см. примѣчаніе X) [1]). Впослѣдствіи на Голгоѳѣ разные паломники видѣли другіе большіе, драгоцѣнно украшенные кресты, являвшіеся здѣсь по усердію царей и вельможъ. Извѣстно также, что Ѳеодосій Великій приказалъ поставить на Голгоѳѣ драгоцѣнно украшенный крестъ, повидимому, замѣнившій собою ранѣе стоявшій крестъ. Объ этомъ фактѣ совершенно опредѣленно говоритъ Ѳеофанъ въ своей хроникѣ: „Τούτῳ τῷ ἔτει Θεοδόσιος ὁ εὐσεβὴς βασιλεὺς κατὰ μίμησιν τῆς μακαρίας Πουλχερίας πολλὰ χρήματα τῷ ἐπισκόπῳ Ἱεροσολύμων ἀπέστειλεν πρὸς δίδοσιν τῶν χρείαν ἐχόντων καὶ τὸν Σταυρὸν χρυσοῦν διάλιθον ποιῆσαι πρὸς τὸ παγῆναι ἐν τῷ ἁγίῳ Κρανίῳ“ [2]). Извѣстно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ Царьградъ на іерусалимскія святыни. Множество ихъ въ разное время было перевезено въ Царьградъ, какъ въ томъ удостовѣряетъ простое чтеніе Антоніева текста, не говоря уже о греческихъ текстахъ, съ которыми прійдется встрѣчаться въ послѣдующемъ изложеніи.

Въ виду всего сказаннаго не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что крестъ мѣрный, стоявшій въ сосудохранительницѣ, представлялъ собою святыню, вывезенную изъ Іерусалима и, быть можетъ, представлявшую собою одинъ изъ крестовъ, сдѣланныхъ во всемъ подобно Честному Древу.

Показаніе Антонія относительно мѣрнаго креста важно въ томъ отношеніи, что онъ является очевидцемъ этой святыни. Можно положительно утверждать, что обычай почитанія большихъ распятій какъ въ восточной, такъ и въ западной церкви стоитъ въ зависимости отъ почитанія этой исторической формы „креста мѣрнаго“, извѣстнаго въ Іерусалимѣ и Царьградѣ уже въ очень раннее время. Извѣстность этой формы креста на западѣ и у насъ на Руси также восходитъ къ очень раннему времени. Если Антоній Новгородскій познакомился съ этой формой креста по первоисточнику, происходившему изъ Іерусалима, то первое указаніе на почитаніе этой формы креста у варяговъ занесено въ Патерикъ Печерскій. Шимонъ варягъ принесъ въ Кіевъ корону и поясъ отъ чреселъ большого Распятія, принадлежавшаго отцу его Африкану. Этотъ поясъ послужилъ мѣрой при построеніи большого храма Кіево-Печерской лавры. Само распятіе очень точно описано въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ: „Отецъ мой Африканъ

---

[1]) Также: Моз. IV и V вѣковъ, стр. 49 — 50; Располож. Констант. построекъ, стр. 24.

[2]) Chronographia, ed. Bonn., I, p. 133—134.

съдѣла крестъ и на немъ изобрази богомужное подобіе Христово написаніемъ вапьнымъ (т. е. красками, въ отличіе отъ рельефнаго изображенія), якоже латыня чтутъ, великъ дѣломъ, яко 10 лакоть"...

XII.

Мѵроносица поютъ. Точное установленіе мѣста малаго алтаря даетъ возможность установить и другіе топографическіе пункты въ церкви св. Софіи, указываемые Антоніемъ.

Внутри церкви св. Софіи Антоній описываетъ мѣсто, гдѣ „поютъ Мироносица". Текстъ, въ которомъ описывается это мѣсто, очень сложенъ и связанъ съ другими указаніями Антонія:

„И отъ того же олтаря недалече Мироносица (Мироносицы О; жены Мироносицы К. О.) поютъ (стоятъ); и стоитъ предъ ними икона велика пречисты Богородицы, держащей Христа; і шли (истекли) слезы отъ очню ея на очи Христа Бога нашего" (4). Далѣе въ разныхъ мѣстахъ Антоніева текста, но не во всѣхъ рукописяхъ, также упоминаются Мироносицы: „Отъ Мироносицъ (Мироносицы) же близь (днесь, дне), во Святѣй Софіи есть гробъ малъ дѣтища Анъфиногена" (стр. 5), и еще: „І егда же заутреню пѣти хотятъ у Святыя Софѣі, прежде поютъ предъ царскими дверьми (райскими дверьми) во притворѣ (такоже Мироносици (Мироноса въ М.) и вышедъ поютъ посредѣ церкви, і двери отворятъ раіския и третьяя (третьее) поютъ у олтаря" (17).

Изъ приведенныхъ текстовъ слѣдуетъ, что мѣсто, гдѣ поютъ Мироносица, или Мироносицы, находилось неподалеку (недалече) отъ олтаря малаго,—слѣдовательно, на сѣверной сторонѣ церкви св. Софіи, и Антоній, повидимому, указываетъ на это мѣсто потому, что описываетъ опредѣленный районъ, т. е. сосудохранильницу и находящіяся вблизи ея святыни. Изъ прямого пониманія перваго текста слѣдуетъ также, что противъ Мироносицъ находится икона Богородицы съ младенцемъ, чудотворная.

Изъ двухъ другихъ текстовъ слѣдуетъ, что отъ Мироносицъ дне, т. е. ниже, или вблизи, а по другимъ варіантамъ „теперь" (днесь), находится гробъ сына Анфиногена. Ни указаніе на икону Богородицы съ младенцемъ, ни гробъ сына Анфиногенова не проливаютъ свѣта на топографію мѣста, гдѣ „поютъ Мироносица". Между тѣмъ, сопоставляя эти указанія съ литургическими толкованіями Константинопольской церкви, изслѣдованными нашимъ извѣстнымъ литургистомъ Н. Ѳ. Красносельцевымъ, находимъ слѣдующую символизацію

амвона, стоявшаго посреди церкви: „Ὁ ἄμβων ἐκφαίνει τὸ σχῆμα τοῦ λίθου, ὃν κυλίσας ὁ ἄγγελος ἐκάθετο ἐπάνω αὐτοῦ, πλησίον τῆς θύρας τοῦ μνήματος, ἀναβοῶν ταῖς μυροφόροις τὴν ἀνάστασιν" [1]). Это данное требуетъ признать, что мѣсто женъ мироносицъ находилось вблизи амвона церкви св. Софіи, и такъ какъ Антоній описываетъ его вблизи алтаря малаго, то, слѣдовательно, мѣсто „гдѣ поютъ Мироносица" должно быть помѣщаемо между амвономъ и сосудохранильницей, на сѣверной сторонѣ храма, но ближе къ амвону, или даже у самаго амвона. Изъ приведеннаго толкованія амвона слѣдуетъ, что подъ выраженіемъ: „поютъ Мироносица" надо понимать мироносицкую пѣснь [2]), которую поютъ на мѣстѣ явленія женъ мироносицъ. Варіанты: „стоятъ жены Мироносицы" и „поютъ жены Мироносицы" должно понимать въ переносномъ смыслѣ, т. е., что пѣвчіе здѣсь останавливались и пѣли приличную мѣсту пѣснь. На такое пониманіе текста указываетъ порядокъ пѣнія на заутренѣ: сначала у райскихъ дверей, у Мироносицъ, посреди церкви и у алтаря.

XIII.

Гробъ сына Анфиногенова. Близъ мѣста, гдѣ „поютъ Мироносица", Антоній указываетъ гробъ сына Анфиногенова. Мѣстонахожденіе этого гроба нѣтъ возможности опредѣлить точно. Варіантъ рукописи Общества любителей древней письменности 1742 года помѣщаетъ этотъ гробъ въ одномъ мѣстѣ со старымъ разбитымъ амвономъ, который „падеся внутрь; туже есть дѣтище положено, іже служа со святымъ Анфиногеномъ"... и проч. Возможно, однако, что этотъ варіантъ представляетъ простую порчу текста, такъ какъ въ рукописи пропущено мѣсто, въ которомъ описывается мѣстонахожденіе гроба близъ Мироносицъ, а вмѣсто этого сказано „ту-же", при чемъ эти слова пришлись какъ разъ послѣ описанія хрустальнаго амвона. Гробъ сына Анфиногенова Х. М. Лопаревъ отожествилъ съ гробомъ Киріака трехлѣтняго, о которомъ говоритъ анонимный авторъ „Бесѣды о Царьградѣ" [3]). Выраженіе „дне", т. е. внизу, указываетъ какъ бы на то, что гробъ находился ниже мѣста Мироносицъ.

---

[1]) *Н. Ѳ. Красносельцевъ*, Литургическія толкованія. Лѣтоп. Ист.-Филол. Общ. при Импер. Одесск. универс. Т. IV, 202, 241, толкованіе Кирилла Іерусалимскаго. *Du-Cange*, Gloss. μυροφόροι.

[2]) Она упоминается и въ Уставѣ Константина Порфиророднаго. De cerim., I, p. 44; II, 146.

[3]) Введеніе, стр. LXXII — III. Стриговскій опубликовалъ обломокъ глиняной

Поясненіемъ къ этому мѣсту Антонія могутъ быть слова лѣтописца о пожарѣ церкви св. Іоанна Предтечи въ Ростовѣ въ 1211 году: сгорѣли „иконы что не утягли вымчати и *гроби въ земли дну*“ (Лавр. л., изд. Арх. К., 184).

XIV.

Ольгино блюдо. О блюдѣ св. Ольги, принесенномъ ею въ даръ церкви св. Софіи, извѣстно не только изъ текста Антонія Новгородскаго, но и изъ другихъ древнихъ литературныхъ произведеній. Мѣсто книги Антонія, въ которомъ онъ описываетъ блюдо св. Ольги, подверглось также значительнымъ измѣненіямъ подъ перомъ переписчиковъ, но эта порча, раскрываемая разночтеніемъ варіантовъ, свидѣтельствуетъ, что и многіе другіе русскіе паломники видѣли въ Царьградѣ блюдо Ольги и нашли необходимымъ измѣнить или дополнить текстъ Антонія. Вотъ текстъ и варіанты: „і блюдо велико злато, служебное, Олгы Рускоі, когда взяла дань, ходивши ко Царюгороду. Городокъ малъ есть Цариградъ на Іспиганьскоі странѣ, по странѣ жидовъ. Во блюде же Олжинѣ камень драгиі, на томъ же камени написанъ Христосъ; і отъ того Христа емлютъ печати людіе на все добро; у того же блюда все по верхови жемчугомъ учинено“. Изъ варіантовъ, частью измѣняющихъ подробности этого текста, частью пополняющихъ его, наиболѣе важны слѣдующіе, касающіеся исторіи блюда и его внѣшняго вида. Въ Копенгагенской рукописи поясняется, что Ольга „дала (блюдо) на службу святителю, егда крестися въ Царѣградѣ“. Самое же блюдо описывается, какъ каменное: „видѣхомъ ту блюдо каменное“. Въ рукописи Общества любителей древней письменности это мѣсто передано иначе: „Въ тое же церкви небеси подобно быcты блюдо златое великое, его же вда святей церкви великая княгиня Ольга на службу святителю Фотію, егда крестися отъ него въ Цареградѣ“. Фраза, поясняющая, что такое Испигасъ, опущена. Въ рукописяхъ Копенгагенской и Общества любителей древней письменности вмѣсто: „на томъ же камени написанъ Христосъ“ сказано: „изваянъ Христосъ“. Въ рукописи Общества любителей древней письменности, кромѣ того, вмѣсто фразы: „у того же блюда все по верхови жемчугомъ учинено“, сказано: „і всячески

ампулы съ изображеніемъ святого съ бородой, въ нимбѣ. Сбоку дерево и куполъ зданія съ крестомъ. Надпись: S. S. AΓΙΕΑΘΗΝΟΓ... Bullet. de la Société Archéol. de l'Alexandrie № 5 (1902), p. 38.

украшено драгимъ бисеромъ". Въ Копенгагенской рукописи блюдо просто украшено жемчугомъ: „и то-жь блюдо жемчугомъ учинено".

Свѣдѣніе о блюдѣ св. Ольги занесено также въ житіе св. великой княгини Ольги: „И паки поучивъ ю патріархъ отъ божественныхъ писаній. Посемъ святая даде патріарху блюдо злато з драгими камыкі, иже женчюгомъ устроено, на послуженіе святому олтарю соборны церкви" [1]). Графъ А. С. Уваровъ въ статьѣ о блюдѣ великой княгини Ольги привелъ въ свое время новое упоминаніе о блюдѣ св. Ольги, найденное имъ въ историческомъ сборникѣ Синодальной библіотеки XVII вѣка. Эта рукопись вмѣстѣ съ двумя другими (№№ 964 и 965) имѣетъ общее заглавіе, приписанное новѣйшимъ почеркомъ „О древностяхъ Россійскаго государства". Эти три книги были извѣстны Карамзину. Съ 202 листа почеркомъ XVII вѣка начинается отрывокъ: „Временникъ русскій отъ великаго князя Рюрика Варяжскаго по степени" [2]). Подъ 6463 (955) годомъ идетъ разсказъ о пріѣздѣ Ольги въ Царьградъ, о бесѣдѣ ея съ императоромъ и патріархомъ, о крещеніи ея, объ отвѣтѣ императора и о наставленіи въ вѣрѣ, данномъ ей патріархомъ, значительно подробнѣе, чѣмъ въ Никоновской и другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Разсказъ о наставленіи патріарха оканчивается словами: „тогда блаженная Ольга вдаде патріарху блюдо златомъ устроенно съ драгымъ каменьемъ и бисеромъ на потребу святому олтарю соборныя церкви Софіи Премудрости Божиа Слова и иде въ домъ веселящися". Послѣднее извѣстіе о блюдѣ княгини Ольги стоитъ въ непосредственной зависимости отъ своего первоисточника, Житія св. княгини Ольги. Въ немъ, какъ и въ первомъ, повторяются почти дословно частности въ описаніи блюда: блюдо злато, драгоцѣнные камни, и не упоминается изображеніе Христа внутри блюда. Небольшая разница состоитъ въ томъ, что „жемчугъ" Житія во второмъ текстѣ замѣненъ „бисеромъ".

Важность обоихъ текстовъ для варіантовъ текста Антоніевой книги состоитъ въ томъ, что бисеръ и жемчугъ („иже женчюгомъ устроено" рядомъ съ Антоніевымъ „жемчугомъ учинено") повторяются въ разныхъ спискахъ текстовъ Антонія. „Блюдо злато", описанное въ нѣкоторыхъ рукописяхъ хожденія и въ обоихъ приведенныхъ текстахъ, представляетъ полное разногласіе съ указан-

---

[1]) *Макарій*, Истор. русск. церкви. Т. I, прилож. № 5, стр. 276—277.

[2]) *Древности*, Труды Моск. Арх. общ. Т. IV (1874), 95—98.

нымъ варіантомъ Копенгагенской рукописи: „блюдо каменное“. Равнымъ образомъ, въ текстахъ Антонія не упоминаются украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней, а лишь одинъ камень съ изображеніемъ Христа.

Х. М. Лопаревъ отожествилъ это блюдо съ тѣмъ, которое княгиня Ольга получила послѣ дессерта во время придворнаго пира въ Царьградѣ, и на которомъ ей предложено было 500 миліарисіевъ: „ἐν χρυσῷ διαλίθῳ σκουτελλίῳ“. Онъ полагаетъ, что описанное Антоніемъ блюдо Ольги есть то самое, которое она получила вмѣстѣ съ деньгами. Но принять такое отожествленіе не представляется возможнымъ по нѣкоторымъ важнымъ соображеніямъ.

Уже графъ А. С. Уваровъ указалъ на то, что „блюдо это не принадлежало къ столовой посудѣ потому, что въ немъ на камнѣ былъ изображенъ Христосъ“. Дѣйствительно, этотъ фактъ въ связи съ эпитетомъ, посредствомъ котораго Антоній характеризуетъ блюдо княгини Ольги, опредѣляетъ родъ его, называя его „служебнымъ“, является рѣшающимъ. Но есть и другія обстоятельства.

Описанное въ Уставѣ церемоній блюдо не сходится съ блюдомъ, описаннымъ Антоніемъ. Онъ видѣлъ „блюдо велико“, а „σκουτελλίον“ имѣетъ уменьшительную форму. Текстъ Антонія въ варіантахъ описываетъ на блюдѣ „женчугъ и бисеръ драгій“, а блюдо, полученное Ольгой послѣ дессерта, было украшено камнями (διαλίθῳ). Въ Уставѣ, весьма точномъ на счетъ украшеній и ихъ родовъ, матеріала и величины предметовъ, даются очень точныя и ясныя свѣдѣнія, и для того, чтобы сблизить оба блюда, слѣдовало бы ожидать въ текстѣ Устава выраженія: „διὰ μαργάρων“ или „μαργαριτῶν“, что соотвѣтствовало бы бисеру и жемчугу въ текстахъ Антонія. Драгоцѣнные камни, какъ сказано выше, въ качествѣ украшеній упоминаются въ Житіи св. Ольги и въ сборникѣ Синодальной библіотеки.

Самъ Антоній ясно опредѣлилъ смыслъ своего выраженія: „служебное блюдо“. Описывая другія блюда сосудохранительницы, среди которыхъ находилось блюдо княгини Ольги, онъ говоритъ: „і иныхъ служебныхъ золотыхъ блюдъ съ каменіемъ драгимъ и съ жемчугомъ і серебряныхъ многое множество разноличныхъ, яже износятъ *на службу* во всяку недѣлю и въ Господскіе праздники“ (3—4). Очевидно, что онъ описываетъ, именно, тѣ сосуды, которые, съ одной стороны, были заказаны для церковнаго служенія самимъ Юстиніаномъ и положены имъ въ ризницѣ. О наличности этихъ сосудовъ въ ризницѣ имѣются точныя свѣдѣнія во всѣхъ редакціяхъ Сказанія о по-

строенія церкви св. Софіи [1]). Съ другой стороны, Антоній разумѣетъ и тѣ сосуды, которые поступали въ ризницу, какъ ежегодные пасхальные (и въ иное время) дары членовъ царской фамиліи, о которыхъ имѣются еще болѣе точныя свѣдѣнія въ Уставѣ церемоній [2]). Въ славянскомъ сказаніи о св. Софіи говорится: „створи же сосуды златы священны, двоюнадесять празднику, различными образы (ἄλλα καὶ ἄλλα), и паки отъ иевангеліи священныя, рукомыя и горица и комыкальница и блюдца вся злата сотвори и каменіемъ драгымъ и съ жемчюгомъ, числомъ въ тысящу едину" [3]). Интересно, что рукомыя (χερνιβοξέστων), горица (ὀρχιολίων), комыкальница, т. е. потиры (δισκοποτηρίων), и блюдца (δίσκων) — всѣ представляютъ собою тѣ разноличные сосуды, которые Антоній описываетъ въ сосудохранительницѣ и которые въ Сказаніи также обозначены словами „различными образы". Еще важнѣе, что слово „δίσκων", т. е. дискосы, переведено словомъ „блюдца".

Въ такомъ же смыслѣ, какъ у Антонія, „служебные сосуды" упоминаются и въ нашихъ лѣтописяхъ, т. е. какъ „сосуды священные", назначенные для отправленія церковныхъ службъ, и особенно Таинства Евхаристіи. Въ 1066 году Всеволодъ Брячеславичъ, правнукъ Всеслава Полоцкаго, ограбилъ церковь св. Софіи въ Новгородѣ: „и на весну съдума съ мужи своими, пойде на Полтѣскъ на зятя своего на Всеслава: ходилъ бо бяше дѣдъ его въ Новгородъ и взялъ Іерусалимъ и сосуды служебнiѣ" [4]). Въ 1157 году князь Андрей Боголюбскій построилъ церковь соборную Богородицы во Владимірѣ. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1175 годомъ сказано, что онъ далъ церкви: „а служебныхъ судъ и рапиды и 3 Іерусалимы велиции". Опись Павлообнорскаго монастыря 1683 года и писцовая книга Ростовской церкви, что на рѣкѣ Вели [5]), называютъ церковные сосуды „служебными".

Въ Тверской лѣтописи перечисляются вкратцѣ тѣ предметы, которые были похищены латинянами во время разграбленія церкви св. Софіи въ 1204 году: „и паникадила и свѣтилна сръебрьнаа, яко не можемъ числа исповѣдати съ праздничными сосуды бесчисленными пои-

---

[1]) *Preger*, Διήγησις, p. 23—24, (§ 23).

[2]) *Бѣляевъ*, Byzantina. Т. II, стр. 156—157—158.

[3]) Сказаніе о св. Софіи, стр. 22.

[4]) П. С. Р. Л. II, 222, 120.

[5]) Труды Моск. Арх. Общ. Т. I, Часть II, Матер. для Археолог. словаря, стр. 7 и 57, σκευὴ τῆς λειτουργίας.

маша служебное все, евангеліе же и кресты честныя“ и проч. (Тверск. л., стр. 300). Въ одномъ славянскомъ сказаніи о созданіи церкви св. Софіи упомянутые ранѣе сосуды прямо названы праздничными („съ праздничными сосуды многоцѣнными“, *Вилинскій*, Слав. сказ. о созданіи ц. св. Софіи, Лѣт. Ист.-Ф. Общ. Т. VIII, стр. 319).

Служебные сосуды не должны быть смѣшиваемы даже съ такими, какъ, напримѣръ, блюдо, завѣщанное великимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Новгородскому Юрьеву монастырю: „а се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебрено въ Л гривенъ серебра святому-же Георгіевѣ, велѣлъ есмь бити въ не на обѣдѣ, коли игуменъ обѣдаетъ“, т. е. ударять въ него по окончаніи обѣда братіи, какъ это совершается въ монастыряхъ и до сихъ поръ [1]).

Что блюдо княгини Ольги было служебное и церковное, доказывается изображеніемъ внутри его Христа и названіемъ „служебное“, которое даетъ ему Антоній. Отсюда слѣдуетъ, что блюдо это должно быть отличаемо отъ сосудовъ, предназначенныхъ для обращенія въ обыденной жизни, и тѣмъ болѣе во время пировъ для поднесенія денежнаго дара или платы. Весьма важно поэтому, что блюдо, полученное Ольгой въ Аристиріи послѣ дессерта, и тѣ блюда, на которыхъ былъ предложенъ самый дессертъ, названы въ Уставѣ „σκουτελλίοι“, а не „δίσκοι“. Такимъ названіемъ положено различіе между домашними блюдами и церковными [2]).

Выраженіе „въ Олжинѣ блюдѣ камень драгій“ показываетъ, повидимому, что въ днище Ольгинаго блюда былъ вставленъ драгоцѣнный камень. Говоря о самоцвѣтномъ камнѣ на иконѣ Льва Мудраго, Антоній называетъ его также „камень драгій“. Въ Сказаніи о св. Софіи, равно какъ и въ русскихъ лѣтописяхъ, обычно, при описаніи драгоцѣнной утвари и иконъ подъ „каменьемъ драгимъ“, разумѣются различныхъ породъ драгоцѣнные камни. Только при описаніи зданій и церквей подъ „каменьемъ драгимъ“ разумѣются мраморныя и иныя породы камня, употребительныя для облицовокъ, какъ это будетъ показано мною въ другой работѣ. Въ виду того, что въ большинствѣ рукописей блюдо княгини Ольги описывается, какъ „блюдо злато“, всего естественнѣе было бы предположить, что въ днище этого золотого блюда былъ вставленъ драгоцѣнный камень, на которомъ находилось изображеніе Христа. Но здѣсь, прежде всего, обращаетъ на себя

[1]) *Буслаевъ*, Истор. Хрест., 125.

[2]) Такъ царь цѣлуетъ „ποτήρια καὶ δίσκους“. De cerim. I. c. 1, p. 15.

вниманіе коренное различіе варіантовъ: „написанъ“ и „изваянъ“ Христосъ. Терминъ „изваянъ“ рѣшительно указываетъ на рѣзной камень, вставленный въ блюдо княгини Ольги. Рѣзные камни общеизвѣстны въ византійскомъ искусствѣ, хотя Райске въ свое время и не вѣрилъ существованію такихъ „ἀγάγλυφα“ [1]), вслѣдствіе незнакомства съ такого рода произведеніями византійской глиптики. Графъ Уваровъ пришелъ, именно, къ тому заключенію, что въ Ольгино блюдо былъ вставленъ драгоцѣнный камень съ изображеніемъ Христа, вырѣзаннымъ intaglio, т. е. вглубь. Но ему не былъ извѣстенъ варіантъ „написанъ“. Если отъ рѣзаннаго вглубь камня, на подобіе печати, и можно взять печать или оттискъ, то какой оттискъ можно получить съ изображенія, которое „написано“? Во всѣхъ редакціяхъ текста Антонія совершенно ясно и точно говорится: „отъ того бо Христа емлютъ печати (печать) людіе на все добро“. Отъ рѣзного вглубь камня получается, дѣйствительно, нормальный оттискъ, или печать, но совершенно невозможно предположить, чтобы въ блюдо, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы содержать возлагаемое вещество, былъ вставленъ рѣзной вглубь камень. Такихъ примѣровъ украшенія церковныхъ вещей рѣзными вглубь камнями неизвѣстно, между тѣмъ какъ украшеніе крестовъ, сосудовъ, окладовъ Евангелій рѣзными камеями есть наиболѣе употребительный способъ, издавна извѣстный въ техникѣ золотыхъ дѣлъ мастерства. Подобныя рѣзныя камеи извѣстны не только по памятникамъ, но и по документамъ западныхъ архивовъ, упоминающихъ о похищенныхъ крестоносцами въ Царьградѣ драгоцѣнностяхъ, попавшихъ въ Венецію. Упоминаются сосуды съ ясписами, аметистами: „gemmae, ...illustrium artificum sculpturis nobiles... coelati“ и вообще геммы [2]). Этотъ же способъ украшенія рѣзными камеями различныхъ сосудовъ, равно какъ и самый способъ изготовленія рѣзныхъ камней и ихъ имитаціи изъ стекла, подробно описаны въ трактатахъ по средневѣковой художественной индустріи монаха Гераклія и пресвитера Теофила.

Возникаетъ самъ по себѣ вопросъ, дѣйствительно ли подъ словомъ „печать“ въ дошедшихъ до насъ текстахъ Антоніева хожденія слѣдуетъ подразумѣвать оттиски съ рѣзного камня, или что-нибудь другое.

Антоній еще два раза упоминаетъ о печатяхъ. Первый разъ онъ

---

[1]) De cerim. II, 695 слово ἀναγλύφων.

[2]) Exuviae, II, p. 269.

говоритъ о знакомыхъ намъ уже „печатяхъ гробныхъ“, другой разъ указываетъ ихъ на иконѣ: „въ ней же замѣчены и запечатаны царской печатью власы Іоанна Крестителя“. Въ Уставѣ Константина Порфиророднаго описывается вѣсъ золотыхъ печатей, которыя привѣшивались къ грамотамъ, отсылавшимся къ различнымъ государямъ и владѣтельнымъ особамъ тогдашняго политическаго міра, и называются „βούλλα χροσῆ“. Такая золотая булла полагалась и для грамотъ къ русскимъ князьямъ: „βούλλα χροσῆ διαολδία, γράμματα Κωνσταντίνοο καὶ Ρωμανοῦ τῶν φιλοχριστῶν βασιλέων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ρωσίας“ [1]). На VII вселенскомъ соборѣ Леонтій, епископъ Неапольскій, говорилъ: „ὥσπερ ὁ κέλευσιν βασιλέως δεξάμενος καὶ ἀσπασάμενος τὴν σφραγίδα οὐ τὸν κηρὸν (πηλὸν) ἐτίμεσεν, ἤ τὴν χάρτην“ [2]) и проч., изъ чего видно, что буллы назывались сфрагидами,—словомъ, буквально передаваемымъ въ русскихъ лѣтописяхъ и иныхъ письменныхъ и вещественныхъ памятникахъ словомъ „печать“.

Печати для прикладыванія ихъ къ договорамъ имѣли при себѣ русскіе послы и купцы: „ношаху сли печати злати, а гостье серебрени“ (Лавр. л., 47). Печати нѣкоторыхъ договорныхъ грамотъ сохранились до нашего времени. Къ пергаменнымъ спискамъ Смоленскаго договора 1229 года привѣшены: къ одному двѣ печати, къ другому одна. Онѣ представляютъ серебряныя пластинки съ изображеніемъ животнаго, фигуры человѣка, съ надписями: „Великаго князя Ѳедора печать“ на другомъ „Печать ПР. Ѳ. владыки Смоленскаго“ [3]). Въ 1847 году во Владимірѣ (въ кремлѣ) найдены были великокняжескія монеты и 2 кольца. На одномъ изъ нихъ надпись: „Печать Нестора Турова“ [4]). Слово „печать“ употребляется въ нашихъ лѣтописяхъ также для обозначенія оттисковъ на монетахъ [5]). Любопытна также печать на Мстиславовой грамотѣ ранѣе 1128 года. Она состоитъ изъ двухъ тонкихъ пластинокъ (серябряныхъ волоченыхъ), склеенныхъ вмѣстѣ и скрѣпленныхъ шелковымъ шнуркомъ. На одной сторонѣ изображенъ Спаситель на тронѣ—типъ монетный. На другой сторонѣ—Архангелъ Михаилъ, поражающій дракона [6]). Такимъ образомъ, въ древне-рус-

[1]) De cerim. II, 48, p. 690—691.

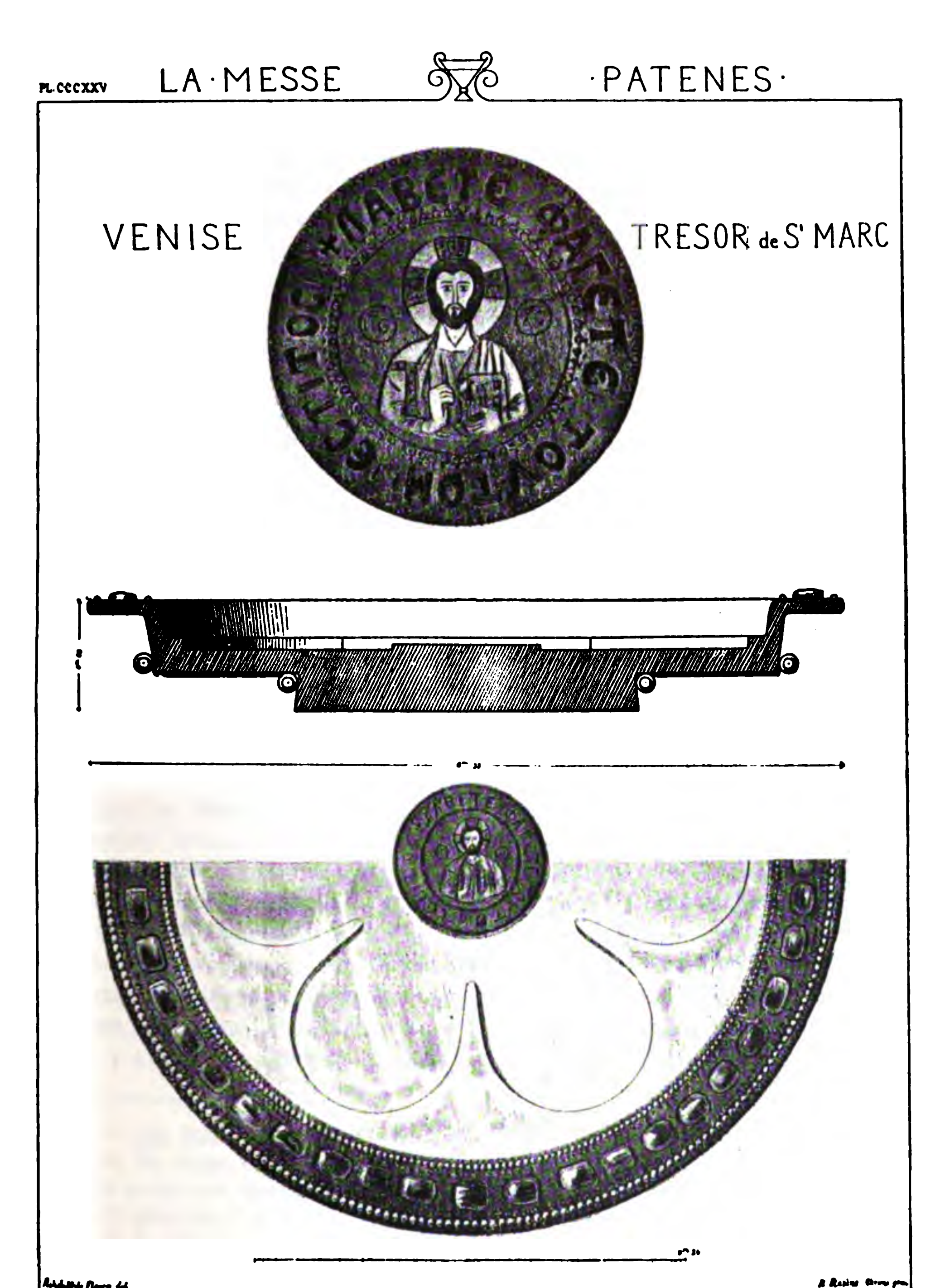
[2]) Ibid., II, p. 329—330.

[3]) Собраніе государственныхъ грамотъ, II, стр. 5.

[4]) Зап. Имп. Русск. Арх. Общ. Труды отдѣл. слав.-русск. арх. Т. IX, кн. IV стр. 217.

[5]) *А. В. Орѣшниковъ*, Монеты Моск. истор. музея и *Русск. Древн.* VI, рис. 5—12.

[6]) *Погодинъ*, Истор. Атласъ л. 134.


PL. CCCXXV
LA·MESSE
·PATENES·
VENISE
TRESOR de St MARC

скомъ словоупотребленіи „печать“ означала нашу печатку, а также и оттискъ съ нея. Печатка князя Михаила и кольцо Нестора Турова назывались печатями наравнѣ съ оттискомъ съ нихъ, или сфрагидами, буллами [1]). Печать Соломона, печать Господня на сферахъ Ангеловъ, отпечатки на просфорахъ, печати царскія и патріаршія [2]), подразумѣвается, получены отъ предметовъ—печатокъ. Русскіе послы и купцы въ Царьградѣ „ношаху печати“, т. е. носили на себѣ печати въ видѣ-ли перстней или просто печатокъ, посредствомъ которыхъ они изготовляли сфрагиды для договорныхъ грамотъ. Таковы же были, повидимому, и тѣ печати, которыя имѣли при себѣ болгарскіе послы въ сношеніяхъ съ Владиміромъ. Слѣдуетъ различать, такимъ образомъ, печати и оттиски съ нихъ. Выраженіе Антонія: „камень драгій, на томъ же камнѣ изваянъ Христосъ“, кромѣ того, можетъ напомнить описаніе двѣнадцати камней на одеждѣ первосвященника въ славянскомъ переводѣ: „камни по именамъ ихъ и по родамъ ихъ изваяны печатьми, коегождо по имени да будутъ въ дванадесять языкъ“ (Исходъ XXVIII, 15—21). Слѣдуетъ признать, что въ этомъ текстѣ описываются печати съ выгравированными на нихъ надписями, заключавшими имена двѣнадцати племенъ израильскихъ.

Изъ Устава церемоній византійскаго двора извѣстенъ и этотъ родъ сфрагидъ (или тессеръ). Императоръ иногда давалъ чинамъ двора сфрагиды для раздачи ихъ нищимъ, которые получали право присутствовать на обѣдѣ въ палатѣ 19 аккувитовъ по древнему обычаю: „σφραγῖδας διανεῖμαι τοῖς πτωχοῖς, ὅπως ἀνακλιθῶσι μετ᾽αὐτοῦ εἰς τὰ ιθ᾽ ἀκκούβιτα κατὰ τὴν ἀρχαίαν συνήθειαν“ [3]). Равнымъ образомъ, подобныя же сфрагиды давались и странникамъ, какъ пропускные билеты для входа въ самый Царьградъ, какъ это показано Шлюмберже [4]). Что подобныя же сфрагиды раздавались въ монастыряхъ, около святынь, показываетъ текстъ автора анонимной Бесѣды о Царьградѣ: „А въ олтаре св. Никита, а вверху гроба Даниилова два Ангелы камены, аки живы, сотворены Львомъ царемъ Премудрымъ: одинъ у главы, а другій у ногу; ту приходятъ странніи, поклоняются святому Даніилу и

---

[1]) Арх. Изв. и Зам. 1894, стр. 225, 372.

[2]) *Du Cange*, Glossar. graec.—σφραγίς. Ср. также: *А. В. Орѣшниковъ*, Матеріалы по русской сфрагистикѣ. Москва 1903, стр. 9.

[3]) De cerim. I, p. 360, 24; II, 344; такъ же: *Du Cange*, gloss. latin. *Agape*.

[4]) *G. Schlumberger*, Melanges d'archéologie byzantine. Paris 1895, p. 281 сл., p. 287 сл. (подробная литература о σφραγῖδες для бѣдныхъ).

взимають печать на путь христіане" [1]). Какія печати давались при гробѣ Даніила,—неизвѣстно. Въ виду того, что оттисковъ отъ этого гроба нельзя получить, точно такъ же, какъ и отъ Христа *написаннаго* въ Ольгиномъ блюдѣ, печати, упоминаемыя Антоніемъ, вполнѣ законно сопоставить съ печатями отъ гроба Даніила. Обычай раздавать печати у мощей и святынь на память и благословеніе уподобляетъ ихъ тѣмъ мѣднымъ иконкамъ въ видѣ жетоновъ или медальоновъ съ ушкомъ для ношенія на шнурѣ, которыя и теперь раздаются богомольцамъ у различныхъ народныхъ святынь. Антоній, надо полагать, говоритъ объ этомъ обычаѣ. На этихъ печатяхъ, по всей вѣроятности, находилось битое штемпелемъ изображеніе Іисуса Христа, подобное образу на Ольгиномъ блюдѣ. На печатяхъ отъ гроба Даніила, быть можетъ, находилось изображеніе самого Даніила, или его гроба. Антоній точно устанавливаетъ этотъ обычай и его примѣненіе въ разныхъ случаяхъ. Говоря объ иконѣ Бориса и Глѣба (о которой рѣчь впереди), стоявшей въ церкви св. Софіи, Антоній передаетъ, что паломники здѣсь мѣняли (т. е. покупали) иконы Бориса и Глѣба, такъ какъ здѣсь были особые писцы, или иконописцы, изготовлявшіе эти иконы.

Вслѣдствіе этого, понятнымъ станетъ, почему при замѣнѣ выраженія Христосъ „изваянъ" словами „Христосъ написанъ" во всѣхъ спискахъ стоитъ неизмѣнно „емлютъ печати", которыя, представляя собою иконки, могли изготовляться независимо отъ того, какое изображеніе находилось въ Ольгиномъ блюдѣ: рельефное или живописное. Тѣмъ больший интересъ получаютъ варіанты: „изваянъ" и „написанъ", такъ какъ они, указывая на различную технику въ исполненіи центральнаго образа, могутъ быть объяснены только существованіемъ двухъ родовъ блюдъ.

Дѣйствительно, варіанты, описывающіе наружный видъ блюда и матеріалъ, изъ котораго оно было сдѣлано, несогласны между собою. Такъ, выраженіе Копенгагенской рукописи: „блюдо каменное" противорѣчитъ выраженію „блюдо злато" другихъ рукописей, но не противорѣчитъ памятникамъ, сохраненнымъ временемъ. Между ними важное мѣсто занимаютъ сосуды ризницы церкви св. Марка въ Венеціи. Большая часть ихъ поступила сюда изъ ризницы церкви св. Софіи, какъ можно судить по описямъ предметовъ, послѣ взятія Царьграда крестоносцами въ 1204 году. Эти сосуды упоминаются наряду со священными реликвіями, похищенными въ Константинополѣ, и четырьмя

[1]) *Л. Н. Майковъ,* Бесѣда о Царьградѣ, стр. 20.

бронзовыми конями, украшающими теперь фасадъ церкви св. Марка. Авторы хроникъ ссылаются на болѣе древнія записи, въ которыхъ находятся прямыя указанія на похищеніе драгоцѣнныхъ вещей, сосудовъ, реликвій изъ „газофилакія“ церкви св. Софіи, или же изъ ея Святая Святыхъ. Между этими сосудами особенно примѣчателенъ тотъ, который своими формами, матеріаломъ, украшеніемъ верха и внутренности почти буквально соотвѣтствуетъ одной изъ версій Антоніевыхъ текстовъ: „блюдо каменное“, Христосъ „написанъ“. Эти сосуды прекрасно изданы и описаны Пазини, Дюраномъ, наконецъ Молинье. Между ними особенно интересно выдающееся по своей величинѣ (du grandeur insolite) въ 34 сант. въ діаметрѣ блюдо круглой формы съ днищемъ изъ восточнаго алебастра (матоваго мрамора) въ видѣ шестилепестковой розетки. Оно окружено широкой каймой изъ позолоченнаго серебрянаго ободка, украшеннаго драгоцѣнными камнями, размѣщенными между двухъ рядовъ жемчуга. Подъ днищемъ находится серябряное основаніе, также вызолоченное. Въ центрѣ блюда находится медальонъ въ 6 сант. съ изображеніемъ Христа благословляющаго по грудь, выполненнымъ посредствомъ перегородчатой эмали. Надпись красивымъ уставомъ изъ синихъ буквъ по золоту даетъ начало евхаристической формулы λάβετε, φάγετε τοῦτό ἐστι τὸ σῶμά μου [1]) (см. рис.).

Это блюдо настолько же отвѣчаетъ варіанту „блюдо каменное“, какъ и варіантамъ Христосъ „написанъ“ и „учинено жемчугомъ“. Величина, особенно рѣзко выдѣляющая это блюдо изъ числа другихъ, хорошо напоминаетъ выраженіе Антонія „блюдо велико“.

Почти полное соотвѣтствіе нѣкоторыхъ варіантовъ чертамъ описаннаго блюда происходитъ, вѣроятно, отъ того, что такія блюда были въ большомъ распространеніи и выдѣлывались въ большомъ количествѣ. Указаніе другихъ варіантовъ на „камень драгій“, на которомъ изваянъ Христосъ, свидѣтельствуетъ, что въ нихъ описывается рѣзной камень, вставленный въ золотое днище блюда („блюдо злато“). Такимъ образомъ, варіанты „блюдо злато“ и „блюдо каменное“, „Христосъ написанъ“ и „изваянъ“ представляютъ такія разночтенія, которыя заставляютъ предположить существованіе, по крайней мѣрѣ, двухъ родовъ блюдъ, которыя показывались нашимъ паломникамъ въ разное время въ ризницѣ церкви св. Софіи подъ именемъ блюда княгини Ольги.

---

[1]) *Pasini*, Il Tesoro di San Marco. Venezia, ed. Ongania, t. XLVIII, n° 106. *Schlumberger*, Epopée byzant. I, p. 705. *Molinier*, Le trésor de S. Marc à Venise. Venise 1888, p. 95, n° 94. *Rohault de Fleury*, La Messe, IV, t. 325.

Появленіе такихъ противорѣчивыхъ варіантовъ должно быть поставлено въ связь съ тѣми блюдами, которыя видѣли разные паломники, внесшіе свои поправки въ текстъ Антонія. Можно приблизительно указать и эпоху появленія нѣкоторыхъ варіантовъ. Они могли появиться до взятія Константинополя турками, когда еще совершались паломничества въ Царьградъ, и послѣ взятія его крестоносцами въ 1204 году, которые до такой степени разграбили святыни Царьграда и его сокровища, что паломники послѣ этой эпохи уже не находятъ множества святынь (ср. свѣдѣнія нашихъ лѣтописей), или же описываютъ ихъ въ другихъ мѣстахъ. Въ виду отсутствія какихъ бы то ни было указаній на блюдо княгини Ольги у всѣхъ послѣдующихъ паломниковъ послѣ разграбленія Царьграда, можно думать, что оно погибло именно въ 1204 году [1]). На исчезновеніе блюда указываетъ, повидимому, варіантъ рукописи Общ. Люб. Др. Письменности, въ которой сказано: „бысть блюдо златое великое, его же вда святѣй церкви княгиня Олга“. Человѣкъ, приложившій руку, чтобы измѣнить показаніе Антоніева текста, могъ руководствоваться тѣмъ, что уже не нашелъ этого блюда въ ризницѣ церкви св. Софіи. Однако, несмотря на соблазнительность такого предположенія, ничто не исключаетъ возможности думать, что это измѣненіе текста могло произойти и послѣ взятія Царьграда турками, такъ какъ рукопись писана въ XVIII вѣкѣ, и авторъ поправки могъ руководствоваться такими же соображеніями, какъ и составитель Тверской лѣтописи, т. е. показывая бывшимъ то, что существовало при написаніи лѣтописи монахомъ Георгіемъ.

Показывали ли нашимъ паломникамъ другое, каменное блюдо, вмѣсто погибшаго золотого, или варіанты „каменное блюдо“ и „блюдо злато“ возникли вслѣдствіе путаницы во впечатлѣніяхъ самихъ паломниковъ, смѣшавшихъ Ольгино блюдо съ другими подобными,— рѣшить я не могу. Остается признать только соотвѣтствіе варіантовъ памятникамъ древности вообще.

Во всѣхъ рукописяхъ блюдо называется служебнымъ не безъ основанія. Внутри его находилось изображеніе Христа, а на блюдѣ ризницы св. Марка, сверхъ того, читается надпись евхаристическаго содержанія. На сосудахъ, которые предназначались для возлаганія

---

[1]) ...„и кандила и свѣтила велиа сребрьнна, яже не можемъ числа исповѣдати, съ праздничными съсуды многоцѣнными“. *Вилинскій*, Славянск. сказ. о созд. ц. св. Софіи. Лѣт. Имп. Арх. Общ. Т. VIII, стр. 319. Тверск. Л. 300.

вынутыхъ частицъ, или же антидора, т. е. артоса, изображается обыкновенно Христосъ.

На дискосѣ Кіевскаго клада 1824 года изображена, однако, Богородица, при чемъ вокругъ по ободку идетъ та же надпись, говорящая о преломленіи хлѣба. На другомъ подобномъ же дискосѣ находится рельефное Распятіе, а Райске указалъ на дискосъ съ изображеніемъ Тайной вечери. На обломкѣ дискоса VII—VIII вѣка, найденномъ въ Болгаріи и хранящемся въ Константинопольскомъ русскомъ археологическомъ институтѣ, изображенъ крестъ съ надписью ΦΩΣΖΩΗΣ.

Изображеніе Распятія, Тайной вечери, самого Христа на дискосахъ вполнѣ соотвѣтствуетъ той символизаціи дискоса, которая извѣстна въ литургіи Константинопольской церкви, и которая, отмѣчая круглую форму дискоса, уподобляетъ ее небу, а Христа хлѣбу: „ἑρμηνεύεται δὲ δίσκος, ἔνθα ὁ Χριστὸς ἐπιφέρεται, κύκλος οὐρανοῦ, ἐμφαίνων ἐν μικρᾷ περιγραφῇ τὸν νοητὸν ἥλιον Χριστὸν ἐν τῷ ἄρτῳ ὁρώμενον", или же: „ἐμφαίνει δὲ καὶ κατὰ ἄλλον τρόπον ὁ δίσκος· ὅτι ἐν μικρᾷ περιγραφῇ σώματος ὁ νοητὸς ἥλιος Χριστὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν ἐμφαίνεται" [1]).

Понятно само по себѣ, что такое служебное блюдо большихъ размѣровъ, предназначенное для литургіи, не могло служить въ качествѣ обѣденнаго подарка и для наполненія его монетами.

Наша лѣтопись сообщаетъ, что св. Ольга получила въ Царьградѣ богатые дары: „и дастъ ей (царь) дары многы злато и сребро, наволокы и съсуды разноличные". Выраженіе „сосуды разноличные" имѣетъ слишкомъ неопредѣленное значеніе, и самъ Антоній, осматривая сосудохранительницу, видѣлъ въ ней многое множество „сосудовъ разноличныхъ", „служебныхъ". Лѣтопись позволяетъ, такимъ образомъ, предполагать, что Ольгѣ даны были какъ церковные, такъ и свѣтскіе сосуды, что оправдывается описаніемъ пріемовъ Ольги въ Уставѣ церемоній и свѣдѣніемъ Антонія.

Самый даръ княгини Ольги не могъ быть иначе переданъ патріарху (Фотію или Поліевкту или еще иному) [2]), какъ съ соблюденіемъ извѣстнаго ритуала. Поднесеніе сосудовъ Юстиніаномъ и Феодорой извѣстно въ мозаикахъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ, поднесеніе

---

[1]) *П. Ѳ. Красносельцевъ*, Литургическія толкованія, стр. 2 - 3.

[2]) Ср. *Schlumberger*, L'Epopée byzantine, p. 31. Указанія на разныхъ патріарховъ, извѣстныя изъ разныхъ источниковъ, сведены у Димитрія Ростовскаго, Минеи-Четьи, къ 11-му іюля.

хартій съ привилегіями изображено въ мозаикахъ церкви св. Аполлинарія Новаго и часто встрѣчается въ росписяхъ церквей византійскихъ и болѣе позднихъ аѳонскихъ. Поднесеніе сосудовъ Юстиніаномъ и Ѳеодорой, изображенное въ мозаикахъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ, важно особенно тѣмъ, что Юстиніанъ несетъ дискосъ, а Ѳеодора—потиръ, т. е. богослужебные сосуды, ежегодное поднесеніе которыхъ членами императорской фамиліи совершалось по ритуалу въ особые дни [1]).

Всѣ эти соображенія и данныя требуютъ признать въ описанномъ Антоніемъ блюдѣ княгини Ольги, прежде всего, богослужебный сосудъ, а затѣмъ, вслѣдствіе однородности терминовъ: „блюдо" у Антонія и „блюдце" въ славянскомъ переводѣ сказанія о св. Софіи, посредствомъ котораго переданъ греческій терминъ „δίσκος", угадать въ этомъ блюдѣ, именно, дискосъ. Блюдо ризницы церкви св. Марка также представляетъ собою дискосъ, какъ я убѣдился въ этомъ послѣ осмотра его на мѣстѣ въ маѣ мѣсяцѣ этого (1907) года.

XV.

Крестъ, висѣвшій у запрестольнаго большого креста. Эта достопримѣчательность церкви св. Софіи описана у Антонія съ особенными, крайне важными подробностями, такъ какъ крестъ ознаменованъ былъ чудомъ во время церковной службы, послѣ утрени предъ литургіей, на которой присутствовалъ самъ Антоній съ посольствомъ Твердяты Остромирица. Чудо совершилось въ день памяти царя Константина и матери его Елены, 21-го мая, въ воскресенье, въ 1200 году. Дата, какъ она указана у Антонія, вполнѣ точно провѣряется по таблицамъ индиктовъ [2]).

Интересъ къ названному кресту, надо полагать, былъ вызванъ, именно, событіемъ, о которомъ стали всѣ говорить, а отсюда—вполнѣ естественны и подробности, внесенныя въ описаніе креста Антоніемъ, какъ очевидцемъ самой святыни.

Текстъ съ главнѣйшими варіантами гласитъ слѣдующее: „І се же чюдо і страшно і святое явленіе. Во святѣі Софѣи во олтари великомъ (видѣхомъ) за святымъ престоломъ стоитъ крестъ златъ, выше

[1]) *Д. Ѳ. Бѣляевъ*, Byzantina, II, 156—158 сл.; *Reiske*, De cerim. II, p. 163.

[2]) *Горбачевскій*. Археографическій календарь на двѣ тысячи лѣтъ. Вильна 1869, таблица 19, изъ которой видно, что въ 1200 году 21-го мая дѣйствительно приходилось въ воскресенье.

двою человѣкъ отъ земля, съ каменіемъ драгимъ і жемчугомъ (съ бисеромъ) учиненъ; а (і) передъ нимъ виситъ крестъ златъ полутора локтя; водлѣе (въ длину, вдоль) трехъ вѣтеі (да три вѣти златы и у тѣхъ...) повѣшана 3 кандила злата, а горитъ въ нихъ масло, а четвертую вѣтвиі (вѣсть) отъ верху повержено; та-жъ кандила со крестомъ (той же крестъ и вѣти и кандила въ К.) учинилъ великій царь Іустиянъ, иже святую Софью поставилъ. Та-жъ 3 кандила со крестомъ Духомъ Святымъ вознесошася горѣ выше великаго креста і паки снидоста низу тихо (доловъ неуслышано въ К.) и не угасла. То же было чюдо по заутренѣі предъ начатіемъ литургіи: іереомъ во олтари зрящимъ. І людіе вси въ церкви видѣвшіе со страхомъ і радостью великою"...

Въ этомъ текстѣ должно различать описаніе двухъ крестовъ: одного большого запрестольнаго, стоявшаго между синтрономъ и престоломъ, и другого въ 1½ локтя, висѣвшаго передъ этимъ большимъ крестомъ. Кромѣ того, крестъ, ознаменованный чудомъ поднятія съ зажженными лампадами, должно отличать также отъ креста, висѣвшаго надъ трапезой или престоломъ среди другихъ драгоцѣнныхъ крестовъ, вѣнца Константина Великаго и другихъ царскихъ вѣнцовъ, описанныхъ Антоніемъ нѣсколько ранѣе: „Во олтари же великомъ *надъ* святою трапезою великою на среди ея (посредь) подъ катапетазмою повѣшенъ Константиновъ вѣнецъ і у него же *повѣшенъ крестъ*; *подъ крестомъ голубь златъ,* и иныхъ царей вѣнцы висятъ окрестъ катапетазмы" (стр. 10). Крестъ, ознаменованный чудомъ, висѣлъ, слѣдовательно, предъ запрестольнымъ крестомъ и былъ сдѣланъ Юстиніаномъ, другой же крестъ, висѣвшій надъ престоломъ вмѣстѣ съ вѣнцомъ Константина Великаго, представлялъ другую святыню и находился подъ катапетазмой. Мѣстонахожденіе большого креста „за святымъ престоломъ", гдѣ его видѣлъ Антоній, показываетъ, что онъ описываетъ запрестольный крестъ, который въ Уставѣ Константина Порфиророднаго указывается въ „горномъ мѣстѣ" (εἰς τὸ κόχλιν, ἐν ᾧ ἵδρυται ἡ διάχρυσος ἁγία σταύρωσις. De cerim. I, 1, 15)[1]). Въ Уставѣ онъ называется „διάχρυσος", что соотвѣтствуетъ выраженію Антонія „крестъ златъ". Указаніе нашего паломника на то, что этотъ крестъ былъ вышиной, превосходящей ростъ двухъ человѣкъ, является впервые въ древней литературѣ. Объ этомъ нѣтъ указаній и въ греческихъ сказаніяхъ о св. Софіи.

---

[1]) *Д. Ѳ. Бѣляевъ*, Byzantina, II, p. 126, прим. 1.

Равнымъ образомъ, нѣтъ указаній и относительно креста въ $1^1/_2$ локтя, висѣвшаго передъ этимъ большимъ крестомъ. Тѣмъ не менѣе, текстъ Антонія мнѣ кажется крайне важнымъ и любопытнымъ. Крестъ въ $1^1/_2$ локтя былъ также золотой. Судя по тексту и варіантамъ, надо полагать, что къ тремъ вѣтвямъ креста были привѣшены три лампады съ масломъ. Въ Копенгагенской рукописи варіантъ: „да три вети (вм. вѣтей) златы и у тѣхъ вѣтей повѣшены 3 кандила златы"— даетъ очень любопытную черту въ описаніи лампадъ. Слово „вети" въ этой рукописи удержано и далѣе: „той же крестъ и вети и кандила" учинилъ Іустиніанъ. Изъ этихъ двухъ варіантовъ Копенгагенской рукописи слѣдуетъ, что подъ словомъ веть писецъ разумѣлъ не вѣтвь креста, а особый предметъ, имѣвшій въ его понятіяхъ самостоятельное значеніе, такъ какъ Юстиніану приписывается устройство креста, затѣмъ вѣтей, наконецъ, кандилъ. Если бы подъ словомъ „вѣть" и „веть" онъ разумѣлъ вѣтвь креста, то и не зачѣмъ было бы приписывать Юстиніану устроеніе креста отдѣльно отъ его вѣтвей или концовъ. Другіе варіанты къ слову „вѣть" или „веть", повидимому, объясняютъ представленіе писца. Это слово употреблено въ разныхъ рукописяхъ Антоніева хожденія еще разъ, именно, при описаніи крови и млека св. Пантелеймона: „Во святой же Софіи во олтари кровь и млеко святого Пантелеймона *во единой вѣти* (во одино вете въ М. и Б.) не смятшися". Мало понятное слово „вѣти" объяснено варіантомъ той же Копенгагенской рукописи, въ которой вмѣсто словъ: „въ единой вѣти" сказано: „въ одной *тыкви*". Повидимому, слово „тыква" не можетъ быть принято въ данномъ случаѣ, какъ одно изъ значеній слова „вѣть", но, во всякомъ случаѣ, изъ этого значенія вытекаетъ съ полной очевидностью, что писцы разныхъ рукописей, колеблясь между чтеніемъ „вѣтви креста" и „вети креста", придавали этимъ выраженіямъ различный смыслъ. По понятіямъ однихъ, дѣло шло о вѣтвяхъ креста; по понятіямъ другихъ, о какихъ-то предметахъ, украшавшихъ крестъ и сдѣланныхъ также Юстиніаномъ. Въ словаряхъ Даля и Срезневскаго подъ словами „вѣть" и „вѣтвь" указано значеніе древесной вѣтки, при чемъ Срезневскій указываетъ на слово „вѣть" у Антонія безъ всякихъ поясненій этого термина. Х. М. Лопаревъ правильно указалъ, какъ мнѣ кажется, что выраженіе: „а четвертую вѣтвиі отъ верху поверженo"—должно объяснять такъ, что верхняя вѣтвь креста была обломана паденіемъ купола въ 558 году. Дѣйствительно, косвенное доказательство этому можно видѣть въ томъ, что крестъ въ $1^1/_2$ локтя былъ сдѣланъ Юстиніаномъ

и, слѣдовательно, могъ быть изломанъ во время паденія купола. Какой это былъ крестъ,—опредѣлить съ точностью я не могу, за неимѣніемъ прямыхъ указаній. Однако, нельзя обойти молчаніемъ указанія косвенныя. Дѣло въ томъ, что въ 558 году обвалилась восточная часть центральнаго купола, вмѣстѣ съ ней упала восточная арка, увлекши за собою часть восточной верхней конхи или восточнаго полукупола. Паденіемъ этихъ частей храма были разбиты—киворій и святая трапеза, а также амвонъ, какъ объ этомъ явственно говоритъ Ѳеофанъ въ своей хронографіи: „τούτῳ τῷ ἔτει, μηνὶ Μαΐῳ ζ' ἡμέρᾳ γ', ὥρᾳ πέμπτῃ φιλοκαλουμένου τοῦ τρούλλου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας (ἦν γὰρ διερρηγμένος ἐκ τῶν γενομένων σεισμῶν, ἐργαζομένων τῶν Ἰσαύρων) ἔπεσε τὸ ἀνατολικὸν μέρος τῆς προυποστολῆς τοῦ ἁγίου θυσιαστηρίου, καὶ συνέτριψε τὸ κιβώριον καὶ τὴν ἁγίαν τράπεζαν καὶ τὸν ἄμβωνα“ [1]). Въ позднѣйшихъ описаніяхъ церкви св. Софіи говорится также о паденіи купола, о разрушеніи амвона и солеи, но умалчивается о разрушеніи киворія и трапезы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ позднѣйшихъ текстахъ описывается гибель множества дорогихъ породъ камней и драгоцѣнныхъ камней и жемчуговъ, которыя возстановить реставратору Іустину не удалось: „Μετὰ δὲ τὸν θάνατον τοῦ Ἰουστινιανοῦ ἐκράτησεν Ἰουστῖνος ὁ ἀνεψιὸς αὐτοῦ τῆς βασιλείας καὶ εἰς τὸν δεύτερον χρόνον αὐτοῦ ἡμέρᾳ ε', ὥρα ἕκτῃ τῆς ἡμέρας, ἐγένετο πεσεῖν τὸν τροῦλον καὶ συντρίψαι τὸν ἀξιοθαύμαστον ἄμβωνα καὶ τὴν σωλέαν, τοὺς δὲ σαρδονύχους καὶ σαμφείρους καὶ ζάμβυκας καὶ μαργαρίτας σὺν τῶν χρυσῶν στηθέων καὶ κρίων καὶ κιόνων ὁλοαργύρων καὶ τὸν πολύτιμον πάτον“ [2]). Такимъ образомъ, позднія описанія допускаютъ мысль, что святая трапеза съ киворіемъ остались въ цѣлости, а потому и крестъ не могъ быть изломанъ вмѣстѣ съ ними. Напротивъ, крайне важное указаніе Ѳеофана даетъ возможность предположить, что верхняя вѣтвь, или веть креста, была обломана при разбитіи надпрестольнаго киворія, и что, слѣдовательно, крестъ Юстиніановъ находился въ алтарѣ во время катастрофы. Однако, этотъ крестъ нигдѣ не описывается особо и его надо искать въ числѣ пяти крестовъ, устроеніе которыхъ приписывается Юстиніану древними описаніями церкви св. Софіи. Возможно, однако, и другое предположеніе. На амвонѣ во всѣхъ редакціяхъ Сказанія описывается крестъ, поставленный при устройствѣ

[1]) См. *Д. Ѳ. Бѣляевъ*, Byzantina, II, p. 116, прим. 2, гдѣ приведены главнѣйшія раннія извѣстія о паденіи верхнихъ частей храма св. Софіи.

[2]) *Preger*, o. c., p. 106.

его Юстиніаномъ и напоминающій своими особенностями крестъ, описанный Антоніемъ: „ὁ δὲ σταυρὸς τοῦ ἄμβωνος ἔστεγε χρυσοῦ λίτρας ρ΄. εἶχε δὲ καὶ σειστὰ καὶ λυχνίτας σὺν μαργαριταρίων ἀπιδωτῶν: врьху-же его (т. е. амвона) сотвори крестъ златъ, имущь 100 литръ и преимущи бисеры велики“... (Сказ. о св. Соф.). Самъ Антоній видѣлъ въ церкви св. Софіи „преднні (прежній) амвонъ хрусталенъ, его же избилъ верхъ святѣі Софѣи падся“ (стр. 5). Онъ оставленъ былъ, повидимому, какъ воспоминаніе о катастрофѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что сохраненъ былъ и обломанный крестъ амвона. Этотъ крестъ имѣлъ лампады и привѣски (σειστά), которыя упоминаются отдѣльно. Райскэ даетъ такой переводъ греческаго текста анонима Бандури: „Crux... habebat ex se dependentes catenulas lychnos sustinentes cum margaritis pyrorum similibus“. Такимъ образомъ, слово σειστὰ передано посредствомъ „catenulas“ (цѣпочки), что подтверждено многими данными греческихъ текстовъ и сопоставленіемъ съ аналогичными терминами σεῖα, κρημαστάρια, χαλανδάρια и проч. [1]). Въ русскихъ текстахъ книги паломника слова „вѣть“ и „вети“, когда они употреблены въ значеніи украшеній креста, могутъ напомнить эти привѣски и цѣпочки, на которыхъ висѣли лампады, устройство которыхъ приписано также Юстиніану. И это тѣмъ болѣе, что подъ словомъ σειστά, κρεμαστάρια нельзя подразумѣвать только тѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли лампады, но и вообще висящія украшенія. Въ Патмосскомъ инвентарѣ упоминаются „κυθροκανδῆλαι — μετὰ τῶν κρεμασταρίων αὐτῶν“ [2]), т. е. сосуды съ масломъ и лампады, въ которыя они вставлены съ привѣсками (crater cum candela, i. e. lychno oleario), при чемъ „κρεμασταρίων“ имѣетъ здѣсь болѣе тѣсное значеніе украшеній въ видѣ привѣсокъ [1]). Порча текста Антонія стоитъ въ связи, именно, съ пониманіемъ слова „вѣть“ со стороны переписчиковъ и добавителей текста. Оба указанныя значенія слова „вѣть“ имѣютъ, повидимому, опредѣленный смыслъ.

Д. Айналовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) De cerim. a. b., II, 688—689.

[2]) *Dr. Waldemar Nissen*. Die Diataxis des Michael Attaleiates. Iena. 1894, p. 81.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДѢЛЕНІЕ ПО УЧРЕЖДЕНІЮ О ГУБЕРНІЯХЪ 1775 ГОДА.

[По архивнымъ даннымъ].

Съ точки зрѣнія того законодательнаго акта, который помѣщенъ въ XX томѣ перваго полнаго собранія законовъ подъ № 14392 отъ 7-го ноября 1775 г. и называется „Учрежденіе для управленія губерній Всероссійскія имперіи“, вопросъ объ административномъ дѣленіи русскаго государства представляется весьма несложнымъ. Вся территорія имперіи дѣлится на губерніи или намѣстничества, а губерніи въ свою очередь дѣлятся на уѣзды или округи (ст. 16). Факультативно, „буде нужда того требуетъ“, какъ указано въ ст. 15, намѣстничество можетъ быть раздѣлено на области или провинціи. Особнякомъ стоятъ города. Прямыхъ указаній, что городъ составляетъ административную единицу, параллельную уѣзду, въ Учрежденіи нѣтъ. Лишь изъ сопоставленія статей, опредѣляющихъ положеніе городскихъ учрежденій, можно сдѣлать выводъ, что городъ есть особая единица, не подчиненная уѣзднымъ властямъ, а непосредственно подвѣдомственная власти губернской. Такимъ образомъ намѣчено въ законѣ дѣленіе двухстепенное: на крупную единицу и двѣ параллельныхъ мелкихъ, при чемъ, очевидно, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій допускается дополнительное дѣленіе крупной единицы еще на среднюю — провинцію или область.

Въ связи съ двухстепеннымъ территоріальнымъ дѣленіемъ и учрежденія, созданныя актомъ 1775 г., дѣлятся на губернскія и уѣздныя (а также городскія).

Нѣкоторое сомнѣніе вызываютъ суды второй инстанціи. На основаніи статей 13, 32, 36, 164, 306 и 350, эти суды (верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхняя расправа) могутъ быть учреждаемы и не въ единственномъ числѣ на всю губернію, въ зависи-

мости отъ ея размѣровъ. Но ближайшихъ указаній, къ какой именно территоріальной единицѣ они должны быть отнесены въ этомъ случаѣ, не дано. На провинцію или область ссылокъ нѣтъ. Въ равной мѣрѣ въ Учрежденіи нѣтъ вообще указаній, какимъ образомъ должно быть организовано управленіе этою среднею территоріальною единицею.

На практикѣ, какъ видно изъ полнаго собранія законовъ, рядъ губерній (Новгородская, Костромская, Вологодская, Пермская, Уфимская, Тобольская, Рижская, Иркутская, Кавказская) былъ раздѣленъ на области, большая часть на 2, Вологодская на 3, а Иркутская даже на 4 [1]). Въ этихъ губерніяхъ суды второй инстанціи были учреждены въ областяхъ: въ Костромской, Уфимской и Кавказской каждая область получила всѣ три такихъ суда; въ Новгородской, Вологодской и Пермской губерніяхъ области получили губернскіе магистраты и верхнія расправы; верхніе же земскіе суды были учреждены по одному на губернію. Въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ вообще верхнихъ земскихъ судовъ не было, а другіе суды второй инстанціи были созданы во всѣхъ областяхъ.

Кромѣ того въ областяхъ оказались непредусмотрѣнныя закономъ учрежденія — „областныя казначейства" — Олонецкое (Новгородской губ.), Унженское (Костромской), Екатеринбургское (Пермской), Оренбургское (Пермской), Якутское и Охотское (Иркутской) [2]).

Такимъ образомъ практика дополнила недостатокъ закона и выдвинула значеніе средней территоріальной единицы, какъ судебнаго округа для среднихъ судебныхъ инстанцій. Этимъ путемъ въ губерніяхъ, раздѣленныхъ на области, было устранено бросающееся въ глаза при обзорѣ акта 1775 года обиліе судебныхъ учрежденій въ губернскомъ городѣ. Съ другой стороны учрежденіе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ особыхъ „областныхъ казначействъ" указываетъ на значеніе области какъ финансовой единицы.

Но такъ какъ раздѣленіе губерній на провинціи, хотя и извѣстно нашему законодательству со времени Петра Великаго, но Учрежденію 1775 г. было исключеніемъ, и организація провинціальнаго управленія не получила въ немъ законодательной нормировки, то, опираясь на одинъ текстъ закона, нельзя рѣшить, каковы именно были намѣренія законодателя въ тотъ моментъ, когда онъ упразднялъ общее дѣленіе гу-

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 11500, 11792, 14973, 15013, 15307, 15327, 15606, 15675, 16193.

[2]) См. штаты въ П. С. З. №№ 11 513, 14 797, 14 978, 15114, 15 308, 15329, 15682, 16195, а также общую таблицу штатовъ.

берній на провинціи, и на сколько случайнымъ оказалось постановленіе ст. 15, сохранившее это дѣленіе факультативно. Съ точки зрѣнія напечатаннаго матеріала область по Учрежденію 1775 года есть загадка, и только при знакомствѣ съ рукописями Учрежденія можно получить нѣкоторое объясненіе этого вопроса.

Въ настоящее время извѣстны три первоначальныя рукописи акта 7-го ноября 1775 года, кромѣ офиціальнаго текста, вошедшаго въ полное собраніе законовъ, подлинникъ котораго хранится въ сенатскомъ архивѣ [1]). Рукописи эти находятся въ государственномъ архивѣ; наибольшую цѣнность изъ нихъ имѣетъ одна, которая представляетъ собою рядъ листовъ и листковъ разной величины (числомъ 240), сплошь исписанныхъ рукою Екатерины [2]). Двѣ другія рукописи — экземпляры Учрежденія, переписанные рукою и почеркомъ писарей того времени, съ поправками на поляхъ, позднѣе почти цѣликомъ вошедшими въ офиціальный текстъ закона [3]). Кромѣ того въ одномъ изъ архивныхъ дѣлъ сохранилось нѣсколько черновыхъ набросковъ Екатерины, повидимому, представляющихъ собою нѣчто въ родѣ первоначальныхъ очерковъ реформы [4]).

Уже при бѣгломъ знакомствѣ съ этимъ архивнымъ матеріаломъ можно убѣдиться, что первоначальная идея Екатерины объ административномъ дѣленіи отличается отъ той, которая получила позднѣе офиціальную санкцію. Средняя территоріальная единица между губерніею и уѣздомъ—провинція—далеко не сразу сдѣлалась факультативной и долгое время держалась въ умѣ законодателя, какъ нѣчто постоянное. Въ связи съ этимъ намѣчалась и организація ея управленія, и многіе вопросы Учрежденія имѣли совершенно иную постановку.

Изъ содержанія перваго наброска видно, что сперва проектировалось общее дѣленіе имперіи даже не въ трехъ, а скорѣе въ четырехъ степеняхъ. Здѣсь упомянута губернія, которая дѣлится на провинціи, а провинція въ свою очередь на уѣзды. Но, повидимому, и уѣздъ предполагалось раздѣлить еще на болѣе мелкія единицы, такъ какъ, упоминая объ уѣздной канцеляріи, Екатерина указываетъ ея члековъ:

[1]) Рукописи эти впервые были найдены академикомъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ, подъ редакціею котораго Академіею Наукъ предположено критическое изданіе текста Учрежденія со всѣми варіантами... (Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ 1900 г., стр. 81).

[2]) Дѣло Государ. Арх. разряда X, № 32.

[3]) Тамъ же, разр. XVI № 377 и 509.

[4]) Тамъ же, разр. X № 19, листы 442, 445, 446.

„уѣздный воевода и столько комиссаровъ, сколько округовъ"; очевидно, она имѣла въ виду раздѣлить уѣздъ на округа, съ особыми комиссарами во главѣ. Это предположеніе подтверждается еще тѣмъ, что Екатерина довольно подробно останавливается на компетенціи комиссаровъ.

Губернскія учрежденія, „правительство" по выраженію Екатерины, представляются по первому наброску въ видѣ четырехъ департаментовъ: административнаго, двухъ судебныхъ и финансоваго. Компетенція перваго опредѣляется ссылкой на компетенцію перваго департамента сената („дѣла перваго департамента сенатскаго примѣромъ служить могутъ" — помѣтка на поляхъ). Судебные департаменты вѣдаютъ судъ гражданскій и уголовный, 4-й же департаментъ завѣдуетъ счетами и сборами.

Организація департаментовъ коллегіальная: президентъ, 2 совѣтника и 2 асессора или засѣдателя. При департаментахъ экспедиціи въ составѣ 2 совѣтниковъ.

При губернскихъ учрежденіяхъ предполагалось учредить должность губернскаго прокурора и двухъ стряпчихъ: казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ, съ помощниками.

Въ другомъ отрывкѣ (листъ 445) во главѣ губерніи поставлено губернское правленіе, подъ предсѣдательствомъ губернатора, состоящее изъ четырехъ департаментовъ; компетенція ихъ та же, что и въ первомъ отрывкѣ: судъ уголовный (1-й департаментъ), судъ гражданскій (2-й департаментъ), счетный департаментъ и четвертый департаментъ, который, по выраженію Екатерины, „вѣдаетъ повелѣнія и исполненіе". По видимо впослѣдствіи такое смѣшеніе суда и администраціи въ одномъ учрежденіи не понравилось Екатеринѣ, такъ какъ она зачеркнула оба судебные департамента и оставила только два послѣдніе.

Управленіе провинціею, по разсматриваемымъ наброскамъ, рисуется въ видѣ провинціальной канцеляріи, раздѣленной на 3 департамента: два судебныхъ (гражданскій и уголовный) и третій счетный. Составъ ихъ коллегіальный отъ 3 до 5 членовъ (отрывокъ І-й, листъ 442).

Трудно сказать, предполагалось ли сохранить должность провинціальнаго воеводы. Косвенное указаніе на нее даетъ второй отрывокъ. Въ немъ впервые встрѣчается учрежденіе въ провинціи верхняго земскаго суда въ составѣ 2 судей отъ каждаго уѣзда, при чемъ, по выраженію автора, „въ случаѣ равногласія провинціальный воевода засѣдаетъ и имѣетъ одинъ голосъ".

Во главѣ уѣзда поставлена, по первому отрывку, уѣздная канцелярія въ составѣ уѣзднаго воеводы и нѣсколькихъ окружныхъ комиссаровъ по числу округовъ.

Должность уѣзднаго воеводы получила крайне оригинальную постановку по третьему отрывку (листъ 446). „Въ каждомъ уѣздѣ, читаемъ въ этомъ отрывкѣ, дворянство имѣетъ выбирать воеводу, да и сенатъ назначаетъ воеводъ, и каждый изъ сихъ воеводъ три года воеводскую должность отправляетъ въ томъ уѣздѣ попеременно, который же изъ нихъ свободенъ, тотъ засѣдаетъ въ провинціальной канцеляріи молча, и только тогда голосъ имѣетъ, когда въ департаментѣ, гдѣ засѣдаетъ, менѣе 5 человѣкъ".

Такимъ образомъ въ уѣздѣ намѣчалось своеобразное смѣшеніе выборной администраціи съ бюрократической, при чемъ функціи той и другой носили срочный характеръ.

Нѣсколько подробнѣе Екатерина остановилась на окружныхъ комиссарахъ. Здѣсь (первый отрывокъ) она различаетъ три случая: если въ данномъ округѣ всѣ деревни дворянскія, комиссара избираетъ дворянство, если нѣтъ деревень дворянскихъ, а всѣ государственныя, тогда губернаторъ назначаетъ уѣзднаго комиссара (очевидно, въ этомъ случаѣ нѣтъ дѣленія уѣзда на округа), а въ помощь ему, для суда надъ крестьянами, каждое государственное село посылаетъ одного выборнаго; третій случай предусматриваетъ наличность въ округѣ дворянскихъ и государственныхъ крестьянъ; тогда въ немъ полагаются два комиссара: одинъ — по назначенію губернатора, другой — по выбору дворянства; они дѣлятъ свои обязанности такъ: каждый три мѣсяца вѣдаетъ округъ, а слѣдующіе три мѣсяца засѣдаетъ въ уѣздной канцеляріи; кромѣ того дворянству разрѣшается присылать въ помощь окружному комиссару выборныхъ отъ селъ, какъ это установлено для крестьянъ государственныхъ.

Компетенція комиссара обнимаетъ отчасти дѣла судебныя, отчасти административныя. Въ гражданскихъ дѣлахъ онъ судитъ дѣла не выше 1 рубля; въ уголовныхъ—его обязанности сводятся къ производству предварительнаго слѣдствія: „...буде приведутъ кого къ нему въ уголовномъ дѣлѣ, читаемъ въ первомъ отрывкѣ, то буде свидѣтели есть на то, что подозрителенъ есть приведенный, коммиссаръ арестовать и нужныя свѣдѣнія собирать и записывать можетъ, также свидѣтелей сказки да выслушиваетъ и записываетъ". Административныя обязанности коммиссара сводятся къ чисто полицейскимъ; онъ вѣдаетъ, по выраженію Екатерины, „...большія дороги, безопасность

оныхъ, споры и драки между мужиками въ округѣ, падежи и опасныя болѣзни".

Характерною чертою разсматриваемыхъ набросковъ является указаніе въ первомъ изъ нихъ на сельскую администрацію. „Въ каждой деревнѣ, читаемъ въ этомъ отрывкѣ, да будутъ у десяти дворовъ по десятскому, по ихъ собственному выбору, у ста дворовъ по сотскому, а гдѣ болѣе, то окромѣ сотскаго, десятскаго да выберутъ двухъ выборныхъ, да одного старосту, кои вмѣстѣ составляютъ мужичій судъ; и для того имѣть имъ судную избу, да двѣ тюремныя избы". Это постановленіе является какъ бы дополненіемъ къ вышеуказанной обязанности государственныхъ крестьянъ — посылать выборныхъ въ помощь уѣздному комиссару. Въ какихъ именно деревняхъ, помѣщичьихъ или государственныхъ, предполагается вводить „мужичій судъ", не указано. Вѣроятно и въ тѣхъ, и въ другихъ. Къ сожалѣнію, эта идея—создать мѣстный деревенскій выборный судъ исключительно для крестьянъ, дальнѣйшаго развитія впослѣдствіи не получила.

Другое указаніе на выборный судъ въ низшей инстанціи встрѣчается еще въ третьемъ отрывкѣ: „Подлежитъ имѣть въ каждомъ стану по одному судьѣ по собственному выбору отъ дворянъ, который бы стерегъ то, чтобы никакому человѣку не было сдѣлано насиліе живота и въ имѣніи, и который бы принималъ жалобы сего рода и того для придать ему изъ стану шесть человѣкъ старостъ попеременно, съ которыми ему объѣзжать четырежды въ году всѣ мѣста того стану". Въ видѣ общаго принципа или поясненія тутъ же на поляхъ приписано по французски: „La fonction de juge dans le premier tribunal d'une Nation a toujours été attachée aux premiers et aux grands de l'Etat".

Характерно, что здѣсь упоминается древне-русская административная единица — станъ. Любопытно также соединеніе выборнаго судьи изъ дворянъ съ шестью старостами, надо думать, изъ крестьянъ.

О городахъ, какъ особой административной единицѣ, и о городскомъ самоуправленіи разсматриваемые наброски не говорятъ. Единственное указаніе встрѣчается въ послѣднемъ: „О нижней степени правосудія. Города имѣютъ свое правленіе, которое для городскихъ жителей и для тѣхъ, кои обрѣтаются въ границахъ того города, служатъ, а въ разсужденіи государственныхъ правительствъ суть нижнее правосудіе отправляющія мѣста". Здѣсь какъ бы подчерки-

вается необходимость для городскихъ жителей имѣть свои особыя учрежденія исключительно для отправленія судебныхъ функцій.

Въ этихъ небольшихъ отрывкахъ, въ которыхъ едва намѣчены основныя положенія будущей реформы, едва развиты нѣкоторыя идеи общаго плана областныхъ учрежденій, съ удивительною рельефностью сказались однако же главныя характерныя черты и Екатерининской реформы и тѣхъ факторовъ, которые повліяли на ея созданіе. Общее дѣленіе государства на губерніи, провинціи, уѣзды, губернаторы, воеводы, ихъ канцеляріи, коллегіальное начало организаціи, смѣшеніе въ канцеляріяхъ судебныхъ и административныхъ функцій, комиссары съ полицейскими обязанностями,—все это частью итоги прошлой исторіи мѣстнаго управленія, частью возстановленіе второй Петровской областной реформы. Съ другой стороны, выборы уѣздныхъ воеводъ и комиссаровъ дворянствомъ, смѣшеніе выборныхъ должностныхъ лицъ съ правительственными чиновниками, стремленіе увеличить количество низшихъ органовъ власти, приблизить ее къ населенію—развѣ не эти пожеланія слышались въ Комиссіи 1767 года и не объ этомъ писали составители депутатскихъ наказовъ [1])? Наконецъ и третій факторъ реформы—идеи самой Екатерины, также нашелъ свое выраженіе въ этихъ незначительныхъ по объему отрывкахъ. Видно стремленіе отдѣлить судъ отъ администраціи, раздѣлить обязанности послѣдней, создать стройную систему учрежденій, начиная отъ общаго однообразнаго административнаго дѣленія страны и кончая организаціей деревенскихъ судовъ, и желаніе провести въ жизнь извѣстныя гуманныя начала, оградить населеніе отъ административныхъ безпорядковъ. Въ приписанной къ третьему отрывку французской фразѣ ясно сквозитъ тенденція дать высшему сословію въ государствѣ руководящую роль въ мѣстномъ управленіи. Мысль, очевидно, навѣянная знакомствомъ съ англійскимъ строемъ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же сказывается въ эмбріональномъ состояніи будущее учрежденіе о губерніяхъ. Четыре департамента, составляющіе по наброскамъ „правительство" въ губерніи, по компетенціи своей ничто иное, какъ будущее губернское правленіе и 3 палаты. Окружной комиссаръ, приходясь частью сродни Петровскому земскому комиссару, впослѣдствіи

[1]) Несомнѣнно также въ этихъ отрывкахъ сказывается вліяніе извѣстнаго проекта московскаго генералъ-губернатора князя М. Н. Волконскаго, представленнаго Екатеринѣ въ 1775 г. подъ названіемъ „Проектъ о лучшемъ устройствѣ судебныхъ мѣстъ" (напечатанъ въ Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ. т. V).

выльется въ форму земскаго капитанъ-исправника. Слѣдъ трехчленнаго дѣленія имперіи на губернію, провинцію, уѣздъ мы найдемъ и въ Учрежденіи 1775 года. Сословная организація судебныхъ учрежденій въ первоначальныхъ отрывкахъ намѣчена слабѣе. Но уже замѣтна тенденція выдѣлить особые суды для крестьянъ и горожанъ и дать преобладаніе сословному началу.

Всѣ эти неясности, смѣшеніе функцій, въ родѣ двухъ воеводъ въ уѣздѣ, по выбору населенія и по назначенію правительства, отпали впослѣдствіи при дальнѣйшей обработкѣ реформы, но основныя черты ея замѣтны даже и въ первоначальныхъ набросках. Нѣкоторыя идеи, въ родѣ организаціи сельскаго управленія, такъ и заглохли, не получивъ развитія, но характерно, что съ перваго момента выработки задуманнаго плана, вплоть до осуществленія его на практикѣ, Екатерина стояла на одной и той же, едва ли не наиболѣе вѣрной, почвѣ— почвѣ компромисса требованій дѣйствительной жизни съ отвлеченными идеями.

Переходя отъ только что разобранныхъ отрывковъ къ полнымъ рукописямъ Учрежденія о губерніяхъ, можно убѣдиться, что, даже приступивъ къ выработкѣ текста предполагаемаго закона, Екатерина не сразу отказалась отъ своей первоначальной мысли—ввести трехчленное административное дѣленіе имперіи на губернію, провинцію и уѣздъ.

Въ этой стадіи развитія акта 7-го ноября 1775 года провинція есть особая территоріальная единица, и организація ея управленія рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ провинціи или области поставленъ областной поручикъ правителя или вице-губернаторъ, состоящій въ VI классѣ по должности и опредѣляемый по Высочайшему повелѣнію. Управленіе областью, повидимому, предполагалось коллегіальное, хотя неясно, какое именно она должна была получить значеніе. Частью можно предположить, что Екатерина хотѣла сдѣлать область чисто финансовою единицею. Цѣлая глава рукописи (гл. XI) носитъ названіе „О областномъ казенномъ приказѣ". Приказъ этотъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ областного вице-губернатора, изъ двухъ засѣдателей. Компетенція областного приказа исключительно финансовая. Онъ вѣдаетъ казенные сборы, наблюдаетъ за правильностью ихъ взиманія, ведетъ отчетность, вѣдаетъ всѣми уѣздными казначействами. Въ свою очередь областной приказъ подчиненъ казенной палатѣ.

Съ другой стороны, кажется, область должна была быть судебнымъ округомъ второй инстанціи. Въ рукописи дважды упоминается, что областной вице-губернаторъ засѣдаетъ въ верхнемъ земскомъ судѣ, и этотъ судъ является не губернскимъ, а провинціальнымъ учрежденіемъ. Составъ его слагается, кромѣ предсѣдателя изъ 12-ти засѣдателей, безъ указанія на порядокъ назначенія. Глава X Учрежденія по первой рукописи посвящена всецѣло верхнему земскому суду, какъ учрежденію провинціальному, съ вице-губернаторомъ во главѣ, при чемъ судъ этотъ засѣдаетъ періодически 2 раза въ годъ, съ 8-го января до страстной недѣли и отъ 1-го ноября до 18-го декабря [1]).

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, мысль о промежуточной административной единицѣ между губерніей и уѣздомъ отпала, при чемъ область по ст. 15 Учр. сдѣлалась дѣленіемъ факультативнымъ. Областной же вице-губернаторъ превратился въ единственнаго на всю губернію начальника финансоваго управленія, сдѣлавшись изъ главы областного казеннаго приказа предсѣдателемъ казенной палаты. Позднѣе, какъ видно изъ второй рукописи Учрежденія, компетенція его была расширена, такъ какъ въ ст. 94 сдѣлано добавленіе въ видѣ поправки на поляхъ: „Когда же генералъ-губернаторъ и губернаторъ внѣ губерніи бываютъ, тогда вице-губернаторъ заступаетъ мѣсто губернатора". Благодаря этой поправкѣ вице-губернаторъ получилъ особое значеніе замѣстителя начальника губерніи. Слѣдъ ея сохранился до настоящаго времени въ ст. 267 общ. учр. губ. т. II Св. Зак. (изд. 1892 года), на основаніи которой нынѣшній предсѣдатель казенной палаты—управляющій ею считается вторымъ замѣстителемъ губернатора.

Въ связи съ дополненіемъ ст. 94 стоитъ дополненіе ст. 117. Здѣсь текстъ дополненъ указаніемъ, что „когда вице-губернаторъ заступаетъ мѣсто губернатора, тогда въ казенной палатѣ экономіи директоръ мѣсто занимаетъ поручика правителя". Эта поправка вызывалась необходимостью замѣнить кѣмъ либо вице-губернатора, разъ онъ не можетъ временно исполнять обязанности предсѣдателя казенной палаты [2]).

Другой слѣдъ первоначальнаго трехчленнаго дѣленія находится въ ст.ст. 13, 32 и 36 Учр., дозволяющихъ, въ зависимости отъ раз-

---

[1]) Д. Государ. Арх. р. X, № 32, гл. X, ст. 86 и гл. XI.
[2]) Д. Государ. Арх. р. XVI, № 377.

мѣровъ намѣстничества, учреждать нѣсколько верхнихъ земскихъ судовъ, губернскихъ магистратовъ и верхнихъ расправъ.

Что верхній земскій судъ предполагалось сперва сдѣлать не губернскимъ, а провинціальнымъ учрежденіемъ, на это, какъ отмѣчено выше, въ рукописи есть прямыя указанія. Относительно же губернскихъ магистратовъ видимо было колебаніе. Первоначально составъ ихъ проектировался слѣдующій: кромѣ предсѣдателя, сперва написано „десять" засѣдателей; потомъ „десять" зачеркнуто и надписано „пять"; „пять" снова зачеркнуто и надписано „шесть"; порядокъ назначенія—выборъ купцовъ и мѣщанъ губернскаго города. Очевидно, предполагался одинъ губернскій магистратъ. Но въ позднѣйшей редакціи (вторая рукопись) избирательный округъ расширенъ. Именно соотвѣтствующая статья (368) читается такъ: „Десять засѣдателей выбираются всякіе три года тѣми городами, кои составляютъ подсудное вѣдомство того губернскаго магистрата". Правда, здѣсь нѣтъ указаній на провинцію, но ясно, что губернскій магистратъ предполагается не одинъ. Однако эта редакція не вошла въ офиціальный текстъ закона. Она подверглась передѣлкѣ, и по смыслу Учрежденія засѣдателей губернскаго магистрата выбираютъ только жители губернскаго города. Отсюда неразрѣшимое противорѣчіе, какъ производить выборы, если губернскихъ магистратовъ въ намѣстничествѣ два [1]). Относительно верхнихъ расправъ въ рукописяхъ нѣтъ указаній, предполагалось ли ихъ сдѣлать провинціальными учрежденіями. Впрочемъ, вообще говоря, эти суды, повидимому, и не должны были быть въ каждой губерніи, такъ какъ существованіе ихъ обусловливалось наличностью въ данной мѣстности свободныхъ крестьянъ. Но во всякомъ случаѣ, законъ не былъ категориченъ и допускалъ возможность существованія въ одной губерніи нѣсколькихъ верхнихъ расправъ.

Такимъ образомъ, сопоставляя статьи закона съ вышеуказанными данными рукописей Учрежденія, едва ли будетъ ошибкою предположить, что первоначально Екатерина рисовала себѣ въ схематической формѣ такую картину судебныхъ учрежденій: въ центрѣ—высшее судилище, сенатъ, въ губерніи—2 палаты: уголовная и гражданская, общія для всѣхъ сословій, въ провинціи три отдѣльные суда для трехъ сословій, съ раздѣленіемъ каждаго изъ нихъ на 2 департамента: гражданскій и уголовный—верхній земскій судъ, губернскій

---

[1]) Д. Госудáр. Арх. р. X, № 32 и р. XVI, № 377.

магистратъ, верхняя расправа, а въ уѣздѣ и въ городѣ три низшіе суда: уѣздный судъ, нижняя расправа и городовой магистратъ — для каждаго сословія отдѣльно. Но при дальнѣйшей разработкѣ реформы, отказавшись отъ мысли о трехчленномъ дѣленіи и сохранивъ дѣленіе губерніи на области и провинціи лишь факультативно, Екатерина, по необходимости, должна была отнести суды второй инстанціи къ учрежденіямъ губернскимъ. Отсюда вышло на первый взглядъ непонятное изобиліе судовъ въ губернскомъ городѣ. Въ то же время, не желая окончательно отказаться отъ своей первоначальной идеи и учитывая будущее развитіе учрежденій, законодательница открываетъ возможность увеличенія числа судовъ второй инстанціи, въ зависимости отъ потребностей каждой отдѣльной мѣстности. Отвлеченный схематизмъ уступилъ мѣсто практическимъ соображеніямъ.

Въ связи съ трехчленнымъ административнымъ дѣленіемъ стоитъ организація управленія уѣздомъ, которая, судя по рукописи, предполагалась въ нѣсколько иной формѣ, чѣмъ въ учрежденіи 1775 г. По смыслу послѣдняго въ уѣздѣ полагаются два судебныя учрежденія: для дворянъ—уѣздный судъ, съ состоящею при немъ дворянскою опекою, и для свободныхъ крестьянъ—нижняя расправа; впрочемъ учрежденіе послѣдней факультативно, такъ что, строго говоря, въ уѣздѣ обязательно должно быть одно судебное мѣсто—уѣздный судъ.

Къ административнымъ уѣзднымъ учрежденіямъ слѣдуетъ отнести: нижній земскій судъ, съ капитаномъ-исправникомъ во главѣ, уѣздное казначейство, землемѣра и лекаря съ помощниками. Особнякомъ стоятъ стряпчій, какъ органъ надзора, и предводитель дворянства, какъ органъ сословнаго самоуправленія.

Изъ этого бѣглаго перечня видно, что во главѣ уѣзда поставлено судебное учрежденіе, и что въ уѣздѣ оказывается однимъ судомъ больше, чѣмъ надо. Правда, изъ текста закона сразу же видно, что нижній земскій судъ является судомъ только по названію, а функціи его чисто административныя, но вопросъ отъ этого не выигрываетъ въ ясности, зачѣмъ названо судомъ несудебное мѣсто.

Отвѣтъ даетъ первая полная рукопись Учрежденія. Изъ нея видно, что первоначально нижній земскій судъ долженъ былъ быть дѣйствительно судебнымъ учрежденіемъ. Административныя же функціи предполагалось возложить на „уѣзднаго надзирателя", назначаемаго губернаторомъ на три года. Должность эта положена въ VIII (IX) классѣ, и надзиратель состоитъ въ вѣдомствѣ правителя, т. е. губернатора,

а въ случаѣ его отсутствія — поручика правительской области. Непосредственно же онъ подчиненъ областному поручику правителя. Очевидно, проектируя уѣздныхъ надзирателей, Екатерина еще не отказалась отъ мысли о трехчленномъ административномъ дѣленіи и о подчиненіи средней территоріальной единицы-провинціи—областному вице-губернатору. Функціи уѣзднаго надзирателя касаются главнымъ образомъ охраненія порядка въ уѣздѣ, затѣмъ онъ вѣдаетъ охраненіе народнаго здравія, мѣры противъ эпизоотій и отводъ пастбищъ войскамъ. Обо всемъ случившемся въ уѣздѣ уѣздный надзиратель обязанъ увѣдомить нижній земскій судъ и областного поручика правителя. При уѣздномъ надзирателѣ (названномъ въ одномъ мѣстѣ рукописи комиссаромъ) полагается: докторъ, лекарь и 4 лекарскихъ ученика [1]).

Относительно нижняго земскаго суда, который въ первоначальной рукописи слагается изъ нижняго земскаго судьи и неопредѣленнаго числа засѣдателей (1, 2), слѣдуетъ отмѣтить, что, видимо, Екатерина колебалась сдѣлать его составъ выборнымъ. Встрѣчается въ одномъ мѣстѣ рукописи указаніе, что „уѣздные и нижніе земскіе судьи опредѣляются губернаторомъ“ [2]). На другомъ же листѣ читаемъ: „Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ, земскій судья опредѣляется намѣстническимъ правленіемъ изъ чиновныхъ людей [3]). Очевидно, позднѣе, рѣшивъ передать право выбора нижняго земскаго судьи дворянству, Екатерина колебалась, какъ быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ не окажется, и хотѣла замѣнить выборное начало назначеніемъ. Въ окончательной же редакціи, какъ извѣстно, восторжествовало среднее мнѣніе, и, за отсутствіемъ дворянъ, кандидатовъ намѣчала верхняя расправа.

Взаимныя отношенія уѣзднаго надзирателя, нижняго земскаго суда и уѣзднаго суда по рукописи остаются невыясненными. Во второй рукописи, представляющей собою переписанный экземпляръ первой въ той редакціи, на которой остановилась Екатерина, уѣздный надзиратель исчезаетъ. Его замѣняетъ земскій судья, которому присвоены административныя функціи. Но противорѣчіе, вѣроятно, слишкомъ бросалось въ глаза, и при исправленіи проекта вездѣ слово „судья“ было зачеркнуто, а надписано „исправникъ или капитанъ“. Однако,

---

[1]) Д. Госуд. Арх., р. XVI, № 32, листы 5 и 107.

[2]) Ibid., листъ 7.

[3]) Ibid., листъ 78.

исправникъ оставленъ во главѣ нижняго земскаго суда. Въ итогѣ въ текстѣ закона оказались двѣ рядомъ стоящія главы: 18-ая—„О должности нижняго земскаго суда" и 19-ая „О должности земскаго исправника или капитана". Казалось бы, разъ исправникъ—предсѣдатель нижняго земскаго суда, онъ не можетъ имѣть особыхъ функцій отъ этого послѣдняго, и, во всякомъ случаѣ, раздѣленіе главъ излишне. Но оно осталось, какъ ясный слѣдъ первоначальныхъ иныхъ плановъ такъ же, какъ осталось во главѣ уѣзда судебное учрежденіе—нижній земскій судъ, не имѣющее судебныхъ функцій.

Рукописный матеріалъ не проливаетъ достаточно свѣта, чтобы судить, какую именно форму должна была получить уѣздная администрація. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно предположить, что управленіе уѣздомъ должно было сосредоточиться въ рукахъ уѣзднаго надзирателя, а надзоръ за нимъ въ нижнемъ земскомъ судѣ. Но дальнѣйшаго развитія эта мысль не получила.

Косвенное указаніе на первоначальный судебный характеръ нижняго земскаго суда можно видѣть на вопросѣ объ апелляціи.

По офиціальному тексту учрежденія, уѣздная администрація въ лицѣ нижняго земскаго суда, съ капитаномъ-исправникомъ во главѣ, состоитъ подъ надзоромъ уѣздныхъ же судебныхъ учрежденій: уѣзднаго суда и нижней расправы, такъ какъ, на основаніи ст. 233, дѣйствія нижняго земскаго суда подлежатъ обжалованію въ 4-хъ недѣльный срокъ; по дѣламъ, представляющимъ только исполненіе предписаній другихъ учрежденій, жалобы подаются въ эти послѣднія, а по остальнымъ дѣламъ—въ уѣздный судъ, или, гдѣ его нѣтъ, въ нижнюю расправу.—Нѣкоторое сомнѣніе можетъ возбудить ст. 173, посвященная компетенціи верхняго земскаго суда. По смыслу ея, вѣдѣнію этого суда подлежатъ, въ порядкѣ апелляціоннаго производства, уголовныя и гражданскія дѣла дворянъ между собою, затѣмъ тѣ дѣла, гдѣ дворянинъ является отвѣтчикомъ, и частью дѣла разночинцевъ по жалобамъ на суды уѣздные и нижніе земскіе. Сопоставляя ст. 173 съ ст. 233, получаемъ, что нижній земскій судъ оказывается подъ апелляціею суда уѣзднаго, нижней расправы и верхняго земскаго суда. Но тогда возникаетъ вопросъ, какія жалобы на нижній земскій судъ идутъ въ верхній непосредственно? Отвѣтъ, очевидно, можетъ быть одинъ: непосредственно подъ апелляціею верхняго земскаго суда нижній земскій судъ состоитъ въ двухъ случаяхъ: когда онъ исполнялъ его повелѣнія, или по дѣламъ объ укрывательствѣ бѣглыхъ крестьянъ, такъ какъ, на основаніи ст. 229, просителю пре-

доставляется на выборъ судиться по этимъ дѣламъ въ нижнемъ земскомъ судѣ, въ уѣздномъ или въ нижней расправѣ; при этомъ въ законѣ прямо указано, что на дѣйствія нижняго земскаго суда по дѣламъ объ укрывательствѣ бѣглыхъ можно жаловаться въ уѣздный судъ или въ нижнюю расправу, но это не считается апелляціею.

Между тѣмъ въ первоначальной редакціи Учрежденія, судя по рукописи, ст. 173 и 233 не было. Статья же 172 читалась такъ: „Верхнему Земскому Суду подчинены уѣздные суды и нижніе земскіе суды его окружности". Здѣсь нижніе земскіе суды уравнены съ уѣздными. Въ связи съ этимъ постановленіемъ сперва и апелляція на рѣшенія нижняго земскаго суда допускалась только въ верхній земскій судъ, кромѣ дѣлъ объ укрывательствѣ бѣглыхъ, что и не считалось апелляціею, какъ указано въ ст. 229. Въ позднѣйшей же редакціи, когда выяснился административный характеръ нижняго земскаго суда, въ текстѣ Учрежденія появляется ст. 233, которая подчиняетъ его рѣшительно всѣмъ учрежденіямъ, подчеркивая его чисто исполнительный характеръ. Ясное указаніе, что первоначальная идея этого учрежденія была иная.

Отчасти въ связи съ трехчленнымъ административнымъ дѣленіемъ государства стоятъ тѣ модификаціи, которыя выдержало особое учрежденіе по дѣламъ сиротскимъ и опекунскимъ. Въ окончательной редакціи актъ 1775 г. знаетъ два такихъ учрежденія: дворянскую опеку при уѣздномъ судѣ и городовой сиротскій судъ при городовомъ магистратѣ. Но изъ рукописей видно, что далеко не сразу Екатерина нашла имъ мѣсто въ общей системѣ своихъ учрежденій. Въ первой рукописи встрѣчается указаніе на три учрежденія этого рода, соотвѣтственно тремъ сословіямъ: „При каждомъ уѣздномъ или окружномъ судѣ учреждается уѣздный сиротскій судъ, при каждой нижней народной расправѣ народный сиротскій судъ, при каждомъ городовомъ магистратѣ или ратушѣ—городовой сиротскій судъ" [1]). Уѣздный сиротскій судъ въ другихъ мѣстахъ названъ „дворянскимъ" [2]). Составъ его опредѣляется такъ: предсѣдатель—предводитель дворянства, члены: уѣздный судья и депутатъ отъ дворянства [3]).

Составъ городового сиротскаго суда слѣдующій: предсѣдатель—городской голова, члены—1 бургомистръ городового магистрата и го-

---

[1]) Д. Госуд. Арх., р. X, № 32, листъ 150.

[2]) Ibid., листы 116 и 143.

[3]) Ibid., листъ 141.

родской депутатъ [1]); въ другомъ мѣстѣ городской депутатъ замѣненъ 2 ратманами городового магистрата [2]).

Народный сиротскій судъ долженъ былъ получить, въ качествѣ предсѣдателя, расправнаго судью, а членами—двухъ депутатовъ по выбору селеній [3]).

Но позднѣе Екатерина измѣнила положеніе и составъ опекунскихъ учрежденій и, отбросивъ мысль объ особомъ сиротскомъ судѣ для крестьянъ, отнесла оба другіе къ учрежденіямъ провинціальнымъ. Дворянскій сиротскій судъ мы находимъ уже при верхнемъ земскомъ судѣ, а городовой при губернскомъ магистратѣ. Измѣненъ и составъ ихъ. „Въ дворянскомъ сиротскомъ судѣ, читаемъ въ рукописи, засѣдаетъ погодно уѣздный предводитель дворянства и по одному члену отъ каждаго департамента верхняго земскаго суда" [4]). Точно также и въ городовомъ сиротскомъ судѣ предсѣдателемъ остался городской голова, а членами явились члены каждаго изъ обоихъ департаментовъ губернскаго магистрата [5]).

Въ таковомъ видѣ опекунскія учрежденія вошли въ первый чистовой экземпляръ Учрежденія 1775 г., который выше названъ второю рукописью. Только названіе дворянскаго сиротскаго суда измѣнено на „дворянскую опеку".

Здѣсь они снова подверглись передѣлкѣ. Очевидно, отказавшись уже въ это время отъ мысли объ особой организаціи провинціи, Екатерина нашла, что недостаточно оставить одно опекунское учрежденіе для всего сословія на цѣлую губернію и volens-nolens вернулась къ своей первоначальной идеѣ — сдѣлать его учрежденіемъ уѣзднымъ. Дворянскую опеку она отнесла къ уѣздному суду, а городовой сиротскій судъ къ городовому магистрату [6]). Но такъ какъ эта передѣлка была произведена путемъ поправокъ чистового экземпляра, очевидно, второпяхъ, Екатерина не вездѣ исправила текстъ. Этимъ и объясняется противорѣчіе ст. 20 и 209 текста Учрежденія по полному собранію законовъ. По ст. 209 дворянская опека учреждается при верхнемъ земскомъ судѣ, а по смыслу другихъ статей при уѣздномъ. Ясный слѣдъ, что первоначально предполагалась иная

[1]) Д. Госуд. Арх., р. X, № 32, листъ 163.
[2]) Ibid., листъ 193.
[3]) Ibid., листъ 193.
[4]) Ibid., листъ 146.
[5]) Д. Госуд. Арх., р. XVI, № 377.
[6]) Д. Госуд. Арх., р. XVI, № 377.

постановка опеки. Но только разборъ рукописи уясняетъ это противорѣчіе.

Составъ дворянской опеки въ окончательной формѣ, получившей силу закону, приближается къ первоначальной редакціи: предсѣдатель въ обоихъ случаяхъ — уѣздный предводитель, а члены: въ обоихъ случаяхъ уѣздный судья и кромѣ того: первоначально—депутатъ отъ дворянства, а въ офиціальной версіи—засѣдатели уѣзднаго суда [1]).

Аналогично опекѣ составъ городового сиротскаго суда по полному собранію законовъ приближается къ первоначальной рукописи: предсѣдатель—городской голова, а члены: по рукописи—бургомистръ городового магистрата и городской депутатъ или 2 ратмана магистрата, а по утвержденному тексту закона: 2 члена городового магистрата и городовой староста [2]).

Такимъ образомъ изъ разбора рукописей Учрежденія о губерніяхъ можно приблизительно возстановить въ главныхъ чертахъ предполагавшуюся организацію провинціальнаго управленія.

Во главѣ провинціи вице-губернаторъ, съ не вполнѣ отчетливо выясненной компетенціей, какъ предсѣдатель или казеннаго приказа, или верхняго земскаго суда; казенный приказъ, какъ органъ финансоваго управленія. Верхній земскій судъ, губернскій магистратъ, верхняя народная расправа [3])—три судебныхъ учрежденія для каждаго изъ трехъ сословій, въ качествѣ второй инстанціи для судовъ низшихъ. При провинціальныхъ судебныхъ учрежденіяхъ три особыхъ учрежденія по дѣламъ сиротскимъ и опекунскимъ — сиротскіе суды. Всего семь учрежденій для каждой провинціи, судебныхъ и административныхъ.

Вглядываясь ближе въ тотъ матеріалъ, который представляютъ собою черновыя рукописи Учрежденія о губерніяхъ, можно уловить въ нихъ нѣкоторые контуры первоначальнаго плана этого акта.

Исходною точкою его было, повидимому, трехчленное административное дѣленіе всего государства на намѣстничества или губерніи, области или провинціи и уѣзды, параллельно съ городами.

Каждую изъ этихъ единицъ надо было снабдить особыми судебными и административными учрежденіями и одновременно приходилось

[1]) Учр. о губ., ст. 21 и 210.

[2]) Учр. ст. 31 и 294.

[3]) Кстати отмѣтимъ, что первоначально Екатерина называла обѣ расправы „народными“. Лишь исправляя переписанный экземпляръ Учрежденія, она повсюду зачеркнула эпитетъ „народныя“ и сохранила названія „верхняя“ и „нижняя“ расправа.

считаться съ сословнымъ духомъ времени. Отсюда строго сословная система судовъ первой и второй инстанціи, распредѣленныхъ по уѣздамъ, городамъ и провинціямъ. Уѣздные суды и нижнія расправы оказались въ уѣздахъ, городовые магистраты — въ городахъ. Верхніе земскіе суды, верхнія расправы и губернскіе магистраты — въ провинціяхъ. Къ нимъ, послѣ нѣкотораго колебанія, были присоединены особыя опекунскія учрежденія, также строго сословныя: дворянскіе, городовые и народные сиротскіе суды. Въ третьей инстанціи сословное начало исчезаетъ, и для цѣлой губерніи образовываются двѣ палаты, раздѣленныя уже не по сословіямъ, а по роду дѣлъ: одна для гражданскихъ дѣлъ, другая для уголовныхъ.

Здѣсь мы имѣемъ продуманную, почти схематическую систему судебныхъ учрежденій.

Далѣе надо было выдѣлить отъ общей администраціи органы финансоваго управленія. Губернія получаетъ казенную палату, провинція—областной казенный приказъ, уѣздъ—уѣздное казначейство.

Затѣмъ надо было организовать общую администрацію, обособивъ ее отъ суда и отъ органовъ спеціальнаго управленія, сохраняя въ то же время въ мѣстности единство и силу власти. Въ городѣ учреждается должность городничаго, въ уѣздѣ—уѣзднаго надзирателя, впослѣдствіи названнаго капитанъ-исправникомъ. Средняя территоріальная единица не получаетъ обще-административныхъ учрежденій. Роль областного поручика-правителя остается не выясненной. По одной версіи онъ—предсѣдатель верхняго земскаго суда, по другой — онъ стоитъ во главѣ областного казеннаго приказа. Во всякомъ случаѣ, не видно, чтобы ему предполагалось присвоить положеніе, аналогичное исправнику или городничему. Областного же правленія, въ родѣ губернскаго правленія, провинція не получаетъ. Отъ городничаго и исправника переходъ идетъ прямо къ губернскому правленію, съ всемогущимъ намѣстникомъ во главѣ. На первый взглядъ это какъ бы противорѣчіе. Но если вглядѣться внимательнѣе въ актъ 7-го ноября 1775 года, оно можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено.

Вся система Учрежденія построена на представленіи о губерніи, какъ единомъ, законченномъ цѣломъ. Во главѣ ея стоитъ губернское правленіе—органъ не столько прямого управленія, сколько единства власти и надзора за всѣми безъ исключенія учрежденіями. Генералъ-губернаторъ, по смыслу ст. 94, — стоитъ во главѣ губернскаго правленія, онъ отъ него не отдѣлимъ, а въ числѣ функцій генералъ-губернатора законъ перечисляетъ надзоръ за судебными учрежденіями

и исполненіе приговоровъ (ст. 85 и 86). Правда, статьи эти противорѣчатъ идеѣ отдѣленія суда отъ администраціи, которая отчетливо выражена въ ст.ст. 81 и 85, но фактъ тотъ, что права намѣстника въ области судебной не только не умалились въ позднѣйшихъ редакціяхъ, а скорѣе увеличились, свидѣтельствуетъ о желаніи законодателя создать изъ этой должности сильную объединяющую власть въ мѣстномъ управленіи.

Характернымъ примѣромъ того, какъ усиливалась власть намѣстника при постепенной выработкѣ текста Учрежденія, служитъ незначительная по внѣшности, но весьма важная по существу приписка нѣсколькихъ словъ въ ст. 86 [1]). Первоначальная редакція этой статьи обязываетъ намѣстника о всѣхъ случаяхъ пріостановки имъ исполненія судебныхъ приговоровъ доносить исключительно Государю. При пересмотрѣ же текстъ былъ измѣненъ, и установлена обязанность намѣстника доносить о такихъ случаяхъ сенату и лишь въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, Государю. Сохранись первоначальная редакція, намѣстники по самому существу дѣла не могли бы слишкомъ часто пользоваться правомъ пріостанавливать судебные приговоры, рискуя вызвать этимъ неудовольствіе монарха. А разъ они по закону обязаны были только доносить объ этомъ сенату, суды ставились всецѣло въ зависимость отъ администраціи.

Другой примѣръ мы имѣемъ въ ст. 91. На основаніи ея, намѣстникъ, пріѣзжая въ столицу, имѣетъ право засѣдать въ сенатѣ, какъ въ общемъ собраніи, такъ и въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ слушаются дѣла его губерніи. Опять-таки и эта послѣдняя оговорка внесена Екатериною въ видѣ поправки [2]). Такимъ образомъ съ очевидностью выступаетъ намѣреніе законодателя дать намѣстнику голосъ въ сенатѣ при рѣшеніи дѣлъ, въ которыхъ онъ заинтересованъ. Невольно вспоминается указъ Петра Великаго объ исключеніи изъ сената президентовъ коллегій: „....... сіе сначала не осмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ“ [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ поправки очень характерны, какъ доказа-

---

[1]) Учр. ст. 86 „Если-бъ въ судебномъ мѣстѣ опредѣлено было что несправедливо, то Государевъ Намѣстникъ можетъ оставить исполненіе, и доносить *Сенату, а во времени нетерпящихъ дѣлахъ* и Императорскому Величеству“. Слова, напечатанныя курсивомъ, приписаны рукою Екатерины на переписанномъ экземплярѣ Учрежденія (Д. Госуд. Арх., р. XVI, № 377).

[2]) Д. Госуд. Арх., р. XVI, № 377.

[3]) 12 янв. 1722 г. П. С. З., № 3877.

тельство того, насколько для самой Екатерины была не ясна идея отдѣленія суда отъ администраціи. Желаніе объединить все управленіе крупною территоріальною единицею въ рукахъ одного представителя центральной власти затемнило всѣ остальныя идеи, положенныя въ основу реформы.

Всѣ остальныя судебныя и иныя учрежденія идутъ, такъ сказать, подъ нимъ. Роль промежуточной территоріальной единицы—провинціи второстепенная, посредствующая; это, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ матеріаламъ, средняя инстанція, не имѣющая рѣшающей роли, которая остается на долю губерніи, и потому не нуждающаяся въ органѣ общей администраціи. Въ низшей же единицѣ, въ уѣздѣ и городѣ, администрація поставлена въ подчиненное положеніе — ея роль не объединять и руководить другими учрежденіями, а чисто служебная, исполнительная.

Такимъ образомъ въ планѣ учрежденія была выдержана система: администрація является ея началомъ и концомъ. На вершинѣ она объединяетъ все управленіе мѣстностью въ широкомъ смыслѣ, внизу—она объединяетъ все исполненіе.

Можно оспаривать правильность и цѣлесообразность этого плана съ какой угодно точки зрѣнія, но нельзя отказать ему въ извѣстной системѣ, даже, пожалуй, въ излишней схематичности.

Эта отвлеченная схематичность сказалась сейчасъ же, даже не при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью при введеніи реформы въ жизнь, а уже въ тотъ моментъ, когда началась ближайшая выработка текста самаго акта.

Первоначальная схема при всей ея стройности оказалась неудобной для государства съ столь разнообразными мѣстными особенностями.

Прежде всего отпала мысль объ особой организаціи провинціальнаго управленія [1]). Средняя территоріальная единица между губерніей и уѣздомъ исчезаетъ, какъ общее правило, сохраняясь факультативно въ видѣ исключенія. Исчезаетъ слѣдомъ за ней и областной казенный приказъ, но среднія судебныя мѣста остаются и, за отсутствіемъ провинціи, попадаютъ въ число губернскихъ учрежденій. Отсюда обиліе судебныхъ мѣстъ въ губернскомъ городѣ, бьющее въ глаза, если при изученіи Учрежденія 1775 г. ограничиваться однимъ офиціаль-

[1]) Здѣсь, очевидно, сказалось вліяніе новгородскаго губернатора Сиверса, который находилъ излишнимъ и обременительнымъ для казны создавать среднюю территоріальную единицу (Иловайскій, Соч., стр. 543).

нымъ текстомъ этого акта по полному собранію законовъ. Далѣе, не требовалось глубокаго всесторонняго знанія условій русской дѣйствительности, чтобы понять безполезность повсемѣстнаго введенія особыхъ судовъ для свободныхъ крестьянъ. Къ 1775 г. ихъ оставалось слишкомъ мало, и расправамъ нечего было бы дѣлать въ массѣ уѣздовъ. за отсутствіемъ подсуднаго населенія. Поэтому Екатерина сразу же сдѣлала ихъ учрежденіемъ факультативнымъ.

Въ связи съ отказомъ отъ расправъ, какъ обязательнаго для каждой мѣстности учрежденія, стоитъ отказъ отъ первоначальной идеи особаго народнаго сиротскаго суда. Мотивы здѣсь уловимы труднѣе, такъ какъ судъ этотъ могъ бы, подобно расправамъ, остаться учрежденіемъ факультативнымъ. Быть можетъ, въ этомъ вопросѣ съиграло роль соображеніе, что по дѣламъ объ опекѣ и о наслѣдствѣ крестьяне руководствовались не общими законами, а обычнымъ правомъ и не нуждались въ особомъ учрежденіи по дѣламъ опекунскимъ. Во всякомъ случаѣ, во второй рукописи недостаетъ третьяго звена въ цѣпи сословныхъ опекунскихъ учрежденій.

Такимъ образомъ уже въ самомъ началѣ, только приступивъ къ болѣе детальной разработкѣ задуманнаго акта, Екатерина должна была отступить отъ своего первоначальнаго нѣсколько схематическаго плана.

Дальнѣйшая выработка деталей еще увеличила число такихъ отступленій.

Выше уже было отмѣчено, что вся цѣпь мѣстныхъ учрежденій замыкалась внизу двумя административными органами, имѣвшими чисто исполнительныя функціи: въ городѣ—городничимъ, въ уѣздѣ—надзирателемъ. Но въ то время, какъ должность городничаго, за исключеніемъ сравнительно маловажной перемѣны его первоначальнаго названія „градоначальникъ" на „городничаго", не потерпѣла существенныхъ измѣненій, уѣздная администрація далеко не сразу вылилась въ окончательную форму.

Первоначальная идея Екатерины заключалась, повидимому, въ томъ, чтобы во главѣ уѣздной администраціи стояло должностное лицо по назначенію отъ правительства. Поэтому ея уѣздный надзиратель „назначается" правителемъ, а не выбирается населеніемъ. Въ то же время, вѣроятно, подъ вліяніемъ пожеланій, высказанныхъ въ Комиссіи 1767 г., а отчасти подъ вліяніемъ знакомства съ англійскимъ строемъ мѣстнаго управленія, у нея является иная идея—отдать уѣздную администрацію въ руки дворянства и поставить во главѣ уѣзда смѣ-

шанное административно-судебное учрежденіе. Отсюда замѣна надзирателя земскимъ судьей, по выбору дворянства и созданіе нижняго земскаго суда. Идея эта однако же была не ясна для самой Екатерины, такъ какъ изъ рукописей не видно, въ какую форму должны были отлиться взаимныя отношенія нижняго земскаго судьи и суда. Отчасти можно думать, что судъ предполагалось сдѣлать органомъ надзора надъ земскимъ судьею, но позднѣе оба слились въ одно учрежденіе, сохранивъ названіе суда, а по характеру своему превратившись въ органъ чисто административный, при чемъ земскій судья перемѣнилъ названіе на капитанъ-исправника.

Въ учрежденіи нижняго земскаго суда мы имѣемъ другой характерный образчикъ борьбы отвлеченнаго схематизма съ требованіями дѣйствительности. Логика противополагала нижній земскій судъ верхнему и требовала подчиненія послѣднему перваго. Первоначально, какъ указано выше, Екатерина такъ и сдѣлала. Это было понятно, если бы нижній земскій судъ остался въ дѣйствительности судебнымъ мѣстомъ. Но разъ онъ сдѣлался судомъ только по названію, а на дѣлѣ превратился въ чисто административное учрежденіе, нельзя было оставить его въ исключительномъ подчиненіи одному изъ сословныхъ судовъ второй инстанціи. Кромѣ того, разъ отпала особая организація провинціи, и суды второй инстанціи перешли въ разрядъ учрежденій губернскихъ, было бы и непрактично отдалять апелляціонную инстанцію, перенося ее въ губернскій городъ. Поэтому въ окончательной редакціи нижній земскій судъ, разъ онъ дѣйствуетъ въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія, состоитъ подъ апелляціею уѣзднаго суда и нижней расправы.

Въ итогѣ первоначальный планъ учрежденія потерпѣлъ рядъ сильныхъ измѣненій, въ ущербъ отвлеченному схематизму, такъ что въ офиціальной редакціи акта почти невозможно уловить систему мѣстныхъ учрежденій, задуманную Екатериной, не говоря уже о противорѣчіяхъ между отдѣльными статьями закона, совершенно не объяснимыхъ безъ знакомства съ рукописями.

Въ то же время рукописный матеріалъ, относящійся къ Учрежденію 1775 г., даетъ возможность отмѣтить другую, въ высшей степени характерную черту—почти безграничную вѣру въ силу механической организаціи учрежденій. Съ какимъ тщаніемъ, послѣ сколькихъ колебаній устанавливался составъ почти каждаго изъ нихъ! Приведенный выше примѣръ губернскаго магистрата является далеко не единственнымъ. Составъ едва ли не каждаго изъ многочисленныхъ присутствен-

ныхъ мѣстъ переживалъ въ большей или меньшей степени тѣ же модификаціи, прежде чѣмъ получилъ офиціальную санкцію. Эта черта тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что совершенно не видно большею частью мотивовъ, заставлявшихъ мѣнять составъ учрежденій. Комбинаціи цифръ не поддаются анализу. Между тѣмъ, рядомъ со статьями, посвященными составу учрежденій и подвергавшимися неоднократнымъ передѣлкамъ, статьи, опредѣляющія ихъ компетенцію, и въ особенности правила дѣятельности, сразу написаны почти на-бѣло. Естественно напрашивается выводъ, что авторъ весь центръ тяжести работы видѣлъ именно въ болѣе или менѣе удачномъ подборѣ состава учрежденій. Положеніе членовъ присутственныхъ мѣстъ, ихъ права, функціи, все это казалось второстепеннымъ. На первый планъ выдвигается вопросъ, изъ кого будетъ состоять данное учрежденіе? Въ этомъ вопросѣ Екатерина шла въ уровень съ вѣкомъ, предвосхищая до нѣкоторой степени идеи позднѣйшихъ представителей механической теоріи государства, но во всякомъ случаѣ, черта эта очень характерна, какъ подтвержденіе вліянія на нее и во второмъ періодѣ „легисломаніи" идей западно-европейской политической доктрины.

Владиміръ Григорьевъ.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ [1]).

7. Послѣднее время существованія Тайной Канцеляріи и ея уничтоженіе.

I.

Въ январѣ 1725 года умеръ Петръ Великій, а черезъ годъ съ небольшимъ Тайная Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія фактически перестала существовать, слившись съ отживавшимъ тогда уже свой вѣкъ Преображенскимъ Приказомъ. Если передача Тайной Канцеляріи въ завѣдованіе Ромодановскому осуществилась только въ срединѣ 1726 года, то гораздо ранѣе начался процессъ ея постепеннаго умиранія.

По другому поводу мы уже имѣли случай (см. 5-ый очеркъ) упомянуть объ эпизодѣ, который произошелъ въ 1719 году между Ушаковымъ и Ромодановскимъ. Я позволю себѣ привести цѣликомъ письмо Ушакова, съ которымъ этотъ послѣдній обратился къ князю Ромодановскому. Письмо это помѣчено 10-ымъ іюля 1719 года и приложено къ дѣлу: „Государь мой князь Иванъ Ѳедоровичъ! писалъ Ушаковъ,— въ нынѣшнемъ 1719 году въ іюнѣ мѣсяцѣ Царское Величество указалъ по именному своему величиствія указу, какъ изволилъ быть на Котлинѣ острову, по докладу дѣйствительнаго тайн. сов. кав. П. А. Толстого по канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, ежели впредь будутъ вновь какія дѣла касаться о здоровьѣ его высокомонаршей чести и другія подобныя тому и оныя, чтобъ примать вашему сіятельству, и, что̀ принадлежитъ, исполнять по правамъ его царскаго величества. А сего іюня 10 дня прислано изъ Казани отъ вице-губернатора господина

[1]) *Окончаніе.* См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

Кудрявцева съ капитаномъ Осипомъ Ивинымъ 2 человѣка доносителей: дому казанскаго архіерея подъячіе Петръ Степановъ, Ѳедоръ Золотаревъ, да другихъ колодниковъ 11 человѣкъ, до которыхъ касаютца важные царскаго величества дѣла о умыслѣ на его царское величество, которыхъ, какъ людей такъ и присланные объ нихъ письма, благоволи принять и указъ учинить по его царскаго величества указу. Вашего сіятельства рабъ Андрей Ушаковъ" [1]). Въ это время Ромодановскій находился въ Петербургѣ. Изъ приведеннаго письма ясно, что въ іюнѣ 1719 года послѣдовалъ какой-то указъ Петра „по Тайной Канцеляріи", которымъ всѣ дѣла о здоровьи и чести царской передавались изъ вѣдѣнія Тайной Канцеляріи въ Преображенскій Приказъ; однако, въ приводимомъ изложеніи Ушакова указъ этотъ неясенъ и туманенъ. Въ сентябрѣ того же 1719 года кн. Ромодановскій уѣзжаетъ изъ Петербурга и передаетъ это дѣло опять Тайной Канцеляріи, опять „по именному царскаго величества указу" „для розыска и учиненія указу" [2]). Позволимъ себѣ предполагать, что тутъ проглядываетъ попытка Толстого сбросить съ Тайной Канцеляріи всякія мелкія дѣла о здоровьи и чести, которыя начали въ нее стекаться изъ провинціи скорѣе обычаемъ, чѣмъ вслѣдствіе какого либо указа или распоряженія объ этомъ. Такъ впервые мелькаетъ желаніе Толстого развязаться съ Тайной Канцеляріей въ томъ ея видѣ, который мало по малу она начала пріобрѣтать, все болѣе занимаясь незначительными дѣлами противъ двухъ пунктовъ. И если въ этомъ году Толстому не удалось провести до конца своего намѣренія, то мысль о немъ, очевидно, его не покидаетъ. Въ другихъ условіяхъ началъ работать Толстой въ Тайной Канцеляріи: государственной, первостепенной важности дѣла проходили тогда черезъ Канцелярію и составляли основной предметъ ея вѣдѣнія; слишкомъ привыкъ Толстой къ большому, широкому размаху въ своей дѣятельности, чтобы онъ могъ послѣ этого заняться и удовольствоваться розысками по незначительнымъ дѣламъ о непристойныхъ словахъ разныхъ сумасбродныхъ и пьяныхъ людей; для этого существовалъ Преображенскій Приказъ и кн. Ромодановскій. Когда въ сентябрѣ 1723 года Ромодановскій опять проводитъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, Ушаковъ опять не принимаетъ колодниковъ въ Тайную Канцелярію, присланныхъ Девіеромъ, и отправляетъ ихъ Ромодановскому, мотивируя тѣмъ, „что

[1]) Г. А., VII, № 29 (карт. I. № 12).

[2]) Ibidem.

таковыхъ надлежитъ отсылать въ Преображенскую Канцелярію“ [1]), т. е., видимо, выдвигая на сцену вышеприведенный указъ 1719 года. Въ тотъ же годъ, съ другой стороны, когда кн. Ромодановскій добился, чтобы дьякъ Вас. Казариновъ и у него въ Преображенскомъ Приказѣ былъ „у важныхъ дѣлъ“, то, пользуясь такимъ случаемъ, Тайная Канцелярія „опредѣляетъ“ (опредѣленіе подписываютъ Толстой и Ушаковъ): всѣ дѣла слѣдованныя Казариновымъ въ Москвѣ по Тайной Канцеляріи тоже передать въ Преображенскій Приказъ [2]); такимъ образомъ и здѣсь Толстой стремится уклоняться по мѣрѣ возможности отъ дѣлъ, передавая ихъ Ромодановскому. Однако, какъ мы знаемъ, въ 1722 году Тайная Канцелярія была какъ бы сравнена съ Преображенскимъ Приказомъ, именно въ возложеніи на нее, равно съ Преображенскимъ Приказомъ, розыска всѣхъ возникавшихъ въ Россіи дѣлъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, дѣлъ въ огромной своей массѣ очень малозначительныхъ. Значитъ, нами выше констатированныя попытки Толстого настоящаго успѣха не имѣли; между тѣмъ какъ, благодаря указу 1722 года, наоборотъ, началось усиленное заполненіе дѣлопроизводства Тайной Канцеляріи именно тѣми самыми дѣлами, отъ которыхъ всячески старался Толстой отдѣлаться. Такъ дѣло шло до 15-го января 1724 года. Волей-неволей Толстому и Ушакову приходилось возиться въ Тайной Канцеляріи съ разными мелочными дѣлами: дѣлъ настоящей государственной важности въ ней уже не было; мелкія, ничтожныя дѣла всецѣло заполонили ея дѣлопроизводство. Съ этого, видимо, времени опредѣленно и окончательно Тайная Канцелярія стала для Толстого обузой, отъ которой онъ теперь просто стремится совсѣмъ избавиться.

15-го января 1724 года послѣдовалъ слѣдующій указъ Петра: „всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій и прочая, и протчая, и протчая, будучи въ зимнемъ Его Величества домѣ въ Вышнемъ Судѣ, указалъ по именному своему величиствія указу: слѣдующіяся въ Тайной Розыскной Канцеляріи дѣла важныя рѣшить, а вновь, подобно прежде бывшимъ, колодниковъ и дѣлъ присылаемыхъ ни откуда не примать, понеже оставшія за рѣшеніемъ дѣла отослать въ Правительствующій Сенатъ и съ подъячими; а секретарю Топилскому быть при прежнихъ рекрутныхъ дѣлахъ, откуда онъ взятъ былъ“. Подъ этимъ указомъ

---

[1]) Г. А., VII, № 179.
[2]) Г. А., VII, № 164.

9*

скрѣпа: „отъ гвардіи маэоръ Ушаковъ“ [1]). Такимъ образомъ была наконецъ достигнута цѣль: Тайную Канцелярію велѣно ликвидировать и распустить; Тайная Канцелярія этимъ указомъ предназначалась къ немедленному уничтоженію. Отвѣчая Ушакову на его извѣщеніе объ этомъ указѣ, Толстой писалъ ему изъ Москвы 27-го января того же 1724 года: „паки вамъ, мой государь, съ великой моей радостью благодарствую, что изволилъ меня цидулкою увѣдомить о указѣ императорскаго величества, что въ Тайную Канцелярію вновь дѣлъ и колодниковъ принимать не велѣно и прежнія важныя дѣла рѣшить, а оставшія и съ подъячими отослать въ Сенатъ; того ради васъ, моего государя, прилежно прошу оный его величества указъ немедленно исполнить,... и которыя важныя дѣла рѣшатся и останутся у насъ, тѣ, мнится мнѣ, надлежитъ положить въ Архивъ,... а прочія съ подлинною описью отослать въ Сенатъ“ [2]). Однако дѣло не идетъ такъ скоро, какъ того хочется Толстому; въ письмѣ отъ 4-го февраля Ушаковъ отвѣчалъ: „объ отсылкѣ дѣлъ въ Сенатъ, хотя у насъ указъ записанъ, и многихъ присылаемыхъ колодниковъ не принимаемъ, токмо еще изъ Сената къ намъ указу не прислано“ [3]). Толстой на это писалъ Ушакову: „объ отсылкѣ дѣлъ въ Сенатъ я уповаю, что вы, мой государь, потрудитесь скоряйше *отъ той тягости свободить меня и себя*,... а ежели *за безсчастіе наше скоро канцелярія наша съ насъ не сымется*, то, мнится мнѣ, не безопасно намъ будетъ онаго (одного оставшагося дѣла) не слѣдовать“ [4]). Изъ подчеркнутыхъ фразъ Толстого съ чрезвычайной ясностью видно, какъ въ это время Толстой относился къ своему положенію главы Тайной Канцеляріи, а потому онъ и стремился всячески отъ нея отдѣлаться возможно скорѣе. Однако надо было ждать. Ушаковъ писалъ, что „о принятіи въ Правительствующій Сенатъ не рѣшенныхъ здѣсь по Тайной Канцеляріи дѣлъ и колодниковъ доношеніе подано; и, хотя о томъ стараніе имѣемъ, однако же ничего тамо не учинено на наше требованіе; прикажи, государь, въ Сенатѣ справиться, записанъ ли у нихъ именной указъ, а Павлу Ивановичу Его Императорское Величество имянно о томъ приказывалъ“ [5]). Толстой отвѣчаетъ, что „о томъ я справливался; и хотя указъ именной записанъ, но не ясно: токмо, чтобъ при Сенатѣ учинить для

---

[1]) Г. А., VII, № 6 (карт. 3, кн. им. ук. № 1).
[2]) Г. А., VII, № 103 (л. 267—268).
[3]) Г. А., VII, № 8 (5).
[4]) Г. А., VII № 8 (5) (л. 19).
[5]) Ibidem.

тайныхъ розыскныхъ дѣлъ контору, а имянно о нашей Тайной Канцеляріи ниже о колодникахъ не упомянуто; однакожъ я о томъ сенаторамъ прилежно говорилъ, чтобы тое канцелярію съ нашихъ рукъ сняли, и обѣщаютъ то учинить; а нынѣ буду домогаться, чтобъ дѣла по Тайной Канцеляріи, которыя имѣются въ Москвѣ, велѣли бы принять въ Сенатъ, и тѣмъ бы уже начало пріему учинили; о колодникахъ, которые въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ, также объ Орловѣ и Поповѣ буду стараться, чтобъ ихъ съ нашихъ рукъ сняли" [1]).

Такимъ образомъ дѣло затягивалось. Сенатъ, умышленно или неумышленно, но, очевидно, тянулъ всячески. Толстой въ послѣднемъ приведенномъ письмѣ совершенно вѣрно указываетъ, что именной указъ записанъ неясно, что о Тайной Канцеляріи въ этой записи нѣтъ ничего, кромѣ упоминанія ея въ заглавіи. Позволяю себѣ привести цѣликомъ эту запись, какъ мы ее находимъ въ подлинныхъ сенатскихъ книгахъ именныхъ указовъ. Озаглавленъ этотъ указъ такъ: „О канторѣ при Сенатѣ, Тайной Канцеляріи и маэорскихъ"; самый же указъ записанъ такъ: „чтобъ при Сенатѣ учинить кантору розыскныхъ дѣлъ, также особливую палату, гдѣ для случающихся дѣлъ чрезвычайныхъ—и первое, когда какой розыскъ будетъ въ Сенатѣ,—то дѣла оныя тамъ будутъ; а другое мѣсто—для такихъ дѣлъ, какъ Шафирово случилось; но сему мѣсту быть безъ служителей, но когда случай позоветъ, тогда на время брать". Указъ этотъ помѣченъ 13-го января 1724 года [2]). Нельзя прежде всего не обратить вниманія на то, что даты не сходятся: указъ, данный Ушакову о ликвидаціи дѣлъ Тайной Канцеляріи, былъ данъ 15-го января, а запись сенатскаго указа датируется 13-го января; получается впечатлѣніе, что тутъ въ сущности былъ не одинъ, а два разновременныхъ указа. Съ другой стороны, очевидна сразу большая неполнота и неловкость сенатской записки; Толстой же въ своемъ письмѣ, очевидно, говоритъ именно объ этой запискѣ, такъ что есть основаніе полагать, что указъ въ сущности былъ одинъ, но записанный разными лицами (Ушаковымъ и Ягужинскимъ), записанный у Ягужинскаго явно неточно, а у Ушакова очевидно неполно, слышанный, вѣроятно, этими лицами въ разные дни (13-го и 15-го января); это-то въ результатѣ и возбуждаетъ то недоумѣніе, которое заставляетъ предполагать существованіе двухъ указовъ. Попытаемся же на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ и соображеній возможно реконструировать,

[1]) Г. А., VII, № 8 (5).
[2]) С. А., кн. им. ук., № 26, л. 59.

что собственно Петръ имѣлъ въ виду сдѣлать въ этомъ своемъ указѣ 13-го—15-го января 1724 г.

Несомнѣнно, одну часть указа составляло именно то, что было записано Ушаковымъ, т. е. было повелѣно Тайной Канцеляріи бывшія уже у нея въ производствѣ важныя дѣла оканчивать, новыхъ дѣлъ болѣе не принимать, а все остающееся вмѣстѣ съ подьячими отправить въ Сенатъ, секретаря же отправить обратно къ рекрутскимъ дѣламъ, т. е. была опредѣленно указана ликвидація дѣятельности Канцеляріи съ передачей дѣлъ въ Сенатъ; а въ Сенатѣ (и эту-то только часть указа записываетъ Ягужинскій) повелѣно было основать для такихъ дѣлъ „Контору розыскныхъ дѣлъ" съ „особливой палатой", о которой, къ сожалѣнію, трудно себѣ уяснить, что она должна была собой точно представлять; кромѣ того, еще должно было быть устроено „другое мѣсто" „для такихъ дѣлъ какъ Шафирова"; что это за „другое мѣсто", остается изъ записи тоже совершенно неяснымъ. Итакъ, очевидно, былъ какъ-никакъ формулированъ и началъ приводиться въ исполненіе по волѣ Петра планъ реорганизаціи, въ части, по крайней мѣрѣ, преслѣдованія государственныхъ преступленій. По этому плану все дѣло по преслѣдованію передавалось въ руки Сенату, при которомъ спеціально для этой цѣли образовывалось особое учрежденіе: „Контора розыскныхъ дѣлъ" и какая-то „особливая палата"; вмѣстѣ съ этимъ Тайная Канцелярія должна была ликвидировать свои важныя дѣла, а остатокъ дѣлъ и приказныхъ людей (кромѣ секретаря) передать въ Сенатъ, очевидно, въ эту вновь при Сенатѣ установляемую „Контору"; о Преображенскомъ Приказѣ при этомъ, кажется, забыли.

Насколько же все это, однако, представлялось смутнымъ и неопредѣленнымъ съ самаго начала современникамъ и исполнителямъ, мы только что сейчасъ видѣли; очевидно, только одно было ясно и желательно для Толстого: возможность поскорѣе избавить себя отъ Тайной Канцеляріи. А у Сената, видимо, не было никакой охоты разбираться въ этихъ неясностяхъ и неточностяхъ и задавать себѣ новую работу съ организаціей этой самой „конторы", потому дѣло впередъ не двигалось, не смотря на понуканія со стороны Толстого: ему „обѣщали" „прилежно стараться" и этимъ пока ограничивались.

Однако жизнь шла, не останавливаясь, и волей-неволей Сенату скоро приходится вновь столкнуться съ вопросомъ о дѣлахъ „важныхъ и тайныхъ", съ вопросомъ о томъ, кто же и гдѣ ихъ долженъ былъ слѣдовать.

Въ началѣ этого же 1724 года кн. Голицынъ присылаетъ изъ Москвы дѣла и колодниковъ по „слову и дѣлу" въ Тайную Канцелярію. Эта послѣдняя „опредѣляетъ" 19-го марта того же года дѣлъ не принимать, а все отослать въ Сенатъ, согласно указу 15-го января 1724 г. Опредѣленіе это подписываетъ Ушаковъ. Итакъ все дѣло попадаетъ въ Сенатъ во второй половинѣ марта. По смыслу нами приведеннаго, записаннаго въ книгу указа, дѣло это должно было поступить въ эту предположенную къ учрежденію „Контору Розыскныхъ дѣлъ". Однако, выходитъ совсѣмъ не такъ. 27-го апрѣля изъ Сената Тайной Канцеляріи шлется длинный указъ по этому дѣлу. Изложивъ вкратцѣ самое дѣло, Сенатъ далѣе разсуждаетъ такъ: онъ сопоставляетъ три указа,—одинъ 1722 года объ отсылкѣ всѣхъ дѣлъ изъ провинціи по „слову и дѣлу" въ Тайную Канцелярію или въ Преображенскій Приказъ, другой—указъ „апрѣля 29 дня", чтобы быть въ Преображенскомъ между прочимъ „государственнымъ дѣламъ", и третій—новый указъ Тайной Канцеляріи: ни откуда никакихъ колодниковъ не принимать,—и Сенатъ рѣшаетъ изъ этого сопоставленія все данное дѣло „отослать для изслѣдованія и учиненія указа въ Преображенскій Приказъ" [1]).

Только три мѣсяца назадъ изданный именной указъ Петра, занесенный въ книги, уже забытъ, или нарочно пренебреженъ и обойденъ, не смотря на прямое напоминаніе объ немъ, сдѣланное въ приводимомъ „опредѣленіи" Тайной Канцеляріи. Эта забывчивость, въ связи съ упорствомъ Сената въ принятіи дѣлъ отъ Тайной Канцеляріи, свидѣтельствуетъ, что Сенатъ просто не желалъ брать на себя лишнюю обузу въ видѣ конторы розыскныхъ дѣлъ, всячески весьма рѣзко уклонялся отъ этого указа и дѣлалъ видъ, что забываетъ объ его существованіи. При такомъ положеніи дѣла совершенно понятно, что ликвидація дѣлъ Тайной Канцеляріи безнадежно затягивалась.

Между тѣмъ практика, которую предписалъ Сенатъ своимъ указомъ, видимо, принимается Тайной Канцеляріей къ исполненію, именно: когда въ томъ же 24 году полковникъ фонъ-Денъ присылаетъ въ Тайную Канцелярію на имя Ушакова подпрапорщика „о важномъ Его Императорскаго Величества дѣлѣ", то Тайная Канцелярія „опредѣлила" не принимать этого дѣла, указывая, что надо эти дѣла отправлять въ Преображенскій Приказъ, по рѣшенію Сената [2]). Мы знаемъ,

[1]) См. Г. А., VII, № 189.
[2]) Г. А., VII, № 190.

что такая практика была совершенно въ духѣ Толстого, какъ мы видѣли, уже давно стремившагося сваливать дѣла на Преображенскій Приказъ. Какъ бы то ни было, но принимать дѣла далѣе Тайная Канцелярія совершенно отказывается, каждый разъ составляя особое „опредѣленіе" объ отказѣ въ пріемѣ вслѣдствіе указа 15-го января 1724 года [1]).

Такъ продолжается весь годъ. Однако, видимо, дѣло не обходилось безъ исключеній. Въ сентябрѣ 24-го года Ушаковъ получаетъ слѣдующее письмо отъ Румянцева: „Государь мой Андрей Ивановичъ! Его Императорскаго Величества указомъ, будучи въ Москвѣ, отданъ мнѣ арестантъ города Серпухова житель... Шапошниковъ, который и нынѣ содержитца въ полковой нашей канцеляріи подъ арестомъ, и я объ немъ Его Величеству докладывалъ, и Его Величество изволилъ указать онаго Шапошникова отдать къ вамъ; того ради извольте, государь мой, приказать его Шапошникова принять въ свое вѣдомство и при случаѣ объ немъ Его Величеству доложить" [2]). Дѣло это нѣсколько курьезно по своему содержанію: этотъ Шапошниковъ поднесъ Петру въ день его рожденія въ церкви два калача; Петръ принялъ подарокъ и позвалъ его къ себѣ во дворецъ, гдѣ Шапошниковъ сталъ порицать нюханье табаку; Петръ, разсердившись на это и заподозрѣвъ въ Шапошниковѣ раскольника, отправилъ его подъ арестъ и для изслѣдованія дѣло передалъ вышеприведеннымъ письмомъ Тайной Канцеляріи [3]). Изъ этого не трудно заключить, что дѣло лично занимало самого Петра. Конечно, отъ такого дѣла Тайная Канцелярія отказаться не могла, точнѣе—не смѣла, и провела слѣдованіе по нему обычнымъ порядкомъ. Въ этомъ еще разъ напослѣдокъ вновь промелькнула тенденція Петра считать Тайную Канцелярію личнымъ учрежденіемъ для порученій.

Такимъ образомъ въ послѣдній годъ царствованія Петра положеніе Тайной Канцеляріи являлось чрезвычайно страннымъ, неустойчивымъ, какимъ-то промежуточнымъ. Съ одной стороны, былъ ясно и вполнѣ опредѣленно поставленъ вопросъ объ ея уничтоженіи, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ указомъ Императора и было велѣно приступить къ постепенной ликвидаціи ея дѣятельности; съ другой стороны, эту ликвидацію всячески и настойчиво тормозилъ Сенатъ, да и

[1]) См. Г. А., VII. № 192, 112, 191 и др.

[2]) Г. А., VII, № 188.

[3]) См. idem.

Петръ, видимо, самъ считалъ допустимымъ все-таки поручать Канцеляріи, хотя и рѣдко, нѣкоторыя дѣла. Такова была неопредѣленность и невыясненность въ положеніи Тайной Канцеляріи, когда въ январѣ 1725 года неожиданно умираетъ Петръ и на престолъ вступаетъ Екатерина.

II.

Со вступленіемъ на престолъ Екатерины положеніе Тайной Канцеляріи первые мѣсяцы, видимо, остается такое же неопредѣленное: это уже прежде всего видно изъ того, что дѣла въ ней то принимаются, то не принимаются со ссылкой въ послѣднемъ случаѣ на указъ 1724 года; подмѣтить въ этомъ какой-либо руководящій принципъ трудно.

Въ 1725 году новгородскій воевода пишетъ о неправильностяхъ, которыя были допущены при присягѣ купеческими людьми Новгорода. Тайная Канцелярія начинаетъ дѣло, пишетъ запросъ въ Главный Магистратъ; Магистратъ подробно отвѣчаетъ, доказывая, что никакихъ неправильностей не произошло. Разсмотрѣвъ объясненіе Магистрата, Тайная Канцелярія рѣшаетъ, что присяга была принесена правильно, и дѣлаетъ замѣчаніе воеводѣ, что онъ неосмотрительно поступилъ и только доставилъ Канцеляріи напрасное „утружденіе“ [1]). Немного послѣ Синодъ присылаетъ въ Канцелярію доношеніе изъ Астрахани объ одномъ попѣ, который будто радовался смерти Петра Великаго. Канцелярія протокольнымъ постановленіемъ рѣшаетъ отправить объ этомъ указъ астраханскому губернатору, чтобы тотъ все дѣло изслѣдовалъ и со своимъ мнѣніемъ прислалъ все слѣдствіе въ Тайную Канцелярію. Мы знаемъ, сколь подобный порядокъ производства дѣлъ былъ несвойственъ Тайной Канцеляріи при жизни Петра. Астраханскій губернаторъ поступаетъ согласно указу Канцеляріи, присылая въ Канцелярію весь слѣдственный матеріалъ и свою предположительную резолюцію о наказаніи попа. Тайная Канцелярія въ протокольной формѣ утверждаетъ эту резолюцію, и шлется указъ въ Астрахань объ исполненіи наказанія [2]).

Такимъ образомъ, несомнѣнно, Тайная Канцелярія иногда принимаетъ обычныя дѣла такъ, какъ это было до указа 1724 года; однако съ другой стороны, иногда эти дѣла Канцелярія продолжала не при-

---

[1]) Г. А., VII, № 207.

[2]) Г. А., VII, № 201.

нимать, ссылаясь на указъ 1724 года. Когда въ ноябрѣ 1725 года были присланы изъ старорусской ратуши пакеты и колодники „по тайнымъ дѣламъ", то Канцелярія ихъ не принимаетъ, подробно мотивируя, что „понеже въ прошломъ 722 году апрѣля въ 28 числѣ по именному указу блаж. вѣч.-дост. пам. Его Имп. Величества хотя и повелѣно злодѣевъ и протчихъ по дѣламъ ихъ колодниковъ изъ городовъ присылать, не разспрашивая, въ Тайную Канцелярію или въ Преображенскій приказъ за крѣпкимъ карауломъ, но потомъ въ 1724 году генваря 15 дня Его же Импер. Величество имяннымъ указомъ въ Тайную Канцелярію колодниковъ и дѣлъ присылаемыхъ изъ губерній принимать не велѣно, а отсылать бы ихъ въ Преображенскую Канцелярію" [1]). Когда въ 1726 году Артемій Волынскій присылаетъ изъ Пензы солдата-извѣтчика, Тайная Канцелярія опять отказываетъ въ пріемѣ этого дѣла, ссылаясь опять на указъ 1724 г. и еще на указъ Сената отъ 27-го апрѣля, нами приведенный выше [2]).

Если дѣло поступало по личному желанію и повелѣнію Императрицы, то тутъ Тайная Канцелярія принимала и „слѣдовала", конечно, безпрекословно; а такіе случаи въ 1725 году бывали; при этомъ какъ бы забывался указъ 1724 года о ликвидаціи дѣлъ Канцеляріи, что представляется совсѣмъ неудивительнымъ со стороны Екатерины, разъ мы имѣли случай видѣть, что и самъ Петръ какъ бы забывалъ о своемъ же указѣ. Въ 1725 году такъ поступаетъ въ Канцелярію дѣло о полковникѣ Ергольскомъ. Кабинетъ-секретарь Макаровъ прислалъ „указомъ Ея Величества" маленькую записку, въ которой извѣщалъ, что Ергольскій въ Москвѣ при двухъ сенаторахъ осмѣлился сказать: „съ чего де мнѣ то взять, какъ писать титулъ Ея Императорскаго Величества!" Слѣдованіе объ этихъ словахъ Макаровъ, по указу, поручалъ Тайной Канцеляріи. Ергольскій содержится въ заключеніи, а Канцелярія ведетъ допросы разныхъ свидѣтелей, начиная съ присутствовавшихъ при этомъ сенаторовъ (гр. Матвѣевъ и Дмитріевъ-Мамоновъ); показанія складываются для Ергольскаго очень благопріятно, и Тайная Канцелярія опредѣленіемъ обычной формы (за подписью Толстого и Ушакова) признаетъ Ергольскаго невиновнымъ [3]). Около того же времени бывшій въ Россіи нѣкій капуцинъ Хризологъ возбудилъ какія-то подозрѣнія въ Екатеринѣ, и Ягужинскій запиской

---

[1]) Г. А., VII, № 83.
[2]) Г. А., VII, № 210.
[3]) Г. А., VII, № 205.

объявляетъ Тайной Канцеляріи указъ Императрицы объ арестованіи Хризолога со спутниками его и объ учиненіи обыска и слѣдствія надъ ними. Канцелярія спѣшитъ исполнить непосредственный указъ Верховной Власти и приступаетъ къ слѣдованію; но лишь только выясняется, что ничего въ этомъ дѣлѣ интереснаго нѣтъ, видимо, Толстой спѣшитъ подъ благовиднымъ предлогомъ сбыть его съ своихъ рукъ, и, вѣроятно, по докладу Императрицѣ дѣлается „опредѣленіе" Тайной Канцеляріи о передачѣ всего дѣла въ Синодъ архіепископу Ѳеофилакту, чтобы этотъ послѣдній и доложилъ о немъ Императрицѣ по полномъ окончаніи слѣдствія. Однако Ѳеофилакту и Синоду, видимо, это совсѣмъ не понравилось, и по докладу Ѳеофилакта дѣло опять было повелѣно „отослать въ Тайную Канцелярію", какъ это излагаетъ Синодъ въ указѣ своемъ Тайной Канцеляріи. Дѣлать было нечего, приходилось дѣло принять вновь и продолжать его слѣдствіемъ. Все дѣло это, кажется, началось съ доноса какого-то архимандрита Аѳанасія, который обвинялъ нѣкіихъ католическихъ монаховъ въ склонности къ великому князю Петру Алексѣевичу и въ желаніи съ нимъ тайно видѣться. Совершенно понятно, что подобнаго рода свѣдѣнія должны были волновать Екатерину и обращать на себя вниманіе. — Продолживъ слѣдованіе немного далѣе, Тайная Канцелярія (вѣрнѣе Толстой) опять опредѣляетъ указомъ дѣло отправить въ Синодъ, который въ свою очередь, кое-что разслѣдовавъ, вновь возвращаетъ Тайной Канцеляріи, которая уже теперь прямо дѣлаетъ опредѣленіе о высылкѣ капуциновъ „за рубежъ немедленно", чѣмъ дѣло и кончается [1]). Изъ этого дѣла можно заключить, что хотя Толстой и имѣлъ прямой указъ Императрицы, онъ все-таки настойчиво стремился, подъ благовиднымъ предлогомъ, сбыть дѣло это въ какое-либо другое учрежденіе.

Однако, у насъ есть одно дѣло, которое Тайная Канцелярія приняла по указу Сената въ мартѣ 1725 года безъ всякихъ препирательствъ и „слѣдовала" съ большимъ усердіемъ. Никакихъ стремленій къ уклоненію подмѣчать тутъ не приходится. Канцелярія Синода прислала въ Москву въ Сенатъ о „важномъ дѣлѣ" монаха Самуила по поводу нѣкоторыхъ непристойныхъ словъ. „Оставшіе члены" Сената въ Москвѣ запросили о направленіи этого дѣла у Сената въ Петербургѣ, и Сенатъ рѣшилъ дѣло это передать Тайной Канцеляріи (3-го марта 1725 г.). Эта послѣдняя безъ всякихъ пререканій опре-

---

[1]) Г. А., VII, № 201.

дѣляетъ дѣло принять и начать розыскъ. По дѣлу обвинялся нѣкто Выморковъ въ томъ, что называлъ Петра антихристомъ, бранилъ его и даже въ письмѣ одномъ, у него найденномъ, съ бранью проклиналъ Петра. Дѣло запутывалось многочисленными оговорами Выморкова; идутъ энергичные, безчисленные допросы, очныя ставки и пытки. Въ результатѣ была изъ дѣла сдѣлана „выписка" и представлена Ушаковымъ Императрицѣ для постановленія приговора [1]).

Остается не совсѣмъ яснымъ, что побудило въ данномъ дѣлѣ Толстого столь ревностно взяться за его „слѣдованіе"; начато оно было не по прямому указу Императрицы, а съ указомъ Сената вѣдь и спорить было можно, или, по крайней мѣрѣ, попытаться отъ себя передать дѣло куда-нибудь въ другое мѣсто, какъ то было, при слѣдованіи дѣла о капуцинахъ. Къ сожалѣнію, причины такого исключительнаго выдѣленія даннаго дѣла изъ общей тенденціи остаются неясными.

Надо замѣтить, во всякомъ случаѣ, что общее число дѣлъ, поступившихъ въ Тайную Канцелярію, въ царствованіе Императрицы Екатерины I крайне ничтожно (3 — 4 дѣла); кромѣ того, всѣ эти дѣла все-таки вступали особеннымъ образомъ, а не обычнымъ порядкомъ (по указу 722 г.), т. е. какъ будто опять подорвались тѣ зачатки правильности функціонированія учрежденія, которые начали опредѣленно проглядывать въ дѣятельности Тайной Канцеляріи къ концу Петровскаго царствованія; и вновь порученіе начало выступать на первый планъ.

Въ общемъ дѣлопроизводство Канцеляріи въ царствованіе Екатерины мало измѣняется въ своемъ существѣ; однако, все-таки происходятъ нѣкоторыя перемѣны болѣе или менѣе значительныя для учрежденія. — Императрица сама не присутствовала никогда въ Тайной Канцеляріи; теперь уже верховная власть не входила въ дѣла Канцеляріи такъ близко и непосредственно, какъ то дѣлалъ Петръ; того личнаго контроля, который постоянно имѣлъ Петръ по отношенію къ Канцеляріи и ея министрамъ, теперь не существовало; и, конечно, министры отъ этого почувствовали себя уже полными и окончательными хозяевами и вершителями дѣлъ въ Тайной Канцеляріи. При Екатеринѣ устанавливается порядокъ доклада ей дѣлъ посредствомъ „экстрактовъ", иногда докладываемыхъ лично однимъ изъ министровъ; повидимому, это былъ единственный способъ взаимоотношенія

[1]) Г. А., VII, № 198.

Императрицы и Тайной Канцеляріи. До насъ дошло нѣсколько такихъ экстрактовъ дѣлъ Канцеляріи, представленныхъ Императрицѣ; на одномъ изъ нихъ мы имѣемъ указъ за подписью (вѣрнѣе скрѣпою) Толстого; очевидно, въ этомъ случаѣ Толстой экстрактъ докладывалъ лично [1]). Результаты такихъ докладовъ записывались въ такомъ видѣ: „1725 году іюля въ 30 день Ея величество (титулъ)... изволила слушать три экстракта, сочиненные въ тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи: 1) по дѣлу ростриги Степана Выморкова... (въ чемъ дѣло состоитъ:)... 2) о письмѣ неизвѣстному... (подробности дѣла); 3) по дѣлу же Выморкова... (подробности дѣла);... и изъ оныхъ по первому Ея Императорское Величество указало учинить: Выморкова казнить; Антипу Щеглова, Захарія Игнатьева по наказанью съ выниманіемъ ноздрей послать въ вѣчную каторжную работу въ Рогервикъ, Ивана Щеглова—въ старцы и въ крѣпкій монастырь; по второму пункту экстрактъ оставленъ въ кабинетѣ Ея Величества; по третьему — слѣдовать“. Подписано это: „отъ гвардіи маэоръ Ушаковъ“ [2]). Впрочемъ, иногда по старому отсылали дѣла для резолюціи въ Сенатъ; напримѣръ, слѣдственный матеріалъ по дѣлу новгородскаго архіепископа Ѳеодосія Канцелярія „предлагаетъ для разсужденія“ Сенату [3]).

Ко времени царствованія Екатерины относится не безынтересный эпизодъ изъ сношеній Канцеляріи съ Сенатомъ; въ этомъ эпизодѣ можно видѣть опредѣленное и ясно сознанное уже существованіе той тенденціи, которая черезъ какихъ-либо десять-пятнадцать лѣтъ сдѣлала изъ Тайной Канцеляріи чуть не самое могущественное, въ извѣстномъ смыслѣ, учрежденіе правительственнаго механизма тогдашней Россіи. Въ концѣ 1724 года генералъ-фискалъ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ, чтобы ему было разрѣшено требовать къ себѣ на разсмотрѣніе дѣла „по фискальскимъ и доносителевымъ доношеніямъ“, хотя бы дѣла эти и были „вершены“. Слѣдуя этому представленію, Сенатъ даетъ соотвѣтственный указъ Тайной Канцеляріи. Мы уже имѣли случай видѣть, что отношеніе въ то время Тайной Канцеляріи къ Сенату было отношеніемъ явнаго подчиненія. Между тѣмъ, въ отвѣтъ на этотъ сенатскій указъ Тайная Канцелярія рѣшаетъ, что „понеже въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ имѣются, кромѣ интересныхъ дѣлъ по доношеніямъ фискальскимъ и доносителевымъ, государ-

[1]) Г. А., К. П. II, кн. 81, л. 52—54.
[2]) Г. А., VII, № 198 (л. 388).
[3]) Г. А, К. П., II, кн. 81, л. 56.

ственныя важныя секретныя вершеныя дѣла, приличныя къ первымъ двумъ пунктамъ; и таковыхъ вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ къ генералу-фискалу Тайная Канцелярія отдавать не смѣетъ, понеже о секретѣ и о важности оныхъ многимъ вѣдать не подлежитъ, отчего, по мнѣнію оной канцеляріи, можетъ не безъ вредности государственной быть, и о томъ изъ Сенату требовать указу; а интересныя вершеныя дѣла, какія имѣются, по требованію его, генерала-фискала, къ нему отдавать, и о томъ въ Правительствующій Сенатъ подать репортъ" [1]).

Такъ Канцелярія начинала считать важнымъ и никому не могущимъ быть новѣреннымъ,—даже такому большому лицу, какъ генералъ-фискалъ,—секретъ производства по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. Съ этого времени ясно и уже вполнѣ опредѣленно такого рода дѣла стали облекаться особой таинственностью, особымъ значеніемъ. Такъ къ концу дѣятельности Петровской Тайной Канцеляріи выкристаллизировалась та тенденція, которая отнынѣ будетъ лежать въ теченіе XVIII вѣка въ основѣ всякаго учрежденія, вѣдающаго государственныя преступленія, и будетъ управлять всей дѣятельностью учрежденія, ставя это послѣднее до нѣкоторой степени выше и внѣ всего общаго строя государственныхъ учрежденій. А между тѣмъ прошелъ всего годъ, и самой Тайной Канцеляріи уже не существовало: она была присоединена къ Преображенской Канцеляріи указомъ 28-го мая 1726 года.

Если еще при жизни Петра Толстому не удалось сбросить съ себя эту „тягость", если его попытки въ этомъ направленіи тогда разбились о нежеланіе другихъ, то теперь, когда Толстой сталъ вліятельнѣе, сдѣланная имъ вновь попытка удалась, такъ какъ и способъ при томъ онъ избралъ болѣе простой и удобный: всю Канцелярію просто передать въ вѣдѣніе кн. Ромодановскаго.

28-го мая 1726 года послѣдовалъ слѣдующій указъ Императрицы:

Указъ тайному дѣйствительному совѣтнику господину графу Толстому.

Понеже Тайная Канцелярія Блаженныя и Высокославныя памяти при Его Императорскомъ Величествѣ нашемъ вселюбезнѣйшемъ супругѣ и Государѣ въ прошломъ 1718 году учинена была на время для случившихся тогда чрезвычайныхъ тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и хотя тому подобныя дѣла и нынѣ случаются, однако не такъ важныя,

[1]) Г. А., VII, № 203 (л. 3).

и больше бываютъ такія дѣла у тайнаго дѣйствительнаго совѣтника господина князя Рамодановскаго, того для по полученіи сего нашего указу вышеупомянутую тайную канцелярію, которая и нынѣ еще въ вашемъ вѣдѣніи, съ дѣлами и съ приказными служителями отдайте въ вѣдѣніе помянутому тайному дѣйствительному совѣтнику князю Рамодановскому.

У подлиннаго Ея Императорскаго Величества Именнаго указа подписано собственною Ея Величества рукою тако:

„Екатерина“ [1]).

Этотъ указъ записанъ въ указной книгѣ Канцеляріи въ копіи съ припиской внизу: „поданъ 30-го дня мая 1726 году“ [2]). Протоколъ же послѣдняго до насъ дошедшаго дѣла по Тайной Канцеляріи помѣченъ 29 мая [3]). Такимъ образомъ можно съ извѣстной положительностью утверждать, что въ первыхъ числахъ іюня 1726 года дѣятельность Тайной Канцеляріи заканчивается. Если же принять во вниманіе, что докладъ о полной, окончательной ликвидаціи всѣхъ оставшихся вершеныхъ дѣлъ былъ уже 17-го іюня утвержденъ Императрицею [4]), то можно полагать къ первому іюля 1726 года Тайную Канцелярію фактически исчезнувшей изъ ряда государственныхъ учрежденій тогдашней Россіи, а юридически окончательно присоединенной къ Преображенскому Приказу.

Остановимся немного подробнѣе на указѣ 28-го мая. Онъ данъ былъ на имя Толстого, могущество котораго въ это время какъ разъ было въ зенитѣ; поэтому, кажется, возможно допустить, что и этотъ указъ въ его формулировкѣ былъ сочиненъ самимъ Толстымъ; такимъ образомъ въ немъ мы встрѣчаемся, до извѣстной степени, съ выраженіемъ взглядовъ и мнѣній Толстого. Если принять эту возможность, то отсюда можно сдѣлать нѣкоторые небезынтересные выводы; во-первыхъ,—ясное и опредѣленное увѣреніе, что Тайная Канцелярія являлась учрежденной „на время“, т. е. была чисто временной мѣрой, предпринятой,—какъ далѣе въ указѣ и объяснено,—„для случившихся *тогда чрезвычайныхъ* тайныхъ розыскныхъ дѣлъ“; во-вторыхъ, если теперь Тайная Канцелярія теряетъ свой raison d'être, то именно въ силу того, что, „хотя тому подобныя дѣла и нынѣ слу-

---

[1]) Г. А., VII, № 130 (л. 150).
[2]) Г. А., VII, № 6 (ч. II).
[3]) Г. А., VII, № 214.
[4]) Г. А., VII № 6 (ч. II).

чаются, *однако не такъ важныя*".—Такимъ образомъ въ пониманіи человѣка, стоявшаго во главѣ Тайной Канцеляріи съ самаго ея основанія и до ея уничтоженія, учрежденіе это являлось только чисто временной мѣрой—и не болѣе. Сознанія всеподавляющей важности „подобныхъ дѣлъ" у Толстого еще не было, или, точнѣе, онъ полагалъ совершенно возможнымъ и достаточнымъ поручить эту важность Ромодановскому. Передъ взоромъ Толстого Тайная Канцелярія еще не предстояла въ видѣ такого нормальнаго государственнаго, необходимаго учрежденія съ неограниченными въ извѣстномъ отношеніи полномочіями, какимъ немного лѣтъ спустя стала Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ въ рукахъ стараго сотрудника Толстого — „отъ гвардіи маэора" Ушакова.

Мы уже упомянули, что въ срединѣ іюня 1726 г. Императрицѣ былъ представленъ докладъ о распредѣленіи всѣхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи,—вершеныхъ и невершеныхъ. По резолюціямъ Екатерины на этомъ докладѣ дѣла Канцеляріи были распредѣлены слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, дѣла примыкающія къ дѣлу царевича,—дѣло суздальское и кикинское,—уже, конечно, вершеныя,—велѣно было „запечатать печатьми" всѣхъ „министровъ", а также „нашею кабинетною печатью" и отдать „въ Архивъ въ Коллегію Иностранную". Во-вторыхъ, „секретныя дѣла разныя", которыя уже изслѣдованы и рѣшены, отослать, „такожъ запечатавъ", „въ архивъ въ иностранную коллегію съ реестромъ"; нѣкое „особливо рѣшенное дѣло" о синодскомъ секретарѣ Герасимѣ Семеновѣ повелѣно было, „осмотря, сжечь". Въ-третьихъ, дѣло ревельское адмиралтейское было приказано отправить въ адмиралтейство; дѣло же объ астраханскомъ оберъ-комендантѣ Чириковѣ приказано отослать въ воинскую коллегію. Въ результатѣ—невершеныхъ дѣлъ оставалось въ Тайной Канцеляріи къ данному моменту только одно секретное дѣло—о бывшемъ архимандритѣ Ѳедосѣ, — да еще, повидимому, въ подозрѣніи были сочиненія архимандрита Кондоидія „о доходѣхъ церковныхъ". Было повелѣно дѣло Ѳедоса „отослать" къ Ромодановскому, а „листы сочиненія Кондоидіева прислать въ Кабинетъ". Кромѣ всего этого не были завершены окончательно производствомъ 12 дѣлъ „интересныхъ и по прошеніямъ", которыя было повелѣно передать частью въ Сенатъ, частью въ ревизіонъ-контору [1]). Такимъ образомъ не трудно видѣть, что въ наслѣдство Преображенскому Приказу отъ Тайной Канцеляріи остался

[1]) Г. А., VII, № 6 (ч. II).

только одинъ обрывокъ одного дѣла о Ѳедосѣ—и больше рѣшительно ничего. Этотъ фактъ, какъ и весь выше нами приведенный ходъ ликвидаціи дѣлъ Тайной Канцеляріи, достаточно свидѣтельствуетъ, что тутъ фактически произошла не передача учрежденія изъ вѣдѣнія одного начальника, Толстого, въ вѣдѣніе другого начальника, Ромодановскаго, какъ то можно было ожидать согласно указу, а произошло просто полное уничтоженіе, полная ликвидація Тайной Канцеляріи, какъ учрежденія; съ 1726 года учрежденія Тайной Канцеляріи не стало. И заключеніе это приходится принять окончательно, если обратить вниманіе на то, какъ были ликвидированы имущественныя дѣла Канцеляріи. Наличныя деньги, оставшіяся въ Канцеляріи, было велѣно прислать въ Кабинетъ; тѣ же Кикинскія лавки въ Москвѣ, которыя были въ завѣдываніи Тайной Канцеляріи, должны быть проданы „съ торгу охочимъ людемъ", а деньги, отъ продажи вырученныя, присланы въ Кабинетъ. А 19-го сентября 1726 года Кабинетъ распорядился, чтобы все движимое и денежное имущество Тайной Канцеляріи передать Соляной Конторѣ, Петербургской и Московской, о чемъ и посылаются соотвѣтственные указы [1]). 12-го сентября того же года рекрутная канцелярія (о связи которой съ Тайной Канцеляріей мы говорили въ предыдущемъ очеркѣ) „и съ служителями сообщена въ военную коллегію" по указу Императрицы [2]). И отъ 12-го же сентября находимъ въ дѣлахъ Кабинета „доношеніе" изъ Тайной Канцеляріи о томъ, что надлежащія дѣла „положены обще въ одинъ сундукъ ради указного запечатанія и для постановленія въ Архивъ Иностранной Коллегіи и нынѣ имѣются въ томъ Архивѣ" [3]). Ликвидація, видимо, шла съ достаточной быстротой.

Такъ въ 1726 году закончила свое существованіе Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ, просуществовавъ немного болѣе восьми лѣтъ. Просмотръ дѣлопроизводства Преображенскаго Приказа за время, непосредственно слѣдующее послѣ передачи (какъ мы видѣли, чрезвычайно условно понятой) дѣлъ Канцеляріи убѣждаетъ въ полной незамѣтности этой передачи для теченія дѣлъ Приказа. Сколько можно было прослѣдить по дѣлопроизводству, рѣшительно нигдѣ и никакихъ слѣдовъ нельзя уловить, чтобъ съ конца 1726 года къ Преображенскому Приказу было присоединено какое либо новое учрежденіе. Значитъ,

[1]) Г. А., К. П., II, кн. 81 (л. 129 об).
[2]) Г. А., К. П., II, кн. 81 (л. 75).
[3]) Г. А., К. П., II, кн. 81 (л. 73—74).

и съ этой стороны получается полное подкрѣпленіе нами высказанной уже мысли, что Тайная Канцелярія была подвергнута полной ликвидаціи, полному упраздненію; и если говорить о какой либо передачѣ ея въ вѣдѣніе Ромодановскому, то можно только говорить о передачѣ компетенціи ея, о передачѣ правомочій Тайной Канцеляріи Ромодановскому; вотъ какъ, повидимому, былъ исполненъ и понятъ указъ 1726 года о передачѣ Тайной Канцеляріи кн. Ромодановскому. Самое же учрежденіе: „Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ“ было совершенно уничтожено.

Такъ закончила свое существованіе въ 1726 году Петровская Тайная Канцелярія.

Мы заканчиваемъ наши очерки по исторіи Тайной Канцеляріи Петровскаго времени. Мы возможно подробно ознакомились съ этимъ учрежденіемъ и съ исторіей его краткаго существованія, въ теченіе всего восьми лѣтъ съ небольшимъ (1718—1726).

Явившись какъ нѣчто временное и случайное, въ хаосѣ, царившемъ въ десятыхъ годахъ XVIII столѣтія среди нашихъ государственныхъ установленій, не успѣвъ выработаться въ дѣйствительно прочное учрежденіе, Тайная Канцелярія исчезаетъ съ горизонта быстро и рѣшительно въ теченіе одного года, какъ это и подобаетъ временному случайному учрежденію; а такимъ оставалась Тайная Канцелярія все время ея существованія въ глазахъ какъ Петра Великаго, такъ и первенствующаго министра ея, графа Толстого.

Какова бы ни была точка зрѣнія Петра и Толстого на Тайную Канцелярію, какъ бы ни думали и ни хотѣли они ее считать чисто случайнымъ, временнымъ учрежденіемъ и соотвѣтственно этому обращаться съ Канцеляріей, однако, для историка остается яснымъ и несомнѣннымъ, что, во-первыхъ, въ царствованіе Петра впервые пришлось подчинить производство дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ особымъ учрежденіямъ и, во-вторыхъ, даже создать впервые учрежденіе, *исключительно* этому посвященное; и тѣмъ болѣе это является знаменательнымъ, что все это произошло какъ бы мимовольно, даже прямо противъ желанія какъ Петра, такъ и лицъ, ближайше вѣдавшихъ Канцелярію. Дѣйствительно, личная воля этихъ послѣднихъ какъ будто настояла на своемъ; Тайная Канцелярія была сочтена временнымъ, случайнымъ учрежденіемъ; она должна была подъ суровой рукой Петра, впослѣдствіи подъ усиліями Толстого,

уничтожиться, исчезнуть; исторія ея кратковременнаго существованія, какъ мы только что говорили, имѣетъ опредѣленный видъ только случайнаго эпизода, и таковымъ была она дѣйствительно для Петровскаго царствованія. Однако, мы можемъ видѣть тутъ присутствіе чего-то болѣе сильнаго, болѣе мощнаго, чѣмъ даже непреклонная личная воля Петра и его сподвижниковъ; это „что-то“, болѣе властное, чѣмъ самъ могучій Петръ, заставило простой эпизодъ Петровскаго царствованія пріобрѣсти значеніе для хода исторіи Россіи въ XVIII в. Съ одной стороны, волей Петра и Екатерины, распорядительностью и энергіей Толстого въ 1726 г. Тайная Канцелярія исчезаетъ съ горизонта, замѣняясь отчасти Преображенскимъ Приказомъ, который тоже торжественно уничтожается въ 1729 году; а съ другой стороны, ровно черезъ 3½ года послѣ уничтоженія Тайной Канцеляріи и черезъ годъ (если не менѣе) послѣ паденія ея преемника—Преображенскаго Приказа, Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія вновь создается, создается по образу и подобію Канцеляріи Петровскаго времени, съ однимъ изъ министровъ Петровской Канцеляріи во главѣ, и создается какъ прочное, постоянное государственное учрежденіе съ опредѣленнымъ кругомъ компетенціи и дѣятельности. Такимъ образомъ то, что Петръ стремился считать лишь случаемъ, отдѣльнымъ эпизодомъ своего царствованія, на дѣлѣ оказалось органической потребностью строя Россіи XVIII в., въ созданіи котораго такую огромную роль сыгралъ именно Петръ. Въ этомъ и состоитъ большое симптоматическое значеніе, остающееся за Петровской Тайной Канцеляріей; изъ этого-то и проистекаетъ интересъ ея изученія: въ ея исторіи можно видѣть и найти зачатки всего того, что далѣе, въ теченіе всего XVIII вѣка, генетически стало уже выраженіемъ насущной потребности строя.

Попробуемъ намѣтить въ краткихъ чертахъ эти зачатки будущаго, поскольку они выяснились въ дѣятельности Тайной Канцеляріи за Петровское время. Мы уже отмѣтили, что въ царствованіе Петра впервые государственныя преступленія поручаются особымъ учрежденіямъ, а изъ нихъ Тайная Канцелярія является первымъ учрежденіемъ, въ концѣ концовъ спеціально и исключительно занятымъ преступленіями государственными; мы наблюдали (см. 5-ый очеркъ), какъ постепенно складывался кругъ вѣдѣнія Тайной Канцеляріи и какъ къ 1724—1725 г. онъ сложился окончательно, именно въ этомъ видѣ. Такимъ образомъ намѣчается первый—и существеннѣйшій—результатъ случайнаго эпизода Петровскаго царствованія: вырабатывается фактически совершенно особенное учрежденіе, долженствующее въ ско-

ромъ времени занять прочное и вліятельное положеніе среди другихъ учрежденій Россіи XVIII столѣтія. Имѣется, кажется, возможность пойти немного далѣе, можно будетъ даже полагать, что въ Петровское время въ основныхъ чертахъ были уже окончательно выработаны главнѣйшія основы этого учрежденія.

За время дѣятельности Петровской Канцеляріи оказывается возможнымъ подмѣтить тѣ правовыя и обычныя нормы, которыя вырабатывались во время дѣятельности Канцеляріи, и которыя легли въ основу правосознанія будущей Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ. Мы въ свое время стремились отмѣтить, какъ наростало и формировалось въ Канцеляріи понятіе о „важности" въ связи съ требованіемъ „таинственности" и въ связи съ возникновеніемъ новаго понятія о „вредности государственной". Если вся эта идеологія являлась еще крайне туманной, не вылившейся въ болѣе или менѣе точно опредѣленныя формы, если эта опредѣленность была уже дѣломъ будущаго,—однако, основные зачатки всего этого уже находятся въ исторіи Петровской Канцеляріи. Мы имѣли случай говорить о томъ высокомъ, нѣсколько исключительномъ положеніи, которое заняла, или точнѣе иногда занимала, Тайная Петровская Канцелярія въ концѣ Петровскаго царствованія; Канцелярія Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ въ этомъ отношеніи только довела до конца и твердо проводила въ своей дѣятельности то, что въ Петровское время лишь смутно зародилось. Особенное положеніе среди другихъ вѣдомствъ, ближайшее положеніе относительно Императора и поэтому нѣкоторая изолированность отъ общей системы государственныхъ учрежденій Россіи,—все это, какъ мы видѣли, уже начало проглядывать, особенно въ послѣдніе годы, въ дѣятельности Петровской Тайной Канцеляріи и все это составляло существеннѣйшія черты позднѣйшей Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ.

Итакъ, Петровская Тайная Канцелярія являлась прямой и непосредственной родоначальницей, — и по внѣшней формѣ и по всему внутреннему существу ея,—Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріи, учрежденной въ 1730 году, перваго въ Россіи спеціальнаго постояннаго установленія, исключительно посвященнаго борьбѣ съ государственными преступленіями.

В. Веретенниковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Къ исторіи науки положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ.

Въ области исторіи государственной науки во Франціи достаточно разработана исторія политическихъ ученій, содержавшихъ въ себѣ общую теорію новой, возникшей на развалинахъ феодализма государственности, критику монархическаго абсолютизма и развитіе проблемы политической свободы. Нельзя сказать того же объ исторіи науки положительнаго государственнаго права Франціи до-революціонной эпохи, или вѣрнѣе,—до-революціонныхъ эпохъ. Въ послѣднемъ направленіи сдѣлано весьма мало; можно даже сказать, что почти совсѣмъ нѣтъ разработки соотвѣтственныхъ вопросовъ.

Такое положеніе дѣла представляется страннымъ. Общеизвѣстенъ вѣдь и общепризнанъ фактъ, что непосредственными сотрудниками французскихъ королей въ процессѣ образованія единаго централизованнаго государства новаго времени были легисты. Вполнѣ естественно было предполагать, что эти люди, воспитанные въ духѣ строгаго юридическаго мышленія, должны были въ своей литературной дѣятельности примѣнять юридическія категоріи къ той государственности, образованію и укрѣпленію которой они практически содѣйствовали. Указанное предположеніе, соотвѣтствовавшее, кстати сказать, дѣйствительности, должно было повести отъ изученія исторіи легистовъ къ историческому же изученію науки положительнаго государственнаго права до революціи. Однако такая органическая, такъ сказать, послѣдовательность въ постановкѣ и разработкѣ соотвѣтственныхъ научныхъ проблемъ не установилась въ спеціальной литературѣ. Причина этого коренится въ общей постановкѣ политическаго изученія до-революціоннаго прошлаго. Постановка эта была односторонняя. Старые порядки изуча-

лись въ видахъ морально-политическаго обличенія или же, напротивъ, въ видахъ реакціоннаго ихъ превознесенія надъ новымъ строемъ; наибольшая степень объективнаго безпристрастія въ изслѣдованіи вела къ тому, чтобы выдѣлить въ старыхъ порядкахъ тѣ начала, которыя могли быть и были восприняты новымъ политическимъ строемъ. На послѣднюю точку зрѣнія сталъ извѣстный политическій историкъ легистовъ А. Барду (*A. Bardoux*, Les légistes, leur influence sur la société française. Paris, 1877).

Барду различаетъ два верховныхъ блага общежитія: равенство и свободу. Осуществленіе ихъ было дѣломъ революціи, но подготовленіе умовъ къ ихъ воспріятію шло различными путями. Въ идеѣ равенства воспитывали французовъ легисты, въ идеѣ политической свободы литераторы (hommes de lettres); первые дѣйствовали съ XIII вѣка, вторые выступили въ XVIII столѣтіи и въ своихъ стремленіяхъ къ новому идеалу политической свободы оперлись, какъ на нѣчто данное, на ту идею равенства, которую успѣли внѣдрить въ народную психику легисты. Движеніе соціальное, бывшее дѣломъ легистовъ, предупредило, говоритъ Барду, движеніе политическое, бывшее дѣломъ литераторовъ и философовъ. Подъ равенствомъ, развитіе котораго вмѣняется въ заслугу легистамъ, Барду понимаетъ ту общественную нивелировку, которую проводитъ единое централизованное государство и абсолютная монархическая власть, разрушая феодализмъ и уничтожая его переживанія. Съ юридической точки зрѣнія нивелировка эта сводится къ упраздненію того смѣшенія публичныхъ и частныхъ началъ, на которомъ было построено феодальное, или ленное право. То движеніе къ равенству, о которомъ говоритъ Барду, заключалось въ установленіи единой централизованной государственной власти, собравшей разсыпанную храмину феодальнаго властвованія, и затѣмъ въ подчиненіи лицъ и имуществъ формально уравнивающему принципу частнаго, или гражданскаго права. Эти двѣ стороны дѣла и изслѣдовалъ Барду, охарактеризовавъ соотвѣтственную дѣятельность легистовъ, какъ движеніе общественное и „духъ управленія“ (l'esprit de gouvernement), предварившій „духъ политическій“ (l'esprit politique). Но этимъ однако не исчерпывалась дѣятельность легистовъ. Они не ограничивались формулированіемъ одного лишь исходнаго принципа единства и централизованности власти, но давали юридическое выраженіе по возможности всѣмъ сторонамъ государственнаго устройства, при чемъ останавливались въ особенности на взаимоотношеніи короля и сословій и выясненіи специфической природы правъ монарха на исключительное безу-

словное властвованіе; идя по этому пути, легисты догматизировали въ юридическомъ смыслѣ государственное устройство и создавали такимъ образомъ науку положительнаго государственнаго права своего времени. Эту сторону дѣятельности легистовъ Барду исключилъ изъ своего изслѣдованія, и исключилъ вполнѣ сознательно,—на томъ основаніи, что публичноправная догматика легистовъ не была построена на идеѣ политической свободы. Духъ чистаго легизма (l'esprit légiste seul), говоритъ Барду, повергъ бы насъ въ концѣ концовъ въ бездну механически-рабскаго подчиненія (dans un servilisme mécanique), и потому построенная въ этомъ духѣ публичноправная догматика была признана не заслуживающей изученія.

Можно согласиться съ тѣмъ, что Барду былъ правъ съ своей точки зрѣнія. Но въ то же время нельзя отрицать, что его точка зрѣнія не единственная для изученія до-революціоннаго времени и его публичноправной догматики. Преобладаніе у изслѣдователя стремленія выдѣлить непосредственную связь стараго порядка съ новымъ понятно, но и для этой цѣли недостаточно заранѣе ограничивать предметъ изслѣдованія только той стороной стараго порядка, пріемлемость которой для новаго строя является заранѣе предрѣшенной. Вѣдь эта сторона, оказавшаяся жизнеспособной и прогрессивной, развивалась не обособленно, а въ связи со всѣми другими, обреченными на вымираніе, а послѣ исчезновенія послѣднихъ сама въ свою очередь должна была перародиться въ новой обстановкѣ. Однимъ словомъ, до-революціонное время нуждается, какъ и всякая историческая эпоха, во всестороннемъ изученіи, и его публичноправная догматика заслуживаетъ вниманія изслѣдователя. Въ ней государственныя учрежденія прошлаго сводятся самими современниками къ нѣсколькимъ основнымъ юридическимъ принципамъ, раскрытіе которыхъ является существенно важнымъ подспорьемъ для политической исторіи. Съ другой стороны, отжившая публичноправная догматика представляетъ собою нераздѣльную часть исторіи юридической мысли народа, которую нельзя, очевидно, ограничивать одной лишь цивилистикой.

Эти методологическія соображенія привели къ тому, что публичноправная догматика до-революціоннаго времени стала привлекать къ себѣ вниманіе историковъ учрежденій и политическихъ ученій. Такъ, на нѣкоторыхъ догматическихъ публичноправныхъ построеніяхъ останавливаются: *G. d'Avenel* въ своемъ капитальномъ трудѣ—Richelieu et la monarchie absolue (4 vols., 1884—1890; 2-e éd., 1895), *G. Weill* въ своемъ основательномъ изслѣдованіи—Les théories sur le pouvoir

royal en France pendant les guerres de religion (1891) и *G. Lacour-Gayet* въ своей талантливой и въ высшей степени содержательной работѣ—L'éducation politique de Louis XIV (1898). Но во всѣхъ указанныхъ сочиненіяхъ мы имѣемъ дѣло лишь съ сдѣланными мимоходомъ частичными экскурсами въ область публичноправной догматики до-революціоннаго времени.

Планомѣрное и систематическое изученіе послѣдней началось только со второй половины 90-хъ годовъ минувшаго столѣтія въ связи съ учрежденіемъ на юридическомъ факультетѣ Парижскаго университета особаго курса по исторіи французскаго государственнаго права (histoire du droit public). Курсъ этотъ отнесенъ къ спеціальнымъ курсамъ, предназначеннымъ для приготовленія кандидатовъ правъ къ соисканію степени доктора (cours spéciaux pour les doctorats) по разряду политическихъ и экономическихъ наукъ (sciences politiques et économiques). Съ самаго его основанія, значитъ уже болѣе десяти лѣтъ, онъ читается его иниціаторомъ—проф. Эсменомъ, который наряду съ исторіей учрежденій до-революціоннаго времени излагаетъ и исторію публичноправныхъ догматическихъ конструкцій и ученій. До сихъ поръ этотъ курсъ не вышелъ въ печати, но неутомимая литературная производительность маститаго ученаго позволяетъ надѣяться, что и этотъ его курсъ будетъ обнародованъ [1]) и сдѣлаетъ достояніемъ широкихъ круговъ читателей тѣ цѣнныя изысканія, которыми пока знаменитый профессоръ дѣлится только со своими слушателями.

По пути, намѣченному въ названномъ спеціальномъ курсѣ проф. Эсмена, пошли его ученики. Въ 1897 году Е. Фурноль (E. Fournol) помѣстилъ въ *Nouvelle revue historique de droit français et étranger* статью: Sur quelques traités de droit public du XVI siècle, въ которой авторъ изслѣдуетъ вліяніе французской исторической школы, въ частности Baudoin'a, на образованіе догматическихъ публичноправныхъ конструкцій Бодена, котораго ранѣе г. Фурноль изучалъ преимущественно со стороны политической (*E. Fournol*, Bodin prédécesseur de Montesquieu. Étude sur quelques théories politiques de la *République* et de *l'Esprit des lois*, thèse. Paris, 1896). Въ 1898 году появилась монографія нынѣ уже покойнаго тулузскаго профессора Ж. Бриссо (Jean Bris-

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній считаемъ нужнымъ оговорить, что рѣчь идетъ о спеціальномъ курсѣ, а не объ общемъ курсѣ — Cours élementaire d'histoire du droit français à l'usage des étudiants de première année, который былъ напечатанъ проф. Эсменомъ еще въ 1892 году, выдержалъ съ тѣхъ поръ нѣсколько изданій и хорошо извѣстенъ и въ Россіи.

saud): Un libéral au XVII siècle Claude Joly (1607—1700). Въ ней авторъ излагаетъ и изслѣдуетъ трактатъ Жоли—Recueil de maximes véritables et importantes pour l'institution du roi. Contre la fausse et pernicieuse politique du cardinal Mazarin, pretendu sur-intendant de l'éducation de Sa Majesté (Paris, 1652). Въ этомъ трактатѣ, находящемся въ связи съ движеніемъ фронды, имѣются наряду съ политическими постулатами и догматическія публичноправныя конструкціи. Бриссо изложилъ оба элемента въ той нераздѣльности, въ которой они находятся у самого автора, и сверхъ того выдвинулъ на первый планъ элементъ политическій, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ самое заглавіе его монографіи. Интересъ къ публичноправной догматикѣ побудилъ извѣстнаго уже намъ Е. Фурноля извлечь изъ трактата Жоли одни лишь догматическіе элементы, что и было имъ сдѣлано въ статьѣ: Esquisse d'une reconstitution doctrinale de l'ancien droit public français, помѣщенной въ журналѣ *Nouv. rev. hist. d. dr. fr. et étr.* за 1899 годъ. Въ началѣ названной статьи г. Фурноль распространяется о значеніи изученія публичноправной догматики стараго порядка, при чемъ самъ свидѣтельствуетъ, что въ данномъ случаѣ онъ лишь излагаетъ и пропагандируетъ воззрѣнія своего учителя—проф. Эсмена. Въ 1903 году вышла въ свѣтъ работа гренобльскаго, нынѣ парижскаго профессора *Joseph'a Hitier*,—La doctrine de l'absolutisme. Étude d'histoire du droit public. Эпохой, къ которой относится названное изслѣдованіе является, царствованіе Людовика XIV. Авторъ дѣлитъ свое изслѣдованіе на двѣ части: въ первой излагаетъ догматическую конструкцію абсолютизма (la thèse absolutiste), во второй—ея примѣненіе (l'application du système). Трудъ этотъ страдаетъ двумя основными недостатками, именно,—односторонностью въ первой части и неисторичностью во второй. Въ самомъ дѣлѣ, въ изложеніи догматической конструкціи авторъ ограничивается одной лишь теоріей божественнаго установленія монархической власти; теоріи этой принадлежало, правда, первенствующее мѣсто, но она все же не была исключительной; во всякомъ случаѣ въ публичноправную догматику того времени входили и другіе элементы, которые авторъ обошелъ полнымъ молчаніемъ. Неисторичность же второй части проявляется въ томъ, что къ оцѣнкѣ примѣненія системы авторъ прилагаетъ чуждые догматическимъ принципамъ эпохи критеріи—„правъ народа“ и „индивидуальныхъ правъ“.

Наконецъ въ прошломъ году появилась книга Лемэра: *André Lemaire*, Les lois fondamentales de la monarchie française d'après les théoriciens de l'ancien régime (Paris, Albert Fontemoing éditeur, 1907,

336 стр.). Изслѣдованіе это, какъ показываетъ его заглавіе, посвящено спеціальному вопросу объ основныхъ законахъ французской монархіи по ученію теоретиковъ стараго порядка, но самый вопросъ объ основныхъ законахъ является столь важнымъ и существеннымъ, столь неразрывно связаннымъ со всей совокупностью публичноправныхъ конструкцій, что разсмотрѣніе его проливаетъ свѣтъ на общее состояніе публичноправной догматики.

Вопросъ объ основныхъ законахъ французской монархіи былъ поставленъ особенно настойчиво и обостренно въ послѣдней четверти XVIII в. Провозвѣстники новыхъ началъ, предтечи и сторонники революціи, отрицали въ традиціонной монархіи наличность какихъ бы то ни было основныхъ законовъ. Принципіальные сторонники стараго порядка, соглашавшіеся развѣ лишь на частичныя преобразованія, не допускали мысли о томъ, чтобы болѣе чѣмъ тысячелѣтняя государственность могла обходиться безъ основныхъ законовъ, отыскивали и конструировали основные законы отстаиваемаго ими порядка.

Такая рѣзкая и непримиримая противоположность мнѣній происходила отъ различнаго пониманія „основныхъ законовъ“ въ двухъ борющихся политическихъ лагеряхъ. Для однихъ основные законы это договоръ, заключенный народомъ съ монархомъ въ видахъ обезпеченія неотчуждаемыхъ правъ, или даже одностороннее учрежденіе (constitution), въ которомъ суверенный народъ начерталъ предѣлы правительственной власти,—актъ торжественный и писаный. Для другихъ—это „традиціонные принципы, обычныя правила, по которымъ слагалось въ теченіе вѣковъ правленіе Франціи, и оправданіе которыхъ заключалось единственно въ томъ, что они представляютъ собою преданія и обычаи“ (стр. II). Основныхъ законовъ въ первомъ смыслѣ, очевидно, не было въ старой французской монархіи, но во второмъ смыслѣ они несомнѣнно существовали. Одно лишь констатированіе этого существованія недостаточно для историка. Необходимо еще найти отраженіе этихъ „основныхъ законовъ“ въ сознаніи минувшихъ поколѣній и выраженіе ихъ въ опредѣленныхъ теоретическихъ формулахъ, вскрывающихъ запасъ тѣхъ положительныхъ публичноправныхъ идей, которыя объясняли, оправдывали и вмѣстѣ съ тѣмъ двигали жизнь такъ называемаго стараго порядка. Такую именно задачу и ставитъ себѣ г. Лемэръ въ названномъ его сочиненіи.

Ограничивая свое изслѣдованіе „основными законами“ второго рода, г. Лемэръ дѣлитъ послѣдніе въ свою очередь на два вида: 1) основные законы *существенные* или *общіе* (lois fondamentales essen-

tielles ou générales), — тѣ, которые вытекаютъ изъ самой природы верховной власти и потому не составляютъ особенности того или другого народа, напримѣръ, положеніе о томъ, что верховная власть должна быть осуществляема въ интересахъ самой націи, что она должна уважать естественныя права подданныхъ (свободу, собственность) и т. п.; 2) основные законы *положительные* или *особенные* (lois fondamentales *positives* ou *particulières*), — тѣ, которые опредѣляютъ переходъ и осуществленіе верховной власти въ какомъ либо одномъ опредѣленномъ государствѣ (наслѣдованіе престола, особенныя ограниченія королевской власти и проч., см. стр. IV).

Установленіе соотвѣтственнаго пониманія основныхъ законовъ выясняетъ возможность поставленной авторомъ проблемы. Вторымъ моментомъ, опредѣляющимъ проблему нашего автора, являются хронологическія рамки его изслѣдованія. Послѣднія намѣчены въ самомъ заглавіи, гласящемъ объ основныхъ законахъ французской монархіи по ученію теоретиковъ *стараго порядка*. Спрашивается, что же понимаетъ авторъ подъ старымъ порядкомъ? Такой вопросъ отнюдь не является ни празднымъ, ни не въ мѣру педантичнымъ въ виду растяжимости понятія стараго порядка, доведенной нашимъ авторомъ, какъ увидимъ ниже, до крайнихъ предѣловъ.

Старый порядокъ обычно противополагается революціи; казалось бы, что самый терминъ возникъ лишь послѣ того обновленія, которое внесла въ государственный строй великая французская революція. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Оба термина—и старый порядокъ, и революція—были въ употребленіи до 1789 года. Чуждые идеѣ развитія историки XVIII столѣтія называли революціей всякое измѣненіе въ системѣ права и учрежденій, истекавшее по ихъ воззрѣніямъ изъ всемогущей воли законодателя [1]). Сообразно этому старымъ порядкомъ представлялось все, что предшествовало какой либо болѣе или менѣе крупной правительственной реформѣ [2]). Только въ устахъ членовъ національнаго собранія старый порядокъ пріобрѣлъ специфическій смыслъ общаго наименованія до-революціоннаго государственнаго устройства, или, какъ говорили, неустройства [3]). Съ этимъ

[1]) См., напр., *M. Bernardi*, Essai sur les revolutions du droit français, pour servir d'introduction à l'étude de ce droit. Amsterdam, 1782.

[2]) *П. Ардашевъ*, Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка, томъ I. С.-Пб. 1900, стр. 90, прим. 1-е.

[3]) См. Choix de rapports, opinions et discours prononcés à la Tribune Nationale depuis 1789 jusqu'à ce jour, t. III, 1818, p. 189—190:... *l'ancien désordre politique*.

смысломъ терминъ „старый порядокъ“ перешелъ въ послѣдующую историческую литературу, и подъ нимъ, въ особенности со времени Токвиля, разумѣютъ обыкновенно періодъ, обнимаемый послѣдними тремя царствованіями, до 1789 года. Въ послѣднее время высказывается однако мнѣніе, согласно которому эпоха стараго порядка подлежитъ дальнѣйшему подраздѣленію, и въ частности заслуживаетъ выдѣленія періодъ 1774—1789 гг., періодъ частичныхъ правительственныхъ реформъ, не удовлетворявшихъ общества, потому что оно желало одной коренной реформы [1]). Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ этихъ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ, мы можемъ констатировать фактъ, что старый порядокъ обычно обозначаетъ эпоху монархическаго абсолютизма во Франціи, формальнымъ началомъ которой является прекращеніе созыва генеральныхъ штатовъ. Возможно и болѣе широкое пониманіе стараго порядка, основанное на противоположеніи провозглашеннаго революціей начала народовластія царившему до нея началу монархическому; тогда подъ старый порядокъ подойдетъ вся эпоха французской монархіи, началомъ которой придется признать окончательное восторжествованіе королевской власти надъ феодальными порядками, приходящееся на конецъ XV ст. и начало XVI-го [2]). Тогда въ старомъ порядкѣ придется различать два періода: періодъ сословной монархіи до 1614 г. и затѣмъ періодъ монархіи абсолютной [3]).

Возвращаясь къ труду г. Лемэра, припомнимъ, что въ заглавіи его обозначены основные законы французской монархіи по ученію теоретиковъ стараго порядка. Судя по этому заглавію, читатель ожидаетъ найти въ книгѣ Лемэра изложеніе ученій объ основныхъ законахъ абсолютной монархіи во Франціи (съ 1614 г.) или французской монархіи вообще (съ конца XV в.),—сословной и абсолютной. На самомъ дѣлѣ, однако, мы находимъ у г. Лемэра нѣчто иное: изложеніе его начинается съ теоретиковъ IX вѣка, и такимъ образомъ французская монархія г. Лемэра совпадаетъ съ той „тысячелѣтней монархіей“, на которую ссылались апологеты „историческихъ правъ“ короля противъ „разрушительной“ идеи народовластія. Но то, что понятно и простительно въ пылу ожесточенной политической борьбы, перестаетъ

[1]) См. *П. Ардашевъ*, назв. сочин., т. I, стр. 95.

[2]) См. *A. Esmein*, Cours élémentaire d'histoire du droit français, 3-e éd. Paris, 1898, p. 313; *J. Brissaud*, Cours d'histoire générale du droit français, t. I. Paris, 1904, p. 20.

[3]) Сравн. у Эсмена monarchie tempérée до 1614 г. и позднѣе monarchie absolue,—назв. сочин., стр. 513—514.

быть понятнымъ и не находитъ себѣ оправданія у историка отдаленныхъ событій и ученій. Еще болѣе страннымъ представляется то, что тысячелѣтняя французская монархія выступаетъ у г. Лемэра неподвижной и неизмѣнной въ своихъ принципахъ: правда, ученія излагаются у него по столѣтіямъ, но это все ученія объ одной и той же монархіи, вполнѣ законченной и сложившейся уже въ IX вѣкѣ.

Исторію ученій объ основныхъ законахъ французской монархіи г. Лемэръ излагаетъ въ четырехъ главахъ своего труда, между которыми матеріалъ распредѣленъ въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: первая глава обнимаетъ время съ IX в. до XVI-го, вторая—XVI ст., третья—XVII-ое и четвертая—XVIII-ое.

На протяженіи восьми столѣтій, которымъ посвящена первая глава, политическое развитіе французскаго народа проходитъ три стадіи: такъ называемое варварское франкское государство (до конца X в.), феодальный строй и разрушеніе феодализма королевской властью (въ XV в.). У изучаемыхъ г. Лемэромъ „первыхъ теоретиковъ“ нѣтъ даже малѣйшаго намека на „основные законы“ современнаго имъ политическаго строя Франціи въ указанныя три эпохи. Происходитъ это отъ того, что средневѣковые богословы и даже легисты, которыхъ авторъ считаетъ первыми теоретиками французской монархіи, вовсе не занимались послѣдней, а разсуждали о томъ единомъ царствѣ, традиція котораго шла отъ древняго Рима и получила признаніе со стороны возникшаго подъ римскимъ владычествомъ христіанства. И это единое царство изучалось не само по себѣ, а въ его отношеніи къ церкви; и основные законы монархіи средневѣковыхъ теоретиковъ не имѣли никакого отношенія къ дѣйствительному политическому строю средневѣковья, въ частности Франціи; это были лишь морально-религіозные постулаты, выдвигаемые съ одной стороны защитниками церковной суприматіи, съ другой—ея противниками. Отсюда можно сдѣлать одинъ только выводъ: всѣ эти ученія никакого отношенія къ французской монархіи не имѣютъ, и потому изложеніе ихъ въ работѣ г. Лемэра совершенно излишне. Съ первой половиной нашего вывода склоненъ согласиться самъ г. Лемэръ, когда въ одномъ мѣстѣ первой главы (стр. 32—33) признаетъ, что излагаемыя имъ ученія имѣютъ весьма мало отношенія къ положительному праву Франціи и установляютъ, въ сущности говоря, общіе законы „христіанской монархіи“. Тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ нужнымъ излагать всѣ эти ученія, утѣшая себя тѣмъ, что въ нихъ онъ находитъ установленіе тѣхъ основныхъ законовъ, которые онъ называетъ суще-

ственными и общими въ отличіе отъ положительныхъ, или особенныхъ, о чемъ мы уже упомянули выше.

Прямое отношеніе къ французской монархіи имѣютъ лишь ученія, изложенныя г. Лемэромъ въ послѣднихъ двухъ раздѣлахъ I главы (стр. 54—70): въ нихъ авторъ излагаетъ конструкцію престолонаслѣдія, данную Іоанномъ de Terra-Rubea (Jean de Terre Rouge, 1418 или 1419 г.), и формулировку основныхъ законовъ на генеральныхъ штатахъ 1484 года. Оба эти ученія относятся къ XV вѣку, ко времени рѣшительнаго вступленія королевской власти въ борьбу съ феодализмомъ. Сущность доктрины Іоанна de Terra-Rubea заключается въ признаніи за престолонаслѣдіемъ публичнаго характера, отличающаго его отъ наслѣдованія патримоніальнаго; престолонаслѣдіе конструируется какъ переходъ въ извѣстномъ порядкѣ отъ одного лица къ другому функцій власти, а не наслѣдованіе въ имуществѣ; этимъ подчеркивалась специфическая природа государственной власти, отличная отъ сеньеріальныхъ правъ, основанныхъ на землевладѣніи и подлежавшихъ частному наслѣдованію. Роль генеральныхъ штатовъ 1484 г. въ дѣлѣ выясненія основныхъ законовъ признается г. Лемэромъ весьма скромной: впрочемъ они отвергли даже частичное примѣненіе идеи народовластія, которое развивалъ Philippe Pot, и, вотируя налоги, признавали за собой во всѣхъ другихъ отношеніяхъ одно лишь совѣщательное значеніе.

Ученія объ основныхъ законахъ слагаются, говоритъ авторъ, въ выработанныя и законченныя системы только въ XVI столѣтіи, начиная съ 1560 г. Онъ различаетъ среди нихъ четыре основныхъ теченія, или направленія: традиціоналистическое (traditionaliste), историческое, схоластическое и, наконецъ, автократистическое (71).

Подъ традиціонализмомъ Лемэръ понимаетъ такое ученіе, которое видитъ въ основныхъ законахъ не распредѣленіе власти между нѣсколькими ея носителями и не формальные предѣлы ея дѣйствія, но обычные способы ея осуществленія, фактически соблюдаемые и умѣряющіе такимъ образомъ проявленіе власти въ отношеніи къ подвластнымъ [1]). Традиціоналистическая доктрина получаетъ формулировку въ началѣ XVI ст. у Claude Seyssel'a (71). Полагая во главу угла наслѣдственность французской монархіи въ мужской линіи, Seyssel усматриваетъ сущность ея устройства, или ея основной законъ въ

[1]) О традиціоналистической, или традиціонной доктринѣ см. *E. Fournol,* Esquisse d'une reconstitution doctrinale de l'ancien droit public français, pag. 7 sq.

тѣхъ сдержкахъ (freins), помощью которыхъ умѣряется власть короля. Такихъ сдержекъ онъ признаетъ три: религію, юстицію и полицію. Въ ученіи объ юстиціи онъ выдвигаетъ значеніе парламентовъ, призванныхъ сдерживать абсолютную власть въ случаяхъ злоупотребленія ею; сюда же онъ относитъ порядокъ, по которому короли не совершаютъ дѣйствій по внезапному своему хотѣнію, но использовавъ соотвѣтственный совѣтъ, въ томъ числѣ тотъ всеобщій совѣтъ, какимъ являлись генеральные штаты. Подъ полиціей Seyssel понимаетъ нѣкоторые указы, издаваемые и подтверждаемые королями и направленные на сохраненіе королевства какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ; изъ числа такихъ указовъ онъ упоминаетъ expressim только указъ о неотчуждаемости короннаго домена (72—76).

Основныя положенія традиціоналистической доктрины Лемэръ находитъ съ небольшими измѣненіями въ частностяхъ у Du Moulin'а (77—78), канцлера de l'Hospital'а (78—81), герцога d'Alençon'а (107—108), Guy Coquille и др. (142—150). Къ традиціоналистамъ относитъ Лемэръ и Бодена, а вслѣдъ за нимъ и Григорія Тулузскаго (111—133). Особенность Бодена заключается, по мнѣнію Лемэра, въ томъ, что онъ разсматриваетъ какъ основные только тѣ законы, которые установляютъ суверенитетъ, относя всѣ остальныя правила публичнаго права къ категоріи обыкновенныхъ законовъ и обычаевъ (127); на этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Григорій Тулузскій (130).

Традиціоналисты довольствовались констатированіемъ факта, что то или другое правило, тотъ или иной порядокъ дѣятельности и т. п. вошли въ обычай; разъ наличность такого обычая была установлена, не заботились уже о томъ, чтобы узнать его происхожденіе; обычай находилъ оправданіе въ самомъ себѣ, если, само собою разумѣется, онъ обладалъ внутренними условіями моральности и благопристойности. Историческое направленіе примыкаетъ къ этому взгляду на основные законы какъ на соблюдаемые обычаи и порядки осуществленія власти, но вноситъ въ теорію вопроса новый элементъ, именно,—изслѣдованіе происхожденія (la recherche des origines) основныхъ законовъ (89). Къ исторической школѣ Лемэръ относитъ Du Tillet, Pasquier и Du Haillan'а (82—91). Всѣ они отыскиваютъ въ прошломъ и преимущественно въ первыхъ вѣкахъ монархіи прецеденты для тѣхъ обычаевъ и порядковъ, которые образуютъ традиціонный основной законъ, традиціонную конституцію.

Подъ схоластическимъ направленіемъ Лемэръ разумѣетъ идущее отъ средневѣковыхъ богослововъ ученіе о народовластіи и объ основ-

ныхъ законахъ, какъ первоначальномъ учрежденіи народа. Въ XVI в. оно проявляется въ сочетаніи съ исторіей: апріорные постулаты народовластія локализуются въ отдаленной древности, и этимъ путемъ установляются первоначальные основные законы. Таково было ученіе Франциска Готмана въ его знаменитой Франко-Галліи (92—100), составлявшее основу доктрины обѣихъ враждовавшихъ партій въ эпоху религіозныхъ войнъ. На почвѣ политическаго нео-схоластицизма стояли и протестанты (102—104), и католическая лига (104—106, 133—142).

Автократистами Лемэръ называетъ сторонниковъ абсолютной и произвольной власти (partisans du pouvoir arbitraire), каковы: Jean Ferrault, Charles de Grassaile, Vincent de la La Loupe, Claude Gousté и др. (109). Ихъ доктрина можетъ быть выражена въ краткомъ тезисѣ: королю дозволено все, что приводило ихъ къ отрицанію всякихъ основныхъ законовъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ по странной непослѣдовательности признавали ненарушимыми салическій законъ о престолонаслѣдіи и правило о неотчуждаемости короннаго домена (109—110).

Третью главу, посвященную XVII столѣтію, авторъ дѣлитъ на четыре отдѣла, въ которыхъ послѣдовательно излагаетъ: 1) теоріи Loyseau, de l'Hommeau, Le Bret и генеральныхъ штатовъ 1614 г.; 2) представителя парламентаріевъ La Roche-Flavin, теорію фронды и Claude Joly; 3) абсолютистовъ; 4) теорію основныхъ законовъ въ царствованіе Людовика XIV: въ офиціальныхъ изданіяхъ L'estat de la France, у de Launay, въ различныхъ политическихъ памфлетахъ и у Фенелона (151—196). Какъ видно, авторъ въ распредѣленіи матеріала не слѣдуетъ рубрикамъ четырехъ направленій, намѣченныхъ имъ во второй главѣ. Но въ самомъ изложеніи повсюду вскрываются авторомъ элементы тѣхъ же четырехъ направленій въ ихъ чистомъ видѣ или въ сочетаніяхъ.

У Loyseau Лемэръ находитъ традиціоналистическое пониманіе суверенитета (152) и въ общемъ признаетъ его ученіе сообразнымъ съ традиціей (154), но отмѣчаетъ въ немъ примѣсь схоластическаго историзма Готмана, выразившуюся въ признаніи первоначальнаго историческаго источника власти въ народѣ; впрочемъ, слѣдованіе Готману смягчается и, можно сказать, искажается тѣмъ, что Loyseau ставитъ наряду съ народнымъ установленіемъ власти ея узурпацію (153—154). De L'Hommeau не идетъ далѣе резюмированія Бодена, идеи котораго воспроизводитъ Le Bret (158). Послѣдній проявляетъ впрочемъ нѣкоторую оригинальность въ ученіи о происхожденіи основныхъ законовъ,

которые представляются ему установленіемъ перваго законодателя, современнымъ самому основанію государства (160—161), въ чемъ нельзя не видѣть своеобразнаго проявленія историческаго направленія. На той же точкѣ зрѣнія стояли генеральные штаты 1614 года, когда на нихъ отрицалось новаторство въ дѣлѣ основныхъ законовъ и признавалась существеннымъ ихъ признакомъ незапамятная давность (162—163).

Парламентаріи, отстаивавшіе libre vérification des édits, примыкавшія къ нимъ политическія ученія фронды и Claude Joly, присоединявшій къ тезисамъ парламентаріевъ еще и право генеральныхъ штатовъ на вотированіе налоговъ (164—175),—всѣ они сочетали въ своихъ доктринахъ элементы традиціи съ теоріей Готмана объ историческомъ народовластіи (170, 172).

Абсолютисты XVII вѣка являются какъ бы продолженіемъ автократистовъ предыдущаго столѣтія съ тою разницею, что они основываютъ свое ученіе на философскомъ, либо на религіозномъ авторитетѣ. Философскій абсолютизмъ Франціи слѣдовалъ ученію Гоббса; авторъ впрочемъ не разбираетъ этого вопроса подробно, а ограничивается лишь общей ссылкой на французскіе переводы Гоббса и на два трактата, вдохновленные ими (177—178). Гораздо большее значеніе имѣла во Франціи доктрина религіознаго абсолютизма, блестящими представителями которой являются Боссюэ и Дома. Отличительной особенностью этой докрины, сравнительно съ философскимъ абсолютизмомъ, было все же признаніе нѣкоторыхъ ограничительныхъ основныхъ законовъ, понимаемыхъ въ духѣ традиціонализма (179, 180), высшую санкцію которыхъ Боссюэ усматривалъ въ страхѣ Божьемъ (183). Относительно Дома Лемэръ весьма кратокъ (185), такъ что для читателя недостаточно убѣдительно мнѣніе автора, что Дома развивалъ почти тѣ же принципы, что и Боссюэ. Во всякомъ случаѣ остается совершенно невыясненнымъ свойственный Дома раціонализмъ, который сближалъ его скорѣе съ Гоббсомъ, чѣмъ съ Боссюэ. Что же касается Боссюэ, то непонятно, почему авторъ противополагаетъ его доктрину традиціонализму, а не разсматриваетъ его прямо какъ одну изъ его разновидностей.

Въ послѣднемъ раздѣлѣ третьей главы авторъ демонстрируетъ на двухъ послѣдовательныхъ изданіяхъ офиціальнаго сборника *l'Estat de la France* (1656 и 1661 гг.) переходъ правительственныхъ сферъ при Людовикѣ XIV отъ традиціонализма къ абсолютизму (186—188). Впрочемъ, въ иныхъ случаяхъ правительство Людовика XIV по со-

ображеніямъ внѣшней политики поддерживало даже болѣе радикальныя воззрѣнія на основные законы, чѣмъ традиціонализмъ, какъ это видно изъ офиціознаго памфлета Traité des droits de la Reine très chrétienne sur divers États de la monarchie d'Espagne (189—190). Внѣ правительственныхъ сферъ авторъ отмѣчаетъ господство традиціонализма у профессора De Launay и у воспитателя королевскаго внука Фенелона (188, 191).

Глава IV, посвященная XVIII столѣтію, открывается изложеніемъ тяжбы узаконенныхъ принцевъ съ принцами крови, вызванной извѣстнымъ завѣщаніемъ Людовика XIV, которое затѣмъ было отмѣнено парламентомъ и совѣтомъ регентства. Авторъ излагаетъ сущность доводовъ, которые приводились обѣими сторонами, и показываетъ, какъ побѣда принцевъ крови была вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ признаніемъ принципа ненарушимости основного закона о престолонаслѣдіи (198—201). Та концепція основного закона, на которую стали принцы крови и признавшіе законность ихъ требованій парламентъ и совѣтъ регенства, была строго традиціоналистической. Къ ней примкнулъ и Сенъ-Симонъ въ своемъ мемуарѣ по дѣлу узаконенныхъ принцевъ (201), но онъ же развивалъ и особую историческую доктрину о конституціи французской монархіи (204), въ которой воскресилъ традиціи отдаленной феодальной эпохи и призналъ первенствующее право на участіе во власти за собраніемъ пэровъ, которое одно только (а не парламентъ и не генеральные штаты) должно раздѣлять съ королемъ законодательную и учредительную власть (204—208). Путемъ аналогичнаго „историческаго" пріема Boulainvilliers отыскалъ первоначальный основной законъ въ государственномъ строѣ франкскаго періода и признавалъ право на участіе во власти и ограниченіе монарха уже не за пэрами, а за всѣмъ стариннымъ дворянствомъ, происходящимъ отъ первыхъ завоевателей (208—210).

Второй отдѣлъ четвертой главы посвященъ доктринѣ парламентаріевъ, окрѣпшей благодаря возстановленію политическаго значенія парламента въ эпоху регентства. Центральное мѣсто авторъ отводитъ Монтескье, который возвелъ доктрину парламентаріевъ на степень общей теоріи умѣренной монархіи (212—213). Затѣмъ авторъ излагаетъ сущность остальной офиціальной и неофиціальной литературы парламентаріевъ (213 сл.) и отмѣчаетъ въ ней то смѣшеніе традиціонализма съ историзмомъ (218), которымъ она характеризовалась и ранѣе. Авторъ даетъ концентрированное въ нѣсколькихъ тезисахъ изложеніе доктрины парламентаріевъ въ XVIII столѣтіи (215—216):

новымъ, сравнительно съ предшествовавшимъ столѣтіемъ, является въ ней признаніе единства всѣхъ парламентовъ, разсматриваемыхъ какъ единое политическое сословіе (un seul corps), раздѣленное на классы. Пробѣломъ въ изложеніи автора является неупоминаніе о взглядѣ на парламенты, какъ на преемника и замѣстителя власти генеральныхъ штатовъ, взглядѣ, выразившемся между прочимъ и въ извѣстномъ названіи парламентовъ états généraux au petit pied [1]).

У парламентаріевъ историзмъ сочетался съ традиціонализмомъ. Но XVIII вѣкъ зналъ еще другое примѣненіе историзма, аналогичное историзму Фр. Готмана, именно,—локализацію въ отдаленной древности политическихъ постулатовъ школы естественнаго права, Руссо и энциклопедистовъ. Этотъ-то историзмъ характеризуется Лемэромъ какъ „вліяніе апріорныхъ доктринъ на историческую школу". Прежде чѣмъ приступить къ выясненію этого вліянія, авторъ предварительно останавливается на самихъ апріорныхъ теоретикахъ и въ особомъ отдѣлѣ (219—235) излагаетъ основные взгляды предшественниковъ Гуго Гроція, затѣмъ самого Гроція, Пуффендорфа, Вольфа, Бурламаки, Jurieu, Локка, Сиднея, Ваттеля, Руссо и энциклопедистовъ. Изложеніе это повторяетъ лишь общія мѣста и не даетъ ничего новаго; оно, собственно говоря, совершенно излишне въ книгѣ г. Лемэра, увлекшагося въ даномъ случаѣ диссертаціоннымъ педантизмомъ [2]). Къ исторической школѣ апріорнаго схематизма отнесены авторомъ: Mably, Brancas de Lauraguais, Saige (Catéchisme du citoyen), Maximes du droit public français, Sacre royal, извѣстный трактатъ M-elle de Lézardière, Principes généraux de la constitution, Pierre Chabrit (Monarchie française), De la constitution française, и многіе изъ наказовъ 1789 г. (235—252). Въ школѣ этой можно различать два основныхъ и противоположныхъ другъ другу теченія: одно изъ нихъ устанавливало въ первоначальной эпохѣ исторіи участіе народа во власти, каковое и возводило въ основной законъ, или же констатировало наличность историческаго общественнаго договора народа съ государемъ (напр. въ обрядѣ коронованія); другое, напротивъ того, не находило въ прошломъ основныхъ законовъ согласно апріорной

---

[1]) См. *П. Ардашевъ*, назв. сочин., т. I, стр. 451.—Аббатъ Флери, писавшій свой трактатъ по государственному праву Франціи въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, говорилъ, что Парижскій парламентъ n'est tout au plus qu'un abrégé des Etats. См. *L'abbé Fleury*, Droit public de France, ouvrage posthume, publié avec notes par *Y. B. Daragon*, professeur en l'Université de Paris, 1769, tome I, pag. 29.

[2]) Книга г. Лемэра представляетъ собою thèse pour le doctorat.

схемѣ и потому отрицало во французской монархіи наличность какихъ бы то ни было основныхъ законовъ (247—248).

Заканчивается четвертая глава и вмѣстѣ съ ней весь историческій обзоръ изложеніемъ ученія традиціоналистовъ въ XVIII вѣкѣ (252—270). Къ нимъ авторъ причисляетъ: d'Aguseseau, D'Argenson'a, Piganiol de la Force, Gautier de Sibert, Gin, Moreau, Aublet de Maubuy, Chaillon de Joinville, наказы 1789 г. и вышедшее изъ среды эмигрировавшей магистратуры анонимное сочиненіе le Développement des principes fondamentaux de la monarchie française (1793 г.). Традиціонализмъ XVIII вѣка носилъ на себѣ нѣкоторыя особенныя черты, отличавшія его отъ предшествовавшихъ столѣтій и сказывавшіяся какъ въ методѣ, такъ и въ содержаніи доктрины. Методологическое новаторство проявилось въ стремленіи къ раціональному обоснованію тѣхъ положеній, которыя, въ качествѣ традиціонныхъ, устанавливались исторически; такое стремленіе проявляется особенно ярко у d'Argenson'a (257). Что же касается содержанія доктрины, то традиціонализмъ XVIII ст. въ общемъ имѣетъ болѣе ярко выраженную абсолютистическую окраску (253): его „традиція" ограничивается государственнымъ правомъ послѣдней стадіи (le droit public *dans le dernier état*), что въ частности выражается въ признаніи окончательнаго прекращенія генеральныхъ штатовъ (...acceptent comme définitive la désuétude des Etats généraux... стр. 259). Наряду съ этимъ, однако, раздавались голоса въ духѣ старинной традиціи конца XVI вѣка, выдвигавшіе на первое мѣсто генеральные штаты (258), политическую функцію которыхъ новая традиція ввѣряла парламенту (263). За „традицію" высказалось „значительное количество, быть можетъ даже большинство" наказовъ 1789 года (268). Она находила себѣ защитниковъ и послѣ казни короля среди эмигрантовъ эпохи революціи и реакціонеровъ первой четверти XIX ст.,—де-Местра и Бональда (269—270).

Послѣдняя пятая глава изслѣдованія г. Лэмера озаглавлена: Les traits principaux de l'ancienne constitution française (271). Въ ней авторъ стремится выяснить „истинную конституцію" стараго порядка.

Всѣ разобранныя имъ ученія объ основныхъ законахъ онъ сводитъ къ тремъ основнымъ теоріямъ: традиціоналистической, демократической и автократической (272). Эти три теоріи являются повтореніемъ тѣхъ четырехъ теченій, или направленій, которыя авторъ устанавливалъ въ началѣ второй главы (71), что мы уже отмѣтили выше. Въ послѣдней главѣ произведено лишь измѣненіе въ названіи и сокращеніе основныхъ типовъ: демократической теоріей названо теперь

прежнее схоластическое направленіе, а историческая школа подведена подъ традиціоналистическую теорію, чего нельзя не признать вполнѣ умѣстнымъ и цѣлесообразнымъ. Какъ и слѣдовало ожидать изъ всего историческаго изложенія, авторъ отвергаетъ демократическую и автократическую теоріи, какъ „ложныя" (272). Что касается „ложности" демократической теоріи, въ смыслѣ несоотвѣтствія ея исторической дѣйствительности, никто не станетъ спорить съ авторомъ. Но именно потому, что высказанное имъ является повтореніемъ всѣми признаннаго и вполнѣ безспорнаго положенія, автору незачѣмъ было вступать въ полемику съ тѣмъ своеобразнымъ „историзмомъ", который ведетъ свое происхожденіе отъ *Франко-Галліи* Готмана (272—276). Врядъ ли однако можно признать безспорнымъ отверженіе автократической теоріи. Самъ авторъ говоритъ: „автократическая теорія распространяется только въ XVI вѣкѣ, и только въ XVII вѣкѣ она переходитъ въ дѣйствительность, или пытается перейти" (277). Послѣдняя оговорка, намекающая на то, что полной автократіи никогда не было, опровергается затѣмъ самимъ авторомъ. „Монархія двухъ послѣднихъ вѣковъ, которую называютъ абсолютной, и которую мы", говоритъ г. Лемэръ, „назовемъ скорѣе автократической, оставила традиціи предыдущихъ вѣковъ. Когда мы говорили о конституціи старой Франціи, объ ея основныхъ законахъ, рѣчь шла отнюдь не о монархіи Людовика XIV или Людовика XV" (329). Изъ приведенной цитаты, надѣемся, вполнѣ ясно, что автократическая теорія вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности въ періодъ абсолютизма. Признаніе же ея „ложной" объясняется отмѣченной уже нами неисторичностью г. Лемэра [1]), проявившейся въ его представленіи о какой-то единой истинной тысячелѣтней французской монархіи, истинную конституцію которой установила теорія традиціонализма.

Эту именно теорію традиціонализма, разбитую въ историческомъ обзорѣ по столѣтіямъ и по отдѣльнымъ авторамъ, г. Лемэръ въ заключеніе сводитъ воедино и излагаетъ систематически (279—317). Мы не станемъ слѣдить за пространнымъ изложеніемъ автора, которое не только ничего не прибавляетъ къ выясненію публичноправной догматики, но даже затемняетъ вопросъ, такъ какъ сливаетъ всѣ теченія традиціонализма въ одно цѣлое, въ которомъ нѣтъ уже различія между эпохами и оттѣнками въ пониманіи „традиціи". Начертан-

---

[1]) Историзму могъ бы поучить г. Лемэра даже писатель XVII вѣка аббатъ Флери, который категорически заявлялъ: On ne peut dire quel a été le Droit public d'un peuple sans marquer les temps. См. *L'abbé Fleury*, назв. сочин., т. I, стр. 3.

ная авторомъ конституція представляетъ собою единый истинный и неподвижный законъ тысячелѣтней французской монархіи. Конституція эта, по мнѣнію автора, вполнѣ сложилась еще во франкскій періодъ. Это явствуетъ изъ того своеобразнаго, чтобъ не сказать болѣе, сужденія, которое высказывается г. Лемэромъ относительно феодализма. „Быть можетъ“, говоритъ г. Лемэръ, „вызоветъ удивленіе то обстоятельство, что на протяженіи настоящаго изслѣдованія мы почти совершенно пренебрегали феодализмомъ. Это объясняется тѣмъ, что феодализмъ, какъ бы онъ ни былъ значителенъ въ глазахъ историка, не внесъ тѣмъ не менѣе никакого *существеннаго* измѣненія въ основные принципы монархіи. Онъ былъ великимъ узурпаціоннымъ движеніемъ, *территоріальнымъ* измельчаніемъ (un émiettement *territorial*) государственной власти. Со времени феодализма королевская власть была вполнѣ суверенной только въ предѣлахъ одного домена, который не равнялся, быть можетъ, *землѣ* иныхъ могущественныхъ бароновъ; тѣмъ не менѣе она не мѣнялась въ своемъ существѣ...... Надъ разрушеніемъ территоріальнаго ограниченія своего могущества королевская власть трудилась въ теченіе долгихъ вѣковъ. Дѣло поступательнаго завоеванія королевской власти на счетъ феодализма было въ дѣйствительности только отвоеваніемъ и не исказило существенныхъ принциповъ монархіи въ большей степени, чѣмъ это сдѣлало феодальное движеніе, чуть было ея не заглушившее“ (303—304). Раздѣлавшись столь легко и, можно сказать, легкомысленно съ феодализмомъ, г. Лемэръ съ неменьшей же легкостью отдѣлывается затѣмъ отъ имъ же самимъ признаннаго періода автократіи послѣднихъ двухъ столѣтій. „Автократія“, говоритъ онъ, „была уклоненіемъ (une déviation) отъ традиціонной монархіи, ея порчей“ (corruption, 330). Помощью такихъ упрощенныхъ пріемовъ все излишнее отброшено, и возстановлена единая тысячелѣтняя монархія. Считаемъ излишнимъ входить въ какое бы то ни было сужденіе объ упрощенныхъ пріемахъ изслѣдованія г. Лемэра: они сами по себѣ достаточно краснорѣчивы. Помощью указанныхъ пріемовъ можно доказывать, что угодно. Такъ, напр., г. Лемэръ считаетъ автократію уклоненіемъ отъ традиціонной монархіи, а автократисты XVIII столѣтія, разсуждая въ томъ же духѣ, доказывали, что Ришелье (первый по времени искоренитель „традиціи“) только возвратилъ коронѣ ея исконныя права (см. L'autorité des rois de France est indépendante de tout corps politique: Elle étoit établie avant que les Parlemens fussent créés, — *attribué à Ange Goudar*. Amsterdam, 1788, pag. 69).

Авторъ не ограничивается догматическимъ изображеніемъ основныхъ законовъ воображаемой тысячелѣтней монархіи, но занимается еще оцѣнкой „традиціи“ съ точки зрѣнія конституціоннаго права. Эта оцѣнка приводитъ автора къ признанію превосходства „традиціонной конституціи“ (constitution traditionnelle) надъ всякаго рода писаными конституціонными хартіями. Превосходство заключается въ полнѣйшей устойчивости и дѣйствительномъ подчиненіи основному закону, какъ подвластныхъ, такъ и властвующихъ. „Традиція“, говоритъ г. Лемэръ, „вмѣстѣ съ закономъ справедливости придаютъ устойчивость государственному порядку и гарантіи ограниченіямъ власти,—въ той по меньшей мѣрѣ степени, въ какой конституціи могутъ ускользнуть отъ дѣйствія закона упадка. Традиція есть сила сама по себѣ, воздѣйствующая равно на суверена, какъ и на націю. Согласіе послѣднихъ въ этомъ отношеніи — не договоръ, но скорѣе общность обязательства. Въ договорѣ—*facio ut facias*—обязанность одной изъ сторонъ составляетъ причину обязанности другой. Подъ дѣйствіемъ традиціи нѣтъ ничего подобнаго: если одна изъ сторонъ не исполнила своей обязанности, другая сторона не освобождается вслѣдствіе этого отъ своей обязанности. Обѣ стороны должны подчиняться общему закону: отъ этого зависятъ порядокъ и нормальное развитіе политическаго организма. Такимъ образомъ однѣ только традиціонныя конституціи заслуживаютъ названія *основныхъ законовъ*, потому что только о нихъ однѣхъ можно по истинѣ сказать, что ни государь, ни народъ не могутъ ихъ измѣнить; они могутъ ихъ только разрушить“ (325—326).

Охарактеризовавъ такимъ образомъ превосходство традиціонной конституціи, авторъ предусматриваетъ возраженіе, заключающееся въ указаніи на отсутствіе въ старомъ порядкѣ дѣйствительныхъ гарантій на случай нарушенія основныхъ законовъ монархомъ. Такая гарантія, отвѣчаетъ авторъ, была и состояла она въ моральной сдержкѣ государя. И въ наше время, указываетъ авторъ, дѣло не пошло дальше, такъ какъ только моральная сдержка обезпечиваетъ меньшинство отъ произвола большинства. „Въ конечномъ итогѣ“, говоритъ авторъ, „всякая конституціонная гарантія сводится къ традиціи и къ моральной гарантіи“ (327). Особенность стараго порядка во Франціи выражалась въ томъ, что его моральная гарантія носила религіозный характеръ. Авторъ полагаетъ, что въ этомъ религіозномъ характерѣ и заключалась вся сила стараго порядка, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что этотъ пунктъ можетъ вызвать новое возраженіе, опирающееся на положеніе, по которому государственное право должно быть

независимо отъ религіи. Но это послѣднее положеніе должно быть само еще доказано, отвѣчаетъ г. Лемэръ, и утверждаетъ, что религія являлась дѣйствительной санкціей традиціонной конституціи стараго порядка (328) Упадокъ христіанскаго религіознаго духа былъ упадкомъ „традиціи". Такое заключеніе можно вывести изъ того, что г. Лемэръ называетъ абсолютизмъ двухъ послѣднихъ столѣтій „языческимъ абсолютизмомъ Версальскихъ Цезарей" (l'absolutisme païen des Césars de Versailles, — 331). Зародышъ смерти стараго порядка гнѣздился въ двухъ идеяхъ, — схоластической, какъ выражается авторъ, идеѣ народнаго суверенитета [1]) и въ идеѣ автократическаго абсолютизма (331). Столкновеніе двухъ этихъ идей и разрушило „одинъ изъ наиболѣе мощныхъ политическихъ организмовъ, который когда либо видѣлъ міръ" (332).

Мы болѣе подробно остановились на приведенной горячей апологіи традиціонной конституціи стараго порядка съ тою цѣлью, чтобы представить читателю съ полною очевидностью основную точку зрѣнія г. Лемэра и ея ошибочность. Послѣдняя заключается въ неоднократно уже нами отмѣченномъ неисторизмѣ автора, возводящаго на степень истинной тысячелѣтней французской монархіи монархію сословную, которая въ дѣйствительности составляетъ лишь одинъ изъ періодовъ стараго порядка. Что же касается устанавливаемой авторомъ цѣнности традиціи въ конституціонномъ правѣ, то его разсужденіе въ этомъ отношеніи основано на смѣшеніи формы и содержанія государственной жизни. Традиція и хартія это не два какихъ-то фатальныхъ антитезиса политической жизни, а двѣ формы проявленія права, извѣстныя подъ названіемъ обычая и закона. Онѣ не только послѣдовательно смѣняютъ другъ друга, но и сосуществуютъ; воздѣйствіе публичноправнаго обычая на основные законы общепризнано въ наукѣ, и авторъ ломится, въ сущности говоря, въ открытую дверь, когда полемизируетъ съ воображаемыми противниками традиціи, т. е. обычая въ конституціонномъ правѣ. Но это еще бѣда небольшая. Несравненно хуже то, что авторъ наполняетъ внѣшнюю форму неизмѣннымъ внутреннимъ содержаніемъ, и отожествляетъ традиціонную конституцію

[1]) Сведеніе новѣйшей теоріи народовластія къ возрожденію соотвѣтственныхъ идей богослововъ средневѣковья было высказано папой Львомъ XIII и съ тѣхъ поръ повторяется на разные лады католическими писателями. См., напр., *Emile Chénon*, Théorie catholique de la souveraineté nationale. Paris, 1898. Не слѣдуетъ забывать, что и въ средніе вѣка, и теперь церковь пользуется этой доктриной оппортунистически въ видахъ борьбы съ свѣтскимъ государствомъ.

съ конституціей сословнаго государства, которое повсюду составляло извѣстную эпоху въ развитіи, но затѣмъ уступало мѣсто гражданской нивелировкѣ общества и все большему и большему обобществленію власти. Послѣдній процессъ получалъ свое юридическое выраженіе въ формѣ либо обновлявшейся традиціи (обычая), либо закона. Та или другая форма вызывалась не мистическимъ дѣйствіемъ „схоластическихъ" или „языческихъ" идей, а реальнымъ соотношеніемъ смѣнявшихъ другъ друга правящихъ классовъ, которые либо вступали въ компромиссъ и соотвѣтственнымъ образомъ расширяли и обновляли „традицію", либо рѣзко сталкивали другъ друга, что нарушало формальную юридическую непрерывность и приводило къ изданію новыхъ писаныхъ законовъ, которые въ свою очередь служили началомъ для новой традиціи. Самая идея народовластія удержалась въ качествѣ формулы, объясняющей новый конституціонный порядокъ, только тамъ, гдѣ старые правящіе классы не сумѣли принять участія въ созданіи новаго строя. Тамъ же, гдѣ они приняли участіе, идея народнаго суверенитета смѣнилась идеей суверенитета государственнаго.

Мы остановились на опроверженіи выводовъ г. Лемэра только потому, что онъ выставляетъ свое разсужденіе о традиціи, какъ какое-то новое цѣнное пріобрѣтеніе для теоріи конституціоннаго права. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ, и все его ученіе о тысячелѣтней монархіи, о ея мощномъ организмѣ, подобный которому врядъ ли когда либо видалъ міръ, объ ея традиціи, — все это не болѣе, какъ старая погудка на новый ладъ, — воспроизведеніе политическихъ идей французской реакціи первой четверти XIX столѣтія [1]). Не нова и попытка автора систематически догматизировать традиціонную конституцію: во время реакціи ее даже кодифицировали. Сошлемся на G. Bourbon-Leblanc'а, который изложилъ традиціонную конституцію въ 83 статьяхъ и призналъ ее въ 1825 году дѣйствующей и лишь дополненной законодательствомъ учредительнаго собранія и конституціонной хартіей Людовика XVIII [2]). G. Bourbon-Leblanc признавалъ за

---

[1]) См. *Ch. de Montaigne*, Coup d'oeil historique sur la monarchie française et la liberté nationale ou Précis de l'ancienne constitution de France, 2-e éd. Paris, 1844. Въ этой книгѣ можно найти всѣ основныя мысли, развиваемыя въ V главѣ изслѣдованія г. Лемэра.

[2]) *G. Bourbon-Leblanc*, Code du droit public français ou Maximes légales, défendues par les parlemens du royaume de France, revendiquées, au nom de la nation, par l'Assemblée constituante, complétées et confirmées par la Charte de S. M. Louis XVIII; réunies et rédigées en une seule série d'axiomes pour servir à l'interpréta-

традиціонной конституціей почтенный возрастъ въ четырнадцать столѣтій [1]) и исключалъ изъ стараго порядка не хуже г. Лемэра и феодализмъ, и автократическія извращенія [2]).

Изъ сказаннаго мы видимъ, что и новѣйшее изслѣдованіе по публичноправной догматикѣ стараго порядка во Франціи, какимъ является книга г. Лемэра, далеко не свободно отъ того недостатка научной объективности, который отмѣченъ былъ нами въ болѣе раннихъ изслѣдованіяхъ. Воскресшій въ трудѣ г. Лемэра духъ старой монархической реакціи не способенъ стать духомъ животворящимъ. Все же нельзя не признать заслуги автора въ томъ, что онъ собралъ и изложилъ матеріалъ, который до него не былъ использованъ въ столь большихъ размѣрахъ и представленъ въ систематическомъ видѣ. Привѣтствуя въ трудѣ г. Лемэра первую спеціальную монографію по исторіи науки положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ, не можемъ не выразить пожеланія, чтобы дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи освободились отъ политической предвзятости и производились въ духѣ научной объективности.

Ѳ. Тарановскій.

Основныя понятія государственнаго, гражданскаго и уголовнаго права. Общедоступные очерки приватъ-доцентовъ Московскаго университета В. М. Устинова, И. В. Новицкаго и М. Н. Гернетъ съ предисловіемъ профессора В. М. Хвостова. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 1907 г.

Изъ цѣлаго ряда учебниковъ по законовѣдѣнію, предназначенныхъ служить руководствомъ при прохожденіи этого предмета въ гимназіяхъ, заслуживаетъ особаго вниманія книжка, составленная приватъ-доцентами Устиновымъ, Новицкимъ и Гернетомъ. Книжка снабжена предисловіемъ профессора В. М. Хвостова, изъ котораго видно, что она въ сущности является продолженіемъ изданной вышеупомянутымъ профессоромъ „Общей теоріи права" и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ ней представляетъ собой почти полный элементарный курсъ законовѣдѣнія. Выпускъ въ свѣтъ элементарнаго учебника людьми науки,

tion du serment: *Je jure fidélité à la Charte constitutionelle et aux lois fondamentales du Royaume*. Paris. 1825. — Объ юридическомъ значеніи традиціонной конституціи см. стр. 11, опредѣленіе ея стр. 13, самый текстъ ея—стр. 51—154.

[1]) См. стр. 16.

[2]) См. стр. 19.

а не дилетантами въ области правовѣдѣнія, само собой, можно только привѣтствовать, какъ это уже отмѣчалось въ печати, и вполнѣ понятно, что данный учебникъ стоитъ значительно выше многихъ руководствъ, которыми преподавателямъ приходилось до сихъ поръ пользоваться за неимѣніемъ лучшаго. Но не отрицая значенія за вышеуказаннымъ учебникомъ и признавая его во многихъ отношеніяхъ лучшимъ многихъ аналогичныхъ по цѣли изданій, мы тѣмъ не менѣе далеко не можемъ вполнѣ присоединиться къ той оцѣнкѣ, которая ему дана въ печати.

Такъ, напримѣръ, Б. Кистяковскій не поскупился даже признать исполненіе авторами учебника своей задачи столь превосходнымъ, что въ немъ можно, яко бы, видѣть свидѣтельство объ очень высокой постановкѣ разработки позитивнаго права въ Московскомъ университетѣ. Не будучи спеціалистами въ области государственнаго и уголовнаго права, мы, конечно, не беремся высказывать свое сужденіе о частяхъ учебника, принадлежащихъ перу приватъ-доцентовъ Устинова и Гернета, и не станемъ оспаривать оцѣнку, данную имъ Б. Кистяковскимъ, но что касается до отдѣла, посвященнаго гражданскому праву, то здѣсь мы беремъ на себя смѣлость заступиться за Московскій университетъ и высказать убѣжденіе, что работа г. Новицкаго врядъ ли можетъ служить въ качествѣ показателя уровня постановки разработки права въ вышеназванномъ университетѣ. Иначе пришлось бы придти къ довольно грустному заключенію, такъ какъ, на нашъ взглядъ, этотъ отдѣлъ учебника составленъ съ весьма крупными погрѣшностями. Цѣль этой замѣтки и состоитъ въ томъ, чтобы указать на погрѣшности и тѣмъ исполнить просьбу самихъ авторовъ, высказавшихъ надежду, что указанія въ печати дадутъ имъ возможность исправить свой трудъ при дальнѣйшей переработкѣ учебника.

Прежде всего, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о самой системѣ учебника. Во второмъ изданіи послѣдній отдѣлъ, посвященный гражданскому праву, по заявленію авторовъ [1]), подвергся переработкѣ по пропедевтическимъ соображеніямъ. По словамъ составителей учебника, опытъ показалъ, что общепринятая въ наукѣ система изложенія гражданскаго права представляетъ серьезныя затрудненія для лицъ, мало знакомыхъ съ юридическими понятіями, такъ какъ при этой системѣ читателю приходится на первыхъ же страницахъ встрѣчаться съ наиболѣе абстрактными и трудными отдѣлами

[1]) См. предисловіе.

(напр., ученіе объ юрид. сдѣлкѣ и т. п.). Въ виду этого составителями было признано цѣлесообразнымъ разбить такъ называемую общую часть на рядъ экскурсовъ, помѣстивъ ихъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, какъ-то: ученіе о вещахъ предпослать вещнымъ правамъ, ученіе о сдѣлкахъ изложить въ связи съ обязательственными договорами и тому подобное [1]). Намъ лично кажется, что переработка въ этомъ отношеніи была произведена совершенно напрасно. Трудно повѣрить, чтобы распредѣленіе матеріала вопреки системѣ, принятой въ наукѣ, могло вызываться пропедевтическими соображеніями. Вѣдь, находя ученіе о сдѣлкахъ въ обязательственномъ правѣ, а ученіе объ исковой давности въ главѣ о способахъ пріобрѣтенія права собственности, мало подготовленный юридически читатель невольно составитъ себѣ представленіе, что сдѣлки вообще устанавливаютъ только права обязательственныя, а что давность всегда является способомъ пріобрѣтенія права собственности. Пишущему эти строки пришлось въ этомъ самому убѣдиться при производствѣ экзаменовъ по гражданскому праву на высшихъ женскихъ курсахъ въ г. Казани, гдѣ какъ разъ рекомендованъ былъ учебникъ г. Новицкаго: только немногія и наиболѣе вдумчивыя слушательницы сумѣли разобраться въ этихъ вопросахъ, при чемъ имъ пришлось, такимъ образомъ, самимъ отчасти систематизировать матеріалъ, предложенный имъ для изученія, между тѣмъ какъ дать систему дѣло учебника, а не изучающаго, къ тому же юридически мало подготовленнаго. Въ силу этого получилось для этихъ лицъ не облегченіе, а возложеніе на нихъ новой, довольно трудной умственной работы.

Но кромѣ того самая постановка вопроса о трудности для изучающаго ознакомленія, напримѣръ, съ понятіемъ юридической сдѣлки совершенно не соотвѣтствуетъ всему характеру учебника. Въ своемъ предисловіи къ „Основнымъ понятіямъ“ профессоръ В. М. Хвостовъ прямо говоритъ, что данный учебникъ является какъ бы продолженіемъ его „Общей теоріи права“, къ которой читатель и отсылается во многихъ случаяхъ. Слѣдовательно, изученіе „Основныхъ понятій“ предполагаетъ уже ознакомленіе съ учебникомъ профессора Хвостова, въ которомъ читателю уже пришлось ознакомиться съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ весьма трудныхъ для приступающаго къ изученію права, какъ, напримѣръ, ученіе объ юридическомъ отношеніи, о субъективномъ правѣ и тому подобное. Послѣ этихъ вопросовъ ученіе объ

---

[1]) Предисловіе къ 2-му изданію.

юридической сдѣлкѣ врядъ ли представило бы особенныя трудности, ради которыхъ нужно было бы перекраивать систему гражданскаго права. Если же предположить, что „Основныя понятія“ могутъ являться болѣе или менѣе самостоятельнымъ учебникомъ, пользоваться которымъ можно не пройдя предварительно курса по общей теоріи права, то тогда надо прямо признать данный учебникъ безусловно не выдерживающимъ критики, такъ какъ нельзя изучать гражданское право по учебнику, въ которомъ нѣтъ ученія ни объ юридическомъ отношеніи, ни о субъективномъ правѣ, ни о системѣ гражданскаго права. Кстати сказать ознакомленіе съ послѣднимъ вопросомъ въ „Основныхъ понятіяхъ“ было бы крайне полезно, даже если бы данный учебникъ попадалъ исключительно въ руки лицъ, знакомыхъ уже съ книжкой профессора В. М. Хвостова, такъ какъ изложеніе всякой науки всегда требуетъ ознакомленія съ ея системой, и врядъ ли соотвѣтствуетъ пропедевтическимъ цѣлямъ отсылать за этимъ вопросомъ въ другую книгу. Лучше было бы, если бы этотъ вопросъ трактовался не въ „Общей теоріи права“, а въ непосредственной связи съ той самой наукой, къ которой данная система относится. Въ силу всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній мы пришли къ заключенію, что отступленіе составителей отдѣла гражданскаго права въ „Основныхъ понятіяхъ“ отъ общепринятой въ наукѣ системы изложенія нисколько не облегчаетъ изученіе предмета, а скорѣе затрудняетъ его, а потому нужно пожелать, чтобы въ дальнѣйшихъ изданіяхъ учебника составители вернулись къ системѣ 1-го изданія.

Но кромѣ этого недостатка въ системѣ изложенія, въ „Основныхъ понятіяхъ“ мы натолкнулись на весьма большое количество погрѣшностей другого рода, погрѣшностей, на нашъ взглядъ, настолько крупныхъ, что ожидать встрѣтить ихъ, мы должны признаться, въ книжкѣ, изданной приватъ-доцентами Московскаго университета, было положительно невозможно.

Погрѣшности эти можно разбить на двѣ категоріи. Къ первой изъ нихъ мы отнесемъ ошибки чисто фактическаго характера, т. е. невѣрное изложеніе какъ русскаго законодательства, такъ и установленныхъ наукой юридическихъ понятій и опредѣленій. Къ такого рода ошибкамъ нужно отнести, прежде всего, заявленіе автора учебника, что по русскому праву нельзя узаконять дѣтей отъ прелюбодѣянія [1]). Можно только глубоко изумиться незнакомству автора съ

[1]) Стр. 196.

закономъ 1902 года, одной изъ наиболѣе важныхъ заслугъ котораго было именно устраненіе этого несправедливаго запрещенія, которое наша практика и такъ пыталась обходить.

Другой ошибкой, хотя и менѣе важной, является мнѣніе автора, будто родительская власть надъ сыномъ прекращается съ поступленіемъ его на службу, а надъ дочерью съ выходомъ ея замужъ [1]). Какъ извѣстно, родительская власть въ этихъ случаяхъ не прекращается, а лишь ограничивается, ослабляется.

Нельзя не признать невѣрнымъ также и мнѣніе г. Новицкаго относительно тѣхъ отличительныхъ признаковъ, которыми договоръ поставки отграничивается отъ договора купли-продажи. По мнѣнію нашихъ наиболѣе видныхъ цивилистовъ, какъ, напримѣръ, профессора Шершеневича и профессора Гуляева, а также нашего Сената, различіе между этими двумя договорами сводится къ тому, что, во-первыхъ, продать по русскому праву можно только вещь, принадлежащую продавцу на правѣ собственности, между тѣмъ какъ поставщикъ собственникомъ объекта поставки въ моментъ заключенія договора можетъ и не быть; во-вторыхъ, продаваемая вещь должна быть опредѣляема индивидуальными признаками, а при поставкѣ вещи опредѣляются родовыми признаками; третьимъ существеннымъ отличительнымъ признакомъ поставки считаютъ также необходимость извѣстнаго промежутка времени между заключеніемъ договора и его исполненіемъ. Но составитель учебника вмѣсто указанія этихъ общепризнанныхъ въ наукѣ признаковъ поставки выдвигаетъ свой собственный взглядъ, съ которымъ намъ въ литературѣ встрѣчаться не приходилось: именно, что „поставка отличается отъ купли-продажи лишь своимъ массовымъ характеромъ“, предметомъ купли-продажи можетъ служить передача одной—двухъ вещей, а предметомъ поставки передача болѣе или менѣе значительной партіи вещей [2]). Мы должны признаться, что, принявъ въ основаніе вышеизложенный признакъ, г. Новицкій ставитъ себя и читателей въ крайне трудное положеніе: по крайней мѣрѣ, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ положительно вставали въ тупикъ и не знали, когда сдѣлка должна быть признана имѣющей „массовый характеръ“ и, какъ таковая, должна быть заключена въ письменной формѣ, а когда достаточно одного словеснаго соглашенія; однѣ „массовый характеръ“ усматривали въ

[1]) Стр. 197.

[2]) Стр. 168.

1000 пудахъ муки, а другія довольствовались и 100 пудами. Хорошо, что наша практика не встала еще на точку зрѣнія г. Новицкаго, а то получалась бы такая путаница, что въ концѣ концовъ стороны всякую куплю принуждены были бы заключать въ письменной формѣ изъ боязни, что вдругъ судъ признаетъ за ней „массовый характеръ". Но любопытно еще то обстоятельство, что, выдвигая новый отличительный признакъ договора поставки, приватъ-доцентъ Новицкій тутъ же, ничтоже сумняшеся, даетъ опредѣленіе этому договору совершенно тожественное съ тѣмъ, которое находится въ учебникѣ профессора Шершеневича, опредѣленіе, въ которомъ какъ разъ указаны тѣ отличительные признаки этого договора, которые г. Новицкій отвергаетъ.

Къ категоріи же чисто фактическихъ ошибокъ нужно отнести и искаженіе авторомъ статьи 683-й тома X. Статья эта говоритъ только о пароходныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, а г. Новицкій включилъ сюда еще слова „и иныхъ предпріятій" [1]). Благодаря этому получилось, что, напримѣръ, и фабрично-заводскія предпріятія отвѣчаютъ за несчастные случаи съ рабочими такъ же, какъ и желѣзнодорожныя предпріятія, т. е. они освобождаются отъ отвѣтственности, только если докажутъ, что убытки наступили не по винѣ агентовъ дороги или вслѣдствіе непреодолимой силы, между тѣмъ какъ отвѣтственность фабрично-заводчиковъ по закону 1902 г. совсѣмъ иная: они не могутъ освободиться отъ отвѣтственности, доказавъ отсутствіе вины своихъ агентовъ, а отвѣчаютъ и за случай и даже за вину (легкую неосторожность) самого рабочаго. Эти правила объ отвѣтственности фабрикъ за несчастья съ рабочими столь существенны, касаются интересовъ столькихъ тысячъ людей, самый вопросъ объ отвѣтственности ихъ за случай и неосторожность столь горячо и многократно обсуждался въ литературѣ, что такое легкомысленное обращеніе съ нимъ, на нашъ взглядъ, представляетъ крайне серьезную погрѣшность.

Таковы чисто фактическія неправильности, бросившіяся намъ въ глаза при ознакомленіи съ учебникомъ, неправильности, свидѣтельствующія, что съ разработкой положительнаго права въ разбираемомъ учебникѣ далеко не все обстоитъ благополучно.

Но еще болѣе существенной представляется намъ вторая категорія погрѣшностей составителя учебника. Корень этихъ погрѣшностей ле-

---

[1]) Стр. 181.

жить въ неумѣніи автора юридически ясно и точно выражать свои мысли, благодаря чему у читателей получается нерѣдко вполнѣ неправильное представленіе объ изучаемомъ институтѣ. Натыкаясь на такія мѣста, читатель невольно получаетъ впечатлѣніе, будто авторъ писалъ свой учебникъ крайне спѣшно и небрежно, будто онъ взялъ какой-нибудь другой учебникъ и просто сокращалъ его, при чемъ сокращенія получались крайне неудачныя.

Къ такимъ мѣстамъ нужно отнести, прежде всего, главу, трактующую объ юридическихъ лицахъ въ русскомъ правѣ.

Здѣсь прив. доц. Новицкій сперва воспроизводитъ статью 698-ую, т. X, поименовывающую въ числѣ субъектовъ права казну, дворянскія, городскія и сельскія общества и т. п., а затѣмъ говоритъ, что по сравненію съ буквальнымъ текстомъ цитированной статьи возникновеніе юридическаго лица у насъ до нѣкоторой степени ограничено закономъ 4-го марта, предоставившаго право пріобрѣтать и отчуждать имущество и т. п. тѣмъ лишь обществамъ, кои зарегистрованы въ установленномъ порядкѣ [1]). Въ чемъ состоитъ, по мнѣнію автора, это ограниченіе и какое вообще отношеніе имѣетъ законъ 4-го марта къ ст. 698-ой, остается для насъ совершенно непонятнымъ, слушательницы же высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани всѣ безъ исключенія поняли мысль автора въ томъ смыслѣ, что раньше у насъ въ Россіи всѣ товарищества, земства и т. п. были юридическими лицами eo ipso, а теперь для нихъ нужна регистрація.

Крайне неудачно изложенъ весь отдѣлъ о гражданскихъ правонарушеніяхъ. Кромѣ ужъ ошибки относительно отвѣтственности фабрично-заводскихъ предпріятій, здѣсь мы находимъ совершенно неточное изложеніе сущности такъ называемой „теоріи вины". По словамъ автора, она состоитъ въ томъ, что прежде возлагали болѣе тяжелую отвѣтственность на лицо, причинившее ущербъ умышленно или по грубой неосторожности по сравненію съ причинившимъ вредъ вслѣдствіе легкой неосторожности и совершенно освобождали нарушителя отъ отвѣтственности, когда съ его стороны не было рѣшительно никакой вины [2]). Затѣмъ авторъ заявляетъ, что русское право ставитъ обязанность возмѣщенія ущерба въ связь съ принципомъ виновности. Изъ этого читатель можетъ вывести заключеніе, будто въ русскомъ правѣ размѣръ вознагражденія за ущербъ опредѣляется качествомъ вины право-

[1]) Стр. 113.
[2]) Стр. 180.

нарушителя, между тѣмъ какъ это совершенно невѣрно, и вообще теорія вины требуетъ только наличности вины со стороны правонарушителя, но отнюдь не ставитъ непремѣнно размѣра вознагражденія въ зависимость отъ качества вины. Къ недостаткамъ изложенія этого отдѣла учебника нужно также отнести отсутствіе точнаго и яснаго отграниченія понятія гражданскаго правонарушенія отъ уголовнаго.

Къ этой же категоріи погрѣшностей учебника относится далѣе и крайне неточное опредѣленіе полнаго товарищества. Авторъ говоритъ, что товарищество будетъ полнымъ, когда каждый товарищъ участвуетъ въ дѣлѣ всѣмъ своимъ имуществомъ, отвѣчая за всѣ долги товарищей [1]). Здѣсь г. Новицкій въ одной фразѣ ухитрился сдѣлать цѣлыхъ двѣ погрѣшности. Прежде всего, каждый товарищъ отвѣчаетъ не за долги „товарищей", а за долги „товарищества", что далеко не одно и то же, а во-вторыхъ, изъ формулировки опредѣленія неподготовленный юридически читатель, какъ это намъ опять-таки пришлось убѣдиться на опытѣ, заключаетъ, что въ полномъ товариществѣ каждый товарищъ вкладываетъ въ дѣло все свое имущество, между тѣмъ какъ это въ дѣйствительности не имѣетъ мѣста. Если къ сказанному прибавить, что составитель учебника обходитъ молчаніемъ другой признакъ отвѣтственности товарищей—солидарность, а также ничего не говоритъ объ юридической природѣ товарищества, является ли оно юридическимъ лицомъ или нѣтъ, то очевидно, что читатель совершенно лишенъ возможности составить ясное и точное представленіе о данномъ институтѣ.

Въ семейномъ правѣ мы встрѣтились съ слѣдующими мѣстами: по словамъ автора, „законъ 1902 г. даетъ внѣбрачнымъ дѣтямъ нѣкоторыя права, но очень ограниченныя; именно: внѣбрачный ребенокъ можетъ требовать себѣ отъ отца пропитаніе, можетъ наслѣдовать въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери" [2]). Здѣсь опять-таки, благодаря неумѣнью автора точно излагать свои мысли, получается выводъ, что всѣ взаимныя отношенія между внѣбрачнымъ ребенкомъ и его матерью исчерпываются правомъ наслѣдованія, что, конечно, совершенно невѣрно.

На этой же самой страницѣ по вопросу о законности или незаконности дѣтей, родившихся ранѣе 180 дней послѣ заключенія брака, авторъ говоритъ, что отъ мужа матери зависитъ, признаетъ ли онъ себя ихъ отцомъ или нѣтъ. Благодаря такой формулировкѣ, неподго-

---

[1]) Стр. 177.

[2]) Стр. 196.

товленные читатели, какъ намъ пришлось убѣдиться на опытѣ, заключали, что такія дѣти будутъ незаконными, пока отецъ ихъ не признаетъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное явленіе: дѣти предполагаются законными, пока отецъ не заявитъ, что не признаетъ ихъ своими.

Если ко всему сказанному прибавить, что г. Новицкій понятіе солидарнаго обязательства выводитъ изъ недѣлимости объекта обязательства и лишь вскользь добавляетъ („кстати"!!), что солидарность можетъ возникнуть и по волѣ сторонъ и по велѣнію закона [1]), если добавить также, что примѣрами индивидуальныхъ, незамѣнимыхъ вещей г. Новицкій считаетъ [2]) „породистую лошадь и оригинальную картину" (sic!!), то намъ кажется, что другихъ примѣровъ способности автора формулировать юридическія понятія приводить болѣе не нужно.

Кромѣ указанныхъ нами недостатковъ: уклоненія отъ научной системы, допущенія ряда фактическихъ неправильностей и крайне неюридической формулировки, къ недостаткамъ учебника, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести и, если такъ можно выразиться, отсутствіе перспективы. Послѣдній недостатокъ состоитъ въ томъ, что авторъ или нерѣдко совершенно опускаетъ то, что имѣетъ большое значеніе и должно найти мѣсто даже въ самомъ краткомъ учебникѣ, или же трактуетъ объ этихъ вопросахъ вскользь, распространяясь зато съ излишней для краткаго учебника подробностью о вопросахъ сравнительно второстепеннаго значенія. Такъ, напримѣръ, авторъ цѣлый параграфъ посвящаетъ чиншевому праву, имѣющему сравнительно далеко не большое значеніе, а объ общинномъ землепользованіи, касающемся многихъ милліоновъ нашихъ крестьянъ, въ учебникѣ нѣтъ ни слова. Въ ученіи объ условіяхъ, необходимыхъ для возможности совершенія брака, авторъ сравнительно подробно останавливается на согласіи брачущихся (здѣсь даже дѣлается краткая экскурсія въ исторію) и на согласіи родителей, о вліяніи же родства упоминаетъ вскользь, а о свойствѣ даже ничего не говоритъ, между тѣмъ какъ въ жизни запрещеніе браковъ между родственниками и свойственниками имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ отсутствіе согласія родителей, да и послѣдствія нарушенія запрещенія браковъ въ первомъ случаѣ гораздо серьезнѣе, чѣмъ во второмъ.

Далѣе нельзя не упрекнуть автора въ умолчаніи, напримѣръ, о

---

[1]) Стр. 150.

[2]) Стр. 119.

дарованіи закономъ 1902 г. дѣтямъ отъ браковъ недѣйствительныхъ правъ дѣтей законныхъ, въ отсутствіи яснаго указанія на такой важный моментъ въ русскомъ наслѣдственномъ правѣ, какъ призваніе къ наслѣдованію по закону родственниковъ безъ ограниченія степенями родства, въ неуказаніи срока, въ который духовное завѣщаніе должно быть представлено къ утвержденію.

Надѣясь, что всѣ указанныя нами погрѣшности, значительно умаляющія достоинства учебника, въ дальнѣйшихъ изданіяхъ будутъ исправлены, мы, съ своей стороны, полагали бы, что учебникъ много бы выигралъ въ пропедевтическомъ отношеніи, если бы авторъ снабдилъ его примѣрами, иллюстрировавшими хотя бы наиболѣе трудныя для читателя мѣста гражданскаго права. Эти примѣры, къ сожалѣнію, отсутствующіе и въ учебникѣ проф. В. Хвостова, гораздо болѣе помогли бы читателямъ усвоить гражданское право, чѣмъ ссылки на Кодексъ Наполеона, отсутствіе которыхъ г. Б. Кистяковскій признаетъ единственнымъ недостаткомъ разбираемаго нами учебника.

Баронъ А. Симолинъ.

R. Charles. The Ascension of Isaiah. London 1900.

Въ настоящее время извѣстны два славянскихъ списка „Видѣнія пророка Исаіи“. Самый древній изъ нихъ находится въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. (л. 90—95 [1]). Второй, отличающійся отъ перваго лишь разночтеніями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—въ Торжественникѣ XIV в. (л. 348 и дал. [2]). Съ именемъ пророка Исаіи извѣстны еще и другія апокрифическія сказанія, напр.: „Слово святаго пророка Исаия, сына Амосова, о послѣднихъ днехъ“ [3]), или „Видѣніе пр҃рка

[1]) Этотъ Сборникъ въ 1895 г. поступилъ изъ библіотеки Успенскаго Московскаго собора въ Синодальную.

[2]) Хранится въ библіотекѣ Хлудова подъ № 195. Первый списокъ опубликованъ въ „Библіографическихъ матеріалахъ“ Андр. Попова: Описаніе Сборника русскаго письма конца XII в., стр. 12—20, см. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1879 г. кн. 1-я; затѣмъ въ „Апокрифическихъ сказаніяхъ“ Тихонравова. С.-Пб. 1894, стр. 32—47, изданныхъ послѣ его смерти въ Сборникѣ русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ, т. LVIII, № 4, и наконецъ въ Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1899 г. кн. II-я, по общему счету 189-я (здѣсь издана часть Успенскаго Сборника до л. 115-го), стр. 129—136. Второй списокъ въ Описаніи рукописей библіотеки Хлудова, сост. Андр. Поповымъ. Москва, 1872 г., стр. 414—419-я.

[3]) *Измарагдъ.* Синод. библіот. № 230; у Толстова въ рукоп. XVI в. отд. II, № 364; въ ркп. XVII—XVIII в. отд. II, № 140; у Ундольскаго въ двухъ спискахъ

Исаіе о послѣднемь вѣцѣ" [1]). Но по содержанію своему они представляютъ совершенно отличныя отъ „Видѣнія пророка Исаіи" произведенія.

Англійскій изслѣдователь апокрифической литературы проф. R. Charles разсматриваетъ славянскій апокрифъ въ своемъ сочиненіи: „The Ascension of Isaiah, translated from the Ethiopic version, which, together with the new Greek fragment, the Latin versions and the Latin translation of the Slavonic, is here published in full; edited with introduction, notes, and indices by R. H. Charles, D. D. professor of Biblical Greek, Trinity College, Dublin. London. Adam and Charles Black. 1900". Какъ видно изъ заглавія этой книги, англійскій ученый, не зная славянскаго языка, пользовался латинскимъ переводомъ апокрифа. Этотъ переводъ сдѣланъ былъ для него проф. Bonwetsch'омъ съ текста апокрифа, опубликованнаго Андр. Поповымъ въ его „Библіографическихъ матеріалахъ" (Успенскій Сборникъ XII в.). Не имѣя подъ руками текста апокрифа, находящагося въ Торжественникѣ XIV в., Bonwetsch воспользовался только варіантами этого списка, которые Андр. Поповъ помѣстилъ въ своемъ изданіи подъ строкою. Такимъ образомъ, благодаря содѣйствію проф. Bonwetsch'a, англійскій ученый получилъ возможность познакомиться съ славянскимъ „Видѣніемъ пророка Исаіи".

Предметомъ изслѣдованія Charles'a является апокрифическое сказаніе, извѣстное въ наукѣ подъ именемъ „Ascensio Isaiae Vatis"— „Восхожденіе пророка Исаіи". Этотъ апокрифъ не дошелъ до нашихъ дней въ греческомъ подлинникѣ. Сохранился только эѳіопскій переводъ его съ греческаго языка въ трехъ спискахъ, изъ которыхъ одинъ хранится въ Оксфордѣ (ркп. XV в.), а другіе два въ Британскомъ Музеѣ (ркп. XV и XVIII в). Первый изданъ профессоромъ, потомъ епископомъ Оксфордскимъ Laurence'омъ [2]), послѣдніе два Dill-

Златоустника XVI—XVII в. №№ 1013 и 1085; въ Соловецк. библ. въ сборникахъ №№ 803, 889 и 913. См. Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой библіотеки. С.-Пб. 1877 (изъ Сборн. русск. языка и словесн. Имп. Ак. Наукъ, т. XVII, № 1), стр. 81-я. Въ этой же книгѣ опубликовано одно изъ такихъ сказаній по ркп. Солов. библ. изъ Сборника № 803, стр. 263—268-я.

[1]) Моск. Публ. Музей № 1172. Опубликовано въ „Апокриф. сказан." Тихонрав. вып. цит. стр. 29—32.

[2]) Ergata Isaijas nabi: Ascensio Isaiae vatis, opusculum pseudepigraphum... cum versione Latina Anglicanaque publici Iuris factum. Oxoniae, 1819. Въ настоящее время это изданіе сдѣлалось библіографическою рѣдкостью.

mann'омъ [1]). Charles главнымъ образомъ слѣдовалъ оксфордскому списку, привлекая по мѣрѣ надобности и другіе.

Краткое содержаніе одиннадцати главъ „Восхожденія пророка Исаіи" таково.

Іудейскій царь Езекія въ 26-й годъ своего царствованія призвалъ сына Манассію для наставленій въ присутствіи Исаіи и другихъ пророковъ. Исаія предсказываетъ при этомъ о своей мученической смерти отъ руки Манассіи (I гл.). Послѣ смерти Езекіи, Манассія, сдѣлавшись царемъ, началъ служить Сатанѣ и его ангеламъ. Исаія и пророки убѣжали въ пустыню. Балькира и другіе ложные пророки начали преслѣдовать истинныхъ (II). Балькира открылъ мѣсто, гдѣ скрылся Исаія съ пророками. Исаія былъ обвиненъ въ томъ, что онъ пророчествуетъ о гибели Іерусалима и Іудеи и утверждаетъ, что видѣлъ самого Бога. Манассія, по наущенію Беріала (Сатаны), повѣрилъ этимъ обвиненіямъ, и Исаія былъ схваченъ. Беріалъ же былъ воспламененъ гнѣвомъ на Исаію за его видѣніе о пришествіи Возлюбленнаго съ седьмого неба на землю, о Его смерти, погребеніи, воскресеніи, проповѣди и чудесахъ, о Его 12 ученикахъ, объ оскудѣніи вѣры и любви на землѣ и о второмъ Его пришествіи (III). Въ послѣдніе дни Беріалъ, великій ангелъ, царь міра сего, сойдетъ съ своей тверди въ образѣ человѣка, царя нечестія, матереубійцы, и начнутся гоненія на растеніе, насажденное 12-ю учениками Возлюбленнаго. Беріалъ будетъ называться богомъ. По прошествіи 1332 дней придетъ Господь съ седьмого неба, вѣрные будутъ награждены, Беріалъ вверженъ въ геенну, а нечестивые будутъ истреблены огнемъ Возлюбленнаго (IV). По причинѣ такого видѣнія, Беріалъ разгнѣвался на Исаію и овладѣлъ сердцемъ Манассіи, который присудилъ пророка къ смерти. Когда распиливали Исаію деревянною пилою, Балькира и другіе ложные пророки насмѣхались надъ нимъ. Беріалъ же безуспѣшно внушалъ пророку отказаться отъ своихъ обличеній. Исаія мужественно переносилъ страданія, пока не былъ распиленъ на двѣ части (V).

Главы VI—XI составляютъ вторую часть апокрифа; онѣ имѣютъ такое заглавіе: „Видѣніе, которое видѣлъ Исаія, сынъ Амосовъ, въ 20-мъ году царствованія Езекіи, царя Іудейскаго".

Исаія, сынъ Амосовъ, пришелъ изъ Галгалы въ Іерусалимъ къ Езекіи, царю Іудейскому. Въ то время какъ Исаія въ присутствіи

---

[1]) *Dillmann.* Ascensio Isaiae Aethiopice et Latine, cum prolegomenis, adnotationibus criticis et exegeticis. Lipsiae, 1877.

пророковъ говорилъ царю о вѣрѣ и истинѣ, духъ его внезапно былъ восхищенъ отъ него на небо, и онъ замолкъ. Дыханіе не оставило пророка, онъ только былъ погруженъ въ видѣніе, которое показывалъ ему ангелъ, посланный съ седьмого неба (VI).

Ангелъ возвелъ Исаію на твердь. Тамъ Исаія увидѣлъ Самаеля и его властей; между ними была великая война, которая не прекратится до конца міра. На первомъ небѣ пророкъ увидѣлъ престолъ, стоящій посрединѣ, а направо и налѣво отъ него ангеловъ; при чемъ ангелы правой стороны имѣли бо́льшую славу сравнительно съ ангелами, стоящими налѣво. Всѣ они воспѣвали Возлюбленнаго, возсѣдающаго на седьмомъ небѣ. На второмъ небѣ было то же самое, только слава его была больше. Исаія хотѣлъ поклониться сидящему на престолѣ, но ангелъ не позволилъ ему. Третье, четвертое и пятое небо отличались только бо́льшею славою (VII). На шестомъ небѣ не было уже престола и раздѣленія ангеловъ на правыхъ и лѣвыхъ. Здѣсь Исаія вмѣстѣ съ ангелами славословилъ Отца, Возлюбленнаго Его—Христа и Духа Святого. Свѣтъ первыхъ пяти небесъ казался пророку мракомъ по сравненію съ свѣтомъ шестого неба (VIII). На седьмомъ небѣ Исаія увидѣлъ чудный свѣтъ и безчисленное множество ангеловъ. Тамъ были и всѣ праведные, начиная отъ Адама. Ангелъ показалъ пророку небесныя книги, въ которыя записываются всѣ дѣла міра, а также одежды, престолы и вѣнцы, которые получатъ вѣрующіе и надѣющіеся на Возлюбленнаго. Послѣ этого Исаія увидѣлъ Нѣкоего стоящаго, слава Котораго была велика и чудна. Всѣ праведники и ангелы подошли къ Нему поклонились и прославили Его, а Онъ измѣнился и сдѣлался, какъ ангелъ. Это былъ Господь всякой славы. Потомъ Исаія увидѣлъ другого, болѣе славнаго, Ему подобнаго, Котораго также прославляли и покланялись праведные и ангелы, но слава Его не измѣнилась сообразно ихъ виду. Видѣлъ Исаія и еще одного, стоящаго по лѣвую сторону Господа. Это былъ Ангелъ Духа Святого. И вотъ Господь и Ангелъ Духа Святого оба вмѣстѣ поклонились и прославили Бога, вслѣдъ за ними поклонились и всѣ праведные съ ангелами (IX). На седьмомъ небѣ Исаія не только слышалъ славословія ангеловъ всѣхъ шести небесъ, но и видѣлъ ихъ. Ангелъ указалъ ему на Бога Отца, Который, посылая Господа Христа, называемаго Іисусомъ, повелѣвалъ Ему пройти незамѣтно всѣ небеса и твердь и сойти на землю и во адъ, уподобиться ангеламъ первыхъ пяти небе́съ, а потомъ со славою взойти на седьмое небо и возсѣсть одесную Бога Отца. И вотъ Исаія увидѣлъ, какъ Господь сошелъ на шестое небо, и всѣ

ангелы восхвалили Его. На остальныхъ пяти небесахъ ангелы не узнали Его, такъ какъ Онъ принялъ видъ ихъ. На третьемъ, второмъ, первомъ небѣ и на тверди ангелы, охранявшіе врата неба, потребовали у Господа пропускъ (видъ), и Онъ далъ имъ. Наконецъ, Онъ уподобился ангеламъ воздуха, но пропуска имъ не далъ, такъ какъ они заняты были взаимными распрями (X). Послѣ этого Исаія увидѣлъ, какъ дѣва по имени Марія, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ со времени ея обрученія Іосифу, безболѣзненно родила Младенца, увидѣлъ Спасителя, Его жизнь на землѣ, чудеса, страданія на древѣ, воскресеніе, посольство 12-и учениковъ на проповѣдь и славное Его восхожденіе на небеса. Великая печаль была на тверди—мѣстопребываніи Сатаны. Ангелы тверди и пяти небесъ изумлялись, какъ Господь незамѣтно для нихъ сошелъ на землю съ седьмого неба. Вездѣ поклонялись и прославляли Его. Восшедъ на седьмое небо, онъ сѣлъ одесную Славнѣйшаго, между тѣмъ какъ Ангелъ Духа Святого сѣлъ налѣво. Послѣдній повелѣлъ Исаіи возвратиться въ свою плоть. Исаія разсказалъ царю и пророкамъ о своемъ видѣніи и запретилъ имъ передавать о немъ народу. Езекія въ 26-ой годъ своего царствованія все это передалъ сыну своему Манассіи, но тотъ впалъ въ рабство Сатанѣ и забылъ наставленія отца, распиливъ Исаію пилою (XI).

По своему содержанію „Восхожденіе пророка Исаіи“ гораздо полнѣе „Видѣнія“. Славянскій апокрифъ соотвѣтствуетъ второй половинѣ эѳіопскаго (VI—XI гл.) и отличается, кромѣ того, болѣе краткимъ текстомъ. Въ какомъ же отношеніи они стоятъ другъ къ другу?

Charles признаетъ „Восхожденіе пророка Исаіи“ сложнымъ произведеніемъ, составленнымъ изъ трехъ совершенно самостоятельныхъ сочиненій: „Мученичества пророка Исаіи“ (I, 1, 2^a, 6^b—13^a; II, 1—III, 12; V, 1^b—14), „Завѣта Езекіи“ (III, 13^b—IV, 18) и „Видѣнія пророка Исаіи“ (VI—XI, 1—40). Когда всѣ эти произведенія соединены были въ одно сказаніе, извѣстное подъ именемъ „Восхожденія“, нельзя сказать съ опредѣленностью. Можно лишь предположительно указать на конецъ второго или начало третьяго вѣка. Что же касается каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, то іудейскій апокрифъ „Мученичество Исаіи“ относится къ I вѣку до Р. Хр. „Завѣтъ Езекіи“, представляющій изъ себя одинъ изъ древнихъ христіанскихъ апокалипсисовъ, написанъ между 88—100 гг. „Видѣніе пророка Исаіи“ въ своей первоначальной редакціи принадлежитъ первому вѣку; вторая редакція его относится ко второму или началу третьяго столѣтія. Этотъ апокрифъ, какъ и „Завѣтъ Езекіи“, христіанскаго происхожденія.

По теоріи Charles'а существовали на греческомъ языкѣ двѣ редакціи „Видѣнія" (Ὅρασις Ἠσαΐου). Греческіе подлинники ихъ не дошли до нашихъ дней. Первоначальная редакція была въ рукахъ Игнатія Богоносца (Послан. его къ Ефес. гл. XIX) и писателей Протоевангелія Іакова (XIV, 2; XIX, 2 и XX, 4) и Актовъ Петра (XXIV, 5—7). Изъ нея приводитъ выдержку Епифаній Кипрскій въ своемъ сочиненіи „Противъ ересей" (LXVII, 3), утверждая, что это произведеніе было въ обращеніи среди гностиковъ іеракитовъ и архонтиковъ. Эта выдержка и является для Charles'а главнымъ аргументомъ въ пользу существованія первоначальной редакціи апокрифа, такъ какъ въ ней есть нѣкоторыя особенности по сравненію съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ второй редакціи. Авторъ „Восхожденія пророка Исаіи", составляя свое произведеніе, воспользовался первоначальнымъ текстомъ „Видѣнія", значительно расширивъ его.

Какъ выше замѣчено, въ настоящее время мы не имѣемъ греческаго подлинника „Видѣнія пророка Исаіи". Первоначальная редакція, повидимому, окончательно утрачена. Не сохранилось даже ея перевода. Вновь открытый греческій фрагментъ, который разсматриваетъ Charles въ своемъ изслѣдованіи, представляетъ собою отрывокъ изъ первой части „Восхожденія" (II, 4—IV, 4). Нѣсколько счастливѣе обстоитъ дѣло со второй редакціей. Ее мы имѣемъ въ двухъ переводахъ: латинскомъ и славянскомъ. Латинскій переводъ апокрифа напечатанъ еще въ 1522 г. въ Венеціи вмѣстѣ съ другими апокрифами [1]). Объ этомъ изданіи скоро забыли, и оно затерялось въ библіотекахъ среди другихъ книгъ. Только послѣ изданія „Восхожденія Исаіи" Laurence'омъ въ 1819 г., Engelhardt и Gieseler отыскали два экземпляра этого изданія въ Мюнхенѣ и Копенгагенѣ, откуда и перепечатали латинскій текстъ апокрифа [2]). Что же касается той рукописи, которая легла въ основу венеціанскаго изданія, то она, очевидно, утрачена навсегда. Въ настоящее время въ рукописи существуетъ только славянскій переводъ второй редакціи. Это и есть „Видѣніе пророка Исаіи" въ Успенскомъ Сборникѣ XII в. и Торжественникѣ XIV в. Тщательное сравненіе славянскаго и латинскаго переводовъ апокрифа указываетъ на ихъ общій греческій оригиналъ (вторая редакція). По теоріи Charles'а нельзя представлять себѣ дѣло

[1]) Изданіе Antonius de Fantis: Opera nuper in lucem prodeuntia, а между ними: Visio mirabilis Ysaiae prophetae. См. *Engelhardt*. Kirchengeschichtliche Abhandlungen. Erlangen, 1832. Die Bagomilens, S. 210.

[2]) *Engelhardt*, op. cit. S. 229—246.

такъ, что составитель „Восхожденія Исаіи“ пользовался тою самою греческою редакціею „Видѣнія“, которая была въ рукахъ у славянскаго и латинскаго переводчиковъ. Съ другой стороны, нельзя представлять дѣло и такъ, что какой-нибудь греческій писатель составилъ сокращенную редакцію апокрифа, пользуясь соотвѣтствующимъ подробнымъ текстомъ „Восхожденія Исаіи“, а нашъ славянскій писатель перевелъ это сокращенное произведеніе. По взгляду Charles'а, вторая половина „Восхожденія“ родственна славянскому апокрифу только по общему ихъ источнику (первоначальная редакція „Видѣнія“), которымъ пользовались, какъ составитель „Восхожденія“, такъ и составитель второй редакціи „Видѣнія“. Первоначально существовала одна только греческая редакція „Видѣнія Исаіи“. Неизвѣстный составитель „Восхожденія“ расширилъ текстъ ея и включилъ ее наряду съ „Мученичествомъ Исаіи“ и „Завѣтомъ Езекіи“ въ составъ своего сложнаго произведенія. Совершенно независимо отъ него одинъ греческій писатель нѣсколько измѣнилъ первоначальную редакцію,— явилась вторая редакція „Видѣнія“, съ которой и были сдѣланы латинскій и славянскій переводы.

Еще задолго до появленія изслѣдованія Charles'а, вопросомъ объ отношеніи славянскаго перевода апокрифа къ латинскому занимался знатокъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ Порфирьевъ. Сравнивая славянскій, латинскій-венеціанскій и эѳіопскій переводы, разнящіяся мѣста которыхъ онъ расположилъ въ параллельныхъ столбцахъ, Порфирьевъ находитъ, что въ томъ спискѣ краткой редакціи, съ которой сдѣланъ былъ славянскій переводъ, были пропуски сравнительно съ оригиналомъ, лежащимъ въ основѣ латинскаго-венеціанскаго изданія, или же этотъ переводъ сдѣланъ съ другой подобной краткой редакціи [1]). Ни то, ни другое допущеніе нельзя признать правильнымъ, такъ какъ пропуски исключительно дѣло славянскихъ переписчиковъ. Порфирьевъ беретъ для сравненія списокъ, находящійся въ Торжественникѣ XIV в., единственно тогда извѣстный ему. Между тѣмъ, этихъ пропусковъ нѣтъ въ болѣе древнемъ спискѣ „Видѣнія Исаіи“, принадлежащемъ къ XII в. (изъ Успенскаго Сборника).

Изслѣдованіе Charles'а главнымъ своимъ предметомъ имѣетъ критику текстовъ апокрифа. Въ настоящее время это самое лучшее изданіе эѳіопскаго и другихъ текстовъ апокрифа съ критическими и экзегетическими примѣчаніями. Кромѣ того, тутъ же есть и англійскій переводъ эѳіопскаго текста. Судьбою разсматриваемаго апокрифа

[1]) Апокриф. сказанія по ркп. Соловецкой библ., стр. 75—80.

Charles вовсе не занимается. Между тѣмъ, исторія распространенія его заслуживаетъ полнаго вниманія. „Видѣніе пророка Исаіи" играло извѣстную роль не только въ греко-славянской, но и въ латинской апокрифической письменности. Возникшее, по всей вѣроятности, среди гностиковъ, оно долгое время употреблялось въ еретическихъ кругахъ. На него постоянно указываютъ греческіе и славянскіе индексы апокрифическихъ книгъ. Уже Апостольскія Постановленія предостерегаютъ отъ чтенія книги Исаіи (VI, 16) [1]). Повидимому, здѣсь разумѣется „Видѣніе Исаіи", такъ какъ „Мученичество" принималось нѣкоторыми отцами и учителями церкви. Перечень книгъ въ одномъ сборникѣ X в. Коаленевой библіотеки упоминаетъ „Ἡσαΐου ὅρασις". Оно перешло и въ славянскую письменность. Запрещеніе „Видѣнія" мы встрѣчаемъ въ славянскихъ спискахъ отреченныхъ книгъ. Въ Сборникѣ Святослава, переведенномъ для болгарскаго царя Симеона съ греческаго языка и въ 1073 г. переписанномъ съ нѣкоторыми перемѣнами для великаго князя Святослава Ярославича, среди другихъ апокрифовъ упоминается и „Исаиино видѣние". Его имѣютъ и другіе древне-русскіе списки книгъ, „которыя почитати и которыя не чести" [2]). Внесеніе „Видѣнія" въ списки запрещенныхъ книгъ объясняется родствомъ его содержанія съ господствующими въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ еретическими представленіями. Съ гностицизмомъ, противъ котораго выступалъ Юстиніанъ въ своихъ законахъ, еретическое движеніе не умерло. Многіе элементы гностицизма приняты были ересями, въ своей основѣ примыкавшими къ древнему манихейству: присцилліанами (въ Испаніи и Аквитаніи) и павликіанами, появившимися въ Арменіи во второй половинѣ VII в. и утвердившимися въ VIII в. во Өракіи. Въ этихъ сектахъ обширная гностическая литература нашла себѣ горячихъ почитателей. Къ нимъ перешло отъ древнихъ гностиковъ и „Видѣніе пророка Исаіи", которое въ Испаніи употреблялось еретиками еще въ V в. Бл. Іеронимъ (ум. въ 420 г.) въ толкованіи на Исаію, гл. LXIV, 4—5, говоритъ, что имъ пользовались испанскіе и лузитанскіе еретики, принимавшіе вымыслы Василида и другихъ учителей гностицизма. Онъ утверждаетъ, что ап. Павелъ въ словахъ: „Не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его" (1 Кор. II, 9), ссылается не на апокрифическія книги, но, какъ еврей изъ евреевъ, за-

---

[1]) См. русскій переводъ Апостольскихъ Постановленій, стр. 187. Казань, 1864.

[2]) *Порфирьевъ*. Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ. Казань, 1872. Гл. II: Происхожденіе индекса апокриф. книгъ, стр. 142—168.

имствуетъ изъ подлинныхъ книгъ, именно изъ Исаіи LXIV, 4, не переводя слово въ слово, чего онъ обыкновенно не дѣлаетъ, а передавая подлинный смыслъ. „Поэтому, пусть смолкнуть нелѣпости апокрифовъ, которые по поводу этого свидѣтельства обращаются въ церквахъ Христовыхъ... Ибо Восхожденіе Исаіи (Ascensio Isaiae) и Апокалипсисъ Иліи имѣютъ это свидѣтельство" [1]). Здѣсь бл. Іеронимъ имѣетъ въ виду не апокрифъ въ цѣломъ, который въ настоящее время обычно называютъ „Восхожденіемъ", а „Видѣніе пророка Исаіи", такъ какъ 1 Кор. II, 9 находится только въ латинскомъ и славянскомъ переводахъ. Къ концу XI в. въ Европѣ быстро начинаетъ распространяться ново-манихейская ересь, вышедшая съ Балканскаго полуострова, гдѣ она сложилась подъ вліяніемъ павликіанскихъ и евхитскихъ ученій. Приверженцы этой ереси извѣстны подъ именемъ богомиловъ на востокѣ и каѳаровъ на западѣ; между ними всегда существовали дѣятельныя сношенія. Евѳимій Зигабенъ въ своемъ „Ἔλεγχος τῆς αἱρέσεως τῶν ἀθέων Μεσσαλιανῶν", какъ онъ называетъ богомиловъ, указываетъ (въ нач. XII в.) на употребленіе еретиками „Видѣнія Исаіи" (4-ый анаѳематизмъ): „Говорящимъ, что кромѣ святой и живоначальной Троицы, есть какая-то другая троица или выше лежащая сущность, возсѣдающая на самомъ высокомъ изъ семи небесъ согласно отвратительному ложно надписанному у нихъ Видѣнію Исаіи (ψευδεπίγραφον παρ' αὐτοῖς τοῦ Ἡσαΐου ὅρασιν) — анаѳема" [2]). Пользовались имъ и каѳары. „Они говорятъ, что есть нѣкоторая книжка Исаіи, гдѣ находится сказаніе, какъ духъ Исаіи восхищенъ былъ изъ тѣла до седьмого неба; тамъ онъ видѣлъ и слышалъ какія-то тайны, на которыя они горячо опираются" [3]). Употребленіе „Видѣнія пророка Исаіи" на востокѣ, главнымъ образомъ въ Болгаріи—центрѣ богомильскаго ученія, и на западѣ среди каѳаровъ послужило причиною перевода его на латинскій и славянскій языки. На Руси, гдѣ плохо отличали истинныя книги отъ ложныхъ, славянскій переводъ „Видѣнія" вошелъ даже въ старо-славянскія Минеи-Четьи, части которыхъ представляютъ собою Успенскій Сборникъ XII в. и Торжественникъ XIV в.

К. Успенскій.

---

[1]) *Comment.* lib. XVII. Migne, Patrologia, lat. t. XXIV, p. 622—623.

[2]) *Tollius.* Insignia Itinerarii Italici, 1696, p. 116—117; цит. у Lücke. Versuch in Offenbarung des Iohannes. Bonn, 1848, S. 277.

[3]) *P. Moneta.* Adversus Catharos et Waldenses ed. Ricchinius, 1742, p. 281; цит. у Lücke, S. 277.

Проф. *Н. И. Стороженко.* **Очеркъ исторіи западно-европейской литературы. Лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1908. 416 стр.**

Наша научная литература чрезвычайно бѣдна курсами по исторіи западно-европейскихъ литературъ. До послѣдняго времени единственнымъ руководствомъ и пособіемъ для студентовъ историко-филологическаго факультета и для болѣе широкаго круга читателей, ищущихъ знакомства съ общимъ ходомъ развитія западныхъ литературъ въ средніе вѣка и въ новое время, служитъ „Всеобщая исторія литературы" Корша-Кирпичникова, составленная по источникамъ и изслѣдованіямъ выдающимися русскими спеціалистами; но этотъ капитальный и единственный въ своемъ родѣ трудъ уже сталъ почти библіографическою рѣдкостью. Нѣкоторые отдѣлы въ этомъ цѣнномъ изданіи устарѣли и нуждаются если не въ переработкѣ, то въ большихъ дополненіяхъ: второй томъ „Всеобщей исторіи литературы", заключающій въ себѣ исторію средневѣковыхъ литературъ, вышелъ въ свѣтъ двадцать шесть лѣтъ тому назадъ. Старый компилятивный трудъ В. Р. Зотова „Исторія всемірной литературы въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ", появившійся въ 1876 г., никогда не имѣлъ научнаго значенія. Трудъ г. П. Когана—„Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ", вышедшій въ нынѣшнемъ году третьимъ изданіемъ, слишкомъ тенденціозенъ и по нѣкоторымъ отдѣламъ (напр., по средневѣковымъ литературамъ) даетъ весьма немного.

Небогаты мы и переводными пособіями и руководствами по исторіи западно-европейскихъ литературъ (въ особенности средневѣковыхъ).

Общій элементарный курсъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ, читанный покойнымъ професоромъ Н. И. Стороженко въ Московскомъ университетѣ, выдержалъ нѣсколько литографированныхъ изданій и до появленія въ печати пользовался самою широкою популярностью среди студентовъ филологовъ столичныхъ и провинціальныхъ университетовъ и до послѣдняго времени служилъ, главнымъ образомъ, пособіемъ для приготовленія къ экзаменамъ. Помимо давно ощущающагося недостатка въ общихъ доступныхъ руководствахъ по исторіи западно-европейскихъ литературъ, широкому распространенію среди учащейся университетской молодежи литографированныхъ лекцій покойнаго профессора, выдающагося спеціалиста, способствовало ясное и живое, нерѣдко образное изложеніе предмета.

Въ февралѣ текущаго годъ этотъ элементарный курсъ изданъ учениками и почитателями покойнаго Н. И. Стороженко, лишь незадолго передъ смертью поручившаго своимъ ученикамъ озаботиться объ этомъ. „Осуществленіемъ порученія, даннаго покойнымъ М. М. Розанову, и является настоящее изданіе, выполненное при совмѣстномъ редакціонномъ сотрудничествѣ съ Е. Г. Брауномъ, А. Ѳ. Лютеромъ и В. К. Мюллеромъ“. Въ основу изданія положены подлинныя рукописи Н. И. Стороженко, служившія ему при чтеніи лекцій; значительная часть лекцій оказалась утраченной; въ такихъ случаяхъ издатели клали въ основу текстъ литографированнаго изданія, тщательно очищая его отъ всѣхъ неизбѣжныхъ въ подобныхъ изданіяхъ неисправностей, ошибокъ и искаженій. „Редакторы задались цѣлью переработать курсъ *въ предуказанномъ самимъ профессоромъ направленіи—восполнить случайные пропуски и приспособить лекціи не только для университетскихъ слушателей, но и для широкаго круга читателей, ищущихъ знакомства съ основными фактами западно-европейскаго литературнаго развитія*“. Въ литографированномъ курсѣ отсутствовали отдѣлы о Петраркѣ, Боккачіо, какъ гуманистѣ, испанской плутовской новеллѣ, „Донъ Кихотѣ“ Сервантеса и Шиллерѣ. Эти пробѣлы восполнены въ изданной книгѣ съ необходимыми сокращеніями или изъ подлинныхъ рукописей другихъ болѣе обширныхъ курсовъ профессора, или изъ его печатныхъ статей. Редакторы всегда относились къ тексту Н. И. Стороженко съ крайнею бережностью и позволяли себѣ дѣлать личныя вставки въ очень рѣдкихъ случаяхъ, только по необходимости. Въ силу указаннаго принципа переработки нѣкоторыхъ писателей (какъ Аріосто и Тассо), нигдѣ не затронутыхъ профессоромъ, пришлось пропустить. Въ цѣляхъ приспособленія курса для широкаго круга читателей редакторы позволяли себѣ нѣкоторыя сокращенія. Такъ ими выпущены отдѣлы, не укладывавшіеся въ общую схему курса — отдѣлъ объ итальянской драмѣ XVIII в., или не соотвѣтствовавшіе его общему характеру обиліемъ фактическихъ подробностей—отдѣлъ объ испанскихъ драматургахъ школы Лопе де Вега и Кальдерона.

Книга заключаетъ въ себѣ 413 стран.; изъ нихъ на долю исторіи средневѣковыхъ литературъ приходится 106 стр.

Въ введеніи (стр. 1—6) дается отвѣтъ на вопросъ, что такое литература и какой объемъ заключаетъ въ себѣ понятіе исторіи литературы. Опредѣленіе исторіи литературы, данное Гердеромъ („литература извѣстнаго народа не есть совокупность всѣхъ произведеній, написанныхъ на языкѣ народа, но только такихъ, въ которыхъ отражается

его умственная физіономія"), по мнѣнію покойнаго профессора, „не выдѣляетъ литературы въ отдѣльную науку, ибо въ немъ смѣшаны задачи исторіи культуры съ чисто культурными задачами".

„Должна быть какая-нибудь черта, отдѣляющая памятникъ, имѣющій культурное значеніе, отъ памятника литературнаго. Черта эта заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ художественности и литературномъ талантѣ писателя"... Опредѣливъ объемъ понятія литературы, авторъ переходитъ къ методу изученія литературныхъ произведеній (эстетическій, историческій, сравнительный, психологическій).

Для удобства изложенія изученіе средневѣковой европейской литературы сосредоточивается вокругъ нѣкоторыхъ общихъ пунктовъ, бывшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и моментами въ культурной жизни средневѣковаго общества (христіанство, феодализмъ, буржуазія).

Первая глава заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ литературы католичества: легенды, духовная драма, нравоучительные разсказы. Сюда же отнесены и хроники, начиная съ хроникъ Евсевія Кесарійскаго, переведенныхъ на латинскій языкъ блаж. Іеронимомъ, и Григорія Турскаго и кончая записками Вильардуэна, Жуанвиля и Фруассара (стр. 25—29).

Вторая глава посвящена краткому обзору феодально-рыцарской литературы во Франціи и Германіи. Здѣсь идетъ рѣчь о составныхъ элементахъ французской національности, о романизаціи Галліи (главнымъ образомъ, по Цезарю и Страбону); старо-французскомъ эпосѣ, его циклахъ (по Гастону Парису); излагается содержаніе „Пѣсни о Роландѣ" и вскользь упоминается о chansons de geste вообще. Затѣмъ авторъ переходитъ къ древне-нѣмецкому эпосу, указываетъ на отрывокъ изъ былины о „Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ", на англосаксонскую поэму о Беовульфѣ (46—47 стр.) и, наконецъ, обращается къ Нибелунгамъ и Кудрунѣ, попутно упоминая о циклѣ Дитриха Бернскаго, поэмѣ о королѣ Ротерѣ, поэмахъ о Гугдитрихѣ и Вольфдитрихѣ. Объ *искусственномъ, придворномъ* эпосѣ въ Германіи—романахъ Гартмана фонъ Ауэ и Готфрида Страсбургскаго говорится мимоходомъ. Затѣмъ слѣдуетъ краткій очеркъ исторіи провансальской лирики (стр. 53—58), при чемъ упоминаются только имена авторовъ сирвентовъ (Гильемъ Фигейра и Пейре Кардиналъ); отдѣлъ о трубадурахъ заключается указаніемъ на вліяніе трубадуровъ на средневѣковую лирику (по Полю Мейеру).

Миннезангу посвящена одна страница (59), и изъ миннезингеровъ указанъ лишь Вальтеръ фонъ деръ Фогельвейде; характеризуется

онъ не какъ выдающійся лирикъ германскаго средневѣковья, а только какъ авторъ политическихъ пѣсенъ. Въ отдѣлѣ о рыцарскомъ романѣ (стр. 59—66) идетъ рѣчь о *Кругломъ столѣ* (о происхожденіи романовъ бретонскаго цикла не говорится); упоминается попутно о романахъ *объ Іосифѣ Аримафейскомъ, св. Граалѣ* („направленіе ихъ мистически-религіозное, и авантюры, въ нихъ описываемыя, имѣютъ своею главною цѣлью отыскиваніе св. чаши Грааля"); излагается со-содержаніе „Ланселота" по роману Вальтера Мапа и „Исторіи о Тристанѣ и Изольдѣ", указывается вскользь на „знаменитѣйшаго изъ труверовъ, обрабатывавшихъ сюжеты изъ цикла Круглаго стола"— Кретьена де Труа и на вліяніе романовъ бретонскаго цикла на европейскую литературу (Пульчи, Аріосто, Боярдо, Т. Тассо); романы объ Амадисѣ Гальскомъ; Спенсера („Царица фей"), Шекспира („Король Лиръ"). Знаменитымъ нѣмецкимъ романистамъ Гартману фонъ Ауэ, Вольфраму фонъ Эшенбаху и Готфриду Страсбургскому удѣлено лишь десять строкъ (стр. 66). Далѣе идетъ рѣчь о романахъ античнаго цикла („Троянская война" Бенуа де Сенъ Мора, романъ Lambert le Tort и Alexandre de Bernai объ Александрѣ Македонскомъ) и о средневѣковыхъ сказаніяхъ о Вергиліи (стр. 66—70).

Литература *буржуазно-сатирическая* обслѣдована съ большею полнотою, чѣмъ *литература католичества* и *феодально-рыцарская* (третій отдѣлъ, стр. 71—98). Здѣсь указывается мимоходомъ на возвышеніе съ XII в. буржуазіи (charte communale) и на отраженіе этого возвышенія въ литературѣ. Самымъ яркимъ выразителемъ протеста и сатирическаго отношенія къ рыцарству признаются *poëmes d'aventure* и пародіи на chansons de geste. Далѣе слѣдуетъ характеристика *фабльо* (fabliaux, dits, contes)—„самый богатый отдѣлъ средне-вѣковой буржуазной литературы"; пересказывается содержаніе „Dit de la vessie du curé", „Le vilain mire", „Mercier" и „la housse partie". Отъ фабльо авторъ переходитъ къ *швенкамъ*, сатирической новеллѣ о *Попѣ Амисѣ* и роману о *Тилѣ Эйленшпигелѣ*, который „черезъ Польшу перешелъ и къ намъ, и былъ извѣстенъ подъ страннымъ названіемъ „Совѣстьдрала" (стр. 80). Въ этомъ же отдѣлѣ пересказывается содержаніе „Декамерона" (стр. 80—83), „Кентерберійскихъ разсказовъ" (стр. 83—87), различныхъ браншей „Романа о Лисѣ" (стр. 87—92). Заканчивается отдѣлъ краткимъ изложеніемъ содержанія и характеристикой „Романа о Розѣ" (стр. 92—98). Издателемъ этого романа ошибочно названъ Поленъ Парисъ. Полену Парису принадлежатъ двѣ большихъ статьи о „романѣ Розѣ": „Roman de la Rose", Histoire littéraire de la France,

t. XXIII, p. 1—61 и „Jean de Meun, traducteur et poète", Hist. littéraire, t. XXVIII, p. 391—439.

Данту посвящена четвертая глава (стр. 99—106). Послѣ очень краткой біографіи поэта и упоминанія о „Новой жизни", „Canzoniere", „De Monarchia", „De vulgario eloquio" и „Convivio" излагается содержаніе „Божественной Комедіи" (стр. 101—103), указывается на основную тенденцію и художественныя достоинства поэмы. Дантомъ и заканчивается краткое обозрѣніе исторіи средневѣковыхъ литературъ.

Возрожденію въ Италіи предносылается общая характеристика эпохи Возрожденія (очень краткая: стр. 108—112); попутно проводится параллель между искусствомъ средневѣковымъ и новымъ. Послѣ указанія на главныя причины первенствующаго положенія Италіи въ эпоху Возрожденія авторъ переходитъ къ краткой характеристикѣ Петрарки, какъ гуманиста (изъ латинскихъ его сочиненій названа только „Africa") и Боккачіо (стр. 114—119). Далѣе идетъ рѣчь о центрахъ гуманистическаго движенія въ Италіи (Флоренція, Римъ, Неаполь).

Въ главѣ, посвященной Возрожденію въ Германіи (стр. 127—142), послѣ указанія на періоды нѣмецкаго гуманизма и на борьбу гуманистовъ съ обскурантами излагается содержаніе „Писемъ темныхъ людей" (стр. 131—134) и дается характеристика Ульриха фонъ Гутена (стр. 134—137) и Эразма Роттердамскаго (137—142).

Исторіи Возрожденія во Франціи удѣлено также немного страницъ (стр. 143—160). Здѣсь мы находимъ небольшіе очерки о Деперье (стр. 144—146), Раблэ (стр. 146—154) и Монтэнѣ (стр. 154—160); упоминается о кружкѣ Маргариты Наварской (Доле, Маро). Плеяды, Ронсара и Іоахима дю Беллэ авторъ касается мимоходомъ въ отдѣлѣ исторіи литературы новаго времени.

Въ слѣдующей главѣ дается краткая характеристика англійскаго гуманизма, „Утопіи" Т. Мора и „Школьнаго учителя" Эшэма; конспективно излагается исторія драмы до Шекспира (Лилли, Марло, Гринъ—стр. 165—176). За краткой біографіей Шекспира (стр. 176—178) слѣдуетъ характеристика его произведеній (стр. 178—182), драматическаго таланта и міросозерцанія (стр. 182—185).

Исторія испанскаго Возрожденія занимаетъ стр. 187—216. Авторъ останавливается на „плутовской" новеллѣ (стр. 187—192), говоритъ объ основной задачѣ „Донъ-Кихота" Сервантеса, вкратцѣ излагаетъ содержаніе романа. Очеркомъ исторіи испанскаго театра (пьесы Сервантеса, произведенія Лопе де Вега, стр. 205—211, и Кальдерона

(стр. 211 — 216) — заключается исторія литературы эпохи Возрожденія.

Литературѣ новаго времени отведено 193 страницы. Ложно-классической трагедіи предпослано нѣсколько словъ о Плеядѣ, Ронсарѣ, дю Беллэ и Жоделѣ; затѣмъ въ общихъ чертахъ характеризуется литературная дѣятельность Пьера Корнеля (стр. 219—221), разсматривается „Піитика" Буало (стр. 219—221). Отъ Буало авторъ переходитъ къ писателямъ первой половины XVII вѣка: Малербъ (стр. 223—224), Скюдери (стр. 224), Лафайетъ (стр. 225), Скарронъ (стр. 227), Сорель и Фюретьеръ (стр. 228—230). Писателямъ эпохи Людовика XIV посвящены страницы 234—261. Характеристики Босюета, Расина (стр. 237—241), Лафонтена, Лабрюэра, де Севинье и Сенъ-Симона кратки. Мольеру посвященъ болѣе обстоятельный очеркъ, чѣмъ его предшественникамъ (стр. 249—261); приводятся отзывы о немъ Гете и Сентъ-Бева. Нельзя не пожалѣть, что въ очеркѣ, посвященномъ Мольеру, не упоминается объ источникахъ его комедій (если не считать нѣсколькихъ словъ объ „Aulularia" Плавта и испанской легендѣ о Донъ-Хуанѣ Тенорiо, драматизированной Тирсо ди Молина).

Глава объ англійской литературѣ XVII в., на нашъ взглядъ, одна изъ самыхъ интересныхъ и лучшихъ. Въ началѣ указывается на преобладаніе теологическихъ интересовъ надъ интересами литературными въ концѣ царствованія Елизаветы, на отношеніе пуританъ къ Кальвину, на вліяніе пуританскихъ воззрѣній на литературу (стр. 261—264); дается краткая, но яркая характеристика поэмы Джона Бэньяна „Странствованіе паломника", при чемъ попутно отмѣчается „превосходная" характеристика поэмы, сдѣланная Достоевскимъ въ рѣчи о Пушкинѣ. Стр. 267—277 посвящены обозрѣнію литературной дѣятельности Мильтона, „въ разносторонней многогранной натурѣ котораго отразились не только лучшія стороны пуританизма, но и лучшіе завѣты догоравшей эпохи Возрожденія". Далѣе даются небольшія характеристики Драйдена, Уичерли, Гоббза и Локка (стр. 278—289). Такой же интересъ представляетъ и глава, заключающая въ себѣ краткій очеркъ исторіи англійской журналистики XVII вѣка и литературной дѣятельности Попа, Джонсона, Ричардсона и Стерна (стр. 291 — 309). Послѣднія страницы въ этой главѣ касаются англійской комедіи (Шериданъ) и лирики (нѣсколько словъ о Юнгѣ, В. Коуперѣ, „Элегіяхъ" Грина; болѣе подробно о Робертѣ Бернсѣ).

Отдѣлъ о французской литературѣ эпохи „Просвѣщенія" начинается очеркомъ литературной дѣятельности Вольтера (одинъ изъ лучшихъ въ курсѣ); отмѣчается „Генріада", „какъ проповѣдь религіозной терпимости, воплощенной въ личности великаго короля Генриха IV"; приводятся отзывы Шлоссера и Бокля объ историческихъ трудахъ Вольтера, котораго авторъ считаетъ „рѣшительнымъ новаторомъ въ области историческаго изложенія". Очеркъ заключается характеристикой личности философа и подведеніемъ итоговъ его литературной дѣятельности (стр. 325); здѣсь приводятся отзывы Лессинга, Гете, Штрауса, Карлейля, Геттнера, при чемъ указывается на отсутствіе въ ихъ сужденіяхъ „прочной исторической основы" („чтобы оцѣнить и характеръ, и литературную дѣятельность Вольтера, надо мѣрить и то, и другое не идеальнымъ, а историческимъ масштабомъ"... „что касается до положительной стороны его литературной дѣятельности, то развѣ проповѣдь терпимости и милосердія, гуманности и свободы не составляетъ самой высокой и благородной цѣли, которую можетъ поставить себѣ писатель". Стр. 316—328). Произведеніямъ Монтескье, Дидро и энциклопедистовъ отводятся страницы 328—340. Подробнѣе обслѣдована литературная дѣятельность Ж. Ж. Руссо (340—354).

Обозрѣніемъ (слишкомъ уже краткимъ) исторіи французской комедіи послѣ Мольера заключается французская литература XVIII в. (Реньяръ, Лесажъ, Детушъ, Мариво, „родоначальникъ тѣхъ салонныхъ водевилей, которые подъ именемъ proverbes, были въ большой модѣ во Франціи въ 30—40-хъ гг. и въ которыхъ особенно прославился А. де Мюссе"); нѣсколько словъ о „слезливой" комедіи предшествуютъ небольшому очерку о Бомарше (стр. 357—361).

Послѣдняя глава „Очерка исторіи западно-европейской литературы" посвящена XVIII в. въ Германіи (всего 50 стр.)—здѣсь конспективно излагаются литературныя теченія XVI и XVII вв., эпоха Фридриха Великаго и, наконецъ, литературная дѣятельность Лессинга, Гете и Шиллера (368—412); послѣднія строки относятся къ „Фаусту" Гете: „воплотивъ въ личности Фауста первой части титаническія стремленія своей собственной юности, Гете надѣлилъ его во второй части тѣмъ счастьемъ, котораго онъ самъ достигъ въ старости и которое состояло въ сознаніи, что онъ прожилъ жизнь свою не даромъ, что своими произведеніями онъ увеличилъ сумму свѣта, тепла и гуманности въ современномъ ему обществѣ".

Изъ вышеприведеннаго обзора содержанія труда покойнаго профессора Н. И. Стороженко до извѣстной степени видно, какіе изъ отдѣловъ исторіи западно-европейскихъ литературъ, средневѣковыхъ и новыхъ, изложены болѣе или менѣе детально, какіе—въ общихъ чертахъ и что не разсмотрѣно вовсе. Достоинства изданнаго курса—достоинства всѣхъ трудовъ покойнаго Н. И. Стороженко: ясность и стройность изложенія и ярко выраженное гуманное направленіе.

„Очеркъ исторіи западно-европейской литературы"—полезное пособіе не только для студентовъ филологовъ, но и для читателей, интересующихся общимъ ходомъ развитія западныхъ литературъ, въ эпоху Возрожденія и въ новое время. Для ознакомленія же съ главными теченіями средневѣковыхъ литературъ тѣхъ элементарныхъ, конспективно изложенныхъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ книгѣ, едва ли будетъ достаточно. Читатель, не имѣющій возможности расширить свои историко-литературныя познанія, ограничившись этимъ курсомъ, не будетъ имѣть яснаго представленія ни о зарожденіи средневѣковой лирики, ни о пѣсняхъ миннезингеровъ и о происхожденіи chansons de geste, ни о такихъ выдающихся писателяхъ, какъ Гартманъ фонъ Ауэ, Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ, Готфридъ Страсбургскій, произведенія которыхъ — одна изъ наиболѣе яркихъ страницъ въ исторіи нѣмецкой культуры; ни о такомъ выдающемся поэтѣ, какъ Виллонъ, ни о chef d'oeuvre'ѣ французской новеллистики — „Aucassin et Nicolette" и т. д. и т. д.

Мы не можемъ не одобрить той крайней бережности, съ которою издатели-ученики относились къ тексту покойнаго профессора Стороженко, учителя не только воспитанниковъ Московскаго университета, но и всѣхъ, кто занимался у насъ исторіей всеобщей литературы, въ частности англійской. Съ такою же бережностью къ курсу покойнаго учителя М. Н. Петрова относились проф. В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ и А. Н. Деревицкій (см. проф. М. Н. Петровъ, Лекціи по всемірной исторіи. Изданіе второе, обработанное и дополненное); но въ виду значительной отсталости курса Петрова, его ученики, сохраняя неприкосновенность текста, приложили всѣ старанія, чтобы переиздаваемый курсъ стоялъ на уровнѣ современной науки. Благодаря обширнымъ дополненіямъ и богатой библіографіи, читатель книги Петрова имѣетъ полную возможность расширить свои элементарныя познанія и быть въ курсѣ современныхъ научныхъ теченій.

Привѣтствуя появленіе элементарнаго курса покойнаго Стороженко, позволяемъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы въ слѣдующемъ изданіи

онъ былъ снабженъ дополненіями. За послѣднее время на Западѣ разработка и средневѣковыхъ, и новыхъ литературъ ведется съ большою интенсивностью; появляются изданія вновь открытыхъ памятниковъ, изслѣдованія, нерѣдко измѣняющія ту точку зрѣнія, съ которой раньше разрѣшались тѣ или другіе историко-литературные вопросы; появляются, наконецъ, цѣнныя пособія (Gröber, Grundriss der romanischen Philologie; Paul, Grundriss der germanischen Philologie; Suchier und Birch-Hirschfeld, Geschichte der französischen Litteratur; Gaston Paris, Esquisse historique de la littérature française au moyen âge и т. д. и т. д.).

Во второмъ изданіи желательно также пополнить и библіографическій отдѣлъ. Редакторами „Очерка исторіи западно-европейской литературы“ „съ цѣлью приспособленія курса для болѣе широкаго круга читателей прибавлены библіографическія указанія послѣ каждаго болѣе или менѣе законченнаго отдѣла курса. Не задаваясь вовсе цѣлью дать исчерпывающую предметъ библіографію, они стремились указать по каждому отдѣлу только пособія на русскомъ языкѣ и притомъ такія, которыя, по ихъ мнѣнію, наиболѣе пригодны читателю для расширенія и углубленія элементарныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ въ курсѣ“.

Мы не нашли въ изданной книгѣ указаній на слѣдующія пособія на русскомъ языкѣ. 1) „Пѣснь о Роландѣ“. Русская классная библіотека, издаваемая подъ редакціей Чудинова. 2) Буслаевъ, „Пѣснь о Роландѣ“, Отечественныя Записки, 1864. 3) Веселовскій, А. Н. Гдѣ родина легенды о св. Гралѣ? 4) Веселовскій, А. Н. Боккачіо, его среда и сверстники. 5) Дашкевичъ, Н. П. Изъ исторіи средневѣковаго романтизма. Сказанія о св. Гралѣ. 1876. 6) Дашкевичъ, Романтика Круглаго стола въ литературахъ и жизни Запада. Вып. 1. 1890. 7) Дашкевичъ, Вопросъ о происхожденіи и развитіи эпоса о животныхъ по изслѣдованіямъ послѣдняго тридцатилѣтія, 1904. 8) Кирпичниковъ, А. И. Кудруна, 1874. 9) Кирпичниковъ, Поэмы ломбардскаго цикла. Опытъ сравнительнаго изученія западнаго и русскаго эпоса. 1873. 10) Кирпичниковъ, Бодмеръ и Готшедъ, Русск. Вѣстникъ, 1874. 11) Похвала глупости Эразма Роттердамскаго. Переводъ и предисловіе Кирпичникова. 1884 (первоначально въ Загран. Вѣстн.). 12) „Сеньера Корнелія“ Сервантеса. Перев. Кирпичникова. Русскій Вѣстн. 1872. 13) Колмачевскій, Л. З. Животный эпосъ на западѣ и у славянъ. 1882. 14) Петровъ, М. Н. Ульрихъ фонъ Лихтенштейнъ (Очерки по всемірной исторіи). 15) Созоновичъ, И., Очеркъ средневѣковой эпической поэзіи и литературная судьба пѣсни о Нибелунгахъ, 1889.

16) Шепелевичъ, Л. Ю. Этюды о Данте. 1890, 17) Кудруна чч. I и II. 1896, 18) Нѣмецкая повѣсть на славянской почвѣ. 1895, 19) Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры. 1900, 20) Патріотизмъ Петрарки (Историко-литературные очерки, серія II. 1905), 21) Бытъ и нравы Германіи XII—XIII ст. по Цезарію Гейстербахскому, 22) „Венеціанскій купецъ" Шекспира („Очерки", сер. I), 23) „Фаустъ" Гете, 1900 г. 24) Веселовскій, А. Н. Женщина и старинныя теоріи любви, Бесѣда. 1862. 25) Аничковъ, Е. В. Очерки литературной исторіи Арраса XIII в. *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1900. № 2, 26) Зачатки лирики, *Жур. Мин. Нар. Просв.* CCLXVIII, отд. 2. 27) Гастонъ Парисъ, Восточныя сказки въ средневѣковой французской литературѣ. Переводъ съ предисловіомъ Л. Ю. Шепелевича. 1886. 28) Джозуэ Кардуччи, Очеркъ развитія національной литературы въ Италіи (пять лекцій). Переводъ Н. Риттера. 1897. 29) Чосеръ, Кентерберрійскіе разсказы. Переводъ. Изданіе Вѣстника Иностр. Литературы. 30) Литтре, Историческіе этюды. Варвары и средніе вѣка (поэмы приключеній—„Робертъ Діаволъ", „Флоръ и Бланшфлоръ", „Варлаамъ и Іоасафатъ", Мистеріи). Переводъ Л. Маркевичъ. 1874. 31) Ивановъ, Трубадуры и миннезингеры. 32) Ирмеръ, Г. Ю. Гартманъ фонъ Ауэ и его произведенія, главнымъ образомъ „Бѣдный Генрихъ". 1904. 33) Вальтеръ ф. д. Фогельвейде. 1894. 34) Соловьевъ, С. Провансальская поэзія. Общедоступное чтеніе. 1899. 35) Послѣдній миннезингеръ. Освальдъ ф. Волькенштейнъ. 1902. 36) Бомарше, Трилогія. Переводъ Чудинова, характеристика А. Н. Веселовскаго. 1888.

Въ качествѣ пособій для изученія средневѣковой литературы редакторами „Очерка исторіи западно-европейской литературы" рекомендуется на иностранныхъ языкахъ только два труда: Gaston Paris. La littérature française au moyen âge. Paris. 1888 (Слѣдовало бы указать не на первое изданіе а на *третье*—„revue, corrigée, augmentée" 1905) и Ten Brink, Geschichte der englischen Litteratur, Strassburg. 1877—1893. Изъ иностранныхъ пособій мы бы указали еще слѣдующія: G. Paris, Esquisse historique de la littérature française au moyen âge (depuis les origines jusqu'à la fin du XV Siècle), 1907. Suchier und Birch-Hirschfeld, Geschichte der französischen Litteratur, 1900. Biese, A. Deutsche Litteraturgeschichte. I. B. (Von den Anfängen bis Herder) 1907. Engel, Geschichte der deutschen Litteratur, 2-te Auflage, 1907.

С. Соловьевъ.

Прив.-доцентъ *А. И. Успенскій.* Очерки по исторіи русскаго искусства. Русская живопись въ XV—XVII вв. Москва. 1906 г. 97 стр.

Содержаніемъ очерковъ является обзоръ русской живописи XV—XVII вв. При чемъ, какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ, вышеупомянутое сочиненіе является пріятною и рѣдкою новостью въ художественно-археологической литературѣ.—Такъ, въ первомъ очеркѣ: „Иконописаніе до второй половины XVII вѣка" не сказано новаго, можетъ быть, ничего, такъ какъ матеріалы по иконографіи за древнѣйшій періодъ русскаго искусства общеизвѣстны, общія положенія за эту эпоху давно уже твердо установлены, зато въ этомъ очеркѣ дано описаніе превосходныхъ и рѣдчайшихъ памятниковъ древне-русской иконописи, хранящихся въ собраніи братьевъ П. и С. Третьяковыхъ (Третьяковская галлерея) и въ предѣлахъ (въ главахъ) Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ. Братья Третьяковы, какъ глубокіе знатоки русскаго искусства, стараго и новаго, собрали замѣчательную коллекцію иконъ, богатыхъ не по количеству номеровъ, но по типичности и художественному исполненію памятниковъ. Въ печати эти иллюстраціи появляются впервые. Что же касается иконъ изъ главъ Благовѣщенскаго собора, то онѣ являются счастливымъ исключеніемъ (изъ ряда другихъ памятниковъ Москвы), именно—своею сохранностью.

По тщательности исполненія, по композиціямъ, по красотѣ удивительныхъ окладовъ, едва ли что можно найти выше этихъ иконъ среди сохранившихся (безъ реставрацій) въ Москвѣ образовъ XVII вѣка. Происхожденіе этихъ иконъ авторомъ точно установлено.

Во второмъ очеркѣ: „Фрески паперти Благовѣщенскаго собора" сообщаются ужасныя свѣдѣнія о томъ, какъ у насъ губятъ рѣдчайшіе памятники и произведенія искусства лица, яко бы причастныя къ нему. Едва ли кому изъ посѣтителей Благовѣщенскаго собора приходила въ голову мысль, что большинство существующихъ въ настоящее время стѣнописей храма не есть произведеніе старинныхъ мастеровъ, а лишь результатъ неудачныхъ реставрацій и искаженій. Послѣдняя такъ называемая „реставрація", реставрація стѣнописей въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, руководимая quasi компетентными знатоками искусства, стоила огромныхъ тысячъ; но, увы!—она замазала и то, что случайно проявилось было наружу при расчисткѣ фресокъ. Изслѣдователь приводитъ, въ качествѣ иллюстрацій, фотографіи съ этихъ замѣчательныхъ картинъ, писанныхъ, быть можетъ, извѣстными западными художниками при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, послѣ большого московскаго пожара. Особенно удивительны

детали композиціи „О тебѣ радуется"; тамъ было изображеніе святителя, держащаго въ рукахъ модели (въ разрѣзѣ) Благовѣщенскаго собора и теремовъ. Выраженіе лицъ на этой картинѣ удивительное, необыкновенно правильное; исполненіе религіознаго экстаза, драпировка одеждъ легка и изящна. Этихъ шедевровъ искусства уже нѣтъ,— они существуютъ лишь въ фотографіяхъ.

Въ третьемъ очеркѣ: „Вліяніе иностранныхъ художниковъ во второй половинѣ XVII вѣка", сообщаются новыя свѣдѣнія, добытыя изъ архивовъ и изученія памятниковъ вещественной старины, о вліяніи за названный періодъ иностранныхъ художниковъ. Это вліяніе было гораздо шире и разностороннѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Оно проявлялось и въ архитектурѣ и въ живописи, въ рѣзьбѣ, орнаментѣ и шитьѣ,—оно шло съ запада и съ востока. При дворѣ московскихъ царей всегда работало по нѣсколько десятковъ иностранцевъ. Тутъ были иностранные художники изъ Германіи, Польши, Греціи, Англіи, Персіи и Арменіи. Въ качествѣ иллюстрацій къ этому очерку даны фототипіи съ восьми неизвѣстныхъ дотолѣ въ археологической литературѣ памятниковъ, исполненныхъ или самими иностранцами, или при ихъ непосредственномъ руководствѣ.

Слѣдующій очеркъ носитъ заглавіе: „Живописецъ Познанскій, его произведенія и его ученики". До сихъ поръ мы ровно ничего не знали о Познанскомъ; онъ выведенъ изъ небытія къ бытію авторомъ очерка. Познанскій былъ крупный талантъ. Полякъ или еврей, онъ еще мальчикомъ поступилъ въ Оружейную Палату, въ ученики къ знаменитому иконописцу-художнику Ивану Артамоновичу Безмину; вскорѣ освоился со своимъ дѣломъ и своимъ искусствомъ обратилъ вниманіе царя Θеодора Алексѣевича. Для него онъ исполнилъ нѣсколько заказовъ. Одинъ изъ нихъ—иконостасъ въ Распятской церкви въ кремлевскомъ дворцѣ,—по удивительной случайности, уцѣлѣлъ до нашихъ дней.—Это цѣлыхъ сорокъ полотенъ слишкомъ (какъ извѣстно, картинъ на полотнѣ XVII вѣка уцѣлѣло слишкомъ немного, онѣ всѣ извѣстны наперечетъ). „Если, говоритъ авторъ, до настоящаго времени мы не знали въ исторіи нашей живописи за XVII вѣкъ болѣе крупнаго имени, чѣмъ Симонъ Ушаковъ, то теперь—наряду съ этимъ художникомъ выступаетъ другой, не менѣе знаменитый талантъ—Познанскій". Всѣ произведенія Познанскаго прекрасно воспроизведены въ очеркахъ фототипіями.

Исторію своего бытового жанра мы обыкновенно начинаемъ съ XIX вѣка, съ Венеціанова. Но оказалось, что его исторію возможно

начать на цѣлыхъ два столѣтія ранѣе. Доказательствомъ этого служитъ пятый очеркъ: „Русскій жанръ въ XVII вѣкѣ". Здѣсь подробно описаны и воспроизведены въ иллюстраціяхъ прелюбопытнѣйшія бытовыя картинки,—произведенія нашихъ русскихъ художниковъ 1670 г. Тутъ изображены и русская баня, и сѣнокосъ, и пахота, обозъ, нищій, просящій милостыню, и любовныя сцены.

Очерки напечатаны съ возможною роскошью, доступною лишь для очень немногихъ изданій; и это дѣлаетъ честь издателю Ник. Пав. Рябушинскому, не постоявшему передъ крупными затратами для того, чтобы изданіе новыхъ открытій въ исторіи русскаго искусства вполнѣ удовлетворяло и археологовъ и художниковъ.

В. Клейнъ.

Книжныя новости.

А. С. Вязигинъ, проф. Въ туманѣ смутныхъ дней. Сборникъ статей, докладовъ и рѣчей. Харьковъ 1908. Стр. 479. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ сборникъ проф. А. С. Вязигина вошли статьи, написанныя имъ съ 1902 по 1906 годъ и помѣщенныя главнымъ образомъ въ „Мирномъ Трудѣ". Почти всѣ статьи имѣютъ злободневный, какъ теперь принято выражаться, характеръ, и мы усердно рекомендуемъ книгу проф. Вязигина вниманію читателя, который найдетъ въ книгѣ не отвлеченныя разсужденія, а живой опытъ,—ибо борьба, о которой повѣствуетъ книга проф. Вязигина, пережита имъ самимъ; написанное—выстрадано имъ самимъ. Какихъ бы политическихъ взглядовъ ни держался читатель, онъ долженъ будетъ признать, что проф. Вязигинъ всегда открыто и смѣло высказываетъ свое мнѣніе; это отнюдь не нравится многимъ изъ тѣхъ, кто стоитъ за свободу слова на словахъ, но на дѣлѣ проявляетъ крайнюю нетерпимость. Проф. Вязигинъ это испыталъ въ полной мѣрѣ. Статьи по большей части написаны по случайнымъ поводамъ, но эти поводы разобраны съ принципіальной точки зрѣнія. Выслушать мнѣніе проф. Вязигина о томъ, что происходитъ въ нашихъ университетахъ, что пережила наша „интеллигенція", всегда полезно. Для примѣра возьмемъ статью „Программа чтеній для самообразованія". Проф. Вязигинъ указываетъ на то, что программы составлены партійно и что комитетъ при педагогическомъ музеѣ имѣетъ въ виду не столько научную цѣнность рекомендуемыхъ имъ книгъ, сколько ихъ пригодность для извѣстныхъ партійныхъ цѣлей. Это, конечно, справедливо относительно нѣкоторой части рекомендуемыхъ книгъ, но все же придется сказать, что упоминаемыя книги имѣютъ въ большинствѣ случаевъ хоть нѣкоторое научное значеніе; но что сказалъ бы проф. Вязигинъ о тѣхъ комитетахъ, которые рекомендуютъ для „самообразованія организованнымъ кружкамъ изъ гимназистовъ, гимназистокъ, реалистовъ и учениковъ учительскихъ институтовъ" чтеніе Писарева, Миртова, Михайлова, Дра-

пера, „Нашихъ разногласій“ г. Плеханова, наконецъ Лассаля и Маркса. Вотъ, дѣйствительно, полезный для гимназистовъ подборъ книгъ! О комитетѣ, рекомендующемъ эту любопытную програму самообразованія, повѣствуетъ г. Акимовъ въ „Очеркѣ развитія соціалъ-демократіи въ Россіи“, и эта програма обошлась Россіи весьма дорого.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ 1908 года.

— Труды Саратовской ученой архивной коммиссіи 1908 года. Вып. XXIV. Саратовъ 1908. 151+152 стр. Цѣна 1 руб. 25 коп.

— *Гипоушевъ, А. М.* Отрывокъ писцовой книги Вотской пятины второй половины 1504—1505 г., содержащій въ себѣ опись части дворцовыхъ земель этой пятины. Кіевъ 1908. 110+XIII стр.

— *Бѣдновъ, В. А.* Православная церковь въ Польшѣ и Литвѣ (по Volumina legum). Екатеринославъ 1908. XVII+511 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

— *Бекштремъ, А.* Изслѣдованія изъ области этрускологіи. Выпускъ II. С.-Пб. 1908. II+174 стр.

— Труды Вятской ученой архивной коммиссіи 1908 года. Выпускъ I. Вятка 1908. 18+съ 307 по 324+20+54+110+IV стр.

— *Кнауэръ, Ф. И., проф.* Учебникъ санскритскаго языка. Грамматика—хрестоматія—словарь. Лейпцигъ 1908. VIII+296 стр. Цѣна 2 руб.

— Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, совершенной въ 1899 — 1901 гг. подъ руководствомъ П. К. Козлова. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ VII. Arthropoda. Выпускъ первый. С.-Пб. 1908. 150 стр.+3 табл. (=двукрылыя и перепончатокрылыя. Diptera et hymenoptera. Обработали Т. Бекеръ, П. Штейнъ и Фр. В. Коновъ).

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ сто двадцать шестой. Юрьевъ 1907. XXXVI+615+VIII стр. Цѣна 3 руб. [=Бумаги Кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею А. Н. Филиппова. Томъ IX. (1739 г.). (Январь и іюнь)].—Томъ сто двадцать седьмой. С.-Пб. 1908. XI+517+VIII стр. Цѣна 3 руб. [=Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Изданы подъ редакціей предсѣдателя общества А. А. Половцева. Томъ III. 1819—1820].

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ СИМБИРСКАГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ [1]).

V.

Вопросъ объ участіи государственнаго казначейства въ расходахъ на содержаніе народныхъ училищъ рѣшенъ былъ, при изданіи положенія 1864 года, отрицательно, и содержаніе ихъ было отнесено на счетъ мѣстныхъ средствъ, т. е. преимущественно крестьянскихъ обществъ, земствъ и городовъ. Однако вскорѣ признано было необходимымъ отпускать изъ казны извѣстную, сначала незначительную (306.000 руб. на всю Имперію) сумму на устройство образцовыхъ начальныхъ училищъ, поддержаніе существовавшихъ школъ, пособіе учителямъ и т. д. Обращаясь къ даннымъ, касающимся расходовъ на начальное народное образованіе въ Симбирской губерніи съ 1871 г. по 1904 г., съ подраздѣленіемъ ихъ по источникамъ и съ опредѣленіемъ процентнаго отношенія ихъ къ общей суммѣ каждаго года, мы получимъ слѣдующую таблицу: (см. табл. на стр. 2—3).

За 34 года школьный бюджетъ, равнявшійся въ 1871 году 65.205 р., увеличился на 583,4% или почти въ семь разъ, при чемъ возрастаніе расходовъ изъ разныхъ источниковъ происходило неравномѣрно, такъ какъ взаимное отношеніе расходовъ разныхъ учрежденій и лицъ съ годами измѣнялось. Въ теченіе продолжительнаго времени средства, отпускавшіяся изъ государственнаго казначейства, были весьма незначительны. Напр., въ 1871 году сумма ихъ равнялась 1.590 р., т. е. составляла всего 2,4% общей суммы расходовъ на школы Сим-

[1]) *Окончаніе.* См. октябрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1908 годъ.

Г о д ы.	Изъ государственнаго казначейства.		Отъ земства.		Отъ городскихъ обществъ.
	Общая сумма.	%	Общая сумма.	%	Общая сумма.
1871	1.590	2,4	10.616	16,3	4.658
1872	1.590	2,1	13.206	17,7	5.153
1873	3.132	4,0	9.059	11,4	7.630
1874	3.584	4,0	10.293	11,4	9.253
1875	7.254	7,0	16.377	15,7	11.572
1876	6.936	5,2	25.278	18,9	14.798
1877	7.558	5,3	34.011	23,7	16.088
1878	9.308	6,2	31.861	20,2	19.416
1879	8.149	4,7	33.984	19,6	20.134
1880	7.584	3,6	38.955	18,7	23.314
1881	7.977	3,9	46.080	22,5	28.632
1882	9.784	4,6	53.772	25,1	30.925
1883	8.481	3,8	52.799	23,4	32.591
1884	8.293	3,8	53.750	24,7	34.530
1885	8.708	3,8	54.741	24,1	37.772
1886	8.028	3,5	51.658	23,3	41.048
1887	8.542	3,7	58.177	25,2	40.995
1888	11.458	4,9	60.943	25,1	43.207
1889	12.284	5,0	58.138	23,9	42.133
1890	12.947	5,3	59.477	24,5	47.047
1891	13.482	5,8	59.093	25,6	41.484
1892	13.999	5,9	61.052	25,7	46.377
1893	13.595	5,6	61.241	24,7	42.170
1894	13.486	4,9	68.371	24,8	44.640
1895	13.793	5,0	70.807	25,8	41.930
1896	14.332	5,1	76.516	27,2	42.158
1897	14.155	4,8	83.452	28,3	42.264
1898	17.654	5,8	90.046	29,0	44.147
1899	32.167	10,0	93.987	29,5	46.218
1900	35.822	9,6	104.146	27,8	65.257
1901	36.749	9,6	121.023	31,7	49.098
1902	56.866	14,1	122.227	30,0	57.972
1903	83.385	18,6	131.728	29,2	57.457
1904	72.941	16,3	142.688	32,0	57.676

…тъ крестьянскихъ обществъ.		Пожертвованія частныхъ лицъ и обществъ.		Плата за ученіе.		Отъ церковныхъ обществъ.		ВСЕГО.
…щая сумма.	%	Общая сумма.	%	Общая сумма.	%	Общая сумма.	%	
46.668	71,5	1.643	2,6	—	—	30	0,01	65.205
52.280	70,8	2.382	3,2	—	—	—	—	74.611
55.827	71,4	2.451	3,1	—	—	316	0.4	78.415
61.707	68,3	5.116	5.7	—	—	352	0.4	90.305
63.637	61,2	4.644	4.5	—	—	468	0.5	103.952
77.472	57,8	8.858	6,6	—	—	596	0,5	133.938
78.930	54,9	6.991	4,9	212	—	—	—	143.790
84.965	56,0	6.134	4,1	160	0,1	—	—	151.844
101.419	59,2	6.773	3,9	176	0,1	1.370	0,8	172.005
117.011	56,3	18.143	8,8	264	0,2	2.557	1,2	207.828
111.428	54,2	10.961	5,3	168	0,1	—	—	205.246
113.077	52,9	6.045	2,8	255	0.1	—	—	213.858
117.636	52,5	11.107	4,9	2.116	0.9	—	—	224.733
112.007	51,5	7.098	3,6	2.142	0,5	—	—	217.820
113.632	50,1	8.576	3,8	3.368	1,5	—	—	226.797
112.770	51,1	4.582	2,0	3.455	1,2	—	—	221.541
111.647	48,2	8.970	3,8	2.974	1,3	—	—	231.305
111.803	46,1	10.370	4,2	4.336	1.9		—	242.432
108.463	44,6	18.377	7,6	3.498	1,6	—	—	242.893
111.321	45,8	8.737	3,8	3.326	1,2	—	—	242.855
104.332	45,1	8.952	3,8	3.546	1,7	—	—	230.889
99.012	41,8	16.493	7,0	включены въ столбецъ „пожертвованій“.	включены въ столбецъ „пожертвованій“.	—	—	236.933
112.287	45,3	18.507	7,4			—	—	247.800
122.990	45,0	25.768	9,1			—	—	275.255
124.441	45,3	23.458	8,7			—	—	274.429
120.556	42,8	27.945	9,9			—	—	281.507
132.445	44,6	22.242	8,0			—	—	294.558
127.878	41,1	30.907	9,6			—	—	310.632
118.099	37,0	27.525	9,0			—	—	317.996
143.560	38,3	25.759	6,9			—	—	374.544
151.382	39,6	23.785	6,3			—	—	382.032
137.922	34,0	30.588	7,6			—	—	405.575
151.752	33,7	19.818	4,4	5.617	1,3	—	—	449.787
144.835	32,5	23.242	5,2	4.187	1,0	—	—	445.567

бирской губерніи. Даже въ 1898 году сумма эта составляла всего лишь 17.654 р. или 5,8% всѣхъ школьныхъ бюджетовъ. Она стала значительно увеличиваться и абсолютно и относительно только въ послѣдующіе годы, составляя въ 1903 и 1904 г.г. 18,6—16,3% всѣхъ расходовъ на школы и 5.244,3—4.552,0% первоначальной суммы. Расходуются ассигнуемыя изъ общегосударственныхъ средствъ суммы преимущественно на министерскія двухклассныя училища, а затѣмъ въ пособіе земско-общественнымъ школамъ и на награды сельскимъ учителямъ и учительницамъ. Такъ, въ 1904 году изъ общей суммы расходовъ этого рода приходилось на училища, находящіяся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія,—89%, а на училища, подвѣдомственныя училищнымъ совѣтамъ,—11%, при чемъ суммы эти составляли въ бюджетѣ первыхъ школъ 55,7%, а вторыхъ—2,4%.

Что касается земства, то въ 1871 году участіе его въ школьномъ бюджетѣ Симбирской губерніи выражалось суммою въ 10.616 р. или 16,3% (исключая расходы губернскаго земства на подготовку учителей). Дальнѣйшій ростъ этой сравнительно значительной суммы совершался медленнѣе, чѣмъ ростъ казенныхъ суммъ, но все же расходы земства абсолютно и относительно постепенно увеличивались. Въ 1904 г. они составляли почти треть (32%) общаго школьнаго бюджета губерніи и 1344,2% первоначальной ихъ суммы.

Эти суммы, ассигнуемыя земствомъ, расходуются, главнымъ образомъ, на земскообщественныя школы и отчасти на училища министерства народнаго просвѣщенія. На первыя въ 1904 году израсходовано было 91%, а на вторыя 9%, что составляло 39,5% всего бюджета первыхъ и 11% бюджета вторыхъ. Изъ этихъ денегъ выдается добавочное содержаніе преподавателямъ, пособія на содержаніе, ремонтъ и постройку школьныхъ зданій, на пополненіе библіотекъ, награды преподавателямъ и пособія на воспитаніе ихъ дѣтей, иногда на покрытіе расходовъ по занятіямъ ремеслами, ручнымъ трудомъ, плодоводствомъ и пчеловодствомъ.

Относительно расходовъ изъ земскихъ сборовъ на министерскія училища въ послѣднее время начали сознавать ненормальность установившагося порядка. Курмышскимъ уѣзднымъ собраніемъ 1904 года принятъ, напр., докладъ управы, въ которомъ говорилось, что практикующееся въ настоящее время „преобразованіе земскихъ школъ въ министерскія ведетъ не къ увеличенію школъ въ уѣздѣ, а только къ уменьшенію земскихъ школъ, при чемъ преобразованныя школы ускользаютъ изъ вѣдѣнія не только земства, но и училищнаго совѣта, а

ассигнуемыя земствомъ деньги не освобождаются для увеличенія числа школъ, но поступаютъ въ распоряженіе инспектора народныхъ училищъ". Поэтому управа полагала, что уѣздному земству слѣдуетъ выдавать пособія лишь вновь открываемымъ школамъ, а ассигнованія на преобразуемыя употреблять на открытіе новыхъ школъ. Земству приходилось строго относиться ко всякой расходуемой имъ суммѣ, потому что оно постоянно испытывало недостатокъ въ средствахъ, не позволявшій ему удовлетворить нерѣдко даже насущныя нужды школъ, въ родѣ, напр., ремонта зданій, въ которыхъ „невозможно жить". Какъ видно изъ доклада уѣздной управы сызранскому земскому собранію 1892 года, земство вынуждено бываетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ недостатковъ въ школьномъ дѣлѣ, потому что свои средства съ каждымъ годомъ оно теряетъ все болѣе и болѣе на другія различныя надобности, входя въ задолженность, благодаря ослабленію платежныхъ силъ. Подготовительная комиссія сенгилеевскаго земскаго собранія 1893 года пришла къ заключенію, въ свою очередь, относительно просьбы инспектора къ уѣздному земскому собранію объ ассигнованіи 900 рублей на жалованье 13 бѣднѣйшихъ училищъ и на учебныя пособія, а также на открытіе педагогическихъ курсовъ, что сумма эта дѣйствительно необходима на улучшеніе постановки дѣла народнаго образованія, но „при всемъ желаніи удовлетворить сполна ходатайство г. инспектора не нашла возможнымъ этого сдѣлать, въ виду затруднительнаго положенія послѣ цѣлаго ряда неурожаевъ". Въ докладѣ губернскому земскому собранію въ январѣ 1905 года говорится, что земство, при своемъ незначительномъ бюджетѣ, не въ состояніи увеличить расходовъ на народное образованіе, да и при желаніи увеличить таковые—не можетъ этого сдѣлать въ виду появившагося закона 1900 года о фиксаціи земскаго бюджета. При этомъ указывалось, что средства на народное образованіе должно дать государство. Впрочемъ, эта точка зрѣнія уже не впервые высказывалась въ симбирскомъ земствѣ. Въ 1903 году, напр., алатырское, курмышское и ардатовское уѣздныя и губернское собранія возбудили ходатайство объ ассигнованіи отъ правительства средствъ на содержаніе учительскаго персонала.

Въ отношеніи земскихъ расходовъ на народное образованіе Симбирская губернія, по даннымъ 1900 года, занимаетъ въ числѣ земскихъ губерній 33-е, т. е. предпослѣднее мѣсто. Эти расходы составляютъ въ Симбирской губерніи 9,6% общаго земскаго бюджета, тогда какъ въ Вятской губерніи они равняются 32,3% бюджета, въ

Московской—23,8% и т. д.; только въ Калужской губерніи они ниже, чѣмъ въ Симбирской, а именно—8,8%. Въ отношеніи затратъ на народное образованіе на 1 душу населенія—Симбирской губерніи принадлежитъ также 33-е мѣсто (10,8 коп.).

Одновременно съ ростомъ земскихъ расходовъ на народное образованіе, растутъ и расходы городовъ Симбирской губерніи на него. Съ 1871 г. по 1904 г. они увеличились на 1238,2%, а вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся и процентъ ихъ въ общегубернскомъ школьномъ бюджетѣ съ 7,19% до 13,0%. Начальныя школы въ городахъ содержатся преимущественно на средства, ассигнуемыя органами городского самоуправленія. Въ общемъ бюджетѣ этихъ школъ въ 1904 году означенныя суммы составляли 79,7%, казенныя средства—9,2%, земскія—3,6%, пожертвованія и суммы крестьянскихъ обществъ—2,8% и плата за ученье 5,5%. Городскія суммы дѣлятся между министерскими училищами и школами, находящимися въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, при чемъ на первыя расходуется 26% ихъ, а на вторыя—74%.

Подобно тому какъ дореформенныя удѣльныя училища содержались исключительно на уравнительные сборы съ крестьянъ,—на средства же крестьянъ учреждены были и вновь возникшія школы шестидесятыхъ годовъ, и земскія и государственныя средства въ первое время имѣли характеръ пособія и поощренія для крестьянскихъ обществъ. Поэтому крестьяне являлись главными вкладчиками въ общій школьный бюджетъ. Такъ, въ 1871 году ихъ доля въ послѣднемъ выражалась 71,5%.

Расходы крестьянскихъ обществъ съ того времени продолжали сильно расти, хотя и не съ такой быстротой, какъ расходы трехъ первыхъ источниковъ. За 34 года они болѣе, чѣмъ утроились, достигнувъ въ 1903 году 325,2%, а въ 1904 году — 310,3% суммы 1871 года. Относительное же значеніе этихъ расходовъ въ общемъ школьномъ бюджетѣ стало падать, понизившись съ 71,5% 1871 года до 32,5% въ 1904 году. Впрочемъ, и въ настоящее время крестьянскія общества даютъ наибольшую сумму на покрытіе школьныхъ расходовъ—32,5%, т. е. только земскіе расходы въ послѣднее время начинаютъ приближаться къ нимъ. Эти крестьянскія суммы частью поступаютъ на училища министерства народнаго просвѣщенія—13%, главнымъ же образомъ—на школы, находящіяся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ,—83%, при чемъ въ бюджетѣ первыхъ онѣ составляютъ 15,7%, а въ бюджетѣ вторыхъ—38,5% по даннымъ 1904 года.

При общей обремененности налогами и упадкѣ экономическаго благосостоянія, обусловленномъ малоземельемъ и неурожаями, крестьяне, такимъ образомъ, несутъ еще главную тяжесть расходовъ на начальныя школы. Вполнѣ естественно, поэтому, что они часто оказываются не въ состояніи быть аккуратными плательщиками ассигнованныхъ ими суммъ. Въ результатѣ—постоянныя жалобы училищныхъ совѣтовъ и уѣздныхъ земскихъ собраній на недоимочность крестьянскихъ обществъ въ отношеніи училищныхъ сборовъ. Это явленіе, обратившее на себя вниманіе еще первыхъ земскихъ собраній, не потеряло своего остраго характера до послѣдняго времени. Курмышскому уѣздному собранію 1904 года, напр., пришлось разсматривать вопросъ о разсрочкѣ такихъ недоимокъ по девяти сельскимъ обществамъ. Нерѣдко приходилось также имѣть дѣло съ злоупотребленіями въ расходованіи этихъ суммъ со стороны сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ. Въ своемъ отчетѣ за 1874 годъ директоръ народныхъ училищъ заявляетъ, что многіе люди, знакомые съ дѣломъ расходованія суммъ по содержанію училищъ, особенно волостныхъ, прямо ему говорили, что „не случайно назначается на ремонтъ училищныхъ домовъ крупная цифра, а потому, что эта статья расхода представляетъ очень удобную статью дохода для извѣстнаго рода людей. Такимъ образомъ, какъ ни скудны средства сельскихъ училищъ, но людская изобрѣтательность находитъ и здѣсь возможность незаконной наживы. Много училищъ, гдѣ ремонтъ дома соединяется, почему-то, съ книгами, учебными пособіями, письменными принадлежностями, отопленіемъ даже и освѣщеніемъ его. Ясно, что и въ этомъ случаѣ дѣло обходится не безъ грѣха“. Черезъ тридцать лѣтъ попечитель нѣсколькихъ сельскихъ училищъ Ю. П. Языковъ представилъ Симбирскому уѣздному земскому собранію записку, изъ которой видно, что нерѣдки случаи, когда учительскій персоналъ земскихъ училищъ подвергается гоненію со стороны старшинъ или вообще сельской администраціи, при чемъ гоненіе сводится преимущественно къ тому, что власти задерживаютъ полученіе жалованья, чѣмъ заставляютъ учительскій персоналъ или унижаться передъ ними или же выдавать извѣстный куртажъ за своевременную выдачу жалованья. Впрочемъ, еще отчетъ о состояніи начальныхъ школъ Сенгилеевскаго уѣзда за 1886 годъ говоритъ, что многимъ учителямъ приходится получать ежемѣсячное жалованье, нерѣдко опредѣляемое семью—десятью рублями, отъ сельскихъ старостъ не сполна, а по частямъ, да и то послѣ настойчивыхъ упрашиваній. Симбирское учительское общество взаимопомощи въ свое

время весьма рельефно выяснило гоненія и униженія, которымъ учащіе сельскихъ школъ подвергались со стороны мѣстныхъ должностныхъ лицъ. Во время очередной сессіи 1904 года гласный симбирскаго земскаго собранія князь А. Н. Ухтомскій заявилъ, что крестьянскія общества, несмотря на настоянія начальства, уплачиваютъ деньги на содержаніе училищъ исключительно во вторую половину года, почему въ теченіе первой половины года не хватаетъ средствъ. Впрочемъ, случается, что средствъ не хватаетъ и во второмъ полугодіи. Изъ доклада училищнаго совѣта тому же собранію, сессіи 1892 года, видно, напр., что уже въ первую половину учебнаго года (т. е. во вторую половину гражданскаго года) многіе изъ учителей и учительницъ сельскихъ школъ перестали получать изъ волостныхъ правленій полные оклады мѣсячнаго содержанія, такъ какъ денежные сборы съ крестьянъ или уменьшились или прекратились вовсе.

Вслѣдствіе этихъ причинъ въ симбирскомъ земствѣ естественно возникла мысль о необходимости сосредоточенія въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ или въ уѣздныхъ управахъ распоряженія всѣми суммами, ассигнуемыми на начальныя школы. Губернское собраніе 1873 года, по иниціативѣ симбирскаго уѣзднаго земскаго собранія 1872 года, признало, напр., существенно нужнымъ сосредоточеніе въ уѣздныхъ училищныхъ совѣтахъ, какъ контроля надъ всѣми собираемыми съ сельскихъ обществъ суммами на народное образованіе, такъ и распоряженіе ими.

Однако возбужденное губернскимъ собраніемъ ходатайство въ этомъ смыслѣ отклонено было комитетомъ министровъ, какъ несогласное съ положеніемъ о начальныхъ народныхъ училищахъ, по которому размѣръ содержанія и порядокъ отчетности въ суммахъ по училищамъ устанавливается тѣмъ вѣдомствомъ, на счетъ котораго учреждены и содержатся училища; уѣздные же училищные совѣты въ распоряженіе по этому предмету не входятъ. Тѣмъ не менѣе, спустя тридцать лѣтъ, симбирское уѣздное собраніе 1904 года вновь постановило возбудить ходатайство объ обязательномъ взносѣ крестьянскими обществами ассигнуемыхъ ими средствъ на содержаніе школъ въ депозитъ уѣзднаго земства наравнѣ съ земскими сборами и на тѣхъ же основаніяхъ, чтобы земство имѣло возможность круглый годъ исправно содержать школы.

Фактическое положеніе дѣла содержанія народныхъ школъ въ Симбирской губерніи въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, таково, что почти двѣ трети расходовъ на начальныя народныя школы по-

крываются земствомъ (33,0%) и крестьянскими обществами (32,5%); казна даетъ 16,3%, а города 13,0% общегубернскаго школьнаго бюджета. Остальные 6,2% школьнаго бюджета губерніи приходятся на пожертвованія (5,2%) и плату за ученіе (1,0%). О сочувствіи состоятельной части населенія къ свѣтской школѣ можно наглядно судить по наблюдаемому постоянному возрастанію пожертвованій, несмотря на то, что съ 1884 года многія пожертвованія направились на церковно-приходскія школы. Достоинъ быть отмѣченнымъ тотъ характерный фактъ, что часть сельскихъ школъ содержится исключительно на суммы, регулярно отпускаемыя частными лицами. Въ общемъ, бо́льшая часть частныхъ пожертвованій идетъ на школы, находящіяся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, а меньшая—на министерскія училища. Въ 1904 году на первыя поступило 72% ихъ, а на вторыя—28%, при чемъ въ бюджетѣ первыхъ они составляли 3,5%, а въ бюджетѣ вторыхъ—5,8%.

Что касается платы за ученіе въ начальныхъ школахъ, то она составляетъ 1% губернскаго бюджета и взимается преимущественно въ городахъ; въ селеніяхъ же она взимается лишь съ дѣтей родителей, не участвующихъ въ содержаніи школы. Въ дѣйствительности, однако, получаемая за ученіе сумма нѣсколько выше показанной, потому что въ нѣкоторыхъ городахъ собираемыя такимъ образомъ деньги поступаютъ въ общій городской доходъ, при чемъ сумма эта достигаетъ иногда довольно значительныхъ размѣровъ. Напримѣръ, въ Симбирскѣ въ 1904 году она равнялась 4.084 р., а по смѣтѣ на 1905 г. опредѣлена въ 4.484 р. Впрочемъ, нежелательность этого сбора давно уже признается многими дѣятелями по народному образованію, и въ 1905 году учащіе симбирскихъ городскихъ школъ подали въ городскую училищную комиссію коллективное заявленіе, въ которомъ просили о немедленномъ введеніи безплатнаго обученія во всѣхъ начальныхъ городскихъ училищахъ г. Симбирска. „Если же почему-либо городская дума не найдетъ возможнымъ удовлетворить наше ходатайство,—говорится въ этомъ заявленіи,—то мы рѣшительно отказываемся требовать и собирать съ дѣтей ввѣренныхъ намъ школъ плату за обученіе, этотъ одинъ изъ самыхъ несправедливѣйшихъ налоговъ; пусть дума избираетъ рыцаря тьмы и поручитъ ему сборъ платы за право ученія". Разсмотрѣвъ это заявленіе, въ засѣданіи 18-го января 1906 года, симбирская городская дума не нашла, однако, возможнымъ удовлетворить ходатайство учащихъ и освободила отъ платы за ученіе лишь дѣтей беднѣйшихъ родителей.

Въ ряду прочихъ губерній и областей, по абсолютной суммѣ ассигнованій на народныя школы, Симбирская губернія, согласно даннымъ 1896 года, занимаетъ 32-е мѣсто; по величинѣ процента казенныхъ ассигнованій къ общегубернскому школьному бюджету — 53 мѣсто,— земскихъ ассигнованій — 34, сельскихъ обществъ — 19, городскихъ средствъ—31.

Крестьянскія общества Симбирской губерніи, слѣдовательно, несутъ бремя школьныхъ расходовъ въ большей степени, чѣмъ крестьянскія общества большинства губерній и областей. Поэтому представляется очевиднымъ, что дальнѣйшій ростъ начальнаго образованія въ Симбирской губерніи можетъ совершиться только на счетъ другихъ источниковъ.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію этой же стороны постановки дѣла народнаго образованія по отдѣльнымъ уѣздамъ, то увидимъ, что по абсолютной суммѣ затратъ на начальное народное образованіе уѣзды, по смѣтѣ на 1904 годъ, располагались въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сызранскій уѣздъ . .	98763 р.	Ардатовскій уѣздъ . .	44214 р.
Симбирскій „ . .	78388 „	Алатырскій „ . .	39350 „
Карсунскій „ . .	65417 „	Сенгилеевскій „ . .	37466 „
Буинскій „ . .	51243 „	Курмышскій „ . .	30000 „

Обращаясь къ опредѣленію относительнаго значенія въ бюджетѣ каждаго уѣзда главныхъ источниковъ, изъ которыхъ получаются средства на начальныя школы, мы увидимъ, что по величинѣ процента поступленій изъ государственнаго казначейства уѣзды располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

	%		%
Курмышскій уѣздъ	25,7	Алатырскій уѣздъ	16,8
Буинскій „	22,4	Карсунскій „	12,2
Ардатовскій „	17,3	Сызранскій „	8,3
Симбирскій „	17,2	Сенгилеевскій „	?

Наибольшій процентъ поступленій изъ этого источника, слѣдовательно, приходится на уѣзды Курмышскій и Буинскій, гдѣ они составляютъ болѣе $^1/_5$ и почти $^1/_4$ всего бюджета. Впрочемъ, распредѣленіе общегосударственныхъ средствъ между уѣздами мѣняется еже-

годно, а потому указанные проценты имѣютъ лишь относительное значеніе. Процентное участіе земства въ расходахъ на народное образованіе по уѣздамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

	%		%
Курмышское земство . .	54,5	Карсунское земство . . .	29,7
Ардатовское „ . .	52,0	Сызранское „ . . .	28,6
Алатырское „ . .	41,3	Симбирское „ . . .	20,5
Буинское „ . .	32,7	Сенгилеевское „ . . .	17,4

Наибольшее участіе въ расходахъ на народное образованіе принимаютъ, слѣдовательно, курмышское и ардатовское земства, которыя покрываютъ изъ своихъ средствъ болѣе половины всѣхъ расходовъ. Что касается крестьянскихъ обществъ, то процентное участіе ихъ въ расходахъ на народное образованіе по уѣздамъ слѣдующее:

	%		%
Карсунскій уѣздъ . . .	50,8	Алатырскій уѣздъ	30
Сенгилеевскій „ . . .	47,6	Ардатовскій „	21,2
Сызранскій „ . . .	36,1	Симбирскій „	18,4
Буинскій „ . . .	35	Курмышскій „	15

Наиболѣе обременены училищнымъ сборомъ, слѣдовательно, крестьянскія общества въ Карсунскомъ уѣздѣ, гдѣ они уплачиваютъ болѣе половины всего, что расходуется на начальныя школы. Расходы крестьянскихъ обществъ въ Симбирскомъ уѣздѣ выражаются сравнительно небольшимъ процентомъ, потому что въ общемъ уѣздномъ бюджетѣ видное мѣсто занимаютъ расходы г. Симбирска. Если же исключить расходы городовъ, имѣющіе назначеніемъ исключительно городскія школы, и средства казны, употребляемыя преимущественно на министерскія училища, и сопоставить между собою только расходы земствъ и крестьянскихъ обществъ, содержащихъ на свои средства преимущественно земско-общественныя школы, то уѣзды расположатся въ иномъ порядкѣ. Принявъ сумму расходовъ земствъ и крестьянскихъ обществъ за 100,—получимъ, что въ общемъ по губерніи расходы первыхъ составятъ 49%, а вторыхъ 51%. Въ порядкѣ же убывающихъ процентовъ расходовъ земствъ и возрастающихъ процентовъ расходовъ крестьянскихъ обществъ уѣзды располагаются въ слѣдующей таблицѣ:

Уѣзды.	% расходовъ земствъ.	% расходовъ крестьянскихъ обществъ.	Уѣзды.	% расходовъ земствъ.	% расходовъ крестьянскихъ обществъ.
Курмышскій . .	79	21	Буинскій	48	52
Ардатовскій . .	71	29	Сызранскій . . .	44	56
Алатырскій . . .	58	42	Карсунскій . . .	37	63
Симбирскій . . .	53	47	Сенгилеевскій . .	27	73

Въ первыхъ четырехъ уѣздахъ, слѣдовательно, земскіе расходы составляютъ болѣе половины суммы, ассигнуемой на школы земствами и крестьянскими обществами въ совокупности, а въ остальныхъ четырехъ они—менѣе половины этой суммы. По отчету директора народныхъ училищъ за 1904 годъ, средняя стоимость одной начальной школы въ Симбирской губерніи равняется 737 р. 63 к. Къ этой суммѣ наиболѣе приближается стоимость школъ господствующаго типа — одноклассныхъ сельскихъ министерскихъ и земско-общественныхъ (первыхъ—657 р. 45 к. и вторыхъ—625 р. 95 к.). Вообще же министерскія училища обходятся гораздо дороже: двухклассныя городскія—2.156 р. 44 к., одноклассныя городскія 1.004 р. 95 к. и двухклассныя сельскія—1.709 р. 13 к. На городскія же одноклассныя школы, находящіяся въ вѣдѣніи училищнаго совѣта, въ общемъ, расходуется по 1.206 р. 62 к. Средняя стоимость учащагося равняется 11 р. 10 к., при чемъ въ министерскихъ школахъ она поднимается до 11 р. 94 к.—въ одноклассныхъ городскихъ, 13 р. 28 к.—въ одноклассныхъ сельскихъ, 15 р. 12 к.—въ двухклассныхъ городскихъ и 16 р. 56 к.—въ двухклассныхъ сельскихъ; въ школахъ же, подвѣдомственныхъ училищнымъ совѣтамъ, она равняется—въ городскихъ 12 р. 51 к. и въ сельскихъ 9 р. 95 к.

Въ дѣлѣ распространенія грамотности въ массѣ населенія главную роль играютъ сельскія школы, погубернская средняя стоимость которыхъ рѣзко колеблется по уѣздамъ.

Въ порядкѣ убывающей средней стоимости этого типа школъ, съ показаніемъ и средней стоимости одного учащагося, уѣзды могутъ быть расположены слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Средняя стоимость школы.		Средняя стоимость учащагося.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Сызранскій	929	94	12	47
Буинскій	762	24	14	20

Ардатовскій	705	72	11	22
Курмышскій	700	—	9	93
Алатырскій	676	99	8	33
Симбирскій	610	83	10	95
Сенгилеевскій	477	57	9	29

Школьные бюджеты въ большинствѣ уѣздовъ, въ общемъ, можно признать на основаніи этихъ данныхъ достаточными. Этого нельзя, однако, сказать о Сенгилеевскомъ уѣздѣ, въ которомъ средняя стоимость школы не превышаетъ 478 руб., считая въ томъ числѣ и наилучше поставленныя министерскія одноклассныя и двухклассныя училища.

Такое ненормальное положеніе начальныхъ школъ Сенгилеевскаго уѣзда привлекло къ себѣ особенно усиленное вниманіе уѣзднаго земскаго собранія 1905 года, на которомъ одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что „настоящее время является рѣшающимъ моментомъ въ исторіи Россіи, и не къ лицу земству ассигновать на просвѣщеніе массы населенія столько же, сколько и на канцелярскіе расходы". Другіе члены того же собранія заявили, что „большинство учителей (Сенгилеевскаго уѣзда), за вычетами въ пенсіонную кассу и общество взаимной помощи учащимъ, получаетъ никакъ не болѣе 13 руб. — такое жалованье получаютъ простые чернорабочіе на хозяйскихъ харчахъ", что „сторожа въ управѣ получаютъ больше, чѣмъ учителя" и т. д. Результатомъ всѣхъ этихъ заявленій, сдѣланныхъ въ засѣданіи, было ассигнованіе собраніемъ 3.200 р. на увеличеніе жалованья учителямъ.

О расходахъ земствъ Симбирской губерніи на народное образованіе можно получить наглядное представленіе по слѣдующей таблицѣ, въ которой сгруппированы свѣдѣнія о смѣтныхъ назначеніяхъ этого рода и отношеніи ихъ къ общему бюджету за 1905 годъ: (см. табл. на стр. 14—15).

Статистическія данныя показываютъ, что расходы земствъ Симбирской губерніи на народное образованіе возрастаютъ не только абсолютно, но и по отношенію къ общему ихъ бюджету, хотя, въ общемъ, они составляютъ въ среднемъ за трехлѣтіе 1903—1905 гг. только 12,5% и въ 1905 году достигли 13,2%. Сравнительно съ другими земскими губерніями, Симбирская занимаетъ въ этомъ отношеніи послѣднее мѣсто. По среднему проценту за то же трехлѣтіе уѣзды Симбирской губерніи представляютъ рѣзкія колебанія, располагаясь въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ:

РАСХОДЫ ЗЕМСТВЪ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНІИ НА

НАЗВАНІЕ ЗЕМСТВЪ.	1. Содержаніе земскихъ школъ.		2.	3. Пособіе на содержаніе казенныхъ учебныхъ заведеній.		4.	5. Расходы по надзору за школами.		
	Начальныхъ.	Профессіональныхъ.	Пособіе на содержаніе церковно-приходскихъ школъ.	Общеобразовательныхъ.	Профессіональныхъ.	Пособіе учебныхъ заведеніямъ, содержимымъ на счетъ частныхъ и общественныхъ средствъ.	Содержаніе инспекціи народныхъ училищъ.	Расходы по училищному совѣту.	Прочіе расходы.
Симбирское	346	—	51	—	—	17.695	—	200	25
Буинское	—	5.001	2.921	3.550	2.763	10.401	—	300	—
Карсунское	—	5.887	800	300	300	17.955	—	—	—
Алатырское	—	—	799	2.635	200	12.412	—	450	—
Ардатовское	19.739	3.011	450	1.875	1.635	2.165	—	600	—
Курмышское	12.028	—	—	3.030	125	350	—	—	—
Сызранское	40.720	—	135	3.200	—	1.500	—	—	—
Сенгилеевское	—	—	111	—	—	—	—	6.500	—
Губернское	—	—	—	4.981	12.814	2.750	—	—	—
Всего по губерніи	72.833	13.932	5.270	19.571	17.867	65.228	—	8.050	25

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ПО СМѢТѢ НА 1905 ГОДЪ.

6. Расходы на учебныя пособія и классныя принадлежности.	7. Расходы по подготовкѣ учительскаго персонала.	8. Пособія и награды учителямъ и учащимся.	9. Содержаніе земскихъ стипендіатовъ.	10. Общія мѣры по распространенію образованія среди населенія.	11. Постройка и ремонтъ школьныхъ зданій.	12. Пособія земствамъ Симбирской губерніи.	13. Прочіе расходы.	14. Итого.	15. Суммы всѣхъ земскихъ расходовъ.	16. % отношеніе расходовъ на образованіе къ бюджету.
2.260	—	625	956	1.280	550	—	—	23.991	162.206	14,7
1.860	—	—	2.535	705	600	—	—	30.639	158.963	19,2
1.265	—	1.653	1.680	450	978	—	—	31.268	179.655	17,3
983	—	620	500	776	1.600	—	—	20.975	145.709	13,0
2.610	60	25	2.740	2.035	—	—	—	37.005	172.970	21,4
1.800	150	200	370	230	2.250	—	—	20.533	109.798	18,7
4.095	700	4.404	1.450	2.750	10.000	—	—	68.954	237.471	29,0
—	300	933	300	50	—	—	—	8.194	154.950	5,9
—	150	—	4.810	200	4.296	—	590	30.621	730.547	4,1
14.903	1.360	8.460	15.341	8.476	20.274	—	590	272.180	2.052.569	13,2

	%		%
Ардатовскій уѣздъ . . .	23,9	Карсунскій уѣздъ . . .	19,9
Сызранскій „ . . .	21,8	Симбирскій „ . . .	15,5
Курмышскій „ . . .	19,8	Алатырскій „ . . .	13,0
Буинскій „ . . .	18,0	Сенгилеевскій „ . . .	5,0

Между тѣмъ какъ расходы первыхъ уѣздныхъ земствъ приближаются по своимъ относительнымъ размѣрамъ къ средней погубернской величинѣ наиболѣе передовыхъ земствъ,—расходы сенгилеевскаго земства поражаютъ своимъ болѣе чѣмъ скромнымъ размѣромъ, и только расходы симбирскаго губернскаго земства даютъ еще болѣе низкій процентъ—4,2. Въ этомъ отношеніи, въ ряду 34 другихъ губернскихъ земствъ, симбирское занимало въ 1903 году двадцать пятое мѣсто.

VI.

Пореформенной школѣ пришлось бороться съ традиціями, оставленными ей ея предшественницей, къ которой симбирскіе крестьяне, какъ мы видѣли, относились не только равнодушно, но даже съ ненавистью. Успѣхъ въ этой борьбѣ оказался на ея сторонѣ, лучшимъ доказательствомъ чего служили постоянное возрастаніе числа учащихся, переполненіе школъ, вслѣдствіе котораго приходилось отказывать въ пріемѣ многимъ желающимъ учиться, и значительныя суммы, ассигнуемыя обществами и городскими самоуправленіями на школы. Обслѣдованія, произведенныя въ 1885 г. карсунскимъ и въ 1887 г. симбирскимъ училищными совѣтами, а въ 1903 году губернскою земскою управою, дали въ этомъ отношеніи самые благопріятные результаты. Школа начала располагать къ себѣ населеніе. Сравнительно быстрый успѣхъ обученія, необыкновенно занимательныя книжки съ картинками, по которымъ учились дѣти, почти неизмѣнная мягкость учителей и учительницъ въ обращеніи съ дѣтьми, при достаточномъ успѣхѣ обученія, и, наконецъ, теплое чувство, питаемое къ школѣ самими дѣтьми,—все это успѣло произвести на крестьянъ довольно сильное впечатлѣніе и значительно поколебало ихъ прежній, не совсѣмъ дружественный взглядъ на школу. Они пріучились уже понимать ее и начали правильно взвѣшивать ея результаты.

Отзывы, собранные симбирскимъ училищнымъ совѣтомъ, свидѣтельствовали о томъ, что съ каждымъ годомъ сельскія училища пріобрѣтали все большее сочувствіе мѣстныхъ обществъ. По словамъ одной учи-

тельницы, „крестьяне доброхотно, безъ особыхъ распоряженій и наряда сельскихъ властей, какъ это было раньше, посылаютъ своихъ дѣтей въ школу. Если изъ какой семьи обучается въ школѣ одинъ мальчикъ или дѣвочка, то можно навѣрное сказать, что и всѣ остальныя дѣти изъ такой семьи будутъ посѣщать школу". Отзывы свидѣтельствовали объ утилитарномъ взглядѣ населенія на грамотность. Охотнѣе всѣхъ отдавали своихъ дѣтей въ школу тѣ изъ крестьянъ, которые занимались торговлей; они интересовались занятіями своихъ дѣтей и дозволяли имъ оканчивать курсъ ученія, такъ какъ на практикѣ убѣждались въ пользѣ обученія: грамотный и долги записать можетъ и разсчитывается гораздо скорѣе неграмотнаго.

Однако, наряду съ друзьями школы, въ селахъ оказывалось не мало и противниковъ ихъ. Противъ затратъ на школьное дѣло высказывались на сходахъ, прежде всего, крестьяне, которые или были бездѣтны, или имѣли дѣтей не школьнаго возраста, либо—окончившихъ въ школѣ курсъ ученія. Такія явленія убѣждали многихъ учителей въ томъ, что грамотность еще не имѣла для всѣхъ крестьянъ значенія существенной потребности.

Сознаніемъ пользы и необходимости школы проникнуто было только деревенское меньшинство, которое составляли лавочники, торговцы и зажиточные крестьяне—земледѣльцы, имѣвшіе въ обществѣ вѣсъ и вліяніе на мірскія дѣла. Большая часть такихъ крестьянъ были родителями дѣтей, или окончившихъ школьный курсъ, или обучавшихся еще въ школѣ. Однимъ словомъ, грамотность была нужна и доступна еще только болѣе зажиточной части крестьянства; еще многіе крестьяне относились къ школѣ далеко не сочувственно, такъ какъ она требовала денежныхъ расходовъ изъ ихъ скудныхъ средствъ. Особенно тяготились установленными на школу сборами бѣдные крестьяне, хотя эти сборы и были весьма невелики. Послѣднее обслѣдованіе, произведенное губернскою управой въ 1903 году, привело къ заключенію, что сознаніе необходимости и пользы грамотности глубоко проникло въ народъ, и что народная школа пользуется сочувствіемъ крестьянскаго населенія. Изъ общаго числа (430) отзывовъ учащихъ земскихъ и министерскихъ школъ—88,4% положительные и только 11,6% отрицательные, при чемъ лица, давшія послѣдніе отвѣты, „или не поняли вопроса, или же узко смотрѣли и смѣшивали отношеніе крестьянскаго населенія вообще къ школѣ, какъ учебному заведенію, съ отношеніемъ къ постановкѣ дѣла и къ личностямъ, въ рукахъ которыхъ находится дѣло обученія". Въ нѣкоторыхъ отвѣ-

тахъ, напр., упоминалось, что крестьяне не сочувствуютъ школѣ, и въ то же время указывалось на переполненіе училищъ, на тѣсноту школьныхъ помѣщеній, которыя не въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ учиться, а причинами, мѣшающими опредѣленію дѣтей въ школы, выставлялись бѣдность, отсутствіе теплой одежды и обуви, домашнія работы, промыслы и т. п.

Все это отчасти объяснялось первоначальными результатами школьнаго обученія. Краткость курса начальной школы, неаккуратное посѣщеніе учащимися уроковъ, продолжительность лѣтнихъ каникулъ, а часто и низкій образовательный уровень преподавателей—мало благопріятствовали широкому и глубокому вліянію школы на населеніе. То же надо сказать и о программѣ обученія въ этихъ школахъ: кромѣ закона Божія, обязательно преподавались въ нихъ русское и славянское чтеніе, письмо и начала ариѳметики, а попутно сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія о явленіяхъ природы и историческихъ событіяхъ.

Крестьянскія дѣти оканчивали школу въ 11—12 лѣтнемъ возрастѣ и познанія ихъ быстро улетучивались вслѣдствіе отсутствія въ ихъ дальнѣйшей жизни такихъ условій, которыя содѣйствовали бы болѣе глубокому усвоенію знаній. Отсюда и не рѣдкій рецидивъ безграмотности. Случалось, что бывшіе ученики приходили къ учителю для прочтенія писемъ, полученныхъ ими отъ родственниковъ и знакомыхъ, и такіе факты были далеко не единичными.

Въ 1885 году въ карсунскомъ училищномъ совѣтѣ возникъ вопросъ, приносятъ-ли какую-либо пользу крестьянскому населенію мѣстныя начальныя народныя школы и оправдываютъ-ли онѣ въ надлежащей мѣрѣ тотъ значительный расходъ, какой производится на нихъ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ и, въ особенности, мѣстнымъ уѣзднымъ земствомъ. По всему уѣзду, съ цѣлью получить на этотъ вопросъ основанный на фактахъ отвѣтъ, произведены были повѣрочныя испытанія учениковъ и ученицъ, окончившихъ начальныя школы въ послѣднее десятилѣтіе, начиная съ 1875 года. На эти испытанія по приглашенію черезъ сельскихъ властей явилось 2842 лица того и другого пола изъ 3946 (72%) учениковъ и ученицъ, окончившихъ курсъ за указанный періодъ. Въ 1887 году, по иниціативѣ симбирскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, также были произведены повѣрочныя испытанія въ знаніи предметовъ начальной школы лицамъ, окончившимъ курсъ ученія въ сельскихъ народныхъ училищахъ уѣзда въ періодъ времени съ 1876 по 1886 годъ. На испытанія, которыя

произведены были въ 53 сельскихъ школахъ въ апрѣлѣ, маѣ и въ началѣ іюня, явилось 1676 человѣкъ (1547 мужчинъ и 129 женщинъ), т. е. около $^2/_3$ общаго числа окончившихъ курсъ. Въ 1888 году инспекторъ народныхъ училищъ 3 района приглашенъ былъ провѣрить, чѣмъ выразились услуги школъ, какъ качественно, такъ и количественно, по отношенію къ составу молодыхъ людей, принятыхъ въ армію, при наборѣ 1888 года по Алатырскому уѣзду. Испытанія производились при неблагопріятныхъ условіяхъ: каждаго изъ окончившихъ въ школахъ курсъ и получившаго свидѣтельство инспекторъ экзаменовалъ непосредственно послѣ его осмотра и объявленія рокового рѣшенія: „принять". Всего подвергнуто было испытанію изъ лицъ, получившихъ льготныя свидѣтельства 4 разряда,—33 и изъ лицъ, получившихъ свидѣтельства 3 разряда по окончаніи курса въ двухклассномъ училищѣ,—2.

Въ общемъ результаты всѣхъ этихъ испытаній оказались благопріятными для школы:—между лицами, подвергнувшимися имъ, безграмотныхъ совершенно не было. Бывшіе ученики сельскихъ училищъ въ Карсунскомъ уѣздѣ, напр., даже не только сохранили во всей цѣлости, но и развили въ себѣ технику чтенія по книгамъ русской печати, при чемъ въ пониманіи прочитаннаго обнаружили гораздо большую быстроту, сообразительность и широту, чѣмъ какими они обладали при окончаніи курса ученія. Даже навыкъ въ славянскомъ чтеніи не только сохранился, но и получилъ иногда большее развитіе. Испытательныя комиссіи оцѣнили балломъ 5 славянское чтеніе 557 и русское чтеніе 707 бывшихъ учениковъ. Къ неудовлетворительно читающимъ и понимающимъ прочитанное отнесено было: по славянскому чтенію—237 и по русскому—130 учениковъ и, притомъ, исключительно такихъ, которые, по окончаніи курса школьнаго обученія, вслѣдствіе крайней бѣдности и другихъ неблагопріятныхъ условій, не имѣли возможности хоть когда-либо прочитать книжку. Въ Симбирскомъ уѣздѣ „отличные" успѣхи по славянскому и русскому чтенію оказали 480 человѣкъ, „очень хорошіе"—615, „удовлетворительные"—534 и „посредственные"—47. Отличительною чертою русскаго чтенія являлась, при этомъ, не столько бѣглость, сколько сознательность: какъ бы медленно и съ трудомъ ни разбирали русскую книгу нѣкоторые изъ давно окончившихъ школу и не имѣвшихъ возможности, по выходѣ изъ нея, читать что-либо,—они всегда оказывались способными толково пересказать прочитанное. Эту способность развила въ нихъ исключительно земская школа, въ которой, съ самаго ея

2*

открытія, сознательное усвоеніе учащимися всего начальнаго курса составляло и составляетъ предметъ главнѣйшихъ заботъ учительскаго персонала. Въ Алатырскомъ уѣздѣ чтеніе по русски у большинства пріобрѣло лучшія качества, чѣмъ обыкновенно въ томъ возрастѣ, въ какомъ оканчиваютъ въ школахъ курсъ: чтеніе стало менѣе торопливымъ, но зато болѣе сознательнымъ, и съ технической стороны оно пріобрѣло больше выразительности.

Благопріятными оказались заключенія испытательныхъ комиссій и относительно познаній бывшихъ учениковъ по ариѳметикѣ. Число неудовлетворительныхъ балловъ по этому предмету въ Карсунскомъ уѣздѣ составляло только 5%. Эти результаты явились совершенно неожиданными для училищнаго совѣта, хотя, съ другой стороны, представлялось вполнѣ понятнымъ, что и житейская практика крестьянъ поддерживала въ нихъ пріобрѣтенные въ школѣ навыки въ счисленіи: складывать, вычитать и дѣлить приходилось постоянно. Въ Симбирскомъ уѣздѣ изъ числа явившихся на экзамены отлично отвѣчали 388 человѣкъ, очень хорошо—574, удовлетворительно—632 и посредственно—82. Ариѳметическія задачи и особенно тѣ изъ нихъ, которыя имѣли своимъ содержаніемъ условія крестьянскаго быта, экзаменовавшіеся, по отзывамъ предсѣдателей экзаменаціонныхъ комиссій, рѣшали очень удачно; почти всѣ они помнили таблицу умноженія и очень многіе пріобрѣли отличное умѣнье пользоваться торговыми счетами. Посредственные успѣхи въ счисленіи обнаружили преимущественно женщины и тѣ изъ мужчинъ, которые, живя почти безвыѣздно въ родныхъ захолустьяхъ и занимаясь только земледѣліемъ, поставлены были, благодаря этому, въ менѣе благопріятныя сравнительно съ другими условія для развитія навыка въ умственномъ счетѣ.

Менѣе благопріятными оказались результаты относительно сохраненія у бывшихъ учениковъ народной школы умѣнья писать. Отмѣтки экзаменаціонныхъ комиссій по этому предмету по Карсунскому уѣзду были ниже, чѣмъ по другимъ предметамъ. Причиною утраты многими бывшими учениками пріобрѣтеннаго въ школѣ навыка къ письму являлось отсутствіе практики въ этомъ отношеніи. Изъ общаго числа (2842) подвергавшихся испытанію—только 1314 человѣкъ, т. е. значительно меньше половины, занимались по окончаніи курса письмомъ и то, за немногими исключеніями, не особенно часто; 649 учениковъ и учениць писали кое-что при особыхъ только къ тому побужденіяхъ и, вообще, очень мало и рѣдко; далѣе, 342 мальчика и дѣвочки

совсѣмъ не занимались письмомъ по выходѣ изъ училищъ и, вслѣдствіе этого, естественно утратили почти совершенно свой навыкъ къ письму. Нетвердый, невѣрный, нечистый штрихъ письма, грубыя погрѣшности противъ ореографіи замѣчались въ письмѣ учениковъ тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ отдаленнѣе было время окончанія ими курса ученія, а это давало право на заключеніе, что бывшіе ученики сельскихъ школъ отвыкали отъ упражненія въ письмѣ. Точно также и въ Симбирскомъ уѣздѣ успѣхи бывшихъ учениковъ въ письмѣ, оказанные ими на повѣрочныхъ испытаніяхъ, были ниже ихъ успѣховъ по другимъ предметамъ, хотя никто изъ нихъ не разучился писать. Въ Алатырскомъ уѣздѣ письмо стояло также нѣсколько ниже чтенія, но зато почти половина испытуемыхъ въ почеркѣ и навыкѣ писать показали очень хорошія способности: почеркъ бойкой, твердой, свободной и почти правильной ореографически скорописи.

Результаты этихъ испытаній, произведенныхъ въ трехъ уѣздахъ, показали, во всякомъ случаѣ, что пореформенная начальная школа сообщаетъ учащимся настолько твердые навыки въ чтеніи, письмѣ и счисленіи, что они не утрачиваются ими и впослѣдствіи, несмотря на крайне неблагопріятную обстановку жизни крестьянина; при обстановкѣ же болѣе благопріятной, эти навыки развиваются и совершенствуются. Любопытно и то, что, по отзывамъ учащихъ, интеллектуальное и моральное развитіе лицъ, прошедшихъ школу, значительно повышается. Все это, къ сожалѣнію, однако, относится лишь къ лицамъ, окончившимъ начальную школу, а такихъ лицъ—меньшинство; большинство же не выноситъ изъ школы столь твердыхъ и прочныхъ знаній и навыковъ, такъ какъ не проходитъ ея полнаго курса.

Симбирскія начальныя народныя школы не только сообщаютъ ученикамъ навыки въ чтеніи, письмѣ и счетѣ, но стремятся еще содѣйствовать ихъ умственному развитію сообщеніемъ свѣдѣній объ окружающей природѣ, по исторіи, географіи и т. д.

Съ восьмидесятыхъ же годовъ учебная администрація стала настойчиво вводить въ свѣтскія школы и предметы, не имѣющіе общеобразовательнаго характера, какъ-то: пѣніе, военную гимнастику, садоводство, огородничество, различныя ремесла и т. д. Уѣздные училищные совѣты и земства Симбирской губерніи раздѣляли въ этомъ отношеніи взгляды администраціи, содѣйствуя, съ своей стороны, введенію въ школьный курсъ этихъ „необязательныхъ“ предметовъ и превращая ихъ иногда въ обязательные не только *de facto*, но и *de jure*. Такъ, въ 1872 году губернскій училищный совѣтъ постановилъ ввести въ народ-

ныя училища, кромѣ обязательныхъ предметовъ, положенныхъ для нихъ, также, по мѣрѣ средствъ и возможности, церковное пѣніе, гимнастику и нѣкоторыя ремесла или мастерства, наиболѣе пригодныя для данной мѣстности. Въ 1886 году послѣдовало распоряженіе попечителя казанскаго учебнаго округа принять къ руководству и исполненію замѣчанія высокопреосвященнаго Никанора, архіепископа херсонскаго и одесскаго, по вопросу о мѣрахъ къ лучшей постановкѣ народныхъ училищъ, при чемъ указывалось на преподаваніе закона Божія и на введеніе—по возможности—во всѣ школы обученія простому церковному пѣнію. Въ томъ же году министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было распоряженіе о пріобрѣтеніи для начальныхъ училищъ изданныхъ Синодомъ не только часослова и псалтири, но и октоиха. Съ своей стороны, и мѣстные училищные совѣты стали принимать соотвѣтствующія мѣры въ томъ же направленіи. Симбирскій совѣтъ, напр., въ томъ же 1886 году постановилъ „ввести въ тѣхъ училищахъ, гдѣ со стороны учащихъ представится возможность, обученіе церковному пѣнію". Однако такая „возможность" со стороны учащихъ представлялась далеко не всегда, въ виду чего училищные совѣты стали дѣлать соотвѣтствующій подборъ преподавателей начальныхъ школъ. Въ 1887 году симбирскій совѣтъ постановилъ предоставлять открывающіяся учительскія вакансіи преимущественно такимъ кандидатамъ, которые, при всѣхъ другихъ необходимыхъ условіяхъ, могутъ обучать дѣтей и церковному пѣнію. Съ 1888 года также и сызранскій совѣтъ сталъ опредѣлять на учительскія мѣста лицъ, могущихъ обучать учащихся церковному пѣнію. Наконецъ, изъ доклада карсунскаго совѣта уѣздному земскому собранію 1894 года также видно, что тамъ учительскія мѣста начали предоставляться предпочтительно такимъ лицамъ, которыя могли бы болѣе или менѣе удовлетворительно преподавать церковное пѣніе, и если это постановленіе не исполнялось во всей его строгости, то только потому, что, въ виду поднявшагося спроса на учителей-регентовъ, послѣдніе предпочитали поступать въ тѣ уѣзды, гдѣ оклады жалованья наиболѣе обезпечиваютъ существованіе.

Стремясь проводить въ школахъ „строго церковное направленіе", училищные совѣты считали церковное пѣніе однимъ изъ важнѣйшихъ предметовъ. Однако, при такой школьной политикѣ, общеобразовательныя цѣли свѣтской начальной школы отступали на второй планъ. Дѣло дошло, напр., до того, что симбирскій уѣздный училищный совѣтъ, не находившій средствъ для педагогическихъ курсовъ, устроилъ

въ 1889 году въ Симбирскѣ краткосрочные курсы по церковному пѣнію, которые продолжались двѣ недѣли и на которыхъ присутствовало 36 учащихъ Симбирскаго и отчасти Сенгилеевскаго уѣздовъ. Курсами руководилъ инспекторъ народныхъ училищъ, подъ управленіемъ котораго сформированный изъ учителей и учительницъ хоръ пѣлъ обѣдни и всенощныя въ симбирскихъ городскихъ церквахъ!.. Буинское уѣздное земское собраніе того же 1889 года высказалось за учрежденіе на средства губернскаго земства лѣтнихъ курсовъ для обученія учащихъ церковному пѣнію въ г. Симбирскѣ. Губернское земское собраніе того же года въ принципѣ высказалось за учрежденіе такихъ курсовъ, но нашло болѣе цѣлесообразнымъ устраивать ихъ въ уѣздныхъ городахъ. Церковное пѣніе и славянскій языкъ, вмѣстѣ съ садоводствомъ и огородничествомъ, занимали видное мѣсто и на краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ г. Симбирскѣ въ 1895 году. Въ 1904 году пѣніе преподавалось въ 407 школахъ губерніи.

Одновременно съ введеніемъ церковнаго пѣнія началось усиленное преподаваніе церковно-славянскаго чтенія, которое считалось иногда даже важнѣе обученія русскому чтенію и успѣхи въ которомъ ставились учителямъ въ особую заслугу. Въ отзывахъ экзаменаціонныхъ коммиссій бывали, напримѣръ, въ такомъ родѣ: „Беклемишевское училище Карсунскаго уѣзда достигло по славянскому чтенію замѣчательныхъ результатовъ: дѣти старшаго и даже средняго отдѣленія такъ хорошо переводили, такъ хорошо читали славянскую печать, что дальше идти некуда“. Буинскій уѣздъ, въ слѣдованіи „церковному направленію“, пошелъ дальше всѣхъ уѣздовъ не только Симбирской, но, вѣроятно, и всѣхъ уѣздовъ другихъ губерній, такъ какъ въ его земско-общественныхъ школахъ пѣніе сдѣлано было *обязательнымъ предметомъ*, а русскій языкъ замѣненъ былъ церковно-славянскимъ!..

Трудно представить себѣ большее извращеніе задачъ школьнаго обученія въ угоду предвзятой тенденціи. Отсюда оставался одинъ лишь шагъ къ церковно-приходскимъ школамъ,—и, дѣйствительно, мы видимъ, что въ 1885 году протоіерей Баратынскій, имѣвшій большое вліяніе на постановку школьнаго дѣла въ Буинскомъ уѣздѣ, представилъ докладъ земскому собранію, въ которомъ настаивалъ на преобразованіи земскихъ школъ въ церковно-приходскія.

Предложеніе это встрѣтило оппозицію, но на томъ основаніи, что, собственно, разницы между земскими и церковно-приходскими школами почти уже нѣтъ никакой.

Тогда въ слѣдующемъ году тотъ же Баратынскій предложилъ со-

бранію, не касаясь управленія школами, ввести въ нихъ программы церковно-приходскихъ школъ, и это предложеніе принято было уже безъ возраженій, при чемъ высказано было даже пожеланіе, чтобы „направленіе начальныхъ школъ отнынѣ велось въ церковномъ духѣ, сообразно съ синодальными программами". Въ то же время земскій книжный складъ перешелъ въ вѣдѣніе Баратынскаго, который, завѣдуя разсылкой книгъ въ школы и дѣлопроизводствомъ училищнаго совѣта, сталъ усиленно насаждать церковный духъ, съ одобренія земскаго собранія, которому ежегодно представлялъ обширные доклады, и при нѣкоторомъ несочувствіи инспектора народныхъ училищъ.

Выброшены были, прежде всего, за бортъ книги Ушинскаго, Водовозова, барона Корфа и вся прочая „нѣмецкая педагогика", а въ школы стали разсылаться исключительно букварн, часословы, октоихи, стихираріи и, вскорѣ запрещенныя даже синодомъ, „чтенія изъ священной исторіи подлинными словами библіи" священника Свирѣлина. Звуковой способъ обученія грамотѣ былъ забракованъ, и съ 1889 года по школамъ стала разсылаться „Азбука" Ильминскаго, по которой ученье начиналось со славянскаго названія буквъ: азъ, буки, вѣди и т. д. Такую перемѣну метода объясняли тѣмъ соображеніемъ, что „эта азбука преп. Кирилла, по которой учились наши предки со временъ св. Владиміра, возобновленная и осмысленная разумно, и притомъ, назидательно Ильминскимъ". Первое время преподаваніе по этой азбукѣ, правда, было необязательнымъ.

Однако, нѣкоторые учителя стали употреблять ее въ томъ же году, какъ „получившую на Руси самое начало путемъ вѣры православной", а со временемъ имѣлось въ виду ввести ее во всѣ школы. Объяснительное чтеніе, рекомендовавшееся педагогіей и министерскими программами, признано было излишнимъ на томъ курьезномъ основаніи, что оно, будто бы, „преслѣдуетъ побочныя (!?) цѣли и сообщаетъ учащимся разнообразныя свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія, развивающія въ дѣтяхъ только мнимую (?) самодѣятельность и самостоятельность, ведущую больше къ ходульности (!) мыслей, чѣмъ къ образованію ихъ".

На обученіе церковно-славянскому языку обращено было главное вниманіе, и русскій языкъ признанъ былъ маловажнымъ придаткомъ къ нему. Во время посѣщенія какой-то школы Баратынскимъ одинъ учитель диктовалъ ученикамъ фразу: „мужикъ пашетъ землю". Это было ему поставлено на видъ, съ разъясненіемъ, что „нужно диктовать молитвы, а не такіе пустяки".

Учителямъ оставалось только недоумѣвать тому обстоятельству, что въ русскихъ училищахъ воспрещенъ русскій языкъ, но большинство старалось, конечно, приспособиться къ новымъ требованіямъ. Благодаря этому, мѣстное земство дожило до того, что въ докладѣ земскому собранію 1894 года членъ училищнаго совѣта Л. В. Персіяниновъ заявилъ, что „русскій языкъ въ русскомъ государствѣ и, притомъ, въ русской народной школѣ является въ положеніи предосудительномъ“.

Второе мѣсто въ земско-общественныхъ школахъ буинскаго уѣзда заняло церковное пѣніе. Въ докладахъ училищнаго совѣта земскому собранію находимъ выраженія сожалѣнія о томъ, что нѣкоторыя учительницы не могутъ обучать дѣтей пѣнію, что многіе изъ учителей не имѣютъ надлежащихъ познаній и умѣнія къ методическому и успѣшному преподаванію „этого важнаго въ воспитательномъ отношеніи предмета“ и т. д. Такія требованія приводили къ тому, что нѣкоторые преподаватели, опасаясь потерять мѣсто, нанимали учителей пѣнія, платя имъ изъ своего жалованья! Строй всѣхъ школъ получилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, „церковное направленіе“. Въ нихъ введено было „чиноположеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ по учебному часослову“; въ присутствіи членовъ училищнаго совѣта въ нихъ пѣлись „воскресныя стихиры и канонъ церковнаго гласа, съ обычнымъ чтеніемъ стиховъ“, читались часы и т. д. При оцѣнкѣ успѣшности преподаванія въ школахъ, училищный совѣтъ не придавалъ особеннаго значенія увеличенію числа учащихся и окончившихъ курсъ, а также другимъ общепринятымъ критеріямъ, но для него гораздо важнѣе было „внутреннее преуспѣяніе школъ по программамъ, одобреннымъ Синодомъ для церковныхъ школъ, направленіе учебнаго дѣла въ церковномъ духѣ и пріобрѣтеніе учащимися не только религіозныхъ знаній, но и религіозныхъ навыковъ—ходить неопустительно въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и участвовать въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ... Здѣсь живая связь между церковью и школой, освященная временемъ, годъ отъ года будетъ крѣпнуть. Здѣсь дисциплина и ученіе дышатъ духомъ церкви: учатъ и молятся, читаютъ и назидаются, поютъ и возбуждаются пѣніемъ къ молитвѣ“. То же, но въ болѣе слабой степени, происходило и въ другихъ уѣздахъ.

Циркулярнымъ предложеніемъ симбирскаго училищнаго совѣта въ 1887 году завѣдующіе училищами приглашались усилить занятія по церковно-славянскому чтенію и церковному пѣнію, сдѣлать, затѣмъ,

обязательнымъ для учащихся посѣщеніе богослуженія въ воскресные и праздничные дни и, наконецъ, постепенно пріучать дѣтей къ чтенію и пѣнію въ церкви. Такимъ распоряженіемъ имѣлось въ виду „сообщеніе всему учебному дѣлу религіозно-воспитательнаго направленія“.

Результатъ такой школьной политики оказался довольно печальнымъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ чувашскихъ училищахъ окончившіе курсъ ученики (послѣ четырехъ лѣтъ обученія) почти не умѣли говорить по русски.

Въ 1892 году, съ измѣненіемъ состава училищнаго совѣта, измѣнился и методъ преподаванія въ школахъ, стали разсылаться въ послѣднія книги для ученическихъ чтеній по русски и обращено было вниманіе на обученіе русскому языку. Обученіе обязательнымъ предметамъ въ школахъ Буинскаго уѣзда въ настоящее время производится, какъ и въ другихъ уѣздахъ, по программамъ министерства народнаго просвѣщенія, и только въ чувашскихъ школахъ учебные планы и методы преподаванія заимствуются изъ программъ Ильминскаго.

Съ конца 80-хъ годовъ учебное время въ симбирскихъ начальныхъ школахъ, кромѣ церковнаго пѣнія и славянскаго чтенія, стало отниматься отъ общеобразовательныхъ предметовъ преподаваніемъ военной гимнастики и предметовъ профессіональнаго характера. По распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, съ 1889 года преподаваніе ученикамъ военной гимнастики включено въ кругъ обязательныхъ предметовъ учебныхъ заведеній этого министерства и, по возможности, всѣхъ начальныхъ сельскихъ школъ, гдѣ къ тому будутъ даны средства отъ земствъ, городовъ и сословныхъ учрежденій или изъ другихъ источниковъ.

Введеніе гимнастики въ народныхъ школахъ признавалось особенно важнымъ потому, что черезъ нихъ проходитъ большинство лицъ, комплектующихъ армію и ополченіе. Уѣздныя земства Симбирской губерніи сочувственно отнеслись къ введенію военной гимнастики въ число предметовъ преподаванія начальной школы и, въ большинствѣ случаевъ, ассигновали на это средства, хотя и весьма незначительныя. Также отнеслось къ этому нововведенію и губернское земство. Представляя губернскому собранію 1890 года проектъ курсовъ пѣнія, „какъ мѣры для упорядоченія церковнаго пѣнія въ сельскихъ школахъ“, губернская управа выразила пожеланіе, чтобы, кромѣ пѣнія, въ программу курсовъ введена была и военная гимнастика, какъ предметъ, „на преподаваніе коего правительствомъ обращено теперь особое вниманіе“.

Собраніе отнеслось къ этому проекту весьма сочувственно. Въ виду незнакомства съ военною гимнастикой преподавателей и невозможности пригласить для этого педагогически подготовленныхъ спеціалистовъ, вопросъ о томъ, кто долженъ преподавать вновь введенный предметъ, разрѣшенъ былъ довольно просто: преподавателями гимнастики, по рекомендаціи министерства, принимались запасные нижніе чины, съ жалованьемъ 15—20 рублей въ годъ, при чемъ нѣкоторыя земства, по экономическимъ соображеніямъ, стали соединять эту должность съ должностью школьнаго сторожа, т. е. признали полезнымъ имѣть сторожей изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, которые съ успѣхомъ могли бы и обучать мальчиковъ гимнастикѣ!

Принципіально трудно было, конечно, что-либо возразить противъ введенія въ школы гимнастики, но — гимнастики, преподаваемой раціонально. Введенная же описаннымъ способомъ, преподаваемая людьми невѣжественными, механически усвоившими гимнастическіе пріемы, она могла принести лишь вредъ неокрѣпшимъ дѣтскимъ организмамъ. Въ симбирскихъ городскихъ школахъ занятія гимнастикой происходили или въ душныхъ классахъ или на грязномъ дворѣ. Въ общемъ, эта мѣра успѣха не имѣла. Такъ, въ докладѣ симбирскаго училищнаго совѣта земскому собранію 1893 года говорится: „Военная гимнастика преподается успѣшно лишь въ городскихъ училищахъ и въ очень немногихъ сельскихъ. Начавшись довольно успѣшно, обученіе этому предмету, съ годами, становится все слабѣе, такъ какъ запасные нижніе чины, взявшіеся, было, преподавать въ сельскихъ школахъ гимнастику, теперь отказываются отъ преподаванія ея, вслѣдствіе незначительности получаемой, въ размѣрѣ 20 коп. за часъ, платы“. Спустя пять лѣтъ послѣ распоряженія министерства, въ циркулярѣ учащимъ, инспекторъ народныхъ училищъ Сызранскаго уѣзда писалъ: „въ виду того, что гимнастика не преподается ни въ одномъ изъ сельскихъ училищъ уѣзда, прошу учащихъ, незнакомыхъ со школьною гимнастикой, озаботиться, чтобы сторожами въ училища нанимались преимущественно отставные солдаты изъ унтеръ-офицеровъ, трезвые и хорошей нравственности“.

Въ настоящее время изъ всѣхъ земскихъ и министерскихъ школъ Симбирской губерніи гимнастика преподается только въ 37. Объясняется это,—по словамъ директора народныхъ училищъ,—недостаткомъ средствъ, отсутствіемъ опытныхъ преподавателей и просторныхъ помѣщеній.

Успѣшнѣе оказалось преподаваніе садоводства и огородничества,

которое особенно распространилось въ послѣднія 15 лѣтъ. Согласно даннымъ за 1904 г., садоводствомъ занимались въ 125 училищахъ 3682 учащихся, а огородничествомъ въ 139 училищахъ — 3910 учащихся. Преподаваніе этихъ предмстовъ ведется практически, путемъ непосредственнаго участія учащихся въ садовыхъ и огородныхъ работахъ, при чемъ преподаватели, сами работая вмѣстѣ съ учащимися, объясняютъ послѣднимъ значеніе и необходимость данныхъ мѣръ и пріемовъ по уходу за растеніями. Впрочемъ, кромѣ того, многіе преподаватели въ классѣ прочитываютъ предварительно статьи, относящіяся къ плодоводству, а иные штудируютъ то или другое руководство по предмету и, такимъ образомъ, заранѣе теоретически подготовляютъ учащихся къ предстоящимъ садовымъ и огороднымъ работамъ. При 337 школахъ имѣются земельные участки, съ площадью въ 312.399 кв. саж., т. е. средній размѣръ участка равняется 937 кв. саж. Большая часть ихъ занята садами и огородами, а также хлѣбными растеніями, травами и отчасти пасѣками. Участки эти служатъ для учащихъ доходными статьями; примѣняя къ нимъ свой трудъ, они обезпечиваютъ себя овощами, фруктами, а иногда — отчасти хлѣбомъ и кормомъ для коровы. Охотно занимаясь сельскимъ хозяйствомъ и примѣняя усовершенствованные способы въ полевомъ хозяйствѣ, особенно же въ садоводствѣ и огородничествѣ, а также въ пчеловодствѣ (въ 1904 году пчеловодство преподавалось на 11 учительскихъ пасѣкахъ 160 учащимся), нѣкоторые учителя вносятъ отчасти даже улучшеніе сельско-хозяйственной техники въ крестьянскую среду. Дѣло это, понятно, можетъ хорошо идти только тамъ, гдѣ преподаватели занимаются по собственному желанію, съ любовью къ нему, а не въ силу предписаній начальства.

Введеніемъ преподаванія этихъ предметовъ имѣлась въ виду широкая цѣль: развитіе садоводства и огородничества посредствомъ обученія учениковъ основнымъ пріемамъ ихъ и посредствомъ распространенія въ населеніи хорошихъ сортовъ плодовыхъ, огородныхъ и другихъ растеній. Такимъ образомъ, на начальную общеобразовательную школу, съ краткимъ учебнымъ курсомъ и учащимися *дѣтьми*, пытались возложить задачу, посильную только для спеціальныхъ школъ, съ спеціалистами-учителями и болѣе взрослыми учениками, получившими уже общее элементарное образованіе.

Это увлеченіе, однако, не замедлило вызвать разочарованіе въ земской средѣ. Уже въ 1894 г. сызранская земская управа, основываясь на опытѣ первыхъ лѣтъ, высказала въ докладѣ земскому

собранію вполнѣ правильный взглядъ, что недостаточно имѣть при школахъ извѣстное количество обгороженной земли и учителя, ознакомившагося съ садоводствомъ и огородничествомъ въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ на курсахъ; во главѣ дѣла нужно поставить такого учителя-садовника, который былъ бы душою преданъ ему и, сознавая самъ пользу дѣла, внушилъ бы ее и ученикамъ, умѣя увлечь ихъ тѣмъ или другимъ занятіемъ въ саду и огородѣ, по возможности, и въ каникулярное время, начинающееся обыкновенно тогда, когда работы въ садахъ и огородахъ только начинаются, а оканчивающееся тогда, когда эти работы прекращаются. Много ли, наконецъ, найдется такихъ учителей, которые свое свободное послѣ тяжелыхъ трудовъ время отдадутъ саду и огороду? Между тѣмъ, только при наличности всѣхъ этихъ условій, по мнѣнію вышеупомянутой управы, дѣло по садоводству и огородничеству при сельскихъ школахъ можетъ наладиться, и только такимъ школамъ слѣдуетъ оказывать пособіе отъ земства, при которыхъ будутъ учителя садовники-любители, а не учителя-садовники—по приказанію.

Такую же вѣрную оцѣнку, но со стороны симбирской уѣздной земской управы, нашла въ 1886 году мысль воспользоваться начальною народною школою для распространенія ремесленнаго образованія. Управа признала сомнительною возможность устройства ремесленныхъ классовъ для учащихся въ сельскихъ училищахъ дѣтей, при нынѣ существующемъ порядкѣ пріема мальчиковъ въ училища и срокѣ ихъ обученія (въ большинствѣ случаевъ, они поступаютъ въ училище 9 лѣтъ, а кончаютъ курсъ—12 лѣтъ), такъ какъ въ физически неразвитомъ возрастѣ невозможно обучать дѣтей мастерству и, притомъ, за время своего пребыванія въ школѣ дѣти не будутъ въ состояніи усвоить себѣ даже начальныя познанія мастерства. Тѣмъ не менѣе, ремесленные классы начали открываться въ Симбирской губерніи еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, т. е. со времени учрежденія первыхъ министерскихъ училищъ. Въ настоящее время число ихъ весьма ограниченно—всего 18. Въ нихъ преподаются ткачество, сапожно-башмачное, столярное, слесарное ремесла, плетеніе разныхъ предметовъ изъ соломы, плетеніе корзинъ, мебели и прочее, изъ ивы и камыша, кройка, шитье и ручной трудъ по обработкѣ дерева.

Всеобщее обученіе, даже и по расширенной программѣ народной начальной школы, не можетъ считаться послѣднею цѣлью дѣятельности въ сферѣ народнаго образованія. Этой цѣли могъ бы удовле-

творять только народный университетъ, дѣлающійся уже достояніемъ рабочаго класса и крестьянства въ наиболѣе передовыхъ странахъ. Въ ходѣ народнаго образованія общедоступная, хорошо поставленная начальная школа — первая ступень, тотъ широкій и прочный фундаментъ, на которомъ только и мыслима дальнѣйшая постройка зданія, намѣчаемаго лишь въ настоящее время въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ. Видное мѣсто въ сложной системѣ народно-образовательныхъ учрежденій ближайшаго будущаго должны занять библіотеки, склады книгъ, повторительные вечерніе и воскресные классы, а также народныя чтенія, т. е. учрежденія по *внѣшкольному народному образованію*. Область послѣдняго въ Симбирской губерніи остается, къ сожалѣнію, почти нетронутою, хотя каждому ясно, что взрослому человѣку мало тѣхъ знаній, которыми снабжаетъ его въ дѣтствѣ начальная школа, какъ бы хорошо она ни была организована. Крестьянину и рабочему, естественно, приходится искать разрѣшенія занимающихъ его вопросовъ въ книгѣ.

Въ большинствѣ мѣстностей Симбирской губерніи единственными учрежденіями, изъ которыхъ пользуются книгами не только дѣти, но и взрослые, являются *школьныя библіотеки*. Составъ этихъ библіотекъ впервые приведенъ былъ въ извѣстность въ 1871 году, по инціативѣ И. Н. Ульянова, который раздѣлилъ всѣ находившіяся въ нихъ книги на пять отдѣловъ: 1) для обученія закону Божію—28.292 экземпляра; 2)—чтенію—12.215; 3)—счету—6.025; 4) для чтенія и умственнаго развитія—13.764 и 5) книгъ разнаго содержанія преимущественно для учащихъ — 1.163 экз. Такимъ образомъ, большая часть библіотекъ состояла изъ учебниковъ, притомъ отчасти не употреблявшихся по причинѣ ихъ устарѣлости; даже въ „Родномъ Словѣ“ ощущался недостатокъ.

Необходимость болѣе совершенной организаціи школьныхъ библіотекъ сознавалась во все послѣдующее время не только училищными совѣтами и чинами министерства народнаго просвѣщенія, но и земствами. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ земскому собранію сызранская земская управа, напр., заявляетъ, что „сельскія училища являются для крестьянъ единственными учрежденіями, въ которыхъ они получаютъ свое первоначальное развитіе, эти же училища и въ будущемъ должны служить источникомъ для поддержанія грамотности и распространенія вообще полезныхъ свѣдѣній въ народѣ, а потому организація библіотекъ есть одна изъ самыхъ важныхъ сторонъ училищнаго дѣла, удовлетвореніе котораго тѣсно связано съ общимъ развитіемъ

народа". Одновременно не прекращаются жалобы на бѣдность этихъ библіотекъ, устарѣлость и неудовлетворительный подборъ книгъ. По словамъ И. Н. Ульянова, въ ученическихъ библіотекахъ въ 1873 году было весьма мало книгъ, доступныхъ дѣтскому пониманію. Въ 1887 году инспекторъ народныхъ училищъ Симбирскаго уѣзда также отмѣчаетъ бѣдность этихъ библіотекъ. „Книгъ популярно - научнаго содержанія имѣется очень мало, а, между тѣмъ, взрослые изъ грамотныхъ крестьянъ иногда заявляютъ о своемъ желаніи узнать географію, имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о природѣ, о небесныхъ свѣтилахъ и т. п., спрашиваютъ книгъ по сельскому хозяйству (земледѣлію, садоводству и пчеловодству). Сравнительно немногіе учителя имѣютъ возможность удовлетворять эту любознательность крестьянъ". Изъ послѣдняго отчета директора народныхъ училищъ видно, что въ большинствѣ школьныхъ библіотекъ количество необходимыхъ учебниковъ—достаточное, но выборъ книгъ для внѣкласснаго чтенія невеликъ. Хотя точныхъ данныхъ о книгахъ послѣдней категоріи не имѣется, но тотъ порядокъ пополненія ихъ, который установленъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, не позволяетъ разсчитывать на удовлетворительный составъ библіотекъ, даже наиболѣе богатыхъ количествомъ книгъ. Кромѣ дѣйствующаго ограничительнаго каталога, въ этомъ дѣлѣ примѣняется еще спеціальная рекомендація изданій, которыя должны быть обязательно пріобрѣтаемы въ школьныя библіотеки, и эта рекомендація отличается весьма не рѣдко крайнею тенденціозностью.

Въ сравнительно лучшихъ условіяхъ находились до послѣдняго времени *безплатныя библіотеки-читальни*, существовавшія независимо отъ школъ и, болѣе или менѣе, отъ учебной администраціи. Хотя каталогъ разрѣшенныхъ для нихъ книгъ самъ по себѣ крайне неудовлетворителенъ, но въ сравненіи съ каталогомъ школьныхъ библіотекъ его можно считать весьма обширнымъ, при чемъ онъ расширялся съ каждымъ годомъ, пока, наконецъ, въ 1905 году не былъ совершенно отмѣненъ. Эти библіотеки возникли въ девятисотыхъ годахъ и скоро пріобрѣли популярность среди населенія. Учреждались онѣ преимущественно уѣздными земствами и мѣстною интеллигенціей. Въ 1900—1901 г.г. число ихъ равнялось 70 и съ тѣхъ поръ нѣсколько увеличилось, но и въ настоящее время ихъ въ среднемъ не болѣе 10 на уѣздъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ отмѣнены стѣснявшія ихъ открытіе правила и онѣ открываются и существуютъ на общихъ съ другими обществен-

ными библіотеками основаніяхъ, народныя безплатныя библіотеки-читальни—надо думать—станутъ все менѣе рѣдкимъ явленіемъ и сдѣлаются необходимою принадлежностью каждаго болѣе или менѣе значительнаго поселенія.

Симбирское очередное уѣздное земское собраніе 1903 года ассигновало на содержаніе *педагогической библіотеки* при дирекціи народныхъ училищъ 150 р. Въ Алатырскомъ уѣздѣ, въ селѣ Барышской слободѣ возникло *общество содѣйствія народному образованію и распространенію полезныхъ знаній*, уставъ котораго утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія 31-го октября 1903 года.

Сильный толчекъ развитію дешевыхъ народныхъ библіотекъ даютъ, какъ видно изъ практики ряда земскихъ губерній, губернскіе *книжные склады*. Вопросъ о такомъ складѣ поднятъ былъ и въ симбирскомъ земствѣ. Уѣздныя земскія собранія 1903 года и губернская управа высказались за открытіе при губернской управѣ склада, изъ котораго снабжались бы книгами болѣе мелкіе склады въ уѣздахъ. При этомъ предполагалось избрать путь, намѣченный самой жизнью, которымъ воспользовались уже нѣкоторыя земства: такъ какъ населеніе покупаетъ книги преимущественно на базарахъ и у офеней, то земства, кромѣ открытія отдѣленій книжнаго склада въ уѣздахъ, ввели у себя книгоношъ и привлекли къ участію въ продажѣ книгъ сельскихъ учителей и другихъ земскихъ служащихъ. Имѣлось въ виду, по докладу управы, образовать путемъ займа изъ свободныхъ земскихъ суммъ оборотный капиталъ въ 30.000 р. Губернское земское собраніе 1903 года стало, однако, въ этомъ вопросѣ на свою старую точку зрѣнія, по которой дѣло народнаго образованія есть дѣло земствъ уѣздныхъ, и потому, отвергнувъ предложеніе управы объ открытіи губернскаго книжнаго склада, постановило: открыть уѣзднымъ земствамъ кредитъ по 1.000 р. на оборотныя средства для уѣздныхъ складовъ. До послѣдняго времени существовало два такихъ склада: при ардатовской и симбирской уѣздныхъ управахъ.

Это постановленіе нельзя признать благопріятнымъ для разрѣшенія вопроса о повсемѣстной въ губерніи организаціи небольшихъ книжныхъ складовъ. При оборотѣ въ 1.000 р. уѣздныя управы, прежде всего, лишены возможности пригласить лицъ, которыя спеціально занялись бы организаціей выписки книгъ, устройствомъ складовъ и т. д. Управамъ открылась перспектива заниматься этимъ дѣломъ лишь между прочимъ, не спеціализируя его въ самостоятельную отрасль земской дѣятельности. Выписка книгъ каждою уѣздною упра-

вою отдѣльно является, вдобавокъ, менѣе выгодною, такъ какъ на небольшія ихъ партіи книгопродавцы дѣлаютъ незначительную уступку. Поэтому накладные расходы будутъ, вообще, неизбѣжно ложиться болѣе крупною суммой на каждый пріобрѣтаемый такимъ образомъ экземпляръ. Благодаря этому, главнымъ образомъ, обстоятельству, вопросъ о губернскомъ книжномъ складѣ въ Симбирской губерніи остается пока открытымъ.

Не получилъ еще движенія въ Симбирскомъ земствѣ также и другой не менѣе важный вопросъ—*о воскресныхъ и вечернихъ классахъ*. Между тѣмъ такія занятія должны были бы быть вѣнцомъ народной школы, закрѣпляя и развивая то, что дала бы ребенку въ зачаточномъ состояніи школа. Посѣянныя школой сѣмена должны найти здѣсь ту влагу и тепло, которыя дѣлаютъ ихъ жизнеспособными. Не меньшее значеніе воскресныя и вечернія занятія имѣютъ и для взрослаго населенія, давая *неграмотному* возможность стать „*зрячимъ*", какъ образно выражаются крестьяне. На вечернихъ занятіяхъ вездѣ замѣчается присутствіе взрослыхъ, нерѣдко—отцовъ семейства, бородатыхъ охотниковъ до книжки, и этотъ элементъ, по заявленіямъ учителей, всегда является самымъ серьезнымъ и сознательнымъ на занятіяхъ, дающимъ наибольшее удовлетвореніе учителю. Многія земства ассигнуютъ, поэтому, на такія занятія особыя средства. Что касается Симбирской губерніи, то въ ней эта отрасль народно-просвѣтительныхъ учрежденій еще не пріобрѣла характера широкаго общественнаго дѣла. Тамъ существуютъ шесть воскресныхъ школъ, возникшихъ благодаря частной иниціативѣ и безплатному труду. Вечерніе классы происходили въ послѣднее время въ шести школахъ губерніи. Эти классы, по отзывамъ завѣдующихъ, охотно посѣщаются, какъ неграмотными, такъ и грамотными крестьянами. Охотно посѣщаются населеніемъ также и народныя чтенія, но они имѣютъ совершенно случайный характеръ и обязаны своимъ существованіемъ лишь иниціативѣ и энергіи отдѣльныхъ лицъ, которымъ приходится при этомъ считаться со многими препятствіями формальнаго свойства. Затруднительно для ихъ успѣшности и то обстоятельство, что допущенный къ чтенію литературный матеріалъ очень ограниченъ въ количественномъ и часто крайне не высокъ въ качественномъ отношеніи.

Вл. Акимовъ.

ОСЯЗАТЕЛЬНЫЯ И ОСЯЗАТЕЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНЫЯ ВОСПРІЯТІЯ СЛѢПЫХЪ.

За послѣднее время психопатологія сдѣлала богатый вкладъ въ общую систему психологическихъ знаній. Патологическое измѣненіе тѣхъ или иныхъ элементовъ душевной жизни помогаетъ выясненію ихъ значенія въ общемъ синтезѣ психическихъ процессовъ. Однимъ изъ серьезныхъ препятствій для болѣе широкаго примѣненія патологическаго метода къ разработкѣ психологическихъ вопросовъ является невозможность пользоваться при душевныхъ болѣзняхъ данными самонаблюденія. Такъ какъ, въ частности, и психологическій экспериментъ въ большинствѣ случаевъ требуетъ отъ испытуемыхъ способности какъ къ самонаблюденію, такъ и вообще къ болѣе или менѣе продолжительному сосредоточенію вниманія, то область примѣненія эксперимента въ психопатологіи въ значительной степени сужена.

Въ этомъ отношеніи психологія слѣпыхъ находится въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ. По интересу, по способности къ активному вниманію, слѣпые не только не стоятъ ниже нормальныхъ людей, они въ большинствѣ случаевъ даже превосходятъ послѣднихъ. Взоръ ихъ уклоненъ отъ пестраго разнообразія внѣшняго міра, и съ тѣмъ большимъ вниманіемъ направленъ внутрь, на самые близкіе, самые интимные и глубокіе элементы личности. И данныя самонаблюденія, и экспериментальныя изслѣдованія слѣпыхъ могутъ, на мой взглядъ, представить много цѣннаго для нормальной психологіи. Психологія слѣпыхъ показываетъ, прежде всего, какое значеніе имѣютъ зрительныя ощущенія для процесса воспріятія; она выясняетъ, какимъ измѣненіямъ подвергается при отсутствіи зрѣнія процессъ воспріятія какъ со стороны содержанія, такъ и съ формальной стороны; далѣе, какъ отражается лишеніе органа зрѣнія на дѣятельности остальныхъ органовъ чувствъ, наконецъ, какъ вліяетъ измѣненіе процесса воспріятія

на процессы воспроизведенія и мышленія и на развитіе эмоціонально-волевой стороны душевной дѣятельности. Выясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ представляетъ интересъ не только для психолога-теоретика, но и для педагога-практика, стремящагося систему воспитанія связать съ данными психологическаго изслѣдованія.

Настоящая статья является одною изъ главъ болѣе обширнаго сочиненія, „Изъ душевной жизни слѣпыхъ", первая часть котораго, „Процессъ воспріятія у слѣпыхъ", выйдетъ въ свѣтъ въ ближайшемъ будущемъ.

A. Критическій обзоръ произведенныхъ до сихъ поръ экспериментальныхъ изслѣдованій.

При изслѣдованіи вопроса о значеніи осязанія у слѣпыхъ, вниманіе психологовъ направилось прежде всего на пассивныя осязательныя ощущенія. Первымъ вообще экспериментальнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ надъ слѣпыми, было сравненіе у нихъ и у зрячихъ пространственнаго порога осязательныхъ раздраженій, т. е. того наименьшаго разстоянія другъ отъ друга двухъ осязательныхъ раздраженій, при которомъ они воспринимаются раздѣльно.

Изслѣдованіе это сдѣлалъ Чермакъ въ 1855 году [1]). Произведено оно было съ помощью Веберовскаго циркуля, по общепринятому пріему—ножки циркуля постепенно раздвигались до тѣхъ поръ, пока испытуемый не получалъ ощущенія не единичнаго, а двойнаго прикосновенія. Надавливаніе обѣими ножками производилось одновременно и съ одинаковою силою. Порогъ опредѣлялся по методу наименьшихъ измѣненій. Величина его получилась въ млм. слѣдующая. (См. табл. на стр. 36).

Изъ таблицы этой видно слѣдующее:

1) У дѣтей чувствительность больше, чѣмъ у взрослыхъ (это касается какъ слѣпыхъ, такъ и зрячихъ). Фактъ этотъ объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что количество нервныхъ окончаній у дѣтей и у взрослыхъ болѣе или менѣе одинаково, но у дѣтей эти окончанія распредѣлены на сравнительно меньшую поверхность, лежатъ поэтому ближе другъ къ другу. Принимаютъ, что, чѣмъ больше то количество нервныхъ окончаній, которое подвергается дѣйствію

[1]) *Czermak.* Beiträge zur Physiologie des Tastsinns. Sitzungsberichte der mathematisch-naturwissenschaftlichen Classe der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften. 15-ter Band. Wien. 1855.

МѢСТА КОЖИ.	Взрослый.	Нормальныя дѣти.				Слѣпые.		
		Г.	Ф.	Е.	Б.	Н.	Бр.	О.
		(около 13 лѣтъ).				13 лѣтъ.		24 л.
1) Кончикъ языка . . .	1/2	1/2	1/2	1/2	1/2	1/4	1/4	1/8
2) Ладонная поверхность послѣдняго пальцевого сустава	1	3/4	3/4	3/4	3/4	1/2	1/2	2/8
3) Тыльная поверхность послѣдняго пальцевого сустава	3	2	2	2	2	1 1/2	1 1/2	1 3/4
4) Щека	5	4 1/2	4	4	4	3 1/4	3	4 1/4
5) Средина твердаго неба.	6	4	5	—	5	—	4	4 1/2
6) Нижняя часть лба . .	10	9	8	8	7	5	5 1/4	6 3/4
7) Шея подъ подбородкомъ	15	9	10	8	10	6 1/2	7	8
8) Крестецъ	18	14	15	—	11	7	8	11
9) Грудная кость	20	16	15	15	14	11 1/2	11 1/2	13 1/2

одного раздраженія и не подвергается дѣйствію другого, тѣмъ легче отличить ощущеніе, вызванное первымъ раздраженіемъ, отъ ощущенія, вызваннаго вторымъ [1]).

2) Въ общемъ слѣпые *чувствительнѣе*, чѣмъ зрячіе.

3) Изощреніе осязанія у слѣпыхъ является *общимъ для всего тѣла*, а не касается только наиболѣе упражняемыхъ частей тѣла.

Техническая сторона опытовъ Чермака едва ли можетъ быть признана удовлетворительною. Изъ описанія его не видно, принялъ ли онъ при своемъ изслѣдованіи всѣ необходимыя для этого изслѣдованія предосторожности. Такъ, не указано, при какой T° производилъ онъ свои изслѣдованія. Болѣе высокая T° повышаетъ чувствительность и обратно. Далѣе, онъ не указываетъ, было ли обращено вниманіе на быстроту и на продолжительность примѣненія раздраженія и на направленіе движенія ножекъ. Наконецъ, онъ ничего не упоминаетъ о томъ, удавалось ли ему производить давленіе обѣими ножками одновременно и притомъ постоянно съ одинаковою силою. Достигнуть того и другого очень трудно, между тѣмъ несоблюденіе этой мѣры предосторожности очень существенно отражается на результатахъ изслѣдованія.

Но даже если бы допустить, что всѣ эти техническія неточности не повліяли на результаты изслѣдованій Чермака, то нельзя не обратить вниманія на одинъ фактъ. Положимъ, что у слѣпыхъ, вслѣдствіе необходимости постоянно ощупывать окружающіе предметы, дѣйствительно происходитъ изощреніе осязательной чувствительности. Изощреніе это можетъ касаться, конечно, только такихъ частей тѣла, съ помощью которыхъ слѣпые чаще всего производятъ ощупываніе, т. е., главнымъ образомъ, концовъ пальцевъ. Чермакъ, однако, наблюдалъ у нихъ повышеніе чувствительности всей поверхности тѣла, въ частности даже такихъ частей, усиленное упражненіе которыхъ у слѣпыхъ допустить никакъ нельзя. Очевидно, что изощреніе чувствительности въ данномъ случаѣ нельзя объяснить усовершенствованіемъ тѣхъ или другихъ периферическихъ органовъ путемъ упражненія—вѣроятнѣе всего его приходится отнести на счетъ чисто психическихъ моментовъ—большой способности у слѣпыхъ къ напряженію вниманія. Къ послѣднему вопросу намъ придется еще вернуться въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи.

По поводу даннаго изслѣдованія не лишне будетъ еще отмѣтить, что Чермакъ постоянно наблюдалъ у слѣпыхъ во время опытовъ легкія,

[1]) *Wundt*. Grundzüge der physiologischen Psychologie. II Band., p. 452, V Auflage.

чуть замѣтныя движенія пальцами, что, конечно, значительно способствуетъ точности восприятія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ совершенно невозможно было подавить, даже при всемъ желаніи испытуемыхъ. Эти такъ называемыя „Чермаковскія сокращенія" могли, конечно, значительно видоизмѣнить результаты изслѣдованія, — осязательная чувствительность пальцевъ у слѣпыхъ могла быть оцѣнена выше дѣйствительной.

Изслѣдованіе Гертгнера [1]), производенное по методу вѣрныхъ и ложныхъ случаевъ надъ 2 слѣпыми дѣтьми (16 и 13 лѣтъ) и однимъ взрослымъ зрячимъ, дало, въ общемъ, результаты, *вполнѣ аналогичные* съ тѣми, къ которымъ пришелъ Чермакъ. Цифры для порога у него получились слѣдующія:

МѢСТА КОЖИ.	Слѣпые.			Зрячіе.			
	A. (16 лѣтъ).	B. (13 л.).	Въ среднемъ.	Нормальный взрослый человѣкъ.	Дѣвочка 12 лѣтъ.	Дѣвочка 10 лѣтъ.	Въ среднемъ.
Концы пальцевъ	1,92	2,06	1,99	2,47	2,05	2,30	2,17
Уголъ подбородка	6,127	6,459	6,293	10,69	—	—	—
Средина предплечья съ ладонной стороны	20,846	18,93	19,89	52,2	22,79	26,82	24,80
					изслѣдованіе д-ра Камерера.		

Изслѣдованіе Гертгнера представляется, однако, съ технической стороны еще менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ изслѣдованіе Чермака. Онъ не упоминаетъ даже о тѣхъ мѣрахъ предосторожности, которыя принялъ Чермакъ,—о постоянствѣ силы, съ которою производилось надавливаніе ножками циркуля. Что чрезвычайная важность этого обстоятельства совершенно ускользнула отъ его вниманія, доказывается тѣмъ, что онъ считаетъ возможнымъ сравнить результаты

[1]) *Gärttner*. Versuche über den Raumsinn der Haut an Blinden. Zeitschrift für Biologie, Band 17.

своего изслѣдованія съ результатами, полученными другимъ изслѣдователемъ — д-ромъ Камереромъ. Какъ будто порогъ представляетъ какую-то совершенно объективно установленную величину и нисколько не зависитъ отъ методовъ, отъ пріемовъ, отъ привычекъ каждаго изслѣдователя. Если накладывать обѣ ножки циркуля не строго одновременно, если производить прикосновеніе сравнительно быстро, если чуть измѣнить давленіе во время опыта, если взять ножки циркуля чуть поострѣе—порогъ сразу измѣнится, и при томъ очень значительно.

Нельзя, кромѣ того, не обратить вниманія и на чрезвычайно малое число испытуемыхъ у Герттнера, а также на незначительное различіе въ величинѣ порога, полученной имъ у слѣпыхъ съ одной, у зрячихъ—д-ромъ Камереромъ, съ другой стороны. Очень незначительно различіе въ величинѣ особенно интересующихъ насъ пороговъ на концахъ пальцевъ.

А. Штернъ произвелъ большое изслѣдованіе относительно осязательной чувствительности среди Мюнхенскаго населенія [1]). Опредѣлялся пространственный порогъ осязательной чувствительности 3-ей фаланги указательнаго пальца правой руки. Изслѣдованныхъ Штернъ классифицировалъ, по степени развитія осязательной чувствительности, по слѣдующимъ разрядамъ [мы приводимъ здѣсь цифры его, касающіяся 1) 400 зрячихъ, 2) 100 наборщиковъ, 3) 100 слѣпыхъ]:

	Изъ 400 зрячихъ.	Изъ 100 наборщиковъ.	Изъ 100 слѣпыхъ.
I разрядъ (порогъ 0,5—0,9 млм.)	2,5	2	43
II „ („ 1,0—1,4 „)	40,8	75	47
III „ („ 1,5—1,9 „)	24,2	13	7
IV „ („ 2,0—2,4 „)	19,2	9	1
V „ („ 2,5—2,9 „)	10,5	1	1
VI „ („ 3,0—3,5 „)	2,8	0	1

Къ сожалѣнію, всѣ тѣ возраженія, которыя мы сдѣлали Чермаку, приходится сдѣлать и по поводу работы Штерна. Поэтому, не смотря на большое количество изслѣдованныхъ имъ, мы не можемъ быть увѣрены въ достовѣрности полученныхъ имъ результатовъ. Но если

---

[1]) *A. Stern.* Zur ethnographischen Untersuchung des Tastsinnes der Münchener Stadtbevölkerung. Diss. München 1895.

даже и согласиться съ его выводами, то все же остается неизвѣстнымъ, обусловлены ли полученные имъ результаты причинами периферическаго или центральнаго характера—спеціальнымъ упражненіемъ мѣстныхъ органовъ или большею способностью къ сосредоточенію вниманія вообще.

Указанія на *изощреніе осязательной чувствительности у слѣпыхъ* мы встрѣчаемъ еще у нѣкоторыхъ авторовъ.

Такъ, Стэнли Голлъ [1]) изслѣдовалъ осязательную чувствительность съ помощью Веберовскаго циркуля у глухонѣмой и слѣпой Лауры Бриджмэнъ и нашелъ у нея, по сравненію съ зрячими, *значительное изощреніе чувствительности*. Ощущеніе двойного прикосновенія получалось у ней при отстояніи ножекъ циркуля на кончикѣ языка 0,502 mm. (у зряч. 1 mm.), на кончикѣ большого пальца—0,708 (у зряч. 2), на внутренней сторонѣ губы—1,2 (у зряч. 3), на скуловой поверхности—3,04 (у зряч. 11), на лбу—6,71 (у зряч. 22).

Цифры нормальной чувствительности у зрячихъ установлены имъ, однако, не на основаніи собственныхъ изслѣдованій, а заимствованы имъ у Вебера. Мы указали уже, что выводы, основанные на сравненіи такихъ цифръ, теряютъ всякую цѣнность.

Джестроу, изслѣдовавшій другую глухонѣмую слѣпую, Елену Келлеръ [2]), нашелъ также и у нея изощреніе осязательной чувствительности. При разстояніи ножекъ циркуля въ 1,5 mm. она получала на кончикахъ пальцевъ явственное ощущеніе двойного прикосновенія. Къ сожалѣнію, однако, Джестроу не приводитъ сравнительныхъ изслѣдованій надъ зрячими. Для дальнѣйшаго изслѣдованія осязанія Джестроу давалъ Еленѣ Келлеръ ощупывать шероховатыя поверхности и распредѣлять ихъ по степени шероховатости. Вокругъ желѣзныхъ цилиндровъ были обмотаны проволоки различной толщины, благодаря чему получились поверхности съ точно градуированною шероховатостью. Елена Келлеръ сразу совершенно правильно распредѣлила цилиндры по степени ихъ шероховатости. Изъ изслѣдованныхъ же зрячихъ только $^1/_4$ справилась съ этой задачей.

М. Ф. Уошбэрнъ [3]) нашла, что изслѣдованная ею слѣпая *лучше, чѣмъ зрячіе, отличала прикосновеніе* двухъ ножекъ циркуля. Въ то

[1]) Цитир. по книгѣ *Jerusalem*: Laura Bridgman. Wien 1891, стр. 32 и слѣд.

[2]) *Jastrow*. Psychological Notes on Helen Kellar. — The Psychological Review. 1894.

[3]) *M. F. Washburn*. Ueber den Einfluss der Gesichtsassociationen auf die Raumwahrnehmungen der Haut. Philos. Studien, Bd. II.

время, какъ въ показаніяхъ зрячихъ приходилось 22,1% ошибочныхъ отвѣта, слѣпая при тѣхъ же условіяхъ ни разу не ошиблась. За то, въ опредѣленіи направленія, въ какомъ находятся по отношенію другъ къ другу обѣ ножки циркуля, слѣпая дѣлала больше всего ошибокъ. Нельзя не отмѣтить, что сила давленія въ этихъ опытахъ не была урегулирована. Къ работѣ М. Уошбэрнъ мы еще вернемся.

Въ противоположность только что приведеннымъ, другіе авторы *не находили у слѣпыхъ сколько-нибудь замѣтнаго изощренія осязательной чувствительности.* Геллеръ [1]) производилъ въ 1892 г. изслѣдованія въ Лейпцигскомъ училищѣ слѣпыхъ. Геллеръ указываетъ, что, не смотря на всѣ принятыя имъ мѣры предосторожности, онъ не можетъ считать своихъ опытовъ сколько-нибудь достовѣрными— они были произведены съ помощью обыкновеннаго осязательнаго циркуля и страдаютъ тѣми же недостатками, какъ и всѣ предыдущія изслѣдованія подобнаго рода. Онъ не приводитъ, поэтому, полученныхъ имъ результатовъ, сообщаетъ только, что *не могъ замѣтить сколько-нибудь* значительнаго *изощренія у слѣпыхъ осязательной чувствительности.* Онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что у одной очень интеллигентной испытуемой наблюдались, даже въ теченіе одной серіи опытовъ, такія большія колебанія порога, что онъ не въ состояніи былъ вывести никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Гохейзенъ [2]) нашелъ, что осязательная чувствительность у слѣпыхъ только незначительно тоньше, чѣмъ у зрячихъ. Имъ было изслѣдовано 7 слѣпыхъ и 2 зрячихъ (одинъ изъ которыхъ онъ самъ). Изслѣдованіе дало слѣдующіе результаты:

Порогъ на кончикахъ пальцевъ съ ладонной стороны у слѣпыхъ . . .	2,1,	у зрячихъ	2,4
Въ кистевомъ суставѣ съ ладонной стороны у слѣпыхъ	12,4	„ „	13,6
На ладони у слѣпыхъ	7,1	„ „	6,7
На кончикахъ пальцевъ (съ тыльной стороны) у слѣпыхъ	3,9	„ „	4,1
Въ кистевомъ суставѣ (съ тыльной стороны) у слѣпыхъ.	12,8	„ „	16,7
На тылѣ руки у слѣпыхъ	18,6	„ „	19,2

[1]) *Heller.* Studien zur Blindenpsychologie.

[2]) *Hocheisen.* Ueber den Muskelsinn der Blinden. Zeitschrift für Psychol. und Physiologie der Sinnesorgane, V Band.

Разница эта *сведется совсѣмъ на нѣтъ*, если принять во вниманіе, что средній возрастъ слѣпыхъ былъ 14,9, средній же возрастъ зрячихъ 18,5. Между тѣмъ, какъ явствуетъ и изъ другихъ изслѣдованій Гохейзена, осязательная чувствительность у взрослыхъ вообще меньше, чѣмъ у дѣтей.

Утгофъ [1]) сообщаетъ, что у оперированнаго имъ слѣпорожденнаго мальчика 7 лѣтъ осязательная чувствительность оказалась *не выше* его собственной. То же самое отмѣчаетъ онъ и относительно другихъ изслѣдованныхъ имъ слѣпыхъ. Болѣе точныхъ указаній онъ, однако, не приводитъ, не сообщаетъ даже полученныхъ имъ цифровыхъ данныхъ.

Большое и чрезвычайно обстоятельное изслѣдованіе осязательной чувствительности произвелъ Грисбахъ [2]).

Изслѣдованіе было произведено по методу наименьшихъ измѣненій съ помощью особаго циркуля, построеннаго Грисбахомъ такимъ образомъ, что соединенная съ ножками пружина отмѣчала каждый разъ силу примѣненнаго давленія. При изслѣдованіи были приняты пропущенныя его предшественниками мѣры предосторожности: раздраженіе производилось съ постоянною силою, въ теченіе постояннаго промежутка времени, съ постоянными перерывами, при постоянной T°, при одинаковыхъ, приблизительно, степеняхъ утомленія или свѣжести силъ испытуемыхъ. Во всѣхъ случаяхъ *у слѣпыхъ обнаружилась меньшая чувствительность*—порогъ у нихъ оказался больше, чѣмъ у зрячихъ. Было изслѣдовано 10 слѣпыхъ и 23 зрячихъ послѣ умственныхъ занятій. Величина порога была слѣдующая:

	Glabella.	Jugum.	Кончикъ носа.	Кончикъ губы.	Возвышеніе больш. пальца.	Лѣвый указат. палецъ.	Правый указ. палецъ.
у слѣпыхъ.	4,5	4,9	1,86	1,72	4,8	1,49	1,91
„ зрячихъ	4,2	4,4	1,55	1,36	4,1	1,36	1,38
Перевѣсъ у зрячихъ.	0,3	0,5	0,31	0,36	0,7	0,13	0,53

[1]) *W. Uhthoff.* Untersuchungen über das Sehenlernen eines siebenjährigen blindgeborenen und mit Erfolg operirten Knaben. Zeitschrift für Physiol. und Psychol. der Sinnesorgane, 1891.

[2]) *Griesbach.* Vergleichende Untersuchungen über die Sinnesschärfe Blinder und Sehender. Archiv für die gesammte Physiologie. Bd. 74 и 75.

Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ перевѣсъ, хотя и не особенно значительный, оказался на сторонѣ зрячихъ. Любопытно, что особенно великъ оказался перевѣсъ въ чувствительности праваго указательнаго пальца. Между тѣмъ, чувствительность его должна была бы быть у слѣпыхъ особенно выраженною, какъ потому, что правою рукою вообще приходится ощупывать чаще, чѣмъ лѣвою, такъ и потому, что при чтеніи пользуются главнымъ образомъ правымъ пальцемъ. При изслѣдованіи 15 слѣпыхъ и 33 зрячихъ, не утомленныхъ ни умственнымъ, ни физическимъ трудомъ, получились для порога слѣдующія величины:

	Glabella.	Jugum.	Кончикъ носа.	Слизистая обол. губъ.	Возвыш. бол. пальца.	Лѣв. указ. палецъ.	Прав. указ. палецъ.
у слѣпыхъ	3,6	3,7	1,7	1,5	3,79	1,29	1,55
„ зрячихъ	2,3	2,4	0,9	0,9	2, 4	0,83	0, 8
Перевѣсъ на сторонѣ зрячихъ . . .	1,3	1,3	0,8	0,6	1,39	0,46	0,75

Различіе между слѣпыми и зрячими еще болѣе бросается въ глаза. При изслѣдованіи 16 слѣпыхъ и 19 зрячихъ послѣ 2-хъ часовъ работы въ мастерскихъ, для порога осязательной чувствительности получились слѣдующія величины.

	Glabella.	Jugum.	Кончикъ носа.	Слизистая обол. губъ.	Возвыш. бол. пальца.	Лѣв. указ. палецъ.	Прав. указ. палецъ.
у слѣпыхъ. . .	5,97	5,84	2,275	2	6	1,7	2
„ зрячихъ . . .	4,20	4,40	1, 50	1,32	4,43	1,5	1,4
Перевѣсъ на сторонѣ зрячихъ .	1,77	1,44	0,775	0,68	1,57	0,2	0,6

Изъ сравненія двухъ послѣднихъ таблицъ видно, что у слѣпыхъ подъ вліяніемъ физической работы чувствительность понижается вообще нѣсколько больше, чѣмъ у зрячихъ. И это естественно: слѣпымъ приходится при физической работѣ въ большей степени напрягать вниманіе, чѣмъ зрячимъ. Послѣ умственнаго труда различіе, напротивъ того, сглаживается. Нужно, однако, принять во вниманіе, что

не во всѣхъ этихъ серіяхъ принимали участіе тѣ же испытуемые. Если же выдѣлить испытуемыхъ, которые принимали участіе во всѣхъ 3 серіяхъ опытовъ, то отношеніе между величиною порога у слѣпыхъ и у зрячихъ останется во всѣхъ случаяхъ, приблизительно, тѣмъ же самымъ.

Какъ мы видѣли, почти во всѣхъ случаяхъ порогъ у слѣпыхъ на правомъ пальцѣ былъ больше, чѣмъ на лѣвомъ, между тѣмъ, какъ у зрячихъ этого не наблюдалось. Только у 4-хъ изъ 37 изслѣдованныхъ слѣпыхъ порогъ на лѣвой рукѣ оказался большимъ, чѣмъ на правой, и это какъ разъ у тѣхъ, которые читаютъ или исключительно или преимущественно съ помощью указательнаго пальца лѣвой руки. У 10 другихъ слѣпыхъ пороги на правой и на лѣвой рукѣ одинаковы. Эти слѣпые читаютъ съ помощью обоихъ указательныхъ пальцевъ, передвигая одинъ непосредственно за другимъ, или же поступили въ училище очень поздно и потому вообще мало читаютъ. У всѣхъ остальныхъ, читающихъ преимущественно правою рукою, порогъ съ правой стороны больше, чѣмъ съ лѣвой. И такъ, *„читающій палецъ“*, функціи котораго такъ часто удивляются, на самомъ дѣлѣ *менѣе чувствителенъ*, чѣмъ другой, несущій чисто физическій трудъ, а послѣдній, вѣроятно, въ свою очередь менѣе чувствителенъ, чѣмъ его праздные товарищи. Изъ этого слѣдуетъ, что отъ чтенія осязаніе притупляется: вслѣдствіе постояннаго тренія о рельефныя точки кожа на пальцахъ грубѣетъ, и они становятся менѣе чувствительными къ давленію. У лучшихъ чтецовъ, достигавшихъ почти такой же быстроты чтенія, какъ зрячіе, порогъ доходилъ до 3 mm.

Кунцъ [1]) указалъ на то, что это обстоятельство не только не мѣшаетъ чтенію—напротивъ, помогаетъ ему. Буквы Брайлевскаго шрифта, употребляемаго для слѣпыхъ, состоятъ изъ различныхъ комбинацій шести точекъ, находящихся одна отъ другой на разстояніи около 2,5 — 3 mm. Разстояніе другъ отъ друга различныхъ буквъ только очень незначительно превосходитъ разстояніе другъ отъ друга различныхъ точекъ. Кончикъ пальца, шириною 15 — 17 mm., покрываетъ, поэтому, сразу нѣсколько буквъ. Если осязательная чувствительность его нѣсколько притуплена, то вниманіе читающаго будетъ сосредоточено только на самыхъ сильныхъ раздраженіяхъ—на одной буквѣ, ощупываемой серединою пальца. Болѣе же слабыя боковыя раздраженія отъ другихъ сосѣднихъ буквъ совершенно ускользнутъ

[1]) *M. Kunz* въ Der Blindenfreund, 1902, № 11 и 12 и 1903, № 1.

отъ его вниманія, и это обстоятельство является въ высшей степени благопріятнымъ моментомъ для скораго чтенія.

Мы находимъ у Грисбаха фактъ, вполнѣ подтверждающій только что высказанное соображеніе Кунца.

Изъ 37 изслѣдованныхъ имъ слѣпыхъ 33 совершенно не чувствовали слабаго прикосновенія ножками циркуля, въ то время, какъ среди зрячихъ на 56 человѣкъ пришлось только пятеро, у которыхъ при прикосновеніяхъ такой же силы не получилось осязательнаго ощущенія. Зрячимъ потому, между прочимъ, трудно читать шрифтъ слѣпыхъ, что они чувствуютъ слишкомъ хорошо легкія прикосновенія отъ точекъ сосѣднихъ буквъ. По предложенію Кунца, Грисбахъ произвелъ изслѣдованіе осязательной чувствительности различныхъ пальцевъ. Были изслѣдованы 2 слѣпорожденныхъ и 3 глухонѣмыхъ. Величина порога получилась слѣдующая:

	Jugum.	Glab.	Конч. носа.	Больш. пал.		Мизинецъ.		Безым. пал.		Сред. пал.		Указат. пал.	
				л.	пр.	л.	пр.	л.	пр.	л.	пр.	л.	пр.
У слѣпыхъ	5,5	7,75	4	2,45	2,2	1,25	1,35	1,2	1,2	1,75	1,75	1,75	2,4
У глухонѣмыхъ .	8,23	11,7	4	2,33	2,33	2,23	2,13	2,33	2,33	2,23	2,23	2,23	2,23

Итакъ у слѣпого чувствительность праваго указательнаго пальца, съ помощью котораго онъ читаетъ, дѣйствительно притупляется. У глухонѣмыхъ явленія этого не наблюдается. Грисбахъ изслѣдовалъ ихъ, чтобы установить, не наблюдается ли у нихъ такъ называемаго викаріата чувствъ, т. е. компенсаціи выпавшаго органа чувствъ особымъ изощреніемъ функціи оставшихся. И относительно глухонѣмыхъ онъ, какъ видно, между прочимъ, изъ приведенной таблицы, пришелъ къ отрицательнымъ выводамъ.

Изслѣдованіе Грисбаха, однако, тоже не безупречно съ технической стороны. Грисбахъ, правда, ввелъ въ высшей степени важное усовершенствованіе — регулированіе давленій, забылъ, однако, про другіе, не менѣе важные факторы. Необходимо, чтобы ножки циркуля накладывались: 1) вполнѣ одновременно, 2) съ одинаковою быстротою. Измѣненіе порога наблюдается, какъ въ случаѣ неодновременности, такъ и въ случаѣ измѣненія быстроты прикосновенія. Между тѣмъ, опредѣлить оба эти фактора на глазъ невозможно.

Бинэ [1]) построилъ остроумный эстезіометръ, съ помощью котораго отмѣчается не только сила примѣненнаго давленія, но и одновременность и быстрота накладыванія ножекъ. Эстезіометръ Бинэ состоитъ изъ двухъ пластинокъ, передвигающихся съ самымъ незначительнымъ треніемъ по вертикальнымъ рельсамъ. Пластинки поддерживаются горизонтальною перекладиною, скрѣпляющею нижніе концы рельсовъ. Къ каждой изъ пластинокъ прикрѣплена въ вертикальномъ направленіи одна изъ ножекъ, производящихъ давленіе на кожу испытуемаго, каждая ножка можетъ съ помощью микрометрическаго винта передвигаться вдоль пластинки, благодаря чему разстояніе между ножками можно измѣнять по произволу. Вѣсъ каждой изъ пластинокъ съ ножкою = 50 грм. При изслѣдованіи ножки циркуля ставятъ на кожу, благодаря чему пластинки приподнимаются надъ перекладиною и производятъ на кожу испытуемаго своимъ вѣсомъ давленіе, остающееся постояннымъ въ теченіе всего опыта. Изслѣдуемая часть тѣла должна находиться въ горизонтальномъ положеніи. Въ такомъ же положеніи должна находиться и нижняя перекладина. Если прикосновеніе обѣими ножками произошло неодновременно, то пластинки стоятъ на различной высотѣ. Управленію приборомъ можно научиться въ очень короткое время. Приборъ отмѣчаетъ также быстроту прикосновенія, съ помощью стрѣлки, движущейся по циферблату и соединенной съ одной изъ пластинокъ.

Изслѣдованія, произведенныя Бинэ съ помощью эстезіометра, какъ по предложенному имъ методу, такъ и по методу наименьшихъ измѣненій, привели его, прежде всего, къ отрицательнымъ взглядамъ на возможность установить опредѣленный порогъ осязательной чувствительности. „Ошибкой психофизики является трактованіе порога въ математическихъ понятіяхъ, какъ будто онъ дѣйствительно имѣетъ опредѣленную величину, какъ будто онъ есть нѣчто количественное. Если бы психофизика обратила вниманіе на психологическую сторону вопроса, то, несомнѣнно, пришла бы къ заключенію, что математическое опредѣленіе порога не имѣетъ значенія для психологіи. Опредѣленіе порога практически невозможно, онъ измѣняется отъ одного момента времени къ другому, и чѣмъ болѣе его ищутъ, тѣмъ менѣе находятъ; сверхъ того, онъ такъ тѣсно связанъ со способомъ толкованія ощущеній, даже въ случаяхъ, гдѣ, какъ кажется, онъ обладаетъ совершенно опредѣленною величиною, что нельзя

[1]) *Binet.* Année psychologique, т. IX.

быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ выражаетъ степень тонкости органа".

Бинэ пришелъ къ раздѣленію изслѣдованныхъ имъ субъектовъ на *непосредственныхъ* и *толкователей*. У непосредственныхъ наблюдаются слѣдующія особенности: 1) пороги у нихъ оказываются сравнительно большими, т. е. необходимо раздвинуть ножки циркуля на сравнительно большое разстояніе, чтобы получить у нихъ отвѣтъ: 2 прикосновенія; 2) отсутствуютъ такъ называемые Vexirfehler, т. е. при прикосновеніи одною ножкою циркуля такіе испытуемые почти никогда не даютъ отвѣта, что ощущаютъ двойное прикосновеніе.

Эти черты непосредственныхъ Бинэ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: при прикосновеніи ножками циркуля могутъ возникнуть трояхаго рода ощущенія: а) ощущеніе одной точки, б) ощущеніе чего-то неопредѣленнаго, широкаго, толстаго, в) ощущеніе двухъ точекъ. Непосредственный въ своихъ отвѣтахъ соединяетъ группу а) съ б) и ищетъ различія главнымъ образомъ между группами б) и в). При прикосновеніи чего-то широкаго, толстаго, но тѣмъ не менѣе не раздвояющагося, онъ заявляетъ, что чувствуетъ одно прикосновеніе. Этимъ и объясняется значительность порога. Непосредственный не соображаетъ, что прилагаемыя точки всегда одной и той же величины.

Совершенно иначе поступаютъ такъ называемые толкователи: „я чувствую только одну точку, но думаю, что ихъ двѣ" — такъ схематизируется ихъ оцѣнка. Соотвѣтственно съ этимъ, мы находимъ у нихъ 1) сравнительно очень низкій пространственный порогъ осязательныхъ ощущеній, 2) очень часто наблюдаются у нихъ такъ называемые Vexirfehler — вслѣдствіе смѣшенія точечнаго прикосновенія съ болѣе широкимъ. Толкователь въ своихъ отвѣтахъ объединяетъ группу б) съ в) и ищетъ различія, главнымъ образомъ, между группами а) и б). Среди толкователей Бинэ намѣчаетъ, далѣе, нѣсколько разновидностей: существуютъ толкователи-скептики, сознательные и безсознательные толкователи, толкователи-виртуозы.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наконецъ, Бинэ нашелъ постоянную гиперэстезію осязательной чувствительности.

Подъ вліяніемъ упражненія непосредственные очень легко переходятъ въ толкователей; соотвѣтственно съ этимъ, происходитъ измѣненіе во всѣхъ показаніяхъ. Къ типу сознательныхъ толкователей Бинэ относитъ изслѣдованную имъ слѣпую дѣвушку Бланшъ. Она очень быстро освоилась съ опытами и стала искусною толковательницею. Она замѣтила, напримѣръ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда

она, поборовъ внутреннее колебаніе, давала отвѣтъ, Бинэ какъ-то нерѣшительно отнималъ ножки циркуля. Изъ этого обстоятельства она заключила, что отвѣты ея въ этихъ случаяхъ были невѣрны. Отъ Бинэ это различіе въ способѣ отниманія имъ ножекъ циркуля первоначально совершенно ускользнуло. Когда онъ, послѣ заявленія слѣпой, попытался сознательно симулировать нерѣшительность, слѣпая съ улыбкой замѣтила: „Вы сдѣлали такъ нарочно; вы хотѣли сдѣлать опытъ надо мною, но на этотъ разъ я сдѣлала его надъ вами".

Бинэ указываетъ затѣмъ, какое вліяніе на результаты изслѣдованія оказываютъ вниманіе и упражненіе. Колебанія вниманія, а въ зависимости отъ этого, и вліянія ихъ на результаты опытовъ, оказываются чрезвычайно разнообразными. Что касается до вліянія упражненія, то въ этомъ отношеніи наблюдается одно, довольно постоянное явленіе: испытуемый изъ непосредственнаго дѣлается толкователемъ. Иногда такое видоизмѣненіе происходитъ съ поразительною быстротою. Такъ, 2 слѣпорожденныхъ мальчика 16-ти лѣтъ, въ продолженіе четырехъ часовъ остававшіеся непосредственными, сразу стали толкователями послѣ того, какъ Бинэ далъ имъ ощупать инструментъ, и они поняли, что прикосновеніе производится всегда тѣми же самыми ножками.

Путемъ упражненія возможно также привить испытуемому иллюзорныя воспріятія. Бинэ сообщаетъ, что Джемсъ и его ученики производили слѣдующіе опыты: прикасаясь двумя ножками циркуля, они увѣряли, что прикасаются одною, и наоборотъ. Путемъ такого воспитанія, съ помощью исключительно словеснаго внушенія, возможно въ очень короткое время добиться того, что испытуемый будетъ систематически давать невѣрные отвѣты, такъ что порогъ его осязательной чувствительности пришлось бы выразить необычайно высокими цифрами.

Изъ своихъ опытовъ Бинэ выводитъ заключеніе, что *внутренняя физіономія субъекта имѣетъ первостепенную важность*. Къ этому присоединяются такія психическія вліянія, какъ знакомство съ аппаратомъ, съ актомъ прикосновенія, со впечатлѣніемъ отъ двухъ сближенныхъ точекъ, боязнь ошибки, интересъ субъекта къ экспериментированію, вниманіе и масса всевозможныхъ, иногда очень сложныхъ чувствъ, связанныхъ съ опытомъ.

Естественно, поэтому, что *никакихъ категорическихъ положеній* относительно сравнительной величины порога у слѣпыхъ, съ одной стороны, у зрячихъ — съ другой, установить невозможно.

Въ дополненіе къ приведеннымъ нами экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, укажемъ еще на нѣкоторыя данныя самонаблюденія. По сообщенію А. В. Бирилева, ослѣпшаго въ дѣтствѣ, въ его интересной брошюркѣ: Объ осязаніи слѣпыхъ [1]), въ одномъ обществѣ пробовали осязаніе присутствующихъ такимъ образомъ: на клочкахъ газетной бумаги, неправильно оборванныхъ и притомъ намѣренно измятыхъ, требовалось опредѣлить направленіе строкъ. Въ результатѣ оказалось, что *у слѣпого,* получившаго высшее образованіе и занимающагося спеціально литературнымъ трудомъ, принимавшаго участіе въ опытахъ, *ошибокъ было больше,* чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ. Нѣкоторые изъ зрячихъ, въ особенности женщины, могутъ наощупь по степенямъ гладкости различить крапъ и лицевую сторону даже атласныхъ игральныхъ картъ, что представляется очень затруднительнымъ для слѣпыхъ. Далѣе, слѣпой не лучше можетъ различить наощупь сравнительную толщину двухъ нитокъ, не тоньше различаетъ по мягкости образчики матеріи, и такъ далѣе. Вообще можно сказать, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ осязаніе слѣпыхъ испытывается на элементарно-простыхъ осязательныхъ ощущеніяхъ, оно не обнаруживаетъ значительнаго отличія отъ чувства нормальныхъ людей. Бирилевъ полагаетъ, что на самомъ дѣлѣ пользующаяся такою извѣстностью разница между осязаніемъ слѣпыхъ и зрячихъ объясняется лишь тѣмъ, что слѣпые научаются въ ощущеніяхъ, которыя можетъ доставлять это чувство, отыскивать отвѣты на интересующіе ихъ вопросы, при чемъ *ощущенія остаются тѣми же самыми, что у зрячихъ.* У слѣпыхъ и у зрячихъ осязаніе отличается не по качеству, но *по практическому примѣненію,* по пользованію имъ. „Особенность осязанія слѣпого есть, такъ сказать, результатъ его спеціальнаго образованія и не стоитъ въ связи съ усовершенствованіемъ осязательнаго органа, а заключается въ головѣ“.

Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ нами результатовъ видно, что въ настоящее время едва ли можно высказывать какія-нибудь категорическія положенія о пониженіи пространственнаго порога осязательныхъ ощущеній у слѣпыхъ. Да и вполнѣ естественно ожидать этого. Осязаніе упражняется у слѣпыхъ, конечно, больше всего на концахъ пальцевъ. Если гдѣ, поэтому, возможно пониженіе порога осязательныхъ ощущеній, то скорѣе всего на концахъ пальцевъ.

[1]) Докладъ, читанный 17-го декабря 1900 г. въ обществѣ невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Изслѣдованія, однако, показываютъ, что *величина порога* въ такихъ уже самихъ по себѣ въ высшей степени подвижныхъ органахъ, если и *можетъ уменьшиться* подъ вліяніемъ спеціальнаго упражненія, то, *во всякомъ случаѣ*, *незначительно* [1]). Затѣмъ, еще другое обстоятельство: отъ постояннаго *тренія* при ощупываніи кожа на пальцахъ, конечно, *грубѣетъ*, и это обстоятельство понижаетъ осязательную чувствительность; особенно демонстративны въ этомъ отношеніи изслѣдованія Грисбаха надъ осязательною чувствительностью указательнаго пальца у слѣпыхъ. Если нѣкоторые изслѣдователи и находили у слѣпыхъ изощреніе осязательной чувствительности, то оно, какъ оказывается, распространялось *на все тѣло*. Въ виду этого, трудно объяснить его какимъ-нибудь спеціальнымъ упражненіемъ органовъ осязанія. Естественнѣе всего свести его къ чисто *психическимъ моментамъ* напряженности вниманія у слѣпыхъ. Особенно поучительны въ этомъ отношеніи наблюденія Бинэ надъ изслѣдованными имъ слѣпыми. Въ одной изъ прежнихъ моихъ работъ я имѣлъ случай констатировать большую, по сравненію съ зрячими, сосредоточенность слѣпыхъ на доступныхъ для нихъ содержаніяхъ [2]). Весь этотъ споръ едва-ли, однако, представляетъ существенный интересъ; дѣйствительно, является очень сомнительнымъ, оказываетъ ли столь важное *вліяніе на воспріятіе слѣпыми пространственныхъ отношеній* тотъ фактъ, различаютъ ли они два отдѣльныхъ прикосновенія ножекъ циркуля на разстояніи $1^1/_2$ или двухъ миллиметровъ. Не подлежитъ во всякомъ случаѣ сомнѣнію, что одно только пассивное осязаніе, какъ таковое, играетъ въ воспріятіи формъ самую незначительную роль. Слѣпые инстинктивно корригируютъ эту тупость пассивнаго осязанія съ помощью движеній; Чермакъ и вслѣдъ за нимъ другіе изслѣдователи указали на тотъ фактъ, что при изслѣдованіяхъ съ помощью Веберовскаго циркуля потребность въ оріентировочныхъ движеніяхъ становится у слѣпыхъ столь сильною, что они не въ состояніи подавить ее даже при всемъ своемъ желаніи. Для воспріятія пространственныхъ отношеній несравненно большую роль играетъ активное осязаніе, т. е. комплексъ тѣхъ осязательно-двигательныхъ ощущеній, которыя возникаютъ при ощупываніи.

Пока осязательное раздраженіе дѣйствуетъ на часть тѣла, нахо-

---

[1]) См. *Wundt*, Physiologische Psychologie. V Auflage, T. II, стр. 454.

[2]) См. О нѣкоторыхъ особенностяхъ душевной жизни слѣпыхъ. Вѣстникъ Психологіи, 1904 г. 4-ая книга.

дящуюся въ покоѣ, локализація его отличается крайнею неопредѣленностью. Даже въ случаѣ простѣйшихъ раздраженій, напримѣръ, при прикосновеніи двухъ ножекъ циркуля, мы очень плохо опредѣляемъ разстояніе между ними. Опредѣленіе это зависитъ отъ многихъ факторовъ субъективнаго характера. Такъ, если, раздвинувъ ножки циркуля на опредѣленное разстояніе, прикоснуться ими сначала къ мѣсту съ менѣе тонкою (напр. къ поверхности щеки около уха), а затѣмъ къ мѣсту съ болѣе тонкою (напр. къ поверхности щеки около края губъ) осязательною чувствительностью, то разстояніе во второмъ случаѣ покажется большимъ; при большемъ надавливаньи ножекъ разстояніе также покажется большимъ. Еще большими дефектами отличается способность опредѣлять формы накладываемыхъ на кожу предметовъ. Достаточно, напримѣръ, вспомнить, что съ помощью одного только пассивнаго осязанія мы не въ состояніи отличить круга въ нѣсколько сантиметровъ отъ квадрата или четвероугольника такой же величины.

Переходимъ теперь къ анализу ощущеній, получаемыхъ при ощупываніи предметовъ.

Двигательныя ощущенія слѣпыхъ были впервые изслѣдованы Гохейзеномъ въ лабораторіи проф. Гольдшейдера [1]). Изслѣдованіе было произведено съ помощью измѣрителя движеній Гольдшейдера. Приборъ этотъ состоитъ изъ деревянной шины съ мягкой обивкой, внутрь которой кладется рука испытуемаго. Къ шинѣ прикрѣплена поперечная перекладина, а къ концу послѣдней—круговой секторъ съ дѣленіями на градусы. Секторъ приводится въ положеніе, параллельное длинѣ шины. Съ центромъ сектора соединенъ легкоподвижный маятникъ, пересѣкающій дугу сектора. Какъ только испытуемому члену сообщается какое-нибудь движеніе, уголъ, на который произведено вращеніе, отмѣчается положеніемъ маятника на томъ или другомъ дѣленіи дуги сектора. При опытахъ обращалось, конечно, вниманіе, чтобы шина плотно прилегала къ испытуемому члену и чтобы давленіе ея со всѣхъ сторонъ было равномѣрнымъ. Давленіе ея на членъ вообще должно быть сравнительно велико, чтобы испытуемый руководствовался въ своихъ показаніяхъ не измѣненіемъ давленія, а двигательными ощущеніями.

Гохейзенъ оговаривается, что, не смотря на всѣ принятыя имъ

[1]) Ueber den Muskelsinn bei Blinden. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, V Band.

мѣры предосторожности, ему приходилось констатировать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ теченіе одной серіи опытовъ наблюдались значительныя колебанія порога. Иногда изъ движеній, которыя можно было считать безусловно замѣтными, замѣчалось только 50%, иногда даже только 33%, съ другой стороны, при движеніяхъ въ 0,3°—0,1° часто наблюдалось 80—100% вѣрныхъ отвѣтовъ; были случаи, когда движенія вообще нельзя было сдѣлать столь малыми, чтобы они остались не замѣченными.

Опыты были произведены надъ движеніями руки, которою слѣпые пользуются чаще всего. Изслѣдованію подверглись 8 слѣпыхъ, надъ которыми было произведено около 9.000 опытовъ. Были изслѣдованы суставы лучезапястный, пястноперстный и первый межперстный. Изслѣдованіе касалось большого указательнаго пальца правой и лѣвой руки. Порогомъ двигательныхъ раздраженій считалась величина, при которой получались приблизительно 50% вѣрныхъ отвѣтовъ. Гохейзенъ предупредилъ испытуемыхъ, чтобы они въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ у нихъ сомнѣніе, произведено ли сгибаніе или разгибаніе, не давали опредѣленныхъ отвѣтовъ. Тѣмъ не менѣе, разъ испытуемые чувствовали движеніе, они почти никогда не колебались, считать ли его сгибаніемъ или разгибаніемъ, при чемъ показаніе ихъ часто оказывалось ошибочнымъ—движеніе чувствовалось, но направленіе его опредѣлялось не вѣрно. Для вѣрнаго опредѣленія направленія требовалось произвести большее движеніе, чѣмъ для полученія двигательнаго ощущенія. Гохейзенъ отмѣчаетъ, что особенно плохо опредѣляли направленіе малолѣтніе слѣпые.

Величины порога въ градусахъ получились слѣдующія. (См. табл. на стр. 53).

Изъ своей работы Гохейзенъ выводитъ слѣдующія заключенія: 1) тонкость мышечнаго ощущенія зависитъ отъ возраста; у взрослыхъ она меньше, чѣмъ у дѣтей. 2) *У слѣпыхъ наблюдается изощреніе двигательной чувствительности;* оно, однако, *не особенно велико* и наблюдается *не у всѣхъ слѣпыхъ*. 3) Двигательная чувствительность слѣпыхъ подвержена даже въ предѣлахъ одного и того же возраста довольно значительнымъ *индивидуальнымъ колебаніямъ*. У зрячихъ такихъ большихъ колебаній не наблюдается. 4) Двигательная чувствительность правой и лѣвой руки отличается другъ отъ друга очень незначительно; при чемъ у нѣкоторыхъ индивидуумовъ чувствительность оказывается тоньше на правой, у другихъ на лѣвой сторонѣ; установить, однако, какую-нибудь связь между неравно-

I.

Фамиліи испытуемыхъ.	Пястноперстный суставъ указ. пальца слѣва.	Пястноперстный суставъ указ. пальца справа.	Лучезапястный суставъ.	Первый межперстный суставъ.
Берта Шейдеръ, 23 л. слѣпая (ослѣпла 1 г. 4 мѣс.)	—	0,4—0,3	0,3—0,2	1—0,7
Грезеръ, 20 л. слѣпорожд.	0,3—0,2	0,4—0,2	0,2—0,1	0,7—0,4
Пакула, 24 л. (ослѣпла 9 мѣс.) . . .	—	0,4	0	—
Шмербергъ, 14 л. слѣпорожд.	0	0,4—0	0	0
Доштеръ, 13 л. ослѣпла 6 нед. . . .	0,3—0,2	0,2	0	0,5—0,3
Идлеръ, 14 л. ослѣпла 2 л.	0	0	0	0
Кайзеръ, 14 л. слѣпорожд.	0	0	0	0
Розеръ, 10 л. слѣпорожд.	Замѣчаетъ всѣ движенія, но не узнаетъ ихъ направленія.			
Гохейзенъ, 23 л. зрач.	0,2—0,1	0,6—0,1	0,2—0	0,8—0,1
Шульце, 21 л. зрач.	0,4	0,3	0,3—0,4	0,9—0,8
Рейснеръ, 19 л. зрач.	0,4—0,2	0,4	0,2	0,7
Гюнцель, $14^1/_2$ л. зрач.	0,2	0	0	0,4—0,3

мѣрнымъ развитіемъ чувствительности и характеромъ занятій или привычками лица не удается.

По поводу изслѣдованій Гохейзена нужно замѣтить слѣдующее. Судя по данному имъ описанію, каждый опытъ былъ поставленъ имъ съ возможной тщательностью. Порядокъ опытовъ былъ, однако, повидимому, совершенно произвольнымъ. Такъ, см. напримѣръ, въ упомянутой статьѣ табл. II стр. 247. Съ величиною движенія въ 0,8

было сдѣлано 7 опытовъ, съ 0,7—1 опытъ, съ 0,6—5 и т. д. Въ другихъ аналогичныхъ изслѣдованіяхъ сдѣлано съ тѣми же величинами совершенно иное количество опытовъ. Между тѣмъ, въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода опредѣленный порядокъ въ высшей степени существененъ. Предыдущее раздраженіе можетъ вліять на оцѣнку послѣдующаго. Если невозможно исключить этого фактора, то необходимо по крайней мѣрѣ, сдѣлать обстановку изслѣдованія для всѣхъ испытуемыхъ въ этомъ отношеніи одинаковою.

Что касается, затѣмъ, выводовъ, сдѣланныхъ Гохейзеномъ изъ его изслѣдованій, то самые интересные для насъ выводы *2-й и 3-й едва ли можно признать достаточно обоснованными*. Дѣйствительно, если сопоставить цифры, полученныя при изслѣдованіи слѣпыхъ, съ одной, и при изслѣдованіи зрячихъ соотвѣтствующаго возраста, съ другой стороны, то *разница* получается *столь незначительная*, что едва ли дастъ основаніе для заключенія относительно изощренія двигательной чувствительности у слѣпыхъ. Точно такъ же нельзя будетъ констатировать, чтобы у слѣпыхъ въ предѣлахъ одного и того же возраста происходили большія колебанія порога, чѣмъ у зрячихъ. Величина порога колеблется между слѣдующими цифрами и оказывается иногда болѣе значительною у слѣпыхъ, чѣмъ у зрячихъ:

II.

Испытуемые.	Пястноперстный суставъ лѣв. указ. пальца.	Пястноперстный суставъ прав. указ. пальца.	1-ый межперстный суставъ указат. пальца.	Лучезапястный суставъ.
3 взрослыхъ слѣпыхъ	0,3—0,2	0,4—0,2	1—0,4	0,3—0
5 слѣпыхъ дѣтей	0,3—0	0,4—0	0,5—0	0
3 взрослыхъ зрячихъ	0,4—0,1	0,6—0,1	0,9—0,4	0,4—0
1 зрячая дѣвочка	0,2	0	0,4—0,3	0

Maximum колебаній одного возраста у зрячихъ = 0,5, у слѣпыхъ—0,6.

Если взять изъ всѣхъ установленныхъ Гохейзеномъ величинъ порога среднюю ариѳметическую, то получатся слѣдующія цифры:

III.

Испытуемые.	Пястноперстный суставъ лѣв. указат. пальца.	Пястноперстный суставъ прав. указат. пальца.	1-ый межперстный суставъ указат. пальца.	Лучезапястный суставъ.
Среднее ариѳметическое:				
3 взрослыхъ слѣпыхъ	0,25	0,35	0,7	0,13
5 слѣпыхъ дѣтей	0,05	0,08	0,08	0
3 взрослыхъ зрячихъ	0,28	0,35	0,72	0,22
1 зрячая дѣвочка	0,2	0	0,35	0

Самая большая разница въ чувствительности слѣпыхъ и зрячихъ выражается слѣдующими цифрами: у 5 слѣпыхъ дѣтей для движеній въ лѣвомъ пястноперстномъ суставѣ 0,05, въ 1-мъ межперстномъ суставѣ—0,08, у зрячей дѣвочки тѣ же пороги выражаются цифрами 0,2 и 0,35. Со стороны зрячихъ изслѣдована, однако, только одна дѣвочка, у которой, къ тому же, чувствительность къ движеніямъ въ правомъ пястноперстномъ суставѣ оказывается даже больше, чѣмъ у слѣпыхъ—0 (у слѣпыхъ—0,08). Къ тому же, пороги для движеній въ лѣвомъ пястноперстномъ суставѣ и въ первомъ межперстномъ суставѣ у взрослыхъ слѣпыхъ и зрячихъ выражаются почти тожественными цифрами (при индивидуальныхъ колебаніяхъ въ 0,6—0,7, нельзя, конечно, обращать вниманіе на перевѣсъ въ 0,02—0,03). Я полагаю, поэтому, что цифры, приведенныя Гохейзеномъ, *не даютъ ему права на выводъ, что у слѣпыхъ двигательная чувствительность развита больше, чѣмъ у зрячихъ.*

Не могу не отмѣтить еще одинъ фактъ. Въ своихъ выводахъ Гохейзенъ ничего не упоминаетъ о томъ, что *въ опредѣленіи напра-*

вленія движенія (было ли движеніе разгибательнымъ или сгибательнымъ) *слѣпые ошибались гораздо чаще, чѣмъ зрячіе*. Въ своей статьѣ онъ, правда, вскользь дѣлаетъ замѣчаніе относительно этого факта, но не останавливается на немъ, не придавая ему, повидимому, никакого значенія. Между тѣмъ, по моему, фактъ этотъ чрезвычайно важенъ. Только у одной зрячей ошибки въ опредѣленіи направленія доходили до 5°. Между тѣмъ, какъ у многихъ слѣпыхъ они часто доходили до 16—24°. Къ сожалѣнію, какъ уже сказано, Гохейзенъ оставилъ этотъ фактъ безъ вниманія и не приводитъ болѣе точныхъ данныхъ. Только въ одномъ случаѣ онъ останавливается на немъ нѣсколько подробнѣе. Карлъ Розеръ, 10-лѣтній очень интеллигентный слѣпой мальчикъ, замѣчаетъ малѣйшія движенія. Изъ 186 произведенныхъ движеній онъ не воспринялъ только 7. Поэтому порогъ его чувствительности установить нельзя (въ нашей таблицѣ порогъ этотъ отмѣченъ во всѣхъ случаяхъ 0). При этомъ онъ, однако, совершенно не могъ опредѣлить, въ какомъ направленіи произведено движеніе. Каждый разъ онъ заявлялъ, что явственно ощущаетъ движеніе, направленіе же указывалъ невѣрно. Контрольные опыты (измѣнялось давленіе, но не сообщалось движенія) онъ опредѣлялъ совершенно вѣрно, какъ опыты съ измѣненіемъ одного только давленія. Чтобы установить предѣлы упомянутой неспособности, были произведены съ помощью прибора движенія въ различныхъ суставахъ руки, доходившія до 15°; изъ нихъ съ большею или меньшею точностью опредѣлялись только самыя большія; направленіе движеній, не достигавшихъ 6—8°, указывалось правильно только въ рѣдкихъ случаяхъ. Приведенный Гохейзеномъ фактъ въ высшей степени важенъ. Неспособность слѣпыхъ опредѣлять направленіе движеній (въ послѣднемъ случаѣ движеній, доходящихъ даже до 15°) является, на мой взглядъ, болѣе характерною, чѣмъ тѣ отличія въ нѣсколько сотыхъ градуса, которыя были отмѣчены Гохейзеномъ, и на основаніи которыхъ онъ сдѣлалъ выводъ относительно изощренія двигательной чувствительности слѣпыхъ.

Кромѣ работы Гохейзена, было произведено еще нѣсколько изслѣдованій относительно двигательной чувствительности слѣпыхъ. Одно изъ первыхъ въ этомъ отношеніи было изслѣдованіе Джестроу [1]). Въ его опытахъ длина линій воспринималась и воспроизводилась: 1) про-

---

[1]) Jastrow. The perception of space by disparate senses. Mind 1886 г., стр. 553 и слѣд.

тивопоставленіемъ большого указательному пальцу, 2) свободнымъ движеніемъ руки. Оказалось, что 1) при воспроизведеніи съ помощью противопоставленія пальцевъ или съ помощью движенія руки разстояній, воспринятыхъ съ помощью тѣхъ же движеній, *ошибка у слѣпого была незначительно больше*, чѣмъ у зрячихъ. 2) Если разстояніе, ощупанное съ помощью движенія руки, передавалось съ помощью противопоставленія пальцевъ, то *ошибка у слѣпого была больше*, чѣмъ у зрячихъ. Если разстояніе, ощупанное съ помощью движенія пальцевъ, передавалось съ помощью движенія руки, то *ошибка у слѣпого была значительно больше*, чѣмъ у зрячихъ — линіи чертились слѣпымъ, въ среднемъ, вдвое короче ихъ настоящей длины. 3) Если дюймы выражаются противопоставленіемъ пальцевъ, то *ошибка у слѣпого нѣсколько больше*, чѣмъ у зрячихъ; если дюймы выражаются съ помощью движеній руки, то *ошибка у слѣпого значительно больше*, чѣмъ у зрячихъ; отмѣриваемый въ такихъ случаяхъ дюймъ равенъ приблизительно $^1/_2$ настоящаго дюйма.

Съ другой стороны, однако, Джестроу отмѣчаетъ, что, *при сравненіи* другъ съ другомъ двухъ линій, *количество ошибокъ у слѣпого было вообще меньше*, чѣмъ у зрячихъ. Къ сожалѣнію, однако, онъ изслѣдовалъ только одного слѣпого, и къ тому же не приводитъ числа опытовъ, произведенныхъ надъ нимъ.

Послѣднему положенію противорѣчитъ, кромѣ того, другое изслѣдованіе, произведенное имъ же въ 1894 г. надъ чувствительностью слѣпой и глухонѣмой Елены Келлеръ [1]). Джестроу отмѣчаетъ у нея общее изощреніе чувствительности. Такъ, она безошибочно распредѣляла тяжести, отличавшіяся другъ отъ друга на $^1/_{16}$ и даже на $^1/_{30}$, на разстояніи 1,5 млм. явственно ощущала прикосновеніе двумя ножками циркуля, какъ двойное, воспринимала ясно пальцами колебанія камертона, если они достигали цифры не свыше 1.365. Только въ области двигательныхъ ощущеній особой *изощренности у нея не наблюдалось*.

Такъ, ей были предложены 2 серіи полосъ по 5 въ каждой, самая короткая полоса была длиною 15 стм.; слѣдующія полосы въ первой серіи увеличивались каждая на $^2/_{16}$, во второй—на $^1/_{16}$ длины предыдущей полосы. Полосы первой серіи Елена Келлеръ распредѣлила правильно, во второй серіи была одна ошибка, но показанія вообще были очень медленны и не увѣрены. При попаданіи иглою въ то же самое мѣсто (ей приходилось двигать иглу на 12—15 дюймовъ) она сдѣлала

[1]) The Psychological Review 1894 г. Psychological Notes on Helen Keller.

ошибки въ 35, 15, 15 и 25 mm. При воспроизведеніи линій или отмѣриваніи разстояній она дѣлала, приблизительно, среднее количество ошибокъ. Джестроу замѣчаетъ, что приблизительно такая же точность двигательныхъ воспріятій наблюдалась имъ и у зрячихъ. Итакъ, Елена Келлеръ не обнаружила особой изощренности двигательныхъ воспріятій ни въ опытахъ съ воспроизведеніемъ, ни въ опытахъ со сравненіемъ ощупанныхъ величинъ.

Утгофъ [1]) сообщаетъ, что изслѣдованная имъ слѣпая воспроизводила величину ощупанныхъ ею предметовъ хуже, чѣмъ зрячіе.

Собескій [2]) доказываетъ, что при опредѣленіи длины линій одинъ изъ главныхъ критеріевъ для сужденія является время, потребное для ощупыванія. Въ особенно рѣзкой степени отмѣчается вліяніе времени въ тѣхъ случаяхъ, когда испытуемый не воспроизводитъ зрительныхъ образовъ. Въ такомъ именно положеніи находятся слѣпые. На ихъ сужденіяхъ о величинѣ рѣзко отражается такой субъективный и случайный моментъ, какъ быстрота ощупыванія. Въ силу этого осязательныя *иллюзіи при оцѣнкѣ длины линій у слѣпыхъ особенно велики.* Зрячіе исправляютъ эти иллюзіи съ помощью зрительныхъ представленій.

Не отрицая того, что иллюзіи двигательныхъ воспріятій у слѣпыхъ значительнѣе, чѣмъ у зрячихъ, и что продолжительность движеній вліяетъ на ихъ оцѣнку, мы не можемъ, однако, придавать продолжительности такое значеніе, какъ дѣлаетъ Собескій. Фуллертонъ и Каттель [3]) произвели непосредственныя изслѣдованія относительно оцѣнки продолжительности движеній. Они пользовались аппаратомъ, который, съ помощью Гипповскаго хроноскопа, опредѣлялъ продолжительность движенія руки. При началѣ движенія руки токъ замыкался, и стрѣлки хроноскопа приходили въ движеніе, при окончаніи токъ размыкался, и стрѣлки останавливались. Оказалось, что средняя ошибка въ воспроизведеніи времени была прямо пропорціональна продолжительности произведеннаго движенія, другими словами, способность воспріятія продолжительности приблизительно подчиняется закону Ве-

---

[1]) *Uhthoff.* Untersuchungen über das Sehenlernen eines siebenjährigen blindgeborenen und mit Erfolg operirten Knaben. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1891.

[2]) *Sobeski.* Ueber Täuschungen des Tastsinnes. Dissertation. Breslau 1903.

[3]) *Fullerton* and *Cattel.* On the perception of small differences, on the special reference to the extent, force and time of Movement. University of Pennsylvania. Philosophical series, № 2, 1892. Цитировано по R. S. Woodworth. Le mouvement.

бера-Фехнера, т. е. отношеніе средней ошибки въ величинѣ заданной продолжительности есть величина приблизительно постоянная (по наблюденіямъ Фуллертона и Каттеля для линіи въ 500 mm. отъ 0,100 — 0,115). Что касается воспріятія длины, то величина средней ошибки тоже увеличивалась при удлинненіи линіи, но гораздо медленнѣе, чѣмъ по формулѣ Вебера. По формулѣ Вебера отношеніе средней ошибки къ длинѣ заданной линіи должно было бы быть величиною постоянною для всѣхъ линій. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что отношеніе это уменьшается по мѣрѣ увеличенія длины линіи, другими словами, относительная точность воспріятія для большихъ линій больше, чѣмъ для малыхъ. Отношеніе между средними ошибками равно приблизительно отношенію не длины заданныхъ линій, а корней квадратныхъ изъ ихъ длины. У трехъ испытуемыхъ отношеніе это выражается слѣдующими цифрами: (во всѣхъ 3 случаяхъ въ первой графѣ проводится наблюденное въ дѣйствительности отношеніе, во второй — то отношеніе, которое должно бы быть, если бы ошибки увеличивались строго пропорціонально квадратнымъ корнямъ заданныхъ длинъ, при чемъ въ основу этого вычисленія кладется отношеніе средней ошибки къ заданной линіи при первой изъ приведенныхъ длинъ).

Длина линій въ миллиметрахъ:	100	300	500	700
1) Отношеніе ошибки къ длинѣ линій (полученное изъ опытовъ) . .	0,053	0,029	0,019	0,013
То же отношеніе, вычисленное по формулѣ измѣненія отношенія пропорціонально квадратнымъ корнямъ изъ заданныхъ длинъ. . . .	—	0,031	0,024	0,020
2) Отношеніе ошибки къ длинѣ линій (полученное изъ опытовъ) . .	0,114	0,070	0,045	0,024
То же отношеніе, вычисленное по формулѣ измѣненія отношенія пропорціонально квадратнымъ корнямъ изъ заданныхъ длинъ. . . .	—	0,066	0,051	0,043
3) Отношеніе ошибки къ длинѣ линій (полученное изъ опытовъ) . .	0,162	0,087	0,063	0,037
То же отношеніе, вычисленное по формулѣ измѣненія отношенія пропорціонально квадратнымъ корнямъ изъ заданныхъ длинъ	—	0,094	0,073	0,062

Три изслѣдуемыхъ лица довольно значительно отличались по точности воспроизведенія: первое воспринимало линіи гораздо точнѣе, чѣмъ оба послѣднихъ. Измѣненіе же въ отношеніи между средней ошибкой и длиною заданной линіи у всѣхъ трехъ оказывается приблизительно постояннымъ: оно уменьшается даже быстрѣе, чѣмъ требовалось бы по формулѣ, полагающей, что измѣненіе отношеній пропорціонально квадратнымъ корнямъ изъ заданныхъ линій.

Къ подобнымъ же результатамъ пришелъ и М. Фалькъ въ своей работѣ [1]). Въ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ самимъ собою, онъ нашелъ слѣдующія отношенія ошибки къ длинѣ линій:

Длина въ миллиметрахъ:	10	25	50	100	200
Отношеніе ошибки къ длинѣ линій (получ. опытомъ).	$^1/_{12}$	$^1/_{18}$	$^1/_{30}$	$^1/_{40}$	$^1/_{47}$
То же отношеніе, вычисленное по формулѣ измѣненія отношенія пропорціонально квадратнымъ корнямъ изъ заданныхъ длинъ.	—	$^1/_{19}$	$^1/_{27}$	$^1/_{38}$	$^1/_{54}$

Какъ видно, измѣненіе отношеній происходитъ приблизительно пропорціонально квадратнымъ корнямъ изъ заданныхъ длинъ.

Отношеніе же ошибки въ опредѣленіи продолжительности будетъ нѣсколько инымъ, оно будетъ рости быстрѣе и потому ближе подходитъ къ отношенію, установленному Веберомъ.

Продолжительность времени въ секундахъ:	$^1/_8$ сек.	$^1/_4$ сек.	$^1/_2$ сек.	1 сек.
Отношеніе ошибки къ заданной продолжительности (получен. изъ опытовъ).	0,115	0,112	0,104	0,100
То же отношеніе, вычисленное по формулѣ измѣненія отношенія пропорціонально квадратнымъ корнямъ изъ заданныхъ промежутковъ времени	—	0,087	0,068	0,044

Мы видимъ, что цифры второго ряда уменьшаются значительно быстрѣе, чѣмъ цифры перваго.

---

[1]) *M. Falk.* Versuche über die Raumschätzung mit Hülfe von Armbewegungen. Dorpat. 1890 г.

Итакъ, только что цитированные авторы (Фуллертонъ, Каттель, Фалькъ) доказываютъ, что при воспроизведенiи линiй мы имѣемъ дѣло по преимуществу *не съ временными, а съ пространственными воспріятіями.* Съ другой стороны, однако, взглядъ Собескаго, что слѣпые при воспріятіи пространственныхъ отношенiй съ помощью активнаго осязанія дѣлаютъ больше ошибокъ, чѣмъ зрячіе, вполнѣ согласуется съ выводами, полученными изъ работъ Гохейзена, Утгофа, въ значительной степени также и Джестроу, нашедшихъ, что *активное осязаніе даетъ у слѣпыхъ менѣе точные результаты, чѣмъ у зрячихъ.*

Высказывая это положеніе, я имѣю въ виду главнымъ образомъ результаты активнаго осязанія, выражающіеся въ образованiи пространственныхъ представленiй. Я не дѣлаю какихъ-нибудь утвержденiй относительно другихъ функцiй двигательныхъ ощущенiй. Въ послѣднее время Шеферъ и Манеръ [1]) произвели изслѣдованіе надъ глухонѣмыми, слѣпыми и зрячими относительно способности сравненія поднимаемыхъ тяжестей. Изслѣдованію подверглись 4 глухонѣмыхъ, 4 слѣпыхъ и 4 зрячихъ въ возрастѣ 8—14 лѣтъ, при чемъ средній возрастъ слѣпыхъ былъ 12, 8 (11; 13; 13; 14), глухонѣмыхъ 11, 5 (10; 11; 12; 13) и зрячихъ 10, 3 года (8; 10; 11; 12). Испытуемые поднимали ящики одинаковаго размѣра и формы, но нагруженные разными гирями, за ручки, прикрѣпленныя кверху. Гири клались всегда въ средину ящика. Подъемъ производился до тѣхъ поръ, пока рука испытуемаго не встрѣчала горизонтальную веревку, протянутую на высотѣ 35—38 стм. надъ столомъ. Скорость подъема регулировалась съ помощью метронома.

Число вѣрныхъ опредѣленiй въ % получилось слѣдующее:

I. При подъемѣ обѣихъ тяжестей одною рукою:

	1. При подъемѣ большей тяжести первою.	2. При подъемѣ меньшей тяжести первою.
Глухонѣмые	81	89,7
Слѣпые	58,5	75,5
Зрячіе	42,2	60,2

---

[1]) *Karl L. Schaefer und Paul Mahner.* Vergleichende psychophysiologische Untersuchungen an taubstummen, blinden und normalen Kindern. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Bd. 38, H. 1.

II. При подъемѣ одной тяжести правою, другой—лѣвою рукою:

	1. При одновременномъ подъемѣ.	2. При последовательномъ подъемѣ.
Глухонѣмые	88,5	84,2
Слѣпые.	63,2	65,5
Зрячіе	55,2	49,2

Изъ цифръ этихъ видно, что самыя точныя опредѣленія дѣлались глухонѣмыми, слѣдующія по точности — слѣпыми, и худшія — зрячими.

По этому поводу нельзя, однако, не отмѣтить того обстоятельства, что зрячіе были, въ среднемъ, моложе какъ глухонѣмыхъ, такъ, въ особенности, слѣпыхъ. Такъ какъ испытуемые были вообще очень малаго возраста, то обстоятельство это не могло не отразиться на показаніяхъ. Цифры, приведенныя авторами, вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. Такъ,

I. При подъемѣ обѣихъ тяжестей одною рукою, на 480 опытовъ сдѣлали вѣрныхъ опредѣленій:

	1. При подъемѣ большей тяжести первою.	2. При подъемѣ меньшей тяжести первою.
Слѣпой 14 лѣтъ . . .	361,5	431,5
„ 11 „ . . .	263	368,5
Зрячій 11 „ . . .	209	339,5
„ 8 „ . . .	250,5	275,5

II. При подъемѣ одной тяжести правою, другой—лѣвою рукою на 320 опытовъ сдѣлали вѣрныхъ опредѣленій:

	1. При одновременномъ подъемѣ.	2. При последовательномъ подъемѣ.
Слѣпой 14 лѣтъ . . .	273,5	261,5
„ 11 „ . . .	215,5	199
Зрячій 11 „ . . .	225,5	181
„ 8 „ . . .	172,5	178

Изъ таблицъ этихъ видно, какъ отражается на показаніяхъ испытуемыхъ возрастъ. Едва ли возможно поэтому на основаніи опытовъ Шефера и Манера утверждать, что зрячіе вообще сравниваютъ тяжести хуже, чѣмъ слѣпые. Чтобы имѣть основаніе для такого утвержденія, слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, взять испытуемыхъ болѣе

или менѣе одинаковаго возраста. Правда, изъ испытуемыхъ 1 зрячій и 1 слѣпой были 11 лѣтъ. Но на основаніи того, что въ трехъ случаяхъ изъ четырехъ зрячій дѣлалъ лучшія опредѣленія, чѣмъ слѣпой, а въ одномъ случаѣ наблюдалось обратное, конечно, еще нельзя дѣлать какихъ бы то ни было заключеній.

Близкое отношеніе къ темѣ о двигательныхъ воспріятіяхъ слѣпыхъ имѣютъ работы, выясняющія взаимоотношеніе воспріятій пространства, получаемыхъ съ помощью различныхъ органовъ чувствъ. Здѣсь мы разсмотримъ экспериментальныя работы, касающіяся этого вопроса.

Одною изъ первыхъ работъ въ этомъ направленіи было изслѣдованіе Боудича и Соузарда [1]). Опыты производились такимъ образомъ: брался листъ бѣлой бумаги, и на немъ испытуемый замѣчалъ опредѣленную точку, въ одной серіи—съ помощью зрѣнія, а въ другой—съ помощью осязанія правою или лѣвою рукою, при закрытыхъ глазахъ. Затѣмъ испытуемый съ закрытыми глазами стремился попасть остріемъ карандаша въ отмѣченную точку. Ошибка опредѣлялась разстояніемъ острія карандаша отъ намѣченной точки. Всего было произведено около 4.200 опытовъ, при чемъ получились слѣдующія ошибки:

	Средняя ошибка при локализаціи:	
	черезъ 2 секунды.	черезъ 10 секундъ.
Локализація съ помощью зрѣнія	12,37	21,81
Локализація съ помощью осязанія:		
а) тою же самою рукою	17,13	23,97
б) другою рукою	21,49	28,89

Итакъ, даже локализація съ помощью движеній той же руки, которая произвела первоначальное ощупываніе, менѣе точна, чѣмъ локализація съ помощью движенія точки, первоначально только видѣнной. Изъ этихъ опытовъ слѣдуетъ, что *локализація, произведенная съ помощью зрѣнія, отличается наибольшею точностью.*

Джестроу произвелъ сравненіе воспріятій, полученныхъ глазомъ, противопоставленіемъ большого и указательнаго пальцевъ и движе-

[1]) *H. P. Bowditch* and *Wm. F. Southard.* A comparison of sight and touch, by H. P. Bowditch, M. D. Professor of Physiology, Harvard Medical School, and Wm. F. Southard, M. D. The Journal of Physiology III, 1881.

ніемъ всей руки при ощупываніи указательнымъ пальцемъ [1]). Испытуемый получалъ воспріятіе съ помощью одной изъ этихъ трехъ функцій и затѣмъ воспроизводилъ его или съ помощью той же самой, или же какой-нибудь другой функціи. Джестроу получилъ слѣдующіе результаты:

I. При тожествѣ воспринимающаго и воспроизводящаго органа. 1) Если таковымъ является глазъ, то малыя протяженности уменьшаются, а большія увеличиваются; величина, при воспроизведеніи которой не дѣлалось ошибки, равнялась приблизительно 38 mm. 2) При воспріятіи и воспроизведеніи съ помощью двухъ пальцевъ малыя протяженности увеличиваются, а большія уменьшаются, точка безразличія лежитъ около 55 mm. 3) При воспріятіи и воспроизведеніи съ помощью движенія руки всѣ протяженности увеличиваются (линіи были взяты въ 5—120 mm.).

II. При воспроизведеніи съ помощью органа, отличнаго отъ того, который участвовалъ при воспріятіи. 1) Если глазъ воспроизводитъ, а другіе органы воспринимаютъ впечатлѣніе, то всѣ протяженности значительно уменьшаются. 2) Если воспроизведеніе происходитъ съ помощью противопоставленія двухъ пальцевъ, то всѣ протяженности рѣзко увеличиваются. 3) Если воспроизведеніе происходитъ съ помощью движеній руки, то всѣ протяженности, воспринятыя глазомъ, увеличиваются; протяженности же, воспринятыя противопоставленіемъ двухъ пальцевъ, уменьшаются.

Изъ установленныхъ здѣсь фактовъ Джестроу дѣлаетъ слѣдующіе выводы: 1) если при воспроизведеніи однимъ органомъ воспріятія, полученнаго съ помощью другого, наблюдается увеличеніе, то при воспроизведеніи вторымъ органомъ воспріятія, полученнаго съ помощью перваго, наблюдается уменьшеніе такой же величины, какъ предыдущее увеличеніе; то же самое справедливо для обратныхъ случаевъ, 2) ошибка при воспроизведеніи опредѣляется не столько воспринимающимъ, сколько воспроизводящимъ органомъ. Такъ, если воспроизведеніе происходитъ съ помощью глаза, то всегда получается уменьшеніе, если съ помощью противопоставленія двухъ пальцевъ, то всегда получается увеличеніе. Исключеніе изъ этого составляетъ тотъ фактъ, что протяженности, воспринятыя противопоставленіемъ двухъ пальцевъ, при воспроизведеніи съ помощью движеній руки, уменьшаются. Въ дан-

[1]) Выше цитированная работа *J. Jastrow*. The perception of space by disparate senses.

номъ случаѣ сталкиваются тенденціи подчиненія, съ одной стороны, первому, съ другой — второму закону; остается въ силѣ первый законъ.

Джестроу, кромѣ того, произвелъ спеціальныя изслѣдованія относительно степени точности воспріятій, полученныхъ съ помощью различныхъ органовъ чувствъ.

Наиболѣе точными оказались *зрительныя воспріятія*. Онъ произвелъ около 1.000 опытовъ надъ четырьмя лицами относительно сравненія различными способами линій (сначала давалась одна линія, потомъ другая, отъ нея отличная, наконецъ третья, равная первой, и испытуемый долженъ былъ рѣшить, короче или длиннѣе вторая первой и третьей). Результаты получились слѣдующіе:

	% ошибокъ.			
	Длина линій 25 сант.		Длина линій 10 сант.	
	при различія на $^1/_{60}$	при различіи на $^1/_{100}$	при различія на $^1/_{60}$	при различіи на $^1/_{100}$
Зрѣніе	7,5	26	7	17
Противопоставленіе двухъ пальцевъ	13	35	12	33
Движеніе рукъ	32	—	38	—

Джестроу полагаетъ, что пространственныя воспріятія различныхъ органовъ чувствъ сами по себѣ различны, и если между ними устанавливается гармонія, то на нее слѣдуетъ смотрѣть, какъ на результатъ опыта. Существованіе большихъ различій между нашими зрительными и другими представленіями пространства не приводитъ насъ, однако, къ замѣшательству, обыкновенно даже не сознается. Это можетъ быть объяснено только нашимъ *стремленіемъ интерпретировать всѣ измѣненія посредствомъ зрительныхъ эквивалентовъ*.

Тотъ же самый объемъ объективнаго возбужденія на тонко чувствующія поверхности истолковывается, какъ эквивалентъ болѣе экстенсивнаго ощущенія, чѣмъ равное объективное возбужденіе на болѣе грубо чувствующій органъ чувства. Совершается какъ бы обмѣнъ пространственныхъ единицъ различныхъ чувствъ, и такъ какъ зрительныя единицы суть самыя мелкія, то оказывается, что меньшее зрительное пространство кажется равнымъ большему осязательному или двигательному. Слѣдовательно, Джестроу, какъ и Боудичъ и Соузардъ,

приходятъ къ выводу о большей точности зрительныхъ воспріятій пространства, по сравненію съ осязательными.

Къ аналогичнымъ же выводамъ пришелъ въ своей работѣ относительно воспріятія плоскостей Сакаки [1]). Онъ давалъ воспринимать фигуры, вырѣзанныя изъ картона, различными способами: 1) съ помощью пассивнаго осязанія—фигура клалась испытуемому на ладонь руки, 2) съ помощью активнаго осязанія—фигура ощупывалась движеніемъ руки, 3) съ помощью зрѣнія—фигура показывалась на разстояніи 50 стм. Наконецъ, испытуемый, имѣя передъ собою фигуру, срисовывалъ ее. Въ трехъ предыдущихъ случаяхъ воспринятая фигура рисовалась на листѣ бумаги на память. Величина увеличенія фигуры, по отношенію къ уменьшенію ея, во всѣхъ случаяхъ была слѣдующая:

	Уменьшеніе.	Увеличеніе.
Пассивное осязаніе . . .	1 кв. млм.	0,682 кв. млм.
Активное осязаніе . . .	1 „ „	0,487 „ „
Прост. зрит. воспріятіе .	1 „ „	1,072 „ „
Срисовываніе	1 „ „	1,615 „ „

Слѣдовательно, при воспроизведеніи съ помощью зрѣнія (въ сущности, зрѣнія и активнаго осязанія) воспріятій, полученныхъ съ помощью, какъ пассивнаго, такъ и активнаго осязанія, наблюдается чаще уменьшеніе, чѣмъ увеличеніе, при воспріятіи же съ помощью зрѣнія имѣетъ мѣсто обратное явленіе. Хотя въ опытахъ Сакаки въ воспроизведеніи кромѣ зрѣнія (которое, впрочемъ, по всей вѣроятности, играло первенствующую роль) участвовало еще и активное осязаніе, все же мы видимъ, что отношеніе тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣваютъ при воспроизведеніи съ одной стороны осязательныя, съ другой—зрительныя воспріятія, у Сакаки то же самое, что у Джестроу.

Что касается сравнительной точности зрительныхъ воспріятій, то и по отношенію къ этому вопросу выводы Сакаки совпадаютъ съ выводами Джестроу. При пассивномъ и при активномъ осязаніи ошибка на 1 кв. mm. фигуры равнялась 0,23 кв. mm., при зрительномъ воспріятіи—0,14 кв. млм.

---

[1]) *Sakaki*. Vorläufige Mittheilung über die Umriss-Flächenwarnehmung, untersucht mit Hülfe des Coradischen Planimeters. Atti del V Congresso Internazionale di psicologia, стр. 177.

Была еще сдѣлана попытка опредѣлить совершенство воспріятія, съ помощью зрѣнія и осязанія, различныхъ объемовъ. Попытка эта принадлежитъ Лорэ [1]). Испытуемымъ давали воспринимать кубы различной величины. Воспріятія происходили или съ помощью зрѣнія или съ помощью ощупыванія — кубъ ощупывался въ сжатой рукѣ, или же, наконецъ, съ помощью пассивнаго осязанія—кубъ накладывался на ладонь руки, при чемъ вѣсъ различныхъ кубовъ былъ сдѣланъ пропорціональнымъ величинѣ соприкасавшейся съ рукою плоскости. Затѣмъ испытуемому предлагались другіе кубы, которые воспринимались имъ совершенно такъ же, какъ и первый, и онъ долженъ былъ указать, который, по его мнѣнію, равенъ по объему одной восьмой перваго. Изъ опытовъ оказалось: 1) что наиболѣе точныя указанія получались при посредствѣ зрѣнія, 2) что опредѣленія, произведенныя съ помощью осязанія, отличались несравненно меньшею точностью, 3) что у однихъ опредѣленія были хуже при прикосновеніи куба къ ладони, у другихъ при ощупываніи его рукою.

По поводу этой работы ванъ-Бирвлитъ [2]) замѣчаетъ, что при опредѣленіи съ помощью осязанія куба, равнаго по объему $^1/_8$ даннаго, испытуемый вообще указывалъ кубъ значительно большій, чѣмъ бы слѣдовало; Бирвлитъ объясняетъ это тѣмъ, что очень большіе кубы, взятые въ руку, переоцѣниваются, очень маленькіе не дооцѣниваются. Вообще нужно замѣтить, что работа Лорэ даетъ поводъ для многихъ возраженій—опредѣленіе объема могло производиться испытуемымъ на основаніи воспріятія одной стороны—въ такомъ случаѣ, конечно, достаточно было бы ограничиться воспріятіемъ линій,—при ощупываніи въ соприкосновеніе съ кубомъ приходили различныя части кисти, опредѣленіе объема могло зависѣть отъ степени нажиманія; затѣмъ, въ высшей степени важно было бы опредѣлить порядокъ воспріятій—въ опытахъ Лорэ онъ, повидимому, былъ совершенно произвольнымъ. Наконецъ, тотъ фактъ, что точность воспріятія можетъ быть опредѣлена способностью дѣлить воспринятую величину на то или иное количество частей, тоже не несомнѣненъ. Поэтому мы можемъ принять выводы Лорэ лишь, поскольку они согласуются съ выводами другихъ авторовъ, изучавшихъ аналогичные процессы.

[1]) *Laureys*. Comment l'oeil et la main nous renseignent différemment sur le volume des corps. Année psychologique, VII, стр. 264.

[2]) Van *Biervliet*. Année psychologique, VIII, стр. 275.

Изъ приведенныхъ работъ явствуетъ, что 1) *зрительныя воспріятія обладаютъ большею точностью*, чѣмъ осязательныя и двигательныя, 2) что *зрительныя воспріятія, какъ наиболѣе точныя, оказываютъ вліяніе на развитіе осязательныхъ и двигательныхъ* (Боудичъ и Соуардъ, Джестроу, Сакаки, Лорэ).

Значеніе зрительныхъ образовъ для функціи осязанія прекрасно выдвинуто въ работахъ Уошбэрнъ и Анри [1]). Уошбэрнъ изслѣдовала воспріятіе съ помощью пассивнаго осязанія у 4 зрячихъ и 1 слѣпой. При прикосновеніи двумя ножками циркуля на 100 опредѣленій было получено слѣдующее число вѣрныхъ отвѣтовъ:

		При наложеніи ножки циркуля: Въ поперечномъ направленіи.	Въ продольномъ направленіи.
зрячіе.	П.	81,4	81,4
	С.	71,1	69
	Г.	77,1	87,1
	Т.	76,3	80,1
слѣпая.	М.	100	100

Затѣмъ Уошбэрнъ изслѣдовала у тѣхъ же самыхъ испытуемыхъ способность опредѣлять направленіе, въ которомъ находятся другъ къ другу ножки циркуля. На 100 случаевъ было ошибочныхъ опредѣленій направленія (вмѣсто горизонтальнаго опредѣлялось вертикальное направленіе и обратно):

		При наложеніи ножекъ циркуля: Въ поперечномъ направленіи.	Въ продольномъ направленіи.
зрячіе.	П.	34,5	38,15
	С.	26,6	27
	Г.	11,9	9,4
	Т.	22,5	19,6
слѣпая.	М.	38,4	46,7

Итакъ, несмотря на то, что слѣпая М. гораздо легче зрячихъ получала ощущеніе двойного прикосновенія, при опредѣленіи направленія ножекъ циркуля она дѣлала гораздо больше ошибокъ, чѣмъ зрячіе.

[1]) *Margaret Floy Washburn.* Ueber den Einfluss der Gesichtsassociationen auf die Raumwahrnehmungen der Haut. Philosophische Studien, Bd. 11.

Указанный фактъ Уошбэрнъ сопоставляетъ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, показывающихъ, что чѣмъ явственнѣе зрительный образъ той или другой части тѣла, тѣмъ точнѣе опредѣленіе направленія осязательныхъ раздраженій. Зрячіе даже при закрытыхъ глазахъ не могутъ вполнѣ подавить зрительные образы, послѣдніе могутъ находиться и не въ фиксаціонной точкѣ сознанія, а только на периферіи его, но вліяніе ихъ сказывается и въ такомъ случаѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, по мнѣнію М. Уошбэрнъ, сравнительно большая точность въ опредѣленіи зрячими направленія, въ которомъ поставлены ножки циркуля.

Анри [1]) пришелъ къ аналогичному выводу. Онъ отличаетъ Raumsinn—способность различенія двухъ отъ одного прикосновенія,—способность, опредѣляемую съ помощью Веберовскаго циркуля, отъ такъ называемаго Ortsinn—способности локализировать на тѣлѣ данное раздраженіе. Относительно развитія первой способности у слѣпыхъ онъ приводитъ мнѣнія Чермака (см. стр. 37) и Герттнера (см. стр. 38), которые, какъ мы уже сказали, считали эту способность у слѣпыхъ изощренною. На развитіе же способности локализаціи, какъ констатировано изслѣдованіями Анри, большое вліяніе оказываютъ зрительные образы, такъ какъ у испытуемыхъ возникаетъ зрительный образъ того мѣста, къ которому произведено прикосновеніе. Способность локализаціи у слѣпыхъ, однако, не была имъ изслѣдована.

Фактъ, совершенно аналогичный тому, который былъ установленъ Уошбэрнъ и Анри для пассивнаго осязанія, былъ, въ сущности, установленъ Гохейзеномъ для активнаго осязанія. Изъ его опытовъ съ несомнѣнностью вытекаетъ фактъ зависимости двигательныхъ воспріятій отъ зрительныхъ ощущеній.

Гохейзенъ, правда, ничего не говоритъ объ этой зависимости, но тѣмъ краснорѣчивѣе говорятъ о ней приведенныя имъ цифры. Цифры его показываютъ, прежде всего, что чувствительность къ самымъ малымъ движеніямъ—иначе говоря, низшій *порогъ двигательныхъ ощущеній у слѣпыхъ тотъ же самый, что и у зрячихъ*. Въ то же время изъ цифръ его можно видѣть, что *направленіе движенія вообще узнается слѣпыми хуже*, чѣмъ зрячими (ср. стр. 56). На этомъ фактѣ мы остановимся нѣсколько подробнѣе, въ виду важности его для выясненія вопроса о пространственныхъ воспріятіяхъ слѣпыхъ. Не слѣдуетъ думать, что сейчасъ приведенные факты—приблизитель-

[1]) *Henri*. Ueber die Raumwahrnehmungen des Tastsinns.

ное равенство пороговъ и значительно большая способность зрячихъ опредѣлять направленіе движенія,—что эти два факта противорѣчатъ одинъ другому. Опредѣленіе направленія — актъ, конечно, болѣе сложный, чѣмъ опредѣленіе наличности движенія; послѣднее могло бы быть сравнено съ толчкомъ сознанія, первое—съ сознательною переработкою этого „толчка". Какъ мы увидимъ ниже, отчасти изъ экспериментовъ, отчасти же изъ данныхъ наблюденія, слѣпые вообще способны хорошо сосредоточивать вниманіе на доступныхъ имъ впечатлѣніяхъ, вниманіе ихъ легко направляется даже на самые незначительные „толчки".

Но для опредѣленія направленія произведеннаго движенія требуется продолжительный навыкъ, значительное умѣнье связывать данныя непосредственнаго ощущенія съ элементами прошлаго опыта, при чемъ въ этомъ процессѣ большую роль играютъ *компликаціонные и ассимиляціонные элементы*. Ассимиляціонные элементы у слѣпыхъ тѣ же самые, что и у зрячихъ—прежнія осязательно-двигательныя ощущенія, но зато у слѣпыхъ совершенно отсутствуютъ компликаціонные элементы—ощущенія зрительныя, которымъ въ данномъ случаѣ можетъ быть приписано, какъ непосредственное, такъ и опосредствованное значеніе.

Непосредственное — потому что, представляя себѣ движеніе какой бы то ни было части нашего тѣла, мы воспроизводимъ не столько осязательно-двигательныя, сколько зрительныя ощущенія—въ фиксаціонной точкѣ нашего сознанія находится, главнымъ образомъ, зрительный образъ соотвѣтствующей части тѣла. Разъ воспроизведеніе зрительнаго образа въ томъ или другомъ случаѣ отсутствуетъ, исчезаетъ одинъ изъ моментовъ для апперцепціи, для истолкованія даннаго двигательнаго ощущенія.

Но, кромѣ непосредственнаго значенія зрительнаго образа для того или другого частнаго случая, для той и другой единичной апперцепціи двигательнаго ощущенія, нужно признать еще другое, болѣе глубокое вліяніе зрѣнія на двигательно-осязательный опытъ. Вѣдь наши движенія совершаются постоянно подъ контролемъ зрѣнія, съ помощью зрѣнія *мы постоянно регулируемъ, направляемъ всѣ наши движенія*. Зрѣніе воспитываетъ двигательную способность. Въ значительной степени благодаря зрѣнію, движенія пріобрѣтаютъ ту точность и увѣренность, которая свойственна нормальнымъ людямъ въ зрѣломъ возрастѣ.

Осязательно-двигательнымъ воспріятіямъ присуща, далѣе, въ го-

раздо большей степени *случайность*, зависимость отъ разныхъ чисто субъективныхъ моментовъ—отъ того или иного положенія тѣла, отъ той или иной степени напряженія, отъ утомленія. *Единство измѣренія* устанавливается гораздо совершеннѣе съ помощью *зрительныхъ*, чѣмъ двигательно-осязательныхъ ощущеній. Мы безъ труда сводимъ къ единству измѣренія, произведенныя, напримѣръ, движеніемъ различныхъ частей тѣла. Это сведеніе къ единству происходитъ, главнымъ образомъ, чрезъ посредство зрѣнія. Слѣпому далеко не такъ легко, какъ намъ установить единство измѣреній, произведенныхъ, напримѣръ, движеніемъ одной руки и противопоставленіемъ одной руки другой. Для него—это въ высшей степени сложный процессъ, требующій огромнаго вниманія и большого напряженія памяти. Необходимо запомнить начальное положеніе руки, быстроту и продолжительность произведеннаго ею движенія, ея конечное положеніе, затѣмъ всѣ эти моменты свести, такъ сказать, къ другому знаменателю, къ сравненію относительнаго положенія обѣихъ рукъ. Выработка единаго объективнаго маштаба представляетъ для слѣпыхъ массу затрудненій, и потому задача эта рѣдко выполняется ими съ такою точностью, какъ зрячими. Итакъ, зрѣніе играетъ роль контролера, толкователя, руководителя и воспитателя движеній и связанныхъ съ ними двигательныхъ ощущеній.

Часто принимали, что способность опредѣлять съ помощью пассивнаго осязанія форму предметовъ зависитъ отъ пространственнаго порога осязательныхъ ощущеній. Изслѣдованіе Уошбэрнъ и Анри доказали, что это мнѣніе ошибочно. Такъ, хотя у изслѣдованной Уошбэрнъ слѣпой пространственный порогъ осязательныхъ ощущеній былъ ниже, чѣмъ у зрячихъ, направленіе линій, а слѣдовательно и форма предметовъ, опредѣлялись ею съ помощью пассивнаго осязанія хуже. Изслѣдованія Гохейзена заставляютъ предполагать, что пространственныя воспріятія, обусловленныя также и двигательными ощущеніями, у слѣпыхъ менѣе совершенны, чѣмъ у зрячихъ.

Б. Мои экспериментальныя изслѣдованія.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что въ дѣлѣ ознакомленія съ пространственными соотношеніями бо́льшая роль, по сравненію съ пассивнымъ осязаніемъ, принадлежитъ осязанію активному (ощупыванію). Поэтому, имѣя въ виду выяснить пространственныя представленія слѣпыхъ, я занялся экспериментальнымъ изслѣдованіемъ у нихъ

активнаго осязанія. Вниманіе мое было при этомъ направлено не на элементы этого процесса, не на двигательныя ощущенія, а на синтезъ этихъ элементовъ—на само восприятіе. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ психологическихъ вопросахъ, изслѣдованіе элементовъ не дало бы намъ никакого права дѣлать какія-нибудь заключенія относительно синтеза. Психологическіе элементы—не какіе-нибудь кирпичики и душевная жизнь — не сумма кирпичиковъ. Въ частности, изслѣдованіе Гохейзена показало, что на основаніи изслѣдованія элементовъ нельзя дѣлать заключенія о психологическихъ синтезахъ ихъ способность субъекта констатировать чуть замѣтныя движенія еще не опредѣляетъ его способности воспринимать форму движеній. Чтобы изслѣдовать восприятіе, нужно взять его, какъ таковое.

Разбирая различные способы осязанія, мы можемъ установить слѣдующіе главные типы.

Во-первыхъ, ощупываніе съ помощью движенія одного, преимущественно указательнаго пальца, во-вторыхъ — съ помощью движенія большого пальца одновременно съ указательнымъ или также и съ другими пальцами той же руки, въ-третьихъ, съ помощью движеній пальцевъ обѣихъ рукъ, при чемъ, большею частью, преобладающее значеніе получаютъ указательные пальцы ихъ. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я заставлялъ испытуемыхъ или воспроизводить, или сравнивать другъ съ другомъ ощупанныя фигуры.

Изслѣдованія, произведенныя по способу *сравненія*, касались перваго и третьяго изъ этихъ типовъ ощупыванія. Изслѣдовано было 23 зрячихъ и 20 слѣпыхъ, въ возрастѣ, въ среднемъ, 14—15 лѣтъ. Всѣ испытуемые продѣлали тѣ же самые опыты, въ одинаковомъ порядкѣ и количествѣ.

Испытуемый садился за столъ въ удобномъ положеніи (если онъ былъ зрячимъ, то ему завязывались глаза), локоть его заходилъ на 6—8 стм. за край стола и сохранялъ свободную подвижность. Предъ изслѣдуемымъ клали листъ бѣлой бумаги, а на послѣдней—различныя, вырѣзанныя изъ толстой бристольской бумаги, фигуры. Положеніе этихъ фигуръ отмѣчалось карандашомъ на бѣлой бумагѣ. Изслѣдователь бралъ руку испытуемаго и ставилъ его пальцы на начальную точку фигуры. Испытуемый обводилъ фигуру тѣмъ или инымъ, заранѣе указаннымъ движеніемъ, со скоростью около 5 стм. въ секунду. Затѣмъ давалась вторая фигура, клалась на то же самое мѣсто, на которомъ лежала первая, пальцы испытуемаго опять ставились на

начальную точку ея, испытуемый ощупывалъ ее и указывалъ, въ какомъ отношеніи она, по его мнѣнію, отличается отъ первой. Опыты продолжались каждый разъ не болѣе, какъ отъ 20 до 30 минутъ, въ теченіе которыхъ дѣлалось два перерыва въ 2—3 минуты каждый. Промежутокъ между обоими ощупываніями былъ приблизительно 2—3 секунды. Фигуры были: полосы длиною 9—11 стм., углы отъ 75°—105°, съ длиною сторонъ въ 15 стм., и кривыя, представлявшія части различныхъ окружностей, построенныхъ на хордѣ въ 16 стм.

Всѣ эти фигуры ощупывались въ первой серіи опытовъ движеніемъ одного (указательнаго) пальца. Во второй серіи опытовъ первая фигура ощупывалась одновременнымъ противопоставленіемъ или движеніемъ обоихъ указательныхъ пальцевъ, вторая же, сравниваемая съ первою, ощупывалась движеніемъ одного указательнаго пальца; при постановкѣ этихъ опытовъ я имѣлъ въ виду установить, на сколько точно сравниваются воспріятія, полученныя съ помощью различныхъ способовъ ощупыванія, другими словами—на сколько точно одинъ осязательный языкъ переводится на другой.

Такова, въ общихъ чертахъ, схема моихъ опытовъ, произведенныхъ по способу сравненія. Каждый изъ испытуемыхъ сдѣлалъ по каждому изъ описанныхъ двухъ типовъ ощупыванія по 60 сравненій каждой изъ фигуръ (прямыхъ линій, угловъ и кривыхъ), всего, слѣдовательно, 360 опредѣленій. Всѣ испытуемые вмѣстѣ дали 15.480 показаній (не считая предварительныхъ опытовъ съ каждымъ изъ испытуемыхъ). Перехожу теперь къ болѣе детальному описанію опытовъ и къ полученнымъ изъ нихъ результатамъ.

Прежде всего даны были для ощупыванія указательнымъ пальцемъ прямыя линіи. Для того, чтобы испытуемые въ этихъ опредѣленіяхъ руководствовались длиною линій, а не положеніемъ конечныхъ точекъ, вторая фигура клалась по направленію первой линіи такимъ образомъ, чтобы положеніе конечныхъ точекъ обѣихъ линій совпадало. Положеніемъ первой точки испытуемый какъ въ этихъ, такъ и въ слѣдующихъ опытахъ руководствоваться не могъ, потому что на эту точку ставилъ руку испытуемаго экспериментаторъ. Раздраженія давались въ нижеуказанномъ порядкѣ 10 разъ подрядъ (слѣдовательно, каждымъ испытуемымъ было сдѣлано по 60 опредѣленій). Въ приведенной таблицѣ указывается въ первомъ и во второмъ столбцѣ среднее число ошибокъ у слѣпыхъ и у зрячихъ на каждыя 10 опредѣленій. Цифры въ скобкахъ указываютъ, которое мѣсто занимаетъ сравненіе тѣхъ или другихъ величинъ по количеству вѣрныхъ опредѣленій.

Линіи въ стм.	Слѣпые.	Зрячіе.
10 и 11	1,4(1)	0,8(1)
10 „ 9,7	3,3(6)	2,3(6)
10 „ 10,7	2,7(5)	1,8(3)
10 „ 9,3	2,6(4)	1,8(4)
10 „ 9	2,3(2)	1,2(2)
10 „ 10,3	2,4(3)	2,3(5)
	14,7	10,2

Въ среднемъ количество ошибокъ на каждые 60 опытовъ у слѣпыхъ на 4, 5 больше, чѣмъ у зрячихъ. Изъ второстепенныхъ наблюденій мы можемъ отмѣтить слѣдующія.

У зрячихъ количество ошибокъ находится въ обратномъ отношеніи къ разности между линіями. У слѣпыхъ наблюдается, въ общемъ, то же отношеніе, есть, однако, кромѣ того, еще нѣкоторая склонность преувеличивать величину 2-й линіи—если 2-ая линія длиннѣе, то ошибокъ, сравнительно, меньше, чѣмъ въ обратномъ случаѣ (у слѣпыхъ 6,5 и 8,2; у зрячихъ 4,9 и 5,3).

Затѣмъ опыты производились такимъ образомъ, что сначала отмѣрялась обоими указательными пальцами линія опредѣленной длины (лѣвый ставился на лѣвомъ, правый—на правомъ концѣ ея). Вторая линія, съ которою производилось сравненіе, измѣрялась движеніемъ по ней указательнаго пальца правой руки. Для того, чтобы испытуемые опредѣляли разстояніе между пальцами, а не руководствовались измѣненіемъ положенія праваго указательнаго пальца, вторая полоса клалась такимъ образомъ, чтобы конечная (правая) точка ея совпадала съ положеніемъ конечной точки первой линіи, при чемъ направленіе обѣихъ линій, конечно, было одинаковымъ (относительно значенія цифръ см. предыдущую таблицу).

Линіи въ стм.	Слѣпые.	Зрячіе.
11 и 10	3,7(5)	2,8(4)
10 „ 10,3	3,3(3)	3,1(5)
9 „ 10	2,7(2)	1,7(2)
10 „ 9,3	3,4(4)	1,8(3)
10 „ 10,7	1,8(1)	1,2(1)
10 „ 9,7	3,8(6)	3,2(5)
	18,7	13,9

У слѣпыхъ, въ среднемъ, на каждые 60 опытовъ количество ошибокъ было на 4,8 больше, чѣмъ у зрячихъ. Изъ частностей отмѣтимъ: при

сравненіи линіи 10 и 10,7 было сдѣлано меньше ошибокъ, чѣмъ при сравненіи 9 съ 10 и 11 съ 10. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ подвергалась измѣненію линія, ощупанная обѣими руками (вм. обычныхъ 10 въ первомъ случаѣ 9, во второмъ 11). Испытуемые руководствовались, вѣроятно, въ большей степени измѣненіями 2-й прямой, т. е. той, которая ощупывалась одной рукой. У слѣпыхъ, кромѣ того, ясно обнаруживается склонность преувеличивать 2-ю линію. Меньше ошибокъ въ тѣхъ случаяхъ, когда 2-я линія была сравнительно длиннѣе первой (10 и 10,7; 9 и 10; 10 и 10,3). Та же тенденція проявляется и у зрячихъ, но въ меньшей степени, чѣмъ у слѣпыхъ.

Затѣмъ движеніемъ указательнаго пальца были ощупаны углы. Углы клались вершиною вверхъ, такъ что при ощупываніи первой стороны происходило движеніе пальца вверхъ, при ощупываніи второй—внизъ. Второй уголъ клался при этомъ такимъ образомъ, чтобы положеніе правой стороны его совпадало съ положеніемъ правой стороны перваго угла.

Углы въ градусахъ.	Слѣпые.	Зрячіе.
90 и 97,5	4,1	1,8(1)
90 „ 87,5	4,0	3,5(6)
90 „ 95	4,0	3,0(4)
90 „ 85	4,0	2,7(3)
90 „ 82,5	3,6(6)	2,4(2)
90 „ 92,5	4,5(1)	3,0(5)
	24,1	16,6

У слѣпыхъ, въ среднемъ, количество ошибокъ на каждые 60 опытовъ на 7,5 больше, чѣмъ у зрячихъ.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ то время, какъ у зрячихъ количество ошибокъ находилось въ обратномъ отношеніи къ разности между углами, у слѣпыхъ отношеніе это сказывается въ меньшей степени—почти во всѣхъ случаяхъ было приблизительно одинаковое количество ошибокъ—при данномъ отношенія величинъ всѣ различія опредѣлялись почти одинаково плохо,—только при сравненія угловъ въ 95 и 82, 5 ими было сдѣлано меньше всего ошибокъ, а при сравненіи угловъ въ 90 и 92,5°—больше всего.

Четвертая группа опытовъ состояла въ ощупываніи угловъ: перваго — одновременнымъ движеніемъ обоихъ указательныхъ пальцевъ, второго — движеніемъ указательнаго пальца правой руки, которое

производилось совершенно подобно тому, какъ въ третьей группѣ опытовъ. Чтобы испытуемый не руководствовался исключительно движеніемъ правой руки, второй уголъ клался такъ, чтобы положеніе правой стороны его совпадало съ положеніемъ той же стороны перваго угла.

Углы въ градусахъ.	Слѣпые.	Зрячіе.
105 и 90	3,5(2)	3,3(5)
90 „ 95	4,2(4)	2,9(4)
75 „ 90	3,1(1)	2,1(1)
90 „ 80	4,7(6)	2,3(3)
90 „ 100	3,6(3)	2,2(2)
90 „ 85	4,2(5)	3,6(6)
	23,2	16,5

Въ среднемъ, слѣпые на каждыя 60 опредѣленій дѣлали на 6,7 ошибокъ больше, чѣмъ зрячіе. Мы видимъ, далѣе, что, въ общемъ, здѣсь сказывается зависимость количества ошибокъ отъ разности угловъ; наблюдается только сравнительно большое количество ошибокъ при сравненіи угловъ 105 и 90 у зрячихъ. Впрочемъ, у слѣпыхъ и въ этомъ случаѣ ошибокъ больше, чѣмъ у зрячихъ. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что измѣненія угла (вмѣсто обычной величины—90 была взята величина въ 105°), ощупаннаго обѣими руками, вообще воспринимались хуже, чѣмъ измѣненія угла, ощупаннаго одною рукою. Несмотря на, повидимому, большую трудность этой серіи опытовъ, испытуемыми было сдѣлано въ ней почти столько же ошибокъ, сколько и въ предыдущей (а у слѣпыхъ—даже меньше). Быть можетъ, это объясняется нѣкоторымъ навыкомъ въ ощупываніи угловъ: опыты 4-ой серіи были произведены послѣ опытовъ предыдущей серіи.

Пятая группа опытовъ состояла въ изслѣдованіи кривыхъ, описанныхъ различными радіусами. Номера повышались параллельно съ повышеніемъ кривизны:

№№ кривыхъ.	Слѣпые.	Зрячіе.
4 и 7	3,1(1)	1,9(1)
4 „ 3	4,7(5)	3,6(6)
4 „ 6	3,2(2)	2,2(2)
4 „ 2	5,0(6)	3,0(4)
4 „ 1	3,8(4)	2,8(3)
4 „ 5	3,7(3)	3,2(5)
	23,3	16,7

И такъ, у слѣпыхъ въ среднемъ на 6,6 ошибокъ больше, чѣмъ у зрячихъ. Мы можемъ затѣмъ отмѣтить, что количество ошибокъ находится въ обратной зависимости отъ различія въ степени кривизны. Кромѣ того, обнаруживается тенденція преувеличивать кривизну 2-ой линіи (аналогично тенденціи преувеличивать длину 2-ой линіи). Особенно рѣзко сказывается эта тенденція у слѣпыхъ (меньше всего ошибокъ при сравненіи 4 и 7, затѣмъ 4 и 6, потомъ 4 и 5).

Шестая группа опытовъ — ощупыванія сначала одновременныя обѣими руками, которыя ставились на вершину кривой, затѣмъ— одною рукою.

№№ кривыхъ.	Слѣпые.	Зрячіе.
VII и IV	4,3(5)	2,9(3)
IV „ V	3,9(3)	3,7(6)
I „ IV	4,3(4)	3,4(5)
IV „ II	3,9(2)	2,4(2)
IV „ VI	2,8(1)	2,0(1)
IV „ III	5,1(6)	3,0(4)
	24,3	17,3

Опять у слѣпыхъ ошибокъ, въ среднемъ, больше, чѣмъ у зрячихъ (на 7,0). Въ данномъ случаѣ мы видимъ, что ошибокъ было сдѣлано вообще больше всего—какъ у слѣпыхъ, такъ и у зрячихъ. Можетъ быть, вслѣдствіе этого меньше обнаружилась зависимость количества ошибокъ отъ различія въ степени кривизны (подобно сравненію угловъ слѣпыми, въ третьей серіи опытовъ). Наименьшее количество ошибокъ какъ слѣпыми, такъ и зрячими было сдѣлано при сравненіи кривыхъ IV и VI, затѣмъ IV и II. Слѣдовательно, когда различія воспринимались сравнительно хорошо, то какъ у слѣпыхъ, такъ и у зрячихъ обнаруживалась тенденція къ преувеличенію второй линіи (если она обладала большею кривизною, то количество ошибокъ было меньше). Эта тенденція опять-таки особенно рѣзко сказалась у слѣпыхъ: меньше всего ошибокъ при сравненіи IV и VI; на третьемъ мѣстѣ стоитъ сравненіе IV и V, на четвертомъ I и IV. Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что при сравнительно большихъ различіяхъ (VII и IV, I и IV) количество ошибокъ какъ у слѣпыхъ, такъ и зрячихъ было больше, чѣмъ при случаяхъ сравненія IV съ VI и IV со II. Объясняется это, вѣроятно, подобно тому, какъ во 2-ой и 4-ой группахъ опытовъ (съ линіями и съ углами), тѣмъ, что въ этихъ случаяхъ подвергалась измѣненію не 2-ая, а 1-ая кривая (вм. IV бра-

лась въ первомъ случаѣ кривая VII, во второмъ—I), которая ощупывалась обѣими руками. Испытуемые больше руководились, очевидно, измѣненіемъ 2-ой кривой, которая ощупывалась одною рукою.

Самый важный изъ отмѣченныхъ нами фактовъ,—это тотъ, что *во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ количество ошибокъ у слѣпыхъ было больше, чѣмъ у зрячихъ.* Слѣдовательно, пространственныя воспріятія даже тѣхъ предметовъ, которые вполнѣ доступны для осязанія, отличаются у слѣпыхъ меньшею точностью, чѣмъ у зрячихъ.

Изъ болѣе мелкихъ фактовъ интересно отмѣтить, что, въ общемъ, наблюдалась тенденція къ переоцѣнкѣ длины второй линіи и кривизны второй кривой, при чемъ особенно сильно тенденція эта обнаруживалась у слѣпыхъ.

Пространственныя воспріятія слѣпыхъ были изслѣдованы мною еще и другимъ способомъ, именно съ помощью *воспроизведенія.*

Какъ и при опытахъ со сравненіемъ, воспроизведеніе происходило или съ помощью того же самаго движенія, что и ощупываніе, или же съ помощью движеній указательнаго пальца. Опыты были сдѣланы надъ воспроизведеніемъ прямыхъ линій, угловъ и кривыхъ. Прежде всего опишемъ опыты съ воспроизведеніемъ прямыхъ линій. Изъ толстой бристольской бумаги были вырѣзаны 2 десятка полосъ; въ первый десятокъ входили полосы отъ 10 до 50 стм., отличавшіяся другъ отъ друга на 5 стм. (въ 25 стм. было 2 полосы). Второй десятокъ составляли полосы отъ 2 до 10 стм. (въ 7 стм. было 2 полосы). Полосы эти клались передъ испытуемымъ на листѣ бѣлой бумаги вдоль начерченной на этомъ листѣ линіи. Изслѣдователь бралъ руку испытуемаго и ставилъ пальцы его на начальную или (при опытахъ съ противопоставленіемъ указательныхъ пальцевъ) на начальную и конечную точки фигуры. Испытуемый ощупывалъ ее тѣмъ или инымъ, заранѣе указаннымъ, движеніемъ (если ощупываніе производилось съ помощью движеній указательнаго пальца, то скорость ихъ была приблизительно около 5 стм. въ секунду). Затѣмъ ощупанная полоса убиралась и на мѣсто ея клалась другая, значительно большей длины. На этой второй полосѣ испытуемый долженъ былъ отложить съ помощью опредѣленнаго движенія длину первой. Промежутки между обоими движеніями были большей частью отъ 2—3 секундъ, каждый сеансъ продолжался отъ 20 мин. до $^1/_2$ часа съ двумя перерывами по 2—3 минуты каждый. Испытанія производились надъ слѣпыми дѣвочками въ возрастѣ отъ 10-ти до 19-ти лѣтъ. Было изслѣдовано 20 дѣвочекъ, средній возрастъ которыхъ былъ 14,3 года. Параллель-

ныя изслѣдованія были произведены надъ зрячими дѣвочками, воспитанницами одной изъ патріотическихъ школъ. Зрячихъ дѣвочекъ было 18, приблизительно въ такомъ же возрастѣ, т. е. отъ 10 до 19-ти лѣтъ, средній возрастъ которыхъ былъ 13,8. Всѣми испытуемыми было сдѣлано около 1900 воспроизведеній линій различной длины. Пріемы изслѣдованія слѣпыхъ и зрячихъ были, конечно, совершенно одинаковы—съ тѣмъ только различіемъ, что зрячимъ завязывались глаза.

Послѣ производства нѣсколькихъ предварительныхъ опытовъ, для ознакомленія съ общимъ характеромъ изслѣдованія, каждой дѣвочкѣ прежде всего были даны полосы бристольской бумаги, длиною отъ 5 до 50 стм. Полосы предлагались въ опредѣленномъ порядкѣ, тожественномъ для всѣхъ. Длина каждой полосы воспроизводилась непосредственно (т. е. черезъ 2—3 секунды) послѣ ощупыванія ея движеніемъ указательнаго пальца по линейкѣ изъ бристольской же бумаги, при чемъ изслѣдователь придавалъ пальцу испытуемой то же начальное положеніе, какое было при ощупываніи полосы (если испытуемая начинала чертить полосу не отъ точки, отъ которой начала ощупываніе, то ошибка получалась значительно больше. Такъ, по двукратномъ ощупываніи линіи, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, получалась значительно большая точность, чѣмъ при однократномъ. Если же воспроизведенная линія начиналась на 10 стм. правѣе или лѣвѣе отъ того мѣста, отъ котораго начиналось ощупываніе, то по двукратномъ ощупываніи получалась ошибка, въ $1^1/_2$—2 раза превосходившая ошибку при однократномъ ощупываніи, если послѣднее производилось при условіи сохраненія начальнаго положенія. Фактъ этотъ является однимъ изъ доказательствъ того, что при воспріятіи формъ съ помощью осязательныхъ ощущеній въ высшей степени важную роль играютъ такіе субъективные моменты, какъ то или другое положеніе ощупывающихъ членовъ по отношенію ко всему тѣлу.

Ошибки при этихъ опытахъ получились слѣдующіе (плюсомъ отмѣчался перевѣсъ воспроизведенной линіи надъ ощупанной, минусомъ — обратный случай): (см. табл. на стр. 80).

Мы видимъ, что, какъ въ общей сложности, такъ и для каждой данной линіи величина ошибокъ слѣпыхъ въ среднемъ больше, чѣмъ зрячихъ. Кромѣ того можно отмѣтить, что у слѣпыхъ обнаружилась тенденція къ переоцѣнкѣ второй линіи. Подобное же явленіе обнаружилось у нихъ при сравненіи линій (см. табл. на стр. 74).

Вторая группа изслѣдованій касалась воспроизведенія взаимнаго положенія двухъ пальцевъ одной руки. Въ практикѣ при воспріятіи

Длина линій въ стм.	Слѣпые. (19 испытуемыхъ).	Зрячіе. (18 испытуемыхъ).
40	83 (+31; — 52)	53 (+28; — 25)
20	46 (+19; — 27)	41,5 (+29,5; — 12)
35	75 (+35; — 40)	62 (+29; — 33)
15	44 (+19; — 25)	33,5 (+21; — 12,5)
45	71 (+29; — 42)	62 (+18; — 44)
25	64 (+22; — 42)	40 (+28; — 12)
30	57 (+29; — 28)	50 (+19; — 31)
10	49 (+28; — 21)	38,5 (+27; — 11,5)
25	64 (+39, — 25)	31 (+12; — 19)
5	37 (+33; — 4)	20 (+18; — 2)
Общая сумма.	590 (+284; — 306)	431,5 (+229,5; — 202)
Въ среднемъ.	3,1	2,4

сложныхъ пространственныхъ соотношеній это движеніе производится, несомнѣнно, гораздо чаще, чѣмъ ощупываніе съ помощью движеній одного указательнаго пальца. Чаще всего противопоставляется большой палецъ четыремъ остальнымъ, при чемъ обыкновенно особенное вниманіе сосредоточивается на ощущеніяхъ относительнаго положенія двухъ пальцевъ, именно большого и указательнаго. Представляло, поэтому, существенный интересъ изслѣдовать воспріятія относительныхъ положеній этихъ двухъ пальцевъ. Испытуемымъ давались въ опредѣленномъ порядкѣ полосы длиною отъ 2 до 10 стм.; каждая полоса отмѣривалась противопоставленіемъ большого указательному пальцу; затѣмъ испытуемый приглашался запомнить разстояніе между этими пальцами. Послѣ этого полоса отнималась и испытуемый долженъ былъ на полоскѣ бристольской бумаги, положенной на мѣсто первой, вос-

произвести данную длину противоположеніемъ тѣхъ же двухъ пальцевъ.

Результаты получились слѣдующіе:

Длина линій въ стм.	Слѣпые. (19 испытуемыхъ).	Зрячіе. (18 испытуемыхъ).
8	19,5 (+13; — 6,5)	13 (+7; — 6)
4	14 (+10; — 4)	12,5 (+12; — 0,5)
7	18 (+7,5; — 10,5)	10 (+8; — 2)
3	9 (+8; — 1)	8 (+7; — 1)
9	18 (+6; — 12)	15 (+3,5; — 11,5)
5	11,5 (+8,5; — 3)	10 (+7; — 3)
6	13,5 (+7,5; — 6)	9 (+7,5; — 1,5)
2	11 (+10; — 1)	8,5 (+8,5)
5	11,5 (+5; — 6,5)	7,5 (+5,5; — 2)
7	18,5 (+15,5; — 3)	7,5 (+5,5; — 2)
Общая сумма.	144,5 (+91; — 53,5)	101 (+71,5; — 29,5)
Въ среднемъ.	0,8	0,6

Изъ таблицы видно, что, какъ въ общей сложности, такъ и для отдѣльныхъ линій величина ошибокъ у слѣпыхъ больше, чѣмъ у зрячихъ.

Третья группа касалась воспроизведенія относительнаго положенія указательныхъ пальцевъ обѣихъ рукъ. Испытуемому давались полосы отъ 5—50 стм. Указательный палецъ лѣвой руки ставился на лѣвый конецъ полосы, указательный палецъ правой—на правый ея конецъ. Испытуемый долженъ былъ запомнить разстояніе между обоими указательными пальцами, а затѣмъ съ помощью противопоставленія тѣхъ

же двухъ пальцевъ воспроизвести данную длину на полоскѣ бристольской бумаги, положенной на мѣсто первой.

Длина линій въ стм.	Слѣпые. (20 испытуемыхъ).	Зрячіе. (18 испытуемыхъ).
40	70,5 (+ 35,5; − 35)	43 (+ 33; − 10)
20	34 (+ 12; − 22)	27 (+ 17; − 10)
35	51 (+ 15; − 36)	41 (+ 19; − 22)
15	31 (+ 10; − 21)	44 (+ 38; − 6)
45	53 (− 53)	32 (+ 8; − 24)
25	45 (+ 6; − 39)	31 (+ 13; − 18)
30	33 (+ 2; − 31)	35 (+ 11; − 24)
10	28 (+ 23; − 5)	36 (+ 32; − 4)
25	44 (+ 3; − 41)	27 (+ 11; − 16)
5	36 (+ 31; − 5)	36 (+ 36)
Общая сумма.	421,5 (+ 137.5; − 288)	352 (+ 218; − 134)
Въ среднемъ.	2,1	1,9

Какъ въ общей сложности, такъ и для большей части отдѣльныхъ линій *величина ошибокъ у слѣпыхъ опять больше, чѣмъ у зрячихъ*. Аналогично результатамъ первой серіи опытовъ у слѣпыхъ обнаружилась, кромѣ того, сильная *тенденція къ переоцѣнкѣ* воспроизведенной линіи (т. е. самостоятельно начерченной), воспроизведенная линія чаще укорачивалась, т. е. переоцѣнивалась. Въ связи съ этимъ находится тотъ фактъ, что для линій сравнительно меньшаго размѣра величина ошибокъ у слѣпыхъ была нѣсколько меньше, чѣмъ у зрячихъ. Для объясненія послѣдняго явленія нужно припомнить фактъ, отмѣченный изслѣдователями, спеціально работавшими надъ

вопросомъ о воспроизведеніи длины линій. М. Фалькъ [1]) при опытахъ, произведенныхъ надъ самимъ собою, нашелъ, что въ случаяхъ маленькаго движенія (до 1,5 стм.) воспроизведенное движеніе большею частью оказывалось больше первоначальнаго, при воспроизведеніи же большаго движенія (около 20 стм.) получалось обратное явленіе. При воспроизведеніи средняго движенія (около 10 стм.) не получалось постоянныхъ ошибокъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Аналогичное явленіе отмѣчаютъ также Фуллертонъ и Каттель [2]). У всѣхъ испытуемыхъ обнаружилась та же тенденція, но въ различной степени— моментъ перехода изъ положительной въ отрицательную ошибку (наблюдавшійся у М. Фалька при 10 стм.) у различныхъ испытуемыхъ былъ различный. Даже у одного и того же лица онъ представлялъ рѣзкія колебанія, мѣняясь, напримѣръ, при различныхъ опытахъ отъ 300 до 700 млм. Итакъ, хотя и въ различной степени, все же при воспроизведеніи длинныхъ линій сказывается тенденція къ укороченію, при воспроизведеніи короткихъ—къ удлинненію. Слѣпые, какъ мы видѣли, вообще обнаруживаютъ особенную склонность къ *переоцѣнкѣ* второй линіи, т. е. къ ея укороченію. При короткихъ линіяхъ тенденція эта компенсируется общею тенденціею къ удлинненію короткихъ линій, въ результатѣ чего ошибки слѣпыхъ бываютъ сравнительно меньше при короткихъ, чѣмъ при длинныхъ линіяхъ.

Такимъ образомъ была изслѣдована точность воспроизведенія линій съ помощью движеній одного пальца и съ помощью противопоставленія большого указательному и обоихъ указательныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ *воспроизведеніе совершалось посредствомъ тѣхъ движеній, что и ощупываніе*. Дальнѣйшія изслѣдованія касались отношенія осязательныхъ воспріятій, полученныхъ однимъ способомъ, къ передачѣ ихъ помощью другихъ движеній; другими словами, изслѣдованія эти имѣли въ виду выяснить точность *перевода съ одного осязательнаго языка на другой*.

Въ качествѣ основного языка для сравненія была избрана передача воспріятій съ помощью движеній одного указательнаго пальца. Осязательныя воспріятія, полученныя посредствомъ другихъ осязательныхъ движеній, должны были быть выражены въ этой формѣ. Техника

[1]) *Falk*. Versuche über die Raumschätzung mit Hülfe von Armbewegungen.

[2]) *Fullerton* и *Cattell*. On the perception of small Differences, with special reference to the Extent, Force and Time of Movement. University of Pennsylvania, Philosophical series. № 2. 1892.

опытовъ оставалась тою же самою. Сначала давались линіи длиною отъ 2—10 стм., ощупанныя посредствомъ противопоставленія большого указательному пальцу. Длина воспринятой линіи передавалась затѣмъ съ помощью движенія одного указательнаго пальца правой руки.

Длина линій въ стм.	Слѣпые. (19 испытуемыхъ).	Зрячіе. (18 испытуемыхъ).
8	51,5 (+4,5; —47)	30 (+11; —19)
4	25,5 (+8; —17,5)	14 (+10; —4)
7	44 (+9,5; —34,5)	24,5 (+4; —20,5)
3	15 (+7; —8)	10,5 (+9,5; —1)
9	55 (+4,5; —50,5)	24,5 (+5; —19,5)
5	25,5 (+8,5; —17)	16,5 (+12; —4,5)
6	28,5 (+6; —22,5)	14,5 (+8; —6,5)
2	14 (+10; —4)	9,5 (+9,5)
5	20 (+5,5; —14,5)	18 (+12; —6)
7	18 (+14,5; —3,5)	10,5 (+8,5; —2)
Общая сумма.	297 (+78; —219)	172,5 (+89,5; —83)
Въ среднемъ.	1,6	1,0

Какъ въ общей сложности, такъ и для отдѣльныхъ линій величина ошибокъ у слѣпыхъ больше, чѣмъ у зрячихъ. Нужно отмѣтить, что въ данномъ случаѣ различіе между слѣпыми и зрячими сравнительно больше, чѣмъ въ трехъ предшествующихъ группахъ опытовъ.

Совершенно аналогичное изслѣдованіе было произведено и относительно отмѣриваній, произведенныхъ указательными пальцами обѣ-

ихъ рукъ. Какъ и раньше, для этой цѣли брались разстоянія бóльшія, чѣмъ для предыдущей серіи, а именно отъ 5 до 50 стм.

Воспроизведеніе происходило съ помощью движеній указательнаго пальца правой руки.

Длина линій въ стм.	Слѣпые. (20 испытуемыхъ).	Зрячіе. (18 испытуемыхъ).
40	151 (+1; —150)	72 (+1; —71)
20	103 (+8; —95)	54 (+18; —36)
35	153 (—153)	67 (+4; —63)
15	81 (+14; —67)	41 (+10; —31)
45	170 (—170)	95 (—95)
25	95 (+9; —86)	40 (+15; —25)
30	116 (+2; —114)	58 (—58)
10	55 (+34; —21)	27 (+17; —10)
25	126 (+8; —118)	48 (+8; —40)
5	45 (+36; —9)	20 (+18; —2)
Общая сумма.	1.095 (+112; —983)	522 (+91; —431)
Въ среднемъ.	5,5	3,1

Какъ въ общей сложности, такъ и для каждой линіи въ частности величина ошибокъ больше, чѣмъ у зрячихъ, при чемъ различіе между слѣпыми и зрячими сказывается въ данномъ случаѣ особенно рѣзко.

Итакъ, средняя величина ошибокъ при всѣхъ пяти группахъ опытовъ съ воспроизведеніемъ у слѣпыхъ и у зрячихъ выражается слѣдующими цифрами:

Воспроизведеніе линій.	Слѣпые.	Зрячіе.	Отношеніе велич. ошибокъ у слѣпыхъ къ вел. у зрячихъ.	Разность въ велич. ошибокъ у слѣпыхъ и зрячихъ.
Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца линій 5—50 стм.	3,1	2,4	1,3:1,0	0,7
Ощупываніе и воспроизведеніе противопоставленіемъ большого указательному пальцу линій 2—10 стм.	0,8	0,6	1,3:1,0	0,2
Ощупываніе и воспроизведеніе указательными пальцами обѣихъ рукъ линій 5—50 стм. . . .	2,1	1,9	1,1:1,0	0,2
Ощупываніе противопоставленіемъ большого указательному пальцу, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца линій 2—10 стм.	1,6	1,0	1,6:1,0	0,6
Ощупываніе указательными пальцами обѣихъ рукъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца линій 5—50 стм.	5,5	3,1	1,8:1,0	2,4

Сопоставляя результаты, полученные при сравненіи линій, съ одной, и при воспроизведеніи линій, съ другой стороны, мы получаемъ слѣдующіе выводы.

Слѣпые какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ обнаружили *меньшую точность воспріятія*, чѣмъ зрячіе. *Въ первомъ случаѣ количество ошибокъ, во второмъ величина ошибокъ у нихъ больше, чѣмъ у зрячихъ.* Слѣдовательно, зрѣніе играетъ роль какъ бы воспитателя осязательныхъ воспріятій, при наличности его осязательныя воспріятія получаютъ большую точность и опредѣленность.

Переходя затѣмъ къ частностямъ, мы можемъ отмѣтить слѣдующіе факты: 1) у *слѣпыхъ* наблюдается въ большей степени, чѣмъ у зрячихъ *тенденція къ переоцѣнкѣ при сравненіи—второй* изъ сравниваемыхъ, *при воспроизведеніи—воспроизводимой* (т. е. самостоятельно чертимой) линіи; такая же тенденція отмѣчается у нихъ и при сравненіи кривизны кривыхъ.

Тенденція къ переоцѣнкѣ второй длины проявляется у слѣпыхъ особенно рѣзко при воспроизведеніи: объясняется это тѣмъ, что слѣпые вообще производятъ движенія съ меньшею рѣшительностью и увѣренностью, чѣмъ зрячіе. Такъ какъ воспроизведеніе требуетъ сравнительно большей активности, чѣмъ сравненіе, то черта эта, естественно, сказывается у слѣпыхъ сильнѣе при воспроизведеніи, чѣмъ при сравненіи.

2) Сопоставляя въ послѣдней таблицѣ два послѣднихъ ряда съ тремя первыми, мы видимъ, что сравнительно особенно большими оказываются у слѣпыхъ ошибки въ томъ случаѣ, если приходится линіи, ощупанныя однимъ движеніемъ, выражать съ помощью другого движенія. Другими словами,—въ области осязательныхъ воспріятій *переводъ съ одного языка на другой является для слѣпыхъ болѣе затруднительнымъ, чѣмъ для зрячихъ.* При опытахъ со сравненіемъ мы не могли, однако, отмѣтить этого факта. Объясненіе послѣдняго обстоятельства не представляетъ особенныхъ затрудненій. При опытахъ съ воспроизведеніемъ испытуемому приходится совершенно самостоятельно возстановлять величину ощупанной имъ фигуры—совершать переводъ съ одного языка на другой. Опыты со сравненіемъ, конечно, гораздо легче, тутъ ему много какъ бы подсказывается, вторая фигура предлагается ему уже готовою и онъ долженъ только при своихъ оцѣнкахъ сообразоваться съ ея измѣненіями. При этомъ главное вниманіе направляется часто на вторую фигуру. Справедливость такого предположенія подтверждается тѣмъ, что при различіи въ способѣ ощупыванія первой и второй фигуры, при чемъ вторая ощупывается самымъ простымъ способомъ — движеніемъ указательнаго пальца — процессъ сравненія другъ съ другомъ вторыхъ фигуръ имѣетъ тенденцію вытѣснить болѣе затруднительный процессъ сравненія первой фигуры съ соотвѣтствующей ей второй (ср. вторую, четвертую и шестую группу опытовъ со сравненіемъ—сравненіе прямыхъ, угловъ и кривыхъ, ощупанныхъ различными способами). Тотъ фактъ, что слѣпые хуже, чѣмъ зрячіе, переводятъ одинъ осязательный языкъ на другой, подтверждается еще и другими произведенными мною опытами.

Опыты эти касаются воспроизведенія слѣпыми и зрячими угловъ и кривыхъ. Углы были троякой величины: въ 45°, 90° и 135°. Ихъ было двѣ серіи—три угла съ длиною сторонъ въ 15 стм. и три угла съ длиною сторонъ въ 5 стм. Кривыя представляли различныя части правильныхъ окружностей, описанныхъ различными радіусами. Ихъ тоже было двѣ серіи. Въ первой длина хорды была 8 стм., во

второй 16 стм. Ощупывалась часть окружности, стянутая данною хордою. Въ первой серіи окружности были описаны радіусами въ 4, 8 и 18 стм., такъ что при одинаковой длинѣ хорды (въ 8 стм.) соотвѣтствующія дуги заключали 180°, 60° и 26°. Во второй серіи дуги были описаны радіусами въ 8, 16 и 36 стм. Хорда была взята въ 16 стм., такъ что соотвѣтствующія дуги заключали въ себѣ столько же градусовъ, сколько въ первой, т. е. 180°, 60° и 26°. Первая серія угловъ и кривыхъ употреблялась для ощупыванія съ помощью большого и указательнаго пальца той же руки, вторая для ощупыванія указательными пальцами обѣихъ рукъ. Испытуемые были тѣ же самые, что и при опытахъ съ воспроизведеніемъ прямыхъ. Изслѣдовано было 20 (въ нѣкоторыхъ случаяхъ 19) слѣпыхъ и 18 зрячихъ, каждая изъ испытуемыхъ сдѣлала около 36 опытовъ, всего, слѣдовательно, было воспроизведено около 1.400 угловъ и кривыхъ. Вышеописанныя фигуры клались на листъ бѣлой бумаги, испытуемая ощупывала фигуру, заранѣе указаннымъ движеніемъ, начиная съ какой-нибудь опредѣленной точки. Затѣмъ фигура убиралась, концы пальцовъ, которые должны были начертить фигуру, приводились изслѣдователемъ въ соприкосновеніе съ мелко истертымъ угольнымъ порошкомъ, помѣщеннымъ около самаго листа бѣлой бумаги, затѣмъ рука испытуемой клалась на ту точку, съ которой она непосредственно передъ тѣмъ начала обведеніе, и испытуемая воспроизводила только что ощупанный контуръ данной фигуры (съ тою же самою скоростью, какъ производилось ощупываніе). Получалась начерченная углемъ фигура, съ болѣе или менѣе толстыми линіями: по ходу этихъ толстыхъ линій, на серединѣ ихъ толщины, немедленно чертилась экспериментаторомъ линія карандашомъ.

Въ нижеприведенной таблицѣ приведены среднія ариѳметическія ошибокъ по отношенію къ каждой серіи, состоявшей изъ 3 фигуръ. Нужно, однако, отмѣтить, что при этихъ опытахъ намъ встрѣтились большія затрудненія, которыя могли бы поколебать достовѣрность полученныхъ изъ нихъ результатовъ. Мы приводимъ ихъ въ виду того, что они подтверждаютъ положенія, установленныя на основаніи другихъ изслѣдованій.

Затрудненія, о которыхъ я говорю, слѣдующаго рода: 1) фигуры воспроизводились очень неправильно, напримѣръ, углы закруглялись, или стороны ихъ чертились не какъ прямыя, а какъ ломанныя линіи, кривыя имѣли въ различныхъ частяхъ своихъ различную кривизну и т. д.; 2) у одного и того же индивидуума наблюдались чрезвычайно

рѣзкія колебанія, но представлявшія никакой закономѣрности и въ значительной степени, повидимому, зависѣвшія отъ различныхъ случайностей. У многихъ испытуемыхъ обнаруживалась тенденція при воспроизведеніи нивелировать различія воспринятыхъ ими фигуръ: такъ острые (въ 45°) и тупые (въ 135°) углы воспроизводились почти какъ прямые. Иногда эта тенденція заходила такъ далеко, что острые углы при воспроизведеніи выходили даже тупыми. Аналогичное явленіе наблюдалось и по отношенію къ кривымъ. Это обстоятельство, конечно, очень затрудняло оцѣнку значенія сдѣланныхъ при воспроизведеніи ошибокъ.

Въ виду перваго изъ указанныхъ фактовъ очень трудно бывало иногда опредѣлить величину начерченнаго угла—приходилось изслѣдователю самому уничтожать закругленія, замѣнять ломаную прямою, и т. д. Экспериментаторъ чертилъ при этомъ уголъ, наиболѣе близко подходившій къ тому, который былъ начерченъ испытуемымъ. Необходимо указать, какъ производилось вычисленіе ошибокъ при кривыхъ. Чтобы подвергнуть результаты изслѣдованія сравнительному количественному опредѣленію, конечно, необходимо было замѣнить воспроизведенную испытуемымъ неправильную кривую правильною, болѣе или менѣе близко подходящею къ начерченной. Съ этой цѣлью было заготовлено 30 кружковъ, описанныхъ различными радіусами.

Подбирался такой кружокъ, кривизна котораго лучше всего подходила бы къ кривизнѣ начерченной дуги. Иногда, если кривизна начерченной дуги рѣзко отличалась въ различныхъ своихъ частяхъ, приходилось подбирать два кружка—одинъ для одной, другой для другой кривизны. Послѣ того, какъ кружокъ былъ подобранъ, длина начерченной линіи уравнивалась, по окружности кружка, съ длиною заданной (съ помощью отмѣриванія ниткою опредѣленной длины). Затѣмъ опредѣлялось, сколько градусовъ заключалось въ правильной дугѣ, вычерченной по окружности кружка, подобраннаго къ формѣ начерченной линіи (при чемъ, какъ мы сказали, длина этой правильной дуги была уравнена съ длиною заданной). Бралась разность въ количествѣ градусовъ начерченной и заданной, которая и служила выраженіемъ величины ошибки. Нужно замѣтить, что такая именно оцѣнка ошибки—по разности въ числѣ градусовъ между дугами заданной и начерченной, уравненныхъ по длинѣ, соотвѣтствовала непосредственной оцѣнкѣ ошибки на глазъ.

Изслѣдованія съ углами и кривыми были произведены совершенно аналогично тому, какъ съ линіями, конечно, съ тою только разни-

цею, что въ тѣхъ случаяхъ, когда длина линіи опредѣлялась противопоставленіемъ пальцевъ, форма угла или кривой опредѣлялась движеніемъ противопоставленныхъ пальцевъ. То же самое нужно отмѣтить и относительно воспроизведенія этихъ фигуръ.

Ограничусь здѣсь краткою передачею результатовъ даннаго изслѣдованія.

Воспроизведеніе угловъ.	Слѣпые.	Зрячіе.	Отношеніе велич. ошибокъ у слѣпыхъ къ вел. у зрячихъ.	Разность въ велич. ошибокъ у слѣпыхъ и зрячихъ.
Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца угловъ съ длиною сторонъ въ 5 стм.	29,1	22,1	1,3:1,0	7,0
Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца угловъ съ длиною сторонъ въ 15 стм.	24,5	18,8	1,3:1,0	5,7
Ощупываніе и воспроизведеніе одновременнымъ движеніемъ большого и указательнаго пальцевъ (длина сторонъ 5 стм.)	29,8	25,4	1,2:1,0	4,4
Ощупываніе и воспроизведеніе указательными пальцами обѣихъ рукъ (длина сторонъ 15 стм.)	25,6	24,2	1,1:1,0	1,4
Ощупываніе одновременнымъ движеніемъ большого и указательнаго пальцевъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца (длина сторонъ 5 стм.)	35,8	20,5	1,7:1,0	15,3
Ощупываніе одновременнымъ движеніемъ указательныхъ пальцевъ обѣихъ рукъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца (длина сторонъ 15 стм.)	30,8	23,3	1,3:1,0	7,5

Воспроизведеніе кривыхъ.	Слѣпые.	Зрячіе.	Отношеніе велич. ошибокъ у слѣпыхъ къ вел. у зрячихъ.	Разность въ велич. ошибокъ у слѣпыхъ и зрячихъ.
Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца кривыхъ съ хордою въ 8 стм.	79	47,4	1,7:1,0	31,6
Ощупываніе и воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца кривыхъ съ хордою въ 16 стм.	62,6	40,5	1,5:1,0	22,1
Ощупываніе и воспроизведеніе одновременнымъ движеніемъ большого и указательнаго пальцевъ (съ хордою въ 8 стм.)	83,9	56,1	1,5:1,0	27,8
Ощупываніе и воспроизведеніе указательными пальцами обѣихъ рукъ (хорда 16 стм.). . . .	88,9	51,1	1,7:1,0	37,8
Ощупываніе одновременнымъ движеніемъ большого и указательнаго пальцевъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца (хорда 8 стм.)	93,1	56,9	1,6:1,0	36,2
Ощупываніе одновременнымъ движеніемъ указательныхъ пальцевъ обѣихъ рукъ, воспроизведеніе движеніемъ указательнаго пальца (хорда 16 стм.).	100,9	59,2	1,7:1,0	41,7

Изъ приведенныхъ таблицъ мы видимъ, что 1) во всѣхъ случаяхъ слѣпые дѣлали при воспроизведеніи *большія ошибки, чѣмъ зрячіе*, 2) особенно велики были ошибки у слѣпыхъ (см. разности въ величинѣ ошибокъ у слѣпыхъ и у зрячихъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось углы и кривыя, *воспринятыя съ помощью* одного *движенія, передавать* съ *помощью другого* (для угловъ—15,3 и 7,5; для кривыхъ—36,2 и 41,7).

А. Крогіусъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НИЩІЕ ВЪ ШКОЛѢ.

(Замѣтка).

Село Путилово, Шлиссельбургскаго уѣзда, съ прилегающими къ нему селеніями: Горной Шальдихой, Петровщиной и Воловщиной, раскинувшееся на протяженіи, въ длину, верстъ на 5, на 6, по своимъ каменнымъ, крытымъ тесомъ и желѣзомъ, постройкамъ и количеству населенія (4.511 жителей обоего пола) представляетъ собою скорѣе городъ, мѣстечко, а не село или деревню [1]).

Въ отношеніи народнаго образованія селенія эти также представляютъ собою явленіе необыкновенное, по крайней мѣрѣ, въ Россіи. Въ 1897 году праздновался 50-лѣтній юбилей Путиловскаго 2-класснаго министерскаго училища, основаннаго въ 1847 г. крестьянами этихъ селеній. Въ память юбилея эти крестьяне, 2-го ноября 1897 г., составили приговоръ о введеніи у нихъ всеобщаго обязательнаго обученія. Согласно отчету Шлиссельбургскаго уѣзднаго училищнаго совѣта за 1897 г., еще тогда въ этихъ селеніяхъ „всеобщее обученіе почти уже существовало, и только немногія дѣти, по крайней бѣдности, лишены были возможности посѣщать училище". Вслѣдствіе упомянутаго приговора, передъ началомъ каждаго учебнаго года старосты названныхъ селеній, получивъ каждый по своему селенію отъ волостного правленія составленный мѣстнымъ причтомъ списокъ дѣтей, достигшихъ въ данномъ году учебнаго возраста, объявляютъ родителямъ этихъ дѣтей о наступившей для послѣднихъ очереди посѣщать школу.

Въ Путиловскомъ 2-классномъ училищѣ [2]), въ годы плохихъ зара-

[1]) Противъ волостного правленія въ Путиловѣ даже поставленъ памятникъ Александру II.

[2]) Въ виду переполненія учащимися этого училища, въ минувшемъ учебномъ

ботковъ мѣстнаго населенія, наблюдается тотъ фактъ, что нѣкоторые учащіеся занимаются нищенствомъ. Господствующій же въ Путиловѣ и окрестныхъ селеніяхъ промыселъ плитный, т. е. ломка и обтеска плиты. Промыселъ этотъ за послѣднее время здѣсь падаетъ, преимущественно вслѣдствіе застоя въ строительномъ дѣлѣ и конкурренціи съ путиловской плитою ревельской плиты [1]).

Подъ вліяніемъ нужды, родители и посылають дѣтей своихъ нищенствовать. Дѣти, стыдясь идти просить милостыню, обыкновенно сначала отказываются,—часто съ плачемъ,—и идутъ, только уступая настоятельнымъ требованіямъ родителей, впослѣдствіи же мало-помалу втягиваются въ нищенство и, привыкнувъ къ нему, находять въ немъ даже удовольствіе.

Въ минувшемъ учебномъ году всѣхъ учащихся въ Путиловскомъ 2-классномъ министерскомъ училищѣ состояло 292 человѣка; изъ нихъ въ первомъ классѣ 251 и во второмъ 41. Нищихъ въ первомъ классѣ 13 человѣкъ или болѣе 5%. Во второмъ классѣ нищихъ не было, такъ какъ дѣти бѣдныхъ родителей обыкновенно заканчиваютъ свое образованіе въ первомъ классѣ, не рѣшаясь продолжать его во второмъ.

Изъ 13 учениковъ-нищихъ 9 человѣкъ сироты,—отца не имѣютъ, остальные четверо имѣютъ отцовъ. О тяжеломъ матеріальномъ положеніи учениковъ-нищихъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ:

1. Филиппъ,—11 лѣтъ. Отца нѣтъ. Мать работаетъ на пороховомъ заводѣ (верстахъ въ 30—35 отъ Путилова). При ней находится и дочь 8 лѣтъ. Другая дочь, 14 лѣтъ, служитъ въ нянькахъ, Филиппъ живетъ въ чужомъ домѣ, у одной бѣдной женщины.

2. Александра,—12 лѣтъ. Дѣвочка тихая, застѣнчивая, плохо слышитъ. Отца нѣтъ. Братъ 9 лѣтъ, нѣмой; одной сестрѣ 3 года, другой 6. Мать—женщина трудолюбивая, но зимой не находитъ себѣ заработка. Хожденіе дочери „по кусочкамъ" сильно тяготитъ какъ мать, такъ и дочь.

3. Павелъ,—11 лѣтъ. Имѣетъ отца 45 лѣтъ, мать 35—37 лѣтъ. Отецъ больной и работать не въ силахъ, вслѣдствіе чего и самъ иногда собираетъ милостыню. Мальчикъ собирать милостыню ходитъ

году открыты два земскихъ начальныхъ училища: одно для Горной Шальдихи, а другое для Петровщины; сверхъ того открыто городское училище по положенію 1872 года.

[1]) Впрочемъ, лѣтомъ текущаго года плитный промыселъ въ Путиловѣ нѣсколько поднялся, вслѣдствіе усилившагося спроса на плиту (для постройки Охтенскаго моста въ Петербургѣ и другихъ построекъ).

вмѣстѣ съ братомъ 7 лѣтъ и сестрой 8. Послѣдніе въ школу не ходятъ.

4. Семенъ,—12 лѣтъ; имѣетъ отца 48 лѣтъ, мать 36 лѣтъ, бабушку 80 лѣтъ, сестру 14 лѣтъ (живетъ въ нянькахъ), сестру девяти лѣтъ (собираетъ милостыню), брата 5 лѣтъ, сестру 3 лѣтъ и сестру 1 года. Всего въ семействѣ 9 душъ. Отецъ занимается тоской плиты, но, вслѣдствіе упадка плитнаго промысла, не въ состояніи прокормить семьи.

По праздникамъ ученики-нищіе стоятъ у церкви, гдѣ тогда собирается не одинъ десятокъ нищихъ разнаго пола и возраста. Въ будни, взявши въ руки корзинку, ученики-нищіе ходятъ собирать милостыню до или послѣ уроковъ, иногда, впрочемъ, между уроками, въ большую перемѣну, и даже во время уроковъ, по своей деревнѣ или по сосѣднимъ, отправляясь нерѣдко верстъ за 5, за 6. Съ просьбами о милостынѣ нѣкоторые изъ нихъ обращаются и къ учителямъ училища, при встрѣчѣ ихъ въ церкви или заходя къ нимъ на домъ; другіе же стараются скрыть отъ нихъ свое занятіе нищенствомъ. Нѣкоторые, напримѣръ, пропуская уроки, вслѣдствіе хожденія для сбора милостыни, объясняютъ учителю эти пропуски головною болью.

Нищимъ въ здѣшней мѣстности подаютъ обыкновенно хлѣбъ, рѣдко деньги, старую одежду, обувь. Мѣстное населеніе, въ значительной своей части, не особенно дружелюбно относится къ нищимъ, указывая на то, что среди послѣднихъ нѣкоторые живутъ въ большемъ довольствѣ сравнительно съ крестьянами, которые трудомъ снискиваютъ себѣ пропитаніе. Подобное отношеніе къ себѣ испытываютъ и дѣти-нищіе. Нѣкоторые учащіеся стараются избѣгать сношеній съ своими товарищами-нищими и какъ будто брезгливо относятся къ нимъ.

За день нищій можетъ собрать среднимъ количествомъ 8—10 фунтовъ хлѣба. Хлѣбъ продается нищими копѣйки по 1½ за фунтъ и дешевле. Слѣдовательно, дневная выручка нищаго около 15 коп.

Часто видишь,—разсказываютъ мѣстные жители,—какъ нищіе-ученики, на собранныя ими по міру деньги, покупаютъ сласти, чего прочіе ученики, въ большинствѣ случаевъ, не дозволяютъ себѣ. Представляя, вообще, возможность имѣть собственныя деньги и пользоваться ими, нищенство этимъ, безъ сомнѣнія, подкупаетъ дѣтей въ свою пользу.

Учатся нищіе или посредственно или плохо, такъ какъ не имѣютъ достаточно времени для подготовленія уроковъ, а иногда, особенно въ родительскія субботы, во время похоронъ богатыхъ, и вовсе не посѣщаютъ училища.

При Путиловскомъ 2-классномъ министерскомъ училищѣ имѣется пріютъ для бѣдныхъ дѣтей, въ которомъ въ минувшемъ учебномъ году содержалось 10 дѣтей, путиловскихъ и постороннихъ. Въ видахъ борьбы противъ нищенства учениковъ, не представляется-ли необходимымъ расширить дѣятельность этого пріюта [1])?

Впрочемъ, помощь, оказываемая дѣтямъ пріютомъ, не всегда можетъ избавить ихъ отъ нищенства, такъ какъ послѣднее вызывается бѣдностью семьи и доставляетъ пропитаніе не только имъ самимъ, но и семьямъ ихъ, а въ пріютѣ получаютъ пропитаніе только они сами. Нѣкоторымъ нищимъ-ученикамъ, чтобы избавить ихъ отъ необходимости нищенствовать, предоставляли пользоваться пищею въ пріютѣ, но черезъ нѣсколько дней они отказывались отъ этого и снова ходили по міру. Такъ поступали они по приказанію матерей, вслѣдствіе того, что, съ прекращеніемъ нищенства дѣтей, опредѣленныхъ въ пріютъ, прочіе члены ихъ семьи оставались безъ куска хлѣба [2]). Такимъ образомъ, когда нужда выгоняетъ дѣтей-учениковъ нищенствовать и безъ помощи съ ихъ стороны семьямъ ихъ грозитъ голодная смерть, тогда необходима матеріальная поддержка не только самимъ ученикамъ, но и семьямъ. Чтобы придти на помощь школѣ, необходимо, слѣдовательно, придти на помощь и семьѣ, такъ какъ между ними тѣсная, органическая связь.

Вопросъ о помощи дѣтямъ бѣдныхъ родителей при обученіи въ школѣ, безъ сомнѣнія, имѣетъ важное общественное значеніе; и вопросъ этотъ въ Россіи въ настоящее время ставится на очередь самою жизнію. Съ введеніемъ общедоступнаго обученія и развитіемъ въ населеніи сознанія необходимости образованія, фактъ нищенства учениковъ, вѣроятно, будетъ имѣть довольно широкое распространеніе въ Россіи [3]). Во всякомъ случаѣ, вопросъ о положеніи учащихся въ на-

---

[1]) Въ настоящее время въ Путиловѣ организуется и общество вспомоществованія учащимся.

[2]) Безпомощность и невѣжество крестьянъ иногда такъ велики, что они даже на убожество дѣтей смотрятъ какъ на средство къ пропитанію семьи. Мнѣ извѣстенъ случай, имѣвшій мѣсто въ Тульской губерніи, когда дѣдъ и бабка не согласились отдать въ институтъ слѣпыхъ свою слѣпую внучку, которую, безъ сомнѣнія, любили: „Куда же мы безъ нея, кормилицы нашей, дѣнемся?“—говорили они.

[3]) Не лишено, поэтому, основанія изложенное въ п. 14 програмы Россійской соціалдемократической рабочей партіи (программа принята на съѣздѣ партіи въ 1903 г.) постановленіе о необходимости „снабженія бѣдныхъ дѣтей (въ школахъ) пищей, одеждой и учебными пособіями за счетъ государства“. Подобное же постановленіе находится и въ другихъ соціалистическихъ программахъ. Напр., въ программѣ

чальныхъ училищахъ въ матеріальномъ отношеніи заслуживаетъ въ настоящее время полнаго вниманія и тщательной разработки.

Нищета, такимъ образомъ, не только стучится въ двери русской народной школы, но даже врывается въ нее, врывается голодная, холодная, съ сумою за плечами. Если нерѣдко маленькихъ дѣтей пугаютъ сумкой нищаго старика, куда онъ кладетъ будто бы плачущихъ ребятъ, то эту сумку по русскимъ деревнямъ таскаютъ иногда сами плачущіе дѣти-школьники. Общество должно облегчить ихъ положеніе, освободивъ отъ этой тяжелой сумы, и, предлагая имъ пищу умственную, вмѣстѣ съ тѣмъ не лишать ихъ и пищи тѣлесной. Дѣти-школьники съ сумками нищихъ: этого должно страшиться и само общество.

М. И. Успенскій.

итальянскихъ соціалистовъ „школьный завтракъ“ (refezione scolastica) „для дѣтей изъ менѣе состоятельныхъ классовъ населенія, снабженіе ихъ одеждою, книгами“ признается прямой обязанностью общества.

НОВОСТИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

George Duruy, ÉCOLE ET PATRIE, Paris 1907. *W. Münch*, Réformes possibles et impossibles dans l'enseignement secondaire en Allemagne, Paris, 1907.

I.

Проповѣдь антимилитаризма, вытекающая изъ признанія ненужности отечества, свиваетъ себѣ прочное гнѣздо не только во французской журналистикѣ, но и во французской школѣ, гдѣ имѣетъ многихъ адептовъ среди народныхъ учителей; чрезъ школу она грозитъ проникнуть въ народныя массы.

Французы, любящіе отечество, бьютъ тревогу по поводу той опасности, которая грозитъ всей странѣ, если антипатріотической пропагандѣ въ школѣ не будетъ положенъ конецъ.

Однимъ изъ энергичнѣйшихъ борцовъ за родину является городской учитель Парижа Эмиль Бокильонъ, авторъ книгъ, въ которыхъ собранъ богатый матеріалъ относительно дѣятельности антипатріотическихъ организацій и успѣха космополитической пропаганды [1]). Пользуясь, главнымъ образомъ, этимъ матеріаломъ, Жоржъ Дюрюи, сынъ знаменитаго историка и министра народнаго просвѣщенія при Наполеонѣ III, выпустилъ названную выше книгу, являющуюся горячимъ призывомъ къ борьбѣ за дорогое отечество противъ его отрицателей.

Онъ вспоминаетъ недавнее время, когда, по слову Мишле, „отечество чувствовалось въ школѣ". Въ учебникахъ дѣтямъ говорилось о славѣ отечества и его испытаніяхъ, съ признательностью вспоминались имена лицъ геройски сражавшихся и павшихъ на полѣ брани, вызывались дѣтскія симпатіи и удивленіе къ подвигамъ самоотверженія и самопожертвованія, совершеннымъ подъ сѣнью знамени. Теперь

[1]) *Émile Bocquillon*, La crise du patriotisme и Pour la Patrie.

говорятъ, что это развиваетъ дурные инстинкты: склонность къ насилію, преклоненіе передъ грубой силой, королевскій или наполеоновскій фетишизмъ. Совсѣмъ напротивъ, возражаетъ Дюрюи: военная исторія во многихъ отношеніяхъ „предметные уроки" (leçons de choses) нравственности. Если Франція полагаетъ, „что энергія, порывъ, радость въ испытаніи, мужество, пренебреженіе къ смерти — національная монета, которой придется еще расплачиваться, чтобы спастись, то пусть она прикажетъ воспитателямъ юношества не брезговать ея военной исторіей". Не прославленіемъ благодѣяній отъ введенія культуры картофеля или отъ изобрѣтенія ткацкаго станка, продолжаетъ Дюрюи, можно закалить душу для тѣхъ трудныхъ подвиговъ, которые совершались при Дененѣ и Вальми. Ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что знаніе военной исторіи Франціи возбуждаетъ сожалѣніе о прошедшемъ, что оно питаетъ мечты о возстановленіи монархіи; отнюдь нѣтъ. Оно возбуждаетъ любовь къ Франціи, какой бы она ни была: монархической, революціонной, республиканской или императорской. Истинный патріотизмъ представляетъ родину высоко почитаемой нравственной личностью, всегда похожей на себя нѣкоторыми постоянными, существенными чертами, всегда достойной любви, несмотря на разныя кокарды, которыя она послѣдовательно носила.

Въ настоящее время въ школѣ обнаруживается странное направленіе, которое Дюрюи называетъ pacifisme—„миролюбіемъ". Въ школѣ старательно прячутъ отъ учениковъ даже изображенія пушекъ и солдатъ, какъ бы задаваясь цѣлью показать дѣтямъ, что на свѣтѣ живутъ только честные люди и что коварство, преступленіе и война существуютъ только въ воображеніи націоналистовъ. Какъ все это далеко отъ жизни. Еще не такъ давно у Франціи были отняты ея восточныя провинціи и совсѣмъ надняхъ на крайнемъ Востокѣ гремѣли пушки, подъ грохотъ которыхъ создавалась новая великая держава.

Никто не станетъ отрицать того, что въ жизни націи есть важные моменты и кромѣ „кровавыхъ игръ", но нельзя же не развивать въ душахъ молодыхъ французовъ чертъ храбрости, рѣшительности и гордости, той гордости, которая тщательно прививается дѣтямъ англичанъ и американцевъ. Вѣдь никто не рѣшится утверждать, что эти націи хотятъ воспитать изъ своего молодого поколѣнія любителей приключеній, воиновъ и завоевателей, а не добрыхъ гражданъ, которые, какъ только потребуютъ обстоятельства, станутъ рѣшительно на защиту отечества.

Нельзя отказываться отъ воспитанія національной гордости. Это—мужская добродѣтель народовъ, не утратившихъ вѣры въ себя, которую не нужно смѣшивать съ національнымъ тщеславіемъ. Отсутствіе вѣры въ себя для отдѣльной личности — трусость, для націи — самоотреченіе, смерть.

Съ грустью и возмущеніемъ говоритъ Дюрюи объ одной статьѣ „Журнала по начальному образованію" (Revue de l'enseignement primaire), въ которой утверждается, что участіе въ защитѣ отечества трехъ народныхъ учителей во время нашествія пруссаковъ въ 1870 г. было нарушеніемъ международнаго права, и что разстрѣляніе ихъ было актомъ справедливости. Такое утвержденіе ему представляется чудовищнымъ, а распространеніе его журналомъ, основаннымъ народными учителями и расходящимся въ количествѣ 30 тысячъ экземпляровъ между ними, общественнымъ несчастіемъ. Въ томъ же изданіи, очевидно подпавшемъ совершенно подъ вліяніе Эрве, три мѣсяца спустя послѣ оклеветанія памяти учителей-защитниковъ отечества, было выражено пожеланіе, „чтобы культъ отечества былъ изгнанъ изъ школы" [1]).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда враги идеи отечества не рѣшаются выступать открыто со своей разрушительной проповѣдью, они идутъ на хитрость: они сговариваются на вопросы дѣтей о томъ, что такое отечество, отвѣчать невѣдѣніемъ [2]).

Что же эти люди, не вѣдающіе отечества, противополагаютъ ему? Человѣчество, конечно.

Дюрюи совершенно справедливо указываетъ, что пока это понятіе только на словахъ представляетъ изъ себя единство; человѣчества же реальнаго, которое поглощало бы отдѣльныя націи или отечества, какъ океанъ, въ которомъ теряются рѣки, „еще не существуетъ"; оно еще въ процессѣ образованія (dans le devenir). Надо создать его, прежде всего, въ себѣ — взаимной снисходительностью, терпимостью, братствомъ: всякая побѣда любви надъ ненавистью есть частичное осуществленіе человѣчности, торжество идеи человѣчества. „Но что касается моего отечества", восклицаетъ Дюрюи, „отечества, которое существуетъ, которое не кончило еще своего дѣла въ мірѣ, моего отечества, которое еще окажетъ услуги будущему человѣчеству,—пусть не говорятъ о возможности его растворенія въ томъ туманѣ,

---

[1]) „Qu'on proscrive de l'école la religion de la patrie".

[2]) Monsieur, qu'est-ce que c'est que la patrie? demandera l'enfant. — Connais pas, répondra le maître.

которымъ, какъ теперь, такъ и долгіе вѣка еще, будетъ человѣчество".

Дюрюи ополчается противъ утвержденія, что нѣтъ хуже зла, чѣмъ война.

Есть, говоритъ онъ. „Въ сто разъ лучше война, чѣмъ потеря достоинства, независимости. Народъ, не проникнутый этой мыслью и желающій мира во что бы то ни стало, хотя бы цѣной утраты своей чести, есть осужденный народъ. Онъ потерялъ право на существованіе. Не имѣетъ значенія, если онъ погибнетъ". Далѣе, рядомъ историческихъ примѣровъ, Дюрюи указываетъ на тѣсную связь между военными успѣхами и благополучіемъ народовъ. Съ восторгомъ цитируетъ нашъ авторъ мѣста изъ рѣчи президента Рузвельта, гдѣ его мысли находятъ себѣ авторитетное подкрѣпленіе.

„Народность, устроившая себѣ безпечальное существованіе и до ужаса боящаяся войны, гніетъ на мѣстѣ. Она предназначена къ упадку, къ рабскому подчиненію другимъ народностямъ, не потерявшимъ мужскихъ качествъ... Я всегда утверждалъ, что страхъ передъ войной былъ гораздо большимъ зломъ, чѣмъ самая война. Надо быть миролюбивымъ (pacifique), но не сторонникомъ мира во что бы то ни стало (pas pacifiste)".

Описавъ трудное международное положеніе Франціи, Дюрюи обнаруживаетъ интересный фактъ, что отрицаніе отечества и нападки на армію особенно усилились тогда, когда послѣдняя начала освобождаться отъ своихъ традиціонныхъ недостатковъ, когда сталъ подниматься ея духъ, благодаря серьезному отношенію командного состава къ своимъ обязанностямъ и сближенію офицера съ солдатомъ.

Выходъ изъ труднаго положенія нашъ авторъ видитъ въ слѣдующемъ.

„Между учителемъ и страной существуетъ договоръ. Этотъ договоръ нарушенъ учителемъ съ того момента, какъ онъ право обучать отъ имени общины, пріобрѣтенное имъ въ видѣ особой привилегіи, обратилъ на отрицаніе отечества. Родина нанимаетъ его и вознаграждаетъ для того, чтобы онъ ей служилъ, а не для того, чтобы отказывался отъ службы,—отрицалъ ее, оскорблялъ. Каждый учитель воленъ быть миролюбцемъ, антимилитаристомъ, антипатріотомъ, но не въ школѣ. Если онъ хочетъ быть таковымъ, пусть ее оставитъ... Если не хочетъ уйти добровольно, то пусть его выгонятъ изъ нея". Нельзя же въ самомъ дѣлѣ государству, Франціи, склониться подъ ярмомъ „отвратительной и животной тираніи синдикализма", что не-

сомнѣнно случится, если не принять мѣръ противъ проповѣди, перлы которой собраны Шаллэ въ его „Революціонномъ синдикализмѣ" [1]).

„Единственный путь", говорятъ они, „насиліе". „Безполезно сообразоваться съ соціальными законами. Имъ не разрѣшить вопросовъ силы, которые одна только сила можетъ умѣло разрѣшить". „Синдикальная тиранія законна: сознательные имѣютъ право предписывать законы безсознательнымъ". „У рабочаго нѣтъ отечества: отечество—желудокъ его и его семьи". „Армія ни къ чему не нужна. Это единственное средство защиты, предоставляемое правящими буржуа—буржуа, переваривающимъ пищу (au service des bourgeois digérants par les bourgeois dirigeants)". „Необходимо вести дѣятельную пропаганду въ казармахъ. Надо постоянно напоминать солдатамъ, что ихъ пули, въ случаѣ мобилизаціи, предназначаются для ихъ собственныхъ генераловъ" и т. п.

Оканчивается разсматриваемая книжка рѣчью Дюрюи, произнесенной имъ при раздачѣ наградъ въ коллежѣ имени его отца въ Баньеръ де Бигорръ: въ ней, обращаясь къ своимъ молодымъ слушателямъ, нашъ авторъ призываетъ ихъ быть вѣрными въ жизни тремъ устоямъ: наукѣ, свободѣ и отечеству. Съ такимъ духовнымъ багажемъ, заканчиваетъ Дюрюи развитіе своей мысли, можно не бояться „темной и страшной вещи—человѣческаго существованія".

II.

Извѣстный нѣмецкій педагогъ Вильгельмъ Мюнхъ, авторъ „Будущей школы", вышедшей на русскомъ языкѣ въ 1906 году [2]), прочиталъ по приглашенію Парижскаго университета 27-го апрѣля 1907 г. лекцію на тему „О реформахъ возможныхъ и невозможныхъ въ среднемъ образованіи Германіи".

Содержаніе лекціи представляетъ общій интересъ, такъ какъ темы, затронутыя Мюнхомъ, имѣютъ значеніе для всякой страны, въ которой есть родители, учащіе и учащіеся [3]).

Чаще всего въ послѣднее время слышатся нападки на общій строй

[1]) *Challaye*, Syndicalisme révolutionnaire (отчетъ въ газетѣ „Temps" отъ 7-го апрѣля 1907).

[2]) Zukunftspädagogik (Utopien, Ideale, Möglichkeiten). Berlin, 1904.

[3]) Гораздо подробнѣе всѣ больные вопросы современной школы разсматриваетъ В. Мюнхъ въ книгѣ Eltern, Lehrer und Schulen in der Gegenwart. Berlin, 1906; Сорбоннская же лекція Мюнха является, въ значительной мѣрѣ, краткимъ изложеніемъ упомянутой книги.

школы со стороны, главнымъ образомъ, филантроповъ. Имъ тяжело видѣть все, что такъ или иначе набрасываетъ тѣнь на безоблачное дѣтское существованіе. Долгіе часы принужденія, называемые уроками, заданія, тоскливое ожиданіе, наказанія,—все это имъ представляется жестокостью. По ихъ мнѣнію, слѣдовало бы предоставить дѣтямъ рѣзвиться на открытомъ воздухѣ до тѣхъ поръ, пока это имъ доставляетъ удовольствіе, и давать жить беззаботно, пока возможно, такъ какъ жизнь принесетъ достаточно заботъ впослѣдствіи. Что касается необходимости чему-либо учиться, чтобы принимать участіе въ дѣятельности цивилизованнаго общества, то полагаютъ, что необходимое знаніе легко и скоро пріобрѣтается, въ томъ случаѣ особенно, если сумѣть придать урокамъ пріятный характеръ, а равно избѣжать принужденія. Находятъ, что самымъ непростительнымъ грѣхомъ является покушеніе на счастливую дѣтскую свободу. Даже зрѣлые люди не должны быть рабами долга. Да здраствуетъ радость—не наслажденій, а радость жизни! Пусть особенно сохранятъ ее для дѣтства.

Такую критику школьнаго уклада Мюнхъ считаетъ недостаточно серьезной. Корень ея онъ видитъ въ присущемъ многимъ современникамъ недовольствѣ общими условіями культурной жизни, въ желаніи ихъ упростить жизнь, въ надеждѣ вернуться къ золотому вѣку. Люди этой пробы на все ищутъ новыхъ точекъ зрѣнія, страстно стремятся къ обрѣтенію новыхъ цѣнностей и новыхъ путей. Имъ кажется, что не сегодня завтра случится что-то новое, что освободитъ міръ отъ всего, лежащаго на немъ бременемъ.

Болѣе серьезной представляется Мюнху критика, базирующая свои положенія на психологіи. Наиболѣе виднымъ представителемъ этого направленія является Лакомбъ, авторъ Esquisse d'un enseignement basé sur la psychologie de l'enfant. Съ его точки зрѣнія недостаточно считаются съ потребностями ребенка, мало пользуются его любознательностью, иногда ее даже подавляютъ, черезчуръ развиваютъ память, давая все молодымъ умамъ въ совершенно готовомъ видѣ вмѣсто того, чтобы возбуждать въ нихъ вопросы. Лакомбъ и его сторонники полагаютъ, что не учитель долженъ спрашивать учениковъ, а ученики—учителя. Преподаватель долженъ стать консультантомъ, а классъ превратиться въ клубъ для дебатовъ (debating club); знанія же ученики будутъ почерпать изъ книгъ (нужна хорошая библіотека), рекомендованныхъ наставникомъ. Тогда исчезнетъ все то, что дѣлаетъ школу непріятной: трудности, связанныя съ поддержаніемъ дисциплины, наказанія и экзамены.

Изложивъ существеннѣйшія нападки представителей двухъ направленій на современную школу, Мюнхъ приступаетъ къ опровергенію ихъ аргументовъ, каждаго въ отдѣльности.

Прежде всего, онъ указываетъ на невозможность замѣнить преподаваніе въ классной комнатѣ обученіемъ на вольномъ воздухѣ даже по тѣмъ предметамъ, которые не связаны съ постояннымъ пользованіемъ книгой или классной доской. Въ случаѣ осуществленія подобнаго „академическаго“ обученія, невозможно было бы, безъ преодолѣнія исключительныхъ трудностей, сосредоточить вниманіе толпы учащихся, находящихся въ состояніи движенія; кромѣ того, нашлось бы немного преподавателей, у которыхъ хватило бы физическихъ силъ заставить себя слушать на открытомъ воздухѣ. При отсутствіи же сосредоточеннаго и упорнаго вниманія не можетъ быть и рѣчи о настоящемъ воспитаніи ума и даже воли.

Что касается заданій на домъ, то они необходимы какъ дополненіе къ класснымъ занятіямъ. Только при индивидуальной работѣ проявляются силы отдѣльной личности, обнаруживается понятое и опущенное... Какъ нельзя отрицать того, что необходимо облегчать ученіе настолько, чтобы оно не считалось ни пыткой, ни тоской, такъ равно нельзя забывать серьезныхъ задачъ, связанныхъ съ прохожденіемъ школьнаго курса. Невозможно учиться, играя: проведя дѣтство и юность въ игрѣ, пріобрѣтешь дурную подготовку къ жизни.

Близкимъ къ вопросу о домашней работѣ является вопросъ объ экзаменахъ.

Обыкновенно указываютъ на то, что экзамены причиняютъ излишнія страданія молодежи и не даютъ въ замѣнъ ничего положительнаго. Вѣдь, хорошіе преподаватели и безъ экзамена, знаютъ своихъ учениковъ и могутъ, на основаніи годичной работы, аттестовать ихъ отмѣтками. Это вѣрно только относительно хорошихъ преподавателей, но не всѣхъ, съ одной стороны. Съ другой, возможны сомнительные случаи, когда относительно ученика существуютъ разныя мнѣнія въ преподавательской средѣ. Кромѣ того, цѣлью экзаменовъ является показать всѣмъ, а не только самому преподавателю, степень зрѣлости и подготовки учениковъ и этимъ гарантировать однообразіе и справедливость оцѣнки ихъ познаній. Наконецъ,—и это всего важнѣе,— недостаточно получать хорошую подготовку и быть попутно (en chemin) хорошимъ ученикомъ, необходимо возвращаться назадъ къ трудному и иногда непріятному повторенію пройденнаго. Возстановленіе забытаго, объединеніе разрозненнаго связано съ усиліемъ воли—проявле-

ніемъ настойчивости. Кто держитъ экзаменъ, тотъ проходитъ черезъ школу воли.

По этому вопросу Мюнхъ надѣется, что германское правительство не уступитъ домогательствамъ публики, и что выпускные экзамены, по крайней мѣрѣ, будутъ сохранены. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ полагаетъ, что ихъ нужно сдѣлать не болѣе легкими, а болѣе психологически правильными, иными словами, экзаменаторы должны научиться отличать въ своихъ требованіяхъ существенное отъ второстепеннаго, должны умѣть оцѣнивать общія способности духа, а не знаніе подробностей, должны стараться, насколько возможно, устранять роль случая.

На ряду съ экзаменами подвергаются нападкамъ и учебные планы: ихъ хотятъ упростить. Говорятъ, зачѣмъ изучать столько предметовъ? Слѣдуетъ порвать съ традиціей и усваивать только необходимое для жизни. Но какъ понимать: „для жизни?“ Для жизни дикарей или для жизни общества высокой культуры? Развѣ жизнь требуетъ одинаковаго уровня для всѣхъ? Можно ли заявлять претензію на принадлежность къ высшимъ классамъ своего народа, не имѣя личнаго культурнаго превосходства? А развѣ не нужно солидныхъ основныхъ познаній для высшаго образованія различныхъ спеціальностей и степеней?

Ходъ цивилизаціи принуждаетъ къ образованію все болѣе и болѣе сложному, къ болѣе обширнымъ познаніямъ въ наукахъ, къ болѣе основательному усвоенію нѣкоторыхъ новыхъ языковъ.

Указанія на возможность преподаванія всѣхъ предметовъ учебнаго курса болѣе ускореннымъ темпомъ и „сократительными“ методами, отдаютъ шарлатанствомъ: всѣ опыты въ этомъ направленіи кончались полной неудачей, такъ какъ преподаваніе необходимо вести съ той степенью медленности, при которой возможно закрѣпленіе въ умѣ пріобрѣтаемыхъ познаній. Тѣ сокращенія курса учебныхъ предметовъ, которыя указываются самой жизнью, дѣлаются и уже сдѣланы: стоитъ, напримѣръ, сравнить современный учебникъ грамматики съ тѣмъ, по которому преподавали сорокъ лѣтъ тому назадъ; окажется, что новый по объему едва равняется половинѣ стараго.

Но этимъ не исчерпывается трудность положенія. Съ расширеніемъ человѣческаго кругозора, появляются новыя обширныя области знанія, которымъ пора дать мѣсто въ средней школѣ, напр., біологіи и геологіи; другимъ же наукамъ—географіи и исторіи надо предоставить большій просторъ. Особенно послѣдней, благодаря ея постепенному превращенію изъ исторіи войнъ и учрежденій въ исторію цивилизаціи,

въ которой замѣтное мѣсто отводится исторіи искусства, въ виду воспитательнаго значенія познанія прекраснаго.

Ради того, чтобы преодолѣть трудности, связанныя съ многопредметностью, существуютъ уже нѣкоторые способы, приноравливающіе обученіе къ индивидуальнымъ способностямъ: бифуркація и трифуркація и замѣщеніе однихъ предметовъ другими въ старшихъ классахъ. Но Мюнхъ предлагаетъ свое: не проходить одновременно многихъ предметовъ, хотя бы прерывая иногда уже начатое обученіе: меньше одновременности, больше преемственности (moins du simultanéité, plus de succession). Онъ предлагаетъ объединять, по возможности, сходные предметы въ одну дисциплину. Отъ этой концентраціи получится, сравнительно, небольшое число научныхъ единицъ, при чемъ въ каждой изъ нихъ въ опредѣленный періодъ времени долженъ изучаться одинъ только вопросъ (une seule chose).

Послѣднее предложеніе Мюнха напоминаетъ взгляды Пьера Кубертэна на способъ устранить кризисъ, переживаемый современной средней школой [1]). Онъ видитъ причину его не въ классицизмѣ или реализмѣ, литературномъ или научномъ характерѣ обученія, а въ самомъ методѣ преподаванія. Нынѣшній энциклопедическій методъ, чрезвычайно утомляя учащихся громаднымъ количествомъ сообщаемыхъ фактовъ, не даетъ имъ ни систематизированнаго знанія, ни цѣльнаго міросозерцанія. Это—обрывки, крошки науки. Тѣмъ не менѣе, усвоеніе ихъ такъ затруднительно, что непремѣнно ведетъ къ разстройству физическаго здоровья. Кромѣ обрывочности свѣдѣній, господствующій методъ загромождаетъ мозгъ учащихся обиліемъ готовыхъ формулъ, мѣшающихъ свободному развитію ихъ духовныхъ силъ. Найти выходъ изъ критическаго положенія можно, только перемѣнивъ методъ. Энциклопедическій методъ есть синтетическій: изъ разныхъ элементовъ, т. е. изъ разныхъ рядовъ знанія, онъ стремится создать въ человѣческомъ мозгу общую культуру,—однородное представленіе о мірѣ и жизни. Въ этомъ, впрочемъ, онъ не имѣетъ успѣха, въ виду все увеличивающагося количества человѣческихъ познаній. Его необходимо замѣнить аналитическимъ методомъ. Для этой замѣны нѣтъ никакихъ существенныхъ препятствій, кромѣ умѣнія приложить его къ подходящимъ фактамъ, т. е. тѣмъ, которые доступны пониманію учащагося въ средней школѣ. Коротко говоря, его нужно учить тому, что касается земли, на которой онъ находится, и того, что относится къ дѣятель-

[1]) Notes sur l'éducation publique. Paris, 1901.

ности людей, ее населяющихъ: какъ они жили и что создали. „Земля и человѣчество суть тѣ феномены, которые господствуютъ въ нашемъ существованіи" [1]), говоритъ Кубертэнъ и, исходя изъ этого положенія, пытается въ дальнѣйшемъ изложеніи показать, какъ практически можно осуществить программу преподаванія по аналитическому способу. Краткое перечисленіе программныхъ вопросовъ относительно земли и отвѣтовъ на нихъ у него занимаетъ около двадцати страницъ (съ 54 по 79); человѣчеству отведено больше мѣста (съ 76 по 112).

Авторъ не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ читателей, что молодые люди, получившіе образованіе по рекомендуемому имъ методу, во многомъ будутъ уступать учившимся по старому способу. Но вотъ какія преимущества новаго метода имъ указываются: превосходство учившагося по нему будетъ заключаться „въ знаніи причинъ, послѣдовательности явлений въ точномъ чувствѣ времени, пространства и пропорціональности, въ обладаніи точками отправленія и сравненія, къ которымъ онъ сможетъ умственно привести свои наблюденія и размышленія". Невыгодныя же стороны новаго метода выразятся въ томъ, что его питомецъ „не будетъ знать многочисленныхъ подробностей, номенклатуръ, генеалогій, способовъ классификаціи, точныхъ датъ". Но несомнѣнно, полагаетъ авторъ, учившійся по новому будетъ лучше подготовленъ къ жизни, ибо анализъ нисколько не мѣшаетъ спеціализаціи. „Подобно тому, какъ созерцая картину, слушая симфонію или читая книгу, можно обращать особое вниманіе на краски, оркестровку и стиль, и вмѣстѣ съ тѣмъ не терять изъ виду общаго характера произведенія и воспринимать цѣльное впечатлѣніе отъ него,—можно сосредоточить значительную часть работы на опредѣленномъ предметѣ, не пренебрегая ради этого цѣлымъ, частью котораго онъ является. Юноша сможетъ, въ теченіе курса ученія, не только выбрать, съ полнымъ сознаніемъ, призваніе, которое будетъ наилучшимъ образомъ отвѣчать его вкусамъ и инстинктамъ, но, кромѣ того, будетъ направлять къ этому призванію свою мысль и усилія.

Какъ видно изъ изложенія взглядовъ Кубертэна на значеніе метода въ обученіи, французскій писатель, подобно Мюнху, стремится къ концентраціи научныхъ предметовъ, къ сведенію ихъ къ немногимъ научнымъ единицамъ, изъ которыхъ должно быть почерпаемо знакомство со всѣмъ окружающимъ міромъ.

---

[1]) Notes, p. 53: La terre et l'humanité constituent les phénomènes qui dominent notre existence.

Обращаясь снова къ разсужденіямъ Мюнха, мы встрѣчаемся съ двумя интересными вопросами: 1) можно ли въ школѣ обезпечить права индивидуальности и 2) какими способами наилучшимъ образомъ возбудить и поддержать самодѣятельность учениковъ?

Отвѣчая на второй вопросъ, Мюнхъ рѣшительно противится какому бы то ни было революціонному его рѣшенію. Онъ не сочувствуетъ опытамъ, производимымъ въ нѣкоторыхъ американскихъ школахъ, съ превращеніемъ уроковъ въ собесѣдованія на любыя темы и споры, при чемъ преслѣдуется не цѣль передачи знанія, а задача пробужденія силъ разума и сужденія, а равно и умѣнія владѣть словомъ. Мюнхъ полагаетъ, что для указанной цѣли нужны, прежде всего, техническія средства, а именно живость веденія дѣла, умѣніе заинтересовывать, благорасположеніе или привѣтливость учителей; затѣмъ нужно обращаться къ средствамъ воздѣйствія на отдѣльнаго ученика путемъ предоставленія свободнаго выбора темъ для сочиненій, книгъ для штудированія, поэтическихъ произведеній для разучиванія, задачъ для рѣшенія. Такимъ образомъ, въ извѣстной степени, будетъ удовлетворено требованіе внимательнаго отношенія къ индивидуальности ученика.

Необходимо, однако, твердо помнить, что въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ отличать законныя пожеланія отъ недопустимыхъ притязаній. Не все, что составляетъ индивидуальную природу ребенка, имѣетъ право на существованіе въ обществѣ; не всякая особенность есть цѣнное качество; чаще она является скорѣе слабой стороной, чѣмъ сильной; она нерѣдко проистекаетъ отъ ошибокъ домашняго воспитанія. Индивидуальность во многихъ случаяхъ являетъ стороны природы, съ которыми необходимо бороться, а не тщательно оберегать и развивать. Кромѣ того, во всякомъ случаѣ, необходимо также сглаживать индивидуальныя черты, прививать привычки и внушать чувства, свойственныя общему типу. Однимъ словомъ, и въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ избѣгать крайностей. Обязанностью руководителей воспитанія должно быть развитіе положительныхъ качествъ юношества, а не всего того, что носитъ печать индивидуальнаго.

Что же касается тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя могутъ быть названы артистическими, ихъ положеніе, какъ было, такъ и всегда будетъ труднымъ въ школѣ. Эти натуры бываютъ обязаны своимъ возвышеніемъ надъ общимъ уровнемъ не школѣ, а себѣ, своимъ личнымъ усиліямъ. Однако, прибавляетъ Мюнхъ, въ Германіи педагоги слишкомъ мало вниманія обращаютъ на талантливыхъ уче-

никовъ, такъ какъ стремятся достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ въ работѣ съ большинствомъ класса. Поэтому, не рѣдко случается, что высоко одаренныя натуры, не встрѣчая къ себѣ достаточнаго вниманія со стороны учителей, отстаютъ, опускаются, что приходится разсматривать какъ прямой ущербъ не только для нихъ самихъ, но и для всего народа. Съ этимъ зломъ необходимо энергично бороться, и священной обязанностью учителя должно стать внимательное отношеніе къ избраннымъ натурамъ путемъ приспособленія своихъ требованій къ ихъ дарованіямъ. Говорить нечего, это до чрезвычайности усложняетъ работу учителя, и скоро только люди большого таланта будутъ годиться на это дѣло.

Мюнхъ касается мимоходомъ вопроса о приложимости экспериментальной педагогіи къ практикѣ школьнаго дѣла и разрѣшаетъ его не въ пользу новой науки, въ ея нынѣшнемъ состояніи. Онъ находитъ, что она пока еще не дала никакихъ ощутительныхъ результатовъ для воспитанія и обученія. Споры же и ссоры между ея послѣдователями уменьшаютъ и ея теоретическое значеніе, а торжественное провозглашеніе тѣхъ истинъ, которыя давно уже были извѣстны, нимало не способствуетъ ея авторитетности. Надо полагать, однако, что послѣ неудачнаго начала наступитъ продуктивный періодъ развитія этой науки, который приведетъ къ истинамъ неоспоримымъ, къ результатамъ болѣе замѣтнымъ, къ анализамъ болѣе послѣдовательнымъ. Во всякомъ случаѣ, что бы ни произошло, экспериментальное изслѣдованіе дѣтской души, увеличивая способы ея пониманія, будетъ способствовать усиленію любви къ дѣтямъ.

По вопросу о совмѣстномъ обученіи Мюнхъ высказывается противъ примѣненія его въ Германіи, находя, что смѣлые опыты могутъ быть производимы только молодыми націями, какова американская, гдѣ, впрочемъ, уже раздаются голоса противъ этой системы.

Что же касается женскаго образованія вообще, то его слѣдуетъ и въ Германіи поставить серьезно, но сообразуясь съ особенностями женской природы и дарованій. Только при этомъ условіи можно получить цѣнные результаты, а равнять, нивеллировать, несмотря на природныя различія, это, — по Мюнху, поступать, по крайней мѣрѣ, наивно.

Въ заключеніе Мюнхъ затрогиваетъ больной вопросъ о подготовкѣ преподавателей. Онъ считаетъ недостаточной профессіональную подготовку (т. е. научную, психологическую и дидактическую); къ ней, по его мнѣнію, должна присоединиться добрая воля, сердечная пре-

данность, постоянное воодушевленіе и теплая привѣтливость. Все это необходимо преподавателю, чтобы завоевать то довѣріе со стороны родителей, которое утрачено въ настоящее время средней школой въ Германіи. Причину отчужденія семьи отъ школы, несмотря на прогрессъ послѣдней, во многихъ отношеніяхъ, нужно искать, по мнѣнію Мюнха, въ утратѣ родителями вліянія на образованіе своихъ дѣтей школьнаго возраста, вліянія, которое имъ принадлежало раньше, когда школа не зависѣла отъ государства. Отвергая основательность притязаній тѣхъ родителей, которые хотятъ перестроить школу по-новому снизу до верху, Мюнхъ высказываетъ мнѣніе, что германское правительство поступило бы правильно, если бы пошло навстрѣчу разумнымъ предложеніямъ нѣкоторыхъ родителей сдѣлать опытъ съ созданіемъ новыхъ интернатовъ по деревнямъ, гдѣ явилась бы возможность укрѣпить здоровье многихъ дѣтей, вырождающихся въ городахъ.

С. Степановъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

*_М. К. Барсовъ._ Пособіе къ изученію педагогики. Москва. Тип. Моск. Гор. Арнольдо-Третьяковск. учил. глухонѣмыхъ. 1908. стр. 153. Цѣна 1 руб.

Книга г. Барсова распадается на четыре части: первая часть (стр. 7 — 55) содержитъ свѣдѣнія физіологическія и гигіеническія, имѣющія значеніе для педагогики; вторая часть содержитъ свѣдѣнія по психологіи и логикѣ (стр. 60—85); третья—разсматриваетъ развитіе психической жизни ребенка (стр. 85—140) и, наконецъ, четвертая часть посвящена спеціально педагогикѣ (стр. 140—153).

О первой части мы говорить не будемъ. Г. Барсовъ—врачъ, и, конечно, онъ можетъ сообщить элементарныя свѣдѣнія о дѣятельности органовъ чувствъ въ доступной для пониманія формѣ.

Вторая часть наиболѣе слабая. На 25-ти страницахъ трудно дать картину психической жизни человѣка, и съ этой задачей не справился г. Барсовъ: онъ не только неправильно смотритъ на нѣкоторые основные принципы психологіи, но неправильно излагаетъ и освѣщаетъ факты психической жизни.

„Натуралистъ", говоритъ г. Барсовъ, „не дѣлитъ на двое жизнь, какъ физическую и духовную, а смотритъ и на ту и на другую, какъ на жизнь тканей организма, происходящей (!) въ силу извѣстныхъ химическихъ и физіологическихъ процессовъ" (стр. 14). Согласно съ такимъ взглядомъ авторъ на стр. 84 утверждаетъ, что „если физическія и психическія стороны самопроизволенія всецѣло зависятъ отъ органовъ и тканей, начиная съ поверхности кожи — до центровъ головнаго

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

мозга, то очевидно, началомъ чертъ характера служитъ строеніе организма и его индивидуальность". Наука не даетъ права дѣлать подобное утвержденіе; это гипотетическое положеніе, которое г. Барсову кажется очевиднымъ, но оно не очевидно само по себѣ и для г. Барсова вовсе не необходимо, ибо, излагая психологію, онъ вовсе не пользуется принципомъ, который самъ же выставилъ.

Такихъ догматическихъ положеній, въ дѣйствительности очень спорныхъ и требующихъ доказательства, въ книгѣ г. Барсова довольно много; для примѣра мы укажемъ еще на два такихъ положенія.

Г. Барсовъ, разсматривая моральное чувство, подчеркиваетъ условный характеръ его показаній; его мысль можетъ быть выражена словами: „указанія совѣсти условны" (авторъ термина „совѣсть" не употребляетъ и во всей его книгѣ нѣтъ анализа совѣсти), такъ на стр. 79 онъ говоритъ: „чувство моральное стоитъ въ прямой зависимости отъ жизненнаго опыта человѣчества, который вырабатываетъ, хотя и условныя, но сознаваемыя громаднымъ большинствомъ людей понятія о добрѣ и злѣ", а на стр. 80-ой авторъ даетъ опредѣленіе нравственнаго чувства и продолжаетъ: „такое опредѣленіе, конечно, условно, но оно соотвѣтствуетъ дѣйствительной условности чувства долга въ широкомъ смыслѣ". Примѣръ, приведенный г. Барсовымъ, вовсе не подтверждаетъ его мысли, а можетъ быть истолкованъ совершенно иначе. Авторъ говоритъ, что „убійство человѣка изъ мести считается дѣяніемъ, нарушающимъ долгъ справедливости, а тысячу лѣтъ тому назадъ у древлянъ обычай кровавой мести былъ равносиленъ долгу". Этотъ примѣръ имѣлъ бы только въ томъ случаѣ значеніе, если бы авторъ самъ былъ убѣжденъ, что мы имѣемъ такъ же мало основаній порицать убійство изъ мести, какъ древляне имѣли основаніе хвалить его. Не думаю, что авторъ согласится съ такой мыслью; думаю, что условность здѣсь не при чемъ; мы имѣемъ просто дѣло съ болѣе высокимъ и правильнымъ чувствомъ долга, чѣмъ то, которое было у древлянъ. Развитіе нравственнаго чувства не должно быть необходимо истолковано въ смыслѣ условности его содержанія.

Точно такое же догматическое утвержденіе находимъ мы у г. Барсова въ тѣхъ немногихъ строкахъ, которыя онъ посвящаетъ религіозному чувству. „Степень умственнаго развитія", говоритъ авторъ, „имѣетъ прямое отношеніе къ содержанію религіознаго чувства; это происходитъ оттого, что чѣмъ меньше умственная эрудиція человѣка, тѣмъ болѣе для него неразъяснимыхъ задачъ при оцѣнкѣ природ-

ныхъ явленій, и тѣмъ ближе онъ къ мистицизму“ (стр. 76). Представленія религіозныя измѣняются, дѣйствительно, въ зависимости отъ высоты умственнаго развитія, но религіозное чувство можетъ быть столь же интенсивно у самаго ученаго натуралиста, какъ и у дикаря; знаніе обыкновенно служитъ лишь къ тому, чтобы находить неразгаданныя проблемы тамъ, гдѣ необразованному уму все кажется яснымъ и простымъ. Alles, worein du dich ernstlich einlässt, ist ein Unendliches—говорилъ старикъ Гёте. Мы ничего не имѣли бы противъ догматическихъ положеній г. Барсова, если бы онъ постарался доказать ихъ, но бездоказательное утвержденіе ихъ не можетъ способствовать развитію учащихся.

Въ педагогической части сочиненія г. Барсова мы встрѣчаемся, на ряду съ прекрасными совѣтами, съ такими же догматическими утвержденіями, на какія мы имѣли случай указать. Г. Барсовъ защитникъ апенитарной системы воспитанія, т. е. онъ отрицаетъ пользу наказаній въ воспитаніи. Это, конечно, очень гуманная и прекрасная система, но врядъ-ли она можетъ быть проведена послѣдовательно, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ проведеніе ея приводитъ къ мѣрамъ гораздо болѣе жестокимъ, чѣмъ любое наказаніе, къ тому же эти мѣры являются тѣмъ же наказаніемъ въ скрытой и иногда болѣе жестокой формѣ. Г. Барсовъ находитъ, что естественной карой лжи является прекращеніе довѣрія къ ребенку (стр. 104). Но вѣдь это лишь слова, что, значитъ, ребенку не будутъ вѣрить; самъ г. Барсовъ находитъ, что ложь и обманъ должны быть „искореняемы“, и что главное средство къ исправленію, въ случаяхъ когда ребенокъ совершаетъ кражу,—это „прекращеніе съ нимъ отношеній систематическое и сознательное“ (стр. 136). Но знаетъ ли г. Барсовъ, что обозначаютъ слова „прекращеніе отношеній“? Это товарищескій бойкотъ — наказаніе самое жестокое, какое можно только придумать, ведущее часто не къ искорененію недостатка, а къ порчѣ характера и даже къ самоубійству. Это своего рода педагогическая діалектика; гуманныя на видъ тенденціи вырождаются въ утонченную жестокость—длительную и безцѣльную. Г. Барсовъ утверждаетъ, что „проведеніе въ жизни апенитарной системы воспитанія, какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ, въ настоящее время уже имѣетъ солидный матеріалъ опыта, несомнѣнно доказывающаго, что разъ наказаніе не примѣняется—ложь прекращается“ (стр. 131). Мы были бы весьма рады, если-бъ это было такъ, но система наказаній существовала болѣе 2.000 лѣтъ и иногда давала и хорошіе результаты; подождемъ хоть 20 лѣтъ для того, чтобы

судить объ апенитарной системѣ. Въ настоящее время по крайней мѣрѣ нельзя похвастаться особо высокой нравственной или умственной культурой.

Отъ общихъ положеній книги г. Барсова перейдемъ къ частнымъ и къ изложенію фактовъ.

Раздѣливъ явленія психической жизни на три группы: ума, чувства и воли, г. Барсовъ говоритъ, что наиболѣе широкимъ и сложнымъ у человѣка оказывается первое изъ этихъ трехъ психическихъ слагаемыхъ (стр. 60). Врядъ-ли это справедливо; если бы дѣятельность ума была сложнѣе дѣятельности чувства и воли, то психологія ума находилась бы, по всей вѣроятности, на такой же низкой степени развитія, какъ психологія воли и чувства.

На представленія, хранящіяся въ памяти, г. Барсовъ смотритъ какъ на негативы фотографическіе, сложенные въ опредѣленномъ порядкѣ; онъ говоритъ о „складѣ впечатлѣній" и думаетъ, что если бы умственная работа не совершалась въ опредѣленномъ порядкѣ, то это произвело бы путаницу въ „складѣ впечатлѣній" (стр. 62), но путаницу производитъ перенесеніе чисто механическихъ представленій на душевные процессы; нельзя, напримѣръ, объяснять ассоціацію представленій тѣмъ, что представленія между собой „соприкоснулись" (стр. 62). Столь же неправильны и логическія представленія автора, такъ, напримѣръ, на стр. 69 онъ говоритъ, что „наиболѣе прямолинейныя умозаключенія принято называть силлогизмами" (стр. 69). Гдѣ это принято, мы не знаемъ, но въ логикѣ это не принято. Раздѣливъ чувства на двѣ группы, на чувства удовольствія и неудовольствія, г. Барсовъ находитъ, что это слишкомъ „узкое" дѣленіе (стр. 73). Въ логикѣ ошибку такого раздѣленія—если въ немъ есть ошибка—усмотрѣли бы въ излишней широтѣ. На стр. 74 находимъ, что „по содержанію близко къ гнѣву стоятъ чувство обиды и оскорбленія" и что „гнѣвъ является въ высокой степени отрицательнымъ, по его объективной нетерпимости" (стр. 75), что „самодовольство еще болѣе эгоистично, чѣмъ страхъ, оно основано на томъ, что человѣкъ невольно всего ближе стоитъ къ самому себѣ, переживая самъ всѣ свои ощущенія" (стр. 76). Всѣ эти опредѣленія весьма неудачны и мало объясняютъ суть явленій.

Языкъ учебника весьма мало обработанъ. Для примѣра приведу нѣсколько предложеній г. Барсова.

Стр. 125. Ученикъ, проявляющій недостатокъ или въ памяти или въ умозаключеніи, совершенно останавливаетъ свой прогрессъ, если

преподаватель отвлекаетъ его нотаціями, замѣчаніями или выходитъ изъ себя.

Стр. 113. У ребенка часто чувство долга связывается изъ обстоятельствъ, зависящихъ отъ его фантастическаго міра.

Стр. 107. Волевой закрѣпитель при раскаяніи у ребенка слабъ, и онъ легко впадаетъ въ повторную ошибку.

Стр. 104. Опытъ доказалъ, что воспитаніе дѣлаетъ свои удачные шаги не отъ наказанія, а отъ другихъ причинъ.

Стр. 102. Дѣтскій страхъ отличается низкой достовѣрностью.

Стр. 92. Въ корню оригинальности дѣтскаго мышленія находятся признаки понятій, по оцѣнкѣ ихъ существенности или несущественности.

Ѳ. Радловъ.

Вытяжные шкафы. Къ вопросу объ устройствѣ вентиляціи въ химическихъ лабораторіяхъ. *В. Верховскій*, ассистентъ по химіи въ женскомъ педагогическомъ институтѣ. 1908 г. Цѣна 50 к. 43 стр. 13 рис.

Съ введеніемъ химіи въ реальныя училища выдвигается вопросъ объ устройствѣ небольшихъ лабораторій, приспособленныхъ для практическихъ занятій. Помѣщенія для такихъ лабораторій отводятся уже въ готовомъ зданіи и приспособить хорошую вентиляцію, необходимую по многимъ причинамъ, дѣло нелегкое. Небольшая книжечка г. Верховскаго является совершенно кстати, почему мы и обращаемъ на нее вниманіе преподавателей средней школы. Г. Верховскій выясняетъ, какія должны быть соблюдены условія для хорошей тяги, и кромѣ того разсматриваетъ различныя системы вытяжныхъ шкафовъ и въ концѣ даетъ подробное описаніе, какъ надо устроить простымъ способомъ удовлетворительную для химическихъ работъ тягу.

Извѣстно, что условія вентиляціи въ химическихъ лабораторіяхъ совершенно иныя, чѣмъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ. Въ химическихъ лабораторіяхъ необходимо быстрое и полное удаленіе газовъ, паровъ, всякаго дыма (напр. отъ прокаливанія при удаленіи амміачныхъ солей и т. д.); среди газовъ много ядовитыхъ, и распространеніе ихъ въ помѣщеніи лабораторіи недопустимо. Отсюда слѣдуетъ, что въ вытяжныхъ шкафахъ должна быть прежде всего значительная скорость движенія воздуха, входящаго въ шкафъ черезъ дверцы или какое либо другое отверстіе. Для достиженія этого условія г. Верховскій рекомендуетъ дѣлать шкафы такихъ размѣровъ, при которыхъ поперечное сѣченіе шкафа равно входному отверстію. По своимъ наблюденіямъ г. Верховскій принимаетъ скорость движенія воздуха въ

вытяжномъ шкафу около 0,5 фут. въ секунду вполнѣ достаточной для всякихъ химическихъ работъ. Во всей книжечкѣ г. Верховскаго приведены очень полезныя для практики указанія и особенно обстоятельно разобрана послѣдняя глава объ устройствѣ вытяжного шкафа. Преподаватели химіи найдутъ въ брошюрѣ г. Верховскаго много полезнаго. До выхода въ свѣтъ этой брошюры всякому преподавателю химіи, которому приходилось устраивать лабораторію, вытяжные шкафы дѣлали много хлопотъ. Теперь, благодаря книжечкѣ г. Верховскаго, это важное дѣло значительно упрощается.

А. Альмедингенъ.

*Курсъ элементарной географіи. Составилъ Э. *Лесгафтъ*. С.-Пб. 1908. Стр. IV+154. Цѣна 80 коп.

Учебникъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ и снабженъ многочисленными, прекрасно выполненными рисунками. Текстъ распредѣленъ на §§. Въ научномъ отношеніи учебникъ почти безупреченъ; но ему свойственны и многіе недостатки.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Планъ, положенный въ основу „Курса элементарной географіи“, является результатомъ, какъ личнаго преподавательскаго опыта, такъ равнымъ образомъ и тщательнаго изученія педагогической литературы, какъ русской, такъ и иностранной“. Какими именно сочиненіями русской литературы руководствовался авторъ, изъ предисловія не видно, но изъ иностранныхъ онъ указываетъ одно методическое руководство по начальной географіи, именно: „Geographie in der Volksschule“ von Adolph Tromnau. Хотя названное руководство авторъ поименовалъ потому, что заимствовалъ изъ него схему для двухъ первыхъ главъ, именно: „Наблюденія на дневномъ небѣ“ и „Наблюденія на ночномъ небѣ“ (стр. 1—13), но нельзя предположить, чтобы г. Лесгафтъ не ознакомился со всѣми методическими положеніями, которыхъ держится Тромнау по отношенію къ преподаванію географіи въ низшихъ школахъ; если это такъ, то мы должны сказать, что учебникъ г. Лесгафта въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ его. Такъ, по Тромнау, ученики народныхъ школъ на 3-мъ году ученія, а по возрасту на 9-мъ, читаютъ карты сначала родины, затѣмъ округа; по плану же г. Лесгафта, первая часть книги, посвященная, главнымъ образомъ, обозрѣнію суши, водъ на сушѣ, моря, острововъ,—изучается по описаніямъ и картинамъ безъ ссылки на карту, а на это изученіе, вмѣстѣ съ предварительными астрономическими свѣдѣніями, потребуется болѣе двухъ мѣсяцевъ и притомъ, замѣтимъ, лучшихъ въ

учебномъ году. Основаніемъ для такого распорядка, вѣроятно, служитъ предположеніе, что ученики нашихъ гимназій на 11-мъ году, по объему имѣющихся у нихъ представленій объ окружающемъ мірѣ и вообще по умственному развитію, стоятъ ниже 8-милѣтнихъ учениковъ прусскихъ народныхъ школъ, и поэтому являются незрѣлыми для воспринятія хотя бы элементарныхъ свѣдѣній по картографіи. Но какого бы основанія г. Лесгафтъ ни держался, опроверженіемъ его служитъ уже то обстоятельство, что у насъ существуютъ цѣлые десятки лѣтъ учебники, въ которыхъ элементарное ознакомленіе съ картою, хотя и механическое, начинается съ первыхъ недѣль ученія, и правильность этого теоретически обоснована въ нашихъ русскихъ методикахъ географіи. Неудобная сторона принятаго г. Лесгафтомъ распорядка усматривается изъ текста же учебника. Вотъ примѣры:

На стр. 14, въ § „Горизонтъ" ученикъ читаетъ: „Говорятъ, что съ вершинъ Эльбруса, высочайшей горы Кавказа, видно Черное море, удаленное отъ этой вершины болѣе, чѣмъ на сто верстъ".

Или, на стр. 15-ой упоминается два раза Петербургъ и одинъ разъ Москва.

На стр. 40 ученикъ читаетъ: „У русскихъ рѣкъ нерѣдко правый берегъ крутой, а лѣвый — отлогій". Развѣ было бы дурно, если бы ученики, прочитывая всѣ эти мѣста, могли найти и указать на картѣ Кавказъ, Черное море, Петербургъ, Москву и нѣкоторыя рѣки?

Кромѣ того, составитель могъ бы обратить вниманіе на слѣдующее: въ I-мъ классѣ гимназіи преподается русская исторія и, слѣдовательно, преподаватель исторіи уже съ самаго начала учебнаго года будетъ пользоваться картою Россіи, а преподаватель географіи, руководящійся планомъ г. Лесгафта, покажетъ карту, можетъ быть, только въ ноябрѣ мѣсяцѣ и притомъ карту не Россіи, а плоскошарій.

Другое уклоненіе г. Лесгафта отъ Тромнау, какъ и отъ другихъ методическихъ руководствъ по географіи, состоитъ въ томъ, что послѣдній твердо отличаетъ учебникъ (Leitfaden) отъ книги для чтенія и съ опредѣлительностью говоритъ, что учебникъ долженъ быть изложенъ сжато. Въ книгѣ же г. Лесгафта границы между учебникомъ и книгою для чтенія иногда нарушаются. Наиболѣе выразительными примѣрами этого могутъ служить § 7 „Времена года", начало § 13 „Суша" и §§ 50 и 51 „Морскія растенія и животныя", а сверхъ того отдѣльныя мѣста, разбросанныя по всему 1-му отдѣлу, въ родѣ слѣдующихъ:

На стр. 16 читаемъ: „Природа не повторяется, разнообразіе ви-

довъ на сушѣ безконечно. Нѣтъ двухъ мѣстностей вполнѣ сходныхъ между собою". Эта замѣтка отвлеченная; но вотъ примѣръ риторическаго мѣста. Стр. 18: „Дѣятельная, бьющая ключемъ жизнь человѣка оживляетъ картину, вноситъ въ нее разнообразіе тоновъ и красокъ и лишаетъ ее того однообразія, которое вообще присуще равнинамъ".

Наконецъ, въ учебникѣ не соблюдается важное, хотя и элементарное, требованіе, чтобы по содержанію и изложенію учебникъ былъ приспособленъ къ силамъ учащихся. Нашъ составитель очень, очень часто сообщаетъ такія свѣдѣнія, которыя совершенно не отвѣчаютъ возрасту учениковъ. Такъ, напримѣръ, въ § 8, кромѣ Большой и Малой Медвѣдицъ, перечисляются созвѣздія: Кассіопея, Персей, Драконъ, Лира, Вега и Возничій; или въ § 49, при описаніи пониженія морского дна, даются такія тонкости, съ которыми впору справиться только при спеціальномъ изученіи физической географіи. Преслѣдуя научныя требованія, нашъ составитель нерѣдко даетъ или совершенно недоступныя или малодоступныя для учениковъ опредѣленія физическихъ терминовъ. Представляемъ нѣсколько примѣровъ, параллельно съ такими же мѣстами изъ учебника г. Иванова, методически болѣе обработаннаго.

У г. Лесгафта:

Стр. 13. „Выйдемъ на открытое ровное мѣсто и оглядимся вокругъ себя. Мы видимъ: 1) что открытая нашему взору земля замыкается со всѣхъ сторонъ линіей, которая имѣетъ видъ круга, и 2) что по этой линіи земля соприкасается съ небомъ. Кругъ, охватывающій со всѣхъ сторонъ видимую часть земли, составляетъ предѣлъ нашего видѣнія; это та граница, въ которой заключенъ нашъ кругозоръ. Мы называемъ этотъ кругъ горизонтомъ, а видимую часть земли, ограниченную горизонтомъ—плоскостью горизонта".

У г. Иванова („Начальный курсъ географіи". Изд. 3-е):

Стр. 7. „Когда мы находимся на ровномъ мѣстѣ, напримѣръ, среди поля, то намъ кажется, будто бы вдали небо сходится съ землею. Въ какую сторону мы ни посмотримъ, всюду замѣтимъ вдали линію, которая находится на границѣ между землей и краями небосклона; все, что находится за этой линіей, скрыто отъ нашего взора. Эта линія имѣетъ форму окружности и называется горизонтомъ".

У г. Лесгафта:

Стр. 39: „Вся совокупность ручейковъ и рѣкъ, вливающихъ свою воду въ море чрезъ посредство одной какой-нибудь большой рѣки, называется рѣчной системой".

У г. Иванова:

Стр. 15: „Рѣка вмѣстѣ со своими притоками составляетъ рѣчную систему“.

У г. Лесгафта:

Стр. 40: „Вся поверхность земли, съ которой данная рѣчная система собираетъ свои воды, называется водосборной поверхностью рѣки, или ея бассейномъ. Каждая рѣчная система имѣетъ свой бассейнъ, отдѣляющійся отъ бассейновъ сосѣднихъ рѣчныхъ системъ водораздѣломъ. Водораздѣлъ есть, слѣдовательно, граница двухъ рѣчныхъ бассейновъ, это—то повышеніе, которое заставляетъ дождевыя воды стекать въ противоположныя стороны, къ двумъ различнымъ бассейнамъ“.

У г. Иванова:

Стр. 15: „Пространство, съ котораго рѣка собираетъ свою воду, называется ея бассейномъ, а возвышенность, отдѣляющая одинъ бассейнъ отъ другого, называется водораздѣломъ, она раздѣляетъ рѣки и ручьи, текущіе по противоположнымъ склонамъ“.

О второй части учебника, куда входятъ главы: „Изображеніе мѣстности на плоскости“, „Земля и ея движенія“, „Атмосфера“, „Пояса земного шара“ и „Человѣчество“, мы должны вообще замѣтить, что она, по своему содержанію, значительно превышаетъ требованія дѣйствующей программы. Превышеніе это преимущественно обнаруживается въ томъ, что авторъ вмѣсто требуемаго официальною программою обзора поверхности земли по глобусу и плоскошаріямъ вводитъ обзоръ частей свѣта по плоскошаріямъ, или по меркаторской картѣ, при этомъ данныя, относящіяся къ каждой части свѣта, разсматриваетъ по нѣсколькимъ отдѣламъ. Такъ, вначалѣ составитель къ каждой части свѣта и на своемъ мѣстѣ указываетъ на пространство и перечисляетъ острова, полуострова, моря, возвышенности, горы и рѣки; обозрѣніе же климата, растительности и животнаго міра пріурочивается къ вопросу о поясахъ, а свѣдѣнія о населеніи, о господствующей религіи, сообщаются попутно съ другими данными въ отдѣлѣ „Человѣчество“.

Нельзя не сказать, что обозрѣніе частей свѣта, предлагаемое въ учебникѣ, сообщаетъ предмету большой интересъ; но бѣда въ томъ, что, напримѣръ, въ хорошо составленномъ отдѣлѣ „Пояса земного шара“ пріурочиваніе разныхъ видовъ растеній, животныхъ къ отдѣльнымъ частямъ свѣта и даже къ отдѣльнымъ странамъ произведетъ удручающее дѣйствіе на память.

На стр. 133 читаемъ: „Въ типичномъ тропическомъ лѣсу перемѣшаны различныя древесныя породы, въ рѣдкихъ случаяхъ лѣсъ состоитъ изъ представителей одной какой-нибудь породы. Таковы бамбуковые лѣса Индостана и Индокитая, пальмовые лѣса Южной Америки и западной Африки, папоротниковые лѣса Австраліи, мангровые лѣса по берегамъ моря, на штрандѣ, затопляемомъ приливной волной.

Тропическіе лѣса занимаютъ громадныя сплошныя пространства въ экваторіальной части Африки, на южныхъ островахъ (Малайскій архипелагъ) и полуостровахъ (Индостанъ и Индокитай) Азіи, на сѣверномъ побережьѣ Австраліи и въ экваторіальной части Южной Америки (сильвасы бассейна р. Амазонки)".

Во всякомъ случаѣ, въ выписанномъ мѣстѣ матеріалъ хоть имѣетъ интересъ для ученика, но въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ встрѣчается положительный балластъ.

Такъ, на стр. 137 читаемъ: „Сравненіе плотностей по климатическимъ поясамъ показываетъ, что наиболѣе густо населенъ жаркій поясъ—плотность 12,5—нѣсколько слабѣе заселены умѣренные пояса—плотность 10,6,—очень слабо заселены холодные пояса—плотность 0,1. Изъ материковъ наиболѣе густо заселена Европа—плотность 40, второе мѣсто занимаетъ Азія—20, затѣмъ идутъ Африка—5,6, Америка—3,3, Австралія—0,8". Весь такого рода матеріалъ мы называемъ балластомъ потому, что въ немъ много проблематичнаго, и что едва-ли такія свѣдѣнія могли бы занять надлежащее мѣсто въ курсѣ географіи на высшей ступени. Но, кромѣ того, въ этомъ же отдѣлѣ есть мѣсто, неудобное въ педагогическомъ отношеніи, именно на стр. 147—148 составитель сообщаетъ свѣдѣнія о брамаизмѣ, о буддизмѣ, о конфуціанствѣ, о религіи Шинто и о древне-персидской религіи,—и эти свѣдѣнія даются въ такомъ возрастѣ, когда ученики не сильны еще въ элементарныхъ основахъ своей вѣры.

Въ этомъ же отдѣлѣ есть одна глава, именно „Формы быта" (§§ 138—141), которая должна составить содержаніе книги для чтенія.

Другіе отдѣлы разсматриваемой части въ общемъ изложены болѣе цѣлесообразно. Таковы свѣдѣнія изъ математической географіи, именно: географическая широта, географическая долгота, географическія мѣры длины, маштабъ, атмосфера и вѣтры; но, какъ и въ предшествующей части, нѣкоторые термины объяснены недостаточно просто. Вотъ примѣры:

Стр. 82: „Въ теченіе сутокъ земля поворачивается одинъ разъ

вокругъ своей оси. Ось ея нельзя видѣть, а можно только мысленно себѣ представить; ось ея—*это совокупность тѣхъ расположенныхъ по прямой линіи точекъ, которыя сами не вращаются, но вокругъ которыхъ вращается весь земной шаръ*".

Стр. 83: „Смѣна дня и ночи происходитъ оттого, что каждое мѣсто земной поверхности въ теченіе сутокъ послѣдовательно проходитъ часть своего движенія вокругъ земной оси при свѣтѣ солнца, а другую часть его въ тѣни, которая отбрасывается самой землей".

Стр. 86: „Кругъ вращенія какой-нибудь точки земной поверхности, мысленно проведенной на этой поверхности, мы называемъ параллелью".

Стр. 146: „Пріобрѣтенія культуры, сокращая трудъ, необходимый для удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни, даютъ человѣку драгоцѣнный досугъ, которымъ онъ можетъ воспользоваться для удовлетворенія высшихъ запросовъ своего духа. Обезпечивая жизнь и ограждая ее отъ возможныхъ случайностей, матеріальный достатокъ является первымъ и основнымъ условіемъ пробужденія и развитія всякихъ духовныхъ потребностей и стремленій, которыя находятъ себѣ выраженіе въ религіи, наукѣ и искусствѣ. Религія захватываетъ болѣе широкіе слои народныхъ массъ".

Безусловно хорошо изложенъ небольшой, въ $4^1/_2$ страницы, отдѣлъ „Географическій очеркъ Россіи", но можно съ увѣренностью сказать, что, по недостатку времени, ученики до него не дойдутъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ слѣдующіе мелкіе недосмотры:

На стр. 11-ой созвѣздіе Большой Медвѣдицы изображено въ двухъ видахъ, не похожихъ одинъ на другой (фиг. 6, фиг. 7).

Стр. 35. Употребляется терминъ „степь", но объясненія никакого не дано.

На стр. 129 подъ рисункомъ 120-мъ подпись: „Слонъ африканскій и азіатскій", а изображены только головы названныхъ животныхъ.

О формахъ правленія въ учебникѣ вовсе не говорится.

Н. Белляриминовъ.

А. Киселевъ.* **Начальное ученіе о производныхъ. (Курсъ VII класса реальныхъ училищъ). Изданіе книжнаго магазина *В. В. Думнова*. Москва. 1908. Стр. IV + 143. Цѣна 75 коп.

Книга г. Киселева составляетъ крупное пріобрѣтеніе нашей учебной литературы. Автору удалось соединить полную научность изложенія съ простотою и ясностью его. По своей строгости курсъ г. Киселева стоитъ вполнѣ на уровнѣ современныхъ требованій и въ то же

время всѣ доказательства и разсужденія изложены вполнѣ удобопонятно, съ отчетливымъ отдѣленіемъ существеннаго отъ несущественнаго.

Мы можемъ указать лишь весьма немного такихъ мѣстъ, которыя, по нашему мнѣнію, требовали бы исправленія.

Стр. 3. „Раціональной функція называется тогда, когда для ея выясненія не приходится ни извлекать корней изъ выраженій, содержащихъ перемѣнныя независимыя, ни рѣшать уравненія степени выше первой; въ противномъ случаѣ (?) алгебраическая функція называется ирраціональной".

Но, вѣдь, раціональная функція можетъ получиться и при извлеченіи корней изъ выраженій, содержащихъ перемѣнныя независимыя, и при рѣшеніи уравненій степени выше первой!

Стр. 47. Можно было бы, безъ ощутительнаго неудобства, замѣнить въ S'_n первое слагаемое единицей, чтобы получить болѣе точную границу для S_n.

Стр. 49. При извѣстномъ преобразованіи выраженія $(1+\frac{1}{n})^n$ по формулѣ Ньютона, авторъ повторяетъ обычное разсужденіе о томъ, что члены полученной формулы возрастаютъ при возрастаніи n. Это требуетъ, по меньшей мѣрѣ, особаго разъясненія, ибо, напримѣръ, послѣдній членъ $(\frac{1}{n^n})$ не возрастаетъ, а убываетъ при возрастаніи n.

Стр. 58 (внизу) и друг. Лучше было бы не говорить о разрывѣ непрерывности, когда функція дѣлается мнимой. Это—фактъ совсѣмъ иного характера, нежели обычный разрывъ непрерывности.

Стр. 68. При выводѣ производной отъ AX^n не сказано, что n цѣлое и положительное число.

Стр. 113. Вмѣсто „ассимптотами" два раза напечатано „ассимптомами".

Стр. 134. Лучше было бы избѣгать обозначенія верхняго предѣла и перемѣнной интегрированія однимъ и тѣмъ же символомъ (x).

Желательно было бы прибавить табличку основныхъ формулъ для неопредѣленныхъ интеграловъ и увеличить число задачъ.

Б. Койаловичъ.

***В. *Александровъ.* Основанія анализа безконечно малыхъ въ связи съ дополнительными статьями алгебры. Часть II. Начала дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Москва. 1908. Стр. IV+146. Цѣна 75 к.**

Разбираемая книга написана весьма неравномѣрно: есть статьи, которыя не вызываютъ никакихъ серьезныхъ возраженій, а въ дру-

гихъ мѣстахъ встрѣчаются изумительные промахи. Приведемъ нѣсколько наиболѣе рельефныхъ примѣровъ.

На стр. 1 независимой перемѣнной называется такая, которой измѣненіе „не подчинено никакимъ условіямъ, кромѣ условія равномѣрности измѣненія".

Стр. 5, § 4. „Если при непрерывномъ измѣненіи независимой перемѣнной отъ $x = x_1$ до $x = x_2$ значеніе функціи отъ этой перемѣнной будетъ измѣняться такъ же непрерывно, то функція называется непрерывной" и т. д.

Что это значитъ: „функція будетъ измѣняться такъ же непрерывно"? И если авторъ опредѣляетъ непрерывныя функціи какъ такія, которыя, подобно непрерывнымъ аргументамъ, переходятъ отъ одного крайняго значенія къ другому, принимая всѣ промежуточныя значенія, то это противорѣчитъ стр. 59, § 16, гдѣ это свойство *доказывается*, какъ *теорема*.

На стр. 13 авторъ увѣряетъ, что если функція непрерывна, то она имѣетъ производную, и что „число этихъ производныхъ будетъ конечное въ случаѣ цѣлой раціональной алгебраической функціи и равно ея степени. Если же функція будетъ иная, то производныхъ будетъ безчисленное множество (!)".

Въ прим. на стр. 26 — 27 авторъ излагаетъ разсужденіе, которое, если бы оно было вѣрно, доказывало бы непрерывность всякой функціи отъ двухъ перемѣнныхъ.

Стр. 40 — 42. Выводя производную отъ сложной функціи, авторъ зачѣмъ-то снова выводитъ производныя отъ a^u и lg^u.

Стр. 63. Геометрическій смыслъ теоремы Ролля, по мнѣнію автора, состоитъ, между прочимъ, и въ томъ, что „во всей области значеній x отъ a до b, или въ части ея, линія, представляющая данную функцію f(x) на плоскости, вся лежитъ по одну сторону оси x'овъ".

Стр. 64 — 65. При формулировкѣ теоремъ Лагранжа и Коши авторъ вводитъ изумительныя условія, напримѣръ, чтобы функція не обращалась въ нуль при теоремѣ Лагранжа или, еще лучше, при теоремѣ Коши „въ промежуткѣ которыхъ F(x) сохраняетъ свой знакъ, *т. е.* (?) постоянно уменьшается или постоянно возрастаетъ".

Весь § 35 представляетъ одну сплошную нелѣпость. Авторъ забылъ указать цѣлый рядъ условій, которыя нужно изложить на функцію f(x).

Стр. 67. Авторъ ищетъ истинное значеніе неопредѣленностей, не сказавъ, что это такое, при чемъ еще для неопредѣленностей типа

$\infty - \infty$ рекомендуетъ данную неопредѣленность $F(a) - f(a)$ привести къ виду (стр. 70)

$$F(a)\left(1 - \frac{f(a)}{F(a)}\right)$$

и искать сначала истинное значеніе дроби $\frac{f(a)}{F(a)}$, „и тогда уже можно узнать истинное значеніе предложеннаго выраженія". Ну, а если окажется пред. $\frac{f(x)}{F(x)} = 1$ при $x = a$?

Стр. 72. Для раскрытія одной неопредѣленности авторъ совершенно неожиданно примѣняетъ неизвѣстное ученикамъ разложеніе для $e^{2\pi x}$.

Стр. 76—77. Выводъ дополнительнаго члена для ряда Тейлора изложенъ крайне сбивчиво и длинно.

На стр. 79 авторъ предлагаетъ разложить $\text{Log}(1+x)$ по формулѣ Маклорена, упуская изъ виду, что ученики не знаютъ необходимой для этого формы дополнительнаго члена, данной Коши, и, что еще важнѣе, условій сходимости безконечныхъ рядовъ.

Стр. 83. Для распознаванія maxima и minima авторъ рекомендуетъ составлять числа $f(k-h)$ и $f(k+h)$, чтобы опредѣлить ихъ знаки, и забываетъ, что при этомъ остается неизвѣстнымъ, какъ нужно выбирать h.

При введеніи новой перемѣнной въ опред. интегралахъ появляются числа t_1 и t_2 безъ всякаго объясненія (стр. 127), а дальше (стр. 132) считается извѣстнымъ интегрированіе раціональныхъ дробей и приведеніе интеграловъ типа

$$\int F(x, \sqrt{Ax^2 + Bx + C})\, dx$$

къ основнымъ типамъ, о чемъ ученики, конечно, не слышали ни единаго слова.

Б. Кояловичъ.

***Проф.** *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* **Теорія прозы и поэзіи. Руководство для средней школы и для самообразованія. Изд. Тов. И. Д. Сытина. Москва 1908. Стр. 163 [1]. Цѣна 60 коп.**

Въ основу новаго курса авторомъ положены его взгляды на поэзію, во многомъ расходящіеся съ тѣми, которые до сихъ поръ лежали

---

[1]) Отчасти то же, хотя и не въ столь категорической формѣ, было высказано въ книгѣ изд. ученикомъ Вильгельма Шерера Рихардомъ Мейеромъ изъ его наслѣдія. Берлинъ. 1888 г., подъ названіемъ Poetik u. Wilhelm Scherer. Cf. I Kapitel.

въ основѣ лучшихъ нашихъ и—поскольку мнѣ извѣстно—западноевропейскихъ руководствъ. Такъ авторъ полагаетъ, что къ области поэзіи относятся всѣ искусства. Едва ли можетъ быть, однако, доказано такое положеніе: „архитекторъ, скульпторъ, живописецъ, музыкантъ, замышляя и созидая свои произведенія, создаютъ ихъ сперва въ своемъ умѣ, въ воображеніи. А все, что совершается въ умѣ, въ воображеніи *совершается не иначе, какъ силою и средствами языка*" (стр. 12).

„Воздвигнутое зданіе будетъ послѣднимъ окончательнымъ переводомъ *этого словеснаго подлинника* на языкъ „камня, мрамора и дерева" (стр. 13). Метафора *языкъ дерева* и т. п. ничему не мѣшаетъ, но чтобы существовалъ *словесный подлинникъ* Лунной сонаты—это, я думаю, трудно не только доказать, но даже предположить. Гораздо болѣе введенія удовлетворяетъ насъ первая глава, написанная въ терминахъ болѣе обычныхъ и трактующая о поэзіи и прозѣ, какъ явленіяхъ человѣческой мысли, съ удачными выписками и примѣрами изъ извѣстной книги Гюйо, изъ Тургенева („Поѣздка въ Полѣсье"), Гоголя и Лермонтова.

Для образовъ г. Овсянико-Куликовскій даетъ новое дѣленіе ихъ на типичные, символическіе и схематическіе (стр. 33) и отлично разъясняетъ, что именно подъ этими терминами разумѣется.

Но я не совсѣмъ понялъ то, что сказано на стр. 43 о родствѣ эстетическаго чувства съ нравственными, и рѣшительно не понимаю, ни что нравственнаго заключаетъ въ себѣ „спокойствіе трудовой умственной совѣсти", ни при чемъ здѣсь своеобразная природа эстетической эмоціи.

Въ § 3 авторъ опять удаляется изъ области слова и относитъ архитектуру къ искусству лирическому (стр. 53), при чемъ рядомъ съ этимъ портретъ причисляется къ искусству образному въ тѣсномъ смыслѣ слова. На этой почвѣ книга г. Овсянико-Куликовскаго выходитъ изъ моей компетенціи; но я не могу не отмѣтить все же бросающейся въ глаза субъективности въ сдѣланномъ имъ распредѣленіи искусствъ и отдѣлки ихъ жанровъ. Стоя на точкѣ зрѣнія главнымъ образомъ психологической, авторъ разсматриваетъ (стр. 60) въ одной общей группѣ Магабхарату, Шахнамэ, наши былины и пѣснь о Роландѣ, о чемъ, мнѣ кажется, можно только пожалѣть (ср. также стр. 72 сл., 74 сл. и 76). Непріятно дѣйствуютъ и такія опредѣленія: „Иліада описываетъ 10-лѣтнюю осаду Трои греками" (стр. 61); „неизмѣнною принадлежностью героическаго эпоса является *введеніе* въ

него элемента фантастическаго, чудеснаго въ лицѣ боговъ, богинь, фей, святыхъ, дьявола и т. д.".

На стр. 77 читаемъ: „Драматическая поэзія развѣтвлялась уже въ древности на трагедію и комедію", что находится въ противорѣчіи со всѣмъ, что мы знаемъ о началѣ трагедіи и началѣ комедіи.

Пятая глава книги посвящена пріемамъ поэтическаго творчества. Если освободить мысленно изложеніе отъ такихъ аналогій, что пріемы образнаго мышленія (подъ ними разумѣется, напр., лежащ. въ основѣ синекдохи) играютъ въ поэзіи ту же роль, какую въ наукѣ и философіи играютъ „методы",—то главу нельзя не признать написанною очень удачно (напр. стр. 168 сл. о сравненіи и сопоставленіи).

Въ общемъ слѣдуетъ признать новый учебникъ не только оригинальнымъ и строго продуманнымъ, чѣмъ значительно искупаются и тѣ странности его, примѣры которыхъ отмѣчены выше, — но и замѣчательно стройнымъ и выдержаннымъ по плану.

Я совершенно не согласенъ съ точкою зрѣнія автора на задачу обновленія курса теоріи словесности, который, по моему, долженъ получить историко-генетическую основу.

И. Анненскій.

**С. Сазоновъ*, преподаватель химіи въ женскомъ педагогическомъ институтѣ, бывшій преподаватель химіи въ Тенишевскомъ училищѣ; *В. Верховскій*, преподаватель химіи въ Тенишевскомъ училищѣ, ассистентъ по химіи въ женскомъ педагогическомъ институтѣ. Первыя работы по химіи. Руководство для практическихъ занятій, параллельныхъ элементарному курсу. С.-Пб. Изданіе журнала „Природа въ Школѣ". 1908. XIV+175 стр. съ рисунками. Цѣна въ переплетѣ 85 копѣекъ".

Осуществленіе новой программы для реальныхъ училищъ на практикѣ встрѣтило не мало затрудненій въ той части ея, которая относится къ химіи. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ, разсматриваемая книга пріобрѣтаетъ особенный интересъ. Авторы ея, гг. Сазоновъ и Верховскій, на практикѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, осуществляютъ то, что намѣчено новою программою министерства народнаго просвѣщенія, и подробно указываютъ, какъ это можно сдѣлать.

Въ первой части книги сообщаются I) „Практическія указанія для руководителя" и II) „Практическія указанія для работающихъ". Руководитель можетъ узнать здѣсь: какъ устроить помѣщеніе для веденія практическихъ занятій, параллельныхъ элементарному курсу химіи, какіе должны быть столы, горѣлки и лампы; вѣсы и разновѣски и проч.; вещества и реактивы, необходимые для работъ, ихъ пригото-

вленіе и сохраненіе; перечень вещей и матеріаловъ для общаго лабораторнаго пользованія, также выдаваемыхъ отдѣльно каждому работающему, наконецъ, медицинскія средства на случай порѣзовъ, ожоговъ и другихъ случайностей. Эти и другія, весьма полезныя, свѣдѣнія для преподавателей помѣщены на 39 страницахъ убористой печати. Во многихъ случаяхъ указана стоимость предметовъ. Въ отдѣлѣ, назначенномъ для работающихъ, даны подробныя указанія относительно того, какъ обращаться съ химической посудой, собирать приборы, обработывать пробки для этой цѣли, сгибать и оттягивать трубки, приготовлять фильтры и производить фильтрованіе, какъ пользоваться вѣсами и проч. Во второй части сдѣланы описанія работъ. „Прежде чѣмъ взяться за первую работу, необходимо познакомиться съ употребленіемъ газовой горѣлки или спиртовой лампочки (гдѣ газа нѣтъ)"—на это посвящено около шести страницъ систематическаго изложенія. Далѣе предлагается „работа I—выпарить обыкновенную воду". Всего предложено 60 работъ, соотвѣтственно слѣдующему плану: „Первые законы и понятія", „Вода. Растворы", „Водородъ и кислородъ. Составъ воды", „Понятіе о соли", „Галоиды", „Сѣра", „Углеродъ", „Азотъ". Въ предисловіи обращено вниманіе на то обстоятельство, что „уровень развитія учениковъ иногда можетъ заставить и сократить количество работъ"; кромѣ того: „нѣкоторыя предполагаются лишь для наиболѣе успѣвающихъ: таковы, напримѣръ, работа 23 и работа 49"—синтезъ воды и опредѣленіе процентнаго содержанія углекислаго газа въ мраморѣ.

Въ „прибавленіи" сообщаются: „Перечень веществъ и реактивовъ, необходимыхъ для описанныхъ работъ, съ указаніемъ приблизительныхъ количествъ на 40—50 работающихъ и приблизительной стоимости", „Адреса С.-Петербургскихъ и заграничныхъ фирмъ, отъ которыхъ можно получать матеріалы, посуду и приборы, необходимые для постановки и веденія практическихъ работъ по химіи", „Списокъ книгъ, могущихъ служить пособіемъ для преподавателей, которые пожелали бы расширить предлагаемый курсъ практическихъ работъ". Можно согласиться или не согласиться съ авторами разсматриваемой книги въ подробностяхъ, но нельзя не признать за ними заслугу для современной русской школы въ ихъ желаніи дать практическое систематическое руководство для занятій, параллельныхъ элементарному курсу химіи и въ исполненіи этого желанія.

С. Глинка.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію за сентябрь и октябрь мѣсяцы 1908 года.

— *Балицкій, Г. В.* Зарожденіе періодической печати въ Россіи. С.-Пб. 1908. 77 стр.

— *Поль д'Ивуа.* Вокругъ свѣта съ гривенникомъ въ карманѣ. Романъ съ рисунками. С.-Пб. Книгоиздательство П. П. Сойкина. 396 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— *Сальниковъ, А. Н.* И. А. Гончаровъ. (Біографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній). Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Книгоиздательство „Посѣвъ". С.-Пб. 1908. 64 стр. Цѣна 35 коп.

— *Сальниковъ, А. Н.* А. Н. Островскій. (Біографія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній). Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ. Книгоиздательство „Посѣвъ". С.-Пб. 1908. 63 стр. Цѣна 35 коп.

— Работы комиссіи по русскому языку при Одесскомъ кадетскомъ корпусѣ съ февраля 1907 г. по май 1908 г. Одесса 1908. X+281 стр.

— *Новичъ, Н.* Пѣсни дѣтства. Выпускъ I. 15 двухголосныхъ пѣсенъ на славянскія мелодіи. С.-Пб. 1908. 16 стр. Цѣна 30 коп.

— *Катаевъ, И.* Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ первый. Изданіе второе. М. 1909. VIII+123 стр. Цѣна 50 коп.— Выпускъ второй. М. 1908. 263+IV стр. Цѣна 80 коп.

— *Маляревскій, М. И.* Онанизмъ и борьба съ нимъ съ точки зрѣнія врача-педагога. Докладъ, читанный въ Обществѣ нормальной и патологической психологіи при Императорской Военно-Медицинской Академіи. Изданіе второе. С.-Пб. 1907. 36 стр. Цѣна 30 коп.

— *А. Флеровъ.* Дѣтскій Другъ. Вторая послѣ букваря книга для класснаго чтенія въ начальныхъ училищахъ и для домашняго обученія. Съ рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: Рѣпина, Рыбакова, Богданова-Бѣльскаго, Комаровскаго, Лемоха, Шанкса, Малинина и др. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1908. 214 стр. Цѣна 60 коп.

— *Сажинъ, И. В., д-ръ.* Наслѣдственность и спиртные напитки. Роль и значеніе спиртныхъ напитковъ въ области духовнаго и физическаго вырожденія. С.-Пб. 1908. 46 стр. Цѣна 30 коп.

— *Рабиновичъ, И. О.* Шестая часть свѣта (вопросъ объ антарктическомъ материкѣ). С.-Пб. 1908. 28 стр. Цѣна 40 коп.

— *Соломко, П.* Спутникъ филателиста. Руководство для собирателей почтовыхъ марокъ. Изданіе Вейтлери и Баде. С.-Пб. 1908. 72 стр. Цѣна 30 коп.

— *Бончъ-Бруевичъ, Владиміръ.* Программа для собиранія свѣдѣній по изслѣдованію и изученію русскаго сектантства и раскола. С.-Пб. 1908. 12 стр.

— *Щербина, К. М.* Математика въ русской средней школѣ. Обзоръ трудовъ и мнѣній по вопросу объ улучшеніи программъ математики въ средней школѣ за послѣднія девять лѣтъ (1899—1907). Кіевъ 1908. II + 152 стр. Цѣна 1 руб.

— *Суворовъ, Александръ.* Vocabularium etymologicum linguae latinae. Латино-русскій словарь, расположенный по корнямъ. Варшава 1908. XV+730 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

— Школьный календарь 1908—1909 учебный годъ. Годъ двѣнадцатый. Безплатное приложеніе къ журналу „Народное Образованіе". С.-Пб. 1908. 72 стр.

— *Крассовскій, С. С.* О языкахъ и нравахъ. Приведеніе подтверждающихъ наблюденій правильности „таблицы членораздѣльныхъ звуковъ и ощущеній". Выпускъ II. С.-Пб. 1908. 100+3 нен. стр.

— Каталогъ патріотическихъ изданій журнала „Мирный трудъ". Харьковъ 1908. 8 стр.

— Чествованіе члена Государственной Думы профессора А. С. Вязигина. Харьковъ 1908. 28 стр.

— *Вязигинъ, А. С.* Въ туманѣ смутныхъ дней. Сборникъ статей, докладовъ и рѣчей. Харьковъ 1908. XVI+479 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Августъ.

Уже болѣе четверти вѣка во Франціи существуетъ обязательное начальное обученіе. Къ сожалѣнію, на практикѣ эта обязательность далеко не достигается. Такъ процентъ безграмотныхъ рекрутовъ равняется 3,3; тогда какъ въ Швейцаріи только 0,17. Грамотность женщинъ не можетъ быть провѣрена тѣмъ же способомъ, но среди нихъ процентъ безграмотныхъ, вѣроятно, еще больше. Особенно печально то, что за послѣднія десять лѣтъ процентъ безграмотныхъ (въ 40 департаментахъ) увеличился.

Если обратить вниманіе не только на грамотность, но и на общее образованіе, то картина получается еще безотраднѣе: въ 1906 г. изъ 313.787 человѣкъ умѣли только читать и писать, 71.783 оказались грамотными, 200.000 имѣли кое-какія познанія кромѣ чтенія и письма, да и то не очень большія. Г. Роланъ, пѣхотный офицеръ, сдѣлалъ анкету по этому вопросу, и результаты ея изложилъ въ книгѣ, озаглавленной l'Education du soldat. Эти результаты весьма прискорбны: напримѣръ, солдатъ парижанинъ, имѣющій аттестатъ, считаетъ, что Алжиръ находится въ Европѣ и что Эльзасъ-Лотарингія есть французскій городъ, а Седанъ и Іена знаменитые генералы. По заключенію лейтенанта Ролана 50% рекрутовъ совершенно не знаютъ исторіи своей страны, 36% не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о войнѣ 1870—71 года.

Желая унизить духовенство, наша радикальная партія восторгается нашими учебными заведеніями. Но въ дѣйствительности эти заведенія не могутъ особенно гордиться достигаемыми результатами. Отчасти, правда, оттого, что дѣти кончаютъ школу около тринадцати лѣтъ, когда преподанныя имъ понятія не поспѣваютъ еще укорениться. Этому

горю можно было бы помочь учрежденіемъ курсовъ для юношей отъ 13 до 20 лѣтъ. Г. Бюиссонъ, депутатъ радикалъ, но въ то же время серьезный педагогъ, предлагаетъ производить—по примѣру Швейцаріи—рекрутамъ при поступленіи въ полкъ не только физическій, но и умственный экзаменъ. Этотъ экзаменъ не былъ бы лекарствомъ противъ болѣзни, но хорошимъ средствомъ для опредѣленія ея распространенія, и можетъ быть вызвалъ бы соревнованіе между городами и департаментами и стремленіе представить наилучше обученный контингентъ. Таковъ былъ результатъ въ Швейцаріи.

Г. Левассеръ, извѣстный статистикъ, издалъ статистическія свѣдѣнія о первоначальномъ образованіи во Франціи. Въ 1902 г. число начальныхъ школъ (элементарныхъ и высшихъ) равнялось 85.232. Послѣ уничтоженія духовныхъ конгрегацій это число упало до 81.653 въ 1906—1907 гг. Правда, что нѣкоторыя конгрегаціи перенесли свои школы за границу, въ Англію, Бельгію и Швейцарію, и за ними послѣдовали нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ; но ихъ нельзя считать въ статистикѣ Франціи.

Я уже не разъ сообщалъ вамъ о дѣятельности Alliance française de Paris по распространенію французскаго языка. Усилія союза увѣнчиваются съ каждымъ днемъ все большимъ и большимъ успѣхомъ. Курсы, устраиваемые союзомъ въ Парижѣ, привлекаютъ ежегодно массу слушателей. Въ этомъ году въ августѣ было на 125 человѣкъ больше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ сосѣднихъ странахъ: Бельгіи, Швейцаріи и въ Люксембургѣ, гдѣ французскій языкъ долженъ выдерживать конкуренцію нѣмецкаго и фламандскаго, также принимаются мѣры для защиты и распространенія французскаго языка. Такъ въ Невшателѣ образовался комитетъ для защиты французскаго языка въ Швейцаріи. Въ г. Арлонѣ (въ Бельгіи) 20-го сентября состоится конгрессъ французскаго языка и литературы. Цѣль этого конгресса найти практическіе способы для распространенія французскаго языка заграницей и для облегченія изученія его для того, чтобы онъ могъ стать органомъ международныхъ сношеній. Въ этомъ конгрессѣ изъявили согласіе участвовать Швейцарія, Голландія, Россія, Англія и Скандинавскія страны.

Въ Люксембургѣ правительство поручило выдающемуся актеру изъ Comédie française прочесть курсъ дикціи ученикамъ Атенея (гимназіи) и Нормальной школы для учителей и учительницъ. Эти курсы состоялись не только въ г. Люксембургѣ, но и въ двухъ главныхъ городахъ герцогства: Дикирхѣ и Эштернахѣ.

Я вамъ сообщалъ о Institut d'études franco-italiennes, основанномъ во Флоренціи Гренобльскимъ университетомъ. Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ взяла его подъ свое покровительство и назначила ему субсидію въ 8.000 фр.

Тулузскій университетъ тоже стремится сдѣлать болѣе тѣсной духовную связь между Франціей и Испаніей. Для этого онъ основалъ Union des étudiants français en Espagne; дѣятельность этого союза выразилась такъ: въ Бургосѣ во время каникулъ были организованы курсы для французовъ (съ 5-го августа по 21-е сентября), на нихъ читалась исторія искусства и цивилизаціи, курсъ сопровождался экскурсіями въ городѣ и окрестностяхъ; въ Мадридѣ были открыты курсы въ апрѣлѣ и маѣ въ университетѣ и педагогическомъ музеѣ. Кромѣ того состоялись посѣщенія музеевъ, архивовъ и библіотекъ и экскурсіи въ окрестности (Толедо, Эскуріалъ, Алкала). Лицамъ, прослушавшимъ курсы въ Бургосѣ и Мадридѣ, выдавались удостовѣренія. Если кто либо изъ вашихъ читателей, знающій французскій языкъ, пожелаетъ воспользоваться этими курсами, то онъ долженъ обратиться къ г. Мериме, профессору Тулузскаго университета, или въ вышеупомянутый союзъ въ Бургосъ или Мадридъ.

При большинствѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, лицеевъ и коллежей, существуютъ общества бывшихъ учениковъ. Дѣятельность этихъ обществъ заключается: въ устройствѣ ежегодныхъ товарищескихъ обѣдовъ для поддержанія связи между бывшими учениками, въ помощи нуждающимся товарищамъ и въ учрежденіи премій для учениковъ. Нѣсколько времени тому назадъ эти общества начали устраивать общіе съѣзды и образовали союзъ, объединяющій ихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ обществъ для поощренія изученія новыхъ языковъ учредили стипендіи на путешествія въ Англію и въ Германію. Обыкновенно выдается по 300 франковъ; кромѣ того французскія желѣзныя дороги дѣлаютъ стипендіатамъ скидку, такъ что выдаваемая стипендія оказывается достаточной. Въ прошломъ году было выдано около пятидесяти стипендій и было замѣчено, что воспользовавшіеся ими ученики сдѣлали большіе успѣхи въ языкахъ. Кромѣ того, какъ я вамъ уже сообщалъ, въ Парижѣ образовалось общество интернаціональнаго обмѣна учениковъ. Такъ что въ общемъ изученіе живыхъ языковъ (нѣмецкаго и англійскаго) дѣлаетъ у насъ большіе успѣхи.

Желалъ бы имѣть возможность сообщить вамъ то же и относительно русскаго языка, но, къ сожалѣнію, не могу. Лѣтъ двадцать тому назадъ проявилось нѣкоторое стремленіе къ изученію его, но

теперь къ нему охладѣли, и число изучающихъ русскій языкъ значительно сократилось.

Французское историческое общество, давшее столько интересныхъ изданій, теперь предприняло огромное изданіе мемуаровъ кардинала Ришелье, и французская академія, основанная знаменитымъ кардиналомъ, взяла это изданіе подъ свое покровительство. Редакція этого изданія была поручена академику Жюлю Лэру, знатоку семнадцатаго вѣка. Но, къ сожалѣнію, онъ умеръ до появленія перваго тома. Послѣ его смерти руководство изданіемъ было поручено члену академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, г-ну де Курселю, бывшему французскому посланнику въ Лондонѣ и Берлинѣ; ему помогаютъ сотрудники, которые составляютъ замѣтки и статьи къ нѣкоторымъ мѣстамъ мемуаровъ. Первый томъ, обнимающій періодъ съ 1600 по 1615 г., даетъ представленіе о томъ, какое это будетъ интересное изданіе. Къ первому тому приложено добавленіе, содержащее нѣсколько снимковъ съ автографовъ кардинала.

Девятнадцатому вѣку, разрушившему многое, созданное старой Франціей, не удалось, однако, уничтожить вліяніе академій. Я уже сообщалъ вамъ объ интересной книгѣ, посвященной исторіи французскаго института, написанной секретарями пяти академій. Передо мной небольшая книжка, прибавляющая нѣсколько страницъ къ тому, что уже извѣстно относительно академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, написанная Адольфомъ Лэромъ: l'Institut de France et le second empire. Г. Лэръ состоитъ корреспондентомъ этой академіи, и поэтому имѣлъ возможность заимствовать свѣдѣнія изъ архивовъ академіи. Онъ разсказываетъ, какъ академія неоднократно возбуждала недовѣріе Наполеона III, который для того, чтобы имѣть ее въ своей власти, прибавилъ въ 1855 г. десять новыхъ членовъ, которыхъ назначилъ самъ; какія препятствія встрѣтила кандидатура Жюля Симона, который впослѣдствіи былъ членомъ двухъ академій.

Я неоднократно писалъ о курсахъ, читаемыхъ въ Сорбоннѣ иностранными профессорами. Въ прошломъ году извѣстный американецъ Арчибальдъ Кэри Кулиджъ прочелъ весьма интересный курсъ: Соединенные Штаты какъ міровая держава. Этотъ курсъ вышелъ на французскомъ языкѣ съ предисловіемъ Анатоля Леруа-Болье, который указалъ на интересъ затронутыхъ въ книгѣ вопросовъ. Эта книга представляетъ настоящую политическую энциклопедію, такъ какъ авторъ разсматриваетъ: территоріальное образованіе Соединенныхъ штатовъ, образованіе американскаго народа (бѣлыя и цвѣтныя

расы), теоріи и политическія тенденціи американцевъ, колоніальный вопросъ (Куба, Филиппины), отношенія Соединенныхъ Штатовъ къ Франціи, Германіи, Россіи, Англіи, Канадѣ, латинской Америкѣ, Китаю, Японіи. Отдѣльная статья посвящена Панамскому каналу. Эта книга является прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ покойнаго Бутми, Eléments d'une Psychologie du peuple américain.

Жители Канады отпраздновали трехсотлѣтіе основанія города Квебека французомъ Шапленомъ. По этому поводу произошелъ обмѣнъ дружественныхъ манифестацій между Франціей и старой колоніей. Не смотря на полуторавѣковое владычество Англіи, въ Канадѣ сохранился французскій языкъ. По случаю юбилея появилось много изданій, изъ которыхъ самое интересное есть книга г. Жана Ліонне, Chez les français du Canada. Г. Ліонне—предсѣдатель основаннаго въ Парижѣ общества La Canadienne, цѣль котораго заключается въ поддержаніи связи между метрополіей и бывшей колоніей, въ которой еще очень живъ французскій духъ. Въ 1906 г. Ліонне посѣтилъ Канаду и имѣлъ возможность близко изучить ея трудолюбивое населеніе. Онъ указываетъ, что оно осталось глубоко католическимъ, и боится, какъ бы преслѣдованіе римской церкви республиканскимъ правительствомъ не вызвало полнаго разрыва съ Канадой. Книга г. Ліонне полна интересныхъ наблюденій надъ нравами и экономической жизнью Канады.

Болѣе опасное путешествіе описываетъ графъ Лесдинъ въ своей книгѣ: Voyage au Thibet par la Mongolie. De Pekin aux Indes. Это путешествіе длилось съ іюля 1904 по ноябрь 1905. Путешественника сопровождалъ довольно большой караванъ. Съ большими трудностями и лишеніями онъ прошелъ отъ Пекина черезъ пустыню Гоби въ Тибетъ, достигъ источниковъ Янгъ-Тсе-Кіанга и наконецъ сѣвера Индіи. Особенно удивительно въ этомъ путешествіи, разсказанномъ очень просто, то, что г. Лесдина сопровождала его жена, молодая парижанка, которая мужественно переносила всѣ испытанія.

Изъ появившихся за послѣднее время описаній путешествій особенно интересна книга Жоржа Сервьера A travers l'Autriche-Hongrie, cités et sites. Объ авторѣ этой книги я знаю только, что онъ написалъ статьи о путешествіи по Германіи и статьи о нѣмецкой музыкѣ. Онъ прекрасно знаетъ нѣмецкій языкъ, что весьма важно для путешествія по Германіи, но не достаточно для путешествія по Австріи. Такъ, описывая Лайбахъ, Краковъ, Аграмъ, авторъ списываетъ съ Бедекера нѣмецкія названія, что можетъ вызвать путаницу въ умѣ читателя.

Въ Парижѣ существуетъ музей исторіи города, помѣщающійся въ историческомъ отелѣ мадамъ де Севинье. Рядомъ съ этимъ музеемъ въ домѣ восемнадцатаго вѣка помѣщается библіотека, въ которой собраны исключительно книги по топографіи и исторіи столицы; тамъ ежегодно устраиваются выставки гравюръ и документовъ, относящихся къ какому-нибудь эпизоду изъ исторіи Парижа. Директоръ этой библіотеки г. Марсель Поэтъ, ученый, прекрасно знающій исторію Парижа. Каждую зиму онъ читаетъ лекціи по исторіи столицы. Эти лекціи онъ издалъ подъ заглавіемъ L'enfance de Paris. Онѣ обнимаютъ періодъ съ возникновенія Парижа до эпохи Филиппа Августа, т. е. до начала XIII вѣка. Авторъ старается дать ясный обликъ Парижа въ галло-римскую эпоху, въ моментъ нашествія норманновъ; онъ описываетъ роль, которую играли религіозныя учрежденія, особенно знаменитое Сенъ-Жерменское аббатство, въ исторіи развитія Парижа.

Въ послѣднее время много занимаются экономической стороной французской революціи. Одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ, кіевскій профессоръ Лучицкій, далъ прекрасный примѣръ нашимъ ученымъ, напечатавъ свой почтенный трудъ о мелкой земельной собственности во Франціи и о продажѣ національной собственности. Національной собственностью назывались земли, конфискованныя у эмигрантовъ и духовенства, которыя раздроблялись и продавались въ пользу націи. Съ этими имѣніями связана масса вопросовъ, до сихъ поръ неразрѣшенныхъ: каково было ихъ количество? ихъ дѣйствительная стоимость? выиграло ли сельское хозяйство отъ этой перемѣны владѣльцевъ? Отвѣтъ на эти вопросы представляетъ колоссальный трудъ. Профессоръ Бордосскаго университета г. Марсель Маріонъ занялся изслѣдованіемъ этого вопроса для двухъ хорошо знакомыхъ ему департаментовъ: Жиронды, въ которомъ находится Бордо, и Шера, расположеннаго въ центрѣ Франціи, откуда родомъ авторъ. Результаты своихъ трудовъ онъ изложилъ въ прекрасно документированной монографіи La vente des biens nationaux pendant la Révolution. Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ присудила за этотъ трудъ премію Росси, главную премію за труды по политической экономіи.

Я указывалъ вамъ въ прошломъ году на сборникъ Ecrivains politiques au XVIII-me siècle, изданный Альбертомъ Бэйе и Франсуа Альбертомъ. Теперь эти авторы издали новую книжку Ecrivains politiques au XIX-me siècle. Девятнадцатый вѣкъ былъ по преимуществу вѣкомъ споровъ и революцій. Авторы, не желая слишкомъ увели-

чивать объемъ книги, исключили тѣхъ писателей, которые были главнымъ образомъ политическими дѣятелями, какъ напримѣръ, Тьеръ, Гизо, а также писателей, какъ Шатобріанъ, Ламартинъ, Поль Луи Курье, Мишле, представляющихъ изъ себя скорѣе великихъ писателей, чѣмъ великихъ теоретиковъ, а изъ теоретиковъ они выбрали только главныхъ представителей школъ, оставляя въ сторонѣ ихъ учениковъ. Также они не помѣстили писателей, находящихся еще въ живыхъ. Въ довольно длинномъ предисловіи изложены главныя политическія теоріи девятнадцатаго вѣка. Начинается книга выдержками изъ мадамъ де Сталь и Кондорсе, затѣмъ идутъ выдержки изъ Бабёфа, Жозефа де Местра, де Бональда, Бенжамена Констана, Сенъ Симона, Фурье, Ламене, Бюше, Кабе, Пьера Леру, Огюста Конта и Прудона, Луи Блана, Эдгара Кине. Произведенія нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей въ свое время надѣлали много шума, но затѣмъ ни разу не были переизданы. Хрестоматія гг. Бэйе и Альберта даетъ возможность читателю составить себѣ о нихъ ясную идею.

Г. Жоржъ Пелиссье, о книгахъ котораго по французской литературѣ я вамъ не разъ сообщалъ, написалъ новое произведеніе Voltaire philosophe. Авторъ взялъ на себя трудъ перечесть всего Вольтера и извлечь изъ него все, что касается метафизики, религіи, этики и политики. Въ общемъ его книга представляетъ рядъ выдержекъ, связанныхъ нѣкоторыми общими разсужденіями. Г. Пелиссье, будучи протестантомъ, не находитъ ничего предосудительнаго въ нападкахъ Вольтера на католичество, скорѣе даже ставитъ ему это въ заслугу. Однако, онъ признаетъ, что фернейскій философъ преувеличиваетъ, отказываясь признать великія заслуги, которыя церковь оказала Европѣ въ средніе вѣка. Эта книга могла бы быть прекрасной справочной книгой, но, къ сожалѣнію, въ ней отсутствуетъ index rerum.

Г. Морисъ Граммонъ, профессоръ университета Монпелье, занимается вопросами, касающимися французской версификаціи; недавно онъ изложилъ свою теорію въ небольшой статьѣ о французской версификаціи, которая не лишена интереса. Авторъ хорошо знаетъ средневѣковый французскій языкъ; онъ изслѣдуетъ самое возникновеніе нашего стиха и высказываетъ весьма остроумныя соображенія относительно нѣкоторыхъ сторонъ нашего стихосложенія. Боюсь, что онъ мѣстами парадоксаленъ и приписываетъ нашимъ поэтамъ стремленія, о которыхъ они и не помышляли. Къ тому же въ книгѣ есть большой пробѣлъ: авторъ касается только стиха и совершенно не касается поэтическихъ видовъ. Авторъ часто дѣлаетъ ссылки на про-

изведенія своихъ предшественниковъ, какъ-то: Трактатъ о французской поэзіи Теодора Банвиля, Общій трактатъ о французской версификаціи Бека де Фукьера, Трактатъ о версификаціи, помѣщенный въ предисловіи къ методическому словарю французскихъ риѳмъ Мартинона.

Число открытій въ области доисторической археологіи увеличивается съ каждымъ днемъ. Поэтому требуется много энергіи и знанія, чтобы составить учебникъ этой науки, которая на нашихъ глазахъ такъ быстро растетъ и измѣняется. Такой учебникъ предполагаетъ дать извѣстный археологъ г. Дешелеттъ, консерваторъ Руанскаго музея, извѣстный уже прекрасными трудами о галло-римскихъ вазахъ и о раскопкахъ въ Бибрактѣ. Въ настоящее время вышелъ первый томъ его Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, въ которомъ находится все, относящееся къ двумъ каменнымъ вѣкамъ, т. е. изслѣдованія о доисторическихъ цивилизаціяхъ, остатки которыхъ сохранились въ наносныхъ отложеніяхъ нашихъ рѣкъ, въ пещерахъ, обитаемыхъ въ эпоху мамонта и сѣвернаго оленя, и въ неолитическихъ гробницахъ. Авторъ хорошо знакомъ съ археологіей европейскихъ странъ, а также съ недавними находками въ Египтѣ, Архипелагѣ и въ семитическомъ востокѣ. По свидѣтельству такого знатока, какъ Саломонъ Рейнакъ, этотъ первый томъ представляетъ прекрасное руководство, подобнаго которому не имѣется для классической археологіи. Въ этомъ томѣ находится 250 гравюръ.

Издательство Гашеттъ предполагаетъ издать рядъ иллюстрированныхъ книгъ, посвященныхъ великимъ памятникамъ древности. Я уже писалъ вамъ о „Римскомъ Форумѣ" академика Тедена. Второй томъ былъ „Римскій Капитолій" Родоканаки. Третій посвященъ виллѣ Адріана, находящейся близъ Тиволи, и написанъ Пьеромъ Гюзманомъ. Извѣстно, что эта вилла представляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ римской древности. Г. Гюзманъ уже посвятилъ ей монографію in 4°, украшенную 600-ми приблизительно иллюстраціями, съ предисловіемъ покойнаго Гастона Буассье. Но это роскошное изданіе доступно не для всѣхъ. Авторъ сократилъ его въ небольшой томъ in 12°, снабженный 130 иллюстраціями. Весьма желательно, чтобы эта прекрасная серія имѣла продолженіе.

Авторъ книги о французскомъ фольклорѣ, г. Поль Зебилло, написалъ новую книгу Le Paganisme contemporain chez les peuples celto-latins. Въ этой книгѣ авторъ изслѣдуетъ вопросъ, что осталось отъ язы-

чества въ кельто-латинской Европѣ, т. е. въ средѣ наиболѣе цивилизованныхъ народовъ, принявшихъ христіанство болѣе пятнадцати вѣковъ тому назадъ. Собственно говоря, христіанству не удалось искоренить въ крестьянской некультурной массѣ различные обычаи, покоящіеся на суевѣріи, обычаи, осужденные первыми проповѣдниками и на первыхъ соборахъ. Основываясь на множествѣ примѣровъ, заимствованныхъ у писателей, хорошо знакомыхъ съ народными обычаями, авторъ доказываетъ, что различныя событія человѣческой жизни постоянно сопровождаются дѣйствіями и обрядами, дошедшими отъ самыхъ отдаленныхъ временъ. Эти обряды сопровождаютъ постройку жилищъ, уходъ за домашними животными, полевыя и лѣсныя работы. Вѣра въ могущество силъ природы обнаруживается въ весьма очевидныхъ остаткахъ стараго культа звѣздъ, камней, водъ, въ безчисленныхъ актахъ, связанныхъ съ магіей.

Г. Гюаръ, профессоръ школы восточныхъ языковъ, написалъ монографію les Calligraphes et les Miniaturistes de l'Orient musulman. Авторъ былъ консуломъ въ Персіи и вывезъ оттуда интересную коллекцію манускриптовъ и произведеній искусства. Въ своей книгѣ онъ описываетъ сначала матеріалъ, которымъ пользуются каллиграфы: бумагу, инструменты для письма, краски; затѣмъ различные типы письма: арабскій, персидскій; школы каллиграфіи; пріемы переплета, позолоты... Въ книгѣ много образчиковъ письма и нѣсколько иллюстрацій; послѣднія, къ сожалѣнію, не цвѣтныя.

Мнѣ рѣдко приходится сообщать вамъ о книгахъ, изданныхъ во французской Швейцаріи. Считаю однако долгомъ указать вамъ на готовящееся въ Лозаннѣ изданіе полнаго собранія сочиненій Александра Вине. Вине (1797—1847) былъ однимъ изъ нашихъ наиболѣе выдающихся писателей по исторіи французской литературы. Особенно цѣнятъ его статьи о литературѣ 19-го и 18-го вѣковъ, о Паскалѣ, и его комментаріи къ нѣкоторымъ нашимъ классикамъ. Его очень цѣнилъ Сентъ-Бевъ. Полное собраніе его сочиненій займетъ не менѣе пятнадцати томовъ in 8°.

Французская наука понесла тяжелую потерю въ лицѣ филолога Жана Шабано. Этотъ ученый представляетъ интересный типъ самоучки. Онъ былъ почтовымъ чиновникомъ въ Ангулемѣ и все свое свободное время посвящалъ изученію южныхъ діалектовъ и романской филологіи. Его труды заставили обратить на него вниманіе, и въ 1878 ему былъ порученъ курсъ романской филологіи въ Монпельевскомъ университетѣ. Онъ занималъ эту каѳедру до 1901 г. Къ семи-

десятому дню его рожденія ученые различныхъ странъ, занимающіеся романскими языками, напечатали въ честь его книгу. Съ 1886 г. онъ былъ корреспондентомъ академіи надписей. Всѣ его труды касаются языка и исторіи Лангедока.

Л. Л—ръ.

Н. П. ПАВЛОВЪ-СИЛЬВАНСКІЙ.

(Род. 1869 г. — ум. 1908 г.).

(Некрологъ).

Холодная рука смерти вырвала изъ среды нашей дорогую жертву. Николай Павловичъ Павловъ-Сильванскій сошелъ въ могилу въ разцвѣтѣ силъ, въ разгарѣ творческой работы. Его жизнь угасла роковымъ образомъ въ моментъ выхода богатой натуры на болѣе широкое поприще научной и преподавательской дѣятельности. Готовая къ печати рукопись обширнаго ученаго труда ожидала изданія; профессура на юридическомъ факультетѣ Высшихъ женскихъ курсовъ и въ Петербургскомъ политехникумѣ давала возможность обнять въ стройномъ изложеніи цѣлое любимаго предмета — исторіи русскаго права. Онъ покинулъ насъ, полный надеждъ на близкую возможность осуществить свои научные планы, окруженный надеждами тѣхъ, кто такъ его цѣнилъ, такъ въ него вѣрилъ.

Перебирая воспоминанія о ходѣ внутренней эволюціи Н. П. Павлова-Сильванскаго, поражаешься естественной ея цѣльностью. Ища самоопредѣленія въ новыхъ и въ новыхъ задачахъ, то нервно разбрасываясь, въ увлеченіи широкими и—на первый взглядъ—не связанными между собой интересами, то сосредоточивая всѣ силы на упорной спеціальной работѣ, его даровитая натура шла къ углубленной спеціализаціи безъ суженія своего кругозора.

Товарищи Н. П. Павлова-Сильванскаго по Омской гимназіи, гдѣ онъ началъ свое школьное образованіе, помнятъ живого, талантливаго мальчика, искавшаго въ недѣтской начитанности удовлетворенія неугомонной жажды литературныхъ и познавательныхъ впечатлѣній. Въ старшихъ классахъ—въ Петербургѣ—гимназистъ Павловъ-Сильванскій

уже работаетъ надъ систематизаціей и осмысленіемъ накопленнаго богатства. Онъ пишетъ рядъ очерковъ по исторіи новой русской литературы, борется за обширный трудъ, рукопись котораго сохранилась у одного изъ друзей его юности. Пробудившійся и зрѣющій инстинктъ научнаго обобщенія неразрывно сплетенъ съ чуткой отзывчивостью къ теченіямъ современнаго творчества. На гимназической скамьѣ и въ университетской аудиторіи Павловъ-Сильванскій несетъ въ среду товарищей горячіе литературные интересы. Въ тѣ годы его любимцемъ былъ Чеховъ, величина, тогда еще не выясненная литературной критикой. И университетскіе товарищи помнятъ литературные рефераты Павлова-Сильванскаго, полные увлеченія, нервные споры, настойчивую пропаганду опредѣленныхъ вкусовъ и впечатлѣній. Едва ли кто изъ нихъ слѣдилъ такъ внимательно, такъ систематически за всѣмъ новымъ въ области поэзіи и художественной прозы русской, какъ Н. П. Павловъ-Сильванскій, мечтавшій издать „антологію" излюбленныхъ поэтическихъ произведеній.

И параллельно шла настойчивая работа мысли въ другой области. Избравъ спеціальностью русскую исторію, Павловъ-Сильванскій въ университетскіе годы опредѣлилъ свое соціологическое отношеніе къ ней. Весь складъ его ума, устремленнаго къ полнотѣ обобщенія, обусловилъ невозможность удовлетвориться изученіемъ конкретныхъ явленій, въ ихъ индивидуальной самобытности. Къ историческимъ изученіямъ онъ готовился въ соціологической школѣ. Размышленія надъ трудами Бокля, особенно Спенсера составили, быть можетъ, наиболѣе характерную сторону въ теоретической подготовкѣ Павлова-Сильванскаго за годы студенчества. Но живая впечатлительность, такъ ярко сказывавшаяся въ его отношеніи къ жизни, къ людямъ, къ поэзіи, не дала ему уйти въ интересы отвлеченнаго мышленія. Онъ работаетъ съ тѣмъ увлеченіемъ, какое сопровождало всякій его шагъ, что бы онъ ни дѣлалъ, въ области русской исторіи, и въ этой работѣ ищетъ опоры для синтеза своихъ разностороннихъ склонностей и дарованій.

Такъ, думается, опредѣлился выборъ спеціальности, искренній, естественный, вытекавшій изъ основныхъ свойствъ его натуры, изъ боренія разныхъ ея сторонъ. Такъ объяснимы пути его научнаго и литературнаго дѣла.

Научные интересы Н. П. Павлова-Сильванскаго скристаллизовались на темѣ о „феодализмѣ въ древней Руси". По первоначальному замыслу она рисовалась ему, какъ естественный выходъ изъ всего, что есть неопредѣленнаго, расплывчатаго, недоказуемаго въ постановкѣ

проблемъ старой соціологической литературы. „Довольно, писалъ онъ въ 1901 г., сравнивали дикарей, пора сравнивать учрежденія культурныхъ эпохъ. Соціологія станетъ на твердыя ноги только тогда, когда отъ матріархата и проч. и отъ споровъ о методѣ перейдетъ къ изученію такихъ общихъ культурныхъ учрежденій какъ феодальныя". Соціологическое пониманіе темы обусловило двѣ особенности въ самомъ направленіи работы. На первый планъ выступило сравнительное изученіе статическихъ элементовъ соціальнаго строя изучаемаго типа, черта въ методическомъ отношеніи весьма плодотворная, но вызвавшая всего болѣе возраженій противъ формулируемыхъ выводовъ: Павлову-Сильванскому указывали, что устанавливаемыя имъ аналогіи и тожества между отношеніями удѣльной Руси и западнымъ феодализмомъ—не характерны для общаго хода исторической жизни въ тѣхъ странахъ, гдѣ онѣ констатируются, что онъ преувеличиваетъ значеніе изученныхъ чертъ сходства въ ущербъ оцѣнкѣ существенныхъ отличій въ направленіяхъ мѣстныхъ историческихъ процессовъ. Горячо отстаивалъ Н. П. Павловъ-Сильванскій свой методъ, указывая, что его критики сдвигаютъ вопросъ съ надлежащей почвы. И надо признать, что въ поднявшихся спорахъ онъ часто оказывался глубже историкомъ, чѣмъ противники его воззрѣній, такъ какъ придавалъ больше значенія тому, что выяснялось какъ конструктивный принципъ, какъ основа изучаемыхъ отношеній, чѣмъ степени и конкретнымъ деталямъ ея воплощенія въ жизни той или иной страны. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что возраженія, глубоко его волновавшія, дали толчекъ къ расширенію и обогащенію его воззрѣній новыми точками зрѣнія. Въ 1901 г. его мало занималъ вопросъ объ общей схемѣ русской исторіи: „меня, писалъ онъ, больше занимаетъ соціологія", и легко мирился съ представленіемъ, что для темы „Россія и Европа"—его труды дадутъ мало: „вѣдь дальше пути сильно разошлись: эта тема превосходно разъяснена уже Милюковымъ въ I части Очерковъ". Но это было лишь моментомъ. Н. П. Павловъ-Сильванскій тогда помѣстилъ въ „Литературномъ Вѣстникѣ" восторженный отзывъ о схемѣ русской эволюціи П. Н. Милюкова; черезъ шесть лѣтъ—та же схема вызвала рѣшительныя возраженія въ книгѣ: „Феодализмъ въ древней Руси".

Дѣло въ томъ, что возраженія историковъ противъ того, что имъ казалось ультра-соціологической постановкой вопроса, побудили Н. П. Павлова-Сильванскаго перейти въ большей степени отъ сравнительнаго описанія изучаемыхъ явленій къ сравнительно-историческому изученію

ихъ эволюціи. Это значительно усложняло работу. Вѣдь онъ не могъ, не отказавшись отъ самой дорогой стороны своей задачи, замкнуться въ изученіи того или иного мѣстнаго историческаго процесса. И передъ нимъ стала новая проблема—огромной трудности: установить соціологическую закономѣрность эволюціи тѣхъ отношеній, которыя стали предметомъ его сравнительно-историческаго изученія. Въ защитѣ своихъ выводовъ Н. П. Павловъ-Сильванскій естественно пришелъ къ болѣе исторической постановкѣ всей аргументаціи: задача сравнительнаго изученія феодальныхъ учрежденій выросла въ задачу сравнительно-историческаго изученія процессовъ феодализаціи общественнаго строя въ данную культурно-историческую эпоху. Въ такомъ направленіи пошла работа Н. П. Павлова-Сильванскаго за послѣдніе годы. Предварительную, популярную формулировку ея результатовъ, еще не сложившихся въ строго-проработанную систему, даетъ намъ упомянутая книга: „Феодализмъ въ древней Руси". Въ горячей, пылкой полемикѣ первыхъ ея параграфовъ противъ существующихъ схемъ русской исторіи, въ смѣломъ, бѣгломъ наброскѣ главы послѣдней—передъ нами плодъ новаго теченія въ творчествѣ ученаго, обнявшаго мыслью цѣлое своего предмета и раскрывшаго въ эскизной формѣ планъ дальнѣйшихъ работъ. Далеко было отъ автора, колебавшагося, предпосылать ли, уступая интересу читателей и настояніямъ издателя, популярное изложеніе своихъ воззрѣній — выходу большой систематической работы, далеко было и отъ его друзей предчувствіе, что эта книга станетъ научнымъ его завѣщаніемъ.

Стремленіе къ выработкѣ новой схемы русскаго историческаго процесса не только не отодвинуло на второй планъ соціологическую точку зрѣнія въ трудахъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, но, напротивъ, развернуло ее во всей широтѣ. Работа надъ „феодальными отношеніями" удѣльной Руси разрослась въ изученіе феодализма, какъ соціологическаго явленія, пересмотръ вопросовъ древне-русской исторіи — въ пересмотръ основныхъ проблемъ исторіи феодализма. Не разъ высказывалъ Н. П. Павловъ-Сильванскій огорченіе, что литература предмета не даетъ ему, подчасъ, достаточной опоры, что „приходится разбираться самому", вырабатываясь въ самостоятельнаго спеціалиста по западно-европейскому феодализму. Необходимость при работѣ сравнительно-историческимъ методомъ одинаково владѣть обоими элементами сравненія привела Н. П. Павлова-Сильванскаго, въ связи съ общимъ складомъ его научныхъ воззрѣній, къ тому, что какъ напечатанные его труды, такъ и богатое научное

наслѣдіе, которое, надѣемся, не замедлитъ увидѣть свѣтъ, пріобрѣли болѣе общее содержаніе и значеніе, чѣмъ указанныя рамками темы. Не подлежитъ сомнѣнію, — по крайней мѣрѣ для пишущаго эти строки,— что труды Н. П. Павлова-Сильванскаго содержатъ не мало данныхъ для плодотворнаго пересмотра существенныхъ общеисторическихъ вопросовъ и ведутъ къ признанію, что изученіе русской исторіи столь же важно для западно-европейской науки, какъ и обратныя научныя отношенія [1]).

Таковы—бѣгло намѣченныя—общія черты главнаго дѣла научной жизни Н. П. Павлова-Сильванскаго. Но ни условія жизни, ни живая, впечатлительная натура не дали ему замкнуться на одной задачѣ. Изъ иныхъ историческихъ періодовъ вниманіе Н. П. Павлова-Сильванскаго всего болѣе сосредоточилось на временахъ Петра Великаго. Люди Петровскаго времени съ ихъ преобразовательными стремленіями, авторы проектовъ реформъ, такіе типичные представители эпохи, какъ гр. П. А. Толстой и Посошковъ—таковы темы, вызвавшія Н. П. Павлова-Сильванскаго на обработку [2]). Съ другой стороны, поднявшееся на Руси общественное движеніе, въ которомъ Н. П. Павловъ-Сильванскій принялъ столь дѣятельное и искреннее участіе, оторвавшись отъ научной работы для политической и публицистической работы, отразилось и на его историческихъ изученіяхъ. Рядъ

---

[1]) „Закладничество-патронатъ"—Зап. И. Рус. Арх. Общ., т. IX, вып. I и II, 1897 г. „Иммунитетъ въ удѣльной Руси"—*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1900 г., № 12. „Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси"—тамъ же, 1901 г., № 6 и 1902 г., № 1. „Новое объясненіе закладничества"—тамъ же, 1901 г., № 10. „Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ", тамъ же, 1905 г., № 6. „Феодализмъ въ древней Руси", С.-Пб., 1907 г. Работа надъ исторіей соціальныхъ отношеній удѣльныхъ вѣковъ естественно связалась у Н. П. Павлова-Сильванскаго съ пристальнымъ и обширнымъ изученіемъ актоваго матеріала. Привлеченный къ занятіямъ Археографической комиссіи, Н. П. Павловъ-Сильванскій составилъ по ея порученію записку о „погрѣшностяхъ актовъ Археографической экспедиціи" (напечатана въ XVII т. „Лѣтописи занятій Имп. Арх. Ком."), съ тщательной и строгой оцѣнкой знаменитаго изданія Актовъ Археографической Экспедиціи и широкимъ планомъ новаго археографическаго предпріятія, а также приготовилъ къ изданію „Акты о закладчикахъ", еще не вышедшіе въ свѣтъ. Ср. изъ области археографическихъ работъ Н. П. Павлова-Сильванскаго статью: „Мѣстная грамота XIV вѣка"—въ Зап. отд. рус. и слав. археологіи рус. арх. общ., т. VII, вып. 2.

[2]) „Пропозиціи Ѳеодора Салтыкова"—*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1892 г., № 3. „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго" С.-Пб., 1897. Біографія П. А. Толстого—въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ". „Новыя извѣстія о Посошковѣ"—Изв. Отд. рус. яз. и сл., т. IX (1904 г.), кн. 3.

статей и замѣтокъ въ журналѣ „Былое", посвященныхъ преимущественно исторіи декабристовъ [1]), біографія Радищева — въ изданіи „Путешествія изъ Петербурга въ Москву" (С.-Пб., 1905 г.)—были откликомъ Н. П. Павлова-Сильванскаго на измѣнившіяся условія въ положеніи русской печати и цѣнной данью интересу къ прошлымъ общественнымъ движеніямъ. Нѣсколько статей помѣстилъ Н. П. Павловъ-Сильванскій въ „Русскомъ Біографическомъ словарѣ" (изъ болѣе крупныхъ, кромѣ упомянутыхъ біографій Толстого и Пестеля, назову біографію великаго князя Константина Николаевича) и въ „Энциклопедическомъ словарѣ" Брокгауза и Ефрона.

Съ служебнымъ положеніемъ Н. П. Павлова-Сильванскаго въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ связанъ обширный трудъ его по исторіи министерства, составленный имъ совмѣстно съ С. А. Бѣлокуровымъ и княземъ Н. В. Голицынымъ. Приступая къ этой работѣ, Н. П. Павловъ-Сильванскій понялъ свою задачу много содержательнѣе, чѣмъ пришлось ее осуществить въ печати: онъ составилъ очеркъ международныхъ отношеній и внѣшней политики Россіи, которому, однако, не суждено было выйдти въ свѣтъ, уступивъ мѣсто болѣе формальному „Очерку исторіи министерства иностранныхъ дѣлъ". Сходнаго происхожденія—т. е. составленъ по официальному заказу—другой его трудъ: „Государевы служилые люди" (1906). Нельзя не пожалѣть, что это прекрасное обозрѣніе исторіи дворянства до конца XVII вѣка вышло изъ оборота, распродано: оно служило хорошимъ пособіемъ для введенія учащихся въ данный вопросъ.

Наконецъ, послѣднимъ по времени появленія въ печати трудомъ Н. П. Павлова-Сильванскаго явилась статья: „Народъ и царь" въ драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ" въ изданіи сочиненій Пушкина, подъ редакціей С. А. Венгерова.

Оглядываясь на этотъ перечень работъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, съ новой горечью чувствуешь утрату столь даровитой и энергичной силы. Эта сила угасла, не только не исчерпавъ себя, но далеко не развернувъ всѣхъ своихъ возможностей. Потеря для русской науки — незамѣнимая. „Многіе, скажемъ словами какъ-то вырвавшимися у Н. П. Павлова-Сильванскаго, къ сожалѣнію, хотя и

[1]) „Пестель передъ Верховнымъ уголовнымъ судомъ" (1906 г., №№ 2—4; отд. изд. съ большими дополненіями, въ „Рус. Ист. Биб.", № 15), „Матеріалисты 20-хъ гг." (1907 г., № 7) и др. Біографію П. И. Пестеля Н. П. Павловъ-Сильванскій напечаталъ въ „Русскомъ біогр. словарѣ".

трудятся надъ наукой, но трудятся какъ надъ любымъ ремесломъ". Для него она не была ремесломъ. Всегда вносилъ онъ въ работу идейное увлеченіе, искреннюю любовь и глубокую серьезность въ пониманіи задачъ своихъ. Дѣло науки было дѣломъ личной его жизни. Защита своихъ воззрѣній—проповѣдью истинъ, въ которыя онъ вѣрилъ не только умомъ, но и силой чувства. Въ трудахъ своихъ—онъ давалъ самого себя. И для такого наслѣдства нѣтъ смерти.

А. Прѣсняковъ.

ПАМЯТИ Е. К. РѢДИНА.

(Некрологъ).

Мы двадцать четыре года шли рядомъ... Начиная со студенческой скамьи, мы жили интересами одной и той же науки, часто вмѣстѣ дѣлая одну и ту же работу, совмѣстно, не различая, гдѣ его работа, гдѣ моя. Теперь онъ умеръ, мой дорогой другъ и товарищъ, и мнѣ стоитъ большихъ усилій говорить о немъ, употребляя слово „онъ", вмѣсто „мы": такъ тѣсно поставила насъ судьба рядомъ. Интересы науки создали для насъ и одну школу жизни, пріучившую насъ въ борьбѣ съ препятствіями и трудностями существованія стоять тоже рядомъ. Вотъ почему изъ большого некролога, въ которомъ перечислены подробно всѣ его работы, извѣстныя мнѣ до мельчайшихъ подробностей и оттѣнковъ, и въ которомъ отмѣчены всѣ главнѣйшія обстоятельства нашей совмѣстной работы, я удержалъ только эти немногія страницы, въ которыхъ мнѣ хочется закрѣпить память о немъ [1]). Его работы — это внѣшніе этапы жизни, результатъ интимныхъ желаній и цѣлей. Онѣ выросли изъ побужденій внутреннихъ, и хотя были разнообразны, но имѣли совершенно опредѣленный характеръ.

Я познакомился съ Е. К. Рѣдинымъ въ студенческой читальнѣ Новороссійскаго университета въ первый же годъ поступленія, т. е. въ 1884 году. Тогда студенчество слѣдило за научной и текущей литературой въ общей университетской читальнѣ. Е. К. Рѣдинъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ посѣтителей читальни и всегда ходилъ, не разставаясь, съ томами стиховъ и прозы. Интересы литературные и

---

[1]) Перечень работъ и оцѣнка ихъ будутъ напечатаны особо, при его работѣ о рукописяхъ Космы Индикоплова, печатаемой подъ моей редакціей по порученію самого Е. К. Рѣдина.

художественные сказались и въ особенномъ пристрастіи къ лекціямъ по исторіи литературы и искусства. Онъ особенно настойчиво посѣщалъ лекціи профессоровъ Н. П. Кондакова и А. Н. Кирпичникова, и съ перваго же года какъ бы специализировался на исторіи искусства. Атмосфера университетской жизни тогда, при дѣйствовавшемъ еще уставѣ 63-го года, была иная, это время предшествовало эпохѣ университетскихъ волненій. Составъ профессоровъ на историко-филологическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся въ Россіи. Тогда эта атмосфера рождала въ студентахъ беззавѣтную преданность наукѣ, и высокій подъемъ самого преподаванія положилъ свою печать на формированіе стремленій и цѣлей Е. К. Рѣдина. Онъ остался навсегда вѣренъ интересамъ строго научнаго изслѣдованія, а любовь и влеченіе къ литературѣ и искусству переработалъ въ цѣль, сознательно поставленную, къ которой пролагалъ пути до конца своихъ недолгихъ дней. Эта цѣль состояла въ томъ, чтобы приложить свои силы для изученія родного искусства и древностей на почвѣ объективной европейской науки. Она выяснилась для него свободно и вполнѣ самостоятельно, но оформилась подъ вліяніемъ его учителей. Онъ прошелъ трудную, изумительную по своей строгой критичности, школу своего профессора, теперь академика Н. П. Кондакова, всегда направлявшаго дѣятельныя силы своихъ учениковъ на мало разработанныя и важныя области средневѣковаго византійскаго и русскаго искусства въ связи съ общими данными исторіи европейскаго искусства. Е. К. Рѣдинъ также много работалъ подъ руководствомъ А. И. Кирпичникова, посѣщая его литературные вечера, родъ домашнихъ семинаріевъ, и, такимъ образомъ, углублялъ свои знанія по всеобщей и русской литературѣ. И тотъ, и другой были ученики Буслаева, оба лелѣяли буслаевскіе идеалы, имѣвшіе конечной цѣлью изслѣдованіе русской древности искусства и литературы на объективныхъ общеевропейскихъ научныхъ основаніяхъ, а въ лекціяхъ и въ своихъ трудахъ держались историко-сравнительнаго метода.

Уже на университетской скамьѣ это направленіе сказалось въ томъ, что онъ взялся за кандидатскую работу на золотую медаль на тему: „*Кіево-Софійскій соборъ. Изслѣдованіе мозаической и фресковой живописи*“. Эта тема имѣла двѣ стороны: русско-византійскій храмъ требовалось изслѣдовать сравнительно и наряду съ цѣлой областью памятниковъ средневѣковаго востока и запада. За этой солидной штудіей, продѣланной подъ непосредственнымъ наблюде-

ніемъ и по указаніямъ нашего общаго учителя Н. П. Кондакова, послѣдовала вторая: *„мозаики Равенны“*, спеціальная работа для усвоенія научной методологіи искусства ранняго средневѣковья, и рядъ мелкихъ спеціальныхъ статей, тоже штудій, посвященныхъ отдѣльнымъ памятникамъ средневѣковыхъ Византіи и запада, которые зачастую были имъ открыты и описаны впервые таковы: Болонская пиксида, арабское Евангеліе Лавр. Библ., Мюнхенское Евангеліе, византійскія рѣзныя слоновыя кости собранія графа Г. С. Строганова въ Римѣ и др. Двухлѣтнее заграничное путешествіе по Италіи, Германіи, поѣздка въ Англію и Францію, закрѣпили окончательно воспитаніе въ духѣ буслаевской—кондаковской школы, и Е. К. Рѣдинъ возвратился на родину историкомъ искусства, знатокомъ множества памятниковъ средневѣковой Европы и энтузіастомъ искусства эпохи возрожденія, которымъ занимался съ искреннимъ воодушевленіемъ. Для сложныхъ занятій по исторіи русскаго искусства онъ пріобрѣлъ настоящую подготовку. Изученное, видѣнное, частью слышанное (въ Сорбоннѣ) пришло въ извѣстное равновѣсіе и сложилось въ широкое историко-художественное воззрѣніе. Не разъ говорилъ онъ мнѣ, какъ хотѣлось бы ему найти тему по исторіи русскаго искусства. Наконецъ, онъ нашелъ ее по совѣту и указанію своего учителя Н. П. Кондакова: *„Христіанская топографія Козьмы Индикоплова“* на русской почвѣ. Это сочиненіе Козьмы, создавшее новое представленіе о вселенной, ея обитателяхъ и земляхъ, легшее въ основу космографическихъ представленій среднихъ вѣковъ, было любимымъ чтеніемъ древне-русскаго человѣка. Уродливыя представленія о мірѣ и вселенной, часто несогласныя ни съ Библіей, ни съ поэтическими языческими воззрѣніями древне-русскаго человѣка, коренятся иногда въ ученіи Козьмы (земля въ видѣ горы, вселенная на четырехъ столбахъ).

Огромная, чрезвычайно трудная работа должна была предшествовать выполненію задуманнаго сочиненія. Рукописи Козьмы Индикоплова надо было сначала разыскать въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, фотографировать рисунки иконописныхъ композицій и чертежей, опредѣлить время и редакцію каждой, установить ихъ взаимное отношеніе и отношеніе къ греческимъ протооригиналамъ, чтобы установить и опредѣлить матеріалъ. Отклоненія русскихъ списковъ отъ протооригиналовъ оказались весьма существенными. Во многихъ случаяхъ, въ позднихъ изводахъ рукописей ему пришлось считаться съ западными вліяніями на искусство русскаго рисовальщика. Привести матеріалъ въ общую связь, очистить его отъ субъективной оцѣнки

сопоставленіемъ каждой композиціи въ ея историческомъ преемствѣ— эту работу, никѣмъ не сдѣланную еще, совершилъ Е. К. Рѣдинъ. Онъ не только вскрылъ цѣлое особое напластованіе историко-художественныхъ формъ, связанныхъ со всею областью древне-русскаго искусства, особенно иконописи и миніатюры, но и проложилъ путь къ пониманію его. Такая работа могла быть выполнена только упорнымъ и преданнымъ наукѣ ученымъ, который ставитъ свой трудъ цѣлью жизни и подымаетъ новину. Съ фотографическимъ аппаратомъ онъ переходилъ отъ одного собранія къ другому, систематически, безъ пропусковъ фотографируя сотни рисунковъ, которые затѣмъ расположилъ въ систематическомъ порядкѣ.

Огромная въ двѣнадцать главъ работа его, начатая печатаніемъ въ малое 4° въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества, приноситъ на общую ниву русской науки новый чистый, научно сопоставленный матеріалъ, который въ то же время, какъ объективно обслѣдованный матеріалъ, становится достояніемъ науки вообще. Можно сказать съ полной увѣренностью, что эта послѣдняя его работа дала бы ему заслуженный успѣхъ и удовлетвореніе какъ на родинѣ, такъ и на западѣ, очень чутко прислушивающемся къ оригинальнымъ и новымъ серьезнымъ начинаніямъ, и его имя, извѣстное давно на западѣ по ряду самостоятельныхъ штудій и изслѣдованій, закрѣпилось бы за новымъ капитальнымъ трудомъ.

Е. К. Рѣдинъ умеръ, оставивъ свой трудъ не напечатаннымъ, но онъ находится въ рукахъ издательницы его графини П. С. Уваровой, а редакцію его и печатаніе онъ поручилъ мнѣ еще при своей жизни, но пораженный уже смертельной болѣзнью. Узнавши о его болѣзни, я условился съ нимъ, что возьму на себя печатаніе его труда, доведенное имъ до третьей главы. Онъ успѣлъ переслать мнѣ текстъ лишь четырехъ главъ, просмотрѣнный и приведенный въ порядокъ, остальной текстъ требуетъ разбора на мѣстѣ.

Сынъ крестьянина, Е. К. Рѣдинъ имѣлъ чисто русскій душевный складъ и ту силу и работоспособность, которыя всегда влекли его къ труду. Занявши профессорскую каѳедру въ Харьковскомъ университетѣ, онъ сразу же вошелъ въ кругъ мѣстныхъ художественныхъ и археологическихъ интересовъ, и XIII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ прошелъ не только при его главномъ участіи, но и по многимъ отдѣламъ всей тяжестью легъ на его плечи. Въ скольких научныхъ учрежденіяхъ Харькова, Москвы, Одессы, Петербурга и провинціальныхъ городовъ онъ былъ членомъ, въ настоящее время я сказать не

могу, но знаю, что работы, исполнявшіяся имъ для нихъ въ разное время, представляли нѣчто невозможное для силъ одного человѣка. Кромѣ того онъ состоялъ попечителемъ 1-й школы Общества грамотности въ Харьковѣ, которую расширилъ и улучшилъ, принимая въ то же время участіе въ народныхъ чтеніяхъ Общества грамотности. Всюду онъ работалъ, работалъ, писалъ статьи и отчеты, составлялъ каталоги и историческія справки. Въ общемъ число его работъ по отдѣльнымъ названіямъ превышаетъ число сто. При всемъ томъ онъ былъ постояннымъ поставщикомъ библіографическихъ статей и замѣтокъ въ двухъ, трехъ ученыхъ журналахъ. Вмѣстѣ съ нимъ мы вели библіографію по исторіи искусствъ въ Византійскомъ Временникѣ, вмѣстѣ въ теченіе двухъ каникулъ (1903—4 годовъ) занимались изслѣдованіемъ древняго Херсонеса, а въ послѣднее время вмѣстѣ же редактировали посмертное сочиненіе графа А. С. Уварова: *Христіанская символика*. При музеѣ Харьковскаго университета имъ основанъ отдѣлъ мѣстныхъ древностей, возникшій изъ собранныхъ имъ во время подготовительныхъ поѣздокъ къ харьковскому съѣзду коллекцій. Въ то же время онъ состоялъ редакторомъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. При всемъ томъ онъ умѣлъ во время отвѣтить, навести справку, сдѣлать что нужно всякому, кто обращался къ нему, побывать въ разныхъ мѣстахъ и кончить день наконецъ на засѣданіи ученаго общества, въ концертѣ или театрѣ, страстнымъ любителемъ которыхъ онъ былъ.

Первый приступъ болѣзни застигъ его на пути въ засѣданіе правленія Общества пособія нуждающимся учащимся, какъ писалъ мнѣ уважаемый проф. Н. Ѳ. Сумцовъ. Его отзывчивость къ жизни и житейскимъ отношеніямъ людей была не менѣе исключительна. Въ какомъ бы городѣ онъ ни оказался, у него уже были тамъ порученія, справки, какія-то дѣла. Какимъ-то всепожирающимъ жаромъ ко всему, къ театру, музыкѣ, зрѣлищамъ, ко всякимъ проявленіямъ дѣятельной жизни отличалась его душа, какъ будто только что сама пробудившаяся къ жизни. Во время совмѣстной жизни въ Одессѣ, Петербургѣ, Италіи, въ Парижѣ, только благодаря настойчивости моего друга я смогъ увидѣть разныхъ знаменитыхъ актеровъ и слышать пѣвцовъ. Благодаря ему мы не пропустили ни одного общедоступнаго концерта Рубинштейна въ Петербургѣ. Эта ненасытная жажда жизни, во всемъ, однако, скованная тисками обстоятельствъ, проявлялась часто въ его жалобахъ на самого себя и на обстоятельства. Однажды въ Херсонесѣ въ жаркій день, послѣ страшнаго напряженія подъ

жгучимъ солнцемъ, мы несли наши свертки и фотографическій аппаратъ въ отведенное намъ помѣщеніе, чтобы напиться чаю. Егоръ Кузьмичъ жаловался на ломоту въ спинѣ и въ ногахъ, и ему приходили въ голову тяжелыя мысли. Онъ считалъ, что ему не должно болѣть, что диссертація его не окончена, что, наконецъ, надо же когда-нибудь отдохнуть: „Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что я еще не жилъ. Сколько времени, напримѣръ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы учились въ университетѣ, путешествовали по Италіи, а мнѣ кажется, что это было вчера“. Подъ отдыхомъ онъ всегда разумѣлъ путешествіе и экскурсію.

Но, быть можетъ, наиболѣе яркая, наиболѣе свѣтлая черта Е. К. Рѣдина была та, которая всякого заставляла чувствовать въ немъ крайне добраго и душевно открытаго человѣка. Когда онъ встрѣчался съ людьми, то лишь по недоразумѣнію могла произойти какая-нибудь неловкость, или явиться рѣзкость въ отношеніяхъ. Въ своихъ связяхъ съ людьми онъ являлся до такой степени открытымъ и простымъ и въ то же время нѣсколько застѣнчивымъ, человѣчески симпатичнымъ и мягко настроеннымъ, что вызывалъ сразу къ себѣ довѣріе и любовь.

Эту черту надо отличать отъ той, которая бываетъ у людей вѣжливыхъ, выдержанныхъ воспитаніемъ и потому свободныхъ и открытыхъ въ человѣческихъ отношеніяхъ. У него не было такой воспитанности и выдержки, а была другая черта. Древніе греки называли дельфиновъ „φιλάνθρωποι“, любящими людей, за свойство ихъ держаться близко къ человѣку. Я сказалъ бы, что у Е. К. Рѣдина была природная, коренная любовь къ людямъ и всему человѣческому. Это та любовь, которая глядитъ поверхъ костюма, воспитанія, убѣжденій, сословій, обращаясь непосредственно къ человѣческой сущности. Это была та классическая „φιλανθρωπία“, которая дѣлаетъ людей друзьями, а не врагами, которая сближаетъ, а не разъединяетъ. Въ этой чертѣ у него было что-то прирожденное, и она какимъ-то мягкимъ свѣтомъ облекала всю его фигуру.

Зная такимъ Е. К. Рѣдина, я не могъ безъ внутренняго содроганія и сильной горести читать его письма ко мнѣ, когда еще перо держалось въ его рукѣ:

„Но дѣло не въ томъ, что было“, писалъ онъ въ послѣднемъ письмѣ, „а въ томъ, что есть. Болѣзнь сильно подорвала мои силы, и я никакъ не могу оправиться, а самое главное: моя голова, на которую я возлагалъ надежды, что, когда я оправлюсь послѣ болѣзни, будетъ ра-

ботать, увы, въ данное время, повидимому, не хочетъ работать"... Письмо прислано неоконченнымъ и неподписаннымъ.

Бываютъ люди, которые, казалось бы, не должны были такъ скоро умирать, должны были бы оставаться въ средѣ человѣческой подольше для того, чтобы вносить въ нее искру данной людямъ человѣчности и душевной мягкости. Безъ нихъ чувствуется пустота жизни и ея зима.

Д. Айналовъ.

А. Н. КОРКИНЪ.

[19-го февраля 1837 г.—19-го августа 1908 г.].

(Некрологъ).

19-го августа 1908-го года скончался на 72-мъ году жизни заслуженный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Александръ Николаевичъ Коркинъ. Ученые труды А. Н. Коркина создали ему репутацію выдающагося, первокласснаго ученаго, а 48-лѣтняя профессорская дѣятельность—огромную массу учениковъ. Многіе изъ нихъ занимаютъ профессорскія каѳедры и преподавательскія мѣста въ различныхъ городахъ Россіи, многихъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Два поколѣнія обязаны А. Н. Коркину своимъ математическимъ образованіемъ; во многихъ семьяхъ отцы и дѣти считаютъ себя учениками А. Н. Коркина и съ благодарностью вспоминаютъ образцовыя лекціи своего учителя.

Нижеслѣдующій краткій очеркъ жизни дѣятельности А. Н. Коркина составленъ мною при любезномъ содѣйствіи сестры покойнаго Н. Н. Астафьевой и учениковъ его, профессора Николаевской Морской Академіи А. Н. Крылова и профессора С.-Петербургскаго Политехническаго института И. И. Иванова. Н. Н. Астафьева сообщила мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся первыхъ лѣтъ жизни ея брата, А. Н. Крыловъ далъ мнѣ возможность ознакомиться съ нѣкоторыми рукописными записками покойнаго, переданными, по его желанію, въ распоряженіе А. Н. Крылова, а И. И. Ивановъ взялъ на себя трудъ разобрать статью А. Н. Коркина по теоріи чиселъ, подготовленную къ печати, но еще не появившуюся въ свѣтъ. Кромѣ того, матеріалами служили мнѣ: 1) историческая записка профессора В. В. Григорьева „Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“, С.-Пб. 1870 г. и 2) „Біо-

графическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета" за третью четверть вѣка его существованія 1869—1894. С.-Пб. 1896 г.

Относительно послѣдняго источника не лишнее будетъ замѣтить, что въ біографическомъ очеркѣ А. Н. Коркина, стр. 342—343, и въ спискѣ его ученыхъ трудовъ на стр. 344, есть неточности и ошибки въ цитатахъ, затрудняющія разысканіе статей, напечатанныхъ въ періодическихъ изданіяхъ; въ настоящемъ очеркѣ эти неточности и ошибки исправлены, и списокъ ученыхъ трудовъ дополненъ и включеніемъ тѣхъ, которые вышли въ свѣтъ послѣ 1893 года.

1. А. Н. Коркинъ родился 19-го февраля 1837 года въ деревнѣ, находящейся въ 6—7 верстахъ отъ большого села Шуйскаго, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи. Отецъ его былъ зажиточный крестьянинъ, занимавшійся торговлей и имѣвшій казенный подрядъ на поставку соли. А. Н. Коркину было три года, когда семья его переселилась въ село Шуйское, а 8-лѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отданъ на воспитаніе учителю математики Вологодской гимназіи, Александру Ивановичу Иваницкому. Иваницкій былъ ученикомъ академика и профессора В. Я. Буняковскаго и, по отзыву А. Н. Коркина, отличный преподаватель. Жена Иваницкаго, образованная женщина, учила А. Н. Коркина иностраннымъ языкамъ, французскому и нѣмецкому, а самъ Иваницкій приготовилъ его къ поступленію во 2-й классъ Вологодской гимназіи, куда онъ и попалъ, имѣя неполныхъ 11 лѣтъ отъ роду.

Въ 1849 году умеръ отецъ А. Н. Коркина, потерявъ передъ этимъ почти все состояніе и оставивъ вдову и 12-тилѣтняго сына почти безъ всякихъ средствъ. Мать А. Н. Коркина скончалась въ 1888 году, 79-ти лѣтъ отъ роду, проживая безвыѣздно въ селѣ Шуйскомъ. А. Н. Коркинъ ежегодно, на каникулярное время, уже будучи профессоромъ и извѣстнымъ ученымъ, ѣздилъ въ село Шуйское, пока жива была его мать. Поѣздки эти въ то время были сопряжены съ немалыми затрудненіями; желѣзной дороги не было, и приходилось болѣе сотни верстъ ѣхать по рѣкѣ Сухонѣ въ простой лодкѣ, на веслахъ или бичевѣ.

Блестящія способности А. Н. Коркина обнаружились уже во время его пребыванія въ гимназіи. Уроки онъ училъ, по словамъ его сестры, на ходу, по дорогѣ изъ гимназіи домой; кончилъ курсъ съ золотой медалью, не имѣя еще и 17 лѣтъ отъ роду. За молодостью лѣтъ онъ не могъ прямо поступить въ университетъ, куда стремился, и поѣхалъ въ Ярославль, намѣреваясь учиться въ Демидовскомъ лицеѣ. Пробывъ

тамъ около ½ года и найдя, вѣроятно, безполезнымъ дальнѣйшее тамъ пребываніе, онъ вернулся въ село Шуйское, гдѣ и прожилъ до поступленія въ С.-Петербургскій университетъ, въ 1854 году, на математическій разрядъ физико-математическаго факультета. Въ то время этотъ факультетъ былъ богатъ огромными научными силами. В. Я. Буняковскій, П. Л. Чебышевъ, І. И. Сомовъ, А. Н. Савичъ, Э. Х. Ленцъ — вотъ имена тѣхъ знаменитыхъ профессоровъ, подъ руководствомъ которыхъ природныя дарованія А. Н. Коркина развились въ полной мѣрѣ. Въ 1856 году онъ представилъ факультету диссертацію на заданную тему „О наибольшихъ и наименьшихъ величинахъ" и получилъ за это сочиненіе золотую медаль. По рекомендаціи профессора В. Я. Буняковскаго, работа студента А. Коркина была напечатана въ „Студенческомъ сборникѣ", выпускъ 1-й, 1857 года [1]).

Во время пребыванія студентомъ университета средствами къ жизни А. Н. Коркину служили: стипендія, дававшая ему 7 рублей въ мѣсяцъ, и частные уроки.

Въ 1858 году онъ кончилъ курсъ со степенью кандидата и опредѣлился на службу по военно-учебнымъ заведеніямъ учителемъ математики въ первомъ кадетскомъ корпусѣ.

Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ 1908 году исполнилось бы пятидесятилѣтіе его службы, до котораго онъ не дожилъ одинъ или два мѣсяца.

Въ 1860 году А. Н. Коркинъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и въ томъ же году защитилъ диссертацію на степень магистра. Въ это же время открылась вакансія по каѳедрѣ математики за выходомъ изъ университета В. Я. Буняковскаго. Былъ объявленъ конкурсъ, и факультетъ пригласилъ А. Н. Коркина и магистра Шперлинга, поручивъ первому чтеніе лекцій по сферической тригонометріи, аналитической геометріи и интегрированію функцій, а второму—по высшей алгебрѣ и начертательной геометріи. Получивъ занятія въ университетѣ, А. Н. Коркинъ оставилъ службу въ первомъ кадетскомъ корпусѣ.

По окончаніи конкурса А. Н. Коркинъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ по каѳедрѣ чистой математики приказомъ министра народнаго просвѣщенія отъ 12-го іюля 1861 года.

По поводу этого опредѣленія, въ запискѣ профессора Григорьева

---

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ недолговѣчномъ „Сборникѣ" можно найти въ упомянутой запискѣ В. В. Григорьева, стр. 309 и слѣд.

сказано: „Съ 1861 года, богатый великолѣпными математиками, университетъ принялъ къ себѣ еще молодое и сильное дарованіе". А. Н. Коркину тогда едва исполнилось 24 года.

Въ 1862 году университетъ былъ закрытъ вслѣдствіе студенческихъ волненій. А. Н. Коркинъ вмѣстѣ съ другими профессорами и преподавателями университета былъ причисленъ къ министерству съ сохраненіемъ содержанія и правъ по учебной части.

Высочайшимъ приказомъ отъ 12-го мая 1862 года А. Н. Коркинъ былъ командированъ съ ученою цѣлью за границу на два года.

Въ продолженіе этого времени онъ слушалъ въ Парижѣ лекціи Ляме, Ліувилля, Бертрана и другихъ французскихъ математиковъ. Точно также, находясь въ Берлинѣ, познакомился онъ съ преподаваніемъ и направленіемъ научныхъ занятій нѣмецкихъ математиковъ. Изъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ математиковъ А. Н. Коркинъ выше всѣхъ цѣнилъ Куммера и съ большою похвалою всегда отзывался о его лекціяхъ. Занимаясь въ это время интегрированіемъ уравненій въ частныхъ производныхъ и теоріею чиселъ, А. Н. Коркинъ подготовилъ какъ свою докторскую диссертацію, такъ и почву для послѣдующихъ работъ по теоріи чиселъ.

Возвратясь въ С.-Петербургъ въ 1864 году, онъ занялъ свою должность при университетѣ, будучи переименованъ изъ адъюнктовъ въ штатные доценты на основаніи общаго устава россійскихъ университетовъ.

Въ 1867 году онъ представилъ факультету свою докторскую диссертацію подъ заглавіемъ: *О совокупныхъ уравненіяхъ съ частными производными перваго порядка и нѣкоторыхъ вопросахъ механики*, защитивъ которую въ началѣ 1868 года, и былъ удостоенъ степени доктора математики.

Въ 1868 году онъ былъ избранъ совѣтомъ и утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ математики.

Въ 1873 году, по случаю освободившихся на факультетѣ каѳедръ, онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Въ 1886 году онъ былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора, а въ 1888 году, по выслугѣ 30 лѣтъ, оставленъ на службѣ въ званіи профессора, при чемъ перешелъ за штатъ, но чтеніе лекцій въ университетѣ продолжалъ до весны 1908 года.

Во время своей профессорской дѣятельности въ университетѣ А. Н. Коркинъ читалъ лекціи послѣдовательно почти по всѣмъ

математическимъ предметамъ, а именно: по сферической тригонометріи, начертательной геометріи, аналитической геометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному исчисленію и его приложеніямъ къ геометріи, интегрированію функцій, интегрированію уравненій и варіаціонному исчисленію. Дольше всего, слишкомъ тридцать лѣтъ, онъ читалъ послѣдніе два изъ названныхъ предметовъ, унаслѣдовавъ ихъ непосредственно отъ П. Л. Чебышева. Кромѣ университета А. Н. Коркинъ читалъ еще въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ дифференціальное и интегральное исчисленіе въ Николаевской Морской Академіи. Въ 1900 году онъ передалъ свои лекціи своему ученику по морской академіи, А. Н. Крылову.

Затѣмъ, весьма короткое время, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, А. Н. Коркинъ читалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ технологическомъ институтѣ.

2. Ученая дѣятельность А. Н. Коркина выразилась въ опубликованіи нижеслѣдующихъ трудовъ:

1) Объ опредѣленіи произвольныхъ функцій въ интегралахъ линейныхъ уравненій съ частными производными. 1860 г. (Литографировано).

2) О совокупныхъ уравненіяхъ съ частными производными перваго порядка и нѣкоторыхъ вопросахъ механики. 1867. (65 стр. + VI, in 4°).

3) Sur les équations simultanées aux différences partielles du premier ordre. (Comptes rendus des séances de l'Institut de France. 1869. 4 p. in 4°).

4) Sur les intégrales des équations du mouvement d'un point matériel. (Mathematische Annalen. Band II. 1870. 27 p. in 8°).

5) Sur le théorème de Poisson et son réciproque (Mélanges mathématiques et astronomiques tirés du Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg. T. IV. 1872. 6 p. in 8°).

6) Sur les formes quadratiques positives quaternaires. Совмѣстно съ Е. И. Золотаревымъ. (Math. Annalen. Band V. 1872. 3 p. in 8°).

7) Sur les formes quadratiques. Совмѣстно съ Е. И. Золотаревымъ. (Math. Annalen, Band VI. 1873. 24 p. in 8°).

8) Sur un certain minimum. Совмѣстно съ Е. И. Золотаревымъ. (Nouvelles Annales de Mathématiques. 1873).

9) Sur les formes quadratiques positives. Совмѣстно съ Е. И. Золотаревымъ. (Mathematische Annalen. Band XI. 1877. 51 p. in 8°).

10) О частныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ второго порядка.

(Записка, составленная по поводу университетскаго акта 8-го февраля 1878 года. Приложеніе къ протоколамъ. 39 стр. in 8°).

11) Sur l'impossibilité de résoudre l'équation

$$X^n + Y^n + Z^n = 0$$

en fonctions entières. (Comptes rendus de l'Inst. de France. T. XC. 1880). Та же замѣтка на русскомъ языкѣ помѣщена въ X томѣ Московскаго математическаго сборника за 1882 г. Въ томъ же томѣ помѣщена замѣтка „Объ одномъ опредѣленномъ интегралѣ", съ указаніемъ, что она извлечена изъ письма А. Н. Коркина къ Н. Бугаеву.

12) Sur un problème d'interpolation (Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques (Darboux) 2-me série. T. VI 1882).

13) О кривизнѣ поверхностей. (Сообщенія математическаго общества при Харьковскомъ университетѣ. 1887. 8 стр. in 8°).

14) Sur les cartes géographiques. (Math. Annalen. Band. XXXV. 1890. 17 p. in 8°).

15) Sur les équations différentielles ordinaires du premier ordre. (Math. Annalen. Band 48. 48 p. in 8°).

16) Etudes des multiplicateurs des équations différentielles du premier ordre. St.-Pétersbourg. 1903. 171 p. in 8°.

Та же работа въ переводѣ Г. С. Зернова на русскій языкъ, съ нѣкоторыми дополненіями автора, помѣщена въ XXIV томѣ Московскаго математическаго сборника за 1904 г.

17) По поводу статьи В. П. Ермакова подъ заглавіемъ: Дифференціальныя уравненія перваго порядка, имѣющія данный интегральный множитель факторіальной формы. (Сообщенія матем. о-ва при Харьковскомъ университетѣ. 2 серія, т. XVIII, 1905 г.).

Кромѣ того, въ бумагахъ А. Н. Коркина оказалась приготовленная къ печати статья на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

„Sur la distribution des nombres entiers suivant le module premier et les congruences binômes, avec une table des racines primitives et des caractères qui s'y rapportent pour les nombres premiers inférieurs à 4000".

Работы А. Н. Коркина, какъ видно изъ вышеприведеннаго списка, относятся главнымъ образомъ къ двумъ отдѣламъ математики: интегрированію уравненій и теоріи чиселъ.

Работа № 1 есть магистерская диссертація А. Н. Коркина; она была налитографирована въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Находящійся въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета экземляръ есть

собственноручная рукопись автора, написанная литографскими чернилами. Въ ней изложены математическія методы, относящіяся къ различнымъ вопросамъ математической физики, изобрѣтенныя Фурье и Пуассономъ.

Работа № 2 есть докторская диссертація А. Н. Коркина. Она состоитъ изъ двухъ главъ: въ первой излагается новая метода интегрированія системы совокупныхъ уравненій въ частныхъ производныхъ, извѣстная въ настоящее время подъ названіемъ методы Коркина, во второй показаны приложенія къ нѣкоторымъ вопросамъ механики.

Метода Коркина существенно отличается отъ методы Якоби, изложенной въ его знаменитомъ посмертномъ мемуарѣ, въ LX томѣ журнала Крелля за 1861 годъ (Nova methodus и т. д.). Сущность методы Коркина состоитъ въ слѣдующемъ: найдя полный интегралъ одного изъ уравненій данной системы, допускающей общее всѣмъ уравненіямъ рѣшеніе, Коркинъ указываетъ нѣкоторое преобразованіе данной системы въ другую, въ которой число уравненій и независимыхъ перемѣнныхъ на единицу меньше, чѣмъ въ данной системѣ; при этомъ новая система будетъ такова, что къ ней можно будетъ приложить такое же преобразованіе, какое было примѣнено къ первоначальной. Вслѣдствіе этого, путемъ послѣдовательныхъ преобразованій, можно будетъ перейти окончательно къ одному уравненію, интегрированіемъ котораго и рѣшается вопросъ.

Для приложеній, во II главѣ своего сочиненія, Коркинъ выбираетъ вопросъ, съ котораго, какъ самъ онъ говоритъ въ предисловіи, началась теорія интегрированія частныхъ совокупныхъ уравненій, а именно, вопросъ о нахожденіи интеграловъ общихъ многимъ задачамъ о движеніи точки.

Въ вопросахъ этого рода, разсматриваемыхъ Коркинымъ, силы зависятъ не только отъ координатъ движущейся точки, но и отъ скоростей. Къ такимъ вопросамъ не примѣнимъ способъ Бертрана, впервые рѣшившаго подобный вопросъ съ существеннымъ ограниченіемъ, что силы не зависятъ отъ времени и скоростей, а только отъ координатъ точки. Коркинъ даетъ свой, вполнѣ общій, способъ для изслѣдованія подобныхъ вопросовъ. Нѣкоторые изъ полученныхъ имъ результатовъ вошли въ настоящее время въ курсы механики: см., напримѣръ, Д. Бобылевъ, Курсъ аналитической механики, т. II, стр. 129. Изданіе 1881 г.

Работы №№ 3 и 4 представляютъ собою изложеніе на французскомъ языкѣ главныхъ результатовъ докторской диссертаціи Коркина. Первая изъ этихъ работъ есть сжатое изложеніе его методы интегриро-

ванія совокупныхъ уравненій съ частными производными, вторая—изложеніе, съ нѣкоторыми измѣненіями, содержанія второй главы диссертаціи.

Работа № 5 относится къ тому же отдѣлу математики, какъ и предыдущія. Въ ней дано доказательство одной теоремы, обнимающей собою какъ знаменитую теорему Пуассона, дающую возможность по двумъ независимымъ интеграламъ канонической системы дифференціальныхъ уравненій (или равносильнаго ей уравненія въ частныхъ производныхъ) составить третій, такъ и теорему, обратную ей. Эта обратная теорема доказана Коркинымъ впервые.

Изъ послѣдующихъ работъ Коркина къ интегрированію уравненій въ частныхъ производныхъ относятся работы №№ 10 и 14.

Въ работѣ № 10 Коркинъ занимается интегрированіемъ уравненій 2-го порядка Амперовскаго типа, къ которымъ прилагается извѣстная метода Монжа. Метода Монжа, какъ извѣстно, даетъ общій интегралъ съ произвольными функціями, но ничего не даетъ для опредѣленія этихъ произвольныхъ функцій по даннымъ начальнымъ и предѣльнымъ условіямъ, которымъ долженъ удовлетворять искомый интегралъ, чтобы получилось опредѣленное рѣшеніе предложенной задачи. Это опредѣленіе произвольныхъ функцій часто представляетъ не меньшія трудности, чѣмъ самое интегрированіе. Коркинъ даетъ способы для этого опредѣленія при начальныхъ и предѣльныхъ условіяхъ весьма общей формы.

Для приложеній онъ разсматриваетъ задачу о проведеніи минимальной поверхности черезъ данную кривую, при данномъ направленіи нормали къ поверхности въ каждой ея точкѣ, и получаетъ выраженія координатъ каждой точки поверхности черезъ данныя величины. Формулы эти, впрочемъ, уже раньше получены были Шварцемъ инымъ путемъ, но не были извѣстны Коркину.

Въ работѣ № 14 „Sur les cartes géographiques" Коркинъ занимается вопросомъ о такъ называемыхъ эквивалентныхъ проекціяхъ картъ, т. е. проекціяхъ, сохраняющихъ площади. О. Бонне въ мемуарѣ „Sur la théorie mathématique des cartes géographiques" (Journal de Liouville T. XVII. 1852 г.) занимался вопросомъ объ эквивалентномъ изображеніи сферы на плоскости, при условіи перпендикулярности меридіановъ и параллелей, и свелъ вопросъ къ интегрированію нѣкотораго уравненія въ частныхъ производныхъ. Интегрированіе этого уравненія не было выполнено ни Бонне, ни кѣмъ либо другимъ, и вопросъ остался не рѣшеннымъ. Коркинъ принимается за этотъ вопросъ,

обобщаетъ его, замѣнивъ сферу какою угодно поверхностью вращенія, и даетъ полное его рѣшеніе.

Изъ сдѣланнаго обзора видно, что въ вопросахъ, относящихся къ уравненіямъ въ частныхъ производныхъ, Коркинъ обогатилъ науку многими важными результатами.

Не менѣе, если не болѣе, цѣнными являются его работы по теоріи чиселъ.

Сюда прежде всего относятся работы №№ 6, 7 и 9 о квадратичныхъ формахъ, сдѣланныя имъ въ сотрудничествѣ съ его близкимъ другомъ, безвременно умершимъ Е. И. Золотаревымъ.

Совмѣстная семилѣтняя (1871—1877 г.) работа такихъ двухъ сильныхъ математиковъ, какъ Коркинъ и Золотаревъ, не могла не увѣнчаться успѣхомъ.

Всѣ три упомянутыя работы имѣютъ главною цѣлью разысканіе точнаго высшаго предѣла наименьшихъ значеній положительныхъ квадратичныхъ формъ даннаго опредѣлителя. Это разысканіе представляетъ значительныя трудности, и до работъ Коркина и Золотарева точные предѣлы наименьшихъ значеній были извѣстны лишь для бинарныхъ и тройничныхъ формъ. Въ первой изъ упомянутыхъ работъ, замѣткѣ, опубликованной въ 1872 году, авторы даютъ точный высшій предѣлъ наименьшихъ значеній формъ съ четырьмя перемѣнными. Въ слѣдующемъ, 1873 году они публикуютъ большой мемуаръ „Sur les formes quadratiques", въ которомъ излагаютъ изслѣдованія, относящіяся къ формамъ съ какимъ угодно числомъ n перемѣнныхъ, и даютъ высшіе предѣлы наименьшихъ значеній этихъ формъ, причемъ оказывается, что найденные предѣлы будутъ *точными* для $n = 2$, 3 и 4, а при $n \geqq 5$ не могутъ быть точными. Наконецъ, въ 1877 г. появляется послѣдняя и самая большая изъ ихъ работъ по теоріи квадратичныхъ формъ, въ которой, какъ окончательный результатъ, дается точный высшій предѣлъ наименьшихъ значеній формъ съ пятью перемѣнными.

Работы Коркина и Золотарева по теоріи квадратичныхъ формъ обратили на себя вниманіе ученыхъ и, въ особенности, знаменитаго французскаго математика Эрмита. Эрмитъ лучше всѣхъ другихъ могъ оцѣнить успѣхъ, достигнутый русскими математиками, такъ какъ самъ много занимался подобными вопросами и зналъ, какія трудности они представляютъ. Работы А. Н. Коркина и Золотарева непосредственно примыкаютъ къ работамъ Эрмита въ той же области и, можно сказать, были навѣяны ими.

Совмѣстно съ Золотаревымъ написана А. Н. Коркинымъ еще не-

большая статья, помѣченная въ спискѣ № 8. Въ ней дается весьма изящное рѣшеніе нижеслѣдующаго вопроса:

„Найти ту изъ всѣхъ цѣлыхъ функцій f(x) данной степени n, съ даннымъ коеффиціентомъ при x^n, для которой

$$\int_0^1 [f(x)]\, dx,$$

гдѣ [f(x)] обозначаетъ абсолютное значеніе f(x), будетъ имѣть наименьшее значеніе". Рѣшеніе основано на одномъ свойствѣ алгебраическихъ непрерывныхъ дробей, подмѣченномъ авторами, и изложено вполнѣ элементарно.

Маленькая замѣтка № 11 вызвана замѣткою г. R. Liouville въ 89 томѣ Comptes rendus, въ которой авторъ доказываетъ невозможность найти такія три цѣлыя функціи X, Y, Z отъ одной перемѣнной, чтобы

$$X^n + Y^n + Z^n = 0,$$

при $n > 2$. Коркинъ даетъ свое доказательство, болѣе простое, чѣмъ доказательство R. Liouville.

Замѣтка въ одну страницу, подъ названіемъ „объ одномъ опредѣленномъ интегралѣ", помѣщенная въ X томѣ Математическаго Сборника, заключаетъ въ себѣ указаніе одного интереснаго тожества, изъ котораго вытекаетъ извѣстная теорема Чебышева объ интегралѣ отъ произведенія двухъ монотонныхъ функцій.

Статья № 12, извлеченіе изъ письма Коркина къ Эрмиту, заключаетъ въ себѣ разысканіе общаго выраженія нѣкоторой функціи, опредѣляемой для всѣхъ цѣлыхъ положительныхъ значеній перемѣннаго какъ результатъ повторенія данной операціи надъ данною функціею. Эта статья находится въ связи съ работою профессора В. П. Ермакова о сходимости рядовъ.

Въ статьѣ № 13 Коркинъ даетъ остроумное доказательство извѣстной теоремы Гаусса о кривизнѣ поверхностей (выраженіе этой кривизны черезъ коеффиціенты въ выраженіи линейнаго элемента поверхности), при помощи преобразованія перемѣнныхъ.

Работы №№ 15 и 16 относятся къ послѣднему періоду ученой дѣятельности Коркина и къ отдѣлу математики, по которому раньше Коркинъ ничего не писалъ, а именно къ интегрированію обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій.

Въ предисловіи къ первой изъ этихъ работъ Коркинъ высказываетъ свой взглядъ на направленіе работъ современныхъ мате-

матиковъ въ этой области. Онъ говоритъ: „Dans ces derniers temps on a essayé d'appliquer aux équations différentielles la théorie des fonctions d'une variable complexe, résultant elle même de l'étude des fonctions algébriques et leurs integrales. Mais, avec la grande généralité de ces théorèmes, elle a aussi une imperfection essentielle: à savoir le défaut des méthodes pour le calcul des fonctions inconnues. Or, ce calcul est la véritable intégration d'une équation, et le but définitif de son analyse. Pour avancer dans l'intégration des équations différentielles la seule théorie des fonctions ne suffira donc pas; à cet effet il faut y associer des considérations, qui lui sont complètement étrangères.

Je pense donc, qu'ayant pour but le calcul des inconnues nous n'avons jusqu'à présent d'autre moyen que de suivre la marche des anciens géomètres, c'est à dire, en nous bornant à l'étude attentive des équations particulières, rechercher de nouvelles équations intégrables; et cela d'autant plus, que des cas particuliers très simples, traités convenablement, peuvent conduire à des conclusions très générales".

Эти слова характеризуютъ какъ направленіе работы Коркина, предисловіемъ къ которой они служатъ, такъ и общее научное возрѣніе автора въ вопросахъ разсматриваемаго рода. Самыми плодотворными методами въ данной области Коркинъ считалъ методы великаго математика Эйлера.

Работы Коркина представляетъ собою развитіе этихъ методъ. Главный вопросъ, который онъ здѣсь ставитъ и рѣшаетъ, состоитъ въ разысканіи всѣхъ уравненій вида

$$M(y)\,dx + N(y)\,dy = 0$$

гдѣ $M(y)$ и $N(y)$ цѣлыя функціи отъ y, коеффиціенты которыхъ какія угодно функціи отъ x, имѣющихъ общій интегралъ слѣдующей формы:

$$(y - v_1)^{m_1}\,(y - v_2)^{m_2} \ldots\ldots (y - v_n)^{m_n} = C$$

гдѣ $m_1, m_2, \ldots\ldots m_n$ данныя постоянныя, C произвольная постоянная, и $v_1, v_2, \ldots\ldots v_n$ различныя между собою функціи отъ x. Полиномы $M(y)$ и $N(y)$ подлежатъ нѣкоторымъ ограниченіямъ, налагаемымъ на нихъ съ цѣлью сохранить аналогію изслѣдуемаго уравненіемъ съ однимъ частнымъ случаемъ, разсмотрѣннымъ Эйлеромъ.

Въ обширной работѣ № 16, опубликованной въ видѣ отдѣльной брошюры на французскомъ языкѣ и переведенной затѣмъ на русскій для помѣщенія въ Московскомъ математическомъ сборникѣ, Кор-

кинъ занимается вопросами того же рода, какъ и въ предыдущей, но болѣе общаго характера. Укажемъ изъ нихъ слѣдующіе:

1) Найти необходимыя и достаточныя условія, выраженныя конечными уравненіями между данными и неизвѣстными величинами, чтобы уравненіе

$$Mdx + Ndy = 0 \qquad (1)$$

гдѣ M и N цѣлыя функціи отъ y, произвольныхъ степеней, съ коэффиціентами, зависящими отъ x, имѣло интегрирующій множитель вида

$$P(y - u_1)^{h_1} (y - u_2)^{h_2} \ldots\ldots (y - u_e)^{h_e}$$

гдѣ P функція одного x, $h_1, h_2 \ldots h_e$ данныя постоянныя, $u_1, u_2, \ldots u_e$ функціи отъ x.

2) Найти всѣ уравненія вида (1), считая M и N, по прежнему, цѣлыми функціями отъ y, имѣющія множителями алгебраическія функціи отъ y.

Замѣтка № 17 есть статья полемическаго характера, въ которой Коркинъ опровергаетъ попытку проф. В. П. Ермакова изложить результаты Коркина въ болѣе простомъ видѣ.

О посмертномъ мемуарѣ А. Н. Коркина, заглавіе котораго приведено выше, профессоръ И. И. Ивановъ сообщаетъ слѣдующее:

„Въ этой работѣ мы находимъ 1) обобщенія теоремъ Чебышева объ опредѣленіи первообразныхъ корней простыхъ чиселъ, заключающихся въ извѣстныхъ формахъ, и 2) рядъ предложеній относительно двухчленныхъ сравненій съ простымъ модулемъ.

Такъ какъ двучленное сравненіе съ сложнымъ модулемъ можетъ быть сведено къ системѣ двучленныхъ сравненій съ простыми модулями, то А. Н. Коркинъ ограничивается разсмотрѣніемъ послѣднихъ, т. е. сравненій вида

$$x^q \equiv a \pmod{p} \qquad (1)$$

гдѣ q простое число, дѣлитель числа p — 1, и число *a* удовлетворяетъ условію

$$a^{\frac{p-1}{q}} \equiv 1 \pmod{p}.$$

Извѣстно, что для нахожденія всѣхъ рѣшеній сравненія (1) достаточно найти одно его рѣшеніе и одно рѣшеніе, отличное отъ 1, сравненія

$$z^q \equiv 1 \pmod{p} \qquad (2)$$

Если данъ одинъ изъ первообразныхъ корней числа p, или вообще,

какъ замѣчаетъ А. Н. Коркинъ, любой невычетъ степени q числа p, то, какъ извѣстно, мы можемъ получить всѣ рѣшенія сравненія (2). Для полученія же рѣшеній сравненія (1), онъ предлагаетъ нижеслѣдующій путь.

Положимъ, что число q входитъ въ разложеніе на простые множители числа $p-1$ съ показателемъ α. Тогда $p-1=q^{\alpha}N$, гдѣ N цѣлое число, не дѣлящееся на q. Если $\alpha=1$, то

$$\frac{p-1}{q}=N \text{ и}$$

$$a^{N}\equiv 1 \ (\text{Mod. } p).$$

Дѣлимъ N на q и обозначаемъ частное черезъ A, а остатокъ черезъ r. Легко убѣдиться, что за рѣшеніе сравненія (1) можетъ быть взято число

$$b^{A\lambda+\mu},$$

гдѣ b любое число, удовлетворяющее сравненію

$$ab\equiv 1 \ (\text{Mod. } p),$$

а числа λ и μ любыя рѣшенія уравненія

$$r\lambda-q\mu=1.$$

Если $\alpha > 1$, то, слѣдуя А. Н. Коркину, мы должны предварительно, для случая $q > 2$, рѣшить нижеслѣдующую систему сравненій, число которыхъ конечно и опредѣляется числомъ α:

$$z^2\equiv 1 \ (\text{Mod. } p),\ y^2\equiv z \ (\text{Mod. } p),\ t^2\equiv y \ (\text{Mod. } p)\ldots\ldots (3)$$

Для случая же $q=2$, слѣдующую:

$$z^2\equiv -1 \ (\text{Mod. } p),\ y^2\equiv z \ (\text{Mod. } p),\ t^2\equiv y \ (\text{Mod. } p)\ldots\ldots (4)$$

Число послѣднихъ сравненій конечно и также опредѣляется числомъ α. Числа, удовлетворяющія сравненіямъ системы (3), и числа, удовлетворяющія сравненіямъ системы (4), А. Н. Коркинъ называетъ *характерами* числа p относительно числа q. Они могутъ быть найдены, если будемъ знать любой невычетъ степени q простого числа p. Для всѣхъ простыхъ чиселъ, не превышающихъ 4000, мы находимъ эти характеры въ таблицѣ, составленной А. Н. Коркинымъ и приложенной къ разсматриваемому мемуару. Какъ только характеры вычислены, то, какъ показано въ мемуарѣ, мы, при помощи ихъ, составимъ число B, удовлетворяющее сравненію

$$a^{N}\equiv B^{2} \ (\text{Mod. } p).$$

Имѣя въ виду это сравненіе и сохраняя за обозначеніями b, λ, μ вышеприведенныя ихъ значенія, легко убѣдимся, что за рѣшеніе сравненія (1) можетъ быть взято число

$$Bb^{A\lambda+\mu}.$$

Особенный интересъ, какъ замѣчаетъ авторъ, представляетъ сравненіе (1) въ томъ случаѣ, когда напередъ извѣстно, что число a по модулю p принадлежитъ къ показателю $\frac{p-1}{q}$, такъ какъ въ этомъ случаѣ, на основаніи послѣдней теоремы мемуара, въ числѣ рѣшеній сравненія (1) будетъ

$$\frac{\varphi(p-1)}{\varphi\left(\frac{p-1}{q}\right)}$$

первообразныхъ корней [1]). Слѣдовательно, замѣчая, что въ томъ частномъ случаѣ, когда $p-1=q^{\alpha}N$, гдѣ N на q не дѣлится и $\alpha>1$,

$$\frac{\varphi(p-1)}{\varphi\left(\frac{p-1}{q}\right)}=q,$$

мы заключаемъ, что всѣ рѣшенія сравненія (1) будутъ первообразными корнями простого числа p. Если же $\alpha=1$, то

$$\frac{\varphi(p-1)}{\varphi\left(\frac{p-1}{q}\right)}=q-1,$$

такъ что въ этомъ случаѣ всѣ рѣшенія сравненія (1), за исключеніемъ одного, будутъ первообразными корнями простого числа p.

Въ концѣ мемуара, А. Н. Коркинъ указываетъ на нѣсколько ошибокъ въ таблицахъ Бурхардта и въ таблицѣ Якоби „Canon arithmeticus“.

Доказательства большей части теоремъ этого мемуара авторомъ не приведены, съ цѣлью сдѣлать его по возможности краткимъ и разсматривая его, какъ говоритъ самъ авторъ, лишь какъ введеніе къ составленной имъ таблицѣ.

Въ черновыхъ тетрадяхъ А. Н. Коркина находятся еще различныя замѣтки по разнымъ вопросамъ математики; къ сожалѣнію, не всѣ математическія его рукописи находятся въ настоящее время въ на-

[1]) φ (N) обозначаетъ число чиселъ, простыхъ съ N и меньшихъ N.

шемъ распоряженіи, и мы не можемъ теперь дать отчетъ о томъ, что въ нихъ заключается.—Ученая дѣятельность А. П. Коркина не прекращалась до самыхъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Физическія его силы были уже сильно подорваны болѣзнями и преклоннымъ возрастомъ, но умственныя силы и свѣжую память онъ сохранилъ до самаго конца.

3. Преподавательская дѣятельность Коркина продолжалась, какъ уже сказано, 48 лѣтъ, съ перерывомъ въ теченіе двухъ лѣтъ заграничной командировки. Лекціи Коркинъ читалъ чрезвычайно просто и ясно; не понимать его могли только тѣ, кто вообще ничего понимать не въ состояніи. Теоремы онъ формулировалъ всегда очень точно, каждый теоретическій выводъ, каждую методу пояснялъ примѣрами, подробно продѣлывалъ всѣ выкладки и послѣ каждой почти лекціи диктовалъ примѣры для упражненія, давая студентамъ матеріалъ для домашней работы. Записывать за нимъ было очень легко, а потому въ литографированныхъ лекціяхъ по его предмету никакой надобности не было. Въ первые годы своей преподавательской дѣятельности Коркинъ читалъ лекціи свободно, предоставляя студентамъ самимъ редактировать записанное на лекціи, но затѣмъ, уже много лѣтъ тому назадъ, пришелъ къ заключенію, что лекціи слѣдуетъ диктовать, такъ какъ удостовѣрился, что редакція, сдѣланная самими слушателями, требуетъ весьма многихъ исправленій.

Начавъ съ диктовки главныхъ результатовъ и теоремъ, доказываемыхъ на лекціи, Коркинъ распространилъ потомъ ту же манеру на изложеніе самаго хода доказательствъ. Весьма удобная для средняго слушателя, эта манера была нѣсколько утомительна для хорошаго, мысль котораго работала быстрѣе, чѣмъ рука, записывающая слова диктующаго профессора. Нѣкоторые изъ слушателей Коркина разсказывали мнѣ, что въ послѣднее время, диктуя лекцію, онъ часто заглядывалъ въ тетради записывавшихъ и диктовалъ даже знаки препинанія. Въ этомъ была, несомнѣнно, нѣкоторая доля утрировки, объясняемая недовѣріемъ къ умѣнію слушателей правильно и грамотно изложить слышанное, недовѣріе, имѣвшее, къ сожалѣнію, нѣкоторое основаніе.

Манера диктовать лекціи, усвоенная Коркинымъ, конечно, имѣла слѣдствіемъ сокращеніе объема читаемаго имъ курса, и, чрезвычайно содержательныя въ прежнее время, лекціи его по интегрированію уравненій въ послѣдніе годы были менѣе интересны. Впрочемъ, краткость читаемаго имъ курса выкупалась замѣчательною обстоятель-

ностью и обработкою излагаемаго имъ предмета: слушатели его превосходно усваивали себѣ его курсъ и отлично сдавали экзаменъ по его предмету даже тогда, когда онъ пересталъ самъ ихъ экзаменовать съ введеніемъ государственныхъ экзаменовъ.

Въ изложеніе читаемыхъ имъ предметовъ, особенно по интегрированію уравненій, которое онъ читалъ слишкомъ 30 лѣтъ, Коркинъ влагалъ значительную долю творчества. Всякій, кто знакомъ съ лекціями Коркина по интегрированію уравненій, знаетъ, что ни въ какомъ изъ печатныхъ курсовъ по этому предмету, не только на русскомъ, но и на иностранныхъ языкахъ, нельзя найти того изложенія, котораго держался Коркинъ. Въ особенности оригинально и превосходно обработана у него статья о совокупныхъ обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ и уравненіяхъ въ частныхъ производныхъ. Очень жаль, что Коркинъ не привелъ въ исполненіе имѣвшагося у него одно время намѣренія напечатать курсъ интегрированія уравненій. Это не была бы „компиляція изъ компиляцій", какъ язвительно называлъ Коркинъ нѣкоторые изъ учебниковъ, публикуемыхъ другими преподавателями.

Особенною интенсивностью отличалась преподавательская дѣятельность Коркина въ періодъ времени отъ начала 70-хъ до конца 80-хъ годовъ. Кромѣ обязательныхъ лекцій въ университетѣ и морской академіи онъ читалъ необязательныя лекціи въ университетѣ и избранному кругу небольшого числа слушателей у себя на дому. Предметомъ этихъ лекцій было интегрированіе уравненій въ частныхъ производныхъ, предметъ, который онъ, вмѣстѣ съ теоріей чиселъ, избралъ для собственныхъ ученыхъ трудовъ. У нѣкоторыхъ изъ его слушателей сохранились записки по домашнимъ лекціямъ Коркина, представляющимъ образцы ученаго, оригинальнаго и яснаго изложенія одного изъ труднѣйшихъ отдѣловъ Анализа.

Не однѣми лекціями ограничивалась преподавательская дѣятельность Коркина. Черпая изъ своихъ обширныхъ познаній по различнымъ отдѣламъ математики, онъ имѣлъ въ запасѣ различныя, иногда очень трудныя задачи, которыя и предлагалъ для рѣшенія лучшимъ изъ своихъ учениковъ, давая имъ такимъ образомъ возможность испытать свои силы и, въ случаѣ успѣха, почерпнуть запасъ энергіи для дальнѣйшихъ научныхъ занятій. Вообще, отношеніе Коркина къ его ученикамъ, или, какъ онъ всегда ихъ называлъ, „слушателямъ", исполнено было самаго большого участія. Какъ только онъ замѣчалъ въ комъ-нибудь изъ своихъ учениковъ дѣйствительныя способности

къ научнымъ занятіямъ, онъ всячески его поощрялъ и, сближаясь съ нимъ на научномъ поприщѣ, нерѣдко сближался съ нимъ и какъ человѣкъ.

Въ послѣдніе годы преклонный возрастъ и подорванное здоровье заставили Коркина значительно сократить преподавательскую дѣятельность. Лекціи въ морской академіи онъ совсѣмъ прекратилъ въ 1900 г., а въ университетѣ оставилъ за собою всего 4 лекціи въ недѣлю.

Но „Коркинскія субботы" остались до самаго послѣдняго времени открытыми для всѣхъ, кому нужно было съ нимъ бесѣдовать по математикѣ и получить отъ него ученый совѣтъ.

4. Познанія Коркина въ математической литературѣ, особенно классической, были глубоки и обширны. Безсмертныя творенія Гаусса, Эйлера, Лагранжа, Лежандра, Лапласа, Монжа, Фурье, Пуассона, Якоби, Абеля, Дирихле были имъ изучены съ тою основательностью, которую онъ вкладывалъ во всякое дѣло, за которое брался, и, благодаря необыкновенно развитой памяти, сдѣлались прочнымъ достояніемъ его ума. Работы Бура, О. Бонне, Ліувилля и другихъ французскихъ математиковъ первой половины прошлаго столѣтія также хорошо были ему извѣстны. Къ направленію, принятому математикою во вторую половину XIX столѣтія въ Германіи и отчасти во Франціи, подъ вліяніемъ Вейерштрасса и Римана, Коркинъ относился весьма отрицательно и работами математиковъ этой школы не интересовался. Склонный нѣсколько къ преувеличеніямъ, въ ту и другую сторону, при оцѣнкѣ ученыхъ работъ, онъ называлъ вышеупомянутое направленіе „декадентствомъ". Изъ современныхъ ему математиковъ онъ высоко ставилъ Эрмита, работы его изучалъ, и мемуаръ Эрмита „Sur la fonction exponentielle", заключающій въ себѣ доказательства трансцендентности числа *e* (основанія натуральныхъ логариѳмовъ), называлъ классическимъ. Математическая эрудиція Коркина обнаруживалась весьма ясно на диспутахъ; посѣтители математическихъ диспутовъ помнятъ, что въ качествѣ офиціальнаго или неофиціальнаго оппонента Коркинъ высказывалъ, по поводу защищаемыхъ диспутантами работъ, всегда очень содержательныя и цѣнныя замѣчанія, и почти всегда неотразимыя. Къ самимъ публичнымъ диспутамъ, впрочемъ, Коркинъ относился довольно отрицательно, считая ихъ простою формальностью.

Изъ другихъ областей знанія, не составлявшихъ предмета его спеціальности, Коркинъ всегда интересовался астрономіей и обладалъ

въ ней солидными познаніями, не говоря уже объ аналитической механикѣ, которую онъ разсматривалъ какъ часть математики и зналъ великолѣпно. Въ астрономіи его привлекала не одна теоретическая сторона, но и практическая: онъ любилъ наблюдать и посвящалъ иногда часы досуга астрономическимъ наблюденіямъ.

Французскимъ языкомъ Коркинъ владѣлъ превосходно и на этомъ языкѣ написалъ большую часть своихъ работъ. На нѣмецкомъ онъ читалъ совершенно свободно, могъ и объясняться безъ затрудненія, но предпочиталъ пользоваться, гдѣ только возможно, французскимъ. Латинскимъ языкомъ онъ владѣлъ столь хорошо, что не только свободно читалъ математическія произведенія, написанныя на этомъ языкѣ учеными, но даже такія произведенія, какъ Оды Горація. Лучшія произведенія древнихъ писателей, римскихъ и греческихъ, онъ почти всѣ прочиталъ въ переводѣ на французскій языкъ, и прочиталъ внимательно, т. е. такъ, какъ нужно читать все, что желаютъ удержать въ памяти. Конечно, это условіе необходимое, но не достаточное: нужно, чтобы и память была развита, а у Коркина она была развита изумительно. Онъ не только помнилъ все, что было имъ „внимательно прочитано", но отказывался даже вѣрить другимъ, когда они ему говорили, что забыли то, что ими было нѣкогда хорошо изучено. „Вѣрно худо и невнимательно читали, а то-бы не забыли, это невозможно", говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ.

Благодаря знакомству съ древними авторами Коркинъ зналъ и исторію грековъ и римлянъ; я не могу судить, насколько это знаніе было многосторонне, но знаю, что съ фактической стороны и здѣсь у него были незаурядныя познанія. Въ новой исторіи онъ хорошо зналъ исторію французской революціи 1789 года, о которой много читалъ.

Медицинскія книги онъ тоже могъ читать, хорошо изучивъ главныя основы анатоміи и физіологіи человѣка. Его познанія въ медицинѣ сослужили ему вѣрную, но печальную службу: благодаря имъ онъ ясно отдалъ себѣ отчетъ въ неизлѣчимости своей послѣдней болѣзни (нефритъ) и сказалъ своимъ близкимъ о неизбѣжности смертельнаго ея исхода.

Не чуждо было Коркину и искусство, особенно музыка. И здѣсь, какъ и въ научной области, онъ былъ поклонникъ строгаго классицизма. Выше всѣхъ композиторовъ онъ ставилъ Себастьяна Баха, а затѣмъ Палестрину и Моцарта. Къ Бетховену даже относился съ меньшимъ восторгомъ, новой же музыки, начиная съ Шумана, не го-

воря уже о Вагнерѣ, совсѣмъ не признавалъ. Попавъ однажды случайно на представленіе „Псковитянки" Римскаго-Корсакова, онъ ушелъ послѣ перваго же акта: „больше вынести не могъ". Что бы онъ сказалъ, если бы попалъ на „Зигфрида" или „Гибель боговъ"? Впрочемъ, когда эти произведенія вошли въ репертуаръ, Коркинъ уже не посѣщалъ ни театра, ни концертовъ и къ музыкѣ вообще охладѣлъ. Но было время, когда онъ охотно слушалъ музыку, не пропустивъ ни одного вечера историческихъ концертовъ Антона Рубинштейна, и дѣлалъ интересныя замѣчанія относительно исполняемыхъ произведеній, иногда парадоксальныя, но обнаруживающія твердыя теоретическія знанія въ области музыки.

5. Какъ человѣкъ, Коркинъ представлялъ въ высшей степени цѣльный и оригинальный типъ.

Въ своихъ поступкахъ никакого вниманія на общественное мнѣніе, на то, „что скажутъ", онъ не обращалъ; популярности нигдѣ не искалъ, ни между студентами, ни между коллегами. Свои взгляды и мнѣнія онъ высказывалъ всегда прямо, опредѣленно, часто очень рѣзко, не считаясь съ впечатлѣніемъ, которое производилъ. Характеръ имѣлъ независимый и рѣшительно обрывалъ всякое посягательство на свои права, откуда бы оно ни исходило.

Выработанные самостоятельно взгляды на людей и на вещи онъ защищалъ упорно и мѣнялъ ихъ только тогда, когда получалъ неопровержимое, такъ сказать, математическое доказательство ихъ ошибочности. Я позволю себѣ, для иллюстраціи вышесказаннаго, привести нѣкоторые эпизоды изъ жизни Коркина, извѣстные мнѣ отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, отчасти по разсказамъ очевидцевъ.

Я помню, какъ недружелюбно, даже враждебно отнесся А. Н. Коркинъ къ Е. И. Золотареву въ началѣ ученой карьеры молодого ученаго. На магистерскомъ диспутѣ Золотарева Коркинъ сдѣлалъ ему такія рѣзкія возраженія, что Золотаревъ чуть было не пришелъ въ полное отчаяніе. Причины такого враждебнаго отношенія къ Золотареву мнѣ неизвѣстны, но существованіе его было несомнѣнно. Дѣло было въ 1867 году. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ отношенія Коркина къ Золотареву измѣнились кореннымъ образомъ. Съ 1871 по 1877 годъ они уже вмѣстѣ работали надъ вопросами о квадратичныхъ формахъ и, сблизившись на научной почвѣ, сдѣлались друзьями въ полномъ смыслѣ слова. На докторскомъ диспутѣ Золотарева Коркинъ снова былъ официальнымъ оппонентомъ, но его возраженія звучали уже не враждебностью, а глубокимъ уваженіемъ къ докторанту и

сводились не къ критикѣ диссертаціи, а къ выясненію ея достоинствъ. Дружескія отношенія Коркина къ Золотареву не прекращались до самой кончины послѣдняго, и никакія обстоятельства уже не могли ихъ разъединить.

Описанный мной эпизодъ относится къ сравнительно молодымъ годамъ А. Н. Коркина. Другой, болѣе мелкій, но тоже характерный относится къ тому времени, когда Коркинъ былъ уже пожилымъ человѣкомъ.

Одинъ изъ бывшихъ учениковъ его, А. Н. Крыловъ, будучи самъ уже профессоромъ, высказалъ ему однажды свое мнѣніе относительно извѣстной методы Греффе для вычисленія корней уравненія, выставляя на видъ достоинства этой методы въ практическомъ отношеніи. Коркинъ держался противоположнаго мнѣнія, сказалъ, что эта метода „никуда не годится", и въ подтвержденіе своего къ ней отрицательнаго отношенія предложилъ своему коллегѣ одинъ за другимъ два примѣра, на которыхъ, по мнѣнію Коркина, ясно будетъ видно, что метода Греффе непригодна. Получивъ отъ А. Н. Крылова рѣшеніе перваго изъ этихъ примѣровъ, Коркинъ еще не сдался, сказавъ, что примѣръ былъ имъ выбранъ неудачно, и предложилъ второй. Но когда той же участи подвергся второй, то Коркинъ попросилъ у своего коллеги мемуаръ Энке, въ которомъ метода Греффе изложена съ большими подробностями, въ 2—3 дня его проштудировалъ, нашелъ даже ошибку въ вычисленіяхъ Энке и совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ методѣ Греффе: не только не говорилъ, что она „никуда не годится", но началъ ее защищать съ тою же энергіею, съ которою прежде на нее нападалъ.

Въ описанныхъ выше случаяхъ, и такихъ можно было бы привести еще нѣсколько, Коркинъ призналъ себя побѣжденнымъ, потому что его противники были хорошо вооружены. Но, если на него пытались напасть въ сферѣ его научной и преподавательской дѣятельности люди слабые, въ смыслѣ научной компетентности, тогда онъ былъ безпощаденъ, и его противникамъ приходилось сильно терпѣть.

Одинъ изъ очевидцевъ разсказывалъ мнѣ слѣдующую сцену на одномъ изъ экзаменовъ, гдѣ ассистентомъ Коркина было лицо, по его мнѣнію не вполнѣ компетентное.

Когда Коркинъ хотѣлъ поставить одному изъ экзаменовавшихся 9 (по 12 балльной системѣ), ассистентъ, недовольный отвѣтомъ, желая проявить свою самостоятельность, заявилъ, что онъ ставитъ 2. „Слиш-

комъ велика будетъ разница! Лучше я еще вопросъ предложу", возразилъ А. Н. Коркинъ. Задавъ вопросъ и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, А. Н. Коркинъ сказалъ, что послѣ этого онъ находитъ нужнымъ повысить отмѣтку и поставить 10 или даже 11. Ассистентъ же упорно повторилъ: „а я ему ставлю 2". Тогда А. Н. Коркинъ сказалъ буквально слѣдующее: „Что же, можно и меньше поставить, только для этого самому надо что-нибудь знать"!

Ассистентъ вышелъ изъ аудиторіи и протестовалъ передъ начальствомъ, жалуясь на оскорбленіе. А. Н. Коркинъ продолжалъ экзаменъ безъ него, вычеркнулъ всѣ его отмѣтки, поставленныя раньше, и представилъ журналъ на утвержденіе въ конференцію. Протестъ ассистента остался безъ результата: журналъ былъ утвержденъ.

Образъ жизни А. Н. Коркинъ велъ самый скромный. Проживъ около 25 лѣтъ (уже будучи профессоромъ университета) въ маленькой квартирѣ по 15-ой линіи Васильевскаго острова, близъ Малаго проспекта, въ деревянномъ домѣ, съ однимъ входомъ со двора по деревянной лѣстницѣ, онъ переѣхалъ на другую, тоже небольшую, только потому, что случившійся въ домѣ пожаръ съ очевидностью показалъ ему небезопасность его жилья. На новой квартирѣ, за которую платилъ 58 рублей въ мѣсяцъ съ дровами, онъ прожилъ до самой смерти. Обстановка его квартиры была самая простая; никакихъ предметовъ роскоши у него не было, если не считать стараго рояля фабрики Вирта (давно уже не существующей), который онъ одно время самъ настраивалъ, находя, что настройщики плохо темперируютъ строй (и былъ правъ въ этомъ отношеніи), и примѣнялъ при настраиваніи свои собственные пріемы, основанные на теоріи звука. Единственною цѣнною вещью его была, хотя не обширная, но избранная библіотека, заключавшая въ себѣ нѣкоторые весьма рѣдкіе экземпляры, какъ, напримѣръ, полное собраніе мемуаровъ Пуассона, Application de l'analyse à la Géometrie Монжа и др. Библіотеку эту онъ завѣщалъ одному общественному учрежденію С.-Петербурга.

Каникулярное время А. Н. Коркинъ проводилъ много лѣтъ подъ рядъ въ селѣ Шуйскомъ, Вологодской губерніи, пока была жива его матушка.

За границу, сколько мнѣ извѣстно, онъ ѣздилъ одинъ или два раза (не считая 2-хъ лѣтъ командировки въ началѣ своей дѣятельности) и жилъ въ маленькой Тюрингенской деревушкѣ. Послѣднія 10—15 лѣтъ

онъ проводилъ въ Гатчинѣ, нанимая комнату въ гостинницѣ. Тамъ онъ и захворалъ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ іюлѣ вернулся на городскую квартиру, слегъ въ постель и скончался 19-го августа 1908 г. отъ нефрита.

К. Поссе.

Перечень ученыхъ трудовъ А. Н. Коркина необходимо дополнить слѣдующими статьями:

а) „Sur un théorème de M. Tchebichef". Comptes rendus. T. XCVI. 1883 г. Здѣсь Коркинъ сообщаетъ свое тожество, изъ котораго вытекаетъ теорема Чебышева объ интегралѣ отъ произведенія двухъ монотонныхъ функцій, и которое сообщено имъ и въ письмѣ къ Бугаеву въ X томѣ Московскаго Мат. Сборника, подъ заглавіемъ „Объ одномъ опредѣленномъ интегралѣ".

б) „Sur les équations différentielles ordinaires du premier ordre"— двѣ статьи въ CXII и CXIII томахъ Comptes rendus за 1896 г. Первая есть предварительное сообщеніе о работѣ Коркина подъ тѣмъ же заглавіемъ въ 48-мъ томѣ „Mathematische Annalen" (см. выше № 15), заключающее въ себѣ изложеніе главнѣйшихъ результатовъ послѣдней, а вторая, полемическаго характера, вызвана статьею г. Painlevé въ томъ же CXII т. C. R. о томъ же предметѣ. Коркинъ опровергаетъ утвержденіе Painlevé, будто результаты Коркина вытекаютъ какъ частные случаи изъ работъ его, Painlevé, опубликованныхъ раньше.

К. П.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗЪ ОБЛАСТИ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКОЗНАНІЯ [1].

VI.

Уже въ предыдущемъ изложеніи мнѣ часто приходилось отмѣчать несочувствіе моего критика къ моимъ объясненіямъ тѣхъ или другихъ фактовъ латинскаго языка, причемъ въ иныхъ случаяхъ онъ ограничивался лишь отрицательными замѣчаніями (иногда съ нѣкоторой аргументаціей, большею же частью—догматически) [2], въ другихъ—предлагаетъ съ своей стороны оригинальныя толкованія вмѣсто выставленныхъ мною [3]. Предоставляю судить другимъ о степени основательности замѣчаній той и другой категоріи. А пока перейду къ дальнѣйшимъ сомнѣніямъ Покровскаго, совершенно до сихъ поръ не затронутымъ, причемъ опять-таки раздѣлю ихъ на: 1) сомнѣнія, не сопровождающіяся предложеніемъ какихъ-нибудь болѣе правдоподобныхъ гипотезъ, 2) сомнѣнія, сопровождающіяся оригинальными предположеніями, долженствующими устранить мои.

Къ первой категоріи относятся напр. слѣдующіе случаи [4].

1) „Сомнительно для меня, замѣчаетъ критикъ (Р. 59), предположеніе автора (Э. 132), что прилагательное *nūbilus* „облачный“ не перешло въ категорію на *-i-* по причинѣ дифференціаціи съ *nūbilis* „брачный“. Если бы даже, продолжаетъ критикъ, оба указанныя прилагательныя совпали, то и тогда различіе между ними чувствовалось

[1]) *Продолженіе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1908, октябрь.

[2]) Таково напр. его отношеніе къ *crepusculum: diluculum* (ср. выше В, I, 1), *penītus: caudītus* (В, I, 2), *nuntium: nuntius* (В, III, 7), *Aquester* (В, IV, 2), *Mascator* (В, IV, 3), *ergastor* (В, V, 5) и т. д.

[3]) Ср. напр. *aediculum* (В, II, 8), *limitum* (В, II, конецъ), *fantasma mendum* (В, V, 3) и т. п.

[4]) Я не включаю сюда такіе случаи, какъ *Arcessus*, *consistorium* и нѣкоторые другіе, такъ какъ о нихъ рѣчь будетъ ниже въ спеціальномъ экскурсѣ.

бы въ контекстахъ фразы или сочетанія... Врядъ ли нужна для дѣла и цитата изъ Квинтиліана (VII, 2, 12), въ каковой рѣчь идетъ не о разговорномъ, но объ ораторскомъ языкѣ" [1]). Покровскій, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, черезчуръ упрощаетъ въ сущности довольно сложный вопросъ [2]). Наличность значительнаго количества омонимовъ въ любомъ языкѣ, свидѣтельствующая о большой толерантности въ этомъ отношеніи языка [3]), вовсе не исключаетъ возможности отдѣльныхъ спорадическихъ случаевъ борьбы противъ нихъ. Опредѣлить точно, въ какихъ именно случаяхъ возникновеніе такой борьбы необходимо, конечно, нельзя, какъ и въ большинствѣ случаевъ, гдѣ рѣчь идетъ не о законахъ, а о тенденціяхъ языка. И пусть въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло даже съ довольно слабо выраженной тенденціей; принципіально отрицать ее было бы методологической ошибкой. Къ числу такихъ, слабо выраженныхъ тенденцій, относятся, напр., многія семасіологическія явленія языка, въ родѣ семасіологическаго вліянія словъ другъ на друга „внѣ фразъ", въ общемъ противорѣчащаго большинству явленій изъ „жизни" словъ [4]).

---

[1]) Предпослѣднее слово подчеркнуто самимъ критикомъ.

[2]) Объ этой, такъ сказать, симплификаторской тенденціи моего оппонента въ лингвистической области будетъ подробнѣе сказано въ „заключеніи".

[3]) „Языкъ" — конечно, условное выраженіе: несостоятельность взгляда на языкъ, какъ на біологическій организмъ, уже давно выяснена.

[4]) Это ясно показалъ въ своемъ трудѣ: La vie des mots (стр. 129 сл.) французскій ученый *Дармстетеръ* (Arsène Darmesteter), не понятый въ данномъ случаѣ Покровскимъ (ср. мои критическія замѣчанія въ *Филол. Обозр.* XI, 19 сл.). Замѣчу, кстати, что тотъ же Дармстетеръ полагаетъ (ор. с. § 80, 2), что „l'homonymie... a été une cause très forte de la destruction et le mot moins usité a disparu devant l'homonyme le plus connu". Приведя эту самую цитату двѣнадцать лѣтъ тому назадъ въ одной изъ своихъ статей на латинскомъ языкѣ, я замѣтилъ (*Филол. Обозр.* IX, 72): „In quam sententiam acerrime invehitur Gaston de Paris (Journal des savants, 1887 p. 156 sqq.) his verbis: „l'explication est peu vraisemblable... la langue emploie les mots isolément, sans se préoccuper de leurs rapports avec d'autres... l'homonymie ne peut me semble-t-il faire renoncer à un mot, que quand elle frappe deux mots quelque peu voisins de sens et peut amener de l'équivoque". Sed vide, ne rei naturam non satis perspexerit vir doctissimus. Omitto enim ambiguitatem illam, de qua loquitur, non modo eis verbis effici posse, quae praeter formae similitudinem sensus affinitatem praebeant, verum eis etiam quae simili modo construantur, sed illud imprimis tenendum est non de lege quadam hic agi, quae usque quaque sese prodat, sed tamquam de aequitatis ratione, qua ius strictum temperari constet. Id enim, quod leges linguae probant vel sinunt, ab hominibus interdum ideo reici videmus, quod sive minus recte, sive parum dilucide, sive ambigue dici putatur. Sed quoniam alias, si fors tulerit, de hoc toto loco accuratius disseram, ad

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что и такіе „строгіе лингвисты" [1]), какъ Бругманъ, Сольмсенъ, Зоммеръ и т. п., допускаютъ подобные случаи борьбы съ омонимами (какъ это мной выяснено на рядѣ примѣровъ Э. l. c.) [2]). Нельзя сказать, чтобы и античное

Brealii libellum „L'histoire des mots" inscriptum relegare satis habeo, in quo p. 29 sqq. consulas velim". Я полагаю, что уже эта тирада, а въ особенности подчеркнутыя въ ней слова, могли выяснить Покровскому мое истинное отношеніе къ данному вопросу.

[1]) Къ раскрытію этого понятія мы скоро вернемся.

[2]) На всякій случай—если только это нужно—прибавлю еще одного, хотя и не лингвиста, но безспорно „строгаго" (и притомъ очень талантливаго) ученаго, *Ландграфа*, который также пытается съ этой точки зрѣнія объяснить нѣкоторые факты въ судьбѣ двойного *manicare* (отъ *mănus* и отъ *māne*) въ позднѣйшей латыни (см. *Arch. f. lat. Lex.* IX, 391). Въ только что любезно присланныхъ мнѣ *Нидерманомъ* Minutiae latinae (отдѣльный оттискъ изъ Mélanges de linguistique offerts à M. Ferdinand de Saussure, 43 сл.) авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ (стр. 73): „Dans le latin littéraire, les préfixes *ab-*, *ob-* et *sub-* assimilés à l'initiale consonantique du mot suivant ont été rétablis dans la plupart des cas etc." и въ примѣчаніи прибавляетъ: „Les exceptions telles que *surripere* de **subrapere* s'expliquent par le fait que, dans les composés apophoniques, l'affinité avec le verbe simple s'accusait avec moins de netteté, que dans ceux qui n'ont pas été altérés par l'apophonie (*obligare*, *subruere* etc.), ce qui donnait necessairement moins de prise à l'action analogique. Si, dans les composés avec *ab-*, il y a eu recomposition même en cas d'apophonie, c'était pour les empêcher de se confondre avec les composés renfermant le prefixe *ad-*". [Ср. также интересную замѣтку *Вёльфлина*: Zur Konsonantenassimilation въ *Arch. f. lat. Lex.* III, 506]. Что касается *surripere*, то толкованіе, предложенное Нидерманомъ, представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ аналогическое объясненіе, выставленное *Зоммеромъ* (Handbuch, 276) и упомянутое мной Э. 157. Въ этой же связи остановлюсь на любопытной формѣ *suremit* (=*sumpsit*), засвидѣтельствованной Fest. p. 424 и Paul. Diac. p. 425 (Th. de Pon.) и вызвавшей разногласіе среди ученыхъ. Большинство лингвистовъ (ср. *Solmsen*, Stud. z. lat. Lautgesch. 63, *Sommer*, Handbuch, 264, *Brugmann*, Grundriss, I², 674 и т. д.) полагаютъ, что *surēmit* возникло изъ **suz-ēmit* (: **sus-ēmit*), причемъ это **suz-* (: **sus-*) будто бы перешло изъ praes. **suz(s)mō* (> **sups-ĕmō*). Однако, такое толкованіе мало вѣроятно, такъ какъ при синкопированномъ praesens'ѣ едва ли можно было бы ожидать pf. съ *ē*, предположеніе же какой-нибудь контаминаціи формъ черезчуръ гадательно. Гипотеза *Ciardi-Dupré* (*Bezz. Beitr.* XXVI, 210), согласно которой „*surēmit*... ist lautgesetzlich aus **sups-ēmit* **su(s)sēmit* entstanden", безспорно, очень остроумна, но невполнѣ убѣдительна, такъ какъ переходъ интервокальнаго *ps* въ *ss* для древнѣйшей эпохи латинскаго языка едва ли можетъ быть доказана. Нельзя ли было бы, однако, предположить, что *surēmit* возникло изъ **sus-ēmit* < **suz-ēmit*, причемъ это *sus-*, приводившее въ смущеніе *Штольца* (Hist. Gramm. 627), легко могло бы быть понято, какъ продуктъ аналогическаго перенесенія съ такихъ глаголовъ, въ которыхъ этотъ видъ префикса возникъ фонетически изъ первоначальнаго *sups-*: ср., напр., *sustineo*, *suscipio*, *sustollo* и т. п. Такимъ образомъ, я предпола-

языкознаніе было чуждо этой точкѣ зрѣнія. Выше, въ лексикографическомъ этюдѣ (A, II, 23), я привелъ любопытное мѣсто изъ Присціана (GL. K. II, 472, 20), гдѣ этотъ грамматикъ объясняетъ отсутствіе супина *mictum* отъ гл. *micāre* тѣмъ, что онъ совпалъ бы съ однозвучнымъ супиномъ отъ гл. *mingĕre*.

Въ этой же связи остановлюсь и на свидѣтельствѣ Квинтиліана, которое было мной приведено Э. l. c. и, какъ мы видѣли, вызвало критическое замѣчаніе Покровскаго, указавшаго на то, что Квинтиліанъ имѣлъ въ виду въ данномъ случаѣ ораторскій стиль, вслѣдствіе чего эта цитата, какъ выразился мой критикъ, „врядъ ли нужна для дѣла". Хотя я самъ (l. c.) замѣтилъ, что Квинтиліанъ въ указанномъ мѣстѣ говоритъ о борьбѣ съ омонимами именно оратора, но что же изъ этого? Неужели рѣчь оратора и обыкновеннаго смертнаго—если и не прямые антиподы, то по крайней мѣрѣ—вещи существенно различныя между собой? Наоборотъ, чѣмъ дальше развивается научная реторика, тѣмъ больше выясняетъ она, что всѣ пріемы художественной рѣчи коренятся въ свойствахъ рѣчи естественной. Впрочемъ, къ чести античной науки надо замѣтить, что эта мысль мелькала уже въ древности: ср., напр., хотя бы любопытныя разсужденія Цицерона о метафорахъ (напр., de or. III, 155), перешедшія затѣмъ и къ Квинтиліану (VIII 6, 4); укажу далѣе и на болѣе общій, притомъ весьма характерный, тезисъ Цицерона (de or. I, 12), что *dicendi omnis ratio in medio posita communi quodam in usu atque in hominum more et sermone versatur, ut in ceteris id maxime excellat, quod longissime sit ab imperitorum intellegentia sensuque disiunctum, in dicendo autem vitium vel maximum sit a volgari genere orationis atque a consuetudine communis sensus abhorrere*. Впрочемъ, мнѣ уже давно пришлось отмѣтить другой примѣръ переоцѣнки Покровскимъ свойствъ ораторской рѣчи (см. *Филолог. Обозр.* XII, 271).

Возвращаясь снова къ главной темѣ, повторяю еще разъ, что предположеніе о *nubilus* есть только предположеніе (см. мой контекстъ), но не случайное, а вполнѣ методологическое.

2) На стр. 58 своей рецензіи критикъ находитъ чересчуръ гипотетичными мои предположенія о *pulpitum* (Э. 102 сл.); при этомъ, однако, ему слѣдовало бы упомянуть о вводныхъ словахъ, которыя я предпосылалъ своему толкованію (см. op. c. 101 сл.): „Это слово до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, оставалось безъ какого бы то ни было

гаю, что существовало praes. **sŭs-ĕmo*, откуда совершенно нормально возникло pf. **sŭs-ēmit*, въ концѣ концовъ, перешедшее въ *surēmit*.

этимологическаго или морфологическаго объясненія, а потому я прошу снисхожденія къ той нѣсколько смѣлой попыткѣ истолковать его, которую я предложу". Съ другой стороны, мой критикъ могъ бы отмѣтить строгую методичность моего экскурса объ этомъ словѣ, ясное сознаніе всѣхъ трудностей, наконецъ—обильный запасъ аналогій для всѣхъ моментовъ предположеннаго мной языкового процесса [1]). Конечно, проще было бы сказать: non liquet, но это, въ сущности, уже вопросъ личной психологіи изслѣдователя.

3) „Довольно искусственной представляется мнѣ этимологія *explorare* (И. 113 сл.)", говоритъ мой критикъ на стр. 59 своего критическаго этюда. Затрудняюсь дать опредѣленный отвѣтъ на это глухое замѣчаніе, напомню только, что, напримѣръ, И. В. Нетушилъ въ своей рецензіи на мою первую диссертацію назвалъ эту этимологію „превосходной" [2]).

4) Мои разсужденія о *grandis*: *granum*: *germen* (Э. 217 сл.) довольно рѣзко характеризуются Покровскимъ (Р. 56), какъ „цѣлая цѣпь мечтаній", причемъ нѣсколько ниже критикъ прибавляетъ: „Нельзя, разумѣется, отказать этимъ построеніямъ въ остроуміи, но все таки, какъ пользоваться такими смѣлыми, слишкомъ субъективными домыслами для обогащенія лингвистической науки"? Прежде всего, я протестую противъ законности суммарнаго замѣчанія объ этихъ трехъ этимологіяхъ въ виду того, что у меня онѣ поставлены далеко не на одну доску. Этимологія *grandis* разработана мной весьма

[1]) Замѣчу кстати, что толкованіе Вальде (Lat. etym. Wtb. 500), связывающаго *pulpitum* съ *pluteus*, во всякомъ случаѣ, гораздо сомнительнѣе. Есть, пожалуй, еще одинъ исходъ—отнести *pulpitum* на счетъ этрусскаго вліянія, сославшись на преданіе о роли этрусковъ въ созданіи латинскаго театра (ср. Liv. VII, 2), преданіе, которое уже въ древности навело на мысль истолковать соотвѣтствующимъ образомъ загадочное слово *histrio*, а въ недавнее время натолкнуло *Скутша* на „этрусское" истолкованіе еще болѣе темнаго слова *persona* (см. *Arch. f. lat. Lex.* XV, 145), однако это было бы не болѣе, какъ очень удобное pis-aller.

[2]) Уважаемый ученый несогласенъ лишь съ толкованіемъ морфологическаго (или, какъ онъ выражается, этимологическаго) характера самой основы **plorā* въ *explorāre*. Но это, во-первыхъ, не имѣетъ большого значенія для моей аргументаціи, а, во-вторыхъ, связано съ чисто личной теоріей И. В. Нетушила о глагольныхъ основахъ, теоріей, которая болѣе подробно развита имъ въ Χαριστήρια, 3 сл. и которую я не считаю цѣлесообразнымъ обсуждать въ данной связи. Ср., кстати, съ моей гипотезой объ *explorare* разсужденія *Вальде* (Lat. etym. Wtb., 529) о *rorarii*: впрочемъ, я не знаю, кто болѣе правъ въ данномъ случаѣ—Вальде или Сольмсенъ? Что касается перехода винительнаго направленія въ винительной прямого дополненія при *explorare* (И. 137), то ср. нѣчто аналогичное въ развитіи конструкціи глагола *petĕre*.

подробно, и я лично считаю ее болѣе, чѣмъ правдоподобной: во всякомъ случаѣ, едва ли кто-нибудь будетъ отрицать, что она значительно превосходитъ своей доказательностью обѣ, предложенныя до сихъ поръ (Іоганномъ Шмидтомъ и Видеманомъ). Что касается *germen*, то, отвергнувъ на основаніи вѣскихъ мотивовъ извѣстныя мнѣ попытки истолковать этимологію этого загадочнаго слова, я продолжалъ: „не рѣшая вопроса объ этимологическомъ происхожденіи этого слова окончательно, предложу двѣ догадки“ [1]). И пусть даже это—смѣлыя гипотезы, но неужели эти слова не снимаютъ съ меня вину за нихъ и неужели удобно было не воспроизвести всѣ эти оговорки при критикѣ моихъ построеній? Прибавлю еще, что Покровскій не только не замѣнилъ моихъ „мечтаній“ никакой болѣе правдоподобной догадкой, но даже не сдѣлалъ никакого методологическаго возраженія противъ нихъ, подобно тѣмъ, напримѣръ, какія сдѣланы мной по отношенію къ параллельнымъ съ моими этимологическимъ построеніямъ І. Шмидта, Видемана, Перссона, Штольца и т. д.

5) На слѣдующей (57) страницѣ мой оппонентъ порицаетъ мои догадки о формахъ гл. *censēre* (и отчасти *terrēre*) (Э. 89), опять-таки находя, что въ этихъ догадкахъ черезчуръ много гипотетическаго элемента и заканчивая свой экскурсъ слѣдующими, довольно суровыми словами: „Не думаю, чтобы кто нибудь изъ строгихъ лингвистовъ [2]) согласился съ такимъ комплексомъ гаданій“. При этомъ критикъ снова умалчиваетъ о цѣломъ рядѣ далеко не безразличныхъ обстоятельствъ, а именно о томъ, что 1) степень достовѣрности всѣхъ выдѣленныхъ имъ моихъ предположеній оцѣнивается мной самимъ неодинаково, 2) весь этотъ экскурсъ о *censeo* вызванъ тѣмъ, что двѣ извѣстныя мнѣ гипотезы объ этомъ глаголѣ, принадлежащія несомнѣнно „строгимъ“ лингвистамъ, а именно—Бругману и Зоммеру, не совпадая другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я показалъ, обнаруживаютъ такія слабыя стороны, которыя дѣлаютъ ихъ совершенно неудобопріемлемыми, 3) при всей сложности предположеннаго

---

[1]) Между прочимъ (ibid.), Покровскій говоритъ, что я „совершенно неосновательно“ связалъ *grānum* и т. д. съ греч. γέρων и т. д. Мнѣ кажется, ему слѣдовало бы при этомъ прибавить, что это сближеніе я сдѣлалъ лишь мимоходомъ наряду съ другимъ, притомъ прибавивъ, что „такое толкованіе я считаю менѣе достовѣрнымъ въ виду того, что значеніе „зерна“ въ *grānum* восходитъ, очевидно, къ проэтнической эпохѣ“. Такія умолчанія критика представляются мнѣ въ высшей степени неудобными.

[2]) Прошу обратить вниманіе на это выраженіе, такъ какъ о немъ я скажу ниже нѣсколько словъ.

мной процесса ни одинъ пунктъ въ немъ не противорѣчитъ явленіямъ, наблюдаемымъ въ латинскомъ языкѣ, 4) самъ Покровскій, опять-таки, ничего лучшаго для объясненія *censeo* не приводитъ.

6) Мои комбинаціи по поводу дублетовъ *pussula* : *pustula* (Э. 71 сл.) критикъ опредѣляетъ (ibid.), какъ „цѣпь предположеній" [1]). Но развѣ эти предположенія не методичны и развѣ у моего оппонента имѣется болѣе простое толкованіе для этихъ любопытныхъ дублетовъ?

Перейдемъ, однако, къ критическимъ замѣчаніямъ Покровскаго, осложненнымъ собственными, оригинальными догадками его. Такихъ замѣчаній сравнительно очень немного и потому съ тѣмъ бóльшимъ вниманіемъ должны мы отнестись къ нимъ. Остановлюсь пока на трехъ пунктахъ [2]).

7) Признавая мое толкованіе *lectus* черезчуръ гадательнымъ, самъ Покровскій предлагаетъ двѣ гипотезы. Укажу, прежде всего, на вторую изъ нихъ, согласно которой (P. 58): „*lectus* могло быть не индоевропейскимъ образованіемъ, но возникшимъ на почвѣ самого латинскаго языка, когда затемнились или даже были утрачены старые принципы индоевропейскаго чередованія звуковъ". Но неужели Покровскій серьезно думаетъ, что эта гипотеза проще моей? Конечно, выраженная въ такой рудиментарной формѣ, она можетъ подкупить несовсѣмъ опытнаго или сговорчиваго читателя, но у „строгаго" лингвиста тотчасъ же возникнетъ одно весьма серьезное недоумѣніе: а именно, для возникновенія подобнаго новообразованія требуется наличность или болѣе или менѣе обширной группы соотвѣтствующихъ случаевъ нормальнаго типа, или какого-нибудь, хотя единичнаго, случая этого рода, но связаннаго съ новоообразованіемъ извѣстной спеціальной ассоціаціей. Между тѣмъ, какъ я показалъ, ничего подобнаго при *lectus* мы въ латинскомъ языкѣ *не* находимъ; въ виду этого, пришлось бы до-

---

[1]) Если моего критика смущаетъ то, что изъ **pul-tla*, согласно моему предположенію „возникло сперва **pussla*, потомъ *pussula*, потомъ опять **pussla*", то ср., напр., *Solmsen*, Stud. z. lat. Lautgesch., 26, гдѣ авторъ, говоря о *vester*: *voster*, замѣчаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Das wort hat also folgenden merkwürdigen entwicklungsgang durchlaufen: urit. *vestro*-wird durch analogiebildung lat. *voster*, dies lautgesetzlich wider (wieder?) *vester* und dies durch abermalige wirkung derselben analogie widerum *voster*". Или Покровскій и это назоветъ „цѣпью мечтаній" и усумнится въ принадлежности Сольмсена къ числу „строгихъ лингвистовъ", тѣмъ болѣе, что этотъ остроумный ученый отнюдь не боится гипотезъ, иногда очень сложныхъ (ср. хотя бы его разсужденіе о *diū*, *diutinus* и т. д. op. c., 194 слл.)?

[2]) О нѣкоторыхъ догадкахъ Покровскаго, какъ напр., по поводу *terminus*, *distermina*, *conseminus*, *inoboedire* и т. д. будетъ сказано ниже, въ другой связи.

пустить, что всѣ эти случаи исчезли изъ языка, но такія предположенія, сдѣланныя притомъ ad hoc, принадлежать безспорно по самому существу своему къ числу наиболѣе натянутыхъ и рискованныхъ.

8) Наряду съ этой гипотезой о происхожденіи *lectus* Покровскій считаетъ возможнымъ выставить и другую. Именно, указывая, вслѣдъ за мною, на существованіе при *lectus,-i* дублета по 4 скл. — *lectus,-ūs*, онъ продолжаетъ (Р. 57): „не легко рѣшить, какая основа — на *-o* или *-u-* — была первоначальной; во всякомъ случаѣ, я не рѣшился бы, какъ А. А. Грушка (Э. 100), признать формы по 4-му склоненію „несомнѣннымъ" продуктомъ новообразованія по аналогіи такихъ именъ съ локальнымъ значеніемъ, какъ *aditus*, *recessus* и тому подобными. Если (же) это — первоначальная основа на *-tu-*, то дѣло очень просто и морфологически и семасіологически". Но эта гипотеза еще менѣе можетъ удовлетворить, чѣмъ первая. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы путемъ морфологическаго новообразованія вмѣсто нормальной и обычной формы возникло морфологическое unicum, которое еще въ древности обращало на себя вниманіе грамматиковъ [1])? Такое предположеніе грѣшитъ противъ основного принципа аналогическихъ новообразованій [2]). Итакъ, мы видимъ, что обѣ предложенныя Покровскимъ гипотезы для объясненія *lectus* сталкиваются при ближайшемъ разсмотрѣніи съ очень серьезными морфологическими возраженіями. Правда, и по поводу моего толкованія *lectus* какъ результата диссимиляціи двухъ *l*, мой оппонентъ замѣчаетъ (Р. 58), что „на такомъ капризномъ базисѣ трудно что-либо строить", но, во-первыхъ, развѣ я закрывалъ глаза на нѣкоторую гипотетичность своего построенія и не снабдилъ его спеціальной оговоркой, а во-вторыхъ, развѣ гипотезы самого Покровскаго (высказанныя притомъ безъ надлежащихъ оговорокъ) не построены на еще болѣе шаткомъ основаніи [3])?

---

[1]) Ср. напр. замѣчанія грамматиковъ Присціана (GLK. II, 257, 4 и III, 444, 36), Проба (ор. с. IV, 29 30) и т. д.

[2]) Предположить за точку отправленія для этого новообразованія такія слова, какъ *torus* или *grabatus* было бы, конечно, черезчуръ смѣло, и самъ Покровскій не рѣшается аппеллировать къ этому моменту, вовсе не упоминая его.

[3]) Изъ прибавленія къ латинскому этимологическому словарю *Вальде*, появившагося въ свѣтъ послѣ опубликованія моей докторской диссертаціи, я увидѣлъ, что аналогичное моему толкованіе *lectus* уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было предложено (хотя и безъ подробной аргументаціи) *Нидерманомъ* въ рецензіи на трудъ французскаго лингвиста *Meillet* (см. *Berlin. philol. Woch.* 1903, столб. 1304). Хотя такимъ образомъ честь пріоритета у меня и отнята, но, во всякомъ случаѣ, я очень

9) Въ своей магистерской диссертаціи, затронувъ вскользь трудный вопросъ объ этимологіи гл. *ambulare*, я, между прочимъ, говорю (стр. 25[3]): „*Grammont* (La dissimilation consonantique, 157) сопоставляетъ *ambulare* : *ambīre* съ *iaculare* : *iacĕre*. Съ морфологической точки зрѣнія при гл. *ambīre*, перешедшемъ, какъ извѣстно, въ разрядъ глаголовъ 4-го спряженія, вполнѣ возможно именное образованіе **ambulus* (ср. при *garrīre—garrulus*, при *vagīre—vagulus* (?), при *tinnīre—tinnulus* и т. п.), но я не знаю, насколько заслуживаетъ довѣрія сопоставленіе *ambīre* и *ambulare* въ семасіологическомъ отношеніи". Покровскій (Р. 60) пытается устранить отмѣченное мной семасіологическое затрудненіе ссылкой на ит. *andare* „ходить" — „которое

радъ, что нахожу поддержку въ такомъ выдающемся авторитетѣ. Къ тому же и самая гипотеза, высказанная мной о *lectus*, навѣяна была нѣкоторыми предшествующими комбинаціями *Нидермана* (и, отчасти, *Ваккернагеля*). Свои прежнія разсужденія о *lectus* дополняю теперь нѣкоторыми добавочными соображеніями. Такъ, прежде всего, укажу на то, что прототипъ **lectlo-* тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что латинскій исходъ *-cro-* (ср. напр., *volucrum, sepulcrum, cluīcrus, lulicer* и т. п.) является безусловно доказательствомъ существованія въ италійскую (а затѣмъ—и до-италійскую) эпоху образованій съ суффиксомъ *-tlo-* при корнѣ съ *l*. Съ другой стороны, италійское **lectlo-*: греч. λέκτρον имѣютъ нѣкоторыя любопытныя (хотя бы и приблизительныя) параллели въ родѣ, напр., *lavācrum* (>**lavātlo-m?*): λοετρόν (λουτρόν), *ferculum* (<**fer-tlo-m?* впрочемъ, ср. *Vendryes*, Recherches sur l'hist. et les effets de l'intensité initiale en lat. 235 и 240): φέρετρον (:φέρτρον) и т. п. Въ связи съ вопросомъ о латинскомъ исходѣ *-cro-*, по поводу котораго мнѣ уже приходилось полемизировать съ *Сольмсеномъ* (см. И. 218), я долженъ теперь сдѣлать критическое замѣчаніе и Покровскому. Именно, останавливаясь на генезисѣ слова *fulcrum*, мой оппонентъ высказываетъ мнѣніе (М. 9), что это слово возникло „изъ **fulc-clo-m* или, пожалуй, изъ **fulc-lo-m*, какъ *jaculum*". Редакція этого мѣста даетъ поводъ подозрѣвать, что первое толкованіе представляется Покровскому болѣе вѣроятнымъ, тогда какъ второе приводится имъ лишь на всякій случай. Я рѣшительно не согласенъ съ правильностью такой точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что, если бы даже мой оппонентъ счелъ гадательнымъ мое объясненіе *lectulus*, какъ фонетическаго продукта изъ **lectlos*, возникшаго благодаря законной anaptyxis (см. Э. 65 сл.), то все-таки для того, чтобы объяснить *fulcrum* изъ **fulc-clo-m* пришлось бы исходить изъ болѣе первичнаго прототипа **fulc-tlo-m*, между тѣмъ уже съ точки зрѣнія физіологіи звуковъ переходъ интервокальной группы *-ctl-* въ *-cclo-*<*-clo-* представляется мнѣ мало правдоподобнымъ; но пусть также мы согласимся съ теоретической возможностью такого перехода, гдѣ хоть одна конкретная параллель для него въ какомъ-либо изъ италійскихъ языковъ? Я ручаюсь за то, что Покровскій не сумѣетъ указать таковую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я считалъ бы не только весьма гадательнымъ, но почти невѣроятнымъ, чтобы исходъ *-clo-* возникъ въ **fulc-clo-m* не органически, но путемъ аналогіи, перенесенный съ какихъ-нибудь другихъ образованій, для которыхъ онъ является нормальнымъ. Итакъ, лучше совершенно отказаться отъ прототипа *fulc-clo-m*, рекомендуемаго Покровскимъ.

обыкновенно [1]) производятъ изъ *ambitare* (ср. впрочемъ, другія этимологіи у *Walde*, Etym. Wtb)". На это я долженъ замѣтить слѣдующее: 1) я не знаю, почему мой оппонентъ полагаетъ, что ит. *andare* обыкновенно выводятъ изъ *ambitare*? [2]) 2) даже если бы это было такъ, неужели это—хоть слабая гарантія въ пользу того, что данная этимологія вѣрна, 3) я съ своей стороны считаю эту этимологію болѣе, чѣмъ проблематичной, а потому 4) гл. *andare* представляется мнѣ совершенно несостоятельнымъ семасіологическимъ подкрѣпленіемъ для гл. *ambulare*; такимъ образомъ, 5) все сказанное мной по поводу затрудненія, связаннаго съ объясненіемъ Grammont'a, остается въ полной силѣ [3]).

Мы видѣли выше, какъ часто (иногда не безъ рѣзкости) упрекалъ меня Покровскій въ субъективныхъ домыслахъ (P. 56), гаданіяхъ (ibid. 18), мечтаніяхъ (ibid. 56) и т. п. Эти обвиненія настолько серьезны, что я не могу пройти ихъ молчаніемъ, тѣмъ болѣе, что тутъ, въ сущности говоря, затрогивается довольно важный принципіальный вопросъ.

Я не думаю, чтобы Покровскій стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что вообще „строгая" наука и гипотеза—враги между собой. Но, можетъ быть, онъ хотѣлъ намекнуть на то, что мои гипотезы таковы, что онѣ не могутъ быть названы вполнѣ научными? Это приводитъ насъ къ необходимости опредѣлить, чѣмъ отличается дѣйствительно научная гипотеза отъ дилеттантскихъ мечтаній, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много даже въ современной лингвистикѣ; итакъ, постараемся выяснить тотъ минимумъ качествъ, которымъ должна обладать гипотеза, претендующая на научное raison d'être. Я полагаю, что этотъ минимумъ слагается изъ слѣдующихъ чертъ: истинно научная гипотеза должна: 1) являться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣется налицо до очевидности доведеннаго научнаго положенія, дѣлающаго ненужными какія бы то ни было гипотезы, 2) превосходить въ методологическомъ отношеніи всѣ другія гипотезы по тому же вопросу, если таковыя имѣются, 3) находиться въ полномъ соотвѣтствіи со

[1]) Разрядка принадлежитъ мнѣ.

[2]) Помимо *Walde* слѣдовало бы навести по данному вопросу и другія справки— хотя бы въ латино-романскомъ словарѣ *Кёртинга* (№ 588[2]), откуда выяснилось бы, какую безнадежную проблему представляетъ собой, въ сущности, ит. *andare*.

[3]) Вообще, ни одну изъ предложенныхъ этимологій для *ambulare* я не могу признать вполнѣ убѣдительной, хотя и назвалъ бы по прежнему наиболѣе „остроумной" ту, которая связываетъ этотъ глаголъ съ *ambuli* (sc. *pedes*).

всѣми добытыми до даннаго момента строго научными свѣдѣніями изъ соотвѣтствующей области знанія. Къ этимъ объективнымъ требованіямъ можно присоединить одно, субъективное, относящееся къ тому, кто выставляетъ гипотезу; оно гласитъ слѣдующее: „авторъ гипотезы долженъ ясно сознавать, что это—только гипотеза“. Мнѣ кажется, что соблюденіе перечисленныхъ условій является вполнѣ достаточной данью научной „строгости“, и ни одинъ критикъ, столкнувшись съ такой гипотезой и не будучи въ состояніи выставить никакой, болѣе удовлетворительной догадки, не имѣетъ ни права, ни основанія упрекать автора гипотезы въ дилеттантскихъ мечтаніяхъ.

Съ другой стороны, однако, я нисколько не отрицаю того, что, какъ бы ни были научны тѣ или другія гипотезы, но, разумѣется, спеціальныя изслѣдованія, или сплошь состоящія изъ гипотезъ, или даже обнаруживающія преобладаніе ихъ надъ точными выводами, всегда производятъ нѣсколько тягостное впечатлѣніе. Принадлежатъ ли, однако, мои двѣ диссертаціи къ этому типу работъ гипотетическихъ по преимуществу? На этотъ вопросъ Покровскій даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ въ концѣ своего критическаго этюда. Говоря о томъ, что его статья не имѣла цѣлью дать систематическую оцѣнку моихъ работъ, онъ прибавляетъ (Р. 62): „Труды гипотетическіе вообще нелегко поддаются квалификаціи“. Однако, уже эта фраза заключаетъ въ себѣ квалификацію моихъ работъ и притомъ такую, противъ которой я протестую самымъ рѣшительнымъ образомъ. Какъ бы ни было велико число высказанныхъ мной гипотезъ, онѣ имѣютъ очень мало вліянія на основные выводы моихъ морфологическихъ изслѣдованій, за исключеніемъ, быть можетъ, только второго (и отчасти перваго) [1]) этюда 1-й главы моей докторской диссертаціи, носящаго болѣе яркій гипотетическій характеръ. Притомъ всѣ гипотезы мои проистекаютъ отнюдь не изъ склонности къ мечтаніямъ, а изъ желанія выяснить по возможности *всѣ* извѣстные мнѣ факты, соприкасающіеся съ той или другой изслѣдуемой мной категоріей явленій. Этимъ, между прочимъ, объясняется то обстоятельство (по всей вѣроятности обратившее на себя вниманіе читателей), что мой критикъ, вообще щедрый на экскурсы, не даетъ почти ни одного новаго факта въ доказательство моихъ лингвистическихъ комбинацій или въ опроверженіе ихъ.

---

[1]) Въ этомъ этюдѣ, однако, окончательно разрѣшается на совершенно новыхъ фактическихъ основаніяхъ одинъ спорный фонетическій вопросъ, причемъ дается, между прочимъ, новое и почти математически доказанное толкованіе до сихъ поръ остававшихся загадочными образованій *ergastulum* и *postulare*.

Конечно, если при изслѣдованіи того или другого вопроса по языку придерживаться, такъ сказать, выборочной системы, или вовсе умалчивая о трудныхъ явленіяхъ, относящихся къ изучаемой категоріи, или торопясь сказать: non liquet, то количество гипотезъ естественнымъ образомъ должно уменьшиться. Но можно ли упрекать изслѣдователя за то, что онъ дѣйствуетъ иначе [1])? Если даже назвать лингвистическія гипотезы зломъ, то вѣдь все-таки это—неизбѣжное зло въ работахъ, посвященныхъ такому трудному языку, какъ латинскій, съ его бурнымъ прошлымъ, проложившимъ рѣзкую грань между нимъ и индо-европейскимъ праязыкомъ съ одной стороны и ближайшими италійскими родичами—съ другой, причемъ вдобавокъ эти послѣдніе очень плохо извѣстны намъ, что еще болѣе затрудняетъ наше положеніе. Пусть мой критикъ назоветъ мнѣ хоть одинъ лингвистическій трудъ по латинскому языку, который, будучи равенъ по объему и по количеству разработаннаго матеріала любой изъ моихъ двухъ диссертацій, заключалъ бы въ себѣ меньше гипотезъ, и я готовъ буду признать справедливость того, что онъ подчеркнулъ въ моихъ трудахъ, какъ ихъ спеціальную особенность, но я хорошо знаю, что это ему не удастся сдѣлать, и что онъ, выражаясь языкомъ древнихъ теоретиковъ ораторскаго искусства, выдвинулъ argumentum commune pluribus pro proprio, — противъ чего предупреждали какъ разъ эти теоретики (ср. Quint. V, 13, 34).

VII.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ отдѣльными лингвистическими замѣчаніями Покровскаго, относящимися къ различнымъ мѣстамъ моихъ двухъ диссертацій, причемъ я ради большей ясности и бòльшаго теоретическаго интереса, сгруппировалъ эти замѣчанія по рубрикамъ методологическаго характера. Однако, въ двухъ случаяхъ критикъ сдѣлалъ попытку оцѣнить болѣе послѣдовательно и систематически разработанныя мной конкретныя теоріи: я разумѣю, во-первыхъ, вопросъ объ обратныхъ образованіяхъ и, во-вторыхъ,—теорію смѣшенія корневыхъ и суффиксальныхъ элементовъ. Это заставляетъ и меня остановиться внимательнѣе на этихъ двухъ проблемахъ, тѣмъ болѣе, что къ изученію первой изъ нихъ только что приступлено въ

[1]) А кромѣ того, выборочная система иногда жестоко мститъ за себя, какъ мы это показали на примѣрѣ самого Покровскаго (см. выше въ началѣ лингвистическаго этюда В, примѣчаніе второе).

латинскомъ языковѣдѣніи, а во второй мнѣ пришлось даже выступить прямымъ піонеромъ.

Начну съ теоріи смѣшенія корневыхъ и суффиксальныхъ элементовъ (Э. 109—127). Данную категорію явленій мой оппонентъ (Р. 17 сл.) называетъ „очень интересной, но неимовѣрно трудной даже въ отношеніи къ живымъ языкамъ, не говоря уже о мертвыхъ"; свои вводныя замѣчанія онъ заключаетъ слѣдующими словами по моему адресу (Р. 18): „разумѣется, (мы) поставимъ (автору) въ заслугу, что онъ попытался **такъ или иначе** [1]) разобрать эту теорію". Это „такъ или иначе", представляющее весьма грустную для меня и столь же отвѣтственную для критика оговорку, пространно мотивировано въ цѣлой группѣ критическихъ экскурсовъ, которые, по мнѣнію моего оппонента (Р. 28), „показали намъ, до какой степени неустойчивы тѣ основанія, на которыхъ авторъ укрѣпляетъ отвѣтственную теорію объ ассоціаціи словъ, имѣющихъ звукъ *-t-* (*-s-*)" [2]).

По этому поводу замѣчу слѣдующее.

1) Тщательный пересмотръ вышеупомянутыхъ критическихъ экскурсовъ Покровскаго (Р. 18—28), выясняетъ, что мой оппонентъ останавливается въ нихъ по большей части на такихъ фактахъ, которые **мною самимъ** признаны **несовсѣмъ** достовѣрными, какъ реальные факты латинскаго языка, а именно *nitura* [3]), *plectator*, *contexus* [4]), или же приводились мной въ связь съ моей теоріей лишь съ **нѣкоторыми оговорками**, напр. *amplectabilis* (ср. Э. 120 и 244), *flectura* (Э. 122) [5]), *arcessus* (Э. 126) [6]); относительно нѣкоторыхъ (встрѣ-

[1]) Эти слова подчеркнуты мной.

[2]) Я долженъ оговориться, что смѣшеніе суффиксальныхъ и корневыхъ элементовъ, конечно, не ограничивалось одними случаями съ *t* или *s*. Такъ напр., появленіе *crepusculum* по аналогіи съ *diluculum*, о чемъ см. выше В, I, 1, предполагаетъ смѣшеніе корневого и суффиксальнаго *c*.

[3]) Ср. выше В, V, 12, послѣднее примѣчаніе.

[4]) Ср. Б, VI; а кромѣ того, какъ я показалъ выше (В, II, 4), замѣчаніе Покровскаго по поводу *vindicator*, сдѣланное имъ (Р. 27) въ связи съ *plectator*, безусловно невѣрно.

[5]) „При установленіи этого слова, замѣчаетъ Покровскій (Р. 22), авторъ руководится... критическими указаніями... Паукера, **несовсѣмъ точными**. Лучше было бы навести справку въ доступномъ всѣмъ намъ изданіи схолій (Акрона) Hauthal'я"; смѣю увѣрить, однако, что Паукеръ, вводившій такъ часто въ заблужденіе Покровскаго, въ этомъ случаѣ какъ разъ даетъ, хотя и болѣе краткія, но совершенно **вѣрныя** показанія.

[6]) Что касается *vibrissae*, то этотъ пунктъ оговоренъ мной въ рѣчи передъ диспутомъ.

чающихся преимущественно въ цитатѣ изъ Тильмана) глаголовъ на *-tare* и *-ssare* (Э. 120² и 244) Покровскій, можетъ быть, и правъ, однако, ср. Б, I въ концѣ.

2) Покровскій сомнѣвается въ возможности истолковать съ точки зрѣнія этой теоріи *impetus* и *compitum*, но я надѣюсь, что мнѣ удалось выше (В, III, 5; ср. также В, III, 4 и В, IV, 1) показать всю несостоятельность его основныхъ возраженій по поводу этихъ двухъ образованій. „Равнымъ образомъ, продолжаетъ мой оппонентъ (Р. 20), для меня слишкомъ искусственно и все то, что̀ авторъ говоритъ (Э. 111) объ *impet-is*, *impete*, и напрасно онъ ссылается на стр. 20 моихъ „Матеріаловъ". Я вовсе не говорю о томъ, что *impet(i)* [кстати, я не допускалъ основы **impeti-*, но признавалъ на стр. 20 и въ дополненіи къ ней на стр. 225... для этого defectivum основу женскаго рода **impet-*] „примкнуло" къ категоріи основъ, какъ *riti-* при *ritu-*, *grāti-* при **grātu-* (*gratuitus*) и т. д., и изъ моихъ соображеній менѣе всего вытекало бы основаніе заключать, что поводомъ къ подобной ассоціаціи „была наличность въ корнѣ элемента *t*" (А. А. Грушка, Э. 111)". Эти замѣчанія и ссылки критика вызываютъ во мнѣ рядъ серьезныхъ недоумѣній. 1) На стр. 20 „Матеріаловъ" Покровскій писалъ: „съ такимъ сохраненіемъ старой формы слова на *-t(i)-* можно сопоставить, до извѣстной степени,... исторію варіанта къ *impetus*—именно *impes*, *impetis*"; неужели это не давало мнѣ право предполагать, что Покровскій допускаетъ нѣкоторую возможность основы **impeti-*? 2) Правда, на стр. 255 тотъ же авторъ пытается сдѣлать оговорку, но какую? Смыслъ этой оговорки для меня въ высшей степени неясенъ. „Я сопоставляю *impes*, *impetis*, говоритъ, между прочимъ, Покровскій (l. c.), съ такими основами какъ *messis* лишь постольку, поскольку это корневое образованіе (т. е. *impes*) было defectivum casibus". Я рѣшительно не понимаю однако, какъ можетъ служить въ качествѣ tertium comparationis между *impes* и *messis* неполнота формъ склоненія? Развѣ *messis*—defectivum casibus? Чтобы разубѣдить Покровскаго въ этомъ, укажу ему, что самъ онъ (М. 20) приводитъ формы nom. sg. *messis*, acc. sg. *messim*, gen. sg. *messis*, gen. pl. *messium*; съ своей стороны прибавлю еще abl. sg. *messi* (Varro L. L. VI, 21, 5; r.r. 1, 53 и т. п.). 3) Не менѣе неясно для меня, почему моему оппоненту представляется невозможнымъ предполагать для формы *impetis*, *impete* основу на *-i*, и почему онъ предпочитаетъ сопоставить эту основу съ основами *nex*, *prex* и т. п. основами на согласную: вѣдь *impes*—если такая форма существовала (что̀ не дока-

зывается еще свидѣтельствомъ Присціана 6, 55),—все-таки не было бы тожественно по морфологическому типу съ этими послѣдними образованіями, такъ какъ представляло бы собою единственное корневое nomen actionis, осложненное префиксомъ. Неужели же Покровскаго не смущаетъ это новое unicum, которое притомъ онъ, какъ теперь оказывается, старается оторвать отъ *impetus*: по крайней мѣрѣ связать его съ этимъ послѣднимъ образованіемъ при отрицаніи первоначальной основы на *i* въ формахъ *impetis*, *impete* едва ли возможно. 4) Допущеніе же основы на *-i* въ *impes* (?) даетъ возможность понять это образованіе въ связи съ цѣлымъ рядомъ дублетовъ на *-i* при соотвѣтствующихъ основахъ на *-u*. Такимъ образомъ, если даже я приписалъ Покровскому ту мысль, которую онъ не имѣлъ (изложеніе его, какъ мы видѣли, крайне сбивчиво и неясно), то, во всякомъ случаѣ, я оказалъ ему этимъ лучшую услугу, чѣмъ онъ самъ своими опроверженіями. Въ заключеніе этого длиннаго экскурса я предложу моему оппоненту вопросъ: какъ же онъ самъ понимаетъ возникновеніе образованій *impetus, impes* (?) и *compitum*?

3) Аналогичный вопросъ я долженъ предложить и относительно *nectura*, *plectura* и *consistorium*? Правда, по поводу первыхъ двухъ образованій критикъ замѣчаетъ (Р. 22): „лично я пока уклоняюсь отъ категорическаго объясненія этихъ образованій“, а относительно *consistorium* говоритъ (ibid., 21), что это слово „такъ таки и остается страннымъ образованіемъ“ [1]), но мнѣ кажется, что это одинъ изъ случаевъ, гдѣ Покровскій, какъ выражается Квинтиліанъ въ отмѣченномъ нами выше отрывкѣ (V, 13, 34), manifestis repugnat.

4) Мой оппонентъ совершенно умалчиваетъ о цѣломъ рядѣ случаевъ, выставленныхъ мной, какъ иллюстраціи для той же теоріи, напримѣръ, *consistio*, *dentio*, *capessurus*, *adnecte*, а также поставленныхъ мной въ нѣкоторую связь съ этой теоріей, въ родѣ *repentim*, *praesentim*.

5) Что касается *perpetim* (Э. 112), то тутъ самъ Покровскій признаетъ правильность моего объясненія, сдѣланнаго съ точки зрѣнія отстаиваемой мной теоріи.

6) Наконецъ,—и это главное—Покровскій не приводитъ ни одного

---

[1]) Любопытно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Покровскій, полемизируя со *Штольцемъ*, между прочимъ писалъ (*Филол. Обозр.* XI, 2, 138): „*Consistorium* не есть произвольное образованіе..., такъ какъ намъ понятны причины его вызвавшія“. Правда, тогдашнее объясненіе Покровскаго неудовлетворительно, но почему же приписывать эту черту моему толкованію?

принципіальнаго возраженія противъ этой моей теоріи и не даетъ никакого объясненія для всѣхъ фактовъ, категорически подведенныхъ мною подъ эту теорію.

Имѣлъ ли послѣ всего этого мой критикъ право и основаніе упрекать меня за неосторожное отношеніе къ этой отвѣтственной теоріи? Пусть Покровскій приведетъ мнѣ хоть одно образованіе, похожее по своему морфологическому составу на *consistorium*, *impetus*, *perpetim* и т. п., но притомъ возникшее отъ корня, *не* оканчивающагося на *-t* (: *-s*)—и только тогда я признаю мою теорію несостоятельной. Въ этомъ, именно въ этомъ, и заключается onus refutandi моего критика, но я вполнѣ увѣренъ, что оно оказалось бы совершенно непосильнымъ для него.

VIII.

Гораздо болѣе подробнаго разсмотрѣнія требуетъ трудный и сложный вопросъ объ обратныхъ образованіяхъ. „Авторъ рѣшительно переоцѣнилъ важную и любимую (sic) имъ теорію «Rückbildung»: теорія правильна, но ея иллюстраціи у него очень часто весьма сомнительны“. Такъ характеризуетъ Покровскій (P. 55) мое отношеніе къ этой теоріи. Этотъ отзывъ заставляетъ меня подробно пересмотрѣть всѣ примѣры данной категоріи, по поводу которыхъ мой оппонентъ выразилъ свое несогласіе со мной или, по крайней мѣрѣ, тѣ или другія сомнѣнія въ правильности моихъ лингвистическихъ комбинацій. Впрочемъ, относительно многихъ примѣровъ этого рода я уже высказался въ различныхъ мѣстахъ предшествующаго изложенія, что дастъ мнѣ возможность довольно часто ограничиваться лишь соотвѣтствующими ссылками.

Сомнительными (въ большей или меньшей степени) Покровскому представляются слѣдующіе случаи [1]).

1) *nuntius*; сравните сказанное объ этомъ образованіи В, III, 7.

2) *terminus*. Считая постербальный характеръ этого слова мало

---

[1]) При этомъ я опускаю тѣ случаи, которые возбудили подозрѣнія моего оппонента какъ реальные лексикографическіе факты, такъ какъ объ нихъ рѣчь была въ первомъ этюдѣ: таковы *indignus*, *spiculus*, *inoboedus* (см. объ этихъ образованіяхъ же выше А, I въ началѣ экскурса), а также *comitius* (о которомъ см. Б, VI). Здѣсь я ограничиваюсь такими случаями обратныхъ образованій, въ квалификаціи которыхъ, какъ таковыхъ, по мнѣнію моего оппонента (см. приведенный въ началѣ этого экскурса его критическій тезисъ), сказалась переоцѣнка мной теоріи Rückbildung, подъ чѣмъ мой критикъ разумѣетъ, очевидно, несовсѣмъ правильное пониманіе мною лингвистическихъ основъ и границъ этой теоріи.

вѣроятнымъ и находя (Р. 9 сл.), что я „безъ всякой нужды категорически усматрива(ю) (въ немъ) комбинацію суффиксовъ *-men* и *-o*", мой оппонентъ затѣмъ спрашиваетъ (Р. 10): „почему... не предположить, что на ряду съ существительными *termen* и *termo* (ср. греч. τέρμα и τέρμων) въ италійскіе языки перешло... адъективированное причастіе **termenos* (ср. д.-инд. глаголъ *tárati*), которое затѣмъ субстантивировалось?" Подобное толкованіе, — кстати сказать, отнюдь не новое, но являющееся реставраціей (быть можетъ, безсознательной) старинной этимологіи, предложенной Бопномъ, Поттомъ и другими старыми лингвистами [1]), — представляется мнѣ не только необычайно искусственнымъ, но прямо методологически недопустимымъ по многимъ соображеніямъ. Такъ, прежде всего, слѣдовало обратить вниманіе на то, что глагольныя формы отъ корня **ter* не представляютъ ярко выраженной близости по значенію ни съ лат. *termen* и греч. τέρμα, ни съ *terminus*. Уже это обстоятельство дѣлаетъ гипотезу Покровскаго (и его старинныхъ предшественниковъ) весьма подозрительной, такъ какъ при наличности его и при признаніи морфологической независимости *terminus* и *termen* семасіологическая тожественность этихъ двухъ словъ представлялась бы продуктомъ мало вѣроятной случайности [2]). Но противъ этой гипотезы можно выставить и другія, не менѣе важныя возраженія спеціально морфологическаго и отчасти фонетическаго характера. А именно, я совершенно не представляю себѣ, на какія аналогіи могъ бы опереться реконструируемый моимъ оппонентомъ прототипъ **termenos*? Судя по контексту, Покровскій, повидимому, предполагаетъ, что это — до-италійскій (индоевропейскій?) прототипъ. Но развѣ можно хоть чѣмъ-нибудь доказать, что индоевропейскій глаголъ съ корнемъ **ter* былъ нетематическимъ глаголомъ? Насколько я знаю, на это нѣтъ рѣшительно никакихъ указаній ни въ одномъ индо-европейскомъ языкѣ [3]). Если же это — глаголъ тематическій (какъ, напр., приводимый Покровскимъ д.-инд. гл. *tárati*), то

---

[1]) Ср. *Pott*, Etym. Forsch. II², 3, 270, *Dünzer*, *Kuhn's Zeitschr.* XI, 65, *Zeyss* ibid. XVII, 419 и т. д.

[2]) Конечно, можно было бы, пожалуй, аппеллировать къ той же теоріи о семасіологическомъ взаимодѣйствіи словъ близкихъ по звуку, которой такъ неудачно воспользовался Покровскій при объясненіи *funditor* = possessor (см. выше Б, II, 3), однако примѣненіе этой теоріи къ данному случаю я считалъ бы уже потому отчаянно смѣлымъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ процессомъ, выходящимъ за предѣлы исторической эпохи латинскаго языка (или даже обще-италійской эпохи).

[3]) Да и есть ли въ какомъ-нибудь индо-европейскомъ языкѣ примѣры причастій типа **termenos*?

почему же между корнемъ и суффиксомъ *-meno-* въ этомъ прототипѣ нѣтъ соединительнаго гласнаго? Я еще понялъ бы до-италійское **teröměnos* или **terěmenos*; возможенъ ли при такомъ прототипѣ латинскій рефлексъ *terminus*, это — вопросъ другой, и во всякомъ случаѣ, если бы мой оппонентъ даже остановился на предположеніи syncope, то онъ безусловно обязанъ былъ бы выяснить хронологію этой syncope и указать на соотвѣтствующія фонетическія параллели. Выставивъ безъ всякихъ оговорокъ до-италійскій прототипъ **terměnos* и не только не отвѣтивъ на всѣ отмѣченные мной насущные съ точки зрѣнія современной лингвистики (въ противоположность той, какая существовала во времена Боппа) вопросы, но даже не поставивъ ихъ, Покровскій едва ли можетъ расчитывать на сочувствіе къ своему объясненію *terminus* со стороны „строгихъ" лингвистовъ.

3) *exterminus*; сравните объ этомъ образованіи сказанное мной выше, B, I, 3.

4) *disterminа*; выше (B, V, 2) я показалъ несостоятельность основныхъ замѣчаній моего оппонента по поводу этого слова. Впрочемъ, критикъ прибавляетъ еще одно соображеніе. „Думаю, говоритъ онъ (P. 10), что было бы полезно систематическое изслѣдованіе исторіи сложеній съ *dis-*". Если Покровскій хочетъ этимъ сказать, что, только раскрывъ передъ читателями результаты такого изслѣдованія, я могъ убѣдить даже наиболѣе неопытныхъ среди нихъ въ безусловной необходимости постьербальнаго толкованія даннаго слова, то онъ, пожалуй, правъ, и эта обязанность лежала на мнѣ тѣмъ болѣе, что какъ разъ по поводу *disterminа* (въ противоположность *exterminus*) я высказался **категорически**. Если, однако, мой оппонентъ подозрѣваетъ, что подобное изслѣдованіе могло бы подорвать довѣріе къ моему толкованію, то онъ, конечно, ошибается. Чтобы не быть на этотъ разъ голословнымъ, изложу вкратцѣ вопросъ о прилагательныхъ, сложенныхъ съ префиксомъ *dis-*, не ручаясь, впрочемъ, за абсолютную полноту матеріала. Не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ цѣлый рядъ подобныхъ прилагательныхъ, при которыхъ или вовсе нѣтъ налицо соотвѣтствующихъ глаголовъ, или, если и есть, то такіе, которые не только засвидѣтельствованы, но, по всей вѣроятности, и возникли въ болѣе позднюю эпоху, или, наконецъ, такіе, при которыхъ соотвѣтствующіе имъ глаголы, несомнѣнно (или съ большой степенью вѣроятія), возникли какъ разъ отъ этихъ прилагательныхъ. Сюда могутъ быть отнесены, напримѣръ, слѣдующіе случаи (привожу ихъ въ алфавитномъ порядкѣ): *difficilis*, *diffors*, *dimidius*, *discolor*, *discolorus*,

discors, *dispar*, *disparilis*, *dissimilis*, *dissors*, *divexus*. Однако, изъ этихъ одиннадцати случаевъ шесть не имѣютъ прямого сходства съ *disterminu* уже потому, что въ нихъ префиксъ *dis-* является при первоначальныхъ прилагательныхъ (*difficilis*, *dimidius*, *dispar*, *disparilis*, *dissimilis*, *divexus*); такимъ образомъ остаются лишь пять прилагательныхъ, непосредственно интересныхъ въ связи съ *disterminu*: *diffors*, *discolor*, *discolorus*, *discors*, *dissors*. Первое прилагательное, засвидѣтельствованное у позднѣйшаго ритора Юлія Виктора (III, § 3), представляетъ собой, несомнѣнно, искусственный реторическій терминъ, едва ли допускающій объясненіе съ точки зрѣнія нормальной морфологіи латинскаго языка [1]). Что касается *discolor*, *discolorus*, *discors*, *dissors*, то, какъ бы мы ни объяснили эти образованія [2]), они отнюдь не могутъ быть поставлены на одну доску съ *disterminu*, такъ какъ это послѣднее образованіе имѣетъ активное значеніе („раздѣляющая"), тогда какъ три названныхъ прилагательныхъ—непереходное: вотъ причина, почему, между прочимъ, я такъ настойчиво говорю о поствербальномъ происхожденіи *disterminu*, между тѣмъ какъ, напримѣръ, о происхожденіи прилагательнаго *disterminus* въ непереходномъ или пассивномъ смыслѣ („лежащій за предѣлами", „отдѣленный", ср. Э. 22[1]) я не рѣшаюсь высказать никакого мнѣнія [3]). Во всякомъ случаѣ, сопоставлять *disterminu* съ образованіями въ родѣ *discors* было бы такъ же ошибочно, какъ, напримѣръ, глоссографическое *dilargus* „расточительный" (также

[1]) „Ganz rätselhaft, замѣчаетъ *Отто Келлеръ* (Lat. Volksetym. 116), erscheint der Ausdruck *diffors* von einer Rede, in welcher man zwar eine Handlung als geschehen zugiebt, sie aber als erlaubt hinzustellen sucht (Georges) ...Die Lexikographen denken an *dis-* und *fors*; lieber möchte ich volksetymologische Umbildung des griechischen διάφορος. Es wird „unterschieden" der Thatbestand und die Strafbarkeit, das erstere wird zugegeben, das zweite geleugnet. Der Gleichklang mit *dissors* mag bei dieser Wortbildung mitgewirkt haben". Такое толкованіе (приходившее мнѣ въ голову независимо отъ Келлера) представлялось бы довольно правдоподобнымъ, если бы не нѣкоторое затрудненіе, заключающееся въ неестественности участія народной этимологіи въ созданіи столь отвлеченнаго научнаго термина.

[2]) Несовсѣмъ ясно происхожденіе *disgrex*, засвидѣтельствованнаго въ Скалигеровой глоссѣ: *Disgrex segregus* (CGL., V 596, 47): это могло быть или непосредственнымъ ἀντίθετον, возникшимъ по аналогіи съ *congrex* (ср. также *segrex*), или обратнымъ образованіемъ изъ гл. *disgregare*, параллельнымъ съ *disgregus* (ср. Mart. Cap., IX, 892); какъ бы то ни было, въ данномъ образованіи мы имѣемъ новый языковой фактъ изъ сборника Скалигера, представляющій собой несомнѣнный лингвистическій интересъ (см. другіе факты Б, VII).

[3]) Я долженъ замѣтить, что это послѣднее прилагательное возникло въ языкѣ даже совершенно самостоятельно отъ того, которое я предполагаю въ основѣ *disterminu*.

активное значеніе!) — съ *dissimilis*, *dispar* и тому подобными. И почему же, замѣчу кстати, Покровскій, опредѣляя (М. 62) это *dilargus* въ качествѣ вполнѣ „ясной“ Rückbildung, не счелъ полезнымъ дать попутно „систематическое изслѣдованіе исторіи сложеній съ *dis*-“, вмѣняемое имъ мнѣ въ обязательство по отношенію къ *distermina*?

5) *conseminus*; филологическая сторона дѣла, связанная съ этимъ прилагательнымъ, разсмотрѣна мной выше — A, I, 1; что касается лингвистическаго его освѣщенія, то критикъ дѣлаетъ два замѣчанія по этому поводу (P. 9): 1) „мы не обязаны въ виду параллельныхъ *consemineus* и *conseminalis* настаивать на постербальномъ образованіи... *conseminus*“ и 2) „помимо этого, представлялось бы раціональнымъ, прежде чѣмъ прибѣгать къ теоріи Rückbildungen, изучить *conseminus*... въ связи съ другими сложеніями съ *com*-“. По поводу послѣдняго замѣчанія я сошлюсь на только что (въ концѣ предыдущаго пункта) предложенный мной Покровскому вопросъ о *dilargus*. Что касается перваго замѣчанія, то оно, къ сожалѣнію, выражено въ нѣсколько неопредѣленной формѣ и вслѣдствіе этого несовсѣмъ для меня ясно: думаетъ ли критикъ, что *conseminus* могло бы быть истолковано въ качествѣ обратнаго образованія изъ прилагательнаго *consemineus* или *conseminalis*, или же его мысль заключается въ томъ, что разъ существуютъ несомнѣнно не-поствербальныя образованія,— *consemineus* и *conseminalis*, то этимъ самымъ компрометтируется безусловная необходимость поствербальнаго толкованія *conseminus*? Но какимъ бы изъ этихъ двухъ способовъ мы ни поняли соотвѣтствующее замѣчаніе Покровскаго, оно, во всякомъ случаѣ, не способствуетъ уясненію вопроса объ этихъ трехъ, въ сущности очень трудныхъ, образованіяхъ. Прежде всего, въ противоположность Покровскому, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы какъ *consemineus*, такъ и *conseminalis* можно было, не прибѣгая къ натяжкамъ, объяснить внѣ всякой зависимости отъ глагола *conseminare*. Правда, мой оппонентъ для перваго изъ этихъ двухъ прилагательныхъ ссылается на аналогію *consanguineus* и *collacteus* (:-*ius*), очевидно предполагая, что, подобно тому какъ эти послѣднія прилагательныя возникли изъ непосредственнаго сложенія префикса *com*- съ именными образованіями *sanguis* и *lac*, такъ точно и *consemineus* можетъ быть объяснено какъ сложеніе изъ *com*- и *semen* [1]). Однако, какъ мы могли убѣдиться уже при

[1]) Замѣчу кстати, что и *Турнейзенъ* придерживается такого мнѣнія относительно *conseminalis*, *conseminus* и, вѣроятно, *consemineus* (ср. Thes. linguae lat. s. v. v).

анализѣ *distermina* въ предыдущемъ пунктѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ сложными словами, то приходится обращать очень пристальное вниманіе на характеръ ихъ значеній, иначе мы рискуемъ сопоставить факты по существу совершенно разнородные. Такую ошибку мы какъ разъ имѣемъ въ указанной комбинаціи Покровскаго. Дѣло въ томъ, что *consanguineus* и *collacteus* принадлежать къ категоріи сложеній префикса *com-* съ неличными именами существительными, осложненныхъ вторичнымъ суффиксомъ *-eo-* : по типу своему они до извѣстной степени родственны съ такими, напримѣръ, образованіями, какъ *concorporeus* (ср. Victric. 13: *per usum artuum* [sc. *fiunt sancti*] *concorporei* [*Salvatoris*], *per sanguinem consanguinei*), *coaetaneus* (напр., Apul. Met. VIII, 7), *collimitaneus* (напр., Solin. 40, 9), *concellaneus* (ср. Ennod. opusc. 7 p. 413, 12), *conforaneus* (напр., CGL., IV, 44, 2) [1]), *consalaneus* (ср. *Arch. f. lat. Lex.*, VIII, 374), *consecraneus* (*consacraneus*, напр., CGL., II, 112, 4, Tert. apol. 16 и т. д.) [2]), *conterraneus* (напр., Plin. hist. nat. praef. 1) и тому подобныя, а этотъ типъ образованій, въ свою очередь, является, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, продуктомъ суффиксальнаго распространенія (на почвѣ тѣхъ или другихъ аналогій) болѣе простого типа сложныхъ словъ, въ родѣ *coaevus* (напр., Vulg. interpr. Dan. 1, 10), *commanipulus* (ср. inscr. Orelli 3557), *communis*, *concolor* (напр., Verg. Aen., VIII, 82), *concors* (еще у Невія, carm. frg. 1), *confinis* (ср. напр., CGL. II, 410, 7), *conformis* (ср. Ambr. off., I, 11, 38: *ut consortem et conformem tuum adiuves*), *consors* (напр., Cic. Verr., IV, 57), *conterminus* (напр., Ovid. Met., I, 774), и тому подобныхъ [3]). Эти послѣднія прилагательныя образуютъ довольно опредѣленную семасіологическую группу: а именно, всѣ они обозначаютъ общность съ кѣмъ или съ чѣмъ-нибудь въ обладаніи или наличности того предмета мысли, который выражается заключающейся въ нихъ именной основой. Такъ, напримѣръ, *concors* это — тотъ, у кого наблюдается общность (или солидарность) сердца (т. е. настроенія, чувства и т. п.), *communis* это — тотъ, который выполняетъ съ кѣмъ-нибудь общія *munia*, т. е. обязанности, *coaevus*—

---

[1]) Ср. наряду съ этимъ дублетъ *conforanus*, засвидѣтельствованный Not. Tir. 56, 89.

[2]) На надписяхъ встрѣчается также дублетъ *consacranus*, ср. напр., CIL. XIII 147.

[3]) При этомъ, конечно, не слѣдуетъ думать, чтобы каждому изъ перечисленныхъ выше образованій типа *conterraneus* или *consanguineus* предшествовало соотвѣтствующее простѣйшее образованіе типа *conformis*. Правильный взглядъ на взаимоотношеніе данныхъ двухъ (или трехъ) типовъ высказанъ *Скутшемъ* въ его небольшой, но глубоко продуманной монографіи De verborum latinorum compositione (стр. 10 сл.).

тотъ, кто живетъ въ общую съ кѣмъ-нибудь эпоху (*aevum*), и тому подобное. Тотъ же основной семасіологическій характеръ носятъ такія распространенныя вторичными суффиксами сложныя образованія какъ *coaclaneus, consanguineus* и т. п. Въ виду этого, если бы прилагательное *consemineus* принадлежало, какъ это думаетъ Покровскій, къ одному типу съ *consanguineus*, то оно должно было бы значить „тотъ (:то), который (:что) происходитъ изъ одного (общаго) сѣмени". Посмотримъ теперь въ тексты, гдѣ это слово засвидѣтельствовано. Вотъ эти тексты: Colum. III, 21, 7: *Generum* (разумѣются разные сорта лозъ) *separatio summam commoditatem habet, quod vinitor suam cuique facilius putationem reddet, cum sciet, cuius notae sit hortus, quem deputat: idque in vineis consemineis observari difficile est, quia maior pars putationis per id tempus administratur, quo vitis neque folium notabile gerit*. Изъ этого контекста съ полной очевидностью вытекаетъ, что *conseminea vinea* значитъ: „виноградникъ, засаженный (собственно: засѣянный) разными сортами лозъ, соединенныхъ на одномъ, общемъ участкѣ земли". Не менѣе ясенъ другой текстъ изъ того же автора (XI, 2, 83): *Silvam si quis barbaricam id est conseminearn velit facere, recte conserat* (*NB*) *glandibus et ceteris seminibus*. Тутъ уже являются *silva consеminea*, но опять-таки съ совершенно опредѣленнымъ значеніемъ „лѣса, засѣяннаго (на общемъ пространствѣ) различнымъ древесными сѣменами". Итакъ, мы видимъ, что *consemineus* представляетъ собой образованіе въ семасіологическомъ отношеніи не только не аналогичное *conlacteus* и *consanguineus*, съ которымъ его ближайшимъ образомъ сопоставляетъ мой оппонентъ, но до извѣстной степени даже противоположное, и я не знаю ни одного образованія во всемъ латинскомъ языкѣ, которое можно было бы сопоставить съ этимъ любопытнымъ образованіемъ, за исключеніемъ лишь *conseminalis*. Это послѣднее прилагательное, являясь прямымъ синонимомъ съ *consemineus* (ср. у того же Колумеллы XII, 47, 6: *conseminalium vinearum non tam est firmum vinum, quam si per se sincerum Amineum vel Apianum... condideris*), въ свою очередь представляетъ собой весьма оригинальное явленіе среди цѣлаго ряда прилагательныхъ на *-ālis*, сложенныхъ изъ префикса *com-* и неличныхъ именъ существительныхъ въ родѣ *coessentialis* (ср. Boeth. de diis et praes. p. 390 Orelli: *Hoc eis coessentiale et unitum*), *commanipularis* (напр. Tac. Hist, IV, 46) [1],

[1]) Наряду съ этимъ образованіемъ надписи даютъ дублетъ *commanipularius* или, точнѣе, фонетическій (вульгарный) варіантъ *commanicularius* (ср. CIL. VI 2625: [*ille*] *commanniculario condam* [sic] *militi fecit*). По поводу соотношенія суффик-

concorporalis (напр., Itala codd. Clarom., Boerner etc. et Vulg. Eph. 3, 6: *gentes esse coheredes et concorporales*; ср. также *Arch. f. lat. Lex.* XIV, 178), *concurialis* (напр., CIL. XI 1681), *confinalis* (напр., Grom. 309, 11) [1]), *contectalis* [2]), *conterminalis* (ср. Goetz, Thes. s. v.), *contubernalis* (напр. Cic. Lig. 21), *conturmalis* (напр. Amm. XVI, 12, 45) и т. п. Всѣ эти образованія принадлежатъ опять-таки къ тому же семасіологическому типу сложныхъ образованій, какъ и разсмотрѣнныя выше типа *conformis* и *conforaneus* [3]), а наряду съ нѣкоторыми

совъ *-āris* и *-ārius* ср. интересныя замѣчанія *Олькотта* (Stud. in the wordform. of the lat. inscr. 182 сл.); что касается замѣны *p(u)l* посредствомъ *c(u)l*, то для иллюстраціи этого явленія нѣкоторый матеріалъ можно найти напр. у *Нидермана* (см. *Glotta*, I, 261).

[1]) Наряду съ этой формой въ глоссаріяхъ засвидѣтельствованъ дублетъ *confinialis*, напр. CGL., II, 383, 33: Ὅμορος *finitumus confinis con(m)finialis* (a: *confinalis) adfinis umiterminus* (a: *conterminus*) или ibid. IV, 40, 33: *Conterminalis confinialis* (abcde: *confinalis*). Хотя съ точки зрѣнія чисто глоссографическаго анализа варіантъ *confinialis* и заслуживаетъ менѣе довѣрія, чѣмъ *confinalis* (см. впрочемъ ниже),—которое вдобавокъ извѣстно и изъ текстовъ,—и къ тому же легко могъ бы быть объясненъ, какъ результатъ палеографической ошибки, тѣмъ не менѣе я не рѣшился бы категорически утверждать, что онъ представляетъ собой нереальную форму, такъ какъ дублеты *confinialis: confinalis* имѣютъ цѣлый рядъ аналогій въ родѣ: *artificialis: artificalis* (любопытны и тутъ рукописные варіанты, о чемъ см. Thes. linguae lat. s. v.v.), *coniugialis: coniugalis*, *principialis* (Lucr. II, 423): *principalis*, *sacerdotialis* (ср. CIL. VI 2332): *sacerdotalis* и т. п. Если же кто-нибудь, несмотря на это, все-таки отвергъ бы варіантъ *confinialis* и сталъ бы настаивать на исправленіи его всюду въ *confinalis*, то этимъ онъ прибавилъ бы новый примѣръ изъ „Кириллова“ глоссарія, гдѣ основная рукопись даетъ лишнее *i*, а рукопись a — правильное чтеніе (см. объ этомъ вопросѣ выше Б, IV, 3). Въ связи съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ укажу еще на „Кириллову“ глоссу: Στροφός *tortium* (a: *tortum*) *tormentum haec vertigo haec tortio*, изъ которой Покровскій сперва (М. 109) извлекъ образованіе *tortium*, а затѣмъ (ibid. 262) сдѣлалъ оговорку: „впрочемъ, *tortium* невполнѣ надежно: другая рукопись... даетъ *tortum*“. Контекстъ этого послѣдняго замѣчанія съ полной очевидностью свидѣтельствуетъ о томъ, что мой оппонентъ снова (какъ и при неправильной оцѣнкѣ *angustiatio*, о чемъ см. Б, VI, 4) опирался на столь энергично бракуемую имъ рукопись a. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ эта послѣдняя рукопись заключаетъ, несомнѣнно, правильное чтеніе (ср. *Goetz*, Thes. s. v. *tortum*), какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, отмѣченныхъ мной Б, IV, 3.

[2]) Cod. Leid. bibl. publ. 191[a]: *Contectalis socius qui in domo una habitat* (см. *Goetz*, Thes. s. v.).

[3]) Особнякомъ стоитъ искусственное образованіе *confatalis*, изобрѣтенное Цицерономъ для перевода греч. συνειμαρμένος (ср. de fato 30: *copulata... res est et confatalis*; ibid. *haec, ut dixi, confatalia ille* (sc. *Chrysippus*) *appellat*. Это образованіе представляетъ собой не что иное, какъ *fatalis*, искусственно осложненное префиксомъ *com-* въ соотвѣтствіе съ греческимъ прототипомъ. Обратные примѣры (впрочемъ,—изъ глоссаріевъ) приведены мной И. 41[a].

изъ такихъ прилагательныхъ на *-alis* есть даже соотвѣтствующія образованія простѣйшаго типа: ср. напр. *confinalis*: *confinis*, *conterminalis*: *conterminus* и т. п. Такимъ образомъ очевидно, что ни *consemineus*, ни *conseminalis* отнюдь не могутъ быть поняты какъ обычныя деноминативныя сложенія съ префиксомъ *com-* и что, наоборотъ, въ нихъ совершенно ясно сказывается нѣкоторая девербальная природа (въ этомъ случаѣ особенно любопытенъ второй примѣръ изъ Колумеллы, откуда для *consemineus* можно прямо извлечь эквивалентъ: *diversis seminibus consitus*). Какой же глаголъ лежитъ въ ихъ основѣ и въ какомъ ближайшемъ морфологическомъ соотношеніи находится этотъ глаголъ съ данными именными образованіями? Отвѣтъ на первый вопросъ напрашивается самъ собой: гл. *conseminare*, который, хотя фактически и засвидѣтельствованъ въ болѣе позднюю эпоху, однако въ нѣсколько иномъ и притомъ метафорическомъ значеніи. Для данныхъ же образованій мы должны исходить изъ гл. **conseminare* (ради осторожности я снабжаю его звѣздочкой) въ значеніи „сѣивать, вмѣстѣ сѣять, засѣивать вперемежку“ и т. п. (ср. встрѣчающійся въ томъ же второмъ примѣрѣ изъ Колумеллы гл. *conserere!*). Переходя теперь къ вопросу о морфологическомъ отношеніи этого глагола къ упомянутымъ выше прилагательнымъ, я долженъ замѣтить, что *conseminālis* могло бы быть, пожалуй, понято какъ непосредственное образованіе отъ **conseminā re*. Нѣкоторые примѣры отглагольныхъ прилагательныхъ этого типа (частью, впрочемъ, несовсѣмъ удачные) приводитъ уже Штольцъ, Histor. Gramm., 510; съ своей стороны прибавлю еще два примѣра, начинающіеся также, какъ и *conseminālis*, съ префикса *com-* (что, впрочемъ, не имѣетъ спеціальнаго значенія въ данномъ случаѣ). Я имѣю въ виду, во-первыхъ, *congregalis* въ стихѣ Terent. Maur. 1317: *vinculum nam signat ista congregale dictio*, гдѣ *vinculum congregale* (= „объединяющая связь“?) обозначаетъ то, что *syllabam Graeci vocant* (ibid. 1315) [1]); естественнѣе всего, кажется, понять это *congregalis*, какъ производное отъ гл. *congregāre*; впрочемъ, ручаться за такое толкованіе все-таки довольно трудно. Другой примѣръ еще менѣе ясенъ, а именно въ CIL. XII 5356 засвидѣтельствована между прочимъ часть слова COMMEMORAL... (окончаніе не сохранилось, такъ какъ камень отбитъ справа; второе M слито съ E, а A—съ L). Издатель предполагаетъ, что здѣсь слѣдуетъ читать *commemor(i)al<is dies>*; это, быть можетъ, и такъ, но, если даже тутъ и скрывается

[1]) *Форчеллини* (s. v. *congregalis*) удачно сопоставляетъ съ этимъ мѣстомъ Diomed. GLK. I 427, 3: *Syllaba est proprie congregatio aut comprehensio litterarum.*

прилагательное на *-ālis*, я не вижу повода возстанавливать непремѣнно форму *commemorialis*, тѣмъ болѣе что она могла явиться только какъ продуктъ контаминаціи между гл. *commemorāre* и прилагательнымъ *memorialis*: хотя такія контаминаціи и вполнѣ возможны, но, во всякомъ случаѣ, онѣ настолько рѣдки, что конъектуральная реконструкція подобной формы по существу является весьма рискованной; къ тому же ничто не препятствуетъ принять форму *commemorālis*, которая была бы новымъ примѣромъ отглагольнаго образованія на *-alis*. Что касается того, что *conseminālis* обнаруживаетъ пассивное значеніе, то это обстоятельство едва ли можетъ помѣшать безусловно отглагольному объясненію даннаго прилагательнаго въ виду примѣровъ въ родѣ [1]): *exanimālis* (ср. Plaut. Bacch. 848: *illum exanimalem faxo*): *exanimare* (напр. Caes. B.G., VI, 30: *taxo... se exanimavit*), *intercalaris* („qui intercalatur, seu interponitur", какъ вѣрно объясняетъ Форчеллини): *intercalare*, *subiugalis* (напр. Prudent. περὶ στεφ., X, 333: *Iumenta, pecua, subiugales beluas*): *subiugare* (напр. Vulg. interpr. Gen. 27, 38: *subiugare aliquem servituti alicuius)*, пожалуй, также *subligar* (изъ **sub-ligāle?* ср. Mart., III, 87, 4): *subligare* (напр. Verg. Aen., VIII, 459) и т. п. Съ другой стороны, возможно, что *conseminālis* при **conseminā̄re* возникло по аналогіи съ *seminalis* (образованнаго хотя бы и отъ *semen*),—если только на основаніи *seminalia*=segetes (напр. Tertull. adv. Marc. I, 13 extr.) мы въ правѣ и для *seminalis* установить пассивное значеніе „посѣянный", непосредственно, кажется, не засвидѣтельствованное. Наконецъ, — и я лично считалъ бы такое объясненіе наиболѣе простымъ—*conseminalis* могло бы быть дальнѣйшимъ распространеніемъ *conseminus* или по аналогіи съ *seminalis* (за что, впрочемъ, трудно ручаться въ виду сдѣланной только что оговорки относительно этого образованія), или просто въ виду довольно многочисленныхъ случаевъ развитія прилагательныхъ на *-alis* при соотвѣтствующихъ прилагательныхъ простѣйшей формаціи: ср. напр., *medius: medialis*, *exanimus* (:*-is*): *exanimalis* (въ пассивномъ значеніи!), *conformis*: *conformalis*, *confīnis*: *confinalis*, *conterminus*: *conterminalis* и т. п. [2]). Что касается *conseminus*, то это прилагательное представляется для меня еще болѣе за-

---

[1]) Я долженъ оговориться, что въ приводимыхъ мной пáрахъ не всѣ первые члены возникли изъ вторыхъ, но для аналогіи фактическій генезисъ морфологическихъ образованій не играетъ существенной роли.

[2]) Нѣсколько другихъ примѣровъ этого рода приводитъ самъ *Покровскій* (М. 107).

гадочнымъ въ морфологическомъ отношеніи, такъ какъ въ противоположность Покровскому, несовсѣмъ удачно сопоставившему его съ *consanguineus* и *collacteus* (:*-ius*), я лично затруднился бы подыскать для него въ латинскомъ языкѣ какія-нибудь удовлетворительныя параллели. Въ виду этого приходится ограничиться лишь смѣлыми предположеніями. Такъ, напр., мыслимо, пожалуй, непосредственное происхожденіе *consemineus* изъ того же гл. **conseminãre*, по аналогіи (?) съ *picare*: *piceus*, *plumbare*: *plumbeus*, *bituminare*: *bitumineus*, *sanguinare* (въ значеніи „окровавлять"): *sanguineus* („окровавленный") и т. п.; впрочемъ, эти аналогіи, конечно,—довольно далекія, и потому я не рѣшился бы настаивать на этомъ толкованіи. Или, быть можетъ, *consemineus* есть не что иное, какъ дальнѣйшее распространеніе *conseminus*, которое возникло подъ вліяніемъ какихъ-нибудь аналогій, причемъ (хотя на этомъ настаивать опять-таки не берусь) эта морфологическая модификація могла быть обусловлена напр. тѣмъ, что желательно было обозначить этимъ терминомъ породу лѣса (ср. все тотъ же второй примѣръ изъ Колумеллы!), вслѣдствіе чего этотъ терминъ попалъ въ категорію другихъ терминовъ на *-eus*, отъ именъ, обозначающихъ древесныя породы: ср. напр., *fageus* въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *fageus lucus* (Plin. h. n., XVI, 15, 1) или *fageum nemus* (ibid. 91, 1), *pineus* напр. у Вергилія *pinea silva* (Aen., IX, 85) или Силія Италика (III, 521) *iuga pinea*, *querneus* или *iligneus*, напр. въ сочетаніи съ *frutex* (ср. Colum., VII, 1: *Iligneі querneique frutices*) и т. п.; затѣмъ это же *consemineus* могло быть перенесено и на *vinea*[1]). Да и вообще появленію *consemineus* при *conseminus* могла способствовать наличность довольно многочисленныхъ дублетовъ на *-neus*: *-nus*, о чемъ см. Э. 164 сл., и если на почвѣ такихъ дублетовъ могло появиться новообразованіе *fraxinus* = fraxineus (о чемъ см. ниже, пунктъ 7), то, пожалуй, было бы позволительно въ *consemineus* усмотрѣть продуктъ обратной аналогіи.

Такъ или иначе, но изъ только что изложеннаго подробнаго морфологическаго анализа видно, что приводимыя Покровскимъ формы *conseminalis* и *consemineus* по образованію гораздо менѣе ясны, чѣмъ

---

[1]) Любопытно однако, что въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ *consemineus* употреблено въ связи съ этимъ словомъ, оно, и притомъ въ той же падожной формѣ, непосредственно ей предшествуетъ (*consemineis vineis*), въ виду чего можетъ, пожалуй, возникнуть вопросъ, не представляетъ ли первая форма искаженія (вм. *conseminis*), вызваннаго зрительнымъ вліяніемъ сосѣдней формы?

conseminus и притомъ, какъ я показалъ, едва ли могутъ быть поняты помимо гл. **conseminare* или даже самого *conseminus*. Правда, для *consemineus* можно было бы, пожалуй, предположить слѣдующій процессъ образованія: **conseminium* (что-нибудь въ родѣ „[совмѣстнаго] посѣва“, „разсадника“)—ср. по образованію *confinium*, *collimitium*, *contrabium* и т. п.,—отсюда—**conseminius* (ср. *confinium* [1]): *confinius*) [2]) и, наконецъ,—вульгарный дублетъ *consemineus*, откуда путемъ Rückbildung (до извѣстной степени аналогичной съ adj. *fraxinus* изъ *fraxineus*)—*conseminus*. Но неужели этотъ морфологическій процессъ,—правда изгоняющій моментъ поствербальнаго образованія,—можетъ быть признанъ болѣе простымъ, чѣмъ тотъ, который я предполагаю для объясненія *conseminus?* Къ тому же и тутъ остается Rückbildung, но только гораздо болѣе рѣдкаго типа. Наконецъ, если бы даже мы остановились на такомъ объясненіи *consemineus* и *conseminus*, то, во всякомъ случаѣ, намъ пришлось бы самымъ существеннымъ образомъ разойтись съ Покровскимъ. Что касается поствербальнаго происхожденія *conseminus*, предположеннаго мной, то оно въ высшей степени просто, естественно и не представляетъ собой ничего исключительнаго для латинскаго языка, какъ это видно по цѣлому ряду обратныхъ образованій—и въ частности—съ префиксомъ *com-* (что, впрочемъ, само по себѣ для обратныхъ образованій, конечно, не имѣетъ спеціальнаго значенія): ср. напр. *corrugis* (Nemes. cyn. 12): *corrugare*, *condensus*: *condensare*, *coangustus* (Cassiod. in. ps. 118, 45):

---

[1]) Въ связи съ этимъ словомъ остановлюсь на *convīcium*, вскользь затронутомъ мною Э. 235. Долгота въ корнѣ этого слова представляетъ серьезныя трудности для истолкованія: ср. различныя попытки въ этомъ направленіи, сопоставленныя у *Vendryes* (Recherches sur l'histoire et les effets de l'intensité initiale en latin, 163), который въ концѣ концовъ относится скептически къ возможности связать это слово съ корнемъ **vŏc* (ср. *vox*, *vŏcare* и т. п.) и спрашиваетъ: „Ne faut-il pas remettre en honneur la vieille etymologie: *convīcium* de *vīcus*, soit „bruit de carrefour“?“ Я охотно признаю законность этого вопроса. Замѣчу кстати, что въ настоящее время я считаю сомнительной попытку *von Planta* истолковать *invectio* въ связи съ гл. *vŏcare* и т. п., приведенную мной Э. l. c. и справедливо признаваемую Покровскимъ (P. 34) искусственной.

[2]) Ср. въ палестринской надписи *Röm. Mitteil.* 1904, 148: *uti fundum... confinium territorio Praenestinorum daret.* Хотя это прилагательное и можетъ быть понято какъ преобразованіе изъ *confinium* (другіе случаи такихъ преобразованій указаны ниже, стр. 476, прим. 1), однако я не ручаюсь, что морфологическое происхожденіе *confinius* именно таково, такъ какъ это образованіе могло бы быть, пожалуй, понято и какъ модификація обычнаго *confinis*.

coangustare, *concrispus* (Isid., XIX, 22, 20): *concrispare*, *condensus* (засвидѣтельствовано у многихъ писателей): *condensare*, *conspissus* (?) [1]): *conspissare*, *contristis* (ср. II. 190): *contristare*, *constabilis* (ср. Not. Tir. 24, 50 и Canon. Migne 56, 462, B: [*baptismi*] *firmans statum*, *quo rectius constabiliusque procederet*): *constabilīre* и т. п. [2]).

6) *limitum*; мы видѣли выше (въ концѣ II экскурса настоящаго этюда), какъ неудачна попытка Покровскаго объяснить это слово помимо теоріи обратныхъ образованій.

7) *fraxinus*=fraxineus; по поводу этого слова я уже говорилъ выше—A, I, 2, гдѣ я старался доказать реальность его въ качествѣ прилагательнаго у Овидія въ Her., XI, 76. Пользуюсь случаемъ, чтобы исправить нѣкоторыя фактическія неточности, которыя вкрались въ мое изложеніе подробностей рукописной передачи соотвѣтствующаго стиха, и которыя были любезно указаны мнѣ Г. Э. Зенгеромъ (въ письмѣ). „По свидѣтельству Ehwald'a (стр. XXI предисловія къ лейпцигскому изданію, подписаннаго въ февр. 1888 г.), пишетъ проф. Зенгеръ, въ указанномъ мѣстѣ стоитъ въ P: *fraxin*ͣ*eies*, причемъ, надстроч-

[1]) Это образованіе, не нашедшее себѣ самостоятельной рубрики въ Thesaurus Гётца, а вслѣдствіе этого — и въ Thesaurus linguae latinae, засвидѣтельствовано въ двухъ глоссахъ: изъ Exc. ex gl. AA: *Condensum nemorosum conopissum* (ab: *conspissum*) и *Condensum spissimum conspissum* (CGL., V, 447, 3 и 6). Хотя для первой изъ этихъ двухъ глоссъ мы имѣемъ очень близкій варіантъ въ глоссаріи Abavus: *Condensa* (abcde: *condensum*) *nemorosum spissum* (ibid., IV, 321, 46), и хотя *conspissum* легко могло бы быть истолковано или какъ прямое искаженіе подъ вліяніемъ *condensum*, или какъ искусственное приспособленіе къ нему, тѣмъ не менѣе я не рѣшился бы категорически отвергнуть это образованіе, какъ нереальное.

[2]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ квалификація соотвѣтствующихъ образованій какъ обратныхъ не можетъ быть сдѣлана категорически, такъ какъ мыслимы и другіе способы истолкованія. Такъ напр., общеизвѣстное *conviva*, хотя и могло возникнуть какъ Rückbildung изъ *convivāri* (а это послѣднее пришлось бы тогда истолковать при *vivĕre*, какъ *consternāre* при *sternĕre*), тѣмъ не менѣе скорѣе представляетъ собой образованіе типа *accola*; что касается глоссографически засвидѣтельствованнаго *concena* (ср. напр. CGL. II, 444, 38: Σύνδειπνος *conciva* [e: *conviva*] *concena*, ср. *Loewe*, Prodromus 330), то это образованіе легко могло бы быть понято какъ поствербальное при гл. *concenāre* (ср. Mar. Merc. Cyr. incarn. 34), хотя тутъ побочнымъ факторомъ могло служить и близкое по смыслу *conviva*. Кстати (по ассоціаціи идей) останавлюсь и на *concibus*, извѣстномъ опять-таки изъ глоссаріевъ (ср. CGL., II, 447, 30: Σύνσιτος *concibus*): проще всего было бы объяснить это слово какъ Rückbildung изъ гл. *concibare* (Didasc. apost. 42, 23: *conversati sumus cum eo et concibavimus*), но не исключена, пожалуй, возможность и самостоятельнаго возникновенія этого слова при именномъ образованіи *cibus*.

ное *a* приписано не писцомъ кодекса, а второю рукой (m[2]): оно предназначалось, очевидно, служить замѣняющей пунктированныя буквы поправкой. *A. Palmer*, сдавшій въ печать для лондонскаго Corpus poetarum Latinorum свой текстъ Героидъ „Non. Feb. a 1892“, свидѣтельствуетъ: „*fraxinacies* (*a*[2]) P quinque ultimis litteris expunctis“. Эта неточность создаетъ разногласіе съ Эвальдомъ относительно одной точки: но, помѣстивъ въ текстъ *fraxina virga*, Palmer самъ исправилъ свою ошибку. Итакъ, P знаетъ: 1) чтеніе первой руки: *fraxincies virga* и 2) чтеніе второй руки: *fraxina virga*. Что же касается до показанія *fraxinaceis*, то оно есть плодъ искаженія амальгамы *fraxinacies virga*, фигурирующей у *Merkel*'я т. I, стр. XIX (предисловіе подписано іюлемъ 1852 г. [*Ehwald* имѣлъ Handexemplar Меркеля и, можетъ быть, нашелъ въ немъ исправленіе ошибочно напечатаннаго въ 1852 г.])“. „По существу, продолжаетъ Г. Э. Зенгеръ, я совершенно согласенъ, что догадка *fraxinus icta* непріемлема (*icta* излишнее слово при *quatitur*) и что *fraxina virga* должно считаться подлиннымъ текстомъ“. Наконецъ, тотъ же ученый выдвигаетъ еще одно чрезвычайно важное и остроумное методологическое соображеніе въ пользу принятаго мной (вслѣдъ за многими издателями) чтенія. „Кстати сказать, замѣчаетъ онъ, аргументомъ противъ догадки *Palmer*'а можетъ служить то, что она устраняетъ непререкаемо подлинное *virga*. Сравните поставленное на томъ же мѣстѣ пентаметра *virga* въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Am. III, 1, 34: *fallor, an in dextra myrtea virga fuit,*
Fast. II, 28: *februa poscenti pinea virga data est,*
Her. 16, 64: *inque dei digitis aurea virga fuit.*

Поэтому я простилъ бы догадку (*ненужную*, конечно): *ut quatitur tepido fagina virga Noto*, но *fraxinus icta* игнорируетъ свойственный Овидію способъ выражаться. Такимъ образомъ, прибавляетъ Г. Э. Зенгеръ, тутъ аналогизмъ является на помощь аномализму, защищающему адъективное *fraxina*“. Приношу глубокую благодарность уважаемому ученому за всѣ эти чрезвычайно цѣнныя фактическія и теоретическія указанія, которыя окончательно рѣшаютъ вопросъ о редакціи интересующаго насъ Овидіева стиха. Что касается объясненія адъективированной формы *fraxina*, то я не вижу, что̀ затрудняетъ Покровскаго признать въ ней продуктъ обратнаго образованія изъ *fraxineus*? Вѣдь еще въ моей магистерской диссертаціи (стр. 234 сл.) приведена любопытная аналогія—*sucinus* „янтарный“, причемъ это

послѣднее прилагательное такъ хорошо засвидѣтельствовано, что даже самый радикальный скептикъ не нашелъ бы возможности заподозрѣть его реальность. Наряду съ происхожденіемъ путемъ обратнаго образованія я допускаю (въ особенности для *fraxinus*) вліяніе такихъ прилагательныхъ, какъ *faginus*, *cerrinus*, *iuncinus*. Наконецъ, я отмѣтилъ и то, что *fraxinus* могло быть обусловлено отчасти и метрическими причинами. Вообще, было бы большой ошибкой явленія языка сводить къ дѣйствію какого-нибудь одного фактора. Впрочемъ, къ этому послѣднему вопросу мы вернемся вскорѣ по другому поводу.

8) *mendus*; попытка Покровскаго обойтись безъ Rückbildung при объясненіи сочетанія *fantasma mendum*, какъ мы видѣли выше (В, V, 3), отнюдь не можетъ быть названа удовлетворительной.

9) *ergastulus;* даннаго образованія мой критикъ касается въ самомъ центрѣ обсужденія моихъ иллюстрацій къ теоріи обратныхъ образованій, причемъ по этому пункту произошло очень досадное недоразумѣніе. „Недостаточность справокъ въ критическомъ аппаратѣ Нонія (ср. Marx, Lucilius II, ad v. 503), говоритъ онъ (Р. 15), замѣчается въ экскурсѣ объ *ergastulus* (Э. 29), которое авторъ попытался понять какъ Rückbildung, но самъ оговорилъ недочеты этого экскурса въ своей рѣчи передъ диспутомъ". Редакція этого мѣста, въ особенности же подчеркнутыя мной слова, неминуемо должны привести читателей къ увѣренности, что моя оговорка затронула самую квалификацію *ergastulus*, какъ обратнаго образованія. Спѣшу заявить поэтому, что ничего подобнаго въ дѣйствительности не было, и что примѣненіе теоріи Rückbildung къ этому образованію всегда считалось и до сихъ поръ считается мной безусловно необходимой [1]); моя же

---

[1]) Кстати, прибавлю еще одинъ случай подобнаго обратнаго образованія: это— форма мужескаго рода *solacius*, засвидѣтельствованная на христіанской надписи (*Rossi*, Inscript. Christ., I, 211): *Solacius*, *misericors*, *omnibus notus* (сл. *Olcott*, Stud. in the wordformat. of the Lat. inscr., 219), и, скорѣе всего, извлеченная изъ общеизвѣстнаго *solacium*. Отмѣчу еще надпись (*Lejay*, Inscriptions antiques de la Côte d'or. 282): *Cellam vestibulam et regione Columnae... largiti sunt*. „Lejay (l. c.), замѣчаетъ *Persson* (La langue des inscr. lat. de la Gaule, 250), considère *vestibula* comme un adjectif propre à la langue vulgaire, exprimant sans doute une idée semblable à celle du substantif *vestibulum*". Насколько это вѣрно, сказать съ увѣренностью трудно, но во всякомъ случаѣ довольно многочисленные примѣры подобнаго преобразованія, приведенные мной И. 228 сл. и Э. 28 сл., придаютъ толкованію Lejay нѣкоторую вѣроятность. Весьма возможно, что и засвидѣтельствованное многими рукописями и принятое *Вейссенборномъ* прилагательное *vaticinius*, встрѣчающееся дважды у Тита Ливія въ сочетаніяхъ *libros vaticinios* (XXV, 1, 12) и *vaticinios libros* XXXIX,

оговорка (съ упоминаніемъ какъ разъ изданія Маркса!) касалась лишь вопроса о значеніи слова *ergastulus* въ связи съ критической установкой текста, которая вдобавокъ какъ тогда, такъ и теперь остается для меня спорнымъ вопросомъ.

Я разсмотрѣлъ всѣ случаи именныхъ обратныхъ образованій,—какъ поствербальныхъ, такъ и деноминативныхъ [1]),—подведеніе которыхъ подъ эту категорію вызвало сомнѣнія моего критика, и анализъ этихъ случаевъ показалъ, что только одинъ изъ нихъ, а именно *exterminus*, можетъ быть понятъ и помимо теоріи обратныхъ (въ частности—поствербальныхъ) образованій, но, во-первыхъ, даже относительно этого случая нельзя категорически сказать, что поствербальное его толкованіе недопустимо, а во вторыхъ—и это главное—какъ разъ по поводу даннаго образованія я высказался съ большой осторожностью. Предоставляю поэтому читателямъ судить о томъ, насколько мой критикъ имѣлъ основаніе и право высказать тотъ тезисъ о моихъ изслѣдованіяхъ въ области этой морфологической категоріи, который выписанъ мной въ началѣ настоящаго экскурса. Съ другой стороны, я долженъ еще разъ подчеркнуть, что всѣ самостоятельныя

16, 8), представляетъ собой не что иное, какъ преобразованіе общеизвѣстнаго *vaticinium;* въ виду этого я не считалъ бы безусловно необходимымъ читать въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ *vaticinos* въ соотвѣтствіе съ Ovid. Met., II, 640: *vaticinos... furores.* Быть можетъ, также и прилагательное *effugius*, засвидѣтельствованное (въ субстантивированной формѣ женскаго рода?) у Сервія ad Verg. Aen., II, 139: *hostia quae ad aras adducta est immolanda, si casu effugeret effugia vocari vetere more solet,* преобразовано изъ существительнаго *effugium.* Впрочемъ, въ виду несомнѣнной древности этого образованія можно, пожалуй, предположить и самостоятельное возникновеніе его изъ гл. *effugĕre:* ср. во всякомъ случаѣ напр. *eximius* при гл. *eximĕre* (впрочемъ, съ пассивнымъ значеніемъ), а кромѣ того напомню еще прилагательное *consequius* у Апулея (Met., V, 24: *Psyche... per nubilas plagas penduli comitatus extrema consequia tandam fessa delabitur sola*), если только точкой отправленія для него не послужило недошедшее до насъ существительное **consequium* (ср. *obsequium, prosequium, subsequium*). Затрудняюсь высказаться категорически и относительно Plaut. Poen. 886: *Continuo is me ex Syncerasto crurifragium fecerit* (въ изданіи Гётца-Лёве подчеркнутое слово напечатано съ большой буквой въ началѣ), откуда нѣкоторые лексикографы извлекаютъ прилагательное (или—существительное муж. р.) *crurifragius* („dem die Schienbeine zerbrochen worden, Beinbruch", какъ переводитъ *Георгесъ*); если это слово дѣйствительно существовало, хотя бы образованное ad hoc, ради шутки, то скорѣе всего его слѣдовало бы объяснить, какъ преобразованіе существительнаго *crurifragium* (ср. напр. CGL., II, 432, 57), которое могло существовать уже во времена Плавта, подобно *lumbifragium* (ср. Plaut. Amph. 454).

[1]) Деноминативными обратными образованіями я рѣшаюсь назвать тѣ, которыя возникли изъ именныхъ образованій.

попытки Покровскаго истолковать тѣ или другіе факты (за исключеніемъ *exterminus*, о которомъ я выразился неувѣренно), не пользуясь теоріей обратныхъ образованій (ср. его догадки о *terminus*, *distermina*, *consєminus* [*conseminens*, *conseminalis*], *limitum*, *mendus*) оказались при болѣе тщательномъ лингвистическомъ анализѣ безусловно несостоятельными.

А. Грушка.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ АЛКМЕОНИДАХЪ ВЪ ПЕРВОЙ ГЛАВѢ АѲИНСКОЙ ПОЛИТІИ АРИСТОТЕЛЯ, ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ ОБЪ ЭПИМЕНИДѢ КРИТЯНИНѢ.

I.

Текстъ Ἀθηναίων πολιτείας, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошолъ до насъ, открывается фрагментомъ извѣстія о судѣ надъ Алкмеонидами, ихъ изгнаніи, вырытіи изъ могилъ труповъ умершихъ представителей этой семьи и послѣдовавшемъ затѣмъ очищеніи города Эпименидомъ Критяниномъ: ——— Μύρωνος καθ' ἱερῶν ὀμόσαντες ἀριστίνδην. καταγνωσθέντος δὲ τοῦ ἄγους αὐτοὶ μὲν ἐκ τῶν τάφων ἐξεβλήθησαν, τὸ δὲ γένος αὐτῶν ἔφυγεν ἀειφυγίαν. Ἐπιμενίδης δ' ὁ Κρὴς ἐπὶ τούτοις ἐκάθηρε τὴν πόλιν (Aristot. Ἀθ. πολ. 1) [1]).

Приведенная цитата фигурируетъ въ трактатѣ Аристотеля среди извѣстій, относящихся къ до-драконовской эпохѣ.

О тѣхъ же событіяхъ разсказываетъ и Плутархъ, но только они поставлены у него въ связь съ дѣятельностью Солона: ὁ Σόλων... ἔπεισε τοὺς ἐναγεῖς λεγομένους δίκην ὑποσχεῖν καὶ κριθῆναι τριακοσίων ἀριστίνδην δικαζόντων. Μύρωνος δὲ τοῦ Φλυέως κατηγοροῦντος ἑάλωσαν οἱ ἄνδρες, καὶ μετέστησαν οἱ ζῶντες· τῶν δ' ἀποθανόντων τοὺς νεκροὺς ἀνορύξαντες ἐξέρριψαν ὑπὲρ τοὺς ὅρους... μετάπεμπτος... ἧκεν ἐκ Κρήτης Ἐπιμενίδης... ἱλασμοῖς τισι καὶ καθαρμοῖς καὶ ἱδρύσεσι κατοργιάσας καὶ καθοσιώσας τὴν πόλιν ὑπήκοον τοῦ δικαίου καὶ μᾶλλον εὐπειθῆ πρὸς ὁμόνοιαν κατέστησε (Plut. Solon 12) [2]).

---

[1]) Цитирую по изданіямъ: *Sandys* (London 1893), *Kaibel* et *Wilamowitz-Moellendorff* (Berlin 1898), *Blass* (Leipzig 1903) и *Kenyon* (Supplementum Aristotelicum editum consilio et auctoritate Academiae Regiae Borussicae, vol. III, pars II. Berlin 1903).

[2]) Цитирую по изданію *Sintenis* (Bibliotheca Teubneriana), Leipzig 1876.

На основаніи приведеннаго свидѣтельства Плутарха, изслѣдователи, писавшіе еще до знакомства съ Ἀθηναίων πολιτεία (Гротъ [1]), Вестерманъ [2]), Курціусъ [3]), Дункеръ [4]), Филиппи [5]), Шёманъ [6]), Хольмъ [7]), Хольцапфель [8]) и др.), обыкновенно относили процессъ Алкмеонидовъ и его послѣдствія къ эпохѣ Солона, именно къ періоду времени передъ Солоновымъ архонтствомъ.

Насколько мнѣ извѣстно, только одинъ Низе [9]) сомнѣвался тогда въ вѣрности сообщенія Плутарха объ участіи Солона въ этихъ событіяхъ.

Напротивъ, авторы большей части трудовъ, вышедшихъ уже послѣ открытія Аристотелева трактата (Бауэръ [10]), Виламовицъ-Мёллендорффъ [11]), Эд. Мейеръ [12]), Бузольтъ [13]), В. П. Бузескулъ [14]), Демуленъ [15]), Bury [16]) и др.) пріурочиваютъ процессъ и изгнаніе Алкмеонидовъ къ періоду времени между Килоновой смутой и законодательствомъ Дракона, основываясь на томъ, что сообщеніе объ этомъ процессѣ находится въ текстѣ Ἀθηναίων πολιτείας какъ разъ въ промежуткѣ между обоими указанными событіями: врядъ ли мо-

---

[1]) *Grote*, History of Greece, по изданію 1907 г. (London, Murray) II, 454—455.

[2]) *Westermann*, Ueber des Amnestiegesetz des Solon (*Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften* 1849, III, 157).

[3]) *Curtius*, Griechische Geschichte, по изданію 1887 г. (Berlin) I, 308.

[4]) *Duncker*, Griechische Geschichte bis zum Tode des Perikles, по изданію 1888 г. (Leipzig) II, 146.

[5]) *Philippi*, Das Amnestiegesetz des Solon und die Prytanen der Naukraren zur Zeit des Kylonischen Aufstandes. *Rheinisches Museum*, 1874, XXIX, 6.—Der Areopag und die Epheten (Berlin 1874), 231.

[6]) *Schömann*, Das Kylonische Attentat, die Naukraren und die Alkmäoniden (*Jahrbücher für classische Philologie* 1875, CXI, 457).

[7]) *Holm*, Griechische Geschichte, I (Berlin 1886), 466—467.

[8]) *Holzapfel*, Beiträge zur Griechischen Geschichte (Berlin 1888), 5.

[9]) *Niese*, Zur Geschichte Solons und seiner Zeit (Historische Untersuchungen, Arnold Schäfer gewidmet, Bonn 1882, 14—15).

[10]) *Bauer*, Literarische und historische Forschungen zu Aristoteles Ἀθηναίων πολιτεία (München 1891), 44.

[11]) *Wilamowitz-Moellendorff*, Aristoteles und Athen (Berlin 1893), II, 55.

[12]) *Ed. Meyer*, Geschichte des Alterthums, II (Stuttgart 1893), § 400 (стр. 639).

[13]) *Busolt*, Griechische Geschichte, II (Gotha 1895), 208—209.

[14]) *В. П. Бузескулъ*, Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в. (Харьковъ 1895), 297—299.

[15]) *Demoulin*, Epiménide de Crète (Bruxelles 1901), 64.

[16]) *Bury*, History of Greece to the death of Alexander the Great (London 1902), I, 189.

жетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что въ утраченномъ началѣ трактата рѣчь шла именно о Килоновой смутѣ [1]). Впрочемъ, Родэ [2]), Дильсъ [3]), Кассель [4]), Вельцхоферъ [5]), Абботъ [6]), А. И. Щукаревъ [7]), Липсіусъ [8]) и Ботсфордъ [9]) по прежнему ассоціируютъ процессъ Алкмеонидовъ съ именемъ Солона.

Въ 20-й главѣ Ἀθηναίων πολιτείας, описывая борьбу Клисѳена и Исагора, Аристотель вторично сообщаетъ объ изгнаніи Алкмеонидовъ—Исагоромъ и его союзникомъ, спартанскимъ царемъ Клеоменомъ: καταλυθείσης δὲ τῆς τυραννίδος, ἐστασίαζον πρὸς ἀλλήλους Ἰσαγόρας ὁ Τεισάνδρου, φίλος ὢν τῶν τυράννων, καὶ Κλεισθένης τοῦ γένους ὢν τῶν Ἀλκμεωνιδῶν. ἡττώμενος δὲ ταῖς ἑταιρείαις ὁ Κλεισθένης προσηγάγετο τὸν δῆμον, ἀποδιδοὺς τῷ πλήθει τὴν πολιτείαν. ὁ δὲ Ἰσαγόρας ἐπιλειπόμενος τῇ δυνάμει πάλιν ἐπικαλεσάμενος τὸν Κλεομένην, ὄντα ἑαυτῷ ξένον, συνέπεισεν ἐλαύνειν τὸ ἄγος, διὰ τὸ τοὺς Ἀλκμεωνίδας δοκεῖν εἶναι τῶν ἐναγῶν. ὑπεξελθόντος δὲ τοῦ Κλεισθένους (ἀφικόμενος ὁ Κλεομένης) [10]) μετ' ὀλίγων, ἠγηλάτει [11]) τῶν Ἀθηναίων ἑπτακοσίας οἰκίας· ταῦτα δὲ διαπραξάμενος, τὴν μὲν βουλὴν ἐπειρᾶτο καταλύειν, Ἰσαγόραν δὲ καὶ τριακοσίους τῶν φίλων μετ' αὐτοῦ κυρίους καθιστάναι τῆς πόλεως. τῆς δὲ βουλῆς ἀντιστάσης καὶ συναθροισθέντος τοῦ πλήθους, οἱ μὲν περὶ τὸν Κλεομένην καὶ Ἰσαγόραν κατέφυγον εἰς τὴν ἀκρόπολιν· ὁ δὲ δῆμος δύο μὲν ἡμέρας προσκαθεζόμενος ἐπολιόρκει, τῇ δὲ τρίτῃ Κλεομένην μὲν καὶ τοὺς μετ' αὐτοῦ πάντας ἀφεῖσαν ὑποσπόνδους, Κλεισθένην δὲ καὶ τοὺς ἄλλους φυγάδας μετεπέμψαντο (Ἀθ. πολ. 20).

О событіяхъ, описанныхъ Аристотелемъ въ 20-й главѣ, сообщаютъ и другіе историки, а именно Геродотъ и Ѳукидидъ.

---

1) См. *В. П. Бузескулъ*, Аѳин. Пол. 176—177 и 295—296.

2) *Rohde*, Psyche (Freiburg i. B. 1898), II, 98 пр. 1.

3) *Diels*, Ueber Epimenides von Kreta (*Sitzungsberichte der Berliner Akademie*, 1891, 388 пр. 1).

4) *Cassel*, Vom neuen Aristoteles und seiner Tendenz (Berlin 1891), 14—15.

5) *Welzhofer*, Geschichte des Orients und Griechenlands im sechsten Jahrhundert vor Chr. (Berlin 1892), 188—189.

6) *Abbot*, History of Greece I (London 1893), 403.

7) Κυλώνειον ἄγος и Ἀθηναίων πολιτεία (Στέφανος. Сборникъ статей въ честь Ѳ. Ѳ. Соколова. С.-Пб. 1895, 49—55).

8) *Schömann*, Griechische Alterthümer, 4. Aufl., neu bearbeitet von *Lipsius*, I (Berlin 1897), 343 и Das attische Recht und Rechtsverfahren, mit Benutzung des Attischen Processes von Meier und Schömann, I (Leipzig 1905), 23.

9) *Botsford*, The trial of the Alcmeonidae and the Cleisthenean constitutional reforms (*Harvard Studies in classical philology* 1897, vol. VIII, 1—22).

10) Слова, заключенныя въ скобки, у *Sandys'a* отсутствуютъ.

11) У *Blass'a* ἀγηλατεῖ.

Разсказъ Геродота чрезвычайно близокъ къ Аристотелю и, несомнѣнно, служилъ для послѣдняго источникомъ [1]). Онъ гласитъ: δύο ἄνδρες ἐδυνάστευον, Κλεισθένης τε ἀνὴρ Ἀλκμεωνίδης... καὶ Ἰσαγόρης Τισάνδρου... οὗτοι οἱ ἄνδρες ἐστασίασαν περὶ δυνάμιος, ἑσσούμενος δὲ ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσεταιρίζεται. μετὰ δὲ τετραφύλους ἐόντας Ἀθηναίους δεκαφύλους ἐποίησε... (V, 66) ...ἐν τῷ μέρεϊ δὲ ἑσσούμενος ὁ Ἰσαγόρης ἀντιτεχνᾶται τάδε· ἐπικαλέεται Κλεομένεα τὸν Λακεδαιμόνιον, γενόμενον ἑωυτῷ ξεῖνον... ὁ Κλεομένης... ἐξέβαλλε Κλεισθένεα καὶ μετ' αὐτοῦ ἄλλους πολλοὺς Ἀθηναίων, τοὺς ἐναγέας ἐπιλέγων (V, 70) ...ἀγηλατέει ἑπτακόσια ἐπίστια Ἀθηναίων, τά οἱ ὑπέθετο ὁ Ἰσαγόρης. ταῦτα δὲ ποιήσας δεύτερα τὴν βουλὴν καταλύειν ἐπειρᾶτο, τριηκοσίοισι δὲ τοῖσι Ἰσαγόρεω στασιώτῃσι τὰς ἀρχὰς ἐνεχείριζε. ἀντισταθείσης δὲ τῆς βουλῆς καὶ οὐ βουλομένης πείθεσθαι ὅ τε Κλεομένης καὶ ὁ Ἰσαγόρης καὶ οἱ στασιῶται αὐτοῦ καταλαμβάνουσι τὴν ἀκρόπολιν. Ἀθηναίων δὲ οἱ λοιποὶ τὰ αὐτὰ φρονήσαντες ἐπολιόρκεον αὐτοὺς ἡμέρας δύο· τῇ δὲ τρίτῃ ὑπόσπονδοι ἐξέρχονται ἐκ τῆς χώρης ὅσοι ἦσαν αὐτῶν Λακεδαιμόνιοι (V, 72) [2]).

Что касается Оукидида, то онъ ограничивается относительно Алкмеонидовъ лишь краткой замѣткой: ἤλασαν μὲν οὖν καὶ οἱ Ἀθηναῖοι τοὺς ἐναγεῖς τούτους, ἤλασε δὲ καὶ Κλεομένης ὁ Λακεδαιμόνιος ὕστερον μετὰ Ἀθηναίων στασιαζόντων, τούς τε ζῶντας ἐλαύνοντες καὶ τῶν τεθνεώτων τὰ ὀστᾶ ἀνελόντες ἐξέβαλον (I, 126) [3]).

Согласное свидѣтельство трехъ авторитетныхъ историковъ древности ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія фактъ изгнанія Алкмеонидовъ въ эпоху борьбы Клисоена и Исагора, почему мы и встрѣчаемся съ этимъ фактомъ у новѣйшихъ изслѣдователей (Виламовицъ-Мёллендорффа [4]), Эд. Мейера [5]), Бузольта [6]), Bury [7]) и др.), какъ съ событіемъ совершенно самостоятельнымъ и отличнымъ отъ другого, болѣе ранняго изгнанія Алкмеонидовъ, которое эти изслѣдователи, какъ уже было сказано выше, относятъ къ до-драконовской эпохѣ.

Таковъ въ настоящее время господствующій взглядъ, перешедшій со страницъ спеціальныхъ изслѣдованій и ученыхъ компендіумовъ

---

[1]) См. *В. П. Бузескулъ*, Аоин. Пол. 208—210.

[2]) Цитирую по изданію *Dietsch—Kallenberg* (Bibliotheca Teubneriana), Leipzig 1889.

[3]) Цитирую по изданію *Hude* (Bibliotheca Teubneriana), Leipzig 1905.

[4]) Arist. u. Ath. II, 76.

[5]) Gesch. d. Alt. II, § 491 (стр. 798).

[6]) Griech. Gesch. II, 404.

[7]) Hist. of Gr. I, 222.

и въ болѣе элементарныя руководства по исторіи Греціи, напр. Штреля [1]).

Между тѣмъ, два изслѣдователя—Кауэръ [2]) и Белохъ [3]) остались при особомъ мнѣніи. Они утверждаютъ, что въ 1-й и 20-й главахъ Ἀθηναίων πολιτεία; рѣчь идетъ не о двухъ разныхъ событіяхъ, а объ одномъ и томъ же, причемъ факты, о которыхъ говорится въ 1-й главѣ, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, имѣли мѣсто не въ до-драконовскую эпоху, среди описанія которой они фигурируютъ въ трактатѣ Аристотеля, а въ эпоху борьбы Клисѳена съ Исагоромъ, составляющей содержаніе 20-й главы. Белоху слѣдуютъ Де Санктисъ [4]) и Seeck [5]).

Главной основой аргументаціи Кауэра является сообщеніе Плутарха, согласно которому предводителемъ аѳинскихъ войскъ въ первую священную войну былъ Алкмеонъ, принадлежавшій, какъ показываетъ самое его имя, къ семейству Алкмеонидовъ: ἔν τε τοῖς Δελφῶν ὑπομνήμασιν Ἀλκμαίων... Ἀθηναίων στρατηγὸς ἀναγέγραπται (Plut. Solon 11).

Въ своей брошюрѣ—Parteien und Politiker in Megara und Athen (Stuttgart 1890) Кауэръ еще колеблется и допускаетъ возможность изгнанія Алкмеонидовъ въ годы, предшествовавшіе архонтству Солона, утверждая лишь, что тогда были изгнаны не всѣ Алкмеониды, а одни только непосредственные виновники избіенія килоновцевъ, тогда какъ прочихъ Алкмеонидовъ эта кара не коснулась, и прежде всего Алкмеона, потому что въ противномъ случаѣ послѣдній не могъ бы быть полководцемъ въ первую Священную войну. „Vor Solon—пишетъ здѣсь Кауэръ — begnügte man sich die wirklich Schuldigen (unter diesen vielleicht einige Alkmaioniden, aber keinenfalls Alkmaion) zu verbannen“ (стр. 65).

Такимъ образомъ, Кауэръ примыкаетъ здѣсь къ взгляду, высказанному Дункеромъ [6]). Но этотъ взглядъ опровергается свидѣтельствомъ Ѳукидида, который говоритъ, что преступленіе, совершонное

---

[1]) *Strehl*, Grundriss der alten Geschichte und Quellenkunde, I (Breslau 1901), 80 и 87.

[2]) *Cauer*, Parteien und Politiker in Megara und Athen (Stuttgart 1890), 63–65 и Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? (Stuttgart 1891), 62—63.

[3]) *Beloch*, Griechische Geschichte (Strassburg 1893), 339 пр. 1.

[4]) *De Sanctis*, Ἀτθίς. Storia della republica ateniese dalle origine alle riforme di Clistene (Roma 1898). 280—281.

[5]) *Seeck*, Quellenstudien zu des Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens (*Klio*, 1904, IV, 323—324).

[6]) Griech. Gesch. II, 147.

Алкмеонидами, тяготѣло не только на его непосредственныхъ виновникахъ, но и на всемъ ихъ потомствѣ: καὶ ἀπὸ τούτου ἐναγεῖς καὶ ἀλιτήριοι τῆς θεοῦ ἐκεῖνοί τε ἐκαλοῦντο καὶ τὸ γένος τὸ ἀπ' ἐκείνων (Thucyd. I, 126).

Справедливость этихъ словъ подтверждается фактомъ, на который указывалъ уже Хольцапфель [1]) противъ Дункера, а именно тѣмъ, что цѣлые вѣка спустя послѣ избіенія килоновцевъ это кровавое дѣло все еще ставилось въ вину Алкмеонидамъ, сначала въ лицѣ Клисеена (Herodot. V, 70; Αθ. πολ. 20), а затѣмъ въ лицѣ Перикла (Thucyd. I, 126. 127).

Если такіе отдаленные потомки считались запятнанными преступленіемъ, то дѣти, конечно, и подавно; Алкмеонъ же, участвовавшій въ первой Священной войнѣ, несомнѣнно, былъ сыномъ архонта Мегакла, главнаго виновника избіенія Килоновцевъ (Фишеръ [2]), Курціусъ [3]), Дункеръ [4]), Петерсенъ [5]), Хольцапфель [6]), Wright [7]), Виламовицъ-Мёллендорффъ [8]), Эд. Мейеръ [9]), Бузольтъ) [10]). Поэтому, если допустить, что Алкмеониды передъ архонтствомъ Солона подверглись изгнанію, то придется eo ipso признать, что вмѣстѣ съ ними былъ изгнанъ и Алкмеонъ и, наоборотъ, отрицая изгнаніе Алкмеона въ эту эпоху, придется по тому самому и вообще отвергнуть изгнаніе Алкмеонидовъ.

Въ слѣдующей своей брошюрѣ—Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? (Stuttgart 1891) Кауэръ и становится на эту вторую точку зрѣнія, болѣе радикальную сравнительно съ взглядомъ, высказаннымъ имъ въ предыдущей работѣ.

Основаніемъ для сомнѣнія въ возможности изгнанія Алкмеона Кауэру и здѣсь служитъ фактъ участія послѣдняго въ первой Священной войнѣ. Когда бы ни происходила эта война—до, или послѣ

---

[1]) Beitr. z. Griech. Gesch. 5, пр. 1.

[2]) *Vischer*, Ueber die Stellung des Geschlechtes der Alkmäoniden in Athen (Basel 1847), 11.

[3]) Griech. Gesch. I, 373.

[4]) Griech. Gesch. II, 150.

[5]) *Petersen*, Quaestiones de historia gentium atticarum (1880), 82.

[6]) Beitr. z. Griech. Gesch. 4.

[7]) *Wright*, The date of Cylon (*Harvard Studies in classical philology*, 1892, III, 49.

[8]) Arist. u. Ath. I, 17.

[9]) Gesch. d. Altert. II, §§ 412—413 (стр. 664).

[10]) Griech. Gesch. II, 306, пр. 1.

архонтства Солона—разсуждаетъ Кауэръ—Алкмеонъ не могъ бы участвовать въ ней въ качествѣ полководца, если бы Алкмеониды подверглись изгнанію—въ первомъ случаѣ потому, что въ періодъ времени до архонтства Солона долженъ былъ бы вмѣстѣ съ прочими Алкмеонидами находиться еще въ ссылкѣ и, слѣдовательно, не могъ бы пользоваться правами аѳинскаго гражданина, во второмъ—потому, что обнародованная въ архонтство Солона амнистія (Plut. Sol. 19) не могла бы предоставить Алкмеонидамъ возможности вернуться на родину и возстановить ихъ въ гражданскихъ правахъ.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, и принимая во вниманіе то обстоятельство, что извѣстіе объ Алкмеонѣ почерпнуто, по словамъ Плутарха, изъ дельфійскихъ ὑπομνήματα, слѣдовательно, изъ надежнаго источника,—Кауэръ приходитъ къ выводу, что въ эпоху до архонтства Солона изгнаніе Алкмеонидовъ не имѣло мѣста. Derjenige Alkmeon, welcher nach Angabe delphischer ὑπομνήματα die Athener im heiligen Kriege kommandierte (Plut. Sol. 11)—пишетъ Кауэръ въ своей второй брошюрѣ—hat kurz vor oder nach Solons Gesetzgebung die Rechte eines athenischen Bürgers genossen; folglich kann dieser Alkmeon und mit ihm das ganze Geschlecht der Alkmeoniden nicht wegen seines Anteiles an den kylonischen Wirren verbannt gewesen sein (стр. 62).

Вдумываясь въ вышеизложенную аргументацію Кауэра, не трудно замѣтить, что она не заключаетъ въ себѣ ничего обязательнаго. Участіе Алкмеона въ первой Священной войнѣ отнюдь не представляетъ собой чего-то несовмѣстимаго съ возможностью изгнанія Алкмеонидовъ въ до-солоновскую эпоху, какъ утверждаетъ Кауэръ. Эпоха эта отмѣчена ожесточенной борьбой знатныхъ эвпатридскихъ родовъ [1], къ которымъ, какъ справедливо признаютъ Фишеръ [2], Виламовицъ-Мёллендорффъ [3], Wright [4], Бузольтъ [5], несомнѣнно, принадлежали и Алкмеониды. Но политическая борьба ведется съ перемѣннымъ счастьемъ, и если послѣ Солона Алкмеониды неоднократно то покидаютъ Аѳины, то вновь поднимаютъ голову и возвращаются на родину, чтобы играть въ ней выдающуюся роль, то такова же могла быть ихъ судьба и въ до-солоновскую эпоху: и тогда они могли быть изгнаны и вновь

---

[1] Ср. *Wright*, l. c. 5—6.

[2] Op. c.

[3] Philologische Untersuchungen, I (Berlin 1880), 119 пр. 34.

[4] L. c., 43.

[5] Griech. Gesch. II, 95, пр.; 306.

вернуться въ Аѳины, еще до начала первой Священной войны, а при такихъ обстоятельствахъ Алкмеонъ могъ участвовать въ этой войнѣ, когда бы она ни началась—до архонтства Солона, какъ думаютъ Петеръ [1]), Курціусъ [2]), Филиппи [3]), Хольмъ [4]), Абботтъ [5]), или послѣ этого срока, какъ утверждаютъ Дункеръ [6]), Низе [7]), Виламовицъ-Мёллендорффъ [8]), Эд. Мейеръ [9]), Бузольтъ [10]) и др.

Если принять вторую датировку, то можно предположить также, что Алкмеониды могли вернуться на родину въ силу Солонова закона объ амнистіи, что и признаетъ большинство изслѣдователей—Фишеръ [11]), Курціусъ [12]), Низе [13]), Шталь [14]), Т. Рейнакъ [15]), Виламовицъ-Мёллендорффъ [16]), Эд. Мейеръ [17]), Бузольтъ [18]), В. П. Бузескулъ [19]) и др. Но эту-то возможность какъ разъ и отрицаетъ Кауэръ, раздѣляя мнѣніе Вестермана [20]), Дункера [21]), Филиппи [22]) и Хольцапфеля [23]).

Итакъ, для того, чтобы окончательно рѣшить, насколько справедливы соображенія Кауэра, нужно разсмотрѣть законъ объ амнистіи. Законъ этотъ гласитъ:

---

[1]) *Peter*, Zeittafeln der Griechischen Geschichte, по 6-му изданію (Halle 1886), 37.

[2]) Griech. Gesch. I, 249.

[3]) Der Areop. u. d. Epheten, 232, пр.

[4]) Griech. Gesch. I, 275.

[5]) Hist. of. Gr. I, 400—401.

[6]) Griech. Gesch. II, 150, пр. 2.

[7]) Hist. Unters. Arn. Schäfer gewidm. 7; 15—20.

[8]) Aristot. u. Ath. I, 14—15.

[9]) Gesch. d. Altert. II, § 415.

[10]) Griech. Gesch. II, 298. Ср. также I, 693 и сл.

[11]) Op. c., 11 пр. 14.

[12]) Op. c., I, 334.

[13]) L. c. 7.

[14]) *Stahl*, Ueber athenische Amnestiebeschlüsse (*Rhein. Mus.* 1891, XLVI, 253).

[15]) *Revue des études grecques*, 1892, V, 262.

[16]) Op. c., I, 17 и пр. 24.

[17]) Op. c., § 411 (стр. 662).

[18]) Op. c., II, 209, пр. 1 и 290.

[19]) Аѳин. Пол. 298.

[20]) *Ber. üb. die Verhandl. d. Sächs. Gesell. d. Wiss.* 1819, 156.

[21]) Griech. Gesch. II, 194.

[22]) *Rhein. Mus.* 1874, XXIX. 6—7; Der Areopag und die Epheten, 231 и пр. 57.

[23]) Beitr. z. Griech. Gesch. 5—7.

Ἀτίμων ὅσοι ἄτιμοι ἦσαν, πρὶν ἢ Σόλωνα ἄρξαι, ἐπιτίμους εἶναι πλὴν ὅσοι ἐξ Ἀρείου πάγου ἢ ὅσοι ἐκ τῶν ἐφετῶν ἢ ἐκ πρυτανείου καταδικασθέντες ὑπὸ τῶν βασιλέων ἐπὶ φόνῳ ἢ σφαγαῖσιν ἢ ἐπὶ τυραννίδι ἔφευγον ὅτε ὁ θεσμὸς ἐφάνη ὅδε (Plut. Sol. 19).

По смыслу цитированнаго закона, имъ исключались изъ амнистіи три категоріи лицъ—осужденные за φόνος, σφαγαί и τυραννίς.

Что подъ осужденными за тираннію законъ разумѣлъ килоновцевъ—это единогласно признаютъ Дункеръ [1]), Филиппи [2]), Ланге [3]), Шёманъ [4]), Эстербергъ [5]), Wright [6]), Бузольтъ [7]), Bury [8]), Липсіусъ [9]) и др.

Но содержится ли въ ограничительной статьѣ закона, устанавливающей случаи изъятія изъ амнистіи, указаніе на Алкмеонидовъ, или нѣтъ—относительно этого взгляды расходятся.

Кауэръ, какъ мы уже видѣли, категорически рѣшаетъ эту дилемму въ томъ смыслѣ, что Алкмеониды, если бы они были изгнаны, не могли бы вернуться на родину именно въ силу указанной статьи, и отсюда какъ разъ заключаетъ о невозможности изгнанія Алкмеонидовъ до архонтства Солона. Однако, самъ Кауэръ не прибѣгаетъ для обоснованія своего мнѣнія къ соотвѣтствующей интерпретаціи закона. Попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы другими изслѣдователями.

Филиппи [10]) относитъ къ Алкмеонидамъ фигурирующій въ ограничительной статьѣ закона терминъ φόνος, квалифицируя ихъ преступленіе какъ предумышленное убійство. Дункеръ [11]), Хольцапфель [12]) и Липсіусъ [13]) усматриваютъ намекъ на Алкмеонидовъ въ терминѣ σφαγαί, который они толкуютъ въ смыслѣ „Gemetzel“, „Massenmord“, т. е. массоваго убійства, каковымъ и было избіеніе килоновцевъ.

[1]) L. c.

[2]) *Rhein. Mus.* XXIX, 3 и Der Areopag und die Epheten, 219.

[3]) *Lange*, Die Epheten und der Areopag vor Solon (*Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften*, 1874, VII, 235.

[4]) *Jahrb. f. class. Philologie*, CXI (1875), 458.

[5]) *Oesterberg*, De ephetarum atheniensium origine (Upsala 1885), 64.

[6]) *Harvard Studies*, III, 48, пр. 1.

[7]) Griech. Gesch. II, 160, пр.; 290.

[8]) Hist. of Gr. I, 200.

[9]) Das att. Recht, 23—24.

[10]) Der Areop. u. die Ephet. 231.

[11]) Griech. Gesch. II, 194.

[12]) Beitr. z. Griech. Gesch. 6 и пр. 2.

[13]) Das att. Recht, 23 и пр. 75.

Противъ послѣдней интерпретаціи высказались Шталь [1]) и Виламовицъ-Мёллендорффъ [2]). Первый полагаетъ, что подъ σφαγαί разумѣлись нѣкоторые виды убійства, не укладывающіеся въ понятіе φόνος, а именно: непредумышленное убійство, убійство не-гражданина и т. п., а второй считаетъ σφαγαί синонимомъ юридическаго термина τραῦμα ἐκ προνοίας, которымъ обозначалось покушеніе на убійство [3]).

Не берусь судить, которое изъ этихъ толкованій ближе къ истинѣ: древнѣйшее аѳинское право извѣстно намъ слишкомъ недостаточно, чтобы высказывать относительно его какія-либо категорическія сужденія. Но одно, во всякомъ случаѣ, можно утверждать съ полной увѣренностью, а именно, что преступленіе, совершенное Алкмеонидами, не подходитъ ни подъ одинъ изъ видовъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ограничительной статьей закона объ амнистіи: Виламовицъ-Мёллендорффъ [4]), Бузольтъ [5]) и В. П. Бузескулъ [6]) съ полнымъ основаніемъ квалифицируютъ его какъ ἀσέβεια (святотатство).

Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что къ Алкмеонидамъ было предъявлено обвиненіе именно въ святотатствѣ. Правда, какъ справедливо замѣтилъ еще Шёманъ [7]), обвиненіе это представляло собой, въ концѣ концовъ, не что иное, какъ только маневръ со стороны политическихъ противниковъ Алкмеонидовъ, разсчитанный на то, чтобы уронить послѣднихъ въ глазахъ суевѣрныхъ массъ. Но то были партійные счеты, публично же была выставлена на показъ лишь эта маска, да другую трудно было и придумать, потому что съ государственно-правовой точки зрѣнія убійство килоновцевъ не могло считаться незаконнымъ, преступнымъ актомъ. Килонъ являлся узурпаторомъ, покусившимся на неприкосновенность государственнаго порядка, и Мегаклу съ прочими архонтами были предоставлены, по словамъ Ѳукидида (I, 126), неограниченныя полномочія въ дѣлѣ подавленія килоновой смуты (τὸ πᾶν αὐτοκράτορσι διαθεῖναι ᾗ ἂν ἄριστα διαγιγνώσκωσιν).

Такимъ образомъ, до очевидности ясно, что оффиціально Алкмеони-

---

[1]) *Rhein Mus.* 46 (1891), 250—253.

[2]) Arist. u. Ath. I, 17, пр. 24.

[3]) См. *Gilbert*, Beiträge zur Entwickelungsgeschichte des griechischen Gerichtsverfahrens und des griechischen Rechtes (Leipzig 1896), 520—521.

[4]) L. c.

[5]) Griech. Gesch. II, 209, пр. 1.

[6]) Аѳ. Пол. 298.

[7]) *Jahrb. f. class. Philol.* CXI (1875), 456—457; 464—465.

довъ судили исключительно за нарушеніе **сакральнаго права** — за убійство людей, нашедшихъ убѣжище у алтаря (Thucyd. l. c.). Но если такъ, то ограничительная статья закона не могла касаться Алкмеонидовъ, потому что объ ἀσέβεια въ ней нѣтъ и рѣчи.

Что изъятіе изъ амнистіи не распространялось на Алкмеонидовъ, явствуетъ и изъ слѣдующаго, отмѣченнаго Шёманомъ [1]), Виламовицъ-Мёллендорффомъ [2]), Бузольтомъ [3]) и В. П. Бузескуломъ [4]) обстоятельства: Алкмеониды не были осуждены ни однимъ изъ тѣхъ судовъ, которые перечисляются въ законѣ, но ихъ процессъ, по свидѣтельству Плутарха (Solon 12), былъ переданъ **особому суду**, составленному изъ спеціально избранныхъ для этой цѣли трехсотъ эвпатридовъ (τριακοσίων ἀριστίνδην δικαζόντων).

Правда, Вестерманъ [5]), Филиппи [6]) и Хольцапфель [7]), которые, какъ уже было сказано выше, считали Алкмеонидовъ исключенными изъ амнистіи, думали обойти возникавшее для нихъ изъ свидѣтельства Плутарха затрудненіе путемъ предположенія, что триста судей собрались на Ареопагѣ, какъ на мѣстѣ, гдѣ издревле вершился судъ по дѣламъ объ убійствѣ. Такого же мнѣнія держится и Липсіусъ [8]). Но при непредубѣжденномъ чтеніи закона слишкомъ ясно, что въ немъ идетъ рѣчь о **постоянныхъ** судахъ—„ordentliche Gerichte" (Виламовицъ-Мёллендорффъ) [9]), и если бы Солонъ подъ словами ἐξ Ἀρείου πάγου разумѣлъ экстренный судъ трехсотъ, то онъ, какъ справедливо замѣтилъ еще Ланге [10]) противъ Филиппи, не преминулъ бы выразиться болѣе точно: ἐκ τῶν τριακοσίων.

Итакъ, ни составъ преступленія, совершоннаго Алкмеонидами, ни судъ, которому они подверглись, не соотвѣтствуютъ тѣмъ видамъ преступленій и тѣмъ судамъ, которые перечисляются въ ограничительной статьѣ закона объ амнистіи, и мы, слѣдовательно, имѣемъ полное право утверждать, что по смыслу этого закона Алкмеониды должны были быть амнистированы.

---

1) L. c. 458.
2) L. c.
3) L. c.
4) L. c.
5) *Ber. üb. die Verhandl. d. Sächs. Gesell. d. Wiss.* 1849, 157—158.
6) *Rhein. Mus.* 29, 6; Der Areop. u. d. Ephet. 231.
7) Beitr. z. Griech. Gesch. 7.
8) L. c.
9) L. c.
10) Die Epheten und der Areopag, 231.

Къ такому же выводу приводятъ и соображенія, касающіяся отношеній Алкмеонидовъ къ реформѣ Солона. Хотя Алкмеониды были эвпатридами, но они примкнули къ параліямъ, которые по своей политической программѣ, какъ умѣренная партія середины (Aristot. Ἀθ. πολ. 13: ἐδόκουν μάλιστα διώκειν τὴν μέσην πολιτείαν), стояли всего ближе къ Солону [1]), и послѣдній, по своему состоянію самъ принадлежавшій къ среднему классу, а о своей политической позиціи выразившійся такъ:

ἐγὼ δὲ τούτων ὥσπερ ἐν μεταιχμίῳ
ὅρος κατέστην. (Ἀθ. πολ. 12)

не могъ не сочувствовать параліямъ, а слѣдовательно и ихъ лидерамъ, т. е. Алкмеонидамъ. Значитъ, и съ этой точки зрѣнія, указанной Эд. Мейеромъ [2]), Виламовицъ-Мёллендорффомъ [3]) и Bury [4]), Алкмеониды должны были попасть подъ амнистію Солона.

Такимъ образомъ, выпадаетъ главное звено изъ цѣпи разсужденій Кауэра, и разсмотрѣнный нами аргументъ его оказывается недѣйствительнымъ: вопреки утвержденію Кауэра, участіе Алкмеона въ первой Священной войнѣ отнюдь не можетъ служить доказательствомъ невозможности изгнанія Алкмеонидовъ въ до-солоновскую эпоху.

Гораздо болѣе вѣса имѣетъ доводъ, приводимый Белохомъ [5]). Этотъ ученый обратилъ вниманіе на демотиконъ при имени обвинителя Алкмеонидовъ—Мирона, котораго Плутархъ называетъ Μύρων Φλυεύς (Sol. 12). Исходя изъ соображенія, что демотиконъ могъ появиться лишь послѣ реформы Клисоена, Белохъ усматриваетъ въ пріуроченіи процесса Алкмеонидовъ къ эпохѣ Солона анахронизмъ у Плутарха, что̀ и даетъ ему основаніе считать сообщаемое Плутархомъ за дубликатъ извѣстія о событіи, которое въ дѣйствительности имѣло мѣсто лишь въ эпоху борьбы Клисоена съ Исагоромъ.

Правда, В. П. Бузескулъ [6]) говоритъ, что „названіе дема могло быть употреблено не въ позднѣйшемъ, такъ сказать техническомъ, значеніи, а просто для обозначенія родины Мирона". Такого же мнѣ-

---

[1]) Ср. *Busolt*, Griech. Gesch. II, 305.
[2]) Gesch. d. Alt. II, § 411 (стр. 662).
[3]) Arist. u. Ath. I, 17.
[4]) Hist. of Gr. I, 200.
[5]) Griechische Geschichte I, 339, пр. 1.
[6]) Аоин. Пол. 299.

нія держатся Ботсфордъ [1]) и Липсіусъ [2]). Но этому противорѣчитъ слѣдующее, указанное Бузольтомъ [3]), обстоятельство, а именно то, что 300 эвпатридовъ, вершившіе, по словамъ Плутарха (Solon 12), на основаніи обвиненія Мирона, судъ надъ Алкмеонидами, несомнѣнно, тожественны съ тѣми 300 приверженцами Исагора, о которыхъ сообщаютъ Геродотъ (V, 72) и Аристотель (Αθ. πολ. 20), а къ тому времени, когда Исагоръ сдѣлалъ окончившуюся неудачей попытку захватить, при содѣйствіи спартанскаго царя Клеомена, власть въ руки своей партіи, Клисоенъ, какъ справедливо утверждаютъ Низе [4]), Белохъ [5]) и Бузольтъ [6]), уже успѣлъ провести свою новую организацію демовъ.

Но здѣсь мы сталкиваемся съ противоположнымъ взглядомъ, котораго держатся Виламовицъ-Мёллендорффъ [7]), Эд. Мейеръ [8]), Сандисъ [9]), В. П. Бузескулъ [10]) и Ботсфордъ [11]). Эти ученые пріурочиваютъ реформу Клисоена не ко времени борьбы его съ Исагоромъ, а ко времени окончательной побѣды его надъ послѣднимъ. Въ подтвержденіе такой датировки Виламовицъ-Мёллендорффъ, Мейеръ и Сандисъ ссылаются на 20-ю главу Аѳинской Политіи Аристотеля, гдѣ реформа Клисоена излагается п о с л ѣ разсказа о капитуляціи Исагора и его союзника Клеомена. Вмѣстѣ съ тѣмъ, перечисленные изслѣдователи и Ботсфордъ не видятъ въ свидѣтельствѣ Геродота, у котораго о Клисоеновой реформѣ говорится р а н ь ш е прибытія Клеомена въ Аѳины,— основанія для сдѣланнаго отсюда Белохомъ и Низе заключенія, что эти событія и фактически происходили въ такой послѣдовательности.

Въ самомъ дѣлѣ, съ интерпретаціей Геродота, предложенной Белохомъ и Низе, трудно согласиться, потому что разсказъ о реорганизаціи Клисоеномъ филъ, какъ справедливо замѣтили В. П. Бузе-

---

[1]) *Harvard Studies*, VIII (1897), 19—20.

[2]) L. c.

[3]) Griech. Gesch. II, 210, пр.

[4]) *Niese*, Ueber Aristoteles' Geschichte der athenischen Verfassung (*Historische Zeitschrift*, 1892, 33, 49—50).

[5]) Griech. Gesch. 338, пр. 1.

[6]) Griech. Gesch. II, 402 и пр. 6.

[7]) Aristot. u. Ath. II, 76—77 и пр. 8.

[8]) Gesch. d. Altert. II, § 491 (стр. 798).

[9]) Aristotle's Constitution of Athens, 78.

[10]) Аѳин. Пол. 381.

[11]) L. c. 9—17.

скулъ [1]), Сандисъ [2]) и Ботсфордъ [3]), носитъ у Геродота (V, 66—69) характеръ несомнѣннаго отступленія, и слово μετά—въ фразѣ: ἑσσούμενος δὲ ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσεταιρίζεται. μετὰ δὲ τετραφύλους ἐόντας Ἀθηναίους δεκαφύλους ἐποίησε (V, 66) — показываетъ, что „самъ Геродотъ... какъ бы отмѣчаетъ, что новыя филы созданы спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ Клисѳенъ, побѣжденный соперникомъ, привлекъ на свою сторону народъ" (В. П. Бузескулъ) [4]).

Однако, изъ того, что Геродотъ такъ представлялъ себѣ ходъ событій отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы они и дѣйствительно происходили въ такой послѣдовательности. Не подтверждается это и ссылкой на Аристотеля. Низе [5]), Белохъ [6]) и Бузольтъ [7]) справедливо указываютъ на то, что разсказъ о реформѣ Клисѳена помѣщенъ Аристотелемъ послѣ описанія борьбы его съ Исагоромъ исключительно въ видахъ удобства изложенія — чтобы отдѣлить исторію внутренняго строя Аѳинъ отъ исторіи политическихъ событій. Этотъ взглядъ представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что Аристотель среди самаго описанія борьбы Клисѳена съ Исагоромъ говоритъ: ὁ Κλεισθένης προσηγάγετο τὸν δῆμον, ἀποδιδοὺς τῷ πλήθει τὴν πολιτείαν (Ἀθ. πολ. 20).

Сандисъ [8]), В. П. Бузескулъ [9]) и Ботсфордъ [10]) толкуютъ слово ἀποδιδούς въ томъ смыслѣ, что во время борьбы съ Исагоромъ Клисѳенъ выступилъ только съ преобразовательными планами, обѣщавъ демократическія реформы, чтобы заручиться поддержкой народа. Но съ такимъ толкованіемъ трудно согласиться: употребивъ совершенный видъ (ἀποδιδούς), Аристотель, очевидно, долженъ былъ разумѣть не простой проектъ, а до нѣкоторой степени уже совершившуюся реформу, и если полное завершеніе ея могло состояться, конечно, не раньше окончательной побѣды Клисѳена надъ своимъ противникомъ—что признаютъ и Белохъ [11]) съ Бузольтомъ [12])—то основы ре-

---

1) L. c.
2) L. c.
3) L. c.
4) L. c.
5) L. c.
6) L. c.
7) L. c.
8) L. c.
9) L. c.
10) L. c. 15.
11) L. c.
12) L. c.

формы Клисѳена, несомнѣнно, были заложены уже въ періодъ самой борьбы.

Съ этимъ согласуется и то обстоятельство, что Аристотель пріурочиваетъ реформу Клисѳена къ архонтству Исагора — ἐπὶ Ἰσαγόρου ἄρχοντος (Ἀθ. πολ. 21), и если „возникаетъ сомнѣніе, какимъ образомъ Клисѳенъ могъ провести свою реформу въ архонтство своего противника“, то начало реформы во всякомъ случаѣ приходится отнести къ этому времени (В. П. Бузескулъ) [1]).

Такимъ образомъ, версія Аристотеля расходится съ версіей Геродота; но отдавать предпочтеніе послѣдней только потому, что Геродотъ служилъ здѣсь источникомъ Аристотелю, нѣтъ основанія, такъ какъ въ этой части своего труда Аристотель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправляетъ Геродота, и съ его поправками приходится считаться [2]). То же самое мы видимъ и въ данномъ случаѣ. Какъ ясно показалъ Ботсфордъ [3]), по смыслу разсказа Геродота, Клисѳенъ привлекъ сначала на свою сторону народъ, благодаря чему побѣдилъ своего противника, а затѣмъ уже приступилъ къ реформѣ. Между тѣмъ, очевидно, что логика событій должна была быть совсѣмъ другая, и заручиться расположеніемъ народа Клисѳенъ могъ, конечно, не иначе, какъ реформами въ демократическомъ духѣ. Эту неясность у Геродота и исправляетъ Аристотель: перефразируя слова своего источника— ὁ Κλεισθένης τὸν δῆμον προσεταιρίζεται въ ὁ Κλεισθένης προσηγάγετο τὸν δῆμον, онъ дополняетъ ихъ опредѣленнымъ указаніемъ на причину популярности Клисѳена—ἀποδιδοὺς τῷ πλήθει τὴν πολιτείαν. Съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, версія Аристотеля заслуживаетъ предпочтеніе передъ версіей Геродота.

Итакъ, свою реформу Клисѳенъ началъ еще во время борьбы съ Исагоромъ. Это подтверждается и еще однимъ фактомъ, на который указали Низе [4]), Белохъ [5]) и Бузольтъ [6]), а именно тѣмъ, что среди описанія этой борьбы какъ Геродотъ, такъ и Аристотель упоминаютъ βουλή, которую перечисленные изслѣдователи справедливо считаютъ

---

[1]) L. c.

[2]) См., напр., *Busolt*, Griech. Gesch. II, 405, пр. 1 и *В. П. Бузескулъ*. Аѳин. Пол. 380.

[3]) L. c.

[4]) L. c.

[5]) L. c.

[6]) L. c.

Клисоеновскимъ совѣтомъ 500. Ботсфордъ [1]) оспариваетъ такой взглядъ и отожествляетъ эту βουλή съ Солоновскимъ совѣтомъ 400. Но это опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что на защиту той βουλή которую хотѣли упразднить Исагоръ и Клеоменъ, по словамъ Геродота и Аристотеля, поднялась вся народная масса, что понятно только при томъ условіи, если видѣть въ этой βουλή Клисоеновскій совѣтъ, который былъ дорогъ народу, какъ демократическое учрежденіе, тогда какъ про Солоновскій совѣтъ этого сказать нельзя. Правда, Ботсфордъ [2]), слѣдуя Эд. Мейеру [3]), считаетъ его представительствомъ навкраріи, изъ которыхъ развились позднѣйшіе демы; но по удачному выраженію г. Успенскаго, „демъ, хотя и сталъ на мѣсто навкраріи, самъ по себѣ далеко не то же, что навкрарія, и капитальная разница между старымъ и новымъ дѣленіемъ Аоинъ территоріально и заключается въ томъ политическомъ плюсѣ, который былъ сообщенъ Клисоеномъ дему“ [4]).

Что Солоновскій совѣтъ 400 не могъ имѣть корней въ народѣ (Бузольтъ) [5]), вытекаетъ изъ самаго способа его избранія: члены его избирались по родовымъ филамъ, а въ послѣднихъ преобладаніе должно было оставаться за эвпатридами [6]).

Наконецъ, какъ признаетъ и самъ Ботсфордъ [7]), при господствѣ Писистратидовъ всѣ Солоновскія учрежденія существовали лишь номинально. Такая же участь, конечно, должна была постигнуть и совѣтъ 400.

Итакъ, все говоритъ за то, что βουλή, фигурирующая въ борьбѣ Клисоена съ Исагоромъ, была Клисоеновскимъ совѣтомъ. Но разъ въ то время уже существовала Клисоеновская βουλή, то, очевидно, должны были существовать и Клисоеновскіе демы, потому что βουλή являлась представительствомъ демовъ, а если такъ, то и Миронъ въ тотъ моментъ, когда онъ, по предположенію Белоха, выступилъ обвинителемъ Алкмеонидовъ, долженъ былъ уже имѣть демотиконъ въ оффиціальномъ значеніи.

---

[1]) L. c., 16, пр. 1.

[2]) L. c.

[3]) Gesch. d. Altert. § 409 (стр. 659).

[4]) Аоинскіе навкрары и навкраріи (Изданія Историческаго Общества при Московскомъ Университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 г.—Москва 1896), 121.

[5]) Griech. Gesch. II, 403, пр.

[6]) Ср. *В. П. Бузескулъ*, Аоин. Пол. 313.

[7]) L. c. 4—5.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ

ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

Годъ I. 1907. № 1—24. Годъ II. 1908. № 1—17.

Цѣна при подпискѣ за годъ 6 р.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 Г.

НА

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ“

И НА

„ИЗВѢСТІЯ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ“.

Открыта подписка на 1909—XX г.

(подписной годъ начинается съ 1-го Ноября)

ПРИРОДА и ЛЮДИ

52 №№ ЖУРНАЛА, ВЪ ЦВѢТНЫХЪ ОБЛОЖКАХЪ, СЪ РИСУНКАМИ. Романы, повѣсти и разсказы. Живописныя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта. Необычайныя приключенія на сушѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Описанія чудесъ и великихъ явленій природы. Диковинки животнаго и растительнаго міра. Очерки по всѣмъ отраслямъ знанія. Новѣйшія открытія и изобрѣтенія человѣческаго генія. Спортъ во всѣ времена года. Задачи на преміи и т. п.

20 КНИГЪ 4.000 стран. **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ** *въ полныхъ переводахъ, безъ сокращеній*

Ч. ДИККЕНСА

Въ эти первыя 20 книгъ войдутъ слѣдующія произведенія:

Оливеръ Твистъ.—Рождественскіе разсказы.—Посмертныя записки Пиквикскаго клуба.—Повѣсть о двухъ городахъ.—Большія надежды.—Тяжелыя времена.—Домби и сынъ.—Тайна Эдвина Друда.—Нѣтъ прохода.—Бордингъ-гаузъ.—Станція Мэгби.—Предписаніе д-ра Мериголъда.—Мистеръ Минсъ и его кузенъ.—Непредвидѣнный случай.—Семья Тогсовъ.—Гораціо Спаркинсъ.—Дуэль.—Домашній спектакль.—Черная вуаль.—Житейская борьба.

20 КНИГЪ 4.500 стран. ВЪ ОДИНЪ ГОДЪ *ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ*

КОНАНЪ-ДОЙЛЯ.

Полное собраніе сочиненій Конанъ-Дойля впервые появится на русскомъ языкѣ *въ полныхъ переводахъ, безъ сокращеній.*

Книга 1. ПРИКЛЮЧЕНІЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА. Знакъ четырехъ. Красное по бѣлому.

Кн. 2. Капитанъ „Полярной звѣзды". Человѣкъ изъ „Архангельска". Кольцо Тота, и др. разсказы.

Кн. 3. Великая тѣнь. За городокъ. Зеленый флагъ. Капитанъ Шарки. Раздѣтое привидѣніе, и др. разсказы.

Кн. 4. Лига красноволосыхъ. Тайна Боскомбской долины. Пять апельсинныхъ зернышекъ. Человѣкъ съ уродливой губой. Голубой карбункулъ. Палецъ инженера. Пестрая лента. Корона изъ бериллевъ, и др. разсказы.

Кн. 5—6. Мика Кларкъ, ром.

Кн. 7. Бѣлый отрядъ, ром.

Кн. 8. Воспоминанія о Шерлокѣ Холмсѣ. Роковая тайна. Желтое лицо. Горбунъ. Греческій переводчикъ. Морской договоръ, и др. разсказы.

Кн. 9. Торгов. Домъ „Гедльстонъ и Ко". ром.

Кн. 10. Подвиги бригадира Жерара. Вокругъ красной лампы.

Кн. 11. Приключенія бригадира Жерара. Дядя Бернакъ.

Кн. 12. Изгнанники, романъ.

Кн. 13. Баскервильская собака.

Кн. 14. Трагедія съ „Короско". Король Лисъ. Новая катакомба. Тѣнь впереди. Черный замокъ, и др. разсказы.

Кн. 15. Письма Старка Монро.

Кн. 16. Родней Стонъ.

Кн. 17. Возвращеніе Шерлока Холмса. Приключеніе въ пустомъ домѣ. Приключеніе съ пляшущими фигурками. Приключенія Чернаго Питера. Шесть Наполеоновъ. Золотое пенснэ, и другіе разсказы.

Кн. 18. Сэръ Найгель, романъ.

Кн. 19—20. Новѣйшіе разсказы, которые появятся въ печати 1908—9 гг.

ОСОБАЯ ПРЕМІЯ

„КАКЪ САМОМУ УСТРОИТЬ КИНЕМАТОГРАФЪ".

Подробное описаніе съ рис. и конструктивными чертежами Вл. Фкосйонага.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ со всѣми прилож. без доставки и пересылк. **6** РУБ. съ дост. и перес. по всей Россіи **7** РУБ.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

Или: въ теченіи первыхъ семи мѣсяцевъ, начиная съ ноября, по 1 рублю.

Редакція: С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. д. Изд. П. П. Сойкинъ.

Отдѣлъ по народному образованію.

Отзывы о книгахъ:

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го ноября).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу—**16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 — 1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „**Журналѣ**“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**“ съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**“. „**Извѣстія**“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**“, но „**Справочная книга**“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**“ изданіе. Цѣна „**Извѣстій**“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVIII.

1908.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Критика и библіографія.

См. 3-ю страницу обложки.

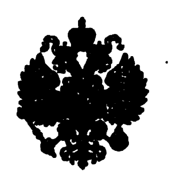
ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVIII.

1908.

ДЕКАБРЬ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ,

данные правительствующему сенату.

3. (25-го октября 1908 года). „Директора департамента народнаго просвѣщенія, тайнаго совѣтника *Андреянова*—Всемилостивѣйше увольняемъ, согласно прошенію, по болѣзни, отъ службы, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ".

4. (25-го октября 1908 года). „Дѣлопроизводителю V класса департамента народнаго просвѣщенія, замѣстителю члена отъ министерства народнаго просвѣщенія въ общемъ и особыхъ присутствіяхъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, дѣйствительному статскому совѣтнику *Аникиферову*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть директоромъ департамента народнаго просвѣщенія".

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

4. (17-го іюня 1908 года). *О присвоеніи Рогачевскому реальному училищу имени вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. А. Іолшиной.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 17 день іюня 1908 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Рогачевскому реальному училищу имени вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Іолшиной.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 28-го октября 1908 г., № 169, ст. 1441).

5. (29-го октября 1908 года). *О разрѣшеніи лицамъ женскаго пола, допущеннымъ въ высшія учебныя заведенія, въ качествѣ постороннихъ слушательницъ, окончанія слушанія курса на одинаковыхъ съ посторонними слушателями условіяхъ.*

Государь Императоръ, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, въ частности, съ вопросомъ о вольнослушательницахъ, изволилъ усмотрѣть, что неправильно допущенныя къ слушанію лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ лица женскаго пола поставлены нынѣ въ условія, затрудняющія имъ прослушаніе до конца курса, который онѣ разсчитывали пройти.

Снисходя къ совершенно исключительному положенію, въ которомъ находятся эти лица, вслѣдствіе возвращенія нынѣ университетовъ и прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній къ законному порядку пріема постороннихъ слушателей, Его Императорское Величество, въ 29 день октября 1908 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: допущеннымъ по настоящее время, вслѣдствіе неправильнаго толкованія закона, въ высшія учебныя заведенія, въ качествѣ постороннихъ слушательницъ, лицамъ женскаго пола разрѣшить окончаніе слушанія курса на одинаковыхъ съ посторонними слушателями условіяхъ.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи министръ юстиціи, 30-го октября 1908 года, предложилъ правительствующему сенату, для распубликованія.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 31-го октября 1908 г., № 173, ст. 1487).

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(11-го октября 1908 года, № 68). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Боголѣповъ*—директоромъ Каменецъ-Подольскаго частнаго реальнаго училища И. Р. Мазинга.

Назначаются: вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ, въ званіи камеръ-юнкера Высочайшаго Двора, статскій совѣтникъ *Вестманъ*—директоромъ того же департамента, съ оставленіемъ его въ придворномъ званіи; помощникъ юрисконсульта министерства, надворный совѣтникъ *Даевъ*—вице-директоромъ департамента общихъ дѣлъ; директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Глазовъ*—начальникомъ Кѣлецкой учебной дирекціи; инспекторъ Михайловскаго Жиздринскаго городского училища съ

двумя дополнительными классами по садоводству и огородничеству, надворный совѣтникъ *Крюковъ* — директоромъ Сорокскаго средняго семиклассваго сельско-хозяйственно-техническаго училища, съ 1-го августа.

Утверждается, согласно избранію, личный почетный гражданинъ *Кухта*—почетнымъ попечителемъ Одесскаго реальнаго училища общества взаимнаго вспоможенія приказчиковъ гор. Одессы, на три года.

Переводится на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія помощникъ инспектора Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Логиновъ*—директоромъ Арзамасской учительской семинаріи.

Перемѣщается директоръ Бакинскаго средняго механико-строительно-техническаго училища, статскій совѣтникъ *Даниловъ*—директоромъ Воронежскаго средняго восьмиклассваго механико-техническаго училища съ 1-го августа.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ департамента общихъ дѣлъ, тайный совѣтникъ *Рахмановъ*, съ мундиромъ означенной должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи, статскій совѣтникъ *Афанасьевъ*—съ 13-го апрѣля.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: директоры гимназій, Ялтинской Александровской, *Готлибъ*—съ 17-го іюня 1907 г. и Одесской Ришельевской, *Дидуненко*—съ 14-го февраля 1908 г., Велико-Сорочинской учительской семинаріи, *Григоревскій*—съ 1-го февраля 1908 г. и Черниговскаго дворянскаго пансіона-пріюта, *Дорошенко*—съ 7-го января 1908 г.; экстраординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ медицины *Серапинъ*—съ 24-го ноября 1907 г. и директоръ Ярославскаго низшаго механико-техническаго училища *Ершовъ*—съ 1-го іюля 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: преподаватель V класса Императорскаго археологическаго института, докторъ государственнаго права *Грибовскій*—съ 14-го августа 1907 г.; директоры: Одесской гимназіи П. К. Иліади, *Тарасовскій*—съ 1-го марта 1905 г. и Клинцовскаго средняго техническаго училища, *Колодѣевъ*—съ 1-го ноября 1904 г.; адъюнктъ-профессоръ технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-технологъ *Холмогоровъ*—съ 14-го января 1908 г.; исправляющій должность адъюнктъ-профессора того же института *Тизенгольтъ*—съ 21-го января 1908 г.; директоръ Маріупольскаго низшаго механико-

техническаго училища *Воскобойниковъ*—съ 20-го октября 1901 г. и причисленный къ министерству *Полянскій*—съ 4-го апрѣля 1908 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: директоры: Уманской гимназіи, *Янковскій*—съ 1-го августа 1904 г. и Николаевскаго средняго механико-техническаго училища, инженеръ-технологъ *Некрасовъ*—съ 18-го февраля 1907 г.; дѣлопроизводитель VI класса отдѣла промышленныхъ училищъ *Удовиченко*—съ 1-го мая 1908 г., адъюнктъ профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, магистръ ботаники *Буткевичъ*—съ 25-го февраля 1908 г. и журналистъ VIII класса департамента общихъ дѣлъ *Гергинъ*—съ 1-го августа 1908 г.; дѣлопроизводитель VIII класса управленія пенсіонною кассою народныхъ учителей и учительницъ *Жолкевичъ*—съ 1-го августа 1908 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: дѣлопроизводитель VIII класса, старшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія *Терентьевъ*—съ 30-го іюня 1908 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: причисленный къ министерству *Поповъ*—съ 23-го ноября 1907 г.; дѣлопроизводитель VIII класса, старшаго оклада, департамента народнаго просвѣщенія, *Рудневъ*—съ 19-го августа 1908 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: канцелярскіе служители департамента общихъ дѣлъ, *Никушкинъ*—съ 27-го марта 1908 г. и *Селезневъ*—съ 22-го апрѣля 1904 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *статскаго совѣтника*: ординарные профессоры: Императорскаго Казанскаго университета, докторъ славянской филологіи *Петровскій*—съ 17-го декабря 1907 г. и инспекторъ историко-филологическаго института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, магистръ римской словесности, коллежскій совѣтникъ *Семеновъ*—съ 26-го марта 1907 г.; *коллежскаго совѣтника*: экстраординарные профессоры: Императорскаго Казанскаго университета (исправляющій должность), магистръ всеобщей исторіи *Хвостовъ*—съ 17-го декабря 1907 г. и Харьковскаго ветеринарнаго института, магистры ветеринарныхъ наукъ: надворные совѣтники: *Ивановъ*—съ 26-го марта 1907 г. и (сверхштатный) *Гордзялковскій*—съ 9-го апрѣля 1907 г. и титулярный совѣтникъ *Мостынскій*—съ 22-го сентября 1907 г.

Переименовывается въ *титулярные совѣтники*, со старшинствомъ, причисленный къ министерству, отставной штабсъ-капитанъ корпуса инженеръ-механиковъ флота *Яворовскій*—съ 6-го декабря 1905 г.

По Харьковскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу

лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ Воронежской 1-й гимназіи *Жижневскій*—съ 1-го августа 1907 г.; учителя, той же гимназіи, *Крыловъ*—съ 1-го сентября 1907 г., гимназій: Острогожской, *Вихманъ*—съ 23-го августа 1907 г., Пензенской 2-й, *Слефохтъ*—съ 1-го іюля 1891 г. и Харьковскаго 1-го реальнаго училища, *Вахнинъ*—съ 8-го ноября 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ народныхъ училищъ Курской губерніи, *Полѣвскій*—съ 3-го сентября 1907 г.; сверхштатный ассистентъ Харьковскаго ветеринарнаго института *Петропавловскій*—съ 1-го сентября 1907 г.; учителя: гимназій: Чугуевской *Кирпатовскій*—съ 1-го августа 1907 г., Курской, *Новиковъ*—съ 21-го января 1908 г., Козловской женской, *Широковъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 11-го сентября 1907 г., Усть-Медвѣдицкаго реальнаго училища, *Малюга*—съ 15-го апрѣля 1906 г. и наставникъ Пензенской учительской семинаріи *Морозовъ*—съ 1-го іюля 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: гимназій: Харьковской 2-й, *Юрьянъ*—съ 16-го декабря 1906 г., Острогожской, *Кемарскій*—съ 1-го января 1906 г. и *Милославскій*—съ 13-го сентября 1904 г., Ростовской-на-Дону, *Лихаревскій*—съ 28-го ноября 1906 г.; городскихъ училищъ: Пензенскаго 2-го, *Коняевъ*—съ 27-го августа 1907 г. и Новочеркасскаго, *Молчановъ* (исправляющій должность сверхштатнаго)—съ 30-го марта 1908 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Таганрогской гимназіи *Рычковъ*—съ 16-го февраля 1907 г.; врачи: Усманской женской гимназіи, *Іорданскій*—съ 16-го іюня 1903 г. и Тамбовскаго городского училища, *Лоскутовъ*—съ 24-го декабря 1904 г.; почетный смотритель Острогожскаго городского училища *Сиверскій*—съ 23-го мая 1906 г. и учитель того же училища *Кобозевъ*—съ 22-го сентября 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: помощникъ классныхъ наставниковъ Острогожской гимназіи *Золотаревъ*—съ 7-го марта 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Хоперскаго, *Красновъ* (сверхштатный)—съ 1-го іюля 1906 г. и Сальскаго, *Серичевъ* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 1-го августа 1903 г. и приготовительнаго класса Бобровской прогимназіи, *Кобозевъ*—съ 13-го декабря 1907 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: письмоводитель Пензенской 2-й гимназіи, *Островскій*—съ 19-го декабря 1907 г.; учителя приходскихъ училищъ: 1-го Павловскаго, *Мокровъ*—съ 23-го октября 1903 г. и *Нарцевъ*—съ 23-го сентября 1891 г., 1-го Наровчатскаго, *Коровинъ*—съ 21-го ноября 1907 г., 2-го Каменскаго, *На-*

угольнов и Сорокинскаго, *Ильшаков*, оба—съ 1-го сентября 1907 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: письмоводитель Бобровской прогимназіи *Асскоченскій*—съ 20-го октября 1906 г.; учителя приходскихъ училищъ: Славянскаго двухкласснаго, *Өедосовъ*—съ 1-го сентября 1907 г., 1-го Козловскаго, *Малаховъ*—съ 15-го января 1908 г., 5-го Козловскаго, *Ивановъ*—съ 5-го октября 1906 г., Задонско-Солянскаго, *Кучеровъ*—съ 1-го августа 1907 г., Иванковскаго, *Бугураевъ*, Сетраковскаго, *Васильевъ*, Усть-Бѣлокалитвенскаго двухкласснаго, *Вѣтченко*, Ольховскаго *Демидкинъ*, Больше-Лиховидовскаго, *Дубовикъ*, Константиновскаго 1-го, *Дементьевъ*, Холодновскаго, *Добрынинъ*, Роговскаго, *Кодацкій*, Евсѣевскаго, *Лейциховичъ*, Каргальскаго, *Лошмановъ*, Титовскаго *Поляковъ*, Верхне-Дубовскаго, *Теличенко* и Таганрогскаго 1-го, *Чернушкинъ*, всѣ тринадцать—съ 5-го октября 1906 г.; почетный смотритель Старобѣльскаго городского училища *Поповичъ*—съ 5-го октября 1908 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ, *коллежскаго ассесора*: учителя гимназій: Таганрогской, *Дробязко*—съ 31-го октября 1903 г., женскихъ: Харьковской Л. М. Черняковской, *Голубниченко*, Сумской 1-й, *Измайловъ*, оба—съ 23-го сентября 1903 г. и *Семейкинъ*—съ 12-го сентября 1903 г., Козловской, *Маловъ*—съ 5-го января 1904 г., Изюмскаго реальнаго училища, *Жадановскій*—съ 18-го декабря 1902 г. и преподаватель Ростовскаго-на-Дону средняго техническаго училища, *Ильинскій*—съ 29-го апрѣля 1904 г.; *титулярнаго совѣтника*: Императорскаго Харьковскаго университета: сверхштатный ассистентъ *Бойковъ*—съ 27-го декабря 1901 г. и сверхштатный ординаторъ *Стоклицкій* (бывшій, нынѣ въ отставкѣ)—съ 24-го февраля 1903 г. и врачъ Суджанской женской гимназіи *Побѣдимскій*—съ 15-го января 1902 г., всѣ трое по степени лекаря; *коллежскаго секретаря*: помощники классныхъ наставниковъ: Острогожской гимназіи, *Шапошниковъ*—съ 1-го мая 1903 г., Бобровской прогимназіи, *Долгополовъ*—съ 1-го апрѣля 1904 г., реальныхъ училищъ: Харьковскаго 1-го, *Вильгальмъ*—съ 9-го января 1904 г. и Пензенскаго, *Симаковъ*—съ 20-го февраля 1904 г.; учителя городскихъ училищъ: Усманскаго, *Грибовъ*—съ 1-го іюля 1902 г., Краснослободскаго, *Дудоладовъ*—съ 1-го іюля 1903 г. и Ростовскаго-на-Дону, *Веричевъ* (сверхштатный)—съ 6-го сентября 1896 г.; *коллежскаго регистратора*: учитель графическихъ искусствъ 2-го Донского городского училища *Грибковъ*—съ 28-го апрѣля 1889 г. и помощникъ учителя Рыльскаго городского училища *Юдинковъ*—съ 19-го октября 1902 г.

(18-го октября 1908 года, № 70). По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*, учитель Нижегородской 2-й женской гимназіи *Парійскій* — съ 3-го декабря 1907 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: завѣдывающій 2-мъ студенческимъ общежитіемъ Имени Императора Николая II при Императорскомъ Московскомъ университетѣ *Числовъ* — съ 22-го марта 1907 г.; инспекторъ народныхъ училищъ Московской губерніи *Романовскій* — съ 28-го августа 1907 г.; лаборанты Императорскаго Московскаго университета: *Кусковъ* — съ 9-го іюля 1907 г. и *Сушкинъ* — съ 14-го октября 1907 г., учителя Нижегородской 2-й женской гимназіи: *Крыловъ* — съ 16-го сентября 1905 г. и *Шапошниковъ* — съ 16-го января 1906 г., преподаватели гимназій: Рыбинской мужской, *Лебедевъ* — съ 1-го мая 1908 г., Нижегородской 2-й женской, *Торсуевъ* — съ 25-го ноября 1906 г., Нижегородской, *Алексѣевъ* — съ 20-го февраля 1908 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета *Ивановъ*—съ 16-го марта 1907 г., инспекторъ Павловскаго ремесленнаго училища *Юлефовичъ* — съ 23-го января 1905 г., преподаватели: Московской 5-й гимназіи: *Филатовъ*— съ 17-го сентября 1907 г., *Гугунава* — съ 5-го сентября 1907 г., частной женской гимназіи Алферовой, *Теръ-Григоріанцъ*—со 2-го августа 1906 г., Карачевской прогимназіи, *Поповъ* — со 2-го августа 1907 г., учитель Клинскаго городского училища *Марковъ* —съ 1-го іюля 1904 г., врачъ Басманнаго городского училища въ гор. Москвѣ *Поповъ* — съ 1-го января 1907 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: ассистенты Императорскаго Московскаго университета: *Молчановъ* — съ 4-го марта 1904 г. и *Рахмановъ* — съ 15-го іюня 1906 г., лаборанты Императорскаго Московскаго университета: *Дейнега* — съ 7-го іюля 1906 г., *Маркеловъ* — съ 26-го января 1904 г., *Джаваховъ* — съ 23-го сентября 1906 г., помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета *Синюшинъ* — съ 15-го декабря 1901 г., архитекторъ Московскаго учебнаго округа *Никитинъ* — съ 1-го января 1905 г., врачи: частной женской гимназіи Н. Е. Шписсъ, *Шишкинъ*— съ 14-го октября 1897 г., Московскаго городского ремесленнаго училища имени Григорія Шелапутина, *Быковскій* — съ 3-го ноября 1906 г., хранитель кабинета практической механики при Императорскомъ Московскомъ университетѣ *Есиповъ* — съ 3-го мая 1907 г.; исправляющій должность учителя-инспектора Московскаго старообрядческаго училища *Жеребцовъ* — съ 29-го августа 1904 г.; помощникъ классныхъ настав-

никовъ Нижегородской гимназіи *Красотскій* — съ 4-го декабря 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: ассистенты Императорскаго Московскаго университета: *Пэркъ* — съ 19-го февраля 1907 г., *Иловайскій* — съ 17-го апрѣля 1907 г.; лаборанты Императорскаго Московскаго университета: *Вильборнъ* — съ 26-го февраля 1907 г., *Челинцевъ* — съ 29-го ноября 1906 г., *Прозинъ* — съ 25-го ноября 1906 г., *Гопіусъ* — съ 24-го сентября 1906 г., *Усовъ* — съ 8-го іюля 1907 г.; помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя *Матиринъ* — съ 1-го сентября 1902 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Рыбинской гимназіи *Островскій* — съ 1-го октября 1906 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: помощникъ учителя Троице-Сергіевскаго городского училища, Московской губерніи *Бѣляниновъ* — съ 24-го октября 1904 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, Вязниковскаго низшаго техническаго училища имени Базанова, *Орловскій* — съ 29-го сентября 1905 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассесора*: преподаватели Нижегородской гимназіи: *Раевскій* — съ 18-го августа 1903 г., *Работновъ* — съ 16-го сентября 1903 г., *Кабановъ* — съ 20-го октября 1903 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ: Клинскаго, *Виталь* — съ 7-го октября 1903 г. и Можайскаго, *Корзуновъ* — съ 1-го февраля 1904 г.; *коллежскаго регистратора*, учитель рисованія Тверского казеннаго начальнаго училища гор. Москвы *Крюковъ* — съ 3-го марта 1903 г.

По Кавказскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторъ Бакинскаго реальнаго училища *Закаменный* — съ 1-го августа 1907 г.; учителя: Владикавказскаго реальнаго училища, *Градовскій* — съ 31-го января 1908 г., Екатеринодарской городской мужской гимназіи, *Галакъ* — съ 24-го августа 1907 г., Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи: *Варшамовъ* — съ 13-го сентября 1907 г. и *Пелсховичъ* — со 2-го октября 1896 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: учителя: Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи, *Емельяновъ* — съ 27-го апрѣля 1907 г., Тифлисской 2-й мужской гимназіи, *Сокольскій* — съ 1-го августа 1907 г., Тифлисскаго реальнаго училища, *Лапинскій* — съ 25-го октября 1907 г., Ставропольскихъ, Ольгинской и св. Александры женскихъ гимназій, *Заржицкій* — со 2-го іюля 1906 г., Ставропольской Ольгинской женской гимназіи, *Марковъ* — съ 22-го апрѣля 1906 г., Кутаисскаго реальнаго училища *Астаповъ* — съ 11-го декабря 1905 г.; изъ коллеж-

скихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учителя: Елисаветпольской мужской гимназіи: *Колято* — съ 20-го іюня 1907 г., *Лясоцкій* — съ 1-го іюля 1907 г. и *Бударинъ* — съ 14-го октября 1907 г., Ставропольскихъ, Ольгинской и св. Александры женскихъ гимназій, *Казаровъ* — съ 15-го августа 1905 г., Кубанской учительской семинаріи, *Жировъ* — съ 1-го августа 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринодарской городской мужской гимназіи *Бстафуро* — съ 15-го января 1907 г.; учителя: Екатеринодарской городской мужской гимназіи, *Кроновичъ* — съ 1-го сентября 1906 г., Шушинскаго реальнаго училища, *Рождественскій* — съ 20-го іюня 1906 г., Тифлисской 2-й мужской гимназіи: *Мелющенковъ* — съ 1-го октября 1905 г., *Смирновъ* — съ 20-го іюня 1906 г. и Тифлисской 3-й мужской гимназіи, Борисъ *Васильевъ* — съ 30-го августа 1906 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель Тифлисской 3-й мужской гимназіи *Беръ* — съ 1-го апрѣля 1904 г.; бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ Тифлисской 3-й мужской гимназіи (нынѣ въ отставкѣ) *Карашевичъ* — съ 16-го сентября 1904 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища *Волошинъ* — съ 28-го декабря 1907 г.; учитель приготовительнаго класса Кутаисской мужской гимназіи *Цулукидзе* — съ 1-го іюля 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ той же гимназіи *Шарабидзе* — съ 7-го ноября 1907 г.; наставникъ-учитель Эриванской учительской семинаріи *Гингардъ* — съ 22-го февраля 1907 г.; врачъ Дербентскаго реальнаго училища *Аствацатуровъ* — съ 1-го октября 1905 г.; учителя Новороссійскаго четырехкласснаго городского училища: *Пащенко* — съ 1-го апрѣля 1907 г. и *Соколовскій* — съ 15-го августа 1907 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учитель приготовительнаго класса Армавирской мужской гимназіи *Гинеевскій* — съ 21-го октября 1903 г.; смотритель Сочинскаго двухкласснаго нормальнаго училища *Водяга* — съ 13-го сентября 1905 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Елисаветпольской мужской гимназіи *Канделаки* — съ 1-го октября 1906 г.; изъ губернскихъ въ *коллежскіе секретари*: письмоводитель Темиръ-ханъ-шуринскаго реальнаго училища *Рудановскій* — съ 24-го января 1908 г.; смотритель Туапсинскаго двухкласснаго нормальнаго училища *Селезневъ* — съ 1-го сентября 1906 г.; въ *коллежскіе регистраторы*: исправляющій должность дѣлопроизводителя канцеляріи инспектора народныхъ училищъ Черноморской губерніи *Бѣловъ* — съ 1-го августа 1907 г.; письмоводитель Бакинскаго реальнаго училища *Кабановъ* — съ 5-го октября 1906 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Екатеринодарской городской мужской гимназіи, *Остроумовъ* — съ 17-го іюня 1903 г., Владикавказской Ольгинской женской гимназіи, *Михайловъ* — съ 25-го августа 1903 г., Тифлисской мужской прогимназіи, *Бернштейнъ* — съ 9-го сентября 1903 г., Елисаветпольскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины, *Фуксъ* — съ 16-го января 1904 г., Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища: *Реслеръ* — съ 15-го января 1904 г. и *Цернаскъ* — съ 16-го іюля 1903 г., Тифлисской 3-й мужской гимназіи, Всеволодъ *Васильевъ* — съ 20-го августа 1903 г.; *коллежскаго секретаря*: бывшій помощникъ классныхъ наставниковъ, нынѣ учитель приготовительнаго класса Бакинской Императора Александра III мужской гимназіи *Шпаковскій* — съ 1-го сентября 1900 г.; учитель Новороссійскаго городского четырехкласснаго училища *Бережновъ*—съ 1-го іюля 1902 г.

Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ, *Лапинскій*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ систематическаго и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ; егермейстеръ Высочайшаго Двора графъ *Браницкій*—вновь почетнымъ попечителемъ Бѣлоцерковской гимназіи, на три года, съ оставленіемъ его егермейстеромъ; преподаватель Кіевскаго политехническаго института Императора Александра II, приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ *Бѣлянкинъ* — адъюнктъ-профессоромъ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, по механикѣ.

Утверждаются, согласно избранію: гофмейстеръ Высочайшаго Двора *Бразоль*, коллежскій совѣтникъ *Пуришкевичъ* и купецъ *Калугинъ*—почетными попечителями: Бразоль—Полтавской второй гимназіи, съ оставленіемъ его гофмейстеромъ, Пуришкевичъ—вновь Аккерманской гимназіи, съ 7-го сентября, а Калугинъ—Роменскаго реальнаго училища, съ 1-го января, всѣ на три года.

Перемѣщаются: директоръ народныхъ училищъ Тамбовской губерніи, статскій совѣтникъ *Поповъ*—директоромъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи; директоръ Поневѣжскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Шешуковъ*—директоромъ Могилевскаго Александровскаго реальнаго училища.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ русской

исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Филевичъ*, за выслугою срока, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; директоръ Сувалкской гимназіи, статскій совѣтникъ *Делленъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ.

(25-го октября 1908 года, № 72). *Назначаются*: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, замѣститель члена отъ министерства въ общемъ и особыхъ присутствіяхъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Анцыферовъ*—директоромъ департамента народнаго просвѣщенія; исправляющій должность профессора Восточнаго института въ гор. Владивостокѣ, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ университетѣ съ дипломомъ 1-й степени *Кюнеръ*—инспекторомъ того же института съ 1-го іюля.

Утверждается, согласно избранію, награжденный чиномъ статскаго совѣтника на основаніи ст. 292 уст. служб. прав., изд. 1906 г., *Коноваловъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Кинешемскаго реальнаго училища имени Н. А. Коновалова, на три года, со 2-го апрѣля.

Увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ *Андріяновъ*, съ мундиромъ означенной должности присвоеннымъ.

Уволеннаго отъ службы съ 1-го ноября 1907 г., за избраніемъ въ члены государственной думы, исправлявшаго должность экстраординарнаго профессора Томскаго технологическаго института Императора Николая II, инженера путей сообщенія, надворнаго совѣтника *Некрасова* — считать уволеннымъ отъ службы съ 5-го декабря 1907 г.

Умершіе исключаются изъ списковъ: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, врачъ-консультантъ при Московскихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Крюковъ*, съ 6-го октября; директоръ Курскаго дворянскаго пансіона-пріюта Императора Александра II, статскій совѣтникъ *Борщовъ*, съ 6-го іюля.

(1-го ноября 1908 г., № 73). *Назначаются*: директоръ ревельской гимназіи Императора Николая I, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Буковицкій*—окружнымъ инспекторомъ Рижскаго учебнаго округа; директоры: Либавской Николаевской гимназіи, статскій совѣтникъ *Патиловъ* и Новоторжской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ *Дроздовъ*—директорами: первый—Рижскаго частнаго реальнаго училища

А. Ю. Миллера, а второй—Ярославскаго учительскаго института; окружной инспекторъ Рижскаго учебнаго округа, коллежскій совѣтникъ *Ѳоминъ*, преподаватели, исполняющіе обязанности инспекторовъ: Варшавской шестой гимназіи, статскій совѣтникъ *Скворцовъ* и частныхъ гимназіи и реальнаго училища Видемана; въ С.-Петербургѣ, коллежскій совѣтникъ *Брюхатовъ* и заслуженный преподаватель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II и воспитатель состоящаго при немъ пансіона, статскій совѣтникъ *Голланъ*—директорами гимназій: первый—Либавской Николаевской, второй—Люблинской, третій—Ревельской Александровской и послѣдній—Ревельской Императора Николая I; инспекторъ народныхъ училищъ седьмого участка Московской губерніи, коллежскій совѣтникъ *Булатовъ*—директоромъ Алферовской учительской семинаріи.

Утверждаются, согласно избранію: статскій совѣтникъ *Мироновъ* и отставной штабсъ-капитанъ *Горичъ*—почетными попечителями: первый—Вяземской Императора Александра III, смоленскаго земства, гимназіи, а второй, Херсонскаго реальнаго училища, оба на три года, съ 28-го октября.

Перемѣщаются: помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Флеровъ*—помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа; директоръ Алферовской учительской семинаріи, коллежскій совѣтникъ *Лебедевъ*—директоромъ Новоторжской учительской семинаріи.

Увольняются отъ службы, согласно прошенію, директоръ Рижскаго частнаго реальнаго училища А. Ю. Миллера, надворный совѣтникъ *Вестбергъ*, съ мундиромъ, означенной должности присвоеннымъ; согласно прошенію, по болѣзни, директоръ Пултуской гимназіи, статскій совѣтникъ *Славинъ*.

Умершій исключается изъ списковъ, почетный попечитель Павловскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ *Одинцовъ*, съ 30-го августа.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Гешель, К.* Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Изд. 2-е. Рига. 1904. Стр. VIII + 116. Цѣна 40 коп.“

— „*Киселевъ, А.* Систематическій курсъ ариеметики. Изд. 20-е, В. В. Думнова. М. 1909. Стр. VI + 252. Цѣна 75 коп.“

— „*Киселевъ, А.* Элементарная геометрія. Изд. 17-е, В. В. Думнова. М. 1908. Стр. XI + 317. Цѣна 1 р. 10 коп.“

— „*Нечаевъ, А. В.* Учебникъ минералогіи и геологіи. 2-е испр. и доп. изд., Пироговскаго т-ва. Кіевъ. 1908. Стр. XII + 202. Цѣна 90 коп.“

— „*Тихомировъ, Е. Н.* Учебникъ ариеметики. 7-е изд., В. В. Думнова. М. 1908. Стр. VIII + 240. Цѣна 75 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Горацій.* Избранныя стихотворенія. Выпускъ I. Оды и эподы. Объяснилъ *О. А. Шеборъ.* (Илл. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изд. 4-е, испр. С.-Пб. 1908. Часть I: Текстъ. Стр. 48.—Часть II: Комментарій. Стр. 160. Цѣна за обѣ части 80 коп.“

— „*Мининъ, В. П.* Сборникъ геометрическихъ задачъ. Изд. 12-е, В. В. Думнова. М. 1909. Стр. IV + 262. Цѣна 90 коп.“

— „*Миттельштейнеръ, Э.* Второй годъ изученія нѣмецкаго языка по наглядному и натуральному методу. Курсъ 2-го класса. 4-е изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 159. Цѣна 1 р.“

— „*Нечаевъ, А. В.* Руководство къ практическимъ занятіямъ по кристаллографіи и минералогіи (склеиваніе кристаллографическихъ моделей, опредѣленіе минераловъ). Изд. Пироговскаго т-ва. Кіевъ. 1908. Стр. 32 + 12 табл. Цѣна 50 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Osterloff, Waldemar.* Lehrgang der deutschen Sprache. Kursus II. Stufe III. Verlag von L. Fischer. Warschau u. Lodz. 1908. 153 S. Preis geb. 90 Kop.“

— „*Цезарь, Гай Юлій.* Записки о Галльской войнѣ въ избран-

ныхъ отрывкахъ. (Войны въ Галліи, Германіи и Британніи). Обработалъ *Михаилъ Ростовцевъ*. (Илл. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изд. 5-е. С.-Пб. 1908. Часть I: Текстъ. Стр. 151+3 карты.—Часть II: Комментарій. Стр. 60+28. Цѣна за обѣ части 1 р."

— „*Цезарь, Гай Юлій*. Записки о Галльской войнѣ. Книга I. Объяснилъ *Сергѣй Манштейнъ*. (Илл. собраніе греч. и римск. классиковъ, подъ ред. *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*). Изд. 8-е. С.-Пб. 1908. Часть I: Текстъ. Стр. 36+3 карты.—Часть II: Комментарій. Стр. 83. Цѣна за обѣ части 60 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующую книгу:

въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Казаровъ, А*. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Владикавказъ. 1908. Стр. 121+II. Цѣна 85 коп." (съ тѣмъ, чтобы нынѣ же была понижена цѣна книжки до 60 коп., и чтобы въ слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

3. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „День женщины въ разныя историческія эпохи. Собраніе этюдовъ лучшихъ французскихъ писателей въ переводахъ *П. Башилова*. Новгородъ. 1908. Стр. 153. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „*Кюльпе, Освальдъ*. Введеніе въ философію. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изд. подъ ред. *С. Л. Франка*. 2-е, доп. и испр. изд., О. Н. Поповой. С.-Пб. 1908. Стр. VIII+353. Цѣна 1 р. 25 коп."

— *Липпсъ, Теодоръ*. Руководство къ психологіи. Перев. съ нѣм. *М. А. Лихарева*. Издат-во О. Н. Поповой. С.-Пб. 1907. Стр. 394+IV. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „*Ремке, I*. Очеркъ исторіи философіи. Переводъ съ нѣм. *Н. О. Лосскаго*. 2-е изд., О. Н. Поповой. (Образовательная библіотека. Серія VII, № 6—7). С.-Пб. 1907. Стр. 300. Цѣна 1 р."

— „*Чарская, Л. А*. Сказки голубой феи. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. Стр. 182+II. Цѣна 1 р., въ перепл. 1 р. 75 коп."

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Беллярминовъ, И.* Элементарный курсъ всеобщей и русской исторіи. Изд. 36-е. С.-Пб. 1908. Стр. 365+1 карта. Цѣна 1 р.“ (для городск., по Полож. 1872 г., учил.).

— „*Ванъ-Дейкъ, І.* Какъ научиться рисовать? Изд. К. Я. Магалифъ. С.-Пб. Серія III. Вып. 11—15. Въ каждомъ выпускѣ по 16 стр. Цѣна каждаго выпуска 15 коп.“

— „*Вахтеровы, В.* и *Э.* Міръ въ разсказахъ для дѣтей. 1-я послѣ букваря книга для класснаго чтенія. (Для инородцевъ). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. Стр. 189+III. Цѣна 30 коп.“

— „*Воскресенскій, М.* Наставленіе въ Законѣ Божіемъ. Часть 2-я. Объясненіе символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей. Ученіе о богослуженіи. Изд. 3-е, испр. С.-Пб. 1907. Стр. 63. Цѣна 8 коп.“

— „*Григоревскій, М.* Сокращенная русская грамматика. Этимологія и синтаксисъ. Изд. 3-е, испр. и пополн. С.-Пб. 1908. Стр. VIII+117+II. Цѣна 55 коп.“ (для городск., по Полож. 1872 г., учил.).

— „*Карасевъ, А.* Русская пѣсенная хрестоматія въ связи съ курсомъ сольфеджій. Вып. II. М. Стр. 49. Цѣна 40 коп.“ (для городск., по Полож. 1872 г., учил., а также для низшихъ класс. ср. уч. зав.).

— „*Карасевъ, А.* Русская пѣсенная хрестоматія (книга для класснаго чтенія) въ связи съ курсомъ сольфеджій. Вып. III. М. Стр. 127. Цѣна 1 р.“ (для учительск. семинарій, а также для педагогич. классовъ женск. гимн.).

— „*Крестовъ, В. К.* Тетрадь-пропись для первоначальнаго обученія письму. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. № 1. Стр. 24.—№ 2. Стр. 24. Цѣна каждой тетради 5 коп.“

— „*Шоринъ, М. И.* Стѣнной букварь. Классное пособіе къ „Рус-

скому букварю" В. П. Вахтерова. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1906. Таблицы I—X. Съ приложеніемъ „Объяснительной записки" (стр. 19). Цѣна 1 р. 50 коп."

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Тростниковъ, М. А.* I. Введеніе въ методику русскаго литературнаго языка. II. Методика чтенія. Юрьевъ. 1908. Стр. V+105. Цѣна 40 коп."

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „Гапрохимъ, т. е. Цвѣты. Еженедѣльный журналъ. Редакторъ-издатель *И. Левнеръ.* Цѣна въ годъ 5 руб." (для еврейск. учил., по предварительной подпискѣ).

— „*д'Ивуа, Поль.* Вокругъ свѣта съ гривенникомъ въ карманѣ. Книгоизд-во П. П. Сойкина. С.-Пб. Стр. 396. Цѣна 1 р. 50 коп." (для городск., по Полож. 1872 г., учил.).

— „*Круковскій, М. А.* Буланко. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 10. Цѣна 4 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Въ снѣгахъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 20. Цѣна 7 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Въ туманѣ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 9. Цѣна 4 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Зябликъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 70. Цѣна 20 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Костикъ и Игрушка. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 56. Цѣна 17 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Маленькіе люди. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 36. Цѣна 12 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Маленькіе люди. Разсказы и сказки. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 374. Цѣна 2 р. 25 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Маленькій герой. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 11. Цѣна 5 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Приключенія Сеньки. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 18. Цѣна 6 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Ружье. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 10. Цѣна 4 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Рыжикъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 21. Цѣна 8 коп.“

— „*Круковскій, М. А.* Стрижъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 16. Цѣна 6 коп.“

— „*Плетеневъ, И.* Какъ научиться рѣшать задачи. Цѣлыя числа. 2-е доп. изд., М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1908. Стр. 118. Цѣна 65 коп.“ (для городск., по Полож. 1872 г., учил.).

— „*Поповъ, Г.* Побесѣдуемъ. Народн. изд. А. А. Х—ва. С.-Пб. 1908. I. Что такое образованность. — Пора взяться за умъ. — Чистота. — Умѣнье себя держать. Стр. 31. Цѣна 3 коп. — II. Какъ устроенъ человѣкъ. Стр. 60 + 6 табл. Цѣна 7 коп. — III. Отчего происходятъ болѣзни и смерть. Стр. 59+1 табл. Цѣна 5 коп.“

— „*Реморовъ, Н.* Божій человѣкъ. (Изъ воспоминаній дѣтства). Изд. кн. маг. „Вѣра и знаніе“. С.-Пб. 1909. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“

— „*Рогова, О. И.* Хлѣбъ. Какъ онъ растетъ и его обработка. Разсказъ для дѣтей. Изд. А. Д. Ступина. М. 1908. Стр. 62+II. Цѣна 30 коп.“

— „*Соколова, М. М.* Бесѣды съ дѣтьми о животныхъ. 2-е изд. С.-Пб. 1906. Стр. VII+214. Цѣна 75 коп.“

— „*Соколова, М. М.* Земля и ея обитатели. Первое знакомство съ географіею всеобщею и русскою. Изд. 2-е. С.-Пб. 1908. Стр. XIV+342+3 карты. Цѣна 1 р.“

— „*Сѣверцевъ-Полиловъ, Г. Т.* Пойга. Исторія финскаго мальчика на Валаамѣ. Разсказъ для дѣтей. Изд. В. Д. Карчагина. М. 1908. Стр. 53. Цѣна 25 коп.“

— „*Тулуповъ, Н. В., и П. М. Шестаковъ.* Библіотека новой школы. Книжки для чтенія на первомъ году обученія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. № 5. Про плутовку лису. Стр. 32. — № 7. Гуси-лебеди. Стр. 32. — № 8. Аленушка. Стр. 32. — № 9. Страшная коза. Стр. 32. — № 10. Колобокъ. Стр. 32. — № 11. Воробушекъ. Стр. 32. — № 12. Про котятъ и зайцевъ. Стр. 32. — № 13. Дѣти въ деревнѣ. Стр. 32. — № 14. Дѣти въ городѣ. Стр. 32. — № 15. Медвѣди. Стр. 32. — № 16. Семилѣтка. Стр. 32. — Книжки для чтенія на второмъ году обученія. I. Весна-красна. Стр. 32. — II. Весенніе гости. Стр. 32. Цѣна каждой книжки 3 коп.“

— „*Тургеневъ, И. С.* для дѣтей. Подъ ред. *Нестора Котляревскаго*. Изд. И. Глазунова. С.-Пб. 1908. Стр. XXIII + 298. Цѣна 90 коп.“

2. Допустить *условно* слѣдующія книги (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ ихъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета):

къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Пановъ, В. Н.,* и *Н. И. Соколовъ.* Букварь „Охота пуще неволи". 2-е изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1909. Стр. 72. Цѣна 20 коп."

— „*Пястеневъ, П.* Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. Курсъ III и IV года обученія. 9-е изд., М. М. Гутзаца. С.-Пб. 1908. Стр. 99. Цѣна 50 коп." (для городск., по Полож. 1872 г., учил.).

Опредѣленіемъ отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „*Полторацкая, Э. С.* Русскій историческій календарь на 1909 г. Изд. Отто Кирхнеръ. С.-Пб. Стр. 365. Цѣна 1 р."—допустить къ пріобрѣтенію въ низшія учебныя заведенія.

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Васильевъ, В. Н.* Библіотечное дѣло. Руководство для устройства и содержанія въ порядкѣ общественныхъ, земскихъ, школьныхъ и частныхъ библіотекъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. Стр. III+65+1. Цѣна 75 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Буланко. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 10. Цѣна 4 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Въ снѣгахъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 20. Цѣна 7 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Въ туманѣ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 9. Цѣна 4 коп".

— „*Круковскій, М. А.* Зябликъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 70. Цѣна 20 коп."

— „*Круковскій,* М. *А.* Маленькіе люди. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. *М.* 1908. Стр. 36. Цѣна 12 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Маленькій герой. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 11. Цѣна 5 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Костикъ и Игрушка. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 56. Цѣна 17 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Приключенія Сеньки. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 18. Цѣна 6 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Ружье. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 10. Цѣна 4 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Рыжикъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 21. Цѣна 8 коп."

— „*Круковскій, М. А.* Стрижъ. Разсказъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1908. Стр. 16. Цѣна 6 коп."

— „*Мордовцевъ, Д. Л.* Восхожденіе на гору „Араратъ". Наблюденія и путевыя впечатлѣнія. Изд. 2-е, И. П. Перевозникова. С.-Пб. 1908. Стр. 157. Цѣна 75 коп."

— „*Поповъ, Г.* Побесѣдуемъ. Народн. изд. А. А. Х-ва. С.-Пб. 1908. I. Что такое образованность.—Пора взяться за умъ.—Чистота.—Умѣнье себя держать. Стр. 31. Цѣна 3 коп.—II. Какъ устроенъ человѣкъ. Стр. 60+6 табл. Цѣна 7 коп.—III. Отчего происходятъ болѣзни и смерть. Стр. 59+1 табл. Цѣна 5 коп."

— „*Ремке, I.* Очеркъ исторіи философіи. Переводъ съ нѣм. *Н. О. Лосскаго.* 2-е изд., О. Н. Поповой. (Образоват. библіот. Серія VII, № 6—7). С.-Пб. 1907. Стр. 300. Цѣна 1 руб."

ОТЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Согласно мнѣнію ученаго комитета, утвержденному министерствомъ, книга подъ заглавіемъ: „*Шапошниковъ.* Учебникъ алгебры. Ч. II, изд. 7-ое. М. 1908." — признана не подлежащей допущенію къ употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

КУЛЬТОВОЕ ПЬЯНСТВО И ДРЕВНѢЙШІЙ АЛКОГОЛЬНЫЙ НАПИТОКЪ ЧЕЛОВѢЧЕСТВА.

I.

Относительно распространенныхъ въ настоящее время алкогольныхъ напитковъ можно съ увѣренностью сказать, что они сравнительно недавняго происхожденія, а между тѣмъ состояніе опьянѣнія извѣстно всѣмъ некультурнымъ племенамъ, и это знакомство съ алкоголемъ началось отнюдь не послѣ столкновенія ихъ съ европейцами, а восходитъ къ какому-то общему явленію первобытнаго человѣчества. Невольно возникаетъ вопросъ объ открытіи алкоголя, теоретическій взглядъ на который еще былъ предметомъ споровъ Либиха съ Пастеромъ. Въ чемъ же состояло это практическое начало, тысячелѣтіями опередившее научную теорію?

Сильно опьяняющіе напитки, какъ водка, коньякъ и ликеры, должно считать самыми новыми открытіями, такъ какъ большой процентъ содержимости алкоголя достигается только путемъ перегонки глюкозы, при чемъ спиртъ отдѣляется отъ флегмы. Но химическій пріемъ перегонки сталъ употребляться только со временъ алхимиковъ, а некультурнымъ народамъ онъ вовсе не былъ извѣстенъ. Поэтому можно вполнѣ согласиться со Шрадеромъ [1]), относящимъ появленіе водки къ XV столѣтію.

Древнѣе добываніе опьяняющаго напитка изъ винограднаго сока. Литературныя данныя указываютъ на то, что виноградарство было занесено изъ Азіи въ Европу. Этотъ вопросъ затрагивается уже въ Книгѣ Бытія, и съ ея легкой руки потомъ позднѣйшее еврейское преданіе говорило о переселеніи Ноя на западъ, въ частности въ Италію. Въ связи съ этимъ еще въ XVI столѣтіи ставили еврейское

---

[1]) *Schrader*, Sprachvergleichung und Urgeschichte, 3 изд., 1907 г., т. II, стр. 252.

происхожденіе итальянскаго языка [1]). Съ другой стороны въ греческомъ культѣ Діониса устанавливается двойственность: во-первыхъ, онъ богъ весны, стремящійся къ освобожденію отъ оковъ зимы и въ концѣ концовъ прорывающійся на волю, какъ это подтверждается многими миѳами, Διόνυσος ἐλεύθερος и λύσιος, покровитель растительности вообще—δενδρίτης, олицетвореніе плодородія въ образѣ быка—ταυρόμορφος; во-вторыхъ, онъ спеціальный богъ вина, самъ въ разныхъ мѣстахъ садящій виноградную лозу или ударомъ своего тирса вызывающій вино изъ почвы и изъ скалъ; его сопровождаютъ вѣчно пьяные менады и силены, всюду, гдѣ онъ является, царитъ оргія—τύρβη и κόρδαξ. Не трудно въ этихъ двухъ слояхъ отличить наносный элементъ: общеземледѣльческій богъ весны получилъ новый оттѣнокъ, когда виноградарство изъ Азіи распространилось по греческимъ островамъ, а затѣмъ и по остальной Элладѣ. Зарожденіе новаго типа Діониса наблюдается въ Малой Азіи, гдѣ его культъ слился съ фригійско-лидійскимъ культомъ Кибелы, о связи съ которымъ свидѣтельствуютъ малоазійскіе звѣри—пантеры и леопарды, встрѣчаемые въ свитѣ Діониса. Этотъ лидійскій Діонисъ проникаетъ также въ Персію вплоть до Индіи, въ Аравію и въ Сирію, такъ что Преллеръ находитъ возможнымъ сравнить его тріумфальное шествіе съ походами Александра Македонскаго [2]).

Въ вопросѣ о началѣ виноградарства лингвистика насъ покидаетъ на полпути: семитское wain и армянское voino, очевидно, тотъ же корень, какъ и въ греческомъ Ϝοῖνος, который проходитъ по всѣмъ индоевропейскимъ языкамъ, но мы не въ состояніи рѣшить, имѣется ли тутъ заимствованіе или общее родство [3]). Тѣмъ не менѣе Генъ [4]) считаетъ первичной родиной винограднаго вина Кавказъ, гдѣ изобрѣтателями его являются семиты. Благодаря семитскимъ, въ частности финикійскимъ колоніямъ вино и виноградарство потомъ распространяется по прибрежнымъ странамъ Средиземнаго моря, а отсюда по Франціи и Германіи. Послѣ нашествія арабовъ, которые согласно завѣтамъ корана враждебно смотрѣли на пьянство вообще, бывшее нѣкогда въ большомъ цвѣту виноградарство въ Сиріи и Палестинѣ пришло въ упадокъ. Что касается новыхъ завоеваній виноградарства, то они весьма незначительны: Мадера и Канарскіе острова принад-

[1]) *Grünbaum*, Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde, 1893 г., стр. 87—9.

[2]) *Preller*, Griechische Mythologie, 2 изд., 1860 г., I т., стр. 519—563.

[3]) *Schrader*, op. cit., II т., стр. 254—6.

[4]) *Hehn*, Kulturpflanzen und Hausthiere, 2 изд., 1874 г., стр. 67—8.

лежатъ собственно еще къ Средиземному морю, въ Америкѣ виноградъ почти нигдѣ не привился, а на южномъ полушаріи климатъ одной Капской колоніи оказался благопріятнымъ для винограда. Итакъ, мы видимъ, что виноградарство ограничивается очень небольшимъ культурнымъ раіономъ [1]).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ виноградарство пустило глубокіе корни, оно вытѣснило болѣе древній напитокъ. Египтяне съ незапамятныхъ временъ готовили себѣ одурманивающій напитокъ изъ ячменя, называемый ζῦθος = zythum. Эѳіопы, кромѣ ячменя, пользовались еще просомъ. У доарійскихъ жителей Испаніи тотъ же напитокъ назывался caelia или cerea [2]), у ѳракійцевъ — βρῦτον. Даже армяне, жившіе чуть ли не на родинѣ виноградпаго вина, лакомились „ячменнымъ виномъ“ = οἶνος κρίθινος. Ксенофонтъ разсказываетъ, что ячменныя зерна еще наполняли сосудъ до края, такъ что пили черезъ соломинку. У кельтовъ подобный же первоначальный напитокъ упоминается подъ названіемъ κόρμα. Въ виду сказаннаго не подлежитъ сомнѣнію, что общепринятымъ напиткомъ по всей Европѣ до занесенія сюда винограднаго вина былъ продуктъ, приготовляемый посредствомъ броженія изъ ячменя, проса или хлѣба.

Большинство названій этого напитка еще не удалось объяснить, но самый распространенный корень указываетъ на признакъ броженія. Βρῦτον, встрѣчаемое на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, кельтское brace и славянское „брага“ несомнѣнно родственно съ древненѣмецкимъ briuwan и brôt, древнесѣвернымъ brugga (современное brauen resp. brygga), албанскимъ brum = кислое тѣсто и латинскимъ fermentum = дрожжи. Судя по этому названію, conditio sine qua non даннаго напитка считалось броженіе, въ то время, какъ матеріалу придавалось второстепенное значеніе: если обыкновенно брали ячмень, то это указываетъ лишь на распространеніе ячменной культуры [3]).

Этотъ напитокъ является прототипомъ нашего пива, для полученія котораго ему недостаетъ одного хмеля. Еще до примѣненія хмеля прибавляли ради аромата и вкуса разные растительные продукты: неразгаданное пока κόνοα, сосновые ростки, дубовую кору, багунъ (ledum palustre), тысячелиственникъ (Achillea millefolium) и горькіе корни. Съ XVI вѣка всюду вводится примѣненіе хмеля, вѣроятно,

[1]) *Hehn*, op. cit., стр. 82—3.

[2]) *Cerea*, можетъ быть, латинское осмысленіе подъ вліяніемъ ceres.

[3]) *Schrader*, op. cit., стр. 254; Hehn, op. cit., стр. 123—135.

въ виду потребности перевозить и сохранять пиво болѣе продолжительное время. Къ этому времени также относится начало торговли пивомъ [1].

Всѣ опьяняющіе напитки, которые можно было бы считать древнѣе пива, никогда не имѣли столь широкаго распространенія, чтобы можно было думать о признаніи ихъ древнѣйшимъ алкогольнымъ напиткомъ человѣчества. Правда, Генъ [2]) называетъ медъ первоначальнымъ напиткомъ = Urgetränk индоевропейцевъ, и Пиѳей, принесшій намъ первую вѣсть о сѣверной Европѣ, говоритъ о ячменномъ напиткѣ съ медомъ: σῖτος καὶ μέλι γίγνεται καὶ τὸ πόμα ἐντεῦθεν ἔχειν, но если бы медъ былъ общечеловѣческимъ напиткомъ, это предполагало бы такое повсемѣстное распространеніе пчеловодства, котораго никогда и не было. Кобылье молоко, которымъ напивались скиѳы, тоже сравнительно поздній напитокъ, такъ какъ культура кухонныхъ отбросовъ и свайныхъ построекъ не знаетъ лошади, какъ домашняго животнаго.

Итакъ, древнѣйшій одурманивающій напитокъ приготовлялся изъ растительнаго продукта, при чемъ выборъ самаго продукта подвергался измѣненіямъ: въ культурное время колебались въ Европѣ между ячменемъ, просомъ и хлѣбомъ, внѣ Европы между рисомъ, маисомъ, пальмовыми листьями и проч., въ докультурное время, думаю, допускалось любое, находившееся подъ рукой растеніе, лишь бы оно было не противнаго вкуса и не вредное по опыту. Человѣкъ очень рано открылъ тайну приготовленія алкоголя, которая кроется не въ выборѣ того или другого продукта, а въ процессѣ броженія. Такъ какъ алкоголь образуется при броженіи сахаристыхъ веществъ, то достаточно осахарить при помощи какого-нибудь діастаза крахмалъ, содержимый въ растеніяхъ, и дать ему время придти въ броженіе, чтобы получить опьяняющій напитокъ. Все это такъ просто, какъ $2 \times 2 = 4$, — для современнаго химика, но какъ на эту махинацію набрелъ первобытный человѣкъ, ничего не слыхавшій о крахмалѣ и діастазѣ и никогда не продѣлавшій ни одного опыта? Для выясненія тѣхъ условій, при которыхъ было сдѣлано это открытіе, необходимо перенестись къ тому времени, когда культура только еще зарождалась.

Но раньше позволю себѣ указать на два періода въ исторіи алкогольныхъ напитковъ: сперва человѣкъ относился къ нимъ съ благоговѣніемъ, вводя ихъ употребленіе въ религіозные культы, считая пьяное состояніе боговдохновленнымъ экстазомъ и приписывая делири-

---

[1]) *Hehn*, ibid., стр. 410 сл.

[2]) Ibid., стр. 134.

ческимъ рѣчамъ значеніе пророчествъ; потомъ, вѣроятно, на зарѣ исторіи: пьянство утрачиваетъ свой специфическій, культовой характеръ, напиваются не только въ праздники, но когда попало, хоть бы ежедневно, напиваются не одни жрецы, но главнымъ образомъ, люди, начинавшіе презирать старинныхъ боговъ и народные культы. Тогда же впервые стало сказываться отрицательное отношеніе къ пьянству, которое въ наше время уже приняло форму систематической борьбы съ пьянствомъ. Въ этомъ духѣ образовались ветхозавѣтныя легенды, въ родѣ, напримѣръ, той, которая ставила виноградную лозу въ связь съ древомъ познанія. На одной миніатюрѣ 1542 г. Адамъ и Ева изображены стоящими около запрещеннаго дерева, отъ котораго въ ту и другую сторону спустились виноградныя гроздья, тогда какъ змѣй обвилъ его стволъ. Такъ какъ среди богомиловъ принято было думать, что „вино и жена отъ діавола еста", то легко было дойти до отожествленія этихъ двухъ золъ: райское дерево, говорили, росло въ три ствола, часть Господня осталась въ раю, Адамова пала въ рѣку Тигръ, часть Евы вынесли изъ рая воды потопа, — это и есть виноградная лоза. Другія легенды разсказываютъ о томъ, какъ дьяволъ садилъ виноградную лозу и какъ онъ научилъ жену Ноя спаивать мужа. Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о Василіи Великомъ и Богородицѣ пьянство является смертнымъ грѣхомъ. Отсюда, вѣроятно, такія простонародныя повѣрья, что пьяницамъ уготована мука вѣчная, на опойцахъ черти возятъ воду и дрова, заманиваютъ ихъ въ болота. Къ разряду этихъ воззрѣній относятся и популярныя въ русской литературѣ „Повѣсть о высокоумномъ хмелѣ" и „Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, и какъ Горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ" [1]). Но уже въ той формѣ, въ которой Книга Бытія сохранила намъ миѳъ о Ноѣ, сказывается отрицательный взглядъ на вино. Въ древней Греціи, въ Спартѣ, заботились о внушеніи юношамъ отвращенія къ пьянству. А между тѣмъ, въ греческомъ культѣ и миѳѣ еще чувствуются отголоски перваго періода, когда пьянство считалось религіознымъ экстазомъ. Такъ Діонисъ считался первымъ покровителемъ дельфійскаго оракула, онъ же καθάρσιος = очищающій, μελπόμενος — богъ поэтическаго вдохновенія. Извѣстно также сказаніе о томъ, какъ Силенъ, когда Мидасъ споилъ его виномъ, открылъ царю тайны природы и будущность [2]).

---

[1]) Статья А. Н. Веселовскаго въ Russische Revue 1878 г.; Исторія русской литературы Галахова т. I, стр. 465—482.

[2]) *Preller*, op. cit., т. I, стр. 558 и 575.

Нецивилизованные народы не перешли еще во второй намѣченный нами періодъ, когда съ ними впервые знакомились европейскіе путешественники и, не замѣчая у нихъ повседневнаго пьянства, какъ это водится въ цивилизованныхъ странахъ, думали, что туземцы вовсе незнакомы съ алкогольнымъ напиткомъ. Въ такую же ошибку впалъ бы путешественникъ, рѣшившій, что австралійцы не ведутъ войнъ, на томъ основаніи, что они не пріобрѣли еще пушекъ Круппа. Напрасно думаетъ европеецъ, что онъ принципіальнымъ образомъ измѣнилъ условія жизни. Въ этихъ вопросахъ—пьянствѣ и войнѣ—несомнѣнно нѣтъ. Я убѣжденъ, что всѣ народы земли еще до столкновенія съ европейской цивилизаціей изобрѣли свой мѣстный алкогольный напитокъ, но черезъ европейцевъ они въ большинствѣ случаевъ подверглись систематическому спаиванію. Вотъ почему нѣкоторые путешественники пишутъ, что нецивилизованные народы не знаютъ алкоголя.

Укажу на нѣсколько примѣровъ культоваго пьянства.

Буряты три раза въ годъ справляютъ особый праздникъ жертвоприношеній—тайлганъ; изъ нихъ праздникъ наступленія весны самый большой праздникъ. Собравшись на гору, сооружаютъ жертвенникъ и вблизи его ставятъ посудины съ кислымъ молокомъ и тарасуномъ — хмельнымъ напиткомъ изъ молока. Ни одно дѣйствіе празднества не обходится безъ тарасуна; послѣ того, какъ шаманъ освятилъ его, жертвенныя животныя обливаются имъ; затѣмъ гадаютъ, бросая вверхъ чашки съ тарасуномъ,—чашка, упавшая вверхъ дномъ, значитъ несчастье, наоборотъ счастье; побѣдитель въ конскихъ скачкахъ выливаетъ немного тарасуна на гриву своего коня. Наконецъ, начинается общій пиръ, на которомъ напиваются допьяна, поютъ, кричатъ по волчьи и пр.

Эти празднества съ несущественными измѣненіями происходятъ на всемъ пространствѣ шаманской религіи, при чемъ молитвенный характеръ пира сказывается въ различныхъ подробностяхъ. Шаманы пьютъ первыми, потомъ только чаша обходитъ всѣхъ гостей. Якуты обращаются къ солнцу, когда пьютъ. На пиршество не допускаются женщины и люди съ замаранною честью. При посвященіи въ шаманы, кандидата обильно поливаютъ тарасуномъ, и насколько тѣсно связана религія съ пьянствомъ, явствуетъ изъ названія жреца, такъ какъ шаманъ (самань) означаетъ человѣка взволнованнаго, изступленнаго, скачущаго [1]).

---

[1]) *Шашковъ*, Шаманство въ Сибири, стр. 79 сл.

Окончивъ земледѣльческія работы, чуваши свершаютъ праздникъ чукленія хлѣба. Если бы кто-нибудь сталъ употреблять новый хлѣбъ и новое пиво, не совершивъ предварительно чукленія, онъ счелъ бы себя великимъ грѣшникомъ. Всѣ приготовленныя яства ставятся на большой столъ, посреди котораго горделиво красуется весьма почтенной величины кадка съ пивомъ, приготовленнымъ изъ новаго солода и хмеля. Всѣ присутствующіе обращаются къ нарочно растворяемой на этотъ случай двери и открытому волоковому окну. Старшій въ семействѣ читаетъ благодарственную за урожай хлѣба молитву, потомъ, трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, разрѣзываетъ его на кусочки и предлагаетъ всѣмъ присутствующимъ. Каждый обязанъ взять кусочекъ, одну половину его съѣсть, а другую бросить на печь. По примѣру старшаго всѣ черпаютъ изъ кадки пиво и съ ковшами въ рукахъ опять обращаются на востокъ съ тѣми же благодареніями и молитвами. Потомъ каждый, отливъ немного пива въ кадку изъ ковша, выпиваетъ остальное. Затѣмъ начинается шумная попойка, пѣсни, пляски, — и пиръ идетъ горой.

Но въ старину иначе совершалось чукленіе съ участіемъ языческаго жреца—іомси. Съ вышеописанными обрядами іомся читалъ молитвы надъ хлѣбомъ и вообще надъ снѣдями Сюльди Торѣ (Верховному Богу). Но какъ скоро доходило дѣло до молитвъ надъ пивомъ, то боговъ являлось множество. Іомся провозглашалъ благодарственныя молитвы богу верховному, матери боговъ, богу—творцу міра, богу—творцу душъ, богу солнца, богинѣ солнца, богу мѣсяца, богу, открывающемуся въ видѣніяхъ пророческихъ, богу—раздавателю счастливыхъ жребіевъ, богинѣ—раздавательницѣ счастливыхъ жребіевъ, богу грома и молніи, богу изобилія, богинѣ земли, богу благодѣяній, богу вѣтра, богинѣ вѣтра, богу водяному, лѣсному, домовому, богу домашняго скота, богу дорогъ и пр. Потомъ іомся обращался съ молитвами къ разнымъ кереметямъ, какъ-то: большой, средней, малой, серебряной, злой и пр. По возглашеніи молитвы каждому богу и каждой кереметп, іомся и всѣ присутствующіе кланялись, приговаривая: сирлагъ анбрагъ (помилуй и не оставь или спаси), а потомъ съ восклицаніемъ: смелле [1]) пили по ковшу пива. Чуваши пили въ твердой, непоколебимой увѣренности, что это пьютъ не они, но сами боги и керемети. Еще не дѣлая поклона богу, они поднимали свои ковши съ пивомъ, какъ будто подчуя кого либо, и говорили шопотомъ: она коргга ба-

[1]) Можетъ быть, сокращенное арабское: бисмиллляхъ = во имя Аллаха!

расъ (ему надо дать ковшъ пива).—Перебравши всѣхъ боговъ, богинь и всѣ кереметн, чуваши въ заключеніе обращались къ иконѣ, прилѣпивши къ ней восковую свѣчу; всѣ присутствующіе, сотворивъ крестное знаменіе, кланялись иконѣ и юмся провозглашалъ: вырысъ Тора! сирлагъ анбрагъ (русскій Богъ! спаси и помилуй), Тора Амыжъ! сирлагъ анбрагъ (Божія Матеры! спаси и помилуй), Пилюхси Тора! сирлагъ анбрагъ (Божій Ангелъ! спаси и помилуй), Тора Никола! сирлагъ анбрагъ (Богъ Николай! спаси и помилуй). За каждымъ возгласомъ слѣдовало новое пивопитіе. Къ концу церемоніи многіе изъ чувашъ уже едва держались на ногахъ. „Повторяю, это были гнусныя оргіи, въ которыхъ религіозныя дѣйствія и обряды смѣшивались съ отвратительнымъ пьянствомъ" [1]).

У языческихъ славянъ религіозные обряды тоже сопровождались пиршествами. Стоитъ только указать на чешскую „радованку", на русскую „радуницу". Въ Бѣлой Руси еще теперь ѣдятъ и пьютъ на могилахъ, а потомъ идутъ въ корчму, пьютъ тамъ и пляшутъ. При нѣкоторыхъ святилищахъ были особыя храмины, въ которыхъ пировали болѣе знатные люди. Такое назначеніе имѣли три комнаты, находившіяся при Штеттинскомъ храмѣ Триглава: въ нихъ кругомъ стояли сѣдалища и скамьи, а во время пира изъ храма брались чаши и рога для питья. Что эти пиры имѣли строго религіозный характеръ, видно изъ того, что на нихъ поминали боговъ, пили заздравные кубки (здравицы) о помощи боговъ, о будущемъ счастіи народа [2]). „У славянъ удивительное заблужденіе, разсказываетъ Гельмольдъ въ своей Славянской хроникѣ: на пиршествахъ и попойкахъ у нихъ по рукамъ ходитъ кубокъ, надъ которымъ они произносятъ не благожелательныя, а напротивъ, проклинательныя слова по адресу боговъ, какъ добраго такъ и злого, высказывая надежду, что добрый богъ будетъ руководить ихъ хорошими дѣлами, а злой богъ ихъ злыми" [3]).

У Саксона сохранилось подробное описаніе такого древне-славянскаго празднества на островѣ Рюгенѣ у кумира Святовита. Этотъ ре-

---

[1]) *Сбоевъ*, Чуваши, 1865 г., стр. 47—53.

[2]) *Срезневскій*, Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, 1846 г., стр. 96 сл.

[3]) Est autem Slavorum mirabilis error: nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt, non dicam consecrationis sed exsecrationis verba, sub nomine deorum, boni scilicet atque mali; omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes.—Helmoldi Chronica Slavorum, Lib. I, cap. LII.

лигіозный пиръ справлялся каждый годъ послѣ жатвы всѣми жителями острова. „Когда народъ соберется у вратъ храма, священникъ у кумира беретъ кубокъ и смотритъ, убавилось ли въ немъ напитка или нѣтъ; если убавилось, то онъ предсказываетъ неурожай на будущій годъ. Въ виду этого онъ совѣтуетъ беречь собранный хлѣбъ и на будущій годъ. Если же напитокъ противъ обыкновеннаго количества не сократился, то онъ предсказываетъ плодородіе и на будущее время. Въ зависимости отъ такого предзнаменованія онъ совѣтовалъ быть въ употребленіи хлѣба то скупѣе, то щедрѣе. Затѣмъ онъ выливалъ старый напитокъ къ ногамъ кумира въ видѣ жертвоприношенія и снова наполнялъ пустой кубокъ, дѣлая видъ, что пьетъ за здоровье кумира, и произнося торжественныя обѣщанія, проситъ о дарованіи себѣ и отечеству счастья, а народу богатства и побѣдъ. Подъ конецъ онъ въ одинъ духъ съ особенной быстротой осушаетъ кубокъ и, наполнивъ его вновь, кладетъ въ правую руку кумира. Въ святилищѣ приносятъ также пирогъ изъ сладкаго тѣста, круглый и такой большой, что равняется человѣческому росту. Поставивъ этотъ пирогъ посрединѣ между собой и народомъ, священникъ спрашиваетъ, всѣ ли видятъ пирогъ? Въ отвѣтъ на то, что видятъ, онъ высказываетъ желаніе, чтобы въ концѣ года ничего не осталось. Этимъ жертвоприношеніемъ онъ способствовалъ не своему счастью или счастью народа, но будущей жатвѣ. Привѣтствуя народъ отъ имени кумира, онъ увѣщевалъ его усерднѣе приносить жертвы въ честь его и въ награду за такое богомольство обѣщалъ побѣду на сушѣ и на морѣ. По совершеніи этихъ обрядовъ, остатокъ дня проводятъ въ роскошнѣйшемъ пиршествѣ, превращая жертвенный пиръ въ простую попойку и чревоугодіе, думая, что посвященныя кумиру жертвы должны служить ихъ невоздержности. Считалось богоугоднымъ напиваться пьянымъ на этомъ пиршествѣ, оставаться же трезвымъ возбранялось“ [1]).

---

[1]) Postero die, populo prae foribus excubante, detractum simulacro poculum curiosius speculatus, si quid ex inditi liquoris mensura subtractum fuisset, ad sequentis anni inopiam pertinere putabat. Quo annotato, praesentes fruges in posterum tempus asservari jubebat. Si nihil ex consvetae foecunditatis habitu deminutum vidisset, ventura agrorum ubertatis tempora praedicabat. Juxta quod auspicium instantis anni copiis nunc parcius nunc profusius utendum monebat. Veteri deinde mero ad pedes simulacri libamenti nomine defuso, vacuefactum poculum recenti imbuit; simulatoque propinandi officio statuam veneratus, tum sibi, tum patriae bona civibusque opum ac victoriarum incrementa solennium verborum nuncupatione poscebat. Qua finita admotum ori poculum nimia bibendi celeritate continuo hausu siccavit, repletumque mero simulacri dexterae restituit. Placenta quoque mulso confecta, ro-

Для германскаго племени древнесѣверная литература даетъ обильный матеріалъ для характеристики культового пьянства. Различіе его отъ обыкновенныхъ пировъ ярко сказывается въ эпизодѣ изъ царствованія Олафа Святого, который рьяно боролся за искорененіе языческихъ обрядовъ. Когда Олафъ былъ занятъ крещеніемъ Галогаланда (а крестилъ онъ огнемъ и мечомъ и грозилъ смертной казнью и конфискаціей имущества [1]) нежелавшимъ принять христіанство), ему принесли вѣсть, что въ Трондгеймѣ ко времени зимняго равноденствія бонды устроили многолюдное пиршество съ зѣло великимъ пьянствомъ. Тамъ по древнему обычаю пили всѣ памятные кубки, посвященные богамъ асамъ [2]). Кромѣ того, тутъ же убивали скотъ и лошадей, подставка кумира окроплялась кровью, совершались жертвы и произносились заклинанія, чтобы настали лучшія времена. Всѣмъ казалось естественнымъ, что жрецъ устроилъ все это, потому что галогаландцы перешли въ христіанство. Тотчасъ же Олафъ требуетъ объясненія отъ бондовъ, которые отправляютъ къ нему краснорѣчиваго и смѣлаго [3]) Эльвира. Онъ-то и увѣряетъ короля, что никакого празднества=veizlur не было, но была товарищеская бесѣда=gildi и круговое пиршество = hvirfingsdrykkjur, а у нѣкоторыхъ простое угощеніе гостей= vinabod [4]).

Любопытно, что до сихъ поръ сохранились всѣ три разновидности пьянства, о которомъ говорится въ приведенномъ разсказѣ: во-первыхъ, частное, дружеское; во-вторыхъ, коллегіально-сословное, которое отразилось въ средневѣковыхъ гильдіяхъ и въ современныхъ студенческихъ комментахъ; и въ-третьихъ, нѣмецкіе Kirchmessen=

tundae formae, granditatis vero tantae, ut pene hominis staturam aequaret, sacrificio admovebatur. Quam sacerdos sibi ac populo mediam interponens, an a Rugianis cerneretur, percontari solebat. Quibus illam a se videri respondentibus, ne post annum ab iis cerni posset optabat. Quo precationis more non suum aut populi fatum, sed futura messis incrementa poscebat. Consequenter sub simulacri nomine praesentem turbam consalutabat, eamquae diutius ad hujus numinis venerationem sedulo sacrificii ritu peragendam hortatus, certissimum cultus praemium terra marique victoriam promittebat. His ita peractis, reliquum diei plenis luxuriae epulis exigentes, ipsas sacrificii dapes in usum convivii et gulae nutrimenta vertere, consecratas numini victimas intemperantiae suae servire cogentes. In quo epulo sobrietatem violare pium aestimatum est, servare nefas habitum.—Saxonis Grammatici Historia Danica Lib. XIV, ed. Müller стр. 824—5.

[1]) Lagði við lif og limar eða aleigusök.

[2]) Minni öll signuð Asum.

[3]) Málsnjallr ok máldjarfr.

[4]) *Heimskringla*, Saga Olafs hins helga, глава 113.

Kirmssen, восходящіе къ языческимъ культовымъ празднествамъ. Объ этомъ переходѣ языческихъ праздниковъ въ христіанскіе свидѣтельствуетъ разсказъ о Сигурдѣ, братѣ Торира Собаки. Пока онъ былъ язычникомъ, онъ совершалъ жертвоприношенія три раза въ годъ: къ зимнему равноденствію, къ срединѣ зимы и лѣтомъ; когда же онъ принялъ христіанство, то онъ относительно пиршествъ придерживался принятаго обычая: осенью, къ іолу (Рождеству?) и Пасхѣ онъ приглашалъ къ себѣ много гостей на пиршество. Не только онъ самъ въ теченіе всей своей жизни, но и его сынъ Асбьернъ устраивалъ три пира ежегодно. Когда наступаетъ неурожай и всѣ запасы уже истощены, жена его Сигрида предлагаетъ сократить число пировъ или упразднить ихъ, но Асбьернъ упорствуетъ, хотя ему приходится покупать рожь на югѣ Норвегіи. Когда Олафъ запрещаетъ вывозить на сѣверъ хлѣбъ, солодъ и муку, Асбьернъ все-таки пытается раздобыть эти продукты и снаряжаетъ большой корабль въ путь-дорогу. По этому поводу и начинаются тѣ осложненія, о которыхъ мнѣ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ [1]).

Даже въ подробностяхъ христіанство пріурочилось къ язычеству. Памятные кубки = minnisfull, minnishorn, minnisöl, minnisveigar перешли въ Krists minne, Michaels minne, Martins minne, Johannis minne и пр. Сохранился любопытный разсказъ о переходномъ времени, когда еще христіанскіе обычаи переплетались съ языческими. Когда въ бою палъ Гаральдъ, король Даніи, сынъ Горма, то наслѣдникъ его Свейнъ устроилъ въ честь его пиршество, на которое пригласилъ и Іомсвикинговъ. Въ первый же день, раньше чѣмъ садиться на почетное мѣсто своего отца, Свейнъ выпилъ за его память и далъ обѣтъ до истеченія трехлѣтняго срока напасть на Англію и убить короля Адальрада или изгнать его изъ страны. Этотъ кубокъ пили всѣ участники пиршества. Потомъ всѣ пили памятный кубокъ въ честь Христа. Третій кубокъ посвящался Михаилу. Потомъ ярлъ Сигвальди выпилъ за память своего отца и далъ обѣтъ до истеченія трехлѣтняго срока напасть на Норвегію и убить ярла Гакона или изгнать его изъ страны. Торкелль Высокій, братъ Сигвальди, далъ обѣтъ послѣдовать за своимъ братомъ въ Норвегію и не уйти изъ битвы, пока сражается Сигвальди. Тотъ же обѣтъ даютъ и Буи Гордый и Сигурдъ, братъ его. Вагнъ, сынъ Аки, даетъ обѣтъ сопрово-

[1]) *Heimskringla*, ibid., глава 123; мое изслѣдованіе: Поѣздки скандинавовъ въ Бѣлое море, стр. 404 сл.

ждать ихъ и не возвратиться на родину, раньше чѣмъ убьетъ Торкелля Глина и раздѣлитъ ложе съ его дочерью Ингибьоргой безъ согласія родныхъ. И еще многіе другіе давали обѣты различнаго содержанія [1]). Тотъ же самый обычай обѣщать различные подвиги подъ вліяніемъ винныхъ паровъ отразился и въ старофранцузскомъ эпосѣ, гдѣ самъ императоръ и его паладины хвастаются = se mettent à gaber, и когда король Гугонъ требуетъ, чтобы каждый исполнилъ свое обѣщаніе=gab, только ангелъ съ неба выручаетъ изъ бѣды [2]). Похвальба встрѣчается и въ нашихъ былинахъ на пиру у Владиміра послѣ обычнаго запѣва:

Во славномъ, во городѣ во Кіевѣ
У ласковаго князя у Владиміра
Было пированьице сопочестенъ пиръ
На всѣхъ князей, на всѣхъ бояровъ,
На всѣхъ могучіихъ богатырей.
И всѣ на пиру порасхвастались,
Умный то хвастаетъ добрымъ конемъ,
А разумный то хвастаетъ отчемъ-матерью,
А безумный то похваляется молодой женой да неудачливой.

Кромѣ торжественныхъ обѣтовъ еще другіе, особые порядки указывали на то, что пиры входили какъ составная часть въ религіозный ритуалъ. Такъ не всегда допускалось присутствіе на нихъ женщинъ. Пить, когда и сколько угодно, разрѣшалось только вечеромъ, днемъ же питье происходило по строгимъ правиламъ: то рогъ обходилъ все собраніе = sveitardrykkja, то нужно было осушить чашу въ одинъ духъ=drekka einmenningr, или же выпивали чашу попарно = drekka til hálfs; изъ послѣдняго обычая развилась излюбленная забава скандинавовъ пить въ запуски = Kappdrykkja. Кто нарушалъ правила, подвергался наказанію: долженъ былъ сѣсть на полъ и выпить лишнія, карательныя чаши [3]).

Въ Финляндіи до настоящаго времени сохранились явные слѣды культового пьянства. Къ Рождеству крестьянинъ варитъ темное пѣнящееся пиво=julölet и въ теченіе всего праздника деревянный сосудъ = kippon не сходитъ со стола; кто бы ни входилъ, знакомый или чужой, прежде всего угощается этимъ пивомъ. То же домашнее пиво готовятъ и къ первому мая = vallborgmäss. Тогда пьютъ это

---

[1]) *Heimskringla*, Saga Olafs Tryggvasonar, глава 39.

[2]) *Paris*, Histoire poétique de Charlemagne, 1905 г., стр. 343.

[3]) *Weinhold*. Altnordisches Leben, 1856 г., стр. 455 сл.

пиво и ѣдятъ яйца. Народъ приписываетъ такому угощенію особенно благотворную силу и называетъ это—drikk mjärg i bäinen=наполнять кости мозгомъ [1]).

Но еще большій матеріалъ по вопросу о культовомъ пьянствѣ даютъ наблюденія надъ народами, стоящими вдали отъ европейской культуры. Ихъ я коснусь въ своемъ мѣстѣ, теперь же не могу не упомянуть о томъ важномъ обрядѣ христіанской церкви, который также относится къ кругу этихъ явленій. Въ празднествѣ Свантовита фигурируетъ алкогольный напитокъ и пирогъ; чуваши дѣлятъ между собой хлѣбъ и затѣмъ пьютъ пиво; на столѣ инки древняго Перу къ религіозному празднеству появляется особое печенье и алкогольное питье, такъ что уже при первомъ знакомствѣ испанцы въ этомъ обычаѣ замѣтили сходство съ христіанствомъ [2]). Пока мы остановимся только на одномъ обстоятельствѣ, которое имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашему вопросу, на алкогольномъ напиткѣ. Церковь и многія секты, горячо ратуя противъ безпринципнаго пьянства, нисколько не задумываются, преподнося прихожанину алкогольный напитокъ въ самомъ храмѣ изъ рукъ священника. Мало того, церковь особенно настаиваетъ на алкогольномъ винѣ, запрещая для евхаристіи соки изъ различныхъ овощей и ягодъ, какъ-то: яблочный, грушевый, вишневый, терновый, малиновый и др. [3]). Это одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ компромиссовъ христіанской морали.

II.

Для выясненія условій открытія алкоголя, я исхожу изъ того предположенія, что человѣкъ первоначально былъ вегетаріанцемъ.

Вегетаріанство первобытнаго человѣка вытекаетъ изъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ періодомъ оплодотворенія человѣческаго рода. У некультурныхъ народовъ, какъ-то: сѣверно-американскіе индѣйцы, австралійцы, индійскіе горцы, готтентоты, періодъ оплодотворенія проявляется въ повальной разнузданности. Но даже у европейскихъ народовъ, гдѣ уже секундарные факторы должны были бы заслонить простыя отношенія незапамятнаго прошлаго, статистика обнаруживаетъ явные слѣды животнообразнаго состоянія человѣка. Для объ-

[1]) *Nyland*, т. IV, 1889 г., стр. 45 и 58.

[2]) *Prescott*, Geschichte der Eroberung von Peru, т. I., 1848 г., стр. 83.

[3]) *Никольскій*, Пособіе къ изученію устава богослуженія православной церкви, 3-е изд., 1874 г., стр. 383.

ясненія причинъ этого періода оплодотворенія человѣка прибѣгали къ самымъ разнообразнымъ теоріямъ: то думали, что изобиліе пищи способствуетъ зачатію, то находили связь полового возбужденія съ температурой, временемъ года и близостью земли къ солнцу. Но, очевидно, нѣтъ опредѣленной поры, зависящей отъ внѣшнихъ причинъ и ввергающей всѣхъ животныхъ одновременно въ половой экстазъ, а наоборотъ, каждый родъ имѣетъ свое время, съ другой стороны каждый мѣсяцъ покровительствуетъ своимъ питомцамъ. Вопросъ, кажущійся столь запутаннымъ, оказывается вполнѣ послѣдовательнымъ результатомъ естественнаго подбора. Получается очень стройная система.

Каждая порода знаетъ время года, когда условія ея жизни—пища, температура, безопасность отъ враговъ и пр.—становятся наиболѣе благопріятными. Ясно, что потомство явившееся на свѣтъ какъ разъ въ это время, пользовалось наилучшими шансами къ существованію и выростанію, потомство же другихъ временъ года въ большинствѣ случаевъ погибало. Подъ давленіемъ этого желѣзнаго закона неумолимой жизненной борьбы выработались впослѣдствіи привычки оплодотворяться сообразно съ необходимостью дѣторожденія въ наиболѣе выгодное для преуспѣянія потомства время года. Поэтому одна и та же порода въ болѣе холодныхъ странахъ оплодотворяется позже, чѣмъ въ теплыхъ, въ высокихъ мѣстностяхъ позже, чѣмъ въ низменныхъ. Максимумъ дѣторожденія въ европейскихъ странахъ падаетъ на январь — въ Греціи, на февраль — въ Испаніи, Италіи и Австріи, на февраль и мартъ—во Франціи и Голландіи, на мартъ—въ Швеціи. Другими словами, по закону, выработанному естественнымъ подборомъ, человѣкъ готовитъ свое потомство къ началу весны и никакъ не раньше: когда черезъ полгода ребенокъ уже будетъ въ состояніи самъ питаться, то всѣ плоды созрѣли и недостатка въ пищѣ быть не можетъ.

Изъ этого правила бываютъ только кажущіяся исключенія: въ Чили большинство дѣтей рождается въ сентябрѣ и октябрѣ, въ Африкѣ—къ началу дождей, но это вѣдь и есть тамошняя весна. Правда, съ тѣхъ поръ, когда господствовалъ этотъ законъ періодическаго оплодотворенія, условія жизни значительно осложнились, на дѣторожденіе теперь вліяютъ и многіе другіе факторы, но все же укоренившаяся въ человѣкѣ привычка рождать дѣтей къ веснѣ вліяетъ на половую жизнь еще въ данное время. Въ одинаковомъ положеніи съ человѣкомъ находятся и домашнія животныя, условія

существованія которыхъ также измѣнились къ лучшему, что касается наличности пищи.

Эта геніальная теорія Вестермарка [1]) о періодѣ оплодотворенія предполагаетъ вегетаріанство первобытнаго человѣка, потому что если бы онъ питался мясомъ или рыбой, то при тогдашней немногочисленности людей въ сравненіи съ обиліемъ животныхъ и рыбъ, ему не приходилось бы дожидаться растеній, корни и плоды, а можетъ быть и стебельки и листья которыхъ служили ему пищей.

Вегетаріанство наблюдается и у ближайшихъ біологическихъ родственниковъ человѣка. Павіанъ питается преимущественно растительными продуктами, и лишь при случаѣ ѣстъ птицъ и ихъ яйца, рептилій, мелкихъ млекопитающихся, мухъ, пауковъ и т. под. То обстоятельство, что плѣненныхъ обезьянъ приходилось пріучать къ мясу, только доказываетъ ихъ вегетаріанство въ свободномъ состояніи. Особое значеніе я придаю тому, что у человѣка одинаковые съ обезьяной излюбленные фрукты. Горилла, равно какъ и человѣкъ, лакомится сливами, бананами, дынями, вишнями. Шимпанзе тоже вегетаріанецъ, хотя допускаетъ и исключенія, но орангутангъ никогда не ѣстъ мяса, за то въ случаѣ недостатка въ плодахъ готовъ питаться листьями, почками и молодыми ростками [2]).

Вегетаріанство первобытнаго человѣка доказывается еще его повсемѣстнымъ знакомствомъ съ растеніями—полезными и вредными, вкусными и горькими, съѣдобными и ядовитыми. Современный ботаникъ врядъ ли обладаетъ такимъ знаніемъ о вкусѣ и дѣйствіи на пищевареніе отдѣльныхъ растеній, краснорѣчиво свидѣтельствующимъ о вѣковомъ опытѣ. По слѣдамъ этого народнаго опыта пошла медицина и теоретическая наука. Все же многіе вопросы, давно порѣшенные на практикѣ, еще понынѣ являются предметомъ споровъ въ наукѣ, какъ напримѣръ, вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ культурныхъ растеній. Несомнѣнно, человѣчество въ общемъ больше занималось растительнымъ царствомъ, чѣмъ животнымъ міромъ. Изъ общаго числа 140,000 видовъ растительнаго царства человѣкъ культивируетъ въ большихъ размѣрахъ около 300 видовъ, но изъ класса суставчатыхъ животныхъ, насчитывающаго въ десять разъ болѣе видовъ, можно привести только пчелу и двухъ-трехъ насѣкомыхъ, дающихъ шелкъ, которыхъ умѣетъ использовать человѣкъ. Изъ обширнаго класса мол-

[1]) *Westermarck*, Det menskliga äktenskapets historia. 1893 г., глава II; англійское изданіе The History of Human Marriage. 1891 г.

[2]) *Ranke*, Der Mensch. 1887 г., т. I, стр. 337—8.

люсковъ искусственно разводятъ одну только устрицу. Эти факты говорятъ сами за себя. Было бы ошибочно думать, что культурныя растенія обязаны своимъ насажденіемъ и примѣненіемъ именно послѣдней, такъ называемой культурной эрѣ. Наоборотъ, за послѣднихъ 2,000 лѣтъ люди не нашли и не ввели въ культуру ни одного вида, который въ своей полезности могъ бы поспорить съ кукурузой, рисомъ, бататами, картофелемъ, хлѣбнымъ деревомъ, финиковой пальмой, хлѣбными злаками, разными сортами проса, сорга, бананами, соей [1]).

Переходя теперь къ растеніямъ, не подлежащимъ особой культурѣ, прежде всего слѣдуетъ указать на хорошее знакомство людей съ цѣлебными свойствами различнѣйшихъ растеній. Ошибочно было бы думать, что медицинскія познанія проникли въ народъ, скорѣе, наоборотъ, народная медицина обогащала опытъ научный, потому что многія средства примѣняются народомъ совсѣмъ иначе, чѣмъ докторами, другимъ образомъ и противъ другихъ болѣзней; другія растенія никогда не входили въ кругъ аптечныхъ средствъ; наконецъ, третья группа уже своими названіями обличаетъ чисто народную оцѣнку ихъ полезныхъ качествъ. Да послужитъ маленькій перечень доказательствомъ моихъ словъ [2]).

Противъ каждой болѣзни народъ знаетъ спеціальное растеніе:

Противъ чахотки употребляются декокты изъ 1) фіалокъ, 2) троицына цвѣтка, 3) маргаритокъ, 4) росички (Drosera rotundifolia), 5) медуницы, Lungenkraut (Pulmonaria officinalis), 6) будры, кошачьей или собачьей мяты, Gundelrebe (Nepeta Glechoma), 7) богородицыной травы, Gundelkraut или Gundling (Thymus Serpyllum). Для пониманія нѣмецкихъ названій послѣднихъ двухъ растеній слѣдуетъ имѣть въ виду, что древне-нѣмецкое gund—гной.

Для желудка считаются полезными декокты изъ 1) кокорыша, Ertrauch (Fumaria officinalis), 2) конскаго щавеля, Grindwurz или Hungerkraut (Rumex obtusifolius), 3) бузины, Keileken отъ латинскаго colica (Sambucus nigra).

Роженицамъ даютъ пить декокты изъ 1) сыворотня (Galium verum), прозваннаго поэтому у нѣмцевъ Marienbettstroh или Liebfrauenstroh; 2) кирказона (Aristolochia Clematitis). Латинское названіе составлено изъ ἄριστος и λοχός, а нѣмцы передѣлали его въ Osterluzei.

Противъ цынги употребляются листья отъ чистяка (Ranunculus

---

[1]) *Декандолль*, Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ растеній. 1885 г., стр. 467 сл.

[2]) *Анненковъ*, Ботаническій словарь, 1859 г., *Söhns*, Unsere Pflanzen. 1899 г.

Ficaria), называемаго по этому Scharbockskraut отъ нижне-нѣмецкаго scharbuk-skorbut.

Вѣтрушка (Hepatica triloba) употребляется при болѣзняхъ печени, на что указываетъ уже названіе Leberblümchen.

Сокъ полыни служитъ для вытравливанія глистовъ.

Сердцебіеніе успокаивается посредствомъ глухой крапивы, Herzgespann (Leonorus cardiaca).

Декоктъ изъ репейника (Agrimonia Eupatoria) пьютъ какъ противоядіе при укушеніи змѣи.

Много средствъ народъ знаетъ противъ падучей болѣзни: 1) росичка (Drosera rotundifolia), 2) желтая сарана (Lilium Martagon), 3) сладкій корень (Polypodium vulgare), 4) омоль (Viscum album), 5) морозникъ, Niesswurz (Heleborus niger). Послѣднее средство служило также для проясненія ума и для устраненія головныхъ болей, на что также указываетъ слово helloborosus въ смыслѣ „рехнувшійся". Для той же цѣли пользуются еще „живительной травой", Dickkopskraut [1]) (Senecio vulgaris), а желѣзнякъ (Verbena officinalis) не только помогаетъ противъ припадковъ, видѣній и пр., но даже возбуждаетъ въ дѣтяхъ любознательность и охоту учиться.

Кромѣ этихъ растеній съ спеціальнымъ назначеніемъ народъ приписываетъ другимъ универсальное дѣйствіе, выражая эту мысль или особыми поговорками или самимъ названіемъ.

О шалфеѣ (Salvia officinalis) въ нѣмецкомъ народѣ говорится:

Wüchse ein kreutlein vor den todt,
Es wär fürwar die salb ohn spot.

О клюквѣ и черноголовникѣ (Poterium bipinellum):

Esst Kranebeer und Bibernell,
So sterbt's net so schnell.

О валеріанѣ поговорка: Trinkt Baldrian,—sonst müsst ihr alle dran!

О пользѣ лихоманника (Gentiana cruciata), носящаго древнеязыческое имя Madelger, свидѣтельствуетъ пословица: Madelger—aller wurzeln ein êr, и другое названіе „Heil aller Schaden". Изъ названій растеній, помогающихъ якобы противъ всѣхъ болѣзней, отмѣчу еще слѣдующія: белладонна среди многочисленныхъ названій именуется также Nachtschatten, англійское deadly nightshade отъ древняго „schade" въ смыслѣ „врагъ", можевельникъ—Lebensbaut, англосаксонское quicbeam, и отъ того же корня quec производится и Wacholder > wechalter; плонникъ

[1]) Сл. выраженіе „einen dicken Kopf haben".

(Polytrichum) называется Widerthon отъ древненѣмецкаго towjan — умирать.

Такъ какъ химическое дѣйствіе различныхъ декоктовъ на организмъ кажется простолюдину чѣмъ-то въ высшей степени загадочнымъ, то онъ всякое врачеваніе считаетъ колдовствомъ. Языческія женщины, занимавшіяся уходомъ за ранеными и больными, вмѣстѣ съ тѣмъ были и колдуньями. Вотъ почему растенія въ народѣ окружены разнообразнѣйшими суевѣріями и сказаніями, разбираясь въ которыхъ не трудно убѣдиться, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ кушали и жевали различныя растенія или пили сокъ, или декоктъ изъ нихъ. Приведу нѣсколько характерныхъ обычаевъ. Декоктъ изъ емели служилъ не только лекарствомъ, но и противоядіемъ и уничтожалъ какое бы то ни было, направленное противъ пьющаго, колдовство. Изъ корня мандрагоры, называемой также Mannstreu, готовятъ любовные напитки и средство для безплодныхъ женщинъ. Въ средніе вѣка палачи передъ казнью жевали валеріановые корни, чтобы набраться храбрости. Древніе египтяне клялись чеснокомъ и лукомъ. По повѣрію жителей Сициліи розмаринъ можетъ даже оживить мертвыхъ, поэтому существуетъ поговорка:

C'é la rosmarina all'ortu,
Ca fa risuscitari all'omu mortu.

Интересно также нѣмецкое названіе лежанки (Veronica officinalis)— Godeskraut, которое, вѣроятно, получилось изъ Wodeskraut и дѣйствуетъ только тогда, когда собрано въ среду—древнесѣверное Odins dagr, англосаксонское Vôdenes däg.

Число примѣровъ можно увеличить до безконечности, но для нашей цѣли—доказать вегетаріанство первобытнаго человѣка—этого и не требуется. Намъ важнѣе выяснить, что, судя по наименованіямъ растеній, уже съ давнихъ поръ человѣкъ отличалъ ядовитыя отъ безвредныхъ. Окруженный сказаніями нарциссъ прозванъ отъ νάρκη—онѣмѣніе. Омегъ, Wolfswurz (Aconitum lycoctonum) напоминаетъ то время, когда отравляли волковъ этимъ растеніемъ. Морозникъ (Helleborus niger) названъ по-нѣмецки Lüppwurzel, Laubritschen, что напоминаетъ намъ lubjaleisei = колдовство у Вульфилы, въ то время какъ латинское наименованіе образовано отъ ἑλεῖν—убивать. Загадочное бѣлена, Bilse (Hyosciamus niger) сопоставляютъ съ греко-италійскимъ божкомъ Belenus и кельтскимъ Beal.

Другая группа растеній съ острымъ и непріятнымъ вкусомъ, въ зависимости отъ чего онѣ получили соотвѣтствующія наименованія, ко-

торыя никогда не изобрѣтались бы, если бы въ извѣстное время человѣку не пришлось перепробовать ихъ вкусъ. Такъ Daphne Mezereum благодаря своему непріятному вкусу прозвано дикимъ перцемъ или волчьимъ перцемъ — Päperblume и Kellerhals — дерущее горло, отъ древне-нѣмецкаго chellen—мучить. Anemone pratensis названо Bitzblum или Bitzwurz отъ древне-нѣмецкаго bîzen—кусать. Sedum acre по мѣсту нахожденія и по вкусу именуется Mauerpfeffer и Steinpfeffer. „Сладкій корень" (Polypodium vulgare) у нѣмцевъ получило даже названіе „Engelsüss".

Если вышеприведенные примѣры только косвеннымъ образомъ поддерживаютъ гипотезу первобытнаго вегетаріанства, то прямое отношеніе къ этому вопросу имѣютъ тѣ дикія, нигдѣ не воздѣлываемыя растенія, которыя тѣмъ не менѣе еще нынѣ служатъ пищей народа. Чистякъ (Ranunculus Ficaria) ѣдятъ и въ видѣ салата и вмѣстѣ съ настоящимъ салатомъ; отсюда названія Zigeunerkraut и Zigeunersalat. Другія имена Erdgerste и Himmelbrot указываютъ на съѣдобность корней, которыми мѣстами дѣйствительно питаются. Сухотный корень, Zehrwurz (Arum maculatum) на Карпатахъ примѣшивается къ хлѣбу, а въ Богеміи и Силезіи ѣдятъ сушеные его корни. Чернобыльникъ (Artemisia vulgaris) приправляется къ многимъ блюдамъ и чаще всего его ѣдятъ съ гусемъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что простой народъ, не будучи въ состояніи покупать дорогой китайскій чай, пользуется въ качествѣ навара мѣстными растеніями: ромашкой, мятой, медовникомъ (Melissa officinalis), бузиной (Sambucus nigra), терновникомъ (Prunus spinosa), майораномъ (Origanum Majorana) и „лѣсной мятой" (Origanum vulgare) [1].

Меня однако смущаетъ такое обстоятельство: говоря о цѣлебныхъ и волшебныхъ (что собственно одно и то же) растеніяхъ, мы постоянно упоминали о декоктѣ или чаѣ, но вѣдь такое пользованіе предполагаетъ и знакомство съ огнемъ и умѣніе кипятить воду. Вегетаріанство могло существовать еще до добыванія огня и навѣрно даже такъ и существовало. Затѣмъ люди могли пользоваться огнемъ, но еще не знать кипятка. Дилювіальный человѣкъ, собравъ воды въ какой-нибудь земляной ямѣ, согрѣвалъ ее, бросая въ нее раскаленные камни, но онъ не былъ въ состояніи кипятить воду и приготовить декоктъ, потому что у него не было сосудовъ [2]. Поэтому, чтобы не очень

[1]) *Ranke*, op. cit., т. I, стр. 330.

[2]) *Hoernes*, Der diluviale Mensch in Europa. 1903 г.

близко къ нашему времени придвинуть эпоху вегетаріанства, приходится отказаться отъ всякихъ декоктовъ. Но неужели вмѣстѣ съ тѣмъ опровергается и давность пользованія тѣми растеніями, которыя нынѣ употребляются для декоктовъ? Я думаю нѣтъ. Довольно страннымъ былъ бы тотъ вегетаріанецъ, который пренебрегалъ бы самыми вкусными, сочными и полезными для организма растеніями. И неужели человѣкъ только тогда, когда онъ давно пересталъ быть вегетаріанцемъ, познакомился съ цѣлебнымъ дѣйствіемъ цѣлаго ряда растеній спеціально съ цѣлью варить изъ нихъ декокты? Какъ же представить себѣ подобное открытіе, когда человѣкъ въ то время уже никогда не бралъ въ ротъ ни одного дико растущаго растенія? Можно возразить только одно, что цѣлебныя растенія явились результатомъ научныхъ изслѣдованій. Но вѣдь я все время доказывалъ, что растенія, ихъ вкусъ, ихъ цѣлебныя, питательныя и ядовитыя свойства были извѣстны человѣку далеко до возникновенія наукъ, до существованія аптекъ и научной медицины.

Чтобы не запутаться въ противорѣчіяхъ, необходимо признать, что человѣкъ еще до изобрѣтенія сосудовъ хорошо былъ знакомъ со всѣми растеніями, но такъ какъ онъ не могъ варить изъ нихъ чай или декоктъ, то онъ принималъ ихъ въ сыромъ видѣ и, прежде всего, жевалъ ихъ. Это предположеніе подсказываетъ не только логика, но оно становится доказаннымъ, если мы приведемъ сохранившіеся до нашихъ дней обычаи жевать различныя растенія. Тогда мы убѣдимся, что еще понынѣ по всему земному шару принято жевать то или другое растеніе. Въ Южной Америкѣ, особенно въ Перу и Боливіи, какъ туземцы, такъ и испанцы жуютъ сухіе листья кока (Erythroxylum peruvianum). Работники въ плантаціяхъ отдыхаютъ четыре раза въ день: разъ, чтобы поѣсть, и три раза, чтобы жевать кока. Образъ жизни и психологія жующихъ кока, такъ называемыхъ coqueros, подробно описалъ Чуди [1]). Кромѣ того, индійцы постоянно жуютъ что-нибудь: корни, вѣтки, стебельки и растираютъ зубы кусками горькихъ, стягивающихъ на вкусъ деревьевъ [2]). Въ Индіи, Китаѣ и Меланезіи туземцы жуютъ бетель или болѣе сложный препаратъ: куски орѣха Areca Catechu или Acacia Catechu или Nauclea Gambir, обсыпанные растолченной раковиной, завертываются въ листья Piper Betle. Старъ и младъ жуютъ приготовленныя такимъ образомъ лакомства съ большимъ на-

---

[1]) *Tschudi*, Peru. 1846 г., т. II, стр. 210—7, 252 и 257.

[2]) Op. cit., т. II, стр. 253.

слажденіемъ. На Сандвичевыхъ островахъ королева и вся ея свита, разгуливая по улицамъ столицы, жевали сахарный тростникъ [1]). По всей Африкѣ жуютъ орѣхи кола (Sterculia acuminata), и на рынкахъ Туниса и Алжира этотъ товаръ продается въ изобиліи. Кромѣ того, негры, живущіе въ областяхъ Конго, жуютъ листья неизвѣстнаго растенія, называемаго ими нкасса. Въ Новой Зеландіи жуютъ каури, т. е. смолу отъ Dammara или Mimiha. Въ Швеціи жуютъ еловую смолу, вообще же въ Европѣ, я думаю, табакъ вытѣснилъ другіе препараты жеванія [2]).

Итакъ, если принять теорію первобытнаго вегетаріанства, то въ виду отсутствія у нашихъ предковъ—вегетаріанцевъ средствъ къ кипяченію и варкѣ ѣды, необходимо признать и то, что они, какъ это доказывается и современными переживаніями, жевали листья, корни, плоды и даже смолу различныхъ растеній, извлекая, такимъ образомъ, питательныя вещества изъ нихъ. Отмѣтимъ еще, что жеваніе, равно какъ и вегетаріанство, было явленіемъ общечеловѣческимъ.

Въ настоящее время мы привыкли къ тому, что каждый самъ жуетъ свою пищу, и мы едва ли можемъ себѣ представить, чтобы кто-нибудь за насъ жевалъ. Но во времена вегетаріанства дѣло обстояло иначе, и, какъ я въ дальнѣйшемъ докажу примѣрами изъ современной жизни некультурныхъ народовъ, существовалъ обычай жевать для другихъ или, вѣрнѣе, жевать на запасъ. Это предположеніе можетъ встрѣтить такое возраженіе: обыкновеніе жевать на запасъ указываетъ уже на извѣстное умственное развитіе, а полагая, что эти запасы дѣлались для другихъ, можно думать только о зачаткахъ какого-то соціальнаго строя, въ силу котораго происходила эта „работа“ въ пользу другихъ. Это возраженіе отвергнуть нельзя, такъ какъ мы и представить себѣ не можемъ, съ какимъ уровнемъ умственнаго и соціально-біологическаго развитія совпала эпоха вегетаріанства. Какъ увидимъ ниже, въ этомъ жеваніи слѣдуетъ безусловно видѣть примитивную форму принудительнаго труда: младшіе по возрасту работаютъ для старшихъ, женщины для мужчинъ. Я думаю, что еще до зачатковъ родового быта бывали случаи жеванія для другихъ. Вѣдь жеваніе матери для ребенка и самца для больной самки—привычки, вполнѣ возможныя у любой породы обезьянъ, не говоря уже о несравненно выше стоящихъ антропоидахъ. Въ виду этого я думаю, что

[1]) *Hartwig*, Die Inseln des grossen Oceans im Natur-und Völkerleben. 1861 г., стр. 317.

[2]) *Ranke*, op. cit., т. I, стр. 336.

предположеніе для извѣстной поры вегетаріанства существованія обычая жеванія для другихъ и на запасъ не встрѣтитъ возраженія, тѣмъ болѣе что до настоящаго времени сохранились такіе факты.

Въ эту пору, когда готовились хотя бы и самые скромные запасы разжеванныхъ растеній, всѣ условія, необходимыя для открытія алкогольнаго напитка, были на лицо. Такъ какъ эти условія не ограничивались какимъ-нибудь однимъ племенемъ или какой-нибудь одной частью свѣта, то мы въ правѣ допустить, что это открытіе могло послѣдовать въ различныхъ мѣстахъ одновременно при полной самостоятельности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. А разъ алкогольный напитокъ былъ открытъ, то вслѣдъ за тѣмъ онъ нашелъ и оцѣнку и примѣненіе въ духѣ вышеописанныхъ культовъ. Съ теченіемъ времени, можетъ быть, въ десятки тысячъ лѣтъ, выработалась уже страсть къ алкоголю, и религіозный обычай пить для экстаза превратился въ потребность пьянствовать ради пьянства. Съ этого момента стали уже сказываться вредныя послѣдствія постепенной алкоголизаціи человѣчества, и къ жертвамъ алкоголизма обнаруживается отрицательное отношеніе. Безпринципное пьянство вызвало также всемірное производство и торговлю алкогольными напитками на болѣе широкихъ и раціональныхъ началахъ.

III.

Кромѣ механическихъ актовъ пищеваренія, состоящихъ въ разжевываніи пищи зубами и въ смачиваніи ея слюной, уже въ полости рта начинается химическій процессъ, имѣющій цѣль превратить пищу въ удобораствoряемую субстанцію. Этотъ процессъ состоитъ въ броженіи, которое вызывается въ кишкахъ, выдѣляющихъ особо сильный ферментъ, но, какъ сказано, это броженіе уже подготавливается въ полости рта. Здѣсь ферментомъ является слюна. По изслѣдованію физіологической химіи слюна оказывается водянистой соленой жидкостью, содержащей кромѣ небольшой частицы бѣлка еще муцинъ и птіалинъ. Въ то время, какъ муцинъ придаетъ разжеванной пищѣ скользкость, чтобы легче было глотать ее, птіалинъ превращаетъ содержимый въ пищевыхъ продуктахъ крахмалъ сперва въ декстринъ, а затѣмъ въ виноградный сахаръ. Для питанія птіалинъ, такимъ образомъ, имѣетъ рѣшающее значеніе. Такъ какъ крахмалъ самъ по себѣ не растворяется, то безъ птіалина онъ никогда не проникъ бы въ кровь, но, благодаря только что описанному процессу, онъ переходитъ въ виноградный сахаръ, легко диффудирующійся и поэтому безпре-

пятственно всасывающійся въ кровь. Правда, окончательное перевариваніе пищи происходитъ уже въ кишкахъ, и къ птіалину присоединяются еще другіе, болѣе сильные ферменты, но не смотря на непродолжительное пребываніе пищи во рту, все же часть крахмала уже здѣсь переобразовывается въ сахаръ [1]).

Послѣ этого отступленія вернемся къ первобытному вегетаріанству и отвѣтимъ на вопросъ, что должно было произойти тогда, когда разжеванныя на запасъ растенія выплевывались въ деревянный сосудъ или въ углубленный камень или въ земляную яму? По моему, возможенъ только одинъ отвѣтъ: черезъ нѣкоторое время начнется тотъ же процессъ, который мы наблюдаемъ и при винокуреніи, т. е. крахмалъ, содержимый въ разжеванныхъ растеніяхъ,—а крахмалъ входитъ въ составъ всѣхъ растеній, въ различныхъ дозахъ, конечно,— крахмалъ благодаря птіалину дастъ виноградный сахаръ, который съ своей стороны при броженіи распадется на спиртъ, углекислоту, глицеринъ и другія вещества. Разница только въ томъ, что при винокуреніи діастазъ содержится въ солодѣ, когда же разжеванныя растенія производятъ спиртъ, діастазъ-птіалинъ берется изъ слюны. Вѣдь и въ современномъ производствѣ спиртъ добывается изъ растеній, содержащихъ много крахмала, какъ, напримѣръ, картофельные клубни, рожь, пшеница, рисъ и маисъ.

Поспѣшу устранить сомнѣніе, будто слюна, выдѣляемая при жеваніи, количественно была не въ силахъ произвести описанное дѣйствіе. Во-первыхъ, для вызыванія броженія достаточно минимальнаго количества діастаза, во-вторыхъ, при нормальномъ состояніи въ сутки выдѣляется до одного литра слюны, но когда вкусная пища или острыя вещества раздражаютъ языкоглоточные нервы, то слюнотеченіе значительно усиливается. Вотъ почему и нѣтъ основанія думать, что участіе слюны въ массѣ разжеванныхъ растеній слишкомъ ничтожно, чтобы вызвать броженіе и образованіе спирта.

Подводя итогъ всему изложенному, я рѣшаю вопросъ о дальнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ человѣчества такъ: когда въ пору первобытнаго вегетаріанства приходилось жевать растенія на запасъ, то въ силу химическихъ законовъ разжеванныя растенія, смѣшанныя съ слюной, должны были перейти въ броженіе, дающее въ результатѣ алкогольный напитокъ. Правда, это мое предположеніе еще нуждается въ провѣркѣ посредствомъ химическаго опыта, но такъ какъ обита-

---

[1]) *Ranke*, op. cit., т. I, стр. 263.

тели острововъ Тихаго океана и индѣйцы въ Южной Америкѣ еще до сихъ поръ не знаютъ другого способа приготовленія опьяняющихъ напитковъ и, слѣдовательно, изъ года въ годъ продѣлываютъ интересующій насъ опытъ, то я ограничусь пересказомъ того, что намъ сообщили путешественники о приготовленіи и употребленіи этого примитивнаго напитка.

Когда первые европейцы подъ предводительствомъ Франца Пизарро проникли въ Перу, ихъ жадность особенно была возбуждена блестящими золотыми чашами, въ которыхъ туземцы подносили имъ свой національный напитокъ chicha [1]). Можетъ быть, это названіе образовано отъ глагола chichini=прозябать, пускать почки [2]). Отсюда chicheros=пристрастившійся къ этому напитку, т. е. пьяница. Въ городахъ Перу, въ особенности въ столицѣ Лима, до настоящаго времени можно получить этотъ туземный напитокъ въ особыхъ ресторанахъ, такъ называемыхъ picanterias, гдѣ пьютъ чичу изъ большихъ стакановъ. Цвѣтъ его желтый и мутный, вкусъ—горьковато-острый. Приготавливается чича слѣдующимъ образомъ: зерна маиса поливаются водой, чтобъ они осырѣли и распустились [3]); затѣмъ едва прозябшія зерна сушатся на солнцѣ и получается jora; сухія зерна толкутъ, кипятятъ въ водѣ и предоставляютъ броженію. До сихъ поръ мы не нашли ничего похожаго на первобытное жеваніе, но слѣдующія подробности уже болѣе интересны. Во-первыхъ, жидкость не отливается отъ полученной гущи. Правда, кто желаетъ, можетъ получить ясную чичу безъ гущи—bomba ariba, но настоящій чичеросъ всегда пьетъ съ гущею—bomba abajo. Впрочемъ, онъ не столько пьетъ, сколько жуетъ. Во-вторыхъ, чича готовится обыкновенно изъ маиса, но годится и рисъ, горохъ, ячмень, юккасъ, ананасъ и хлѣбъ [4]). Я понимаю это такъ, что маисъ вошелъ въ употребленіе благодаря своей общераспространенной культурѣ, до которой пользовались разными, находящимися случайно подъ рукой растеніями. Кипяченіе я считаю также добавленіемъ болѣе утонченной культуры, такъ какъ въ приготовленіи другихъ американскихъ напитковъ оно отсутствуетъ. Но чтобы понять настоящую древность перуанской чичи, нужно обратиться къ индѣйцамъ, которые знаютъ болѣе примитивный способъ приготовленія чичи.

---

[1]) *Prescott*, Geschichte der Eroberung von Peru. 1848 г., т. I, стр. 296 и 306.

[2]) *Lopez*, Les races aryennes du Perou. 1871 г., стр. 360.

[3]) Поэтому я и рѣшился производить названіе чичи отъ глагола прозябать.

[4]) *Tschudi*, Peru. 1845 г., т. I, стр. 213—4.

Индѣйцы, живущіе въ дебряхъ долинъ—sierra, справляютъ свои религіозныя празднества многодневнымъ пьянствомъ, къ которому напитокъ готовится слѣдующимъ образомъ: женщины и мужчины садятся въ кругъ, въ серединѣ котораго находится куча сушеныхъ зеренъ jora; каждый беретъ горсть зеренъ и жуетъ ихъ, выплевывая разжеванную массу въ сосудъ; затѣмъ, прибавивъ воды, кипятятъ все и предоставляютъ броженію. Хотя Чуди и говоритъ, что необходимо много самообладанія, чтобы, будучи очевидцемъ этого способа приготовленія, попробовать получаемый напитокъ, тѣмъ не менѣе, нашедши, очевидно, въ себѣ необходимое самообладаніе, сообщаетъ, что на вкусъ это питье своеобразно пріятно—eigentümlich angenehmer Geschmack. Такой напитокъ называется chicha mascada и считается вкуснѣе городской чичи. Отчего? Я думаю потому, что послѣднему недостаетъ самаго главнаго—слюны. Дѣйствительно, если растолченныя зерна приходятъ въ броженіе, то благодаря діастазу, входящему въ составъ самаго маиса; при разжевываніи зеренъ къ этому растительному діастазу присоединяется птіалинъ обильной слюны, и броженіе становится болѣе энергичнымъ, отсюда и разница во вкусѣ. Но за то индѣйцы страдаютъ однимъ недостаткомъ, едва ли встрѣчаемымъ у европейцевъ,—зубы ихъ чуть-чуть выдаются изъ десенъ, до того они стираются и притупляются отъ постояннаго жеванія jora. Если не считать этого неаппетитнаго обычая, индѣйцы однако додумались до тонкостей, которыя сдѣлали бы честь любому ойнологу Европы. При рожденіи ребенка они готовятъ большой глиняный горшокъ chicha mascada, и прибавивъ еще нѣсколько фунтовъ бычачьяго мяса и закупоривъ сосудъ, зарываютъ въ землю; черезъ много лѣтъ, когда выростетъ ребенокъ, въ день его свадьбы выкапываютъ и распиваютъ вылежавшееся питье. Ничѣмъ не смущаемый Чуди увѣряетъ, что такой напитокъ гораздо крѣпче обыкновеннаго, такъ что можно пьянѣть отъ одного стакана [1]).

Такъ какъ перуанскій напитокъ восходитъ къ религіозному, культовому пьянству, то присмотримся немного къ этимъ языческимъ празднествамъ. Ихъ было четыре въ году въ зависимости отъ положенія солнца: лѣтній солнцеворотъ—Umu Raymi и зимній—Yntip Raymi, весеннее равноденствіе—Kapak Raymi и осеннее—праздникъ Acumya. Эти праздники настолько естественны, что невольно возникаетъ вопросъ, могъ ли какой-нибудь народъ ихъ не узнать? Несомнѣнно мы

---

[1]) *Tschudi*, op. cit., т. II, стр. 179—180.

тутъ натолкнулись на самый корень религіозныхъ празднествъ и календаря. Въ настоящее время индѣйцы смотрятъ на эти праздники, главнымъ образомъ, какъ на поводъ пьянствовать, но въ старину они обставлялись весьма торжественно. Три дня до лѣтняго солнцеворота объявлялся постъ. Въ самый день праздника инка со всѣмъ дворомъ выѣзжалъ на главную площадь встрѣчать восходящее солнце. При первыхъ лучахъ солнца инка совершалъ жертвенное возліяніе чичи изъ громадной золотой чаши, затѣмъ онъ самъ пилъ и давалъ пить своимъ родственникамъ. Одновременно начиналось повальное пьянство и пляска, пылали костры, устраивались шествія, приносились жертвы, иногда даже убивали людей. Празднество длилось нѣсколько дней [1]).

Отъ этихъ древнихъ праздниковъ остались однѣ военныя пляски, которымъ индѣйцы предаются съ такимъ рвеніемъ, что игра иногда переходитъ въ драку [2]). Въ городахъ же бой быковъ замѣнилъ нецивилизованные языческіе культы. Но какъ иногда искра тлѣетъ подъ золой и ждетъ только свѣжаго воздуха, чтобы вспыхнуть могучимъ пламенемъ, такъ и въ обращенномъ въ христіанство индѣйцѣ продолжаетъ жить язычникъ, ветхозавѣтный человѣкъ—der alte Adam. Вотъ какъ обращенные индѣйцы—cholos праздновали какой-то церковный праздникъ въ деревнѣ Токаче, лежащей на верхнемъ Гваллага, притокѣ Мараньона. Еще до праздника подъ звуки барабановъ со всѣхъ сторонъ изъ лѣсу собираются шумныя группы охотниковъ. При первомъ разсвѣтѣ раздается колокольный звонъ, и тотчасъ мужчины начинаютъ ходить по хижинамъ, вездѣ выпивая masato. Развѣ это не буквальное повтореніе извѣстнаго намъ Umu Raymi? Послѣ этого отправляются въ церковь торжественной процессіей, производя неописуемый шумъ при помощи барабановъ, кастаньетъ, бубенчиковъ, костяныхъ свистулекъ и инструмента, прототипа гитары, сдѣланнаго изъ одного дерева. Католическаго патера—миссіонера несутъ во главѣ шествія. Въ церкви начинается служба, настроеніе толпы приподнятое—von Andacht und Ernst keine Spur. Особые служащіе (полицейскіе?) громкимъ голосомъ приказываютъ что дѣлать, становиться на колѣни и пр. Наконецъ наступаетъ давно жданный моментъ, когда священникъ долженъ освятить охотничью добычу. Охотники, неся убитыхъ животныхъ, выстраиваются въ рядъ и приближаются къ алтарю

---

[1]) *Lopez*, op. cit., стр. 186—9; *Prescott*, op. cit., т. I, стр. 79.

[2]) *Tschudi*, т. II, стр. 181.

съ дикимъ гиканьемъ и разнузданными прыжками. Теперь уже ничто не можетъ остановить разыгравшіяся страсти. Тутъ вокругъ алтаря начинается пляска, которая прерывается только для питья масато. Веселье продолжается до тѣхъ поръ, пока запасы масато не уничтожены [1]).

Это празднество не только важно какъ свидѣтельство о живучести чисто языческаго оргіазма, но и нѣкоторыя подробности не лишены значенія. Такъ самый напитокъ масато представляетъ собой только разновидность чичи: его готовятъ изъ разжеванныхъ корней юккасъ [2]). Въ приготовленіи его участвуютъ однѣ женщины. Принимая во вниманіе, что пользуются имъ преимущественно мужчины, нельзя не признать въ производствѣ масато одну изъ первичныхъ формъ принудительнаго труда. Такіе полуязыческіе, христіанскіе церковные праздники были, вѣроятно, не рѣдкостью, такъ какъ тотъ же путешественникъ задержался въ дорогѣ и другой разъ, когда и его провожатые приняли участіе въ культовомъ пьянствѣ [3]). Въ Чили же онъ наблюдалъ сцену, какъ первобытное племя обходится безъ сосудовъ. Индѣйцы лежали пластомъ на землѣ вокругъ ямы, покрытой овечьей шкурой и наполненной напиткомъ; пили прямо изъ ямы до безчувствія [4]). Наконецъ, считаю нужнымъ отмѣтить, что южноамериканскіе индѣйцы по преимуществу вегетаріанцы. При томъ индѣецъ не ѣстъ хлѣба, а маисъ и бобы онъ варитъ лишь настолько, что, имѣя крѣпкіе зубы, можно жевать ихъ [5]).

Что касается индѣйцевъ восточной Бразиліи, то, очевидно, Штейненъ, путешествовавшій вдоль береговъ Шингу, притока Амазонки, съ юга на сѣверъ, не познакомился съ подробностями ихъ празднествъ, но его замѣчаніе о напиткѣ mingaus все же указываетъ на сходство съ чичей. Оно употребляется въ трохъ видахъ: 1) бѣловатое, едва освѣжающее питье съ гущью—Rührbrei—изъ крахмальной муки; 2) желтоватое, по вкусу напоминающее тыкву, питье; 3) теплый, сладковатый, пріятный напитокъ [6]). Въ Юкатанѣ и Табаско все питаніе туземца состоитъ въ posole. Это зерна маиса, размягченныя въ

[1]) *Poeppig*, Reise in Chile, Peru und auf dem Amazonenstrome. 1836 г., т. II, стр. 299—301.

[2]) Manihot Aipi.

[3]) *Poeppig*, op. cit., т. II, стр. 38.

[4]) Ibidem, т. I, стр. 352.

[5]) *Tschudi*, op. cit., т. II, стр. 227; *Poeppig*, op. cit., т. II, стр. 375.

[6]) *Von den Steinen*, Durch Central-Brasilien. 1886, стр. 159.

водѣ съ примѣсью извести, растертыя между камнями и разбавленныя съ водой. Тутъ о броженіи и опьяняющемъ дѣйствіи не можетъ быть и рѣчи, и индѣйцы просто питаются этимъ питьемъ и берутъ его съ собой на работу. Но это новое примѣненіе — питаніе вмѣсто опьянѣнія—уже указываетъ на вырожденіе стараго языческаго обряда, и явилось возможнымъ только послѣ замѣны разжевыванія простымъ растираніемъ, при чемъ отпадаетъ слюна, главная причина броженія [1]).

По всей Мексикѣ извѣстна чича, но тутъ мы уже наблюдаемъ стремленіе перейти къ другому, болѣе утонченному напитку—pulque. Какъ въ Европѣ виноградное вино стало оттѣснять пиво, такъ и пульке конкурируетъ съ чичей въ Мексикѣ. Чича всѣмъ европейцамъ напоминаетъ пиво; такъ Геллеръ [2]) называетъ чичу—analog dem Biere, Чуди [3])—eine Art Bier aus Mais. Въ то время, какъ чичу готовятъ изъ зеренъ, пульке добывается изъ сока стеблей того же маиса. Когда послѣдній собирается цвѣсти, срѣзаютъ стебель по срединѣ и выскабливаютъ его внутренность, которая быстро наполняется сладкимъ сокомъ—aqua miel. Каждое утро извлекается этотъ сокъ, и иногда проходитъ 3 мѣсяца, прежде чѣмъ растеніе высыхаетъ и гибнетъ. Изъ этого сока посредствомъ броженія и добывается пульке. Рядомъ съ этимъ pulque de mais, имѣется еще разновидность pulque de Guayava. Хотя пульке безусловно новѣйшая затѣя—между прочимъ, изъ даннаго сока гонятъ и водку—все же связь его съ древней чичей вполнѣ доказуема, а также и съ вегетаріанствомъ, такъ какъ индѣйцы еще понынѣ ѣдятъ стебли маиса въ сыромъ видѣ [4]).

Что касается индѣйцевъ Сѣверной Америки, то ихъ считаютъ настолько отсталымъ народомъ, что у нихъ нѣтъ ни правильнаго питанія, ни напитковъ, но если это дѣйствительно такъ, то я все-таки сомнѣваюсь въ томъ, чтобы индѣйцы постоянно жили такъ безпомощно. Всѣмъ извѣстно, что индѣйцы быстро таютъ подъ напоромъ интенсивной культуры и сраженные еще болѣе интенсивной водкой. Не есть ли забвеніе родныхъ изобрѣтеній одинъ изъ симптомовъ этого вымиранія, тѣмъ болѣе что европейская колонизація позаботилась о введеніи новаго, можетъ быть, болѣе вкуснаго напитка [5])?

Заканчивая этотъ бѣглый обзоръ американскихъ напитковъ, считаю

---

[1]) *Heller*, Reisen in Mexiko. 1853 г., стр. 236 и 333.

[2]) Op. cit., стр. 166.

[3]) Op. cit., т. I, стр. 213.

[4]) *Heller*, op. cit., стр. 83, 166 и 393.

[5]) *Waitz*, Die Indianer Nordamerikas. 1865 г., стр. 96—7.

нужнымъ указать на то, что возникшая уже до открытія Америки культура мѣшаетъ намъ составить себѣ вполнѣ вѣрное понятіе о первоначальномъ приготовленіи алкогольнаго напитка. Такъ, напримѣръ, маисъ еще до открытія Америки сталъ всюду разводимымъ культурнымъ растеніемъ, заслонившимъ другіе, дико растущіе плоды. Получаемое однообразіе напитковъ усугубляется вслѣдствіе распространенія названія „чича" по громадному раіону. Posole въ средней Америкѣ и mingaus въ Бразиліи свидѣтельствуютъ о прежнемъ разнообразіи. Все же, пользуясь и этимъ скромнымъ матеріаломъ, мы могли убѣдиться въ доказуемости всѣхъ нашихъ общихъ тезисовъ. И ту же картину увидимъ, обратившись къ островамъ Тихаго океана, гдѣ вездѣ распиваютъ мѣстный алкогольный напитокъ кава, ава или кэу, кромѣ тѣхъ острововъ, гдѣ растительность настолько убога, что туземцы питаются исключительно рыбой, а для приготовленія кавы не имѣютъ подходящаго матеріала. Такимъ образомъ, куріанцы на островѣ Тарава пьютъ только кокосовый сокъ, а опьяняющаго напитка готовить не могутъ. Вообще же островитяне въ Тихомъ океанѣ преимущественно вегетаріанцы; любимое ихъ кушанье — корень йямсъ [1]).

Кава получается изъ корня Piper methysticum, которому на нѣкоторыхъ островахъ оказываютъ чуть ли не божескія почести и который, кромѣ того, фигурируетъ въ различныхъ обрядахъ. Какъ корень такъ и напитокъ кава считается самой подходящей жертвой богамъ [2]). На островахъ Фиджи старыхъ людей зарываютъ живыми, и въ первую ночь послѣ зарытія сынъ совершаетъ обрядъ послѣдняго прощанія — veitala: посѣщаетъ могилу и кладетъ на нее корень ава [3]). На островѣ Таити коронація короля — выражаясь по европейски — состояла въ опоясываніи священнымъ поясомъ Maro Uro, сдѣланнымъ изъ волоконъ Piper methysticum и украшеннымъ красными перьями; послѣ этого обряда король уподоблялся богамъ [4]). Въ виду общеупотребительности этого растенія нѣкоторые островитяне культивируютъ его; какъ въ другихъ частяхъ свѣта обширныя поля засѣяны безполезнымъ и даже вреднымъ табакомъ, такъ въ Таити, напримѣръ, большая часть острова занята полями Piper methysticum [5]).

---

[1]) *Hartwig*, Die Inseln des grossen Oceans im Natur- und Völkerleben. 1861 г. стр. 397 и 447.

[2]) *Michelis*, Die Völker der Südsee. 1847 г., стр. 90 и 110.

[3]) *Hartwig*, op. cit., стр. 406.

[4]) *Hartwig*, op. cit., стр. 194.

[5]) *Hartwig*, op. cit., стр. 169.

Каву пьютъ исключительно во время религіозныхъ празднествъ, и само пьянство обставлено очень торжественно. Къ началу пьянства на островѣ Гаваи объявлялось табу—awakoo, а къ концу наступало другое табу—koolei [1]). Въ пьянствѣ принимаютъ участіе самые знатные подъ предсѣдательствомъ старшаго вождя, а народъ—profanum vulgus—лишь издали смотрѣлъ на священнодѣйствіе избранныхъ. На островѣ Тонга празднество происходило слѣдующимъ образомъ: активные участники садились въ кругъ, строго соблюдая старшинство, а въ почтительномъ разстояніи собиралась толпа въ три—четыре тысячи человѣкъ. Затѣмъ приносились связки корней Piper methysticum и младшіе начинали жевать ихъ. Разжевавъ корень, клали его на фиговый или банановый листъ и передавали по рукамъ тому, кто долженъ былъ готовить напитокъ. Этотъ мундшенкъ собиралъ готовые корни въ большой сосудъ и приступалъ къ своей работѣ по знаку предсѣдателя, когда корней было достаточно. Прибавивъ воды, смявъ корни и обмотавъ ихъ волокнами Hibiscus, мундшенкъ поднимаетъ всю массу сразу и начинаетъ выжимать изъ нея жидкость. Мускулы напряжены до послѣдней возможности, зубы стиснуты, брови сморщены. На него смотритъ вся Тонга. Наконецъ, послѣдняя капля упала въ сосудъ, и мундшенкъ быстрымъ движеніемъ бросаетъ въ сторону сухую массу. Въ этотъ моментъ по всему собранію слышенъ шумъ въ знакъ одобренія. Напитокъ готовъ, и его разливаютъ въ кубки, приготовленные изъ банановыхъ листьевъ. Кубки раздаются по старшинству, и предсѣдатель громко выкрикиваетъ имя получающаго [2]).

Въ этомъ разсказѣ насъ поражаетъ то, что кава распивается сразу послѣ приготовленія и какъ будто не дается времени на броженіе. Но дѣло въ томъ, что Piper methysticum обладаетъ свойствомъ бродить въ самое непродолжительное время [3]). Въ Новой Гвинеѣ, гдѣ пользуются другими корнями, заготавливаютъ напитокъ за двѣ—три недѣли до надобности [4]). Любопытна черта, что жуютъ только младшіе участники празднества. На островѣ Самоа дѣвушки и парни жуютъ каву, у папуасовъ по свидѣтельству Штейнгейзера—однѣ дѣвушки. Въ этомъ я вижу остатки принудительнаго труда: молодежь работаетъ на старшихъ, женщины на мужчинъ. Иногда во время жеванія пред-

[1]) *Bastian*, Zur Kenntniss Hawaii's. 1883 г., стр. 36—7.

[2]) *Hartwig*, op. cit., стр. 374—5.

[3]) *Neubaur*, Aus der Südsee, Westermanns Monatshefte, т. LXXV, стр. 576.

[4]) *Steinhäuser*, Die Papuas auf Neu-Guinea, Westermanns Monatshefte, т. LXXX, стр. 598.

сѣдатель пиршества поетъ, а другіе сопровождаютъ его пѣніе жестами и рукоплесканіями и отвѣчаютъ ему хоромъ [1]). Миссіонеръ Михелисъ разсказываетъ еще такой случай: во время пира одинъ старикъ, выпивши сверхъ силъ кавы, залепеталъ непонятнымъ языкомъ. Присутствующіе рѣшили, что въ него вселилась душа умершаго недавно вождя, и упали передъ нимъ ницъ, цѣлуя ему ноги и при гробовомъ молчаніи ожидая, что онъ еще скажетъ [2]).

Особенно цѣнно то, что сообщаетъ о напиткѣ кэу или кау Миклухо-Маклай, жившій 15 мѣсяцевъ среди папуасовъ, говорившій на ихъ языкѣ и пользовавшійся ихъ безусловнымъ довѣріемъ. Кромѣ того, Маклай изслѣдователь вполнѣ сознательный, который старался „видѣть все собственными глазами“ и, относясь критически къ каждому такъ называемому „открытію“, отвергалъ „весь хламъ не полныхъ, не точныхъ и искаженныхъ посторонимъ вліяніемъ наблюденій“ [3]). Считаю нужнымъ обратить вниманіе на то, что наблюденія Маклая ни въ чемъ не противорѣчатъ разсказамъ другихъ путешественниковъ, а съ другой стороны поддерживаютъ наши общіе выводы.—Кэу готовится изъ листьевъ, корней и стеблей [4]) небольшого куста, относящагося къ тому же семейству, какъ и Piper methysticum, и старательно разводимаго около хижинъ. Кэу пьютъ только взрослые тамо; мальчикамъ до обрѣзанія и женщинамъ этотъ напитокъ запрещенъ. Но жуютъ — мальчики. Одинъ изъ старшихъ раздаетъ кэу и смотритъ, чтобы всѣ исправно жевали. „Темнозеленую, очень горькую массу папуасы часто вынимаютъ изо рта, кладутъ на ладонь и осторожно скатываютъ изъ нея шаръ величиною иногда съ куриное яйцо (отверстіе рта папуасовъ замѣчательно велико), потомъ кладутъ ее снова въ ротъ или передаютъ другому продолжать жеваніе. Когда масса достаточно мягка, каждый изъ жевавшихъ, вынувъ ее изо рта, скатываетъ снова въ шаръ и подаетъ папуасу, раздававшему порціи. Собравъ нѣсколько шаровъ, главный приготовитель кэу выжимаетъ руками обильную зеленую жидкость, пропитывающую шаръ, которая есть *ничто иное, какъ слюна жевавшихъ* [5]); затѣмъ смачиваетъ водою выжимки и снова выжимаетъ ихъ, пока вода почти не окрашивается“.

---

[1]) *Bastian*, op. cit., стр. 35.

[2]) *Michelis*, op. cit., стр. 72—3.

[3]) *Миклухо-Маклай*, Второе пребываніе на берегу Маклая въ Новой Гвинеѣ, Извѣстія Имп. русскаго географическаго общества, т. XVI, стр. 153.

[4]) Для теоріи вегетаріанства очень важная подробность!

[5]) Курсивъ мой.

Передъ большою чашею съ кэу дѣлаются въ землѣ углубленія, въ которыя ставятся чаши пирующихъ, выдѣланныя изъ скорлупы молодого кокосоваго орѣха. Чаши эти различныхъ размѣровъ, смотря по любви къ напитку, и внутри покрыты точно темнозеленымъ мохомъ, такъ какъ обычай не позволяетъ вымывать или вычищать внутри чашу, изъ которой пьютъ кэу.

„Когда всѣ чаши наполнены, папуасы, стоящіе вокругъ, протягиваютъ къ нимъ руки и берутъ ихъ всѣ въ одно время или поочередно, при чемъ соблюдается извѣстная послѣдовательность (сперва гости, потомъ болѣе старые и т. д.). Съ чашами въ рукахъ пирующіе расходятся по краямъ поляны, гдѣ происходитъ пиръ, и, отвернувшись, выпиваютъ чашу кэу, при чемъ въ тотъ же моментъ испускаютъ мочу. Этотъ обычай, который соблюдается постоянно въ нѣкоторыхъ деревняхъ, измѣняется въ другихъ такимъ образомъ, что мочу испускаютъ до выпиванія кэу и немного спустя“. — Выпиваютъ обыкновенно три или четыре столовыхъ ложки, что вполнѣ достаточно для опьянѣнія. Ни одно пиршество не обходится безъ кэу, при чемъ передъ нимъ ничего не ѣдятъ (т. е. постятся?).

Наряду съ этими подробностями, отзывающимися глубокой стариной, Маклай сообщаетъ и такія черты, которыя напоминаютъ намъ пьянство цивилизованныхъ народовъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ папуасы пьютъ кэу и въ обыкновенное время, даже женщины втайнѣ лакомы до него. Какъ у насъ принято закусывать икоркой или балычкомъ, такъ папуасы заѣдаютъ горькій вкусъ кэу, заранѣе для этой цѣли приготовленнымъ, наскобленнымъ кокосовымъ орѣхомъ, смоченнымъ кокосовой водою. Въ то время какъ чичеросъ предпочитаетъ гущу— bomba abajo, папуасы додумались уже до фильтрированія кэу. Для этого имъ нужны только двѣ большія выскобленныя скорлупы кокосоваго орѣха. Верхняя скорлупа, пробуравленная въ срединѣ, исполняетъ роль воронки, дно которой выстлано мягкой тонкою травою, замѣняющею фильтръ. Подобно тому, какъ европейскіе народы переходятъ къ болѣе и болѣе крѣпкимъ напиткамъ, отъ первоначальнаго „пива“ къ виноградному вину, а отъ вина къ водкѣ, коньяку и ликерамъ, такъ и у папуасовъ сушеный, много мѣсяцевъ сбереженный корень кэу доставляетъ болѣе горькое и крѣпкое питье.

Кромѣ того, что кэу темнозеленаго цвѣта и обыкновенной густоты топленаго, немного остывшаго жира, Маклай о качествѣ и дѣйствіи напитка разсказываетъ еще слѣдующее: „я самъ, желая знать эффектъ, выпилъ однажды обыкновенную порцію кэу; питье оказалось безъ

особеннаго запаха, горько-стягивающаго вкуса; черезъ нѣсколько времени по принятіи кэу я почувствовалъ головокруженіе и ноги отказались держать меня, что однако же прошло послѣ получасового сна" [1]).

Напитокъ кава или кэу извѣстный почти всѣмъ туземцамъ Полинезіи, ни разу не наблюдался въ Меланезіи, да и въ Новой Гвинеѣ онъ пріуроченъ только къ одной области — Астролябъ-баю [2]).

Пока ограничимся этими примѣрами изъ жизни народовъ, стоящихъ внѣ европейской культуры. Такъ какъ эти обычаи практиковались очень недавно, а отчасти практикуются и понынѣ, то они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что посредствомъ жеванія и выплевыванія растеній въ одинъ общій сосудъ могъ получиться опьяняющій напитокъ, а что этотъ напитокъ былъ древнѣйшимъ, доказывается тѣсной связью способа его приготовленія съ первобытнымъ вегетаріанствомъ человѣка. Эти времена для насъ столь же (если не больше) отдалены, какъ и сами американскіе индѣйцы и людоѣды—папуасы, но слюна, какъ ферментъ, упоминается и въ финскихъ пѣсняхъ, которыя зародились въ нашемъ ближайшемъ сосѣдствѣ и такъ или иначе заставляютъ насъ предполагать жизненныя условія, аналогичныя тѣмъ же у индѣйцевъ и папуасовъ. Правда, Юліусъ Кронъ думаетъ, что финскій пѣсенный эпизодъ о варкѣ пива заимствованъ у скандинавовъ, но, хотя миѳъ о медѣ скальдовъ, можетъ быть, и отразился въ болѣе поздней стадіи финскаго пѣснопѣнія, въ основѣ этого эпизода лежитъ несомнѣнно самостоятельный опытъ. Не говоря уже о томъ, что въ скандинавскомъ миѳѣ медъ скальдовъ готовится вовсе не отъ слюны, но изъ крови убитаго Квасира, слюна—ферментъ у скандинавовъ могъ быть только отъ человѣка, судя по миѳу. Въ финскихъ пѣсняхъ же Осмотаръ, намѣреваясь варить пиво, въ видѣ бродила употребляетъ слюну свиньи (въ Ингерманландѣ и Саволаксѣ), медвѣдя (въ Кареліи) и дерущихся жеребцовъ (въ Архангельской губ.). Кронъ, желавшій доказать скандинавское происхожденіе, сближаетъ финскую свинью, на слюнѣ которой варятъ пиво, съ божественнымъ кабаномъ скандинавовъ и считаетъ медвѣдей (karhut вмѣсто karjut) и жеребцовъ (oriit вмѣсто oras—siat) позднѣйшими измѣненіями. Не предрѣшая этого вопроса, я указываю на возможность

[1]) Нейбауръ сравнилъ вкусъ и видъ кавы съ мыльной водой.

[2]) Статьи Миклухо-Маклая помѣщены въ Извѣстіяхъ Императорскаго русскаго географическаго общества т. X и т. XVI и въ Naturkundig Tijdschrift 1875 г., отдѣльно—Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea. Ср. также *Finsch*, Samoafahrten. 1888 г.

другого рѣшенія: слюна—ферментъ могла быть не только захожимъ пѣсеннымъ мотивомъ, но воспоминаніемъ древняго обычая; при чемъ животное, отъ котораго добывалась слюна, могло мѣняться. Важно было только одно—и пѣсня отмѣчаетъ это,—чтобы слюнотеченіе даннаго животнаго было особенно интенсивно, поэтому упоминается о дракѣ жеребцовъ, а иногда и о присутствіи кобылы. Но такая постановка вопроса выдвигаетъ болѣе широкое предположеніе о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ финно-угорскихъ народовъ, для освѣщенія котораго я теперь не обладаю никакими матеріалами [1]).

IV.

Возвратимся теперь къ вопросу, какой напитокъ должно считать первоначальнымъ средствомъ опьянѣнія у арійскаго племени. Если въ первой главѣ выяснилось, что пиво предшествовало какъ виноградному вину, такъ и водкѣ, коньяку и ликерамъ, то теперь попытаюсь доказать, что арійцы отнюдь не представляютъ исключенія изъ общечеловѣческаго обычая готовить алкогольный напитокъ, жуя какія-нибудь растенія и выплевывая разжеванные комки въ одинъ общій сосудъ. На это указываетъ, во-первыхъ, древне-сѣверный миѳъ о Квасирѣ.

Снорри передаетъ его такъ: „боги заключили миръ съ тѣмъ народомъ, который назывался vanir; для этого они устроили особую сходку и закрѣпили миръ такимъ способомъ, что они съ обѣихъ сторонъ подходили къ сосуду и плевали свою слюну туда; но при разставаніи боги не захотѣли, чтобы этотъ видимый знакъ мира пропалъ, и поэтому создали отсюда человѣка по имени Kvâsir. Онъ былъ такъ мудръ, что никто не могъ предложить ему такого вопроса, на который онъ не зналъ отвѣта. Онъ много путешествовалъ по міру, чтобы знакомиться съ мудростью людей. Когда же онъ прибылъ къ мѣстожительству какихъ-то двержговъ Фьяларъ и Галаръ, то они пригласили его на бесѣду и убили его; кровь его они собрали въ два сосуда, называемыхъ Sôn и Boðn, и въ котелъ O'ðroerir. Они примѣшали медъ къ этой крови, и такимъ образомъ получился медовый напитокъ, дѣлающій того, кто пьетъ его, скальдомъ и знатокомъ преданій. Богамъ-асамъ дверги сказали, что Квасиръ задохся отъ мудрости, потому что никто не былъ такъ уменъ, чтобы испытать его мудрость... Съ тѣхъ поръ искусство скальдовъ называется кровью Квасира и

[1]) *Julius Krohn*, Finska literaturens historia, стр. 322 сл.

напиткомъ или надѣломъ двергов и чѣмъ-то въ родѣ моря O'đroerir, Són и Bođn“ [1]).

Попробуемъ сперва разложить этотъ разсказъ на составныя части. Отчего въ одномъ случаѣ котелъ—ketil, а въ другомъ сосуды—keri? Если бы одинъ и тотъ же авторъ выдумалъ всѣ три вещи, онъ никогда не сталъ бы дѣлить ихъ на одинъ котелъ и два сосуда и кромѣ того образовалъ бы названія по одному принципу, или по свойству и цѣли напитка или же по дѣйствіямъ, связаннымъ съ нимъ. Въ то время, какъ O'đroerir составлено изъ óđr=умъ и hroera=трогать, возбуждать и, очевидно, значитъ „возбудитель ума“, Són образовано отъ sjóđa=варить и Bođn отъ bjóđa=приглашать. Словомъ, какъ названія, такъ и качество сосудовъ указываютъ на компиляцію: O'đroerir принадлежалъ другому миѳу, чѣмъ Són и Bođn. Несомнѣнно и то, что два сосуда вмѣсто одного понадобились какъ параллель къ двумъ двергамъ, но откуда эти два дверга и почему ихъ два? Я думаю, что авторъ разсказа позаимствовалъ ихъ изъ какого-нибудь перечня двергов—dvergatal. Сохранившійся въ Волуспо перечень весьма въ этомъ отношеніи поучителенъ: во-первыхъ, имена двергов часто риѳмуютъ, какъ Skirfir и Virfir, Finnr и Ginnar, Dori и Ori, во-вторыхъ, одинъ стихъ называютъ Fjalarr ok Trosti. На этомъ основаніи мы имѣемъ полное право предположить въ какомъ-нибудь другомъ, теперь затерянномъ перечнѣ стихъ: Fjalarr ok Galarr. Это предположеніе поддерживается еще слѣдующимъ соображеніемъ: Galarr образовано отъ gala=пѣть пѣтухомъ, а Fjalarr не только двергъ, но и пѣтухъ; въ Волуспо [2]) упоминается

fagrrauđr hani
sá er Fjalarr heitir.

Однако, отбросивъ двергов и сосуды, мы все еще не дошли до первоначальнаго миѳа; очевидно, мудрецъ Квасиръ явился только тогда, когда древнѣйшій напитокъ былъ уже забытъ, когда плеваніе въ одинъ общій сосудъ стало поэтическимъ мотивомъ безъ всякой реальной подкладки и когда уже никому въ голову не приходило, что образовавшійся изъ собранной слюны напитокъ можно пить. Выдѣливъ еще Квасира, мы остались при слѣдующемъ преданіи: асы заключаютъ миръ съ ванами и при этомъ совершаютъ обрядъ, плюя въ одинъ общій сосудъ. До тѣхъ поръ, пока аналогичный обрядъ заключенія

[1]) Снорровa Эдда, гл. LVII.
[2]) Строфа 43.

мира не будетъ гдѣ-нибудь найденъ, я думаю, что самъ народъ, не понимавшій уже цѣли этого плаванія, выдумалъ такое объясненіе. Краткое же преданіе, ядро миѳа, сложилось изъ двухъ атомовъ: изъ факта примиренія асовъ съ ванами и способа приготовленія древнѣйшаго алкогольнаго напитка.

Кто же эти vanir? Снорри противопоставляетъ боговъ—guđin народу, именуемому vanir [1]). По его мнѣнію, только асы—боги, а ваны—народъ. Нореенъ [2]) сопоставляетъ vanir съ лат. venenum, инд. vánam=вода и готск. wintrus=время дождей, и толкуетъ Seegötter—морскіе боги. Съ этимъ я не могу согласиться. Главный изъ этихъ „морскихъ“ боговъ, Фрейръ, почитался преимущественно въ Упсалѣ, вдали отъ моря. Его имя означаетъ „господина“ [3]) вообще. По характеристикѣ Инглингасаги онъ скорѣе богъ плодородія: ему шведы обязаны были миромъ—Fróđa friđr, и тогда по всей странѣ былъ хорошій урожай [4]). По Эддѣ же Фрейръ управляетъ дождемъ и солнцемъ и зависящимъ отъ нихъ плодородіемъ земли [5]). Njörđr, отецъ Фрейра, по вѣрованію шведовъ, также опредѣлялъ урожай и богатство людей [6]). Онъ же напоминаетъ намъ богиню Nerthus, которую Тацитъ толкуетъ какъ мать-земля—terra mater. Мнѣ кажется, что съ миѳологической точки зрѣнія было бы сильной натяжкой считать вановъ морскими богами. Не имѣемъ ли мы тутъ передъ собой интересный въ методологическомъ отношеніи фактъ: включеніе чужихъ боговъ (шведскихъ) въ сонмище своихъ собственныхъ (норвежскихъ)? Когда произошло это сліяніе, то образовалось два лагеря: боги—асы и боги—ваны. Vanir сперва было этническимъ названіемъ, отразившимся также въ наименованіи озера Венернъ—Vaenir [7]). Vanir—шведы въ болѣе узкомъ смыслѣ, въ частности жители на берегахъ озера Венернъ. Естественно, что Фрейръ и Ніордъ, включенные въ исландско-норвежскій олимпъ, назывались шведами—vanir, а потомъ когда этническое названіе было забыто, оно стало считаться болѣе спеціальнымъ обозначеніемъ боговъ.

Миѳъ о войнѣ асовъ съ ванами отражаетъ какую-то древнюю племенную вражду норвежцевъ со шведами, окончившуюся общимъ ми-

[1]) þat fólk, er vanir heita.

[2]) *Noreen*, Abriss der urgermanischen Lautlehre, стр. 50.

[3]) Сл. нѣмецкое Frau.

[4]) þat var ok ár um öll lönd, глава XII.

[5]) hann raeđr fyrir regni ok skini sólar ok þar međ ávexti jardar, глава XXIV.

[6]) Svíar trúđu því at Njörđrređi fyrir ári ok fyrir fésaelu manna, глава XI.

[7]) *Noreen*, op. cit. стр. 53.

ромъ. Заключеніе этого мира обставили обрядомъ, настоящій смыслъ котораго былъ забытъ, но понять его можно въ связи съ американской чичей и напиткомъ кава—кэу на островахъ Тихаго океана. Первоначальное преданіе кончилось, вѣроятно, тѣмъ, что примиренные асы и ваны устроили пиршество, распивая приготовленный ими посредствомъ плеванія напитокъ. Ясно, что этотъ конецъ съ теченіемъ времени становился непонятнымъ. Кромѣ того, научились подслащивать горькій напитокъ медомъ. Наконецъ, произошла контаминація, рѣшившая участь нашего миѳа. Напитокъ боговъ былъ отожествленъ съ „даромъ Одина" или его „находкой".

Этотъ даръ, который Одинъ, богъ бури, приноситъ въ образѣ орла, для собиранія котораго асы ставятъ на дворъ кадку [1]),—дождь. Такъ было очень, очень давно. Потомъ Одинъ въ качествѣ психопомпа (къ этому привела его роль носителя бури) сталъ покровителемъ дружины и короля, ведущаго ее въ бой. Наряду съ пѣвцами þulir, связанными съ древнеязыческимъ родовымъ бытомъ, появлялись скальды, поэты новаго покроя, восхваляющіе конунга и воинственные подвиги. Пользуясь тѣми новыми сюжетами, которые викинги приносили съ собой изъ чужихъ краевъ, и разрозненными, своеобразно понятыми крохами христіанскаго ученія, эти скальды стали перестраивать и компилировать старинные, наивные, дѣйствительно народные миѳы, группируя мѣстныхъ и даже чужихъ боговъ, напримѣръ, вановъ, вокругъ Одина, котораго они должны были считать главнымъ богомъ вообще, своимъ покровителемъ въ частности. Тогда-то и „даромъ" и „находкой" Одина—feng Oðins ok fund—не могъ уже больше считаться дождь, а такъ стала называться сама поэзія скальдовъ—skáldskapinn. Разъ выработали эту формулу, то представилась трудная, казалось бы, задача: согласовать „даръ Одина" съ „напиткомъ асовъ и вановъ". Посмотримъ, какъ компиляторъ рѣшилъ эту задачу.

Когда разсказъ о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ сталъ непонятнымъ, его подновили въ томъ смыслѣ, что пили не слюну, а кровь убитаго человѣка. Разсмотрѣвъ нѣсколько случаевъ, гдѣ пьютъ кровь, и какое значеніе придавалось этому обычаю, мы поймемъ, что „кровь Квасира" не то, что могла, но прямо должна была стать „напиткомъ скальдовъ". По Саксону [2]), Бьярки, убивъ медвѣдя, за-

[1]) En er aesir sá, hvar O'ðinn flaug, þá settu þeir út í garðinn ker sín, Сноррова Эдда, глава LVIII.

[2]) Ursum quippe eximiae magnitudinis obvium sibi inter dumeta factum jaculo confecit, comitemque suum Hjaltonem, quo viribus major evaderet, applicato ore

ставляетъ своего товарища Гъяльто пить, льющуюся изъ раны, кровь, чтобы стать сильнѣе. Думали тогда, что такой напитокъ можетъ увеличить силу. Въ другомъ мѣстѣ [1]) Саксонъ разсказываетъ, что Фолько, истощившійся отъ ранъ и пыла борьбы, собираетъ свою собственную кровь въ шлемъ и пьетъ ее. Обратимся къ пѣснямъ Эдды. Когда Сигурдъ убилъ Фафнира, то Регинъ вырѣзалъ его сердце и пилъ кровь изъ раны. Затѣмъ онъ ложится спать, прося Сигурда тѣмъ временемъ изжарить сердце. Но Сигурдъ сжарилъ сердце и самъ отвѣдалъ его. Какъ только кровь сердца попала ему на языкъ, онъ сразу сталъ понимать разговоръ птицъ. Послѣ этого Сигурдъ убилъ и Регина, съѣлъ до конца сердце Фафнира и запивалъ кровью Регина и Фафнира [2]). Чтобы понять этотъ эпизодъ, нужно имѣть въ виду, что Фафниру приписывалась исключительная мудрость. На это указываетъ двукратное обращеніе Сигурда къ Фарниру со словами:

> Segđu mér þat, Fáfnir!
> ales þik fróđan Kveđa
> ok vel mart vita [3]).

Теперь мы понимаемъ, почему нѣсколько разъ подчеркивается мудрость Квасира и его освѣдомленность на счетъ преданій. Кто пьетъ его кровь, самъ становится знающимъ скальдомъ, такъ же, какъ Сигурдъ пьетъ кровь мудраго Фафнира или Гъяльто—сильнаго медвѣдя. Миѳъ о Квасирѣ нуждается теперь только въ одномъ дополненіи. Являлся вопросъ, кто же собственно убилъ его. Понятно, двергъ какой-нибудь, отличительныя черты котораго были хитрость и коварство. Почему ихъ было два и какъ съ ними связаны два сосуда, я уже выяснялъ.

Изслѣдуя Эдду Снорри, необходимо, кажется мнѣ, обратить особое вниманіе на обороты скальдовъ—Kenningar, для объясненія которыхъ Снорри вѣдь и предпринялъ свой трудъ, и которыя поэтому въ большинствѣ случаевъ древнѣе прозаической Эдды. Такіе обороты, какъ

---

egestum belluae cruore haurire jussit. Creditum namque erat, hoc potionis genere corporei roboris incrementa praestari.—Saxonis Historia Danica, ed. Müller, lib. II, стр. 87.

[1]) Cumque Folco vulneribus ac labore hebetatus, sed et aestu et labore pariter sitique perfusus, fugam insequi destitisset hostilem, recreandi corporis gratiam proprium casside cruorem excepit hauriendumque ori praebuit.—Ibidem, lib. IV, стр. 164—5.

[2]) *Fáfnismál*, отъ прозы послѣ строфы 26 до 40.

[3]) *Fáfnismál*, строфы 12 и 14.

„находка“ и „даръ“ Одина, первоначально указывали на дождь, оборотъ „напитокъ асовъ“— drykk ásanna на питье, приготовленное при заключеніи мира. Если же обороты „кровь Квасира“ и „питье“ или „надѣлъ дверговъ“ несомнѣнно болѣе поздняго образованія, то опять „медъ Суттунга“ и „море Hnítbjarga“ относятся къ совершенно другому миѳу. Когда Снорри (и я думаю, что никто иной такъ не стремился къ соединенію миѳовъ въ одинъ связный разсказъ, какъ онъ) компилировалъ миѳъ о Суттунгѣ съ миѳомъ о Квасирѣ, ему пришлось прибавить, что дверги примѣшали медъ къ крови Квасира—blendu hunangi vid blóđit. Аналогичную операцію продѣлываетъ Гудруна, когда ради мести подаетъ Аттилѣ кровь и сердце его собственныхъ дѣтей: они тоже приправлены медомъ [1]). Сличая названія O'đroerir = „возбудитель ума“ и Suttungr = „отяжелѣвшій отъ питья“, мы убѣждаемся, что они придуманы однимъ и тѣмъ же авторомъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ „напитокъ асовъ“ перешелъ къ Суттунгу, Снорри сочинилъ параллель къ убійству Квасира—разсказъ объ убійствѣ Гиллинга, котораго сдѣлалъ отцомъ Суттунга. Отсюда вытекаетъ и то, что оборотъ „farkost dverga“ едва ли настоящій Kenningr. Чувствуя искусственность своей компиляціи, Снорри заставляетъ Эгира говорить: Темны мнѣ кажутся такія описательныя выраженія для поэзіи скальдовъ [2]). Въ болѣе чистомъ видѣ, безъ выдумокъ Снорри, миѳъ о Суттунгѣ передается въ Hávamál [3]). Нѣтъ даже упоминанія о томъ, что O'đroerir медъ скальдовъ, это просто драгоцѣнный напитокъ—drykk ins dýra mjađar. Почему Одинъ непремѣнно хочетъ овладѣть этимъ напиткомъ, такъ и не объясняется. Но Снорри отожествилъ его съ медомъ скальдовъ и допустилъ маленькую неточность: у него O'đroerir не медъ, а котелъ.

Миѳъ о Суттунгѣ примыкаетъ къ сказочному мотиву о живой водѣ. Старшій сынъ больного короля, отправившись за живой водой, попадаетъ въ ущелье; чѣмъ дальше онъ ѣдетъ, тѣмъ ближе сходятся горы, и наконецъ, дорога уже такъ узка, что онъ не можетъ ни двигаться впередъ, ни повернуть лошадь, ни сойти съ коня. Это Hnítbjargir, отъ hníta—„сталкиваться“. Такъ же застреваетъ и второй братъ. Только третій, при содѣйствіи дверга, попадаетъ въ заколдованный замокъ, гдѣ живетъ плѣнная красавица. Сперва происходитъ эротическая игра, а потомъ дѣвица открываетъ царевичу колодезь

---

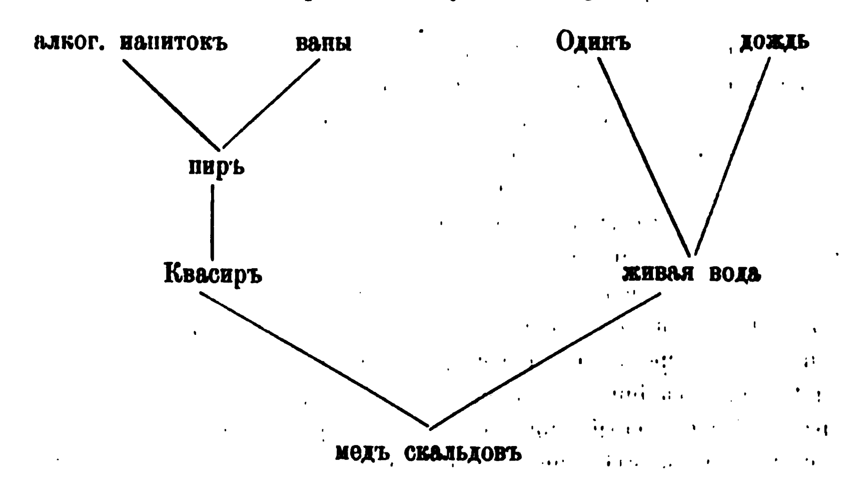
[1]) *Atlakviþa*, строфа 37.

[2]) Myrkt þykki mér þat maelt, at kalla skáldskap međ þessum heitum.

[3]) Строфы 103—9.

съ живой водой [1]). Отбросивъ тригеминацію какъ спеціальный сказочный пріемъ, мы не можемъ сомнѣваться въ тожественности мотивовъ,—mutatis mutandis. Царевичъ, добывающій воду,—самъ Одинъ. Плѣненная красавица — Gunnlǫđ, валькирія, „призывающая къ бою", отъ gunnr = бой и lađa = приглашать. За O'đroerir, по мнѣнію Сиверса, могло стоять O'hrorir = „не старящій". Suttungr, понятое какъ Suptúngr, могло восходить къ Svihtúngr = бушующій [2]). Впрочемъ, ближе къ сказкѣ дверга Фьяларъ [3]), но генеалогія потребовала великана — inn aldna jotunn [4]). Когда „сталкивающіяся горы" потеряли свой первоначальный смыслъ и сдѣлались собственнымъ именемъ, тогда придумывается новая черта: крыса грызетъ отверстіе въ горѣ, черезъ которое проникаетъ Одинъ, превратившись въ змѣю. Снорри же придумалъ раціональное объясненіе: nafar þann er Rati heitir. Въ Hávamál Одинъ говоритъ о какой-то клятвѣ, которую онъ нарушилъ, такъ что никто ему уже вѣрить не будетъ. Не объясняетъ ли сказка характеръ этой клятвы: царевичъ долженъ возвратиться черезъ годъ и жениться.

Не разсмотрѣннымъ остался еще разсказъ о Baugi, братѣ Суттунга, и его работникахъ, но всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что онъ приплетенъ ни къ селу, ни къ городу. Результатъ моего разбора я позволю себѣ изобразить слѣдующей діаграммой:



[1]) *Grimm*, Kinder- und Hausmärchen, № 97 „Das Wasser des Lebens".

[2]) *Elard Meyer*, Handbuch der Mythologie, стр. 152—3.

[3]) *Hávamál*, строфа 14.

[4]) *Hávamál*, строфа 104.

Чтó же однако означаетъ Квасиръ? Гриммъ (Myth. 266) связывалъ корень этого слова съ русскимъ „квасъ“, Веселовскій съ „квасить, заквашивать“ [1]). Изъ древне-сѣвернаго языка до сихъ поръ не представлено ни одного болѣе или менѣе удовлетворительнаго объясненія. Но, можетъ быть, въ современныхъ родственныхъ языкахъ имѣются слѣды затерявшагося корня, случайно не сохранившагося въ литературномъ древне-сѣверномъ языкѣ, который совершенно не представленъ древне-шведскимъ. Послѣдній діалектъ имѣлъ бы тѣмъ бóльшее значеніе въ вопросѣ о Квасирѣ, что въ этотъ миѳъ, какъ мы пытались доказать, несомнѣнно вошли шведскіе мотивы. И вотъ въ шведскомъ языкѣ мы и находимъ глаголъ quäsa = пришибить, помять, ранить, придавить, ошеломить, betäuben [2]). Этому слову соотвѣтствуетъ датское kvase=кушать [3]). Производство отъ французскаго quasser=casser я считаю мало вѣроятнымъ; болѣе правдоподобнымъ является тогда уже сопоставленіе съ нѣмецкимъ quetschen отъ болѣе древнихъ формъ quetzen—quetsen—quessen. И по значенію сюда принадлежитъ діалектическое выраженіе quese = чудачество, verrückter Einfall и quesenkopf = чудакъ [4]). Любопытное сближеніе находимъ также въ финляндско-нюландскомъ діалектѣ: Kväison=lonicera xylosteum; Kväisonblómo = lythrum salicaria; Kväisonrís = Kvesved = solanum dulcamara. Кромѣ того, Kväison имѣетъ еще побочныя значенія, такъ что нюландецъ прямо признается: he finns nii slaks Kväison! [5]). Хотя приведенныя параллели и не позволяютъ намъ придти къ опредѣленному заключенію, но все же, если онѣ пріемлемы, явствуетъ, что имя Квасира врядъ ли придумано ad hoc и такъ или иначе должно быть связано съ самимъ алкогольнымъ напиткомъ.

Кромѣ миѳа о Квасирѣ древне-сѣверная литература сохранила намъ еще разсказъ, поразительно сходный въ подробности о роли слюны съ финскимъ пѣсеннымъ мотивомъ и все же не дозволяющій предположить какую-нибудь между ними связь. Saga af Hálfi ok Hálfsrekkum начинается со слѣдующаго эпизода: король Ольрекъ, будучи уже женатъ на Сигни, вздумалъ взять къ себѣ еще красавицу

---

[1]) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. CCCXXIII, стр. 18.

[2]) *Frese*, Schwedisch-deutsches Wörterbuch. 1842 г.; Svenskt-ryskt lexikon. 1847 г.

[3]) *Jessen*, Dansk etymologisk Ordbog. 1892 г.

[4]) *Paul*, Deutsches Wörterbuch.

[5]) *Nyland*, т. I, стр. 125.

Гейргильду за красоту. Но такъ какъ обѣ жены постоянно ссорились, то король рѣшилъ оставить при себѣ ту, которая сваритъ ему лучшее пиво. Сигни обратилась за помощью къ Фрейю, а Гейргильда къ Одину; послѣдній явился къ ней инкогнито, подъ названіемъ Шляпы= Hött и въ *качествѣ бродила положилъ свою слюну* [1]), а пиво оказалось превосходнымъ.—Такимъ образомъ, сага досказываетъ то, что стало неяснымъ въ миѳѣ о Квасирѣ.

Важнымъ свидѣтельствомъ о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ арійцовъ служитъ индійское сома [2]). Прежде всего сома напитокъ, и напитокъ опьяняющій. Можетъ быть, названіе его слѣдуетъ производить отъ корня su=возбуждать; сл. греческое σεύω и σείω [3]). Въ миѳахъ постоянно напивается имъ Индра. Индра бьетъ чудовищъ, одолѣваетъ змѣя и тѣмъ освобождаетъ дождь, онъ управляетъ солнцемъ и зарей, но все это онъ дѣлаетъ только, напившись сома. Иногда всѣ эти подвиги приписываются не Индрѣ, а прямо сома. Въ 17 гимнѣ VIII книги взываютъ къ Индрѣ: „Снизойди къ намъ, приготовившимъ тебѣ напитокъ и восхваляющимъ тебя! Пей сокъ растительный, лакомка! Я вливаю медъ въ твое брюхо, да подкрѣпитъ онъ всѣ твои члены, лови, лови его языкомъ! Да будетъ пріятно тебѣ угощеніе, да будетъ сладостно тѣлу твоему и любо твоему сердцу"! Въ 43 гимнѣ X книги мы встрѣчаемся съ оборотами, которые сдѣлали бы честь современному поэту декаденту: „Глотки веселаго опьяненія собираются въ Индрѣ подобно тому, какъ птицы слетаются на дерево съ густой листвой; весь ихъ рой, сильно блестящій въ даль, создаютъ людямъ солнце, свѣтъ арійцамъ... Какъ потоки стремятся къ морю, а ручейки къ озеру, такъ сома стекается къ Индрѣ: священникъ въ домѣ увеличиваетъ его силу, подобно тому, какъ хлѣбъ выростаетъ подъ небеснымъ дождемъ"...

Итакъ сома напитокъ культовой, и поэтому оно въ жертвенныхъ пѣсняхъ играетъ такую же роль, какъ и пламя—agni. Въ 48 гимнѣ VIII книги поется: „Будемъ-те чествовать жертвой сома, которое мы только что пили, и которое, само безсмертное, теперь пребываетъ въ насъ, смертныхъ". Тамъ же: „Мы пили сома, мы стали безсмертными" 68 гимнъ той же книги говоритъ и о томъ, что сома избавляетъ отъ земныхъ недуговъ: „оно одѣваетъ нагого, лечитъ больного, слѣпой

---

[1]) Hann lagđi fyri dregg hraka sinn. Fornaldarsögur norđlanda, т. II, стр. 26.

[2]) *Kuhn*, Mythologische Studien. 1886 г.; *Grassmann*, Rigveda. 1877 г.; *Regnaud*, Le Rig-Véda. 1900 г.; *Vodskov*, Sjaeledyrkelse og Naturdyrkelse. 1897 г.

[3]) *Regnaud*, op. cit., стр. 9.

становится зрячимъ, хромой начинаетъ ходить". — Я однако не могу согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые полагаютъ, что браманы ввели или, по крайней мѣрѣ, развили культъ сома съ цѣлью популяризировать жертву вообще, подлаживаясь подъ низкій порокъ человѣка—подъ пьянство. Моя точка зрѣнія противоположная: древнѣйшій алкогольный напитокъ употребляется только для религіозныхъ цѣлей; человѣкъ пользовался имъ въ старину для приведенія себя въ состояніе экстаза, какъ инородцы Сибири пользуются мухоморомъ; а потомъ уже въ видѣ профанаціи развивается безпринципное пьянство.

Займемся теперь самимъ напиткомъ сома, изъ чего и какъ оно приготовляется. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сома растительный сокъ. Вообще сома называется „властителемъ растеній" или „царемъ растеній". Въ различныхъ мѣстахъ для сома берутся и разныя растенія. 80 гимнъ VIII книги начинается такъ: „Дѣвушка шла за водой, по дорогѣ она увидала сома; „тебя я приготовлю для Индры", сказала она и унесла домой". Отсюда видно, что растеніе сома росло въ дикомъ видѣ и считалось не особенной рѣдкостью, разъ можно было найти его, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ дома. Такъ было, вѣроятно, въ чисто народномъ культѣ сома. Священники же внесли извѣстную норму, приготовляя сома преимущественно изъ плодовъ ficus indica, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, изъ asclepias acida [1]).—Самый способъ приготовленія намъ хорошо извѣстенъ, такъ какъ онъ входилъ въ ритуалъ жертвъ и постоянно описывается въ гимнахъ, иногда дословно, но чаще всего иносказательно. Растеніе тискалось между камнями, чтобы вытекъ сокъ, потомъ процѣживали сокъ черезъ шерстяное сито въ сосудъ и смѣшивали его съ молокомъ или съ водой.

Эти довольно простыя ритуальныя дѣйствія отразились въ гимнахъ самыми смѣлыми образами. Молоко вызываетъ образъ коровы, сома становится быкомъ, плескъ смѣшиваемыхъ жидкостей эротическимъ мычаніемъ. Жертва готовится къ восходу солнца, слѣдовательно, сома приноситъ свѣтъ, вызываетъ солнце; оно и само золотисто, какъ солнце, украшается лучами солнца, всходитъ на колесницу солнца, и, наконецъ, образуется формула: сома — солнце [2])! Желаніе, чтобы растенія оказались сочными, чтобы сокъ стекался обильнѣе и быстрѣе, вызывало другіе образы: сома уподобляется коню, соколу, потоку,

---

[1]) *Kuhn*, op. cit., стр. 171—3.
[2]) *Vodskov*, op. cit., стр. 240—3.

которымъ предстоитъ тысяча путей — сито [1]). Сома, льющееся съ плескомъ черезъ сито, не только мычитъ какъ быкъ, ржетъ какъ конь, шумитъ какъ рѣка, реветъ какъ левъ, поетъ какъ священникъ или влюбленный, но также гудитъ какъ громъ; отсюда шагъ, и сома было надѣляемо способностью вызывать дождь. „Когда сома течетъ въ сосудъ, подобно накрапливающему дождю, тогда молніи сверкаютъ по небу". Сома расторгаетъ небесныя горы, открываетъ хлѣвъ и выпускаетъ коровъ—облака, властвуетъ надъ морями и рѣками [2]). Изъ шерстянаго сита дѣлаютъ овецъ, подставляющихъ спину подъ капающееся сома. Если же сито — небо, то сосудъ — земля [3]). Пальцы, готовящіе сома, десять стройныхъ дѣвушекъ, вышедшихъ изъ общаго дома; онѣ одѣваютъ и украшаютъ сома [4]). Сома — душа жертвоприношенія, голова и свѣтъ и знамя жертвы, то дерево, въ вѣтвяхъ котораго постоянно шелестятъ молитвы, однимъ словомъ, сома—жрецъ. Мало того, сома — высшій жрецъ, rishi. Сома не только само мудро, но и надѣляетъ мудростью, будитъ мысль, ввергаетъ въ экстазъ, рождаетъ пѣніе, творитъ молитву. Сома—пища боговъ, даритъ богамъ безсмертіе и такимъ образомъ становится создателемъ и отцомъ боговъ. Сома само—богъ [5]).

Не всѣ миѳологіи сохранили намъ развитіе образовъ въ такой полнотѣ, какъ индійская; обыкновенно забываются переходныя звенья, какъ менѣе яркія картины, а запоминается послѣдній выводъ, поражающій своей смѣлостью, своей опредѣленностью. Для современнаго ученаго этотъ выводъ можетъ казаться скачкомъ мысли, пустой фантазіей, лишенной всякой реальной подкладки, и еще чаще онъ вводитъ его въ заблужденіе. Даже сома, сущность котораго такъ ясна, благодаря обилію сохранившихся о немъ гимновъ, подверглось одностороннему толкованію. Bergaigne видитъ въ немъ только отраженіе солнечнаго бога, Hildebrand только бога луны. Познакомившись съ общей психологіей культового пьянства, мы вмѣстѣ съ тѣмъ нашли и путь, по которому сома = растеніе = напитокъ подошло къ образу божества. Правда, въ Индіи нѣтъ указанія на то, чтобы сома разжевывалось: но вѣдь и американская чича въ городахъ уже толчется, а въ Юкатанѣ растирается между двумя камнями. Кромѣ того, въ

[1]) Ibid., стр. 246.
[2]) Ibid., стр. 248—50.
[3]) Ibid., стр. 251.
[4]) Ibid., стр. 252.
[5]) Ibid.. стр. 258.

Ведахъ много неразгаданныхъ, трудно переводимыхъ и, можетъ быть, неправильно переведенныхъ мѣстъ, — ихъ-то придется пересмотрѣть съ точки зрѣнія, выдвигаемой этнографическими данными. Уже Кунъ искалъ родства между Квасиромъ и сома, но останавливался на позднѣйшихъ наростахъ этихъ миоовъ.

Для всесторонняго изученія сома слѣдуетъ привлечь еще другой арійскій источникъ — гимны Авеста. Среди нихъ имѣется цѣлый отдѣлъ — Jasna, относящійся къ ритуалу жертвы haoma. Не только это названіе тожественно съ индійскимъ сома, но и вся жертва haoma въ сущности только повтореніе индійской жертвы. Словомъ, haoma также опьяняющій напитокъ, приготовляемый изъ сока растеній для культовыхъ цѣлей. Девятый гимнъ Jasna изображаетъ бесѣду Заратустры съ олицетвореніемъ haoma: „Однажды на зарѣ Haoma пришелъ къ Заратустрѣ, который разводилъ священный огонь, причитывая свои стихи—gâthâs. Послѣдній спросилъ: „Кто ты, красавецъ, подобія котораго я не видалъ въ теченіе всей своей жизни“? И тотъ отвѣтилъ: „Я—Haoma, избавляющій отъ смерти! Поэтому собирай меня, выжимай изъ меня сокъ для напитка, слагай пѣсни въ мою честь, какъ это дѣлали пророки испоконъ вѣковъ“... Далѣе слѣдуютъ вопросы Заратустры, кто первый, второй, третій и четвертый приготовлялъ haoma, и соотвѣтствующіе отвѣты, изъ которыхъ мы видимъ, что его открытіе приписывалось богамъ [1]).

Кромѣ этихъ прямыхъ свидѣтельствъ о древнѣйшемъ алкогольномъ напиткѣ, я усматриваю косвенное доказательство въ той благотворной и предохраняющей отъ злыхъ напастей силѣ, которая приписывается не только у индоевропейцевъ, но и по всему земному шару обычаямъ плеванія, жеванія, дуновенія и слюнѣ вообще.

V.

Когда приготовленіе алкогольныхъ напитковъ уже перешло въ руки современной промышленности, когда жеваніе и выплевываніе въ одинъ общій сосудъ давно было забыто, все же вплоть до настоящаго времени сохранилась вѣра въ спасательную силу слюны, которую человѣкъ не безъ основанія считалъ главнымъ моментомъ въ добываніи опьяняющаго средства. Слюну берегли и цѣнили, ей приписывалось хорошее дѣйствіе на организмъ. Когда низверженный дагомейскій царь Behanzin явился въ Парижъ, то между прочими чудачествами разска-

[1]) *Horn*, Geschichte der persischen Litteratur. 1901 г., стр. 20—3.

зывали, что жены его были снабжены плевательницами и съ поразительной ловкостью почтительно ловили его слюну, летѣвшую красивой дугой изъ устъ царя [1]). Къ чему же служила слюна?

a) *Слюна оплодотворяетъ.*

По преданію древнихъ египтянъ голова Hunhun-Ahpu оплодотворила дѣвицу своей слюной. Въ пирамидѣ Пепи II такая надпись: „Ты великій сынъ Tm, рожденный отъ слюны, которую онъ выплюнулъ изъ своего рта“ [2]). Къ Томсону, путешествовавшему по Африкѣ, приходили туземцы съ требованіемъ, чтобы онъ оплевалъ ихъ женъ, такъ какъ это помогаетъ противъ безплодія. Женщины выстроились въ рядъ и медленно стали двигаться мимо него, а Томсонъ при помощи стакана воды плевался направо и налѣво. Незамужнія женщины просили, чтобы онъ плевалъ имъ на носикъ. Ему привозили скотъ иословъ, и за каждый подарокъ онъ по принятому церемоніалу обязанъ былъ оплевать жену или дочь благодѣтеля. Одна молодая женщина, приведенная старымъ мужемъ для оплеванія, сказала, что у ней послѣ этого будетъ „бѣлый“ ребенокъ, но у ней, вѣроятно, были свои причины [3]). Слѣды такого же повѣрія попадаются и въ Европѣ. У цыганъ безплодная женщина должна пить воду, въ которую плевалъ мужъ, приговаривая: я — пламя, ты — уголь; я — дождь, ты — вода [4]). Въ Босніи существуетъ другой обычай: безплодная женщина черезъ заборъ беретъ изо рта беременной въ свой собственный ротъ кусокъ кислаго хлѣба и съѣдаетъ его [5]). По суевѣрію мазуровъ въ западной Пруссіи, вода, стекающая у жеребца изо рта, когда онъ пьетъ, помогаетъ противъ безплодія женщинъ [6]). Сюда же относится и финская пѣснь о созданіи змѣи, помѣщенной въ Калевала:

Syöjätär плевала въ воду
И слюну пускала въ волны,
Укачалъ слюну ту вѣтеръ,
Убаюкало теченье;
Шесть годовъ она качалась,
Всѣхъ семь лѣтъ она носилась

---

[1]) Парижскія газеты 1905 г.

[2]) *Stucken*, Astralmythen der Hebräer, Babylonier und Aegypter, стр. 65—6.

[3]) *Thomson*, Durch Massailand. 1885 г., стр. 254, 258, 328 и 339.

[4]) *Ploss*, Das Weib, изданіе седьмое. 1902 г., т. I, стр. 694.

[5]) Ibid., стр. 689.

[6]) Ibid., стр. 695.

На хребтѣ блестящемъ моря,
На вздымающихся волнахъ.
Тамъ вода слюну тянула,
Ей давало гибкость солнце,
И потомъ прибой отбросилъ,
Волны къ берегу погнали.
Вотъ три дочери творенья
Вышли къ берегу морскому,
Къ краю шумнаго теченья,
И слюну тамъ увидали;
Такъ онѣ сказали слово:
„Изъ слюны что можетъ выйти,
Если ей творецъ дастъ душу,
И глаза онъ ей даруетъ?“
Услыхалъ творецъ тѣ рѣчи,
Говоритъ слова такія:
„Только дрянь изъ дряни выйдетъ,
Изъ дурныхъ отбросовъ злое,
Если я вложу въ нихъ душу;
Если имъ глаза дарую“.
Услыхалъ ту рѣчь Hiisi,
Онъ готовъ къ дурному дѣлу;
Приступилъ онъ самъ къ созданью,
Даровалъ слюнѣ онъ душу,
Той, что Syojätär бросала,
Что выплевывала злая.
Изъ слюны змѣя явилась,
Вышла черная ехидна [1]).

б) *Слюна—лечебное средство.*

Не только древніе римляне, но и современные итальянцы вѣрятъ въ цѣлебную силу слюны—въ особенности при болѣзни глазъ [2]). Въ Германіи мать смазываетъ воспаленные глаза своего ребенка слюной [3]). Среди чудесъ Іисуса находится подобное же леченіе слѣпорожденнаго: Іисусъ плюетъ на землю, смѣшиваетъ слюну съ землею и полученной мазью смазываетъ глаза больного [4]). Это смѣшеніе слюны съ землею наблюдалъ и современный путешественникъ Бартъ: народъ Фулахъ, живущій въ средней Африкѣ, просилъ его плюнуть на подносимую ему горсть песка. Такой препаратъ служилъ для цѣлебной цѣли [5]). По

[1]) *Калевала*, XXVI пѣснь, переводъ Бѣльскаго. 1888 г., стр. 346—7.
[2]) *Ploss*, Das Kind in Brauch und Sitte der Völker, изд. II, т. I, стр. 284.
[3]) Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, т. XVIII, стр. 25.
[4]) Евангеліе Іоанна, глава IX.
[5]) *Lippert*. Die Religionen der europäischen Kulturvölker. 1881 г., стр. 48.

мекленбургскому повѣрью, лишаи проходятъ, если плюнуть на нихъ при убывающей лунѣ и потереть ихъ тупой стороной ножа [1]). Слюна, собранная у человѣка натощакъ, употреблялась въ средніе вѣка въ Германіи, какъ противоядіе при укушеніи змѣи [2]). Въ Финляндіи опухоли уничтожаются слѣдующимъ образомъ: изъ горячей бани берутъ камень и три раза прижимаютъ имъ опухоль, плюя трижды каждый разъ; камень же нужно возвратить на старое мѣсто [3]). У киргизовъ шаманъ между прочимъ плюетъ больному въ глаза [4]). Въ Америкѣ ожоги вылѣчиваютъ слюной, приговаривая:

As far as the east is from the west,
Come out fire and go in frost,
In the name of the Father, Son and Holy Ghost,
Come out fire and go in frost.

Слѣдуетъ еще три раза дунуть и потереть больное мѣсто по направленію солнца—sun-wise [5]).

в) *Слюна—ядъ.*

У австралійцевъ слюна называется ядомъ [6]).

г) *Слюна—таинственная сила.*

Нѣкоторые люди плюютъ въ ладонь, чтобы запомнить что-нибудь. При физической работѣ, въ особенности когда требуется большое напряженіе силъ, плюютъ въ руки. Наши купцы, подавая начан, плюютъ на деньги. Рыбакъ плюетъ на червяка, прежде чѣмъ закидывать удочку. При игрѣ съ собаками, бросая имъ кость или кусокъ дерева, всегда плюютъ. Въ Германіи, чтобы собака не сбѣжала, хозяинъ натощакъ плюетъ ей въ пасть [7]). Если дѣвушка въ Калабріи на предложеніе юноши стать его кумой согласна, отыскиваютъ кремень, плюютъ на него вдвоемъ, и юноша бросаетъ его прочь, куда глаза глядятъ. „Пусть наша дружба длится до тѣхъ поръ, пока будетъ найденъ этотъ ка-

---

[1]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 25.
[2]) Ibid., стр. 25.
[3]) *Nyland*, т. IV, стр. 129.
[4]) *Шашковъ*, Шаманство въ Сибири, стр. 99.
[5]) *Klöpper*, Folklore in England und Amerika (Neusprachliche Abhandlungen, т. VIII, стр. 57).
[6]) *Bastian*, Allerlei aus Volks- und Menschenkunde, т. I, стр. 227.
[7]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 25.

мень“ [1]). Въ Сициліи кумующіеся вырываютъ рѣсницу или волосъ и, омочивъ ихъ слюной, обмѣниваются ими, положивъ на черепокъ, который ломаютъ пополамъ, свято сохраняя каждый свою часть [2]). У цыганъ существуетъ слѣдующій обычай заколдовать возлюбленнаго: дѣвица вырываетъ изъ его головы нѣсколько волосъ и варитъ себѣ кашу изъ квитовыхъ зеренъ, къ которой примѣшиваетъ эти волоса и нѣсколько капель своей крови изъ лѣвой руки. Затѣмъ она жуетъ эту кашу, смотря на полнолуніе и трижды повторяя: „я жую твой волосъ, я жую твою кровь, изъ волоса и крови да выроститъ любовь, намъ на новую жизнь“! Послѣ этого стоитъ только смазать этой кашей часть одежды возлюбленнаго, и онъ всецѣло будетъ преданъ дѣвицѣ, совершившей колдованіе [3]). У африканскаго народа массай водится такой обычай: когда женщина зачала, мужъ готовитъ особый напитокъ изъ меда и приглашаетъ родоначальниковъ. Мужъ и жена садятся, гости, хлебнувъ меда, выплевываютъ его на родителей. Послѣ молитвы за будущаго ребенка, распиваютъ медъ [4]).

У деревенской молодежи въ Финляндіи распространена игра въ Kolabysso—уголь-ружье: плюютъ на камень, кладутъ на то же мѣсто кусокъ угля и ударяютъ по нему палкой; раздается будто бы выстрѣлъ [5]). Прежде чѣмъ сѣять рожь, земледѣлецъ испытываетъ ея пригодность: плюнувъ въ ладонь, онъ смѣшиваетъ зерна со слюной и прислушивается, раздастся ли трескъ отъ распухающихъ зеренъ или нѣтъ [6]). Я самъ наблюдалъ такое суевѣріе: если гдѣ проползетъ змѣя и не удастся убить ее, то на это мѣсто кладутъ двѣ палочки накрестъ и плюютъ,—на слѣдующій день къ тому же времени туда возвратится змѣя. Оковы, которыми боги собираются связать чудовище Фенрира, между прочимъ готовятся изъ слюны птицы [7]). Пѣна, которая иногда собирается на ивахъ, считается либо слюной кукушки, либо слюной вѣдьмы—Kuckucksspeichel, Hexenspeichel, по англійски cuckowspit, по датски gyögespyt, по норвежски troldkjäringspye [8]). Въ одномъ варіантѣ извѣстной сказки Гензель и Гретель послѣдняя,

[1]) *Jackel*, Studien zur vergleichenden Völkerkunde, стр. 78.

[2]) *Веселовскій*, Побратимство и кумовство въ купальской обрядности (*Журн. Мин. Нар. Просв.* т. 291, стр. 293).

[3]) *Ploss*, Das Weib. т. I, стр. 575.

[4]) Ibid., т. I, стр. 778.

[5]) *Nyland*, т. IV, стр. 72.

[6]) Ibid., стр. 75.

[7]) *Gylfaginning*, глава XXXIV.

[8]) *Grimm*, Mythologie, т. II, стр. 568.

когда дѣти собираются бѣжать, плюетъ передъ очагомъ. Эта слюна впослѣдствіи начинаетъ говорить и задерживаетъ вѣдьму, пока дѣти бѣгутъ [1]). Какъ слюна изъ змѣиной пасти дѣйствуетъ чудотворно разсказывается въ былинѣ о Михаилѣ Потыкѣ, спасавшемъ Авдотью отъ змѣя (Рыбниковъ):

А Михайло Потыкъ Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ:
Выпимала саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И сѣкаетъ ему голову
И тою головою змѣиною
Училъ тѣло авдотьино мазати;
Въ та поры она, еретница,
Отъ смерти пробуждалася [2]).

Индѣйцы Сѣверной Америки всегда стараются уничтожить слѣды своей слюны, думая, что врагъ, нашедшій ее, могъ бы повредить имъ. Но вѣдь то же безсознательно творится и у насъ. Индѣйцы доходятъ до того, что плюютъ на свои плащи, чтобы только слюна ихъ не попала въ чужія руки [3]).

д) *Слюна предохраняетъ отъ несчастій.*

Отмѣтимъ сперва побочное значеніе глагола „плевать“ во многихъ языкахъ. Русскій мужикъ говоритъ „плевать“! при любой непріятности. Нѣмецъ также плюетъ на опасности—auf etwas spucken. Наконецъ, обычай отплевываться отъ чего-нибудь гадкаго, мерзкаго я считаю желаніемъ (теперь уже безсознательнымъ) застраховать себя отъ злой напасти. Простой народъ плюется также при встрѣчѣ съ старухой или священникомъ. Въ Швеціи при купаніи бросаютъ нѣсколько хлѣбныхъ крошекъ въ воду или плюютъ въ нее [4]). Въ Силезіи тоже плюютъ въ воду, когда купаютъ или поятъ лошадей, иначе у нихъ получатся желудочныя боли [5]). Въ Финляндіи простонародье думаетъ, что отъ лошадиной падали могутъ пристать накожныя болѣзни; замѣтивъ на дорогѣ лошадиную кость, плюютъ три раза, приговаривая: „противъ падали и чесотки“—för åsbäin o Klådo [6]). Проходя черезъ мѣсто, гдѣ

---

[1]) Ibid., т. III, стр. 275.
[2]) *Орестъ Миллеръ*, Илья Муромецъ, стр. 394.
[3]) *Kane*, Wanderungen unter den Indianern Nordamerikas, стр. 101.
[4]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, 1900 г., стр. 200.
[5]) Ibid., 1901 г., стр. 201.
[6]) *Nyland*, т. IV, стр. 70.

валялась живая лошадь, тоже слѣдуетъ плюнуть, иначе заболятъ ноги [1]). У нѣмцевъ распространено повѣрье, что мывшіеся въ одномъ и томъ же умывальникѣ непремѣнно поссорятся; но стоитъ только плюнуть въ воду, и опасность миновала [2]). Когда пьешь воду въ чужомъ мѣстѣ, рекомендуется застраховать себя отъ послѣдствій путемъ плеванія [3]). Кто въ Америкѣ надѣлъ какую-нибудь часть туалета на лѣвую сторону, навлечетъ на себя большое несчастье, если исправитъ свою ошибку; но предварительно плюнувъ на этотъ предметъ, онъ избѣгнетъ послѣдствій [4]). Въ Мекленбургѣ сѣютъ по средамъ или четвергамъ, т. е. въ день Одина или Тора, молча, держа во рту столько зеренъ, столько угловъ имѣетъ поле. Кончивъ сѣять, на каждомъ углу выплевываютъ черезъ плечо по одному зерну и молча уходятъ домой. Это предохраняетъ поле отъ птицъ [5]). Народъ овампо, чтобы защитить себя отъ дурного глаза во время ѣды, набравъ полный ротъ воды, плюетъ чужимъ въ лицо [6]). Въ центральной Африкѣ существуютъ особыя суевѣрія о двойникахъ. Если двойникъ переправляется черезъ рѣку или озеро, онъ долженъ хлебнуть полный ротъ воды и брызнуть ею по поверхности, сказавъ: „я—двойникъ"! иначе быть несчастію [7]). Изъ наблюденій Миклухо-Маклая надъ папуасами приведемъ слѣдующее: когда онъ съ нѣкоторыми туземцами отправился въ сосѣднюю деревню, они по дорогѣ остановились, якобы для отдыха, одинъ изъ туземцевъ сорвалъ сучекъ и, прошептавъ заговоръ надъ сучкомъ, сталъ плевать всѣмъ на спину и ударять сучкомъ, послѣ чего сучокъ былъ зарытъ въ землю; это дѣлалось для предотвращенія всѣхъ опасностей, могущихъ постигнуть ихъ въ чужой деревнѣ. Однажды Миклухо-Маклай подсмотрѣлъ, какъ туземецъ варилъ завтракъ—таро и бататы; онъ все время шепталъ что-то, наконецъ, плюнулъ по обѣ стороны и за спину бросилъ нѣсколько свареныхъ фруктовъ. Это дѣлалось также для обезпеченія отъ несчастій [8]).

---

[1]) *Nyland*, IV, стр. 70.

[2]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 159.

[3]) *Nyland*, IV, стр. 138.

[4]) *Klöpper*, op. cit., стр. 43.

[5]) *Jahn*, Die deutschen Opfergebräuche bei Ackerbau und Viehzucht. Germanistische Abhandlungen, т. III, стр. 71.

[6]) Zeitschrift für Volkerpsychologie, т. XVIII, стр. 150.

[7]) *Ploss*, Das Weib. т. I, стр. 728.

[8]) *Miklucho-Maclay*, Ethnologische Bemerkungen über die Papuas der Maclay-Küste in Neu-Guinea, выпускъ II, стр. 25.

е) *Плеваніе—ласка.*

Стенли разсказываетъ о Мтесѣ, королѣ Уганда, что онъ выражалъ свое благоволеніе тѣмъ, что плевалъ своимъ подданнымъ въ ладоши, а они растирали лицо и глаза этой слюной [1]). Когда другой путешественникъ Burton прощался съ населеніемъ Сомали, одинъ изъ стариковъ плюнулъ ему въ лицо. Когда миссіонеръ Ребманъ прощался съ королемъ Мамкинга народа джагга, живущаго у подножія Килиманджаро, король сказалъ: „ступай въ мирѣ!“ и плюнулъ ему въ лицо. Въ Сенегалѣ народъ встрѣчаетъ новолуніе, протягивая ему руку, покрытую слюной [2]). Негритянки плюютъ своимъ дѣтямъ въ лицо [3]). Котовъ, ходившій въ Персію въ первой четверти XVII в., разсказываетъ, какъ тамъ справляли праздникъ байрамъ-ашуръ: „возятъ на ишакѣ наряднаго мужика здѣланъ мѣхомъ да набитъ соломою, и сагадакъ и стрѣлы здѣланы изъ лучины, и на головѣ колпакъ съ кистью, а со сторонъ поддерживаютъ, чтобы не упалъ, и ему ругаютца и плюютъ на него“... [4]).

ж) *Слюна—грѣшина.*

Разъ слюна обладала таинственной силой и употреблялась для колдовства и леченія, то въ другой обстановкѣ, гдѣ враждебно относились къ простонароднымъ повѣрьямъ, слюна могла считаться вредоносной и оскверняющей. Парсы никогда не тронутъ куска ѣды, упавшаго изо рта; какъ смоченный слюной, онъ считается нечистымъ, и вторично брать его въ ротъ никакъ нельзя [5]). По закону Ману, посуда, оскверненная кровью, слюной или алкогольнымъ напиткомъ (какое любопытное сопоставленіе), считается безусловно нечистой [6]).

Въ Силезіи записанъ такой взглядъ: плевать въ воду значитъ плевать въ лицо Божьей матери [7]). Во время рамазана коранъ запрещаетъ днемъ ѣсть, пить и глотать собственную слюну; такъ какъ чистка зубовъ вызываетъ сильное слюнотеченіе, то и это избѣгается [8]).

---

[1]) *Stanley*, Genom de svartes världsdel, т. I, стр. 198.

[2]) *Lippert*, op. cit., стр. 48.

[3]) *Ploss*, Das Kind, т. I, стр. 248.

[4]) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, т. XII, вып. I, стр. 110.

[5]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 359.

[6]) Ibid., стр. 155.

[7]) Ibid., 1901 г., стр. 201.

[8]) Ibid., т. XVIII, стр. 42.

Сюда относится также преданіе магометанъ, что табакъ выросъ изъ слюны Магомета.

з) *Плеваніе замѣнило болѣе древнее жеваніе.*

У малайцевъ на островѣ Роти беременныя женщины, выходя въ темнотѣ изъ дому, жуютъ солому съ своей крыши и отъ времени до времени выплевываютъ ее, чтобы беречься отъ несчастій [1]). Въ Швеціи принято жевать молодой ростокъ рябины, находясь ночью подъ открытымъ небомъ, иначе можетъ найти столбнякъ [2]). Въ Австріи въ день крещенія цѣлуютъ яблони, набравъ полный ротъ пирога—Krapfen и приговаривая:

Bâm i, Bâm i
Buss di,
Wir sâ voll
As wie mâ Maûl!

Этотъ обычай засвидѣтельствованъ уже въ XIV в. У папуасовъ дождь пріостанавливается такъ: папуасъ беретъ въ ротъ корень li = Zingiber officinalis и, пришептывая, жуетъ его; разжевавъ, онъ часть этого корня вынулъ изо рта, свернулъ въ листъ и бросилъ въ огонь; затѣмъ онъ вышелъ, все пришептывая, и плюнулъ въ воздухъ во всѣ четыре стороны оставшіяся еще во рту части корня [4]). Это жеваніе для насъ очень важно, потому что оно какъ посредствующее звено указываетъ на то, что слюна пріобрѣла въ повѣрьяхъ свою чудодѣйственную силу только благодаря тѣмъ функціямъ, которыя приходились на ея счетъ въ приготовленіи алкогольныхъ напитковъ.

і) *Плеваніе замѣнялось дуновеніемъ.*

Обычай плеваться подвергся нѣкоторой реформѣ въ этомъ духѣ: когда считалось не совсѣмъ удобнымъ плеваться, то стали просто дуть. Противъ дурного дыханія ребенка отецъ натощакъ трижды дуетъ ему въ ротъ, по нѣмецкому обычаю [5]). Въ южной Германіи, раньше чѣмъ ѣсть чужой ложкой, трижды дуютъ на нее [6]). Въ Африкѣ

[1]) *Ploss*, Das Weib. т. I, 781.
[2]) *Kuhn*, Mythologische Studien, т. I, 176.
[3]) *Jahn*, op. cit., стр. 212.
[4]) *Miclucho-Maclay*, op. cit., вып. II, стр. 27.
[5]) Zeitschrift für Völkerpsychologie, т. XVIII, стр. 25.
[6]) Ibid., стр. 157.

жрецъ всегда дуетъ на новый ножъ, прежде чѣмъ рѣзать мясо [1]). У жителей Перу дуновеніе употребляется противъ колдовства [2]). Я помню отлично, какъ бабушка лечила меня отъ кори, дуя на обнаженное тѣло черезъ катушку.

Относительно хронологіи этихъ трехъ обычаевъ—жевать, плевать и дуть, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что жеваніе самый древній, а дуновеніе — новѣйшій. Перечислить же всѣ случаи, когда прибѣгали къ спасительной силѣ слюны, нѣтъ никакой возможности и надобности. Важно только знать, что человѣкъ при всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ (съ нашей точки зрѣнія) случаяхъ отплевывался (или отдувался) отъ несчастій, болѣзней и нечистыхъ силъ. И не всегда собиратель фольклора отмѣчалъ это плеваніе,—вѣдь плеваться могъ человѣкъ и отъ избытка слюны, и фольклористъ, не знавшій о такомъ повѣрьѣ, приписывалъ плеваніе естественной причинѣ.

Но что иногда ускользало отъ вниманія ученыхъ, то давно подмѣтила христіанская церковь, чутко слѣдившая за всѣми излюбленными обычаями языческой старины и безъ колебанія включавшая ихъ въ свою собственную обрядность, если они только не грубо противорѣчили общецерковнымъ порядкамъ, чтобы такимъ превращеніемъ языческихъ обрядовъ въ христіанскіе ускорить примиреніе народовъ съ новой вѣрой. Вестермаркъ недавно доказалъ, что обычай поститься гораздо древнѣе и распространеннѣе не только христіанской церкви, но монотеистической религіи вообще [3]). Такимъ образомъ также плеваніе и дуновеніе вошли въ обряды какъ римской, такъ и греческихъ церквей. Значеніе этихъ дѣйствій въ церкви совершенно сходно съ общенародными языческими обрядами. Такъ, при крещеніи читаются молитвы и творятся священнодѣйствія, „коими, главнымъ образомъ, отгонятся діаволъ“. Священникъ дуетъ трижды на лицо оглашеннаго, а при окончаніи заклинательныхъ молитвъ, опять совершаетъ дуновеніе. При крещеніи освящается вода и елей; это происходитъ такъ: священникъ „вдунетъ трижды въ сосудъ елеа и знаменаетъ трижды сей“ [4]). Римско-католическій священникъ, прежде чѣмъ крестить ребенка, беретъ слюну изъ своего рта на палецъ и дотрогивается до ушей ребенка, произнося: Epheta quod est adaperire. Затѣмъ онъ

---

[1]) Ibid., стр. 280.

[2]) *Ploss*, Das Kind, т. I, стр. 284.

[3]) The Principles of Fasting въ журналѣ Folk-lore, т. XVIII, стр. 391 сл.

[4]) *Никольскій*, Пособіе къ изученію устава богослуженія православной церкви, стр. 645 и 647.

дотрогивается до носа со словами: In odorem suavitatis. Tu autem effugare diabole, appropinquabit enim iudicium Dei. Можетъ быть, уже египетскіе священники прилаживались къ народнымъ обычаямъ; по крайней мѣрѣ читаемъ въ пирамидѣ Пепи II: „Слюна изо рта Hor'а и пѣна изо рта Set'а—ими очищается Horus“ [1]).

Занимаясь изслѣдованіемъ древнѣйшаго алкогольнаго напитка, я долженъ былъ связывать условія жизни той поры, когда человѣкъ, можно сказать, только что выдѣлился изъ среды остальныхъ антропоидовъ, съ обычаями, что творятся вокругъ насъ; приходилось связывать наше пиво съ культовымъ напиткомъ папуасовъ и краснокожихъ. Итакъ, ощущается связь человѣка съ человѣкомъ на всемъ протяженіи тысячелѣтняго развитія, на всемъ пространствѣ земного шара. У одного кожа свѣтлая — „бѣлая“, у другого темная, одинъ вкушаетъ душеспасительное вино въ соборѣ Петра, другой совершаетъ возліяніе при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, но чѣмъ дальше мы удаляемся въ глубь вѣковъ, тѣмъ болѣе исчезаютъ различія, тѣмъ ярче выступаютъ схожія черты, твердящія намъ простую истину, что всѣ люди, все человѣчество—одно органическое цѣлое, въ которомъ все связано между собою и ничто не пропадаетъ безслѣдно, а служитъ въ общую пользу или всѣмъ во вредъ.

К. Тіандеръ.

---

[1]) *Stucken*, op. cit., стр. 66.

О ПОХОДАХЪ СВЯТОСЛАВА НА ВОСТОКЪ.

I.

Въ началѣ своей статьи „О посольствѣ Калокира въ Кіевъ“ [1]) я указалъ на то, что уже В. Григорьевъ обратилъ вниманіе на крайнюю скудость извѣстій нашихъ лѣтописей о походахъ Святослава на Востокъ [2]). Не ускользнуло это обстоятельство и отъ вниманія Костомарова. „Не беремся рѣшить,—говоритъ онъ,—что было причиной такой краткости: своенравіе ли народной поэзіи, или же, наконецъ, какъ мы готовы признать, причина этой скудости въ томъ, что участвовавшіе въ восточномъ походѣ Святослава его дружинники и соратники, при своей бродячей и, конечно, недолговѣчной жизни, не успѣли распространить въ народѣ сказаній о своихъ подвигахъ и возбудить къ нимъ сочувствіе въ грядущихъ поколѣніяхъ. Сами же они съ своимъ вождемъ тотчасъ бросились въ Болгарію, а оттуда возвратилась ихъ ничтожная часть“ [3]).

Походы эти остаются и до сихъ поръ не изслѣдованными въ нашей исторической наукѣ. Григорьевъ, подвергнувшій весьма тщательному анализу извѣстія арабскихъ писателей о походахъ руссовъ на Востокъ въ 913 и 943 годахъ, оставилъ безъ изслѣдованія вопросъ о походахъ Святослава. Не коснулись его также ни Чертковъ [4]), ни Бѣ-

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1907 г., апрѣль.

[2]) *Григорьевъ*, О походахъ Руссовъ на Востокъ, стр. 42.

[3]) *Н. И. Костомаровъ*, Собраніе сочиненій, т. XIII, стр. 349.

[4]) *А. Чертковъ*, Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича противъ болгаръ и грековъ. Москва, 1843.

ловъ [1]), ни даже Д. Щегловъ, хотя первые два писали о Святославѣ спеціальныя изслѣдованія, а послѣдній подробно разбиралъ извѣстія арабскихъ путешественниковъ о Руси и ея дѣятельности на Востокѣ [2]). Впрочемъ, такое отношеніе Щеглова къ данному вопросу для насъ понятно.

Задавшись цѣлью доказать существованіе какой-то особой, Волжской Руси, въ древнѣйшій періодъ своего существованія ничего общаго съ Днѣпровской Русью не имѣвшей, Щегловъ бралъ у арабскихъ писателей только то, что соотвѣтствовало или могло соотвѣтствовать основной его задачѣ, упорно замалчивая все, этой задачѣ противорѣчащее. Поэтому разбирать извѣстіе Ибнъ-Хаукаля о томъ, что руссы, ограбивъ въ 968 году Итиль и Семендеръ, „тотчасъ отправились въ Румъ и Андалузъ", не входило въ разсчеты Щеглова, такъ какъ онъ хорошо зналъ, какая Русь ходила въ это время „въ Румъ и Андалузъ".

Лишь одинъ Погодинъ представилъ намъ общій очеркъ подвиговъ Святослава на Востокѣ. Но онъ, придерживаясь Нестора и Ибнъ-Хаукаля, даетъ только картину внѣшней стороны этихъ походовъ, не указывая на цѣли, вызвавшія эти походы, и не подвергнувъ разбору извѣстія источниковъ [3]).

Такимъ образомъ, мнѣ первому, какъ кажется, приходится приступить къ изслѣдованію этого, по словамъ Григорьева, „быть можетъ, важнѣйшаго событія въ древнѣйшей русской исторіи". Уже одно это обстоятельство налагаетъ на меня обязанность отнестись къ изслѣдуемому вопросу какъ можно внимательнѣе и осмотрительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно затрудняетъ дѣло вслѣдствіе полнаго отсутствія руководящихъ пособій, съ одной стороны, и скудости и противорѣчія источниковъ, съ другой. Поэтому, не претендуя на полное рѣшеніе принятой задачи, я сдѣлаю лишь попытку къ ея разрѣшенію, предоставивъ другимъ, воспользовавшись моимъ трудомъ, если, конечно, онъ будетъ того заслуживать, разъяснить этотъ, глубоко интересный эпизодъ въ нашей древнѣйшей исторіи.

О дѣятельности Святослава на Востокѣ лѣтописецъ сообщаетъ намъ въ слѣдующихъ словахъ:

---

[1]) *Д. Бѣловъ*, Борьба Святослава Игоревича съ Іоанномъ Цимисхіемъ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 годъ, № 12).

[2]) *Д. Щегловъ*, Первыя страницы русской исторіи (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1876 годъ, № 4 и 5).

[3]) *М. Погодинъ*, Норманскій періодъ русской исторіи, стр. 49—52.

„Въ лѣто 6472. И иде (Святославъ) на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе (на) Вятичи, и рече имъ: кому дань даете? Они же ркоша: Козаромъ по щелягу отъ рала даемъ".

„Въ лѣто 6473. Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козаре, изыдоша протіву съ княземъ своимъ каганомъ, и съступишася бити; и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ Козаромъ и городъ ихъ Бѣлувежю взя. И Ясы побѣди и Касоги, и приде къ Киеву".

„Въ лѣто 6474. Побѣди Вятичь Святославъ, и дань на нихъ възложи" [1]).

Разберемъ сперва извѣстіе лѣтописи о первомъ годѣ дѣятельности Святослава. Не будемъ говорить, на сколько правдоподобно, чтобы Святославъ, будучи княземъ кіевскимъ, не зналъ, что вятичи, ближайшіе сосѣди сѣверянъ, платившихъ дань еще со временъ Олега, не были подчинены Кіеву; для насъ здѣсь не немаловажный интересъ представляютъ собой совсѣмъ другіе вопросы. Во-первыхъ, почему изъ всѣхъ славянскихъ племенъ оставались не подчиненными Кіеву одни вятичи? Почему предшественники Святослава заботились о подчиненіи себѣ болѣе отдаленныхъ отъ Кіева племенъ, какъ, напримѣръ, бѣлыхъ хорватовъ и тиверцовъ [2]), и оставляли безъ вниманія болѣе близкихъ вятичей?

Соловьевъ объясняетъ это тѣмъ, что вятичи „вначалѣ были удалены отъ главныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего послѣ всѣхъ племенъ подчинились русскимъ князьямъ, послѣ всѣхъ подчинились христіанству" [3]). Объясненіе неудачное, такъ какъ вятичи сидѣли отъ Днѣпра никакъ не далѣе хорватовъ и тиверцевъ, не говоря уже о томъ, что въ землю ихъ вела такая торная дорога, какъ Десна. Щегловъ старался объяснить это тѣмъ, что изъ Десны въ Оку совсѣмъ не было дороги, для чего ссылается на исторію, археологію и даже на указанное мѣсто у Соловьева (хотя, какъ видимъ, не совсѣмъ правильно). Но если даже во времена Владиміра Святаго „Русь не знала пути на востокъ черезъ Десну и Оку" [4]), то совершенно непонятно, какимъ же путемъ „въ лѣто 6472 иде Святославъ на Оку рѣку и на Волгу". Если бы Святославъ пошелъ на вятичей тѣмъ путемъ, который, по словамъ Щеглова, только и существовалъ въ то время, т. е. по Днѣпру на Волгу, а оттуда на

[1]) Ипатскій Списокъ, 41.

[2]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 117. *Карамзинъ*, т. I, стр. 85.

[3]) *Соловьевъ*, т. III, стр. 722.

[4]) *Д. Щегловъ*, Первыя страницы русской исторіи (*Журн. Мин. Нар. Прос.* за 1876 г., № 5, стр. 4 и 5).

Оку, то Несторъ сказалъ бы объ этомъ такъ: „Въ лѣто 6472. И иде Святославъ по Днѣпру горѣ, а оттолѣ на Волгу рѣку и на Оку“. Но, какъ мы видимъ, онъ выразился совсѣмъ не такъ. Да и странно было бы, если бы Святославъ вздумалъ идти въ землю вятичей предлагаемымъ г. Щегловымъ путемъ!

Во-вторыхъ, чего ради ходилъ Святославъ въ 964 году въ землю вятичей? Неужели только ради того, чтобы спросить у нихъ, кому они платятъ дань? Въ-третьихъ, вернулся ли въ этомъ году онъ въ Кіевъ или нѣтъ? Лѣтописецъ объ этомъ ничего не говоритъ. Въ-четвертыхъ, почему Святославъ, справившись у вятичей въ 964 году о томъ, кому они платятъ дань, нашелъ возможнымъ покорить ихъ область только два года спустя, а не сдѣлалъ этого въ томъ же 964 году? Наконецъ, въ-пятыхъ, чего ради Святославъ искалъ вятичей на Волгѣ? Вѣдь, изъ словъ лѣтописи: „иде на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе на Вятичи“, выходитъ такъ, что Святославъ напалъ на вятичей гдѣ-то на Волгѣ, а по Окѣ онъ только шелъ до ихъ земли, или же, что вятичи жили и на Окѣ рѣкѣ и на Волгѣ. Но Несторъ хорошо зналъ, что земля вятичей далеко не доходила до Волги; онъ самъ раньше опредѣленно говоритъ, что „Вятко сѣде своимъ родомъ на Оцѣ“ [1]); а что въ данномъ случаѣ Несторъ разумѣлъ не нижнее теченіе этой рѣки, а именно верхнее, ясно изъ его же словъ: „а по Оцѣ рѣцѣ, кде втечеть въ Волгу, языкъ свой Мурома, и Черемиси свой языкъ, и Мордва свой языкъ“ [2]), что согласно и съ новѣйшими изслѣдованіями въ этой области исторіи [3]). Въ такомъ же случаѣ непонятно, для чего ходилъ Святославъ на Волгу.

Если мы обратимъ теперь свое вниманіе на второе извѣстіе лѣтописи, помѣщенное подъ 965 годомъ, то и въ немъ найдемъ также много неяснаго для насъ и непонятнаго. Во-первыхъ, неизвѣстно, какимъ путемъ шелъ Святославъ „на Казары“ и почему Несторъ нашелъ необходимымъ обозначить мѣстожительство родственнаго племени вятичей и не счелъ нужнымъ указать, хотя приблизительно, гдѣ жили далекіе и чуждые славянамъ хазары, ясы и касоги. Во-вторыхъ, непонятно, какимъ образомъ Святославъ могъ отнять у хазаръ не принадлежавшій имъ городъ, такъ какъ Бѣлая Вежа была греческой крѣпостью (Саркелъ), построенной византійцами въ началѣ X вѣка, для охраны и укрѣпленія своего вліянія на Азовскомъ побережьѣ, а не ха-

---

[1]) Ипат. Спис., стр. 7.

[2]) Ibid., стр. 6.

[3]) *Н. Барсовъ*, Очерки русской исторической географіи, стр. 155—157.

зарскимъ городомъ [1]). Въ-третьихъ, почему свой походъ на хазаръ Святославъ ограничилъ наступленіемъ только до западной границы ихъ владѣній, ибо отъ Дона на западъ и до Дуная тянулись уже кочевья печенѣговъ, занявшихъ это пространство въ самомъ началѣ X вѣка [2])? Гдѣ, въ такомъ случаѣ, въ какихъ мѣстахъ, могли произойти между Русью и хазарами тѣ „брани", о которыхъ говоритъ лѣтописецъ? Въ-четвертыхъ, почему Несторъ на томъ основаніи, что Святославъ отнялъ у хазаръ одну лишь пограничную ихъ крѣпость (допустимъ, что Саркелъ принадлежалъ хазарамъ), нашелъ возможнымъ приписать ему побѣду на враги и одолѣніе? Въ-пятыхъ, какимъ образомъ и чего ради нашъ князь, взявъ Бѣлую Вежу, вслѣдъ затѣмъ очутился въ земляхъ ясовъ и касоговъ, т. е. нынѣшнихъ осетинъ и кабардинцевъ? Наконецъ, въ-шестыхъ, возможно ли было совершить всѣ эти подвиги въ теченіе одного года, о чемъ опредѣленно свидѣтельствуетъ лѣтопись, заявляя, что въ томъ же 965 году Святославъ „приде къ Киеву". Все это, какъ я сказалъ, неясно и непонятно. Если же мы сопоставимъ съ данными извѣстіями нашей лѣтописи извѣстія арабскихъ писателей, то встрѣтимъ еще большія затрудненія.

Арабскій писатель X вѣка, Абуль-Касимъ Мухаммедъ, извѣстный болѣе подъ прозваніемъ Ибнъ-Хаукаля, въ своей „Книгѣ путей и государствъ", сообщаетъ намъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

„Русы состоятъ изъ трехъ племенъ, изъ коихъ одно, ближайшее къ Булгару, а царь его находится въ городѣ, называемомъ Куябой, который есть больше Булгара. Другое племя выше перваго, оно называется Славія, а царь ея.. (мѣсто не разобрано). Еще колѣно же называется Артанія, а царь его находится въ Артѣ. Люди отправляются торговать съ ними въ Куябу".

„Русы постоянно торгуютъ съ Хазаромъ и Румомъ".

„Хазарское море не соединяется съ другими морями, кромѣ того только, что въ него впадаетъ Русская рѣка, извѣстная подъ названіемъ Итиль".

„Рѣка Итиль выходитъ восточною стороною изъ окрестностей Хирхиза, течетъ между Каймакіей и Гуззіей, затѣмъ идетъ къ западу по верхней части Булгара, возвращается вспять къ востоку и проходитъ по Русу, затѣмъ по Булгару, потомъ по Буртасу, пока не впадаетъ въ Хазарское море". „Между внутренними Болгарами на-

[1]) *Ѳ. Успенскій*, Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вѣкахъ („Кіевская Старина", 1889 г., № 5, стр. 258).

[2]) *Голубовскій*, Печенѣги, торки и половцы, стр. 69.

ходятся христіане и мусульмане“. „Въ настоящее же время не осталось и слѣда ни изъ Булгара, ни изъ Буртаса, ни изъ Хазара, ибо Русы напали (или истребили) ихъ всѣхъ, отняли у нихъ всѣ эти области и присвоили ихъ себѣ“.

„Булгаръ есть небольшой городъ, не имѣющій многихъ владѣній; извѣстенъ же онъ былъ потому, что былъ гаванью этихъ государствъ. Но русы ограбили его, Хазранъ, Итиль и Самандаръ въ 358 году и отправились тотчасъ въ Румъ и Андалусъ“.

„Что касается Хазара, то это имя этихъ людей, столица же есть городъ, называемый Итиль, по имени рѣки, протекающей черезъ него въ Хазарское море. Городъ этотъ не имѣетъ ни многихъ селеній, ни пространнаго владѣнія. Страна эта находится между Хазарскимъ моремъ, Румомъ и Гуззіей“. . . . .

„Хазаре имѣютъ также городъ, называемый Самандаромъ. Его населяли мусульмане и другіе; мусульмане имѣли въ немъ мечети, христіане—церкви, а евреи — синагоги. Но Русы напали на все это, разрушили все, что было на рѣкѣ Итилѣ, принадлежавшее хазарамъ, булгарамъ и буртасамъ, и овладѣли имъ“ [1]. . . . . .

Изъ приведеннаго извѣстія Ибнъ-Хаукаля явствуетъ, что въ 358 г. геждры какіе-то руссы, спускаясь внизъ по Волгѣ, ограбили земли камскихъ болгаръ, мордвы и хазаръ, разграбили при этомъ города Булгаръ, Итиль, Хазранъ (восточная половина Итиля) и Самандаръ „и тотчасъ ушли въ Румъ и Андалусъ“. Что разгромъ этотъ былъ очень силенъ, ясно изъ словъ Ибнъ-Хаукаля: „въ настояще же время ни изъ Булгара, ни изъ Буртаса, ни изъ Хазара не осталось и слѣда“. Булгаръ обратился въ „небольшой городокъ, а «Итиль», о цвѣтущемъ состояніи котораго имѣются свѣдѣнія въ письмѣ (писанномъ около 960 года) хазарскаго кагана Іосифа къ Хасдаи и въ сочиненіи Константина Багрянороднаго [2], обратился „въ городъ, который не имѣетъ ни многихъ селеній, ни пространнаго владѣнія“. . . . . . .

Въ данномъ случаѣ для насъ важно имѣть въ виду то обстоятельство, что арабскій писатель упоминаетъ о покореніи болгаръ, буртасовъ и хазаръ въ томъ порядкѣ, въ которомъ размѣстилъ онъ поселенія ихъ по Волгѣ. Кромѣ того, хотя Ибнъ-Хаукаль и не указываетъ намъ, въ какой періодъ времени произошло покореніе Русью всѣхъ этихъ земель, но такъ какъ онъ говоритъ только объ одномъ походѣ

---

[1] *Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 218.

[2] *Гаркави*, ibid., 229.

Руси, а не о двухъ или трехъ, то должно признать, что разгромъ всего огромнаго пространства земель отъ средней Волги и вплоть до Самандара явился результатомъ одного похода; такое впечатлѣніе получается и отъ чтенія всего отрывка арабскаго писателя.

Щегловъ сильно возмущается тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстіе о разгромѣ Хазарскаго каганата Русью въ 968 году не занесено въ нашу лѣтопись. „Раньше этого, говоритъ онъ, Святославъ взялъ пограничное козарское укрѣпленіе Саркелъ. Это занесено въ лѣтопись; а черезъ нѣсколько лѣтъ раззорена вся страна Козарская, при чемъ разграблена и раззорена столица ея Итиль, и важнѣйшій торговый городъ Семендеръ,—объ этомъ молчатъ лѣтописи" [1]). Выше я указалъ на тѣ соображенія г. Щеглова, въ силу которыхъ онъ не пожелалъ заняться самъ изслѣдованіемъ даннаго извѣстія арабскаго путешественника. Теперь же, въ утѣшеніе его, можно было бы сказать, что извѣстіе это занесено въ нашу лѣтопись, хотя и не въ той полнотѣ, въ какой было бы желательно, и не подъ тѣмъ годомъ, въ который оно могло произойти.

Всѣ, описанныя Ибнъ-Хаукалемъ, событія произошли въ 358 геджры, т. е. въ 969 году послѣ Р. Хр., по мнѣнію Гаркави [2]), или въ 968, по мнѣнію Хвольсона [3]) и Соловьева [4]). Въ эти годы на Руси княжилъ Святославъ, и, такимъ образомъ, подвиги, о которыхъ передаетъ намъ Ибнъ-Хаукаль, должны быть дѣломъ его рукъ. Но почему Несторъ отнесъ походъ Святослава на Волгу къ 965 году, а не къ 968 или 969? На это обстоятельство уже было обращено вниманіе въ исторической наукѣ. Такъ, Френъ думалъ, что походъ руссовъ у Ибнъ-Хаукаля слѣдуетъ отожествлять съ первымъ походомъ у Нестора въ 965 году; при этомъ онъ предполагалъ, что Несторъ неточно отнесъ это событіе къ 965 году вмѣсто 969. Доссонъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Френа, также склоненъ принять, что со стороны русскаго лѣтописца произошла ошибка въ опредѣленіи года этого событія. Историкъ же Грецъ, для приведенія въ согласіе показаній арабскаго географа и русской лѣтописи, принимаетъ два похода на хазаръ—въ 965 и 969 годахъ. Къ послѣднему мнѣнію примыкаетъ и Гаркави, прибавляя, что „нашествіе на дунайскихъ болгаръ, предпринятое Святославомъ

---

1) *Д. Щегловъ*, см. *Журн. Мин. Нар. Прос.*, 1876, V, 67.

2) *Гаркави*, Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ, стр. 219.

3) *Хвольсонъ*, Извѣстія о Славянахъ и Русскихъ Ибнъ-Даста, стр. 5.

4) *Соловьевъ*, т. I, стр. 142.

въ 969 году, а вслѣдствіе сего столкновеніе съ Византіей, какъ разъ подходятъ подъ показаніе арабскаго путешественника [1]).

Спрашивается теперь, которому же изъ двухъ источниковъ, Нестору или Ибнъ-Хаукалю, мы должны повѣрить въ данномъ случаѣ? Что память народная долго хранитъ важнѣйшія событія родной земли,— это фактъ общеизвѣстный. Но что одни событія постепенно вытѣсняются другими, позднѣйшими, перепутываются съ ними, затемняются и, наконецъ, совершенно искажаются, это также не подлежитъ сомнѣнію. Кіевляне, конечно, могли помнить о блестящемъ походѣ Святослава на Волгу, хотя Костомаровъ, какъ указали мы то выше, отрицаетъ и такую возможность, но позднѣйшія событія затемнили это воспоминаніе у ихъ внуковъ, до которыхъ оно дошло уже въ томъ видѣ, въ какомъ и передалъ намъ его Несторъ. Сомнѣваться въ правдивости послѣдняго мы, понятно, не имѣемъ основанія. Онъ правдивъ до того, что иногда самъ не замѣчаетъ тѣхъ несообразностей, о которыхъ пишетъ.

Вообще, хронологія составляетъ одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ народной памяти; въ такой же слабости повиненъ и нашъ первый лѣтописецъ. О княженіи Святослава Несторъ писалъ сто лѣтъ спустя послѣ смерти князя; ясно, что опредѣлить точно годы каждаго изъ событій, происшедшихъ въ его княженіе, онъ не могъ.

Однако, доказывать превосходство историческихъ и географическихъ свѣдѣній о нашей родинѣ арабскихъ писателей передъ нашими лѣтописцами мы, конечно, также не имѣемъ никакихъ основаній. Но мы не можемъ замолчать того факта, что Ибнъ-Хаукаль писалъ свою „Книгу путей и государствъ“ около 976—977 года, т. е. спустя всего 7—9 лѣтъ послѣ разгрома Хазарскаго каганата. Кромѣ того, какъ полагаетъ Гаркави, свѣдѣнія объ этомъ событіи онъ собралъ въ прикаспійскихъ странахъ, такъ какъ самъ Ибнъ-Хаукаль говоритъ, что о Самандарѣ онъ разспрашивалъ въ Джурджанѣ [2]). Въ виду этого, мы должны допустить, что жители Самандара могли лучше помнить о постигшемъ ихъ страну бѣдствіи всего за 8—9 лѣтъ предъ тѣмъ, чѣмъ кіевляне эпохи Нестора. Допустивъ даже, что Несторъ для повѣствованія о первыхъ временахъ Русской земли пользовался трудами какого либо, невѣдомаго намъ, болѣе ранняго лѣтописца [3]) или разсказами глубокихъ стариковъ, въ родѣ 90-лѣтняго старца Яна или

[1]) *Гаркави*, ibid., 224.
[2]) *Гаркави*, ibid, 224.
[3]) *М. Погодинъ*, Несторъ, стр. 92.

печерскаго монаха Іереміи [1]), все-таки должно будетъ признать, что о походѣ Святослава на Волгу, на Востокѣ, въ 976—977 годахъ, помнили лучше, чѣмъ 40—50 лѣтъ спустя въ Кіевѣ, и что память Яна, повѣствовавшаго Нестору о давно прошедшихъ временахъ, немного сохранила, а прочее... погибло безвозвратно.

Но что извѣстія обоихъ авторовъ не отличаются особенной полнотой, это явствуетъ изъ того, что Несторъ повѣствуетъ намъ о взятіи Бѣлой Вежи и о покореніи ясовъ и касоговъ, т. е. о разгромѣ Святославомъ только западной, болѣе близкой къ Кіеву, части Хазарскаго каганата, и ничего не говоритъ о его дѣлахъ на востокѣ. Ибнъ-Хаукаль же не знаетъ о покореніи на западѣ хазарской земли и говоритъ только о покореніи булгаръ, буртасовъ и хазаръ, т. е. о разгромѣ восточной части каганата, до земель которой онъ доходилъ. Между тѣмъ несомнѣнно, что и Несторъ и Ибнъ-Хаукаль говорятъ объ одномъ и томъ же, только первый подъ 965, а второй подъ 968 годомъ.

Кромѣ того, въ ихъ показаніяхъ есть еще одно, весьма для насъ существенное разногласіе. Несторъ говоритъ, что Святославъ, послѣ похода на хазаръ, пошелъ опять на вятичей (966 г.), а на Дунай двинулся въ слѣдующемъ, 967 году; Ибнъ-Хаукаль же передаетъ, что руссы, разоривъ Булгаръ, Итиль и Семендеръ, „тотчасъ же (т. е. въ 968 году) ушли въ Румъ и Андалузъ". Чтобы рѣшить вопросъ, насколько правы въ данномъ случаѣ оба автора, мы обратимся къ нашимъ авторитетамъ и постараемся возможно точнѣе опредѣлить годы походовъ Святослава на Дунай, такъ какъ только при такомъ условіи мы будемъ имѣть возможность опредѣлить и годы походовъ нашего князя на Востокъ, и степень достовѣрности обоихъ нашихъ источниковъ, т. е. и Нестора, и Ибнъ-Хаукаля.

Куникъ въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій говоритъ, что „въ нашей лѣтописи, судя по всѣмъ даннымъ, начало русско-болгарской войны и начало выступленія самого императора Цимисхія противъ Святослава отнесены на одинъ годъ раньше дѣйствительнаго времени" [2]). Такимъ образомъ, первый походъ Святослава на Дунай слѣдуетъ отнести не къ 967, а къ 968 году, а второй—не къ 970, а къ 971. Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласны проф. Успенскій и Васильевскій. Кромѣ того, Куникъ тамъ же говоритъ слѣдующее: „Путешествіе не-

[1]) Ibid., 97.

[2]) „О годѣ смерти Святослава Игоревича", Хронологическія разысканія Н. Ламбина, А. Куника и В. Васильевскаго, стр. 162.

ликой княгини Ольги въ Константинополь и послѣдовавшее затѣмъ крещеніе ея русская лѣтопись относитъ къ 955 году, между тѣмъ уже въ 1810 году Кругъ въ своей византійской хронологіи (стр. 267—282) доказалъ неопровержимо, что крещеніе послѣдовало во 2-й половинѣ 957 года" [1]). Въ томъ же изслѣдованіи проф. Васильевскій, разбирая хронологическія даты Нестора, говоритъ: „Смерть Ольги въ русскихъ источникахъ относится къ 1 іюля 969=6477 года; при этомъ прибавляется, что отъ ея крещенія прошло 15 лѣтъ (похвала Іакова Мниха) или по другимъ 14 (Тверская лѣтопись). Очевидно, ея крещеніе и пребываніе въ Константинополѣ при этомъ предполагается въ 955 году, какъ это и стоитъ въ лѣтописи. Но несомнѣнно, что на самомъ дѣлѣ Ольга была въ Константинополѣ и тамъ крестилась въ 957 году. Прибавляя къ послѣдней цифрѣ 14 лѣтъ, получимъ 971" [2]).

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго съ несомнѣнной очевидностью вытекаетъ нижеслѣдующее: 1) первый походъ Святослава на Дунай состоялся въ 968 году, а второй—въ 971; 2) въ четырехъ датахъ Несторъ погрѣшилъ четыре раза; два раза онъ ошибся на одинъ годъ, а два раза на два года: 967—968, 970—971, 955—957, 969—971; для насъ здѣсь очень важно и то, что всѣ эти даты падаютъ на время жизни и дѣятельности Святослава; наконецъ, 3) показаніе Ибнъ-Хаукаля, что руссы, разоривъ въ 968 году Булгаръ, Итиль и Семендеръ, „тотчасъ ушли въ Румъ и Андалузъ", совершенно точно опредѣляетъ годъ перваго похода Святослава на Дунай.

Такимъ образомъ, если первый походъ Святослава на Дунай состоялся въ 968 году, а второй—въ 971, то разница въ показаніяхъ обоихъ авторовъ, Нестора и Ибнъ-Хаукаля, относительно обоихъ походовъ, получится ровно въ три года въ томъ и другомъ случаѣ: 965—968, 968—971. Отсюда ясно, что и Несторъ и Ибнъ-Хаукаль одинаково слабы въ хронологіи, и къ показаніямъ ихъ въ этомъ отношеніи мы должны относиться съ одинаковой осторожностью.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что въ то время какъ Несторъ говоритъ о двухъ походахъ Святослава на Дунай, Ибнъ-Хаукаль знаетъ только объ одномъ движеніи руссовъ въ Румъ и Андалузъ, и, что самое важное, Левъ Діаконъ также не знаетъ ничего о возвращеніи Святослава изъ Болгаріи въ 969 году и о вторичномъ его прибытіи туда въ 971 году. Описаніе

[1]) Ibidem.

[2]) Ibid. 175.

русско-болгарской и русско-греческой войнъ представляетъ собою одинъ связный разсказъ у Льва Діакона, прерываемый лишь вставками о событіяхъ, имѣвшихъ въ то время мѣсто въ византійской исторіи. Такимъ образомъ, сопоставивъ извѣстія нашей лѣтописи, Ибнъ-Хаукаля и Льва Діакона, мы придемъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) можно допустить два похода Святослава на востокъ (какъ думаютъ Грецъ и Гаркави) и два на югъ (Несторъ); 2) одинъ походъ на востокъ (Несторъ и Ибнъ-Хаукаль) и два на югъ (Несторъ); 3) одинъ на востокъ (Несторъ) и одинъ на югъ (Левъ Діаконъ).

Остается теперь рѣшить, который изъ этихъ выводовъ слѣдуетъ считать наиболѣе правильнымъ, и къ какимъ годамъ должно пріурочить эти походы. Въ виду того, что всѣ ученые, касавшіеся вопроса о дѣятельности Святослава, по тому или другому поводу, придерживаются извѣстія Нестора о двухъ его походахъ на Дунай, то и у насъ нѣтъ основанія отвергать это показаніе нашей лѣтописи, тѣмъ болѣе, что разборъ дѣятельности Святослава на Дунаѣ пока не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важно установить, когда и сколько разъ былъ Святославъ на Волгѣ.

Въ виду того, что и Несторъ и Ибнъ-Хаукаль упоминаютъ только объ одномъ походѣ Руси на востокъ, хотя и подъ различными годами, то второй вопросъ рѣшается самъ собой, тѣмъ болѣе, что и всѣ ученые изслѣдователи, кромѣ Греца и Гаркави, признаютъ также только одинъ походъ Святослава на Волгу. Другое дѣло, когда этотъ походъ состоялся. Для рѣшенія этого вопроса мы должны знать точно время дунайскихъ походовъ Святослава. Такъ какъ наиболѣе авторитетные наши ученые установили, что первый походъ свой Святославъ предпринялъ въ 968 году и, сообразно этому, въ 969 году возвратился въ Кіевъ, а второй — въ 971, то ясно, что ни въ 968, ни въ 969 году, какъ говоритъ о томъ Ибнъ-Хаукаль, Святославъ на Волгѣ быть не могъ. Такимъ образомъ, остается еще два періода: первый отъ 964 до 968 года, второй — отъ 969 до 971. Спрашивается, въ который же изъ этихъ періодовъ Святославъ могъ быть на Волгѣ? Въ теченіе перваго періода онъ былъ совершенно свободенъ, во второмъ — связанъ дѣлами на Дунаѣ.

Кромѣ того, если признать, что Святославъ вернулся изъ Болгаріи въ Кіевъ въ іюнѣ 969 года, если удѣлить затѣмъ хотя три мѣсяца времени на то, чтобы отбить печенѣговъ отъ Кіева и загнать ихъ въ степи, собрать войско для новаго похода и принять мѣры для защиты своей столицы на случай новаго нападенія на нее печенѣговъ, то

окажется, что Святославъ могъ двинуться на хазаръ не ранѣе октября 969 года. Идти же на зиму въ донскія степи, а тѣмъ паче на Волгу, едва-ли бы онъ рискнулъ; волей-неволей онъ долженъ былъ бы отложить походъ до весны 970 года; такимъ образомъ, на совершеніе всего предпріятія у него было бы въ распоряженіи не многимъ болѣе года: съ марта 970 по іюль 971 года. Для того, чтобы разорить подонскую область и взять Саркелъ и даже чтобы покорить земли ясовъ и касоговъ, этого времени было бы, пожалуй, достаточно, но чтобы опустошить еще земли болгаръ, мордвы и хазаръ, погромить Итиль и Самандаръ, указаннаго количества времени было бы слишкомъ недостаточно даже и для Святослава.

Наконецъ, если изъ того обстоятельства, что кіевляне, сидѣвшіе въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ тѣсной осадѣ, должны были посылать за помощью въ Болгарію къ самому Святославу, можно вывести заключеніе, что такой помощи они не могли получить изъ ближайшихъ городовъ, то возникаетъ вопросъ, откуда раздобылъ бы Святославъ войско, необходимое ему для отдаленнаго похода на Донъ и Волгу. Полная безпомощность кіевлянъ во время осады ихъ печенѣгами является довольно вѣскимъ доказательствомъ въ пользу того, что Святославъ, уходя на Дунай въ 968 году, повелъ туда съ собой весьма солидное войско, забравъ, очевидно, всю боевую силу Кіева, Любеча, Чернигова, Вышгорода, Бѣлгорода, Витичева, Переяславля и другихъ, ближайшихъ къ Кіеву, городовъ. Уходя изъ Болгаріи, онъ оставилъ тамъ, по крайней мѣрѣ, двѣ трети своего войска, если не три четверти, и прискакалъ въ Кіевъ съ немногочисленной дружиной, достаточной для того, чтобы отбить отъ города печенѣговъ, но слишкомъ слабой для отдаленнаго похода. Поэтому, если бы онъ вздумалъ теперь собирать ополченіе для похода на хазаръ, то ему пришлось бы посылать за ратными людьми въ далекіе города, на что ушло бы много времени. Поэтому будетъ гораздо естественнѣе, если мы допустимъ, что свой походъ на востокъ Святославъ совершилъ въ теченіе перваго періода, т. е. въ періодъ времени отъ 964 года по 968.

Но, прежде чѣмъ приступить къ описанію этого похода, мы упомянемъ еще о третьемъ показаніи нашей лѣтописи, помѣщенномъ подъ 966 годомъ, въ которомъ сообщается, что „побѣди вятичь Святославъ и дань на нихъ возложи“. Свидѣтельство это для насъ важно только потому, что подъ нимъ, какъ и подъ извѣстіемъ 964 года, не отмѣчено о возвращеніи князя въ Кіевъ. Такимъ образомъ, изъ трехъ походовъ—964, 965 и 966 годовъ, Святославъ, по извѣстію Нестора,

возвратился въ столицу только одинъ разъ, а именно въ 965 году. Теперь мы приступимъ къ описанію похода Святослава на востокъ.

Походъ этотъ, по нашему мнѣнію, состоялся такимъ образомъ. Двинувшись изъ Кіева въ маѣ мѣсяцѣ 964 года, Святославъ въ концѣ іюля былъ уже въ верховьяхъ Оки, въ землѣ вятичей, покореніемъ которыхъ и былъ занятъ въ теченіе августа, сентября, октября и ноября мѣсяцевъ. Выстроивъ затѣмъ въ теченіе трехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ лодки, онъ въ мартѣ поплылъ внизъ по Окѣ, оттуда по Волгѣ и въ концѣ мая былъ уже въ землѣ болгаръ. Разоривъ въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ земли болгаръ и буртасовъ, Святославъ въ концѣ августа очутился у Итиля. Разгромивъ въ теченіе сентября Итиль и Хазранъ, онъ въ началѣ октября выплылъ въ Каспійское море, погромилъ его западные берега, вошелъ затѣмъ въ устье Кумы, потянулся по ней вверхъ и, бросивъ лодки, въ ноябрѣ очутился на Кубани. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ мѣсяцевъ (декабрь—мартъ) онъ былъ занятъ покореніемъ ясовъ и касоговъ (вѣрнѣе, Тмутараканской Руси), а затѣмъ, выстроивъ новыя лодки въ теченіе апрѣля и мая 966 года, поплылъ внизъ по Кубани, выплылъ въ Азовское море и началъ подниматься по Дону до Саркела, который и взялъ въ сентябрѣ того же 966 года. Отсюда онъ потянулся опять вверхъ по Дону до конца ноября, перетянулъ затѣмъ по снѣгу или однимъ изъ трехъ волоковъ лодки въ Оку, въ землю вятичей, покореніе которыхъ теперь докончилъ, оттуда въ теченіе зимы въ Десну и весной 967 года, приблизительно въ маѣ мѣсяцѣ, вернулся въ Кіевъ [1]).

Представивъ такую картину походовъ Святослава на востокъ, я нарушаю показанія Нестора въ трехъ случаяхъ: во-первыхъ, соединяю три похода въ одинъ; во-вторыхъ, взятіе Саркела отношу не къ 965 году, а къ 966; въ-третьихъ, окончаніе похода предполагаю не въ 966, а въ 967 году. Нарушаю также одинъ разъ показаніе и Ибнъ-Хаукаля, относя разгромъ земель болгаръ, буртасовъ и хазаръ къ 965-му вмѣсто 968 года. Но, при такомъ предположеніи, оказывается возможнымъ дать отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые сами собой вытекаютъ изъ показаній Нестора, и которые я привелъ при разборѣ этихъ показаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ представляется возможнымъ согла-

[1]) Весьма тщательныя справки, наведенныя мною о длинѣ Десны, Оки, Волги, Кумы, Кубани и Дона, о времени, которое потребовалось бы для того, чтобы проплыть каждую изъ этихъ рѣкъ, о времени вскрытія и замерзанія ихъ, о лѣсахъ на Окѣ и Кубани и т. п., я считаю лишнимъ приводить, чтобы не утомлять читателя.

совать показаніе нашего лѣтописца и Ибнъ-Хаукаля, допустивъ, что и тотъ и другой нѣсколько ошиблись въ своихъ датахъ.

Необъяснимыми пока остаются только три предложенныхъ мною же вопроса: 1) почему изъ всѣхъ славянскихъ племенъ позже всѣхъ были покорены вятичи; 2) какимъ образомъ Святославъ могъ отнять у хазаръ не принадлежавшій имъ Саркелъ, и 3) откуда почерпнулъ Ибнъ-Хаукаль свѣдѣніе о томъ, что руссы, ограбивъ Итиль и Семендеръ, „отправились тотчасъ въ Румъ и Андалузъ"? На послѣдній вопросъ я постараюсь дать отвѣтъ сейчасъ же.

Словомъ *тотчасъ* Ибнъ-Хаукаль, несомнѣнно, хотѣлъ указать на то, что руссы ушли въ Румъ непосредственно послѣ разгрома Самандара. На такое заключеніе навели Ибнъ-Хаукаля, надо думать, свѣдѣнія, собранныя имъ въ Джурджанѣ о томъ, что руссы, погромивъ западные берега Каспійскаго моря, двинулись на западъ, къ Черному или Азовскому морю, т. е. къ единственной дорогѣ въ Румъ. Поэтому, если бы Святославъ, послѣ разгрома Самандара, не потянулся вверхъ по Кумѣ, а вновь пошелъ къ устью Волги, то Ибнъ-Хаукаль такъ не сказалъ бы, ибо онъ хорошо зналъ, что „Хазарское море не соединяется съ другими морями", и что изъ него нельзя „идти тотчасъ въ Румъ и Андалузъ". Вѣроятность такого предположенія подтверждается еще и тѣмъ, что Ибнъ-Хаукаль, какъ указано выше, ничего не сообщаетъ намъ о взятіи Святославомъ Саркела и „браняхъ" его съ хазарами въ западной части каганата. Не зная, очевидно, о существованіи волока между Дономъ и Волгой, а, быть можетъ, и о существованіи самого Дона [1]), онъ допускалъ возможность возвращенія руссовъ домой только тѣмъ путемъ, какимъ пришли они въ Каспійское море, а потому движеніе ихъ въ другую сторону, въ данномъ случаѣ на западъ, и принялъ за походъ ихъ „въ Румъ и Андалузъ".

Что же касается двухъ первыхъ вопросовъ, то отвѣты на нихъ будутъ даны въ слѣдующей главѣ.

II.

Теперь естественно будетъ предложить вопросъ: съ какою же цѣлью предпринималъ Святославъ свой отдаленный походъ на Оку, Волгу и Донъ? Соловьевъ разсматриваетъ его, какъ месть со стороны Святослава приволжскому населенію за недавнія пораженія рус-

---

[1]) *Гаркави*, ibid. 217.

совъ [1]). Почти такое же объясненіе даетъ и М. Погодинъ [2]). Гаркави идетъ нѣсколько дальше. „Поводомъ къ этимъ нашествіямъ на Хазарію служили русскимъ", говоритъ онъ, „во-первыхъ, желаніе избавить своихъ единоплеменниковъ вятичей отъ хазарскаго господства и подчинить ихъ себѣ. Затѣмъ, весьма понятно, что желая имѣть свободный доступъ къ Кавказу и прикаспійскимъ краямъ, а можетъ быть также желая отомстить за неудачные походы 913 и 943 годовъ, и встрѣчая тому неодолимое препятствіе въ хазарахъ, русскіе должны были обратить свое оружіе противъ сихъ послѣднихъ. Очень можетъ быть, что булгаре и буртасы были союзниками хазаръ, и посему должны были поплатиться вмѣстѣ съ сими послѣдними. Кромѣ того, въ показаніи Масуди мы видѣли, что остатки руссовъ, бѣжавшіе изъ хазаріи послѣ сраженія съ мусульманами, были истреблены булгарами и буртасами, и весьма естественно, что при случаѣ русскіе покончили и съ ними расчеты" [3]).

Не возражая противъ такихъ взглядовъ, мы можемъ предположить, что въ данномъ случаѣ Святославъ преслѣдовалъ и другія, болѣе широкія цѣли.

Для этого намъ слѣдуетъ обратиться за помощью къ теоріи профессора Ключевскаго; по основнымъ ея положеніямъ, общимъ интересомъ, создавшимъ великое княжество Кіевское, направлявшимъ и его дальнѣйшее развитіе и руководившимъ какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей, была внѣшняя торговля. Сообразно этому, и внѣшняя дѣятельность древнихъ нашихъ князей была направлена къ двумъ главнымъ цѣлямъ: 1) къ пріобрѣтенію заморскихъ рынковъ и 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Причина же, въ силу которой внѣшняя торговля легла въ основу государственной дѣятельности первыхъ кіевскихъ князей, заключалась въ томъ, что славянскія племена, уже тотчасъ по водвореніи своемъ на рѣчныхъ бассейнахъ восточно-европейской равнины (въ VII—VIII вѣкахъ), были втянуты въ то торговое движеніе, которое пересѣкло нашу родину въ различныхъ направленіяхъ. Каспійское, Черное и Балтійское моря уже въ то время служили ареной оживленнѣйшихъ торговыхъ сношеній этой равнины съ азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ. На Каспійскомъ

---

[1]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 142.

[2]) *Погодинъ*, Норманскій періодъ русской исторіи, стр. 49.

[3]) *Гаркави*, ibid. 225—226.

морѣ главными дѣятелями этихъ сношеній были хазары, на Черномъ—греки, а на Балтійскомъ—норманны.

Торговое движеніе шло по двумъ главнымъ путямъ: западному и восточному. Главную артерію перваго пути составляла водная линія Волховъ-Днѣпръ; подъѣздными путями къ ней служили: Финскій и Рижскій заливы, Западная Двина, Припеть, Сожъ и Десна со всѣми ихъ притоками. Главную артерію второго пути составляла Волга, а подъѣздными дорогами къ ней: Кама, Ока и Донъ со всѣми ихъ притоками. Первый путь лежалъ ближе къ Европѣ, второй ближе къ Азіи. Славяне, при своемъ движеніи изъ предгорій Карпатовъ, начали осѣдать раньше по *первому* пути, и когда всѣ мѣста здѣсь были заняты, то позднѣйшимъ пришельцамъ, каковыми по лѣтописи были вятичи, достались земли уже къ востоку отъ нихъ. Въ силу этого, на днѣпровскомъ пути раньше образовались городовыя области, раньше возникли промышленно-военныя княжества [1]).

Если мы примемъ во вниманіе теорію проф. Ключевскаго, то намъ будетъ понятно, почему дѣятельность первыхъ кіевскихъ князей, предшественниковъ Святослава, была направлена на упроченіе своей власти именно по этому первому пути. Ко времени Святослава путь этотъ, *казалось*, былъ вполнѣ обезпеченъ за Кіевомъ: попытки древлянъ къ отложенію подавлены силой оружія, угличи, послѣ упорной борьбы, примучены Свѣнельдомъ, а о существованіи княжества Рогволода пока еще нѣтъ извѣстій. Теперь настало, *казалось*, время, когда кіевскіе князья могли обратить свое вниманіе и на восточный путь. Главными дѣятелями на этомъ пути были *камскіе болгары*, столица которыхъ являлась складочнымъ мѣстомъ товаровъ, шедшихъ по верхней Волгѣ, Камѣ и Окѣ, и *хазары*, державшіе въ своихъ рукахъ всю поволжскую и подонскую торговлю. Вятичи, сидѣвшіе на верхней Окѣ, уже въ силу своего географическаго положенія, тянули ко *второму*, волжскому пути; въ то же время они были *ближайшимъ* на этомъ пути къ Кіеву племенемъ. Теперь намъ будетъ понятно, во-первыхъ, почему Святославъ, первый изъ кіевскихъ князей рѣшившійся или, какъ увидимъ то ниже, *вынужденный* двинуться на востокъ, нанесъ свой первый ударъ именно вятичамъ: покореніемъ земли вятичей онъ захватывалъ въ свои руки одинъ изъ путей поволжской торговли; во-вторыхъ, почему вятичи были покорены кіевскими князьями позже всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ: они си-

[1]) *Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, ч. I.

дѣли не на томъ пути, на который было направлено все вниманіе предшественниковъ Святослава. Сказать опредѣленно, когда началась торговля Руси съ Востокомъ, мы, конечно, не можемъ, какъ не имѣемъ возможности опредѣлить время, когда появились болгары и хазары на востокѣ Европы.

Что касается болгаръ, то настоящимъ гнѣздомъ ихъ были сѣверо-восточные берега Волги, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ она принимаетъ въ себя Каму, или нѣсколько южнѣе. Можно предполагать, что тамъ, уже около V столѣтія, если не ранѣе, возникла первая держава болгаръ, хотя первыя извѣстія о нихъ, принадлежащія Ибнъ-Фоцлану, относятся только къ началу X вѣка. Изъ этихъ извѣстій видно, что въ X вѣкѣ болгары составляли уже сильный народъ, имѣли города, вели обширную торговлю, въ которой пользовались сперва арабской и бухарской монетой, а затѣмъ и своей собственной, исповѣдывали частью мусульманскую религію, частью христіанскую, знали искусство письма и повиновались одному самодержавному государю. Вообще можно положительно утверждать, что болгары достигли замѣчательной степени образованности раньше всѣхъ народовъ сѣверо-восточной Европы, исключая только хазаръ. Въ цвѣтущую пору болгарскаго царства, границы его владѣній простирались отъ Уральскихъ горъ до Суры и Оки и отъ Вятки и Камы до истоковъ Дона, Хопра и Самары, хотя не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что на этомъ пространствѣ жили вмѣстѣ съ ними вотяки, чуваши, черемисы и мордва. Причина столь цвѣтущаго состоянія волжскихъ болгаръ заключалась въ выгодахъ ихъ географическаго положенія: земля болгаръ была складочнымъ мѣстомъ торговли, которая шла между самыми сѣверными странами Европы и азіатами, стремившимися въ Біармію и Новгородъ. По Вяткѣ и Камѣ болгары имѣли торговыя сношенія съ разными финскими племенами, жившими на сѣверъ отъ нихъ; внизъ по теченію Волги—съ народами прикаспійскими, а вверхъ по ней—съ западными и сѣверо-западными жителями Руси. Кромѣ того, между Болгаромъ, Харезмомъ (Хивой) и Хорасаномъ шла постоянная караванная торговля. Парча и другія издѣлія Византіи также не были неизвѣстными товарами въ Болгаріи [1]).

Съ хазарами же познакомилась Византія въ первый разъ и обмѣнялась съ ними посольствами при императорѣ Юстинѣ II, когда хазары жили еще у Каспійскаго моря. Вслѣдъ затѣмъ они начинаютъ

---

[1]) *В. Григорьевъ*, Волжскіе Булгары.

распространять свои завоеванія на западъ отъ этого моря, въ VII столѣтіи утверждаются прочно на обѣихъ сторонахъ Керченскаго пролива, а въ VIII — овладѣваютъ всѣмъ пространствомъ отъ Каспійскаго моря до береговъ Днѣстра и отъ Чернаго моря до береговъ Оки и Камы. Вѣроятно, что въ этомъ же вѣкѣ хазары, простирая свое оружіе на сѣверъ, сдѣлали своими данниками и славянскія племена—полянъ, сѣверянъ, радимичей и вятичей. Въ теченіе IX вѣка могущество хазаръ возрастало, а въ половинѣ X вѣка границы ихъ владѣній, по словамъ Константина Порфиророднаго, составляли на югѣ—Каспійское море и горы Кавказа, на западѣ—Донъ и Азовское море, на сѣверѣ—волжскіе болгары, а на востокѣ—башкиры и другія кочевыя племена турецкія [1]).

Если мы теперь, согласно теоріи проф. Ключевскаго, временемъ разселенія славянскихъ племенъ по рѣчнымъ бассейнамъ восточно-европейской равнины примемъ VII и VIII столѣтія, то тѣмъ самымъ должны будемъ признать, что и торговля ихъ съ хазарами и волжскими болгарами началась также въ тѣ вѣка. Неопровержимымъ доказательствомъ послѣдняго служитъ огромное количество куфическихъ монетъ, найденныхъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, отъ Казанской губерніи и до Балтійскаго моря. Монеты эти принадлежатъ одному періоду—отъ начала VIII вѣка и по конецъ X. Попадаются и болѣе раннія—съ конца VII вѣка, и болѣе позднія—отъ начала XI, но ихъ очень мало. Всѣ эти монеты или азіатскія, или африканскія и испанскія. Азіатскія принадлежатъ мусульманскимъ династіямъ, властвовавшимъ въ нынѣшнихъ Хивѣ, Бухарѣ, Афганистанѣ, Персіи, Сиріи и Арменіи, отъ Евфрата до Сыръ-Дарьи. Къ этому же разряду можно причислить нѣкоторымъ образомъ и монеты волжскихъ болгаръ. Распредѣленіе найденныхъ монетъ по вѣкамъ ясно указываетъ на то, что торговля Руси съ Востокомъ, начавшаяся въ исходѣ VII столѣтія, развивалась въ VIII, наивысшаго своего расцвѣта достигла въ IX, а съ начала X стала постепенно падать и въ началѣ XI погибла окончательно [2]).

Но съ начала того же X вѣка идетъ постепенный упадокъ и политическаго могущества хазаръ, чему было довольно много причинъ. Во 1-хъ, принятіе мусульманства (въ 868 году), содѣйствовавшаго, конечно, смягченію нравовъ народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ ослаблявшаго

---

[1]) *В. Григорьевъ*, Обзоръ политической исторіи хазаровъ.

[2]) *В. Григорьевъ*, О куфическихъ монетахъ.

ту дикую храбрость, тотъ воинственный духъ, который помогъ нѣкогда хазарамъ образовать обширную державу. Во 2-хъ, появленіе хищныхъ печенѣговъ, которые, подвигаясь постепенно съ востока, отъ рѣки Урала, къ западу, въ 900 году перешли Донъ и раскинули свои кочевья на всемъ огромномъ пространствѣ отъ этой рѣки до Дуная, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ уже въ 915 году [1]). Въ 3-хъ, внутреннія усобицы, происшедшія у хазаръ около 899 года, когда хабары, одно изъ храбрѣйшихъ племенъ, поднявшее возстаніе, были побѣждены и удалились въ землю венгровъ, гдѣ и слились съ ними въ одинъ народъ. Въ 4-хъ, образованіе великаго княжества Кіевскаго на счетъ племенъ, когда-то подчиненныхъ хазарамъ и платившихъ имъ дань. Уже Аскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, лишили хазаръ той дани, которую платили имъ поляне, а Олегъ взялъ себѣ и ту, которую получали они съ радимичей и сѣверянъ. Въ 5-хъ, страшные набѣги руссовъ въ 913 и 943 годахъ поколебали хазарскую державу въ самыхъ основаніяхъ ея [2]).

Что походы эти были, и что первый изъ нихъ состоялся въ 913 году, а второй—въ 943, въ этомъ, послѣ изслѣдованія Григорьева, уже не можетъ быть никакого сомнѣнія. Совсѣмъ другое дѣло — *кто совершилъ эти походы*, ибо отвѣтить на этотъ вопросъ самъ Григорьевъ, къ сожалѣнію, отказался [3]). Между тѣмъ, правильное рѣшеніе этого вопроса представляетъ для насъ въ данномъ случаѣ дѣло первостепенной важности; въ силу этого мы теперь и остановимся на немъ, приведя всѣ, по возможности, теоріи ученыхъ, занимавшихся его изслѣдованіемъ.

Щегловъ силился доказать, во что бы то ни стало, что походы эти были совершены Волжской, или Ростовской русью. Но, по словамъ Масуди, руссы въ 913 году попали въ хазарскую рѣку черезъ рукавъ Нейтасъ [4]); чего же ради Русь, жившая на Волгѣ, попала въ устье Волги такой удивительной дорогой: черезъ Черное и Азовское моря и рѣку Донъ! Щегловъ рѣшилъ вопросъ очень просто: „Руссы жили на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей“ [5]). Но такъ какъ отъ средней Волги до береговъ Чернаго и Азовскаго морей дистанція огромнаго размѣра, и, кромѣ того, было бы совершенно

[1]) *П. Голубовскій*, Печенѣги, торки и половцы, стр. 69.

[2]) *В. Григорьевъ*, Обзоръ политической исторіи хазаровъ.

[3]) *Григорьевъ*, О походахъ Руссовъ на Востокъ, стр. 43.

[4]) *Гаркави*, ibid. 131.

[5]) *Д. Щегловъ*, *Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1876 г., № 5, стр. 168.

непонятно, почему Русь, жившая въ Поморьѣ, называлась Волжской и составляла нѣчто отдѣльное отъ южной, къ которой она была ближе, чѣмъ къ сѣверной, то Щегловъ передвигаетъ свою Волжскую Русь постепенно съ береговъ Волги на берега Оки, затѣмъ Дона и наконецъ опускается до Босфора Киммерійскаго [1]). Нечего, конечно, и доказывать, что такимъ пріемомъ онъ самъ хоронитъ свое собственное изобрѣтеніе.

Н. Полевой колеблется при рѣшеніи вопроса, какой Руси приписать эти походы — Ростовской или Новгородской [2]). М. Погодинъ, не обинуясь, приписываетъ этотъ походъ Игорю, но, къ сожалѣнію, относитъ его не къ 913, а къ 915 году, такъ какъ въ 913 и 914 годахъ Игорь ходилъ усмирять попытавшіяся было отложиться племена [3]). Та же исторія повторяется и съ походомъ 943 года.

Григорьевъ и Карамзинъ [4]) не берутся рѣшать вопросъ, какой Руси приписать этотъ походъ, Щегловъ и Полевой толкуютъ все о той же Волжской Руси, Соловьевъ склоненъ приписать оба похода Азовской, или Черноморской Руси [5]), а Погодинъ готовъ допустить, что походъ этотъ—дѣло рукъ того же Игоря. Бѣда только въ томъ, что и этотъ походъ, какъ и предыдущій, Погодинъ опять отодвигаетъ на два года [6]), чего мы, послѣ изслѣдованія Григорьева, допустить никоимъ образомъ не въ правѣ. Согласно съ Соловьевымъ рѣшаетъ этотъ вопросъ и Ламбинъ.

Разобравъ извѣстное уже намъ показаніе Масуди, Ламбинъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: во 1-хъ, соединенное море Майотасъ-Нейтасъ Масуди называетъ не хазарскимъ, а моремъ болгаръ (Черныхъ) и руссовъ; во 2-хъ, крѣпость, у которой останавливались руссы въ 913 году, лежала не у пролива Киммерійскаго, а на Дону, и такимъ образомъ берега этого пролива, уже въ это время, не принадлежали хазарамъ; въ 3-хъ, тотъ же Масуди причисляетъ къ обитателямъ земель къ сѣверу отъ Кавказа и руссовъ и помѣщаетъ ихъ рядомъ съ болгарами на восточномъ берегу Русскаго моря или моря болгаръ и руссовъ, т. е. въ той самой мѣстности, при Киммерійскомъ проливѣ, гдѣ въ его время, именно въ 944 году, какъ

[1]) *Щегловъ*, ibid., 169.
[2]) *Н. Полевой*, Исторія русскаго народа, т. I, стр. 138.
[3]) *М. Погодинъ*, Норманскій періодъ, стр. 22.
[4]) *Карамзинъ*, т. I, стр. 106.
[5]) *Соловьевъ*, т. I, стр. 130.
[6]) *М. Погодинъ*, ibid., 34.

мы достовѣрно знаемъ изъ договора Игорева, дѣйствительно господствовалъ какой-то „князь русскій“, владѣнія котораго лежали „между Херсономъ и Черной Болгаріей“. Затѣмъ, разсмотрѣвъ дѣятельность Олега на югѣ, Ламбинъ приходитъ къ такому заключенію: „Итакъ мы имѣемъ полное право отнести начало русскаго господства въ Тмутаракани ко временамъ Олега, и именно къ тому двадцатилѣтію его княженія (884—906), въ продолженіе котораго о дѣлахъ его наша лѣтопись хранитъ глубокое молчаніе, потому, конечно, что о нихъ не сохранилось никакихъ извѣстій, а не потому, что никакихъ дѣлъ не было“. „Если хазары“, продолжаетъ Ламбинъ, „которые на сушѣ, конечно, были сильнѣе руси, оставили во власти Олега внезапно захваченные имъ Кіевъ и земли полянъ, сѣверянъ и радимичей, и даже не пытались, какъ видно, воротить ихъ впослѣдствіи, то это, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать тому, что Олегъ поспѣшилъ перенести борьбу съ ними на другой театръ — на море, гдѣ перевѣсъ былъ уже на его сторонѣ, т. е. что онъ занялъ крѣпкую позицію на островѣ Тамани и отсюда по Азовскому морю и Дону, опустошая на пути всѣ земли вправо и влѣво, вторгнулся въ самое сердце Хазаріи и, угрожая Кагану въ собственной его столицѣ, начерталъ ему условія мира, подобныя тому, какія вскорѣ потомъ побѣдоносный мечъ его зарубилъ грекамъ подъ стѣнами Царьграда“ [1]).

Въ данномъ случаѣ Ламбинъ говоритъ о какомъ-то походѣ, совершенномъ Русью въ самое сердце Хазаріи, подъ предводительствомъ Олега, до 906 года. Рѣшеніе вопроса, почему объ этомъ походѣ не сохранилось никакихъ извѣстій ни у арабскихъ путешественниковъ, ни въ нашихъ лѣтописяхъ, не входитъ въ мою задачу. Для насъ здѣсь важно то, что если мы, согласно теоріи Ламбина, признаемъ существованіе Черноморской Руси уже въ концѣ IX вѣка, тогда вопросъ о томъ, какая Русь совершила походы 913 и 943 годовъ, рѣшается самъ собой; тогда будетъ несомнѣнно, что походы эти были совершены этой самой Черноморской или Тмутараканской Русью, тѣмъ болѣе, что такого же взгляда на этотъ вопросъ держится и самъ Соловьевъ. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ другой вопросъ, имѣющій для насъ огромное значеніе: въ какихъ же отношеніяхъ находились между собой Русь Черноморская и Русь Кіевская? Со-

---

[1]) *Н. Ламбинъ*, Тмутараканская Русь (*Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1874 годъ, № 1, стр. 77—79).

гласно взгляду Ламбина, первая была собственнымъ, добытымъ мечемъ, достояніемъ второй. Но если мы вспомнимъ, что первый же владѣтель ея умеръ осенью 912 года, а ближайшій преемникъ его въ теченіе 913 и 914 годовъ былъ занятъ своими дѣлами у себя, въ Кіевской Руси, то естественно будетъ предложить вопросъ: имѣлъ ли какое-нибудь отношеніе къ походу 913 года Игорь или нѣтъ? Самостоятельно ли предприняла этотъ походъ Черноморская Русь, или съ согласія и разрѣшенія кіевскаго князя? Далѣе, если мы не забудемъ, что разбитый въ 941 году греками Игорь, въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ, былъ занятъ усиленными приготовленіями къ новому походу на Византію, то спрашивается: въ какомъ отношеніи находятся между собой оба похода одного и того же 943 года? Можно-ли предположить, что въ данномъ случаѣ Игорь рѣшилъ дѣйствовать разомъ на два фронта, — двинувъ Черноморскую Русь на хазаръ, а самъ двинувшись на Византію, или, что оба похода были совершены независимо другъ отъ друга? На эти вопросы, мнѣ кажется, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Русь Черноморская дѣйствовала совершенно независимо отъ Руси Кіевской, т. е., говоря другими словами, Русь Черноморская находилась въ это время въ полной независимости отъ Руси Кіевской.

Это вытекаетъ, во 1-хъ, изъ удивительнаго совпаденія годовъ. Въ теченіе всего своего княженія Игорь былъ въ особенно затруднительномъ положеніи именно въ 913 — 914 и 941 — 943 годахъ, и именно на эти годы падаютъ оба похода Черноморской Руси. Во 2-хъ, какой интересъ былъ для Игоря посылать въ 913 году Черноморскую Русь въ какую-то невѣдомую „Нефтяную Землю“, если у него и дома было довольно дѣла: подъ бокомъ волновались древляне, съ угличами тянулась упорная борьба, начатая еще при Олегѣ, а вятичи оставались и совсѣмъ не покоренными? Въ 3-хъ, чего ради сталъ бы Игорь тратить массу времени и денегъ на наемъ далекихъ варяговъ для второго похода на Византію, если у него подъ рукой были огромныя силы Черноморской Руси? Наконецъ, въ 4-хъ, непонятно, чѣмъ руководствовался онъ, отправляя эту Русь въ далекую Берду вмѣсто того, чтобы двинуть ее на Византію? Изъ всего этого, мнѣ кажется, можно сдѣлать тотъ выводъ, что если Черноморская Русь, въ эпоху своего основанія, и считалась находящейся въ зависимости отъ кіевскихъ князей, то уже съ первыхъ же дней своего существованія упорно начала стремиться къ независимости, чего въ концѣ концовъ и добилась, умѣло пользуясь для этого благопріятными обстоятельствами. По-

этому, положительно можно утверждать, что къ концу княженія Игоря она представляла собой *совершенно независимое и отъ Кіева и отъ хазаръ владѣніе*.

Въ доказательство я позволю себѣ сослаться на 8 и 11 статьи договора Игоря съ греками.

Ст. 8. „А о Корсунстѣй странѣ: елико же есть городовъ на той части, да не имати волости *князи Рустіи*, да воюете на тѣхъ странахъ, и та страна не покоряется вамъ; и тогда аще просить вой у насъ *князь Русскій*, да воюеть, да дамь ему, елико ему будеть требѣ".

Ст. 11. „А о сихъ, оже то приходять Черниі Болгаре, и воюють въ странѣ Корсунстѣй, и велимъ *князю Русскому*, да ихъ не пущаеть: пакостять странѣ его" [1]).

По поводу этихъ статей академикъ Куникъ говоритъ слѣдующее: „Безъ сомнѣнія, въ этомъ договорѣ намекается на владѣнія русскаго *великаго князя* на Киммерійскомъ Воспорѣ или неподалеку отъ него, такъ какъ оттуда только могъ онъ воспрепятствовать Чернымъ (Кубанскимъ) Болгарамъ дѣлать набѣги на Крымъ" [2]).

Ламбинъ, съ своей стороны, высказываетъ такой взглядъ на смыслъ этихъ статей. „Что упоминаемая въ договорѣ Игоря страна русскаго князя должна была лежать между Херсонскою областью и землею Черныхъ Болгаръ, т. е. на берегахъ Киммерійскаго пролива, это не можетъ подлежать сомнѣнію" [3]).

Такимъ образомъ, оба ученыхъ категорически утверждаютъ, что въ концѣ княженія Игоря, на берегу Киммерійскаго Босфора, находились владѣнія русскаго князя. Но возникаетъ вопросъ: какого же князя? Кіевскаго или Черноморскаго? Въ виду того, что Куникъ говоритъ *великаго князя*, а Ламбинъ считаетъ Тамань владѣніемъ Кіевскихъ князей, должно признать, что въ данномъ случаѣ оба ученыхъ подъ этимъ княземъ разумѣютъ Игоря, т. е. великаго князя Кіевскаго. Однако, трудно въ этомъ согласиться съ ними.

Дѣло въ томъ, что изъ всѣхъ 16 статей договора Игоря съ греками, выраженія—„князи Рустіи", „князь Русскій" и „князю Русскому"—встрѣчаются только въ двухъ статьяхъ, и именно въ 8-ой и 11-ой. Во всѣхъ же остальныхъ статьяхъ эти выраженія замѣняются другими, а именно: „Иворъ, солъ Игоревъ, *великаго князя Русскаго*",

---

[1]) *Владимірскій-Будановъ*, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. I, стр. 16.

[2]) *А. Куникъ*, Записка готскаго топарха, стр. 80.

[3]) *Н. Ламбинъ*, Тмутараканская Русь, ibid., стр. 73.

„отъ Игоря, *великаго князя Русскаго*". „И *великій князь нашъ* Игорь (и князи)" (ст. 1). „А *великій князь Русскій*" (ст. 2); „да приводятъ къ *великому князю Русскому* Игореви" (ст. 16). Спрашивается, чѣмъ объяснить такое явленіе? Можно ли допустить, чтобы лицо, писавшее текстъ этого договора, такъ точно обозначающее вездѣ всѣ эпитеты Игоря, нашло почему-то возможнымъ выпустить эти эпитеты и именно въ 8-ой и 11-ой статьяхъ? Почему выраженіе: „*великому* князю Русскому Игореви"—статьи 16-ой замѣнено выраженіемъ: „князю Русскому"—въ статьѣ 8-ой. Вѣдь, если бы въ договорѣ всѣ эпитеты Игоря пришлось проставить не 5, а 25 разъ, то и въ такомъ случаѣ они обязательно были бы проставлены, ибо писался договоръ одного государства съ другимъ, а не поэтическое произведеніе. Допустить же, чтобы эпитеты эти были выпущены уже позднѣйшими переписчиками, положительно не представляется возможнымъ; мы знаемъ, какъ относились наши древніе лѣтописцы ко всякому писанному слову. Наконецъ, если мы даже и допустимъ это, то все-таки останется непонятнымъ, почему же такой грѣхъ случился именно со статьями 8-ой и 11-ой, а не съ 1-ой или 2-ой или 16-ой?

Затѣмъ, что это за „князи Рустіи", которые встрѣчаются въ статьѣ 8-ой, и опять-таки только въ ней одной? Вѣдь, договоръ писался съ однимъ Игоремъ, какъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ текстъ его! Почему же, какъ только дѣло коснулось Корсунской страны, на сценѣ вдругъ появились какіе-то невѣдомые „князи Рустіи"? Откуда они взялись? Почему въ другихъ статьяхъ о нихъ упоминается только въ качествѣ придатка къ великому князю Игорю—„отъ Игоря великаго князя Рускаго и отъ *всякоя княжья*". „И великій князь нашъ Игорь (и князи)" (ст. 1),—а здѣсь они выставлены самостоятельно?

Дать болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы, мнѣ кажется, возможно только въ томъ случаѣ, если признать, что въ статьѣ 8-ой договора 944 года рѣчь шла не объ одномъ только кіевскомъ князѣ, но и о черноморскомъ, который, уже въ силу географическаго положенія своихъ владѣній, легче, чѣмъ всякій другой русскій князь, могъ заставить Кубанскихъ болгаръ не „пакостить странѣ той". Конечно, нѣсколько страннымъ является то обстоятельство, что Византія почему-то сочла себя въ правѣ налагать извѣстнаго рода обязательства на князя, который даже не принималъ никакого участія въ походахъ Игоря противъ нея. Но если мы вглядимся внимательнѣе въ обѣ статьи договора, то намъ будетъ ясно, что Византія, въ дѣйствительности, непосредственно къ черноморскому

князю никакихъ требованій и не предъявляла. Объ этомъ князѣ даже и не упоминается въ договорѣ; онъ лишь подразумѣвается подъ тѣмъ неопредѣленнымъ терминомъ—„русскій князь", который умышленно и вполнѣ сознательно употребленъ только въ 8-ой и 11-ой статьяхъ договора. Этими статьями Византія желала обезпечить свои черноморскія владѣнія отъ набѣговъ какъ Кіевской Руси, такъ Черныхъ болгаръ и Черноморской Руси. Но, не имѣя возможности обязать къ этому силой договора послѣднихъ, она возложила это на первую, которая обязалась и сама не воевать византійскихъ владѣній и удерживать отъ этого какъ черныхъ болгаръ, такъ и черноморскаго князя.

Для насъ же въ данномъ случаѣ важно то, что Византія не нашла возможнымъ отнести князя Черноморской Руси къ разряду „всякоя княжья", а выдѣлила его въ исключительное положеніе, поставила рядомъ съ кіевскимъ княземъ и обозначила ихъ общимъ терминомъ „князи Рустіи". А въ такомъ случаѣ ясно, что, съ точки зрѣнія византійскаго двора, черноморскій князь, если и считался de iure находящимся въ зависимости отъ кіевскаго князя, то de facto былъ вполнѣ независимымъ государемъ, какъ и владѣтель черныхъ болгаръ. Отсюда же намъ будетъ понятно, что въ 966 году Святославъ покорялъ земли не ясовъ и касоговъ, пока ему совершенно ненужныя, а *Черноморской Руси*, стремясь, во что бы то ни стало, завладѣть Таматархой, которая, по его мнѣнію, должна была играть огромную роль, если бы осуществились тѣ планы, которые роились тогда въ головѣ кіевскаго князя.

Наконецъ, въ 6-хъ, не мало способствовало паденію могущества хазаръ и построеніе Саркела на Дону.

Въ исторической наукѣ долго господствовало убѣжденіе, что Саркелъ былъ хазарской крѣпостью, выстроенной греческимъ архитекторомъ Петроной, котораго послалъ въ хазарскую страну византійскій императоръ Ѳеофилъ въ 837 году, по просьбѣ хазарскаго кагана, разсчитывавшаго, при помощи этой крѣпости, защитить свою землю отъ набѣговъ печенѣговъ. Это мнѣніе основывалось на извѣстіи Константина Порфиророднаго, помѣщенномъ въ 42-ой главѣ его сочиненія— „De administrando imperio". Акад. Успенскій, подвергнувъ критическому изслѣдованію это извѣстіе, доказалъ неопровержимо, что Саркелъ былъ не хазарской, а греческой крѣпостью, построенной греками же для укрѣпленія своего вліянія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. „Въ X вѣкѣ", говоритъ акад. Успенскій, „византійскія владѣнія на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря не ограничи-

вались Крымомъ, а простирались и на Хазарскія Климаты и утверждались военнымъ положеніемъ въ Саркелѣ" [1]), построеніе котораго, по его мнѣнію, можно отнести приблизительно къ 903 году [2]). Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ проф. Успенскаго, я, съ своей стороны, позволю себѣ прибавить, что греки строили Саркелъ не столько противъ хазаръ, сколько противъ Руси, но построеніе этой крѣпости слѣдовало бы отнести не къ 903, а къ 907 или 908 году, и вотъ почему.

Если мы согласимся съ мнѣніемъ Соловьева и Ламбина, что основаніе Черноморской Руси слѣдуетъ отнести къ концу IX вѣка, то тѣмъ самымъ должны будемъ признать, что появленіе русскаго владѣнія у Босфора Киммерійскаго грозило Византіи великой бѣдой: Русь облегла теперь ея владѣнія въ Крыму съ двухъ сторонъ: съ запада, отъ Днѣпра, напирала Русь Кіевская, съ востока—Русь Черноморская; самостоятельность Херсона висѣла на волоскѣ, а походъ Олега показалъ ясно, чего должна ожидать имперія отъ своихъ сосѣдей на сѣверѣ. Тяжесть условій, на которыя вынуждена была согласиться Византія по договору съ Олегомъ, слѣдуетъ объяснять не столько силой удара, нанесеннаго ей походомъ этого князя, сколько тѣми опасностями, которыя грозили имперіи въ будущемъ. Византія должна была согласиться на всѣ условія въ тотъ моментъ, лишь бы хотя на время развязать себѣ руки, чтобы принять какія-либо мѣры на будущее время. И такой мѣрой было построеніе Саркела. Донъ пока никому не принадлежалъ; онъ лишь считался западной границей Хазарскаго каганата, но, надо полагать, защитить его хазары уже не имѣли силъ. Что же касается Руси, то она и претендовать на него не могла. А, между тѣмъ, построеніемъ крѣпости на этой рѣкѣ Византія не только снова обезпечивала за собой обладаніе Крымомъ и укрѣпляла свое вліяніе на Азовскомъ поморьѣ, но, что самое важное, разрывала связь между Русью Кіевской и Черноморской. Послѣднее обстоятельство было также, между прочимъ, одной изъ причинъ ранней независимости Черноморской Руси, которая, принявъ участіе въ походѣ Олега на Царьградъ, направляетъ съ того времени свои удары не на Византію, а совершенно въ другую сторону.

Укрѣпляясь въ Саркелѣ, Византія тѣмъ самымъ вновь получала возможность оказывать непосредственное вліяніе и на хазаръ, и на пе-

---

[1]) *Ѳ. Успенскій*, Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вѣкахъ („Кіевская Старина“, 1889 г., № 5, стр. 291).

[2]) Ibid., 294.

ченѣговъ, и на Русь Кіевскую, и на Русь Черноморскую, а имперія вообще гораздо болѣе любила дѣйствовать путемъ политики, чѣмъ оружіемъ. Вліять же, сидя въ Константинополѣ, на громадное пространство земель—отъ Кіева до Каспійскаго и Чернаго морей,—было, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ имѣя опору для такого вліянія въ Саркелѣ. На безусловную же необходимость такого вліянія указалъ походъ Олега на Царьградъ. Вотъ почему, мнѣ кажется, построеніе Саркела слѣдуетъ отнести ко времени послѣ этого похода, т. е. послѣ 906 года.

Кромѣ того, построеніемъ этой крѣпости византійской политикой достигалась и другая, весьма существенная цѣль. Какъ извѣстно, Византія вела обширную торговлю съ хазарами [1]). Между тѣмъ, съ утвержденіемъ Руси на Босфорѣ Киммерійскомъ и при непосредственныхъ связяхъ этой Руси съ Русью Кіевской, торговлѣ Византіи съ хазарами грозила неизбѣжная гибель. Всѣ выгоды, какія до того времени извлекала Византія изъ этой торговли, перешли бы въ руки русскихъ князей. Ламбинъ совершенно справедливо говоритъ, что „Олегъ, открывъ свободный путь къ морю, могъ безпрепятственно разъѣзжать *уже по своему Русскому морю* и вооруженною рукою, по праву сильнаго, взимать обильную дань съ его богатыхъ побережій" [2]). Построеніемъ же крѣпости на Дону Византія вновь захватывала въ свои руки главную торговую дорогу съ хазарами и обезпечивала свое вліяніе какъ на этой дорогѣ, такъ и на всемъ Азовскомъ побережьѣ. Какую огромную роль во взаимныхъ отношеніяхъ Руси и Византіи сыгралъ Саркелъ, чуть ли не въ первые же дни своего существованія, объ этомъ можно судить по слѣдующему, весьма любопытному явленію.

Разбивъ въ 906—907 году грековъ, Олегъ, какъ доказалъ то проф. Димитріу, заключилъ съ ними лишь словесный договоръ, который не былъ еще ратификованъ даже и въ 912 году. Но допустимъ, что Олегъ успѣлъ утвердить его передъ своей смертью. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ такъ долго медлилъ онъ съ ратификаціей столь выгоднаго для Руси договора? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы едва-ли сможемъ, если не допустимъ, что съ построеніемъ Саркела сразу и рѣзко измѣнилось взаимное положеніе Руси и Византіи. Съ ратификаціей договора медлила не Русь, а Византія, которая, получивъ опору для своихъ владѣній на сѣверныхъ берегахъ Чернаго и Азов-

[1]) *Гаркави*, Извѣстія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.
[2]) *Н. Ламбинъ*, Тмутараканская Русь, ibid., стр. 78.

скаго морей въ Саркельской крѣпости, смѣло могла уже затянуть ратификацію договора на цѣлыхъ пять лѣтъ. И кто знаетъ, тотъ-ли письменный договоръ былъ утвержденъ Олегомъ въ 911 — 912 году, который устно заключилъ онъ съ греками въ 907 г.?

Однако, какъ бы тамъ ни было, тотъ-ли или нѣсколько иной договоръ утвердилъ Олегъ въ 912 году, во всякомъ случаѣ, какъ этотъ договоръ, такъ и всѣ другіе служатъ для насъ прекрасными показателями взаимныхъ отношеній Руси и Византіи въ X вѣкѣ. „Этими договорами“, говоритъ проф. Успенскій, „обрисовываются внутреннія стороны торговыхъ и дипломатическихъ сношеній Руси съ Византіей“ [1]).

Подводя теперь итогъ всему, изложенному во 2-ой главѣ, мы можемъ не только отвѣтить на вопросы, почему вятичи были покорены позже всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ, и какимъ образомъ могъ Святославъ отнять у хазаръ не принадлежавшій имъ Саркелъ, но и признать достовѣрными фактами нижеслѣдующіе: 1) что съ упадкомъ политическаго могущества хазаръ, въ X вѣкѣ, стала падать и торговля на всемъ восточномъ пути, охранять который хазары уже были не въ силахъ; 2) что въ томъ же X вѣкѣ по обѣимъ сторонамъ Керченскаго пролива успѣло образоваться и окрѣпнуть совершенно независимое и отъ Кіева, и отъ хазаръ княжество Черноморской Руси; 3) что походы 913 и 943 годовъ, о которыхъ говоритъ въ своей „Книгѣ путей и государствъ“ Ибнъ-Хаукаль, совершены не Кіевской, а Черноморской Русью, которая усиливалась по мѣрѣ того, какъ падало могущество хазаръ, и стремилась захватить въ свои руки не только подонскую, но и поволжскую торговлю; 4) что Саркелъ былъ построенъ византійцами не столько въ военныхъ, сколько въ политическихъ цѣляхъ, не столько противъ хазаръ, сколько противъ Руси, что построеніемъ этой крѣпости Византія не только ослабляла вліяніе Руси Кіевской и Руси Черноморской на всемъ Азовскомъ побережьѣ, но и обезпечивала за собой свободную торговую дорогу на Донъ и Волгу; наконецъ, 5) въ основѣ взаимоотношеній Руси Кіевской и Черноморской, хазаръ и Византіи въ IX и X вѣкахъ лежали преимущественно, если не исключительно, интересы торговые; однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу такого положенія является характеръ договоровъ Руси съ Византіей, къ разбору которыхъ мы и перейдемъ въ слѣдующей главѣ.

[1]) *Успенскій*, Русь и Византія въ X вѣкѣ, стр. 15.

III.

Относительно договоровъ Руси съ греками въ нашей исторической наукѣ существуетъ довольно обширная литература. Соглашаясь между собой во взглядахъ на характеръ этихъ договоровъ, наши ученые далеко расходятся между собой при рѣшеніи вопроса о дѣйствительности ихъ: одни готовы признать чуть не всѣ договоры позднѣйшими вставками, другіе—всѣ дѣйствительными. Такъ, проф. Сергѣевичъ изъ четырехъ, дошедшихъ до насъ договоровъ (907, 911, 944 и 972 годовъ), только послѣдній считаетъ не возбуждающимъ никакихъ недоразумѣній ни по содержанію, ни по формѣ [1]). Что же касается болѣе раннихъ договоровъ руссовъ съ греками, предшествовавшихъ договору 907 года и не дошедшихъ до насъ, то о нихъ многіе изъ нашихъ ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, не упоминаютъ вовсе. А, между тѣмъ, въ томъ, что такіе договоры были, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такъ, уже походъ Аскольда и Дира 860 года окончился постыднымъ для Византіи миромъ, какъ доказалъ то г. Лопаревъ, указавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что извѣстіе Симеона Логоѳета о гибели судовъ (отъ поднявшейся бури) должно считать подложнымъ, относящимся не къ русскому флоту 860 года, а къ аварскому 626 года [2]). Проф. Самоквасовъ, кромѣ того, старался доказать, что походъ этотъ былъ вызванъ нарушеніемъ греками условій союзнаго договора, въ доказательство чего приводитъ мѣста изъ первой и второй проповѣдей патріарха Фотія. Такимъ образомъ, уже договоръ 860 года онъ считаетъ не первымъ [3]). Но, какъ доказалъ то проф. Васильевскій, и самую причину похода, а, значитъ, и самый союзъ, будто бы раньше бывшій между греками и Русью, слѣдуетъ считать ложными [4]). Проф. Димитріу думаетъ, что въ 907 году подъ стѣнами Константинополя Олегъ заключилъ съ греками только словесный договоръ, а затѣмъ, по почину Византіи,

---

[1]) *Сергѣевичъ*, Греческое и русское право X вѣка (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1882 г., № 1, стр. 92).

[2]) *Хр. Лопаревъ*, Церковное слово о русскомъ походѣ на Византію 860 года (Византійскій Временникъ 1895 года, № II, стр. 627 и 618).

[3]) *Самоквасовъ*, Свидѣтельства современныхъ источниковъ о военныхъ и договорныхъ отношеніяхъ славяноруссовъ съ греками (Варшавскія Университетскія Извѣстія 1886 года, № 6, стр. 9).

[4]) *Васильевскій*, Русско-византійскіе отрывки (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1878 г., № 1).

рѣшено было заключить формальный договоръ, ради чего и отправились послы Олега въ Константинополь въ 911 году. Однако Олегъ не успѣлъ ратификовать этотъ договоръ, а Игорь отказался, имѣя свои личные замыслы на счетъ Византійской имперіи [1]). Профессоръ же Сергѣевичъ полагаетъ, что въ 907 году никакого договора между Русью и греками заключено не было, и все дѣло ограничилось лишь предварительными переговорами [2]). Далѣе, въ Никоновской лѣтописи сообщается о примиреніи Аскольда и Дира съ греками, о договорѣ кіевскихъ князей съ императоромъ Василіемъ Македоняниномъ и о крещеніи кіевлянъ въ 876 году [3]). Наконецъ, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, императоръ Василій также склонялъ руссовъ къ договору. То же говорятъ Кедринъ и Зонара [4]).

Итакъ, если вѣрить извѣстіямъ нашихъ лѣтописей и византійскихъ писателей, то окажется, что всѣхъ договоровъ между Русью и греками было заключено шесть: 860, 876, 907, 911, 944 и 972 годовъ. Если же мы исключимъ изъ ихъ числа договоръ 876 года, какъ не доказанный, и договоръ 907 года, какъ только словесный, измѣненный затѣмъ и ратификованный въ 911 году, то всѣхъ ихъ останется только четыре.

Принявъ теперь во вниманіе, что договоры эти всякій разъ заключались послѣ походовъ Руси на Царьградъ, естественно будетъ спросить: чѣмъ же были вызываемы эти самые походы? Проф. Димитріу говоритъ, что „какъ Олегъ, такъ и Игорь въ своихъ отношеніяхъ къ Византіи не руководствовались никакими другими соображеніями, кромѣ желанія сорвать съ грековъ дань золотомъ или другими предметами“ [5]). Однако, достаточно обратить вниманіе только на тѣ силы, съ которыми эти князья совершали свои походы на Царьградъ, чтобы усомниться въ правильности такого взгляда; трудно назвать походъ, въ которомъ участвуетъ около 100.000 человѣкъ, разбойничьимъ набѣгомъ. Кромѣ того, какъ извѣстно, Олегъ и Игорь нанимали для своихъ походовъ варяговъ; наемная же плата была высока, и атаманъ такой наемной шайки, въ случаѣ неудачи своего набѣга, рисковалъ многимъ. Наконецъ, всякаго рода военныя дѣй-

---

[1]) *Димитріу*, Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками (Византійскій Временникъ, 1875 г., т. II, стр. 513 и 545).

[2]) *Сергѣевичъ*, ibid., 85.

[3]) Ник. 21, 22.

[4]) Mem. popul., II, 963—864.

[5]) *Димитріу*, ibid., 545.

ствія тяжело отзываются на внѣшней торговлѣ воюющихъ сторонъ. Торговля же Руси съ греками была весьма оживленная, и, если допустить, что она приносила хорошія выгоды обѣимъ сторонамъ, то спрашивается, могли-ли Олегъ и Игорь разсчитывать на то, что ихъ походы на Царьградъ принесутъ имъ больше выгоды, чѣмъ обыкновенная торговля? Первый походъ Игоря окончился, какъ извѣстно, полной неудачей, а стоилъ онъ, конечно, не мало; между тѣмъ князь готовитъ второй, еще большій походъ. Спрашивается, къ чему? Неужели все съ той же цѣлью грабежа? А если и этотъ окончится неудачей, то откуда же взять средства для покрытія расходовъ по обоимъ походамъ?

Если же мы вникнемъ въ содержаніе договоровъ Олега и Игоря съ греками, то мнѣніе проф. Димитріу должны будемъ отвергнуть совершенно. Даже при бѣгломъ чтеніи этихъ договоровъ каждому становится яснымъ, что главной цѣлью ихъ было *обезпеченіе торговли*, торговыхъ интересовъ русскихъ купцовъ. А развѣ такого рода договоры заключались когда-либо съ разбойничьими шайками? Если же это такъ, то спрашивается, какія же обстоятельства вызывали необходимость обезпеченія такой торговли? Вѣдь, если Византія вела торговлю съ Русью давно, если она извлекала изъ нея огромные барыши, то какой же былъ для нея смыслъ портить эту торговлю, чинить всякаго рода неудобства русскимъ купцамъ и тѣмъ каждый разъ вызывать новые походы со стороны русскихъ князей?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы, оставляя уже въ сторонѣ высокую образованность Византіи, ея прочный государственный строй, ея огромный политическій опытъ, выгоды ея положенія и т. п., однимъ словомъ все то, что само по себѣ уже давало имперіи неизмѣримое превосходство передъ полу-варварской Русью, разсмотримъ только тѣ условія, въ которыхъ находилась русская торговля въ IX и X вѣкахъ.

Въ эту эпоху, какъ мы знаемъ, Русь прорѣзывали два главныхъ торговыхъ пути: восточный—Волжскій и западный—Днѣпровскій. Первый путь шелъ изъ Рижскаго и Финскаго заливовъ по рѣкамъ, озерамъ и волокамъ въ Волгу, затѣмъ Волгой и ея притоками въ Каспійское море, а оттуда въ страны Кавказа и мусульманскаго Востока. Такимъ образомъ, участіе въ томъ торговомъ движеніи, которое шло по этому пути, могла принимать Сѣверная Русь—полочане, ильменскіе славяне, сѣверные кривичи, и ея сосѣди—всѣ волжскія племена. Что же касается Днѣпровской Руси, то для нея этотъ путь былъ почти недоступенъ.

Изъ Кіева до волжскаго пути можно было добраться по тремъ артеріямъ. Первая шла вверхъ по Днѣпру, а оттуда волоками въ Волгу. Но по этой дорогѣ, насколько то можно судить по извѣстіямъ Константина Порфиророднаго, торговля шла, какъ кажется, только съ сѣвера на югъ, т. е. въ Византію и обратно, какъ выражается наша лѣтопись: „бѣ бо путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру". На востокъ, надо думать, она не шла; въ восточной торговлѣ, быть можетъ, принимали участіе одни только смоленскіе купцы, такъ какъ Смоленскъ лежалъ на пересѣченіи обоихъ главныхъ путей. Второй артеріей могла быть Десна, но *торговаго пути* изъ этой рѣки въ Оку ни въ IX, ни въ X вѣкахъ еще не было; онъ появился гораздо позже [1]). Это, впрочемъ, ясно изъ извѣстія лѣтописи о томъ, что Святославъ, первый изъ кіевскихъ князей, ходилъ въ землю вятичей; между тѣмъ, если бы Поднѣпровье вело торговлю съ вятичами уже до этого времени, то не только кіевскій князь, но и каждый кіевскій купецъ несомнѣнно зналъ бы, кому платятъ дань вятичи. Наконецъ, третья дорога шла на Донъ, а оттуда въ Волгу, но она скорѣе принадлежала западному, чѣмъ восточному пути.

Доказательствомъ тому, что Поднѣпровье не вело непосредственной торговли съ Востокомъ, можетъ служить то обстоятельство, что въ его области найдено всего только два клада съ арабскими монетами: одинъ въ Гомелѣ, другой—въ Минской губерніи. Въ виду того, что всѣ монеты, найденныя въ Гомелѣ, биты съ 896 года по 943-й, не подлежитъ сомнѣнію, что онѣ занесены туда кѣмъ-либо изъ участниковъ похода Святослава на Волгу. Что же касается второго клада, то, если онъ найденъ въ сѣверной части Минской губерніи, тогда онъ могъ попасть туда изъ Полоцка или Смоленска; если же въ южной, то объяснить это явленіе я не берусь. Къ сожалѣнію, ни Савельевъ [2]), ни Григорьевъ [3]) не указываютъ, въ какой мѣстности Минской губерніи найденъ этотъ кладъ.

Главной же артеріей *западнаго* пути былъ, конечно, прежде всего самъ Днѣпръ, по которому сплавлялась ежегодно огромная масса всякаго рода добра непосредственно въ Византію. Вторая артерія шла сухопутьемъ въ Галицію, а оттуда по Днѣстру въ подунайскіе города; южнымъ конечнымъ пунктомъ этого пути, такъ называемаго

---

[1]) *Барсовъ*, Русская историческая географія, стр. 22, 23.

[2]) *Савельевъ*, Мухаммеданская нумизматика (о восточныхъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи), стр. 25.

[3]) *Григорьевъ*, О куфическихъ монетахъ, стр. 135 („Россія и Азія").

залознаго, была та же Византія. Наконецъ, третья артерія, называвшаяся *солонымъ* путемъ, шла также сухопутьемъ на Донъ, а оттуда въ Крымъ и Азовское море [1]). Надо думать, что въ эпоху господства хазаръ въ южной Россіи и до появленія печенѣговъ въ придонскихъ степяхъ, этотъ путь игралъ огромную роль въ торговлѣ Поднѣпровья; И. И. Срезневскій даже думаетъ, что одной изъ главныхъ причинъ основанія Тмутараканскаго княжества на устьѣ Кубани было именно торговое движеніе, шедшее по этому пути. Но съ началомъ упадка могущества хазаръ, не имѣвшихъ уже силъ защищать этотъ путь отъ хищныхъ печенѣговъ, торговое движеніе по немъ упало. Впослѣдствіи этотъ путь снова возродился и былъ извѣстенъ подъ именемъ Муравскаго шляха [2]).

Можно, однако, предполагать, что кромѣ этого пути въ X вѣкѣ существовалъ и другой путь, но уже водный. Путь этотъ шелъ изъ Днѣпра по Самарѣ, ея притоку Волчьей, оттуда волокомъ въ Крымку, притокъ Калміуса, наконецъ Калміусомъ въ Азовское море, а оттуда— въ ту же Византію [3]).

По словамъ же Константина Порфиророднаго, существовалъ еще водный путь между Каркинитскимъ заливомъ и Меотидой, но вопросъ объ этомъ пути, по мнѣнію академика Бычкова, требуетъ еще точнаго изслѣдованія и принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ въ исторической географіи Россіи [4]).

Изъ этихъ четырехъ путей только одинъ залозный не находился непосредственно въ рукахъ Византіи; на всѣхъ же остальныхъ господами положенія были греки. Такимъ образомъ, къ половинѣ X вѣка вся торговля Поднѣпровья, *благодаря упадку могущества хазаръ* и закрытію для Руси, вслѣдствіе этого, рынковъ Востока, очутилась въ исключительномъ распоряженіи Византіи, чѣмъ послѣдняя и не преминула воспользоваться, конечно, въ своихъ интересахъ. Имперія, всегда неразборчивая въ средствахъ, и теперь не стѣснялась въ выборѣ ихъ, пользуясь выгодами своего положенія, какъ конечнаго пункта всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ путей на юго-востокѣ Европы и какъ единственнаго поставщика всякаго рода фабрикатовъ. Международное же право среднихъ вѣковъ не давало никакого обезпеченія купцу въ чужой землѣ, и его приходилось каждый разъ добывать отдѣльными

[1]) *Аристовъ*, Промышленность древней Руси, стр. 186, 187.

[2]) *Аристовъ*, Промышленность древней Руси, стр. 187.

[3]) *Брунъ*, Черноморье, ч. I, стр. 99.

[4]) „Извѣстія Русскаго географическаго общества“, 1875 г., № 11, стр. 190.

договорами [1]). И именно такому *добыванію разнаго рода правъ и обезпеченій и посвящены всѣ походы нашихъ князей на Византію.*

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду также и того обстоятельства, что начало этихъ походовъ совпадаетъ съ первыми же страницами нашей исторіи, т. е. съ тѣмъ моментомъ, когда Византія не только могла, но и должна была вступать въ международныя сношенія съ Русью, какъ съ государствомъ, уже правильно организованнымъ [2]).

Тяжесть торговой зависимости Руси отъ грековъ хорошо сознавалъ уже Игорь. Всякаго рода обиды, несправедливости и даже насилія, которыя чинила Византія русскимъ купцамъ, вызывали со стороны послѣднихъ жалобы и протесты, но на нихъ византійское правительство мало обращало вниманія. Не имѣя возможности путемъ дипломатіи отстоять интересы своей торговли и неприкосновенность своихъ подданныхъ передъ Византіей, Игорь въ 941 году рѣшился добиться этого путемъ оружія. Но, какъ извѣстно, походъ его кончился полной неудачей. Прекрасно понимая, къ чему могутъ повести послѣдствія такой неудачи, кіевскій князь съ колоссальными расходами снаряжаетъ новый, еще большій походъ, но и этотъ кончается также неудачно [3]). „Сравните“, говоритъ Погодинъ, „договоры Олеговъ и Игоревъ — одинъ, заключенный послѣ счастливаго набѣга, другой послѣ несчастнаго и безъ войны. Условія ихъ совершенно различны: кромѣ общихъ непремѣнныхъ постановленій, въ первомъ ясно видны варяги побѣдителями, во второмъ побѣжденными; всѣ статьи перваго клонятся къ явной пользѣ Руси, всѣ статьи второго

---

[1]) *Мартенсъ*, Современное международное право цивилизованныхъ народовъ, т. I, стр. 67—88.

[2]) *Успенскій*, Русь и Византія въ X вѣкѣ, стр. 16.

[3]) Что походы обошлись Игорю весьма не дешево, это можно легко увидѣть даже изъ приблизительнаго расчета. Допустимъ, что въ первомъ его походѣ участвовало только 30.000 человѣкъ, а во второмъ только 50.000, хотя, если держаться извѣстій лѣтописи, мы можемъ взять гораздо большее число. Предполагая, что содержаніе каждаго воина, въ теченіе всего похода, вмѣстѣ съ наемной платой, стоило всего одну только гривну, мы найдемъ, что содержаніе всего войска обошлось Игорю въ 80.000 гривенъ. Для того, чтобы поднять 80.000 человѣкъ, полагая по 40 человѣкъ на лодку, потребовалось 2.000 лодокъ; такъ какъ каждая морская лодка стоила 3 гривны (*Аристовъ*, Промышленность древней Руси, стр. 304), то 2.000 лодокъ стоили 6.000 гривенъ, а весь походъ—86.000 гривенъ, т. е. болѣе $3^1/_2$ милліоновъ золотыхъ солидовъ, такъ какъ серебряная гривна равнялась 42 золотымъ солидамъ (ibid., 281). Какой же жалкой суммой должны были показаться Святославу пресловутые центенаріи Калокира!

выгодны для грековъ; съ Олегомъ договариваются, Игорю предписываютъ" [1]).

Такимъ образомъ, въ годъ смерти Игоря положеніе кіевскаго князя было весьма незавидное. Торговля Поднѣпровья, и безъ того въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обогащавшая гораздо больше Византію, чѣмъ Русь, благодаря несчастнымъ походамъ Игоря, очутилась въ критическомъ положеніи. Политическое значеніе страны унижено сильно и надолго. Казна княжеская, благодаря тѣмъ же походамъ, опустѣла. Дружина, получавшая гроши, роптала, завидовала дружинникамъ Свѣнельда и готова была бросить своего вождя. Волей-неволей кіевскимъ князьямъ приходилось подумать объ изысканіи новыхъ источниковъ доходовъ, и такіе источники, хотя далеко непохожіе на прежніе, были найдены. Вмѣстѣ же съ измѣненіемъ ихъ, князьямъ пришлось измѣнить и характеръ своихъ дѣйствій. Что внутренняя и внѣшняя политика кіевскихъ князей поворачиваетъ съ этого момента на другую дорогу, о томъ неопровержимо свидѣтельствуютъ всѣ послѣдующія событія. Такъ, о послѣднемъ годѣ дѣятельности Игоря лѣтопись сообщаетъ намъ слѣдующее. „В лѣто 6453. Ркоша дружина Игореви: «отроци Свѣнделжи изоодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; и поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудешь и мы». И послуша ихъ Игорь, иде в Дерева в дань, и мужи его; и возмя дань, и поиде въ свой городъ. Идущу же ему въспять, размысли рече дружинѣ своей: „идете вы с данью домови, а язъ възвращюся и похожу еще". „И пусти дружину домови, съ маломъ же дружины възвратися, желая большая имѣнья" [2]). Спрашивается, отчего раньше не прибѣгали къ такимъ мѣрамъ ни Олегъ, ни самъ Игорь? Отвѣтъ на это заключается въ словахъ дружины: „да и ты добудешь и мы". Ясно, что не корыстолюбіе, не алчность побудили Игоря прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, а горькая необходимость; ему нужно было, во что бы то ни стало, хотя чѣмъ-либо удовлетворить своихъ дружинниковъ, которые были „нази", въ чемъ и упрекали своего князя. Не имѣя возможности одѣть ихъ и вооружить на свои личныя средства, очевидно, за полнымъ отсутствіемъ сихъ послѣднихъ, что было небезызвѣстно и дружинѣ, Игорь попробовалъ прибѣгнуть къ новому источнику доходовъ.

Далѣе Несторъ сообщаетъ намъ слѣдующее. „Въ лѣто 6455 иде

[1]) *М. Погодинъ*, О договорахъ русскихъ князей съ греками („Несторъ", 127).
[2]) Ипат., 34.

Олга к Новугороду и устави по Мьстѣ погосты и дань, и по Лузѣ погосты и дань и оброки; и ловища ея суть по всей земли, и знаменния и мѣста и погосты, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ. И иде Олга (въ лѣто 6454) по Деревьской земли съ сыномъ своимъ и дружиною своею, уставляющи уставы и уроки" [1]). Естественно спросить, отчего предшественники Ольги ограничивались установленіемъ одной лишь дани на подчиненныя племена, а Ольгѣ понадобились уже и уставы, и „уроки", и дани, и „оброки", и погосты, и даже перевѣсища? Отвѣтъ простой: прежней дани, благодаря измѣнившимся условіямъ торговли, было уже мало. Теперь, чтобы получить отъ грековъ ту сумму, какая получалась прежде за продававшуюся имъ дань, этой самой дани требовалось уже вдвое, если не втрое больше. Поэтому хозяйственную дѣятельность Ольги слѣдуетъ объяснять не столько тѣмъ, что она, какъ женщина, не могла совершать походовъ и потому посвятила себя заботамъ о внутреннемъ устроеніи земли Русской, сколько насущной необходимостью перейти отъ внѣшней торговли, не дававшей уже прежнихъ выгодъ, къ внутреннему хозяйству.

Но безъ внѣшней торговли Русь никоимъ образомъ не могла обойтись. Вѣдь, всѣ эти дани и оброки поступали въ княжескую казну натурой, и для того, чтобы имѣть деньги, ихъ надо было продавать. Но продажа, какъ видно, попрежнему шла туго, и вотъ, скрѣпя сердце, „въ лѣто 6463 иде Олга въ Грѣкы, и приде Царюграду". Но не во главѣ могучей рати и не на безчисленныхъ скедіяхъ пришла кіевская княгиня въ столицу грековъ, а съ небольшой свитой и въ качествѣ скромной просительницы. Тяжела была гордой княгинѣ такая роль, но что же будешь дѣлать: того требовали настоятельныя нужды государства. Съ какой же цѣлью предпринимала Ольга свое путешествіе въ Царьградъ? „Объ этомъ", говоритъ проф. Успенскій, „ничего нельзя сказать точнаго; догадки же сосредоточиваются главнѣйше на томъ, что она желала въ Константинополѣ креститься. По моему же мнѣнію, Ольга посѣтила Константинополь не ради принятія христіанства и не съ военной цѣлью. Въ задачахъ ея путешествія мы усматриваемъ ясно выраженными *торговые* и земскіе *интересы*, которые уже въ X вѣкѣ находились въ значительной зависимости отъ правильныхъ сношеній съ Византіей. Путешествіе Ольги иллюстрируетъ договоры съ греками, въ которыхъ также

[1]) Ипат., 38.

сильно выступаетъ стремленіе установить мирныя сношенія съ имперіей“ [1]). Мысль, по моему мнѣнію, единственно и безусловно правильная; только я позволилъ бы себѣ слово „сношеній“ замѣнить словомъ „отношеній“. „Догадки“, о которыхъ говоритъ проф. Успенскій, основываются, конечно, на извѣстіяхъ Нестора, который просмотрѣлъ дѣйствительно великое и мудрое, что видимъ мы въ дѣйствіяхъ нашей княгини, отмѣтивъ лишь то, что на дѣлѣ имѣло условное значеніе для страны.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что умная и дальновидная княгиня, видя невозможность путемъ оружія исправить отношенія Руси къ Византіи, рѣшилась достигнуть этого путемъ переговоровъ и, въ надеждѣ достигнуть большаго личнымъ своимъ присутствіемъ, сама поѣхала въ Царьградъ. Къ сожалѣнію, жертва, принесенная княгиней, оказалась напрасной. Это ясно видно изъ того невѣжливаго пріема, который оказалъ Ольгѣ Византійскій дворъ [2]), и изъ того саркастическаго отвѣта, который дала потомъ Ольга, уже въ Кіевѣ, византійскимъ посламъ [3]).

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, поставленный нами въ самомъ началѣ этой главы: *съ какой же цѣлью предпринималъ Святославъ свой отдаленный походъ на Оку, Волгу и Донъ?* Отвѣтъ простой: съ цѣлью отысканія новыхъ рынковъ, что, по мнѣнію проф. Ключевскаго, составляло одну изъ двухъ главнѣйшихъ задачъ государственной дѣятельности кіевскихъ князей. Тамъ, на Волгѣ, какъ слыхалъ то Святославъ, уже давно и бойко шла торговля съ далекими странами Востока. Отчего же бы не попытать счастья проникнуть туда? Вѣдь, ходили же предки Святослава съ сѣвера на югъ, почему же было не пойти ему съ запада на востокъ! Проникнуть туда, какъ мы знаемъ, можно было по двумъ дорогамъ: вверхъ по Днѣпру и внизъ—на Донъ. Но первый путь былъ страшно длиненъ; второй же—опасенъ и, кромѣ того, велъ не на востокъ, а на югъ, не къ хазарамъ, а къ грекамъ, которые, укрѣпившись въ Саркелѣ, захватили въ свои руки всю подонскую торговлю, мало уже съ того времени интересуясь торговлей съ Поднѣпровьемъ. Святославъ, какъ извѣстно, не пошелъ ни первой, ни второй дорогой, что, по моему мнѣнію, можетъ служить также однимъ изъ доказательствъ того, что Поднѣпровье не вело непосредственной торговли съ Восто-

[1]) *Успенскій*, Русь и Византія въ X вѣкѣ, 20, 22.

[2]) Mem. popul., II, 976—980.

[3]) Ипат., 40.

комъ. Онъ выбралъ новый путь, вверхъ по Деснѣ, а оттуда на Оку и Волгу. И только пройдя этотъ путь, понялъ нашъ князь, что онъ гонялся за несбыточной мечтой. Онъ понялъ, что найти торговые пути и рынки и овладѣть ими—мало; надо еще имѣть силы, чтобы и удержать ихъ за собой. Только проплывъ все огромное пространство отъ Кіева до Тмутаракани, узналъ Святославъ всю колоссальность его размѣровъ и страшную отдаленность его отъ Поднѣпровья; узналъ, что земли, лежащія по этому пути, богаты тѣмъ же сырьемъ, котораго и у него много, что сбывать это сырье нужно далеко на Востокъ, что вести торговлю съ мусульманскими народами Азіи могли только мусульмане же,—хазары и болгары, и что замѣнить ихъ въ этомъ отношеніи онъ никоимъ образомъ не можетъ. Сидя уже въ Тмутаракани, понялъ нашъ князь, что слишкомъ рано вздумалъ онъ идти по тому историческому пути, по которому, спустя нѣсколько вѣковъ, пошла затѣмъ Русь, хотя все-таки путь этотъ—изъ Кіева на Оку и Волгу—первымъ прошелъ Святославъ.

Такимъ образомъ, кіевскому князю приходилось волей или неволей возвращаться на старую столбовую дорогу его предковъ. Приходилось вновь начинать дѣло все съ той же Византіей. Надо было только придумать новое средство, такъ какъ старыя не годились: ни походы, ни переговоры не привели ни къ чему. Такимъ средствомъ было пріобрѣтеніе какого-либо опорнаго пункта на пути отъ Кіева до Византіи. Только владѣя такимъ пунктомъ, имѣя тамъ всегда на-готовѣ достаточное количество морскихъ и сухопутныхъ силъ, можно было держать Византію въ страхѣ, можно было не безпокоиться за участь русской торговли. Одинъ такой пунктъ уже былъ въ рукахъ Святослава; это была Тмутаракань. Что обладанію этимъ городомъ кіевскій князь, на первыхъ порахъ, придавалъ огромное значеніе, это видно, между прочимъ, изъ того, что, разгромивъ Семендеръ, онъ не поплылъ въ устье Волги, откуда легко могъ потомъ перетянуться въ Донъ, а устремился прямо на Кубань, гдѣ и засѣлъ на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Святославъ несомнѣнно имѣлъ намѣреніе направить всю торговлю Приднѣпровья въ Азовское море, куда, какъ указано то выше, велъ водный путь; въ такомъ же случаѣ обладаніе Черноморской Русью являлось для него дѣломъ первостепенной важности. Только укрѣпившись здѣсь, онъ могъ обезпечить свою торговлю съ Византіей. Но при этомъ кіевскій князь хорошо сознавалъ, что владѣть однимъ берегомъ Киммерійскаго Босфора—мало; надо было завладѣть и другимъ берегомъ. Тамъ, кстати, былъ и второй, весьма

важный въ торговомъ отношеніи, опорный пунктъ, который, если еще и не былъ въ рукахъ Святослава, то легко могъ очутиться въ нихъ; это былъ Херсонъ. Что Святославъ, сидя въ Тмутаракани, поглядывалъ на Крымъ, въ этомъ, по моему глубокому убѣжденію, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; по крайней мѣрѣ, уже сынъ его пошелъ туда безъ оглядки. Укрѣпившись на обѣихъ сторонахъ Киммерійскаго Босфора и завладѣвъ Херсономъ, уже можно было легко справиться съ Саркеломъ, захватить въ свои руки всю подонскую торговлю и не опасаться за участь торговли Поднѣпровья, куда бы она ни шла: въ Черное ли или Азовское море.

Но что Калокиръ, сидя въ Херсонѣ, посматривалъ на Тмутаракань, еще за-долго до прибытія туда Святослава, въ этомъ также едва ли можно сомнѣваться. По словамъ Льва Діакона, честолюбивый херсонскій протевонъ мечталъ о византійской коронѣ [1]), а по мнѣнію проф. Успенскаго, о выдѣленіи Тавриды въ независимое владѣніе [2]). Но Таврида безъ Тмутаракани не имѣла и половины цѣны; совсѣмъ другое дѣло — имѣть въ рукахъ оба берега Киммерійскаго Босфора! Однако, ни короны, ни самостоятельности Тавриды Калокиръ безъ посторонней помощи добиться не могъ; это ясно изъ его послѣдующаго образа дѣйствій. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ ему былъ необходимъ союзникъ, съ которымъ его связывали бы общіе интересы. Лучшаго же союзника въ данномъ случаѣ, чѣмъ русскій князь, Калокиръ едва ли когда-либо могъ дождаться. И тутъ, въ Тмутаракани, произошло, по моему мнѣнію, первое знакомство Калокира съ Святославомъ. Русскій князь пробылъ въ Предкавказьѣ съ декабря 965 года по іюнь 966-го. Этого времени было вполнѣ достаточно не только для того, чтобы успѣть познакомиться другъ съ другомъ и выработать общій планъ будущихъ дѣйствій, но даже и для установленія дружбы, о которой говоритъ намъ Левъ Діаконъ [3]). Бѣда лишь въ томъ, что интересы будущихъ друзей и союзниковъ на первыхъ порахъ оказались діаметрально противоположными. Но Калокиръ сумѣлъ поправить дѣло. Онъ указалъ Святославу на то, что ни Саркела, ни Херсона Византія никогда не уступитъ ему безъ тяжкой борьбы; что удержать въ своихъ рукахъ Черноморскую Русь, благодаря отдаленности ея отъ Поднѣпровья, едва ли кіевскій князь будетъ

---

[1]) *Левъ Діаконъ*, V, 1.

[2]) *Ѳ. Успенскій*, Русь и Византія въ X вѣкѣ, стр. 25.

[3]) *Левъ Діаконъ*, V, 2.

въ силахъ; что благодаря отсутствію славянскаго населенія на всемъ пространствѣ отъ Кіева до Азовскаго моря, торговое движеніе по этому пути будетъ сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями отъ хищныхъ печенѣговъ; что, наконецъ, плаваніе вдоль восточныхъ береговъ Чернаго моря представляетъ огромныя неудобства. Тутъ же ознакомилъ Калокиръ Святослава съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ Византіи, съ своими личными мечтами и возможностью ихъ осуществленія и указалъ ему на третій торговый пунктъ, который лежалъ гораздо ближе къ Византіи, чѣмъ Черноморская Русь, и который весьма пришелся по душѣ Святославу. Такимъ пунктомъ была Болгарія.

Владѣя устьемъ Дуная, Болгарія держала въ своихъ рукахъ всю торговлю, которая шла по этой рѣкѣ, и въ то же время оказывалась на перекресткѣ торговыхъ дорогъ, шедшихъ изъ Богеміи, Венгріи, Польши и Руси въ Византію. Поэтому овладѣть такимъ пунктомъ было весьма важно, какъ для Руси, такъ и для Византіи, и послѣдняя не могла, конечно, не замѣчать этого. Политическое же и матеріальное состояніе Болгаріи было въ это время весьма печальное. Вліяніе грековъ, господствовавшее въ теченіе всего 40-лѣтняго царствованія Петра, вызванныя этимъ вліяніемъ внутреннія смуты, окончившіяся раздѣленіемъ страны на два царства, религіозный расколъ, сильный духовный упадокъ, постыдное изгнаніе изъ Константинополя болгарскихъ пословъ, явившихся туда за данью, и т. п., — все это ясно указывало на близкій конецъ еще такъ недавно славнаго царства. И Византія уже начинала поглядывать на Болгарію, какъ на лакомую добычу въ близкомъ будущемъ; пока же она обнаружила свое отношеніе только отказомъ въ уплатѣ дани, собираясь въ близкомъ будущемъ перейти къ болѣе активному образу дѣйствій. Но все это не могло быть извѣстно въ Кіевѣ. Святославъ узналъ объ этомъ только отъ Калокира и ясно понялъ, что, если Византія захватитъ Болгарію въ свои руки, тогда конецъ русской торговлѣ, т. е. конецъ главнымъ, если не единственнымъ, источникамъ доходовъ кіевскихъ князей. Поэтому обладаніе Болгаріей казалось Святославу дѣломъ необычайной важности и въ то же время не представлявшимъ особенныхъ затрудненій. Все это умѣло и толково объяснилъ ему Калокиръ, обѣщавшій вмѣстѣ съ тѣмъ свое полное содѣйствіе, если Святославъ задумаетъ овладѣть Болгаріей. Съ своей стороны, кіевскій князь долженъ былъ гарантировать Калокиру обладаніе Крымомъ, Черноморской Русью и Саркеломъ.

Однако на пути осуществленія этихъ плановъ стояло одно, но весьма крупное препятствіе.

И Калокиръ и Святославъ хорошо понимали, что Никифоръ никоимъ образомъ не допуститъ урвать у себя такую добычу, какую представляла собой Болгарія. Они прекрасно сознавали, что для Византіи далеко не безразлично, кто будетъ ея сосѣдомъ на Дунаѣ: старый ли и слабый Петръ или воинственный князь кіевскій. Это была бы очень плохая мѣна, при которой взаимныя отношенія Руси и Византіи могли измѣниться чуть ли не въ діаметрально противоположномъ отношеніи. Надо было, во что бы то ни стало, устранить возможность вмѣшательства грековъ въ русско-болгарскія дѣла, хотя бы только на первое время. Для этого надо было усыпить бдительность византійской политики. Дѣло было трудное. Но не даромъ уже добродушный Несторъ замѣтилъ, что „суть бо Грѣци мудри и до сего дни". Калокиръ бралъ на себя устроить дѣло. Планъ дѣйствій былъ таковъ.

Исполненіе своего обязательства Святославъ начинаетъ взятіемъ Саркела, а Калокиръ еще раньше отправляется въ Византію съ докладомъ, что великая опасность, грозившая Херсону отъ свирѣпаго царя тавровъ, благодаря искусству его, Калокира, миновала благополучно. Вслѣдъ затѣмъ получается вѣсть о взятіи Саркела Святославомъ, что приписывается не столько слабости гарнизона крѣпости, сколько неумѣнью его начальника устранить опасность. Какъ поступило византійское правительство съ комендантомъ Саркельской крѣпости, мы не знаемъ, но что признательный Никифоръ облекъ Калокира patricia dignitate, объ этомъ намъ сообщаетъ Левъ Діаконъ. Тутъ же Калокиръ, узнавъ, что императоръ не расположенъ вести войну съ болгарами силами имперіи, наводитъ его на мысль о возможности воспользоваться для этой цѣли дружиной Святослава, съ которымъ онъ, Калокиръ, находится въ великой дружбѣ и пріязни. При этомъ императору докладывается, что воинственный царь тавровъ любитъ войну ради самой войны, а еще больше ради денегъ, что онъ, владѣя огромнымъ количествомъ земель, ни о какихъ завоеваніяхъ не думаетъ, свидѣтельствомъ чего служитъ его послѣдній походъ, и что силъ для такихъ завоеваній у него. и не имѣется.

Предложеніе принято съ полнымъ одобреніемъ, такъ какъ осуществленіе его обѣщало взаимное ослабленіе обѣихъ, одинаково враждебныхъ Византіи, сторонъ: и „жадныхъ" тавро-скиѳовъ, и „грызущихъ сырыя шкуры болгаръ". Исполненіе миссіи возлагается, конечно, на Калокира и, сообразно ея цѣли, послѣднему вручается ничтожная

сумма въ 15 центенеріевъ золота на наемъ дружины тавровъ, достаточной для солиднаго набѣга, но слишкомъ слабой для завоеванія страны. Получивъ золото и положивъ его преспокойно въ собственный карманъ, Калокиръ поспѣшно уѣхалъ изъ Византіи въ Херсонъ, откуда и далъ знать Святославу, что первая половина дѣла сдѣлана.

Только при такихъ условіяхъ мы можемъ объяснить себѣ и поразительную безпечность Никифора, не заключившаго никакого договора съ Святославомъ и положительно прозѣвавшаго завоеваніе послѣднимъ Болгаріи, и полную неприготовленность имперіи къ войнѣ на полуостровѣ, и посольство въ Кіевъ именно Калокира, непосредственно послѣ взятія Святославомъ Саркела, и умолчаніе объ этомъ посольствѣ нашихъ лѣтописей, и наемъ Калокиромъ за 15 центенаріевъ 60-тысячной арміи, и необычайную быстроту дѣйствій Святослава, спѣшившаго воспользоваться временнымъ усыпленіемъ византійской политики, и странную неясность намековъ Цимисхія на принятыя кіевскимъ княземъ награды и обязательства, и упорное непониманіе послѣднимъ этихъ намековъ.

Въ томъ случаѣ, если бы Никифоръ задумалъ самъ вести войну съ болгарами, и такимъ образомъ предложеніе Калокира не было бы принято, херсонскій протевонъ тотчасъ извѣстилъ бы Святослава, который долженъ былъ не замедлить предложеніемъ своихъ услугъ Болгаріи. Ясно, что послѣдняя досталась бы тому изъ двухъ претендентовъ, который остался бы побѣдителемъ. Но пока Святославъ и Никифоръ боролись бы между собой за Болгарію, Калокиръ имѣлъ бы время для осуществленія своихъ плановъ. Остальное должно было показать будущее, въ которое херсонскій протевонъ могъ смотрѣть съ легкимъ сердцемъ: если въ концѣ концовъ одолѣетъ Святославъ, онъ будетъ владѣтелемъ солиднаго куска земли, если побѣдитъ Никифоръ, — онъ ничего не потеряетъ по той простой причинѣ, что ничего и не имѣетъ.

Итакъ, первая половина задуманнаго Калокиромъ плана была выполнена блестяще. Почему же не столь успѣшно исполнена была вторая, мы постараемся объяснить въ слѣдующей статьѣ.

Н. Знойко.

О СОДЕРЖАНІИ НРАВСТВЕННАГО ЗАКОНА.

Указавъ на то, что всякая опытная мотивировка дѣйствія есть мотивировка эвдемонистическая, Кантъ не только установилъ тѣмъ самымъ то положеніе, что долгъ, какъ безусловное предписаніе, можетъ имѣть лишь сверхъопытный источникъ, но и разрѣшилъ, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, вѣковѣчный споръ между моралью эвдемонизма и безкорыстія. Эвдемонистическая мотивировка есть мотивировка по личному наслажденію или страданію, такъ какъ чужое наслажденіе или чужое страданіе не могутъ стать опытными мотивами моей воли иначе, какъ черезъ возбужденіе во мнѣ *сочувствія*, т. е. черезъ превращеніе чужихъ наслажденій и страданій въ мои собственныя. Поэтому, если мы признаемъ, что человѣкъ, какъ опытное существо, непремѣнно эвдемонистъ, то должны признать также, что къ самымъ возвышеннымъ и благороднымъ дѣйствіямъ онъ *опытно* побуждается мотивами собственнаго наслажденія и страданія. Даже долгъ, коль скоро онъ служитъ мотивомъ опытной дѣятельности, по заявленію Канта, можетъ сдѣлаться таковымъ лишь черезъ нѣкоторое *чувство*, именно чувство *уваженія*; а Фихте, выдвигающій безусловное требованіе долга еще съ большею ригористичностью, чѣмъ Кантъ, находитъ этотъ опытный мотивъ долга въ *совѣсти*. Кантъ, какъ онъ ни старается посредствомъ разныхъ словесныхъ изворотовъ установить совсѣмъ особый отъ прочихъ чувствъ характеръ чувства уваженія, въ сущности признаетъ, что это чувство не искореняетъ, а лишь очищаетъ эгоистическіе мотивы. Онъ различаетъ въ эгоизмѣ *себялюбіе* (Eigenliebe) и *самомнѣніе* (Eigendünkel). Самомнѣніе совсѣмъ подавляется уваженіемъ къ нравственному закону; относительно же себялюбія Кантъ говоритъ такъ: „чистый практическій разумъ только *наноситъ ущербъ* (Abbruch) себялюбію, ограничивая послѣднее, по-

скольку оно вліяетъ на насъ естественно и еще до нравственнаго закона, лишь условіемъ согласія съ этимъ закономъ; послѣ чего оно называется *разумнымъ себялюбіемъ*". А относительно уваженія, какъ положительнаго мотива дѣйствій, Кантъ, хотя сначала отрицаетъ за нимъ характеръ удовольствія, но потомъ признаетъ, что „если отринуть самомнѣніе и допустить практическое вліяніе этого уваженія, то нельзя достаточно насытиться великолѣпіемъ этого закона". Что же это такое, какъ не высшая ступень наслажденія? Фихте же прямо указываетъ на то, что совѣсть есть довольство или недовольство поступкомъ, т. е. особаго рода чувство удовольствія или страданія.

Но такое признаніе эвдемонизма общимъ мотивомъ всякой опытной дѣятельности человѣка есть вмѣстѣ съ тѣмъ полное отрицаніе его, какъ *начала* нравственности. Если *всѣ* опытныя дѣйствія человѣка эвдемонистичны, то очевидно, что ихъ эвдемонистичность не можетъ служить къ различенію въ ихъ области дѣйствій *добрыхъ* отъ дѣйствій *злыхъ*. Можно различать эвдемонистическую дѣятельность *искусную* отъ *не-искусной* или *менѣе искусной*. Но это различеніе не имѣетъ нравственной цѣны, такъ какъ та и другая направлена къ опытнымъ цѣлямъ, а всякая опытная цѣль исключена изъ нравственнаго закона, т. е., какъ таковая, нравственно безразлична. Такимъ образомъ, получается тотъ выводъ, что эвдемонизмъ по опытнымъ свойствамъ человѣка есть лишь *необходимый механизмъ нравственности, но не самая нравственность*; послѣдняя вносится въ этотъ механизмъ извнѣ или, правильнѣе, свыше, *какъ регулирующая его сверхъопытная оцѣнка*. Этика эвдемонизма говоритъ: „добро есть то, въ чемъ человѣкъ находитъ наслажденіе", а изъ этики долга слѣдуетъ, что „человѣкъ *долженъ* находить наслажденіе въ добрѣ", т. е. эти ученія приводятъ къ практическимъ результатамъ діаметрально-противоположнымъ.

Такъ какъ нравственность состоитъ въ подчиненіи опытныхъ побужденій человѣка сверхъопытному нравственному закону, то повидимому анализъ этого закона долженъ привести къ выводу о *верховной цѣли* нравственнаго дѣйствія. Такъ полагалъ Кантъ, а за нимъ Фихте. Но нельзя сказать, чтобы ихъ попытки въ этомъ смыслѣ привели къ успѣшнымъ результатамъ. „Воля, говоритъ Кантъ, мыслится, какъ способность самоопредѣляться къ дѣйствію *сообразно представленію извѣстныхъ законовъ*. И такая способность можетъ быть найдена только въ разумныхъ существахъ. Но то, что служитъ для воли объективнымъ основаніемъ ея самоопредѣленія, есть *цѣль*, и послѣд-

няя, коль скоро она дана чистымъ разумомъ, должна быть одинаковою для всѣхъ разумныхъ существъ... цѣли, которыя произвольно поставляетъ себѣ разумное существо, какъ *результаты* своей дѣятельности (матеріальныя цѣли), во всей своей совокупности относительны... Поэтому всѣ эти относительныя цѣли суть основаніе лишь для условныхъ предписаній. Но если допустить, что есть нѣчто, *существованіе чего въ себѣ самомъ* имѣетъ безусловную цѣнность, и что, какъ *цѣль сама въ себѣ*, можетъ быть основаніемъ для опредѣленныхъ законовъ, то въ немъ, и только въ немъ одномъ, будетъ заключаться основаніе возможнаго категорическаго предписанія, т. е. практическаго закона. Теперь я говорю: человѣкъ и вообще всякое разумное существо *существуетъ*, какъ цѣль сама въ себѣ, а *не только какъ средство* для произвольнаго употребленія тою или другою волею... *Разумная природа существуетъ, какъ цѣль сама въ себѣ*". На этомъ основаніи Кантъ установляетъ свое извѣстное практическое предписаніе: „*Дѣйствуй такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, всегда полагалось вмѣстѣ, какъ цѣль, и никогда только какъ средство*".

По поводу этого вывода Канта позволительно замѣтить слѣдующее. Дѣйствовать нравственно можно, лишь сознавая нравственный законъ. Такъ какъ сознавать нравственный законъ можетъ только разумное существо, то совершенно понятно, что только такое существо можетъ быть *субъектомъ* нравственнаго дѣйствія. Но слѣдуетъ ли отсюда, что только оно составляетъ и *цѣль* этого дѣйствія? Казалось бы, что этотъ выводъ совершенно противорѣчитъ посылкѣ. Нравственная цѣнность субъекта состоитъ въ исполненіи имъ нравственнаго закона, слѣдовательно въ томъ, что онъ есть *средство* этого закона, и при высшемъ нравственномъ развитіи субъекта—есть *только* это средство. Можно, конечно, возразить, что въ данномъ случаѣ средство и цѣль совпадаютъ, т. е. что субъектъ полагается средствомъ нравственнаго дѣйствія для цѣли осуществленія себя самого, какъ носителя нравственнаго закона. Но что же выходитъ при такомъ предположеніи? Самоосуществленіе разумнаго существа, какъ цѣль нравственнаго дѣйствія, должно приводить къ возможно полному по свойствамъ природы этого существа господству нравственнаго закона. Въ чемъ же выразится это господство? Вопросъ о цѣли нравственнаго дѣйствія состоитъ именно въ томъ, какой результатъ долженъ получиться отъ господства нравственнаго закона. Отвѣтъ же состоитъ въ томъ, что этотъ результатъ состоитъ въ господствѣ нравственнаго закона, т. е.

въ концѣ изслѣдованія мы стоимъ при томъ же вопросѣ, который былъ заданъ въ началѣ, и не подвинулись ни на шагъ впередъ въ опредѣленіи верховной цѣли.

Къ сказанному нужно прибавить, что приведенное выше практическое предписаніе страдаетъ половинчатостью, вносящею въ него явную логическую несообразность. Если понятіе разумнаго существа есть понятіе цѣли въ себѣ, то это существо есть *только* цѣль, и ни въ какомъ случаѣ не *средство*. Съ такимъ положеніемъ не согласуется требованіе Канта, чтобы это существо полагалось всегда *вмѣстѣ*, какъ цѣль, и никогда *только*, какъ средство. Если посылка Канта о самоцѣльности этого существа вѣрна, то оно *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ полагаться, какъ средство.

Мнѣ кажется, что во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ погрѣшность Канта заключается въ произвольномъ разграниченіи понятій цѣли и средства. Изъ того положенія, что неразумныя существа не имѣютъ цѣны сами въ себѣ, а разумныя существа имѣютъ такую цѣну, слѣдуетъ только, что вторыя не могутъ полагаться цѣлями *для первыхъ*, но еще не слѣдуетъ, что вторыя не могутъ служить средствами для высшихъ духовныхъ цѣлей. Преимущество разумныхъ существъ надъ неразумными указываетъ лишь *область* господства нравственныхъ интересовъ, но не верховную ихъ цѣль.

По самымъ основамъ своего ученія Фихте не могъ признавать разумное существо за цѣль, какъ таковую. Конечною цѣлью нравственной дѣятельности служитъ по Фихте абсолютная свобода или самостоятельность *я*, какъ субъекта, который для осуществленія этой цѣли необходимо полагаетъ себя субъектомъ между другими субъектами, т. е. недѣлимымъ. Такимъ образомъ индивидуализація *вообще* служитъ необходимымъ средствомъ нравственной дѣятельности. Что же касается того обстоятельства, что „я“ есть нѣкоторое данное, именно *это*, недѣлимое, то это для Фихте есть нѣчто случайное и чисто опытное; и такое опытное недѣлимое есть всецѣло средство высшей цѣли. „Весь чувственный опытно-опредѣленный человѣкъ есть орудіе и средство (Vehikel) нравственнаго закона“. Слѣдовательно, индивидуализація во всемъ ея составѣ есть для Фихте средство, а не цѣль: индивидуализація *вообще*—необходимое средство, *опытная*, *именно эта*, индивидуализація—случайно данное средство. Конечная цѣль есть не самое разумное существо, но его свобода, т. е. полное подчиненіе чувственности долгу. Но избѣгнувъ такимъ образомъ указанной выше погрѣшности Канта, Фихте также не оказывается способнымъ внести

въ первоначальный формализмъ долга какое либо опредѣленное содержаніе. Подчиненіе чувственности долгу или иначе—природы свободѣ состоитъ не въ уничтоженіи природы, а въ нѣкоторомъ ея измѣненіи. Но какое измѣненіе претерпѣваетъ природа черезъ подчиненіе ея свободѣ, остается для насъ неизвѣстнымъ. Мы узнаемъ только, что „я“ становится самостоятельнымъ, но въ какомъ конкретномъ видѣ проявляется эта самостоятельность, мы не усматриваемъ. Такимъ образомъ и у Фихте мы въ концѣ изслѣдованія о нравственности стоимъ въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи, въ какомъ были въ началѣ [1]).

Постановка настоящаго вопроса у Гегеля содержитъ, повидимому, условія для болѣе удачнаго его разрѣшенія. Свобода по Гегелю есть имманентная принадлежность духа, ибо именно въ духѣ абсолютное достигаетъ высшаго своего осуществленія. Поэтому нѣтъ надобности искать внѣ дѣйствительнаго, опытнаго существованія духа какой то потусторонній нравственный законъ, дающій духу подчиняющее его себѣ и чуждое его влеченіямъ предписаніе. Нравственность созидается не черезъ насиліе отвлеченно и субъективно понимаемаго долга надъ естественными влеченіями, но черезъ развитіе и приложеніе этихъ влеченій въ объективной сферѣ. Гегель неоднократно рѣзко полемизируетъ противъ отвлеченнаго субъективнаго ригоризма Канта. Такъ, по поводу „добродѣтели“, понимаемой, какъ борьба противъ міра, Гегель указываетъ на то, что, исходя отъ стремленія осуществить добро, она тѣмъ самымъ покоится на убѣжденіи, будто добро не есть дѣйствительность, будто оно находится не въ мірѣ, а въ добродѣтельномъ сознаніи. Такимъ образомъ получаются двѣ односторонніе отвлеченности: недѣйствительная, т. е. безсильная, добродѣтель и якобы дѣйствительный порочный міръ. И то, и другое ложь. Истина міра, въ которой преодолѣваются всѣ эти односторонности, состоитъ въ томъ, что добро въ мірѣ осуществляется само собою,

---

[1]) Систематически эти мои соображенія могутъ быть изложены такъ: Началомъ развитія у Фихте полагается абсолютное „я“, которое путемъ рефлексіи раздѣляется на „я“ и „не-я“. Теоретическая дѣятельность есть опредѣленіе „я“ черезъ „не-я“, а практическая—опредѣленіе „не-я“ черезъ „я“. Нравственность есть высшая ступень практической дѣятельности, т. е. высшій предѣлъ вліянія „я“ на „не-я“, высшій предѣлъ подчиненія природы свободѣ или измѣненія природы свободою. Но *формальное* требованіе этого измѣненія дано уже въ самомъ началѣ системы, слѣдовательно въ его выводѣ нѣтъ нужды; а *содержаніе* этого измѣненія остается въ концѣ системы столь же неопредѣленнымъ, какъ и въ ея началѣ.

свободною игрою индивидуальныхъ силъ. Правда, эта игра въ свою очередь оказывается недостаточною и путемъ сложнаго развитія приводитъ къ возникновенію *моральности*. Но и моральность въ смыслѣ „безусловнаго предписанія" Канта вызываетъ рѣшительную критику со стороны Гегеля. Гегель, правда, признаетъ высокую заслугу Канта въ томъ, что онъ выдвинулъ впередъ значеніе долга. Но установивъ рѣзкій дуализмъ между долгомъ и склонностью, Кантъ разорвалъ связь морали съ дѣйствительностью. Такъ какъ дѣйствіе по склонности по Канту лишено моральной цѣнности, то выходитъ, что морально лишь то, что идетъ противъ склонности, т. е. долгъ связывается съ отвращеніемъ къ тому, чего онъ требуетъ. Между тѣмъ, чтобы добро осуществлялось въ мірѣ, требуется, чтобы оно само было реальною силою въ области дѣйствительности, само было дѣйствительностью. Дѣйствительность въ ея истинномъ, подлинномъ смыслѣ и есть добро, и никакого иного добра нѣтъ.

Конечное согласіе морали и дѣйствительности есть постулатъ самой этики Канта; но этотъ постулатъ разлагается ея собственными посылками, и потому она оказывается вмѣстилищемъ противорѣчій. Конечное согласіе морали въ смыслѣ Канта съ природою и требованіями чувственности, по мнѣнію Гегеля, невозможно, во-первыхъ, потому что оно предполагаетъ постепенное, т. е. частичное, исполненіе долга, слѣдовательно, вноситъ въ него неподобающую ему условность, а во-вторыхъ, потому что, будучи достигнуто, оно упраздняетъ нужду въ долгѣ, т. е. упраздняетъ самую мораль. Но въ сущности, какъ объясняетъ Гегель, такое упраздненіе морали есть не только конечный исходъ моральнаго развитія, а совершается въ самомъ этомъ развитіи постоянно. Единичныя дѣйствія человѣка имѣютъ моральную цѣнность лишь тогда, когда вся ихъ совокупность проникнута требованіемъ долга, а не каждое въ своей отдѣльности. Слѣдовательно, покуда это требованіе не достигло всеобщности, владычества морали нѣтъ. „Такъ какъ, говоритъ Гегель, требуется всеобщность наилучшаго, то выходитъ, что (въ частности) не дѣлается ничего хорошаго". Съ неменьшею рѣшительностью отвергаетъ Гегель и кантовъ выводъ бытія Божія, какъ моральный постулатъ. Безусловное Существо требуется Кантомъ, какъ дѣятель, установляющій (въ потустороннемъ мірѣ) по нашимъ заслугамъ связь блаженства съ достоинствомъ. Но если цѣнность моральнаго настроенія опредѣляется его полнотою, то несовершенная моральность человѣка во всякомъ случаѣ не заслуживаетъ блаженства, и послѣднее можетъ быть поэтому лишь даромъ незаслуженной ми-

лости со стороны Бога; т. е. подъ прикрытіемъ якобы моральнаго настроенія мы просто молимъ и ожидаемъ отъ Бога незаслуженнаго блаженства, слѣдовательно поступаемъ совершенно эвдемонистически.

Моральная дѣятельность находитъ, по Канту, свою опору въ уваженіи къ нравственному закону, а по Фихте—въ совѣсти. Анализируя понятіе совѣсти, какъ верховнаго двигателя моральности, Гегель обнаруживаетъ ея, т. е. совѣсти, субъективный, произвольный и въ конечномъ результатѣ *злой* характеръ. Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что въ своемъ анализѣ „совѣсти" Гегель имѣетъ въ виду не Фихте, а Якоби; но его удары попутно попадаютъ и по Фихте, такъ какъ послѣдній въ своей этикѣ, какъ мы видѣли, не въ состояніи наполнить требованія совѣсти опредѣленнымъ содержаніемъ, и потому у него совѣсть, какъ и у Якоби, есть не что иное, какъ возведенный въ законъ произволъ личнаго убѣжденія. Въ такой произволъ дѣйствительно превратилась фихтева „совѣсть" у Шлегеля, который совершенно послѣдовательно превратилъ абсолютное „я" въ *абсолютизмъ опытнаго „я"*—послѣдовательно, такъ какъ абсолютное „я" по своей моральной безсодержательности можетъ дать опытному „я" лишь *форму* убѣжденія, оставивъ наполненіе этой формы на произволъ опытнаго „я".

Совѣсть, какъ указываетъ Гегель, освобождаетъ насъ отъ обычнаго, даннаго въ дѣйствительности, сознанія долга, замѣняя это сознаніе голосомъ нашего личнаго убѣжденія. При этомъ ей открываются два пути: или путь бездѣятельной *оцѣнки* дѣйствительности съ точки зрѣнія своего личнаго убѣжденія; или путь энергическаго возстанія на основаніи этого убѣжденія противъ общепринятой морали. Первый путь приводитъ къ изысканію повсюду въ дѣйствительности своекорыстныхъ и безнравственныхъ мотивовъ, слѣдовательно къ осужденію всѣхъ великихъ дѣятелей, такъ какъ ихъ величіе именно въ томъ и состоитъ, что они выразили въ себѣ живыя силы дѣйствительности, а не требованія отвлеченной морали. Это состояніе сознанія есть состояніе *низкое*, выражаемое тою поговоркою, что „никто не герой для камердинера". Второй же видъ совѣсти есть *злое* сознаніе: „Оно проявляется на дѣлѣ, какъ злое, черезъ утвержденіе, что оно противоположно признанному общему и руководствуется *своимъ* внутреннимъ закономъ и совѣстью. Ибо если бы эти законъ и совѣсть не были закономъ его *отдѣльности* и *произвола*, то они были бы не нѣчто внутреннее, собственное, а нѣчто общепризнанное. Поэтому, если кто говоритъ, что онъ дѣйствуетъ противъ другихъ по *своимъ* закону и совѣсти, то онъ говоритъ въ сущности, что онъ дѣлаетъ

этимъ другимъ зло". Такое злое сознаніе, въ послѣдовательномъ своемъ развитіи, принимаетъ различные виды. Въ первоначальномъ видѣ оно соединяется съ убѣжденіемъ въ томъ, что оно есть добро, т. е. съ наивнымъ самообманомъ. Но такой самообманъ не можетъ продолжаться, такъ какъ для него нѣтъ основанія; онъ переходитъ въ обманъ другихъ, т. е. въ притворство. Для этого притворства сознаніе сначала придумываетъ оправданіе въ благихъ цѣляхъ; конечнымъ выраженіемъ такого оправданія служитъ знаменитое положеніе: „цѣль оправдываетъ средства". Но рѣшеніе объ оправдывающей цѣли производится также на основаніи субъективнаго произвола. „Мое намѣреніе сдѣлать добро и мое убѣжденіе въ томъ, что это есть добро, *дѣлаютъ* дѣйствіе добрымъ". Всякое объективное различіе добра и зла исчезаетъ, а слѣдомъ за тѣмъ исчезаетъ и всякая мораль. Она, такъ сказать, самоупраздняется голосомъ совѣсти.

Для сохраненія моральности она должна стать дѣйствительною, т. е. выйти изъ субъективной отвлеченности черезъ воспріятіе въ себя объективныхъ элементовъ. Долгъ наполняется содержаніемъ изъ объективной дѣйствительности, данной не въ самозаключенномъ и отрѣшенномъ отъ міра субъектѣ, а въ объемлющемъ его дѣйствительномъ союзѣ съ другими субъектами—въ семьѣ, въ гражданскомъ обществѣ, въ государствѣ. Воспринимая въ себя эти элементы, моральность становится *нравственностью*, т. е. дѣятельностью, содержаніемъ которой служатъ общественные *нравы*. Они образуютъ собою нравственный міропорядокъ, который нечего изобрѣтать, а нужно только сознать и понять въ его развитіи. Долгъ есть не что иное, какъ нравственное отношеніе, т. е. отношеніе между нравами, переложенное изъ объективной сферы въ субъективную, или иными словами *сознанное* человѣкомъ. Понятіе долга остается; остается и имманентная духу свобода, какъ его условіе. Но это есть свобода, присущая дѣйствительности, осуществляющаяся или развивающаяся въ ней. Поэтому цѣль или результатъ нравственнаго развитія указывается исторіею, и вслѣдствіе того философія исторіи заканчиваетъ у Гегеля ученіе о правѣ, морали и нравственности.

Рѣшительный отказъ Гегеля почерпать содержаніе нравственности изъ отвлеченнаго ея начала и указаніе на исторически развивающійся общественный строй, какъ на единственный источникъ этого содержанія, давалъ, повидимому, надежду на болѣе плодотворное рѣшеніе вопроса о цѣли нравственнаго дѣйствія. Но этой надеждѣ не суждено было исполниться, и конечнымъ результатомъ гегелевой этики ока-

зался такой же пустой формализмъ. Свобода по Гегелю есть не нѣчто трансцендентное для духа, но его имманентная принадлежность, ибо самъ духъ есть не что иное, какъ абсолютное на высшей ступени его развитія. Но свобода, какъ неотъемлемое, коренное свойство духа, можетъ осуществиться лишь въ *сознательной* жизни духа, въ пониманіи или знаніи себя, какъ свободнаго, т. е. въ *сознаніи свободы*. Поэтому Гегель опредѣляетъ исторію, какъ *прогрессъ въ сознаніи свободы*. Прогрессъ этотъ совершается по тремъ ступенямъ, изъ которыхъ первая соотвѣтствуетъ востоку, вторая — классическому міру, третья—новому времени: „Востокъ зналъ только, что свободенъ *одинъ*, греческій и римскій міръ,—что свободны *нѣкоторые*; мы же знаемъ, что свободны всѣ люди, какъ таковые, т. е. что свободенъ человѣкъ, какъ человѣкъ...“. Это сознаніе всеобщей свободы есть конечная цѣль исторіи, слѣдовательно конечная цѣль нравственнаго развитія.

Оставимъ теперь въ сторонѣ вопросъ о томъ, объемлетъ ли эта формула весь смыслъ исторіи, всю полноту и сложность ея процесса. Допустимъ, что въ этомъ отношеніи Гегель правъ, и посмотримъ только, въ какой степени опредѣленна по содержанію эта конечная цѣль развитія. Свобода есть самоопредѣленіе духа. Къ чему же самоопредѣляется сознавшій свою свободу духъ? Отвѣтъ получается такой, что онъ самоопредѣляется къ сознанію своей свободы, т. е. въ концѣ развитія мы возвращаемся къ его началу, и опредѣленной цѣли нравственнаго дѣйствія все-таки не получается. Если бы процессъ историческаго развитія понимался Гегелемъ, какъ *приступъ* къ истинной общечеловѣческой нравственности, то его отвѣтъ могъ бы удовлетворить, по крайней мѣрѣ того, кто признаетъ, что нравственное отношеніе есть *общечеловѣческое*; ибо съ этой точки зрѣнія, конечно, не можетъ быть истинной нравственности, покуда отрицается въ какомъ-нибудь разрядѣ человѣческихъ существъ право на свободу. Но приступъ къ нравственности не есть ея цѣль; а цѣли нравственнаго дѣйствія, т. е. содержанія сознанной человѣкомъ свободы, мы у Гегеля не получаемъ.

Можно, конечно, поставить дѣло такъ. Процессъ историческаго развитія, приводящій человѣчество къ сознанію всеобщей свободы, еще не доводитъ человѣчество до высшей его цѣли. Выше объективнаго духа, которому служитъ исторія, стоитъ по Гегелю духъ абсолютный, развивающійся по ступенямъ *искусства*, *религіи* и *философіи*. Поэтому намъ могутъ сказать, что обезпеченная всеобщимъ сознаніемъ свобода должна обратиться именно въ эти высшія сферы,

т. е. что конечною цѣлью или высшимъ благомъ служитъ для человѣка художественная, религіозная и философская дѣятельность, что въ этой дѣятельности человѣкъ наполняетъ свою свободу содержаніемъ. Но такое пониманіе вызываетъ рядъ недоумѣній и, какъ мы убѣдимся, въ конечномъ результатѣ также приводитъ къ пустому формализму. Недоумѣнія заключаются въ слѣдующемъ: если содержаніемъ всеобщей свободы служатъ искусство, религія и философія, то выходитъ, что онѣ должны составлять высшую цѣль для всѣхъ людей, т. е. въ результатѣ историческаго процесса долженъ установиться такой общественный строй, въ которомъ всѣ люди подчинятъ свои дѣйствія этой высшей цѣли. Но ни черты этого строя, ни самая его возможность Гегелемъ не выяснены, такъ что между его философіею исторіи и ученіемъ объ абсолютномъ духѣ остается незаполненный пробѣлъ. Далѣе, всеобщее господство искусства, религіи и науки можетъ состоять, очевидно, не въ томъ, что всѣ люди сдѣлаются художниками, богословами и философами, но въ томъ, что вся общественная жизнь всесторонне проникнется и облагородится эстетическими, религіозными и философскими вліяніями. Въ чемъ будетъ состоять это всестороннее измѣненіе жизни черезъ повышеніе всѣхъ людей до ступени абсолютнаго духа, Гегель также не выясняетъ. Формальный же, т. е. безсодержательный, характеръ этой высшей цѣли явствуетъ изъ такихъ соображеній: эта цѣль включаетъ въ себя собственно три цѣли, представляющія собою три ступени развитія абсолютнаго духа; и въ высшей ступени — философіи — снимаются и растворяются обѣ низшія ступени. Такимъ образомъ философія оказывается окончательною или высшею цѣлью, высшимъ предѣломъ духовной свободы. Высшимъ же предѣломъ развитія философіи оказывается мысль, достигшая полнаго единенія съ абсолютнымъ. Но это объединеніе не вноситъ въ философію какого либо содержанія, кромѣ того, которое развито въ самой системѣ; слѣдовательно, все движеніе системы, стало быть и то движеніе, которое совершается въ сферѣ духа, т. е. и нравственность, приводитъ лишь къ цѣли конечнаго самоосуществленія и оправданія категорій системы; высшая цѣль лишь констатируетъ и оправдываетъ съ высшей точки зрѣнія всѣ низшія цѣли, такъ что конечной высшей цѣли, которая указывала бы свое собственное содержаніе свободы, не оказывается. Духъ есть свобода; осуществленіе этой свободы въ сознаніи есть нравственность, и всеобщее сознаніе этой свободы есть цѣль историческаго процесса. На вопросъ, какое содержаніе этой свободы, мы въ духѣ Гегеля можемъ

отвѣтить лишь: „абсолютный духъ", т. е. въ конечномъ результатѣ— философія. Но на вопросъ: въ чемъ состоитъ содержаніе достигнутой философіею абсолютной свободы? получается отвѣтъ: смотри всѣ пройденныя ступени развитія, т. е. получается возвращеніе къ прежнему вопросу: что такое свобода, не какъ форма, а какъ содержаніе духа?

Заслуга Гегеля состояла въ томъ, что онъ ясно созналъ необходимость вывести ученіе о нравственности въ объективную область, т. е. найти содержаніе долга не путемъ анализа его понятія, а путемъ включенія въ него общественнаго и историческаго содержанія. Но въ конечномъ результатѣ это содержаніе у Гегеля улетучилось, и получился прежній пустой формализмъ. Причиною тому было, какъ мнѣ кажется, именно перемѣщеніе Гегелемъ вопреки Канту и Фихте свободы въ опытную область. И Кантъ, и Фихте признавали свободу принадлежностью трансцендентнаго міра, каковымъ у Фихте является „абсолютное *я*". Опытный духъ есть лишь явленіе этого міра, лишь орудіе потусторонней, трансцендентной свободы. Гегель же отожествилъ опытный духъ съ абсолютнымъ, т. е. ввелъ свободу безъ остатка въ область опытнаго міра, не оставивъ для нея никакого трансцендентнаго источника. Поэтому, обратясь для наполненія понятія долга содержаніемъ къ опыту, Гегель нашелъ это содержаніе лишь въ разлитой по его мнѣнію въ опытѣ свободѣ; т. е. снова извлекъ ее оттуда, куда онъ ее самъ вложилъ, въ прежней ея формальности и безсодержательности. Смыслъ этики Гегеля въ сущности слѣдующій: духъ, какъ по существу свободный, не нуждается въ сверхъопытномъ категорическомъ императивѣ для своей нравственной жизни; этотъ императивъ данъ и такъ въ присущей духу свободѣ, т. е. дѣйствительное самоосуществленіе духа само по себѣ есть добро. Намъ нечего вызывать это добро своими предписаніями, но для участія въ немъ довольно *сознать* ту жизнь духа, которая и такъ совершается въ дѣйствительности. Поэтому исторія опредѣляется Гегелемъ, какъ прогрессъ не въ свободѣ, а *въ сознаніи свободы*. Но когда засимъ я задаю вопросъ: что же я именно сознаю въ своей свободѣ? то получается или голая, лишенная всякой нормы опытная дѣйствительность, — такъ какъ гдѣ нѣтъ нравственнаго предписанія, тамъ нѣтъ и нормы, — или отвлеченное отъ нея и само по себѣ безсодержательное понятіе свободы. Получается та смѣсь формализма и эмпиризма, какою является этическое міровоззрѣніе Гегеля: ибо онъ постоянно то испаряетъ свою мысль въ ничего не выражающемъ словѣ „свобода", то просто под-

дакиваетъ фактамъ дѣйствительности. Принципіально онъ установляетъ требованіе свободы, а на дѣлѣ провозглашаетъ право силы, отрицая приложимость къ великимъ историческимъ личностямъ какой либо моральной оцѣнки. „Какой школьный учитель, говоритъ онъ, не доказывалъ объ Александрѣ Великомъ и Юліи Цезарѣ, что эти люди были увлекаемы такими-то страстями и потому были иморальными людьми? Отсюда сейчасъ же слѣдуетъ, что онъ, школьный учитель, гораздо лучше ихъ, такъ какъ онъ не обуревается такими страстями, и это доказывается тѣмъ, что онъ не завоевалъ Азіи, не побѣдилъ Дарія и Пора, а спокойно жилъ и давалъ жить другимъ". По поводу этого ироническаго замѣчанія позволительно, конечно, спросить: такъ какъ цѣль исторіи есть сознаніе всеобщей свободы, то не болѣе ли бы выиграло это сознаніе, если бы люди поменьше думали о завоеваніи Азіи и побольше о томъ, чтобы давать жить другимъ?

Изъ сказаннаго о тѣхъ затрудненіяхъ, къ какимъ приводитъ насъ разсмотрѣніе этическихъ ученій великихъ представителей нѣмецкаго идеализма, вытекаетъ, какъ мнѣ кажется, слѣдующій выводъ: Кантъ и Фихте правы противъ Гегеля, утверждая, что безусловное предписаніе долга имѣетъ трансцендентное для опыта основаніе, а Гегель правъ противъ Канта и Фихте, утверждая, что цѣль нравственнаго дѣйствія должна быть почерпнута не изъ понятія долга, а изъ опытной дѣйствительности. Нравственности нѣтъ, покуда человѣкъ сознаетъ себя въ правѣ произвольно слѣдовать своимъ опытнымъ влеченіямъ. Онъ обязанъ ограничить свой произволъ нѣкоторымъ предписаніемъ и это предписаніе, какъ первичное въ отношеніи всѣхъ его дѣйствій, есть предписаніе безусловное, *категорическій императивъ*. Чтобы оправдать существованіе нравственности, мы должны, слѣдовательно, признать, что надъ всею опытною областью господствуетъ такое первичное, безусловное предписаніе. Это признаніе необходимо приводитъ насъ и къ извѣстнымъ теоретическимъ выводамъ. Или сказанное предписаніе безсильно надъ областью опыта, или для этого предписанія есть основаніе въ иной, высшей, сверхъопытной области, которой въ конечномъ результатѣ покоряется и опытная область. Какъ назвать этотъ сверхъопытный источникъ опытной области, — Богомъ, абсолютомъ, трансцендентною свободою, вещью въ себѣ — это вопросъ онтологіи, въ рѣшеніе котораго намъ теперь нѣтъ надобности вдаваться. Но бытіе такого источника есть необходимое требованіе ученія о нравственности, коль скоро оно возвышается надъ началомъ эвдемонизма и вмѣстѣ съ тѣмъ не признаетъ, какъ то дѣлаетъ Гегель, что абсо-

лютное пребываетъ въ самой области опыта. Замѣтимъ, впрочемъ, что таково требованіе *ученія о нравственности*, а не *непремѣнно самой нравственности*, такъ какъ несомнѣнно, что есть люди, которые подчиняютъ себя требованіямъ долга практически, заблуждаясь въ его теоретическомъ обоснованіи. Конечно, такое теоретическое заблужденіе рано или поздно должно отозваться и на практикѣ.

Съ другой стороны несомнѣнно, что безусловное нравственное предписаніе, какъ таковое, именно по своему сверхъопытному характеру не можетъ содержать въ себѣ указанія на какую либо опредѣленную цѣль, ибо цѣль, какъ двигатель воли, всегда должна имѣть въ себѣ представляемость. Безусловное предписаніе требуетъ направленія воли къ добру, но въ чемъ состоитъ добро, — этому можетъ научить лишь опытъ. А такъ какъ всѣ опытныя цѣли эвдемонистичны, то всякая попытка освободить понятіе добра отъ эвдемонистической окраски заранѣе осуждена на неудачу. Сверхъопытное предписаніе служитъ не къ тому, чтобы въ немъ самомъ найти какую либо особую сверхъопытную же цѣль, а къ тому, чтобы служить регуляторомъ для данныхъ на опытѣ цѣлей. Вопросъ заключается лишь въ томъ, какимъ способомъ можно установить такое регулирующее дѣйствіе безусловнаго нравственнаго предписанія. Повидимому, такихъ способовъ открываются *четыре*, которые намъ и надлежитъ послѣдовательно разсмотрѣть.

1. Такъ какъ безусловное нравственное предписаніе совершенно безсодержательно, то оно, повидимому, не можетъ, какъ таковое, служить къ выбору изъ опытныхъ цѣлей какой либо за высшую. Оно, казалось бы, указываетъ лишь на то, что если такой выборъ сдѣланъ, то избранная цѣль должна безусловно подчинять себѣ волю человѣка. Нравственнымъ дѣятелемъ съ этой точки зрѣнія считается тотъ, кто безусловно слѣдуетъ своему убѣжденію, *каково бы это убѣжденіе ни было*. Признакомъ такого безусловнаго слѣдованія убѣжденію служитъ совершенная готовность подчинить господствующей цѣли всѣ прочія цѣли, т. е. принять за нее всевозможныя лишенія, даже пожертвовать ей собою. Такое пониманіе нравственности открываетъ, стало быть, съ одной стороны полный произволъ убѣжденію, а съ другой — полное подчиненіе ему, и въ этомъ состоитъ его внутреннее противорѣчіе, такъ какъ представляется непонятнымъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ стать рабомъ того, господство чего налагается на него лишь его собственнымъ произволомъ. Остается, слѣдовательно, допустить, что произволъ въ выборѣ убѣжденія лишь кажущійся, что

въ дѣйствительности это убѣжденіе чѣмъ либо мотивировано съ непреодолимою для человѣка силою; т. е. что нѣкоторая опытная цѣль по опытнымъ же основаніямъ столь привлекательна для человѣка, что ради нея онъ готовъ жертвовать всѣми остальными цѣлями. По характеру человѣка, его воспитанію, вліяніямъ обстановки и среды, одна изъ цѣлей становится безусловно господствующею въ человѣкѣ, и если такое господство совершенно искренно и добросовѣстно, то оно и образуетъ собою съ этой точки зрѣнія нравственность человѣка. Но если убѣжденіе составляется по опытнымъ основаніямъ, то самая безусловность его только кажущаяся, т. е. оно обосновывается на нѣкоторомъ самообманѣ человѣка. Источникомъ его служитъ случайное сочетаніе условій, вліяющихъ на человѣка. Почему это случайное сочетаніе условій можетъ притязать на какое либо преклоненіе передъ нимъ, остается непонятнымъ. Вслѣдствіе того, за *фанатизмомъ*, т. е. за слѣпымъ подчиненіемъ даннымъ убѣжденіямъ, если не всегда въ единичномъ человѣкѣ, то всегда въ обществѣ, слѣдуетъ нравственный *скептицизмъ*, т. е. отрицаніе всякой цѣли, которая заслуживала бы подчиненія себѣ. Такое неизбѣжное саморазложеніе убѣжденія, понимаемаго, какъ безсодержательная форма нравственности, необходимо приводитъ къ тому заключенію, что доброкачественность убѣжденія опредѣляется содержаніемъ тѣхъ цѣлей, по которымъ оно направляетъ человѣческую волю; а это заключеніе приводитъ насъ ко второму способу установленія регулирующаго дѣйствія безусловнаго нравственнаго предписанія.

2. Если доброкачественность убѣжденія опредѣляется указываемыми имъ цѣлями, то выходитъ, что самыя цѣли должны быть различаемы, какъ добрыя и злыя; и безусловное нравственное предписаніе должно охранять первыя и отстранять вторыя. Такое различеніе добрыхъ и злыхъ цѣлей представляется съ перваго взгляда простымъ и удобопонятнымъ. Но ближайшее разсмотрѣніе дѣла обнаруживаетъ въ немъ затрудненія, такъ какъ не усматривается того основного признака, по которому одна цѣль признается доброю, а другая злою. Всѣ существующія цѣли заявляютъ свои равныя права самымъ фактомъ своего существованія. Отрицать право какой либо изъ этихъ цѣлей можно только или во имя безусловнаго нравственнаго предписанія, — но оно, какъ совершенно безсодержательное, не даетъ въ этомъ отношеніи никакого руководства; или во имя какой либо другой цѣли, — но она можетъ сослаться также только на то, что она существуетъ, т. е. ея право по существу не выше того права, кото-

рое она отрицаетъ. Иначе, сказанное можно формулировать такъ: если данная опытная цѣль оправдывается не сама собою, а чѣмъ либо другимъ, то это другое, какъ опытная же цѣль, также должна имѣть оправданіе внѣ себя и такъ далѣе до безконечности; т. е. отрицая самооправданіе данной на опытѣ цѣли, мы послѣдовательно должны отрицать всякое ея оправданіе: или всѣ цѣли оправданы, или не оправдана ни одна. Кантъ находитъ признакъ нравственнаго дѣйствія въ томъ, что правило этого дѣйствія способно стать правиломъ всеобщаго законодательства, т. е. руководить дѣятельностью всякаго разумнаго существа. Признакомъ неспособности стать такимъ руководствомъ служитъ по Канту то, что правило само себѣ противорѣчитъ. Но нельзя сказать, чтобы приводимые Кантомъ по этому поводу примѣры были убѣдительны. Его отрицаніе правомѣрности нѣкоторыхъ приводимыхъ имъ въ примѣръ правилъ основывается въ сущности на заранѣе составленномъ и совершенно догматическомъ признаніи нѣкоторыхъ цѣлей за добрыя, такъ что противорѣчіе оказывается не правилу, какъ таковому, а правила заранѣе одобреннымъ цѣлямъ. Почему, напримѣръ, заслуживаетъ осужденія самоубійство? Потому, говоритъ Кантъ, что „природа, законъ которой состоялъ бы въ томъ, чтобы черезъ тѣ же ощущенія, назначеніе которыхъ состоитъ въ стремленіи къ споспѣшествованію жизни, разрушать самую жизнь, сама бы себѣ противорѣчила и потому не могла бы существовать, какъ природа"... Очевидно, что это возраженіе основано на заранѣе составленномъ положеніи: „жизнь есть безусловная цѣль всякаго ощущенія", т. е. на признаніи доказуемаго за доказанное. Кто намъ сказалъ, что *всякое* ощущеніе есть средство сохраненія жизни? Почему немыслимо, что одни изъ ощущеній направлены къ этой цѣли, а другія нѣтъ, и что потому ихъ сочетаніемъ опредѣляется цѣнность самой жизни, такъ что при однихъ условіяхъ ее стоитъ сохранять, а при другихъ—нѣтъ? Послѣдовательный эвдемонистъ стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія, и его Кантъ не опровергаетъ.

Другой приводимый Кантомъ примѣръ касается человѣка, который считаетъ позволительнымъ занимать деньги безъ отдачи. Такое правило, по мнѣнію Канта, также само себѣ противорѣчитъ, такъ какъ, если бы оно стало всеобщимъ, то никто не сталъ бы давать другому денегъ въ долгъ. Но этотъ выводъ не вѣренъ; правильнѣе сказать, что никто не сталъ бы давать денегъ въ долгъ безъ вѣрнаго обезпеченія. Такимъ образомъ результатомъ всеобщности приведеннаго правила были бы полное упраздненіе долговъ на слово и возможность

заключенія ихъ только подъ вѣрное обезпеченіе. Спрашивается, — что же невозможнаго въ такомъ порядкѣ вещей? Очевидно, что рѣчь идетъ тутъ не о возможности, а о томъ, что лучше: такая жизнь въ которой люди не вѣрятъ другъ другу, или такая, въ которой они имѣютъ эту вѣру; и заранѣе признается, что вторая лучше, т. е. опять-таки доказуемое принимается за посылку доказательства. Все, что можно сказать о преимуществѣ второй жизни передъ первою, состоитъ въ томъ, что вторая болѣе богата содержаніемъ, т. е. цѣлями; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ вопросъ рѣшается на основаніи заранѣе признанныхъ цѣлей.

Въ приводимыхъ Кантомъ остальныхъ двухъ примѣрахъ, касающихся пренебреженія къ усовершенствованію человѣкомъ своихъ способностей и отказа въ помощи ближнимъ, самъ Кантъ признаетъ, что возведеніе такого образа дѣйствія въ общее правило *возможно*. Дѣло только въ томъ, что въ первомъ случаѣ уменьшится число возможныхъ для человѣка цѣлей, а во вторыхъ—онъ самъ лишится помощи въ случаѣ нужды. Оба эти соображенія опять-таки основываются на заранѣе признанныхъ цѣляхъ, первое прямо, второе косвенно, такъ какъ ожиданіе чужой помощи въ случаѣ нужды можетъ быть оправдано лишь въ томъ случаѣ, если заранѣе признано, что такая цѣль есть добрая,—а именно это и требуется доказать.

Такимъ образомъ различить добрую цѣль отъ злой по чисто формальнымъ признакамъ представляется невозможнымъ. Съ другой стороны, какъ указано выше, невозможно достигнуть такого различенія и по самому содержанію цѣлей. Слѣдовательно, вообще обосновать доброкачественность убѣжденія на различеніи добрыхъ цѣлей отъ злыхъ, какъ таковыхъ, представляется также невозможнымъ.

3. Оправданіемъ цѣли служитъ то, что она дана, какъ фактъ; другого оправданія ей быть не можетъ. Всякая цѣль, какъ таковая, законна или добра. Зло возникаетъ не отъ преслѣдованія цѣли, какъ таковой, а отъ *столкновенія* цѣлей, отъ того, что *одна цѣль излишне подавляетъ другую, саму по себѣ столь же законную*. Дѣйствительно, какое бы то ни было преступленіе или безнравственное дѣйствіе возникаетъ исключительно на почвѣ такого пренебреженія одними цѣлями ради другихъ. Воровство дурно не потому, что воръ хочетъ пріобрѣсти нужную ему вещь, но потому, что онъ нарушаетъ чужое право, т. е. правило, охраняющее столь же законное хотѣніе собственника вещи сберечь ее. Право собственности и есть не что иное, какъ способъ примирить, т. е. привести въ должныя границы, стремленіе къ прі-

обрѣтенію вещей со стремленіемъ къ ихъ сохраненію. Безнравственность въ половыхъ сношеніяхъ состоитъ не въ томъ, что самая цѣль удовлетворенія половой похоти есть нѣчто злое; эта цѣль не менѣе законна, чѣмъ цѣль насыщенія или утоленія жажды. Она приводитъ къ злу лишь тогда, когда ради нея нарушаютъ границы, поставленныя гигіеною, правомъ и уваженіемъ къ чужой личности, границы, которыя въ этомъ случаѣ ограждаютъ другія столь же законныя цѣли.

Для нашего современнаго нравственнаго сознанія представляется въ высшей степени возмутительнымъ обращеніе *дѣйствительныхъ* страданій другихъ людей въ предметъ развлеченія, какъ это дѣлалось въ древне-римскихъ циркахъ. Но сама по себѣ цѣль развлеченія вполнѣ законна; она не перестаетъ быть законною и тогда, когда предметомъ развлеченія служитъ—какъ это бываетъ и въ современныхъ театральныхъ зрѣлищахъ—не дѣйствительное, а только изображаемое страданіе людей, если притомъ, какъ это дѣлается теперь, профессія изображать такое страданіе принимается на себя человѣкомъ по его свободному выбору. Зло древне-римскаго цирка состояло не въ томъ, что онъ преслѣдовалъ цѣль развлеченія, а въ томъ, что, преслѣдуя эту цѣль, онъ пренебрегалъ другою цѣлью, также законною, цѣлью охраненія себя человѣкомъ отъ страданій и смерти. Постепенное съуженіе первой цѣли второю привело къ тому, что зломъ стало считаться развлеченіе не только подневольными, но и добровольными страданіями и смертью людей, и не только людей, но и животныхъ, такъ что нынѣ для наиболѣе развитыхъ частей человѣчества немыслимо наслажденіе турнирами, боемъ быковъ или пѣтуховъ и т. п. зрѣлищами; ибо, привыкая къ наслажденію ими, люди ослабляютъ въ себѣ вообще силу сочувствія къ чужимъ страданіямъ и смерти, т. е. силу, гарантирующую общее сохраненіе возможно безпечальной жизни.

Но если цѣли, сами по себѣ добрыя, причиняютъ зло единственно чрезъ неправильное расширеніе своихъ границъ въ ущербъ другимъ также самимъ по себѣ добрымъ цѣлямъ, то вопросъ сводится къ тому, чѣмъ же установляется правило надлежащаго ограниченія цѣлей. Рѣшеніе этого вопроса чисто формальнымъ способомъ невозможно, какъ показываетъ въ частности пресловутая и совершенно безсодержательная формула свободы: свобода одного человѣка кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Ибо на новый вопросъ: гдѣ же начинается свобода другого? приходится отвѣтить: тамъ, гдѣ кончается свобода перваго, и такимъ образомъ мы получаемъ окончательный отвѣтъ: свобода каждаго человѣка кончается тамъ, гдѣ

она кончается. Для того, чтобы практически примѣнять приведенную формулу свободы, необходимо, слѣдовательно, предварительно опредѣлить ея размѣръ, и такъ какъ съ отвлеченно-правовой точки зрѣнія всѣ лица равноцѣнны, то приходится сказать, что свобода одного человѣка должна быть *равна* свободѣ другого. Но такое рѣшеніе вопроса приводитъ къ величайшему безправію, такъ какъ лицо болѣе сильное будетъ пользоваться своею равною съ прочими свободою въ ущербъ лицу болѣе слабому. Покушающійся на мои имущество и жизнь разбойникъ можетъ мнѣ сказать: ты имѣешь равную со мною свободу покуситься и на мои имущество и жизнь; и такимъ образомъ право равной свободы окажется въ сущности правомъ силы, при господствѣ котораго всякая свобода будетъ уничтожена. И такъ ясно, что для огражденія свободы нужно предварительно установить, *какія именно дѣйствія* и *въ какія именно границы* должны быть приведены въ ея интересахъ.

Такія же соображенія примѣнимы и къ рѣшенію общаго вопроса объ ограниченіи цѣлей съ тою разницею, что тутъ дѣло идетъ о противоположеніи не между разными лицами, а также и между стремленіями одного и того же лица, и что именно поэтому самый вопросъ представляется еще гораздо болѣе сложнымъ. Какъ бы ни было сильно одно лицо, всегда найдется такое число лицъ, которое его преодолѣетъ; но доросшая до состоянія страсти цѣль можетъ всецѣло овладѣть душою человѣка съ полнымъ подавленіемъ прочихъ цѣлей. Такимъ образомъ взаимное ограниченіе цѣлей непремѣнно требуетъ признанія того, что хотя всѣ цѣли законны или добры, но что *права ихъ различны*, т. е. что въ нхъ составѣ есть цѣли болѣе цѣнныя и менѣе цѣнныя, и что первыя должны господствовать надъ вторыми. Зло возникаетъ, слѣдовательно, не отъ нарушенія взаимныхъ границъ равноправными цѣлями, но отъ *возстанія низшихъ цѣлей противъ высшихъ* или, наоборотъ, отъ того, что *высшія цѣли, не довольствуясь подчиненіемъ себѣ низшихъ цѣлей, отрицаютъ ихъ право на существованіе*. Всѣ цѣли законны; но онѣ должны быть соподчинены по своему относительному достоинству. И наша задача заключается теперь въ томъ, чтобы найти *начало* этого соподчиненія или иначе—признакъ, опредѣляющій *относительное достоинство цѣлей*.

4. Нравственность несомнѣнно опирается на безусловное предписаніе; дѣйствіе по безусловному предписанію есть несомнѣнно дѣйствіе по убѣжденію; доброкачественность убѣжденія несомнѣнно опредѣляется доброкачественностью цѣлей; всякая цѣль, какъ таковая,

несомнѣнно доброкачественна, и зло возникаетъ лишь вслѣдствіе незаконнаго расширенія ея границъ. Теперь оказывается, что законныя границы цѣли опредѣляются правильнымъ ея положеніемъ въ системѣ цѣлей, т. е. тѣмъ, что она подчинена высшимъ цѣлямъ и подчиняетъ себѣ низшія цѣли; и согласно этому намъ надлежитъ найти признакъ, указывающій на то, какая цѣль выше и какая ниже.

Всѣ опытныя цѣли условны, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы степень ихъ условности была одинакова. *Безусловное*, какъ таковое, не имѣетъ степеней; но условное, поскольку оно можетъ зависѣть отъ большаго или меньшаго количества условій, различается по степени своей условности. Въ числѣ цѣлей можно, слѣдовательно, различать такія, условность которыхъ больше, отъ такихъ, условность которыхъ меньше, и первыя должны быть поставлены выше вторыхъ. Первыя цѣли суть цѣли *болѣе* независимыя, а вторыя болѣе зависимыя, и слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ *вообще* вторыя болѣе зависятъ отъ первыхъ, чѣмъ первыя отъ вторыхъ. Говорю „вообще", такъ какъ сложность человѣческихъ дѣйствій такова, что всѣ частныя сочетанія ихъ зависимостей непредвидимы. Напримѣръ, человѣкъ можетъ имѣть цѣль—сохранить свою жизнь и цѣль—надѣть то или другое платье. *Вообще* вторая цѣль болѣе зависитъ отъ первой, чѣмъ первая отъ второй, такъ какъ вообще безъ сохраненія жизни человѣкъ не будетъ въ состояніи и одѣваться въ то или другое платье; но *въ частности* могутъ быть случаи, когда первая цѣль зависитъ отъ второй, т. е. когда, не надѣвши извѣстнаго платья, человѣкъ рискуетъ жизнью,—напримѣръ, лицо, участвующее на войнѣ не въ военной формѣ, рискуетъ, попавшись въ плѣнъ непріятелю, быть разстрѣляннымъ. Мы можемъ поэтому установить *общее* правило, что сохраненіе жизни есть цѣль болѣе высокая, чѣмъ надѣваніе того или иного платья, не смотря на случайныя и въ общемъ непредвидимыя исключенія изъ этого правила.

Обозрѣвая *вообще* всю совокупность человѣческихъ цѣлей, мы усматриваемъ возможность раздѣлить ихъ на двѣ обширныя категоріи: цѣли *субъективныя* и цѣли *объективныя*. По большей части обѣ эти категоріи цѣлей участвуютъ совмѣстно въ мотивировкѣ человѣческихъ дѣйствій; такъ—пища для меня есть вмѣстѣ и средство вкусового наслажденія (субъективная цѣль) и средство поддержанія моего организма (объективная цѣль). Какая изъ этихъ двухъ категорій цѣлей *de facto* сильнѣе владѣетъ волею человѣка, опредѣляется свойствами его характера. Но какая изъ нихъ выше или цѣннѣе *прин-*

ципіально, можетъ быть рѣшено лишь по сравненію степени ихъ условности; и несомнѣнно, что это сравненіе склоняетъ вѣсы въ пользу объективныхъ цѣлей. Предположимъ, что я смотрю на принятіе пищи исключительно съ точки зрѣнія вкусового наслажденія, вовсе не принимая во вниманіе пользы моего организма. Результатомъ того будетъ полное разстройство моего здоровья, даже смерть, т. е. невозможность продолженія этого наслажденія. Предположимъ теперь, что я имѣю въ виду только поддержаніе организма, вовсе не заботясь о вкусовой пріятности. Нельзя сказать, чтобы, дѣйствуя такимъ образомъ, я вполнѣ соблюлъ интересы моего организма, такъ какъ ѣсть съ удовольствіемъ (съ аппетитомъ) полезнѣе, чѣмъ ѣсть безъ удовольствія (безъ аппетита). Но все же мой организмъ можетъ существовать при такомъ режимѣ. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ субъективная цѣль по сравненію съ объективной есть болѣе зависимая, болѣе условная, т. е. низшая. И придя къ такому выводу, я установляю такое соподчиненіе этихъ двухъ цѣлей, которое наилучше гарантируетъ и субъективное наслажденіе, и пользу для организма. Я говорю себѣ: обѣ цѣли законны, но первая должна подчиняться, а вторая господствовать; буду же пользоваться вкусовыми наслажденіями въ границахъ, согласныхъ съ нуждами организма.

Такими же разсужденіями опредѣлится для человѣка взаимное отношеніе субъективныхъ и объективныхъ цѣлей и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Всякое подчиненіе себя цѣли субъективнаго наслажденія— въ отдыхѣ, въ развлеченіи, въ погонѣ за приманками тщеславія, въ половой страсти и т. п. получаетъ свои правильныя границы лишь при подчиненіи объективнымъ цѣлямъ. И это справедливо относительно не только низшихъ, но и высшихъ духовныхъ наслажденій, находимыхъ въ наукѣ, искусствѣ, дружбѣ, любви. Не приведя стремленій къ нимъ въ опредѣленныя объективными цѣлями границы, человѣкъ впадаетъ въ губительную для себя и для близкихъ къ нему людей безмѣрность, не достигая тѣхъ результатовъ, къ которымъ могла бы привести его дѣятельность при болѣе бережномъ расходованіи его силъ. Бываютъ, конечно, случаи, когда для осуществленія этихъ высшихъ стремленій человѣкъ законно жертвуетъ объективными цѣлями своихъ *личныхъ* здоровья или жизни; но онъ оправдываетъ себя въ такихъ случаяхъ объективными цѣлями *общественными*, т. е. расширяетъ понятіе объективности. Въ какомъ-нибудь объектѣ человѣкъ долженъ найти оправданіе тѣхъ границъ, до которыхъ онъ находитъ возможнымъ расширять свои высшія духовныя стремленія,

такъ какъ въ себѣ самихъ они указанія на эти границы не содержатъ.

Сказанное о взаимномъ отношеніи субъективныхъ и объективныхъ цѣлей въ такой степени соотвѣтствуетъ ихъ дѣйствительной природѣ, что въ обыденной жизни обыкновенно только вторыя называются цѣлями въ собственномъ значеніи слова, первыя же обозначаютъ названіемъ *побужденій*. Человѣкъ *побуждается* субъективными влеченіями къ достиженію объективныхъ *цѣлей*; иначе сказать, первыя полагаютъ средствами для вторыхъ.

Конечно, для того, чтобы объективная цѣль или цѣль въ собственномъ значеніи этого слова могла стать двигателемъ человѣческой воли, эта цѣль сама должна облечься характеромъ побужденія, т. е. привлекать человѣка связаннымъ съ нею наслажденіемъ. Если здоровье или жизнь лишились для человѣка привлекательности, то онъ не станетъ ради нихъ ограничивать свои чувственныя излишества. Этимъ доказывается только то положеніе, которое твердо установилъ еще Кантъ, т. е. что опытные стимулы воли всегда эвдемонистичны. Но рѣчь идетъ не объ измѣненіи природы воли, а объ *оцѣнкѣ* ея результатовъ, о томъ, *слѣдуетъ ли оцѣнять цѣль по побужденію или побужденіе по цѣли*. Въ первомъ случаѣ *добро есть то, что приноситъ наслажденіе;* во второмъ случаѣ *добру должно приносить наслажденіе*. Достиженіе этого послѣдняго результата есть задача воспитанія воли.

Высшая мѣра наслажденія (и по времени и по напряженности) именуется *счастіемъ*; поэтому, если оцѣнка дѣйствій производится по субъективному мѣрилу, то высшее благо или верховная цѣль есть *счастіе*. Содержаніе же объективныхъ цѣлей можетъ быть обозначено общимъ наименованіемъ *самосохраненія*, личнаго или чужого, единичнаго или общественнаго; слѣдовательно, съ точки зрѣнія объективныхъ цѣлей высшее благо или верховная цѣль есть *самосохраненіе* того цѣлаго, въ составѣ котораго полагаетъ себя человѣкъ. Съ субъективной точки зрѣнія самосохраненіе есть средство для счастія; съ объективной—счастіе есть средство для самосохраненія. Мы видимъ, что вѣрна вторая точка зрѣнія, такъ какъ лишь она вноситъ должную мѣру въ разнообразныя цѣли человѣческихъ дѣйствій. Стремленіе къ счастію, какъ къ таковому, не гарантируетъ самосохраненія, слѣдовательно, не гарантируетъ и счастія. Стремленіе же къ самосохраненію, приводя въ надлежащую мѣру разнообразныя наслажденія, гарантируетъ ихъ возможную при данныхъ условіяхъ напряжен-

ность и продолжительность, слѣдовательно гарантируетъ и возможную при данныхъ же условіяхъ мѣру счастія. Съ другой стороны, такъ какъ воспитаніе можетъ пріучить человѣка находить свое наслажденіе въ самыхъ разнообразныхъ цѣляхъ, то оно (воспитаніе) можетъ пріучить его находить свое счастіе и въ самосохраненіи того или иного цѣлаго, въ томъ, чтобы быть орудіемъ или органомъ такого самосохраненія.

Слово „самосохраненіе" въ примѣненіи къ извѣстному предмету въ узкомъ своемъ смыслѣ относится собственно къ его *существованію*. Но такъ какъ существованіе есть существованіе *именно этого* предмета, съ извѣстными свойствами, то, самосохраняясь, предметъ сохраняетъ и свои свойства. Однако, данныя свойства предмета суть нѣчто временное и случайное, нерѣдко по самой своей природѣ неспособное къ сохраненію. Поэтому подъ сохраненіемъ свойствъ предмета нужно разумѣть лишь сохраненіе его *основныхъ* свойствъ, слѣдовательно, *если предметъ живъ, основныхъ способностей или силъ его тѣла и души*. Слѣдовательно, самосохраненіе какъ верховная цѣль дѣятельности человѣка, есть *сохраненіе объемлющаго его цѣлаго во всей полнотѣ его способностей или силъ*; и лишь въ этомъ полномъ своемъ смыслѣ оно и должно быть понимаемо.

Всѣ цѣли (употребляя слово „цѣль" въ широкомъ его значеніи) *законны, но лишь въ подчиненіи верховной цѣли самосохраненія, т. е. въ ограниченіи ею*. Такое выраженіе получается для безусловнаго нравственнаго предписанія, когда оно выводится изъ своей отвлеченной отрѣшенности и наполняется опытнымъ содержаніемъ.

Признаніе самосохраненія за верховную цѣль указываетъ, однако, только на общее мѣстопребываніе послѣдней, не внося въ ея понятіе должной опредѣленности. Ибо предметы самосохраненія весьма разнообразны, и самосохраненіе одного можетъ идти въ разрѣзъ съ самосохраненіемъ другого. Поэтому слѣдующій предстоящій намъ къ рѣшенію вопросъ долженъ быть таковъ: *кто или что есть предметъ самосохраненія, какъ верховной цѣли?*

Н. Г. Дебольскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОХАНОВСКАЯ.

(Надежда Степановна Соханская 1823—1884).

I.

Происхожденіе Кохановской. — Ея предки. — Домашняя обстановка Кохановской до ея поступленія въ Харьковскій институтъ.

Сочиненія самой Кохановской даютъ много свѣдѣній какъ о ея предкахъ, такъ и о ея собственной семьѣ, ея раннемъ дѣтствѣ, пребываніи въ институтѣ, жизни дома по окончаніи курса въ институтѣ и началѣ ея литературной дѣятельности. Въ 1861 г. въ Отечественныхъ Запискахъ Краевскаго напечатана была „повѣсть" Кохановской, озаглавленная такъ: „Старина. Семейная память". Въ ней Кохановская на основаніи разсказовъ своей матери и тетушки, двухъ старушекъ за 60 лѣтъ, излагаетъ преданія о старинѣ, о лицахъ дѣдушекъ и бабушекъ. Затѣмъ, уже послѣ ея смерти, въ 1896 г. въ Русскомъ Обозрѣніи А. Александрова появилась „Автобіографія" [1]) Кохановской, написанная ею еще въ 1847—1848 гг. для П. А. Плетнева и первоначально не предназначавшаяся для печати. Въ ней Кохановская разсказываетъ о своей жизни дома до поступленія въ Харьковскій институтъ, о пребываніи въ институтѣ и о той обстановкѣ, въ которой ей пришлось жить въ своей семьѣ до начала ея заочнаго (посредствомъ писемъ) знакомства съ П. А. Плетневымъ.

„Чего не было въ моемъ роду? И татарскаго, польскаго, литовскаго, чисто-русскаго, малороссійскаго, только—ничего нѣмецкаго"—такими словами начинаетъ славянофилка-писательница свою „Старину". „Со стороны моего отца я не имѣю никакихъ преданій", говоритъ она, „кромѣ того единственнаго, что дѣдъ, заднѣпровскій

---

[1]) Вслѣдъ затѣмъ „Автобіографія" была отпечатана отдѣльной книгой и очень быстро распродана.

черниговецъ, женатый на благородной полькѣ изъ хорошей фамиліи... прогулялъ по-казацки триста душъ, бросилъ жену и малолѣтнихъ шестерыхъ дѣтей и бѣжалъ въ Запорожье, гдѣ и пропалъ безъ вѣсти". Среди фамильныхъ бумагъ Кохановской есть документъ, касающійся рода дворянъ Сохансвихъ. Изъ него видно, что родоначальникомъ Сохансвихъ былъ Домьянъ Сохансвій, изъ польскихъ дворянъ; онъ былъ въ Малороссіи священникомъ. Со стороны матери Кохановская ведетъ свой родъ по женскому колѣну отъ князя Константина Острожскаго, осторожно при этомъ прибавляя: „по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ наши фамильныя преданія". Никакими документами эта генеалогія не подтверждается и представляетъ для біографіи Кохановской интересъ лишь въ томъ отношеніи, что объясняетъ происхожденіе ея литературнаго псевдонима: „У знаменитаго князя", говоритъ Кохановская, „былъ любимецъ его, воспитанникъ, „годованецъ-коханецъ", сирота, сынъ кого-то изъ ратныхъ товарищей князя. Росъ онъ и выросъ въ княжеской семьѣ и до того привыкли видѣть въ немъ „коханца" сильнаго князя, что, забывая объ отцовскомъ имени, стали прозывать его *Кохановскимъ*. Затѣмъ преданіе говоритъ неутвердительно: сестра или дочь князя Константина, Марія, полюбила его коханца и, вопреки волѣ сильныхъ родныхъ, вышла за него замужъ". Затѣмъ Кохановскій скоро былъ убитъ на войнѣ, а его молодая вдова принесла своего двухлѣтняго сына къ Кіевскому митрополиту и положила ему дитя на полу его святительской мантіи, этимъ какъ бы духовно вручая своего сына митрополиту, а сама удалилась во Фроловскій женскій монастырь. Ея сынъ былъ воспитанъ при митрополитѣ, посвященъ въ духовное званіе и, какъ положительно утверждаетъ преданіе, впослѣдствіи былъ замковымъ священникомъ въ Великомъ Острогѣ.

Затѣмъ семейныя преданія молчатъ почти о цѣломъ столѣтіи, а потомъ потомки Кохановскаго оказываются уже не въ Острогѣ и Кіевѣ, а въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Лохвицѣ, при чемъ въ памятной вымѣткѣ прадѣда Кохановской значится: „Константинъ Ивановъ сынъ Кохановскій, чиномъ былъ полковый обозный, правилъ должность полковничью; убитъ при сраженіи съ ляхами въ 1649 году". Послѣ него осталась опять-таки жена Марія и двухлѣтній сынъ Климентъ.

„Извѣстно бѣдственное положеніе Малороссіи около этого времени", говоритъ Кохановская. „Годъ ея присоединенія къ Россіи былъ недалекъ, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что всеобщему торжествен-

ному дѣйствію цѣлой страны предшествовали частные примѣры выселеній, были выходцы, искавшіе въ единовѣрческой Руси если не лучшей гражданственности, то бо́льшаго спокойствія и выше всего цѣнимаго блага — свободы своему неопозоренному жидами и уніею чувству православія". И дѣйствительно, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія по исторіи заселенія степной окраины Московскаго государства, движеніе малороссіянъ въ предѣлы Московскаго государства, и ранѣе замѣчавшееся, значительно усиливается съ 1638 г. „Причина этого явленія заключается въ томъ", говоритъ г. Багалѣй [1]), „что положеніе православнаго народа, а въ особенности казачества въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой дѣлается теперь совершенно невыносимымъ: Въ Путивль является теперь иногда сразу нѣсколько десятковъ семействъ. Составъ ихъ самый разнообразный: были здѣсь запорожскіе и днѣпровскіе казаки, и мѣщане, и крестьяне, и священники, но больше было казаковъ... Приходили переселенцы изъ различныхъ городовъ: кажется, впрочемъ, изъ ближайшихъ къ Путивльскому рубежу, по крайней мѣрѣ, въ документѣ встрѣчаемъ указанія на Гадячъ, Варву, Лохвицу, Миргородъ, т.-е. нынѣшнюю Полтавскую губернію". Это южно-русское переселенческое движеніе въ московскія окраины, подготовившее почву для послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ возсоединенія Великой и Малой Россіи, увлекло за собой, въ числѣ прочихъ, и прапращурку Кохановской Марью, во главѣ другихъ отраслей Кохановскаго рода. „Потерявъ въ мужѣ естественнаго сильнаго защитника и покровителя, бывшаго необходимымъ въ тѣ бѣдственныя времена", говоритъ Кохановская, „Марья съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ на другой же годъ послѣ смерти мужа покинула несчастную родину и изъ Лохвицы выселилась на ближайшій рубежъ русской Украйны къ „красному городу" Корочѣ". Что въ это время въ предѣлы Московскаго государства выселялись цѣлыми семьями, объ этомъ прямо говорятъ документы: „Приходили не одни казаки, но мѣщане и пашенные мужики, какъ говоритъ объ этомъ самъ царь въ грамотѣ къ курскому воеводѣ; приходили и священники съ семьями. Вообще, теперь начинаютъ, повидимому, преобладать семейные надъ безсемейными; въ Корочу, напримѣръ, пришло сразу 100 человѣкъ съ женами и дѣтьми" (Багалѣй, ibid., стр. 254). При этомъ переселеніи рода Кохановскихъ изъ Лохвицы

---

[1]) *Д. Багалѣй.* Къ исторіи заселенія степной окраины Моск. гос., *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1886 г., т. 245, стр. 252.

въ Корочу ими была утрачена ихъ прежняя фамилія Кохановскихъ. Случилось это, по словамъ Кохановской, такъ: „Очень естественно и просто, что первый вопросъ, какой задавался стягивающемуся обозу переселенцевъ, когда они приставали къ какому мѣсту, былъ: „отколева Богъ несетъ?“ „Изъ Лохвицы“, отвѣчала наша прапращурка Марья, и мы стали — *Лохвицкими*“. Эта замѣна одной фамиліи другою произошла, конечно, не сразу: у сына Маріи — Климента было семь сыновей, они не мирились съ своимъ прозвищемъ Лохвицкихъ и называли себя Кохановскими-Лохвицкими и Лохвицкими-Кохановскими. Нѣкоторые изъ семи братьевъ переселились на службу въ полковой городъ Острогожскъ, получили тамъ земли, поженились, обрусѣли и стали называться Кохановскими-Острожскими и просто Острожскими. Одинъ изъ внуковъ Климента ходилъ съ своею казацкою сотнею въ прусскій походъ при Елизаветѣ Петровнѣ и началъ оттого называться *Прусъ* (съ этимъ прозвищемъ или фамиліей мы еще встрѣтимся въ литературныхъ произведеніяхъ Кохановской), а сынъ уже былъ Прусенко, съ рѣдкимъ прибавленіемъ *Лохвицкій*. Мать Кохановской называлась уже просто Лохвицкая, безъ прибавленія Кохановская.

Итакъ около 1650 года родъ Кохановскихъ переселился въ сторожевой городъ Корочу, незадолго до того (въ 1638 г.) построенный царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ [1]) въ числѣ многихъ другихъ городовъ съ цѣлью оградить южную окраину Московскаго государства отъ набѣговъ татаръ со стороны Крыма. Постоянные набѣги отдѣльныхъ отрядовъ татаръ причиняли громадный вредъ жителямъ порубежныхъ русскихъ областей, и безъ того еще не оправившимся отъ бѣдствій смутной эпохи. Благодаря постройкѣ новыхъ городовъ эти области вздохнули свободнѣе. Татары нѣсколько разъ приходили подъ новопостроенные города, но должны были ни съ чѣмъ вернуться назадъ. Край становился все болѣе и болѣе мирнымъ, терялъ постепенно свой военный характеръ и превращался въ страну земледѣльческую. Когда въ средѣ малороссійскихъ выходцевъ, переселявшихся на русскую окраину, преобладающимъ элементомъ, въ замѣнъ прежнихъ искателей приключеній, стали „семьянистые“ и городовые казаки, занимавшіеся дома земледѣліемъ, ихъ стали селить въ русскихъ украинныхъ городахъ и надѣлять землей и всяческими угодьями.

---

[1]) *Д. И. Багалѣй*. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Моск. государства. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Р., 1886, т. 2, стр. 52—53.

Правительство русское главное вниманіе обращало на то, чтобы переселенцы обзаводились дворами и пашенной землей [1]), т.-е. получали такое же устройство, какъ и русскіе служилые люди. Естественно, что и Кохановскіе-Лохвицкіе обзавелись на новомъ мѣстѣ поселенія землей и хозяйствомъ; семейныя преданія прямо говорятъ о томъ, что когда Петръ Великій, послѣ Полтавской битвы, осматривалъ и объѣзжалъ порубежные города и Слободскую Украйну, ему бросилось въ глаза, что выходецъ Лохвицкій господствовалъ надъ цѣлымъ краемъ: скупилъ у казаковъ земли и по обоимъ берегамъ рѣки Корочи выстроилъ 27 водяныхъ мельницъ. Петръ оставилъ Клименту 4 мельницы по его выбору, а остальныя 23 мельницы купилъ въ казну, давъ по тому времени очень хорошую цѣну — 3000 руб.; но на эти деньги велѣлъ выстроить въ Корочѣ каменную церковь взамѣнъ незадолго передъ тѣмъ сгорѣвшей деревянной — съ тѣмъ, чтобы, построивъ церковь, Климентъ ѣхалъ въ Москву и поставился тамъ прямо протопопомъ. Все такъ и сдѣлалось, и въ 65 лѣтъ Климентъ надѣлъ протопопскую камилавку; послѣ его смерти протопопское мѣсто въ соборѣ занялъ его младшій сынъ Лазарь, у котораго была дочь Анна и два сына—Иванъ и Ефимъ; послѣдній—прямой предокъ Кохановской—за свой умъ получилъ оригинальное прозвище: „до біса розумный".

Какъ сыновья Климента, такъ и оба сына Лазаря воспитывались въ Кіевской академіи, центрѣ тогдашней южно-русской образованности. Ефимъ Лазаревичъ, кромѣ польскаго и латинскаго языковъ, по какому-то случаю зналъ еще нѣмецкій языкъ, какъ показываютъ оставшіяся послѣ него книги. И вообще, повидимому, въ родѣ Лохвицкихъ всегда было тяготѣніе къ наукѣ и книгамъ. Ни одинъ изъ сыновей Лазаря не наслѣдовалъ отцу въ духовномъ званіи, оба были казацкими сотниками [2]), и Ефимъ Лазаревичъ былъ именно сотникомъ черкасской корочанской сотни, „отъ самоуправной воли котораго", по словамъ Кохановской, „зависѣли свобода, честь, имущество—только что не жизнь, а все благосостояніе подвѣдомственнаго казацкаго населенія" [3]). Жилъ онъ въ

---

[1]) Ibid., 161.

[2]) Въ спискѣ дворянъ Острогожской провинціи 1767 г., который мы находимъ у Д. Багалѣя въ его Матеріалахъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, упоминаются подъ рубрикой: *въ Короче*—сотники Иванъ Федоровъ сынъ Лофицкой, Ефимъ Лазаревъ сынъ Лофицкой 7 кр., Иванъ Лазаревъ сынъ Лофицкой—20 кр. (т. I, стр. 340).

[3]) Такъ какъ населеніе Корочи состояло преимущественно изъ казаковъ, какъ

12 верстахъ отъ Корочи въ основанномъ имъ хуторѣ Хвощеватомъ [1]), откуда наѣзжалъ въ городъ, при чемъ „самый поѣздъ и пріѣздъ его съ хутора въ городъ былъ торжественнымъ явленіемъ его сотницкой чести и власти". Но времена перемѣнились: 28-го іюля 1765 г. императрицей Екатериной изданъ былъ указъ „Объ учрежденіи въ Слободскихъ полкахъ приличнаго гражданскаго устройства, и о мѣстопребываніи Канцелярій губернской и провинціальной", и Ефимъ Лазаревичъ изъ всемощнаго сотника черкасской Корочанской сотни былъ переименованъ въ чинъ провинціальнаго секретаря—и начались безконечныя столкновенія по вопросу о земельной собственности между простыми казаками и ихъ бывшими начальниками. „Прежде казацкій сотникъ говорилъ: „мое"! не только тому, что онъ обниметъ, а что глазомъ окинетъ, а теперь и простые казаки, освободившись изъ-подъ ига сотницкой власти, начали говорить: се все наше! памятуя, что земли жалованы казачеству за службу". Земельныя владѣнія Ефима Лазаревича сильно сократились, такъ что старшій сынъ его Григорій Ефимовичъ (дѣдъ Кохановской), получившій послѣ смерти отца († въ дек. 1783 г.) на свою долю хуторъ Хвощеватый, владѣлъ, повидимому, небольшимъ числомъ десятинъ земли; по крайней мѣрѣ, дѣтямъ его — тремъ дочерямъ и сыну—осталось послѣ него всего

вообще въ порубежныхъ городкахъ, то, по образцу Запорожской Сѣчи, главнымъ лицомъ тамъ былъ сотникъ. Это была ближайшая къ народу власть, къ защитѣ которой народу приходилось постоянно обращаться. Первоначально сотники, какъ и высшія казацкія власти,—полковники и гетманы—выбирались народомъ, который особенно дорожилъ своимъ правомъ выбирать именно сотниковъ, какъ ближайшую къ нему власть. Но Петръ Великій, послѣ измѣны Мазепы заподозривъ весь край въ враждебныхъ отношеніяхъ къ правительству, съузилъ у народа право свободнаго выбора должностныхъ лицъ; сотники, не чувствуя себя зависимыми отъ выборщиковъ, начали на первомъ планѣ ставить свои личные интересы, стали „пановать", позволяя себѣ всевозможныя насилія и злоупотребленія по отношенію къ ввѣренному имъ населенію. При послѣднемъ гетманѣ Малороссіи—Разумовскомъ—сотничья власть получила еще бо́льшую силу. (Разумовскій сталъ гетманомъ въ 1750 г.). Именно въ это время и былъ Ефимъ Лазаревъ сотникомъ въ Корочѣ, сотенномъ городѣ Острогожскаго полка. См. *А. Лазаревскій*, Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII в. III. Сотники. Русскій Архивъ, 1873 г., мартъ.

[1]) Въ Матеріалахъ для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Д. Багалѣя мы находимъ Вѣдомости о провинціяхъ и комисарствахъ Слободско-Украинской губ. и состоящихъ въ нихъ мѣстечкахъ, селахъ, деревняхъ и находящихся въ оныхъ жителяхъ мужского и женскаго пола съ подраздѣленіемъ ихъ на сословія 1773 г.; въ нихъ, подъ рубрикой—Изюмская провинція, упоминается въ числѣ хуторовъ за р. Сосною хуторъ Хвощеватый на южномъ берегу рѣки Ближней Полубьянки (стр. 382).

175 десятинъ, какъ говоритъ Кохановская. Григорій Ефимовичъ былъ уже человѣкъ Екатерининскаго времени, воспитанный въ Москвѣ, въ домѣ князей Трубецкихъ, подъ надзоромъ французскихъ гувернеровъ. (Огромныя имѣнія кн. Трубецкихъ находились въ Корочанскомъ уѣздѣ, отсюда близость Ефима Лазаревича съ ихъ семьей). Изъ него вышелъ gentil'homme, petit maitre, щеголь, красавецъ своего времени; „поддаваясь новымъ впечатлѣніямъ и увлеченіямъ, мѣняя безпрестанно роды службы, онъ не совсѣмъ оправдывалъ ожиданія отца, который писалъ къ нему: „прокаженный твой умъ". Доставшійся ему на долю хуторъ Хвощеватый онъ переименовалъ въ „Веселое". Здѣсь родилась мать Кохановской—Варвара Григорьевна Лохвицкая, здѣсь же родилась и сама Надежда Степановна Соханская (Кохановская)—17-го февраля 1823 г. [1]).

Отецъ ея Степанъ Павловичъ Соханскій былъ малороссіяниннъ, изъ черниговскихъ дворянъ, служилъ сначала по гражданской части („въ какой-то палатѣ въ Харьковѣ", какъ говоритъ Кохановская), затѣмъ сталъ военнымъ („вступилъ въ Глуховской кирасирскій полкъ"), при чемъ въ 12-мъ году и во всѣхъ войнахъ за-границей былъ казначеемъ. Состоянія у него не было никакого, и на службѣ онъ не нажился („сотни тысячъ прошли черезъ его руки, но, благодаря Бога, не зацѣпились въ нихъ"). Во время продолжительныхъ отлучекъ мужа мать Кохановской жила въ Веселомъ съ больной, медленно умиравшей матерью, двумя незамужними сестрами и своими дѣтьми (ихъ было у нея четверо). Отецъ Кохановской скончался 21-го мая 1826 г., вскорѣ послѣ него умеръ его младшій сынъ, такъ что на рукахъ его вдовы осталось трое дѣтей: два сына—Петръ и Павелъ и младшая дочь. Хлопоты вдовы о пенсіи не увѣнчались успѣхомъ, такъ что, какъ говоритъ Кохановская, „все наше настоящее и будущее осталось прикованнымъ къ Веселому—къ ста семидесяти пяти десятинамъ земли, у которыхъ былъ мужской наслѣдникъ, кромѣ еще двухъ

---

[1]) Эта дата находится въ ея метрическомъ свидѣтельствѣ, по словамъ Ст. Ив. Пономарева. Въ большинствѣ некрологовъ, появившихся въ печати послѣ смерти Кохановской, годомъ ея рожденія называется 1825 г., но есть свидѣтельство самой Кохановской о томъ, что она родилась именно въ 1823 г.: въ письмѣ къ своей пріятельницѣ М. В. Вальховской (Русск. Архивъ, 1900 г., январь, стр. 136) отъ 5-го марта 1883 г. Кохановская, благодаря М. В. Вальховскую, отъ которой она недавно вернулась, за гостепріимство, пишетъ ей между прочимъ: „Не нахожу словъ, чтобы высказать вамъ то трогательное, умиленное чувство души, съ какимъ я приняла всѣ ваши извѣстія, описанія, любовь и поздравленія, по случаю моего *60-лѣтняго дня 17 февраля*".

сестеръ дѣвушекъ". Этотъ мужской наслѣдникъ—женатый братъ Варвары Григорьевны—былъ занятъ въ Кіевѣ огромнымъ денежнымъ процессомъ, въ которомъ онъ былъ въ половинѣ, и потому не могъ самъ вести дѣла Лохвицкихъ съ казенными поселянами о нѣсколькихъ тысячахъ десятинъ земли, жалованной еще царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ прадѣдамъ Лохвицкихъ. Онъ далъ Варварѣ Григорьевнѣ полную довѣренность на управленіе имѣніемъ и на всѣ хлопоты по дѣламъ, и она „принялась хлопотать, таскаться по судамъ, со всѣмъ самоотверженіемъ матери, видящей въ этомъ кусокъ хлѣба для своихъ дѣтей".

Все раннее дѣтство Кохановской, вплоть до ея поступленія въ Харьковскій институтъ въ 1834 г., протекло на этомъ хуторѣ Веселомъ: „Мы долго не знали, кто наша настоящая мать. Маменька въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по дѣламъ, а тетеньки, кажется, спорили одна передъ другою, кому лучше замѣнить ее". Дѣти росли на глазахъ у старшихъ, вдали отъ прислуги и крестьянскихъ дѣтей. Кохановская рано научилась читать, глядя, какъ учился ея братъ, почти на три года ея старше, и рано пристрастилась къ чтенію, а книгъ у нихъ въ домѣ было много—отъ дѣда и отца Кохановской. Насколько образованы были мать и тетки Кохановской, мы не знаемъ; вѣроятно, все образованіе ихъ ограничивалось умѣньемъ читать и писать; по крайней мѣрѣ, Кохановская прямо говоритъ, что у нея и ея братьевъ не было никакого руководителя въ занятіяхъ: „намъ только задавали уроки и спрашивали, твердо ли мы ихъ пролепечемъ на память", но все-таки Кохановская съ ранняго дѣтства слышала отъ матери и тетокъ, „что безъ ученья нельзя жить, что только тотъ и благородный человѣкъ, кто добрый да много знаетъ, что дѣвочкѣ непремѣнно должно учиться, чтобъ быть умненькою, а не крестьянскою дурой". И дѣти привыкли какъ-то благоговѣйно смотрѣть на книги и полюбили ученье: „Припавъ на колѣнахъ къ стулу, мы съ братомъ въ праздникъ,—въ воскресенье, когда всѣ, послѣ обѣда, улягутся спать, вмѣсто игры и шалостей, дѣлывали задачи", т. е. просто выписывали по порядку всѣ задачи со всѣми точечками и черточками, доходя при этомъ до кубическихъ корней, но оба отъ всего сердца вѣрили, что они учатся и дѣлаютъ задачи. Такъ проходило раннее дѣтство Кохановской, которая была очень больнымъ ребенкомъ („горячки рѣшительно искали моей смерти"): быть можетъ, именно эта болѣзненность и способствовала ея раннему умственному развитію, ея страсти къ ученію и чтенію и даже къ сочинительству: „не умру, пока не

напишу комедію", говорила она въ дѣтствѣ, еще до поступленія въ институтъ. Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ подростала дѣвочка, мать и тетки все больше и больше должны были задумываться надъ тѣмъ, какимъ способомъ дать ей образованіе. Въ тѣ времена способъ могъ быть только одинъ: помѣстить дѣвочку въ институтъ. Но въ институтъ нужно было платить, а у вдовы Сохaнской были болѣе чѣмъ скромныя средства и, кромѣ дочери, два сына на рукахъ. И вотъ начались хлопоты о принятіи дочери въ Харьковскій институтъ на казенный счетъ: „Это такая долгая, тяжелая цѣпь исканій, убійственныхъ отказовъ и потомъ опять надеждъ, и слезъ, слезъ"... Дѣло осложнялось тѣмъ, что матеріальное положеніе вдовы Сохaнской въ это время значительно ухудшилось: хотя ей и удалось выиграть порученный ей братомъ процессъ съ казенными поселянами, но братъ почему-то остался недоволенъ ея дѣйствіями (такъ передаетъ дѣло сама Кохановская), повелъ процессъ снова, проигралъ его и поссорился съ сестрами; вдова Сохaнская осталась съ 15 десятинами земли и съ однимъ работникомъ. Энергичная женщина, привыкшая со смерти мужа дѣйствовать самостоятельно, завѣдывать имѣніемъ и вести процессъ, завязывая и поддерживая всевозможныя дѣловыя отношенія, не потерялась: она и ея сестры, которыя не захотѣли разстаться съ ней и ея семьей, продали свои частицы и вообще все, что можно было продать, и собрали сообща до 7.000 р. Около этого же времени вдова получила радостную вѣсть, что дочь ея принята въ Харьковскій институтъ на суммы военнаго поселенія—и вотъ въ мартѣ 1834 г. она повезла дѣвочку въ институтъ, съ тѣмъ чтобы кстати пріискать себѣ и сестрамъ имѣньице въ Малороссіи. Здѣсь кончается первый періодъ жизни Кохановской.

II.

Институтскіе годы.—Первые поэтическіе опыты.

Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ былъ основанъ въ 1812 г., когда не только въ Харьковѣ, но и въ сосѣднихъ съ нимъ губерніяхъ не было ни одного общественнаго учебнаго заведенія для дѣвочекъ [1]). Матеріально необезпеченный, онъ влачилъ жалкое существованіе до 1818 г.: „по недостатку суммъ надобно было думать не только о томъ, гдѣ и какъ помѣстить институтъ, но и о томъ,

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1840 г., № 26. Прибавленіе. *Лихачева*, Матеріалы для исторіи женскаго обр. въ Россіи, II, 79 и далѣе.

чѣмъ завтра отопить его и на какія суммы продолжать содержаніе воспитанницъ". Но въ 1818 г. императрица Марія приняла институтъ подъ свое покровительство, и съ этихъ поръ судьба его была упрочена: сама императрица назначила институту по 3.000 р. въ годъ „навсегда", извѣстный благотворитель Демидовъ пожертвовалъ институту 20.000 р. единовременно и по 2.000 р. ежегодно; вслѣдъ за нимъ явились и другіе жертвователи. Первоначально программа Харьковскаго института, составленная открывшимъ институтъ обществомъ благотворенія, существенно отличалась во многомъ отъ программъ и правилъ, принятыхъ во всѣхъ существовавшихъ тогда институтахъ: напримѣръ, иностранные языки, игравшіе первенствующую роль въ женскомъ образованіи при императрицѣ Маріи, первоначально не входили въ программу Харьковскаго института [1]). Но съ теченіемъ времени она приблизилась къ программѣ, общей для всѣхъ институтовъ. Собственно говоря, въ то время никакой программы для поступленія въ институтъ не было, какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ авторы воспоминаній объ институтской жизни [2]). Поступавшихъ въ институтъ дѣвочекъ слегка экзаменовали, при чемъ главное вниманіе обращалось на иностранные языки, особенно на французскій, и на манеры. Не мудрено, что при такого рода требованіяхъ Кохановская попала въ первѣйшій или приготовительный классъ: не смотря на всю свою начитанность [3]), она вѣдь не умѣла читать ни по-французски, ни по-

[1]) Въ своей Автобіографіи Кохановская такъ говоритъ о пріобрѣтенныхъ дома, до поступленія въ институтъ знаніяхъ: „Я знала наизусть тысячи стиховъ: и оду Богъ, Вельможу, Видѣніе Мирзы, Фелицу; цѣлыя строфы изъ Онѣгина, Людмилу Жуковскаго. Читала и Цыганъ Пушкина и его Братьевъ разбойниковъ, Душеньку, Абидосская Невѣста выучила меня читать всякое письмо, будь оно написано по-іероглифски. Я знала на память почти всего Дмитріева; князь Долгорукій былъ мнѣ свой человѣкъ... Я читала: Россіаду, Владиміріаду, Бѣдную Лизу, Вѣстникъ Евр., Русскую исторію Глинки; Потерянный рай; Тысячу и одна ночь, начинала еще какое-то Тысяча и одно дурачество, да у меня отняли; читала Ивана и Петра Выжигиныхъ, какихъ-то Селима и Дамасину, Рославлева, Лѣсъ или Сенъ-Клерское аббатство, Монастырь Св. Колумба или Рыцарь краснаго оружія, Аминту или Дѣти аббатства — не перечтешь всего".

[2]) *Лихачева*, ibid., 85.

[3]) „Воспоминанія институтской жизни". Русск. В. 1861, т. 35, стр. 265. „Очерки институтской жизни былого времени" (Изъ воспоминаній старой институтки). А. Бѣльской. Заря 1870 г., августъ, 113. Съ 1830 г. началось сокращеніе курса въ разныхъ институтахъ, и мало-по-малу учебный курсъ всѣхъ институтовъ приравнивался къ тому, который былъ установленъ въ просмотрѣнномъ и собственноручно исправленномъ имп. Николаемъ Положеніи 1827 г., данномъ Патріотическому институту.

нѣмецки, а что касается манеръ, то какія могли быть манеры у дѣвочки, выросшей въ глухой деревнѣ, безъ гувернантокъ, въ обществѣ двухъ мальчиковъ—братьевъ?

Институтъ на всѣхъ поступавшихъ въ него дѣвочекъ производилъ подавляющее впечатлѣніе, что было безспорно одной изъ его темныхъ сторонъ: „Слабыя натуры съ трудомъ и даже съ нѣкоторымъ рискомъ переносили тотъ внутренній переворотъ, какой совершался неизбѣжно въ натурѣ каждаго ребенка, когда онъ внезапно очутится бывало лицомъ къ лицу съ чуждымъ ему, да вдобавокъ еще такимъ суровымъ бытомъ. Многія платились болѣзнью за переживаемое потрясеніе“ [1]). Нужно помнить, что то было время до-реформенное въ исторіи институтскаго образованія, когда отдать дѣвочку въ институтъ значило лѣтъ на 6—7, иногда даже на 9 совершенно вырвать изъ семьи, перемѣстить въ совершенно новую и чуждую обстановку, оторвать отъ всего, съ чѣмъ дѣвочка сжилась съ тѣхъ поръ, какъ начала себя помнить: институтки того времени за 6—7 лѣтъ своего пребыванія въ институтѣ иногда буквально ни разу не выѣзжали за ворота института, совершенно забывали обстановку жизни своей семьи, дѣлались совершенно чужды ей—и это въ тѣ годы, когда слагается характеръ человѣка, когда изъ неразумнаго ребенка онъ постепенно превращается въ взрослаго человѣка. Нелегко перенесла Кохановская этотъ переходъ отъ домашней обстановки къ институтской; вотъ какими мрачными чертами рисуетъ она вліяніе его на складъ ея характера въ письмѣ, написанномъ много лѣтъ послѣ окончанія ею курса въ институтѣ: „Вы помните, какой бѣдной, загнанной дѣвочкой росла я въ институтѣ? Богъ съ ними—тѣ дѣтскія слезы и нерадости прошли, да слѣды ихъ остались. О, какъ осторожно должны мы поступать съ ребенкомъ! Бѣдное дитя, что приняло оно въ свои юныя впечатлѣнія, оно приняло его на всю жизнь. Меня загнали, запугали, едва десятилѣтнюю [2]) дѣвочку уединили въ самое себя. Какъ не оже-

---

Въ него входили: законъ Божій, грамматическое познаніе языковъ россійскаго, французскаго и нѣмецкаго, чистописаніе, словесность, географія и исторія всеобщая, древняя и новая, ариеметика.—*Лихачева*, 1828—1856, стр. 88—90.

[1]) Заря, 114.

[2]) Какъ мы уже сказали, Кохановская родилась 17-го февраля 1823 г., слѣдовательно, при поступленіи въ институтъ (въ мартѣ 1834 г.) ей уже минуло 11 лѣтъ. Между тѣмъ, по какому-то странному недоразумѣнію, Кохановская въ институтскую пору уменьшаетъ свои годы на два года: „Моя институтская жизнь рѣзко дѣлится на двѣ половины. Господу угодно было съ *девяти* лѣтъ начать учить меня терпѣнію,

сточили мнѣ моего дѣтскаго бѣднаго сердца, про то Богъ знаетъ,— это чудо Его. Но во мнѣ убили всякую свѣтлую безпечность молодого чувства, убили живой, порывающійся, этотъ прекрасный голосъ расцвѣтающихъ силъ, ищущій сообщаться, высказывать дѣтскимъ беззаботнымъ лепетомъ ясную дѣтскую душу... Что можетъ быть грустнѣе этого? Меня сдѣлали не по лѣтамъ серьезною, робѣющею, недовѣрчивой къ самой себѣ" [1]).

Нужно сказать, что въ институтахъ того времени, какъ говорятъ въ своихъ воспоминаніяхъ старыя институтки [2]), большимъ зломъ былъ фаворитизмъ: начальство отличало нѣкоторыхъ изъ воспитанницъ передъ другими, баловало ихъ. Въ Харьковскомъ институтѣ, судя по свидѣтельству Кохановской, система фаворитизма была очень развита, что, конечно, сильно ожесточало дѣтей: „...что еще увеличивало страхъ (передъ начальствомъ), это жесткость, иногда даже громогласная грубость рѣчей и несправедливость, тяжелая неправда. Въ каждомъ классѣ у начальницы, слѣдовательно, и у Александры и т. д. [Александра— инспектриса института, сестра начальницы] была фаланга любимицъ: это—дочери богатыхъ родителей. Онѣ однѣ были de bonnes enfants; ихъ только и знали, ими занимались; о нихъ только и хотѣли слышать, и ласки къ нимъ какъ будто требовали, чтобы съ другими обходились еще суровѣе, еще безпривѣтнѣе. Ковры и шали дѣлали свое дѣло: покрывали и застилали все, и награду могъ получить всякій, развѣ кромѣ достойнаго: она покупалась; золотой вензель, разумѣется, подороже, а медаль серебряная по-дешевле" [3]). Начальницей Харьковскаго института была въ то время полковница Авдотья Григорьевна Литинская; она считалась любимицей императрицы Маріи Θеодоровны, „была уже очень давно здѣсь и будто, по завѣщанію покойной императрицы, должна была и оставаться тутъ до самой смерти... Инспектрисой была сестра ея Александра,—женщина, въ сущности, даже очень добрая, чрезвычайно набожная, но какъ-то безалаберная и безхарактерная въ высшей степени... Бѣдная женщина, говорили, немножко тронулась по смерти мужа—и точно, у нея бывали престранныя выходки, такіе отвѣты и рѣчи, которыя снискали ей имя *сума-*

слезамъ, безмолвной борьбѣ и высокой надеждѣ на Него одного, на одну Его милость и заступленіе".

[1]) Русск. Архивъ, 1885 г., 4. (Письмо Кохановской къ А. В. Плетневой отъ 3-го ноября 1851 г.).

[2]) Заря, 1870 г., стр. 146, августъ; *А. Бѣльская*, Очерки инст. жизни.

[3]) Авт., 23.

сиедшей... Главной учительницей и распорядительницей музыки была другая, *глухая* сестра начальницы *Катра*; была еще третья Софья, да та уже ничему не учила, а, такъ себѣ, жила просто въ институтѣ". Кромѣ этого родственнаго ареопага, былъ инспекторъ института—извѣстный малороссійскій поэтъ и профессоръ Харьковскаго института Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій [1]), но онъ, по словамъ Кохановской, мало вмѣшивался въ дѣла института, такъ что всѣмъ завѣдывала начальница съ сестрами—и какую обстановку создавали онѣ для дѣвочекъ! „Вы ничего себѣ не можете представить грустнѣе, безжизненнѣе и строже порядка, въ который вступили мы. Не знаю, о какомъ развитіи можно было думать: здѣсь все сжималось и дрожало, какъ подъ 40-градуснымъ морозомъ. Начальница была для насъ какимъ-то грознымъ, невидимымъ, недосягаемымъ божествомъ... она лечилась и молилась" [2]). Она „раздавала милостыню, собирала нищихъ, чуть ли не знала наизусть всѣ святыя книги, давала на церкви, на монастыри, посылала въ Іерусалимъ", а въ это время институтки голодали, „потому что нѣтъ силъ ѣсть черствый, прогорклый хлѣбъ и углемъ почернѣвшую говядину. Она, быть можетъ, одѣваетъ и обуваетъ однихъ,—и, не вслѣдствіе ли этого, другія ходятъ всѣ въ заплатахъ, въ такой гадкой обуви, что стыдно вспомнить? Имъ надобно учиться, а у нихъ нѣтъ книгъ: почти на 40 душъ—семь изорванныхъ географій и не болѣе пяти ариѳметикъ. Нужна бумага для тетрадей—дадутъ одинъ листъ, а остальное, гдѣ хочешь, бери, а чтобъ тетрадь была! Ея нѣтъ, потому что родные за 300, за 400 верстъ, купить не на что,—и ты наказана за безпорядокъ, за непослушаніе, нерадѣніе,—за дерзость: какъ смѣть ослушаться велѣній начальницы, а она приказала, чтобъ были тетради" [3])!

Черезъ четыре мѣсяца послѣ поступленія Кохановской въ институтъ ея отдѣленіе перешло въ 1-й классъ, гдѣ инспектриса посадила Кохановскую на самую послѣднюю скамейку, предназначенную для совершенно бездарныхъ или необыкновенно лѣнивыхъ ученицъ: съ ними учителя почти не занимались и изъ учебниковъ на эту скамью

[1]) Повидимому, онъ былъ хорошо знакомъ съ институтскимъ преподаваніемъ: извѣстно, по крайней мѣрѣ, что, послѣ того какъ онъ устроилъ учебную часть въ Харьк. институтѣ, онъ, по приказанію имп. Александры Ѳеодоровны, приглашенъ былъ для устройства учебной части въ Полтавскомъ институтѣ.—*Лихачева*, 1796—1828, стр. 218.

[2]) Авт., 22.

[3]) Авт., 23.

„бросали, что останется,—безъ начала и безъ конца—только бы мы не смѣли сказать, что намъ не дали книгъ". Но къ счастью Кохановской учителемъ русской грамматики былъ Мих. Ив. Ильенко. Онъ занимался со всѣми, не забывалъ никого: также шутилъ и тонко подсмѣивался надъ хранительницами передовыхъ скамей, какъ и заднихъ: кто знаетъ, говорилъ онъ, гдѣ таится избранный?—Онъ скоро замѣтилъ Кохановскую и сталъ ея ревностнымъ покровителемъ. Она всегда съ восторгомъ вспоминала его уроки: „Съ Мих. Ив. Ильенко мы прошли весь курсъ Русскаго слова, начиная отъ первой строки Гречевой грамматики до Исторіи Русской литературы", пишетъ она въ своей Автобіографіи [1]), т. е. 7—8 лѣтъ послѣ окончанія курса, „не легко найти еще такого человѣка, съ свѣтлымъ, весело улыбающимся юморомъ, съ доброю сообщительной душой и съ такимъ твердымъ, благороднымъ характеромъ—такъ всѣми любимаго, такого прекраснаго въ своихъ поступкахъ! Мы, шутя, называли его „поэтъ въ душѣ", и онъ оправдывалъ это названіе своею страстью, юношескою страстью къ поэзіи. Можете судить: полный властелинъ своей судьбы, имѣя въ рукахъ до 60 тысячъ наличными деньгами, онъ лучше ничего не нашелъ для себя, какъ стать учителемъ Русскаго слова. Не правда ли? Надобно слишкомъ много возвышенности души и прекраснаго чувства, чтобы такъ понимать счастіе, находить его въ спряженіи глаголовъ—въ соприкосновеніи своей души съ легонькими, часто неблагодарными молоденькими умами? Но Мих. Ив. служилъ своему труду съ чистымъ высокимъ безкорыстіемъ: всегда съ жаромъ, съ сердечнымъ увлеченіемъ".

Слѣдуетъ признать необыкновенно счастливымъ для Кохановской то обстоятельство, что, при тогдашней бѣдности на хорошихъ учителей, у нея оказался такой необыкновенно хорошій наставникъ и руководитель именно въ той области, которая съ дѣтства ее наиболѣе интересовала. Теперь, подъ руководствомъ Мих. Ив. Ильенко, ея страсть къ поэзіи получила, по ея словамъ, „болѣе разумное значеніе": „Мих. Ив. читалъ превосходно: прозу и стихи—что ни дайте ему! Самъ полный кипучей дѣятельности, онъ властительно вдыхалъ ее въ другихъ. Во время его класса, какъ-то невольно, ты весь становился слухъ, вниманіе; глаза такъ и стояли на сторожѣ; у него ничто не пропадало: ни слово, ни взглядъ, ни одно движеніе; все имѣло значеніе, свою мысль.—И я могу смѣло сказать, что у Михаила Ивановича не было другой слушательницы

[1]) Стр. 40—41.

болѣе понимающей, болѣе пламенной къ дѣлу его ученія. Я бы не промѣняла его класса ни на какой балъ!" [1]) Повидимому, Мих. Ив. Ильенко былъ по достоинству любимъ и уважаемъ воспитанницами института, и самъ, въ свою очередь, былъ доволенъ плодами своихъ трудовъ: Кохановская приводитъ выписку изъ его письма къ ея классу на другой день послѣ окончательнаго экзамена передъ выпускомъ: „Добрыя! благодарю васъ отъ чистаго сердца: надежды мои вы вполнѣ оправдали. Я теперь въ положеніи трудолюбиваго сѣятеля, любующагося на богатую, колосистую ниву—трудъ его благословенъ... Грустно мнѣ было вчера; Пушкинъ мнѣ объяснилъ причину грусти: Мигъ вождслѣнный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.... Да, мнѣ грустно—я стою, какъ подѣнщикъ ненужный" [2]).

Вспоминая съ такимъ восторгомъ объ урокахъ своего любимаго преподавателя, Кохановская нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о томъ, чтобы такіе не-шаблонные, увлекательные уроки возбуждали неудовольствіе классныхъ дамъ или вообще институтскаго начальства; это тѣмъ болѣе удивительно, что, съ одной стороны, вслѣдствіе крайняго ханжества начальницы Харьковскаго института и ея сестеръ, всякаго рода стихи считались чѣмъ-то богопротивнымъ (во всемъ институтѣ даже Крылова не было!), и даже классныя дамы не смѣли читать другой книги, какъ писанной по-славянски [3]), а съ другой, въ институтахъ въ то время вообще не поощряли преподавателей, которые пытались передать своимъ ученицамъ болѣе знаній, чѣмъ сколько заключалось въ оффиціальномъ учебникѣ: извѣстно, напримѣръ, что когда А. В. Никитенко, приглашенный преподавать русскую словесность въ старшемъ классѣ Екатерининскаго, а потомъ и Смольнаго института, увлекся мыслью „вселить хоть одну изъ своихъ идей въ сердца матерей будущаго поколѣнія и, содѣйствуя ихъ образованію, содѣйствовать успѣхамъ русскаго общества", то скоро долженъ былъ выслушать отъ инспектора института „длинное наставленіе о томъ, что его лекціи въ институтѣ должны быть сколь возможно кратче; что, читая ихъ, не должно слишкомъ вдаваться въ теоретическія изслѣдованія и блистать высотою или новизною идей; что съ дѣвицами надо, сколь возможно, избѣгать учености" [4]). Иногда же, если кому-нибудь изъ учителей удавалось заинтересовать ученицъ своими уроками, это вело къ крупнымъ

[1]) Авт., 41.
[2]) Ibid.
[3]) Авт., 33—34.
[4]) Дневникъ Никитенко, 1830—32 г. г.

непріятностямъ какъ для учителя, такъ и для институтокъ [1]). Ничего подобнаго не было съ Ильенко: когда, уже послѣ окончанія Кохановской курса въ институтѣ, онъ рѣшилъ оставить преподаваніе, онъ выбралъ себѣ преемника изъ числа только что окончившихъ курсъ студентовъ, привезъ въ институтъ и представилъ ученицамъ: „онъ удалился въ отставку съ великою честью, оплакиваемый навзрыдъ всѣмъ институтомъ; дѣвицы носили по немъ трауръ—черныя ленточки на шеяхъ, и теперь его явленіе въ институтѣ есть день торжества съ обѣихъ сторонъ. Къ нему бѣгутъ, его зовутъ; начальница вводитъ Мих. Ив. въ третій классъ и проситъ: „побудьте съ ними! поговорите!" Мих. Ив., вмѣсто дамы, ведетъ дѣвицъ за столъ, гуляетъ съ ними, читаетъ „Бурю" Шекспира"... [2]).

П. А. Плетневъ, по предложенію котораго и была написана Кохановской Автобіографія, писалъ кн. П. А. Вяземскому о Кохановской 30-го ноября 1861 г.: „На развитіе природныхъ ея способностей самое большое дѣйствіе произвели въ институтѣ уроки Русской словесности. До сихъ поръ она вспоминаетъ о нихъ съ восхищеніемъ. Надобно предположить, что преподаватель ихъ (Ильенко), хоть и не принадлежитъ къ разряду писателей нашихъ, проникнутъ былъ чувствомъ всего прекраснаго и умѣлъ сообщать его слушательницамъ" [3]). И сама Кохановская, которая вообще мало поддавалась чьему бы то ни было вліянію и въ теченіе всей своей жизни чрезвычайно ревниво охраняла свою полную самостоятельность и независимость въ литературѣ, все же признавала за Ильенко нѣкоторую долю вліянія на развитіе своего литературнаго таланта: вотъ что писала она И. С. Аксакову въ 1862 г., черезъ годъ послѣ смерти Ильенко [4]): „Если былъ человѣкъ, который бы могъ имѣть вліяніе на мое литературное развитіе, то мой институтскій учитель Русской литературы, человѣкъ съ глубоко развитымъ эстетическимъ вкусомъ, прямой, стойкій, какъ черниговскій хохолъ, насмѣшливый, благородный и краснорѣчивый".

Итакъ М. И. Ильенко скоро сдѣлался ревностнымъ покровителемъ Кохановской, поговорилъ о ней съ инспекторомъ Гулакъ-Артемовскимъ, съ учителями—ее стали спрашивать въ классѣ, вообще заниматься съ нею. Повидимому, у нея были хорошія способности и много при-

---

[1]) *М. Дол-ева*, Институтки. Эпоха, 1864, октябрь, стр. 8—10.

[2]) Авт., 175.

[3]) Соч. Плетнева, т. III, стр. 490—492. Собственно, это—приложеніе къ письму Плетнева къ кн. Вяземскому,..

[4]) Русское Обозрѣніе, май 1897 г.

лежанія: „Богъ далъ мнѣ прекрасныя способности, прекрасную память, понятіе, отнялъ лѣность", говоритъ она о себѣ [1]); кромѣ того, по русскимъ предметамъ она была хорошо подготовлена дома, такъ что они ее не затрудняли; сначала ей трудно было учиться франц. и нѣм. языкамъ, но и съ ними она, повидимому, скоро справилась; по крайней мѣрѣ, уже въ первомъ классѣ она, по настоятельному требованію француза учителя m-r Olivari (а франц. учителя пользовались особымъ покровительствомъ инспектрисы), была посажена на первую скамейку, т. е. къ самымъ лучшимъ ученицамъ. Но это обстоятельство не только не улучшило положенія Кохановской въ институтѣ, а, напротивъ, вызвало со стороны институтскаго начальства цѣлый рядъ несправедливыхъ гоненій по отношенію къ ней. Дѣло въ томъ, что если въ Харьковскомъ институтѣ было въ то время вообще много фаворитокъ начальницы, то ихъ особенно много было въ классѣ Кохановской, такъ что для нихъ не хватало мѣста на первыхъ скамейкахъ. Начальница, которая вообще очень рѣдко появлялась въ классахъ („въ мѣсяцъ разъ, иногда и того менѣе, въ концѣ двѣнадцатаго часа, она пройдетъ по корридору мимо классовъ"), увидѣла однажды, что одна изъ ея любимицъ сидитъ не на первой, а на второй скамейкѣ („parmi de si mauvais sujets"), произвела разслѣдованіе, возмутилась, что мѣсто на первой скамейкѣ занято Кохановской, и съ язвительной насмѣшкой надъ ея манерами прогнала ее оттуда, замѣтивъ при этомъ классной дамѣ, объяснявшей присутствіе Кохановской на первой скамейкѣ требованіемъ m-eur Olivari и другихъ учителей: „C'est moi, M-lle, qui dois régler et pas votre Olivari".

Съ этой поры, говоритъ Кохановская, у меня не было ни минуты отдыха. Я ходила—не такъ хожу, сидѣла—не такъ сижу; я ничего не дѣлала, за что бы меня не нужно было бранить... Наконецъ, я боялась ходить, боялась говорить, боялась тронуться съ мѣста и все только сидѣла за книгой. Моей дѣтской душѣ было такъ грустно, что игры не занимали ее" (28). Естественно, что слѣдствіемъ такого прилежанія при хорошихъ способностяхъ были большіе успѣхи въ ученьи. Кохановская обгоняла любимицъ начальницы и этимъ вызывала негодованіе ея: „у меня не было двухъ дней сряду, въ которые бы я не плакала" (29). Собственно притѣсненія и гоненія шли со стороны инспектрисы и особенно начальницы, передъ которой Кохановская испытывала необыкновенный страхъ: „Если бы мнѣ надобно было выбирать

---

[1]) Авт., 27.

изъ двухъ дорогъ: на одной я встрѣчу Авдотью Григорьевну (т. е. начальницу), а на другой стоитъ медвѣдь на заднихъ лапахъ—я бы перекрестилась и пошла на медвѣдя" (29). Инспекторъ института всегда хорошо относился къ Кохановской, классныя дамы также, но первый, какъ мы сказали, мало вмѣшивался въ дѣла института, а послѣднія чѣмъ могли помочь? И вотъ, въ этой тяжелой обстановкѣ Кохановская нашла себѣ и помощь, и утѣшеніе въ молитвѣ; здѣсь сложился на всю жизнь ея характеръ, въ которомъ преобладающими чертами были, съ одной стороны, глубокая религіозность, съ другой, необычайная увѣренность въ своихъ силахъ: если ей удалось изъ бѣдной загнанной дѣвочки, некрасивой, небогатой, не знавшей языковъ (которые тогда, да отчасти и теперь еще такъ много значатъ въ институтской программѣ), не имѣвшей вліятельныхъ родныхъ, превратиться въ воспитанницу, которой гордился институтъ, которую называли l'honneur de notre institut, оставивъ далеко позади себя любимицъ начальства, то этимъ она, конечно, была обязана исключительно своимъ способностямъ и усидчивости. Эта первая одержанная ею побѣда навсегда вселила въ нее вѣру, быть можетъ, иногда даже чрезмѣрную—въ свои силы, въ свою какъ бы непогрѣшимость. Эта черта ея характера рѣзко проявляется въ теченіе всей ея литературной дѣятельности.

Что касается ея крайней религіозности, то развитію ея могла способствовать вся окружавшая Кохановскую институтская обстановка, въ высшей степени своеобразная: уже выше было упомянуто, что начальница была очень набожна; по словамъ Кохановской, она „ежедневно до полуночи молилась и читала акаѳистъ; дежурная пепиньерка то-и-дѣло читала ей духовныя книги; ея любимая классная дама Троицкая жила по-монашески: маливалась за полночь Богу, спала на голой доскѣ, и во все время ея туалета кто-нибудь ей долженъ былъ читать изъ Четьи-Минеи житія святыхъ на тотъ день" (32). Утренняя молитва институтокъ продолжалась вѣрныхъ три четверти часа, вечерняя никогда не оканчивалась въ часъ. „Мы были блѣдны отъ покаянныхъ стояній!" пишетъ Кохановская въ своей Автобіографіи, „....мы клали по двѣсти, по триста поклоновъ въ вечеръ, и не въ счетъ еще тѣ, что неровно положатся. Разорванъ чулокъ—становись на каѳизмы! Не знаешь урока—вмѣсто того, чтобы его доучить—читай канонъ и съ неизбѣжными поклонами кайся!" (24). Проводя такимъ образомъ обязательно по нѣсколько часовъ въ день за молитвой, Кохановская относилась къ молитвѣ не формально, а влагала въ нее всю душу: она ребенкомъ уже привыкла молиться

такъ, какъ молятся люди въ годину тяжкихъ бѣдствій, подъ бременемъ суровыхъ испытаній: она „съ нетерпѣніемъ ожидала субботы, когда мы пойдемъ ко всенощной. Кончится вечерня; начнутъ читаться псалмы на утрени; дѣвицы не поютъ; такъ тихо; дьячка едва слышно; Спаситель съ мѣстной иконы, благословляя, смотритъ на меня....я начну молиться. Молюсь о начальницѣ, объ Александрѣ: я любила молиться о нихъ. Каменное сердце таетъ-таетъ; слезъ у меня такъ много; я становлюсь на колѣна.... Больше я ничего не помню. Звучный шопотъ надъ самымъ ухомъ: levez-vous, ne vous tenez pas longtemps à genoux, словно будитъ меня. Я подымаюсь—на сердцѣ у меня такъ легко, такъ весело, что я снова плачу, а Спаситель, кажется, улыбается мнѣ“ (29).

Такъ жилось Кохановской въ первомъ и во второмъ классахъ. (Тогда институтъ имѣлъ три класса, изъ которыхъ въ каждомъ нужно было пробыть два года). „По-прежному мое мѣсто было на самой послѣдней лавкѣ и я никогда не дежурила“. (Дежурили всегда лучшія ученицы класса). Но вотъ осенью 1837 г., т.-е. во второй годъ пребыванія Кохановской во 2-мъ классѣ, въ институтѣ разнеслась вѣсть, что Государыня въ сопровожденіи наслѣдника и его воспитателя Жуковскаго посѣтитъ Харьковъ и будетъ въ институтѣ. Начались спѣшныя приготовленія, Кохановскую посадили на первую скамейку, такъ какъ думали, что Государыня захочетъ проэкзаменовать воспитанницъ. Государыня дѣйствительно посѣтила институтъ, при чемъ, очевидно, осталась не вполнѣ довольна имъ. Что именно возбудило ея неудовольствіе или ей не понравилось или, вѣрнѣе сказать, что̀ она могла подмѣтить изъ темныхъ сторонъ институтскаго быта при бѣгломъ осмотрѣ института, неизвѣстно, но ея посѣщеніе повлекло за собой важныя перемѣны въ судьбѣ института. Собственно Кохановская говоритъ объ этомъ очень кратко: „По отъѣздѣ Государыни прибыла къ намъ, говорили, отъ самого Вилламова [1]) дама—M-lle Альмъ, и скоро начали пошептывать, что будто бы Авдотью Григорьевну смѣняютъ“ (39). Сначала въ институтѣ этому не вѣрили, но пришлось повѣрить: Государыня посѣтила институтъ въ октябрѣ 1837 г., а послѣ Пасхи 1838 г. начальница уже уѣхала изъ института; настало междуцарствіе, пока, наконецъ, не пріѣхала изъ Петербурга новая начальница съ цѣлымъ штатомъ дамъ изъ Патріотическаго института, ученицъ Плетнева. „Бывшая начальница Харь-

[1]) Статсъ-секретарь при императрицѣ Гр. Ив. Вилламовъ (1773—1832).

ковскаго института благородныхъ дѣвицъ", читаемъ мы въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1838 г. [1]), „полковница Литинская отъ сей должности Высочайше уволена, а на мѣсто ея, по Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, данному Совѣту института за собственноручнымъ Ея Величества подписаніемъ, опредѣлена начальницею г-жа генералъ-маіорша Александра Петровна Денъ, которая прошлаго іюня 11 числа и вступила въ отправленіе должности".

Въ это время Кохановская перешла въ третій классъ, въ которомъ и пробыла два года до іюля 1840 г. Она не говоритъ подробно о томъ, какого рода перемѣны произошли въ институтскомъ быту съ появленіемъ новой начальницы и новыхъ классныхъ дамъ, но несомнѣнно, что многое существенно измѣнилось въ институтѣ. Интересно, что и въ Харьковскомъ обществѣ, повидимому, существовало убѣжденіе, что при прежней начальницѣ не все въ институтѣ шло хорошо, и что отставка прежней начальницы и назначеніе новой не было дѣломъ случайнымъ. Такъ мы читаемъ въ краткомъ историческомъ очеркѣ Харьковскаго института, помѣщенномъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1840 г. [2]): императрица лично обозрѣла Харьковскій институтъ въ 1837 г. и „вскорѣ послѣ того она избрала по сердцу своему въ начальницы всего института генералъ-маіоршу Александру Петровну Денъ, которая въ іюнѣ мѣсяцѣ 1838 г. и вступила въ управленіе институтомъ. Мы не будемъ исчислять ту пользу, какую принесла она для сего заведенія... Довольно указать только то, что когда г-жа Денъ вступила въ управленіе институтомъ, въ немъ было 96 воспитанницъ, а теперь, съ протеченіемъ съ того времени не болѣе двухъ лѣтъ, число воспитанницъ возрасло уже до 152. Вотъ ясное доказательство превосходнаго ея управленія при содѣйствіи ей въ немъ избранныхъ ею же, съ отличнымъ образованіемъ классныхъ дамъ. Мы видимъ теперь съ истиннымъ восторгомъ, что настоящее положеніе Харьковскаго института вполнѣ соотвѣтствуетъ той великой цѣли, для которой онъ назначенъ".

Положеніе самой Кохановской въ институтѣ рѣзко измѣнилось еще въ послѣднее время пребыванія въ институтѣ прежней начальницы. Чѣмъ была вызвана эта перемѣна, Кохановская не объясняетъ, даже прямо говоритъ: „Можно подумать, что я лгу — такъ все это

---

[1]) Харьк. Вѣд., 1838 г., 9 іюля.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд., 1840 г. Прибавленіе, № 26. Статья озаглавлена: Объ испытаніи воспитанницъ Харьковскаго института и подписана: Велиховъ.

сдѣлалось быстро, неожиданно, безъ всякой видимой причины" (38). Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ 1837 г., во время лихорадочныхъ приготовленій къ пріѣзду императрицы, Кохановская простудилась: „вставая пораньше выучивать уроки, я обыкновенно садилась на окно, чтобы пользоваться первымъ мерцаньемъ разсвѣта — и простудилась. У меня сдѣлалась лихорадка. Сначала я сама скрывала, боясь идти въ больницу; потомъ уже скрывать было невозможно: лихорадка ужасная. Я думала, что меня сейчасъ же отошлютъ; но имъ не хотѣлось пустить меня въ больницу. Александра издала милостивое повелѣніе, что это ничего, что я могу быть въ пелеринкѣ, когда почувствую лихорадку, а послѣ шести часовъ, какъ уйдутъ учители, можно и полежать въ дортуарѣ. Я была до смерти рада этому рѣшенію. Напряженное страстное желаніе видѣть еще разъ нашу Царицу, Марію Николаевну и, ахъ! видѣть наслѣдника съ Жуковскимъ брало верхъ надъ возрастающею болѣзнью; но, въ самый день счастья, я едва не лишилась всего. Со мной сдѣлался ужасный, продолжительный обморокъ, но дѣти кое-какъ помогли мнѣ, и я таки поборола себя! Оправилась — и заняла мѣсто на лавкѣ. Мой пароксизмъ лихорадки замѣнился радостно-лихорадочнымъ трясеніемъ ожиданія, и я имѣла еще силу танцовать на другой день. Но когда Государыня простилась съ нами, послала послѣдній прощальный поцѣлуй рукой и сказала: Adieu, mes enfants, souvenez-vous de moi! я больше уже ничего не видала и не слыхала. Со мной сдѣлался бредъ, вмѣсто лихорадки—уже горячка". Такъ Кохановской и не пришлось видѣть Жуковскаго: онъ съ наслѣдникомъ былъ въ институтѣ, когда Кохановскую уже отправили въ больницу, откуда она вышла лишь много времени спустя послѣ новаго года: такъ затянулась ея болѣзнь. „Я перенесла горячку, еще лихорадку, потомъ опять горячку и еще таки маленькую лихорадочку; меня совсѣмъ уже приготовили къ смерти: пріобщили два раза"... (35—36). Во время этой болѣзни Кохановской инспектриса сдѣлалась къ ней очень милостива, навѣщала ее раза два и благословила образомъ святителя Митрофанія на выздоровленіе, а когда Кохановская вышла изъ больницы, и начальница вдругъ стала къ ней необыкновенно благосклонна: сама посадила Кохановскую на первую скамейку, безпрестанно назначала на дежурство, отличала первую въ поведеніи, однимъ словомъ, „будто хотѣла вознаградить мнѣ все прошлое", какъ говоритъ Кохановская. Но это уже была „жаркая, мгновенная вспышка лампады передъ тѣмъ, какъ ей потухнуть": начальница начала изливать свои милости

на Кохановскую на первой недѣлѣ поста, во время говѣнія институтокъ, а послѣ Пасхи сама уже покинула институтъ.

Болѣзнь, которую перенесла Кохановская, очевидно, сильно потрясла организмъ ея, и далеко не сразу Кохановская отъ нея оправилась вполнѣ. „Послѣ всѣхъ моихъ горячекъ и лихорадокъ со мной сдѣлалось что-то странное“, разсказываетъ она: „я кажусь совсѣмъ здорова; ничего у меня не болитъ, голова свѣжая; но силъ — никакихъ: я не могу ступить двухъ разъ; ничего не ѣмъ, не пью — ни росинки не беру въ ротъ, питаюсь воздухомъ. Скука ужасная; ну, какъ? ни здоровъ, ни боленъ? а тутъ еще безпрестанно заливаютъ лекарствами; вотъ уже когда я думала, что умру!“ (36—37). Въ это время Кохановской минуло 15 лѣтъ (въ февралѣ 1838 г.), т.-е. наступилъ возрастъ рѣшительный, когда дѣвочки перестаютъ постепенно быть дѣтьми и начинаютъ дѣлаться взрослыми, когда молодой умъ начинаетъ пытливо всматриваться въ окружающее, стремится сознательно отнестись къ происходящему вокругъ, задумывается надъ многимъ, мимо чего до сихъ поръ проходилъ, не размышляя. Быть можетъ, болѣзнь Кохановской, ослабивъ ея организмъ, въ то же время была какъ бы переломомъ въ исторіи ея умственнаго развитія: по крайней мѣрѣ, съ этого времени она впервые начала „сочинять“.

Выше мы уже сказали, до какой степени преслѣдовалось въ институтѣ чтеніе свѣтскихъ книгъ. Но, несмотря на всю строгость институтской цензуры, съ переходомъ институтокъ во 2-й классъ [1]) стихи начали появляться къ нимъ со всѣхъ сторонъ. „Напрасно ихъ преслѣдовали, писали за нихъ по нулю въ поведеніи, надѣвали шапки,— таинственныя тетрадки со стихами росли-росли; стали появляться и

[1]) Этотъ переходъ изъ младшаго класса въ средній былъ въ институтахъ вообще важнымъ событіемъ для воспитанницъ: дѣти перерождались въ большихъ дѣвицъ. „Вчерашняя дѣвочка надѣваетъ длинное платье, причесываетъ волосы въ косу и объявляетъ не безъ удовольствія родственникамъ при свиданіи въ залѣ, что она теперь уже большая дѣвица, потому что перешла въ средній классъ. Прежнія дѣтскія игры... изгоняются совершенно и навсегда. На первыхъ порахъ игры замѣняются чтеніемъ... Гдѣ-нибудь въ завѣтномъ уголкѣ, подальше отъ дамы, или ночью подъ лампой съ замираніемъ сердца прочитываются „Капитанская дочка“, „Монастырка“, „Юрій Милославскій“ и на ряду съ этимъ—„Два брата“ Зотова, „Таинственный монахъ“ и т. д. Все, что только ни попадется подъ руку, проглатывается съ жадностью. Евгеній Онѣгинъ и многія поэмы Пушкина и позже Лермонтова — выучиваются многими наизусть отъ доски до доски“. Но, во-первыхъ, книгъ въ руки институтокъ попадало мало, а во-вторыхъ, чтеніе строго преслѣдовалось классными дамами.—*М. Дол—ева*, Институтки. Эпоха, 1864 г. октябрь, стр. 26—27.

книги. Я читывала, лежа подъ кроватью; писала стихи, припавъ однимъ колѣномъ на полъ, а другое *превративъ въ аналой*... Но эта страсть не связывалась никакимъ воспоминаньемъ, никакою мыслью, что это продолженіе, она была какъ совершенно новая во мнѣ". Сначала Кохановской хотѣлось только читать, читать, а самой писать ей и въ голову не приходило. Но тутъ вдругъ какимъ-то образомъ ей попалась въ руки Библіотека для Чтенія, а въ ней повѣсть Рахманнаго „Женщина-Писательница" [1]), въ которой самымъ нагляднымъ образомъ доказывалась мысль, что „женщина-писательница есть состояніе противоестественное и порокъ" (стр. 112). Правда, редакція Библіотеки для Чтенія сочла нужнымъ указать въ примѣчаніи къ этой повѣсти, „что она умываетъ руки отъ образа мыслей молодого и остроумнаго автора повѣсти на счетъ дамъ, посвящающихъ себя словесности, особенно у насъ въ Россіи, гдѣ только дамы могутъ подать пишущему классу примѣръ легкости и тонкаго вкуса". Кохановская, прочтя эту повѣсть, болѣе недѣли ходила, повѣся голову: „Итакъ, женщинѣ нельзя писать! говорила я сама себѣ, и, не знаю отъ чего, такъ мнѣ было грустно". Но все-таки, „вѣроятно, вслѣдствіе того, что писать женщинѣ нельзя, я стала пописывать стишонки" (34). Приготовленія къ посѣщенію института императрицей, а затѣмъ болѣзнь Кохановской прервали стихотворныя попытки. Но вотъ въ періодъ ея выздоровленія ей удалось выпросить у М-г Люби, учителя ариѳметики и, въ то же время, казначея института, старика „славнаго, преславнаго", Библіотеку для Чтенія. „Тамъ была восхитительная, обворожительная, просто—очарованіе повѣсть (одно ужъ имя!) — „Тейфельсбергъ". Я почти выучила ее на память. По возвращеніи въ институтъ [т. е. изъ больницы], за первое было объявлено *объ этомъ чудномъ* Тейфельсбергѣ! Меня обступили со всѣхъ сторонъ: „Разскажи! Какъ хочешь, а разскажи! Вѣдь тебѣ Богъ послалъ, и ты должна подѣлиться съ нами!" Въ классѣ это исполнить было нельзя; мы просидѣли цѣлую ночь. Но мнѣ эта ночь отозвалась чѣмъ-то особеннымъ. Кружокъ насъ на полу возлѣ свѣчи; мой жаркій шепотъ, безмолвіе слушателей; вдругъ чей-нибудь слабый крикъ во снѣ — и опять тишина! Слухъ и душа какъ-то удивительно чутки; а тутъ — Италія, Венеція, темно-синее небо, на которомъ, говорятъ, звѣзды такъ ярки, вдвое больше нашихъ..." (37).

Кохановская вошла во вкусъ разсказыванья и, пересказавъ содержа-

---

[1]) Эта повѣсть подписана „Рахманный" (Библ. для Чтенія, 1837 г., т. XXIII, стр. 17—134). Кохановская почему-то называетъ ее повѣстью Веревкина (Авт., 31).

ніе повѣсти, принялась на слѣдующую ночь передавать содержаніе нѣкоторыхъ книгъ, читанныхъ ею дома, еще до поступленія въ институтъ. Но въ памяти сохранились только отрывочныя происшествія, нужно было ихъ связывать — и вотъ Кохановская начала фантазировать. „Откуда въ мою голову набралось столько разныхъ разностей—Богъ вѣсть! Происшествія являлись, цѣплялись, располагались сами собою; я едва успѣвала разсказывать и совершенно не помнила, какъ только высказала“ (37). Эти импровизаціи произносились по ночамъ: Кохановская и ея слушательницы рѣшили двѣ ночи говорить, а третью спать. При этомъ, если Кохановская пыталась заранѣе приготовить свой разсказъ, у нея ничего не выходило: „если я какъ-нибудь прежде, загодя хотѣла подготовить свои небылицы — кончено! Я ничего не могла сдѣлать. Въ головѣ было пусто и гладко, все какъ рукой снято и, если мнѣ и удавалось выжать что-нибудь, то куда это было хуже недуманнаго!“ (38). Наступленіе первой недѣли великаго поста, когда институтки говѣли, прекратило эти ночныя бдѣнія. Затѣмъ послѣдовала перемѣна въ отношеніи начальницы къ Кохановской, отъѣздъ начальницы изъ института и междуцарствіе до пріѣзда новой начальницы.

Во время этого междуцарствія главнымъ лицомъ въ институтѣ была вышеупомянутая, пріѣхавшая изъ Петербурга М-lle Альмъ. Она любила поклоны и угожденія, чѣмъ воспользовались многія изъ институтокъ. Кохановская принадлежала къ числу тѣхъ, которыя не захотѣли подлаживаться къ М-lle Альмъ, за что послѣдняя даже пыталась поссорить ее со всѣмъ классомъ, но это ей не удалось. Это время Кохановская называетъ въ своей Автобіографіи лучшимъ временемъ своей жизни: „самостоятельность, полное сознанье силъ, борьба, поддерживающая жаркую умственную дѣятельность—самое жизненное время!“ (40). Пріѣздъ новой начальницы съ штатомъ классныхъ дамъ изъ Патріотическаго института положилъ конецъ этой борьбѣ; Альмъ скоро покинула институтъ, Кохановская перешла въ третій классъ. Теперь она стала l'honneur de notre institut. Ея новая классная дама, ученица Плетнева по Патріотическому институту, говорила, „что она никому не завидуетъ, не хочетъ быть ни на чьемъ мѣстѣ, но на моемъ желала бы: что я буду прекрасно счастлива“ (49). Кохановская съ увлеченіемъ занималась русской словесностью подъ руководствомъ Ильенки: „И, повѣрите ли?—какая я была счастливица! Теперь у меня въ ящикѣ всегда была книга. Пользуясь многими исключительными преимуществами, я даже получала книги отъ нашихъ новыхъ дамъ. Но, болѣе всего, онѣ являлись ко мнѣ невѣдомо откуда. Кто бы

и какъ бы ни пріобрѣлъ книгу, она необходимо поступала въ мое первоначальное вѣдѣніе и это было совершенно добровольное приношеніе, безъ всякаго усилія съ моей стороны" [1]) (41). Но читать приходилось всегда кое-какъ, не углубляясь въ читаемое: „я почти только что читала", такъ какъ необходимо было, читая за уроками, одновременно съ чтеніемъ слушать, какъ объясняетъ урокъ учитель, и посматривать на классную даму, какъ бы она не отняла книги" (41—42). Книги попадались Кохановской самыя разнообразныя. „И что же я читала? Гамлета, Фауста и Ринальдо Ринальдини; Драматическія фантазіи г. Кукольника и Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ; затѣмъ Тараса Бульбу, Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ и Большой Выходъ Сатаны; Исторію ужасовъ Грознаго, Исторію Устрялова и Повѣсти Марлинскаго, Мечты и жизнь Полевого; Аббадону, Ледяной домъ и Нѣмецкія фантастическія сказки для дѣтей отъ 10 до 13 лѣтъ". Насколько мало впечатлѣній оставляло это чтеніе, видно, между прочимъ, изъ того, что, прочтя Фауста, Кохановская запомнила изъ него только 4 имени: Фаустъ, Гете, Мефистофель и Маргарита—и ничего болѣе. Увлекаясь чтеніемъ, Кохановская въ то же время продолжала свои, по ея выраженію, „таинственныя попытки", т. е. писала стихи, и такъ какъ при новомъ институтскомъ режимѣ это не нужно было скрывать, какъ смертный грѣхъ, то за Кохановской скоро утвердилось прозвище философа и поэта.

Наступилъ выпускъ. Въ Харьк. Губ. Вѣд. за 1840 г. мы находимъ подробный отчетъ „Объ испытаніи воспитанницъ Харьковскаго института" 27-го, 28-го и 29-го іюня. Самый выпускъ состоялся 1-го іюля, при чемъ первый золотой шифръ получила Кохановская;

[1]) Интересно замѣтить при этомъ, что, такъ подробно описывая въ Автобіографіи свои институтскіе годы, Кохановская ни однимъ словомъ не упоминаетъ въ ней о своихъ подругахъ, о своей дружбѣ или близости съ кѣмъ-нибудь изъ одноклассницъ. Позднѣе въ большомъ автобіографическомъ письмѣ къ А. В. Плетневой (отъ 3-го ноября 1851 г.) Кохановская прямо говоритъ: „У меня съ дѣтства не было друга. Въ нашемъ институтѣ, какъ-то вопреки всѣмъ непремѣннымъ правиламъ, не въ ходу была эта мечтательная дружба молоденькихъ дѣвочекъ, какъ извѣстно, начинающаяся съ конфектъ и подсказыванья уроковъ. Мы даже смѣялись надъ нею, и слово другъ не значилось въ ходячемъ нашемъ лексиконѣ. Мы дѣлились на маленькія общества, по пяти и болѣе, и это называлось „быть хорошо и очень хорошо съ такою-то и такою-то". У меня было такое общество, и я могу съ милымъ, немного горделивымъ воспоминаньемъ сказать, что въ немъ было все, что было лучшаго, что́ своимъ характеромъ или живымъ, молоденькимъ умомъ выходило изъ общаго уровня. Ce sont des beaux esprits! съ насмѣшливой досадой называла насъ дама".

кромѣ того въ этотъ торжественный день хоромъ институтокъ были исполнены прощальные стихи, сочиненные Кохановской. Эти стихи слѣдуетъ признать первымъ появившимся въ печати произведеніемъ Кохановской [1]):

Подруги милыя, бьетъ часъ
Разлуки грустной, тяжкой, вѣчной.....
Мы собрались въ послѣдній разъ
Сказать *прости* въ тоскѣ сердечной.
Оставимъ мы нашъ мирный кровъ,
Гдѣ дѣтство сладкимъ сномъ умчалось,
Гдѣ щитъ намъ — царская любовь,
Гдѣ жизнь намъ счастьемъ улыбалась!
Оставимъ игры дѣтскихъ лѣтъ.....
И что взамѣнъ за дни веселій
Пошлетъ невѣдомый намъ свѣтъ
Предметъ надеждъ и опасеній?
Быстры дѣтства были дни,
Дни безпечнаго веселья!
Скорбь иль радости одни
Ждутъ насъ въ жизни новоселья?
Кто прочтетъ судьбы законъ?
Кто грядущее узнаетъ?
Какъ намъ плыть средь бурныхъ волнъ?
Гдѣ насъ пристань ожидаетъ?
Безвѣстной мы пойдемъ стезей....
Но бросимъ мрачное сомнѣнье,
Съ надеждой твердой и мольбой
Себя ввѣряя Провидѣнью.
И, въ благодарность прежнимъ днямъ,
Прострем съ молитвой къ небу руки,
Возвысимъ гласъ нашъ къ небесамъ,
Забудемъ горести разлуки.
Творецъ небесъ, мольбамъ внемли!
Всемощной силою десницы
Храни пріютъ, гдѣ мы взросли,
Подъ кроткой сѣнію Царицы.
Храни Царя, Царицу Мать,
Ихъ счастьемъ, славой озаряя!
Мы жъ будемъ ввѣкъ благословлять
Дни Александры, Николая!

Какъ видимъ, стихи эти ничѣмъ не выдѣляются изъ ряда обыкновенныхъ стихотворныхъ ученическихъ упражненій. Повидимому, и

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1840 г. Прибавленіе. № 26, суббота, іюля 6-го дня.

сама Кохановская скоро пришла къ убѣжденію, что природа не надѣлила ее поэтическимъ дарованіемъ. По крайней мѣрѣ, по окончаніи ею курса въ институтѣ она не писала больше стиховъ, насколько можно судить по описи бумагъ, оставшихся послѣ нея.

За шесть лѣтъ пребыванія въ институтѣ Кохановская совершенно забыла свою домашнюю обстановку. Въ своей Автобіографіи она ни слова не говоритъ о томъ, навѣщали ли ее за эти шесть лѣтъ ея родные, такъ что трудно даже сказать, были ли ей теперь, послѣ такого долгаго промежутка, знакомы лица ея тетокъ, братьевъ, даже матери. „Только долго спустя, когда уже я воротилась домой, и то при самыхъ живыхъ напоминаніяхъ, мое дѣтство встало передо мною въ однихъ главныхъ, общихъ чертахъ“ (33). Тогда ей припомнилась и ея родина—хуторокъ Веселый: „Большой садъ спустился къ логу, большія березы; по ту сторону, въ Вилкахъ, дубовая роща; стоитъ старая липа, и на ней улей, а еще выше воронье гнѣздо... Кладочка черезъ ручей; склепъ дѣдушки заросъ малиной....“ (13). Но это припомнилось уже позже, а теперь, передъ выпускомъ, она ничего не помнила: „Только такъ, иногда, въ глубокой дали, мнѣ представлялась маленькая комнатка: простой бѣлый столъ, на немъ наша Библія, и вишня въ отворенное окно осыпаетъ ее своими цвѣтами“ (43). Душа была полна неопредѣленныхъ думъ о счастіи и несчастіи, умиленной грусти и смутныхъ ожиданій. Около этого времени Кохановской случайно попалась въ руки какая-то христоматія, въ которой она прочла стихотвореніе Плетнева; въ немъ были строчки, врѣзавшіяся ей въ память:

„ ...... Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я, подъ бурей грозныхъ дней [1]),
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій“.

„Я исписала ими всѣ обертки тетрадей, чертила стѣны — плакала надъ ними...... Я была до того глупа, что мнѣ думалось слышать въ нихъ голосъ собственной участи“ (42). „Мнѣ все казалось, что я буду или очень счастлива, или очень несчастлива“.

На другой день послѣ выпуска, т. е. 2-го іюля 1840 г., Кохановская выѣхала изъ Харькова съ пріѣхавшими за ней матерью и братомъ въ имѣніе матери Макаровку, Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

[1]) Соч. и переписка П. А. Плетнева, т. III, стр. 279 („Къ А. С. Пушкину“).

III.

Первые годы жизни Кохановской дома, по окончаніи курса въ институтѣ.

Выше было сказано, что мать Кохановской, отвозя дочь въ мартѣ 1834 г. въ Харьковскій институтъ, имѣла въ виду пріискать себѣ и своимъ сестрамъ имѣньице въ Малороссіи: разойдясь съ братомъ и его семьей, она естественно не хотѣла больше оставаться въ Курской губерніи. Совершенно естественно также, что она направила поиски именно въ Малороссію: съ одной стороны, въ родѣ Лохвицкихъ живы были фамильныя преданія о предкахъ, переселившихся въ „Россію" съ юга, и потому всегда было нѣкоторое тяготѣніе къ югу, съ другой—земли Слободской Украйны, занимаемыя Харьковской губерніей и отчасти смежными уѣздами Курской и Воронежской губерній, были въ то время мало населены, такъ что тамъ скорѣе можно было расчитывать купить недорого землю.

Земли Слободской Украйны въ началѣ XVII в. были покрыты непроходимыми лѣсами, болотами, а кое-гдѣ столь же непроходимой степной травой и роскошными лугами; эти земли были плодоносны, но пустынны, не имѣли постоянныхъ жителей. Въ былое стародавнее время онѣ были обитаемы, но къ XVII в. уцѣлѣли одни слѣды прежней жизни. Главнымъ мѣстомъ жительства татаръ былъ въ то время Крымъ, откуда постоянно можно было ожидать набѣговъ, сопровождавшихся грабежами и пожарами. Естественно, что украинскія земли, лежавшія на пути изъ Крыма въ Великую Русь, долго оставались пустыней. Заселяться онѣ стали изъ Руси Малой въ исходѣ первой половины XVII в., когда малороссіяне, тѣснимые уніею и польскимъ шляхетствомъ, начали постоянно переселяться сюда, обѣщая Московскимъ государямъ вѣрную службу и испрашивая покровительства. Всѣ города и селенія основывались по теченію рѣкъ, при чемъ первые выходцы приходили, конечно, сначала въ западную половину нынѣшней Харьковской губерніи, но постепенно передвигались далѣе къ востоку, въ степи, гдѣ меньше нужно было опасаться татарскихъ набѣговъ. Эта постоянная опасность требовала, чтобы заселеніе производилось не отдѣльными маленькими поселками, а большими слободами (отсюда и названіе *Слободской* Украйны) и чтобы жители постоянно были готовы къ оборонѣ и войнѣ. И дѣйствительно, все въ Слободской Украйнѣ носило военный характеръ, такъ что она вполнѣ могла считаться военно-устроенной страной.

Первое переселеніе изъ Малой Руси или Гетманщины въ Слободскую

Украйну было при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, около 1640—1645 гг. Большая часть этихъ переселенцевъ была изъ-за Днѣпра, изъ Черкасскаго острова (островъ этотъ образуется Днѣпромъ, притокомъ его Тясминомъ и болотомъ Ирдынь, лежащимъ недалеко отъ города Черкасъ): поэтому переселенцы назывались черкасами и передали свое названіе всѣмъ последующимъ переселенцамъ, (большую часть которыхъ составляли казаки), такъ что долгое время всѣ коренные жители Слободской Украйны были извѣстны подъ общимъ именемъ черкасъ-слобожанъ. Они раздѣлялись сначала на три Слободскихъ Черкасскихъ полка: Сумской, Ахтырскій и Харьковскій; потомъ Харьковскій полкъ раздѣлился на два полка: Харьковскій и Изюмскій и, наконецъ, еще позднѣе къ нимъ прибавленъ былъ пятый полкъ—Острогожскій. Въ началѣ каждый полкъ раздѣлялся на пять сотенъ, но послѣ эта правильность исчезла. Подъ сотнею подразумѣвалось не число—100 казаковъ, а какъ бы уѣздъ, управляемый сотникомъ, между тѣмъ какъ всякій полкъ находился подъ управленіемъ полковника. Такимъ сотникомъ Черкасской Корочанской сотни былъ предокъ Кохановской Ефимъ Лазаревичъ въ Корочѣ, сотенномъ городѣ полкового города Острогожска. Такое устройство Слободскихъ полковъ основано было на старыхъ обычаяхъ Поднѣпровья, откуда приходили переселенцы, и во всемъ носило на себѣ отпечатокъ вольнаго казачества. Но время шло, измѣнялось политическое положеніе Россіи и отношенія ся къ крымскому ханству, измѣнялась и Слободская Украйна; при Петрѣ Великомъ она перестала быть Украйной, окружилась со всѣхъ сторонъ русскими областями. Татары ослабѣли, рѣже стали нападать на нее. Военное назначеніе Украйны постепенно утрачивалось, и Слободско-Украинскій бытъ не велъ уже ни къ чему, кромѣ безпорядковъ. И вотъ 18-го января 1765 г. императрицей Екатериной данъ былъ указъ объ учрежденіи Слободско-Украинской губерніи съ губернскимъ городомъ Харьковомъ. Другіе четыре полковыхъ города, т. е. Ахтырка, Сумы, Изюмъ и Острогожскъ—превращены въ провинціальные (уѣздные) города, при чемъ Острогожскъ отошелъ вскорѣ къ Воронежской губерніи. Только въ 1836 г. Слободско-Украинская губернія переименована въ Харьковскую. При Петрѣ было положено начало русскимъ поселеніямъ въ Украйнѣ: дворянскіе роды пріобрѣтали или получали здѣсь отъ государя земли и переводили сюда великороссійскихъ крестьянъ; переселялись дворянскія семьи и изъ другихъ странъ (Кантемиры и Куликовскіе изъ Валахіи, Хорваты изъ Венгріи и др.), такъ что одновременно съ измѣненіемъ быта Украйны происходили и измѣненія въ составѣ населенія. „Теперь",

писалъ одинъ изъ историковъ Харьковской губерніи В. Пассекъ въ 1839 г., „Харьковская губернія находится въ состояніи переходномъ отъ прежняго военнаго быта къ новому гражданскому“ [1]).

Таковы были мѣста, куда В. Гр. Соханская въ 1834 г. отправилась на поиски за небольшимъ и недорогимъ имѣньицемъ для себя и своихъ сестеръ. Такое имѣньице удалось ей купить въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Это и была Макаровка, гдѣ Кохановская прожила до самой своей смерти, только на время уѣзжая оттуда, и гдѣ скончались тетушки Кохановской, ея братъ, мать и она сама. Земля въ этомъ имѣніи, какъ и вездѣ вокругъ, была превосходная, и куплено оно было, даже по тогдашнимъ цѣнамъ, очень дешево: 45 душъ и 400 слишкомъ десятинъ земли за 7.000 р. Сосѣдка Соханскихъ— М. И. Шидловская, владѣвшая громаднымъ имѣніемъ рядомъ съ хуторкомъ ихъ, горько жалѣла, что не знала во время о продажѣ имѣньица и не купила его для округленія своихъ владѣній (88). Но если покупка была дешевая, то и очень хлопотливая: имѣніе было запущено и разорено, какъ только могутъ быть запущены и разорены имѣнія безъ прямыхъ наслѣдниковъ, подъ присмотромъ опекуна. Куплено оно было тотчасъ послѣ голоднаго года; до ста человѣкъ надобно было кормить и, по условію купчей, заплатить двѣ тысячи рублей недоимки, такъ что, тотчасъ послѣ покупки, имѣніе пришлось заложить. Усадьбы въ немъ не было совсѣмъ, изъ строеній были только амбаръ и мельница, такъ что первое время мать Кохановской съ сыновьями и тетки жили въ амбарѣ. Вообще трудно пришлось имъ на новомъ мѣстѣ: безъ родныхъ, безъ знакомыхъ должна была Варв. Гр. съ сестрами перевозиться за 200 слишкомъ верстъ, всѣмъ обзаводиться на новомъ мѣстѣ, исправлять имѣніе, платить подушное и проценты, отправлять сына въ Новгородскій корпусъ. Эта самая тяжелая пора для жизни Соханскихъ прошла, пока Кохановская была въ институтѣ. Ко времени ея выхода оттуда у нихъ уже былъ домикъ, что̀ казалось большимъ счастьемъ Варварѣ Гр. послѣ всѣхъ перенесенныхъ ею невзгодъ. „Слава Богу“, говорила она дочери, „благодари, Наденька, Бога: хотя маленькій уголокъ, да есть. Все-таки Онъ, Милосердный, не оставилъ насъ“ (45). Но не совсѣмъ такъ представлялось дѣло молоденькой институткѣ. „Да гдѣ же нашъ домъ?

[1]) Харьк. Вѣд., 1839, №№ 26 и 27 (Прибавленіе). *В. Пассекъ*, Очеркъ Харьк. губ. Харьк. Вѣд. 1839, №№ 31—33 (Прибавленіе). *И. И. Срезневскій*, Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія въ Харьк. губ.

спрашивала я, когда мнѣ сказали, что разбросанныя по полю хатки—это наша Макаровка.—Да вонъ, вонъ! показывала маменька.—Ахъ, какой маленькій! И вы въ немъ живете, maman?—И ты будешь жить, душенька.—Мнѣ прежде сказывали, что у насъ нѣтъ дома, а только маленькій флигелекъ, что нѣту ни тычинки лѣса, ни сада: едва начинаютъ разводить тетеньки. Я никакъ не вѣрила: „шутитъ maman!" думала я. Ну, домъ—про домъ говорить нечего! А чтобы не было сада. Вѣдь въ Веселомъ же былъ.... Да гдѣ же я буду гулять? и книгъ, стало, читать негдѣ?" (44). Дѣйствительно, вокругъ домика со всѣхъ четырехъ сторонъ была голая, „безпредметная", по выраженію Кохановской, степь. Самый домикъ былъ крохотный, крытый соломой, сѣни плетеныя изъ соломы, глиняная кухня. Садикъ—только нѣсколько чахлыхъ кустиковъ крыжовника и смородины, да прутикъ березки.

Къ пріѣзду дочери В. Гр. въ одной изъ комнатъ домика настлала дощатый полъ, въ остальныхъ трехъ комнатахъ полъ былъ глиняный, усыпанный песочкомъ. Не легко было Кохановской привыкнуть къ этой тѣснотѣ и убожеству послѣ паркетныхъ половъ и высокихъ и свѣтлыхъ залъ института: на глиняномъ полу „я спотыкалась; ноги у меня какъ-то все оставались назади: я ходила точно разбитая лошадь—шатаясь. Руки у меня шерхли отъ пыли; въ груди какъ что-то точитъ; мнѣ было тѣсно, душно, грустно...." (46). Но домашніе осыпали ее ласками, не могли на нее наглядѣться — и она пріучила себя къ бѣдной домашней обстановкѣ, не тяготилась больше ею. Сначала она даже не замѣчала, что книгъ для чтенія у нея не было: какъ бы вознаграждая себя за дѣтскіе годы, проведенные въ институтѣ за книгой и въ слезахъ, она теперь цѣлые дни проводила въ игрѣ и бѣготнѣ съ кошками, кроликами, зайчиками, ежами. Такъ прошло лѣто. Вдругъ совершенно неожиданно Сохансксія получили письмо отъ гр. Гендриковой, братъ которой былъ попечителемъ въ Харьковскомъ институтѣ: она приглашала Кохановскую въ гувернантки къ своимъ дѣтямъ. Первымъ движеніемъ Соханскихъ было отказаться, но можно ли было отказываться, когда у нихъ всѣ лошади въ теченіе лѣта пали, шла зима—и Варварѣ Гр. не на что было сдѣлать дочери шубу? А между тѣмъ Кохановская, по ея словамъ, „была робка, робка до невѣроятности; ни у одного звѣрка не найдете подобія. Я боялась мужчинъ, еще болѣе, болѣе боялась женщинъ" (48). Вспоминая въ своей „Давней встрѣчѣ" эти первые годы послѣ своего выхода изъ института, Кохановская такъ говоритъ о себѣ: „Идіотизмъ монастырски-заключеннаго, отрѣшеннаго отъ всякой жизненности воспитанія еще

не разсѣваемымъ туманомъ стоялъ во мнѣ. Я боялась людей, какъ филинъ боится свѣту. Не только „противные" мужчины наводили на меня страхъ, но я „милыхъ дамъ" боялась еще болѣе. Шорохъ женскаго шелковаго платья просто наводилъ на меня трепетъ" [1]). Она попыталась предложить себя не въ гувернантки, а въ учительницы, но графинѣ это не понравилось, и дѣло разстроилось. „Послѣ института я никогда еще не молилась такъ горячо и съ такими слезами, какъ въ этотъ вечеръ. Мнѣ казалось, что Господь избавилъ меня отъ страшной напасти" (49). А между тѣмъ семьѣ Сохансxихъ готовилось большое горе: одна изъ сестеръ Варв. Гр—вны, вообще слабая здоровьемъ, сильно расхворалась; въ это время въ приходское селеніе пришелъ полкъ, полковой докторъ опредѣлилъ ракъ, совѣтовалъ поѣхать въ Харьковъ, чтобы сдѣлать операцію, но больная на это не рѣшилась и промучилась до конца лѣта 1841 г. Тяжело было и больной, и окружающимъ. „Вздохи, неумолкаемые стоны и во снѣ стенанье! нечеловѣческій вопль истерическихъ припадковъ.... Пошла бы куда поуспокоиться, отдохнуть немного? Кругомъ степь, кузнечики; а я ихъ до слезъ боялась и теперь вздрагиваю. Я пойду, бывало, въ ровъ и не могу пробыть ни четверти часа" (50). Къ осени больная скончалась: „О, какъ я постарѣла за этотъ годъ. Я поумнѣла, и ни одной книги у меня въ рукахъ не было. Господь бросилъ всѣ книги и началъ учить меня по Своему. Далъ мнѣ книгу—самое себя—и книгу страданій ближняго—большія книги" (51).

Кохановская почувствовала себя взрослой: „прочь ребяческое, дѣтское! Пора! Жизнь зоветъ; я, слава Богу, не ребенокъ". Она попробовала впервые сознательно оглянуться на окружавшую ее обстановку и ужаснулась: „Мелкая, грязная рѣченка, и даже не текла, а ползла кругомъ меня, заволакивая все иломъ, тиной, вѣковою плѣсенью. Такъ вотъ это-то—море жизни?... Да это скорѣе—мертвое море! И окунуться въ эту грязь, утонуть, въ этомъ омутѣ—воробью по колѣно... Я не могу! Я не могу!—закрывала я себѣ глаза обѣими руками" (52). Когда она кончала курсъ въ институтѣ и готовилась вступить въ жизнь, ей казалось, что она будетъ или очень счастлива, или очень несчастлива—что-нибудь одно, теперь, въ ея обстановкѣ, не было ни того, ни другого: „Сохраните, Силы Небесныя, всякаго; пощадите его отъ страшной жизни; жить и почувствовать, что для тебя ничего нѣтъ въ жизни; жить для того только, чтобы жить—поѣдать кормъ! Я цѣпенѣла; я не могу передать вамъ этого

[1]) Давняя Встрѣча. Начало.

мучительнаго томленія, замиранья всѣхъ силъ, порыванья чувства, тоски—тоски, выѣдающей душу! И, потомъ, эта пустота, этотъ ужасъ не видѣть въ себѣ ничего....“ (58). Ее ужасала мысль, что и ей суждено прожить жизнь такъ же, какъ жили окружающіе: „Я безпощадно смотрѣла на все этимъ глубокимъ, испытующимъ взглядомъ тоски, будто надежды и неудержимаго презрѣнія, жалости...: „Господи, да помилуй же этихъ людей! И неужели это жизнь? И они думаютъ, что они живутъ! И мнѣ такъ жить—жить—и умереть?“ (58).

Это томленіе молодой чуткой души среди людей, совершенно не понимающихъ ея, ея порывовъ и страданій Кохановская живо изобразила въ своей повѣсти „Первый шифръ“ [1]), гдѣ героиня, одаренная необыкновеннымъ музыкальнымъ талантомъ, по окончаніи курса въ институтѣ, гдѣ она получаетъ первый шифръ, попадаетъ въ глухую степную деревню; играть ей не на чемъ, музыки она лишена совершенно; все общество ея составляетъ старый, больной и глухой отецъ, который, конечно, не можетъ ей сочувствовать. Такъ томится она сначала въ домѣ отца, затѣмъ въ домѣ мужа, грубаго, совершенно необразованнаго человѣка, который большую часть своего времени проводитъ въ кутежахъ и разъѣздахъ по ярмаркамъ, барышничая лошадьми. И когда, наконецъ, наступаетъ часъ ея смерти, ее мучитъ мысль о ея маленькой дочери, которой придется жить въ такой же обстановкѣ, въ какой зачахла ея мать. Повѣсть эта появилась въ печати въ 1849—50 гг., т. е. уже послѣ того, какъ завязалось литературное знакомство Кохановской съ Плетневымъ (первое письмо Кохановской къ Плетневу было написано въ февралѣ 1846 г.) и въ умственной жизни Кохановской появился нѣкоторый просвѣтъ, но неизвѣстно, когда именно написана эта повѣсть — быть можетъ, раньше февраля 1846 г., т. е. именно въ пору полнаго одиночества Кохановской среди безучастія окружающихъ, когда она съ полнымъ правомъ могла примѣнять къ себѣ уже упоминавшіеся выше стихи Пл—ва:

„.... Съ любовію моей
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я, подъ бурей грозныхъ дней,
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій“.

Во всякомъ случаѣ эта повѣсть имѣетъ несомнѣнное автобіографическое значеніе.

Между тѣмъ наступила глухая осень, время года, всегда особенно

[1]) С.-Пб. Вѣдомости, ноябрь 1849 и февраль 1850 г.

тяжкое для деревенскихъ жителей. При тоскливомъ, угнетенномъ настроенін Кохановской послѣ смерти тетки грустный видъ степи осенью болѣзненно раздражалъ ее: „мнѣ дика, невыносима эта голая степь, подобіе моей души. Къ осени она такъ грязно посѣрѣла; въ домикѣ темно; вѣтеръ, кажется, сію минуту развалитъ его, онъ раскиснетъ отъ дождя. Собаки собрались на погребъ, подняли носы и воютъ, смертельно воютъ-завываютъ на волка...“ (61). Не находя никакого удовлетворенія въ окружающей обстановкѣ, Кохановская обратилась за утѣшеніемъ къ книгѣ. „Меня одолѣла сила читать. Ни до института, ни въ институтѣ она не обхватывала такъ всѣхъ желаній, всего порыванья души. Когда я думала о книгахъ, воображала себѣ комнату въ саду и на столѣ книги-книги, я чувствовала ознобъ и жаръ, настоящую лихорадку. Я бы отдала платье, шарфъ, послѣдніе башмаки, я готова была не ѣсть, не спать цѣлые дни,—только дайте мнѣ книгу!“ (62). Объ этой страсти къ чтенію въ годы своей ранней молодости Кохановская такъ говоритъ въ „Давней встрѣчѣ“: „Я зачитывалась до неприличія, до забвенія всѣхъ условій свѣтскости благовоспитанной дѣвицы и еще институтки. Въ ту пору я готова была вѣрить, что существуетъ какая-то таинственная связь между мной и всякой книгою, что и книгу точно также тянетъ ко мнѣ, какъ меня къ книгѣ. Гдѣ бы мнѣ ни случалось быть, но когда я входила въ комнату, первое, что я видѣла—это книгу, если, по счастью, она была тамъ. Ни сна, ни пищи, ни воздуха, ничего въ мірѣ мнѣ не нужно было,—пусть бы только у меня была книга!“

Легко сказать: читать, но откуда взять книгъ? Отъ прежняго книжнаго богатства Лохвицкихъ (говоря относительно) на хуторѣ Веселомъ уцѣлѣло послѣ переселенія въ Харьковскую губ. немногое: половину книгъ при переѣздѣ некуда было взять, кое-что порастерялось дорогой, и когда Кохановская разобрала сундукъ съ книгами, въ немъ оказались только Россіада, Владиміріада, Письмовникъ Курганова, книжка Арабскихъ сказокъ, Мартынъ Задека, два экземпляра Душеньки, Рыцарь краснаго оружія, неполный Ринальдини, нѣсколько томовъ разбойничьихъ романовъ, безъ начала и безъ конца, Исторія Глинки и Оды Державина (61). Кохановская попробовала достать что-нибудь изъ книгъ у сосѣдей, знакомыхъ, но во всемъ околодкѣ былъ только оракулъ, да Георгъ, Милордъ Англійскій. Итакъ читать было нечего. Кохановской захотѣлось какого-нибудь труда — ей предлагали вязать чулокъ, это ее ужасало. „И это трудъ! и вотъ мое великое дѣло жизни: пять спицъ и клубокъ нитокъ!.. И стбило же родиться для этого?

Шесть лѣтъ напрягать молоденькія силы ума? Набивать голову всякимъ мозгомъ? слушать о тайнахъ земли и неба, о судьбахъ человѣка... чтобы вязать чулокъ, скорчась у печки?" (59). Ей хотѣлось иного труда — умственнаго: „пусть напрягаются силы души, сердце трепещетъ подъ ощущеньемъ, ширится чувство, и все это кипитъ дѣятельностью и подымается къ небу—о, вотъ это—трудъ, вотъ это—жизнь!" (60). Но ни о какомъ подобномъ трудѣ и думать было нечего. „Страшно осиливала меня эта бездна пустоты; никакого исхода; я перестала молиться; я не роптала потому, что для ропота надо много живости и силу ощущеній: у меня ихъ не было" (65—66). Ею овладѣла полная апатія. „Со мной произошло что-то ужасное, непередаваемое. Я даже не знаю: какъ назвать его? Развѣ смерть и погребеніе въ живомъ тѣлѣ. Я перестала желать чего бы то ни было; ничего не надѣялась, ничего не ждала; я никого не любила, ни ненавидѣла. Это было какое-то нечеловѣческое равнодушіе ко всему, къ самой себѣ еще болѣе. Находили такія минуты полнаго онѣмѣнія, что дѣлайте со мною, что хотите—мнѣ все равно: снимите съ меня послѣднее платье, насыпьте передо мной кучи золота; кажется, кольните меня въ бокъ ножемъ, я и того не почувствую! Если бы самые сильные и могучіе земли меня спросили: „чего ты хочешь? Мы все тебѣ сдѣлаемъ". Я бы сказала: „ничего, оставьте меня" (64). И она стала жить изо дня въ день, ничего не желая и не ожидая, радуясь, что кончился сегодняшній день, и желая, чтобы поскорѣе прошелъ и завтрашній. „Я никогда не хотѣла ѣсть и ѣла безпрестанно; спала болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки и, таково потайное томленіе души! при такой жизни, я не только не распространилась въ ширину, не могла даже пополнѣть; я была такъ слаба, безъ всякой болѣзни, что возьму чашку чая, и не могу удержать въ рукѣ: она у меня дрожитъ и чай расплескивается" (67). Но среди этого равнодушія и духовнаго сна Кохановская въ сущности оставалась той же пламенной институткой съ ея страстью къ поэзіи. „Уже, кажется, я совсѣмъ зажилась и не вспоминаю, что были когда-то *другіе дни*, *другіе сны*—и вдругъ одна нечаянность: два-три стиха—и я не та! Я опять та же институтка; та же пламенная, страдающая..." (67—68). Такъ прожила Кохановская болѣе двухъ лѣтъ: это время „страшно тянулось и, умирая, жила душа" (58). Отъ полнаго отчаянія ее спасла ея религіозность: во время великаго поста она принялась читать библію—сначала не для того, чтобы читать ее, а для того, чтобы задремать, такъ какъ она не могла заснуть послѣ

обѣда. Мало-по-малу чтеніе ее увлекло, и она стала читать уже, чтобы не спать. Наступила пасхальная ночь; мать Кохановской изъ-за весенней распутицы кое-какъ на тележкѣ отправилась въ церковь, Кохановская осталась дома одна и стала читать евангеліе, котораго не читала съ института. „Я не могу передать вамъ той удивительной новости, свѣжести, которыя встрѣтили меня. Все—старое, все—давно знакомое, а все такъ неслыханно шевелитъ сердце". Въ эту ночь въ душѣ Кохановской произошелъ переломъ. „Куда дѣвалась эта тяжесть, тоска, недоумѣніе? Во мнѣ осталась только кроткая, какая-то радостная грусть, по которой я вовсе не хотѣла смѣяться, а сладко весело плакала. Вокругъ меня существенно ничего не измѣнилось, но я была не та—и все не то. Помирившись сама съ собой, я примирилась со всѣмъ,—со своею жизнію, съ своей долей..." (69—70). Вскорѣ явились и книги, о которыхъ она мечтала, „какъ въ мои лѣта мечтаютъ о любви", и достать которыя было для нея почти то же, что „сорвать золотое яблоко".

IV.

Знакомство Кохановской съ сосѣдкой М. И. Шидловской.—Чтеніе журналовъ.—Появленіе въ печати первой повѣсти Кохановской—Маіоръ Смагинъ.—Кохановская въ роли гувернантки.—Пожаръ въ усадьбѣ Сохансхихъ.

Верстахъ въ 5—7 отъ имѣнія Соханскихъ находилось богатое село Кунье, съ двумя церквами, съ степями на 12 верстъ, съ лѣсами, пасѣками, водяными мельницами и разными заводами, съ 2.000 крестьянъ. Это было имѣніе баронессы Меллеръ-Закомельской. Сама владѣлица жила за-границей, а въ Куньемъ одиноко проводила свою старость мать баронессы — Марья Ивановна Шидловская. Къ этому чрезвычайно интересному лицу Кохановская не разъ возвращается въ своихъ сочиненіяхъ [1]). Марья Ивановна слыла очень гордой женщиной — и по справедливости: не только чужихъ, даже своихъ родныхъ она въ молодости знать не хотѣла. Рано овдовѣвъ, она почти 30 лѣтъ сама завѣдывала громаднымъ имѣніемъ, воспитала сына и дочь, но не на радость себѣ: сынъ умеръ молодымъ, дочь, выйдя замужъ, поссорилась съ матерью. И теперь Марья Ивановна, давно сдавшая дочери всѣ имѣнія безъ копейки долгу и не взявшая

[1]) Между прочимъ, эта М. И. Шидловская и ея дѣти являются главными дѣйствующими лицами неоконченнаго романа Кохановской „Степная барышня 40-хъ годовъ", отрывки котораго послѣ смерти Кохановской были напечатаны въ „Руси" Аксакова за 1885 г. (№№ 3—6).

себѣ даже законной седьмой части, грустно доживала свою жизнь въ Куньемъ, которымъ завѣдывалъ управляющій ея дочери. Сама Марья Ивановна оставила себѣ только 10.000 руб. въ годъ и небольшое имѣніе, данное ей въ приданое. Ее окружало полное одиночество: дочь ей не писала, поссорившись съ ней, зять рыщетъ по картежнымъ притонамъ за-границей, внучка въ Парижѣ, внуки учатся въ Вѣнѣ, „а Марья Ивановна здѣсь, въ Россіи—на Украйнѣ, одна въ своемъ Куньемъ, сидитъ, какъ птица надъ опустѣлымъ гнѣздомъ, изъ котораго дѣти вылетѣли и разлетѣлись далеко-далеко, и никогда не собраться имъ!“ (89). Сосѣди, давно запуганные ея неприступностью, почти не ѣздили къ ней, и сама она ни у кого не бывала. „Разумѣется, мы не были знакомы съ нею“, говоритъ Кохановская, и никогда ея не видали“. Но вотъ однажды Кохановская съ матерью была въ церкви въ Куньемъ, Марья Ивановна пригласила ихъ къ себѣ, и знакомство завязалось. Особенно много благоволенія выказывала она Кохановской, которая, съ своей стороны, чрезвычайно ревниво охраняла въ сношеніяхъ съ ней свое достоинство. Въ своемъ, уже упоминавшемся выше автобіографическомъ письмѣ къ А. В. Плетневой отъ 3-го ноября 1851 г., Кохановская говоритъ: „Я страшно боюсь покровительственныхъ особъ, и я слишкомъ дика для ихъ посеребреной уздечки“. И если въ послѣдующіе годы своей жизни Кохановская иногда склонна была опасаться покровительственнаго отношенія къ себѣ даже тамъ, гдѣ не было никакого основанія для подобныхъ опасеній (напр., въ своихъ сношеніяхъ съ Ив. С. Аксаковымъ, какъ мы увидимъ ниже изъ ихъ переписки), то здѣсь, въ знакомствѣ съ Марьей Ивановной она, повидимому, имѣла полное право бояться такого покровительственнаго отношенія. Въ томъ же письмѣ къ А. В. Плетневой она приводитъ фразу изъ прочтенной ею повѣсти: ты бѣденъ—будь же гордъ, и эту фразу она какъ бы сдѣлала девизомъ всей своей жизни. — Кохановской, по ея словамъ, удалось поставить себя по отношенію къ Марьѣ Ивановнѣ такъ, какъ ей хотѣлось, т. е. совершенно независимо. „Вѣдь молода, смотрите пожалуйста, совсѣмъ молода, а заставляетъ уважать себя—заставляетъ; я, право, ее уважаю“, говорила о ней въ минуты откровенности Марья Ивановна (142) и часто приглашала ее къ себѣ погостить, она „даже завѣрила самое себя, что она насъ любитъ“ (96), между тѣмъ какъ все дѣло было въ томъ, по словамъ Кохановской, „что Марьѣ Ивановнѣ скучно, не въ моготу стало скучно, и она теперь рада всякому, хотя сколько-нибудь человѣческому лицу“ (94).

Въ роскошномъ домѣ Марьи Ив., въ числѣ другихъ дорогихъ вещей, были и шкапы съ книгами, но это все были книги старыя: Мармонтель, Шатобріанъ, Флоріанъ, путешествія да проповѣди, Расинъ и Ламартинъ; и эти книги выдавались Кохановской не сразу, а черезъ значительные промежутки времени. Въ своей „Давней встрѣчѣ“ Кохановская очень живо разсказываетъ, какъ, пріѣхавъ однажды къ Марьѣ Ив., она увидѣла у нея на столѣ четыре книги, забытыя родственникомъ Марьи Ив., проѣздомъ ночевавшимъ у нея, какъ ее цѣлый день терзалъ видъ этихъ книгъ, которыя, въ концѣ концовъ, ей удалось прочесть при помощи горничной Марьи Ивановны: это оказались Les eaux de St. Ronan—Вальтеръ Скотта. Понятно, что такое случайное чтеніе не могло удовлетворить Кохановскую, но судьба была къ ней милостива: выше уже было сказано, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Марья Ив. давно уже передала Кунье своей дочери и сама жила въ немъ на покоѣ, не занимаясь дѣлами. Имѣніемъ управлялъ управляющій дочери Зеленскій, родомъ изъ простыхъ чугуевскихъ казаковъ, человѣкъ очень умный и способный. Увидѣвъ какъ-то Кохановскую у Марьи Ив., онъ предложилъ прислать ей русскіе журналы, которые онъ получалъ—и черезъ четверть часа у Кохановской въ рукахъ были книжки Отеч. Записокъ, Москвитянина и Библ. для Чтенія. „Поймите, что̀ это было для меня“, говоритъ Кохановская, „я думала, что я не живу, а витаю въ надзвѣздномъ пространствѣ. Я забыла о дняхъ, о часахъ, о судьбахъ всего міра, и помнила одно—читала!“ Брать книги къ себѣ домой Кохановской было неудобно, поэтому она все чаще и чаще гостила въ Куньемъ, и Марья Ив. такъ привыкла къ ней, что съ трудомъ отпускала ее домой, отдала ей на руки ключи отъ шкаповъ съ книгами. Кохановская „сжилась съ Куньимъ, какъ своя, меня даже называли „Куньинской барышней“.

Здѣсь нужно отмѣтить очень характерную для Кохановской черту: какой бы эпизодъ или періодъ изъ своей жизни она ни описывала, всегда она отмѣчаетъ, что ее *особенно* всѣ полюбили, что къ ней *особенно* хорошо всѣ относились—вообще, что ея положеніе было какое-то *особенное*, исключительное, и эта исключительность какъ бы представлялась ей чѣмъ-то совершенно естественнымъ. Такъ ли это бывало на самомъ дѣлѣ, рѣшить трудно, но, конечно, характерно уже и то, что она такъ свободно говоритъ объ этомъ: „Какъ то меня особенно всѣ полюбили [въ Куньемъ]: прислуга вся носила на рукахъ...“ И Кохановская блаженствовала, окруженная книгами: „Я натащу книгъ десятка полтора, разложу кругомъ, роюсь въ нихъ...“ (100).

„Теперь я была завалена книгами, можно сказать, по самую душу. Получаются журналы, и даже, чтобъ избавить меня отъ скуки разрѣзыванья, они разрѣзаются въ конторѣ и сейчасъ же несутся ко мнѣ". Что же она читала? Здѣсь нужно замѣтить, что Кохановская вообще часто не даетъ точныхъ хронологическихъ датъ въ своей Автобіографіи, такъ что иногда бываетъ довольно трудно въ точности опредѣлить, къ какому именно году относится то или другое изъ описываемыхъ ею событій. Напримѣръ, чрезвычайно любопытно знать, когда, т. е. въ которомъ году произошло знакомство Сохансихъ съ Марьей Ив., а, слѣдовательно, и знакомство Кохановской съ Зеленскимъ, отъ котораго она получала журналы? Кохановская ничего опредѣленнаго объ этомъ не говоритъ, такъ что искомую дату приходится опредѣлять приблизительно: Кохановская кончила курсъ въ институтѣ въ 1840 г., черезъ годъ, т. е. въ 1841 г., умерла ея тетка, затѣмъ около двухъ лѣтъ тянулось ея одиночество и тяжелое нравственное состояніе, закончившееся примиреніемъ ея съ окружавшей ее обстановкой (это примиреніе она связывала съ Пасхальной ночью, вѣроятно, 1843 г.), и уже послѣ этого, въ маѣ (повидимому, 1843 г.) началось знакомство съ Марьей Ив.

Такимъ образомъ, журналы, которые Кохановская получала отъ Зеленскаго, относились приблизительно къ 1843—1844 гг. Изъ прочтенныхъ ею въ нихъ вещей она упоминаетъ только о статьяхъ Москвитянина о Троицкой Лаврѣ. „Москвитянинъ надоѣлъ мнѣ своею Троицкой Лаврой: „Осада Троицкой Лавры", „Критика на осаду Троицкой Лавры", „Анти-критика на критику Осады Троицкой Лавры", „На антикритику еще критика и критическія замѣтки..." (101—102). Здѣсь разумѣются, очевидно, напечатанныя въ 6-мъ и 7-мъ №№ Москвитянина 1842 г. Д. Б. Голохвастова „Замѣчанія объ осадѣ Троицкой Лавры 1608—1610, и описаніяхъ оной историками XVII, XVIII и XIX столѣтій", затѣмъ А. В. Горскаго „Возраженія противъ замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры" (Москвитянинъ, 1842, № 12) и, наконецъ, Д. П. Голохвастова: „Отвѣтъ на рецензіи и критику Замѣчаній объ осадѣ Троицкой Лавры" (Москвитянинъ, 1844 г., №№ 6 и 7). Кромѣ Москвитянина Кохановская имѣла въ рукахъ почти всѣ тогдашніе болѣе или менѣе замѣтные журналы и отчасти газеты: Отечественныя Записки, Библ. для Чтенія, Маякъ, Репертуаръ, Пантеонъ и Сынъ Отечества, изъ газетъ—Сѣв. Пчелу. Не читала она, слѣдовательно, Плетневскаго Современника и Русскаго Вѣстника—Греча и Н. Полевого.

Какое впечатлѣніе выносила Кохановская отъ чтенія всей массы жур-

наловъ, кто изъ авторовъ или какія изъ статей ей особенно нравились или не нравились, въ какую сторону были направлены ея литературные вкусы, объ этомъ она опредѣленно не говоритъ, ограничиваясь общими фразами, напримѣръ: „голова моя бродила безъ устоя; такъ долго оставаясь въ оцѣпенѣломъ бездѣйствіи, она теперь бросалась на огонь, на трескъ, на шумъ, гдѣ думалось найти побольше работы" (101). Съ внѣшней стороны ее удивляло въ журнальныхъ статьяхъ отсутствіе единства въ правописаніи и множество иностранныхъ словъ, употребляемыхъ безъ особенной нужды вмѣсто русскихъ. Что касается содержанія журналовъ, то оно скоро показалось Кохановской совершенно неудовлетворительнымъ: „Скоро я почувствовала какую-то духоту, непріятный жаръ будто томилъ меня; мнѣ было нехорошо, какъ-то неловко дышать... Даже не мало-по-малу, а вдругъ мнѣ опротивѣла вся эта нелѣпость фантазій, эта грязная, грубая толкотня журнальныхъ ссоръ и только что не дракъ, высокоименуемая „критикой" (102). Современная беллетристика тоже не удовлетворяла Кохановскую: „Я стала читать съ удовольствіемъ почти однѣ историческія статьи; часть такъ называемую *беллетрическую* или *беллетристическую* я пробѣгала только глазами, изъ одного любопытства: чѣмъ кончится? безъ малѣйшаго соприкосновенія внутреннихъ силъ души" (102).

Что касается беллетристики, то Кохановская была отчасти права: въ своемъ обзорѣ „Русская литература въ 1843 году" Бѣлинскій говоритъ [1]): „Бѣдность и нищета болѣе и болѣе начали вторгаться въ журналы — эти теперь почти единственные представители „богатства" русской литературы. Бѣденъ былъ хорошими повѣстями 1842 годъ, но прошлый 1843 оказался еще бѣднѣе". Въ другомъ мѣстѣ своего обзора Бѣлинскій повторяетъ и разъясняетъ эту мысль [2]): „Оригинальными повѣстями прошлогодніе журналы (т. е. 1843 г.) значительно бѣднѣе журналовъ третьяго (т. е. 1842) года. Мы разумѣемъ здѣсь *качественную*, а не *количественную* бѣдность. Въ каждой книжкѣ каждаго журнала (за исключеніемъ „Москвитянина") непремѣнно есть русская повѣсть, но какая—это другое дѣло".

Итакъ журнальная беллетристика естественно не удовлетворяла Кохановскую, но нужно помнить, что отзывъ Бѣлинскаго касается только оригинальной, а не переводной беллетристики. Кохановская же произноситъ осужденіе, повидимому, надъ всей журнальной беллетри-

---

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, ч. VIII, изд. 1874 г., стр. 31.
[2]) Ibid., стр. 83.

стикой или, по крайней мѣрѣ, не отдѣляеть одну отъ другой, а между тѣмъ за 1843 г. въ русскихъ журналахъ появились переводы многихъ замѣчательныхъ произведеній западно-европейской литературы, напр. въ Отеч. Зап. переводъ „Андрэ"—Жоржъ Зандъ, въ Библ. для Чтенія переводъ „Лавки древностей"—Диккенса и комедіи Лопе-де-Вега „Собака на сѣнѣ", въ Репертуарѣ переводъ разсказа Жоржъ Зандъ—„Муни Робанъ" и отрывокъ изъ „Вильгельма Мейстера"—Гёте, въ „Репертуарѣ и Пантеонѣ" переводъ „Троила и Крессиды"—Шекспира. Представляется нѣсколько страннымъ, какимъ образомъ ни одна изъ этихъ переводныхъ вещей не заслужила вниманія и упоминанія со стороны Кохановской. Еще болѣе удивляетъ пренебрежительный, даже презрительный отзывъ Кохановской о критикѣ въ журналахъ: „эта грязная, грубая толкотня журнальныхъ ссоръ и только что не дракъ, высокоименуемая критикой". Естественно, что такое впечатлѣніе могли производить на нее критическія статьи Сенковскаго въ Библ. для Чтенія и Булгарина въ Сѣв. Пчелѣ, но кромѣ этихъ и имъ подобныхъ журналовъ Кохановская читала Отеч. Записки, гдѣ критическій отдѣлъ велъ Бѣлинскій; въ статьяхъ его Кохановская могла, конечно, найти не „грязную, грубую толкотню журнальныхъ ссоръ и только что не дракъ", а нѣчто иное. Какъ разъ въ 1843 г. [1]) Бѣлинскій помѣстилъ въ Отеч. Запискахъ, кромѣ множества болѣе или менѣе мелкихъ рецензій о вновь вышедшихъ книгахъ, три большихъ критическихъ статьи: Русская литература въ 1842 г., Сочиненія Державина и Сочиненія Зинаиды Р-вой. Читала ихъ Кохановская или нѣтъ, мы совершенно не знаемъ: она въ своей автобіографіи ни однимъ словомъ о нихъ не упоминаетъ, какъ и вообще не упоминаетъ ни о какихъ журнальныхъ статьяхъ; остается предположить, что, разъ вообще у нея въ рукахъ были Отеч. Записки, статьи критическія Бѣлинскаго были ей извѣстны.

Изъ ея писемъ и произведеній, относящихся къ болѣе позднему періоду ея жизни, мы видимъ, что она не только знала, но и высоко цѣнила статьи Бѣлинскаго; такъ, напримѣръ, въ своемъ письмѣ къ А. В. Дружинину отъ 17-го февраля 1857 г. она называетъ Бѣлинскаго „несравненнымъ" критикомъ, разумѣя его статьи о Пушкинѣ, по-

[1]) Мы говоримъ о состояніи русской литературы за 1843 г., не касаясь 1844 года, потому что Кохановская произноситъ свое сужденіе на основаніи чтенія журналовъ именно за 1843 г. Въ этомъ насъ убѣждаютъ ея слова: „не прошло даже и половины зимы"... [т. е. зимы 1843—44 г., иначе говоря: не успѣлъ наступить 1844 г.], какъ журнальныя статьи перестали ее удовлетворять.

явившіяся въ 1844 г., а въ своей критической статьѣ „Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина“, прилагаетъ къ Бѣлинскому эпитетъ „*возвышенный* критикъ“, что̀ вызвало возраженіе со стороны Аксакова, въ журналѣ котораго эта статья была напечатана [1]). Когда Кохановская стала такъ смотрѣть на Бѣлинскаго, трудно сказать: вѣроятно, такое отношеніе къ нему образовалось у нея подъ вліяніемъ Мих. Ив. Ильенко, съ которымъ у нея возобновились сношенія въ 1846 г. [2]) — но объ этомъ рѣчь впереди. Во всякомъ случаѣ представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Кохановская, произнеся свое огульное осужденіе надъ журнальной критикой за 1843 г. и повторяя его въ той части своей Автобіографіи, которая была написана въ 1848 г., не дѣлаетъ оговорки по адресу Бѣлинскаго вообще и въ частности по поводу его статей о Пушкинѣ (1844 г.). А что она читала журналы за 1844 г., это доказывается ея упоминаніемъ о статьѣ Д. П. Голохвастова, помѣщенной въ №№ 6 и 7 Москвитянина за 1844 г. Да и Зеленскій, отъ котораго она получала журналы, покинулъ Кунье въ концѣ 1844 г., слѣдовательно, до этого приблизительно времени снабжалъ Кохановскую журналами.

Непонятно также, какъ Кохановская могла тогда не знать о Современникѣ Плетнева, читая другіе журналы: „въ шкапахъ Марьи Ив. я нашла Современникъ пушкинскаго изданія и думала, что онъ кончился этимъ“ (101) [3]). Не говоря уже о другихъ журналахъ, гдѣ

---

[1]) Русская Бесѣда, 1859 г. № 5. Ср. письмо И. С. Аксакова къ Кохановской отъ 5-го августа 1859 г. Русское Обозрѣніе, 1897 г., мартъ.

[2]) М. И. Ильенко по своимъ взглядамъ и симпатіямъ былъ убѣжденнымъ западникомъ. Вотъ что писала о немъ Кохановская Аксакову въ 1862 г., черезъ годъ послѣ его смерти: „Онъ умеръ годъ тому назадъ; но еще куда прежде мы разошлись съ нимъ глубоко и безмолвно. Онъ со всею горячностью своей стойкой и пылкой натуры вѣровалъ во все западное, въ иноземщину цивилизаціи; подсмѣивался надъ моимъ патріотизмомъ, величалъ меня „православною“. Я находила удовольствіе съ веселою улыбкой и спокойнымъ духомъ встрѣчать эти нападки.... Мы разошлись окончательно; встрѣчались рѣдко и принужденно. Я ни словомъ, ни полусловомъ не говорила о своихъ литературныхъ занятіяхъ; онъ не думалъ освѣдомляться о нихъ, и только текущая литература сказала моему учителю о его ученицѣ. Грустно. Мой успѣхъ былъ какимъ-то ощутимымъ укоромъ его равнодушію, его полнѣйшему невниманію. Намъ какъ-то странно и тяжело было встрѣтиться глазами....“ (3 февр. 62 г.).

[3]) Извѣстно, что Современникъ былъ основанъ въ 1836 г. и издавался Пушкинымъ; послѣ его смерти въ 1837 г. изданіе Современника взяли на себя кн. П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, А. А. Краевскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій и П. А. Плетневъ; съ 1838 по 1846 г. издателемъ и редакторомъ Современника былъ П. А. Плет-

Кохановская могла встрѣтить упоминанія о Современникѣ, она должна была читать отзывы о немъ Бѣлинскаго въ Отечественныхъ Запискахъ, какъ въ его ежегодныхъ обзорахъ русской литературы за истекшій годъ, такъ и въ отдѣлѣ библіографіи. Напримѣръ, въ 1844 г. Бѣлинскій напечаталъ въ Отечественныхъ Запискахъ рецензію на романъ шведской писательницы Фредерики Бремеръ—„Семейство или домашнія радости и огорченія", напечатанный въ Современникѣ [1]). Какъ бы то ни было, какъ уже выше было сказано, Кохановскую скоро совершенно перестали удовлетворять журналы, особенно беллетристика. „Но странно", говоритъ она, „что дурной конецъ [какого-нибудь беллетристическаго произведенія] сердилъ меня невыразимо, забиралъ меня всю, какъ говорится, за живое; точно какъ бы въ этомъ была моя собственная какая-то частичка—кровное что-то" (102). Наконецъ, одинъ разъ, выведенная изъ терпѣнія какою-то нелѣпою повѣстью, я долго помолилась, разумѣется, поплакала, положила окончательныхъ три поклона, сѣла и еще перекрестилась—и *начала писать*" (103).

Но еще ранѣе, чѣмъ приняться за писаніе, нужно было, 1) выучиться чинить перья, 2) достать бумаги. За послѣдней пришлось обратиться къ институтскимъ тетрадямъ, такъ какъ другой бумаги въ домѣ не было. Какъ и слѣдовало ожидать, писанье шло гораздо медленнѣе и труднѣе, чѣмъ Кохановская ожидала. „Къ изумленію моему, я увидѣла, что перо и бумага совсѣмъ еще не дѣло, и въ головѣ, кажется, много, а станешь писать—куда это все дѣнется? Слова не приберешь. Сценъ и положеній, мыслей, кажется, хоть въ табунъ гони, а начнешь выводить на бумагу—ничего нѣту; сидишь-сидишь—и въ полтора часа пяти строчекъ не высидишь" (104—105). Посовѣтоваться было совершенно не съ кѣмъ. Кохановская, естественно, вспомнила своего институтскаго учителя М. Ив. Ильенко и стала наводить о немъ справки черезъ своего брата, служившаго въ Харьковѣ. Отвѣтъ получился неутѣшительный: Мих. Ив. давно вышелъ въ отставку и или умеръ, или куда-то уѣхалъ, въ Харьковѣ его давно нѣтъ. Итакъ, Кохановской пришлось дѣлать свои первыя литературныя попытки въ полномъ одиночествѣ. Но не смотря на это, не смотря на трудность самого процесса писанья, Кохановская чув-

невъ.—См. *Н. М. Лисовскій*, Русская періодическая печать 1703—1894 гг. Выпускъ I, № 369.

[1]) См. Сочиненія В. Бѣлинскаго, часть девятая, изд. 1860 г., стр. 69—75.

ствовала себя счастливой, начавъ писать; до этого времени она никогда не чувствовала себя вполнѣ довольной, удовлетворенной. „Мнѣ все чего-то недоставало, и мое мнѣ было не моимъ. Не занимало меня особенно ничто; словно я не жила, какъ живутъ всѣ добрые люди, а такъ, двигалъ меня степной вѣтерокъ. И вдругъ (такова сила внутренняго предназначенія; только въ его свѣтѣ и открывается намъ жизнь) я будто воскресла, преобразилась"! (106). И вся тайна этой внутренней перемѣны заключалась въ томъ, что Кохановская *начала писать*. Въ поясненіе своей мысли Кохановская ссылается на слова самого Плетнева: поэтъ, приводя только въ дѣйствіе свои дарованія, уже достигаетъ главной своей цѣли или назначенія. Это свое назначеніе она и видитъ въ писаньи: „все мое горючее горе, вся тоска души [въ предшествующіе годы] лились изъ того, что я искала черту мою и черта моя не находилась—и теперь она нашлась. Я не выскажу вамъ, П. Ал., какъ мнѣ стало хорошо, свѣтло. Я будто умылась чѣмъ живительнымъ, я будто подросла" (107). Наконецъ, первая повѣсть Кохановской „Маіоръ Смагинъ" была написана. Авторъ былъ ею доволенъ: „...я видѣла, что мой „Смагинъ" если не лучше читанныхъ мной повѣстей, то не очень и хуже половины изъ нихъ" (109).

Но въ какой журналъ съ нимъ обратиться? „Въ Библіотеку и Отеч. Записки я хорошо знала, что я не дотолплюсь,—слѣдственно, надобно поискать мѣста въ какомъ-нибудь журналѣ потише, основаться въ немъ, и тогда, если Господь пошлетъ, что я смогу обратить на себя маленькое вниманіе, не трудно будетъ перейти и въ другое мѣсто" (109—110). Выборъ ея палъ на Сына Отечества, журналъ, который въ это время (1842—1844 гг.) издавался Смирдинымъ подъ редакціей К. П. Масальскаго [1]), романиста, въ свое время пользовавшагося нѣкоторой извѣстностью. Кохановская встрѣчала его имя въ изданіи „Сто русскихъ литераторовъ" и рѣшила обратиться именно къ нему, такъ какъ всего болѣе желала именно сближенія съ какимъ-нибудь литературнымъ лицомъ. Въ коротенькомъ, полуанонимномъ письмѣ, отправленномъ къ Масальскому вмѣстѣ съ „Маіоромъ Смагинымъ", Кохановская только написала, „что это первое дѣло моего пера и просила сказать о немъ откровенное мнѣніе" (110). „Я почти вѣрила", говоритъ Кохановская, что ея повѣсть будетъ напечатана, и, дѣйствительно: „Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ пріѣзжаемъ мы къ Маріи Ив., я беру листокъ Пчелы и совершенно нечаянно встрѣчаю огла-

---

[1]) См. *Лисовскій*, ibid., № 206.

вленіе Сына Отечества: повѣсть „Маіоръ Смагинъ".—Легко представить себѣ восторгъ Кохановской. И К. П. Масальскій не только напечаталъ повѣсть, но еще предпослалъ ей слѣдующую замѣтку отъ редакціи: „Повѣсть эту получили мы изъ отдаленнаго уѣзднаго города, отъ неизвѣстной намъ дамы. Она говоритъ въ письмѣ своемъ, что эта повѣсть—первое ея произведеніе. Читатели безъ сомнѣнія согласятся съ нами, что это первое произведеніе весьма замѣчательно во многихъ отношеніяхъ. Въ особенности слогъ сочинительницы отличается *оригинальностью*, которой многіе не успѣли достигнуть, при всѣхъ усиліяхъ, при всей увѣренности, что они пишутъ не *по-русски*, а *по-европейски*" [1]). Понятно, какъ такой лестный отзывъ долженъ былъ окрылить начинающую писательницу, особенно, такъ какъ онъ исходилъ отъ извѣстнаго писателя (Масальскаго). Обрадованная Кохановская нѣсколько мѣсяцевъ напрасно прождала отъ редактора письма и гонорара за напечатанную повѣсть, наконецъ, рѣшилась сама написать ему и послала еще двѣ свои повѣсти, „прося, чтобъ онъ, похваливши меня такъ въ своемъ журналѣ, рѣшилъ окончательно по нимъ: гожусь ли я для него, а если гожусь, то не угодно ли будетъ взять меня въ сотрудницы?" (111). Письмо и пакетъ были посланы страховыми, но, не смотря на это, никакого отвѣта отъ Масальскаго Кохановская не получила. Писала она еще разъ, прося хотя бы вернуть ей обратно ея рукописи—отвѣта опять не было. Трудно сказать, чѣмъ объясняется такое безцеремонное отношеніе редактора-писателя къ начинающей писательницѣ—быть можетъ, отчасти необыкновенными превратностями въ судьбѣ самого журнала: онъ, говоря словами Бѣлинскаго (1845 г.), „давно уже прославился своимъ злополучіемъ на пути къ совершенствованію. Онъ нѣсколько разъ мѣнялся въ форматѣ и планѣ изданія, нѣсколько разъ чаялъ движенія живой воды то отъ той, то отъ другой редакціи, къ которымъ безпрестанно переходилъ; но истощеніе жизненныхъ силъ въ немъ было такъ велико, что всѣ попытки на продолженіе его жизни остались совершенно безуспѣшными. Послѣдній его редакторъ [т. е. именно К. П. Масальскій] уже два раза передъ всякимъ новымъ годомъ, въ подробной и обстоятельно составленной программѣ, увѣрялъ публику, что онъ додастъ ей недостающіе №№ Сына Отечества за прошлый годъ, а въ будущемъ будетъ выдавать его книжки безъ замедленія и своевременно. Въ прошломъ 1844 году [т. е. именно тогда, когда была на-

---

[1]) Сынъ Отечества, 1844 г., май, №№ 11 и 12, іюнь, № 13.

печатана повѣсть Кохановской] опытный и извѣстный своими блестящими дарованіями, редакторъ Сына Отечества [т. е. опять-таки К. П. Масальскій] снова рѣшился подвергнуть свой журналъ коренной реформѣ" [1]), снова была обѣщана необыкновенная точность выхода и разсылки №№ журнала, но опять изъ этой реформы ничего не вышло, и за 1844 г. (считая съ 1-го марта по 1-е января 1845 г.) вмѣсто обѣщанныхъ 40 №№ вышло только 16 №№. Повѣсть Кохановской, вѣрнѣе, конецъ ея былъ напечатанъ въ іюнѣ—этимъ мѣсяцемъ и закончилось существованіе Сына Отечества на довольно большой срокъ: снова онъ началъ выходить только въ 1847 г. [2]). Естественно, что при такомъ удивительномъ способѣ веденія журнала и отношеніе къ сотрудникамъ было удивительное.

Итакъ Кохановская ничего не получила за свою напечатанную повѣсть. Въ это время денежныя дѣла ея матери было далеко не блестящи: хлѣбъ не продавался, а между тѣмъ нужно было вносить недоимки, подушное, платить въ приказъ. Кохановская рѣшила взять мѣсто гувернантки, кстати же за нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ Кохановская у Марьи Ив. встрѣтила монашенку, собиравшую пожертвованія на обитель; эта монашенка передала Кохановской, что одна барыня вдова просила ее поспросить, у кого придется, не пожелаетъ ли кто взяться за обученіе ея сына. Кохановская, тогда еще не помышлявшая о гувернантствѣ, на всякій случай записала адресъ этой вдовы: Пелагея Васильевна Грекова, близъ Бахмута. Теперь Кохановская написала Грековой и такъ долго не получала отъ нея отвѣта, что уже перестала его ждать. Наконецъ, въ самое Преображеніе, т. е. 6-го августа 1844 г., Грекова пріѣхала сама къ Соханскимъ, а 8-го августа Кохановская уѣхала съ ней въ Бахмутскій уѣздъ, Екатеринославской губерніи гувернанткой за 1.200 р. въ годъ къ ея хромому сыну, который въ 10—11 лѣтъ не умѣлъ еще отличить *т* отъ *м*. Ученикъ Кохановской уже въ теченіе перваго мѣсяца сдѣлалъ большіе успѣхи, и всѣ вокругъ, судя по словамъ Кохановской, очень полюбили ее. „Я всю жизнь свою не хотѣла бы быть болѣе любимою, болѣе обласканною, чтобы меня болѣе этого нѣжили и баловали" (123). Ея педагогическая дѣятельность, однако, скоро прекратилась: ея матери стало извѣстно, что домъ Грековой совсѣмъ неподходящее мѣсто для молодой дѣвушки, она пріѣхала за дочерью и увезла ее до-

---

[1]) Сочиненія В. Бѣлинскаго, часть девятая, изд. 1860 г., стр. 291—92.

[2]) *Лисовскій*, ibid.

мой. „Я была гувернанткой ровнехонько мѣсяцъ: выѣхала изъ дому 8-го августа, а уѣхала отъ Грековой 8-го сентября“ (т. е. 1844 г.).

Отъ этого мѣсяца у Кохановской осталось хорошее воспоминаніе: „Онъ былъ то же, что въ моей институтской жизни регентство Альмъ. Та же свѣтлая самостоятельность, еще большее сознанье себя и полная работа силъ, и я была такъ довольна собой, такъ глубоко довольна“ (129). Нужно было искать другого мѣста, но оно не находилось. Кохановская рѣшила совсѣмъ отказаться отъ мысли найти себѣ мѣсто. Въ это же время ушелъ изъ Куньяго Зеленскій, съ его уходомъ исчезли журналы, такъ какъ Марья Ив. получала только Сѣв. Пчелу. „Я осталась, говоритъ Кохановская, безъ гувернанства и безъ книгъ—съ одпѣми мечтами да роемъ вымысловъ“ (131). Такъ грустно проходила для нея зима 1844 — 1845 г. Она писала много и теперь уже довольно скоро. Свою повѣсть, которая потомъ появилась въ печати [1]), „Графиня Д*“, она написала въ двѣ недѣли. Она написала еще пять повѣстей и начала шестую; что это были за повѣсти и что она потомъ съ ними сдѣлала, неизвѣстно. Въ ея бумагахъ къ 44—45 г. относится только автографъ ея первой повѣсти „Имѣніе при большой дорогѣ“. Цѣликомъ она нигдѣ не была напечатана, но отрывокъ ея вошелъ въ ея автобіографію, а потомъ въ ея разсказъ „Давняя встрѣча“ (Повѣсти Кохановской, т. II. М. 1863 г., стр. 293—318). Послѣ Пасхи 1845 г. она переписала набѣло свои произведенія и отправила ихъ одновременно къ Краевскому и къ Булгарину. „Можетъ быть, это и грѣхъ“, говоритъ она, „но слишкомъ гордая для того, чтобы просить или униженно заискивать въ комъ бы то ни было, и еще у тѣхъ особъ, которыхъ я такъ мало уважала, я не искала ничего—никакихъ домогательствъ, едва выставляла начальную половину имени и, если бы что и могло случиться, предоставляла это сдѣлать моимъ сочиненіямъ—имъ и ничему болѣе“ (131—132). Отвѣта ни изъ одной редакціи она не получила, но въ уныніе отъ этого не пришла.

Такъ наступила осень 1845 г. Предстоящая зима обѣщала Кохановской большую радость: ея мать прибавила къ своему домику пристройку, и для Кохановской отдѣлывалась отдѣльная комнатка, что приводило ее въ необыкновенный восторгъ. Но на самое Воздвиженье ночью, т. е. 14-го сентября 1845 г., у Сохансхихъ произошелъ пожаръ, ихъ домикъ сгорѣлъ, остались только обгорѣлыя, за-

---

[1]) Отеч. Зап., 1848 г., № 12.

коптѣлыя стѣны гостиной безъ оконъ и дверей. Кохановская, по ея словамъ, не потерялась въ минуты этого бѣдствія: распорядилась, чтобы прежде всего спасали образа, сама вынесла Библію, шкатулку съ своимъ шифромъ и еще шкатулочку, подаренную ей отъ всего ея класса въ институтѣ, была все время бодра. Къ утру Сохансків были безъ крова. Мать Кохановской поѣхала поторговать у одного сосѣда новый флигелечекъ, за Кохановской прислала Марья Ив., уже знавшая о пожарѣ. Здѣсь, въ домѣ Марьи Ив., Кохановской пришлось пережить тяжелыя минуты: Марья Ив., какъ женщина гордая и властолюбивая въ высшей степени, никогда не могла простить Кохановской ея самостоятельности; до сихъ поръ, говоритъ Кохановская, „она ласкала меня потому, что ей ничего болѣе не оставалось дѣлать. И вдругъ такая неожиданность: мы погорѣли, у меня нѣтъ пристанища; Марья Ив. присылаетъ за мной, я ѣду, но уже роль моя совсѣмъ не та. Не я теперь нѣкоторымъ образомъ обязываю Марью Ив., а я сама ей глубоко обязана. Она мнѣ благодѣтельствуетъ, даетъ какъ бы въ несчастьи жизнь; меня, бездомовную, беретъ въ свои палаты, хотя и прежде, я жила въ нихъ; но то было прежде, а теперь совсѣмъ иное дѣло" (142). И Марья Ив. тотчасъ же измѣнила прежній благожелательно-ласковый тонъ на покровительственно-надменный. Самолюбивая Кохановская, конечно, не могла этого переносити и, воспользовавшись тѣмъ, что матери нужно было помочь написать какую-то бумагу въ судъ, уѣхала отъ Марьи Ив., съ тѣмъ, чтобы долго къ ней не возвращаться. Но дома оставаться ей тоже было невозможно: ея мать и тетка „жили пока въ кладовой, спѣша какъ-нибудь оправить стѣнки бывшей гостиной, придѣлать къ нимъ кое-какія сѣни, чтобы хотя перезимовать было въ чемъ" (143). Остаться съ ними „и думать нельзя было при моемъ плохенькомъ здоровьѣ" (144). И вотъ она на всю зиму поселилась у сосѣдки, Анны Константиновны Черноглазовой, которая была извѣстна въ просторѣчіи подъ именемъ „воевидчи" (т. е. воеводши). Этой интересной личности Кохановская, кромѣ своей автобіографіи, посвящаетъ нѣсколько страницъ въ „Старинѣ" [1]).

По отцу и по матери Анна Конст. была сербка (мать и отецъ ея родились въ Сербіи); мать ея была изъ фамиліи Витковичей и еще ребенкомъ выѣхала въ Россію. Знаменитый любимецъ Екатерины II генералъ Сем. Гавр. Зоричъ, по происхожденію сербскій кре-

[1]) Старина. Семейная память. Стр. 85—90.

стьянинъ, переселившійся въ Россію около половины XVIII в., былъ сродни Аннѣ Конст. (она звала его дѣдомъ); она провела свое дѣтство у него въ домѣ, въ подаренномъ ему Екатериной II мѣстечкѣ Шкловѣ, гдѣ онъ жилъ настоящимъ царькомъ. Мать Анны Конст. и года не пробыла за своимъ первымъ мужемъ, отцомъ Анны Конст., овдовѣла и лѣтъ черезъ пять вышла вторично замужъ — опять за серба Калиновича, который былъ сначала воеводой (а потомъ, по закрытіи воеводствъ, комиссаромъ), и притомъ воеводой всемогущимъ и всесильнымъ. Вотъ почему не только его жена и дочь, но и его падчерица Анна Конст. всю свою послѣдующую жизнь назывались „воеводшами" (воевидча). Послѣ смерти вотчима за Анну Конст. посватался богатый запорожецъ, гуляка и забіяка. Ему не посмѣли отказать—и семь лѣтъ Анна Конст. терпѣла постоянные побои и издѣвательства отъ вѣчно-пьянаго самодура-мужа. Овдовѣвъ (ея мужъ спился), она поселилась съ матерью и сестрой въ Савинцахъ, сосѣдней съ Сохансками слободѣ, постепенно схоронила мать и сестру и жила совсѣмъ одна. Когда мать Кохановской купила свою Макаровку и проводила первую зиму въ Савинцахъ, Анна Конст. обласкала ихъ на чужбинѣ и очень привязалась къ нимъ, и особенно, по словамъ Кохановской, къ ней. „Даже почти не вѣрится, чтобы въ ея лѣта можно было такъ полюбить не внучку и не родную ей, а совершенно постороннюю; такъ не находить словъ для своей ласкающей нѣжности" (151).

У нея-то и поселилась Кохановская послѣ своего пожара и прожила у нея до самой весны. Впослѣдствіи она вспоминала въ своей „Старинѣ" о томъ времени, „когда семь самыхъ тяжелыхъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ мнѣ довелось прожить съ одною едва не столѣтнею, почти совсѣмъ слѣпою старухою, безъ книгъ, безъ всякаго общества—она да я—„да еще Богъ съ нами", какъ добавляла она. „Днемъ я читала ей „Четьи-Минеи", а когда короткіе дни рано вечерѣли, не видя меня въ сумракѣ, она ощупью отыскивала мою голову и, чтобъ чувствовать меня ближе къ себѣ, клала голову мою себѣ на колѣни и, лаская мои волосы, въ дорогомъ желаніи развлечь меня и занять чѣмъ-нибудь, она много разсказывала мнѣ о томъ, *якъ було колись*, какъ они живали встарину; разсказывала мнѣ о кладахъ, о разбойникахъ, о запорожцахъ" [1]). Многое изъ этихъ воспоминананій Анны Конст. вошло потомъ въ „Старину" Ко-

[1]) Старина, стр. 85—86.

хановской. Когда старушка уставала разсказывать, начинала разсказывать Кохановская—„что? трудно сказать“, говорить Кохановская. „Но развѣ мало у молодости тѣхъ живо и пылко создающихся разсказовъ, на которые самая сухость и уединенность жизни дѣйствуютъ тѣмъ, что вызываютъ ихъ сильнѣе? Можетъ быть, я слишкомъ много вносила пестрыхъ грезъ въ эти молодыя рѣчи—не знаю, право, только вечера мелькали, какъ тѣни“ [1]).

Н. Платонова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid., стр. 88—89.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія И. Н. Жданова. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ. Т. I и II. С.-Пб. 1904 и 1907 годъ. Стр. V+869 и IV+611. Цѣна за оба тома 4 руб. 50 коп.

Вскорѣ послѣ смерти профессора и академика И. Н. Жданова, скончавшагося 11-го іюля 1901 г., среди его почитателей и учениковъ возникла мысль увѣковѣчить память покойнаго путемъ изданія собранія его сочиненій. Въ это собраніе должны были войти, кромѣ уже напечатаннаго, и всѣ его статьи, оставшіяся въ рукописи. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ, куда обратились съ своею запискою гг. И. А. Шляпкинъ, С. Ѳ. Платоновъ, А. А. Шахматовъ, В. Н. Саитовъ, В. В. Сиповскій, А. А. Чебышевъ, Н. А. Кубасовъ и нѣкоторые другіе, весьма сочувственно отнеслось къ ихъ предложенію, выразивъ только желаніе, чтобы появляющіеся въ этомъ изданіи впервые и неполучившіе отъ самого автора окончательной обработки труды его были напечатаны, по возможности, въ томъ видѣ, въ какомъ они сохранились въ рукописяхъ. И вотъ, благодаря трудамъ и энергіи И. А. Шляпкина, А. А. Шахматова, А. А. Чебышева, Н. А. Кубасова и др., мы имѣемъ уже отпечатанными два обширныхъ тома сочиненій И. Н. Жданова, куда вошли всѣ его произведенія, кромѣ докторской диссертаціи: „Русскій былевой эпосъ“,— право переизданія которой принадлежитъ Л. Ф. Пантелѣеву, и лекцій какъ ранѣе напечатанныхъ, такъ и сохранившихся въ рукописяхъ. И какъ мы слышали, первый томъ этого изданія, куда вошли сочиненія по древней русской литературѣ, почти уже распроданъ. Это послѣднее обстоятельство, а также и то, что покойный профессоръ и ученый при своей необыкновенной скромности и даже нелюбви печататься въ популярныхъ органахъ, помѣщалъ свои строго „выношенныя“, обработанныя произведенія исключительно въ такихъ спеціальныхъ изданіяхъ

какъ „Кіевскія Университетскія Извѣстія“, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* и академическія изданія [1]), заставляетъ всѣхъ, кому только не чужды интересы русской словесности и литературы, отнестись съ особымъ привѣтствіемъ и съ особою благодарностью какъ къ лицамъ, возбудившимъ самую мысль изданія сочиненій И. Н. Жданова и затѣмъ много поработавшимъ надъ ея осуществленіемъ, такъ и къ отдѣленію русскаго языка и словесности академіи наукъ, принявшему на себя руководство и расходы по изданію.

Въ своей замѣткѣ о трудахъ И. Н. Жданова я, конечно, буду придерживаться обозрѣвательнаго метода, такъ какъ иной методъ въ данномъ случаѣ былъ бы и малоумѣстнымъ, а наибольшее вниманіе посвящу его лекціямъ, по поводу статьи о нихъ неизвѣстнаго автора во II томѣ.

Содержаніе I тома составляютъ слѣдующіе труды покойнаго ученаго: 1) „Слово о законѣ и благодати и Похвала кагану Владиміру“; 2) „Сочиненія царя Ивана Васильевича“; 3) „Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора“; 4) „Слово Даніила Заточника“; 5) „Русская поэзія въ до-Монгольскую эпоху“; 6) „Церковно-Земскій Соборъ 1551 г.“; 7) „Литература Слова о Полку Игоревѣ“; 8) „Палея“ (по поводу трудовъ: В. Успенскаго—„Толковая Палея“ и Александра Попова—„Книга бытіа небеси и земли“); 9) „Къ литературной исторіи былевой поэзіи“ (магистерская диссертація); 10) „Рѣчь по поводу празднованія тысячелѣтія со дня кончины славянскаго первоучителя св. Меѳодія“; 11) „Бесѣда трехъ святителей и Joca Monachorum“; 12) „Рѣчь передъ диспутомъ на степень доктора русской словесности“; 13) „Положенія докторской диссертаціи“; 14) „Греческія стихотворенія въ славянскихъ переводахъ“ и 15) „Повѣсть о королевичѣ Валтасарѣ и былины о Самсонѣ-Святогорѣ“.

Здѣсь нѣтъ, конечно, никакой надобности распространяться о работахъ, ранѣе напечатанныхъ, которыя въ свое время вызывали отзывы спеціалистовъ и которыя не разъ служили пособіемъ и руководствомъ для послѣдующихъ изслѣдователей; достаточно остановить вниманіе лишь на впервые появляющихся въ печати произведеніяхъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ, слѣдуя хронологическому порядку, издатели помѣстили кандидатскую диссертацію, содержаніемъ которой послу-

[1]) Только двѣ работы И. Н. Жданова были помѣщены — въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ („Церковно-Земскій Соборъ 1551 года“) и въ „Вѣстникѣ Всемірной Исторіи“ („Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“).

жило приписываемое Иларіону, первому Кіевскому митрополиту изъ русскихъ, „*Слово о законѣ и благодати и Похвала кагану Владиміру*". По поводу этой студенческой работы академикъ М. И. Сухомлиновъ въ составленной имъ въ 1899 г., по поводу избранія И. Н. Жданова въ ординарные академики, запискѣ объ ученыхъ трудахъ послѣдняго далъ такой отзывъ: „Этотъ драгоцѣнный памятникъ изученъ чрезвычайно тщательно И. Н. Ждановымъ, работа котораго, не смотря на то, что она была однимъ изъ первыхъ его трудовъ на ученомъ поприщѣ, отличается такими достоинствами, которыя сдѣлали бы честь и гораздо болѣе опытному изслѣдователю".

Второе по времени сочиненіе И. Н. Жданова и теперь впервые напечатанное, подъ заглавіемъ: „*Сочиненія царя Ивана Васильевича*", составлено изъ отчетовъ покойнаго, которые онъ представлялъ, какъ оставленный при университетѣ, историко-филологическому факультету въ 1872 — 75 гг. Не подводя въ нихъ окончательнаго итога, онъ, однако, сообщилъ не мало любопытныхъ и цѣнныхъ соображеній о литературныхъ вліяніяхъ, подъ какими воспитался талантъ „Грознаго", объ общественныхъ условіяхъ жизни того времени, объ отраженіи послѣдней въ произведеніяхъ Ивана IV, и т. д. Наблюдавшій за печатаніемъ этого сочиненія проф. П. А. Шляпкинъ допустилъ кой-какія весьма незначительные пропуски и сдѣлалъ нѣкоторыя примѣчанія преимущественно библіографическаго характера.

П. А. Шляпкинъ, редактировавшій и слѣдующее произведеніе И. Н. Жданова „*Слово Даніила Заточника*", призналъ необходимымъ для связи отдѣльныхъ частей его сдѣлать „немногочисленныя вставки"; кромѣ того ему же принадлежатъ названія отдѣльныхъ частей работы и библіографическія примѣчанія. По мнѣнію редактора, эта работа, представляющая собою пробную лекцію въ Кіевскомъ университетѣ, окончена составленіемъ до 1880 г. Далѣе, „*Рѣчь по поводу празднованія тысячелѣтія со дня кончины славянскаго первоучителя св. Меѳодія*", не „по нѣкоторымъ даннымъ", какъ говорятъ издатели (стр. IV), а дѣйствительно, была читана покойнымъ профессоромъ 14-го февраля 1885 г. для студентовъ историко-филологическаго института. Я хорошо помню, когда профессоръ за своими заключительными словами: „Съ любовью и гордостью смотримъ мы на народную словесность. Но пусть не ослѣпляетъ насъ эта гордость и любовь. Намъ еще многаго недостаетъ. Родное слово зоветъ насъ на трудъ, зоветъ всѣхъ, и особенно васъ, молодыя, свѣжія силы, носителей грядущаго",—привелъ извѣстные стихи Ломоносова:

„Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать!"

всѣ студенты, съ глубокимъ вниманіемъ слушавшіе оратора, при послѣднихъ словахъ его разразились дружными аплодисментами. Но... тутъ же и были остановлены въ своемъ невольномъ порывѣ окрикомъ директора К. В. Кедрова, предупреждавшаго, „чтобы больше этихъ дурацкихъ хлопаній не было!"

Послѣднею впервые напечатанною въ разсматриваемомъ первомъ томѣ была „*Рѣчь передъ диспутомъ на степень доктора русской словесности*", произнесенная 23-го апрѣля 1895 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ ней И. Н. Ждановъ счелъ нужнымъ, между прочимъ, остановиться на одномъ упрекѣ, который сплошь и рядомъ слышался по адресу сторонниковъ новаго направленія, а именно на томъ, что „останавливаясь на заимствованіяхъ и примѣсяхъ, изслѣдователи какъ будто забываютъ національное значеніе эпоса, забываютъ связь былины съ русскимъ историческимъ преданіемъ". „Эти упреки", отвѣчаетъ на нихъ Иванъ Николаевичъ, „имѣютъ видъ основательности, но вѣдь заимствованія въ эпосѣ подтверждаются указаніями, не подлежащими сомнѣнію"... „Толки о самобытности и подражательности въ эпосѣ", продолжаетъ онъ, „объ отношеніи родового и благопріобрѣтеннаго напоминаютъ мнѣ споры нѣкоторыхъ географовъ о томъ, Ока ли впадаетъ въ Волгу, или Волга въ Оку. Въ самомъ дѣлѣ, если опредѣлить ту массу воды, которую несетъ Волга въ нижнемъ своемъ теченіи, передъ впаденіемъ въ Каспій, то въ этой водѣ, конечно, лишь очень малая, ничтожная доля будетъ принадлежать той скромной рѣкѣ, которая, подъ именемъ Волги, течетъ около Твери и Углича. И однако, не смотря на то, что вода притоковъ значительно превосходитъ по объему воду рѣки-матери, права этой матери остаются неприкосновенными. Мы называемъ Волгу Волгой на всемъ ея теченіи, мы признаемъ ее единой, потому что она всей своей рѣчной системой связываетъ далекія окраины Руси съ ея центромъ, соединяетъ и срединныя части Руси живымъ путемъ. Подобную же объединяющую систему представляетъ и эпосъ съ его разнообразными притоками. Какъ бы ни были значительны эти притоки, какъ бы ни были велики заимствованія и примѣси въ эпосѣ, они не лишаютъ эпоса ни единства, ни національнаго значенія" (стр. 810—811).

Коснувшись въ заключеніи способа устной передачи былевого матеріала и указавъ на то, что даже „на сѣверной окраинѣ русской земли начинаетъ вымирать всѣмъ доступная бытовая пѣсня", что „старина забывается", и что „чувствуется потребность чего-то новаго", онъ такъ закончилъ свою рѣчь: „Это новое должно прійти вмѣстѣ съ образованіемъ, вмѣстѣ съ книгой, вмѣстѣ съ школой. Мы въ долгу передъ деревней. Она сохранила намъ старыя пѣсни и сказки, она передала намъ эти безцѣнные остатки древней литературы. Отплатимъ этотъ долгъ нашей новой художественной литературой. На смѣну забываемымъ пѣснямъ и сказкамъ должны выступить произведенія Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Толстого. Пусть эти писатели станутъ такими же народными, такими же всенародными, какими были въ старое время сказители былинъ" (стр. 815).— Какъ были бы умѣстны эти драгоцѣнныя слова и въ настоящій моментъ!

Появившійся три года спустя, послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома, *второй* томъ „*Сочиненій И. Н. Жданова*" обнимаетъ въ своихъ трехъ отдѣлахъ слѣдующія его произведенія: 1) „Н. И. Гнѣдичъ"; 2) „Нѣсколько словъ о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы"; 3) „Л. А. Мей"; 4) „О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ"; 5) „Д. И. Фонвизинъ"; 6) „Памяти В. Г. Бѣлинскаго"; 7) „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ"; 8) „Русалка Пушкина и „Das Donnauweibchen" (въ первомъ отдѣлѣ); 9) „Рѣчь къ студентамъ Историко-филологическаго факультета св. Владиміра объ А. А. Котляревскомъ"; 10) „О трудахъ А. Н. Веселовскаго"; 11) „О трудахъ Ѳ. И. Буслаева по исторіи русской словесности"; 12) „Учено-литературная дѣятельность Л. Н. Майкова" (второй отдѣлъ); 13) „О сочиненіяхъ А. С. Архангельскаго"; 14) „Отзывъ объ учебникахъ Яковлева и Смирновскаго"; 15) „Къ исторіи русскаго стихосложенія. По поводу книги В. Н. Перетца: „Изъ исторіи русской пѣсни"; 16) „Рецензія на сочиненіе И. Н. Созоновича: „Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію", и 17) „Рецензія на сочиненіе В. В. Сиповскаго: „Н. М. Карамзинъ, авторъ писемъ русскаго путешественника" (третій отдѣлъ).

Кромѣ указанныхъ статей И. Н. Жданова, въ разсматриваемый томъ—четвертымъ отдѣломъ—включены: 1) „О черновой рукописи III-й части изслѣдованія о „Валтасарѣ"—замѣтка С. Ѳ. Ольденбурга; 2) „И. Н. „Ждановъ".—Біографическій очеркъ, составленный А. Ч. и 3) „Нѣсколько словъ по поводу лекцій И. Н. Жданова".

Въ приложеніяхъ помѣщены портретъ И. Н. Жданова и указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ I и II томахъ.

Этимъ вторымъ томомъ и исчерпываются сочиненія покойнаго профессора и академика И. Н. Жданова, а біографическимъ очеркомъ его и пространною статьею объ лекціяхъ какъ бы подводится итогъ всей учено-литературной и профессорской его дѣятельности. Въ виду того, что біографическій очеркъ И. Н. Жданова, составленный А. Ч., является наиболѣе полнымъ изъ всего доселѣ напечатаннаго о покойномъ и, притомъ, основаннымъ на показаніяхъ и свидѣтельствахъ лицъ, близко его знавшихъ, мы прежде всего остановимся на этомъ очеркѣ.

И. Н. Ждановъ, уроженецъ г. Шенкурска Архангельской губерніи и воспитанникъ Шенкурскаго духовнаго училища и Архангельской духовной семинаріи, два года провелъ въ С.-Пб. духовной академіи и въ 1867 г. подалъ прошеніе въ правленіе академіи о разрѣшеніи ему перейти въ С.-Пб. университетъ для „изученія историческихъ наукъ". Но здѣсь на ряду съ изученіемъ исторіи, подъ вліяніемъ самого же К. Н. Бестужева-Рюмина, часто говорившаго своимъ слушателямъ, что „народная поэзія должна лечь во главѣ угла при изученіи исторіи народа, ибо въ ней хранится ключъ къ пониманію всѣхъ событій и всѣхъ переворотовъ этой исторіи", и еще болѣе О. О. Миллера,—онъ главное вниманіе свое обратилъ на народную словесность и изученіе ея поставилъ своею главною задачею до конца жизни. Воспринявъ отъ своего учителя М. И. Сухомлинова его основное воззрѣніе—во всѣхъ научныхъ работахъ стремиться къ возможно большему обилію матеріала и соблюдать крайнюю осторожность въ выводахъ,—И. Н. Ждановъ, какъ бы продолжая работу другого своего учителя О. Ѳ. Миллера, не пошелъ, однако, по пути, имъ указанному, а предпочелъ новый методъ—бенфеевскій, проводникомъ котораго въ годъ окончанія имъ университета явился молодой доцентъ А. Н. Веселовскій. Этимъ методомъ онъ пользовался во всѣхъ своихъ трудахъ и достигъ цѣннѣйшихъ результатовъ. Извѣстный славистъ и историкъ литературы, академикъ Ягичъ, заявившій еще при появленіи въ свѣтъ его магистерской диссертаціи, что этимъ трудомъ „авторъ достойнымъ образомъ ввелъ себя во все еще не очень длинный рядъ тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые поставили себѣ задачею строго-научное изученіе русской литературы",—такъ высказался объ его „Русскомъ былевомъ эпосѣ" (докторской диссертаціи): „Это лучшее и самое глубокомысленное изслѣдованіе, въ области изученія народнаго

эпоса и фольклора, изъ всѣхъ, какія только дали до сихъ поръ славянскія литературы".

Достиженіе И. Н. Ждановымъ столь цѣнныхъ результатовъ въ его научныхъ изслѣдованіяхъ возбудитъ еще большее удивленіе и уваженіе, если вспомнить, что, по выходѣ изъ духовной академіи до переѣзда въ Кіевъ, въ теченіе 12 лѣтъ онъ попросту голодалъ, перебиваясь заработкомъ отъ переписки и дешевыхъ уроковъ; печататься же не рѣшился до тѣхъ поръ, пока не было окончательно готово его цѣнное изслѣдованіе, подъ скромнымъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора", вышедшее въ свѣтъ въ 1876 г. Улучшилось его матеріальное положеніе съ переѣздомъ въ Кіевъ, но за счетъ по крайней мѣрѣ утроившагося педагогическаго труда. И кто знаетъ, не эти ли матеріальныя невзгоды и упорный трудъ, посвящаемый, съ одной стороны, добыванію насущнаго хлѣба и съ другой научнымъ изысканіямъ, были одною изъ серьезнѣйшихъ причинъ, по которымъ мы лишились крупнаго научнаго дѣятеля еще въ цвѣтѣ лѣтъ, не смотря на его прямо богатырское сложеніе. Мы хорошо помнимъ слова покойнаго профессора, когда онъ жилъ въ казенной квартирѣ Историко-филологическаго института и получалъ до 12.000 руб. въ годъ: „теперь это немного поздно, надо было, хотя и не столько, пораньше".

Изъ приведеннаго выше перечня статей И. Н. Жданова, вошедшихъ во II томъ, обратимся, какъ мы сдѣлали и при разсмотрѣніи содержанія перваго тома, только къ тѣмъ изъ нихъ, которыя до сихъ поръ не были напечатаны, такъ какъ остальныя, касающіяся, главнымъ образомъ А. С. Пушкина и В. Г. Бѣлинскаго, хорошо были извѣстны въ свое время и оцѣнены по достоинству.

Статьи эти слѣдующія: „Н. И. Гнѣдичъ" (рѣчь, произнесенная на актѣ Историко-филологическаго института, 5-го іюня 1884 г., по поводу столѣтія со дня рожденія знаменитаго переводчика „Иліады"); „Л. А. Мей" (рѣчь, читанная 18-го мая 1887 г. въ Александровскомъ Лицеѣ, по случаю 25-лѣтія кончины Л. А. Мея) и отзывъ объ учебникахъ Яковлева и Смирновскаго (докладъ, сдѣланный въ засѣданіи комиссіи для обсужденія вопроса о замѣнѣ учебниковъ по русскому языку для кадетскихъ корпусовъ, 26-го марта 1897 года).

Переводчикомъ „Иліады" И. Н. Ждановъ „одно время живо интересовался", собралъ много біографическихъ данныхъ о немъ и въ своей хотя нѣсколько запоздалой статьѣ далъ наилучшую характеристику поэтической дѣятельности одного изъ первыхъ сторонниковъ новаго слога, послѣдователя Лессинга и Гердера и самаго восторжен-

наго поклонника поэзіи Пушкина, какъ откровенія оригинальнаго русскаго генія. Послѣ довольно подробнаго обзора повѣствовательныхъ, драматическихъ и лирическихъ произведеній Н. И. Гнѣдича, которыя представляютъ лишь „пробу пера", онъ переходитъ къ важнѣйшимъ его трудамъ, составляющимъ его славу. Во главѣ этихъ трудовъ изслѣдователь ставитъ переводъ „Иліады" Гомера (въ особенности сдѣланный гекзаметромъ въ 1813—1829 гг.), „Сборникъ новогреческихъ пѣсенъ" въ русскомъ переводѣ и переводъ идилліи Ѳеокрита: „Сиракузянки или праздникъ Адониса".

Въ очеркѣ: „Л. А. Мей" авторъ далъ живую, подробную и правдивую характеристику творчества этого безвременно погибшаго поэта, которую онъ заключаетъ такъ: „Литературная форма произведеній Мея разнообразна. Онъ писалъ драмы, небольшія поэмы и разсказы, лирическія стихотворенія... Мей неподражаемый мастеръ въ поэтическомъ описаніи и въ поэтическомъ разсказѣ. Перечислять всѣ художественно переданные разсказы и картины, разсѣянные въ сочиненіяхъ Мея, было бы утомительно: ихъ слишкомъ много"...

Наконецъ, въ отзывѣ объ учебникахъ гг. Яковлева и Смирновскаго, покойный профессоръ сдѣлалъ рядъ существенныхъ поправокъ и замѣчаній, которыя могутъ быть весьма полезны и будущимъ составителямъ руководствъ по теоріи словесности. Особенно много поправокъ и замѣчаній, весьма серьезныхъ, сдѣлано къ „Учебному курсу теоріи словесности" В. Я. Яковлева, который онъ считаетъ „допустимымъ" лишь въ качествѣ „*пособія*" при преподаваніи; а „Теорію словесности" П. В. Смирновскаго находитъ, не смотря на нѣкоторыя замѣчаемые имъ промахи и недочеты, пригодною въ качествѣ „класснаго учебника".

Перехожу теперь къ статьѣ: „*Нѣсколько словъ по поводу лекцій И. Н. Жданова*". Авторъ этой статьи, пожелавшій остаться неизвѣстнымъ и обозрѣвшій въ ней 14 разныхъ курсовъ профессора, въ своемъ предисловіи, между прочимъ, говоритъ такъ: „Сохранившіяся „Лекціи" И. Н. Жданова—это вороха бумаги, со слѣдами дурной литографіи, бумаги, исписанной разными почерками; въ общей массѣ, это—пестрая смѣсь разныхъ стилей, отрывки изъ „чужихъ" изслѣдованій, кое-какъ спаянные компилятивными набросками, между строкъ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ-нѣтъ блеснетъ оригинальная, новая мысль, нерѣдко облеченная даже въ ту самую форму, въ какой она вышла изъ устъ самого профессора, словомъ, отрывокъ живой рѣчи Ивана Николаевича съ каѳедры"... Относительно самаго „составленія" или

„изданія“ этихъ „лекцій“ читаемъ дальше слѣдующее:—„И. Н. Ждановъ какъ будто не дорожилъ тѣмъ, чтобы его лекціи были точнымъ воспроизведеніемъ его „чтеній“; по крайней мѣрѣ, онъ не соглашался ни на редактированіе ихъ, ни на предварительный передъ отдачей въ типографію просмотръ записанныхъ лекцій, ни на исправленіе; въ лучшемъ случаѣ, онъ *снисходилъ* на просьбу прослушать тѣ мѣста записи, которыя самому записывавшему казались сомнительными, и дѣлалъ устно кой-какія указанія; въ большинствѣ же случаевъ онъ подписывалъ предлагаемый листъ къ печати, не вчитываясь въ него, или даже ограничивался выдачей разрѣшенія на изданіе его лекцій „такому-то“. Самая запись велась обыкновенно не однимъ слушателемъ, а сплошь и рядомъ лекціи записывались нѣсколькими лицами—по очереди, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ записи вели одновременно двое, а то и трое. Затѣмъ эти записи переписывались далеко не тотчасъ по окончаніи лекціи, а спустя иной разъ довольно продолжительное время, по мѣрѣ накопленія матеріала или по какимъ либо инымъ обстоятельствамъ“... (стр. 567 и 569).

Нѣсколько далѣе читаемъ: „не смотря на значительное количество оставшихся въ бумагахъ покойнаго конспектовъ его чтеній, „возстановить“ курсы И. Н. Жданова въ болѣе или менѣе точномъ видѣ, на основаніи этихъ конспектовъ и при помощи отлитографированныхъ лекцій, не представляется возможнымъ...“ (стр. 570).

И, наконецъ, въ заключеніе, послѣ всего вышесказаннаго цитируемый нами авторъ говоритъ: „Какъ бы то ни было, но ученики И. Н. Жданова сохранили отъ забвенія циклъ курсовъ своего учителя, такой циклъ, который, при бѣдности у насъ общихъ курсовъ по словесности, можетъ служить *отличнымъ пособіемъ* (курсивъ нашъ) не только при знакомствѣ съ исторіей русской литературы, но и при изученіи отечественной словесности, начиная отъ народной поэзіи и древней письменности, кончая первой половиной XIX столѣтія. Многія основныя, характерныя черты именно ждановскихъ курсовъ въ „Лекціяхъ“ сохранены, сохранена ихъ программа, не искажена оригинальная постановка Ждановымъ нѣкоторыхъ историко-литературныхъ вопросовъ, на многихъ листахъ этихъ „Лекцій“ замѣтно до сихъ поръ и то освѣщеніе, какое давалъ И. Н. Ждановъ многимъ вопросамъ, остававшимся до него невыясненными или спорными, освѣщеніе цѣлыхъ эпохъ и портретовъ минувшихъ дѣятелей исторіи и литературы; вообще же сохранено много подробностей, которыя живо вызываютъ въ памяти,

при чтеніи этихъ „Лекцій“, образъ покойнаго профессора и ученаго. Неудивительно, что литографированные курсы Жданова, при всѣхъ недочетахъ,—настольная книга многихъ и многихъ преподавателей русской словесности“ (стр. 571).

Съ вышеприведенными замѣчаніями и заключеніями нашего автора, слушателя покойнаго профессора въ позднѣйшіе годы его дѣятельности, какъ это видно изъ приведенныхъ имъ курсовъ, я вполнѣ согласиться не могу. Мнѣ самому довелось быть составителемъ и издателемъ „курсовъ“ покойнаго профессора цѣлыхъ четыре года и притомъ первыхъ его курсовъ, съ 1883 по 1887 г. Въ то время Иванъ Николаевичъ не *„снисходилъ“* на просьбу прослушать непонятныя и сомнительныя для составителя мѣста, а принималъ болѣе живое участіе. Почти каждую субботу и уже обязательно въ двѣ недѣли разъ, лично я и рѣже мой сотоварищъ, болѣе всего интересовавшійся словесностью, В. И. Хваленскій,—вмѣстѣ съ которымъ мы по преимуществу и записывали „чтенія“ профессора, очень рѣдко замѣняемые тотъ или другой кѣмъ либо изъ бойко пишущихъ студентовъ, и притомъ особымъ усвоеннымъ нами сокращеннымъ письмомъ,—приносилъ начисто переписанныя лекціи для прочтенія профессору въ его первыхъ „поднебесныхъ“, какъ онъ шутя называлъ, квартирахъ на Моховой и Стремянной ул., и мы проводили за этимъ чтеніемъ 2 и 3 часа. Иванъ Николаевичъ всегда внимательно выслушивалъ читаемое, заставлялъ повторять, поправлялъ и дополнялъ. Послѣ этого тщательно и разборчиво переписанныя химическими чернилами лекціи относились въ литографію Гробовой на Большомъ просп., Петербургской стороны. Такимъ путемъ нами составлены были слѣдующіе курсы: 1) „Лекціи по исторіи русской литературы“, за 1883—1884 ак. годы. (Общій курсъ, часть I); 2) „Исторія литературы (XVIII вѣкъ) по лекціямъ проф. И. Н. Жданова, читаннымъ студентамъ II курса И. И. Ф. Института въ 1884—1885 ак. г.; 3) Исторія русской литературы (II пол. XVIII в.) по лекціямъ проф. Жданова, читаннымъ студентамъ III и IV курсовъ И. И. Ф. Института. Изданіе студентовъ: В. Рудакова и В. Хваленскаго. С.-Пб. 1885—1886 г.“; 4) „Василій Андреевичъ Жуковскій, по лекціямъ И. Н. Жданова“ и 5) „А. С. Пушкинъ. Лекціи И. Н. Жданова“—оба курса, читанные студентамъ III и IV курсовъ И. И. Ф. Института, въ 1886—1887 ак. г.

Кромѣ того у меня имѣются еще: 1) „Русская народная словесность. Лекціи проф. И. Н. Жданова“, читанныя студентамъ IV курса И. И. Ф. Института въ 1883—1884 ак. г. На нихъ отлитографи-

рована единственная собственноручная помѣта Ивана Николаевича: „Можно литографировать. Ив. Ждановъ", и 2) „Николай Васильевичъ Гоголь. Лекціи И. Н. Жданова. 1887—1888 г.".

Ни одинъ изъ этихъ „курсовъ" не былъ въ разсмотрѣніи у нашего обозрѣвателя, и говоритъ онъ о подобныхъ имъ лекціяхъ по позднѣйшимъ изданіямъ, а особыя лекціи по „Русской народной словесности" на 280 стр. остались ему совершенно неизвѣстными; онъ говоритъ о послѣдней по общему первому курсу. Между тѣмъ эти-то именно лекціи составлялись преимущественно по собственноручнымъ записямъ покойнаго профессора и вѣрнѣе переписывались съ нихъ, такъ какъ въ то время на IV курсѣ было всего два студента, Колеровъ и Семидаловъ, послѣдніе представители институтскаго *разряда русской словесности*, никогда болѣе не возрождавшагося при жизни Ивана Николаевича, — отчего и лекціи, имъ читанныя были первымъ и послѣднимъ спеціальнымъ курсомъ по „Русской народной словесности". На нихъ-то я и намѣренъ остановить наибольшее вниманіе.

Начавъ свою первую лекцію словами: „Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію исторіи русской народной словесности, нужно сдѣлать небольшое вступленіе для выясненія цѣли и задачъ изученія этого рода литературы, а также и вообще литературы";—проф. Ждановъ посвятилъ этому выясненію цѣлыхъ 60 страницъ; произведя детальный разборъ древнѣйшихъ и простѣйшихъ основъ литературы—слова, миѳа и языка (эпоса) и покончивъ съ опредѣленіями литературы, онъ переходитъ къ рѣшенію вопроса: „почему поэтическіе памятники занимаютъ первое и важное мѣсто въ области литературы"?—и тѣсно связаннаго съ нимъ другого вопроса: „какія прозаическія произведенія могутъ входить въ область исторіи литературы"? Послѣ этого, „переходя къ изученію русской народной поэзіи", онъ предварительно дѣлаетъ подробный анализъ *стиля*, гдѣ трактуется о постоянныхъ эпитетахъ, сравненіяхъ и уподобленіяхъ и подробнѣе всего о народной символикѣ съ цѣлымъ рядомъ примѣровъ.

„Покончивъ", читаемъ на стр. 97, „съ предварительными общими вопросами объ особенностяхъ народной поэзіи, перехожу теперь къ частностямъ. Сначала разсмотрю *памятники обрядовой поэзіи: заговоръ* и *пѣсни обрядовыя;* потомъ перейду къ *былевой поэзіи*, т. е. къ *былинамъ* и *историческимъ пѣснямъ* сѣверно и южно-русскимъ, а затѣмъ къ *народно-дидактической поэзіи: сказкамъ и пословицамъ*. Такой порядокъ, мнѣ кажется, отвѣчаетъ той послѣдовательности, съ

какою возникли памятники народнаго эпоса. Въ самомъ дѣлѣ, первоначальная обрядовая поэзія слагается въ древнѣйшую эпоху жизни народа, былевая — въ историческую пору его существованія. Что касается народно-дидактической поэзіи, то она представляетъ вырожденіе народнаго эпоса или, лучше сказать, перерожденіе его въ тотъ видъ литературы, который называется прозой. Этотъ порядокъ, стало быть, оправдывается самымъ характеромъ развитія литературы. Въ заключеніе представлю свои замѣчанія о *загадкахъ*. Основа ихъ кроется въ древней символикѣ. Не всѣ символы остаются до послѣдней поры, нѣкоторые изъ нихъ забываются и становятся загадками. Коренясь въ древнемъ символизмѣ, загадки имѣютъ связь со всѣми памятниками народной поэзіи: ихъ можно встрѣтить, какъ подробность, и въ былинѣ, и въ сказкѣ. Онѣ, собственно говоря, не составляютъ особаго отдѣла народной поэзіи, а входятъ, какъ „обломки", во всѣ отдѣлы ея" (стр. 98).

Прослѣдивъ сначала вкратцѣ „положительныя свидѣтельства, указывающія существованіе *заговоровъ*", затѣмъ указавъ на путь ихъ основныхъ частей, онъ знакомитъ съ мнѣніями ученыхъ относительно основы заговора и его древнѣйшей формы и дѣлаетъ послѣ этого такое „общее заключеніе о заговорѣ":

„1) Я вполнѣ согласенъ съ опредѣленіемъ заговора, сдѣланнымъ Крушевскимъ, потому что основа заговора — вѣра въ силу человѣческаго слова. Если это такъ, то всякое желаніе можетъ стать заговоромъ.

2) Развитіе въ заговорѣ символической части представляется мнѣ зависящимъ отъ символизма древняго языка. Но нужно отличать символъ, скрытый въ языкѣ, отъ символа въ заговорѣ, ясно выраженнаго.

3) Что касается миѳологической части заговора, то она явленіе позднѣйшее. Не молитва превращается въ заговоръ, а наоборотъ" (стр. 133).

Далѣе сейчасъ же идетъ рѣчь о хранителяхъ всякихъ тайныхъ знаній: волхвахъ, кудесникахъ, знахаряхъ и о молитвахъ, принимающихъ форму заговора и т. п.

Въ отдѣлѣ „*Обрядовыя пѣсни*" разсмотрѣны: сначала — *свадебныя пѣсни*, потомъ *причитанья похоронныя* и наконецъ *праздничные обряды и пѣсни*. „*Былевому эпосу*", сравнительно съ предыдущими отдѣлами, посвящено здѣсь немного мѣста, всего 30 стр.

Переходя къ этому отдѣлу, очевидно, уже въ виду очень близкаго

окончанія лекцій вообще, Иванъ Николаевичъ началъ его слѣдующими словами: „Сдѣлаю теперь нѣсколько замѣчаній о былевомъ эпосѣ". Замѣчанія эти коснулись миѳологической и исторической теорій происхожденія былевыхъ пѣсенъ и затѣмъ былинъ кіевскихъ или Владимірова цикла. Этимъ и заканчивается первый и послѣдній курсъ „Русской народной словесности", читанный И. Н. Ждановымъ студентамъ С.-Пб. Ист. фил. Института на обреченномъ тогда на смерть разрядѣ русской словесности [1]).

Всѣ отдѣлы названнаго курса снабжены указаніями печатныхъ пособій, при всѣхъ цитатахъ, выдержкахъ точнѣйшія даты сочиненій, откуда они заимствованы, и страницъ. Нечего и говорить объ своеобразности живого и литературнаго языка лекцій. Все это вмѣстѣ взятое говоритъ на нашъ взглядъ за то, что цитированныя лекціи сохранили не только „многія основныя, характерныя черты ждановскихъ курсовъ", не только „ихъ программу" и „освѣщеніе", какое давалъ покойный профессоръ, но онѣ прямо-таки являются если не вполнѣ его произведеніемъ, то самымъ точнымъ воспроизведеніемъ читанныхъ тогда имъ лекцій.

„*Исторія русской литературы*", читанная въ 1883—4 ак. году на первомъ общемъ курсѣ, открывалась, послѣ вступительной лекціи, посвященной опредѣленію понятій: „литература" и „исторія литературы", обозрѣніемъ литературныхъ памятниковъ до-монгольскаго періода, сначала поэтическихъ — „Слова о полку Игоревѣ" и „Моленія Даніила Заточника", а затѣмъ прозаическихъ. Послѣ того слѣдовалъ довольно пространный обзоръ литературы монгольскаго періода и въ заключеніе — литературы XVI и XVII вв.; но въ послѣднемъ обзорѣ разсмотрѣны за эти два столѣтія только памятники поэтическіе; обозрѣніе же прозаическихъ должно было закончиться на краткой характеристикѣ

[1]) До сихъ поръ мнѣ памятно то волненіе, которое переживало большинство тогдашнихъ студентовъ Института по поводу закрытія словеснаго разряда. Послѣ строго научныхъ спеціальныхъ лекцій Жданова, излагаемыхъ въ живой и увлекательной формѣ, нужно было всѣмъ, кто только не искалъ спасенія въ греческой и латинской грамматикахъ, довольствоваться вновь открытымъ, вмѣсто словеснаго, историческимъ разрядомъ. — Теперь, пожалуй, этому и не повѣрятъ, но я и нѣкоторые мои товарищи съ грустью вспоминаемъ то время „зубренія" въ Институтѣ, подъ грозной ферулой К. В. Кедрова, отъ всѣхъ студентовъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ требовавшаго лишь хорошихъ отмѣтокъ по древнимъ языкамъ. Жизнь и отраду давало только одно свѣтлое явленіе — незабвенный И. Н. Ждановъ.

поученій двухъ современниковъ и соперниковъ — митрополита Даніила, послѣдователя Іосифа Волоцкаго, и Максима Грека.

Въ тѣхъ же первыхъ общихъ курсахъ, которые имѣлъ въ своемъ распоряженіи авторъ статьи: „Нѣсколько словъ по поводу лекцій И. Н. Жданова", послѣ вступительной лекціи о „литературѣ" и „исторіи литературы", предварительно предлагался обзоръ народной поэзіи, само собою разумѣется, далеко не въ той пространной формѣ, какъ въ вышеизложенномъ нами курсѣ „Русской народной словесности", тѣмъ болѣе, что въ этомъ предварительномъ обзорѣ „центральное мѣсто отводилось разсмотрѣнію былевого эпоса" (стр. 573), котораго только отчасти касался профессоръ въ спеціальномъ курсѣ. А затѣмъ и въ этихъ курсахъ шло обозрѣніе памятниковъ до-монгольскаго періода и только нѣкоторыхъ начальныхъ памятниковъ монгольскаго и то въ сжатой, конспективной формѣ.

Исторія русской литературы, читанная въ 1884—5 ак. г. на второмъ общемъ курсѣ и посвященная „новой русской словесности", представляетъ собою до нѣкоторой степени оригиналъ „II части общаго курса", разсмотрѣннаго нашимъ авторомъ на стр. 576 — 578, гдѣ, впрочемъ, не упоминается о мемуарахъ (запискахъ) Долгоруковой, Неплюева, Нащокина и Шаховскаго, приведенныхъ въ концѣ имѣющагося у меня курса.

Начиная съ 1885—6 ак. г., И. Н. Ждановъ приступилъ къ чтенію спеціальныхъ лекцій для студентовъ III и IV курсовъ. Въ этомъ академическомъ году имъ была прочитана „*Исторія литературы второй половины XVIII вѣка*", такъ называемой Екатерининской эпохи, раздѣленная на слѣдующія главы: 1) „*Екатерина II*" (ея біографія и „воззрѣнія" въ эпоху сношеній и переписки съ „знаменитыми мыслителями просвѣщеннаго запада"; состояніе русскаго общества того времени). 2) „*Литературная дѣятельность Екатерины II*" (сатирическія произведенія, комедіи и публицистика— „Наказъ"). 3) „*Сатирическіе журналы*" (общая ихъ характеристика со стороны содержанія и формы, главные представители — Козицкій, Чулковъ, Рубанъ, Эминъ и Н. И. Новиковъ. Разсматривая дѣятельность Новикова, профессоръ коснулся и его ближайшаго сотрудника, профессора Московскаго университета Шварца, масонства и дѣятельности А. Н. Радищева, которая, по словамъ профессора, „въ общихъ чертахъ представляетъ сходство съ дѣятельностью Новикова". 4) „*Драма*" (Фонвизинъ, стр. 116 — 164, Княжнинъ, стр. 165 — 196, и Капнистъ, стр. 197—201). 5) „*Ода*" (Державинъ, стр. 201 — 230). 6) „*Шутливыя этическія*

произведенія" (И. Ѳ. Богдановичъ и В. И. Майковъ). 7) „*Публицистика*" (князь М. М. Щербатовъ, И. Н. Болтинъ).

Конецъ этого курса посвященъ профессоромъ дѣятельности Н. М. Карамзина. „Перехожу", читаемъ на стр. 248, „ко второй группѣ явленій, центръ которыхъ занимаетъ Карамзинъ, выступившій на литературное поприще въ концѣ царствованія Екатерины II и только поэтому примыкающій къ ея эпохѣ, такъ какъ развитіе его дѣятельности и, такъ сказать, расцвѣтъ ея принадлежитъ слѣдующему вѣку. Подобно тому, какъ обозрѣніе литературныхъ явленій Екатерининской эпохи мы сосредоточивали вокругъ центральной фигуры Екатерины, такъ точно и слѣдующій кругъ явленій сосредоточиваемъ вокругъ дѣятельности Карамзина, вліяніе котораго, безъ сомнѣнія, было очень велико".

Сравнивая этотъ курсъ съ цитированнымъ на стр. 585—587, врядъ ли можно усмотрѣть болѣе или менѣе крупныя различія между ними, не смотря на двѣнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ время составленія одного отъ другого. Во всякомъ случаѣ не безъинтересно было бы и не лишено своего значенія детальное сравненіе этихъ курсовъ, а также и нѣкоторыхъ другихъ, тожественныхъ по содержанію и составленныхъ въ значительные промежутки одинъ отъ другого.

Въ теченіе 1886—7 ак. г. И. Н. Ждановъ прочелъ о „*Василіѣ Андреевичѣ Жуковскомъ*" и „*А. С. Пушкинѣ*". Первый курсъ онъ начинаетъ словами: „Съ началомъ новой русской литературы мы уже знакомы: она, какъ мы видѣли, началась съ подражанія литературамъ Западной Европы. Самый смыслъ реформы Петра, со времени котораго и начинается новая русская литература, заключается въ усвоеніи образованія Западной Европы, въ перенесеніи на русскую почву сложившихся въ ней формъ государственной и общественной жизни. Точно также и наши писатели того времени обращали свои силы на выработку формъ литературныхъ, сложившихся и господствовавшихъ на Западѣ. На Западѣ же это время было временемъ безусловнаго господства псевдо-классической литературы"... „Наши писатели XVIII вѣка, когда началось ихъ ознакомленіе съ западно-европейской литературой, роковымъ образомъ должны были также усвоить тѣ формы, которыя выработались во Франціи"... „Но господство псевдоклассической литературы у насъ было не долговременно; она у насъ была, такъ сказать, однолѣтнимъ растеніемъ"... Далѣе идетъ рѣчь о реакціи псевдо-классицизма, признакахъ новаго направленія и роли Карамзина, какъ проводника этого направленія въ русскую литера-

туру. „Но какъ ни широка", читаемъ на стр. 11 „Лекцій", и какъ ни разнообразна была его дѣятельность, въ ней былъ пробѣлъ, который и предстояло выполнить его преемникамъ на литературномъ поприщѣ. Пробѣлъ этотъ — поэтическія произведенія. Карамзинъ поэтомъ въ собственномъ смыслѣ не былъ; онъ, правда, писалъ стихи, но въ нихъ такъ мало поэтическаго, что теперь они могутъ интересовать насъ только, какъ фактъ исторіи литературы. Такимъ образомъ новое направленіе, введенное имъ, не имѣло поэта. Какъ пополненіе этого пробѣла, и можетъ быть разсматриваема литературная дѣятельность В. А. Жуковскаго, который былъ поэтомъ по преимуществу". Послѣ подробнаго обзора его литературной дѣятельности, покойный профессоръ такъ резюмировалъ значеніе его въ нашей литературѣ: 1) „Жуковскій явился поэтомъ сентиментальной школы. Значеніе этой школы безспорно: она вытѣснила ложно-классическую теорію, проявлявшуюся въ поэзіи торжественными одами съ ихъ надутымъ паѳосомъ. 2) Жуковскій имѣетъ значеніе какъ переводчикъ: онъ далъ цѣлый рядъ переводовъ и тѣмъ самымъ познакомилъ русское общество съ выдающимися дѣятелями западной литературы".

Что касается лекцій объ *„А. С. Пушкинѣ"*, то онѣ были только первой частью курса о немъ. Цитированный на стр. 592—594 курсъ „А. С. Пушкинъ" (изд. 1890 г.) значительно полнѣе и шире его. Курсъ же перваго времени о В. А. Жуковскомъ почти ничѣмъ не отличается отъ излагаемаго на стр. 588—590.

Въ заключеніе укажу на послѣдній имѣющійся у меня курсъ лекцій И. Н. Жданова: *„Н. В. Гоголь"*; этотъ курсъ, повидимому, весьма сходенъ съ цитированнымъ на стр. 595—598, не смотря на то, что одинъ изъ нихъ читался въ 1887—8 ак. г., а другой въ 1896—7 г.

Сопоставляя теперь число курсовъ нашего времени со всѣми 14 курсами, разсмотрѣнными неизвѣстнымъ авторомъ, мы найдемъ, что послѣ 1888 г. покойнымъ профессоромъ были прочитаны слѣдующіе новые курсы: 1) „Духовные стихи" (1893), 2) „Русская литература XV и XVI вв.," 3) „Очерки умственной жизни XVI и XVII вв.," 4) „М. Ю. Лермонтовъ" и 5) „Обозрѣніе исторіографіи русской литературы" (1895—6 ак. г.).

Я намѣренно приводилъ цитаты изъ „Лекцій" И. Н. Жданова и думаю, что многіе ученики покойнаго профессора услышатъ въ нихъ именно его рѣчь съ ея извѣстными оттѣнками и любимымъ: „въ самомъ дѣлѣ"... Припоминая затѣмъ способъ составленія и провѣрки лекцій въ мое и ближайшее затѣмъ время, я не могу не признать

ихъ очень близкими къ „чтеніямъ“ самого профессора; а принимая во вниманіе ихъ содержательность, научную постановку, ясность изложенія и нѣкоторую оригинальность, я полагалъ бы возможнымъ и даже необходимымъ появленіе въ печати „Лекцій“ И. Н. Жданова, хотя бы нѣкоторыхъ курсовъ, въ возможно, конечно, точномъ ихъ воспроизведеніи. Тогда бы только онѣ и могли быть дѣйствительно „отличнымъ пособіемъ“ и „настольной книгой“ и не для „многихъ преподавателей“, а для всѣхъ, интересующихся русской литературой.

В. Рудаковъ.

Thomas Day Seymour, LIFE IN THE HOMERIC AGE. New York, London. 1907. VII + 704 pgg.

Новый обширный трудъ о гомеровскомъ вѣкѣ ставитъ своею задачею дать всесторонній обзоръ культуры, описываемой въ Иліадѣ и Одиссеѣ, при чемъ авторъ пользуется и данными археологіи, въ особенности на почвѣ Греціи, но также странъ Востока и западной Европы, и сравнительнымъ изученіемъ историческихъ явленій.

При такой широтѣ постановки своей темы авторъ не обходитъ и вопросовъ историко-литературныхъ, отношенія поэтовъ къ сказанію, предшествующей Гомеру исторіи героической пѣсни, композиціи Иліады и Одиссеи.

Нельзя, однако, не замѣтить, что эти существенные вопросы, опредѣляющіе отношеніе изслѣдователя къ неисчерпаемому богатству историческаго матеріала, сосредоточенному въ гомеровскихъ поэмахъ, остаются мало разъясненными. Въ разныхъ мѣстахъ книги мы наталкиваемся на прямыя противорѣчія въ сужденіяхъ автора по этому предмету.

Въ началѣ книги авторъ отклоняетъ доказательность всѣхъ тѣхъ признаковъ въ содержаніи Одиссеи, въ коихъ критика усматривала позднѣйшее происхожденіе этой поэмы сравнительно съ Иліадой. Упоминаніе только въ Одиссеѣ, не въ Иліадѣ: кипариса, пальмы, лавра и фиги, также оракуловъ и Сициліи, многократное упоминаніе Египта, только разъ упоминаемаго въ Иліадѣ,—все это авторъ считаетъ несущественнымъ и игрою случая. При томъ Сицилія, говоритъ онъ на стр. 13, примѣч. 2, упомянута въ Одиссеѣ только въ мѣстахъ, очевидно, болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ остальная поэма (υ 383, ω 211, 366 sqq.). Иліада и Одиссея обладаютъ, по словамъ автора,

такимъ единствомъ, что его трудно объяснить при условіи, еслибъ онѣ представляли трудъ нѣсколькихъ поэтовъ (стр. 15); „никто не сомнѣвается, что поэтъ, котораго греки и мы называемъ Гомеромъ, пользовался съ совершенною свободою матеріаломъ, какой вмѣстѣ съ другими бардами онъ унаслѣдовалъ, и который накоплялся поколѣніями, въ процессѣ постепеннаго наростанія, и что его преемниками дѣлались добавленія къ поэмѣ“, но „печать великой личности лежитъ, повидимому, на каждой изъ двухъ поэмъ“.

Если въ результатѣ всѣхъ этихъ разсужденій явствуетъ, что авторъ новой книги о Гомерѣ становится въ ряды унитаріевъ и при томъ склоненъ приписывать и Одиссею одному времени и одному поэту съ Иліадой, если авторъ отрицательно относится къ попыткамъ П. Кауера и К. Роберта различить культурныя наслоенія въ гомеровыхъ поэмахъ (стр. 11 слѣд.), то на дѣлѣ, чѣмъ далѣе подвигается его тщательная сводка матеріала по тѣмъ или другимъ областямъ культуры духовной и матеріальной, тѣмъ болѣе сомнѣній является у читателя въ устойчивости взглядовъ автора, высказанныхъ на вступительныхъ страницахъ книги.

Такъ, прежде всего, относительно Одиссеи въ ея отличіяхъ отъ Иліады.

На стр. 398-ой, въ примѣчаніи 1-омъ читаемъ еще, что „моральный уровень Одиссеи былъ понимаемъ какъ признакъ прогресса сравнительно съ уровнемъ Иліады, но, можетъ быть, это видимое различіе объясняется обстоятельствами двухъ поэмъ“, однако на стр. 652-ой Одиссея уже представляется автору поэмою болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ Иліада.

Далѣе, когда авторъ говоритъ о добавленіяхъ къ поэмамъ Гомера его преемниковъ, насколько многочисленными и значительными онъ ихъ считаетъ?

Неоднократно авторъ указываетъ небольшія интерполяціи съ признаками въ нихъ позднѣйшей культуры.

Такъ, стр. 211, примѣч. 2, по поводу стиховъ δ 621—624: „эти четыре стиха, повидимому, существовали въ изданіи Зенодота... Возможно, что они основаны на раннихъ формахъ спартанскихъ общихъ трапезъ“. Стр. 589 и стр. 644 о доспѣхахъ Агамемнона (панцырѣ и щитѣ) въ началѣ Λ: „подарокъ Агамемнону отъ Кинира Кипрскаго (ст. 20) менѣе понятенъ, такъ какъ Кипръ, повидимому, выходилъ изъ сферы вліянія царя Микенъ (ср. впрочемъ объ этихъ стихахъ Hall, The oldest civilisation of Greece. London. 1901, pg. 261, и о раннихъ

связяхъ Кипра съ Греціей, pg. 110, pg. 157). Надо вспомнить также, что Кипръ не является въ другихъ пѣсняхъ Иліады и что греки Микенскаго вѣка не носили панцыря". „Круглый щитъ былъ введенъ въ Грецію въ послѣднее время эпическаго вѣка или по крайней мѣрѣ раньше сочиненія тѣхъ стиховъ въ началѣ Λ, которые описываютъ щитъ Агамемнона (pg. 644. у іонянъ круглый щитъ былъ въ употребленіи въ VII, VIII или IX вѣкахъ), но эти стихи были составлены, несомнѣнно, много позднѣе, чѣмъ боевыя сцены той же книги (здѣсь авторъ отмѣчаетъ также не-гомеровскую эмблему на щитѣ и слово κύκλος въ значеніи не круглый кусокъ кожи, дерева или другого матеріала, а ободъ). Стр. 644, по поводу Λ 374: „это единственное мѣсто въ гомеровскихъ поэмахъ, гдѣ панцырь снимается съ тѣла убитаго, а это само собою внушаетъ мысль, что мѣсто это, можетъ быть,—позднѣйшаго происхожденія". Вообще авторъ всецѣло слѣдуетъ предположеніямъ Рейхеля о характерѣ гомеровскаго вооруженія („микенскаго"), готовый, вслѣдъ за этимъ изслѣдователемъ, признать за интерполяціи всѣ случаи, гдѣ панцырь упоминается у Гомера такъ, что не можетъ быть устраненъ особымъ толкованіемъ, введеннымъ въ ученый обиходъ тѣмъ же археологомъ (pg. 652). Стр. 442, о Діонисѣ у Гомера: „Діонисъ не принимаетъ участія въ дѣйствіи и не является на Гомеровомъ Олимпѣ. Дѣйствительно, четыре мѣста (Z 132, Ξ 325, λ 325, ω 74), гдѣ онъ названъ, не безъ основанія заподозриваются въ болѣе позднемъ происхожденіи, чѣмъ ядро поэмъ. Стр. 619—стихи N 421—423, на основаніи наблюденій надъ исходомъ ранъ въ грудь, задъ или въ пахъ, всегда летальный у Гомера (ср. Frölich, Die Militärmedicin Homers. Stuttgart), признаются позаимствованными изъ Θ (см. 332), гдѣ они болѣе на мѣстѣ. Менѣе опредѣленны размѣры интерполяціи (или вставного эпизода?), допускаемой въ Ξ, на стр. 424: „Гера—дочь Кроноса и Реи, но вскормлена Океаномъ и Тиоидой, которая приняла ее, когда Зевсъ заключилъ Кроноса подъ землю и море (Ξ 201)", примѣчаніе: „очевидно, какъ бы то ни было, что это несогласно съ Ξ 296, стихомъ, предполагающимъ что связь Зевса и Геры началась раньше сверженія Кроноса. Оба мѣста, повидимому, должны быть болѣе поздняго происхожденія".

Авторъ, далѣе, раздѣляетъ, конечно, такіе общепризнанные результаты высшей гомеровской критики, для ω и Долоніи, опирающіеся на авторитетъ еще древнихъ, какъ позднѣйшее происхожденіе Каталога кораблей (стр. 12), Долоніи, стр. 652 слѣд., послѣдней пѣсни Одиссеи (стр. 436). Но этимъ дѣло не ограничивается.

Для дѣйствительной готовности автора пойти дальше въ уступкахъ раздѣлительной критикѣ характерно примѣчаніе на стр. 456-ой: „Одиннадцатая книга Одиссеи (Некія), сообщающая о посѣщеніи Одиссеемъ жилища Аида, содержитъ много такого, чему нѣтъ параллелей въ прочихъ пѣсняхъ поэмъ, — *частью* въ зависимости отъ свойствъ сюжета; сцена въ царствѣ Аида во вступленіи послѣдней пѣсни Одиссеи (такъ называемой второй Некіи) большинствомъ ученыхъ признана была за произведеніе позднее и девятая книга Иліады, ссылка на которую сдѣлана ниже, *не можетъ быть одной изъ самыхъ раннихъ частей поэмы*. Такимъ образомъ наши заключенія по этому предмету (глава книги посвящена Аиду и его царству) должны содержать много такого, что сомнительно". Авторъ, слѣдовательно, склоненъ видѣть въ этихъ пѣсняхъ признаки воззрѣній позднѣйшаго времени. Обрядъ культа умершихъ, совершаемый Одиссеемъ въ Некіи, справедливо сближается авторомъ (стр. 472 слѣд.) съ обрядомъ, извѣстнымъ намъ изъ трагиковъ и съ αἱματοκουρίαι Пиндара (Ol. I, 90). Сцены Титія, Сизифа и Тантала λ 576—600, гдѣ, вслѣдъ за Ренакомъ, авторъ видитъ описаніе ложно понятыхъ картинъ (Сизифъ работаетъ при основаніи Акрокориноа и проч.), авторъ признаетъ (стр. 468, примѣч. 1) позднѣйшимъ придаткомъ въ составѣ Некіи. — На стр. 600 авторъ явно считается съ результатами критики второй половины Иліады и признаетъ въ пѣсняхъ XI — XVI противорѣчія въ показаніяхъ о мѣстѣ и времени дѣйствія.

Самыя основанія, какія мы видимъ у автора тамъ, гдѣ онъ выдѣляетъ въ составѣ поэмъ интерполяціи или поздніе эпизоды, могли бы имъ быть проведены послѣдовательнѣе. Если, напримѣръ, для эпизодовъ η 103—132 (сады Алкиноя) и λ 576—600 онъ видитъ въ появленіи здѣсь новыхъ видовъ плодовыхъ деревьевъ: гранатъ, фигъ и грушъ (два послѣдніе вида еще и въ ω 246) признакъ позднѣйшаго сочиненія этихъ описаній (стр. 213 слѣд., ср. стр. 339 слѣд.), то значитъ, и въ его глазахъ, эти показатели культуры не такъ безразличны, какъ онъ утверждалъ въ примѣчаніи на стр. 13, и въ такомъ случаѣ и пальма, и кипарисъ, и лавръ (см. стр. 340, стр. 343; но *садовая* маслина, стр. 335, см. Р 53), можетъ быть, недаромъ появляются только въ Одиссеѣ. То же можно, кажется, вопреки упомянутому примѣчанію, сказать и о Сициліи, и объ Египтѣ въ Одиссеѣ.

Что касается Сициліи, на стр. 55, авторъ говоритъ о маломъ знакомствѣ поэта съ нею, со ссылкою на ω 211 и υ 383 (стр. 13); всѣ три мѣста (υ 383, ω 211, 366 слл.), гдѣ упоминаются сикелійцы или

сикилійская служанка, признаются поздними. Но не говоря объ ω, позднее происхожденіе коей авторъ вообще признаетъ (стр. 436), кромѣ ο 383, у насъ остается въ Одиссеѣ Темеса въ Бруттіѣ на западномъ берегу Италіи, какъ локализуетъ Темесу α 184 авторъ (стр. 55, вслѣдъ за Hall'емъ, O. laud. pg. 259 note). Важнѣе и многочисленнѣе въ Одиссеѣ указанія на связи Греціи съ Египтомъ, при чемъ только одна, позднѣйшая, пѣснь (ср. и Seymour, въ вышецитованномъ примѣчаніи на стр. 456),—девятая, содержитъ единственное въ Иліадѣ упоминаніе Египта (стовратныхъ Θивъ). Въ цитованной здѣсь уже не разъ книгѣ Hall говоритъ: „въ Иліадѣ, изъ двухъ поэмъ ближайшей ко времени общаго хаоса, послѣдовавшаго за Возвращеніемъ Гераклидовъ, есть только одно указаніе на Египетъ, то, гдѣ упоминаются Θивы съ ихъ сотней воротъ" (I 381—384). „Это мѣсто", добавляетъ Hall въ примѣчаніи, „описываетъ то великолѣпіе Θивъ, которое въ IX вѣкѣ стало воспоминаніемъ, а въ VIII вѣкѣ, по разрушеніи города ассирійцами и эѳіопами, миновало". Въ Одиссеѣ Египетъ извѣстенъ лучше. О разсказѣ ξ 257 слѣд. Hall замѣчаетъ, что обстоятельства его почти съ полною увѣренностью датируются концомъ VIII или началомъ VII вѣка (Hall, pg. 268 fw). Самъ Seymour, въ примѣчаніи на стр. 313, признаетъ въ βύβλινον φ 391 „папирусный" (о канатѣ, ср. Herodot. VII, 34—36) указаніе на тѣсныя связи Итаки съ Египтомъ.

Авторъ относитъ начала гомеровой поэзіи къ концу второго тысячелѣтія до Р. Хр. (срв. Hall, pg. 39, Seymour, pg. 9). Отъ эпохи троянской войны, около 1200 г. (pg. 8. Авторъ не сомнѣвается въ исторической дѣйствительности похода на Трою грековъ и разрушенія города греками подъ предводительствомъ царя г. Микенъ) время поэта отдѣлено двумя—тремя вѣками (стр. 38). Но зародыши эпической поэзіи лежатъ еще дальше въ глубинѣ вѣковъ. „Въ теченіе многихъ поколѣній въ Елладѣ всѣ литературные импульсы воплощались въ эпической поэзіи. Необозримая масса эпическаго матеріала, разсказовъ и описаній битвъ и приключеній собиралась и передавалась изъ вѣка въ вѣкъ. Одни пѣвцы исполняли только пѣсни, которыя заучили. Другіе, несомнѣнно гораздо болѣе многочисленные, не только исправляли и передѣлывали то, что получили какъ свое наслѣдство, но составляли также собственныя пѣсни" (стр. 10). Авторъ говоритъ о Θессаліи и Піэріи какъ родинѣ эпической поэзіи (стр. 16). Отсюда зародыши эпической поэзіи перешли съ эолійцами въ Малую Азію. И географическій горизонтъ эпоса намекаетъ на эти связи (стр. 55

слѣд.), хотя, не смотря на то, авторъ находитъ, что у поэта „нѣтъ ѳессалійскихъ разсказовъ, которые заставляли бы думать о перенесеніи его предшественниками изъ Ѳессаліи въ Азію большаго запаса исторій и географическихъ свѣдѣній“ (стр. 55 слѣд.), что „значеніе Ахилла и Ѳессаліи въ героическій вѣкъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ было чрезмѣрно преувеличиваемо“ (стр. 9 примѣч.); центральными фигурами въ эпосѣ для него являются цари Микенъ и Спарты Агамемнонъ и Менелай (стр. 8 срв. T. W. Allen, Classical Review XX, 201). „Весьма вѣроятно, Иліада содержитъ разсказы о битвахъ между могучими воинами, которые никогда не видали равнины Трои, — или, если угодно читателю, сцены, первоначально сочиненныя для пѣсни, которая говорила о битвахъ въ другихъ странахъ, — такъ что съ Крита или изъ Ѳессаліи поле битвы было переносимо на равнину Скамандра“ (стр. 11). Первоначальныя пѣсни изображали все предпріятіе и составъ участниковъ похода Агамемнона въ гораздо болѣе скромномъ масштабѣ, на что авторъ усматриваетъ намеки и въ нашей Иліадѣ (стр. 568).

При всемъ томъ авторъ, поднимая вопросъ о томъ, насколько поэтъ могъ соблюдать археологическую точность въ описаніи временъ давно прошедшихъ, склоняется къ тому мнѣнію, что мы такъ же мало въ правѣ искать таковой у Гомера, какъ у Эсхила, Вергилія или Шекспира (стр. 30 слѣд.), онъ говоритъ при этомъ и о медленности культурныхъ перемѣнъ, наблюдаемой и посейчасъ въ Малой Азіи въ жизни мѣстнаго населенія вдали отъ прогресса цивилизаціи (стр. 33). Но, какъ вѣрно замѣчено авторомъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 14): „Иліада и Одиссея, конечно, не принадлежатъ одному поэту въ томъ смыслѣ, въ какомъ Потерянный Рай и Возвращенный Рай Мильтону, поэтъ вмѣстѣ съ другими бардами унаслѣдовалъ матеріалъ, скапливавшійся поколѣніями“. Мы можемъ здѣсь говорить не о способности и желаніи поэта соблюдать историческую перспективу, а о консерватизмѣ, типизаціи, отложеніяхъ въ эпосѣ признаковъ культуры былыхъ временъ. Самъ авторъ, въ главѣ о Гомеровомъ вооруженіи, всецѣло присоединяется къ выводамъ Рейхеля и говоритъ о рѣшительномъ преобладаніи у Гомера микенскаго типа доспѣховъ (огромный щитъ, висящій на ремнѣ, отсутствіе панцыря). Также тамъ, гдѣ онъ говоритъ о финикіянахъ въ Одиссеѣ и Иліадѣ, онъ отмѣчаетъ, что сидонцы, а не позднѣйшіе тирійцы упоминаются въ поэмахъ. Финикіецъ является здѣсь обычнымъ типомъ торговца. Но это не значитъ, чтобы во времена Гомера финикійская торговля

господствовала на Средиземномъ морѣ. Авторъ отвергаетъ мнѣніе Bérard'a (Les Phéniciens et l'Odyssée. Paris 1902, 1903), будто бы поэтъ Одиссеи пользовался финикійскимъ периплюмъ (pg. 58). По замѣчанію Siret (Les Cassitérides et l'empire colonial des Phéniciens. L'anthropologie t. XIX, 1908, pg. 155), Одиссея свидѣтель не угнетенія греческой торговли со стороны финикіянъ, а скорѣе эмансипаціи ея отъ преобладанія иноплеменниковъ.—Какъ уже было указано, авторъ скептически относится къ выводамъ П. Кауера и К. Роберта о культурныхъ наслоеніяхъ въ эпосѣ (стр. 11 слѣд.). Потому и въ разсужденіи своемъ по вопросу о томъ, относятся ли показанія Гомера о греческой культурѣ къ современной ему эпохѣ или къ отдаленному и для него прошлому, авторъ слишкомъ рѣшительно стоитъ за первое (стр. 17—40). Мы находимъ здѣсь много вѣрныхъ замѣчаній о свойствахъ Гомерова повѣствованія. Нельзя, конечно, не согласиться съ авторомъ, что аргументъ отрицательный, ex silentio, не всегда умѣренно примѣнялся въ изученіи Гомера. Справедливо напоминаніе о томъ, что часто только случайная замѣтка поэта открываетъ намъ наличность въ его времена того или другого предмета культуры (молельня, *не разъ* покрываемая Аполлону Хризомъ, значитъ всякій разъ вновь и собственноручно сооружаемая), что поэтъ не даетъ послѣдовательныхъ описаній (такое описаніе, какъ описаніе садовъ Алкиноя въ VII-ой п. Одиссеи, уже по этому своему характеру кажется негомеровскимъ), а повѣствуетъ, и что только собирая разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ разсказа бытовыя черты, получаемъ мы полную картину обстановки дѣйствія (стр. 23). Также, по мнѣнію автора, если та или другая подробность быта является только въ сравненіи, это еще не доказательство, чтобы она принадлежала лишь времени поэта, а не его героевъ. Со всѣми этими и другими ограниченіями и самъ Seymour видитъ подновленіе, напримѣръ, въ упоминаніи въ самомъ разсказѣ военной трубы Φ 388 (въ глаголѣ σαλπίζω), не только въ сравненіи Σ 219 (стр. 25). Въ общемъ консерватизмъ эпоса несомнѣненъ, и сюда скорѣе, а не къ тому обстоятельству, что „письмо имѣло еще мало употребленія помимо коммерческихъ цѣлей и памятныхъ записей" (стр. 35), отнесли бы мы и отсутствіе упоминанія письма у Гомера (кромѣ единственнаго мѣста, Z 168, гдѣ σήματα λυγρά, возможно, не есть письмо въ собственномъ смыслѣ слова).

Авторъ останавливается на панеллинскомъ (стр. 34), чуждомъ національной тенденціи характерѣ поэзіи Гомера. Какъ замѣчено еще Θукидидомъ (I, 3, 3 οὐ μὲν οὐδὲ βαρβάρους εἴρηκε...), у него не отмѣ-

ченъ еще контрастъ грековъ съ варварами. „Начало новаго употребленія прежде чисто племенного названія Ἕλληνες — подъ литературнымъ воздѣйствіемъ своднаго обзора греческихъ племенъ въ Каталогѣ кораблей,—не только въ качествѣ синонима одинаково и къ видовому Μυρμιδόνες и къ родовому Ἀχαιοί, но также характеризующаго термина для выраженія рядомъ съ этимъ занимающейся зари еллинизма“ (см. I. L. Myres, A history of the Pelasgian theory, Journal of hellenic Studies, vol. XXVII. 1907, pg. 181 fw.), отлилось въ Каталогѣ въ словѣ, очевидно, „новой чеканки“, Πανέλληνες. Въ связи съ этимъ авторъ усматриваетъ отсутствіе положительныхъ чертъ отличія троянцевъ отъ грековъ въ обычаяхъ и въ языкѣ и опровергаетъ, какъ мнимыя, нѣкоторыя изъ мелкихъ отличій, отмѣчавшихся въ ученой литературѣ (стр. 26; объ Аполлонѣ, по Wilamowitz'у, Hermes XXXVIII, догреческомъ малоазійскомъ богѣ, pg. 428, note 4). „Если Гомеръ не цѣнилъ мѣстнаго колорита, зачѣмъ же бы онъ сталъ обращать вниманіе на соблюденіе колорита временного и тщательно избѣгать анахронизмовъ“, замѣчаетъ по этому поводу авторъ (стр. 27), возвращаясь къ предшествующему предмету своего разсужденія, нами сейчасъ разсмотрѣнному. Да и вообще авторъ находитъ, что въ Малой Азіи Гомеру извѣстно очень немногое (стр. 56 слѣд.). Въ этомъ пунктѣ, также въ подобномъ замѣчаніи о Кипрѣ, нельзя вполнѣ согласиться съ авторомъ. Для Кипра сошлемся на цитованную выше книгу Hall'a о раннихъ связяхъ его съ Греціей. Въ числѣ острововъ Эгейскаго моря, указанія на которые находимъ у Гомера, авторъ опускаетъ очень опредѣленныя указанія на связи грековъ съ островами Лемносомъ и Имбросомъ. Въ этомъ обзорѣ (стр. 57) ихъ слѣдовало отмѣтить (срв. Myres, O. s. laud. pg. 184: кромѣ конца VII-ой пѣсни Иліады для Лемноса срв. судьбу Ликаона XXI, 40 слл., гдѣ упомянуты и связи съ Имбросомъ, VIII, 230, XXIII, 745—7; кромѣ того Лемнъ въ сказаніи о богахъ Il. I, 594. XIV, 230, 281—въ послѣднемъ стихѣ и Имбросъ.—Odyss. VIII, 294. Изъ эпитета лемнійскаго населенія Σίντιες ἀγριόφωνοι Myres, l. cit., заключаетъ, что и поэту оно было лично извѣстно). Поэтъ не этнографъ, и нельзя удивляться тому, что такъ скудны его показанія о троянцахъ, какъ племенной особи. Но количество этническихъ разновидностей, насколько онѣ опредѣляются названіями, и отношенія къ нимъ троянцевъ достаточно опредѣленно указываютъ въ эпосѣ на знакомство съ мѣстными условіями. Географически опредѣлены и приведены для удобнѣйшаго обзора въ систему указанія Каталога троянцевъ

на ихъ союзниковъ (см. Myres, O. s. laud., pg. 172 fw.). Myres усматриваетъ даже общее хронологическое указаніе на вторженіе въ область Виѳиніи ѳрако-фригійцевъ въ томъ, что оно отнесено въ Иліадѣ къ днямъ молодости Пріама (Il. III, 184 sqq., гдѣ и опредѣленность географическая—рѣка Сангарій). Вообще отношенія Пріама къ Фригіи (Seymour, pg. 56), Ѳракіи (Il. XXIV, 235) достаточно опредѣленны. Достаточно спеціальны, чтобы показать знакомство съ мѣстными условіями, такія указанія, какъ то, что отъ пафлагонцевъ получаются лучшіе мулы Il. II, 852, то же отъ мисійцевъ. Пріаму Il. XXIV, 277 (срв. Seymour, pg. 355), или о ремеслѣ въ Мэоніи, Каріи Il. IV, 141 (Seymour, pg. 25).

Изъ отдѣльныхъ главъ, посвященныхъ различнымъ сторонамъ жизни Гомеровскаго вѣка, на первомъ мѣстѣ находимъ главу (III): Гомеровское государство. Отвергая новѣйшее толкованіе гомеровскаго государственнаго строя какъ аристократическаго, съ властью царя по выбору знати, а не „божьею милостью“ (стр. 78, примѣч. 1), авторъ главною характерною чертою Гомеровскаго государства признаетъ то, что „не было правильно организованныхъ судовъ, творившихъ судъ по установленнымъ законамъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, мы можемъ привлечь къ сравненію положеніе дѣлъ въ Израилѣ, въ тотъ же почти періодъ, въ царствованія Саула и Давида“ (стр. 79). Въ гомеровскихъ поэмахъ слово, позднѣе значившее „справедливость“, δίκη, значило скорѣе „повадка“, „обращеніе“ (manner) или же примѣръ (такъ, γ 52, δίκαιος значитъ, дѣйствительно, не болѣе какъ „вѣжливый въ обращеніи“, срв. также δίκαι рядомъ съ φρένες тамъ же, ст. 244), чѣмъ справедливость въ нашемъ смыслѣ слова“. „Закономъ былъ обычай, и простой народъ и знать играли бо́льшую роль въ опредѣленіи обычая, чѣмъ царь“.—„Но вообще въ дни поэта царь, повидимому, имѣлъ менѣе неограниченную власть, чѣмъ царь Микенскаго вѣка, при тѣхъ большихъ крѣпостяхъ и дворцахъ, какіе были въ то время“ (срв. стр. 6). „Его управленіе было похоже на господство отца въ семьѣ (Arist. Polit. I, 12), съ властью, не регламентированною опредѣленно (pg. 80). У него не было какого-нибудь состоящаго подъ его начальствомъ постояннаго отряда, полиціи, констеблей... Потому физическія столько же, сколько умственныя и нравственныя силы, были важными условіями личности могучаго царя“. Выборъ „въ цари въ нѣкоторой формѣ, хотя бы и не въ формѣ правильнаго голосованія, имѣется въ виду на Итакѣ“ (надежды Евримаха Odyss. XV, 520, стр. 82). „Привилегіи царя

были столь же неопредѣленны, какъ и власть его и обязанности, и разнообразились въ разныхъ государствахъ и даже въ одномъ и томъ же государствѣ въ разныя времена". Приношенія дѣлаются натурою (срв. Геродота о персидскихъ царяхъ III, 89. Спартанскіе цари. 1, Самуила X, 27). Повинностью царю была также личная служба (стр. 85). Извѣстную сцену на щитѣ Ахилла, гдѣ изображается уголовный судъ, авторъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что выкупъ былъ заплаченъ друзьями убитаго, какъ удовлетвореніе за пролитую кровь, но изъ тяжущихся одинъ утверждаетъ, что заплатилъ этотъ выкупъ, а другой отрицаетъ это (иначе понимаетъ мѣсто Dareste, Nouveaux études du droit. Paris. 1902). „Царь, какъ главное лицо въ государствѣ, естественно, могъ быть и обычнымъ посредникомъ въ тяжбѣ, но, повидимому, не былъ судьею ex officio, и ничто не указываетъ на то, чтобы его рѣшенію подлежалъ опредѣленный разрядъ дѣлъ" (стр. 91). Въ упомянутой сценѣ Σ два таланта, по мнѣнію Seymour'a, выложены по одному каждою изъ тяжущихся сторонъ, чтобы достаться той изъ нихъ, которая побѣдитъ, въ вознагражденіе за безпокойство, связанное съ судомъ (стр. 91 слѣд.). Титулъ царя дается свободно (стр. 94); такъ находимъ „царей" на Схеріи и „царей" у троянцевъ Υ 84. Независимость отдѣльныхъ князей отъ царя, Ахилла подъ Троей отъ Агамемнона, Нестора, срв. Α 271 κατ' ἔμ' αὐτόν, въ Пилосѣ, Одиссея-критянина отъ Идоменея ν 266, ξ 237, признакъ той же неустановленности государственныхъ нормъ, какъ и характеръ совѣта вождей при царѣ. Этотъ *совѣтъ* не представляетъ постоянной, опредѣленной группы, чего-нибудь въ родѣ кабинета или сената, съ опредѣленными правами, даже составъ его разнообразится свободно. Трапезы у царя остатокъ патріархальнаго обычая, дворецъ его всегда открытъ вождямъ (стр. 98).

По пересмотрѣ всѣхъ случаевъ *народнаго собранія* у Гомера Seymour, признавая неточнымъ сообщеніе Аристотеля (Eth. Nicom. III, 1113a), будто ему только объявлялось рѣшеніе царя, приходитъ къ тому выводу, что Гомеровское народное собраніе имѣетъ цѣлью, очевидно, обсужденіе и исполненіе, даже во времена военныхъ дѣйствій, гдѣ дисциплина строже, чѣмъ дома, въ мирное время; хотя право человѣка изъ среды народа говорить, предлагать мѣры и подавать голосъ не можетъ быть установлено съ полною увѣренностью. Эпизодъ съ Ѳерситомъ во всякомъ случаѣ еще ничего не говоритъ противъ этого (наказаніе ему вызвано его неоднократнымъ назойливымъ нарушеніемъ порядка). Но такія мѣста, гдѣ слышенъ голосъ народа, какъ

А 22, показываютъ, что народная масса не оставалась лишенною всякаго значенія, и самая оцѣнка ораторскаго искусства у Гомера (см. особ. Θ 173), эпитетъ народнаго собранія κυδιάνειρα, „приносящее извѣстность человѣку", даютъ понять, что оно являлось поприщемъ общественнаго обсужденія дѣлъ. Несомнѣнно только, при нормальномъ положеніи вещей, право veto царя (стр. 105).

Въ главѣ (V) объ *Одеждѣ и украшеніяхъ* авторъ останавливается на примитивномъ стилѣ одежды, общемъ древней Греціи, Италіи и Германіи, который въ главныхъ чертахъ сохраненъ въ Гомеровой Греціи, но съ нѣкоторыми измѣненіями (стр. 155); мужчины прибавили въ качествѣ нижней одежды хитонъ (тунику), а женщины, сохраняя древнюю форму пеплоса, прибавили длинное плотное покрывало или шаль. Особенностью одежды гомерова вѣка вообще является то, что она не пригоняется вплоть къ тѣлу, а облегаетъ его свободно (стр. 154 и стр. 251), что дѣлало возможнымъ употребленіе ея разными людьми. Потому запасы одеждъ составляютъ одну изъ статей состоянія богатой семьи у Гомера (одежды приносятся въ даръ и богамъ). Мужской плащъ придерживался застежками. Дома мужчины ходили въ одномъ хитонѣ. Φᾶρος—разновидность χλαίνης, онъ изъ льна, его носятъ только знатные. Хитонъ былъ заимствованъ греками отъ семитовъ (финикіянъ), что видно изъ самаго названія (одного корня съ англ. cotton, лат. tunica), застежки для него не употреблялись и, чтобы свободно надѣваться и стягиваться съ тѣла, онъ снабженъ широкими отверстіями для шеи и рукъ; рукавовъ у него не было. Для πέπλος'а женщинъ и способа его застегиванья и складки авторъ даетъ на стр. 174 наглядный рисунокъ, а также два снимка со статуй; κρήδεμνον, покрывало, закрываетъ голову и отчасти туловище; женщина придерживаетъ его рукою, потому, случается, оно падаетъ (α 334 ἄντα παρειάνω σχομένη, Χ 406. 470), при игрѣ или работѣ снимается (ε 100), какъ плащъ у мужчинъ, дома не носится. Πέδιλα, сандаліи, надѣвались только внѣ дома; простой народъ, вѣроятно, ходилъ босикомъ, какъ Сократъ еще во времена Перикла. Для булавокъ даны, на стр. 173, въ качествѣ иллюстраціи къ Гомеру, рисунки булавокъ на изображеніяхъ вазы Франсуа и булавокъ, найденныхъ въ аргивскомъ храмѣ Геры.

Въ главѣ (VI) *О домѣ и его обстановкѣ* отмѣчаемъ нѣкоторыя частности. Спальня Телемаха, въ концѣ первой пѣсни Одиссеи, представляетъ часть сплошного аггрегата помѣщеній дворца, похожаго, вѣроятно, на дворцы Тиринеа или Крита (pg. 179). Дворъ въ гомеровомъ домѣ имѣлся только передъ фасадомъ зданія, задняго двора не было; но

бокамъ входа находились апартаменты съ особымъ выходомъ, какъ ν 106, α 425, I 475 (стр. 184). Μεσόδμαι объясняются, стр. 191, какъ поперечины, которыя были необходимы, дабы поддерживать продольныя балки на верхней части стѣнъ, сложенной изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича (для значенія срв. μεσόδμη „поперечина на кораблѣ" β 424), какъ было въ большинствѣ случаевъ (срв. въ Тириноѣ и олимпійскомъ Герэонѣ). Авторъ принимаетъ мнѣніе Ноака о первоначальномъ назначеніи μέγαρον служить и пріемной, и спальной хозяевъ (pg. 196 note). Напротивъ онъ отвергаетъ новую теорію Myres'a (Journ. of hell. Studies XX 132), по которой женское помѣщеніе было постройкой независимой отъ мужского, при чемъ Myres полагаетъ, что женщины были очень строго отдѣляемы отъ мужского общества. Для такого мнѣнія не найдется поддержки ни въ одномъ изъ зданій, извѣстныхъ намъ по раскопкамъ. Въ обстановкѣ дома одно связано съ другимъ: скамейка, связанная съ кресломъ, земляной утрамбованный полъ, обычай омовенія ногъ при вступленіи въ домъ и пребываніе дома босикомъ (стр. 202).

Богата интересными разъясненіями на основаніи сближеній гомеровыхъ свидѣтельствъ съ обычаями древнихъ и новыхъ народовъ глава (VIII): *Гомеровская собственность*; вмѣстѣ съ двумя дальнѣйшими, (IX) *Рабство и служба раба* и (X) *Торговля и ремесла*, она привлекаетъ особое вниманіе и по важности предмета, о которомъ трактуетъ.

Авторъ полемизируетъ противъ мнѣнія Риджвея (Journ. of hell. Studies VI 319) *объ общности земли* у Гомера (по Риджвею, въ Одиссеѣ мы застаемъ состояніе общества, болѣе позднее и ушедшее впередъ сравнительно съ Иліадой въ своихъ установленіяхъ). Противъ этого Seymour указываетъ, между прочимъ, на садоводство у Гомера, еще въ Иліадѣ Р 53—56. Кто бы сталъ заниматься посадкой плодовыхъ деревьевъ, если бы не былъ увѣренъ, что работаетъ или для себя лично или для того, чтобы трудомъ рукъ его воспользовались его дѣти? Богатство хлѣбными полями нигдѣ въ поэмахъ, правда, не отмѣчено, но и это не должно понимать такъ, будто бы не существовало частной собственности совсѣмъ (стр. 241). Но луговыя, пастбищныя пространства были достояніемъ всей общины. Такіе общинные выгоны засвидѣтельствованы и въ позднѣйшее время, надписями (такъ въ Орхоменѣ CJG 1569a). Такъ и въ новой Греціи много необработанной земли еще принадлежитъ правительству. Авторъ указываетъ параллели и въ Англіи. Спартанцы во многихъ частностяхъ удерживали традиціи гоме-

рова вѣка и единственнымъ богатствомъ, дѣйствительно почетнымъ у нихъ, была собственность, заключавшаяся въ стадахъ. Изъ словъ вѣстника въ „Эдипѣ Царѣ" Софокла (1134 ст.) можно заключить, что у Ѳивъ и Коринѳа было общее пастбище. Подъ пашню, замѣчаетъ о гомеровомъ вѣкѣ Seymour въ другомъ мѣстѣ (стр. 326), отведено было сравнительно немного земли. Прямыя указанія на частную земельную собственность имѣются въ поэмахъ, напр., Σ 222 ἅλις δὲ οἱ ἦσαν ἄρουραι πυροφόροι, πολλοὶ δὲ φυτῶν ἔσαν ὄρχατοι ἀμφίς. Если S. иначе понимаетъ сцену на щитѣ Ахилла, гдѣ βασιλεύς радуется обильному урожаю Σ 556, то, кажется, правильнѣе видѣть здѣсь въ βασιλεύς просто „хозяина", „владѣльца" (Seymour, pg 243 „a *royal* harvest field", можетъ быть, βασιλεύς здѣсь нѣчто въ родѣ „леннаго владѣльца", liege lord, которому арендаторы его земли обязаны были личнымъ трудомъ за опредѣленное вознагражденіе натурою, куда входитъ и чаша вина за „борозду", подносимая пахарю въ сценѣ Σ, см. pg. 332 fw.).

Особенность положенія *рабовъ* въ гомеровскій вѣкъ Seymour видитъ въ томъ, что они не подлежали продажѣ и что они обладали извѣстными правами (commercium, connubium). Впрочемъ для этого ему приходится признать за особое обстоятельство продажу рабовъ въ военное время, какъ въ концѣ VII-ой пѣсни, какъ въ случаѣ съ сыномъ Пріама Ликаономъ и др. (стр. 279). Крестьяне, въ эпоху господства сильнаго, принуждены были принимать патронатъ какого либо вождя, который могъ бы оберегать ихъ интересы въ мирное время и защищать ихъ и ихъ семейства въ тревожныя времена войны; это были крѣпостные, въ нѣкоторомъ отношеніи соотвѣтствовавшіе спартанскимъ илотамъ и ѳессалійскимъ пенестамъ; δμώς означаетъ „подчиненный". Рабы не были прислужниками господъ дома, такъ какъ послѣдніе не гнушались сами дѣлать все по части домашнихъ потребностей, они работали въ полѣ. Въ особомъ положеніи являются такіе рабы, какъ Евмей, купленный Одиссеемъ, и купленный уже самимъ Евмеемъ Месавлій (стр. 272). Первый довольно независимъ, у него есть деньги для того, чтобы купить раба себѣ самому, онъ можетъ подумывать объ уходѣ къ другому господину, слѣдовательно, не привязанъ къ землѣ. Евмею и Филотію, за ихъ помощь противъ жениховъ, Одиссей обѣщаетъ, что каждый изъ нихъ получитъ жену, домъ и помѣстье (φ 214), они будутъ какъ братья Телемаху; но ничего не говорится объ ихъ отпускѣ на волю, что выполнить формальнымъ образомъ нѣтъ, очевидно, необходимости (стр. 273).— За трудъ поденщины нѣтъ опредѣленной платы. Одиссей—инкогнито ο 317 слл. ждетъ за предлагаемыя услуги вознагражденія натурою;

подобнымъ вознагражденіемъ является кружка вина пахарямъ за борозду въ Σ 541.

Что касается *ремеслъ*, ихъ слабое развитіе въ гомеровскій вѣкъ обусловлено тѣмъ, что производство домашними средствами вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ (стр. 282 слѣдд.). Ремесло еще не составляетъ спеціальности. Другой чертой, характеризующей степень развитія ремесла, является у Гомера несложность орудій его и слабая дифференціація отдѣльныхъ производствъ, такъ что, напримѣръ, кузнецъ, съ его примитивнаго устройства аппаратомъ, является и своего рода ювелиромъ (Гефестъ въ Σ; обкладыванье пластинками золота роговъ жертвеннаго животнаго); τέκτων (отъ τέχνη) означаетъ у Гомера „ремесленникъ" вообще (стр. 292). Культура Гомера стоитъ на границѣ желѣзнаго и бронзоваго вѣка (срв. *Hall*, O. laud. pg. 39. *Jevons*. Journ. of hell. Studies XIII 25). Изъ привозныхъ продуктовъ слѣдуетъ отмѣтить янтарь (ἤλεκτρον янтарь надо отличать отъ ἤλεκτρον въ смыслѣ смѣси золота и серебра, стр. 303) ο 460 υ 396 (на ожерельяхъ), по Ridgeway, Early age of Greece I 359 ff. шедшій съ береговъ Балтійскаго моря (въ Микенахъ Шлиманомъ найдены были бусы и химическій анализъ и находка подобныхъ же бусъ въ Швейцаріи, въ древнихъ могилахъ, и другихъ мѣстностяхъ континентальной Европы установили происхожденіе ихъ съ Балтійскаго моря). Олово шло изъ Корнваллиса или Швейцаріи (*Siret*, O. s. laud., указываетъ другое мѣстонахожденіе олова, болѣе соотвѣтствовавшее примитивнымъ способамъ рудничнаго дѣла въ древности—Арморику: аллувіальная почва Арморики была доступнѣе разработкѣ, нежели обработка рудничныхъ жилъ Корнваллиса). Въ немногихъ случаяхъ указаны у Гомера торговые пути, коими шелъ тотъ или другой продуктъ къ грекамъ. Такъ мѣсторожденіе серебра—Алиба у Ализоновъ показано B 857. Темеса, α 184, которую, вслѣдъ за Hall'емъ, Seymour (стр. 286) помѣщаетъ въ Бруттіи въ Италіи, а не на Кипрѣ, гдѣ ея искали раньше, служитъ мѣстомъ вывоза мѣди. Молчаніе Гомера въ другихъ случаяхъ авторъ объясняетъ ревнивой скрытностью финикіянъ (стр. 286). Торговля была мѣновою (стр. 288). Привозными продуктами являлись, конечно, слоновая кость и, можетъ быть, благовонія. Что касается льна, мы не знаемъ, сѣялся ли онъ у грековъ временъ Гомера (стр. 282), но финикійское названіе хитона (kitonet) указываетъ, что греки получили знакомство со льномъ или лучшимъ способомъ его обработки отъ финикіянъ (стр. 329).

Очень подробно остановившись на устройствѣ корабля, степени

развитія мореплаванія и морского дѣла вообще въ вѣкъ Гомера въ главѣ XI-ой, въ главѣ XII-ой авторъ говоритъ о *Земледѣліи, растеніяхъ и деревьяхъ* у Гомера, гдѣ указываетъ на отсутствіе или рѣдкость упоминанія нѣкоторыхъ видовъ. Такъ, роза не упоминается у Гомера, встрѣчается только прилагательное „розовый" о благоуханной мази (φ 186), впрочемъ извѣстенъ и цвѣтъ розы (ῥοδοδάκτυλος). Благовонія могли быть привозными, съ Востока, благовонное масло (β 339) и сыны Израиля получали отъ финикіянъ (стр. 323 и 336). О фигѣ мы уже говорили. Говоря объ оливкѣ на стр. 335 слѣд., авторъ случайно забываетъ мѣсто Иліады Р 53, свидѣтельствующее о садовой культурѣ маслины. Маслина является и на пластическомъ памятникѣ микенскаго періода, обломкѣ серебряной вазы съ изображеніемъ штурма крѣпости (Seymour, pg. 630).

Въ главѣ XIV: *Олимпъ и боги* авторъ отмѣчаетъ отсутствіе у Гомера фигуръ боговъ въ родѣ тѣхъ смѣшанныхъ (съ головой лани, кабана), съ какими знакомятъ насъ древнѣйшіе пластическіе памятники и литературная традиція (Paus. VIII, 42, 4, Journal of hell. Studies XIV 81. Annual of British School at Athens XI, 18). Скилла и Химера не исключеніе у Гомера, такъ какъ это чудовища, а не объекты культа. Отсутствіе подобныхъ фантастическихъ образовъ въ мірѣ боговъ Гомера (авторъ могъ бы здѣсь сопоставить съ Гомеромъ и Θеогонію Гесіода) характерно для гомеровскаго раціонализма такъ же, какъ отсутствіе культа умершихъ. Отсутствіе догматической θеологіи отличало греческую религію вообще. У Гомера генеалогія боговъ развита слабо, за то образы отдѣльныхъ боговъ очерчены чрезвычайно выпукло и вполнѣ по образу и подобію человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается слабое развитіе этическаго принципа въ дѣйствіяхъ боговъ. Такъ, уже въ первой пѣсни Иліады не видно, чтобы повальная болѣзнь была вызвана среди ахейцевъ несправедливостью ихъ поступковъ. Недостатокъ уваженія къ богу, не моральная вина (вопросъ въ поэмѣ ставится такъ: не случилось ли, что ахейцы не выполнили какого-нибудь обѣта Аполлону, A 65), вызываетъ месть бога. Даръ предвидѣнія отсутствуетъ у боговъ Гомера (стр. 405). Мысли посѣщаютъ богиню Аθину, какъ любого смертнаго (β 382, 393), боги обсуждаютъ планъ дѣйствій, не имѣя предвѣдѣнія конца ихъ. Выраженіе ὑπὲρ μόρου является нѣсколько разъ въ устахъ поэта, но всегда въ предположительномъ оборотѣ. Тамъ, гдѣ оно вложено въ уста Зевса по поводу поступка Егисѳа (α 34), оно означаетъ лишь слѣдующее: каждый человѣкъ подверженъ извѣстной долѣ стра-

данія, но онъ можетъ навлечь на себя болѣе таковаго, если самъ предпочтетъ такъ дѣйствовать. Егисѳъ могъ бы не жениться на Клитемнестрѣ, но онъ, вопреки предупрежденію боговъ, настоялъ на своемъ замыслѣ, и вотъ его постигла отплата (стр. 420). Вѣсы Зевса по объясненію Seymour'a (стр. 424) являются метафорою взвѣшиванья въ умѣ, обдумыванья, такъ что „ponders" въ игрѣ словъ Потерянный Рай IV (конецъ) хорошо поясняетъ происхожденіе самого гомеровскаго образа, воспроизводимаго въ данномъ мѣстѣ англійскимъ поэтомъ: „Th' Eternal... hung forth in heaven his golden scales... Wherein all things created first he weighed... now *ponders* [по-англійски значитъ „взвѣшиваетъ" и „обдумываетъ"] all events, battles and realms".—Для Геры, покровительницы Аргоса у Гомера Δ 51, авторъ ссылается на трудъ Waldstein'a, The Argive Heraeum vol. I, 35: по позднѣйшему преданію греческіе вожди давали клятву вѣрности Агамемнону въ аргивскомъ Герэонѣ (стр. 425).

Въ числѣ превращеній боговъ Seymour останавливается и на превращеніяхъ морского бога Протея, схваченнаго Менелаемъ, δ 456. Онъ поочередно обращается, чтобы избѣгнуть объятій героя, въ льва, змѣю, леопарда, кабана, текучую воду и высокое вѣтвистое дерево. Эта измѣнчивость формы свойственна Протею, какъ Ѳетидѣ, вообще богамъ измѣнчиваго моря. „Что поэтъ получилъ разсказъ о Протеѣ въ установившейся формѣ, на это указываютъ формы, принимаемыя богомъ, не исключая и текучей воды, которой Менелай не могъ бы удержать въ рукахъ" (стр. 409). Замѣчаніе мѣткое. То же можно бы сказать о приключеніи съ Сиренами у Гомера (Seymour pg. 444), гдѣ ясно сокращеніе источника, такъ какъ не объяснено, какъ погибаютъ люди на лугу Сиренъ (срв. γυναίων εἵνεκα δώρων ο 247).

Глава XV. Аидъ и его область. Мы уже указали на то, что авторъ самъ, во вступленіи къ этой главѣ (стр. 456, note 1), сознаетъ, что слѣдовало бы, собственно говоря, выдѣлить здѣсь обѣ Некіи какъ позднѣйшія произведенія, не согласныя съ общегомеровскими представленіями объ умершихъ и ихъ жизни послѣ смерти. Подобно нашей апокрифической литературѣ, Некіи въ Одиссеѣ знаменуютъ собою въ области эпическаго творчества интересъ къ вопросамъ, на которые раньше поэты довольствовались лишь самымъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ. Нигдѣ въ нашихъ поэмахъ отсутствіе попеченія о тѣлѣ умершаго не ставится въ связь съ несчастьемъ или неудобствомъ для души,—единственное, относящееся сюда мѣсто Ψ 71 стоитъ одиноко, да и тутъ говорится только о блужданіи души, въ случаѣ несоблю-

денія похороннаго обряда, у вратъ Аида. Тамъ, гдѣ идутъ переговоры о перемиріи между греками и троянцами для похоронъ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ (Η 327, 375, 409), эта связь обряда съ судьбой души не упомянута (Seymour, pg. 462). У Гомера люди вообще не наказуются въ Аидѣ за свои дурныя дѣла и не вознаграждаются за добрыя. Этой идеи Seymour не находитъ у Гомера даже въ той позднѣйшей, по мнѣнію многихъ критиковъ, орфической, интерполяціи Некіи, гдѣ въ Аидѣ являются Титій, Сизифъ (σίσυφος, удвоеніе отъ σοφός, „хитрѣйшій") и Танталъ (стр. 468): „Любопытно то, что поэтъ не говоритъ, почему страдаютъ и трудятся Танталъ и Сизифъ; едва ли, какъ это предполагали, по причинѣ обжорства и чрезмѣрнаго духа предпріимчивости!". Мы уже говорили, что Seymour слѣдуетъ въ объясненіи этихъ сценокъ у Гомера предположеніямъ Рейнака. Такъ же стихи Γ 278 и Τ 259 объ Еринніяхъ Seymour старается истолковать въ смыслѣ: „Еринніи подъ землею" наказуютъ смертныхъ при жизни, (стр. 469). Однако Γ 278 уже никакъ не допускаетъ иного толкованія, какъ „тѣ (боги), что̀ наказуете людей по смерти". Но вообще Еринніи у Гомера (стр. 470) блюдутъ сохраненіе семейныхъ связей и мстятъ за нарушеніе ихъ преступнику при жизни его. За нарушеніе договора эти боги-мстители въ Γ грозятъ, конечно, взятіемъ врагами преступнаго города, смертью его жителей и т. п. Seymour оставляетъ безъ разрѣшенія вопросъ о противорѣчіи между культомъ умершихъ, какой предполагаетъ воздѣйствіе ихъ на живыхъ въ Микенскую эпоху, и гомеровскимъ индифферентизмомъ къ ихъ судьбѣ. Но онъ отвергаетъ толкованіе Гельбиха—переселеніемъ грековъ въ Малую Азію и разрывомъ вмѣстѣ съ тѣмъ со старыми традиціями. Пережитки старыхъ, не вполнѣ уже понятныхъ обычаевъ онъ видитъ въ обѣщаніи жертвъ душамъ Одиссеемъ въ λ 32 и въ упоминаніи покрова для тѣла Гектора Χ 513 (стр. 473). Относительно альтернативы сожженія или похоронъ въ обрядѣ авторъ ссылается на мнѣніе Дѣрпфельда, что въ древней Греціи сжиганіе было общимъ обычаемъ, но, такъ какъ тѣло рѣдко сгорало въ дѣйствительности, то рядомъ съ этимъ употреблялось и погребеніе (стр. 478 note). Въ связи съ этимъ можно упомянуть, что гомеровское κτέρεα о похоронахъ первоначально значило „владѣнія", „то, чѣмъ владѣетъ человѣкъ", „достояніе", что все хоронилось вмѣстѣ съ нимъ по его смерти (pg. 480). Въ концѣ этой главы авторъ останавливается на психологической терминологіи Гомера и ея неустойчивости. Душа у Гомера не принципъ жизни, какъ у Аристотеля, а alter ego, невидимый дубликатъ

тѣла. Авторъ тщательно анализируетъ значеніе и употребленіе у Гомера синонимичныхъ терминовъ θυμός κραδίη ἦτορ φρένες. Въ главѣ *Храмы, богослуженіе и гаданіе*, авторъ останавливается на слабыхъ указаніяхъ на существованіе храмовъ у Гомера, и на отсутствіи въ гомеровскій вѣкъ, какъ и вообще позднѣе въ Греціи, спеціальной жреческой касты, при чемъ нерѣдко обязанности жреца не являются единственнымъ занятіемъ даннаго лица и въ свою очередь любой можетъ замѣнить жреца въ этихъ его обязанностяхъ (стр. 494, 497).

Въ главѣ *Троада* (XVII) авторъ подробно останавливается на вопросѣ о рѣчной системѣ троянской равнины во времена Гомера, привлекая и старое сочиненіе Чарльза Макларена, The plain of Troy described. Edinburgh 1863, и тѣ новѣйшіе труды по вопросу, которые были разсмотрѣны нами въ одной изъ прежнихъ библіографическихъ статей (Учен. Зап. Каз. унив. 1908 г. мартъ), и даетъ затѣмъ обзоръ исторіи позднѣйшаго Иліона (pgg. 537 ff.). „Доказательства прежняго теченія Скамандра (съ истокомъ въ восточной части залива Геллеспонта на сѣверномъ берегу Троады) почерпаются не только въ гомеровомъ разсказѣ и въ настоящемъ состояніи троянской равнины, но и въ массахъ наносной почвы, отложившихся на Геллеспонтѣ близъ Ройтейона“ (pg. 531, ср. еще 601 слѣд.). Такимъ образомъ авторъ не принимаетъ разсужденій Роберта (см. note). По оживленно трактуемому въ настоящее время вопросу о Левкадѣ—Итакѣ авторъ высказывается во второй главѣ книги: *Космографія и географія*, pg. 69—77, съ приложеніемъ карты Итаки и изящныхъ фотографій Итаки и Левкады и, повидимому, авторъ присоединяется къ гипотезѣ Левкада=Итака Гомера Дерпфельда (pg. 76). Карта троянской равнины тоже приложена къ соотвѣтствующей главѣ книги (XVII). Мы уже отмѣтили предположенія автора о значительно меньшемъ количествѣ ахейскаго войска въ первоначальныхъ эолическихъ пѣсняхъ, высказанныя въ главѣ XVIII: *Гомеровская война*; авторъ привлекаетъ здѣсь къ критикѣ гомеровскаго сказанія Θукидида (pg. 570, 590). Его собственныя соображенія о намекахъ на малый составъ войска Агамемнона (pg. 568 fw.) едва ли особенно убѣдительны. Обращаясь къ самымъ боевымъ описаніямъ Гомера, Seymour хорошо опредѣляетъ характеръ натуральности описаній Гомера сравнительно, напримѣръ, съ Вергиліемъ (стр. 616): „Гомеръ описываетъ то, что видѣлъ собственными глазами. Онъ не натуралистиченъ, а натураленъ, т. е., онъ никогда не преслѣдуетъ цѣли возбудить ужасъ, онъ просто констатируетъ факты и описываетъ сцены, очень близко знакомыя ему. Его

разсказъ о циклопѣ Полифемѣ не содержитъ никакой параллели къ Вергиліеву „monstrum horrendum informe ingens cui lumen ademptum“. Битвы гомерова вѣка, по замѣчанію автора, „давали почти столько же удобствъ для изученія положенія и свойствъ главныхъ органовъ человѣческаго тѣла, какъ секціонная камера, и тотъ фактъ, что тѣ же люди, которые наносили и видѣли раны въ бою, убивали и разсѣкали на части животныхъ для пищи, содѣйствовалъ изученію сравнительной анатоміи“ (стр. 620). Авторитетомъ Seymour'а по данному вопросу является спеціальная работа Frölich'а, Die Militärmedicin Homers (Stuttgart). Вообще въ гомеровыхъ поэмахъ раненые послѣ удара оружіемъ поступаютъ такъ, какъ должно на нихъ отразиться дѣйствіе даннаго удара по словамъ физіологовъ, т. е., падаютъ навзничь или на лицо, или просто склоняются къ землѣ, разражаются крикомъ. Но, разумѣется, анатомическія познанія Гомера ограничены. Такъ, онъ не отличаетъ артерій отъ венъ, не знаетъ нервной системы (pg. 621). Страненъ такой результатъ удара оружія въ лобъ, что глаза выпадаютъ изъ орбитъ на землю (N 616, П 741). Здѣсь нужно, конечно, считаться съ традиціонными формулами, которыя поэтъ могъ повторять иногда, не отдавая въ нихъ себѣ отчета. Эту сторону предмета авторъ упускаетъ изъ виду.

Въ послѣдней главѣ (XIX): *Гомеровское вооруженіе* авторъ, какъ мы уже имѣли случай упомянуть, вполнѣ слѣдуетъ результатамъ книги Рейхеля Homerische Waffen². 1901, иллюстрируя свое изложеніе рисунками изъ области археологическихъ находокъ микенскаго вѣка. Подробно разсуждая о щитѣ, онъ останавливается въ частности и на объясненіи λαισήιον какъ первоначальной простѣйшей формы оборонительныхъ доспѣховъ, состоявшей въ шкурѣ животнаго, обернутой на рукѣ (срв. Herodot VII, 91 о киликійцахъ, у которыхъ λαισήια изъ выдубленной кожи, Pausan. IV, 11, 3 объ ὄχλος πολύς аркадянъ, гдѣ эти горцы, отрядъ легко вооруженныхъ, носятъ въ качествѣ защиты, прикрытія отъ стрѣлъ враговъ шкуры волковъ и кабановъ). По поводу кольчуги у Гомера авторъ касается предположеній археологовъ о томъ, что отсутствіе указаній на нее въ Одиссеѣ объясняется нежеланіемъ рапсодовъ пересмотрѣть и передѣлать поэму со стороны новыхъ военныхъ пріемовъ, въ виду незначительности мѣста, занимаемаго въ Одиссеѣ боевыми описаніями (pg. 653). Авторъ справедливо отвергаетъ подобный способъ объясненія. Мысль неудачна уже потому, что нельзя представлять себѣ намѣренную редакцію поэмы съ точки зрѣнія гоплистическаго критерія. Дѣло идетъ о куль-

турныхъ отложеніяхъ, совершающихся скорѣе безсознательно. Слишкомъ рѣшительное удаленіе кольчуги изъ Иліады, предпринятое Рейхелемъ, которому и Seymour готовъ слѣдовать въ этомъ пунктѣ (pg. 656 fw.), едва ли чѣмъ-нибудь оправдывается. Микенская пора, въ ея расцвѣтѣ, прожитая пора ко времени созданія гомеровскихъ поэмъ. Какъ царь у Гомера уже не тотъ могучій владыка, какимъ принадлежатъ дворцы Кносса, Феста, Микенъ, Тиринеа (ср. также и Seymour, pg. 6), и какъ не можемъ мы въ этомъ пунктѣ не отдать предпочтенія характеристикѣ положенія царя у Гомера Финслера (ср. статью, вышеуказанную, стр. 3 сл.) передъ толкованіемъ царской власти у Гомера новаго изслѣдователя, такъ и различныя стороны матеріальной культуры микенской поры скорѣе должны были и по хронологическимъ соображеніямъ отразиться въ эпосѣ, какъ далекіе отголоски былого, чѣмъ давать господствующій тонъ изображенію поэта. Мы возвращаемся здѣсь къ тому, что уже было высказано нами по поводу перваго изданія книги Рейхеля (*Журн. Мин. Нар. Просв.* часть 298, отд. 2-й, стр. 175 сл.) и книги К. Роберта объ Иліадѣ (ibid., часть 344, 1902, № 12).

Въ общемъ книга Seymour'а не представитъ особенно много новаго для того, кто знакомъ съ новѣйшею литературою предмета. Но она очень полезна, какъ сведеніе воедино разнообразныхъ вопросовъ, вызываемыхъ изученіемъ гомеровскихъ поэмъ въ новое время. Передъ нами—результаты весьма пристальнаго и разносторонняго изученія гомеровскихъ поэмъ; основательное знакомство съ литературою и многочисленныя сближенія съ культурою древнихъ и новыхъ временъ соединяются съ исчерпывающимъ сводомъ для каждой главы всѣхъ относящихся къ ней мѣстъ обѣихъ гомеровскихъ поэмъ.

С. Шестаковъ.

Проф. *В. С. Серебрениковъ.* Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка. С.-Пб. 1908. Стр. 366.

Въ 1892 году профессоръ В. С. Серебрениковъ выпустилъ въ свѣтъ прекрасную книгу о Локкѣ („Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности“), въ которой установилъ совершенно новую точку зрѣнія на отношенія Локка къ Декарту. Въ только что вышедшемъ трудѣ профессора Серебреникова мы находимъ точно также совершенно своеобразную и хорошо обоснованную точку зрѣнія на отношенія Лейбница къ Гоббесу. Въ литературѣ, правда, были указанія на вліяніе, которое сочиненія Гоббеса оказывали на Лейб-

ница. Впервые на это указалъ, кажется, Тённiесъ, но этотъ авторъ, отличный знатокъ Гоббеса, не развилъ подробно своей мысли, не указалъ детально, въ чемъ именно выразилось вліяніе Гоббеса на мышленіе Лейбница. Обычно философію Лейбница ставятъ въ связь съ Декартомъ и Локкомъ и указываютъ на то, что міровоззрѣніе Лейбница сложилось благодаря критической переработкѣ воззрѣній Декарта, какъ это ясно, напримѣръ, на различіи воззрѣній этихъ двухъ философовъ на матерію. Л. Штейнъ въ извѣстной своей книгѣ „Leibniz und Spinoza" старался доказать зависимость Лейбница отъ Спинозы; но Л. Штейнъ сильно преувеличилъ эту зависимость и, вообще, придалъ философіи Спинозы такое значеніе, какого она въ дѣйствительности, не смотря на геніальность ея автора, въ исторіи XVII и XVIII вѣковъ не имѣла. Профессоръ Серебрениковъ превосходно доказалъ мысль, что самое значительное вліяніе на Лейбница имѣлъ Гоббесъ, хотя Лейбницъ весьма ясно сознавалъ односторонность и опасность для религіи и нравственности ученія этого философа. Міросозерцаніе Лейбница сложилось благодаря критическому отношенію его къ Гоббесу, при чемъ на выработку положительныхъ воззрѣній значительно вліялъ, какъ это впрочемъ давно выяснено, Декартъ.

Обыкновенно учатъ, что Лейбницъ въ своихъ „Новыхъ опытахъ" ведетъ по всѣмъ вопросамъ теоріи познанія полемику съ Локкомъ; Лейбницъ защищаетъ раціонализмъ и опровергаетъ сенсуализмъ Локка. Такое мнѣніе установилось въ значительной степени благодаря указаніямъ самого Лейбница. Между тѣмъ дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: согласіе въ воззрѣніяхъ Локка и Лейбница гораздо большее, чѣмъ это можно предполагать на первый взглядъ: Локкъ помогъ Лейбницу разрѣшить нѣкоторыя недоумѣнія, вызванныя философіей Декарта, точно такъ же, какъ Декартъ оказалъ Лейбницу ту же услугу по отношенію къ философіи Гоббеса. Итогъ изслѣдованія философскихъ вліяній Гоббеса, Декарта и Локка на мышленіе Лейбница профессоръ Серебрениковъ выражаетъ въ слѣдующихъ тезисахъ (стр. 201—204):

1) Лейбницъ отвергаетъ Гоббесово политическое ученіе съ лежащимъ въ его основѣ низменнымъ взглядомъ на человѣческую природу и принимаетъ святоотеческое ученіе о человѣкѣ, какъ образѣ Бога и членѣ царства Божія.

2) Считая ложнымъ ученіе Гоббеса о дѣйствительной и мнѣніе Локка о возможной матерьяльности души, Лейбницъ присоединяется къ ученію Декарта, что душа человѣка, подобно ея первообразу, Богу, есть безсмертный духъ.

3) Въ противовѣсъ дуализму Декарта, матерьялизму Гоббеса и пантеизму Спинозы, Лейбницъ учитъ, что а) природа души не противоположна тѣлу, ибо тѣло по своей сущности представляетъ собой систему аналогичныхъ душѣ нематерьяльныхъ силъ, или монадъ, что б) аналогичными душѣ монадами являются съ одной стороны высшіе духи, съ другой — души животныхъ и энтелехіи растеній и что в) подобно душамъ, всѣ монады существуютъ не какъ скоропреходящія явленія въ жизни Божества, а какъ особыя, безконечно разнообразныя по степени совершенства, созданныя Богомъ индивидуальныя субстанціи.

4) Признавая ошибочнымъ мнѣніе Декарта и не удовлетворяясь ученіемъ окказіоналистовъ объ отношеніи души къ тѣлу, Лейбницъ создаетъ свою систему предустановленной гармоніи, согласно которой души и вообще монады соединены нераздѣльно отъ начала міра съ органическими тѣлами и чрезъ нихъ являются индивидуальными зеркалами міра.

5) Въ отличіе отъ Локка, Лейбницъ раздѣляетъ взглядъ Декарта, что душа никогда не остается безъ дѣятельности; но въ то время какъ Декартъ отожествлялъ эту дѣятельность съ мышленіемъ, а мышленіе съ сознаніемъ, Лейбницъ, согласно съ замѣчаніемъ Гоббеса, учитъ, что душевныя явленія бываютъ не только сознательныя, но и незамѣтныя, или безсознательныя.

6) Подобно Гоббесу, Декарту и Локку, Лейбницъ различаетъ въ человѣческой душѣ двѣ главныхъ способности: разумъ и волю.

7) Въ ученіи о разумѣ Лейбницъ отвергаетъ сенсуалистически-номиналистическую точку зрѣнія Гоббеса и формалистическую — Локка и соглашается съ Декартомъ, что разумъ есть совокупность прирожденныхъ идей и истинъ; но въ отличіе отъ Декарта утверждаетъ, что идеи и истины не находятся ни въ какой зависимости отъ Божественнаго произвола, ибо составляютъ отображеніе Божественныхъ идей и истинъ.

8) Допуская эмпирическую точку зрѣнія Гоббеса и Локка на происхожденіе понятій, Лейбницъ настаиваетъ, что преобразованіе однихъ опытныхъ понятій въ другія совершается не механически, какъ училъ Гоббесъ, а телеологически, ибо въ результатѣ получаются такія понятія, которыя, будучи заложены въ душѣ въ видѣ прирожденныхъ идей, даютъ безспорное знаніе вѣчныхъ истинъ.

9) Вполнѣ присоединяясь къ ученію Гоббеса и Локка, что опытныя обобщенія сами по себѣ недостовѣрны, и признавая совершенно

правильнымъ ученіе Декарта и Локка, что общее достовѣрное знаніе получается разумомъ черезъ интуитивное или дедуктивное усмотрѣніе необходимыхъ отношеній между отвлеченными понятіями, Лейбницъ возбуждаетъ вопросъ о послѣднихъ посылкахъ человѣческаго знанія и въ рѣшеніи этого вопроса развиваетъ намѣченную Гоббесомъ мысль, что умозрительное знаніе сводится къ анализу понятій и основывается въ концѣ концовъ на аксіомѣ тожества.

10) Вслѣдъ за Гоббесомъ Лейбницъ признаетъ, что кореннымъ влеченіемъ человѣческой природы, съ точки зрѣнія непосредственнаго опыта, служитъ стремленіе къ удовольствію; но, въ противоположность Гоббесу, онъ учитъ, что это стремленіе указываетъ на существованіе въ душѣ не только эгоистическихъ, но и другихъ инстинктовъ, напримѣръ, соціальныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ.

11) Соглашаясь съ Гоббесомъ, что воля, какъ послѣднее желаніе переходящее въ дѣйствіе, образуется изъ предшествующихъ желаній съ механическою необходимостью, Лейбницъ, подобно Локку, проводитъ взглядъ, что человѣкъ можетъ оказывать вліяніе на свои желанія и путемъ выработки отчетливыхъ понятій о добрѣ и соотвѣтствующихъ склонностей и привычекъ постепенно достигать нравственной свободы.

12) Лейбницъ принимаетъ мысль Гоббеса, что человѣческія дѣйствія опредѣляются закономъ достаточнаго основанія; но, придавъ этому закону смыслъ основного закона разума, онъ учитъ, что волящій субъектъ не подлежитъ слѣпой необходимости, какъ утверждалъ Гоббесъ, и не дѣйствуетъ по чистому произволу, какъ полагалъ Декартъ, а свободно избираетъ всегда то, что кажется ему наилучшимъ, почему свобода воли не только не исключается предвѣдѣніемъ Божіимъ, а наоборотъ, находится съ нимъ въ совершенномъ согласіи.

Во второй части труда профессора Серебреникова мы находимъ изложеніе ученія Лейбница о душѣ человѣка. Въ этой части профессоръ Серебрениковъ касается слѣдующихъ вопросовъ: онъ сначала излагаетъ общее ученіе о душѣ, потомъ разсматриваетъ ученіе о безсознательной душевной жизни и разумѣ, наконецъ, заканчиваетъ свое изложеніе психологіи Лейбница вопросомъ о свободѣ воли. Изложеніе профессора Серебреникова опирается на самое тщательное изученіе всѣхъ до нынѣ напечатанныхъ сочиненій Лейбница, при чемъ нашъ ученый оставляетъ по возможности въ сторонѣ полемику съ другими изслѣдователями философіи Лейбница; только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ему приходилось устанавливать новую точку зрѣнія на

Лейбница, тамъ онъ по неволѣ долженъ былъ излагать и ту, которую считаетъ неправильной: такъ въ литературѣ установилось воззрѣніе, что ученіе Лейбница о свободѣ воли есть детерминизмъ,—такого воззрѣнія держится, напримѣръ, Целлеръ; профессоръ Серебрениковъ показываетъ ложность этого взгляда; историки философіи не обратили, по его мнѣнію, достаточнаго вниманія на нѣкоторыя особенности ученія Лейбница, благодаря которымъ онъ могъ избѣжать детерминизма, напримѣръ, на ученіе объ индивидуальной природѣ души, на законъ достаточнаго основанія, на ученіе о роли человѣческой личности въ общей міровой системѣ и, наконецъ, на ученіе его о предвидѣніи Бога.

Можетъ быть, было бы полезно, если бы профессоръ Серебрениковъ и въ другихъ случаяхъ прибѣгнулъ къ историческимъ экскурсамъ. Такъ, напримѣръ, онъ превосходно выяснилъ ученіе Лейбница о безсознательной душевной жизни и указалъ на возможное вліяніе въ этомъ отношеніи Гоббеса, который училъ о существованіи безсознательныхъ воспріятій. Но Лейбницъ, отлично знавшій философскую литературу, какъ современную ему, такъ равно и древнюю, могъ найти кое-какія указанія по вопросу о безсознательномъ, напримѣръ, у Плотина. Въ 9-ой книгѣ § 2, IV-ой Эннеады мы читаемъ: „Нужно принять въ расчетъ, что отъ цѣлаго (души) ускользаетъ многое изъ того, что происходитъ въ тѣлѣ; и это тѣмъ болѣе, чѣмъ больше тѣло, какъ это разсказываютъ о китахъ, у которыхъ впечатлѣніе одной части тѣла, вслѣдствіе незначительности возбужденія, не вызываетъ никакого ощущенія“ [1]) и т. д. Читалъ ли Лейбницъ Плотина? Этого съ увѣренностью сказать нельзя, но онъ могъ его знать, ибо П. Бэль въ своемъ словарѣ, которымъ Лейбницъ постоянно пользовался, упоминаетъ о латинскомъ переводѣ Марсилія Фичина и дѣлаетъ ссылки на греческій текстъ Плотина. Есть и еще одно историческое указаніе, которое хотѣлось бы видѣть въ книгѣ профессора Серебреникова. Душа, по Лейбницу, абсолютно простая единица, монада. Терминъ „монада“ въ новую философію ввелъ Д. Бруно; его представленіе о душѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ сходно съ ученіемъ

[1]) Ἐνθυμεῖσθαι δὲ προσήκει τὸ καὶ πολλὰ λανθάνειν τὸ ὅλον, καὶ τῶν ἐν ἑνὶ καὶ τῷ αὐτῷ σώματι γιγνομένων καὶ τοσούτῳ, ὅσῳ ἂν μέγεθος ἔχῃ τὸ σῶμα πολὺ, ὥσπερ ἐπὶ κητῶν λέγεται μεγάλων, ἐφ᾽ ὧν, παθήματός τινος, περὶ τὸ μέρος, ὄντος τῷ ὅλῳ αἴσθησις διὰ μικρότητα τῶ κινήματος οὐδεμία προσέρχεται· ὥστε οὐκ ἀνάγκη διάδηλον τύπῳ τὴν αἴσθησιν τῷ ὅλῳ καὶ παντὶ εἰσαφικνεῖσθαι ἑνός τινος παθόντος. На это мѣсто не обратилъ вниманія и М. И. Владиславлевъ въ своей книгѣ о Плотинѣ.

Лейбница, хотя, конечно, пантеизмъ Бруно не могъ быть пріемлемымъ для Лейбница. Въ книгѣ профессора Серебреникова указаній на отношеніе Лейбница къ Бруно нѣтъ.

Къ книгѣ приложена, во-первыхъ, таблица, показывающая отношеніе изданія Erdmann'а къ изданіямъ Kirchmann'а, Московскаго психологическаго общества, Кассирера, Гергарда и Dutens'а — таблица, весьма полезная для справокъ лицъ, занимающихся Лейбницомъ; во-вторыхъ, указатель книгъ, касающихся жизни, сочиненій и ученія Лейбница. Этотъ указатель весьма полонъ; всѣ монографіи, заслуживающія вниманія, въ немъ приведены; само собою разумѣется, что авторъ не приводитъ всѣхъ журнальныхъ статей; это было бы и безполезно и врядъ ли исполнимо. Поэтому въ указателѣ опущены такія, напримѣръ, статьи, какъ Ѳ. Менцова „Жизнь и труды Лейбница“ 1842 года.

Въ общемъ книга представляетъ, несомнѣнно, крупный вкладъ въ историко-философскую литературу.

Э. Радловъ.

Griechische und süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters, herausgegeben und erklärt von *Fritz Pradel*. Giessen, 1907 (Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, herausgegeben von *Albrecht Dietrich* und *Richard Wünsch*. III. Band. 3. Heft).

Десять слишкомъ лѣтъ назадъ профессоръ Кролль сдѣлалъ выписки изъ двухъ греческихъ рукописей итальянскихъ библіотекъ и извлекъ изъ нихъ небольшое число апокрифическихъ молитвъ, отчасти въ цѣломъ видѣ, отчасти въ главныхъ частяхъ, съ текстомъ то греческимъ, то итальянскимъ греческими буквами. Онъ передалъ свой матеріалъ д-ру Праделю, который издалъ его и снабдилъ обширнымъ комментаріемъ и статьею проф. Тумба о греческомъ языкѣ молитвъ.

Предоставляя другимъ оцѣнивать комментарій издателя по существу, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить въ немъ одинъ прискорбный и весьма существенный недостатокъ. Прадель изъ русской ученой литературы знаетъ только „Anecdota graeco-byzantina“, покойнаго Васильева, въ которыхъ въ значительной мѣрѣ исчерпанъ матеріалъ апокрифическихъ молитвъ одной изъ бывшихъ у Кролля рукописей. Все прочее ему совершенно неизвѣстно. Онъ не знаетъ ни одного труда А. И. Алмазова, хотя этотъ ученый издалъ длинный рядъ греческихъ апокрифическихъ молитвъ по лучшимъ рукописямъ разныхъ библіотекъ, и его тексты зачастую представляютъ цѣннѣйшіе

варіанты къ текстамъ Праделя. Мы имѣемъ въ виду слѣдующія статьи А. И. Алмазова: 1) „Къ исторіи молитвъ на разные случаи (замѣтки и памятники)“, 1896; 2) „Врачевальныя молитвы“, 1900; 3) „Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры“, 1901; 4) „Чинъ надъ бѣсноватымъ (памятникъ греческой письменности XVII вѣка)“, 1901; 5) „Святые покровители сельско-хозяйственныхъ занятій (изъ исторіи относящихся къ нимъ греческихъ послѣдованій)“, 1904, увидѣвшія свѣтъ въ разныхъ томахъ „Лѣтописи“ Историко-филологическаго общества при Новороссійскомъ университетѣ. Точно также Праделю неизвѣстны и греческіе заговоры противъ лихорадки, изданные Мансветовымъ въ „Древностяхъ“ Московскаго Археологическаго общества, т. IX.

Въ древней письменности православныхъ славянъ имѣется значительное количество апокрифическихъ молитвъ, по большой части восходящихъ къ греческимъ оригиналамъ. Часть ихъ уже издана. Праделю они, конечно, неизвѣстны. Трудъ Праделя не даетъ намъ такихъ текстовъ, которые бы пролили сколько-нибудь новаго свѣта на этотъ славянскій матеріалъ.

А. Соболевскій.

Житіе преподобнаго Даніила, переяславскаго чудотворца, повѣсть о обрѣтеніи мощей и чудеса его. Къ 400-лѣтію Троицкаго Даниилова монастыря въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Изданіе профессора *С. И. Смирнова*. М. 1908.

Профессоръ С. И. Смирновъ взялъ на себя нелегкій трудъ собрать и издать всѣ тѣ памятники старой русской письменности, которые посвящены преподобному Даніилу Переяславскому и изъ которыхъ житіе этого святого имѣетъ особенно важное значеніе. Оно составлено его современникомъ и очевидцемъ его подвиговъ, не поскупившимся на бытовыя подробности. С. И. Смирновъ даетъ намъ текстъ житія по нѣсколькимъ спискамъ, съ разнаго рода примѣчаніями и цѣннымъ предисловіемъ.

Житіе преподобнаго Даніила до сихъ поръ приписывалось протопопу Андрею, духовнику царя Іоанна Грознаго, принявшему монашество съ именемъ Аѳанасія и окончившему жизнь въ санѣ московскаго митрополита, тому самому, котораго считаютъ авторомъ или однимъ изъ авторовъ Степенной книги. С. И. Смирновъ соглашается со своими предшественниками по изученію этого житія и признаетъ его принадлежащимъ перу Андрея-Аѳанасія. Онъ также соглашается

съ изслѣдователями относительно составленія помѣщеннаго въ Степенной книгѣ сокращенія житія самимъ Андреомъ-Аѳанасіемъ.

Прекрасное изданіе этого памятника—цѣнное пріобрѣтеніе нашей научной литературы, и наши спеціалисты за него скажутъ С. И. Смирнову искреннее спасибо. Лишь кое-гдѣ можно разойтись съ нимъ въ выборѣ варіантовъ и толкованій словъ. Такъ, на его мѣстѣ, мы бы не отвергли чтенія большинства списковъ: пріемляй славу отъ *берныхъ* человѣкъ (=бренныхъ) и не приняли чтенія: *вѣрныхъ*, дающаго худшій смыслъ (стр. 4). Мы бы прочли вся сія *во сбытіе* (=во исполненіи) произвести, вмѣсто: вся сія *возбытіе*, какъ читаетъ издатель (стр. 16). Чтеніе: солнцу *гиблущу* (стр. 72)—безъ сомнѣнія, описка, и мы замѣнили бы его варіантомъ: *гиблющу*. Глаголъ *дѣяти* не значитъ: трогать, какъ объясняетъ издатель (стр. 8), и повелительное *не дѣйте* употребляется въ значеніи: оставьте. Въ фразѣ: множество грѣховъ истиннымъ покаяніемъ *отрыеши* (стр. 24), едва ли можно говорить объ глаголѣ *отрывати*—уничтожать, истреблять, избавляться (?); скорѣе здѣсь неправильно образованная форма вмѣсто *отреши*—сотрешь. Слово *забрала* (стр. 40), повидимому, употреблено авторомъ житія въ значеніи: стѣны вообще; но едва ли слѣдуетъ, безъ всякихъ объясненій, толковать его черезъ стѣна, ограда, городское укрѣпленіе, какъ это дѣлаетъ издатель.

Кромѣ житія, С. И. Смирновъ издалъ Похвальное слово Даніилу („велерѣчивое, малосодержательное и малограмотное произведеніе"), повѣсть объ обрѣтеніи его мощей и чудеса его, по всѣмъ доступнымъ ему спискамъ, также съ разнаго рода объясненіями, а мѣстами и съ исправленіями испорченнаго текста.

А. Соболевскій.

П. Коганъ. **Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. Греческая литература. Москва. 1907. Цѣна 1 руб. 25 коп.**

Наша болѣе чѣмъ скудная литература по исторіи словеснаго творчества древнихъ грековъ обогатилась новымъ трудомъ. Авторъ его пріобрѣлъ извѣстность своими, вышедшими нѣсколько лѣтъ тому назадъ, „Очерками по исторіи западно-европейскихъ литературъ", по плану которыхъ составлены и выпущенные теперь „Очерки по исторіи древнихъ литературъ". Авторъ „ограничилъ свою задачу обзоромъ художественнаго творчества грековъ, не касаясь памятниковъ, от-

носящихся къ области философіи, исторіи и ораторскаго искусства". Такимъ образомъ, онъ касается лишь поэзіи, притомъ лишь поэзіи классическаго періода. На 289 страницахъ своей книги авторъ даетъ очеркъ исторіи греческой поэзіи, останавливаясь, главнымъ образомъ, на Гомерѣ, Гесіодѣ, Архилохѣ, Тиртеѣ, Солонѣ, Ѳеогнидѣ, Алкеѣ, Сапфо, Анакреонѣ, Симонидѣ, Пиндарѣ, Эсхилѣ, Софоклѣ, Эврипидѣ, Аристофанѣ и „Поэтикѣ" Аристотеля. Кромѣ нихъ авторъ попутно касается и нѣкоторыхъ другихъ поэтовъ, дѣятельность которыхъ составляла соединительное звено между творчествомъ названныхъ выше корифеевъ. Если онъ не всегда послѣдователенъ въ выборѣ этихъ звеньевъ и обходитъ иной разъ полнымъ молчаніемъ важныхъ и выдающихся писателей, то упрекать его въ этомъ мы не въ правѣ: онъ обѣщалъ намъ дать „Очерки" изъ исторіи греческой поэзіи, а далъ довольно цѣльный очеркъ ея за классическій періодъ ея исторіи. Жаль только, все же, что онъ не прибавилъ отдѣла о классикѣ греческой идилліи — Ѳеокритѣ, который по высокой художественности и совершенству своихъ произведеній стоитъ въ одномъ ряду съ лучшими поэтами до-александрійскаго періода. Было бы также очень умѣстно нѣсколько остановиться на комедіи Менандра, имѣвшей такое крупное значеніе для развитія римской и затѣмъ западно-европейской комедіи. Слѣдуетъ надѣяться, что авторъ пополнитъ этотъ пробѣлъ въ слѣдующемъ изданіи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время наше скудное наслѣдіе Менандра значительно обогатилось благодаря открытію въ Египтѣ папируса, содержащаго не менѣе 1.200 стиховъ знаменитаго представителя новой аттической комедіи. Слѣдовало бы также удѣлить нѣсколько вниманія гомерическимъ гимнамъ.

Но не будемъ говорить о томъ, чего авторъ намъ не далъ, и перейдемъ къ оцѣнкѣ того, что онъ намъ далъ. Съ первыхъ строкъ онъ начинаетъ говорить о Гомерѣ, но тотчасъ же обрываетъ свое изложеніе и переходитъ къ тому, что можно бы назвать введеніемъ въ исторію греческой литературы — къ вопросу о значеніи греческой цивилизаціи и литературы, вліяніи послѣдней на новую европейскую, общечеловѣческомъ значеніи греческой литературы, вліяніи географическихъ и естественныхъ условій на образованіе греческаго народнаго характера и основныхъ его чертахъ, а также объ особенностяхъ греческой религіи, философіи, науки, искусства и литературы. Всю эту часть, по нашему мнѣнію, цѣлесообразнѣе было бы выдѣлить въ особую вступительную главу, что придало бы ей болѣе цѣльный характеръ.

Въ отношеніи такъ называемаго гомеровскаго вопроса авторъ слишкомъ кратокъ, но зато особенно много вниманія удѣляетъ выясненію соціальныхъ отношеній гомеровской эпохи, причемъ въ изображеніи ихъ значительно сгущаетъ краски, потому что при сравнительной простотѣ жизни той эпохи соціальныя различія едва ли сказывались такъ рѣзко. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако авторъ признаетъ, что гомеровскіе цари и герои, занявъ „лучшія мѣста за пиршественнымъ столомъ жизни", дѣйствительно „умѣли взамѣнъ этого быть цвѣтомъ своего народа". „Въ ту эпоху, продолжаетъ авторъ, не масса, а герои рѣшали судьбу битвъ и участь народовъ". Полагаемъ, что, mutatis mutandis, и въ наши дни роль личности несравненно важнѣе, чѣмъ то думаютъ поклонники „массъ", и что и нынѣ выдающаяся личность можетъ имѣть рѣшающее значеніе для „судьбы битвъ и участи народовъ". Кто сомнѣвается, пусть вспомнитъ хотя бы имена нашихъ героевъ: адмирала Макарова и генерала Кондратенко—и ему станетъ яснымъ, какъ много значитъ—и всегда будетъ значить—героическая личность, руководящая этими пресловутыми „массами"... Кромѣ этой, столь модной нынѣ, теоріи, стремящейся развѣнчать роль личности въ исторіи, авторъ нашъ заплатилъ дань и другому модному увлеченію. Такъ, на стр. 52 читаемъ: „Совѣтъ вождей задумалъ разыграть комедію провокаторскаго характера". Это, несомнѣнно, фраза очень „современная", но едва ли можно пожелать, чтобы такія выраженія съ газетныхъ столбцовъ переходили на страницы серьезныхъ книгъ и получали тамъ право гражданства. Идя этимъ путемъ, нашъ авторъ неизбѣжно приходитъ... къ прославленію Терсита, какъ поборника „народныхъ правъ". Эту личность, родственную современнымъ „героямъ дня", авторъ во всякомъ случаѣ черезчуръ идеализируетъ, плѣняясь обнаруживающимся въ ней духомъ протеста. Можно, конечно, пожалѣть Терсита, котораго столь рѣшительно осадилъ многоопытный царь Иѳаки, но не нужно забывать, что не Терситъ, а Ахиллъ и Одиссей остались для грядущаго яркими свѣточами ума и доблести, не Терситъ, а Ахиллъ и Одиссей легли въ основу двухъ величественныхъ поэмъ. И если огромное большинство грековъ съ полнымъ одобреніемъ отнеслось къ карѣ, постигшей „поборника народныхъ правъ", то не потому конечно, что они испугались одиссеевой тяжелой руки, а просто потому, что признали правоту героя и устыдились тѣхъ низменныхъ чувствъ, которыя старался имъ внушить Терситъ. Это хорошо понимали греки, не исключая и аѳинскихъ демократовъ, и потому съ гордостью и любовью останавливали свои взоры на Ахиллѣ и Одиссеѣ и презирали Терсита:

они хорошо сознавали, что только Ахиллы и Одиссеи создаютъ величіе и славу народа и что горе странѣ, гдѣ начинаютъ плодиться Терситы. Равнымъ образомъ не совсѣмъ вѣренъ взглядъ автора на личность пастуха Эвмея. Эвмей—рабъ, глубоко преданный своему господину—Одиссею. Онъ, однако, не просто рабъ, онъ—рабъ царскаго происхожденія, похищенный вѣроломно финикіянами. Его благородное поведеніе—яркое доказательство силы крови, силы расы. Поэтъ какъ бы желаетъ показать намъ типъ человѣка, который, происходя изъ благороднаго рода, даже ставъ рабомъ, не падаетъ нравственно, но сохраняетъ и въ новомъ состояніи врожденное благородство души. Если, вмѣстѣ съ современными криминалистами, мы признаемъ наслѣдственность преступныхъ качествъ, наслѣдственность алкоголизма и проч., то самая логика обязываетъ признать и наслѣдственность добрыхъ качествъ или, точнѣе, предрасположенія къ нимъ.

Переходя къ обрисовкѣ греческаго средневѣковья, нашъ авторъ не вездѣ точенъ въ своихъ выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ (стр. 91): „Въ нѣкоторыхъ городахъ смѣна царей аристократіей совершалась путемъ борьбы; въ другихъ, какъ напримѣръ, въ Спартѣ, —мирнымъ путемъ“. Между тѣмъ кто не знаетъ, что въ Спартѣ царская власть ни насильственно, ни мирно уничтожена не была не только въ то время, но и во все продолженіе классической эпохи, и что можно говорить лишь о нѣкоторомъ ослабленіи этой власти эфорами. Неточно равнымъ образомъ и утвержденіе (стр. 109), что „военные *приказы* и призывы превращаются въ пламенныя воинственныя пѣсни“. Также и увѣреніе автора (стр. 116), что „каждый изъ двадцати пяти вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Архилоха и Сапфо, похищалъ частицу великихъ сокровищъ“, есть не болѣе, какъ красивая фраза, и авторъ, думается намъ, сильно затруднился бы сказать, какія это произведенія Архилоха или Сапфо похищены были, напримѣръ, XVIII или XIX вѣкомъ. Напротивъ того, послѣдній даже подарилъ намъ нѣсколько новыхъ для насъ отрывковъ этихъ поэтовъ, о чемъ авторъ, повидимому, ничего не знаетъ. Вообще изъ ряда открытій, которыми обогатилъ насъ конецъ XIX вѣка, авторъ знаетъ лишь „Аѳинскую Политію“ Аристотеля съ заключающимися въ ней отрывками стихотвореній Солона, объ остальномъ, напримѣръ, о диѳирамбахъ и эпиникіяхъ Вакхилида, онъ даже не упоминаетъ. Въ части, посвященной Архилоху, онъ говоритъ (стр. 118), что этотъ поэтъ „*до своего переселенія* на островъ Ѳазосъ обручился съ Необулой“. Откуда авторъ знаетъ, что это случилось *до переселенія*, а не *послѣ возвраще-*

нія съ Θазоса? Также невѣрно увѣреніе (стр. 119), будто Архилоху „суждено было видѣть... и богатства Гигеса, и великолѣпную тираннію, и дѣла боговъ, и знать, что все это не для него" (?). Выходитъ, что Архилохъ былъ у Гигеса и съ завистью и горечью смотрѣлъ на его богатства. Между тѣмъ въ относящемся сюда отрывкѣ поэтъ совершенно ясно говоритъ, что онъ нисколько не заботится о сокровищахъ Гигеса (котораго онъ никогда и не видалъ). Равнымъ образомъ совершенно фантастична и фраза (стр. 137), что „черезъ тысячу лѣтъ Горацій почтилъ память Алкея": авторъ преувеличиваетъ почти вдвое. Переводъ стиховъ, которые написалъ Симонидъ для гробницы Леонида съ изображеніемъ льва, таковъ (стр. 163):

Изъ звѣрей сильнѣе всѣхъ *я*; изъ людей же всѣхъ лучше
Тотъ, кого здѣсь охраняю *я* въ каменной этой гробницѣ.

Второй стихъ—гекзаметръ, но какимъ размѣромъ написанъ первый?—

Попадаются и неправильныя выраженія въ родѣ слѣдующаго (стр. 165): „испанская армада готовилась стереть съ лица Англію" (вмѣсто: съ лица земли). Нѣкоторыя имена встрѣчаются въ искаженной формѣ: такъ, едва ли правильно авторъ говоритъ о *Хорилѣ* (стр. 178); безусловно невѣрно много разъ повторяющееся названіе „Эдипъ въ *Колоннѣ*" (ἐπὶ Κολωνῷ); „Женщины на праздникѣ *Тесмофорій*". Въ правописаніи собственныхъ именъ также нѣтъ единства системы, напримѣръ, Гесіодъ и Θазосъ и т. п. Гораздо серьезнѣе то, что содержаніе произведеній передается не всегда достаточно полно и точно (напр., аристофановы „Осы"). Упомянувъ о доказательствѣ того положенія, что Ахиллесъ не въ состояніи догнать черепаху, авторъ относитъ его къ числу „казуистическихъ построеній софистовъ". Это вдвойнѣ невѣрно: во-первыхъ, авторомъ этого доказательства являются не софисты, а элейскій философъ Зенонъ; во-вторыхъ, по свидѣтельству такого компетентнаго лица, какъ покойный Владиміръ Соловьевъ, „аргументы Зенона не суть софизмы, а указываютъ на дѣйствительныя противорѣчія въ понятіи вещества, пространства и времени, какъ состоящихъ изъ реально-раздѣльныхъ частей; именно это понятіе и хотѣлъ опровергнуть Зенонъ". Такимъ образомъ эти аргументы заслуживаютъ гораздо болѣе серьезнаго отношенія къ нимъ.

Говоря о драмѣ, авторъ описываетъ устройство греческаго театра и вообще даетъ рядъ свѣдѣній изъ области сценическихъ древностей. При этомъ онъ совершенно игнорируетъ результаты, добытые изысканіями Doerpfeld'a, чего не слѣдовало дѣлать даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ несогласенъ съ послѣднимъ. Вообще, свѣдѣнія автора

не вездѣ стоятъ на уровнѣ современной науки, и онъ иногда пользуется болѣе старыми сочиненіями, не провѣряя заимствованныхъ оттуда свѣдѣній по новѣйшимъ трудамъ.

Таковы главнѣйшіе недостатки книги г. Когана. Въ остальномъ это—трудъ, написанный легкимъ и доступнымъ для всякаго образованнаго человѣка языкомъ; онъ будетъ, несомнѣнно, полезенъ для ознакомленія нашей читающей публики съ главными представителями классическаго художественнаго творчества эллиновъ. Желательно только, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги авторъ позаботился объ устраненіи ея недостатковъ, а также, по возможности, о пополненіи ея нѣкоторыми новыми отдѣлами, отсутствіе которыхъ нарушаетъ цѣльность этого, въ общемъ, хорошаго популярно-научнаго труда.

Къ книгѣ приложено нѣсколько рисунковъ и изображеній писателей. Къ нимъ надо бы прибавить еще изображеніе наиболѣе характерныхъ сценическихъ масокъ.

Ив. Дуснмскій.

Erwähnungen des Schattentheaters in der Weltliteratur. Zusammengestellt von Dr. Georg Jacob, ao. Professor an der Universität Erlangen. 3 vermehrte Ausgabe. Mit einer Tafel. Berlin, Mayer &. Müller. 1906. (Mk. 2. S. 49).

Въ послѣднее время кукольный театръ вообще (т. е. всѣ его разновидности: уличный театръ типа нашего „Петрушки“, театръ маріонетокъ и тѣневой театръ, называемый также „китайскими тѣнями“) начинаетъ привлекать къ себѣ снова вниманіе какъ ученыхъ (въ качествѣ важной отрасли фольклора и культурной исторіи), такъ и, съ другой стороны, эстетиковъ и педагоговъ. Особенно замѣтно это движеніе въ литературѣ нѣмецкой, отчасти французской; оно нашло себѣ отголоски также у румынъ, чеховъ, поляковъ и малороссовъ (въ Галиціи). Что касается, въ частности, тѣневого театра, то въ области турецкаго тѣневого театра цѣнныя въ научномъ отношеніи работы принадлежатъ венгерскому ученому Куношу, Фр. ф. Лушану, французу Ад. Талассо и, въ особенности, профессору Эрлангенскаго университета Г. Якобу. Изданіе текстовъ дало возможность проф. Якобу уже въ 1900 г. написать очеркъ о турецкомъ тѣневомъ театрѣ, а въ 1902 г. выпустить первое изданіе своего очерка „Тѣневой театръ въ его странствованіи съ востока на западъ“. Труды проф. Якоба побудили и другихъ ученыхъ заняться разыскиваніемъ старинныхъ и

новыхъ текстовъ и ихъ изданіемъ (записи К. Прюфера, Э. Литтмана). Словомъ, турецкій тѣневой театръ начинаетъ становиться обслѣдованнымъ съ такою же обстоятельностью, съ какою это сдѣлано голландскими учеными относительно тѣневого театра яванцевъ. Впрочемъ, такихъ роскошныхъ рисунковъ (въ краскахъ) фигуръ тѣневого театра, какъ у голландцевъ, для турецкаго тѣневого театра не существуетъ; и трудность изученія турецкаго (и арабскаго) тѣневого театра, во всякомъ случаѣ, значительнѣе, въ особенности относительно простонароднаго турецкаго фарса, такъ какъ этого рода пьесы передаются исключительно устнымъ путемъ. Одною изъ первыхъ задачъ историка тѣневого театра являются, такимъ образомъ, библіографическія изысканія. Библіографія проф. Якоба, съ 9 страницъ изданія 1901 г., разрослась до 49 страницъ третьяго. (Первыя изданія въ продажу не поступали, третье отпечатано въ количествѣ всего лишь 150 экземпляровъ). Тѣмъ не менѣе, я думаю, эта библіографія и теперь еще можетъ быть пополнена, хотя особенно существенныхъ дополненій врядъ ли можно ожидать. Эти дополненія могутъ быть преимущественно изъ литературы путешествій; зачастую они лишены серьезнаго значенія, такъ какъ не всегда путешественники знакомы съ мѣстными языками.

Указанія проф. Якоба начинаются съ XI вѣка и кончаются 1906 годомъ. Болѣе древнія указанія носятъ характеръ крайне скрупулезный: приводятся авторы, у которыхъ встрѣтилось хотя бы одно лишь упоминаніе слова, означающаго тѣневой театръ (яванск. „ваянгъ-пурва", турецкое „хаялъ" и арабское „хіялъ" съ прибавленіемъ приставки „зиллъ"; проф. Якобъ въ концѣ своей брошюры даетъ даже указанія, гдѣ встрѣчается слово „хаялъ" или „хіялъ", означающее „представленіе" вообще, безъ приставки „зиллъ"). Эти указанія и ихъ значеніе разъясняются въ трудахъ проф. Якоба о тѣневомъ театрѣ и о турецкомъ тѣневомъ театрѣ. Болѣе позднія указанія относятся къ изданію текстовъ, къ разсказамъ путешественниковъ, отчасти историковъ, конечно, къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ даннаго вопроса, и даже, наконецъ, указываются наставленія для устройства тѣневого театра въ семьѣ, для дѣтскаго развлеченія. Нѣсколько своихъ дополнительныхъ указаній къ библіографіи проф. Якоба я располагаю въ хронологическомъ порядкѣ:

Del Chiaro. Storia delle moderne revoluzioni della Valachia. Venezia. 1718. p. 60. (Указаніе взято изъ статьи румынскаго фольклориста Saineanu).

Дюмонъ-Дюрвиль. Виды, портреты и изображенія, принадлежащіе къ

всеобщему путешествію, составленные Сенсономъ. М. 1835. Отдѣленіе IV, рис. № 372. Маски, куклы и кинжалы Яванскіе. (Атласъ рисунковъ къ книгѣ Dumont d'Urville. „Voyage autour du monde". Paris. 1834—35).

К. Базили. Очерки Константинополя. С.-Пб. 1835. Очерки Конст. Мих. Базили (1809 — 1884) отличаются отъ очерковъ другихъ путешественниковъ въ выгодную сторону, такъ какъ Базили зналъ турецкій языкъ (онъ родился въ Константинополѣ, въ семьѣ богатаго греческаго патріота, спасшагося въ 1821 г. въ Россію; онъ окончилъ курсъ въ Ришельевскомъ лицеѣ и былъ консуломъ въ Сиріи и Палестинѣ).

Magasin pittoresque. 1842. (Указаніе взято изъ книги E. Maindron).— Объ алжирскомъ тѣневомъ театрѣ.

Fr. Junghaus. Die Battaländer auf Sumatra. Th. II, 1847. S. 344.

Th. Gautier. Constantinople. 1856, p. 172—180. (У Prof. Jacob'a указано позднѣйшее изданіе 1894 г.).

A. Delvau. Guignol à Java.—„Illustration" 1863. № отъ 16-го августа. (Указаніе Мэндрона).

Pierre Loti. Aziyadé. Paris 1879. (Оттуда же).

Parmentier. Voyage dans la Turquie d'Europe. Paris, 1890. Стр. 166—169.

Докторъ Г. И. Радде. 23.000 миль на яхтѣ „Тамара". С.-Пб. 1892. Томъ I, стр. 119.

Radiot. Tripoli d'Occident. Paris. 1892, p. 286—287. (Quaraquous).

С. Уманецъ. Театръ въ Турціи. — „Историческій Вѣстникъ". 1893 г. № 11.

Champfleury. Deux plaquettes sur le théatre de Karagueuz. Paris. 1894. (Edition de la „Revue dramat. et littér.").

A. Thalasso. Avenir dramat. et littér. 1894. „Revue des traditions populaires" 1894, t. IX, p. 122—123. (Qara-Qouch).

А. Е. К. (проф. Крымскій). Карагёзъ.—„Энциклопедическій словарь" Брокгауза-Ефрона, полут. 27. 1895.

Турецкій „Петрушка". — „Петербургская жизнь" 1895 г. № 120.

L. Lemercier de Neuville. Les Pupazzi noirs, ombres animés. Avec 190 grav. Paris. 1897 (съ краткимъ „Notice historique sur les ombres").

Olanesco. Teatrul la Români. 1897. S. 89—101. (Указаніе Saineanu).

Докторъ А. Л. Зандеръ. Вдоль и поперекъ острова Явы.—„Родникъ" 1898. № 9. (Путешествовалъ вмѣстѣ съ докторомъ Радде на яхтѣ „Тамара").

R. N. Les marionettes à travers les âges. (Изъ Harper's Magasine).— „Revue Britannique“ 1899. Octobre, 205—221.

Lazare Sainéan. Les marionettes en Roumanie et Turquie. — „Revue des traditions populaires“ 1901, t. XVI, p. 409—419.

Arabisches Schattentheater. — „Marine-Rundschau“ 1902. S. 413—414.

П. Меліоранскій. — „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, полут. 67. С.-Пб. 1902.

В. О. М(инор)скій. Константинопольскія увеселенія. — „Кавказскій Вѣстникъ“ 1903 г. №№ 1 — 2. (У проф. Якоба указанъ лишь отдѣльный оттискъ).

Türkisches Theater. — „Hamburg. Nachrichten“ 1904. № отъ 7-го февраля.

Профессоръ Якобъ, какъ сказано выше, указываетъ и популярныя руководства для устройства „китайскихъ тѣней“. Этого рода указанія крайне неполны. Изъ французскихъ руководствъ у него указаны лишь P. Eudel'a (1885) и R. Théo (подъ 1900 г.; на самомъ дѣлѣ его „Silhouettes à la main“ вышли въ 1896 г.; это дешевое изданіе въ 20 сантим.); не указаны руководства Lemercier de Neuville'a (1896 г.; см. выше) и Alber'a („Les Théatres d'ombres chinoises“. 1896). Изъ нѣмецкихъ руководствъ у профессора Якоба указаны лишь руководства Wallner'a (4-е изд. 1895 г.), Ortleb'a (1900), Agmann'a (1900) и редакціи des „Guten Kameraden“ (1906); на самомъ дѣлѣ ихъ гораздо больше (руководства О. Роберта и Видмайера особенно распространены и выходили много разъ; кромѣ того, руководства H. Jürs'a, Wilh. Thal'a, Rheinländer'a, W. Reymond'a и др.). Пьесы для тѣневого театра также указаны далеко не всѣ, не только французскія, но и нѣмецкія. Существуетъ и на русскомъ языкѣ замѣтка о простонародномъ тѣневомъ театрѣ въ Россіи, а именно — въ статьѣ М. Семевскаго „Торопецъ“ (въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1863 года № 12, и отдѣльно, С.-Пб. 1864); имѣется и руководство: „Дѣтскій тѣневой театръ (китайскія тѣни). Съ 36 рис. и таблицей рис.“ С.-Пб. 1907. Изд. А. Ф. Суховой (ред. журн. „Трудъ и забава“); помѣщалось въ этомъ журналѣ въ 1906 г., за подписью С. Якобсонъ, подъ заглавіемъ: „Тѣневой театръ для юношества“.

Жаль, что профессоръ Якобъ не указываетъ въ своей библіографіи рецензій на перечисленныя изданія. Эти рецензіи, подписанныя, по большей части, солидными именами (H. Reich, R. Pischel, Fr. v. Luschan, René Basset, И. Франко и др.), содержатъ подчасъ весьма цѣнныя указанія.

Въ концѣ своей брошюры профессоръ Якобъ въ прибавленіи даетъ „нѣкоторыя указанія литературы о восточномъ кукольномъ театрѣ (Dockenspiel)". Русскій кукольный театръ отнесенъ также къ числу восточныхъ.

Эти указанія носятъ характеръ довольно случайный и весьма неполны, въ особенности относительно русскаго театра. Не указанъ Олеарій, видѣвшій кукольный театръ въ Россіи еще въ 1638 г., а также труды Н. Тихонравова, братьевъ Веселовскихъ, П. Морозова, Д. Ровинскаго, Алферова (компиляція), В. Перетца, А. Фаминцына; зато указана, вѣроятно, неизвѣстная въ Россіи замѣтка Е. Кудашева „Les marionettes en Russie" (въ „Revue des traditions populaires" 1886. I, p. 84—85), дающая краткія свѣдѣнія о вертепѣ въ Кіевѣ. Литература о вертепѣ — русскомъ, малороссійскомъ, польскомъ, чешскомъ, — если ее включать въ указатель, заняла бы не одну страницу. Само собою разумѣется, что въ своихъ указаніяхъ я не шелъ далѣе 1906 г., какимъ помѣчена книжка профессора Якоба. Новѣйшая литература, растущая, по крайней мѣрѣ количественно, довольно быстро, вѣроятно, войдетъ въ 4-е изданіе библіографіи, которое, конечно, весьма желательно.

Н. Бахтинъ.

Die Miniaturen des serbischen Psalters der koeniglichen Hof-und Staatsbibliothek in Muenchen. Nach einer Belgrader Kopie ergaenzt und im Zusammenhange mit der syrischen Bilderredaction des Psalters untersucht von Josef Strzygowski. Mit einer Einleitung von dem wirklichen Mitgliede *V. Jagić*. Wien, 1906. (Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse, Bd. LII) pp. LXXXVII + 139, съ 43 цинкографіями въ текстѣ, 1 табл. въ краскахъ и 61 фототип. табл.

Во введеніи къ своей Histoire de l'art dans l'antiquité (vol. I. Paris. 1882, p. X—XI) Georges Perrot еще четверть вѣка тому назадъ писалъ объ искусствѣ классической Эллады слѣдующее: есть два первоначальныхъ фокуса, изъ которыхъ одинъ засвѣтился, на зарѣ историческихъ временъ, въ долинѣ Нила, а другой сначала загорѣлся, повидимому, въ Халдеѣ, во времена очень отдаленныя, конечно, но все же болѣе близкія къ намъ, чѣмъ тѣ, когда Менесъ открылъ рядъ властителей Египта. Лучи, исходящіе изъ этихъ двухъ фокусовъ, уже въ очень раннія времена при посредствѣ финикійцевъ стали, говоря картинно, пересѣкаться; черезъ Сирію между Месопотаміею и Египтомъ, между

ихъ религіозными и промышленными центрами, установился оживленный и плодотворный обмѣнъ идеями и товарами, обмѣнъ, слѣды котораго замѣтны повсюду какъ въ Ассиріи, такъ и въ Египтѣ. Теперь уже выяснены пути, по которымъ на западъ распространялись изобрѣтенія и формы, цѣлая цивилизація, пути, par où passèrent jadis les courants qui, de l'Égypte et l'Assyrie, vinrent apporter aux grecs et aux latins le choc électrique et l'excitation salutaire, l'étincelle de vie.

Огромна разница между яснымъ и красивымъ алфавитомъ аттическихъ надписей временъ Перикла и египетскими іероглифами; и все-таки этотъ греческій алфавитъ есть не что иное, какъ передѣланный букварь финикійскій, а финикійцы, въ свою очередь, лишь приспособили египетское письмо. Огромна разница между классическимъ искусствомъ Эллады и искусствомъ древняго Востока; и все же между ними есть весьма тѣсная связь, ясная и теперь и становящаяся все болѣе очевидною съ каждымъ годомъ. Достаточно прочитать хотя бы первую главу „Исторіи греческаго искусства" пражскаго профессора Вильгельма Клейна (Leipzig, 1904) или заключительныя главы трехъ томиковъ каталога Луврскихъ вазъ E. Pottier, чтобы убѣдиться, что только при условіи признанія руководящаго значенія Востока можно научно объяснить генезисъ и эволюцію греческаго искусства.

То, что вѣрно для античнаго міра,—грацскій профессоръ I. Стржиговскій уже давно доказываетъ, что оно вѣрно и для средневѣковья: не въ Римѣ и не въ Византіи народилось средневѣковое искусство Европы; это искусство есть результатъ взаимодѣйствія умирающаго эллинизма и возрождающагося Востока, т. е. опять-таки Месопотаміи и Египта. Въ цѣломъ рядѣ трудовъ I. Стржиговскій неустанно проводилъ эту мысль, приводя все новыя и новыя доказательства. Цѣликомъ принимая выводы изслѣдованія профессора Д. В. Айналова объ эллинистическихъ основахъ византійскаго искусства (Записки И. Р. Археол. общ., XII, 1901), I. Стржиговскій дополняетъ ихъ, указывая на конечное торжество Востока надъ эллинизмомъ. Эти положенія вызвали сначала горячую полемику въ ученой литературѣ. Теперь эта полемика понемногу стихаетъ. Уже въ 1904 году появились первые выпуски исторіи византійскаго искусства G. Millet (Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours, publiée sous la direction de André Michel. Paris, 1905, I, p. 131 sqq.), въ основаніе которой, по заявленію автора, положены труды Д. В. Айналова и I. Стржиговскаго. Правда, G. Millet не „дерзаетъ": у него нѣтъ ни той ширины взглядовъ, ни той великолѣпной вѣры въ свою идею, которыя есть у назван-

ныхъ имъ авторовъ. Но вѣдь и книга G. Millet есть лишь первая попытка перестроить исторію византійскаго искусства согласно новымъ даннымъ; да и написана эта книга уже сравнительно давно, и авторъ ея еще не располагалъ послѣдними публикаціями по христіанскому Востоку. А наука быстро подвигается впередъ, новый матеріалъ накопляется, и, повидимому, недалеко то время, когда признаніе Востока колыбелью средневѣковаго искусства станетъ такою же азбучною истиною, какъ признаніе Востока колыбелью искусства античнаго.

Философско-историческое отдѣленіе Вѣнской Академіи наукъ, только что выпустивъ въ LI томѣ своихъ Denkschriften великолѣпное изданіе папируса В. Голенищева (Eine Alexandrinische Weltchronik, herausgegeben von Adolf Bauer und Josef Strzygowski), отпечатало и разослало LII томъ, посвященный опять двумъ памятникамъ христіанскаго искусства: сербской псалтыри Мюнхенской королевской библіотеки и псалтыри Бѣлградской національной библіотеки. Всѣ миніатюры мюнхенской псалтыри воспроизведены фототипіею почти въ натуральную величину, одна изъ нихъ дана даже въ краскахъ; почти всѣ миніатюры бѣлградской рукописи, дополняющей и разъясняющей мюнхенскую, въ хорошихъ цинкографіяхъ помѣщены въ текстѣ книги.

Полная и удовлетворительная публикація памятника искусства уже сама по себѣ является цѣннымъ вкладомъ въ ученую литературу, столь бѣдную именно хорошими и полными изданіями памятниковъ. Особенно драгоцѣннымъ LII томъ Denkschriften Вѣнской Академіи становится еще вслѣдствіе того, что воспроизведены миніатюры, имѣющія очень большое художественное и историческое значеніе, и изданы онѣ Іосифомъ Стржиговскимъ, сумѣвшимъ оцѣнить ихъ и извлечь изъ нихъ весьма поучительные выводы.

Изслѣдованію І. Стржиговскаго о миніатюрахъ псалтыри предпослано обширное введеніе, написанное академикомъ И. В. Ягичемъ, трактующее объ исторіи мюнхенской и бѣлградской рукописей, объ особенностяхъ редакціи ихъ и такъ далѣе. Изъ этого введенія для историка искусства важны лишь слѣдующія данныя, касающіяся опредѣленія времени, когда псалтыри были скопированы, и мѣста, гдѣ работалъ миніаторъ.

На первой страницѣ мюнхенской псалтыри имѣется нѣсколько записей, выясняющихъ судьбы кодекса. Первая запись гласитъ: ѿ деспота гжи пагнитомꙋ и мꙋдромꙋ и всакои славѣ и чти кгѿ дарованномꙋ синꙋ и гнꙋ ми нававнапь. Смыслъ этой надписи тотъ, что нѣкій Новакъ, скрывшій почему-то свое имя подъ криптограммою нававнапь, удосто-

вѣряетъ, что рукопись подарена деспотомъ сербскимъ Георгіемъ (Бранковичемъ, 1427—1456) своему сыну. Изъ этого можно заключить, что псалтырь написана не позднѣе середины XV вѣка. И дѣйствительно, И. В. Ягичъ подтверждаетъ, что и палеографически рукопись относится къ первой половинѣ того же XV вѣка.

Затѣмъ имѣется вторая замѣтка слѣдующаго содержанія: Племени тига гна геѡргия старогā деспѡта срьб... книга сия на место црāгра великаги въ место стие гори пйсана. Ки генадие мни амин. Итакъ, книга написана въ Константинополѣ и на Аѳонѣ?

Другая запись, очень подробная, повѣствуетъ о дальнѣйшихъ судьбахъ книги: печскій архіепископъ Пансій въ 1627 г. посѣтилъ монастырь Пржина Глава, нашелъ тамъ псалтырь, получилъ ее на время отъ монаховъ, велѣлъ ее заново переплести и въ 1630 г. вернулъ ее монастырю. Согласно дальнѣйшей латинской записи, въ 1689 г. рукопись была увезена въ Германію баварскимъ генераломъ В. Г. Гемель-фонъ-Флишбахъ. Въ 1782 г. она попала въ Регенсбургъ и, въ началѣ XIX вѣка, была передана въ мюнхенскую королевскую библіотеку.

Относительно бѣлградской рукописи извѣстно только то, что она была пріобрѣтена въ 1866 г. для Національной библіотеки въ Ипекѣ (Печи) въ Старой Сербіи. Не трудно, далѣе, констатировать, что миніатюры ея скопированы съ мюнхенской псалтыри. По всему вѣроятію, бѣлградскій экземпляръ есть снятая по заказу вышеупомянутаго архіепископа печскаго Пансія въ 1627—1630 годахъ копія мюнхенскаго. Цѣнность этой копіи обусловливается тѣмъ, что нѣсколько миніатюръ оригинала утрачено, а другія плохо сохранились. И въ тѣхъ, и въ другихъ случаяхъ бѣлградская копія позволяетъ возстановить въ общихъ чертахъ оригиналъ. Въ общихъ чертахъ только—потому что копія не отличается точностью ни въ рисункѣ, ни въ краскахъ, ни, тѣмъ менѣе, въ передачѣ стиля (ср. стр. 120—122).

Памятникъ, который задумалъ издать профессоръ І. Стржиговскій, такимъ образомъ, очень поздняго происхожденія: когда рисовались мюнхенскія миніатюры, въ Константинополѣ, можетъ быть, уже властвовали турки, а Сербія была наканунѣ своего превращенія въ турецкій пашалыкъ. Столь позднія произведенія византійскаго искусства обыкновенно почти не удостоиваются изученія. Въ данномъ случаѣ, однако, памятникъ представляетъ значительный интересъ, и вотъ почему: мюнхенская редакція иллюстрацій къ псалтыри сильно разнится отъ прочихъ византійскихъ псалтырей. Извѣстно, что иллюстрирован-

ныя псалтыри распадаются на двѣ группы, древнѣйшими представителями которыхъ являются съ одной стороны cod. Paris. Gr. 139 (миніатюры изданы у H. Omont, Fac-similés des miniatures des plus anciens manuscrits grecs. Paris. 1902), съ другой — Хлудовская рукопись, описанная Н. П. Кондаковымъ (Миніатюры греческой рукописи псалтыри IX вѣка изъ собранія А. И. Хлудова. Москва, 1878). Въ первой изъ этихъ двухъ рукописей картинки занимаютъ цѣлыя страницы, во второй—иллюстраціи размѣщены на поляхъ, рядомъ съ текстомъ. Въ мюнхенской псалтыри миніатюры занимаютъ цѣльныя страницы, но съ редакціей cod. Paris. Gr. 139 она имѣетъ мало общаго. Болѣе общаго у нея съ редакціей Хлудовской псалтыри, но и тутъ различія весьма существенны. Чтобы показать это, намъ нѣтъ надобности описать всѣ мюнхенскія миніатюры (у Стржиговскаго стр. 9—87) — достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ о первыхъ вступительныхъ картинкахъ.

Сейчасъ же первая миніатюра мюнхенская сн чаша съмрьтна вовсе не имѣетъ аналогій въ средневѣковомъ искусствѣ: умирающій, окруженный толпою горюющихъ родственниковъ и друзей, сидитъ на одрѣ своемъ и изъ рукъ Смерти принимаетъ большой бѣлый сосудъ, смертную чашу. Смерть представлена въ видѣ нагого и чернаго (какъ въ миніатюрахъ Космы Индикоплова и октатевховъ) мужчины, который лѣвою рукою указываетъ наверхъ.—На слѣдующей картинкѣ иллюстрированы двѣ сцены изъ извѣстной легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Наверху представленъ человѣкъ, влѣзшій на дерево и ртомъ ловящій капли меду, хотя подъ деревомъ его сторожатъ единорогъ и еще два страшныхъ звѣря, а двѣ мыши, черная и бѣлая, разгрызаютъ корни дерева. Внизу изображенъ открытый гробъ со скелетомъ внутри; по одну сторону гроба стоитъ пророкъ Исаія, по другую юноша, съ удивленіемъ взирающій на скелетъ. Для человѣка на деревѣ аналогіи еще можно подыскать, хотя такъ, какъ въ мюнхенской, сюжетъ нигдѣ не использованъ; Исаію и юношу у гроба мы нигдѣ не встрѣчаемъ.—Третья мюнхенская миніатюра изображаетъ воцареніе Саула; сюжетъ обыченъ въ псалтыряхъ, но трактуется всегда иначе.—Слѣдуетъ миніатюра, представляющая помазаніе Давида Самуиломъ на царство; эта картинка часто встрѣчается въ псалтыряхъ и дана въ обыкновенной редакціи.—Пятая миніатюра опять весьма замѣчательна; дано воцареніе Давида: знатнѣйшіе изъ евреевъ, склонившись передъ сидящимъ царемъ, протягивая къ нему руки, привѣтствуютъ его. Мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ рисункѣ, единственномъ

въ своемъ родѣ.—Наконецъ, шестая и седьмая миніатюры составляютъ одну композицію. На fol. 4 v. нарисованъ Давидъ, съ гуслями въ рукахъ, направо отъ котораго стоятъ є҆ѳамь и ӑсафь, налѣво ѐмань и ӥдидѹмь. На fol. 5 r. изображены о҃ моужь иже ѿтпѣвають двдоу ѥга сьставлише ѱальтирь, семьдесятъ по большей части молодыхъ фигуръ, обращенныхъ къ Давиду. Для первой изъ этихъ миніатюръ можно еще, хотя и съ натяжками, подобрать нѣсколько аналогій, для второй—аналогій вовсе не имѣется.

Изъ семи вступительныхъ композицій, такимъ образомъ, только одна, четвертая, непосредственно примыкаетъ къ обычному византійскому образцу, остальныя же ни въ Византіи, ни на Западѣ не имѣютъ аналогій. Изслѣдователь, значитъ, стоитъ передъ альтернативой: или миніатюры мюнхенской псалтыри суть продуктъ собственнаго творчества миніатора XV вѣка, или же онѣ скопированы съ оригинала не византійскаго, но западнаго, а древне-восточнаго.

Сербскіе національные элементы, какъ указываетъ I. Стржиговскій (стр. 104—112), несомнѣнно въ мюнхенскихъ миніатюрахъ имѣются: въ костюмахъ, въ утвари, въ мебели есть цѣлый рядъ этнографически-характерныхъ чертъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ пятая миніатюра, о которой мы только что говорили: въ ней видна даже извѣстная сербская политическая тенденція. Когда со смертью Стефана Уроша прекратилась царская династія Нѣманей, сербскіе вельможи, послѣ долгихъ смутъ, избрали княземъ, а не царемъ, Лазаря (1371—1389) и сильно ограничили его власть. Неограниченному царю подобала προσκύνησις: его привѣтствовали тѣмъ, что распростирались передъ нимъ на землѣ; ограниченному князю цѣловали руку и дѣлали ему la révérence, какъ повѣствуетъ Bertrandon de la Brocquière, представлявшійся въ 1433 г. сербскому деспоту Георгію, тому самому, который подарилъ мюнхенскую рукопись своему сыну.

Изъ этихъ наблюденій, однако, можно вывести только то, что копистъ былъ сербъ, но не болѣе. Сербъ только копировалъ, а какъ въ XV и слл. вѣкахъ копировали, показываетъ сравненіе псалтырей мюнхенской и бѣлградской. Оригиналъ же, который былъ у него передъ глазами, былъ таковъ, что въ восточномъ происхожденіи его не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ цѣломъ рядѣ миніатюръ есть такія черты, которыя только сирійскими преданіями и можно объяснить. Возьмемъ одинъ примѣръ — изображеніе чуда, какъ прорази мѡѵсі камень и҆з негоже истекоше ві источника водѣ: на огромной телѣгѣ, запряженной парою воловъ, лежитъ большой камень съ отверстіями,

изъ которыхъ льется вода; кругомъ толпы народа. Объ изображеніи двѣнадцати источниковъ, открытыхъ жезломъ Моисея, въ древнехристіанскомъ и средневѣковомъ искусствѣ не стоитъ распространяться: общеизвѣстно, какъ это событіе всегда и всюду изображается. Картинка мюнхенской псалтыри объясняется синайскимъ преданіемъ: на Синаѣ и до сего дня показываютъ большой камень съ двѣнадцатью отверстіями, изъ котораго Моисей источилъ воду, и который онъ повсюду возилъ съ собою.

Но, можетъ быть, миніаторъ самостоятельно иллюстрировалъ преданіе синайское, занесенное въ Сербію какимъ-нибудь паломникомъ, побывавшимъ на Синаѣ? Нѣтъ, ибо можно доказать, что сербъ именно копировалъ, не всегда даже понимая свой оригиналъ. Есть въ мюнхенской псалтыри нѣсколько миніатюръ, которыхъ Іос. Стржиговскому не удалось разгадать: въ прочихъ псалтыряхъ нѣтъ ничего похожаго на эти загадочныя картинки. И какъ разъ эти миніатюры не снабжены подписями, которыя сопровождаютъ остальныя композиціи. Изъ этого слѣдуетъ, что самъ писецъ не понималъ смысла рисунковъ.

Въ Вѣнѣ хранится знаменитая рукопись Діоскурида. На первомъ листѣ этой рукописи читается слѣдующая запись: τὸ παρὸν βιβλίον τὸν Διοσκουρίδην παντάπασι παλαιωθέντα καὶ κινδυνεύοντα τελείως διαφθαρῆναι ἐστάχωσεν ὁ Χορτασμένος Ἰωάννης προτροπῇ καὶ ἐξόδῳ τοῦ τιμιωτάτου ἐν μοναχοῖς κυροῦ Ναθαναὴλ νοσοκόμου τηνικαῦτα τυγχάνοντος ἐν τῷ Ξενῶνι τοῦ κράλη ἔτους ξϑιδ ἰνδ(ικτιῶνος) ιδ (= 1406). Если вспомнить, что ὁ Ξενὼν τοῦ κράλη былъ сербскимъ учрежденіемъ, основаннымъ въ Константинополѣ Стефаномъ Урошемъ II (1282—1321), то значеніе этой записи станетъ яснымъ: въ началѣ XV вѣка, т. е. именно въ то время, приблизительно, когда писалась и мюнхенская рукопись, сербскій монахъ имѣлъ въ рукахъ восточную рукопись начала VI вѣка, интересовался ею и, въ случаѣ надобности, могъ бы ее скопировать. То же самое, надо думать, произошло и съ оригиналомъ мюнхенской псалтыри. Какъ бѣлградская рукопись не есть копія текста мюнхенской, а только копія миніатюръ, такъ же точно мюнхенская, въ свою очередь, скопирована съ сирійской, текстъ которой могъ быть греческимъ или сирійскимъ — даже вѣроятно, что онъ былъ именно сирійскимъ, и что миніаторъ потому-то и оставилъ непонятныя для него миніатюры безъ подписей, что не могъ прочесть подписи оригинала.

Остается еще одинъ вопросъ: есть ли историческое вѣроятіе за такимъ объясненіемъ происхожденія мюнхенскихъ миніатюръ? І. Стржи-

говскій на этотъ вопросъ отвѣчаетъ безусловно утвердительно, на слѣдующихъ основаніяхъ.

Во-первыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ Сербія была въ постоянныхъ и очень оживленныхъ сношеніяхъ съ Сиріею какъ разъ на церковной почвѣ: это доказывается, между прочимъ, распространеніемъ богомильской и другихъ ересей и т. д. Стефанъ Урошъ II основалъ въ Іерусалимѣ сербскій монастырь во имя архангеловъ Михаила и Гавріила. На Синаѣ и въ Іерусалимѣ найдены были древнѣйшія глаголическія рукописи. Такихъ фактовъ можно подобрать не мало.

Во-вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Аѳонъ не прерывалъ сношеній съ Сиріею. А на Аѳонѣ уже Стефанъ Нѣманя отстроилъ сербскій монастырь Хиландаръ, и позднѣйшіе владыки и вельможи сербскіе постоянно и неизмѣнно благоволили къ обители, изъ которой выходили всѣ свѣтила сербской церкви. Если принять во вниманіе, что паломничества въ Святую землю далеко не были рѣдкостью —св. Савва, напримѣръ, дважды побывалъ у гроба Господня, объѣздилъ монастыри Сиріи, Египта, Арменіи—то трудно отрицать, что сирійская рукопись весьма и весьма легко могла попасть на Аѳонъ, въ Константинополь, въ Сербію.

Іосифъ Стржиговскій могъ бы привести и еще одно доказательство сирійскаго происхожденія оригинала мюнхенской рукописи: между мюнхенскими миніатюрами и мозаиками константинопольской Кахріэ-джами зачастую замѣчаются поразительныя совпаденія. Мозаики Кахріэ-джами были изданы Русскимъ Археологическимъ институтомъ въ Константинополѣ (Извѣстія, т. XI, 1906) въ концѣ того года, въ началѣ котораго появилось изслѣдованіе проф. Стржиговскаго. Въ распоряженіи профессора І. Стржиговскаго не было еще хорошихъ снимковъ съ этихъ мозаикъ, и онъ поэтому только мимоходомъ о Кахріэ-джами упоминаетъ. Между тѣмъ, если бы его тезисы нуждались въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, Кахріэ-джами могла бы ихъ ему доставить. Цѣлый рядъ документовъ, которые изданы въ текстѣ и приложеніяхъ XI т. Извѣстій, неоспоримо доказываютъ постоянную многовѣковую тѣсную связь монастыря Хоры (церковь котораго и есть Кахріэ-джами) съ Востокомъ, и не трудно утверждать, что мозаики суть продуктъ восточнаго творчества.

Значеніе книги проф. Стржиговскаго весьма велико, ибо она ставитъ „византійскій“ вопросъ на совершенно новую почву (см. L. Bréhier, Orient ou Byzance? Revue archéol., 1907, II, p. 396—412). До

сихъ поръ говорили о томъ, что византійское искусство выросло на эллинистической почвѣ и развивалось подъ сильнымъ восточнымъ вліяніемъ, но лабораторіею, въ которой оно выработалось, признавался Константинополь; и предполагалось, что Константинополь же былъ тѣмъ центромъ, изъ котораго культура распространялась среди народовъ византійскаго міра.

Мюнхенская псалтырь и Кахріэ-джами показываютъ другое: еще въ XIV и XV вв. Востокъ *непосредственно* доставлялъ образцы, которые копировались „византійскими" художниками, съ Востока на западъ и на сѣверъ вели и такіе пути, которые оставляли въ сторонѣ Константинополь, искусство Аѳона, быть можетъ, весьма мало зависитъ отъ Царяграда. А если это такъ, то придется пересмотрѣть вопросъ о южнославянскомъ искусствѣ. До сихъ поръ считалось аксіомою, что болгары и сербы весь свой свѣтъ получали отъ единаго солнца—Византіи, и ихъ искусство не болѣе, какъ грубая провинціальная копія столичныхъ образцовъ. Это было рѣшено такъ безповоротно, что въ русской ученой литературѣ нѣтъ, напримѣръ, ни одной работы, посвященной стариннымъ памятникамъ Болгаріи; есть лишь затерянная въ никому не доступномъ изданіи (Архитектурный Музей И. Ак. Худ.) статья П. Покрышкина о церквахъ Месемвріи, дѣйствительно — вполнѣ столичныхъ, византійскихъ. Стали извѣстными, благодаря тому же П. Покрышкину (Православная церковная архитектура XII — XVIII стол. въ нынѣшнемъ Сербскомъ королевствѣ. С.-Пб. 1906), кое какіе сербскіе памятники. Но все это недостаточно, какъ можно видѣть, хотя бы на слѣдующемъ примѣрѣ.

П. Покрышкинъ въ Сербіи сфотографировалъ цѣлый рядъ фресокъ XIV в. (въ Кральевой церкви въ Студеницѣ), изображающихъ моменты изъ житія Богородицы въ такой редакціи, что ничего подобнаго въ „византійскомъ" искусствѣ не сыскать кромѣ какъ въ Кахріэджами и на Аѳонѣ. Откуда это? Вѣдь можетъ же быть, что сербъ черпалъ непосредственно изъ того же источника, что и грекъ? Вѣдь черпалъ же сербъ, разрисовывавшій Мюнхенскую псалтырь, непосредственно изъ восточнаго источника.

Въ краткой замѣткѣ, конечно, не исчерпать столь большого и сложнаго вопроса. Я только хотѣлъ отмѣтить въ общихъ чертахъ значеніе книги І. Стржиговскаго и обратить на нее вниманіе также и тѣхъ, которые интересуются старинным русскимъ, напр., искусствомъ, успокоились на томъ, что оно пришло изъ „Византіи" и не

слѣдятъ ex officio за византологической литературой. Книга I. Стржиговскаго даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ ея скромное заглавіе.

Ѳ. Шмитъ.

Замѣчанія о текстѣ II тома академическаго изданія сочиненій Пушкина.

Чистота текста — первое условіе, которому должна удовлетворять всякая книга, въ особенности изданіе классика, да еще такое, которое стремится къ возможной полнотѣ и тщательности и должно служить почвой для строго-научныхъ изученій. Эту задачу поставило себѣ и академическое изданіе сочиненій Пушкина, но, выполняя ее, сдѣлало нѣсколько ошибокъ, отмѣтить и разъяснить которыя намъ представляется необходимымъ, не только для возстановленія подлиннаго пушкинскаго текста, но главнымъ образомъ ради устраненія неумѣстныхъ и могущихъ быть вредными пріемовъ изслѣдованія текста, ведущихъ къ его затемненію и искаженію.

Въ бумагахъ Пушкина осталось немало черновиковъ. Поэтъ бережно хранилъ ихъ, дорожилъ ими и нерѣдко обращался къ представляемому ими запасу. Ему дорогъ былъ иной

нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ...

Какъ часто ни навѣщало его вдохновенье, онъ дорожилъ отдѣльными моментами творчества, старался уловить и запечатлѣть новую мысль, счастливый образъ, „то звуковъ или словъ нежданное стеченье, то ѣдкой шутки соль, то странность риѳмы новой, неслыханной дотоль,“ — и его черновыя бумаги представляютъ настоящую поэтическую лабораторію, открывающую намъ и много матеріаловъ, которые обрабатывалъ поэтъ, и его творческіе пріемы. Черновые наброски Пушкина не только сохранили множество разсѣянныхъ тамъ и сямъ блестокъ пушкинскаго вдохновенія, но имѣютъ высокое научное значеніе, какъ матеріалъ для словаря и грамматики пушкинскаго языка. Нечего говорить, какъ важно ихъ вынести изъ хранилищъ на свѣтъ, тѣмъ болѣе, что при множественномъ воспроизведеніи ихъ нельзя сомнѣваться въ ихъ увѣковѣченіи навсегда, за что трудно поручиться теперь, когда они, покоясь на музейныхъ полкахъ, могутъ стать жертвой тлѣнія или

огня. Лучшій способъ воспроизведенія пушкинскихъ бумагъ—хорошіе фототипическіе снимки. Транскрипціей, конечно, трудно замѣнить ихъ. Тѣмъ не менѣе, изданіе академіи наукъ, говоритъ предисловіе къ II тому, хотѣло „по возможности исчерпать черновыя бумаги Пушкина, прочесть все зачеркнутое, все недописанное". Сознавая, что „печатная передача рукописи не замѣняетъ собою факсимиле", но, находя, что „при неразборчивости черновыхъ рукописей Пушкина печатная ихъ транскрипція необходима", изданіе „имѣло въ виду интересы дальнѣйшаго изученія рукописей Пушкина... Необходимо указать, что первый образецъ этой транскрипціи рукописей Пушкина былъ данъ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ въ его извѣстной книгѣ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина", столь важной для изученія пушкинскаго текста".

Нельзя сказать, что образецъ для подражанія былъ выбранъ удачно, такъ какъ именно книга И. А. Шляпкина дала цѣлый рядъ набросковъ, которые П. Е. Щеголевъ остроумно и вѣрно назвалъ „Ненаписанными стихотвореніями Пушкина" („Историч. Вѣстн." 1904 г., январь, стр. 263—274). Какъ бы ни относиться къ вопросу о цѣнности транскрипціи, которая покуда, до точнаго фотографическаго воспроизведенія рукописей, можетъ быть терпима, какъ неизбѣжное зло, нельзя одобрить пріемъ, состоящій въ „извлеченіи" изслѣдователемъ изъ черновика кажущихся ему „подходящими" стиховъ, словъ и выраженій и комбинированіи изъ нихъ бѣлового текста, котораго Пушкинъ не написалъ, но который кажется изслѣдователю вполнѣ пушкинскимъ. Соблазнъ немалый—„открыть" стихи Пушкина, найти „новое", обогатить собраніе произведеній Пушкина, и, не въ силахъ воспротивиться этому соблазну, редакторъ начинаетъ самовластно распоряжаться недоконченной работой Пушкина, отдѣлывая ее, оставляя одно, отбрасывая другое и иногда прибавляя отъ себя третье. Такъ именно передавалъ или, вѣрнѣе, передѣлывалъ стихи Пушкина г. Шляпкинъ въ своей упомянутой работѣ, взятой за образецъ редакторомъ II тома академическаго изданія г. Якушкинымъ.

Печатая черновые наброски Пушкина, г. Якушкинъ одни изъ нихъ внесъ въ текстъ, среди стихотвореній, отдѣланныхъ поэтомъ, а другіе, „наименѣе отдѣланные и наименѣе цѣльные", помѣстилъ во второй части книги, въ отдѣлѣ примѣчаній. Распредѣленіе набросковъ между текстомъ и примѣчаніями сдѣлано неудачно, благодаря невозможности указать степень ихъ „отдѣланности". Казалось бы, что въ тѣхъ набросках, которые вошли въ текстъ, издателю слѣдовало бы быть особенно осторожнымъ и воздержаться отъ „редактированія"

того, что написалъ Пушкинъ, но этого не было, и сопоставленіе того, что напечатано въ академическомъ изданіи, съ тѣмъ, что даютъ подлинныя рукописи, транскрипція которыхъ приложена тутъ же, убѣждаетъ въ произвольности и неумѣстности редакторскихъ пріемовъ. Такихъ примѣровъ немало.

На стр. 20, въ черновомъ наброскѣ: „Какъ сладостно!... Но, Боги, какъ опасно"... читаемъ (стихъ 3-й):

„Забуду ли улыбку, взоръ прекрасной".

Въ примѣчаніяхъ (стр. 48) редакторъ объясняетъ, какимъ образомъ получился у него этотъ стихъ: „3-й стихъ былъ написанъ такъ:

Забуду ль я отнынѣ... улыбку, взоръ прекрасн

Слова: „забуду ль я" зачеркнуты, и сверху даны двѣ поправки: одна недописанная и зачеркнутая: „могу ль" (т. е. забыть) и другая: „Забуду ли" (въ рукописи эти слова написаны *слитно*), что и внесено (?) нами въ текстъ. Слово „отнынѣ" осталось незачеркнутымъ, но выпущено нами, какъ *лишнее*" (!).

Рядомъ (стр. 21), въ другомъ черновомъ наброскѣ: „И я слыхалъ, что бѣлый свѣтъ"... допущенъ такой же произволъ. Стихи 4—9 переданы такъ:

„...жизни бъ путь намъ былъ ужасенъ,
Когда [бъ] не тихой дружбы свѣтъ...
Но слушай, чувство есть другое:
Оно и нѣжитъ и томитъ,
Въ трудахъ, заботахъ и въ покоѣ
Всегда не дремлетъ и горитъ".

Частицы „бъ" въ пятомъ стихѣ нѣтъ, ее вставилъ редакторъ [1]). Шестой стихъ, по объясненію редактора (прим., 51—52), „составленъ" вотъ какимъ образомъ. „Поэтъ начиналъ и бросалъ новый стихъ много разъ. Въ рукописи мы читаемъ:

(Но зн...)
(Но знаю чувство)
(Но есть)

Потомъ иначе:

(Любовь) (веселыя) желанья,
(Надежды) (пылкія) (рѣзвыя) (тихія)
Надежды и (желанья).

---

[1]) Въ круглыя ( ) скобки заключены слова, зачеркнутыя въ рукописи, а въ прямыя [ ]—слова, разобранныя „предположительно", т. е. по догадкѣ редактора или „вставленныя вмѣсто пропущеннаго, недостающаго слова"; сокращеніе „*нерзб.*" ставится на мѣстѣ слова, неразобраннаго г. Якубовичемъ (предисловіе, стр. XII—XIII).

Затѣмъ:

Но слушай (въ сердце)
Но чувство есть другое

Откуда—побѣдоносно заканчиваетъ редакторъ—составляется стихъ, данный въ текстѣ:

„Но слушай, чувство есть другое".

Изъ двухъ послѣднихъ варіантовъ редактору, если ужъ выбирать, слѣдовало выбрать второй, гдѣ нѣтъ ни одного зачеркнутаго слова, но ему хотѣлось составить полномѣрный стихъ, и онъ слѣпилъ оба стиха въ одинъ.

7-й стихъ въ подлинникѣ написанъ:

(Оно) Оно (насъ мучитъ и мертвитъ)

„Сверху надъ зачеркнутыми словами дана поправка: „и нѣжитъ, и таитъ". П. О. Морозовъ, въ изданіи литературнаго фонда, и за нимъ Л. Н. Майковъ внесли коньектуру: вмѣсто „таитъ"—„томитъ", чему слѣдуетъ и нашъ текстъ". Между тѣмъ, не говоря уже о недопустимости какихъ бы то ни было передѣлокъ написаннаго Пушкинымъ, нельзя не замѣтить, что редакторъ напрасно приписываетъ мысли Пушкина ходъ, котораго она, вѣроятно, не имѣла, потому что за сказуемымъ „таитъ" могло слѣдовать дополненіе и другія части этого слитнаго предложенія. Какъ будто „чувство" можетъ только „томить" и ничего не можетъ „таить" въ себѣ? 9-й стихъ: „Всегда не дремлетъ и горитъ" нескладенъ и неуклюжъ, но въ подлинникѣ онъ имѣетъ пять поправокъ, чего не видно въ выдѣленномъ текстѣ, куда внесенъ этотъ плохой стихъ. Вся форма наброска говоритъ о его недоконченности; онъ испещренъ помарками и поправками. Такъ, конецъ пятаго стиха—„тихой дружбы свѣтъ"—есть повтореніе, съ перестановкой словъ, отброшенной поэтомъ первоначальной редакціи перваго стиха. И это внесено въ текстъ, рядомъ съ пушкинскими шедеврами!

Академическое изданіе „приводитъ заглавія стихотвореній въ томъ видѣ, какъ они даны въ соотвѣтствующемъ, наиболѣе авторитетномъ, оригиналѣ; различія въ заголовкахъ пьесы при разныхъ ея изданіяхъ отмѣчаются наравнѣ съ варіантами текста" (предисл., XIV). Стихи 1819 г., посвященные М. А. Щербинину, у Пушкина въ подлинной рукописи озаглавлены: „Къ Щербинину" (Румянц. муз., тетр. № 2364, л. 71 об.). Такъ же озаглавилъ ихъ Пушкинъ въ тетради стиховъ, подготовленныхъ имъ для изданія своего перваго сборника стихотвореній (Л. Н. Майковъ, „Автографы Пушкина, принадлежащіе графу

П. И. Капнисту", С.-Пб., 1896, стр. 4). Отбрасывая это заглавіе и оставляя другое, данное неизвѣстной рукописью, съ которой посланіе впервые напечатано послѣ смерти Пушкина, академическое изданіе, не указывая даже въ примѣчаніяхъ пушкинскаго заглавія, даетъ пьесѣ названіе, едва ли написанное Пушкинымъ: „Въ альбомъ М. А. Щербинину"; между тѣмъ это заглавіе необычно для Пушкина, у котораго всѣ дружескія посланія того періода носятъ такія названія: „Юрьеву", „Къ Чаадаеву", „В. В. Энгельгардту", „Всеволожскому", или никакъ не озаглавлены.

На стр. 49 переданъ „извлеченный" черновой набросокъ:

„Напрасно, милый другъ, я мыслилъ утаить
(Тоскующей души) холодное волненье.
Ты поняла меня—проходитъ упоенье,
Перестаю тебя любить......
(Исчезли навсегда часы) очарованья".

„Стихъ 2-й"—объяснено въ примѣчаніяхъ—„имѣлъ нѣсколько послѣдовательныхъ редакцій:

(Души..,) (невольное) (преступное) холодное волненье
(Обманутой души)
(Тоскующей души)
(Чувствъ......)

Такимъ образомъ, начало стиха во всѣхъ редакціяхъ зачеркнуто. По примѣру другихъ издателей мы внесли въ текстъ чтеніе—(„Тоскующей души)", такъ какъ можно (?) думать, что это послѣдняя редакція: слова эти приписаны снизу, подъ стихомъ". Но вѣдь еще ниже слѣдуетъ—„(Чувствъ......). „Стихъ 5-й первоначально былъ таковъ:

(Исчезли навсегда) (минуты заблужденья).

Надъ зачеркнутымъ концомъ стиха надписано: „часы очарованья", но затѣмъ зачеркнуто и начало стиха, и надписанныя слова, а потомъ опять приписано слово—„очарованья". Здѣсь не можетъ быть сомнѣнія въ выборѣ между двумя зачеркнутыми редакціями: первая редакція сама отпадаетъ (?), такъ какъ она не риѳмуетъ съ соотвѣтствующимъ стихомъ, да къ тому же вторично написанное слово—„очарованья" какъ бы (?) возстановляетъ вторую редакцію". Однако, вѣдь, дѣло вовсе не въ разрѣшеніи сомнѣнья, какую изъ зачеркнутыхъ поэтомъ редакцій выбрать, потому что у насъ нѣтъ права выкидывать слова изъ пѣсни, и, если ужъ давать черновые наброски, то слѣдуетъ давать ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ оставилъ авторъ. Въ данномъ случаѣ редакторскій произволъ рѣзко бросается въ глаза: въ раз-

сматриваемомъ стихѣ оставлено незачеркнутымъ только одно слово, да и эта хромая редакція слѣплена изъ трехъ попытокъ набросать стихъ, такъ и оставшійся ненаписаннымъ.

Еще проще поступилъ редакторъ при передачѣ наброска: „Давно ли тайными судьбами"..., тоже внесеннаго въ текстъ (стр. 67). 6-й стихъ переданъ:

„[Все] намъ надежда, наслажденье".

„Стихъ этотъ"—объясняетъ редакторъ (прим., 162)—„записанъ у Пушкина такъ:

[Это намъ] (намъ) надеждой (предать)
(Мы пьемъ) наслажденье.

Поправку въ началѣ стиха мы не могли разобрать и взяли первую зачеркнутую редакцію: „(Мы пьемъ)", связавъ съ этимъ началомъ два слова, оставшихся незачеркнутыми". Почему слова, которыхъ редакторъ не могъ разобрать, онъ передалъ: „Это намъ", непонятно, но еще непонятнѣе, какимъ образомъ получился въ „окончательномъ" текстѣ стихъ:

„[Все] намъ надежда, наслажденье",

гдѣ сочинено неизвѣстно для чего слово „все", не только отсутствующее въ рукописи, но даже не „предположенное" въ транскрипціи, и пушкинское „надеждой" измѣнено въ „надежды". Получилась явная нелѣпица: „Все намъ надежда, наслажденье"..., но неужели виноватъ въ ней Пушкинъ? А этотъ стихъ даже не остался въ примѣчаніяхъ, а прямо внесенъ въ пушкинскій текстъ. Вотъ къ чему приводятъ безсильныя попытки уловить въ хаотическихъ набросках ходъ пушкинской мысли, шедшей навѣрное не такъ, какъ хотѣлось бы комментатору, который позволяетъ себѣ любое слово по своему желанію „взять", „недостающее" ему придумать, только бы какъ-нибудь „связать" изъ разсѣянныхъ тамъ и сямъ словъ нескладный стихъ. Какъ будто у Пушкина мало законченныхъ и несомнѣнно имъ самимъ написанныхъ и притомъ хорошихъ стиховъ!

Въ „извлеченномъ" наброскѣ „Мнѣ васъ не жаль"..., включенномъ въ текстъ (стр. 205), третій стихъ написанъ такъ:

ночей
о таинства (моихъ) (ночей)
Мнѣ васъ жаль, пиры младыхъ (друзей)

При словѣ „младыхъ" г. Якушкинъ (прим., стр. 332—333) сдѣлалъ сноску: „зачеркнуто и возстановлено", но непонятно, что именно

зачеркнуто и возстановлено: одно ли слово „младыхъ" или весь стихъ до этого слова включительно? Въ „извлеченіи" получилось:

„Мнѣ васъ [не] жаль, о таинства ночей".

Отрицаніе „не", увѣряетъ за Пушкина его редакторъ, „пропущено по ошибкѣ". „Пиры младыхъ" и „о таинства" у Пушкина равносильно незачеркнуты, но, „кончая" его работу, г. Якушкинъ выбираетъ болѣе „удобныя" слова. 11—12-й стихи транскрипція даетъ въ такомъ видѣ:

надеждъ часы (Гдѣ прежній) (и) слезы
(Гдѣ) (жаръ) (и слезы) вдохновенья
года нѣга
Придите вновь, о дни моей Весны.

Въ „извлеченіи" читаемъ:

„(Гдѣ прежній жаръ и) нѣга вдохновенья?...
Придите вновь, года моей весны"

11-й стихъ, по объясненію редактора, получился вотъ какимъ способомъ. „Поэтъ началъ поправки въ стихѣ, но не кончилъ ихъ, и стихъ въ полномъ видѣ мы *извлекаемъ изъ комбинаціи зачеркнутаго*. Стихъ былъ начатъ: „Гдѣ жаръ", но оба эти слова зачеркнуты, и сверху начато: „Гдѣ прежній" и тоже зачеркнуто: изъ этихъ *зачеркнутыхъ* словъ и *извлекается начало стиха*: „Гдѣ прежній жаръ"; во второй половинѣ стиха также есть поправки: первоначально было: „и слезы вдохновенья", потомъ „и слезы" зачеркнуто, но вновь написано сверху, потомъ опять „и" зачеркнуто, а слово „слезы" осталось, внизу подъ стихомъ приписано слово „нѣга"; это послѣднее слово и внесено въ стихъ потому, что, хотя слово „слезы", вторично написанное, и не зачеркнуто, но слово „нѣга", по мѣсту своего написанія, представляетъ послѣднюю поправку".

Происхожденіе 12-го стиха „извлеченія" оставлено безъ объясненія. Если надписанное надъ нимъ слово „года" и относится къ нему, то въ первоначальной редакціи стиха, судя по транскрипціи, слова „о дни" остались незачеркнутыми, и замѣнять ихъ редакторъ не имѣлъ основанія; также нужно было сохранить пушкинскую прописную букву въ словѣ „Весна" (въ предисловіи, стр. XV, было обѣщано „сохранять правописаніе того оригинала, по которому печатается произведеніе").

На 49 стр. отдѣла примѣчаній находимъ стихи, напечатанные г. Якушкинымъ еще четверть вѣка назадъ („Русс. Стар." 1884 г., мартъ, 651):

„Самъ Фебъ тебя готовилъ
На славу нашей сцены...
На пышныхъ играхъ Мельпомены
Явилась ты предъ нами въ первый разъ“...

Но тутъ же редакторъ раскрываетъ способъ, которымъ добыты эти стихи. Они извлечены изъ „очень исчерканной, совершенно неотдѣланной черновой“, которую онъ передаетъ такъ:

(Надежда Парнаса)
(Самъ Ѳебъ)
(Амуръ тебя обрелъ)
(Тебя готовилъ)
(На славу) (для славы) (къ славѣ) нашей сцены
(Ты) (Ты будешь) надежд(ой)а
(Моина) Слава нашей сцены
Вездѣ составятся
Торжества готовятся
(Когда ты въ *нерзб.*)
(Явилась)
(На пышныхъ играхъ Мельпомены)
(Явилась) (въ) (ты)
(На пышны. игр. Мел.)
Нерзб. алтарей любви
(Когда) явилась ты предъ нами въ первый разъ.

„Выдѣленное“ четверостишіе такъ понравилось его автору (не Пушкину, конечно), что онъ принесъ въ жертву незачеркнутые стихи, которые во всякомъ случаѣ слѣдовало бы принять безъ сопротивленія, и выбравъ изъ зачеркнутыхъ строкъ то, что ему показалось „лучшимъ“. Стихи вышли, что и требовалось доказать, но опять-таки— при чемъ тутъ Пушкинъ?

Такъ же „извлечено“ другое стихотвореніе, переданное, по мнѣнію редактора (примѣч., стр. 84—85), такъ, „какъ оно складывалось у Пушкина“. У Пушкина „складывалось“—приводится транскрипція—слѣдующее:

Ланса, я люблю твой (смѣлый) (разговоръ) смѣлый
(вольный) (взоръ) взоръ (разговоръ)
(Нѣмые вызовы) твои (неу.... вп....) (твой) жаръ)
жаръ откровеннаго желанья
(И своенравныя) И непрерывныя (живыя) (частыя) лобзанья
(И страсти полный) (пылкій) (жизни) (разговоръ).

„Теперь извлечемъ“, говоритъ изслѣдователь, и вотъ что „извлекается“:

„Лаиса, я люблю твой смѣлый взоръ
Жаръ откровеннаго желанья
И непрерывныя лобзанья
(И страсти пылкій разговоръ)".

Почему, напримѣръ, изъ двухъ равно зачеркнутыхъ словъ—„полный" и „пылкій" г. Якушкинъ избралъ именно второе? „Страсти полный разговоръ" гораздо складнѣе и понятнѣе, чѣмъ „страсти пылкій разговоръ"; къ тому же первоначально эти слова были соединены у Пушкина. Но и все „извлеченіе" ихъ недурно!

Черновой набросокъ „Не угрожай лѣнивцу молодому"... (примѣч., 126), вопреки мнѣнію В. Е. Якушкина, представляетъ собою первоначальную редакцію посланія 1817 г. къ Н. И. Кривцову: „Не пугай насъ, милый другъ"... Это показано В. Я. Брюсовымъ („Лицейскіе стихи Пушкина, къ критикѣ текста". М., 1907, стр. 78—79).

Извѣстная пьеса „Недоконченная картина" была напечатана Пушкинымъ въ сборникѣ, изданномъ въ 1829 г. Сохранилась исчерканная первоначальная черновая, передаваемая академическимъ изданіемъ въ такомъ видѣ (примѣч., стр. 129—130):

(Скажи)
(Кого воспламеняли)
(За чѣмъ сей образъ)
восторгомъ
(Чья кисть) (начертала)
—(такъ смѣло)
Чья мысль отгадала
тайну
Небесную всѣ (всѣ тайны)
Безмолвну
(Живую тайну) красоты
о боги—рисовала
Чья кисть (безмолвно набросала)
(На)
(Сіи небесны) черты—
Смѣло сотворилъ (*нерзб.*) воображеньемъ
Кто (понялъ) (въ тихомъ) (упоеньи)
Кто
(*нерзб.*) (Сей мирн) И (тих) (сей чистый) (и *нерзб*...).
Сей (пламенный) (Сей мира полный) взоръ
(Душа) (чувства)
(Сей полн впечат) Кто *нерзб.*
(Кто далъ устамъ) (Кто далъ нѣмымъ устамъ)
(Кто далъ) (*нерзб.*).
(Кто и) (нѣм. . .) (раз)

Геній душу
(Кто) (Устамъ) Кто понялъ вдохновеньемъ
(Кто слышалъ)
(нѣм) Кто слышалъ
(Нѣмой) (безмолвный) сердца разговоръ
(Кт)
(небес) (поэта!)
(Небо)
гдѣ пламень держитъ
Любовь!... Но (боги)! (кто рукою) клалъ
(Изъ) (бр....)
(Палитру) (*нерзб*). (любимца)
(кто) (гдѣ) (кисть любимца) (свѣтлыхъ) Музъ
(гдѣ) кто держитъ Безчувственъ онъ
(Недвижимъ онъ) какъ хладный камень
разторгнуть (разорванъ)
(Со) (Р) (Разорванъ) съ жизнію союзъ
(Взираетъ) на дивныя
Глядитъ
(Глядитъ) (на свои) (созданья)
Ловитъ *нерзб.*
(Геній свой)
(онъ *нерзб.* . .) *нерзб.*
И гаснетъ пламенной душой
(Онъ *нерзб.*) (гаснетъ)
страданье
(Его мертвитъ) (одно) (мечтанье)
его
въ душѣ мертвитъ одно (мечт)

Изъ этой черновой редакторъ извлекаетъ слѣдующіе стихи:

„Чья мысль восторгомъ отгадала
Безмолвну тайну красоты
Чья кисть—о, боги—рисовала
(Сіи небесныя) черты?
Кто сотворилъ воображеньемъ
Сей (пламенный, сей чистый) взоръ
Кто понялъ душу вдохновеньемъ,
Кто слышалъ сердца разговоръ?
Любовь! Но гдѣ поэта пламень?
Кто держитъ (кисть любимца) Музъ?
Безчувственъ онъ, какъ хладный камень,
Расторгнутъ съ жизнію союзъ.
Глядитъ на дивныя созданья
(Онъ) . . . (Геній свой)
И гаснетъ пламенной душой,
Въ его душѣ одно страданье“...

Получились стихи не только нелѣпые, но и сугубо ненужные, потому что Пушкинъ самъ отдѣлалъ свою черновую, самъ напечаталъ пьесу. Щедрость совершенно излишняя,—въ предисловіи обѣщана только транскрипція.

Не лучше и слѣдующее „извлеченіе" (стр. 139—140):

„Могущій богъ садовъ, паду передъ тобой.
Твой ликъ [уродливый] поставилъ я съ мольбой
Не съ тѣмъ чтобъ удалялъ ты своенравныхъ козъ
И пти(чекъ) отъ плодовъ незрѣлыхъ
Тебя украсилъ [я] вѣнкомъ [изъ] дикихъ розъ
При пѣсняхъ мирныхъ [и] веселыхъ".

Это „извлеченіе", въ которомъ четыре слова вставлены (въ шести стихахъ!) „предположительно", получилось изъ исчерканнаго и трудно поддающагося чтенію наброска:

паду передъ тобой
(вѣковой)
кто (*нерзб.*)
(Подъ липой долголѣтней)
(въ тѣни столѣтнихъ)
(чудесный)
Могущій богъ садовъ—(подъ кровомъ клена)
Пріялъ (чедесный) (ликъ) образъ (въ моемъ) *нерзб.*
Твой (Твой)
(кому) все жертвуетъ в...
тому
(Твой) (ликъ) (Поставилъ) (я) (въ тѣни) (твой ликъ)
Твой ликъ [уродливый] (въ мое) поставилъ я (въ тѣни) съ мольбой
(не съ) (въ моемъ смиренномъ огородѣ)
(*нерзб.*)
удалялъ своенравныхъ
Не съ тѣмъ чтобъ (отгонялъ) ты (жадны(я)хъ стада козъ)
(чекъ) (отгонялъ) (ягодъ) нѣжныхъ (*нерзб.*)
(И *нерзб.*) пти(цъ) отъ (плодовъ) незрѣлыхъ,
(вѣнкомъ)
Тебя украсилъ
(И пчелъ) вѣнкомъ
нерзб. (*нерзб.*)
дикихъ розъ
Пѣсни его храни дикихъ
Пріяя (*нерзб.*) *нерзб.* (отъ)
(При пѣсняхъ мирныхъ) веселыхъ
(Принесъ тебѣ я *нерзб.*) веселыхъ
Не съ тѣмъ чтобы

Далѣе (стр. 141—142) данъ другой набросокъ, тоже исчерканный

и малоразборчивый. Онъ тоже сопровождается „извлеченіемъ". Извлеченіе гласитъ:

„... Она при мнѣ
Красою нѣжной расцвѣтала
Въ уединенной тишинѣ....
Въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ
Я былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ...
Она цвѣла передо мною,
Ея чудесной красоты
Уже отгадывалъ мечтою
Еще неясныя черты.
И мысль объ ней одушевила
Моей цѣвницы первый звукъ"...

Стоитъ сличить „извлеченіе" съ подлинникомъ, чтобы понять во всей простотѣ и легкости „методъ" г. Якушкина, состоящій въ механическомъ соединеніи риѳмующихъ стиховъ. Вотъ что даетъ транскрипція:

(Она мнѣ)
(Не знаешь) (Она она *я* видѣлъ)
(Она) (она) (она) при мнѣ
(Цвѣла) красою нѣжной разцвѣтала
Въ уединенной тишинѣ
(*Нерзб.*) любовь моя
(Я видѣлъ, другъ уединенья)
Ея младенч . . . . (свободы)
(3) Знаком . . . юность (*нерзб.*)
Въ тѣни плѣнительныхъ дубравъ
Я былъ свидѣтелемъ (щастливымъ) умиленный
Ея (младенческихъ) забавъ
Ея (плѣнительной весны)
(Я былъ) (Я сердцемъ видѣлъ)
(Я пылкимъ сердцемъ обожалъ)
Она цвѣла передо мною
И волшебн . . . . *нерзб.*
Ея чудесной красоты
(Ловилъ я пламенной душою)
Уже отгадывалъ мечтою
Еще неясныя черты—
(Она меня) одушевила (мнѣ внушила)
И мысль объ ней одушевила
(Влюбленной лиры) моей цѣвницы первый звукъ
(И *нерзб.* серд страст) пріучила
(И тайнѣ сердца) *нерзб.*
(Меня) (и тихо душу пріучила)
(Къ унылой) *нерзб.*

(Она) (Безумн . . .) (она)
Меня . . . .

Черновой набросокъ—„Все призракъ, суета"... (прим., стр. 173—174) тоже не обошелся безъ „извлеченія". 11—12-й стихи переданы:

„(Любовь) я съ нею [1]) славлю
Она мнѣ льетъ вино".

Транскрипція дастъ слѣдующее:

Вино
И свѣт (Любовь) я съ нею славлю
Мнѣ льетъ
Она (сама) вино.

„Слово „Любовь" зачеркнуто, и сверху надписано—„вино", но въ текстѣ (!) мы—говоритъ г. Якушкинъ—оставили по смыслу (?) слово „любовь". Спрашивается, зачѣмъ связывать отдѣльныя строки, быть можетъ, несвязывавшіяся въ мысляхъ самого автора, и не лучше ли прямо предоставить читателю самому судить о смыслѣ наброска, чѣмъ давать ему извращенные стихи? Замѣтимъ, что въ 4-мъ стихѣ („Вотъ жизни сладость") нужно читать не *сладость*, а *радость*; въ подлинникѣ это слово написано очень четко.

Такимъ образомъ, академическое изданіе съ излишней полнотою и щедростью украшено *ненаписанными* стихами Пушкина. Мы не останавливались на всѣхъ подробностяхъ и особенностяхъ приведенныхъ „извлеченій", а предоставляемъ читателю не только сличить ихъ съ подлинниками, но, при охотѣ, даже надѣлать изъ нихъ новыхъ стиховъ, которые съ неменьшимъ правомъ можно будетъ приписать Пушкину.

Н. Лернеръ.

В. В. Сиповскій. Исторія русской словесности. Часть I, вып. 1. С.-Пб. 1907. XII+145+VI нен. стр. Часть I, вып. 2. С.-Пб. 1907 [2]). XVI+248+II нен. стр. Часть II. С.-Пб. 1906. XI+311+I нен. стр. Часть III, вып. 1. С.-Пб. 1907. XIII+258+II нен. стр. Часть III, вып. 2. С.-Пб. 1908. XIX+334+IV нен. стр.

Давно уже, въ связи съ указаніями на ненормальную постановку учебнаго дѣла въ средней школѣ вообще, обращали особенное вниманіе на неудовлетворительность преподаванія исторіи русской лите-

---

[1]) „Лѣнью", о которой говорится въ двухъ предыдущихъ стихахъ.

[2]) Первыя двѣ части вышли вторымъ изданіемъ.

ратуры въ частности. Преподаваніе велось преимущественно путемъ отзубриванія „отъ этого—до этого“ по старымъ пособіямъ и учебникамъ, излагающимъ курсъ черезчуръ сжато, часто скомканно,—безъ интереса и любви къ самому предмету изложенія, безъ малѣйшаго иногда желанія освѣжить старый давно затасканный матеріалъ. Какъ необходимый печальный результатъ ненормальной постановки этого важнаго предмета, являлись лица, оканчивавшія курсъ съ самыми ничтожными познаніями и безъ всякаго интереса къ прошлому и настоящему родной литературы. Ненормальность такого положенія дѣла увеличивается еще тѣмъ, что изъ всей массы оканчивающихъ среднія учебныя заведенія лишь ничтожный, сравнительно, процентъ шелъ и идетъ на филологическій факультетъ университетовъ.

Въ извѣстный, такъ еще недавній, періодъ упорядоченія учебно-воспитательнаго дѣла въ средней школѣ министерство народнаго просвѣщенія не преминуло, конечно, обратить особенное вниманіе и на преподаваніе исторіи русской словесности. Новая программа, опубликованная въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* [1]), проводитъ достаточно ясно мысль о необходимости поднять интересъ и пробудить любовь къ родной литературѣ какъ среди учащихъ, такъ и среди учащихся.

Въ виду новыхъ взглядовъ на постановку преподаванія исторіи русской словесности въ средней школѣ, а такъ же, главнымъ образомъ, въ связи съ значительнымъ расширеніемъ программы курса, вся обширная серія учебниковъ стараго типа стала въ значительной степени непригодна и непримѣнима для занятій. Вслѣдствіе этого въ школахъ появилась сильная нужда въ новыхъ, примѣненныхъ къ новымъ взглядамъ и требованіямъ, руководствахъ.

Почти два году тому назадъ и въ другомъ мѣстѣ мы привѣтствовали появленіе первой ласточки въ этомъ родѣ—начала научно и въ то же время популярно составленнаго „курса исторіи русской литературы“ В. А. Келтуялы [2]). Продолженія этого изданія до сихъ поръ не появлялось. И думается, что автору трудно будетъ строго выдержать въ дальнѣйшемъ изложеніи одинъ изъ принциповъ, положенныхъ имъ въ основу перваго періода древне-русской литературы—именно принципъ соціологическій, такъ какъ, съ теченіемъ времени, понемногу и постепенно сглаживаются, а порою даже совсѣмъ исчезаютъ,

[1]) За 1905 г., №№ 7 и 8.

[2]) „Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.“, т. XI (1906 г.), кн. 4, стр. 403—406.

первоначально бывшія рѣзкими, различія между классами, и литература дѣлается единой для всего народа, общенаціональной.

Въ настоящее время передъ нашими глазами лежитъ другой обширный трудъ въ той же области, выгодно отличающійся отъ перваго уже тѣмъ, что это курсъ вполнѣ законченный, вполнѣ приспособленный къ новой программѣ и, въ то же время, не лишенный самостоятельнаго научнаго значенія. Мы говоримъ о новой работѣ В. В. Сиповскаго, заглавіе которой выписано въ началѣ этой краткой замѣтки.

Авторъ раздѣлилъ весь свой трудъ на пять выпусковъ, имѣющихъ, каждый въ отдѣльности, слѣдующее содержаніе: Часть I, вып. 1. Народная словесность; вып. 2. Исторія литературы съ XI по XVIII в. Часть II. Исторія литературы съ эпохи Петра до Пушкина. Часть III, вып. 1. Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій; вып. 2. Очерки русской литературы 40—60 годовъ.

Въ предисловіи къ послѣднему выпуску своей „Исторіи русской словесности" В. В. Сиповскій подводитъ итоги и отмѣчаетъ руководящія идеи, положенныя въ основу его курса. „Цѣль моей работы, — говоритъ онъ, — была поставить изученіе русской литературы на *строго-историческую*,—по возможности, *научную* [1]) точку зрѣнія. Для этого необходимымъ казалось мнѣ—1) слить всю массу поэтическаго матеріала (народную поэзію, древнюю и новую литературу) въ *одно органическое цѣлое*; для этого нужно было—а) указать, что есть тѣсная связь между „старымъ" и „новымъ",—„старое" вошло въ „новое" (перекрестныя вліянія—*α*) народной поэзіи, древней письменности и новой литературы;—β) идеаловъ древней Руси, простого русскаго народа и русской интеллигенціи XIX в.);—„новое" часто въ зачаткахъ сказывается въ „старомъ" (напр., проясненіе индивидуализма въ древней Руси);—2) выяснить, что есть постоянная прочная связь между всякимъ историческимъ моментомъ и творчествомъ этого момента".

„Оба эти характерные признака „историзма" настойчиво проводилъ я въ своей „Исторіи русской словесности",—быть можетъ настойчивѣе чѣмъ кто либо изъ другихъ историковъ русской литературы. Этотъ „историзмъ"—главный принципъ моей книги"...

Другой характерной особенностью новаго курса „Исторіи русской словесности" является его *схематичность*. „Въ этой особенности,— пишетъ авторъ,—хотѣлось бы мнѣ видѣть достоинство моей работы.

[1]) Курсивъ вездѣ автора.

Всякая классификація облегчаетъ дѣло изученія,—она помогаетъ всякому оріентироваться при разборѣ пестраго и многообразнаго матеріала,—она дисциплинируетъ умъ, пріучая его къ систематизаціи. Устанавливая схемы въ моемъ сочиненіи, пользовался я, отчасти, сочиненіемъ акад. Ключевскаго (Историческіе моменты русской исторіи), отчасти работами акад. Веселовскаго (литературные „жанры"). Большею самостоятельностью отличается сдѣланная мною схема для русской литературы XIX ст. (дѣленіе всѣхъ писателей на двѣ школы: пушкинскую и гоголевскую,— затѣмъ дѣленіе ихъ на подгруппы). Я отнюдь не претендую на непогрѣшимость этой схемы, но я считаю, что въ педагогическомъ отношеніи она представляетъ удобство".

Кромѣ этихъ двухъ—авторъ отмѣчаетъ еще третью, чисто техническую особенность своей работы—сжатость изложенія, нарочно вносимую имъ въ курсъ, въ цѣляхъ пріученія ученика къ расширенію получаемаго имъ матеріала, къ самостоятельному развитію сжатаго въ расширенное, путемъ самостоятельной работы надъ изучаемымъ произведеніемъ. „Только при такомъ методѣ изученія новой литературы найдетъ ученикъ *свои мысли, свои слова*,—чего не будетъ, когда онъ станетъ изъ чужихъ „разглагольствованій" выжимать то, что, почему-нибудь, ему показалось „дѣльнымъ" и потомъ преподнесетъ учителю въ сухомъ, сжатомъ видѣ"... Въ этихъ цѣляхъ, авторъ свой *сжато изложенный* учебникъ тѣсно связываетъ съ параллельнымъ чтеніемъ соотвѣтствующихъ литературныхъ произведеній.

Таковы главныя особенности новаго курса „Исторіи русской словесности".

Для выясненія характера работы В. В. Сиповскаго наибольшее значеніе имѣетъ первая „особенность" его труда, главный принципъ всей книги—„историзмъ". Опираясь на этотъ принципъ, авторъ центромъ своего курса „Исторіи русской словесности" ставитъ знаменитую тріаду—Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго. „Все что до нихъ ихъ подготовляетъ и въ нихъ вливается,—что̀ послѣ нихъ,—изъ нихъ исходитъ, ихъ развиваетъ". „Они не только объясняютъ *все* въ *прошломъ*" исторіи нашей литературы,—„они своей литературной дѣятельностью даютъ ключъ къ разумѣнію всей *послѣдующей* русской литературы. Вотъ почему изученіе ихъ творчества особенно важно, такъ какъ оно даетъ возможность уяснить великій *историческій смыслъ* изученія послѣдовательнаго (не эпизодическаго) курса исторіи русской литературы".

Вслѣдствіе этого и болѣе значительное мѣсто въ трудѣ В. В. Си-

новскаго отведено характеристикѣ только что названныхъ трехъ великихъ русскихъ писателей. Болѣе значительное мѣсто—не только по объему, но и по самостоятельному значенію во всемъ учебномъ руководствѣ. Самъ авторъ отмѣчаетъ, что оба выпуска первой части, равно какъ послѣдній выпускъ (2-й третьей части) его курса являются компиляціями [1]), тогда какъ вторая часть и первый выпускъ третьей части во многихъ отдѣлахъ есть результатъ его собственныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ, или находящихся еще въ рукописи. Съ одной стороны это объясняется спеціальными занятіями автора, но, съ другой стороны, нужно принять во вниманіе и нижеслѣдующее.

Невозможно, конечно, составить руководство, въ которомъ детально и одинаково (конечно сравнительно) полно были бы разобраны произведенія всей русской литературы. Получился бы рядъ фоліантовъ, совершенно непригодныхъ служить въ качествѣ учебнаго пособія; да врядъ ли нашелся бы и такой всеобъемлющій авторъ. А, между тѣмъ, учащіеся должны быть пріучены къ самостоятельному анализу литературныхъ произведеній. Поэтому наиболѣе раціональной и является детальная разработка учениками, при помощи учителя и надлежаще составленнаго руководства, болѣе доступныхъ по мысли, слогу и объему произведеній Пушкина и Гоголя, съ тѣмъ, чтобы ученики впослѣдствіи могли самостоятельно примѣнять пріобрѣтенные навыки къ разбору произведеній, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ русскихъ писателей.

Такая точка зрѣнія, въ связи съ отмѣченнымъ выше строго историко-литературнымъ построеніемъ всего курса, способна, думается мнѣ, возбудить интересъ къ предмету. Большимъ достоинствомъ новой „Исторіи русской словесности" нужно считать и легкій языкъ, и живость изложенія, что такъ рѣдко встрѣчается въ учебникахъ.

Однимъ изъ недостатковъ новаго курса „Исторіи русской словесности" можно считать его объемъ, съ чѣмъ, повидимому, согласенъ и самъ авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ пяти выпускахъ насчитывается до 1300 страницъ—цѣлый университетскій курсъ. Но это только кажущійся недостатокъ. Дѣло въ томъ, что комиссіей, составлявшей новую программу по исторіи русской литературы, высказано пожеланіе, чтобы педагогическимъ совѣтамъ было предоставлено право сокращать и видоизмѣнять вновь выработанную „программу по русской словесности, сообразно мнѣніямъ спеціалистовъ и мѣстнымъ

---

[1]) По содержанію, но не по объединяющей идеѣ и распредѣленію матеріала.

условіямъ, лишь бы при этомъ не нарушалась система курсовъ, выработанная комиссіей по тщательномъ соображеніи опытныхъ и теоретическихъ данныхъ" [1]). Значить, настоящая книга, какъ удовлетворяющая максимальнымъ требованіямъ программы, можетъ быть по желанію сокращена и доведена до желаемыхъ предѣловъ, что особенно удобно сдѣлать, принимая въ соображеніе текстъ, напечатанный двумя шрифтами. Благодаря этому легко выдѣлить все второстепенное, de facto не выпуская ничего, такъ какъ все попавшее въ скобки, какъ живой и интересный матеріалъ, съ особеннымъ интересомъ прочтется учащимися и такимъ образомъ исполнитъ свое назначеніе [2]). Приходится, въ данномъ случаѣ, пожалѣть лишь объ томъ, что объемъ книги все-таки не остался безъ вліянія на ея стоимость: 5 руб. 25 коп. за учебникъ да 6 руб. 20 коп. за хрестоматію—не для всѣхъ посильная плата.

Первый и второй выпуски первой части вышли уже вторымъ изданіемъ, что показываетъ, что новый курсъ „Исторіи русской словесности" вполнѣ удовлетворяетъ назрѣвшей потребности въ руководствѣ, приспособленномъ къ новымъ требованіямъ и новой программѣ. При этомъ авторъ, пользуясь случаемъ, ввелъ цѣлый рядъ измѣненій и дополненій, на основаніи указаній, сдѣланныхъ рецензентами перваго изданія этого труда. Главнѣйшія изъ нихъ сводятся къ: 1) упрощенію и исправленію стиля (уничтоженіе иностранныхъ терминовъ); 2) почти совершенному устраненію ссылокъ на фамиліи изслѣдователей, что слишкомъ пестрило изложеніе книги именами, совершенно незнакомыми ученикамъ и потому ничего имъ не говорящими; 3) къ сокращенію нѣкоторыхъ отдѣловъ и расширенію другихъ (прибавлены вводные параграфы, заключеніе и цѣлый отдѣлъ: „Зачатки русской народной драмы"). Нельзя также не отмѣтить и принятый въ новомъ изданіи способъ отмѣтки на поляхъ содержанія каждаго отдѣла. Это значительно облегчаетъ, какъ усвоеніе содержанія, такъ, особенно, и справки для лицъ, пользующихся курсомъ В. В. Сиповскаго не какъ учебникомъ.

Николай Виноградовъ.

---

[1]) Стр. 32.

[2]) Впрочемъ, въ данномъ отношеніи главнымъ судьей должна быть практика.

Мой отвѣтъ на „отвѣтъ“ г. Шаровольскаго.

Въ апрѣльскомъ номерѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, подъ заглавіемъ „Отвѣтъ моему критику“ помѣщены возраженія г. Шаровольскаго на мою рецензію его книги. Я не сталъ бы вторично касаться книги, если бы дѣло не шло о вопросѣ методологическомъ, а слѣдовательно принципіальномъ.

Въ своей рецензіи я указалъ г. Шаровольскому, что методъ, избранный имъ, является не научнымъ и ложнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) для того, чтобы выдѣлить позднѣйшія наслоенія и возстановить первоначальный видъ сказанія, г. Шаровольскій исходитъ изъ слѣдующаго положенія: все, что не мотивировано, что находится въ противорѣчіи съ предыдущими или послѣдующими событіями, разсказанными въ сагѣ, есть позднѣйшая вставка. Я указалъ г. Шаровольскому, что ошибочность такого критерія установлена Клокгофомъ и акад. Веселовскимъ (стр. 440—441 моей рецензіи). 2) Г. Шаровольскій противорѣчитъ своему собственному методу и въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги считаетъ признакомъ позднѣйшей вставки не отсутствіе мотивировки, а присутствіе ея. Такія противорѣчія свидѣтельствуютъ о томъ, что авторъ самъ хорошо не разобрался въ своихъ собственныхъ представленіяхъ объ интерполяціяхъ въ эпосѣ; тотъ или другой эпизодъ причисляется имъ къ „вставкамъ“ безъ всякаго основанія. 3) Опровергая мнѣнія Гейнцеля и Бура на стр. 114—115 III-ей части, г. Шаровольскій не приводитъ ни одного новаго факта и слѣдуетъ чисто схоластическому методу опроверженія чужихъ мнѣній посредствомъ разсужденій, подчасъ неосновательныхъ (см. стр. 437 моей рецензіи). 4) Въ книгѣ г. Шаровольскаго замѣчается смѣшеніе понятій. Авторъ не отличаетъ, напримѣръ, *вліяніе* одного памятника на другой съ ихъ *сліяніемъ* (ibid). 5) Объясняя происхожденіе древнѣйшаго вида сказанія о боѣ на Самсэ, г. Шаровольскій приводитъ малоубѣдительныя доказательства того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ эпической пѣсней, въ основѣ которой будто бы лежитъ историческій фактъ (стр. 439 моей рец.). Г. Шаровольскому, повидимому, неизвѣстно, что народное преданіе пріурочиваетъ имена легендарныя къ той или другой мѣстности, кургану и т. п. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ методологическихъ промаховъ, г. Шаровольскій въ III-ей части своего изслѣдованія не только не подвинулъ вопросъ о генезисѣ изучаемаго имъ сказанія, а, напротивъ, только осложнилъ и запуталъ его.

Всѣ тѣ пріемы, которые выработала научная критика для опре-

дѣленія генезиса народнаго сказанія, для изученія исторіи сюжета, для анализа стиля, совершенно игнорируются г. Шаровольскимъ. Не считаясь со всѣми пріобрѣтеніями той школы, которая поставила вопросъ объ изслѣдованіи эпоса на почву сравнительнаго изученія, г. Шаровольскій отстаетъ отъ науки болѣе чѣмъ на 150 лѣтъ и возвращается къ до-гердеровской критикѣ.

На вышеприведенныя замѣчанія, составляющія сущность моей рецензіи, г. Шаровольскій не отвѣтилъ ни слова. Почему? Дальше мы увидимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Шаровольскій не находитъ аргументовъ въ свое оправданіе, онъ заявляетъ: „лучше бы г. де-Лабартъ вовсе не касался этихъ вопросовъ". Быть можетъ, и въ данномъ случаѣ для г. Шаровольскаго было бы „лучше", если бы вопросы методологическаго свойства не подымались вовсе его рецензентомъ?

Вмѣсто того, чтобы возражать мнѣ по существу, г. Шаровольскій силится доказать, что я не усвоилъ (sic) его книги и незнакомъ съ германскимъ эпосомъ и его библіографіей.

При этомъ г. Шаровольскій не только превратно толкуетъ мои слова, но, что гораздо хуже, ссылается на такія данныя въ своей книгѣ, которыхъ въ ней нѣтъ. Возраженія г. Шаровольскаго я разберу по пунктамъ.

1) Возражая на мое замѣчаніе, что онъ не привелъ доказательствъ тому, что имена Hlödr и Ангантюръ отсутствовали въ исторіи Гейдрека, г. Шаровольскій говоритъ: „но вѣдь цѣлая глава въ моей работѣ (ч. III, стр. 73—79) посвящена возстановленію составныхъ частей саги въ томъ видѣ, какой онѣ имѣли до соединенія въ цѣлое произведеніе, и тамъ (стр. 76 и слѣд.) выяснено, что Hlödr и Angantyr первоначально въ исторіи Гейдрека не упоминались" („Отвѣтъ" стр. 217). Это утвержденіе г. Шаровольскаго *фактически не впрно*. На стр. 76-ой г. Шаровольскій *не говоритъ ни слова* объ Ангантюрѣ; утверждая же, что всѣ мѣста, гдѣ названъ Hlödr—позднѣйшія наслоенія, г. Шаровольскій отсылаетъ читателя къ стр. 62-ой и слѣдующимъ. Но ни на страницѣ 62-ой, ни на слѣдующихъ онъ не приводитъ *никакихъ доказательствъ* тому, что имя Hlödr первоначально въ исторіи Гейдрека не упоминалось. Неужели г. Шаровольскій думаетъ, что для того, чтобы *доказать* данное положеніе, достаточно его нѣсколько разъ повторить, отсылая читателя отъ одной страницы къ другой?

Къ этому пріему г. Шаровольскій прибѣгаетъ также и на стр. 77-ой. Утверждая, что весь разсказъ о томъ, какъ Ангантюръ былъ избранъ королемъ и т. п., представляетъ собой позднѣйшую прибавку, г. Шаро-

вольскій говоритъ: „нельзя думать, чтобы названный разсказъ искони входилъ въ составъ саги Гейдрека: мудрый король, по первоначальному представленію умеръ бездѣтнымъ. И г. Шаровольскій ссылается на сказанное имъ на стр. 72-ой и слѣд. Читатель раскрываетъ указанную страницу и вмѣсто доказательства того, что „мудрый король умеръ бездѣтнымъ", находитъ пересказъ содержанія двухъ сказокъ, въ коихъ повѣствуется о томъ, какъ мачиха отправила пасынка и падчерицу на съѣденіе своей матери и велѣла зарыть два гроба съ трупами молодыхъ собакъ (sic). Не правъ ли я былъ, утверждая, что читатель, знакомясь съ книгой г. Шаровольскаго, часто испытываетъ нѣкоторое... недоумѣніе? Это недоумѣніе еще болѣе усиливается, когда на слѣдующей (73-ей страницѣ) г. Шаровольскій заявляетъ, что на основаніи предыдущаго (т. е. сказокъ о мачихѣ и молодыхъ собакахъ) „можно *смѣло утверждать*, что имя Гейдрека первоначально отсутствовало въ сагѣ о распрѣ братьевъ" и т. д. Утвержденіе, дѣйствительно, очень... смѣлое.

2) На мое замѣчаніе, что онъ не изслѣдовалъ сказаній о мудромъ знахарѣ—Ковачѣ Велундѣ, что дало бы ему возможность выяснить вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ авторъ H—sag'и засталъ обще-эпическое сказаніе о ковачахъ-знахаряхъ, г. Шаровольскій заявляетъ, что упомянутыя мною сказанья *къ дѣлу не идутъ*, такъ какъ они не имѣютъ ничего общаго съ H—sag'ой. Если г. Шаровольскій, повидимому, впервые слышавшій о тѣхъ памятникахъ, которые упомянуты мной (исключая конечно общеизвѣстную „Тидрекъ Сагу"), познакомится съ ихъ содержаніемъ, то онъ едва ли станетъ утверждать, что они „къ дѣлу не идутъ".

3) Возражая на мое замѣчаніе, что онъ установилъ три вида сказанія о битвѣ на Самсэ произвольно, г. Шаровольскій заявляетъ, что онъ это сдѣлалъ вовсе не на томъ основаніи, какое я ему приписываю, и указываетъ на стр. 115—120 своей книги, гдѣ яко бы это дѣяніе мотивировано. *И это фактически не вѣрно.* Никакого „основанія" я г. Шаровольскому не приписывалъ; напротивъ, въ своей рецензіи я утверждаю, что г. Шаровольскій установилъ три вида сказанія о боѣ на Самсэ *безъ всякаго основанія*. При этомъ я именно имѣлъ въ виду то мѣсто въ его книгѣ, на которое онъ указываетъ въ своемъ „отвѣтѣ". Изъ того, что Саксонъ Грамматикъ не упоминаетъ объ Ингибіоргѣ и любви къ ней Гіальмара, рѣшительно ничего не слѣдуетъ: то, что въ глазахъ г. Шаровольскаго „представляетъ собой крупный интересъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія", могло казаться Саксону Грамматику

совершенно несущественнымъ. Вѣдь міросозерцаніе средневѣковаго хроникера едва ли было тожественно міросозерцанію г. Шаровольскаго. Совершенно недоказаннымъ я считаю также утвержденіе г. Шаровольскаго, будто разсказъ о выборѣ Гіальмаромъ противника представляетъ собой позднѣйшую прибавку (ч. III, стр. 117). И въ данномъ случаѣ г. Шаровольскій такъ же неудачно ссылается на „противорѣчіе" и отсутствіе „мотивировки", какъ въ другихъ мѣстахъ своей книги.

4) По поводу моего замѣчанія, что авторъ H—sag'и могъ предполагать, что противники условились встрѣтиться на Самсэ, г. Шаровольскій говоритъ: „это замѣчаніе доказываетъ *всю глубину* знакомства рецензента съ H—sag'ой. Авторъ H—sag'и не только могъ знать, что Гіальмаръ и Оддъ условились встрѣтиться на Самсэ, но дѣйствительно зналъ". И г. Шаровольскій приводитъ тому подтвержденіе. Замѣчаніе г. Шаровольскаго достигаетъ цѣли какъ разъ обратной той, къ которой оно направлено. Г. Шаровольскій смѣшиваетъ два понятія: знакомство съ памятникомъ и его „усвоеніе" наизусть. На послѣднее я отнюдь не претендую; въ обширной поэмѣ я могъ не обратить вниманія на тѣ двѣ строчки, кои приводитъ г. Шаровольскій. А вотъ желая меня „уличить", г. Шаровольскій приводитъ аргументы противъ себя самого: то, что я высказывалъ какъ предположеніе, оказывается несомнѣннымъ фактомъ; самъ г. Шаровольскій подкрѣпилъ это цитатой и такъ сказать расписался въ своемъ промахѣ.

5) На мое замѣчаніе, что подборъ параллелей въ его книгѣ— чисто случайный, г. Шаровольскій говоритъ, что это ничѣмъ не доказано. Между тѣмъ доказательства приведены мной на стр. 440, примѣч. 1. Спохватившись, г. Шаровольскій заявляетъ, что „лучше бы г. де Ла-Бартъ объ этомъ не упоминалъ". Почему? Потому что г. Шаровольскій въ сущности совершенно со мной согласенъ, по крайней мѣрѣ относительно второго разсказа. „Я самъ не причисляю его къ параллелямъ, заявляетъ г. Шаровольскій, и привожу его по иному поводу". По какому же именно? Разсказъ помѣщенъ подъ той же рубрикой, подъ коей помѣщены и другія параллели. Если г. Шаровольскій привелъ его какъ „украшеніе", то ему слѣдовало по крайней мѣрѣ предупредить объ этомъ читателя. Если г. Шаровольскому нужны еще доказательства того, что многія изъ приводимыхъ имъ параллелей носятъ чисто случайный характеръ и къ дѣлу не идутъ, укажемъ ему на 182 страницу его книги (ч. III). Какое отношеніе имѣютъ „благодарныя животныя", Бенфей, Индія и Панчатантра къ

совѣтамъ, полученнымъ Гейдрекомъ,—это извѣстно лишь г. Шаровольскому. Правда, онъ приподымаетъ край завѣсы этой тайны, указывая на то, что въ совѣтахъ (отмѣченныхъ имъ группой X) сказывается пессимистическій взглядъ на жизнь. А это, по словамъ г. Шаровольскаго, служитъ доказательствомъ того, что упомянутая группа буддійскаго (!) происхожденія. Такимъ образомъ выходитъ, что все, что пессимистично, восходитъ къ буддизму...

6) Возражая на мое замѣчаніе, что въ своемъ „подсчетѣ“ онъ орудуетъ съ неизвѣстными, какъ съ числовыми данными, г. Шаровольскій совершенно неожиданно заявляетъ: „какимъ бы шрифтомъ ни печатали текстъ извѣстной рукописи, отъ этого она нисколько не измѣнится въ объемѣ“. Г. Шаровольскій здѣсь споритъ съ самимъ собой; онъ самъ говоритъ на стр. XV, I части: „Отрывокъ редакціи H, сохранившійся только въ бумажныхъ сборникахъ, напечатанъ въ названномъ изданіи инымъ, *нѣсколько болѣе убористымъ шрифтомъ*, чѣмъ прочій текстъ. *Отсюда слѣдуетъ, что онъ занималъ въ H болѣе, чѣмъ $2^1/_2$ страницы — приблизительно три, т. е. около $1^1/_2$ листа*“.

Такимъ образомъ выходитъ, что книгу г. Шаровольскаго менѣе всего „усвоилъ“... онъ самъ. Забывая о томъ, что и гдѣ онъ говорилъ, г. Шаровольскій путается въ своихъ собственныхъ положеніяхъ и часто споритъ съ самимъ собой.

Въ заключеніе напомнимъ г. Шаровольскому, что бываютъ не только двоякаго рода рецензіи, но и двоякаго рода отвѣты на нихъ. Въ отвѣтахъ первой категоріи авторъ на аргументы своего критика отвѣчаетъ аргументами же, приводитъ новыя данныя въ подтвержденіе своихъ положеній.

Ко второй категоріи относятся такіе отвѣты, авторъ коихъ старается уклониться въ сторону, запутать вопросы, которые ставитъ ему критикъ, и такъ сказать свалить вину съ больной головы на здоровую. Вмѣсто отвѣта по существу, онъ, придравшись къ какой-нибудь мелочи, напримѣръ, къ тому, что критикъ назвалъ памятникъ „сказаніемъ о Волундѣ“ вмѣсто „Тидрекъ-сага“, силится обвинить своего рецензента въ незнаніи. Если ему указываютъ на игнорированье имъ такихъ данныхъ, безъ которыхъ невозможно рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ, авторъ такого отвѣта возражаетъ либо, что они „къ дѣлу не идутъ“, либо, что о нихъ не стоитъ упоминать.

Ф. де Ла-Бартъ.

Книжныя новости.

Труды Воронежской ученой архивной комиссіи. Выпускъ IV. Подъ редакціей правителя дѣлъ комиссіи свящ. Ст. Звѣрева. Воронежъ. 1908. Стр. 71+245+LIV+XCVIII.

Главное и весьма цѣнное содержаніе настоящаго выпуска „Трудовъ" Воронежской ученой архивной комиссіи составляють: „Рукописи и древніе акты Воронежскаго губернскаго музея. I. Рукописи. Опис. д. чл. Г. И. Можаровымъ и А. М. Путинцевымъ. II. Древніе акты и указатели къ нимъ—алфавитный и систематическій—сводный А. И. Милютина". Это описаніе, выходящее изъ рамокъ обычныхъ описаній, по обилію цитатъ изъ актовъ и по подробному ихъ изложенію, послужить лучшимъ подспорьемъ при изученіи Воронежской старины. Оно было начато печатаніемъ еще во второмъ выпускѣ „Трудовъ" и завершится, вѣроятно, въ слѣдующемъ пятомъ. Затѣмъ интересною является и статья А. М. Путинцева—„И. С. Никитинъ. Историко-литературные матеріалы", гдѣ авторъ подвергаетъ разсмотрѣнію новыя письма Никитина, рукописную поэму „Тарасъ", во многомъ отличающуюся отъ печатной, и наконецъ самыя изданія его стихотвореній, приходя къ заключенію о необходимости ихъ переизданія. Наконецъ, можно указать еще на работы: С. Н. Введенскаго — „Еще о древнемъ Воронежѣ" и Ѳ. И. Поликарпова — „Женская крестьянская одежда въ с. Истобномъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, съ рисунками въ текстѣ". Выпускъ посвященъ памяти А. И. Милютина, о которомъ сообщены и біографическія свѣдѣнія А. Д. Ѳадеевымъ и свящ. Ст. Ег. Звѣревымъ.

Труды Вятской ученой архивной комиссіи 1908 года. Выпускъ I. Вятка. 1908.

Вслѣдъ за журналами засѣданій комиссіи помѣщены *„Дополнительные акты Вятскаго архіерейскаго дома XVII вѣка"* къ тѣмъ 180 грамотамъ и актамъ Вятскаго архіерейскаго дома, которые печатались на страницахъ „Трудовъ" комиссіи въ теченіе 1907 года. Въ число 40 этихъ дополнительныхъ актовъ вошли купчія, закладныя, прикладныя, поступныя и др., которыя напечатаны „въ извлеченіи, но не опуская существеннаго содержанія актовъ, съ точнымъ указаніемъ времени, лицъ, которыми и которымъ выданы акты, мѣстностей въ актахъ упоминаемыхъ". Вслѣдъ за ними помѣщено общее „Оглавленіе грамотъ и актовъ Вятскаго архіерейскаго дома"; печатаніе же къ нимъ указателя личныхъ и географическихъ именъ отложено до слѣдующаго выпуска. Кромѣ названной работы неутомимаго редактора „Трудовъ" Вятской ученой архивной комиссіи, А. С. Верещагина, находимъ и другіе сообщенные имъ матеріалы и рефераты, а именно: „Выпись изъ дѣла, выданная казанскимъ воеводой М. Л. Плещеевымъ Трифоновскому архимандриту Александру съ братіей, на вотчинную землю въ Казанскомъ уѣздѣ, по Арской дорогѣ, на устьѣ рѣки Воштормы, 7188 (1680) года, февраля 17-го"; двѣ грамоты патріарха Никона объ отдачѣ вологодскому архіепископу Маркеллу земли въ Бѣлозерской и Чарондской „округѣ", 1658 года; „Служенія перваго Вятскаго епископа Александра въ Москвѣ въ 1660—1667 годахъ, по „Дневальнымъ Запискамъ Приказа тайныхъ дѣлъ", и „О походѣ вятчанъ на Югру

въ 1799 году". Послѣдній рефератъ А. С. Верещагина, а равно и его неоконченное сообщеніе: „Вятичи мы или Вятчане", не должны быть оставлены безъ вниманія историками, какъ основанныя на продолжительномъ и остальномъ знакомствѣ автора съ источниками, частію имъ же открытыми.

Далѣе любопытны сообщенныя В. И. Шабалинымъ „Докладъ Вятской духовной консисторіи преосвящ. Лаврентію Барановичу о разграбленныхъ и сожженныхъ церквахъ и пострадавшихъ при нихъ священнослужителяхъ въ Пугачевскій бунтъ, 1775 года, марта 5-го", и „вѣдомости" (числомъ восемь) о мѣстахъ, подвергшихся разграбленію, о священнослужителяхъ, встрѣчавшихъ Пугачева „со-кресты", о священникахъ, „бывшихъ въ шайкахъ у злодѣя", укрывавшихся отъ него, содержащихся въ секретной комиссіи. и др.

Наконецъ, заслуживаютъ вниманія и „наказы": 1) „для депутата въ комиссію для составленія новаго Уложенія Хлыновскаго уѣзда отъ разныхъ становъ и волостей, содержащихъ ландмилицію, 1767 года мая"; 2) „Орловскаго уѣзда отъ крестьянъ разныхъ жительствъ, содержащихъ ландмилицію, 1767 года"; 3) „города Яранска старыхъ службъ служилыхъ людей, содержащихъ ландмилицію, 1767 года", и 4) „Яранскаго уѣзда отъ ясашныхъ крестьянъ разныхъ волостей, 1767 года, мая".

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе октября и ноября мѣсяцевъ 1908 года.

— Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Томъ X. Подготовка къ войнѣ въ 1812 г. (Мартъ мѣсяцъ). Изданіе Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба. С.-Пб. 1908. XV+277+XLI. (Матеріалы Военно-Ученаго Архива Генеральнаго Штаба).

— *Murko, M., Dr.* Geschichte der älteren südslawischen Litteraturen. Leipzig, C. F. Amelungs Verlag. 1908. X+248 стр. (=Die Litteraturen des Osten in Einzeldarstellungen. Band V. 2. Abteilung).

— *Радловъ, В. В.* Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Выпускъ двадцать второй. Четвертый томъ, выпускъ четвертый. С.-Пб. 1908. Стр. 961—1280. Цѣна 1 руб.

— Сборникъ статей, посвященныхъ почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ и историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Часть первая. С.-Пб. 1907. IV+656 стр. и 1 портр.—Часть вторая. С.-Пб. 1908. IV+стр. съ 657 до 1479+III табл.

— Первый сборникъ посланій Бавида Беhаулаха. Издалъ баронъ В. Розенъ. С.-Пб. 1908. VI+185 стр. Цѣна 2 руб. 75 коп.

— Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссіи. Книга V. Изданіе предсѣдателя комиссіи И. А. Вахромѣева. М. 1908. LXIV+444 (=Акты Угличской провинціальной канцеляріи (1719—1736 гг.), изданные предсѣдателемъ комиссіи И. А. Вахромѣевымъ подъ редакціей товарища предсѣдателя комиссіи профессора Θ. В. Тарановскаго. Томъ I. М. 1908).

— *Серебрениковъ, В. С., проф.* Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка. С.-Пб. 1908. X+366 стр.

— Die osteuropäischen Literaturen und die slawischen Sprachen von A. Bezzenberger, A. Brückner, V. v. Jagić, J. Máchal, M. Murko, F. Riedal, E. Setälä, G. Suits, A. Thumb, A. Wesselowski, E. Wolter. Des Gesamtwerkes Teil I Abteilung IX. 1908. Berlin und Leipzig. Druck und Verlag von B. G. Teubner. VIII+396 стр. (Die Kultur der Gegenwart. Herausgegeben von Paul Hinneberg).

— *Церетели, Г. Ф.* Новооткрытая комедія Менандра Επιτρεπόμενος. С.-Пб. 1908. 44 стр.

— *Андреевъ, Н. Д.* Александръ Петровичъ Лебедевъ. (Некрологъ). С.-Пб. 1908. 20 стр.

— *Palmieri, Aurelio, p.* La chiesa russa le sue odierne condizioni e il suo riformismo dottrinale. Firenze 1908. Цѣна 5 лиръ.

— Saddharmapuṇḍarika. Edited by Prof. H. Kern, Prof. Bunyiu Nanjio. 1. St.-Pétersbourg 1908. 96 стр. Цѣна 1 руб. (Bibliotheca Buddhica. X).

— Madhyamakâvatâra par Candrakîrti. Traduction Tibétaine publiée par Louis de la Vallée Poussin. II. St.-Pétersbourg 1908. Стр. 97—192. (Bibliotheca Buddhica. IX).

— *Жилова, М.* Изслѣдованіе спектра звѣзды α Bootis по спектрограммамъ, полученнымъ въ Пулковѣ въ 1906 году. С.-Пб. 1908. 56 стр. Цѣна 75 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXIII. № 3).

— *Бѣлопольскій, А.* Изслѣдованіе лучевыхъ скоростей перемѣнной звѣзды „Алголя“ по наблюденіямъ въ Пулковѣ въ 1902—1907 гг. II. С.-Пб. 1908. 90 стр. Цѣна 70 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXIII. № 2).

— Отчетъ по Николаевской главной физической обсерваторіи за 1906 г., представленный Императорской Академіи Наукъ директоромъ обсерваторіи М. Рыкачевымъ. С.-Пб. 1908. II+187 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXIII. № 1).

— *Давыдовъ, К. Н.* Наблюденія надъ процессомъ регенераціи у Enteropneusta. Съ 70 рисунками въ текстѣ. С.-Пб. 1908. 120 стр. Цѣна 1 руб. 80 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XXII. № 10 и послѣдній).

— *Friese, H., Dr.* Ueber die Bienen (apidae) der russischen Polarexpedition 1900—1903 und einiger anderen arktischen Ausbeuten. Mit 1 colorirten Tafel. С.-Пб. 1908. 17 стр. Цѣна 90 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XVIII. № 13).

— *Lemm, Oscar, von.* Kleine koptische Studien. LI—LV. С.-Пб. 1908.

68 стр. Цѣна 65 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VIII. № 12).

— *Бенешевичъ, В. Н.* „Видѣніе" Діадона, епископа Фоникійскаго въ Эпирѣ. С.-Пб. 1908. 9 стр. Цѣна 25 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VIII. № 11).

— *Saleman, Carl.* Manichaeische Studien. Die mittelpersischen Texte in revidierter Transcription, mit Glossar und grammatischen Bemerkungen. С.-Пб. 1908. VII+172 стр. Цѣна 3 руб. 60 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VIII, № 10).

— Стратегика императора Никифора. Издалъ Ю. А. Кулаковскій. С.-Пб. 1908. (Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію. Томъ VIII. № 9).

— *Линко, А.* Schizopoda русскихъ сѣверныхъ морей. Съ 5 рисунками и 7 картами въ текстѣ. С.-Пб. 1908. 76 стр. Цѣна 75 коп. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XVIII, № 8).

— *Kulczynski, Vl., Dr.* Araneae et Oribatidae expeditionum rossicarum in insulas Novo-Sibiricas annis 1885—1886 et 1900—1903 susceptarum. Accedunt Tabulae tres. С.-Пб. 1908. 97 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XVIII. № 7).

— *Jäderholm, Elof., Dr.* Die Hydroiden des Sibirischen Eismeeres, gesammelt von der russischen Polar-Expedition 1900—1903. Mit 3 Tafeln. С.-Пб. 1908. 28 стр. Цѣна 1 руб. (Записки Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому отдѣленію. Томъ XVIII. № 12).

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ПЕДАГОГИКА КАНТА.

1. Цѣль настоящей статьи состоитъ въ объективномъ изложеніи и критическомъ разборѣ основныхъ принциповъ педагогическаго ученія Канта. Надо, вообще, отличать два способа изложенія чужихъ мыслей. Одинъ изъ нихъ можетъ быть названъ „филологическимъ“, а другой—„логическимъ“. Филологическій методъ имѣетъ своей цѣлью пересказъ, сокращенную передачу разсужденій извѣстныхъ мыслителей, и постольку можетъ быть примѣненъ, поскольку сочиненія послѣднихъ не являются вполнѣ доступными или удобопонятными. Хотя „Педагогика“ Канта отчасти и принадлежитъ къ числу такихъ сочиненій, такъ какъ она написана довольно неуклюжимъ языкомъ и не можетъ удовлетворить требованіямъ архитектоники, но эти неудобства не столь значительны, чтобы ощущалась потребность въ сокращенномъ или болѣе ясномъ изложеніи ея. Въ то время, какъ филологическій методъ изложенія, такъ сказать, прикованъ къ личности даннаго мыслителя, такъ какъ онъ требуетъ, чтобы ученіе послѣдняго передавалось приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ оно было выставлено, логическій методъ, являющійся противоположностью филологическому методу, а не какому-то не-логическому, стремится разсматривать чужія мысли, какъ мысли, имѣющія опредѣленное содержаніе, опредѣленные *логическіе* источники и опредѣленные *логическіе* результаты, хотя бы эти источники и эти результаты не только были неизвѣстны данному мыслителю, но даже отвергались имъ, какъ ложные. „Логическій“ методъ изложенія не предполагаетъ, конечно, фальсификаціи мнѣній даннаго мыслителя, но, разсматривая эти мнѣнія, какъ нѣчто логическое, онъ не можетъ отвлечься отъ источниковъ этихъ мнѣній и выводовъ изъ нихъ. Этимъ логическимъ мето-

домъ мы и будемъ пользоваться въ нашемъ изложеніи педагогики Канта.

2. Искусство воспитанія можетъ быть, по мнѣнію Канта, двоякимъ: „механическимъ" или „разсудочнымъ" (judiciös). Механическимъ воспитаніе бываетъ въ томъ случаѣ, когда оно обусловливается случайными мотивами; случайныя обстоятельства показываютъ намъ, „является ли что-нибудь вреднымъ или полезнымъ для человѣка" (Pädagogik, Vermischte Schriften und Briefwechsel, Ausgabe der Dürr'schen Buchhandlung. 1898, S. 219). Напротивъ, разсудочное воспитаніе опирается на извѣстный „планъ". Врядъ ли можно предположить, что принципомъ дѣленія служитъ здѣсь источникъ педагогическихъ понятій, раціональный или эмпирическій. Вѣрнѣе будетъ предположить, что, отличая механическое воспитаніе отъ разсудочнаго, Кантъ принималъ во вниманіе то обстоятельство, что при воспитаніи дѣтей можно или руководиться немногими опредѣленными цѣлями (и даже одной), или же имѣть множество цѣлей и мотивовъ, подчасъ взаимно перекрещивающихся,—въ зависимости отъ случайныхъ условій. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой далекую перспективу, во второмъ случаѣ только множество отдѣльныхъ ближайшихъ цѣлей. Разсудочному воспитанію Кантъ отдаетъ предпочтеніе передъ механическимъ, желая, чтобы послѣднее было замѣнено первымъ (ib.). Но нигдѣ въ его „Педагогикѣ" не встрѣчается намека на то, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ воспитаніе дѣтей основывается, такъ сказать, на причинахъ, а не на цѣляхъ, постоянныхъ или случайныхъ, такъ что обстоятельства и событія, *имѣвшія уже мѣсто*, понуждаютъ къ тѣмъ или другимъ педагогическимъ мѣрамъ. Въ этомъ смыслѣ воспитаніе можно сравнить съ катящеюся съ горы снѣжною массою. Во всякомъ случаѣ Кантъ требовалъ разсудочнаго воспитанія, руководимаго извѣстнымъ планомъ. Но, къ сожалѣнію, онъ не распространяется относительно этого важнаго вопроса педагогики.

3. Въ построеніи „научной", или „разсудочной" педагогики Кантъ исходитъ изъ признанія *обязанности* родителей воспитывать дѣтей въ смыслѣ *физическаго* ухода за ними. Эта обязанность основывается, по его мнѣнію, на томъ, что дѣти появляются на свѣтъ не по собственному желанію, вслѣдствіе чего тѣ, которые ихъ производятъ на свѣтъ, обязаны призрѣть ихъ. Изъ этой обязанности вытекаетъ также и *право* родителей на то, чтобы воспитывать дѣтей не только въ смыслѣ физическаго ухода, но также въ смыслѣ образовательнаго и моральнаго воздѣйствія. Что касается, въ частности, моральнаго воспитанія, то Кантъ,

между прочимъ, говоритъ, что право на такое воспитательное воздѣйствіе родителямъ принадлежитъ потому, что, въ случаѣ ихъ нерадѣнія по отношенію къ дѣтямъ, вина за возможныя послѣдствія такого нерадѣнія пала бы на нихъ же самихъ (Rechtslehre § 29). Такимъ образомъ, обязанность призрѣвать дѣтей сопровождается правомъ совершать такія дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ является извѣстное интеллектуальное и моральное состояніе ихъ. Означенной обязанности родителей соотвѣтствуетъ право дѣтей на призрѣніе (ib. § 28). Спрашивается: соотвѣтствуетъ ли означенному праву родителей обязанность со стороны дѣтей, обязанность, которая выразилась бы въ томъ, что дѣти должны были бы согласиться быть объектами моральнаго и интеллектуальнаго воспитанія? Или это право родителей лишь постольку можетъ быть названо правомъ, поскольку дѣтьми выражается готовность (въ формѣ сознательнаго или безсознательнаго подчиненія) подвергнуться ихъ воспитательному вліянію? Или, наконецъ, дѣти, вообще, не могутъ быть носителями правъ и обязанностей? Послѣднюю возможность Кантъ самъ уничтожаетъ, говоря о правѣ дѣтей на призрѣніе.

Что касается первыхъ двухъ возможностей, то мы не находимъ у Канта яснаго отвѣта на нашъ вопросъ. А между тѣмъ онъ представляетъ большой интересъ. Если праву родителей воспитывать своихъ дѣтей противополагается соотвѣтствующая обязанность послѣднихъ, то дѣти, вообще, являются существами, подчиненными родителямъ въ отношеніи воспитанія, и ихъ сознательное или безсознательное (напр., въ формѣ лѣности) противодѣйствіе воздѣйствію родителей не можетъ быть принято во вниманіе. Ниже, при изложеніи кантовскаго ученія о „дисциплинированіи“ и сходныхъ съ нимъ видовъ воспитательнаго воздѣйствія, мы увидимъ, что къ этому, въ самомъ дѣлѣ, сводится ученіе Канта. Тутъ мы еще только замѣтимъ, что правовое отношеніе родителей къ дѣтямъ Кантъ относитъ не къ личному и не къ вещному, а къ вещно-личному праву, такъ какъ родители обходятся съ дѣтьми не только какъ съ личностями, но и какъ съ вещами. Доказательствомъ этого служитъ, по его мнѣнію, то обстоятельство, что въ случаѣ, если дѣти убѣгаютъ отъ родителей, послѣдніе имѣютъ право силой заставить ихъ вернуться (ib. S. 329). Это доказательство Канта не совсѣмъ ясно, такъ какъ остается неизвѣстнымъ, имѣетъ ли онъ въ виду, говоря о насильственномъ приводѣ дѣтей, „позитивное“ или „естественное“ право [1]). Въ первомъ случаѣ

[1]) Въ нашемъ сочиненіи „Kants Gesellschaftslehre“ 1897, стр. 10 и слѣд., мы

его выводъ, что право родителей по отношенію къ дѣтямъ является вещно-личнымъ правомъ, тоже нужно было бы отнести къ характеристикѣ позитивнаго права.

4. Переходя къ самой педагогикѣ Канта, мы должны прежде всего замѣтить, что мы напрасно стали бы искать въ его сочиненіяхъ какой-нибудь формулировки проблемы воспитанія, какъ таковой. Онъ вездѣ говоритъ только о различныхъ цѣляхъ, формахъ и способахъ воспитанія, но нигдѣ ничего не говоритъ о воспитаніи, какъ объ извѣстномъ (духовномъ) отношеніи между воспитателемъ и воспитанникомъ, могущемъ быть обозначеннымъ словомъ „вліяніе". Педагогическое мышленіе не можетъ имѣть прочной основы безъ разрѣшенія проблемы вліянія. Кантъ же не только не привелъ педагогическихъ вопросовъ въ связь съ этой проблемой, но врядъ ли послѣдняя въ ея чистомъ видѣ существовала для него. Хотя въ „Anthropologie" онъ и говоритъ объ одной изъ формъ вліянія, о господствѣ, но онъ интересуется послѣднимъ только съ точки зрѣнія того, кто оказываетъ вліяніе, и говоритъ поэтому о „склонности къ способности оказывать вліяніе вообще на другихъ людей". Но самой этой „способности" онъ не изучаетъ. Когда же онъ касается вопроса о возможности вліянія, то онъ теряетъ изъ виду характеръ этого вопроса, какъ вопроса, касающагося духа, и принимаетъ во вниманіе только внѣшнія средства, обусловливающія вліяніе, какъ, напримѣръ, деньги (Vermischte Schriften und Briefwechsel, стр. 222). Такимъ образомъ, основной вопросъ педагогики остается у Канта не только не разрѣшеннымъ, но и не поставленнымъ. Когда же онъ говоритъ о конкретныхъ случаяхъ вліянія, то его разсужденія весьма неясны и въ формально-логическомъ отношеніи неудовлетворительны. Такъ, въ „Педагогикѣ" (стр. 240) онъ замѣчаетъ: „Но такъ какъ кормилицы при видѣ паука проявляютъ отвращеніе посредствомъ различныхъ минъ, то это вліяетъ также, благодаря извѣстной симпатіи, и на дѣтей", которыя также научаются чувствовать отвращеніе къ паукамъ. Вѣроятно, Кантъ имѣетъ въ виду первоначальное значеніе слова „симпатія", указывающее на таинственную внутреннюю силу, благодаря которой существа вступаютъ другъ съ другомъ въ извѣстныя духовныя связи. Но въ такомъ случаѣ объясненіе Канта, собственно говоря, ничего не объясняетъ, такъ какъ остается непонятной сущность этой симпатіи, т. е. извѣстнаго вліянія.

доказали, что подъ „естественнымъ правомъ" у Канта надо понимать *идеальное* право.

5. Оставляя вопросъ о проблемѣ воспитанія, мы переходимъ къ вопросу объ объектѣ воспитанія. Этимъ объектомъ служитъ только человѣкъ. Человѣкъ—это единственное существо, нуждающееся въ воспитаніи, такъ какъ, въ противоположность животнымъ, онъ является на свѣтъ совершенно беззащитнымъ (Vermischte Schriften und Briefwechsel, стр. 213). Въ то время, какъ послѣднія одарены инстинктомъ, который ими руководитъ, цѣль человѣка состоитъ не въ томъ, чтобы пользоваться инстинктомъ, а въ томъ, чтобы подчинить свои дѣйствія разуму. Практическая философія Канта, вообще, покоится не на отрицаніи существованія инстинкта, а на отрицаніи за послѣднимъ этической цѣнности, присущей человѣку лишь постольку, поскольку онъ руководится разумомъ. Это видно также изъ слѣдующихъ словъ его: „Человѣческій родъ долженъ мало-по-малу произвести (реализовать?) всѣ естественныя наклонности человѣчества посредствомъ *собственнаго* усилія“ (ib. S. 213). Мнѣніе Канта, что человѣкъ, въ противоположность животному, появляется на свѣтъ совершенно беззащитнымъ, оказывается поэтому невѣрнымъ съ его же собственной точки зрѣнія, такъ какъ онъ, вѣдь, не отрицаетъ, что инстинктъ присущъ человѣческой природѣ, какъ таковой, т. е. независимо отъ понятій должнаго.

Такимъ образомъ, человѣкъ служитъ у Канта объектомъ воспитанія потому, что слѣдуетъ осуществить въ немъ извѣстныя цѣли, которыя Кантъ считаетъ этически-цѣнными. Ибо, какъ Кантъ развилъ эту мысль въ „Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft“, человѣку присуще, наряду съ добрымъ началомъ, и злое начало. Если же онъ въ „Педагогикѣ“ (ib. S. 220) говоритъ, что человѣческой природѣ присущи только наклонности къ добру, то намъ остается видѣть въ этомъ только рѣзкое противорѣчіе. Впрочемъ, слѣдуетъ также принять во вниманіе, что это сочиненіе Канта очень небрежно редактировано.

Мы должны въ самомъ началѣ отдать себѣ ясный отчетъ въ сущности вышеприведенныхъ разсужденій Канта, которыми онъ доказываетъ необходимость воспитанія. Его разсужденія можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: ребенка слѣдуетъ воспитывать, такъ какъ ему присущъ не только разумъ, но и животныя наклонности; человѣку же надо руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ только разумомъ. Инымъ способомъ Кантъ не пытается обосновать свое мнѣніе о необходимости воспитанія. Такимъ образомъ, въ основѣ его педагогики лежитъ извѣстное требованіе—дѣйствовать согласно разуму,—требо-

ваніе, которое многіе назвали бы извѣстнымъ этическимъ принципомъ. Но, если бы мы тутъ могли выйти за предѣлы кантовской педагогики, чтобы изслѣдовать „этическія“ воззрѣнія Канта и, въ особенности, понятія „практическаго разума“ (поскольку это понятіе примѣняется имъ къ педагогикѣ), то мы бы пришли къ тому, 1) что у Канта нѣтъ этическихъ принциповъ, отличныхъ отъ юридико-соціологическихъ, 2) что его противоположеніе инстинкта разуму въ примѣненіи къ педагогикѣ означаетъ, что индивидуумъ, какъ таковой, долженъ подчиниться обществу, и что искусство воспитанія и стремится подчинить личность обществу.

Многіе сочтутъ такое толкованіе кантовскаго ученія совершенно неправильнымъ. Но, если мы и не беремся защищать тутъ наше пониманіе „этическихъ“ воззрѣній Канта, то мы все-таки желали бы нашимъ замѣчаніемъ побудить къ такому изслѣдованію философіи Канта, которое не зависѣло бы отъ формы выраженія Кантомъ своихъ мыслей, а принимало бы во вниманіе только логическій остовъ ихъ.

Ребенка (а именно, мальчика) слѣдуетъ воспитывать приблизительно до шестнадцатилѣтняго возраста, т. е. до того времени, когда въ юношѣ развивается половое стремленіе, и „онъ можетъ стать отцомъ“. Начиная съ этого времени, воспитаніе можетъ имѣть только форму обученія; „дисциплинированіе“ же можетъ быть тогда только скрытымъ (ib. S. 226).

Характеръ воспитанія долженъ модифицироваться, въ зависимости отъ того, нужно ли воспитывать мальчика или дѣвочку. Оно должно приспособляться къ различію пола. Характерными же признаками мужского пола Кантъ считаетъ чувство возвышеннаго, женскаго пола— чувство прекраснаго (Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen, 3. Abschnitt, ib. S. 28—29). Усиленныя умственныя занятія способны искоренить специфическія женскія черты (ib. S. 30). Этимъ Кантъ не только констатируетъ извѣстный фактъ, но высказываетъ также извѣстное сужденіе о желательности: по его мнѣнію, специфическія женскія черты не должны быть искоренены. Онъ поэтому находитъ излишнимъ для женщинъ знаніе философіи, исторіи, педагогики, филологіи и т. п., и полагаетъ, что имъ нужно только знать, какое вліяніе женщины оказывали въ прежнія времена на ходъ исторіи, каково различіе между народами въ отношеніи ихъ вкуса и моральнаго чувства,—различіе, вліяющее также и на ихъ половую жизнь, и т. д. Женщинамъ слѣдуетъ также давать нѣкоторыя „легкія

разъясненія" на счетъ состоянія свободы и рабства въ различныхъ странахъ. Однимъ словомъ, къ нимъ не нужно примѣнять „сухого спекулятивнаго" способа преподаванія, а нужно только стараться вліять на ихъ чувства, поскольку послѣдція характеризуютъ ихъ полъ (ib. S. 30—32).

6. Въ чемъ заключается идеалъ воспитанія? Что такое идеалъ вообще? На это Кантъ отвѣчаетъ, смѣшивая термины „идеалъ" и „идея". „Идея—это ничто иное, какъ понятіе о совершенствѣ, еще не встрѣчающемся въ опытѣ" (Pädagogik, ib. S. 217). Относительно же идеала воспитанія онъ замѣчаетъ, что дѣти должны быть воспитываемы не соотвѣтственно настоящему, а соотвѣтственно будущему, т. е. соотвѣтственно идеѣ человѣчества и назначенію человѣка (ib. S. 220). Мы уже коснулись выше этой идеи „человѣчества", и ниже намъ еще придется вернуться къ ней. Надо только замѣтить, что ту же „идею" Кантъ обозначаетъ и различными другими выраженіями. Дѣйствовать согласно „идеѣ человѣчества", согласно „разуму", обуздать волю свою и „дикое" „стремленіе къ свободѣ"—это все однѣ и тѣ же мысли.

Въ связи съ отношеніемъ Канта къ идеалу воспитанія находится его отношеніе къ основанному Базедовымъ въ 1774 году въ Дессау „воспитательному институту" подъ названіемъ „Филантропинъ". Кантъ часто говоритъ объ этомъ институтѣ, разсматривая его, какъ воспитательное учрежденіе, соотвѣтствующее какъ природѣ, такъ и гражданскому обществу. Онъ посвятилъ ему даже нѣсколько маленькихъ статеекъ. Но не легко уловить, какія именно стороны въ порядкахъ „Филантропина" вызвали такое одобреніе съ его стороны. Ему нравятся то его внутренніе порядки, то его внѣшняя независимость. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ одобряетъ то, что правительство не вмѣшивается во внутреннія дѣла „Филантропина" (ib. стр. 224).

Если идеалъ воспитанія, поставленный Кантомъ, не можетъ быть, по его мнѣнію, сразу осуществленъ, то это не должно все-таки мѣшать тому, чтобы поставить такой идеалъ. Ибо трудности, встрѣчающіяся на пути къ достиженію идеала, еще не означаютъ, что этотъ идеалъ, вообще, неосуществимъ. Если только идея по своему содержанію правильна, то она можетъ быть когда-нибудь реализована (ib. S. 216—217). Для этого, конечно, не хватитъ силы отдѣльныхъ людей или отдѣльныхъ поколѣній; все человѣчество, во всемъ рядѣ смѣняющихъ другъ друга поколѣній, должно принять участіе въ этой великой работѣ. Эти разсужденія Канта о формѣ, въ какой идеалъ

воспитанія можетъ быть осуществленъ, указываютъ на постепенность этого осуществленія. Въ противорѣчіи съ этимъ находится его заявленіе въ статьѣ „An das gemeine Wesen", что постепенное улучшеніе школъ ни къ чему не можетъ повести, такъ какъ ужъ при самомъ ихъ основаніи были совершены ошибки, и что въ школьномъ дѣлѣ нужна поэтому „не медленная реформа, а быстрая революція".

Говоря, что въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ идеалъ воспитанія не можетъ быть реализованъ, и ожидая этой реализаціи отъ (и для) всего человѣчества, всѣхъ поколѣній людей, въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ одного другимъ, Кантъ не опредѣляетъ, однако, понятій человѣчества и индивидуума, противополагаемыхъ имъ другъ другу. Но принимая во вниманіе ученіе Канта о *постепенности* процесса осуществленія педагогическаго идеала, мы можемъ найти логическую сущность этихъ понятій, и тогда оказывается, что Кантъ имѣетъ въ виду различные моменты эволюціи человѣчества, протекающей во времени. Ходъ реализаціи педагогическаго идеала напоминаетъ, такимъ образомъ, ходъ развитія человѣчества вообще: каждый отдѣльный историческій моментъ осуществляетъ часть идеала, и это постепенное осуществленіе продолжается до безконечности. Мы не можемъ обстоятельно заняться тутъ предпосылками такого міровоззрѣнія, хотя намъ кажется, что это было бы полезнымъ изслѣдованіемъ для того, кто захотѣлъ бы понять логическую основу ходячихъ мнѣній объ эволюціи человѣчества и способахъ осуществленія нашихъ цѣлей. Но мы укажемъ тутъ только на роковое вліяніе теоріи постепеннаго прогресса въ практическомъ отношеніи. Теорія, гласящая, что педагогическій идеалъ осуществляется вполнѣ лишь въ послѣднемъ моментѣ человѣческой исторіи, что все предшествующее этому моменту представляетъ собой лишь рядъ частичныхъ осуществленій его, прежде всего дѣлаетъ излишнимъ существованіе идеала въ головѣ педагога, поскольку послѣдній разсматривается только какъ человѣкъ, желающій оказать на воспитанника вліяніе въ смыслѣ осуществленія въ немъ извѣстнаго идеала. Идеалъ — это идея нѣкоего совершенства, долженствующая быть *осуществленной*. Теорія же Канта сводится къ отрицанію идеала, какъ таковаго, такъ какъ онъ принимаетъ только частичное осуществленіе его. Если мы предположимъ, что у даннаго педагога есть идеалъ, о которомъ говоритъ Кантъ, то онъ является излишнимъ потому, что педагогъ, имѣющій дѣло съ извѣстнымъ объектомъ воспитанія, не въ состояніи реализовать его. Онъ является также излишнимъ и въ томъ случаѣ, когда данный педагогъ, созна-

вая вмѣстѣ съ Кантомъ, что идеалъ осуществимъ лишь „во всемъ человѣчествѣ“, а не въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, ставитъ себѣ цѣлью осуществленіе въ извѣстномъ индивидуумѣ извѣстной части этого идеала. Если мы обозначимъ количественную сторону идеала (а именно объ этой сторонѣ можетъ быть рѣчь, когда говорятъ о частичномъ и постепенномъ осуществленіи идеала) буквой a, при чемъ предположимъ, что $a=b+c+d$, соотвѣтственно тѣмъ частямъ идеала, которыя должны осуществиться въ каждомъ изъ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній, то педагогъ, какъ таковой, имѣя возможность осуществить въ своемъ воспитанникѣ только b, тѣмъ самымъ не нуждается въ понятіяхъ c, d... Иначе говоря, поскольку онъ выступаетъ въ роли педагога, постольку a, какъ цѣлое, является для него излишнимъ [1]).

Если, такимъ образомъ, обычная теорія прогресса, въ примѣненіи къ воспитанію, дѣлаетъ педагогическій идеалъ излишнимъ, то она, кромѣ того, роковымъ образомъ вліяетъ на стремленія людей, убаюкивая и утѣшая ихъ тѣмъ, что ихъ идеалы имѣютъ быть осуществленными вполнѣ въ жизни другихъ людей или поколѣній. Этимъ она нарушаетъ, такъ сказать, эгоистичность человѣка, боря это слово не въ моральномъ смыслѣ. Человѣкъ считаетъ свое „я“ чѣмъ-то вполнѣ опредѣленнымъ, законченнымъ и долженствующимъ реализовать въ себѣ все то, что достойно реализаціи. Онъ поэтому не можетъ утѣшаться тѣмъ, что въ какомъ-то чужомъ „я“, имѣющемъ существовать завтра или черезъ нѣсколько тысячелѣтій, будетъ осуществлено то, чего онъ жаждалъ для своего „я“. Воспитатель, имѣющій педагогическій идеалъ и относящійся къ своему дѣлу серьезно, не можетъ поэтому относиться съ симпатіей къ кантовской концепціи педагогическаго идеала, а будетъ искать такіе принципы, которые дѣлаютъ возможной законченную, полную реализацію идеаловъ въ закончен-

[1]) Что педагогическій идеалъ не есть идеалъ, осуществляющійся лишь во многихъ или во всѣхъ поколѣніяхъ, можно также объяснить слѣдующей цитатой изъ Logique de Port-Royal (deuxième partie, chapitre XIX): „La proposition négative ne sépare pas du sujet toutes les parties contenues dans la compréhension de l'attribut, mais elle sépare seulement l'idée totale et entière composée de tous ces attributs unis“. Можно было бы измѣнить немного эту мысль и сказать, что если въ сказуемомъ имѣются признаки (въ нашемъ примѣрѣ c, d), не могущіе быть отнесенными къ подлежащему, то тѣмъ самымъ, вообще, дается основаніе для отрицательнаго сужденія. Но мы должны еще разъ повторить, что подъ „педагогическимъ идеаломъ“ мы тутъ понимаемъ только идеалъ педагога, т. е. идеалъ опредѣленнаго человѣка, имѣющаго дѣло также съ опредѣленнымъ человѣкомъ.

ныхъ и опредѣленныхъ „я". Если же онъ такихъ принципо найдетъ, то онъ скорѣе станетъ открытымъ пессимистомъ, чѣмъ мистомъ, прикрывающимъ рѣзко пессимистическіе взгляды о пос ности и частичности реализаціи педагогическаго идеала покрово выдерживающихъ критики оптимистическихъ взглядовъ. Мы имѣе виду такого воспитателя, который имѣетъ педагогическій идеалъ идеалъ, долженствующій, по его мнѣнію, осуществиться въ восп никѣ путемъ приложенія его силъ, и только при этомъ предпол мы говоримъ, что этотъ идеалъ не имѣетъ оправданія, если его ко ція заключаетъ въ себѣ мысль о невозможности его полнаго осуще нія въ какомъ-то опредѣленномъ и законченномъ „я". Но, ко можетъ еще возникнуть вопросъ о психологической возможности ществленія педагогическаго идеала вообще, внѣ отношенія къ блемѣ о частичности или полнотѣ осуществленія его въ извѣс индивидуумѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что когда Кантъ говоритъ возможности осуществленія педагогическаго идеала въ одномъ видуумѣ, то онъ имѣетъ въ виду не эту психологическую невоз ность, а только внѣшнія препятствія, напримѣръ, отсутствіе не димыхъ матеріальныхъ средствъ, неудовлетворительное состояні литической жизни и т. п. Вопроса о психологической невозмож у него даже не возникаетъ. Вотъ почему въ содержаніе его пе гическаго идеала входятъ также требованія развитія въ дѣтяхъ тельности, жизнерадостнаго настроенія и т. п. (ib. S. 260, 276). онъ не предвидитъ никакихъ препятствій внутренняго характер этимъ вполнѣ объясняется то, что онъ въ свой педагогическій и вноситъ всѣ качества, которыя вообще вызываютъ его одобрені

Теперь вернемся къ разсужденію Канта. Онъ не объясняетъ почему „правильная" идея должна считаться осуществимой. Ко можно было бы подумать, что такая идея именно потому и прав что человѣкъ, конципируя ее, принимаетъ въ соображеніе какъ об въ которомъ нужно осуществить ее, такъ и среду, въ котор осуществленіе должно произойти, что въ этой идеѣ поэтому закл также представленіе о возможности ея осуществленія. Но Кант обще, ничего не говоритъ о логическихъ путяхъ, ведущихъ к цепціи „правильной" идеи, и въ вышеприведенномъ опредѣлен слѣдней онъ, въ лучшемъ случаѣ, указываетъ только на резу мышленія, по которому идея есть представленіе нѣкоего сов ства. Да и врядъ ли Кантъ сознательно приспособлялъ бы свой къ объекту и внѣшнимъ условіямъ воспитанія. Это было бы пр

всей его практической философіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, по поводу болѣе конкретныхъ вопросовъ, мы еще вернемся къ проблемѣ о возможности воспитанія.

7. Воспитаніе, примѣняемое, какъ мы уже сказали, только къ человѣку, бываетъ трехъ родовъ: дисциплинированіемъ, обученіемъ и физическимъ воспитаніемъ (ib. S. 213). Въ другомъ мѣстѣ Кантъ говоритъ: 1) о дисциплинированіи, 2) о культивированіи, 3) о цивилизированіи и 4) о моральномъ воспитаніи (ib. S. 222). Но мы предпочитаемъ въ нашемъ изложеніи держаться перваго дѣленія, такъ какъ второе легко можетъ быть подведено подъ первое. Кромѣ этихъ двухъ подраздѣленій, Кантъ, руководясь различными исходными точками зрѣнія, пытается установить еще нѣсколько другихъ классификацій, которыя, однако, не имѣютъ принципіальнаго значенія. Изъ означенныхъ трехъ видовъ воспитанія Кантъ удѣляетъ наибольшее вниманіе „дисциплинированію".

Его ученіе о физическомъ уходѣ за ребенкомъ намъ нечего излагать тутъ, такъ какъ оно больше относится къ гигіенѣ, чѣмъ къ педагогикѣ. Мы только замѣтимъ, что Кантъ отличаетъ въ отношеніи физическаго воспитанія дѣятельность, сводящуюся къ развитію въ дѣтяхъ органовъ чувствъ, отъ дѣятельности, относящейся къ развитію въ нихъ „произвольныхъ движеній". Интересенъ также его взглядъ на сущность или, лучше сказать, на смыслъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ игръ. Такъ, говоря объ игрѣ въ жмурки, онъ замѣчаетъ, что въ основѣ этой игры лежитъ „естественное стремленіе" дѣтей узнать, какимъ образомъ они бы могли жить, если бы были лишены зрѣнія (ib. S. 243). Въ общемъ, въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ Кантомъ относительно ухода за дѣтьми, проявляется желаніе предоставить природѣ ребенка возможно больше свободнаго развитія. Рѣзкой противоположностью къ этой тенденціи является поэтому его ученіе о дисциплинированіи.

8. Сущность „дисциплинированія", отожествляемаго Кантомъ часто съ воспитаніемъ вообще, состоитъ въ предохраненіи человѣка отъ господства въ немъ животныхъ наклонностей, которыя могли бы отвлечь его отъ приближенія къ его назначенію на землѣ. Ужъ изъ этого опредѣленія можно увидѣть основной характеръ кантовской педагогики. Послѣдняя не имѣетъ ничего общаго съ тѣми педагогическими теченіями, которыя стремятся къ тому, чтобы дать ребенку наибольшую свободу для развитія тѣхъ его чертъ, которыя ему въ дѣйствительности присущи, какъ ребенку и человѣку. Впрочемъ, такой фор-

мулировкой мы опредѣлили эти теченія только въ ихъ конечномъ логическомъ развитіи, такъ какъ представители ихъ фактически не удерживаются на этой точкѣ зрѣнія и принуждены идти на компромиссы. Кантъ же провелъ свою точку зрѣнія до конца, что, между прочимъ, видно и изъ слѣдующихъ словъ его: „Der Mensch muss entnervt werden, um zahm und hernach tugendhaft zu werden. Der Erziehungs-und Regierungszwang macht ihn weich, biegsam und unterwürfig den Gesetzen" (Reflexionen zur Anthropologie, herausgegeben von B. Erdmann). Этимъ мы только указываемъ на различіе въ формулировкѣ цѣли воспитанія у Канта и у его антиподовъ, но не опредѣляемъ нашихъ отношеній къ этой проблемѣ.

Что же представляетъ собой то, что должно вызвать необходимость „дисциплинированія"? Это—„дикость" человѣка, его стремленіе быть независимымъ отъ законовъ, его стремленіе къ свободѣ. Мы уже видѣли выше, что, по Канту, цѣль воспитанія, вообще, состоитъ въ томъ, чтобы научить человѣка пользоваться „разумомъ". Разумъ— это то, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и служитъ, такимъ образомъ, характеристичной чертой вида „человѣкъ". Поэтому дисциплинированіе, подчиняя человѣка разуму, тѣмъ самымъ подчиняетъ его человѣчности (Vermischte Schriften und Briefwechsel, S. 214). И чѣмъ раньше это дѣлается, тѣмъ лучше, потому что стремленіе человѣка къ свободѣ такъ велико, что его нельзя уничтожить, если не взяться за это заблаговременно. Въ отношеніи „дикости" Кантъ сравниваетъ ребенка съ дикими народами и находитъ, что Руссо ошибался, приписавши послѣднимъ какое-то благородное стремленіе къ свободѣ. По его мнѣнію, имъ присуще только „грубое" стремленіе къ свободѣ, потому что животность въ нихъ еще не произвела изъ себя человѣчности (ib.). Но онъ не объясняетъ намъ, въ чемъ состоитъ различіе между „благороднымъ" и „грубымъ" стремленіемъ къ свободѣ. Если мы захотимъ поискать въ другихъ сочиненіяхъ Канта разъясненій на счетъ этого пункта, то мы найдемъ, что „благородное" стремленіе къ свободѣ логически ни въ чемъ иномъ не состоитъ, какъ только въ подчиненіи индивидуума интересамъ общества (см. также „Kants Gesellschaftslehre", S. 61 ff.).

Кантъ, впрочемъ, говоритъ также о сочетаніи въ воспитаніи свободы съ принужденіемъ, но его дальнѣйшія разъясненія показываютъ, что онъ подъ свободой понимаетъ такое состояніе, при которомъ человѣкъ добровольно дѣлаетъ то, что онъ раньше, въ дѣтствѣ, дѣлалъ только по принужденію. Если бы мы захотѣли объяснить эту

мысль Канта терминами греческихъ софистовъ, то мы бы должны были сказать слѣдующее: послѣ принужденія, послѣ вліянія nomos'a, наступаетъ свобода, имѣющая свое основаніе въ physis, въ томъ смыслѣ, что прежняя, настоящая physis, подавлена, и nomos внушенъ ребенку въ качествѣ его второй physis; такимъ образомъ, выходитъ, что онъ дѣйствуетъ на основаніи своей physis. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ отношеніи практическихъ требованій, связанныхъ съ этой мыслью,—Кантъ и софисты не имѣютъ ничего общаго, такъ какъ Кантъ не стремился къ возстановленію physis [1]).

Раньше, чѣмъ привести взгляды Канта на нѣкоторые частные вопросы „дисциплинированія", мы должны еще замѣтить, что подъ этимъ словомъ онъ понимаетъ *опредѣленную* форму воспитательнаго вліянія на дѣтей, — а именно, развитіе въ послѣднихъ „человѣчности" и уничтоженіе „животности". Но тотъ смыслъ этого слова, который прежде всего приходитъ въ голову при произнесеніи его, не играетъ въ ученіи Канта никакой роли. Мы имѣемъ въ виду дисциплинированіе въ смыслѣ такого воздѣйствія на ребенка, въ результатѣ котораго характеръ послѣдняго пріобрѣтаетъ опредѣленность, устойчивость, „прямолинейность". Намъ, русскимъ, эта проблема должна казаться особенно важной.

Характернымъ для кантовскаго ученія о „дисциплинированіи" является то, что, по его мнѣнію, нужно препятствовать возникновенію у ребенка различныхъ привычекъ, потому что человѣкъ тѣмъ болѣе несвободенъ, чѣмъ болѣе у него привычекъ (ib. S. 238). Такимъ образомъ, въ угоду нѣкоторымъ этическимъ теоріямъ, Кантъ приноситъ въ жертву ту черту человѣческой жизни, благодаря которой послѣдняя имѣетъ тенденцію къ механизаціи. Жизнь тѣмъ болѣе облегчается, чѣмъ болѣе въ ней привычекъ, чѣмъ болѣе она механизируется. По мнѣніе Канта еще и въ другомъ отношеніи должно быть отвергнуто, потому что, если привычки дѣлаютъ человѣка несвободнымъ, то логически это должно означать, что эта несвобода обусловлена тѣми чертами привычки, которыя именно характеризуютъ послѣднюю, т. е. постоянствомъ, періодичностью. Почему же предположить, что измѣнчивость и непостоянство образа жизни приводятъ

[1]) Но интересно обратить вниманіе на то, что въ отношеніи нѣкоторыхъ проблемъ ученіе Канта сильно напоминаетъ ученіе софистовъ. Кантъ проявляетъ часто ту же релятивистически-скептическую тенденцію, которая характерна и для греческихъ софистовъ, напримѣръ, въ своемъ ученіи о счастьи. См. наше сочиненіе „Kants Gesellschaftslehre" 1907, стр. 78 и сл.

къ свободѣ или, по крайней мѣрѣ, составляетъ необходимое условіе послѣдней? Мнѣніе Канта о томъ, что привычки дѣлаютъ человѣка несвободнымъ, весьма распространено. Но намъ кажется, что въ отношеніи этого частнаго педагогическаго вопроса не пытаются разсуждать принципіально, а скорѣе держатся на поверхности. Между тѣмъ, для того, чтобы занять какую-нибудь позицію по отношенію къ вопросу о вліяніи привычекъ на „свободу" человѣка, необходимо прежде всего изслѣдовать проблему „индивидуума" (или „я"). Лишь зная, гдѣ начинается и кончается „индивидуумъ", можно приступить къ изслѣдованію того, принадлежитъ ли данное явленіе (напр., состояніе, вызванное привычкой) къ нему же самому или оно представляетъ собой что-то чужое; рѣшеніе вопроса о томъ, дѣлаетъ ли его это состояніе „свободнымъ" или „не-свободнымъ", можетъ быть тогда принципіальнымъ и строго логическимъ.

Впрочемъ, самъ Кантъ рѣзко противорѣчитъ себѣ, когда онъ на той же страницѣ своей „Педагогики" замѣчаетъ, что ребенокъ все-таки долженъ въ опредѣленное время кушать и ложиться спать, такъ какъ противоположный образъ жизни очень вреденъ. А въ другомъ мѣстѣ (ib. S. 238) онъ говоритъ: „Хотя часто упрекаютъ людей, дѣйствующихъ всегда въ соотвѣтствіи съ извѣстными правилами (напр., человѣка, установившаго по часамъ опредѣленное время всякому своему дѣйствію), но этотъ упрекъ является несправедливымъ".

Къ числу частностей кантовскаго ученія о дисциплинированіи принадлежитъ также его замѣчаніе, что отцы больше должны заниматься дисциплинированіемъ сыновей, матери же — дисциплинированіемъ дочерей, такъ какъ первые слишкомъ снисходительны къ дочерямъ, вторыя же — къ сыновьямъ (Reflexionen zur Anthropologie, № 600). Чрезвычайную снисходительность отцовъ къ дочерямъ Кантъ объясняетъ тѣмъ, что отцы принимаютъ во вниманіе возможную смерть своихъ женъ и надѣются поэтому на то, что онѣ будутъ имѣть нужный имъ уходъ со стороны дочерей. Матери же надѣются на то, что сыновья будутъ ихъ поддерживать (Anthropologie, Ausgabe in d. „Philos. Bibl.", S. 237). Такимъ образомъ, въ объясненіе интересующаго его вопроса Кантъ приводитъ чисто матеріальные, корыстные мотивы родителей.

Изъ всего предыдущаго вытекаетъ, что Кантъ ни въ коемъ случаѣ не желаетъ предоставить природу ея собственному развитію, т. е. онъ не желаетъ, чтобы дѣло воспитанія носило только регулирующій характеръ. Этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что онъ часто

говоритъ о такомъ способѣ воспитанія, который взятъ изъ „природы“ же. Такъ, въ одной изъ небольшихъ статеекъ, посвященныхъ „Филантропину“, онъ говоритъ о томъ, что люди были бы совсѣмъ другими, если бы къ нимъ примѣнялся такой методъ воспитанія, который „мудро взятъ изъ самой же природы“. Но онъ подъ природой понимаетъ не сущее, а должное—именно, господство разума, человѣчности. Мы, вѣдь, видѣли, что для достиженія должнаго необходимо искоренить въ человѣкѣ его „животность“, „дикость“. Конечно, дисциплинированіе у Канта не доходитъ до того, чтобы всегда и во всемъ „сломить волю“ ребенка. „Нужно давать дѣтямъ то, что для нихъ полезно, а потомъ сказать имъ: довольно!“

Въ настоящемъ параграфѣ мы до сихъ поръ разбирали кантовское ученіе о дисциплинированіи, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Кантъ отличаетъ послѣднее отъ моральнаго воспитанія (Moralisierung) (ib. S. 222—223). Но мы можемъ тутъ привести и его взгляды на моральное воспитаніе, такъ какъ при внимательномъ разсмотрѣніи этихъ обоихъ видовъ воспитательнаго вліянія оказывается, что оба они сходны между собой. Изъ цитированныхъ въ началѣ этого параграфа словъ Канта о томъ, что человѣкъ раньше долженъ стать кроткимъ, „ручнымъ“ (zahm), а потомъ добродѣтельнымъ, и что принужденіе со стороны воспитателей и правительства дѣлаетъ его „мягкимъ“ и „гибкимъ“, можно увидѣть, что самъ Кантъ привелъ эти два вида воспитательной дѣятельности въ извѣстную связь. Но дисциплинированіе и моральное воспитаніе имѣютъ у Канта еще болѣе общаго въ отношеніи ихъ внутренняго содержанія и преслѣдуемыхъ ими цѣлей. Этика Канта (какъ и почти всѣ этическія системы) имѣетъ *соціальный* характеръ,—это не должно подлежать сомнѣнію для всякаго, кто безпристрастно изучилъ сочиненія Канта. Отвлекаясь отъ различныхъ формулировокъ этически-цѣннаго, даваемыхъ Кантомъ, — формулировокъ, способныхъ вызвать ложное представленіе, что „этическое“ ученіе Канта есть ученіе чисто этическое, независимое отъ постороннихъ точекъ зрѣнія,—т. е. излагая мысли Канта не филологически, а логически, мы должны видѣть сущность его этики въ утвержденіи, что этически-цѣнное сводится къ чему-то такому, что способствуетъ факту соціальной жизни, и что этически-плохое—это то, что мѣшаетъ возникновенію или существованію совмѣстной жизни людей. Мы считаемъ неудобнымъ доказывать тутъ обстоятельно эту нашу мысль; это слишкомъ далеко отвлекло бы насъ отъ нашей темы. Мы знаемъ, что многіе скажутъ, что критерій этичности у Канта не заключается въ

чемъ-то соціальномъ, а имѣетъ больше отношенія къ внутреннему „я" человѣка. Можетъ быть, сошлются при этомъ, между прочимъ, на слѣдующія слова изъ „Педагогики" (ib. S. 222 — 223): „Хорошія цѣли—это такія цѣли, которыя необходимымъ образомъ должны быть всякимъ одобряемы и которыя въ то же время могутъ быть цѣлями всякаго". Но мы въ этихъ словахъ видимъ только подтвержденіе нашей мысли. Ибо мнѣніе Канта (при надлежащемъ логическомъ раскрытіи его) не заключается въ утвержденіи, что всеобщая пріемлемость этическихъ правилъ обусловливается ихъ необходимостью (приблизительно такъ, обыкновенно, понимаютъ Канта), а въ томъ, что необходимость ихъ дана ихъ всеобщей пріемлемостью. Послѣднюю же Кантъ требовалъ во имя извѣстныхъ юридическихъ и соціологическихъ принциповъ.

Съ другой же стороны, если мы вдумаемся въ сущность кантовскаго „дисциплинированія", то мы увидимъ, что послѣднее сводится къ уничтоженію или подавленію въ ребенкѣ „животности", къ развитію въ немъ „человѣчности", т. е. къ осуществленію въ немъ „идеи человѣчества и назначенія человѣка", о которой мы говорили выше. „Животность" же человѣка проявляется не въ чемъ иномъ, какъ въ его „дикости" и необузданномъ стремленіи къ свободному проявленію своихъ силъ, каковыя качества дѣлаютъ соціальную жизнь невозможной. Поэтому дисциплинированіе, борясь съ „животностью" человѣка, тѣмъ самымъ создаетъ возможность соціальной жизни. Такимъ образомъ, когда Кантъ говоритъ, что не только животныхъ, но и человѣка можно „дрессировать", но прибавляетъ, что на этомъ еще не кончается задача воспитанія ребенка, такъ какъ необходимо еще моральное воспитаніе (ib. S. 223), и этимъ замѣчаніемъ какъ будто отличаетъ дисциплинированіе дѣтей отъ моральнаго воспитанія ихъ, то мы все-таки не видимъ существенной разницы между этими двумя формами воспитанія.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается ученіе Канта о моральномъ воспитаніи, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Прежде всего онъ требуетъ, чтобы научили дѣтей презирать порокъ не потому, что Богъ запретилъ его, а потому, что онъ самъ по себѣ достоинъ презрѣнія (ib.). Преподаваніе морали должно быть независимо отъ признанія существованія Бога; оно даже должно предшествовать религіозному воспитанію.

Кантъ говоритъ также о способѣ преподаванія морали. Онъ отличаетъ акроаматическій способъ преподаванія отъ эротематическаго.

При первомъ способѣ ученики являются только слушателями, при второмъ же происходитъ взаимное общеніе между учителемъ и учениками. Эротематическій методъ, съ своей стороны, бываетъ двоякимъ: діалогическимъ, когда учитель обращается къ разуму своихъ учениковъ, и катехетическимъ, когда онъ обращается къ памяти учениковъ. Для преподаванія морали Кантъ предлагаетъ послѣдній методъ. Но его замѣчанія относительно этого метода не вполнѣ ясны. То онъ говоритъ, что катехетическій методъ имѣетъ дѣло только съ *памятью* дѣтей (Tugendlehre, § 50), то онъ утверждаетъ, что при соблюденіи его учитель обращается къ *разуму* дѣтей, для того, чтобы получить отъ нихъ ясные и опредѣленные отвѣты, облегчающіе *запоминаніе* (ib., § 51). Въ другихъ мѣстахъ онъ говоритъ только о разумѣ дѣтей, которымъ нужно руководить посредствомъ катехетическаго способа преподаванія (ib., § 52, Anmerkung). Мы склонны поэтому думать, что катехетическій методъ у Канта отличается отъ діалогическаго (или сократовскаго) только тѣмъ, что онъ, обращаясь къ разуму ребенка (какъ и діалогическій методъ), въ отношеніи *формы* вопросовъ и отвѣтовъ принимаетъ во вниманіе возможность легкаго запечатлѣнія въ памяти различныхъ опредѣленій и ученій.

Въ концѣ своей „Tugendlehre“ Кантъ приводитъ образчикъ преподаванія морали по катехетическому методу. Мы приводимъ тутъ вкратцѣ и въ свободномъ переводѣ содержаніе этого любопытнаго документа, могущаго пролить свѣтъ на много педагогическихъ идей Канта.

Учитель. Въ чемъ состоитъ твое главное стремленіе?

Ученикъ. (Молчитъ).

Учитель. Твое главное стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы тебѣ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ жилось хорошо. Какъ называется такое состояніе?

Ученикъ. (Молчитъ).

Учитель. Такое состояніе называется счастьемъ. — Если бы ты достигъ всѣхъ благъ, необходимыхъ для счастья, ты бы ихъ сохранялъ только для себя или старался бы также осчастливить ими и своихъ ближнихъ?

Ученикъ. Я бы старался и другихъ сдѣлать счастливыми.

Учитель. Это показываетъ, что у тебя доброе *сердце*. Посмотримъ теперь, имѣешь ли ты хорошій *умъ*. Далъ ли бы ты лѣнивцу мягкія подушки и пьяницѣ водку?

Ученикъ. Нѣтъ. . . . . .

Учитель. Значитъ, если бы ты и достигъ всего того, что нужно для счастья, то ты все-таки не давалъ бы каждому, что ему было бы угодно, а прежде всего изслѣдовалъ бы, *достоинъ* ли данный человѣкъ счастья. А на счетъ себя у тебя не возникаетъ никакихъ мыслей о томъ, долженъ ли ты доставить себѣ то, что нужно для твоего счастья, или нѣтъ?

Ученикъ. Нѣтъ.

Учитель. Но развѣ не можетъ быть вопроса о томъ, *достоинъ* ли ты счастья?

Ученикъ. Конечно, я себѣ ставлю этотъ вопросъ.

Учитель. То, что въ тебѣ стремится къ счастью, называется склонностями, *вожделѣніями;* то, что ограничиваетъ эти вожделѣнія требованіями достоинства, называется *разумомъ;* господство же разума надъ вожделѣніями называется *свободой воли*. Для того, чтобы узнать, какимъ образомъ ты бы могъ достигнуть счастья безъ нарушенія своего достоинства, ты не нуждаешься въ опытѣ или чужомъ обученіи, а долженъ только пользоваться своимъ разумомъ. Предположимъ, что ты бы могъ доставить себѣ и другимъ много жизненныхъ удобствъ тѣмъ, что ты рѣшился бы сказать ложь. Что говоритъ тебѣ твой разумъ относительно такой возможности?

Ученикъ. Я ни въ коемъ случаѣ не долженъ лгать. Ложь — это низкое качество и дѣлаетъ человѣка недостойнымъ счастья. Тутъ есть необходимость, которой я долженъ подчиниться, и предъ которой должны смолкнуть всѣ мои желанія.

Учитель. Какъ называется эта необходимость?

Ученикъ. Она называется *обязанностью*.

Въ такомъ же духѣ урокъ продолжается, и нѣсколькими строками ниже оказывается, что ученикъ дошелъ не только до основъ этическаго ученія Канта, но также и до основъ его религіозной философіи...

Такого рода бесѣда, по мнѣнію Канта, не только способствуетъ возникновенію въ головѣ ученика правильныхъ этическихъ понятій, но можетъ также вызвать въ его душѣ возвышенное чувство удивленія передъ законами практическаго разума, для чего, впрочемъ, онъ считаетъ необходимымъ краткое повтореніе всѣхъ результатовъ бесѣды..: Такой методъ моральнаго воспитанія ведетъ еще, по его мнѣнію, къ тому, что, во-первыхъ, умственныя способности ребенка вообще изощряются; во-вторыхъ, ученикъ начинаетъ „интересоваться“ нравственностью, такъ какъ человѣку свойственно любить то, что онъ основательно

знаетъ (Tugendlehre, §§ 48 — 52). Подъ словомъ „интересоваться" Кантъ тутъ понимаетъ извѣстное эмоціональное отношеніе къ предмету.

Преподаваніе морали должно быть свободно отъ всякихъ внѣшнихъ точекъ зрѣнія,—отъ религіозной точки зрѣнія, отъ точки зрѣнія чувства и т. п. Съ точки зрѣнія „чистой" морали Кантъ возстаетъ также противъ того, чтобы вызывать среди учениковъ соревнованіе (Pädagogik. Vermischte Schriften und Briefwechsel, S. 268). Поэтому онъ также относится отрицательно къ наказаніямъ или угрозамъ, какъ средствамъ для развитія въ ребенкѣ нравственности (ib. S. 251). И это понятно: вѣдь, по Канту, мораль должна быть автономной, свободной отъ всякихъ мотивовъ, лежащихъ внѣ ея. Поэтому, говоря о моральномъ воспитаніи дѣтей, онъ замѣчаетъ, что оно имѣетъ своей цѣлью „свободу", тогда какъ физическое воспитаніе имѣетъ цѣлью „природу" ребенка (ib. S. 245). Мы полагаемъ, что этотъ способъ выраженія, часто употребляемый Кантомъ, способенъ ввести въ заблужденіе и затемнить истинный смыслъ той „свободы", которая, по мнѣнію Канта, должна быть принципомъ моральнаго воспитанія. Историки философіи и комментаторы, слѣдуя филологическому методу изложенія, передаютъ мысли Канта такъ, какъ будто онъ является сторонникомъ принципа свободы, въ собственномъ смыслѣ слова. Но когда онъ говоритъ, что моральное воспитаніе имѣетъ своей цѣлью свободу воспитанника или должно привести послѣдняго къ свободѣ, то онъ подъ свободой понимаетъ только независимость морали отъ такихъ пружинъ, которыя заключаются въ чувствахъ, въ стремленіяхъ и т. п. Иначе сказать, Кантъ считаетъ „свободой" человѣка такое состояніе послѣдняго, при которомъ господствуетъ разумъ, сознаніе обязанности. Точно также, когда онъ говоритъ, что при физическомъ воспитаніи ребенокъ является пассивнымъ, при моральномъ же—активнымъ (ib. S. 250—251), то намъ нужно освободиться отъ его затемняющаго пониманіе способа выраженія, и тогда мы поймемъ, что эта активность сводится къ тому, чтобы ребенокъ дѣйствовалъ не слѣпо, а по указанію моральныхъ *принциповъ*. Но мы уже сказали, что эти моральные принципы, являясь свободными отъ чувствъ и стремленій человѣка, все-таки далеко не автономны, такъ какъ ихъ логическій источникъ заключается въ юридико-соціальномъ требованіи сдѣлать возможной жизнь въ обществѣ.

Выше мы привели мнѣніе Канта, по которому преподаваніе морали должно предшествовать преподаванію основъ религіи. Но онъ ограничиваетъ это правило. Онъ полагаетъ, что если бы ребенокъ не

замѣчалъ вокругъ себя различныхъ религіозныхъ обычаевъ, то можно было бы приступить къ преподаванію основъ религіи довольно поздно. Но такъ какъ этого въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, то приходится сообщать ребенку возможно раньше нѣкоторыя знанія по этому предмету, дабы, замѣчая вокругъ себя различныя церемоніи и обычаи, онъ не сталъ придавать слишкомъ большое значеніе этимъ внѣшнимъ дѣйствіямъ (ib. S. 269—273).

Въ заключеніе мы еще должны сказать, что Кантъ говоритъ также о „цивилизаторскихъ" цѣляхъ воспитанія, къ которымъ онъ причисляетъ развитіе въ дѣтяхъ вѣжливости, хорошихъ манеръ и т. п. Насъ не должно удивлять, что онъ примѣняетъ къ воспитанію, преслѣдующему развитіе въ ребенкѣ этихъ качествъ, слово „цивилизированіе", потому что это слово, какъ по своему этимологическому значенію, такъ и по словоупотребленію въ тогдашнее время, вызываетъ въ умѣ представленіе о *гражданственности*, о томъ, что характеризуетъ члена *общества*.

Такимъ образомъ, соединивши въ одномъ и томъ же параграфѣ ученіе Канта о „дисциплинированіи", „цивилизированіи" и моральномъ воспитаніи, мы исходили изъ того соображенія, что всѣ эти виды педагогической дѣятельности логически преслѣдуютъ одну и ту же цѣль: укрощеніе „дикости" ребенка, приспособленіе послѣдняго къ требованіямъ жизни въ обществѣ. Мы говоримъ „логически", такъ какъ классификаціи воспитательной дѣятельности, производимыя самимъ Кантомъ, способны скрыть это.

Въ началѣ этого параграфа мы указали на то, что мыслимы два педагогическихъ ученія — индивидуалистическое и анти-индивидуалистическое. Мы сказали также, что представители перваго теченія не могутъ удержаться на своей исходной точкѣ зрѣнія. Это объясняется, между прочимъ, сложностью проблемъ, связанныхъ съ вопросомъ о сущности индивидуума и индивидуальнаго и требующихъ особой глубины мысли для ихъ разрѣшенія. Какъ мы видѣли, Кантъ занимаетъ анти-индивидуалистическую позицію. Послѣ вышеизложеннаго должно было стать яснымъ содержаніе этого анти-индивидуализма: разборъ кантовскаго ученія о „дисциплинированіи" и сходныхъ съ нимъ видовъ воспитательной дѣятельности показалъ, что ученіе Канта сводится къ защитѣ общества отъ посягательствъ личности. Но мы должны еще разъ повторить, что если въ этомъ заключается логическая сущность кантовской педагогики, то это еще не означаетъ, что самъ Кантъ формулировалъ такимъ образомъ основной характеръ

своей педагогики. Напротивъ, онъ вездѣ говоритъ только о „человѣчности", о „законахъ разума" и т. п., и эти выраженія способны скрыть отъ читателя истинный смыслъ кантовскаго ученія. Но мы нашли, что эта человѣчность и эти законы разума по своему содержанію сводятся къ понятію о возможности жизни въ обществѣ.

Спрашивается, какъ представлялъ себѣ Кантъ возможность воспитанія, преслѣдующаго развитіе въ дѣтяхъ „дисциплины", „цивилизованности" и морали. Мы уже сказали выше, что мысль о возможности воспитанія онъ основываетъ на понятіи о правильности этой мысли. Но есть основаніе предположить, что поскольку онъ интересовался вопросомъ о возможности воспитанія, онъ имѣлъ въ виду только различныя внѣшнія препятствія, а не такія препятствія, которыя лежатъ въ душевномъ укладѣ воспитанника и дѣлаютъ невозможнымъ серьезное педагогическое воздѣйствіе на него. Только въ одномъ мѣстѣ (Pädagogik. Vermischte Schriften und Briefwechsel, S. 217) онъ высказываетъ мнѣніе, которое, послѣ *дальнѣйшаго* развитія заключающагося въ немъ содержанія, могло бы привести къ проблемѣ возможности воспитанія. Въ указанномъ мѣстѣ онъ говоритъ о томъ вліяніи, какое человѣкъ можетъ оказать на нѣкоторыя растенія въ отношеніи ихъ цвѣта, и полагаетъ, что планомѣрная человѣческая дѣятельность можетъ радикально измѣнять естественный ходъ вещей. Точно также можно измѣнять душевный укладъ ребенка посредствомъ воспитанія. Что это замѣчаніе Канта относится не только къ воспитанію вообще, но также къ дисциплинированію и сходнымъ съ нимъ видамъ воспитательной дѣятельности—въ частности, видно изъ контекста. Но намъ остается непонятнымъ значеніе этой аналогіи между растеніемъ и человѣкомъ. Кантъ, какъ и всѣ тѣ, которые проводятъ аналогіи между человѣкомъ и остальнымъ органическимъ міромъ, не объясняетъ намъ, должны ли эти ссылки на міръ растеній (или животныхъ) служить разъясненіемъ или доказательствомъ. Во всякомъ случаѣ, мысль, заключающаяся въ приведенныхъ словахъ Канта, приводитъ къ проблемѣ возможности воспитанія только послѣ нѣкоторыхъ логическихъ операцій надъ ней. Но и послѣ этихъ логическихъ операцій мы бы увидѣли въ ней только утвержденіе, не сопровождающееся никакими доказательствами, такъ какъ Кантъ не показываетъ намъ тѣхъ логическихъ путей, которые могутъ привести къ признанію возможности воспитанія, т. е. такой дѣятельности, которая имѣетъ своимъ результатомъ опредѣленныя измѣненія въ душевномъ укладѣ дѣтей.

9. Мы переходимъ теперь къ вопросу объ *обученіи* и въ связи съ

нимъ приведемъ взгляды Канта на интеллектуальное воспитаніе ребенка вообще. Въ то время, какъ „дисциплинированіе" ребенка имѣетъ отрицательный характеръ, такъ какъ оно стремится къ уничтоженію въ немъ „дикости", обученію (или „культурѣ") присущъ положительный характеръ (ib. S. 214). Какъ воспитаніе — вообще, дисциплинированіе—въ частности, оно можетъ быть примѣнимо только къ человѣку, потому что у животныхъ инстинктъ дѣлаетъ обученіе излишнимъ, руководя всѣми ихъ дѣйствіями и отправленіями. Впрочемъ, Кантъ исключаетъ изъ этого правила пѣніе птицъ, такъ какъ онъ полагаетъ, что молодыя птички научаются пѣнію лишь благодаря процессу обученія (ib. S. 215).

Раньше, чѣмъ приступить къ изложенію мнѣній Канта о различныхъ предметахъ преподаванія, мы упомянемъ его взгляды относительно развитія въ ребенкѣ нѣкоторыхъ душевныхъ качествъ. Предметомъ воспитательнаго вліянія должны быть, главнымъ образомъ, „высшія силы" духа (die oberen Gemüthskräfte); „низшія же душевныя качества только постольку должны вызывать вниманіе педагога, поскольку они имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ высшимъ" (ib. S. 247). Такимъ образомъ, было бы неправильно понимать Канта такъ, какъ будто онъ стоитъ за такъ называемое гармоническое развитіе всѣхъ душевныхъ силъ. Только невнимательное чтеніе его „Педагогики" можетъ навести на эту мысль. Говоритъ же онъ самъ, что главное правило при обученіи ребенка состоитъ въ томъ, чтобы никакая душевная способность не была развиваема отдѣльно для себя, а только въ отношеніи и „для пользы" другихъ, т. е. высшихъ, душевныхъ способностей (ib. S. 247); иначе сказать, низшія способности должны быть, по его мнѣнію, приспособляемы къ высшимъ. Что касается, въ частности, воображенія дѣтей, то оно ни въ коемъ случаѣ не должно быть развиваемо, такъ какъ дѣти и безъ того обладаютъ слишкомъ сильнымъ воображеніемъ. Наоборотъ, слѣдуетъ „укрощать" его (ib. 251). Въ противоположность этому Кантъ въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что воображеніе должно быть развиваемо, хотя бы въ цѣляхъ развитія ума (ib. S. 247). Точно также онъ возстаетъ противъ чрезмѣрнаго развитія памяти. Говоря о „воспитательномъ институтѣ" въ Дессау и сравнивая существующіе тамъ порядки съ порядками въ обыкновенныхъ школахъ, онъ относитъ къ числу недостатковъ послѣднихъ усиленное развитіе памяти на счетъ мыслительныхъ способностей (ib. S. 118), тогда какъ, по его мнѣнію, память не имѣетъ никакой цѣнности, если она не сопровождается достаточнымъ развитіемъ спо-

собности мышленія [1]). Тѣмъ не менѣе Кантъ считаетъ вѣрнымъ изреченіе „tantum scimus, quantum memoria tenemus“. Его выраженія сводятся поэтому скорѣе къ требованію наименьшаго напряженія памяти дѣтей (ib. S. 248).

Посмотримъ теперь, каковы взгляды Канта на различные предметы преподаванія. Относительно этого пункта мы, впрочемъ, находимъ въ его сочиненіяхъ только нѣкоторыя разрозненныя замѣчанія.

Соотвѣтственно различнымъ обстоятельствамъ обученіе можетъ преслѣдовать различныя цѣли, достиженіе которыхъ въ однихъ случаяхъ бываетъ всегда желательнымъ, въ другихъ же — только иногда. Къ первымъ Кантъ причисляетъ чтеніе и письмо, ко вторымъ — музыку, которая, по его мнѣнію, полезна только для того, чтобы нравиться другимъ (ib. S. 222). Что касается письма, то онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ, чтобы дѣти сами, безъ посторонней помощи, научились ему, потому что это искусство не трудное, и кто-нибудь, „вѣдь, когда-то изобрѣлъ его“. Эту возможность онъ себѣ представляетъ слѣдующимъ образомъ. Когда ребенокъ требуетъ, напримѣръ, хлѣба, нужно велѣть ему нарисовать просимый предметъ. Ребенокъ нарисуетъ тогда какую-нибудь овальную фигуру; послѣ этого нужно ему сказать, что трудно узнать, изображаетъ ли его рисунокъ хлѣбъ или камень, и т. д. Такимъ образомъ, ребенокъ составитъ себѣ мало-по-малу свою азбуку, которую потомъ легко будетъ замѣнить господствующей (ib. S. 236—237).

Кантъ не одобряетъ для дѣтей чтенія романовъ, потому что такое занятіе является, по его мнѣнію, только пустымъ времяпрепровожденіемъ. Чтеніе романовъ ослабляетъ также память дѣтей, такъ какъ было бы смѣшно сохранять въ головѣ содержаніе романовъ для того, чтобы передавать его другимъ (ib. S. 248). Вѣроятно, Кантъ подъ „романами“ понимаетъ поэтическую литературу вообще, а не только одинъ опредѣленный родъ ея. Принципіально онъ также возстаетъ противъ преподаванія древнихъ языковъ. По его мнѣнію, обыкновенныя школы (въ сравненіи съ „Филантропиномъ“) въ этомъ отношеніи болѣе приспособлены къ тому, чтобы подготовить будущихъ ученыхъ, чѣмъ будущихъ ремесленниковъ или солдатъ, что доказывается именно преподаваніемъ древнихъ языковъ, такъ какъ знаніе послѣднихъ отнюдь не представляетъ собой знанія въ собственномъ смыслѣ слова, а только орудіе къ пріобрѣтенію знаній (ib. S. 118).

---

[1]) То же самое онъ говоритъ объ остроуміи (ib. S. 247).

Что касается ученія, какъ таковаго, то Кантъ возстаетъ противъ того, чтобы смѣшивать его съ игрой. Такое смѣшеніе не можетъ пріучить ребенка къ серьезной работѣ. Человѣкъ — это единственное существо, которое должно работать, и къ этому назначенію необходимо ребенка воспитывать (ib. S. 245—247).

Мальчикамъ, при ихъ вступленіи въ юношескій возрастъ, нужно также сообщать знанія относительно полового вопроса, дабы этимъ предохранить ихъ отъ пороковъ (ib. S. 228). На счетъ этого вопроса нужно имъ давать вполнѣ точныя и опредѣленныя знанія, потому что замалчиваніемъ дѣло только ухудшается. Это должно произойти тогда, когда дѣти достигаютъ тринадцатилѣтняго или четырнадцатилѣтняго возраста (ib. 273 — 274). Намъ слѣдуетъ остановиться на этомъ пунктѣ. По нашему мнѣнію, въ этомъ требованіи Канта, не только теперь повторяющемся, но даже проявляющемся съ особенной силой, нужно видѣть незнаніе сущности полового стремленія и условій его ослабленія или усиленія. Половое стремленіе не принадлежитъ къ числу такихъ душевныхъ явленій, которыя обязаны своимъ существованіемъ незнанію. Это—коренное стремленіе, не могущее быть успокоеннымъ посредствомъ анализа его сущности или способовъ его удовлетворенія. Прежде всего, знаніе, касающееся полового вопроса, расширяетъ только познавательную, теоретическую сторону человѣка, т. е. такое знаніе прежде всего ведетъ къ тому, что *рядомъ* съ моментомъ стремленія возникаетъ моментъ знанія. Спрашивается, каковы результаты этой параллельности двухъ явленій для одного изъ этихъ явленій, для полового стремленія? Остается ли знаніе о вопросахъ половой жизни безъ всякаго вліянія на половое стремленіе или оно оказываетъ какое-нибудь вліяніе? Если на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить въ послѣднемъ смыслѣ, то каковъ характеръ этого вліянія, усиливающій или ослабляющій? Мы уже сказали выше, что знаніе о половыхъ вопросахъ не можетъ ослаблять полового стремленія, такъ какъ послѣднее не принадлежитъ къ числу, такъ сказать, мнимыхъ стремленій. Предполагать же, что знаніе, *какъ знаніе*, можетъ ослабить или уменьшить интенсивность полового стремленія, это значитъ повторять старую теорію, по которой „аффекты" подавляются фактомъ существованія знанія, теорію, въ пользу которой никому еще не удалось привести убѣдительныхъ доказательствъ. Мы и тутъ имѣемъ предъ собой великую проблему вліянія (въ отношеніи духовныхъ явленій).

Не имѣя внутренней возможности уменьшить интенсивность и объемъ полового стремленія, знаніе, однако, не остается безъ всякаго

вліянія на послѣднее. Напротивъ, расширяя познавательную сферу, знаніе о половыхъ вопросахъ расширяетъ также и сферу полового стремленія, такъ какъ послѣднее, блуждая раньше въ темнотѣ, во-первыхъ, получаетъ, благодаря знанію, бо́льшую возможность находить себѣ удовлетвореніе посредствомъ опредѣленныхъ *внѣшнихъ* дѣйствій, что, конечно, ведетъ къ увеличенію интенсивности его; во-вторыхъ, можетъ пользоваться знаніемъ (напр., въ формѣ фантазіи), какъ *внутреннимъ* средствомъ для своего развитія.

Прослѣдя вліяніе, оказываемое знаніемъ на половое стремленіе, мы разобрали интересующій насъ вопросъ съ психологической точки зрѣнія, въ то время, какъ тѣ, которые занимаются половымъ вопросомъ въ примѣненіи къ воспитанію, разсматриваютъ этотъ вопросъ не только съ этой точки зрѣнія, но также и съ этической, гигіенической, соціальной и другихъ точекъ зрѣнія. Но наше освѣщеніе вопроса должно пролить свѣтъ и на остальные способы его разсмотрѣнія, ибо если согласиться съ тѣмъ, что интенсивность и сфера полового стремленія увеличивается и расширяется черезъ посредство увеличенія соотвѣтственныхъ знаній, то это должно повліять и на результатъ изслѣдованія всѣхъ остальныхъ сторонъ нашего педагогическаго вопроса, такъ какъ, какія бы цѣли ни преслѣдовались просвѣщеніемъ молодежи относительно полового вопроса, это просвѣщеніе непремѣнно должно привести къ усиленію полового стремленія просвѣщаемыхъ юношей.

Мы уже сообщили выше, въ связи съ вопросомъ о преподаваніи морали, мнѣніе Канта о преподаваніи основъ религіи. Нужно еще замѣтить, что, по его мнѣнію, существующій способъ преподаванія основъ религіи приводитъ къ тому, что на свѣтѣ много лицемѣровъ. Это объясняется тѣмъ, что въ занятіяхъ съ дѣтьми обращаютъ вниманіе только на ихъ память, совершенно пренебрегая развитіемъ ихъ мыслительныхъ способностей, и заставляютъ ихъ давать на вопросы заученные отвѣты, чѣмъ пріучаютъ ихъ къ неискренности (Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft, ed. Vorländer, S. 223, Anmerkung).

Въ заключеніе нужно еще привести мнѣнія Канта о способѣ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, изложенныя, главнымъ образомъ, въ „Nachricht von der Einrichtung der Vorlesungen in dem Winterhalbjahre 1765—1766“. Дѣло преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣетъ, по мнѣнію Канта, тотъ недостатокъ, что учителя принуждены сообщать своимъ слушателямъ такія знанія, къ усвоенію которыхъ послѣдніе по своему умственному развитію еще

не подготовлены. Отсюда проистекаетъ, съ одной стороны, преждевременная болтливость молодыхъ людей, съ другой же стороны, вѣчные предразсудки школъ. Хотя эту слабую сторону преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невозможно совсѣмъ устранить, но ее можно смягчить приспособленіемъ преподаванія къ „естественному" ходу развитія познавательныхъ способностей человѣка. Учителя должны приложить усилія прежде всего къ тому, чтобы сдѣлать изъ своихъ учениковъ „разсудительныхъ" людей, потомъ—„разумно"-мыслящихъ, и лишь послѣ этого — ученыхъ. Иначе сказать, преподаваніе должно прежде всего стремиться къ обогащенію учащихся опытными знаніями, чтобы затѣмъ мало-по-малу переходить къ сообщенію знаній болѣе общаго характера. Это мнѣніе Канта часто повторяется (въ особенности, у Шопенгауера). Въ основѣ оно означаетъ, что необходимо устранить тотъ недостатокъ преподаванія и ученія, въ результатѣ котораго является то, что мыслительныя способности молодыхъ людей раньше функціонируютъ, чѣмъ это позволяетъ накопившійся опытъ ихъ. Несомнѣнно, что отсюда проистекаетъ во многихъ случаяхъ извѣстная болтливость — слова, слова и слова. Но отрицая того, что этотъ недостатокъ, въ самомъ дѣлѣ, присущъ юношеству, мы, однако, полагаемъ, что онъ не такъ распространенъ и не такъ серьезенъ, какъ обратный недостатокъ, заключающійся въ томъ, что развитіе мышленія не можетъ поспѣть за опытомъ. Запасъ опыта каждаго человѣка весьма великъ въ сравненіи съ тѣмъ запасомъ мыслей, которымъ онъ обладаетъ. Въ частности, это примѣнимо къ дѣтямъ и къ юношеству. Благодаря этой непропорціональности между запасомъ мыслей и запасомъ опыта, получается какое-то тупое, привычное отношеніе ко всему окружающему.

Что касается, въ частности, философіи, то преподаваніе ея, по мнѣнію Канта, можетъ сводиться только къ тому, чтобы научить юношей *думать* [1]). Учить же молодыхъ людей философіи, *какъ готовой наукѣ*, нельзя, такъ какъ она не занимаетъ въ области знанія такого мѣста, какъ, напримѣръ, математика или исторія. „Для того, чтобы учить философіи, таковая должна была бы прежде всего существовать.

[1]) Интересно обратить вниманіе на то, что въ спискѣ наиболѣе распространенныхъ и укоренившихся заблужденій, составленномъ Шопенгауеромъ, находится также и мнѣніе, что передать кому бы то ни было знаніе *философіи* нельзя, но что можно научить *философствовать* (Parerga und Paralipomena, II, Kap. 3, § 43). Шопенгауеръ стоитъ какъ разъ на противоположной точкѣ зрѣнія.

Нужно было бы показать учащимся такую-то книгу и сказать: „смотрите, въ этой книгѣ заключается достовѣрное знаніе и мудрость; старайтесь постичь ее, затѣмъ стройте дальше,—и вы будете философами“ (Nachricht von der Einrichtung der Vorlesungen etc.). Но такой книги, въ самомъ дѣлѣ, не существуетъ. Мы должны сказать относительно этого мнѣнія Канта нѣсколько словъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о „научности“ или „не-научности“ философіи или другихъ областей знанія, такъ какъ онъ отвлекъ бы насъ далеко отъ темы нашей статьи, мы считаемъ совершенно неправильнымъ то, что, говоря о степени „научности“ различныхъ областей знанія и дѣлая изъ этого различные выводы въ примѣненіи къ дѣлу воспитанія, выдѣляютъ изъ этихъ областей нѣкоторыя опредѣленныя знанія, главнымъ образомъ, философію. А между тѣмъ тотъ же вопросъ примѣнимъ не только къ философіи, но и ко всѣмъ наукамъ о духѣ, какъ, напримѣръ, къ педагогикѣ, соціологіи, психологіи, исторіи (поскольку послѣдняя и, вообще, общественныя науки имѣютъ своимъ объектомъ духъ). Этимъ мы только отвергнули формулировку проблемы, даваемую Кантомъ, но мы, съ другой стороны, считаемъ однимъ изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ вопросовъ педагогики вопросъ о фактѣ, возможности и способѣ передачи учащимся воззрѣній, касающихся духа.

10. Мы переходимъ теперь къ вопросу о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Школьному воспитанію Кантъ отдаетъ предпочтеніе, такъ какъ въ школахъ, гдѣ всѣ равны между собой, дѣти научаются ограничивать свои притязанія (Pädagogik. Vermischte Schriften und Briefwechsel, S. 227). Тотъ же вопросъ Кантъ разрѣшаетъ нѣсколько инымъ образомъ въ одной изъ своихъ статей, посвященныхъ „Филантропину“ Базедова. Тутъ онъ находитъ самымъ лучшимъ сочетаніе обѣихъ системъ воспитанія; это сочетаніе въ названномъ учрежденіи было осуществлено, такъ какъ учителя тамъ замѣняли собой также и отцовъ (ib. S. 119). Изъ этого поясненія, однако, можно вывести заключеніе, что въ цитированномъ мѣстѣ Кантъ подъ домашнимъ воспитаніемъ понимаетъ не воспитаніе, происходящее въ домѣ родителей, а извѣстное направленіе, извѣстный духъ воспитанія. Въ другомъ мѣстѣ онъ находитъ, что образцовыя школы, въ родѣ базедовской, требуютъ громадныхъ средствъ и, являясь поэтому для большей части населенія недоступными, имѣютъ только то значеніе, что выпускаютъ хорошо воспитанныхъ людей, которые потомъ могутъ усовершенствовать домашнее воспитаніе. Но это не означаетъ, что онъ считаетъ домашнее воспитаніе наиболѣе важнымъ. Напротивъ,

онъ часто говоритъ о преимуществахъ школы передъ семьей въ дѣлѣ воспитанія дѣтей (ib. S. 226).

11. Идеальныя границы воспитанія находятся тамъ, гдѣ кончаются „естественныя способности“ человѣка (ср. ib. S. 216). Изъ предыдущаго видно, что подъ „естественными способностями“ Кантъ не можетъ понимать качества, которыя вообще свойственны человѣку. Подъ этимъ выраженіемъ онъ понимаетъ только тѣ „способности“, которыя характеризуютъ „человѣчность“, и въ жертву этимъ способностямъ должны быть принесены всѣ остальныя наклонности человѣка, благодаря которымъ онъ приравнивается животному. Такимъ образомъ, для того, чтобы найти идеальныя границы, которыя Кантъ полагаетъ воспитанію, необходимо, во-первыхъ, исключить всѣ „животныя“ наклонности человѣка; во-вторыхъ, оставшіяся „человѣческія“ свойства представить себѣ въ ихъ полномъ развитіи или, лучше сказать, раскрытіи [1]). Границы воспитанія совпадаютъ потому съ границами этихъ „человѣческихъ“ свойствъ, и знаніе послѣднихъ есть поэтому знаніе первыхъ. Но Канту не приходила въ голову мысль о томъ, что воспитаніе можетъ и не достигнуть тѣхъ границъ, до которыхъ простираются „человѣческія“ способности ребенка. Педагогическое воздѣйствіе Кантъ считалъ всемогущимъ.

Опредѣляя идеальныя границы воспитанія, Кантъ полагаетъ, что фактическія границы воспитанія значительно уже. Онъ поэтому мечтаетъ о томъ, чтобы, благодаря содѣйствію великихъ міра сего, дана была возможность произвести педагогическій экспериментъ для того, чтобы установить, какихъ конечныхъ пунктовъ можно достигнуть при воспитаніи человѣка (ib. S. 216). „Нормальнымъ“ школамъ должны поэтому предшествовать „экспериментальныя“ школы, которыя необходимы потому, что однимъ разумомъ нельзя дойти до идеальнаго плана воспитанія. Сознавая необходимость такихъ „экспериментальныхъ“ школъ, Кантъ поэтому привѣтствовалъ „Филантропинъ“ Базедова, одной изъ главныхъ задачъ котораго было подготовленіе будущихъ воспитателей. По крайней мѣрѣ, Кантъ очень цѣнилъ эту сторону воспитательнаго учрежденія въ Дессау.

12. Человѣкъ воспитывается только человѣкомъ. Поэтому характеръ и результаты воспитанія зависятъ также отъ характера воспитателей. Въ виду этой зависимости мы не можемъ знать, какой

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ примѣненіи къ педагогическимъ проблемамъ (какъ и къ нѣкоторымъ соціологическимъ) Кантъ говоритъ не объ эволюціи, Entwicklung, а о раскрытіи, Auswicklung, опредѣленныхъ способностей человѣческаго духа.

ступени развитія (въ смыслѣ Auswicklung) могли бы достигнуть люди, если бы они имѣли воспитателемъ не себѣ подобныхъ, а совершенное существо, существо высшаго порядка (ib. S. 215). Но это является у Канта только желаніемъ, такъ какъ въ дѣлѣ воспитанія, какъ въ чемъ-то дѣйствительномъ, вершителями судебъ онъ не считаетъ никакія высшія силы.

Признавая человѣка субъектомъ воспитательной дѣятельности, Кантъ имѣетъ въ виду только педагога, т. е. человѣка, сознательно преслѣдующаго по отношенію къ другому человѣку, т. е. къ ребенку, воспитательныя цѣли. Но онъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что душевный укладъ индивидуума (хотя бы только въ его душевной периферіи) слагается не только благодаря непосредственной, планомѣрной педагогической дѣятельности, но опредѣляется также косвенными воздѣйствіями окружающихъ лицъ, не преслѣдующихъ никакихъ педагогическихъ цѣлей. Точно также онъ упустилъ изъ виду всѣ факторы, лежащіе, вообще, внѣ человѣка. но тѣмъ не менѣе вліяющіе на умъ и стремленія ребенка. Впрочемъ, съ точки зрѣнія исходныхъ принциповъ своей педагогики онъ могъ бы принять во вниманіе эти факторы только съ цѣлью констатированія извѣстныхъ моментовъ *сущаго*, такъ какъ въ области должнаго, а именно въ области воспитанія, эти естественные факторы, часто своимъ вліяніемъ обусловливающіе „дикость“ и несовершенство ребенка, и, во всякомъ случаѣ, не могущіе замѣнить собой истинныя *максимы* воспитанія, должны были бы быть подавлены.

Отъ вопроса о непосредственномъ субъектѣ воспитанія мы переходимъ къ вопросу о томъ, отъ кого долженъ исходить планъ воспитанія. Кантъ предвидитъ тутъ двѣ возможности: или государство беретъ на себя дѣло воспитанія, составляя для школъ извѣстный планъ преподаванія и обхожденія съ учениками, или же это дѣлаютъ частныя лица. Кантъ рѣшаетъ, что дѣло воспитанія должно находиться въ рукахъ послѣднихъ, такъ какъ, по его мнѣнію, люди, въ рукахъ которыхъ находится власть, сами плохо воспитаны.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, какое громадное значеніе Кантъ придавалъ дѣлу воспитанія. Въ воспитаніи кроется, по его мнѣнію, „великая тайна совершенства“ человѣческаго рода, т. е. оно можетъ приблизить людей къ ихъ назначенію на землѣ. Лишь теперь, полагаетъ онъ, начинается процессъ проведенія идеаловъ воспитанія въ жизнь, такъ какъ лишь теперь начинаютъ возникать правильныя идеи относительно воспитанія. Благодаря этому, ему открывается

отрадная перспектива. „Восхитительно представить себѣ, что человѣческая природа, благодаря воспитанію, все будетъ улучшаться, и что ей будетъ дана форма, соотвѣтствующая человѣчности. Это открываетъ намъ видъ на будущій счастливый человѣческій родъ" (ib. S. 216). Въ другомъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ, когда наступитъ въ исторіи человѣчества та счастливая эпоха, когда, наконецъ, будутъ употреблять такія выраженія, какъ, напримѣръ, „со времени улучшенія школьнаго дѣла" (ib. S. 119). Но если въ „Педагогикѣ" (ib. S. 216) онъ склоненъ считать воспитаніе чѣмъ-то такимъ, отъ чего зависитъ разрѣшеніе „тайны совершенства человѣческой природы", то въ „Спорѣ факультетовъ" (2. Abschnitt, № 10) онъ отказывается отъ надежды на возможность осуществленія его идеала обыкновенными средствами, говоря, что 1) народъ взваливаетъ дѣло воспитанія на правительство, 2) правительство, въ свою очередь, не имѣетъ средствъ на учрежденіе образцовыхъ школъ и на приличное вознагражденіе учителей, такъ какъ оно тратитъ всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи деньги на войны, 3) если бы этого и не было, то власть имущіе сами слишкомъ плохо воспитаны для того, чтобы они могли взять въ свои руки дѣло идеальнаго воспитанія. Такимъ образомъ, прогрессъ человѣчества зависитъ не отъ воспитанія, какое мы можемъ давать дѣтямъ, а отъ помощи свыше. Какъ видно изъ этихъ разсужденій, Кантъ принципіально не отказывается отъ мысли, что воспитаніе—факторъ, могущій реформировать всю человѣческую жизнь и довести ее до совершенства. Онъ только полагаетъ, что существуютъ внѣшнія (политическія и матеріальныя) препятствія, мѣшающія дѣйствію этого идеальнаго фактора. Но если бы возможно было устранить эти препятствія, то онъ бы ничуть не сомнѣвался въ томъ, что воспитаніе можетъ исполнить свою великую миссію. Кантовская педагогика тѣмъ и характеризуется, что она вѣритъ въ безконечную мощь воспитанія. Измѣнивъ немного извѣстную поговорку, можно было бы поэтому опредѣлить ученіе Канта о воспитаніи слѣдующими словами: magistri volentem ducunt, nolentem trahunt. Ибо „помощь свыше", о которой Кантъ говоритъ, входитъ въ рядъ его педагогическихъ разсужденій только потому, что дѣло идеальнаго воспитанія натыкается на препятствія внѣшняго характера, но не потому, чтобы воспитаніе, какъ таковое, имѣло свои предѣлы.

Отвлекаясь отъ различныхъ внѣшнихъ препятствій, могущихъ помѣшать реализаціи идеаловъ воспитанія, мы ставимъ вопросъ: основана ли эта несокрушимая вѣра въ мощь воспитательной дѣятель-

ности на истинномъ знаніи о сущности человѣческой природы? На этотъ вопросъ мы должны рѣшительно отвѣтить: нѣтъ. Независимо отъ различныхъ психологическихъ воззрѣній, ослабляющихъ и уничтожающихъ вѣру въ безконечную силу воспитанія,—если принять во вниманіе, что каждый человѣкъ, стремящійся къ осуществленію въ себѣ извѣстныхъ идеаловъ, съ прискорбіемъ замѣчаетъ, сравнивая свое нынѣшнее и свое прошлое состояніе, что въ отношеніи важнѣйшихъ сторонъ своей душевной жизни онъ остался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ, что онъ не можетъ, такъ сказать, превзойти самого себя, über sich hinausgehen, то придется признать, что рядъ душевныхъ явленій, называемый „я", обладаетъ почти несокрушимой крѣпостью и—по отношенію къ другимъ „я" — замкнутостью, и что „вліянія", претерпѣваемыя имъ, являются только поверхностными и обусловленными скорѣе внѣшними *поводами*, чѣмъ внѣшними *причинами*.

М. Вайсфельдъ.

КЪ ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕМЪ ОБУЧЕНІИ ВЪ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Обширность губерніи не мало затрудняетъ нормальный ходъ школьной жизни. Разстоянія наиболѣе удаленныхъ пунктовъ отъ дирекціи въ Оренбургѣ настолько значительны, что ощущается большое неудобство въ сношеніяхъ. Открытая въ Сибирскомъ Зауральѣ особая дирекція могла бы отнестись съ большимъ вниманіемъ къ мѣстнымъ школьнымъ нуждамъ уже потому одному, что она получала бы возможность лучше и ближе знать объ этихъ нуждахъ.

Атака народнаго невѣжества въ Оренбургской губерніи ведется на три фронта: 1) школы духовнаго вѣдомства, 2) школы министерства народнаго просвѣщенія и 3) школы военнаго министерства. Не смотря на все это, въ Оренбургской губерніи только $^3/_8$ числа дѣтей школьнаго возраста получаетъ образованіе въ начальныхъ школахъ, а $^5/_8$ дѣтей школьнаго возраста остается безъ образованія.

Въ Оренбургской губерніи съ 1884 года, когда было только 8 церковныхъ школъ, до 1905 года открыто 505 школъ, въ томъ числѣ 5 второклассныхъ, 5 двухклассныхъ, 153 церковноприходскихъ и 342 школы грамоты. Школъ министерства народнаго просвѣщенія въ губерніи въ настоящее время не болѣе 280.

Сопоставленіе числа министерскихъ школъ (280) съ числомъ школъ духовнаго вѣдомства (505) ясно показываетъ, съ одной стороны, дѣятельность чиновъ министерства народнаго просвѣщенія и лицъ духовнаго вѣдомства, съ другой, невозможность продуктивной дѣятельности одной дирекціи для всей губерніи.

Министерство юстиціи уже 15 лѣтъ тому назадъ признало необходимымъ выдѣлить изъ Оренбургской губерніи уѣзды Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій съ присоединеніемъ къ нимъ Кустанайскаго и

Тургайскаго уѣздовъ Тургайской области въ особый судебный районъ, равный Оренбургскому. Въ г. Троицкѣ 15 лѣтъ существуетъ окружный судъ для вышеназванныхъ уѣздовъ. Городъ Троицкъ отстоитъ отъ г. Челябинска на 120 верстъ, отъ Верхнеуральска — 170, отъ Кустаная—169 верстъ.

По переписи 1897 года въ Оренбургской губерніи числилось всего жителей 1.600.145 душъ обоего пола, но въ настоящее время вслѣдствіе наплыва переселенцевъ и прироста населенія въ десять лѣтъ численность должна быть никакъ не менѣе 2-хъ милліоновъ. Исключивъ войсковое казачье сословіе въ количествѣ 373.606, получается численность населенія примѣрно въ 1.626.394.

Оренбургскую губернію слѣдуетъ раздѣлить на двѣ дирекціи такъ, чтобы въ составъ 1-ой входили уѣзды Оренбургскій и Орскій, въ составъ 2-ой—уѣзды Челябинскій, Троицкій и Верхнеуральскій съ присоединеніемъ Кустанайскаго уѣзда Тургайской области. Оренбургскій и Орскій уѣзды по пространству занимаютъ 73.497,6 квадратныхъ верстъ съ числомъ жителей по переписи 1897 г. въ 762.597 (съ казачьимъ сословіемъ, безъ казачьяго 621.429), но въ настоящее время болѣе 900.000. Если исключить изъ этого числа казачье сословіе, имѣющее собственныя школы, то численность населенія въ двухъ уѣздахъ выразится примѣрно въ 749.477. Дирекція эта по пространству равновелика дирекціи костромской, или дирекціи саратовской, а по количеству населенія—дирекціи ставропольской, или дирекціи бакинской. Въ этой 1-ой дирекціи въ настоящее время имѣется около 300 школъ духовнаго вѣдомства и 130 школъ министерства народнаго просвѣщенія. Для 130 школъ на пространствѣ въ 73.497,6 квадратныхъ верстъ необходимо имѣть трехъ инспекторовъ: одного для города Оренбурга съ Илецкою защитою и для волостей Покровской и Абрамовской (34 школы и 103 учащихъ), другого—для русскихъ и русско-нѣмецкихъ школъ Оренбургскаго уѣзда (63 школы и 134 учащихъ), третьяго—для русско-башкирскихъ, русско-татарскихъ и русско-чувашскихъ училищъ Оренбургскаго уѣзда и для всѣхъ школъ Орскаго уѣзда (33 школы и 107 учащихъ).

При введеніи всеобщаго обученія въ Оренбургскомъ уѣздѣ необходимо открыть минимумъ 708 учительскихъ должностей и въ Орскомъ уѣздѣ—396, всего минимумъ 1.104 учительскихъ должностей, для которыхъ потребуется не менѣе десяти инспекторовъ.

2-ая дирекція будетъ состоять изъ уѣздовъ: Челябинскаго (28893,7 кв. верстъ съ населеніемъ по переписи 1897 года 413.072), Троиц-

каго (20.551,5 кв. верстъ съ населеніемъ по переписи 1897 года 201.231), Верхнеуральскаго (43.768,5 кв. верстъ съ населеніемъ по переписи 1897 года 223.245) и Тургайской области Кустанайскаго уѣзда (76.530 кв. верстъ съ населеніемъ по переписи 1897 года 152.556 душъ, изъ коихъ киргизъ 118.000 и русскихъ 34.000).

Такимъ образомъ 2-ая дирекція будетъ занимать пространство въ 169.747 кв. верстъ съ населеніемъ по переписи 1897 года въ 990.105 душъ. Исключивъ изъ этого числа казачье сословіе, имѣющее собственныя школы, въ количествѣ 232.598, получимъ численность населенія въ 757.607 душъ. Опредѣлять, однако, точное количество населенія показаніями переписи 1897 года и данными оренбургскаго статистическаго комитета за 1901 годъ нельзя вслѣдствіе наплыва переселенцевъ.

Что же касается до Кустанайскаго уѣзда Тургайской области, то здѣсь можно опредѣлить населеніе уѣзда слѣдующимъ образомъ. Населеніе Кустанайскаго уѣзда по переписи 1897 года 152.556 (118.000 киргизъ и 34.000 русскихъ). Приростъ этого населенія за десять лѣтъ — 15.250. На милліонный надѣлъ, отведенный для киргизъ въ 4-хъ верстахъ отъ г. Троицка по направленію къ г. Кустанаю, выселилось изъ Верхнеуральскаго и Орскаго уѣздовъ семь тысячъ кибитокъ, или не болѣе 28.000 душъ.

По свѣдѣніямъ челябинскаго отдѣленія переселенческаго комитета въ Кустанайскій уѣздъ переселилось крестьянъ изъ внутреннихъ губерній: въ 1897 году — 423 души, въ 1898 году — 1.270 душъ, въ 1899 году — 3.827, въ 1900 году — 4.090, въ 1901 году — 3.918, въ 1902 году — 7.778, въ 1903 году — 8.973, въ 1904 году — 16.712, въ 1905 году — 9.376 и въ 1906 году — 14.023. Такимъ образомъ съ 1897 года и по 1906 годъ въ Кустанайскій уѣздъ переселилось крестьянъ 59.120 душъ.

Слѣдовательно, всего населенія въ Кустанайскомъ уѣздѣ въ настоящее время 255.000 душъ, изъ коихъ киргизъ 155.000 и русскихъ 100.000 душъ.

Несомнѣнно, что и въ будущемъ этотъ уѣздъ будетъ заселяться переселенцами, такъ какъ онъ имѣетъ 12.151.600 десятинъ земли, дающей урожай самъ 15 — 18½, и такъ какъ киргизское населеніе Кустанайскаго уѣзда во многихъ мѣстахъ перешло уже къ земледѣлію, слѣдовательно при замѣнѣ въ этихъ мѣстахъ пастбищныхъ земельныхъ нормъ надѣломъ земледѣльческимъ получится много свободныхъ земель.

2-я дирекція изъ уѣздовъ Челябинскаго, Троицкаго, Верхнеуральскаго и Кустанайскаго по пространству въ 165.953 кв. верстъ имѣетъ населеніе въ настоящее время никакъ не менѣе 926.956 душъ обоего пола и безъ казачьяго сословія. Дирекція эта по пространству болѣе дирекціи вятской и равновелика настоящей оренбургской дирекціи, но съ тѣмъ только различіемъ отъ послѣдней, что городъ Троицкъ занимаетъ центральное положеніе между городами Челябинскъ, Верхнеуральскъ и Кустанай, отстоитъ отъ 1-го на 120 верстъ, отъ 2-го на 170 верстъ и отъ 3-го на 169 верстъ. Отъ города Троицка Кустанайскій уѣздъ начинается въ 4-хъ верстахъ, Челябинскій уѣздъ — въ 70 верстахъ и Верхнеуральскій — въ 60 верстахъ.

По количеству населенія дирекція эта почти равновелика дирекціи псковской, дирекціи ярославской, дирекціи калужской. Для Челябинскаго уѣзда необходимо имѣть въ настоящее время двухъ инспекторовъ народныхъ училищъ (100 школъ и 200 учащихъ), для Троицкаго уѣзда (20 школъ и 43 учащихъ) и русскихъ школъ Кустанайскаго (30 школъ и 50 учащихъ) одного инспектора, для киргизскихъ школъ Кустанайскаго уѣзда (34 школы) одного инспектора, для школъ Верхнеуральскаго уѣзда и трехъ школъ Троицкаго уѣзда, находящихся ближе къ г. Верхнеуральску, чѣмъ къ г. Троицку, одного инспектора. При введеніи всеобщаго обученія во всѣхъ четырехъ уѣздахъ необходимо открыть не менѣе 1.443 учительскихъ должностей, для которыхъ потребуется не менѣе 10—11 инспекцій.

При введеніи всеобщаго обученія въ Оренбурской губерніи необходимо слѣдующее: 1) ввести земскія учрежденія, 2) раздѣлить оренбургскую дирекцію на двѣ дирекціи, 3) издавать особый школьный листокъ — органъ, могущій отражать въ себѣ всесторонне жизнь и дѣятельность школы въ губерніи и облегчить примѣненіе сѣти школъ для всеобщаго обученія, 4) заняться постройкою, ремонтомъ и приспособленіемъ помѣщеній прежде всего существующихъ училищъ, какъ для самихъ училищъ, такъ и для квартиръ учащихъ, 5) упорядочить хозяйственную и матеріальную части и улучшить обстановку существующихъ школъ, съ пополненіемъ и обновленіемъ учительскихъ и ученическихъ библіотекъ, 6) устроить спеціальную подготовку персонала учащихъ для начальныхъ школъ губерніи, 7) устраивать курсы и съѣзды учителей для объединенія дѣятельности учащихъ и выясненія учебнопедагогическихъ вопросовъ, выясненія разнаго рода нуждъ и облегченія вопроса о всеобщемъ обученіи.

При введеніи всеобщаго обученія въ Оренбургской губерніи прежде

всего придется обратить самое серьезное вниманіе на училища духовнаго вѣдомства.

Положеніе послѣднихъ, условія ихъ жизни и дѣятельности въ большинствѣ случаевъ ненормальны и требуютъ скорѣйшаго и рѣшительнаго измѣненія. Нѣкоторыя изъ нихъ функціонируютъ ненормально слабо, съ перерывами въ занятіяхъ въ теченіе учебнаго года.

Въ школахъ грамоты духовнаго вѣдомства учитель получаетъ 7 и 10 рублей, въ церковно-приходскихъ школахъ отъ 10 до 25 рублей. Является вопросъ, какой же самоотверженный учитель (или учительница), хотя бы даже полуграмотный и вовсе безправный, можетъ имѣть въ себѣ столько мужества и риска, чтобы отправиться въ деревню на такое жалованье, какъ 7 и 10 рублей, не будучи увѣренъ вдобавокъ, что онъ найдетъ на мѣстѣ пріютъ и помѣщеніе?

Авторитетъ и вліяніе школы и учителя во многихъ мѣстахъ слишкомъ пали, благодаря бывшей случайно своеобразной попыткѣ сдѣлать сразу грамотною всю губернію посредствомъ открытія повсемѣстно церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и привлеченія въ качествѣ просвѣтителей народа всѣхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, дѣвицъ изъ низшихъ школъ одноклассныхъ и двухклассныхъ. Нѣтъ, впрочемъ, особой надобности останавливаться на многихъ другихъ дефектахъ названныхъ школъ. Они частью общеизвѣстны, частью могутъ обнаруживаться сами собой въ случаѣ реорганизаціи школьнаго дѣла въ губерніи.

Министерскія школы Оренбургской губерніи, содержимыя на средства казны, тоже не лишены извѣстныхъ дефектовъ. Наличный контингентъ учащихъ въ приходскихъ училищахъ губерніи въ большинствѣ случаевъ правоспособный, работаетъ успѣшно и держится сравнительно крѣпко своихъ мѣстъ. Сельскія министерскія училища Оренбургской губерніи не имѣютъ опытнаго и устойчиваго кадра народныхъ учителей, сжившагося съ населеніемъ и тѣсно съ нимъ связаннаго. А безъ такого кадра успѣхи школьнаго дѣла будутъ весьма далеки отъ того состоянія, въ какомъ подобало бы имъ быть.

Сельскіе учители и учительницы губерніи въ громадномъ большинствѣ случаевъ являются людьми пришлыми въ данной мѣстности и совершенно чуждыми населенію; въ мѣстахъ службы они только исполняютъ свои служебныя обязанности, но не живутъ, и какъ только учебныя занятія въ школѣ кончаются, учащіе тотчасъ же исчезаютъ или на родину, или въ городъ Оренбургъ, и снова появляются въ школахъ ко времени открытія учебныхъ занятій.

Въ большинствѣ случаевъ крайне малокультурное населеніе въ селахъ и деревняхъ Оренбургской губерніи не можетъ принимать сколько-нибудь дѣятельнаго участія въ школьномъ дѣлѣ, оно не сумѣетъ оцѣнить настоящія цѣли народной школы и опредѣлить свои потребности въ образованіи.

Для примѣра возьмемъ слѣдующій случай. Самарскій подрядчикъ Жоголевъ предложилъ крестьянамъ села Сыростана, Троицкаго уѣзда, одну тысячу рублей на постройку школьнаго зданія, а мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ обѣщался выпросить казенный лѣсъ на постройку зданія изъ Златоустовскаго лѣсничества безплатно. Отъ крестьянъ требовались обязательства срубить и перевезти лѣсъ и дать мѣсто на постройку школьнаго зданія. Крестьяне отказались дать приговоръ, считая болѣе удобнымъ, чтобы дѣти ихъ обучались въ такомъ помѣщеніи, гдѣ на каждаго ученика приходится $3^1/_2$ кубическихъ аршина воздуха и $^2/_7$ квадратныхъ аршина площади пола.

Года два тому назадъ крестьянамъ села Поляковки, Троицкаго уѣзда, отпущено безплатно изъ Златоустовскаго лѣсничества 603 дерева на постройку школьнаго зданія, но крестьяне и до сего времени не перевезли строевого лѣса, такъ какъ имъ, будто бы, не по средствамъ срубить и перевезти 603 дерева.

Наличное и постоянное населеніе Оренбургской губерніи безъ казачьяго сословія по спискамъ волостныхъ правленій, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ полиціи, заводоуправленій и пріисковыхъ обществъ, вмѣстѣ съ числомъ учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при введеніи всеобщаго обученія, показано въ нижеслѣдующихъ таблицахъ:

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8 — 12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Оренбургскій уѣздъ.					
Гор. Оренбургъ	94.348	8.453	7.553	900	18
Илецкая Защита	14.627	1.135	600	535	11
Сеитовскій Посадъ	10.715	1.075	40	1.075	21
Бурзянская волость . .	12.675	1.856	684	1.172	23
Абрамовская " . .	11.152	2.025	808	1.217	24
Зобовская " . .	11.736	2.930	1.261	1.669	33
Дмитріевская " . .	25.552	3.358	1.377	1.981	38
Рождественская " . .	17.022	2.249	664	1.585	32
Сеитовская " . .	1.766	400	40	360	7
Имангуловская " . .	5.988	717	313	404	8
Новотроицкая " . .	13.659	1.842	811	1.031	21
Покровская " . .	17.827	1.166	731	435	9
Ново-Башкирская " . .	8.308	1.103	501	602	12

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8 — 12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Исаевская волость . .	8.097	1.166	540	626	13
Бурзянъ-Кипчакская „ . .	19.408	2.396	836	1.560	31
Аллабердинская „ . .	3.326	375	74	301	6
Михайловская „ . .	18.510	2.196	1.033	1.163	23
Алексѣевская „ . .	20.148	3.256	595	2.661	53
Ташлинская „ . .	6.945	828	329	499	10
Кургазинская „ . .	7.086	660	208	452	9
Бушманъ-Суунъ } Каракипчакская } „ . .	11.284	1.449	400	1.049	21
Ивановская „ . .	13.712	2.144	715	1.429	29
1-я Каракипчакская „ . .	11.146	1.147	449	698	14
2-я Каракипчакская „ . .	5.529	876	521	355	7
Никольская „ . .	10.322	1.095	514	581	12
Таймасовская „ . .	6.576	866	136	730	17
Каликинская „ . .	15.419	2.787	908	1.879	37
Репьевская „ . .	9.527	1.436	393	1.043	21

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8—12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Кипчакская волость . .	10.947	1.708	537	1.171	23
Семено-Петровская „ . .	7.392	1.025	358	667	13
Илецкая „ . .	3.635	378	151	227	5
Разномойская „ . .	7.380	812	325	487	9
Романовская „ . .	15.455	1.943	825	1.118	22
Бѣлозерская „ . .	18.398	2.680	880	1.800	36
Петровская „ . .	6.107	928	353	575	11
Павловская „ . .	10.700	1.303	559	744	15
Александровская „ . .	8.580	1.207	513	694	14
Итого . . .	504.004	—	—	—	708
Орскій уѣздъ.					
Гор. Орскъ	15.016	1.356	700	656	13
1-я Бурзянская волость . .	28.769	2.676	120	2.556	51
2-я Бурзянская „ . .	16.180	1.918	70	1.838	37
3-я Бурзянская „ . .	6.754	635	—	635	13

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8 — 12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Конаникольская волость . .	7.224	580	280	300	6
Карагай-Кипчакская „ . .	11.329	1.128	50	1.078	22
Ново-Покровская „ . .	6.301	540	240	300	6
Преображенская „ . .	8.221	830	430	400	8
Тангауровская „ . .	13.051	1.805	40	1.765	35
1-я Усерганская „ . .	19.091	2.130	100	2.030	41
2-я Усерганская „ . .	25.098	3.109	150	2.959	59
3-я Усерганская „ . .	21.396	2.140	120	2.020	40
4-я Усерганская „ . .	27.043	3.427	150	3.277	65
Итого . . .	205.473	—	—	—	396
Разночинцы въ казачьихъ станицахъ	30.000	—	—	—	—
Арендаторы земель	10.000	—	—	—	—
Итого въ двухъ уѣздахъ Оренбургскомъ и Орскомъ . . .	749.477	—	—	—	минимумъ 1.104

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8 — 12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Троицкій уѣздъ.					
Гор. Троицкъ	30.000	2.692	1.047	1.645	33
Байсакаловская волость . . .	803	83	—	83	2
Вознесенская „ . . .	3.518	352	192	160	3
Егорьевская „ . . .	3.471	454	139	315	6
Міасская „ . . .	28.900	2.823	878	1.943	39
Поляковская „	2.050	160	125	35	1
Тунгатаровская „ . . .	10.136	1.096	46	1.030	21
Кирябинская „	1.335	170	70	100	2
Екатерининская „ . . .	3.842	384	130	254	5
Константиновская „ . . .	2.988	300	100	200	4
Сыгинская „ . . .	1.279	180	—	180	4
Тургоякская „ . . .	4.700	470	160	310	6
Сыростанская „ . . .	3.175	380	150	230	5
На золотыхъ пріискахъ Кочкарскихъ въ казачьихъ станицахъ	17.000	1.653	340	1.213	24
Итого . . .	113.197	—	—	—	155

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8 — 12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Верхнеуральскій уѣздъ.					
Гор. Верхнеуральскъ	14.127	1.242	400	842	17
Авзяно-Петровская волость .	12.248	1.230	410	820	16
Бѣлорѣцкая „ .	17.838	1.790	895	895	18
Кагинская „ .	5.402	600	200	400	8
Катайская „ .	15.132	1.520	110	1.410	28
Кубелякъ-Телевская „ .	15.297	1.535	42	1.493	30
Тамьяно-Тангоуровская „ .	20.583	2.053	100	1.953	40
Тептяро-Учалинская „ .	19.742	1.980	60	1.920	38
Тирлянская „ .	8.289	835	285	550	11
Узянская „ .	6.108	611	250	361	7
Итого . . .	134.716	—	—	—	213
Челябинскій уѣздъ.					
Гор. Челябинскъ	35.000	3.300	2.200	830	17
Метелевская волость . . .	5.597	680	149	531	11

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8—12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Карасинская волость . . .	6.614	693	288	405	8
Кипельская „ . . .	9.907	1.127	423	704	14
Кислянская „ . . .	10.356	899	291	608	12
Введенская „ . . .	7.056	611	304	307	6
Катайская „ . . .	5.975	687	20	581	11
Бѣлоярская „ . . .	18.660	4.588	777	3.811	76
Каминская „ . . .	11.940	1.250	292	967	19
Чумлякская „ . . .	13.309	2.226	521	1.705	34
Косулинская „ . . .	6.306	778	226	552	11
Птиченская „ . . .	12.653	1.474	327	1.147	23
Воскресенская „ . . .	12.434	1.972	1.179	793	16
Шаламовская „ . . .	11.991	1.891	459	1.432	29
Окуневская „ . . .	9.193	839	270	569	11
Сухоборская „ . . .	13.737	1.539	612	927	18
Сартъ-Калмыкская „ . . .	10.241	1.080	213	867	17
Карасевская „ . . .	8.751	1.293	286	1.007	20

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8 — 12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Султаевская волость . . .	5.518	672	121	521	10
Андреевская „ . . .	15.259	1.526	510	1.016	20
Заманиловская „ . . .	10.762	1.102	360	742	15
Иванковская „ . . .	8.337	1.172	307	865	17
Ичкинская „ . . .	5.116	512	—	512	10
Каменная „ . . .	9.765	977	329	648	13
Карачельская „ . . .	15.927	1.593	531	1.062	21
Кочердыкская „ . . .	8.711	871	290	581	12
Куртамышевская „ . . .	25.605	2.360	550	1.810	36
Маслейская „ . . .	11.581	1.158	386	772	15
Мухаметкулуевская „ . . .	12.824	1.280	80	1.200	24
Становская „ . . .	11.206	1.126	373	748	15
Таловская „ . . .	11.685	1.380	493	887	18
Черлинская „ . . .	2.083	310	—	310	6
Долговская „ . . .	11.444	1.145	381	764	15

НАЗВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ И ГОРОДОВЪ.	Число жителей обоего пола.	Число дѣтей школьнаго возраста 8—12 лѣтъ.	Число дѣтей, обучающихся въ школахъ министерскихъ и духовнаго вѣдомства.	Число дѣтей, остающихся безъ образованія.	Число учительскихъ должностей, подлежащихъ открытію при всеобщемъ обученіи.
Станціи желѣзной дороги:					
Шумиха	7.500	700	100	600	12
Мишкино	6.000	600	50	550	11
Итого . . .	389.043	—	—	—	629
Гор. Кустанай	16.000	1.600	600	1.000	20
Уѣздъ Кустанайскій	239.000	23.900	2.630	21.270	426
Итого . . .	255.000	—	—	—	446
Разночинцы въ казачьихъ станицахъ	20.000	—	—	—	—
Арендаторы земель	15.000	—	—	—	—
Всего въ четырехъ уѣздахъ Троицкомъ, Верхнеуральскомъ, Челябинскомъ и Кустанайскомъ	926.956	—	—	—	минимумъ 1.443

Н. Воскресенскій.

ОСЯЗАТЕЛЬНЫЯ И ОСЯЗАТЕЛЬНО-ДВИГАТЕЛЬНЫЯ ВОСПРІЯТІЯ СЛѢПЫХЪ [1]).

В. Содержаніе осязательно-двигательныхъ представленій пространства у слѣпыхъ.

При анализѣ пространственныхъ представленій слѣпыхъ естественно возникаетъ вопросъ: *однородно ли вообще представленіе пространства у слѣпыхъ и зрячихъ*. Вопросъ этотъ давно уже былъ поставленъ въ психологической литературѣ. Наиболѣе радикально высказался по этому вопросу Платнеръ [2]). Тѣ пространственныя отношенія, которыя воспринимаютъ слѣпые, по его мнѣнію, коренным образомъ отличаются отъ нашихъ.

„Что касается представленія пространства или протяженности безъ помощи зрѣнія", говоритъ онъ, „то внимательныя наблюденія, произведенныя мною въ 1785 г. и продолжавшіяся цѣлыхъ три недѣли, убѣдили меня въ томъ, что чувство осязанія, какъ таковое, рѣшительно не достаточно для того, чтобы вызвать въ насъ знаніе протяженности или пространства, оно не даетъ намъ даже представленія внѣположности, словомъ, человѣкъ, лишенный зрѣнія, совершенно не воспринимаетъ внѣшняго міра, онъ воспринимаетъ только что-то активное, отличное отъ своихъ собственныхъ ощущеній, имѣющихъ характеръ пассивности; онъ воспринимаетъ только численныя отличія —не знаю, какъ выразиться—впечатлѣній или вещей.

Для слѣпорожденнаго *время заступаетъ мѣсто пространства*.

---

[1]) *Окончаніе*. См. ноябрьскую книжку *Жур. Мин. Нар. Пр.* за 1908 годъ.

[2]) *Plattner*, Philosophische Aphorismen. 1792. Цитировано по *Dunan*, L'espace visuel et l'espace tactile. Revue philosophique, 1888.

Смежность и разстояніе означаютъ для него только большее или меньшее количество времени, большее или меньшее количество ощущеній, необходимыхъ для того, чтобы перейти отъ даннаго ощущенія къ другому. Обыкновенно насъ вводитъ въ ошибку то обстоятельство, что слѣпые пользуются тѣмъ же языкомъ, что зрячіе; вначалѣ и я впалъ, благодаря этому, въ заблужденіе.

На самомъ дѣлѣ, однако, слѣпой не подозрѣваетъ, что одинъ предметъ существуетъ внѣ другого; я замѣтилъ, что, если бы предметы или участки кожи, къ которымъ прикасается слѣпой, не производили на его чувствительные нервы различнаго впечатлѣнія, онъ считалъ бы всѣ внѣшніе предметы тѣмъ же самымъ предметомъ. Даже у самого себя онъ отличаетъ голову отъ ноги не по ихъ разстоянію, а по различію получаемыхъ отъ нихъ ощущеній (различіе въ ощущеніяхъ онъ вообще воспринимаетъ съ поразительною тонкостью), главнымъ же образомъ, чрезъ посредство времени. И всѣ внѣшніе предметы онъ опредѣляетъ исключительно по различію получаемыхъ отъ нихъ ощущеній, благодаря чему, напримѣръ, въ состояніи отличить кубъ съ его углами отъ шара".

Въ настоящее время взглядъ Платнора едва ли многими раздѣляется. Несомнѣнно, что слѣпые воспринимаютъ и собственное тѣло и внѣшніе объекты, какъ нѣчто пространственное. Дюнанъ [1]) замѣчаетъ однако, что убѣжденіе относительно отсутствія у слѣпыхъ представленій пространства ему приходилось встрѣчать у нѣкоторыхъ очень наблюдательныхъ тифлопедагоговъ. Дюнанъ считаетъ такую ошибку очень естественною и объясняетъ ее тѣмъ, что у слѣпыхъ представленія о пространствѣ рѣзко отличаются отъ нашихъ. Въ области представленія пространственныхъ соотношеній слѣпой и зрячій не могутъ непосредственно понять другъ друга. Что касается, напримѣръ, слѣпыхъ, то они не въ состояніи представить, какимъ образомъ тотъ же самый предметъ можетъ казаться то меньшимъ, то большимъ, въ зависимости отъ его разстоянія отъ насъ. Дюнанъ пробовалъ объяснить имъ это. Онъ указалъ имъ на то, что, если равнобедренные треугольники имѣютъ равныя основанія и различныя высоты, то уголъ въ вершинѣ треугольника тѣмъ меньше, чѣмъ больше высота треугольника; если передъ зрячимъ находится прямая линія, то длина этой линіи опредѣляется имъ въ зависимости отъ величины угла, образуемаго двумя линіями, мысленно

[1]) *Dunan*, L'espace visuel et l'espace tactile. Revue philosophique за 1888 г., стр. 134, 354 и 591 и слѣд.

проведенными отъ глаза къ обоимъ концамъ данной линіи; такимъ образомъ данная линія является какъ бы основаніемъ равнобедреннаго треугольника, вершина котораго находится въ глазу; такъ какъ величина ея опредѣляется въ зависимости отъ угла, образуемаго двумя мыслимыми линіями, проведенными отъ глаза къ обоимъ концамъ линіи, то понятно, что, чѣмъ больше высота упомянутаго равнобедреннаго треугольника, т. е. чѣмъ больше удалена отъ насъ данная линія, тѣмъ меньшею она намъ кажется. Слѣпые отвѣчали, что они прекрасно понимаютъ все это разсужденіе, но не могутъ допустить, чтобы воспріятіе предмета происходило съ вершины треугольника, основаніемъ котораго долженъ быть самый предметъ.

При зрѣніи происходитъ *воспріятіе на разстояніи*, слѣпой же воспринимаетъ предметы только при *условіи непосредственнаго прикосновенія къ нимъ*. При зрѣніи разстояніе между наблюдателемъ и предметомъ является однимъ изъ неустранимыхъ элементовъ воспріятія. Это одинъ изъ факторовъ, опредѣляющихъ кажущуюся величину предмета. Въ осязательныхъ воспріятіяхъ факторъ этотъ совершенно выпадаетъ. Предметы для слѣпыхъ имѣютъ постоянную величину, неподлежащую никакимъ измѣненіямъ. Поэтому слѣпые не могутъ представить, какимъ образомъ кажущаяся величина предмета можетъ зависѣть отъ его разстоянія.

Съ другой стороны, по мнѣнію Дюнана, не можемъ и мы постигнуть осязательныхъ представленій слѣпого. Мы *не можемъ воспроизвести тѣхъ сложныхъ комплексовъ осязательныхъ ощущеній*, изъ которыхъ слагается у слѣпого воспріятіе пространства.

Дюнанъ отмѣчаетъ, между прочимъ, одинъ фактъ, характеризующій своеобразіе воспріятій слѣпыми пространства. Одинъ изъ изслѣдованныхъ имъ слѣпыхъ, Quélen, не отличаетъ ни контуры предметовъ, ни цвѣтовъ, и ощущаетъ только свѣтъ, болѣе или менѣе яркій, смотря по силѣ освѣщенія. Свѣтъ этотъ однако не имѣетъ для него, по его словамъ, протяженности. Протяженность также чужда этимъ свѣтовымъ ощущеніямъ, какъ ощущеніямъ звука или запаха. „Но вы вѣдь локализуете въ пространствѣ этотъ свѣтъ, замѣтилъ ему Дюнанъ — вы, напримѣръ, можете повернуться по направленію къ болѣе яркому свѣту“.—„Я, дѣйствительно, локализую свѣтъ, но точно также локализую я и звуки, которые слышу. Я знаю, изъ какой части пространства исходитъ свѣтъ, точно такъ же, какъ знаю, откуда исходитъ звукъ, разница только та, что при воспріятіи звука я могу опредѣлить какъ направленіе, такъ и разстояніе его отъ меня, при воспрія-

тіи же свѣта я могу только опредѣлить его направленіе".—„И такъ, если вы говорите, что свѣтъ не имѣетъ для васъ свойства протяженности, то этимъ вы хотите сказать, что онъ не кажется вамъ какъ бы обволакивающимъ предметы и что, представляя сѣбѣ предметы, вы не окрашиваете ихъ ни въ какой цвѣтъ, и представляете себѣ предметы столь же мало испускающими свѣтъ, сколь издающими звукъ".—„Да, именно такъ".—„И такъ, если я вамъ скажу, что для меня цвѣта имѣютъ контуры, это не будетъ имѣть для васъ никакого смысла".—„Никакого".

Изъ произведенныхъ имъ наблюденій Дюнанъ выводитъ слѣдствіе, что пространственныя представленія слѣпыхъ не сводимы къ пространственнымъ представленіямъ зрячихъ. Приведенныя имъ наблюденія относительно слѣпого Quélen доказываютъ, по его мнѣнію, не то, чтобы ощущенія свѣта у Quélen дѣйствительно были лишены элемента протяженности, а только то, что зрительное представленіе пространства у этого слѣпого не было ассоціировано съ осязательнымъ. (Такъ какъ зрительныя ощущенія не измѣнялись параллельно осязательнымъ, то ассоціація эта и не могла образоваться). Въ сущности, свѣтовое ощущеніе Quélen содержало въ себѣ элементъ протяженности, но этотъ элементъ не былъ Quélen'омъ признанъ какъ таковой, ибо онъ привыкъ протяженность воспринимать исключительно съ помощью осязанія. Если въ личномъ опытѣ субъекта *не образовалось ассоціаціи между зрительными и осязательными представленіями пространства, то представленія эти не сводимы другъ на друга*, что, по мнѣнію Дюнана, доказываетъ *совершенную ихъ разнородность*.

Въ связи съ этимъ возникаетъ, однако, вопросъ, какъ сочетаются элементы осязательные и зрительные въ пространственныхъ представленіяхъ зрячихъ. По мнѣнію Дюнана, осязательное представленіе пространства совершенно отсутствуетъ *у зрячихъ—оно вытѣснено зрительнымъ*. Такъ какъ зрительное воспріятіе отличается, по сравненію съ осязательнымъ, гораздо большею точностью, опредѣленностью, детальностью, то оно выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы за существованіе съ осязательнымъ воспріятіемъ, совершенно устраняетъ изъ сознанія послѣднее. Чтобы убѣдиться въ этомъ, Дюнанъ изслѣдовалъ стойкость зрительныхъ представленій пространства.

Онъ подвергъ подробному разспросу одного интеллигентнаго взрослаго слѣпого, M. Bernus, ослѣпшаго семи лѣтъ. Оказалось, что при ощупываніи предметовъ у него возникалъ въ сознаніи зрительный образъ ихъ. Даже буквы Брайлевскаго алфавита слѣпыхъ (состоящаго

изъ рельефныхъ точекъ) представлялись ему окрашенными въ разные цвѣта. Не смотря на то, что онъ научился читать по Брайлю, уже будучи слѣпымъ, и что читать исключительно съ помощью осязанія ему приходилось очень много, у него въ сознаніи все же возникали постоянно зрительные, имъ самимъ созданные образы буквъ.

Указаніе Дюнана на стойкость зрительныхъ образовъ у слѣпыхъ дѣйствительно справедливо. Во второй части моего труда, при изслѣдованіи содержанія представленія у слѣпыхъ, я еще буду имѣть случай вернуться къ этому явленію. Теперь мнѣ предстоитъ болѣе детально выяснить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли пространство зрительное и осязательное не сводимы одно къ другому.

Для выясненія этого вопроса являются очень поучительными опыты надъ оперированными слѣпорожденными. Опыты эти уже очень давно привлекли вниманіе психологовъ. Въ 17-мъ вѣкѣ возникъ споръ между Молинe и Локкомъ, съ одной стороны, и Кондильякомъ—съ другой, относительно того, можетъ ли внезапно прозрѣвшій слѣпорожденный съ помощью одного зрѣнія отличить кубъ отъ шара, если онъ видитъ ихъ въ первый разъ и знакомъ съ ними исключительно чрезъ посредство осязанія. Молине и Локкъ отвѣтили на этотъ вопросъ отрицательно, Кондильякъ утвердительно. Наблюденія, сдѣланныя послѣ операцій надъ слѣпорожденными, подтвердили мнѣніе Молине и Локка. Въ первый разъ такая операція была производена въ 1728 г. Чезельденомъ. Послѣ него былъ произведенъ цѣлый рядъ подобныхъ операцій Непелли, Гомомъ, Уордропомъ, Рельманомъ, Дюфуромъ, Гиппелемъ, Гиршбергомъ и другими. Ни одинъ изъ оперированныхъ слѣпыхъ не могъ съ перваго раза опредѣлить положеніе, форму и величину предметовъ, т. е. распознать ихъ. Необходимо было, чтобы онъ предварительно ознакомился съ предметомъ съ помощью осязанія. Оперированные слѣпорожденные, по наблюденію Рельмана, не могли даже опредѣлить числа предметовъ, находившихся въ полѣ зрѣнія. Такъ, оперированный не въ состояніи былъ сосчитать двухъ—трехъ спичекъ иначе, какъ предварительно ощупавъ ихъ [1]). Остановлюсь болѣе подробно на одномъ изъ подобныхъ случаевъ, сообщенныхъ докторомъ Дюфуромъ (см. Dunan).

Ноелю М. были сняты катаракты на двадцатомъ году его жизни. Слѣпой до операціи видѣлъ только свѣтъ, при очень интенсивномъ освѣщеніи отличалъ также и цвѣта, но не могъ воспринять какіе бы

[1]) Zeitschrift für Psychologie und Physiol. der Sinnesorgane, Bd. II.

то ни было контуры. По снятіи повязки съ оперированныхъ глазъ, Дюфуръ приступилъ къ психо-физическому изслѣдованію.

„Я повернулъ паціента, пишетъ онъ, спиною къ окну и затѣмъ, на фонѣ своего чернаго сюртука сталъ водить рукою взадъ и впередъ. „Видите ли вы что-нибудь?—Да я вижу что-то свѣтлое.—Что же это такое?—Это... это... (Таковъ былъ отвѣтъ, который докторъ Дюфуръ получалъ на всѣ вопросы о зрительныхъ раздраженіяхъ). „Не видите ли вы чего-нибудь, что движется?—Что движется!?—Напрасно я прекращаю движеніе, потомъ возобновляю его и прошу г. М. опредѣлить, что это такое. Единственно, что онъ можетъ сказать, „это что-то свѣтлое". Я возобновляю изслѣдованіе, предупредивъ, что я показываю руку. Я измѣняю ея положеніе, сгибаю въ кулакъ, вытягиваю одинъ или нѣсколько пальцевъ — больной относится ко всему очень внимательно, но ничего не можетъ опредѣлить".

Докторъ Дюфуръ заподозрилъ, нѣтъ ли у больного патологическихъ измѣненій въ сѣтчаткѣ, но офтальмоскопическое изслѣдованіе показало, что послѣдняя была совершенно нормальна.

На четвертый день Дюфуръ показалъ Ноелю М. два куска бѣлой бумаги, одинъ круглый, другой квадратный. Видите ли вы разницу между этими бумажками? Да.—Какую?—Отвѣта нѣтъ.—Ну, одна изъ этихъ бумажекъ круглая, другая квадратная. Которая квадратная?—Отвѣта нѣтъ. Вскорѣ потомъ Дюфуръ показалъ тому же г. Ноэлю М. два прямоугольника, одинъ большой, другой маленькій; больной сразу сказалъ, что они отличаются другъ отъ друга, но опредѣлить, который большой и который маленькій, смогъ только послѣ того, какъ ощупалъ ихъ. Изъ этихъ опытовъ явствуетъ, что зрительныя ощущенія имѣютъ непосредственно характеръ протяженности—больной сразу же отличалъ квадратную бумажку отъ круглой, большую отъ маленькой, хотя и не могъ узнать ихъ. Къ этому факту мы еще вернемся.

Теперь же остановимся на другомъ выводѣ, являющемся прямымъ отвѣтомъ на интересующій насъ вопросъ: мы видимъ, что единство между зрительными и осязательными идеями пространства не является первичнымъ—пространственныя формы, воспринятыя зрѣніемъ, не могутъ непосредственно быть переведены на языкъ осязательныхъ воспріятій, для этого необходимъ предварительный опытъ [1]). Жанэ го-

[1]) *Janet*, De la perception visuelle de la distance. Revue philos. 1879. Janvier Цит. по Челпанову.

ворить по этому поводу: „То же самое было бы, если бы глухорожденный внезапно получилъ слухъ: онъ хорошо отличалъ бы звукъ барабана отъ звука трубы, но не могъ бы сказать тотчасъ, который изъ этихъ двухъ звуковъ принадлежитъ трубѣ, и который барабану. Въ большинствѣ приводимыхъ случаевъ констатируется одна и та же трудность, это именно трудность перенесенія зрительныхъ представленій къ представленіямъ осязательнымъ".

Со взглядомъ Дюнана, что зрительныя и осязательныя пространственныя представленія или абсолютно тожественны, или же абсолютно различны, едва ли можно согласиться. Уже Лейбницъ указалъ на аналогіи, существующія между зрительнымъ и осязательнымъ пространствомъ.

По его мнѣнію, оперированный слѣпорожденный долженъ быть въ состояніи отличить, напримѣръ, различныя геометрическія фигуры. Если ему будутъ показаны два геометрическихъ тѣла, напримѣръ, кубъ и шаръ, то зная, что одно изъ нихъ кубъ, другое шаръ, онъ долженъ умѣть сказать, которое кубъ и которое шаръ. Прозрѣвшему слѣпорожденному стоитъ только сообразить для этого, что при ощупываніи куба восемь точекъ его представляются отличнымъ отъ всѣхъ остальныхъ, при ощупываніи же шара такихъ точекъ не встрѣчается; слѣдовательно, изъ двухъ зрительныхъ образовъ тотъ, который имѣетъ выдающіяся точки, будетъ принадлежать кубу, другой шару. Лейбницъ прибавляетъ однако, и вполнѣ основательно, что едва ли прозрѣвшій окажется способнымъ на такое размышленіе, потому что въ первый моментъ послѣ операціи онъ будетъ до того пораженъ, что едва ли хватитъ у него хладнокровія для обдуманнаго сравненія новыхъ зрительныхъ впечатлѣній со знакомыми ему осязательными.

Челпановъ въ своемъ интересномъ сочиненіи: „Проблема воспріятія пространства" подробно разбираетъ вопросъ (см. стр. 348 и слѣд.), почему нельзя полагаться на показанія оперированныхъ слѣпорожденныхъ, и въ силу чего представители противоположныхъ теорій могли находить въ этихъ показаніяхъ подтвержденіе своей и опроверженіе противоположной теоріи.

Во-первыхъ, многіе изъ слѣпорожденныхъ не были въ дѣйствительности вполнѣ слѣпыми. Слѣпой Чезельдена, напримѣръ, различалъ до операціи три цвѣта—бѣлый, черный и красный. Слѣпой Ware'а узнавалъ всѣ цвѣта, когда они приближались къ его глазамъ. Неудивительно, что такіе паціенты почти сразу послѣ операціи могли, напримѣръ, опредѣлять разстояніе предметовъ отъ глаза и т. д.

Съ другой стороны, часто происходитъ недооцѣнка пространственныхъ опредѣленій, возможныхъ послѣ операціи. Операторы, не имѣвшіе глазного зеркала, не въ состояніи были опредѣлять, не произошло ли въ сѣтчаткѣ какихъ-нибудь анатомическихъ измѣненій, затрудняющихъ функцію зрѣнія. Старымъ физіологамъ не былъ въ достаточной мѣрѣ извѣстенъ тотъ фактъ, что у людей съ врожденнымъ помутнѣніемъ глазныхъ средъ развивается атрофія сѣтчатки. Несовершенство зрѣнія въ первое время послѣ операціи часто объясняется именно этою причиною, а не отсутствіемъ пространственныхъ элементовъ въ зрительныхъ ощущеніяхъ.

Кромѣ того, нужно указать еще на тотъ фактъ, что показанія прозрѣвшихъ должны быть подвергнуты обстоятельному психологическому изслѣдованію. Пользоваться ими нужно въ высшей степени осторожно и критически. Джемсъ [1]) говоритъ по этому поводу, что, если принять во вниманіе всѣ неблагопріятныя обстоятельства, имѣющія мѣсто послѣ операціи, то всѣ положительныя показанія оперированныхъ слѣпорожденныхъ слѣдуетъ признать несравненно болѣе цѣнными, чѣмъ отрицательныя. По его мнѣнію, между зрительными и осязательными представленіями пространства существуетъ глубокая аналогія. Такъ, большой и малый, близкій и далекій—сходныя содержанія въ обоихъ родахъ представленій. Изъ показаній интеллигентныхъ слѣпорожденныхъ, прозрѣвшихъ послѣ операціи, можно видѣть, что аналогія между зрительными и осязательными ощущеніями не ограничивается только элементомъ протяженности. Такъ, интеллигентный молодой человѣкъ, оперированный докторомъ Францемъ, былъ въ состояніи сразу, съ помощью одного только зрѣнія, узнать круглыя, трех- и четырехугольныя фигуры. Указаніе Джемса относительно аналогіи между зрительными и осязательными пространственными воспріятіями представляется намъ потому правильнымъ, что только сю возможно объяснить интерпретацію зрительнаго опыта осязательнымъ и обратно. Зрительныя и осязательныя воспріятія должны содержать извѣстные общіе элементы, между тѣми и другими должны быть извѣстныя соотвѣтствія, имъ должны быть присущи извѣстныя параллельныя измѣненія, иначе сведеніе зрительнаго пространства къ осязательному было бы совершенно непонятно. Челпановъ называетъ это соотвѣтствіе количественнымъ. Въ своемъ трудѣ [2]) онъ пишетъ:

---

[1]) *James*, Principles of psychology. T. II.

[2]) *Г. Челпановъ*, Проблема воспріятія пространства, часть I, стр. 176.

„Такъ какъ я считаю пространство количественною стороною, то понятно становится тожество зрительнаго и осязательнаго протяженія: оно также обнаруживается изъ аналогичнаго воздѣйствія различныхъ ощущеній, но только лишь въ одномъ количественномъ отношеніи. Сходство геометріи слѣпого съ геометріей зрячаго происходитъ оттого, что въ отвлеченномъ мышленіи слѣпой отрѣшается отъ содержанія даннаго порядка, а вѣдь, напримѣръ, линія на кожѣ возбуждаетъ опредѣленное количество пространство-воспринимающихъ элементовъ, точно такъ же, какъ и въ глазѣ".

Итакъ, не смотря на качественныя различія зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній, мы должны признать ихъ количественную однородность; этою количественною однородностью объясняется аналогія въ пространственныхъ воспріятіяхъ слѣпыхъ и зрячихъ.

Нельзя не согласиться, по существу, съ высказаннымъ здѣсь взглядомъ Челпанова. Мы предпочли бы только замѣнить понятіе количественной—понятіемъ формальной однородности. Въ данномъ случаѣ однородны порядокъ, расположеніе, взаимоотношеніе элементовъ, образующихъ матеріалъ воспріятій, т. е. тѣ свойства послѣднихъ, которыя могутъ быть скорѣе названы не количественною, а формальною стороною ихъ.

Качественныя содержанія пространственныхъ представленій у слѣпыхъ и зрячихъ, несомнѣнно, разнородны. Зрячій представляетъ себѣ пространственныя соотношенія въ формѣ зрительныхъ образовъ. Для воспріятія пространственныхъ соотношеній глазъ является несравненно болѣе совершеннымъ органомъ, чѣмъ осязаніе. Естественно поэтому, что зрячій переводитъ всякое воспріятіе пространства на *языкъ зрительныхъ представленій*. У слѣпого (слѣпорожденнаго) существуетъ если не исключительно, то главнымъ образомъ осязательно-двигательное представленіе пространства. Это обстоятельство создаетъ глубокія различія. Для зрячаго характеренъ неразрывно связанный со зрительнымъ воспріятіемъ элементъ ощущенія *цвѣта*, для слѣпого—*давленія;* у зрячихъ—*воспріятіе на разстояніи, симультанность*, у слѣпыхъ—необходимость *непосредственнаго соприкосновенія, послѣдовательность воспріятія*. Въ силу всего этого, зрячій не можетъ непосредственно пережить, конкретно воспроизвести тѣхъ пространственныхъ представленій, которыя переживаетъ слѣпой. Онъ можетъ только понять ихъ, искусственно возсоздавъ ихъ путемъ психологическаго анализа и синтеза. *Согласіе между слѣпымъ и зрячимъ въ воспріятіи пространственныхъ соотношеній существуетъ только*

благодаря однородности формальныхъ элементовъ зрительныхъ и осязательныхъ воспріятій пространства. Формальные элементы зрительныхъ и осязательныхъ воспріятій пространства представляютъ изъ себя ряды взаимосоотвѣтствующихъ измѣненій. При отсутствіи соотвѣтствія между тѣми и другими воспріятіями, не происходитъ отнесенія ихъ къ единому пространству. Особенно краснорѣчивымъ является въ этомъ отношеніи примѣръ Quélen'а. Какъ было уже сказано, этотъ слѣпой воспринималъ свѣтъ, но не связывалъ его ни съ какими пространственными воспріятіями, полученными съ помощью осязанія, ибо никакихъ соотвѣтственныхъ измѣненій между ощущеніемъ свѣта и осязательными воспріятіями онъ установить не могъ. Оперированные слѣпорожденные тоже большею частью (хотя и не всегда) не въ состояніи опредѣлить геометрическихъ фигуръ съ помощью одного только зрѣнія, потому что такое опредѣленіе требуетъ значительной работы мысли, на которую прозрѣвшіе большею частью оказываются неспособными непосредственно послѣ операціи, когда въ ихъ сознаніе вторгается хаосъ новыхъ впечатлѣній. Никогда неиспытанныя ими зрительныя ощущенія захватываютъ ихъ богатствомъ и разнообразіемъ своего содержанія и не даютъ имъ возможности сосредоточиться на отвлеченіи формальныхъ элементовъ и выясненіи взаимоотношенія между послѣдними.

Выяснивши общее отношеніе пространственныхъ представленій слѣпыхъ и зрячихъ, займемся болѣе детальнымъ анализомъ пространственныхъ представленій слѣпыхъ. Мы доказали, путемъ экспериментальнаго изслѣдованія, что осязательное воспріятіе объектовъ, вполнѣ доступныхъ для осязанія, отличается у слѣпыхъ *меньшею точностью,* чѣмъ у зрячихъ. Пространственныя воспріятія слѣпыхъ зависятъ въ большей степени *отъ различныхъ субъективныхъ моментовъ,* чѣмъ тѣ же воспріятія зрячихъ; слѣпымъ *труднѣе, чѣмъ зрячимъ, выработать опредѣленный масштабъ.* Остановимся нѣсколько подробнѣе на характеристикѣ осязательныхъ и осязательно-двигательныхъ воспріятій слѣпыхъ.

При изслѣдованіи предмета съ помощью осязанія, безъ участія зрительныхъ ощущеній и представленій, необходимо получить при ощупываніи его цѣлый рядъ осязательно-двигательныхъ ощущеній. Выше, въ отдѣлѣ объ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ осязательно-двигательныхъ ощущеній, мы видѣли, что воспріятіе формъ предметовъ съ помощью одного только *пассивнаго осязанія* является въ высшей степени недостаточнымъ. При накладываніи, напримѣръ, на руку какихъ-

нибудь *поверхностей*, очертанія ихъ опредѣляются крайне неточно. Сравнительно лучше воспринимается положеніе *отдѣльныхъ точекъ*. Если произвести прикосновеніе къ ладони шестью точками, то, при извѣстномъ разстояніи между ними, слѣпой въ состояніи, иногда, правда, не сразу, опредѣлить ихъ число и взаимное расположеніе; если же приложить къ его ладони шестиугольникъ, размѣры котораго соотвѣтственно равны разстоянію между точками, то форма его въ большинствѣ случаевъ не будетъ узнана. Фактъ этотъ имѣетъ въ высшей степени важное практическое значеніе. До того, какъ начали пользоваться для слѣпыхъ точечнымъ шрифтомъ, обученіе ихъ чтенію считалось чрезвычайно труднымъ дѣломъ. Путемъ наблюденія было установлено, что при наличности шести правильно расположенныхъ рельефныхъ точекъ возможно безъ особаго труда симультанное воспріятіе ихъ съ помощью пассивнаго осязанія. Въ настоящее время шрифтъ слѣпыхъ (названный въ честь его изобрѣтателя Брайлевскимъ) составленъ такимъ образомъ, что каждая буква состоитъ не болѣе, какъ изъ шести рельефныхъ точекъ, расположенныхъ въ два параллельныхъ ряда, по три въ каждомъ ряду. Для обозначенія различныхъ буквъ изъ этой фигуры выбрасывается одна или нѣсколько точекъ, благодаря чему возможно получить массу различныхъ комбинацій, достаточныхъ не только для обозначенія буквъ, но также и знаковъ препинанія, цифръ и нотъ.

Итакъ, только при воспріятіи отдѣльныхъ рельефныхъ точекъ, функція пассивнаго осязанія оказывается сравнительно удовлетворительною.

При такъ называемомъ *охватывающемъ осязаніи* [1]), т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда форма предметовъ опредѣляется съ помощью охватыванія ихъ одною или обѣими руками, играетъ роль уже не одно только пассивное осязаніе; въ большей или меньшей степени присоединяется къ нему активное. Мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ смѣшанный типъ осязанія. Пока при такомъ ощупываніи не совершается никакихъ движеній, воспріятіе формы предмета крайне несовершенно. Болѣе точное опредѣленіе формы его происходитъ только послѣ того, какъ слѣпой „повертѣлъ“ его въ рукахъ. Какъ справедливо замѣчаетъ Геллеръ, при этомъ ребра предмета обыкновенно приводятся въ соприкосновеніе съ суставами; едва-ли можно объяснить это одними механическими условіями; большое значеніе имѣетъ здѣсь, повиди-

[1]) См. *Heller*. Studien zur Blindenpsychologie. 1904, стр. 32.

мому, то обстоятельство, что суставы обладаютъ наиболѣе тонкою чувствительностью; поэтому, если самыя характерныя части предмета приводятся въ соприкосновеніе съ суставами, то форму его опредѣлить легче всего. Нельзя, однако, упускать изъ виду, что и при такомъ ощупываніи опредѣленіе формы предмета происходитъ не непосредственно, а благодаря тѣмъ осязательно-двигательнымъ представленіямъ, которыя присоединяются къ получаемымъ отъ даннаго предмета ощущеніямъ.

Поэтому, при ознакомленіи слѣпого съ пространственными формами, на первомъ планѣ стоитъ *активное осязаніе*. Можно отличать два типа послѣдняго [1]). Первый типъ характеризуется тѣмъ, что слѣпой *передвигаетъ конецъ указательнаго пальца* по контурамъ предмета. Воспріятіе размѣровъ и формы предметовъ при этихъ движеніяхъ является, сравнительно, менѣе совершеннымъ, вслѣдствіе неравномѣрности усилія, потребнаго при различныхъ движеніяхъ. Такъ, внизъ палецъ движется съ меньшимъ усиліемъ, чѣмъ вверхъ, вслѣдствіе чего въ первомъ случаѣ длина линіи не дооцѣнивается, во второмъ—переоцѣнивается. Аналогичныя иллюзіи наблюдаются и въ другихъ случаяхъ, при движеніяхъ въ горизонтальномъ, въ косомъ направленіи и т. д.

Вслѣдствіе этого объективныя отношенія величинъ очень плохо опредѣляются съ помощью такого рода ощупыванья. Болѣе совершеннымъ является тотъ типъ, который Геллеръ называетъ *конвергирующимъ ощупываньемъ*. Въ такомъ случаѣ ощупыванье производится сразу нѣсколькими частями тѣла, напр. двумя, другъ другу противопоставленными пальцами, или обѣими руками и т. д. При этомъ движеніе одной части тѣла постоянно приводится въ соотношеніе съ движеніемъ другой. Но и при этомъ типѣ ощупыванья дѣлаются многочисленныя ошибки, особенно въ томъ случаѣ, если измѣреніе происходитъ съ помощью одновременнаго движенія обѣихъ рукъ. На оцѣнкѣ этого движенія, напримѣръ, очень сильно отражается положеніе тѣла, степень сгибанья или разгибанья той или другой руки. Сравнительно самые точные результаты даетъ ощупыванье съ помощью противопоставленія большого и указательнаго пальцевъ. Однако ощупывать этимъ движеніемъ возможно, сравнительно, лишь очень небольшіе предметы. Въ связи съ этимъ находится тотъ фактъ, что слѣпой составляетъ себѣ крайне несовершенное представленіе

[1]) См. *Heller*, l. c., стр. 42.

о формѣ большихъ предметовъ, даже если они и поддаются ощупыванью.

Всѣ указанные здѣсь источники ошибокъ при пространственныхъ воспріятіяхъ присоединяются къ тѣмъ, которые были указаны нами въ предыдущемъ отдѣлѣ настоящей главы, и дѣлаютъ эти воспріятія еще болѣе несовершенными.

Съ помощью осязанія можно познакомиться съ формою предмета гораздо *медленнѣе*, чѣмъ съ помощью зрѣнія. Требуется затратить гораздо больше труда, даже для самыхъ простыхъ воспріятій. Не слишкомъ длинная прямая линія, напримѣръ, съ помощью зрѣнія можетъ быть воспринята сразу. При исключеніи зрѣнія она становится доступна только на основаніи цѣлаго ряда осязательно-двигательныхъ ощущеній, мѣняющихся съ извѣстной послѣдовательностью. Воспріятіе прямой линіи ни въ какомъ случаѣ не есть ощущеніе равномѣрнаго движенія въ какомъ-либо суставѣ, ощущеніе равномѣрнаго сокращенія извѣстныхъ мышцъ. Напротивъ, воспріятіе прямой линіи, представляющееся для зрѣнія столь простымъ, для одного осязанія, помимо участія не только зрительныхъ ощущеній, но и представленій, является въ высшей степени сложнымъ. (При воспріятіи съ помощью осязанія прямой линіи зрячимъ, всегда примѣшиваются зрительныя представленія движеній). Стоитъ представить себѣ, какого громаднаго труда стоитъ для слѣпого оріентироваться въ какомъ-нибудь помѣщеніи. Относительное положеніе двухъ предметовъ опредѣляется прежде всего на основаніи ближайшаго между ними разстоянія. Нужно отмѣрить это разстояніе шагами, нужно не уклоняться при этомъ отъ разъ принятаго направленія. Затѣмъ, какія трудныя опредѣленія требуется сдѣлать, чтобы по отношенію къ двумъ предметамъ опредѣлить положеніе третьяго. Нужно точно запомнить разстояніе третьяго отъ перваго и второго или отъ какой-нибудь промежуточной точки на линіи ихъ кратчайшаго разстоянія, нужно запомнить направленіе линіи, соединяющей, напримѣръ, первый предметъ съ третьимъ по отношенію къ линіи, соединяющей первый предметъ со вторымъ. Чтобы узнать расположеніе вообще всѣхъ предметовъ въ комнатѣ, нужно исколесить ее во всѣхъ направленіяхъ; необходимо запомнить основное направленіе, отношеніе къ нему другихъ направленій, разстояніе въ различныхъ направленіяхъ. Затѣмъ, въ случаѣ неожиданной задержки, вниманіе, конечно, прежде всего направляется на нее. Необходимо не терять при этомъ изъ виду ни размѣровъ, ни направленій уже произведенныхъ движеній.

Итакъ, уже простая оріентировка въ какомъ-либо простомъ помѣщеніи, не стоящая зрячему никакого умственнаго напряженія, требуетъ для слѣпого цѣлаго ряда тщательныхъ, внимательныхъ изслѣдованій.

Кромѣ неточности осязательныхъ образовъ, кромѣ зависимости ихъ отъ различныхъ субъективныхъ моментовъ, кромѣ трудности и медленности составленія ихъ въ дѣлѣ постиженія пространственнаго міра слѣпому представляется еще цѣлый рядъ препятствій. Ощупать можно *только предметы, непосредственно соприкасающіеся* съ тѣломъ; предметы слишкомъ большіе или отдаленные, поэтому, никогда не могутъ быть восприняты слѣпыми. Городъ, улица, домъ, облако— предметы, не доступные для слѣпого путемъ непосредственнаго воспріятія. Далѣе, съ помощью осязанія невозможно прослѣдить всѣ видоизмѣненія, происходящія въ объектѣ при движеніи его, при измѣненіи пространственныхъ соотношеній движущихся частей. Если слѣпой познакомился, напримѣръ, съ гипсовою моделью какого-нибудь животнаго, то онъ оказывается не въ состояніи узнать другую модель того же животнаго, изображающую его въ иномъ положеніи.

Не удивительно, поэтому, что знаніе физическихъ предметовъ исчерпывается у слѣпого узнаваніемъ одного или нѣсколькихъ признаковъ ихъ; на гипсовыхъ моделяхъ узнаютъ животныхъ по рогамъ, по клюву и т. д. Медвѣдя смѣшиваютъ съ собакой, голову Венеры Милосской послѣ долгаго ощупыванія принимаютъ за голову лошади.

Пространственныя представленія слѣпыхъ имѣютъ, далѣе, несравненно болѣе *отвлеченный характеръ*, чѣмъ тѣ же представленія зрячихъ. Зрительныя воспріятія, дающія матеріалъ для пространственныхъ представленій зрячихъ, отличаются богатствомъ и разнообразіемъ своихъ чувственныхъ элементовъ. Трудно представить себѣ, до чего скуднымъ и монотоннымъ окажется матеріалъ нашихъ пространственныхъ воспріятій, если лишить ихъ зрительныхъ элементовъ. Весь видимый міръ, со всѣмъ неисчерпаемымъ богатствомъ своихъ образовъ, со всѣмъ блескомъ и обиліемъ своихъ цвѣтовъ, скрытъ отъ слѣпого. Всѣ знанія о формахъ, о пространственныхъ соотношеніяхъ предметовъ получаются съ помощью безцвѣтныхъ, тягучихъ, однообразныхъ осязательно-двигательныхъ ощущеній. Зрячему стоитъ открыть глаза— и міръ разноцвѣтный, сіяющій, переливающійся всѣми цвѣтами радуги стоитъ передъ нимъ, какъ по мановенію волшебнаго жезла, сразу открытый, во всемъ своемъ чувственномъ великолѣпіи. Совершенно инымъ путемъ открывается міръ слѣпому. Выше мы говорили о мед-

ленности осязательно-двигательнаго воспріятія. Знаніе пространственныхъ соотношеній является у слѣпого не столько продуктомъ непосредственнаго чувственнаго воззрѣнія, сколько результатомъ сравненія и взаимоотнесенія, анализа и синтеза.

Даже по отношенію къ объектамъ небольшихъ, сравнительно, размѣровъ, слѣпой находится въ такомъ же положеніи, какъ мы по отношенію къ разстояніямъ, недоступнымъ для симультаннаго зрительнаго воспріятія. Если мы проанализируемъ представленія большихъ пространствъ, напримѣръ, разстоянія отъ Москвы до Петербурга, то безъ труда можемъ убѣдиться, что у насъ *не существуетъ симультаннаго конкретнаго представленія* объ этомъ разстояніи. Мѣсто такого представленія можетъ быть замѣнено троякаго рода психическими продуктами: мы можемъ довольствоваться численными словесными символами, или представить себѣ разстояніе это обозначеннымъ, напр., на какой-нибудь географической картѣ, или же, наконецъ, представить себѣ одинъ, открывшійся нашему глазу пейзажъ, затѣмъ присоединить къ нему другой, или нѣсколько разъ повторить первый, и т. д.

Слѣпому, несомнѣнно, приходится гораздо чаще, чѣмъ намъ, пользоваться такими пріемами. *Численные словесные символы* играютъ большую роль въ его жизни. Цѣлая масса пространственныхъ соотношеній запоминается слѣпымъ съ помощью такихъ символовъ. Благодаря спеціальному упражненію въ этомъ отношеніи, способность запоминанія этихъ символовъ достигаетъ у слѣпыхъ значительнаго развитія.

Второй способъ замѣщенія конкретныхъ пространственныхъ представленій—изображеніе соотношеній *съ помощью уменьшенныхъ схемъ*, долженъ получить въ системѣ образованія слѣпыхъ чрезвычайно важное значеніе. Только такимъ путемъ возможно сообщить слѣпому симультанное представленіе о пространственныхъ соотношеніяхъ. Раньше старались ознакомить слѣпыхъ съ предметами, недоступными ощупыванію, съ помощью большихъ моделей, которые можно было ощупать только обѣими руками. На практикѣ такія модели оказались неудобными—слѣпые не въ состояніи были составить себѣ о нихъ цѣльнаго симультаннаго представленія, и потому модели эти давно уже были замѣнены маленькими, доступными симультанному ощупыванію. Необходимо, однако, замѣтить, что слѣпымъ гораздо труднѣе, чѣмъ намъ, составить себѣ представленіе о предметѣ съ помощью уменьшенной модели его. Для зрячаго измѣненіе кажущейся величины предмета—самое обычное явленіе, имѣющее мѣсто почти при всякомъ зрительномъ воспріятіи. Для слѣпого величина предмета, воспринятая съ по-

мощью осязательно-двигательныхъ ощущеній, есть нѣчто постоянное, не зависящее отъ измѣнчивыхъ условій воспріятія. Я не хочу этимъ сказать, чтобы такая редукція къ малымъ размѣрамъ была для слѣпого невозможною. Напротивъ, она и возможна, и имѣетъ для него, на мой взглядъ, чрезвычайно важное практическое значеніе. Я указываю только на то, что она требуетъ отъ него гораздо большей затраты умственныхъ силъ, что она не является для него такою простою и непосредственною, какъ для насъ. Для насъ такая редукція— процессъ нагляднаго воззрѣнія, для слѣпого — продуктъ сложнаго мыслительнаго процесса.

Наконецъ, большое значеніе имѣетъ для слѣпого третій изъ упомянутыхъ нами пріемовъ представленія предметовъ, недоступныхъ симультанному воспріятію. Пріемъ этотъ состоитъ въ образованіи представленія *путемъ послѣдовательнаго присоединенія однихъ воспроизведенныхъ симультанныхъ воспріятій къ другимъ*. Такое представленіе является уже не симультаннымъ и первоначально оно имѣетъ болѣе или менѣе прерывистый, гранулированный характеръ. Отдѣльные элементы присоединяются другъ къ другу съ нѣкоторыми задержками и толчками, соотвѣтственно тому, какъ протекалъ процессъ воспріятія. Но затѣмъ, по мѣрѣ повторенія воспріятій того же самаго объекта, перерывы и задержки, поскольку они были обусловлены субъективными моментами, сглаживаются въ сознаніи; тамъ, гдѣ была одинъ разъ такая задержка, во второй разъ ея не оказывается. Такимъ образомъ составляется болѣе связное, болѣе цѣльное представленіе предмета. Однако и оно не является симультаннымъ, поскольку воспроизводятся не отдѣльные признаки, а весь предметъ. Этотъ процессъ послѣдовательнаго присоединенія элементовъ занимаетъ въ пространственныхъ представленіяхъ слѣпого видное мѣсто.

Представленіе не отдѣльныхъ предметовъ, а *пространства вообще* соткано у слѣпого изъ нераздѣльнаго и непрерывнаго ряда незамѣтно переливающихся одно въ другое двигательно-осязательныхъ представленій. При образованіи представленія пространства вообще, вниманіе направляется на общую всѣмъ отдѣльнымъ пространственнымъ образамъ схему, на воспринимаемую посредствомъ двигательно-осязательныхъ ощущеній протяженность. Всѣ частныя отличія объектовъ при этомъ отодвигаются на второй планъ, отбрасываются къ периферіи сознанія.

Итакъ, разбирая составъ двигательно-осязательныхъ представленій объектовъ, мы признали за ними особенно характерный для нихъ при-

знакъ послѣдовательнаго присоединенія элементовъ. Нельзя, однако же, думать, чтобы слѣпыми въ дѣйствительности переживались полностью такія адэкватныя двигательно-осязательныя представленія предметовъ. Въ дѣйствительности при переживаніи представленій воспроизводятся очень немногіе наиболѣе характерные признаки объекта, между тѣмъ какъ остальныя свойства его остаются въ тѣни, внѣ поля яснаго сознанія. Совершенно аналогичныя измѣненія представленій наблюдаются и у зрячихъ. Позволю себѣ остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе. Филиппъ [1]) далъ превосходный анализъ зрительныхъ образовъ.

По его мнѣнію, каждый образъ состоитъ изъ двухъ группъ элементовъ. Одна группа составляетъ самое тѣло образа, центральное ядро, вокругъ котораго онъ отложился, изъ котораго онъ вышелъ, она—его собственная природа. Другая группа можетъ быть уподоблена платьямъ, аксессуарамъ, которые служатъ одѣяніемъ этого ядра, при посредствѣ которыхъ данный образъ вращается въ средѣ другихъ. Благодаря этой послѣдней группѣ, данный образъ принимаетъ участіе въ нашихъ умственныхъ операціяхъ, играетъ роль въ нашей умственной жизни. Группа эта, въ свою очередь, можетъ быть разложена на нѣсколько подгруппъ. Первая подгруппа элементовъ является наиболѣе внѣшнею. Подгруппа эта тѣмъ значительнѣе, чѣмъ данный образъ старше. Элементы этой подгруппы имѣютъ больше логическій, чѣмъ образный характеръ. Я не въ состояніи, напримѣръ, воспроизвести дверей той квартиры, гдѣ я былъ годъ тому назадъ, но говорю, что помню дверь, потому что знаю, что иначе не могъ бы войти въ квартиру. Часто совершенно невозможно установить, гдѣ кончаются логическіе и гдѣ начинаются конкретные чувственные элементы. Элементы второй подгруппы имѣютъ чувственный характеръ, но принадлежатъ не тому образу, которому мы ихъ приписываемъ. Эти элементы служатъ для заполненія пробѣловъ. Напримѣръ, воспроизводя силуэтъ собора св. Петра, я невольно приписываю ему свойства, принадлежащія Казанскому собору, чтобы заполнить этимъ пустые промежутки, образовавшіеся у меня въ представленіи собора св. Петра. Наконецъ, есть еще одна подгруппа элементовъ, которые имѣютъ очень неопредѣленный характеръ. Я не въ состояніи воспроизвести ихъ, но, если вмѣсто нихъ подставляется что-нибудь другое, я чувствую, что было не то.

Группа элементовъ, входящихъ въ самое ядро образа, тоже мо-

[1]) *J. Philippe*. L'image mentale. 1903.

жетъ быть разбита на три подгруппы. Если воспроизводится образъ, то прежде всего вырисовывается въ самыхъ общихъ чертахъ силуэтъ, неясно намѣчаются нѣсколько основныхъ линій, главныхъ точекъ. Нѣтъ еще ничего опредѣленнаго и точнаго. Вторая подгруппа — это дифференціація отдѣльныхъ деталей; на первый взглядъ они часто представляются довольно отчетливыми, но стоитъ намъ остановить на нихъ вниманіе, съ цѣлью разглядѣть ихъ въ подробности, какъ мы чувствуемъ, что они расплываются. Наконецъ, послѣдняя подгруппа— это элементы, воспроизводимые съ большою живостью и совершенно отчетливо. Это носители жизни, живое тѣло даннаго конкретнаго представленія. Умираютъ они—умираетъ и данное представленіе, расплывается, растворяется въ общей массѣ нашей душевной жизни. Послѣдняя подгруппа содержитъ, вообще говоря, очень незначительное количество элементовъ.

То, что пишетъ Филиппъ о зрительныхъ образахъ, справедливо, mutatis mutandis, и относительно осязательно-двигательныхъ. И въ этомъ случаѣ рѣдко переживаются представленія, такъ сказать (мы не затрагиваемъ здѣсь вопросовъ теоріи познанія, мы говоримъ только о такъ называемомъ совершенствѣ и полнотѣ восиріятія) адэкватныя объектамъ. Живое ядро представленій сводится къ очень немногочисленнымъ элементамъ; вокругъ нихъ располагаются въ нѣсколько рядовъ какъ элементы другихъ представленій, такъ и элементы знанія.

Для осязательно-двигательныхъ представленій слѣпыхъ характерно то, что конкретные чувственные элементы какъ даннаго индивидуальнаго представленія, такъ и другихъ, примыкающихъ къ нему и облекающихъ его представленій, особенно малочисленны, однообразны и блѣдны. Слѣпой довольствуется худшими суррогатами пространственныхъ представленій, чѣмъ зрячій. Какъ я показалъ выше, менѣе полными, точными и объективными являются у него также и отвлеченныя знанія о пространственныхъ соотношеніяхъ.

Въ настоящей главѣ я говорилъ только объ осязательныхъ и осязательно-двигательныхъ представленіяхъ пространства у слѣпыхъ. Вопросомъ объ участіи въ пространственныхъ представленіяхъ слѣпыхъ другихъ группъ ощущеній, особенно слуховыхъ и такъ называемаго шестого чувства, я займусь при общемъ анализѣ содержанія представленій у слѣпыхъ.

Авг. Крогіусъ.

ЛѢТНІЕ КАНИКУЛЯРНЫЕ КУРСЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Проводить лѣто за границей, на курсахъ, становится обычнымъ явленіемъ учительской жизни, и не рѣдкость встрѣтить въ аудиторіяхъ Парижа, Іены, Женевы, Лондона слушателей изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ Россіи и даже Сибири.

Курсы Германіи, Франціи, Швейцаріи болѣе или менѣе извѣстны русскимъ путешественникамъ-педагогамъ: о нихъ говорилось въ нашей печати, о нихъ сообщаютъ въ учебные округа и гимназіи, начальство покровительственно относится къ нимъ, на нихъ командируются учителя новыхъ языковъ, дипломы, выданные ими, цѣнятся и у насъ. Лондонскіе каникулярные курсы совершенно неизвѣстны; едва ли даже многимъ извѣстно, что они существуютъ.

Я мало знакома съ курсами, организуемыми германскими университетскими городами. Всѣ они отличаются отъ французскихъ и швейцарскихъ своей научностью, это не курсы, предназначенные исключительно для иностранцевъ, которые пользуются свободнымъ отъ занятій временемъ, чтобы пополнить пробѣлы въ знаніи языка, на мѣстѣ познакомиться съ жизнью, культурой чужой страны; они предназначаются для лицъ, интересующихся наукой, но которымъ некогда слѣдить за ней, преимущественно для учителей, и являются продленіемъ лѣтняго семестра университетовъ. Нѣмцы и иностранцы спѣшатъ воспользоваться возможностью послушать талантливаго лектора или извѣстнаго ученаго, такъ Іена привлекаетъ лекціями извѣстнаго педагога д-ра Рейна.

Большинство курсовъ носитъ педагогическій характеръ и идетъ въ этомъ отношеніи наравнѣ съ запросами времени. Германія даетъ много цѣннаго матеріала, какъ въ области науки, такъ и въ области искусства, въ ихъ отношеніи къ школѣ, къ дѣлу воспитанія и обу-

ченія вообще. Она пошла по пути научнаго, опытнаго изслѣдованія души ребенка; имена Лая, Амента, Мюнстенберга, Ціена—имена нѣмецкихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ обновленія школы.

Въ Германіи же раздались голоса за искусство въ школѣ, за свободу въ творчествѣ ребенка, за „школу солнца". Это движеніе обновленія, имѣющее столько поборниковъ въ Германіи, проникло и въ организацію ся лѣтнихъ курсовъ. Педагогъ-слушатель услышитъ тамъ новое слово, призывъ къ школѣ будущаго. Германія—классическая страна идеала, и это стремленіе къ идеалу новой преобразованной школы несетъ живительную струю курсамъ. Слушать курсы въ Германіи мнѣ лично не пришлось, и потому я лишена возможности остановиться на ихъ организаціи. Курсы устраиваются въ Іенѣ, Марбургѣ, Гейдельбергѣ и т. д.; всѣ свѣдѣнія любезно высылаются по первому требованію.

Другой характеръ носятъ курсы въ Швейцаріи и Франціи; они приспособлены для иностранцевъ и отвѣчаютъ болѣе узкимъ, профессіональнымъ требованіямъ слушателей. Какъ курсы, предназначаемые лишь для иностранцевъ, они даютъ, насколько это въ ихъ средствахъ, возможность практическаго усовершенствованія въ знаніи языка; это—ихъ первая цѣль; вторая—познакомить слушателей съ духовной и повседневной жизнью страны.

Во Франціи курсы для иностранцевъ устраиваются въ большинствѣ университетскихъ городовъ; они есть въ Парижѣ, Канѣ, Дижонѣ, Нанси, Греноблѣ, есть и въ Villerville, маленькомъ приморскомъ мѣстечкѣ Нормандіи. Какъ они организуются, тамъ, при отсутствіи университета и профессоровъ? Какъ бы то ни было, ихъ существованіе указываетъ на растущій спросъ на подобнаго рода организаціи, поддерживаются они посѣщающими ихъ англичанами.

Я остановлюсь на парижскихъ курсахъ, по воспоминаніямъ 1900 г. Курсы съ тѣхъ поръ почти не измѣнились, въ свое время я отмѣчу эти небольшія отступленія.

Лѣтніе курсы въ Парижѣ основаны „Союзомъ для распространенія французскаго языка за границей и въ колоніяхъ" (Alliance française pour la propagation de la langue française à l'étranger et dans les colonies). Общество, въ составъ котораго вошли писатели, ученые, профессора, начало свою дѣятельность въ 1894 году; оно поставило своей цѣлью содѣйствовать сближенію народовъ, содѣйствовать осуществленію великой идеи мира путемъ взаимнаго духовнаго знакомства. Языкъ, какъ выразитель духовной культуры народа, долженъ

стать орудіемъ сближенія; познавая произведенія мастеровъ слова, глашатаевъ свѣтлыхъ истинъ, мы научаемся уважать и понимать другъ друга. Такова идея, воодушевлявшая основателей Alliance française. Въ первый годъ существованія курсы соединили въ Парижѣ лишь пятьдесятъ человѣкъ слушателей, но уже 1896 г. насчитываетъ ихъ до трехсотъ.

Остановлюсь сначала на организаціи курсовъ и ихъ внѣшней сторонѣ. Курсы длятся два мѣсяца—іюль и августъ, по новому стилю; каждый мѣсяцъ представляетъ самостоятельное цѣлое, съ опредѣленной программой; въ концѣ каждаго періода—экзаменъ. Занятія состоятъ изъ лекцій (cours) и бесѣдъ (conférences). Первыя знакомятъ съ исторіей языка и его формъ, съ его строеніемъ, характерными особенностями путемъ теоретическаго изложенія и путемъ разбора литературныхъ образцовъ, съ литературой, исторіей, общественной жизнью и искусствомъ Франціи. Бесѣды преслѣдуютъ практическія цѣли, онѣ привлекаютъ слушателей къ активному участію при обсужденіи литературнаго вопроса; организуются упражненія въ чтеніи и переводѣ съ иностранныхъ языковъ. Въ бытность мою въ Парижѣ были отдѣльные часы, посвященные переводамъ съ русскаго, былъ профессоръ, руководившій этими упражненіями, переводились почему-то поэтическіе отрывки изъ Пушкина и Лермонтова, что затрудняло и безъ того, какъ оказалось, непосильную работу руководителя,—мало освѣдомленнаго и крайне вяло относившагося къ своему дѣлу; правда, по расписанію, занятія переводами приходились на самые поздніе вечерніе часы, когда все утомленіе дня слишкомъ сказывалось и на продуктивности работы и на посѣщаемости conférences: профессоръ едва собиралъ пять-шесть человѣкъ. Въ присланной мнѣ программѣ одного изъ послѣднихъ годовъ я не нашла упоминанія о переводахъ, надо надѣяться, что администрація курсовъ сама признала безплодность занятій, при существующихъ наличныхъ средствахъ. Въ той же программѣ помѣчены письменныя и устныя упражненія въ составленіи отчетовъ литературнаго характера. Въ прошлые годы имъ почти не отдавалось времени; помню, лишь одинъ разъ было предложено сдѣлать характеристику литературнаго творчества Шатобріана; этой попыткой все ограничилось. Въ общемъ вторая практическая часть уступаетъ теоретической; послѣдняя же поставлена широко и интересно.

Постояннымъ лекторомъ по современной литературѣ является Рене Думикъ, извѣстный своими трудами въ области исторіи литературы

и какъ литературный критикъ; на курсахъ онъ даетъ талантливые очерки современной французской литературы, оцѣнку ея лучшихъ произведеній. Сотрудникъ „Revue des deux Mondes“, онъ не отличается оригинальностью своихъ взглядовъ, но ему чужда и страстность симпатій и антипатій; его критика разсудочна, осторожна и подчиняется идеямъ того литературнаго эволюціонизма, ходъ котораго смѣло начерталъ покойный Брюнетьеръ. Лекціи Думика являются главной притягательной силой курсовъ „Alliance française“; залъ одинаково переполненъ на каждой, онѣ слушаются съ одинаковымъ интересомъ, будетъ ли то очеркъ современнаго романа, который пришлось прослушать мнѣ, или картина расцвѣта романтизма 1830 г., или характеристика реализма 1860 г. Мнѣ пришлось быть въ Парижѣ еще разъ, значительно позже, и захотѣлось попрежнему зайти въ „Alliance française“; оказалась лекція Doumic'a; знакомая картина — та же сутолока, то же стремленіе занять мѣста получше, поближе къ каѳедрѣ, то же разнообразіе физіономій, говоровъ; попадаются, какъ это ни странно, и знакомыя лица. У „Alliance“ есть свои адепты, ежегодно пріѣзжающіе въ Парижъ, записывающіеся на лекціи и регулярно посѣщающіе ихъ; такъ, напримѣръ, старостой (syndic) славянской группы въ это время былъ молодой человѣкъ, русскій, учитель французскаго языка одного изъ южныхъ городовъ, онъ уже и раньше занималъ эту почетную должность, и его то я замѣтила вновь въ аудиторномъ залѣ два года спустя. Ждутъ первой лекціи Думика съ нетерпѣніемъ и разочаровываться не приходится; на каѳедру входитъ господинъ среднихъ лѣтъ; худая, небольшая фигура, худое, утомленное блѣдное лицо, нервная жестикуляція, слабый прерывистый голосъ, но прекрасная дикція и отчетливость фразировки позволяютъ схватывать каждое слово. Лекція—обзоръ современнаго романа — захватываетъ слушателя; имена знакомыхъ писателей, ихъ произведеній проходятъ передъ нимъ, ярче окрашиваются въ мѣткой и сжатой оцѣнкѣ автора.

M. Doumic читаетъ по современной французской литературѣ, другой лекторъ говоритъ о XVII вѣкѣ, вѣкѣ расцвѣта французскаго классицизма; имена Корнеля и Расина—краеугольный камень французской литературы, и безъ нихъ не обойдется даже самый поверхностный литературный курсъ. Я слушала съ большимъ интересомъ лекціи Руа о Паскалѣ и янсенизмѣ, объ ихъ вліяніи на классическую трагедію, которой они, по словамъ лектора, сообщили внутренній общечеловѣческій, моральный интересъ.

Наряду съ лекціями по литературѣ, лекціи по общественному строю Франціи представляютъ наибольшій интересъ. Профессоръ Талама (Thalamas), читавшій по послѣднему вопросу, нарисовалъ картину современнаго общественнаго строя Франціи. Начавъ съ историческаго очерка постепеннаго образованія современнаго соціальнаго строя съ его дѣленіемъ на классы, онъ остановился на жизни каждаго изъ нихъ, далъ характеристику его внутренней физіономіи, его экономической и общественной жизни, стремленій и идеологіи. Это былъ канунъ борьбы государства съ церковью, лекторъ остановился на симптомахъ этого начинавшагося движенія, опредѣлилъ взаимное положеніе сторонъ въ школьномъ вопросѣ; коснулся онъ и другого, тогда злободневнаго вопроса, вопроса о пониженіи роста населенія, что сообщило его лекціямъ непосредственный интересъ современности.

Безусловно послѣ лекцій Думика и Руа его чтенія надо признать наиболѣе интересными и полезными въ общеобразовательномъ отношеніи. Что касается остальныхъ лекцій, то онѣ отвѣчаютъ другимъ болѣе спеціальнымъ запросамъ слушателей, знакомятъ со словообразованіемъ (Salmon), историческимъ значеніемъ формъ рѣчи по образцамъ XVII вѣка (Huguet), съ манерой письма великихъ мастеровъ слова; таковы лекціи проф. Roques и его разборъ отрывковъ изъ „Salambo“ и „Buvard et Pécuchet“ Флобера. Практически-утилитарный характеръ носятъ и лекціи по дикціи и экспериментальной фонетикѣ; съ послѣдней знакомитъ аббатъ Русло (Abbé Rousselot), работающій въ этой области въ своей спеціальной лабораторіи въ Collège de France, онъ же самъ, кажется, и создатель всей теоріи нагляднаго обученія произношенію. Интересны его опыты въ Collège de France со свѣтовыми волнами, колебанія которыхъ наглядно показываютъ вибраціи воздуха, вызываемыя тѣмъ или инымъ звукомъ; въ своей же лабораторіи онъ пробуетъ произношеніе желающихъ, отмѣчая его недостатки. Принципъ аббата Rousselot наглядность; дѣти при обученіи иностранному языку должны твердо усвоить положеніе органовъ рѣчи при произношеніи чуждыхъ имъ звуковъ; для наглядности употребляется искусственное небо изъ мягкой пасты, оно вкладывается въ ротъ и при произнесеніи того или другого звука даетъ точный соотвѣтственный отпечатокъ зубовъ и языка; получивъ слѣпокъ неправильнаго произношенія, учитель показываетъ его ученикамъ, объясняетъ уклоненія; потомъ произноситъ самъ и заставляетъ сличить оба отпечатка. Лекторъ убѣдительно рекомендуетъ примѣненіе своего способа въ практикѣ преподаванія, но едва ли онъ

осуществимъ и дастъ результаты даже и въ небольшомъ классѣ въ 20—25 человѣкъ. Какъ краснорѣчиво и горячо ни говоритъ аббатъ, его аудиторія пустѣетъ все больше и собираетъ лишь небольшую группу слушателей.

Составъ профессоровъ, отдающихъ свой лѣтній досугъ курсамъ, не постояненъ. Очень можетъ быть, что слушатели 1908 года не нашли въ программѣ ни одного изъ перечисленныхъ мною именъ, но характеръ лекцій отъ этихъ перемѣнъ не нарушается, онѣ читаются по тому же общему плану и преслѣдуютъ тѣ же цѣли.

Экзамены Alliance française являются провѣркой ранѣе пріобрѣтенныхъ и твердо усвоенныхъ знаній, а ни какъ не результатомъ работы на курсахъ; поэтому ошибочно ждать отъ нихъ подготовки. Экзамены—двухъ родовъ и даютъ право на полученіе соотвѣтственнаго диплома; высшій дипломъ (diplôme supérieur) удостовѣряетъ, что кандидатъ въ состояніи преподавать французскій языкъ у себя на родинѣ. Этотъ экзаменъ не трудный и въ послѣднее время еще значительно облегченъ: сочиненіе на литературную тему замѣнено письменнымъ изложеніемъ литературной лекціи профессора; кромѣ того есть работа по исторической грамматикѣ, которая состоитъ въ изложеніи теоріи вопроса или въ разъясненіи грамматическихъ особенностей даннаго текста. Устный экзаменъ предполагаетъ чтеніе, грамматическій разборъ текста со стороны историческаго развитія языка и отвѣтъ по литературѣ; при чемъ программой опредѣлены періоды, въ предѣлахъ которыхъ будетъ держаться экзаменаторъ; это—тоже нововведеніе послѣднихъ лѣтъ. Экзаменъ для полученія низшаго диплома (diplôme inférieur) состоитъ изъ письменнаго упражненія (пересказъ, легкое разсужденіе, описаніе, письмо) и устнаго отвѣта—чтеніе и элементарная грамматика. Кромѣ того за два лучшіе экзамена присуждаютъ медали. Право держать экзаменъ стоитъ десять франковъ, слушаніе лекцій и conférences въ теченіе одного мѣсяца—55 франковъ; но можно не брать общаго билета, а купить книжку входныхъ билетовъ по франку каждый; для лицъ, желающихъ держать экзаменъ, послѣднее не выгодно, такъ какъ для допущенія къ экзамену требуется присутствіе на опредѣленномъ числѣ лекцій, не менѣе пятидесяти, запись ведется во время самаго чтенія въ ходящей по рукамъ книгѣ,—примитивный и неудобный способъ контроля.

Остановлюсь на экскурсіяхъ и осмотрахъ: тутъ разница въ организаціи парижскихъ и лондонскихъ курсовъ, какъ увидимъ дальше, особенно велика. Осмотры служатъ иллюстраціей къ лекціямъ по

искусству; проф. Карль, руководящій ими, несмотря на все желаніе, не умѣетъ оживить ихъ, вызываетъ лишь скуку своими монотонными объясненіями и утомленіе долгимъ стояніемъ на мѣстѣ, нерѣдко подъ палящимъ солнцемъ. Посѣщаются музеи Лувра и Трокадеро; профессоръ добросовѣстно, старательно объясняетъ, слушатели внимательно слѣдятъ, и въ результатѣ ничего не выносятъ, ни опредѣленнаго представленія объ эпохѣ, ни о художникѣ. Интересенъ лишь осмотръ собора Богоматери и, вѣроятно, не столько въ виду научныхъ разъясненій, сколько въ виду собственнаго историческаго обаянія, того своеобразнаго, жуткаго и трепетнаго настроенія, которое охватываетъ подъ глубокими, темными сводами, среди цвѣтного полумрака уходящихъ вверхъ оконъ. Въ Notre-Dame къ благоговѣнію старины примѣшиваются воспоминанія романа-поэмы Виктора Гюго, монографій о средневѣковыхъ мистеріяхъ Пресвятой Дѣвы. Собственно экскурсій, если не считать поѣздки въ Версаль, нѣтъ; и въ этомъ слабая сторона курсовъ „Alliance française". Ограничившись чтеніемъ лекцій, безусловно интересныхъ, серьезныхъ, полезныхъ, прекрасно и продуманно составленныхъ, профессора, вообще организаторы, предоставляютъ слушателямъ самимъ знакомиться съ Парижемъ, парижанами и ихъ жизнью. За исключеніемъ предоставленія даровыхъ билетовъ въ Comédie française, раздачей которыхъ завѣдываютъ старосты національныхъ группъ, ничего не сдѣлано для того, чтобы познакомить пріѣхавшихъ съ французскою жизнью, ни исторической, путемъ осмотровъ, ни современной, обыденной. Французу охотно даютъ эпитетъ экспансивнаго, общительнаго, надо думать, что онъ его оправдываетъ въ своемъ близкомъ кругу; въ сношеніяхъ съ иностранцемъ, насколько приходилось наблюдать, онъ сдержанъ, холоденъ, нерѣдко даже нелюбезенъ. На курсахъ профессора приходятъ прочесть лекціи и исчезаютъ, директоръ проф. Брюно (Brunot) и вице-директоръ Huguet принимаютъ офиціально, у себя въ кабинетѣ. Страннымъ, какъ будто, кажется требовать другого; я тоже такъ думала и не ставила другихъ требованій до знакомства съ лондонскими каникулярными курсами и ихъ организаціей.

Лондонскіе курсы неизвѣстны у насъ. Англія кажется намъ недосягаемой; ея островное положеніе какъ-то отдѣляетъ ее отъ семьи другихъ европейскихъ странъ, и, хотя переправа черезъ Па-де-Кале длится лишь часъ-два, Великобританія рѣдко входитъ въ разсчеты путешественника и въ его маршрутъ. Если она и для ближайшихъ сосѣдей, французовъ, „невѣдомый островъ", то мы и подавно

мало знаемъ ее, судимъ о ней лишь по мимолетнымъ фельетонамъ случайнаго туриста, и чаще по заранѣе установившимся, разъ навсегда застывшимъ формуламъ; онѣ у всѣхъ въ памяти и принимаются на вѣру, какъ нѣчто непреложное. Я невольно отклонилась въ сторону, такъ какъ для меня лично поѣздка въ Англію была неожиданнымъ откровеніемъ новой чуждой намъ жизни, и такъ какъ сами курсы помимо своихъ литературно-просвѣтительныхъ общеобразовательныхъ цѣлей стремятся ввести, насколько возможно въ краткій четырехнедѣльный срокъ, слушателя въ сущность англійской жизни, съ ея своеобразными, чуждыми континентальному жителю формами, въ которыхъ такъ странно и подчасъ непонятно сплетаются пережитки чуть не средневѣковыхъ традицій съ понятіями XX вѣка. Лондонскіе курсы хотятъ побѣдить укоренившіеся предразсудки относительно страны и ея обитателей—холодныхъ, сухихъ, лицемѣрныхъ, коварныхъ..., къ которымъ всѣ такъ привыкли, что не является и мысли опровергнуть ихъ; въ этомъ ихъ характерная черта, ихъ заслуга и жизненный интересъ. Среди мотивовъ противъ поѣздки въ Англію у насъ часто указываютъ на несимпатичныя черты англійскаго характера; если къ этому прибавить неувѣренность въ языкѣ, вполнѣ достаточно, чтобы запугать путешественника. Уѣзжая, пришлось слышать опасенія: не поймутъ, не поймете; если послѣднее возможно, особенно первое время, то перваго не существуетъ, васъ терпѣливо, одобрительно выслушаютъ, поймутъ и помогутъ. Англичанинъ на континентѣ, знакомый типъ самаго непріятнаго спутника по купэ вагона, и англичанинъ у себя дома, два разныхъ человѣка, въ этомъ они сами сознаются, и это пришлось отмѣчать вездѣ, на каждомъ шагу; болѣе внимательнаго, предупредительнаго человѣка трудно встрѣтить, и всѣ слушатели „holiday course" единодушно воздавали должное въ этомъ отношеніи любезности всего персонала.

Чтобы слушать лондонскіе курсы, необходимо предварительное знакомство съ языкомъ, умѣнье разобраться въ трудномъ произношеніи; кромѣ разговорной рѣчи, нужно пониманіе литературнаго языка. Все это такія знанія, которыя являются рѣдко достижимымъ идеаломъ средней школы и ея программы по новымъ языкамъ.

Между тѣмъ какъ парижскіе курсы преслѣдуютъ болѣе широкія общеобразовательныя цѣли, и вниманіе отдается преимущественно теоріи языка, а не практикѣ, лекціямъ, а не conférences, лондонскіе holiday course преслѣдуютъ болѣе практическія цѣли, носятъ болѣе утилитарный характеръ. Такъ же, какъ и въ Парижѣ, читаются лек-

ціи и ведутся занятія, приближающіяся къ типу классныхъ уроковъ. Въ Парижѣ занятъ весь день—съ восьми часовъ утра до часу, съ пяти до семи, нерѣдко съ половины девятаго до десяти, чередуются cours et conférences; въ промежуткѣ, въ два часа, осмотръ памятниковъ. Въ Лондонѣ занятія ежедневно лишь съ десяти часовъ до половины второго, суббота вся посвящается отдаленнымъ экскурсіямъ, по четвергамъ, послѣ двухъ, устраиваются поѣздки въ ближайшія окрестности, кромѣ того, одинъ изъ остальныхъ дней намѣчается для осмотра Лондона и его древностей. Таковъ общій планъ курсовъ, ихъ остовъ.

Они насчитываютъ лишь нѣсколько лѣтъ существованія, но за это короткое время пріобрѣли прочныя симпатіи въ Германіи, дающей наибольшій контингентъ слушателей, во Франціи, Швеціи и въ другихъ сосѣднихъ странахъ.

„Holiday course"—каникулярные курсы—создались и стоятъ подъ эгидой лондонскаго университета, точнѣе университетскаго органа, завѣдывающаго распространеніемъ и организаціей образованія во всѣхъ его стадіяхъ внѣ стѣнъ школъ; роль этого учрежденія „Extension Board of the London University" въ культурной жизни страны очень велика; оно устраиваетъ лекціи, чтенія, организуетъ послѣшкольныя занятія, народные университеты, сетлементы, покрываетъ всю страну и колоніи сѣтью просвѣтительныхъ учрежденій, экзаменаціонныхъ комиссій, дающихъ каждому желающему возможность снискать и внѣ школы тотъ или другой дипломъ.

Начинаются курсы 22-го іюля новаго стиля, тотчасъ послѣ окончанія работъ лѣтняго семестра, длятся ровно четыре недѣли, по 16-ое августа, въ серединѣ послѣ двухъ первыхъ недѣль и въ концѣ—экзамены; записаться можно или на одинъ изъ двухнедѣльныхъ сроковъ или на все время курсовъ.

Читаются лекціи обыкновенно въ аудиторіяхъ университета (Imperial Institute); исключеніемъ явилось лѣто 1907 года, когда въ университетскихъ аудиторіяхъ и залахъ съ 5-го по 10-ое августа происходили засѣданія Второго Международнаго Конгресса по школьной гигіенѣ; курсы пришлось устроить въ расположенномъ напротивъ Научномъ Колледжѣ (College of Science), слѣдствіемъ чего явились нѣкоторыя неудобства: уроки чтенія и разговора происходили въ химическихъ лабораторіяхъ; въ одномъ помѣщеніи иногда занималось нѣсколько группъ сразу; но этихъ маленькихъ неудобствъ помѣщенія какъ-то никто не замѣчалъ въ той атмосферѣ сердечности и милаго участія,

которая такъ характерна для курсовъ и дѣлаетъ ихъ такими симпатичными. Директоръ, кажется и иниціаторъ курсовъ, профессоръ В. Рипмэнъ (Walter Rippmann) дѣлаетъ все возможное, чтобы сгладить шероховатости и сдѣлать время, проведенное на курсахъ, и продуктивнымъ и пріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Проф. Rippmann—душа курсовъ, онъ вкладываетъ въ нихъ всю энергію и все прирожденное англичанину организаторское искусство. Это еще сравнительно совсѣмъ молодой человѣкъ. Лѣтомъ онъ—директоръ holiday course, зимой—что-то въ родѣ нашего окружного инспектора по новымъ языкамъ; подъ его редакціей издаются учебники французскаго языка, французскія книги для внѣкласснаго чтенія съ англійскими примѣчаніями и словаремъ, онъ же, кажется, и одинъ изъ піонеровъ реформы преподаванія новыхъ языковъ. Въ виду оффиціальнаго положенія, у него есть возможность устроить осмотръ школъ, присутствіе на урокахъ, что особенно важно и цѣнно для слушателей-учителей; надо впрочемъ сказать, что необходимо пріѣхать раньше, чтобы воспользоваться послѣднимъ преимуществомъ, раньше конца школьныхъ занятій, который почти повсемѣстно совпадаетъ съ открытіемъ курсовъ. Послѣднее полезно и безъ того, такъ какъ ухо, во всякомъ случаѣ, не сразу улавливаетъ особенности англійскаго произношенія.

Открываются курсы привѣтственной рѣчью ректора университета проф. Рюккера (Rücker). Въ лиловой тогѣ съ бархатомъ и въ своей шапочкѣ онъ напоминаетъ средневѣковый портретъ; своеобразная одежда—cloak and cap—атрибутъ профессорскаго званія; развѣвающіяся, съ безчисленными складками, мантіи придаютъ лекціи видъ торжественности и священнодѣйствія; вслѣдъ за ректоромъ обращается съ привѣтствіемъ Registar of the Extension Board.

Какъ и въ Парижѣ, читаются лекціи по литературѣ, искусству, соціальному строю, системѣ обученія Англіи и т. д., но всѣмъ этимъ лекціямъ недостаетъ единства, онѣ эпизодичны, отрывочны; лишь лекціи профессора Холлъ-Гриффина (Hall Griffin) и Эленъ Уокера (Allen Walker), перваго о Тениссонѣ и Броунингѣ, второго объ историческомъ Лондонѣ, представляютъ законченный курсъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать преимущества курсовъ „Alliance française“, они пытаются дать цѣльное представленіе объ извѣстномъ періодѣ или явленіи и рядомъ хорошо подобранныхъ, законченныхъ цикловъ даютъ небольшой, но стройный курсъ. Лондонскіе курсы этого не даютъ, лекціи не связаны или связаны между собой очень мало.

Много мѣста отдается фонетикѣ и фонетическимъ упражненіямъ; для того, чтобы съ пользой слѣдить за лекціями и практическими упражненіями по послѣднему предмету, необходимо предварительно познакомиться съ международнымъ фонетическимъ алфавитомъ и запомнить его знаки и условное обозначеніе звуковъ. Ведетъ послѣднія занятія профессоръ Rippmann, спеціалистъ вопроса и убѣжденный сторонникъ теоріи. Кромѣ теоретическаго изложенія ученія о звукахъ англійской разговорной рѣчи, ежедневно ведутся практическія занятія; они состоятъ въ фонетической записи легкаго англійскаго текста, во всѣхъ оттѣнкахъ и деталяхъ его произношенія; текстъ диктуется лекторомъ, записывается слушателями, затѣмъ тутъ же профессоръ Rippmann самъ пишетъ его на доскѣ. Фонетика и фонетическая транскрипція введены или вводятся, какъ непремѣнная часть англійской программы преподаванія языковъ; фонетическая запись при изученіи, напримѣръ, французскаго языка обязательна съ самаго начала занятій, предшествуетъ даже изученію алфавита и письму на этомъ языкѣ; дѣти пишутъ текстъ дважды, сначала сообразно съ его произношеніемъ, при помощи фонетическихъ знаковъ, затѣмъ согласно правописанію и грамматикѣ. Первое должно развить въ нихъ чуткость къ тонкостямъ произношенія и выработать правильность послѣдняго.

Лекціи по литературѣ лѣтомъ 1907 г. читалъ профессоръ Hall Griffin, который, кажется, уже не первый разъ является лекторомъ „holiday course"; онъ остановился на характеристикѣ творчества Тениссона и Броунинга. Выборъ нельзя признать вполнѣ удачнымъ; разборъ поэтическихъ произведеній требуетъ несравненно большаго напряженія со стороны слушателей, чѣмъ, напримѣръ, характеристика литературнаго періода или теченія, очеркъ постепеннаго развитія того или другого рода произведеній—драмы, романа. И трудности изложенія для самого лектора—больше, невозможно обойтись безъ постоянныхъ ссылокъ, цитатъ поэтическихъ отрывковъ, за которыми трудно слѣдить; самый разборъ поэзіи, особенно лирики, когда мысль облекается въ прихотливую форму, то повинуясь ритму, то скрываясь за символами—неблагодарная и трудная задача. Это мой личный взглядъ, и, если о выборѣ можно спорить, то нельзя отрицать интереса лекцій, умѣнья лектора подчинить себѣ слушателей и завладѣть ихъ вниманіемъ, заразить ихъ, если такъ можно сказать, своимъ темпераментомъ. Еще одно, идущее въ разрѣзъ съ мнѣніемъ о холодности англичанъ, замѣчаніе: лекторы „Alliance française", тѣ, которыхъ мнѣ пришлось слышать, всѣ холодно разсудочны, профессоръ же

Hall Griffin весь отдается чтенію, уходитъ въ него, дополняя его жестами, мимикой, образными сравненіями. Лекторъ остановился на внутренней, духовной сторонѣ Тениссона, на идеализмѣ его творчества. Интересиымъ и удачнымъ добавленіемъ къ серіи лекцій о Броунингѣ явилось вечернее чтеніе съ туманными картинами, иллюстрирующими одно изъ произведеній поэта.

Несомнѣнный интересъ представили лекціи профессора Элленъ Уокера (Allen Walker) „Историческій Лондонъ" и осмотръ историческихъ памятниковъ. Профессоръ Walker — почетный секретарь лондонскаго средневѣковаго, археологическаго общества, человѣкъ прекрасно знакомый со своимъ предметомъ и преданный своему дѣлу спасенія памятниковъ старины отъ руки времени, а еще больше отъ всесокрушающей силы экономическихъ, жизненныхъ условій. Увѣренно лекторъ рисуетъ картину древняго Лондона, чертитъ тутъ же его планъ, границы Лондона временъ римскаго владычества, его ростъ, превратности судьбы; простой чертежъ на доскѣ даетъ понятіе о первоначальныхъ границахъ, о томъ холмѣ, который рѣшилъ судьбу города-гиганта, гдѣ теперь возвышается соборъ св. Павла и расходятся узкія старыя улицы и „lanes". Лондонъ римлянъ, англосаксовъ, норманновъ смѣняютъ другъ друга, какъ этапы на историческомъ пути. Говоритъ лекторъ медленно, отчетливо, его понимаешь съ перваго слова и безъ всякаго напряженія. Лекціи иллюстрируются осмотрами, и какъ эти осмотры интересны, жизненны, особенно по сравненію съ парижскими! Нельзя опять не отмѣтить все того же организаторскаго умѣнья, той предупредительности, о которыхъ я уже говорила. Къ большой и безъ того группѣ студентовъ примыкаютъ случайные туристы, но профессоръ не смущается наплывомъ, искусно размѣщаетъ свою аудиторію, самъ помѣщается на самомъ выгодномъ мѣстѣ; всѣмъ видно, слышно, ни протестовъ, ни толкотни. И въ старой, пережившей всѣ превратности судьбы небольшой церкви St. Bartholomew the Great, въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона, и въ древнемъ Гильдхоллѣ (Guildhall), гдѣ сосредоточивается все управленіе Сити, этой республики въ городѣ, со своимъ самоуправленіемъ, традиціями, исторіей, гдѣ лордъ-мэръ принимаетъ торжественныя иностранныя депутаціи; гдѣ совершаются колоссальныя коммерческія сдѣлки, и гдѣ, наконецъ, живетъ память о русскихъ гостяхъ временъ Іоанна III, — вездѣ профессоръ Walker умѣетъ возбудить интересъ слушателей; его рѣчь не сухой перечень достопримѣчательностей, не научная диссертація о смѣнѣ стилей; это живой разсказъ, воскрешающій старину съ наивной

прелестью ея легендъ, поэзіей преданій, которыми въ Англіи такъ богатъ всякій историческій уголокъ.

Въ профессорѣ Уокерѣ подкупаетъ его горячая преданность своему дѣлу хранителя историческихъ памятниковъ, какой-то юношескій энтузіазмъ, котораго не охладило постоянное соприкосновеніе со стариной и который передается и слушателямъ.

У меня въ памяти характерный какъ для него самого, такъ и для англичанина вообще, слѣдующій маленькій эпизодъ, случившійся во время осмотра Guildhall. Дѣло въ томъ, что слушатели „holiday course" вотировали, „собрались на митингъ", какъ на слѣдующій день торжественно сообщилъ Daily Telegraph, сохраненіе англійскому народу и его потомству одного изъ стариннѣйшихъ архитектурныхъ памятниковъ Сити, единственнаго подлиннаго готическаго дома временъ Генриха VIII, оставшагося до сихъ поръ частной собственностью; это — Crosby Hall. Зданію грозила гибель; затертое среди громадъ банковъ Сити, оно должно было уступить мѣсто какому-нибудь торговому предпріятію, исчезнуть подъ ударами каменщиковъ. Профессоръ Walker уже аппелировалъ въ Guildhall'ѣ къ отцамъ города — шерифамъ, указывая на вандализмъ подобнаго факта; не полагаясь на убѣдительность своего краснорѣчія, онъ остроумно воспользовался нашимъ пребываніемъ въ Лондонѣ. Послѣ осмотра Guildhall'а имъ было предложено посѣтить, находящійся по сосѣдству, Crosby Hall.

Въ старинномъ высокомъ hall'ѣ съ дубовой рѣзьбой стѣнъ и потолка — ресторанъ, извлекающій, вѣрно, не малую выгоду изъ своего помѣщенія, полнаго историческаго прошлаго; въ hall'ѣ жилъ нѣкоторое время король Генрихъ VIII, въ немъ бывала королева Елисавета и Томасъ Муръ писалъ свою „Утопію". Слушатели послѣ чаю осматриваютъ помѣщеніе, съ галлереи музыкантовъ открывается видъ на его внутренность, бѣлыя скатерти столиковъ оскорбительны въ старинной обстановкѣ. Тутъ обнаруживаются умыслы m-r Walker'а; оказывается, что „студентовъ" (students, такъ называютъ въ Лондонѣ мимолетныхъ случайныхъ слушателей) хочетъ привѣтствовать отъ имени лорда-мэра шерифъ Кросби, однофамилецъ, можетъ быть и потомокъ, основателя и перваго владѣльца hall'а; его ждутъ, наконецъ онъ является; минута недоумѣнія и замѣшательства; шерифъ не подозрѣвалъ о существованіи иностранныхъ студентовъ, его экстренно вытребовали, и теперь, очутившись въ толпѣ, онъ недоумѣваетъ, но все объясняется; m-r Walker улаживаетъ инцидентъ, шерифъ импровизируетъ привѣтственную рѣчь; ему говорятъ, что студенты собра-

лись, чтобы вотировать сохраненіе Crosby Hall'a, читается резолюція, принятая единодушно.

Трудно сказать, удастся ли m-r Walker'у извлечь пользу для своего дѣла изъ вотума группы случайно собравшихся людей. Невинная хитрость профессора оправдывается неподдѣльной искренностью и непосредственностью, которой она проникнута, бережливымъ отношеніемъ къ родной старинѣ. Въ этомъ маленькомъ эпизодѣ англичанинъ весь, со своей наивной преданностью „своему" дѣлу, съ умѣньемъ воспользоваться моментомъ со своимъ англійскимъ спокойствіемъ и достоинствомъ джентльмена, которыя никогда не покидаютъ его, со своей простотой.

Изъ другихъ лекцій отмѣчу лекціи по системѣ обученія и школьной организаціи Англіи; ихъ было три, и всѣ онѣ не были связаны другъ съ другомъ, что не мѣшало интересу каждой изъ нихъ. Въ нихъ видно все то же желаніе ознакомить съѣхавшихся съ самыми характерными чертами англійской жизни, въ данномъ случаѣ съ типами школьной организаціи. Интересна лекція профессора Фуркина (Furkhen) объ англійской университетской жизни, дающая картину своеобразнаго регламента старыхъ университетскихъ городовъ, съ ихъ строгими правилами, суровой дисциплиной, вплоть до обязательнаго посѣщенія часовни, которымъ подчиняются, въ силу традицій, и студенты и профессора; лекторъ остановился преимущественно на внѣшней бытовой сторонѣ университетской жизни Кэмбриджа и Оксфорда, не касаясь вовсе организаціи занятій; лекція служила иллюстраціей предстоящей поѣздки въ Кэмбриджъ.

Профессоръ Rippman посвятилъ лекцію Colleg'у въ Harrow, кажется всемірно извѣстному; по крайней мѣрѣ среди его воспитанниковъ представлены чуть не всѣ національности земного шара. Колледжъ основанъ въ XVI вѣкѣ въ царствованіе Елисаветы, въ немъ сохранилась старая классная комната съ потемнѣвшими дубовыми скамьями и каѳедрами, характерная для исторіи англійскаго просвѣщенія. Въ ней одновременно велось преподаваніе нѣсколькими профессорами, по нѣсколькимъ предметамъ. Слѣды этого типа устройства классныхъ видны кой-гдѣ еще и теперь; раздвижныя стѣнки классовъ, которыя устраиваются и въ новыхъ школьныхъ зданіяхъ (S-t Paul's Girls school, Hammersmith) — историческій пережитокъ того времени, когда все преподаваніе сосредоточивалось въ одномъ помѣщеніи; теперь онѣ служатъ, безъ сомнѣнія, гигіеническимъ и другимъ практическимъ цѣлямъ школьнаго обихода. Въ той же старой комнатѣ дубовыя стѣны

покрыты именами бывшихъ учениковъ; неровныя надписи, собственноручно вырѣзанныя безъ порядка, по прихоти каприза, смѣняются спеціальными досками съ тщательно вырѣзанными фамиліями; среди первыхъ имя Байрона, ученика колледжа. Колледжъ сохранилъ старыя программы и вѣренъ классицизму. Живетъ онъ своей собственной жизнью, выработанной традиціями, и руководимой на протяженіи четырехъ вѣковъ волей основателя сэра Lion'a. Самый костюмъ учениковъ поражаетъ своей архаичностью; сѣрые брюки, черный фракъ съ бѣлымъ отложнымъ воротникомъ, зимой и лѣтомъ круглая соломенная шляпа съ большими полями, скорѣе женская, чѣмъ мужская. Колледжъ расположенъ на вершинѣ холма, откуда видъ на зеленую даль полей, у него своя часовня, концертный залъ, библіотека, музей, дивный паркъ. Какъ колледжъ въ Хэрроу, такъ и Итонскій предназначены для дѣтей привелегированныхъ классовъ.

Общій очеркъ системы школьнаго дѣла въ Англіи далъ въ своей лекціи проф. Классенъ, лекторъ Упсальскаго университета. Альфредъ Майльсъ остановился на нѣсколькихъ соціальныхъ вопросахъ и реформахъ; мнѣ пришлось слышать лишь первую лекцію о Ричардѣ Кобденѣ и свобоkѣ торговли. Кромѣ того m-r Furkhen'омъ была прочитана лекція о Бернардѣ Шоу (Bernard Shaw); Джонсъ Ли (Ley)—лекторъ въ области искусства, Аткинсонъ прочелъ лекцію о жизни въ Южной Африкѣ, иллюстрируя ее многочисленными діапозитивами.

Перейду теперь ко второй категоріи занятій, къ ихъ практической части. Не могу сразу же не отмѣтить ихъ прекрасной организаціи. Занятія ведутся по небольшимъ группамъ, человѣкъ по 10—15-ти, по возможности различныхъ національностей; работаетъ каждая группа по получасу, подъ руководствомъ профессора. Занятія состоятъ изъ чтенія и разговорныхъ уроковъ. Въ день открытія курсовъ каждый записавшійся получаетъ именной билетъ съ обозначеніемъ мѣста въ общемъ амфитеатрѣ и въ тѣхъ группахъ, къ которымъ онъ принадлежитъ.

Преимущество такого распредѣленія мѣстъ—очевидно, въ аудиторіи нѣтъ сутолоки и безпорядка, незачѣмъ приходить заранѣе, чтобы занять лучшее мѣсто; тотъ же порядокъ и въ группахъ; принадлежность къ той или другой обозначается латинскими буквами (чтеніе) и цифрами (разговоръ), такъ напримѣръ, на моемъ билетѣ помѣчено 193—X—L. По понедѣльникамъ каждый слушатель находитъ на своемъ мѣстѣ подробную программу занятій въ теченіе всей недѣли, распредѣленіе по часамъ лекцій и работы въ группахъ; тутъ же

обозначены и фамиліи руководителей послѣднихъ. Чтеніемъ опредѣленной группы все время руководитъ то же лицо; оно осваивается съ особенностями произношенія, замѣчаетъ недостатки каждаго, и ему легче помочь исправить ихъ. Руководители разговорныхъ уроковъ чередуются, что сообщаетъ живость и свѣжій интересъ занятіямъ, новизну въ освѣщеніи вопроса и въ манерѣ вести бесѣду, что такъ необходимо, чтобы, хотя отчасти, сохранить за ними характеръ непосредственности и непринужденности, скрыть ихъ искусственность. Въ этихъ маленькихъ подробностяхъ, на которыя сначала и не смотришь, столько вниманія и продуманности, столько заботливости, что нельзя пройти мимо, какъ бы онѣ ни казались ничтожны.

Въ программѣ заранѣе отмѣчены отрывки, которые будутъ прочитаны. Это позволяетъ отмѣтить трудности, спросить разъясненій; вообще, чтобы занятія чтеніемъ были плодотворны, эта предварительная подготовка необходима. Полчаса проходитъ такъ незамѣтно, что разбираться впервые въ трудностяхъ читаемаго текста невозможно. Вообще нужно признать, что этого времени слишкомъ недостаточно; для достиженія положительныхъ замѣтныхъ результатовъ необходимо или сократить число участниковъ каждой группы или продлить время занятій по крайней мѣрѣ до часу.

Для разговорныхъ уроковъ заранѣе намѣчается общая тема, слушатель находитъ ее въ той же программѣ и заранѣе можетъ обдумать. Темы самаго разнообразнаго характера. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ: „Улицы Лондона, желѣзныя дороги, омнибусы, извозчики", „Магазины и рестораны", „Англійское и континентальное воскресенье; что дѣлать въ этотъ день въ Лондонѣ", и болѣе общаго характера— „О совмѣстномъ воспитаніи", „О вѣрѣ въ привидѣнія" и т. д.

Обыкновенно руководитель дѣлаетъ небольшое вступленіе, затѣмъ предлагаетъ говорить желающимъ; при умѣньи бесѣды принимаютъ живой непринужденный характеръ, и полчаса проходитъ назамѣтно. Заранѣе опредѣленная тема устраняетъ то непріятное состояніе, когда не знаешь, о чемъ говорить, перескакиваешь съ предмета на предметъ; при добросовѣстномъ отношеніи, при подготовкѣ, эти занятія принесутъ несомнѣнно пользу; тутъ численность участниковъ и краткость времени менѣе чувствительны, чѣмъ при чтеніи. Руководители практическихъ занятій—M-r Аткинсонъ, Furkhen, Jones, Mac-Donald, Classen и m-sses Pechy, V. и H. Partington заслуживаютъ полной признательности слушателей.

Курсы даютъ право на полученіе диплома трояка̀го рода. Простую

свидѣтельство о слушаніи лекцій, выдается прослушавшимъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока не менѣе десяти лекцій и принимавшимъ участіе въ тринадцати групповыхъ урокахъ, или за шестнадцать лекцій и двадцать три урока въ теченіе всего курса. Послѣ соотвѣтственнаго экзамена выдается свидѣтельство о знаніи разговорнаго языка (Certificate of Proficiency in spoken English) или свидѣтельство объ умѣньи письменно излагать свои мысли (Certificate of Proficiency in written English). Для полученія перваго экзаменъ состоитъ изъ чтенія, бесѣды и фонетической диктовки. Второй экзаменъ несравненно труднѣе и предполагаетъ рядъ письменныхъ упражненій, обычная форма испытаній въ Англіи. Лѣтомъ 1907 года были предложены слѣдующія темы сочиненій: „Преимущества и удовольствія путешествій“, „Жизнь въ XX и XII вѣкахъ“, „Отношеніе народовъ къ вопросу мира“, „Соціальныя проблемы современной жизни“; „Новеллы и новеллисты“; кромѣ того, предлагается составить планъ прозаическаго отрывка, изложить его содержаніе, охарактеризовать его общимъ заглавіемъ; затѣмъ надо исправить и объяснить грамматическія неправильности ряда данныхъ фразъ, отмѣтить главнѣйшія особенности англійскаго правописанія и произношенія, выписать изъ предложеннаго отрывка слова иностраннаго происхожденія и, наконецъ, дать письменно планъ литературнаго урока о пьесѣ Шекспира.

Право держать экзаменъ оплачивается 10 шиллингами; плата за слушаніе лекцій въ теченіе четырехъ недѣль 2 фунта 10 шил., въ теченіе одного изъ двухнедѣльныхъ сроковъ—1 ф. 10 шил. Выдаются также билеты лишь для слушанія лекцій, безъ права участвовать въ практическихъ занятіяхъ; они стоятъ 1 ф. 10 шил. и 1 ф.; плата за отдѣльную лекцію 2 шил. 6 пенсовъ: Билеты выдаются наканунѣ и въ день начала лекцій; какъ уже было сказано, на нихъ обозначенъ номеръ мѣста каждаго слушателя; первыя мѣста соотвѣтствуютъ первымъ рядамъ, на послѣдній рядъ приходятся номера 182—200. Въ общемъ отовсюду видно хорошо, благодаря тому, что мѣста устроены довольно высокимъ амфитеатромъ. Болѣе близкія мѣста получаютъ раньше записавшіеся; система предварительной записи очень удобна и широко примѣняется въ Англіи; по требованію, адресованному въ Extension-Board University of London высылается соотвѣтственная форма (application form), которая заполняется кандидатомъ. Здѣсь обозначается точно, что онъ хочетъ слушать, въ теченіе какого времени, сообщается имя, фамилія, національность, адресъ, и затѣмъ листъ посылается директору; въ секретаріатѣ на основаніи

листа и на немъ же, въ спеціальной рубрикѣ, отмѣчается соотвѣтственное мѣсто въ амфитеатрѣ и въ группахъ. По пріѣздѣ и уплатѣ денегъ выдается билетъ. Подобная запись, не обязывая окончательно, гарантируетъ вамъ мѣсто и вообще пріемъ. Ѣхать безъ предварительной посылки бланка — рискованно, комплектъ всегда набирается заранѣе и нераспредѣленныхъ мѣстъ къ началу занятій почти не остается. Не зная порядка записи, я поѣхала, не сообщивъ о желаніи слушать лекціи, пошла къ секретарю и получила отказъ въ пріемѣ за недостаткомъ мѣста; лишь послѣ хлопотъ, благодаря любезности M-r'a Rippmann'a и случайно освободившемуся мѣсту, я была записана въ качествѣ „student“ первой половины, благопріятный отвѣтъ пришлось узнать лишь передъ самымъ началомъ первой лекціи, когда окончательно выяснилось число пріѣхавшихъ.

Мнѣ остается сказать еще о другой сторонѣ курсовъ—объ экскурсіяхъ, вообще развлеченіяхъ. Организаторы справедливо отдаютъ много времени и тѣмъ и другимъ, понимая, что они для собравшихся не менѣе важны и интересны, чѣмъ формальная учебная часть. Первое время, пока функціонируютъ школы, желающимъ предоставляется возможность посѣщать ихъ, правда въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Мнѣ пришлось быть на заключительномъ праздникѣ въ среднемъ женскомъ учебномъ заведеніи (Foudation School). Торжество, на которомъ присутствовали родители, кучка „students“, почетныя лица, носило отпечатокъ той свѣжести и непосредственности, которыя такъ поражаютъ въ Англіи, а въ то же время самаго строгаго порядка и дисциплины. Когда наша небольшая группа явилась въ назначенный часъ, на вылитомъ асфальтомъ школьномъ дворѣ уже плавно эволюціонировали группы дѣвочекъ по командѣ учительницы гимнастики; всѣ въ одинаковыхъ свободныхъ короткихъ темно-синихъ платьяхъ, такихъ же шароварахъ, плоскихъ туфляхъ, бѣлыхъ шемизеткахъ; цвѣтные банты мѣняются по группамъ и объединяютъ классы въ отдѣльные отряды. Подъ звуки марша выходитъ одинъ такой отрядъ, все маленькія, девяти-десятилѣтнія дѣвочки, музыка смолкаетъ, стройно продѣлываются всевозможныя движенія руками, головой, тѣломъ, на смѣну идетъ уже второй отрядъ, опять ровныя, точныя, увѣренныя движенія. Смотришь и удивляешься: все это такъ чуждо намъ, нашей школѣ, такъ много граціи, непринужденности, силы въ эволюціяхъ дѣвочекъ. По программѣ торжества слѣдуетъ осмотръ зданія и выставки ученическихъ работъ; тутъ и рукодѣлье—приданое для любимой куклы, и рисунки, гдѣ ребенокъ свободно слѣдуетъ влеченію

вкуса и фантазіи, они иллюстрируютъ какое-нибудь событіе изъ жизни маленькаго художника, изображаютъ животныхъ, цвѣты; старшія составляютъ орнаменты, узоры; всѣ классы заняты выставкой работъ по какой-нибудь спеціальности, вездѣ поражаетъ наглядность, все иллюстрируется моделями, рисунками, чертежами самихъ ученицъ, такъ, напримѣръ, ими составлены чертежи и вычисленія вентиляціи помѣщенія; рисованіе тѣсно связано со всѣмъ планомъ занятій, рисунками оживляются даже уроки новыхъ языковъ; я видѣла планъ Парижа, рисунки парижскихъ памятниковъ, зданій и т. д. Классы естествовѣдѣнія—настоящія лабораторіи. При школѣ есть музей, состоящій изъ коллекцій по естественной исторіи, минералогіи, репродукцій картинъ, предметовъ, вывезенныхъ изъ колоній и т. д. Послѣ осмотра собравшимся былъ предложенъ послѣобѣденный чай съ печеньемъ, традиціонными сандвичами, кэками, сервированный самими дѣвочками. Еще подробность характерная для школы и для Англіи: буквально все тонетъ въ цвѣтахъ, цвѣты вездѣ, и на чайныхъ столахъ, и между физическими приборами, среди рисунковъ и книгъ; свѣжіе цвѣты также украшаютъ ежедневно столы на „holiday course“.

Изъ экскурсій наиболѣе интересны субботнія экскурсіи въ Кэмбриджъ и Оксфордъ; мнѣ пришлось быть съ курсами лишь въ Кэмбриджѣ. Поѣздка заняла почти весь день; въ плату за билетъ входитъ основательный завтракъ по пріѣздѣ въ гостинницѣ, затѣмъ всѣ пріѣхавшіе для осмотра раздѣляются на группы, во главѣ каждой—свой проводникъ, лекторъ курсовъ; я попадаю въ группу проф. Rippmann'а, онъ самъ бывшій кэмбриджскій студентъ, прекрасно знакомъ съ колледжами и ихъ жизнью. Каждый старинный колледжъ, нѣкоторые основаны въ XIII вѣкѣ, своего рода архитектурная рѣдкость. Четырехугольные дворы, съ яркими зелеными лужайками, окружены потемнѣвшими стѣнами, готическими крышами часовенъ и обѣденныхъ hall's, башенками, окна въ цвѣтахъ, стѣны увиты плющемъ и виноградомъ. И какъ красива ихъ яркая зелень среди мрачнаго сѣраго камня! Къ первому двору примыкаетъ второй, третій, они свидѣтельствуютъ о расширеніи колледжа и постепенномъ ростѣ науки. Среди преобладающей готики только одинъ Caius-College со своими колоннадами, статуями—дань ренессансу. Городъ прорѣзываетъ рѣчка Кэмъ, отсюда и его названіе. Черезъ нее переброшенъ рѣшетчатый мостъ вздоховъ (Bridge of Sighs), соединяющій двѣ мрачныя, сѣрыя, падающія въ воду стѣны. Mr. Rippmann сообщаетъ подробности о своеобразной жизни колледжей и города, жители котораго изъ уваженія къ тра-

диціямъ отказались отъ электрическаго трамвая и не допускаютъ куренія на улицахъ.

Одна изъ субботъ посвящена поѣздкѣ по Темзѣ, экскурсанты ѣдутъ на отдѣльномъ пароходѣ; жизнь на Темзѣ, такъ какъ Темза живетъ лѣтомъ полной жизнью, тоже цѣлое откровеніе для иностранца; пловучіе дома отъ роскошныхъ виллъ, утопающихъ въ ползучихъ растеніяхъ, до скромныхъ бѣлыхъ ящиковъ, передвижные домики на берегу, куда хозяева пріѣзжаютъ провести week-end (конецъ недѣли), раскинутыя то тутъ, то тамъ палатки, лодки съ навѣсами для ночлега — все использовано; утромъ все тихо, къ вечеру рѣка оживаетъ и представляетъ невиданное, неописуемое зрѣлище. Организуются поѣздки въ Harrow, Windsor и другія ближайшія окрестности, поѣздки на лошадяхъ; использовано все, о чемъ знаешь лишь по наслышкѣ и романамъ.

Билеты на экскурсіи продаются на курсахъ, въ плату входитъ дневное питаніе, и она не велика; поѣздка въ Кэмбриджъ стоитъ $8^1/_2$ шиллинговъ, по Темзѣ 11 шилл. и т. д. Въ экскурсіяхъ принимаетъ участіе директоръ Mr. Rippmann и лекторы. Невозможно не упомянуть еще разъ о ихъ любезности и предупредительности; M. Rippmann думаетъ о всѣхъ и обо всемъ, передъ отъѣздомъ онъ первый на вокзалѣ, разсаживаетъ по вагонамъ, во время переѣзда слѣдитъ за разговоромъ, поддерживаетъ оживленіе, на мѣстѣ онъ — интересный гидъ. Во время занятій онъ также всегда къ услугамъ желающихъ его видѣть; его рабочій столъ въ сборной комнатѣ, куда сходятся слушатели въ промежуткахъ между лекціями, тутъ же на столахъ множество газетъ, брошюръ, книгъ, которыя можно покупать.

Открываются курсы торжественнымъ вечернимъ пріемомъ въ залѣ университета (Conversazione), послѣ музыкальнаго отдѣленія предлагается чай; кромѣ того, въ теченіе мѣсяца устраивается нѣсколько вечеровъ для сближенія слушателей.

Составъ участниковъ курсовъ самый пестрый, большинство составляютъ нѣмцы и шведы, русскихъ въ прошломъ году было лишь четверо, кромѣ нихъ 2—3 нѣмца изъ Россіи, двое русскихъ, какъ это ни удивительно, изъ восточной Сибири.

Лондонскіе курсы вполнѣ оправдываютъ свое названіе holiday (каникулярные) course, это именно курсы, гдѣ счастливо и умѣло соединено полезное съ пріятнымъ, лѣтній отдыхъ съ неутомительнымъ и интереснымъ трудомъ. Въ этомъ ихъ большая заслуга и отличительная черта.

К. Ганшина.

О ПРОЕКТѢ ЗАКОНА ВСЕОБЩАГО ОБУЧЕНІЯ, ВЫРАБОТАННАГО ДЛЯ ПОДКОМИССІИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОСОБЫМЪ СОВѢЩАНІЕМЪ.

Въ іюнѣ государственной думой было принято ассигнованіе 6.900.000 руб. въ текущемъ 1908 году на народное образованіе, но законопроектъ, о всеобщемъ начальномъ образованіи, не былъ еще разсмотрѣнъ.

Для разсмотрѣнія же внесеннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія проекта „о введеніи всеобщаго начальнаго обученія въ Имперіи“ было образовано особое совѣщаніе по разработкѣ общихъ вопросовъ, связанныхъ съ законопроектомъ (подъ предсѣдательствомъ Е. П. Ковалевскаго). Докладъ свой совѣщаніе выработало въ іюнѣ же мѣсяцѣ, представило въ 3-ю подкомиссію по народному образованію, но вмѣстѣ съ тѣмъ разослало свой проектъ основныхъ положеній о начальныхъ училищахъ съ объяснительной къ нему запиской къ различнымъ лицамъ, занимающимся вопросами народнаго образованія— „для свѣдѣнія“.

Разсмотрѣніе этого проекта сперва въ подкомиссіи, а потомъ и въ государственной думѣ предстоитъ въ настоящую сессію.

Совѣщанію предстояла трудная задача согласовать нерѣдко противорѣчивыя желанія различныхъ партій и выработать практически осуществимый проектъ, который могъ бы быть проведенъ. Только сознаніе огромнымъ большинствомъ членовъ государственной думы и государственнаго совѣта безусловной необходимости скорѣйшаго подъема народнаго образованія даетъ надежду на то, что вопросъ о народномъ образованіи будетъ разрѣшенъ несмотря на всѣ трудности. Самое разрѣшеніе кредита въ размѣрѣ 6.900.000 руб. на 1908 г. опредѣленно выражаетъ это. Никогда въ такомъ размѣрѣ средствъ мини-

стерству народнаго образованія не давали, и если въ прежніе годы разрѣшалъ государственный совѣтъ увеличить ассигнованіе на народныя школы на 500.000 руб., то министерство уже радовалось такому успѣху.

Проектъ, составленный совѣщаніемъ, въ сущности близокъ къ тому проекту, который былъ внесенъ министерствомъ, но развитъ гораздо подробнѣе.

Въ докладной запискѣ „совѣщанія" говорится, что въ 3-й подкомиссіи прежде всего были намѣчены тѣ вопросы, которые должно было разработать совѣщаніе:

1. Какимъ минимальнымъ условіямъ (въ смыслѣ продолжительности курса и предметовъ преподаванія) должна удовлетворять школа для полученія пособія изъ казны.

2. Обязательства по отношенію къ школѣ со стороны: а) правительства, б) мѣстныхъ общественныхъ органовъ и в) учащихся и ихъ родителей.

3. Финансовый планъ введенія всеобщаго обученія въ смыслѣ разрѣшенія вопросовъ о томъ, какого размѣра должно достигнуть ассигнованіе средствъ отъ правительства и отъ мѣстныхъ общественныхъ органовъ для завершенія введенія всеобщаго обученія и въ какой постепенности должны увеличиваться отпускаемыя нынѣ изъ тѣхъ же источниковъ на начальное образованіе суммы для достиженія указаннаго выше размѣра.

4. Разработка общихъ указаній для составленія школьной сѣти.

5. Положеніе школъ вѣдомства православнаго исповѣданія въ общей системѣ начальнаго образованія.

6. Взаимоотношеніе между административными органами (центральными и мѣстными) и мѣстными общественными органами.

7. Подготовка хорошаго учительскаго персонала въ количествѣ, достаточномъ для замѣщенія преподавательскихъ мѣстъ во всѣхъ, имѣющихъ быть открытыми при достиженіи всеобщаго обученія школахъ.

8. Удовлетвореніе единовременныхъ нуждъ школъ, какъ-то: въ постройкѣ зданій, въ ихъ оборудованіи, въ отводѣ подъ нихъ необходимой земельной площади.

9. Пересмотръ законодательныхъ нормъ, опредѣляющихъ права и обязанности учителей, какъ во время состоянія ихъ на службѣ, такъ и по выходѣ ихъ въ отставку.

10. Начальныя школы высшаго типа.

11. Внѣшкольное образованіе.

12. Языкъ преподаванія.

13. Частныя школы.

14. Дѣтскіе сады и вообще до-школьное воспитаніе и образованіе.

Вопросъ 12—о языкѣ преподаванія—въ совѣщаніи не обсуждался и переданъ въ особую подкомиссію о нерусскихъ школахъ. (И въ министерскомъ проектѣ этотъ вопросъ не былъ затронутъ). Наиболѣе трудными для соглашенія представляются, конечно, вопросы 5, 6 и 9. Совѣщаніе не могло ихъ разработать достаточно полно, такъ какъ ихъ разрѣшеніе тѣсно связано съ проектами другихъ государственныхъ реформъ (о мѣстномъ управленіи, о церковномъ и приходскомъ управленіи), поэтому совѣщаніе пока задалось лишь принципіальнымъ рѣшеніемъ ихъ (министерство же, понятно, въ своемъ проектѣ совсѣмъ не могло ихъ касаться, какъ лежащихъ внѣ его вѣдомства). Въ проектѣ совѣщанія признается необходимымъ предоставить органамъ мѣстнаго самоуправленія завѣдываніе не только въ хозяйственномъ отношеніи, но и въ учебномъ, сохраняя однако за государствомъ общее руководство и надзоръ за начальнымъ образованіемъ; притомъ совѣщаніе высказалось въ принципѣ за объединеніе означеннаго надзора въ одномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Такія заключенія съ своей стороны считаемъ правильными и достаточно осторожными. Нѣтъ сомнѣнія, что министерство, какъ центральное учрежденіе, не можетъ достаточно знать сотни тысячъ мѣстныхъ школъ, живущихъ при самыхъ различныхъ условіяхъ, и не можетъ себя чувствовать достаточно близкимъ къ нимъ, не можетъ и во время явиться на помощь уже по одной многочисленности такихъ школъ, дѣлающихъ ихъ безличными передъ министерствомъ. Только мѣстные люди могутъ непосредственно знать эти школы, лично привязываться къ нимъ и заботиться о нихъ; но чтобы заботиться, нужно имѣть возможность тамъ работать, участвовать въ руководствѣ ихъ жизнью, потому что только личная забота и участіе вызываютъ дѣйствительную привязанность. Съ другой стороны, какъ ни мала каждая школа въ отдѣльности, въ совокупности онѣ имѣютъ огромное значеніе въ государствѣ, и государство не можетъ, поэтому, не заботиться о сохраненіи за собою надзора за школами и общаго ими руководства. Оттого-то и борются разныя партіи изъ-за школьнаго вопроса: всѣ сознаютъ, болѣе или менѣе ясно, значеніе школы и потому часто настаиваютъ на полной безконтрольности школъ со стороны государства, желая, конечно, сами вліять на школы. Но сколько бы ни было партій, государство должно быть выше ихъ; его задачи, его связующее на-

чало должно остаться, иначе—будутъ партіи, но не будетъ государства, и жизнь станетъ невозможна, внутренніе раздоры отнимутъ силу, и этимъ неминуемо воспользуются другія государства, какъ и теперь рѣзко видимъ это въ жизни всѣхъ государствъ, несмотря на кажущуюся близость взглядовъ на жизнь во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Законодательство и должно опредѣлить роль государства и средства его контроля. На нашей родинѣ, по условіямъ территоріи (открытая равнина) и исторической жизни, соединены многочисленныя народности, разнохарактерныя, съ разными стремленіями. Поэтому забота о связующей работѣ государства особенно важна. Она вполнѣ осуществима, только не должна переходить въ желаніе проводить *личные* вкусы отдѣльныхъ лицъ. Сознаніе необходимости обще-государственнаго контроля близко всей массѣ населенія, но на почвѣ личныхъ желаній отдѣльныхъ и мѣстныхъ лицъ легко возникаютъ разнообразныя столкновенія. Возникаютъ они и у мѣстныхъ людей, но и въ этомъ случаѣ правильную и безпрепятственную работу учащихъ можетъ обезпечить правильно организованный контроль государства, и въ эту сторону онъ долженъ быть направленъ.

Въ настоящее время, когда въ странѣ еще очень мало развита привычка къ веденію общественныхъ дѣлъ, очень легко и сильно смѣшиваются въ жизни личные интересы съ интересами дѣла; очень мало еще развито сознаніе, что каждый новый руководитель дѣла не долженъ передѣлывать склада работы на свой ладъ, ибо частыя перемѣны этого склада, связанныя съ перемѣнами руководителей (неизбѣжно довольно часто случающимися), въ концѣ концовъ совсѣмъ не даютъ возможности стойко наладить дѣло, оно все находится въ періодѣ организаціи, а не развитія. На государствѣ должна лежать забота дать дѣлу устойчивость.

Замѣтимъ также, что необходимо установленіе контроля, стоящаго *внѣ* непосредственнаго веденія дѣла, т. е. долженъ быть контроль даваемыхъ результатовъ, по впередъ опредѣляемымъ закономъ нормамъ; контроль долженъ считаться общимъ правиломъ во всякомъ дѣлѣ и не можетъ быть обиднымъ для мѣстныхъ дѣятелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для центральной власти организовать правильный контроль въ сущности значительно легче, чѣмъ самой вести дѣло, именно потому, что гораздо легче установить безличныя требованія результатовъ, чѣмъ вести дѣло, распадающееся на множество мелкихъ единицъ, попадающихъ въ различныя мѣстныя условія, которыхъ и предусмотрѣть нельзя.

Поясним эту мысль маленьким примѣром. Теперь быстро идет в провинціальных городах преобразованіе женских прогимназій в гимназіи. При увеличеніи числа классов прогимназіи для нѣкоторых из прогимназій выгоднѣе получить названіе „гимназіи“ возможно скорѣе, прежде достиженія полнаго числа классов, для других—наоборот. Нѣкоторые из попечительных совѣтов поэтому очень хлопочут о переименованіи своего учебнаго заведенія, другіе—удерживают прежнее. Вот примѣр вопроса, который с государственной точки зрѣнія не имѣет значенія, зависит от мѣстных обычаев и условій. Объясняется различіе желаній тѣм, что в нѣкоторых губерніях земства, назначая пособія женским прогимназіям, ставят условіе: когда *онѣ преобразуются* в гимназіи; этим побуждают к преобразованію. В других—земства назначают пособія учрежденію без всяких условій, и тогда вліяет другой факт: в прогимназіях существует меньшее вознагражденіе за уроки, чѣм в гимназіях, потому, сохраняя названіе „прогимназіи“, учебное заведеніе не становится в неловкое положеніе, не имѣя еще возможности увеличить вознагражденіе. При крайней недостаточности средств женских учебных заведеній и эта экономія, особенно в період преобразованія, непремѣнно требующаго усиленных расходов, имѣет значеніе. Учащіе же охотно идут на такую временную уступку, радуясь развитію дѣла и зная ея временной характер.

Контроль со стороны государства вполнѣ может не касаться таких вопросов, а распоряженіе со стороны государства могло бы быть только общим и в том или в другом из приведенных случаев затруднило бы дѣло, не будучи само по себѣ необходимым.

Распоряженіе же в начальных школах, разбросанных по всей странѣ, еще гораздо сильнѣе связанных с мѣстными обычаями и желаніями, можно сказать, даже почти недостижимо в отношеніи частностей, стоит громаднаго труда и все-таки очень плохо удается. На мѣстѣ примѣненіе к частным условіям легко дается, потому что они хорошо извѣстны, не вызывают недоразумѣній. Другое дѣло, повторяем еще раз, руководство *основными* условіями работы школы: оно вполнѣ возможно (хотя и не легко, может быть, организовать его) и необходимо для жизни государства. Нормировка же условій матеріальной помощи школам со стороны государства достижима без особых затрудненій; не трудно было министерству установить и практическую основу: дается жалованье учащим в опредѣленном раз-

мѣрѣ, поэтому легко исчисляется необходимая сумма какъ при ежегодномъ отпускѣ, такъ и потребная для развитія школьной сѣти во всей Имперіи. Обращеніе пособій именно на жалованіе учащимъ дѣлаетъ весьма простымъ и контроль расхода: каждый получатель (т. е. учащій) является безусловно надежнымъ контролеромъ, слѣдящимъ за расходомъ, и отъ содержателей школъ требуется только представленіе вѣдомостей по выдачѣ жалованія учащимъ съ ихъ расписками въ полученіи—документъ, весьма легко и безъ ошибокъ получаемый. Мы не говоримъ уже о томъ, отъ скольких мукъ и убытковъ освободитъ учащихъ въ нашихъ сельскихъ школахъ своевременное и обезпеченное полученіе жалованья.

Второй важный вопросъ, который пришлось обсуждать „совѣщанію"—нужно ли сосредоточеніе надзора за начальными школами въ одномъ вѣдомствѣ? Въ докладной запискѣ „совѣщанія" говорится, что оно имѣло въ виду и доводы противъ такого объединенія [1]), имѣло въ виду указаніе на возможность и для вѣдомства направленія обученія по ошибочному пути, но совѣщаніе признало, что соревнованіе между школами и при общемъ руководствѣ однимъ вѣдомствомъ будетъ существовать вполнѣ достаточное, чтобы предохранить отъ неправильной постановки обученія, если въ веденіи дѣла будутъ принимать дѣятельное участіе мѣстные общественные органы, какъ то предполагается проектомъ закона о всеобщемъ обученіи въ начальныхъ школахъ. Гораздо болѣе возможнымъ считало „совѣщаніе" отрицательное вліяніе на школы раздѣленія надзора между различными вѣдомствами, что способствовало во многихъ мѣстностяхъ развитію даже антагонизма между школами, какъ будто не обязанными идти къ общегосударственнымъ цѣлямъ. (Но если надзоръ долженъ быть общій для всѣхъ школъ, то онъ можетъ быть посильнымъ лишь для спеціальнаго вѣдомства, не можетъ быть добавочнымъ только занятіемъ, какимъ онъ является въ духовномъ вѣдомствѣ). Но совѣщаніе вовсе не находило возможнымъ или нужнымъ *прекратить* существованіе церковно-приходскихъ школъ. Мы думаемъ, что такой проектъ рѣшенія вопроса правиленъ, что никакъ не слѣдуетъ закрывать существующія школы или мѣшать открытію новыхъ, но надзоръ, объединяющій работу всѣхъ школъ, долженъ быть общій и долженъ быть порученъ спеціальному вѣдомству. Подробностей будущей организаціи дѣла совѣ-

[1]) Въ „совѣщаніи" участвовали представители всѣхъ партій государственной думы, пропорціонально ихъ численности въ самой думѣ.

щаніе также не вырабатывало, потому что и церковные приходы еще ждутъ своей организаціи.

Не имѣя возможности опредѣленно сказать, *какимъ* мѣстнымъ органамъ самоуправленія желательно дать право непосредственнаго завѣдыванія школами, совѣщаніе признало желательнымъ предоставить мѣстнымъ органамъ самоуправленія „ближайшее завѣдываніе не только въ хозяйственномъ, но и въ учебномъ отношеніи". Каковы же должны быть границы, въ чемъ долженъ выражаться надзоръ за школами и какими средствами будутъ осуществляться заключенія надзора, не говорится. Это создаетъ такую неопредѣленность, которая очень тяжело отразится на школѣ. Нельзя въ законѣ говорить такими общими словами. Таковы были выраженія положенія 1874 г. о начальныхъ училищахъ, и они привели къ вѣчнымъ столкновеніямъ и весьма разнообразнымъ толкованіямъ. Необходимо разграничить *контроль* и *завѣдываніе* школами.

Опредѣлить основы *разграниченія* вполнѣ возможно. Дѣлаемъ такой опытъ. 1) Мѣстные органы обязаны заботиться объ открытіи школъ въ достаточномъ числѣ для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста и завѣдуютъ ими. 2) Если школа достаточно оборудована и обезпечена помѣщеніемъ, мѣстное школьное управленіе заявляетъ объ этомъ *и имѣетъ право* получить пособіе на жалованье учащимъ. 3) Если школа открыта, она должна удовлетворять минимальнымъ требованіямъ курса, опредѣляемымъ министерствомъ; за этимъ наблюдаетъ инспекція министерства; дополнительные курсы и занятія могутъ быть разрѣшаемы мѣстными органами самоуправленія съ отвѣтственностью за то, что данныя имъ разрѣшенія не противорѣчатъ закону; инспекція имѣетъ право предъявить протестъ противъ распоряженія по учебному дѣлу мѣстныхъ органовъ, и тогда осуществленіе рѣшенія ихъ пріостанавливается, и дѣло переносится въ высшую инстанцію. Въ случаѣ неудовлетворительнаго состоянія школы, о послѣднемъ инспекція заявляетъ мѣстному школьному совѣту; въ случаѣ разногласія съ нимъ—можетъ перенести въ губернскій школьный совѣтъ и даже за своею отвѣтственностью остановить работу въ школѣ, донося о томъ учебной власти; школа, признанная неудовлетворительною, можетъ быть лишена пособія отъ казны до приведенія ея въ надлежащее состояніе. 4) По свойству курса начальной школы, не могущаго дать научныхъ знаній, а только систематическій рядъ упражненій, взятыхъ изъ разныхъ областей знаній, экзаменъ долженъ производиться изъ того, что пройдено по заявленію учащаго, и долженъ

устанавливать знаніе основъ религіи, умѣнье учащагося усвоить прочитанное въ книгѣ, изложить ясно свою мысль, знаніе тѣхъ фактовъ, о которыхъ заявлено учащимъ, и умѣнье свободно считать и пользоваться дѣйствіями при рѣшеніи тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые заявлены учащими; экзаменъ производится комиссіей учащихъ, подъ предсѣдательствомъ кого-либо изъ членовъ мѣстнаго школьнаго комитета, или инспектора народныхъ училищъ; къ участію въ немъ можетъ быть назначаемо и лицо, избранное изъ своей среды губернскимъ школьнымъ совѣтомъ, имѣетъ право участвовать и содержатель школы, если школа содержится частнымъ лицомъ. Сужденіе объ успѣхахъ школы дѣлается по установленнымъ результатамъ экзамена. 5) Школьный совѣтъ можетъ возбудить судебнымъ порядкомъ искъ къ лицу, закрывшему школу, если считаетъ дѣйствія его неправильными, въ предѣлахъ, которые должны быть установлены закономъ.

Таковы наши предположенія о возможности установить не фиктивный, а дѣйствительный надзоръ за школами и въ то же время обезпечить школы отъ случайныхъ или произвольныхъ рѣшеній. О томъ, что открываемая школа дѣйствительно удовлетворительно устроена и учащимъ избрано лицо, обладающее учительскимъ цензомъ, долженъ также удостовѣрять инспекторъ, чтобы школа получила право на пособіе. Инспекторъ контролируетъ и правоспособность всѣхъ вновь избираемыхъ школьнымъ совѣтомъ учащихъ.

По проекту совѣщанія срокъ для осуществленія всеобщности обученія устанавливается въ 10 лѣтъ. Очень важно установить опредѣленный срокъ, потому что тогда только и возможно выработать финансовую сторону проекта и опредѣлить размѣръ необходимыхъ ежегодно ассигнованій. Но мы вовсе не видимъ особой бѣды въ томъ, если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всеобщность обученія будетъ достигнута раньше, а въ другихъ даже нѣсколько позже, если, напримѣръ, задержится необходимостью предварительной постройки школъ, такъ какъ есть мѣстности (Архангельская губернія, напримѣръ), гдѣ во многихъ селеніяхъ *нельзя* даже *найти* сколько-нибудь сносное помѣщеніе. Нужно только ежегодное обсужденіе, гдѣ надо усилить помощь, гдѣ возможно уменьшить (напримѣръ, такіе города, какъ Петербургъ, Москва, Одесса даже не просятъ пособій на содержаніе школъ).

Проектъ совѣщанія въ статьѣ 7 опредѣленно указываетъ общегосударственное значеніе школы, а въ статьѣ 10 предметы обученія, въ 12 статьѣ нормальный срокъ обученія — 4-лѣтній, за который мы лично уже лѣтъ десять ратуемъ.

Установленіе *права* на пособія имѣетъ огромное практическое значеніе, но совершенно необходимо, чтобы мѣстныя средства, если они освобождаются, благодаря получаемымъ *всѣми* школами пособіямъ, затрачивались непремѣнно на нужды школьнаго дѣла, какъ это и устанавливается 25 статьей проекта совѣщанія. Но слѣдовало бы установить прямо закономъ, что въ городахъ можетъ быть увеличиваемъ размѣръ пособій на жалованье, такъ какъ на 360 р. въ городѣ учащему жить очень трудно, а маленькіе города (особенно на сѣверѣ) нерѣдко не могутъ взять на себя сверхъ расходовъ по найму квартиры и содержанія школы еще и прибавку къ жалованью учащимъ. Необходимо въ законѣ указать условія, при которыхъ можетъ быть *пріостановлена* выдача пособія (школа, удовлетворявшая условіямъ назначенія пособія, можетъ потомъ потерять ихъ: помѣщеніе можетъ быть взято другое, неудовлетворительное, приглашено обучать новое, неправоспособное лицо, утрачены учебныя пособія, уходъ учащихся, прекращеніе мѣстныхъ ассигнованій на школу).

Надо *включить въ проектъ* и указанія на условія допущенія поправокъ въ утвержденной сѣти школъ. Такія поправки могутъ сдѣлаться необходимыми изъ-за перемѣщенія населенія, быстраго роста населенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ или, наоборотъ, уменьшенія населенія.

Совершенно упущены изъ виду въ проектѣ такія селенія, которыя не имѣютъ не только никакого мѣстнаго органа самоуправленія, но не составляютъ и *общества*. Около станціи Бологое, напримѣръ, живутъ до 18.000 чел., но живутъ они на арендованной у землевладѣльца землѣ и *никакого* общества не образуютъ и образовать не могутъ, не могутъ поэтому установить и обязательнаго сбора на школы или другія общія нужды. Въ такихъ мѣстностяхъ нужна особая помощь въ устройствѣ школъ.

Проектъ совѣщанія разрѣшаетъ учрежденіе дополнительныхъ классовъ—статья весьма важная, такъ какъ во многихъ мѣстахъ сельское населеніе стремится къ большему образованію, чѣмъ даваемое 4-лѣтнимъ обученіемъ, хотя и теперь неоканчивающихъ курсъ 4-хъ-лѣтней школы больше, чѣмъ оканчивающихъ.

Потребность значительной части населенія въ большемъ образованіи вполнѣ опредѣленно указывается быстрымъ ростомъ числа учащихся въ 2-классныхъ училищахъ и возникновеніемъ *по ходатайству населенія* 4-классныхъ городскихъ по Положенію 1872 г. училищъ въ далекихъ сельскихъ мѣстностяхъ (напримѣръ, въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.).

Хотя и представители общественныхъ управленій нерѣдко на собраніяхъ гласныхъ заявляли, что не слѣдуетъ вводить 4-лѣтняго курса, потому что большинство не кончаетъ и 3-лѣтняго, но та доля, которая стремится идти дальше, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть лишена поддержки государства; она *нужна* государству и сильно вліяетъ на общій подъемъ просвѣщенія въ той мѣстности, гдѣ появляется. Вѣдь еще меньшее число дѣтей попадаетъ въ среднюю школу, но никто же не сомнѣвается, что безъ среднихъ школъ государство существовать не можетъ.

По нашему мнѣнію совѣщаніе совершенно правильно не включило въ проектъ вопроса о программѣ, а только указало предметы обученія. Программа контролируется, какъ должно быть указано въ законѣ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, но не можетъ быть стѣсняема трудностями измѣненій въ законодательствѣ. Точно также (ст. 13 проект.) перечисленіе въ законѣ дополнительныхъ курсовъ, какіе допускаются, было бы на практикѣ весьма затруднительнымъ, поэтому правильнѣе ограниченіе такихъ курсовъ 1 или 2 годами обученія, что способствуетъ правильной постановкѣ педагогической стороны дѣла, такъ какъ продолжительные, разрозненные и отдѣльные курсы не даютъ достаточнаго общаго развитія; становится уже необходимой организація *школы* (напримѣръ, 4-класснаго по положенію 1872 г. училища). Опытъ достаточно ясно убѣждаетъ (напримѣръ, курсы для рабочихъ), что населеніе по условіямъ своей жизни даетъ очень малый процентъ посѣщающихъ курсы нѣсколько лѣтъ; могущіе учиться дольше, можетъ быть даже безъ яснаго сознанія, но предпочитаютъ поступленіе *въ школы*.

Замѣтимъ еще, что въ законѣ должно быть опредѣлено, *кто* устанавливаетъ тѣ гигіеническія условія, которымъ должна удовлетворять школа, чтобы получить право на пособіе отъ казны.

Въ своей объяснительной запискѣ совѣщаніе говоритъ, что видитъ двѣ главныя особенности въ выработанномъ имъ проектѣ, по сравненію съ закономъ объ отпускѣ 6.900.000 руб. въ 1908 году: 1) ставитъ условіемъ полученія пособія составленіе *на мѣстѣ* школьной сѣти и *плана постепеннаго* ея осуществленія въ цѣляхъ доступности школы для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста; 2) устанавливаетъ минимальныя требованія, которымъ должна удовлетворять школа для полученія пособія отъ казны. Первымъ условіемъ совѣщаніе, конечно, имѣетъ въ виду побудить мѣстные органы къ обдуманнымъ планомѣрнымъ дѣйствіямъ, къ принятію какъ бы обязательства не

останавливаться на полупути, а довести дѣло до конца, вторымъ—къ установленію требованія, чтобы школы не были устраиваемы кое-какъ, принося вредъ здоровью или не давая никакого развитія. То и другое соотвѣтствуетъ проекту закона, внесеннаго министерствомъ.

Высказавъ свои замѣчанія по поводу проекта закона, составленнаго совѣщаніемъ, повторяемъ еще разъ, что *особенно важнымъ* считаемъ раздѣленіе завѣдыванія школами отъ контроля надъ ними, который долженъ принадлежать государству. Въ высшей степени важно, чтобы пособія на жалованье выдавались всѣмъ школамъ, какъ вновь открываемымъ, такъ и существующимъ. Только при этомъ условіи можетъ скоро практически осуществиться общедоступность школы для всего населенія, и положеніе учащихъ улучшится. Напрасны и вредны споры о томъ, будетъ ли справедливо, что однѣ мѣстности получатъ раньше, другія позже: получатъ *всѣ*, пусть же постараются поработать на мѣстахъ, чтобы поскорѣе получить пособія. Иначе мы опасаемся, что изъ-за споровъ о справедливости дѣло совсѣмъ не будетъ двигаться впередъ. Изъ-за споровъ о справедливости основаній для выдачи пенсій народнымъ учителямъ проектъ пенсіонной для нихъ кассы вырабатывался съ 1869 г. по 1900 г. Необходимыя поправки жизнь укажетъ, но надо идти впередъ.

Учащіе, вѣроятно, ждутъ еще замѣчаній объ ихъ правахъ. Совѣщаніе не включило объ этомъ статей въ проектъ закона, считая, очевидно, этотъ вопросъ дѣломъ особаго закона.

Мы же замѣтимъ, что въ живомъ мѣстномъ организмѣ, какова школа, неизбѣжно будутъ сталкиваться двѣ потребности: позаботиться о положеніи учащихъ и позаботиться о желаніяхъ учредителей школы. Нельзя отрицать права послѣднихъ предъявлять свои требованія. Какъ сочетать то и другое—точно можно будетъ сказать только послѣ того, когда будетъ издано положеніе о школахъ и о мѣстномъ самоуправленіи. Считаемъ, что весьма существеннымъ улучшеніемъ положенія учащихъ въ начальныхъ школахъ было бы установленіе требованія, чтобы училищные совѣты, назначающіе и увольняющіе учащихъ, не принимали рѣшеній объ увольненіи или перемѣщеніи учащихъ, не предъявивши имъ опредѣленныхъ обвиненій и не давши возможности привести свои оправданія, какъ нерѣдко бываетъ до настоящаго времени.

Приводимъ въ заключеніе полный текстъ проекта совѣщанія.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ О НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

I.

Общія положенія о надзорѣ и завѣдываніи за начальными училищами и объ участіи казны въ ихъ содержаніи.

(*Положенія этого раздѣла подлежатъ дальнѣйшей разработкѣ въ видѣ отдѣльныхъ главъ положенія о начальныхъ училищахъ*).

1) Надзоръ за всѣмъ начальнымъ образованіемъ въ Имперіи объединяется въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія и осуществляется имъ черезъ центральные и мѣстные его органы.

Примѣчаніе. Впредь до разрѣшенія вопросовъ о времени и порядкѣ объединенія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія надзора за начальными училищами другихъ вѣдомствъ, надзоръ за сими послѣдними и завѣдываніе ими лежитъ на тѣхъ вѣдомствахъ, въ вѣдѣніи коихъ они находятся въ настоящее время.

2) Завѣдываніе начальными училищами въ учебномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ и забота объ открытіи достаточнаго ихъ числа соотвѣтственно числу дѣтей школьнаго возраста лежитъ на учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, гдѣ означенныхъ учрежденій не имѣется, завѣдываніе начальными училищами лежитъ на мѣстныхъ органахъ министерства народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Права частныхъ лицъ и организацій по завѣдыванію низшими учебными заведеніями, содержимыми полностью или отчасти на ихъ средства, опредѣляются особыми узаконеніями о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

3) На дѣло начальнаго образованія должны быть отпускаемы по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія пособія изъ общегосударственныхъ средствъ въ дополненіе къ суммамъ, ассигнуемымъ на ту же надобность изъ мѣстныхъ источниковъ.

Примѣчаніе. Впредь до разрѣшенія вопроса о времени и порядкѣ объединенія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія надзора за начальными училищами, церковно-приходскія школы получаютъ пособіе изъ казны на равныхъ основаніяхъ со школами, состоящими въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, изъ кредита, ассигнуемаго по смѣтѣ Святѣйшаго Синода.

4) Указанныя въ предыдущей (3) статьѣ пособія изъ общегосударственныхъ средствъ выдаются органамъ мѣстнаго самоуправленія, а тамъ, гдѣ ихъ не имѣется—мѣстнымъ органамъ министерства народнаго просвѣщенія, по расчету на общее количество въ данной мѣстности комплектовъ дѣтей (въ 50 человѣкъ) школьнаго возраста въ размѣрѣ, указанномъ въ статьѣ 23.

5) Пособія изъ общегосударственныхъ средствъ должны быть отпускаемы съ такимъ расчетомъ, чтобы черезъ десять лѣтъ со дня вступленія въ законную силу настоящихъ положеній отпускъ изъ государственнаго казначейства могъ быть доведенъ до полнаго размѣра казеннаго пособія (ст. 23). Во всякомъ случаѣ увеличеніе казеннаго пособія должно быть не ниже какъ на 10.000.000 р. въ годъ.

II.

Задача и устройство начальной школы.

(Раздѣлъ этотъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ глава 1 положенія о начальныхъ училищахъ).

6) Начальное училище имѣетъ цѣлью: а) дать учащимся религіозно-нравственное воспитаніе, б) развить въ нихъ любовь къ родинѣ, в) способствовать ихъ умственному развитію, г) снабдить необходимѣйшими общими знаніями и д) содѣйствовать ихъ физическому развитію.

7) Удовлетворяя общегосударственнымъ интересамъ, начальныя училища, по организаціи и программѣ, должны быть приноровлены къ религіознымъ, этнографическимъ и бытовымъ особенностямъ мѣстнаго населенія.

8) Обученіе въ начальныхъ училищахъ—безплатное.

9) Въ начальныя училища принимаются дѣти всѣхъ сословій и состояній, безъ различія вѣроисповѣданій.

10) Въ низшихъ начальныхъ училищахъ преподаются: а) Законъ Божій и церковно-славянское чтеніе, б) русскій языкъ, в) ариѳметика, г) чистописаніе, д) родной языкъ учащихся (тамъ, гдѣ это можетъ оказаться необходимымъ по составу населенія), а также по возможности, е) начала обществовѣдѣнія, ж) свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, з) свѣдѣнія изъ естествознанія, и) рисованіе, і) начала геометріи въ связи съ черченіемъ, к) пѣніе, л) физическія упражненія, м) ручной трудъ для мальчиковъ и рукодѣліе для дѣвочекъ и другія полезныя свѣдѣнія.

Примѣчаніе. Инославные и иновѣрцы освобождаются отъ обученія церковно-славянскому чтенію и православному церковному пѣнію.

11) Программы преподаванія, устанавливаемыя въ основныхъ чертахъ министромъ народнаго просвѣщенія, разрабатываются въ подробностяхъ органами мѣстнаго самоуправленія и учредителями школъ, сообразно съ потребностями населенія и другими мѣстными условіями.

12) Нормальный курсъ обученія въ начальной школѣ 4-хъ лѣтній, но, при невозможности ввести таковой, допускается временно и 3-хъ лѣтній курсъ. Число учебныхъ дней въ году устанавливается органами мѣстнаго самоуправленія или, гдѣ ихъ не имѣется—мѣстными органами министерства народнаго просвѣщенія, но число это не должно быть менѣе 150.

13) По мѣрѣ надобности допускаются при 4-хъ-лѣтнемъ начальномъ училищѣ дополнительные классы: общеобразовательные (одногодичные и двухгодичные) и спеціальные. Дополнительные классы могутъ также устраиваться самостоятельно.

14) Въ отдѣльныхъ случаяхъ допускается на мѣстныя средства устройство подсобныхъ школъ, съ однимъ или двумя отдѣленіями.

15) Учителями и учительницами въ начальныхъ училищахъ могутъ быть русскіе подданные не моложе 17-ти лѣтъ: а) имѣющіе педагогическую подготовку (въ спеціальномъ учебномъ заведеніи) или б) получившіе право быть таковыми по выдержаніи испытанія или по общеобразовательному цензу.

16) Нормальнымъ числомъ дѣтей въ начальной школѣ на одного учителя признается—50.

17) Обстановка школъ должна соотвѣтствовать требованіямъ гигіены.

III.

Положеніе объ условіяхъ выдачи и расходованія кредитовъ на начальное образованіе.

(*Раздѣлъ этотъ, въ случаѣ задержки въ разработкѣ совокупности законодательныхъ нормъ, касающихся всеобщаго обученія, можетъ быть проведенъ въ видѣ самостоятельнаго законопроекта*).

18) Министръ народнаго просвѣщенія входитъ ежегодно ко времени разсмотрѣнія смѣтъ въ государственную думу съ представленіемъ о постепенномъ увеличеніи кредита на улучшеніе и развитіе

начальнаго образованія, при чемъ размѣръ этого увеличенія, впредь до достиженія всеобщаго обученія въ Имперіи, долженъ быть не меньше размѣра, указаннаго въ статьѣ 5 (10.000.000 р.).

19) Пособія изъ этого кредита распредѣляются министромъ народнаго просвѣщенія между уѣздными земскими учрежденіями и органами городского общественнаго самоуправленія, а въ неземскихъ губерніяхъ выдаются въ распоряженіе мѣстныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія.

20) Органы мѣстнаго самоуправленія и мѣстные органы министерства народнаго просвѣщенія, желающіе получить казенное пособіе, должны выработать на мѣстѣ школьную сѣть (ст. 21) и планъ постепеннаго ея осуществленія въ цѣляхъ доступности школы для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста даннаго района.

21) Нормальнымъ райономъ, который должна обслуживать одна школа, признается мѣстность съ трехверстнымъ радіусомъ. Въ случаѣ невозможности, по мѣстнымъ условіямъ, открытія нормальныхъ школъ, обслуживающихъ районы съ трехверстнымъ радіусомъ, общедоступность обученія достигается учрежденіемъ школъ подсобныхъ, устройствомъ общежитій при школахъ, обслуживающихъ районы больше нормальнаго, учрежденіемъ передвижныхъ школъ или другими способами, при помощи которыхъ можетъ быть достигнута доступность школы.

22) На обязанность учрежденій мѣстнаго самоуправленія, а, гдѣ таковыхъ не имѣется, мѣстныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія, возлагается въ двухгодичный, со дня вступленія въ законную силу настоящаго узаконенія, срокъ составленіе школьной сѣти и плана ея осуществленія для достиженія всеобщаго обученія въ данной мѣстности, съ указаніемъ предѣльнаго для сего срока и ожидаемыхъ изъ мѣстныхъ источниковъ средствъ для выполненія школьной сѣти.

Примѣчаніе. Впредь до разрѣшенія вопроса о времени и порядкѣ объединенія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія надзора за начальными училищами, въ разработкѣ школьной сѣти участвуютъ мѣстные органы церковно-школьнаго управленія.

23) Предѣльный размѣръ пособія со стороны казны, въ случаѣ одобренія министерствомъ таковой сѣти, опредѣляется суммой въ 390 р. на каждыхъ 50 дѣтей школьнаго возраста. Дѣтьми школьнаго возраста признаются, въ видѣ нормы, дѣти, входящія въ составъ четырехъ возрастныхъ группъ—8, 9, 10, 11 лѣтъ.

Сумма въ 390 р. представляетъ собою пособіе на минимальное вознагражденіе учителей и законоучителей, считая по 360 р. на учителя, а на законоучителя (при общемъ расчетѣ на 100 дѣтей школьнаго возраста) по 60 р.

24) Сбереженія остатковъ новыхъ кредитовъ, могущія образоваться вслѣдствіе открытія училищъ не съ начала гражданскаго года, обращаются въ пособіе на единовременные расходы по постройкѣ училищныхъ зданій и оборудованію училищъ.

25) Пособія, означенныя въ ст. 18, выдаются лишь тѣмъ земскимъ и городскимъ органамъ самоуправленія, которые обяжутся продолжать расходовать освободившіяся, вслѣдствіе полученія казеннаго пособія, суммы на содержаніе начальныхъ училищъ, строительныя надобности и другія нужды народнаго образованія.

26) Начальныя училища, пользующіяся пособіемъ изъ означеннаго въ ст. 18 кредита, должны: а) удовлетворять изложеннымъ въ ст. ст. 5—13 и 15—17 условіямъ и б) входить въ указанную въ т. 20 школьную сѣть.

В. Латышевъ.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

*М. *Синозерскій*, преподаватель Одесскаго коммерческаго Императора Николая I училища, реальнаго училища В. А. Жуковскаго и гимназіи А. В. Юнгмейстера. **Краткій курсъ физической геологіи.** Составленъ примѣнительно къ программѣ реальныхъ училищъ. С.-Пб. Изданіе Н. П. Карбасникова. 1908. IV + 129 стр. съ рисунками. Цѣна 75 коп.

Какъ извѣстно, въ новой программѣ для реальныхъ училищъ физическая географія, какъ самостоятельный предметъ, не существуетъ, но тѣ части ея, которыя имѣютъ геологическій характеръ, пріурочены къ минералогіи; ученіе объ атмосферѣ и ея явленіяхъ, описаніе приливовъ и отливовъ пріурочены къ физикѣ и математической географіи. Авторъ разсматриваемой книги указываетъ въ предисловіи, что курсъ его „составленъ примѣнительно къ этой новой программѣ, хотя и болѣе распространенъ. Такъ, напримѣръ, онъ, кромѣ того, что указано въ министерской программѣ, заключаетъ въ себѣ геологическую дѣятельность организмовъ". Повидимому, авторъ, кромѣ реальныхъ училищъ, имѣлъ въ виду и другія среднія учебныя заведенія съ аналогичнымъ курсомъ, но это обстоятельство, въ данномъ случаѣ, не существенно, такъ какъ добавленія, сдѣланныя къ курсу, не велики и существеннаго вліянія на размѣръ, слѣдовательно и на цѣну книги, не оказываютъ.

Книга составлена не дурно, хотя и не выдается ничѣмъ изъ ряда обыкновенныхъ учебниковъ. На стран. 24 къ числу породъ „водопроницаемыхъ" отнесены, между прочимъ, известнякъ и гипсъ (впрочемъ, всего названы три породы), но плотный известнякъ нельзя назвать породою „водопроницаемою", пока онъ не содержитъ въ своей

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

массѣ трещинъ, а гипсъ растворяется въ водѣ съ достаточной легкостью—какая же тутъ „проницаемость“?

На стр. 27 дано подраздѣленіе источниковъ по температурѣ воды, но не указано, что температуру источниковъ удобнѣе всего сравнивать со *среднею* мѣста, вслѣдствіе чего въ текстѣ получается неопредѣленность. На стр. 28: „Особенно высока температура ключей, бьющихъ по сосѣдству съ дѣйствующими вулканами“. Далѣе, для примѣра теплыхъ ключей указаны, между прочимъ, карлсбадскіе. Получается впечатлѣніе, что карлсбадскіе ключи находятся по сосѣдству съ дѣйствующими вулканами! На стр. 28—29: „Гипсъ при дѣйствіи органическихъ соединеній отдаетъ свой кислородъ, а самъ переходитъ въ сѣрнистый кальцій. Сѣрнистый кальцій разлагается водою, при чемъ получается сѣроводородъ и известь“. Какая же известь? Свободная известь въ природѣ не существуетъ. Далѣе: „они („сѣрнистые“, то есть „сѣрные“ ключи) есть у насъ на Кавказѣ и въ Литвѣ“—сопоставленіе странное, такъ какъ Кавказъ знаменитъ своими сѣрными ключами, да и вообще минеральными источниками, а такіе ключи, какіе встрѣчаются въ Литвѣ, распространены во множествѣ другихъ мѣстъ. Странное выраженіе (стр. 36): „въ раковинахъ нѣкоторыхъ доисторическихъ (!) улитокъ“... На стр. 40 альпійскій вѣтеръ „фёнъ“ характеризуется, какъ „дующій изъ Африки“, но эта гипотеза происхожденія „фёна“ уже очень давно оставлена и замѣнена раціональною теоріею, изложеніе которой въ учебникѣ для реальныхъ училищъ едва ли, впрочемъ, возможно; но лучше, въ такомъ случаѣ, ограничиться сообщеніемъ факта. На стр. 51 напечатано: „Роса и иней важны, главнымъ образомъ, для растеній и потому мы не будемъ останавливать на нихъ свое вниманіе“. Вѣроятно, авторъ желаетъ указать, что роса и иней не имѣютъ существеннаго значенія, какъ геологическіе факторы. Непонятно, что обозначаетъ выраженіе (стр. 61): „Вліяніе вывѣтриванія наблюдалось С. Вилово (?) на венгерскихъ рѣкахъ“... На стр. 71—72 дано описаніе приливовъ и отливовъ весьма поверхностно и не полно, но такъ какъ эта статья назначена не для реальныхъ училищъ, а, вѣроятно, для „тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ геологія совсѣмъ не проходится“ и гдѣ, по мнѣнію автора („предисловіе“), курсъ его „послужитъ пособіемъ при изученіи географіи“, на этомъ описаніи можно не останавливаться. На стр. 80 говорится о второмъ междледниковомъ періодѣ, какъ о чемъ-то извѣстномъ, между тѣмъ, выше (стр. 49—50), въ статьѣ о ледниковомъ періодѣ, ничего объ этомъ не сказано.

По словамъ автора (стр. 84 и 85), сѣрнистый кальцій на воздухѣ переходитъ въ гипсъ, а отъ дѣйствія углекислоты полевые шпаты даютъ, между прочимъ, „известку", но, на самомъ дѣлѣ, на воздухѣ сѣрнистый кальцій скорѣе всего переходитъ въ углекислый кальцій отъ дѣйствія углекислоты воздуха, а „известкою" называется не углекислая известь, какъ можно думать по характеру изложенія, а окись кальція, которая въ свободномъ состояніи въ природѣ не встрѣчается, имѣя склонность вступать въ соединенія, обыкновенно съ углекислотою. Вулканическіе „конусы Оверни" (стр. 92) носятъ названіе „не паразитныхъ" кратеровъ вулкановъ, а потухшихъ вулкановъ.

Несмотря на указанные недочеты, разсматриваемая книга не оставляетъ впечатлѣнія неудовлетворительнаго.

С. Глинка.

***Систематическое руководство къ изученію гимнастики на аппаратахъ.** Съ 183 рисунками. Составилъ *Г. И. Шеръ*. Москва 1908. Стр. 138. Цѣна 1 рубль 25 коп.

Вышепоименованное руководство составлено въ общемъ вполнѣ удовлетворительно; въ виду этого и, въ особенности, принимая во вниманіе почти полное отсутствіе подобныхъ учебниковъ на русскомъ языкѣ, всякій, кто понимаетъ пользу систематическихъ физическихъ упражненій не только вольныхъ, но также и на аппаратахъ, не можетъ не привѣтствовать появленія руководства г. Шера, лица, безъ сомнѣнія, весьма компетентнаго въ вопросахъ гимнастики, и мы можемъ только пожелать, чтобы авторъ не отказался отъ труда составить въ скоромъ времени еще и другую часть учебника, заключающую въ себѣ вольныя упражненія и подвижныя игры, которыя для всесторонняго физическаго развитія нашихъ дѣтей и молодыхъ людей не менѣе необходимы, чѣмъ упражненія на аппаратахъ.

Руководство г. Шера, какъ мы читаемъ въ предисловіи къ нему, предназначается для учителей гимнастики, для учащихся, а также и для занимающихся гимнастикой самостоятельно. Первое назначеніе книжки, для цѣлей школы, я считаю самымъ важнымъ въ виду того грустнаго факта, что значительное большинство преподавателей гимнастики, преподающихъ этотъ предметъ въ нашихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, о дѣйствительно систематическомъ веденіи своего дѣла имѣютъ лишь весьма смутныя представленія.

Случается, что тотъ или другой изъ нихъ самъ отличный гимнастъ, который въ каждомъ Turnverein, какъ техническій руководитель

(Turnwart) взрослыхъ молодыхъ людей,—такъ называемыхъ любителей гимнастики, былъ бы вполнѣ на своемъ мѣстѣ, но въ среднихъ учебныхъ заведеніхъ, гдѣ они имѣютъ дѣло и съ дѣтьми, учениками младшихъ и среднихъ классовъ, эти господа весьма часто приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ не только настоящей школьной гимнастики вовсе не знаютъ, но къ тому же и самыя элементарныя знанія по физіологіи вообще и анатоміи въ особенности, для нихъ совершенно неизвѣстныя величины, между тѣмъ, какъ за границею, безъ хорошихъ знаній изъ названныхъ предметовъ и соотвѣтствующаго диплома, никто не имѣетъ права преподавать гимнастику въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. А такъ какъ трудно предвидѣть, что такая совершенно ненормальная постановка физическаго воспитанія въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ скоромъ времени измѣнится къ лучшему (ожидать этого нельзя до тѣхъ поръ, пока и у насъ, какъ во всѣхъ культурныхъ государствахъ Европы, не будутъ существовать особые институты для образованія учителей гимнастики), то нельзя не порадоваться каждому появленію систематическихъ, болѣе или менѣе хорошо составленныхъ учебниковъ гимнастики, такъ какъ можно надѣяться, что при ихъ помощи вредъ, такъ часто приносимый гг. преподавателями, благодаря ихъ неопытности и отсутствію необходимыхъ медицинскихъ знаній, хоть до нѣкоторой степени будетъ парализованъ.

А какъ трудна работа составителей руководствъ по гимнастикѣ, о томъ можетъ вѣрно судить лишь тотъ, кто знаетъ, что гимнастическихъ терминовъ на русскомъ языкѣ пока почти у насъ вовсе не существуетъ, такъ что каждый авторъ такихъ руководствъ вынужденъ или самъ создавать таковые термины или же при отдѣльныхъ, не совсѣмъ простыхъ, упражненіяхъ давать подробныя ихъ описанія. То и другое, конечно, не совсѣмъ легко, и въ особенности для лицъ, для которыхъ русскій языкъ не родной языкъ. Этими соображеніями, конечно, легко объясняются и нѣкоторыя неясности и неточности (число ихъ впрочемъ очень не велико), которыми мѣстами страдаетъ и руководство г. Шера.

Обратимъ на нѣкоторыя изъ нихъ вниманіе автора, который самъ объ этомъ проситъ въ предисловіи къ своей книжкѣ.

На стр. 1-й: упражненіе 1-е — къ словамъ: „взяться за первый брусъ“ слѣдуетъ прибавить „обѣими руками“; на этой же страницѣ упражненіе 6-е для 1-го курса слишкомъ трудно и даже опасно;

упражненіе 7-е неясно объяснено; хорошо было бы имѣть къ нему особый рисунокъ.

Стр. 3 и 4: упражненія въ прыганіи слѣдуетъ раздѣлить на двѣ группы: a) подготовительныя упражненія безъ веревки, относя къ нимъ упражненіе 1—10, и b) упражненія съ веревкой; № 10 сказано: „съ незначительнымъ отодвиганіемъ доски" — не сказано, откуда и куда. Въ комнатѣ это трудно сдѣлать,—лучше будетъ доску оставить на мѣстѣ, а отодвигать впередъ—матрацъ.

Кстати, объ употребленіи матрацовъ въ книгѣ не сказано ни слова, между тѣмъ какъ при производствѣ гимнастики въ комнатѣ, что у насъ бываетъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, матрацъ весьма важный реквизитъ. Рисунокъ № 7 неправильный; стоять на трамплинѣ такъ, какъ нарисовано, нельзя, такъ какъ при такомъ положеніи одна нога будетъ стоять ниже, чѣмъ другая, и получается совершенно неестественное положеніе тѣла; всѣ прыжки въ сторону и назадъ могутъ происходить лишь съ пола, а не съ трамплина. Стр. 4. упражненіе не хорошо объяснено;— указанія „до низу" и „обратно" трудно понять. То же самое относится и къ упражненію 5 на стр. 5. На стр. 6—указанія на рисункѣ № 11 подъ буквами *a* и *b* неясны и, вѣроятно, невѣрны.

Стр. 7—указаніе, что ученики должны пробѣгать подъ веревку въ тотъ моментъ, когда она опустится на высоту его роста, неправильно и значительно затрудняетъ упражненіе. Тамъ же упражненіе 1-е не требуетъ никакого труда и, слѣдовательно, не имѣетъ права называться упражненіемъ. Стр. 12: рисунокъ 19 не соотвѣтствуетъ заглавію группы упражненій. Въ упражненіи 34 и 35 говорится о движеніи ногъ, но не указано, какое движеніе имѣется въ виду. Тамъ же, стр. 12 № 7, сказано: прыганіе съ высоты,—но не сказано, съ чего, т. е. съ какого аппарата; на стр. 16—упражненіе 8-е можетъ сдѣлаться вреднымъ. Стр. 20: 1-е упражненіе неясно описано; то же самое относится къ упражненію 21 на стр. 25. Стр. 99 въ упражненіи 1-мъ (на турникѣ) указанный рисунокъ 123 совершенно не соотвѣтствуетъ упражненію.

На стр. 100 рисунокъ 133 не на своемъ мѣстѣ, онъ долженъ быть перенесенъ въ предыдущую группу; упражненіе 11 (стр. 101) не хорошо объяснено. Стр. 104 въ упражненіи 1 говорится объ „висѣніи лёжа" — это сочетаніе слишкомъ смѣлое и, во всякомъ случаѣ, неясно.

Я. Моръ.

****Гурвичъ, Л.* **Какъ я училъ моего мальчика геометріи. Первые уроки геометріи для дѣтей. М. 1908. Стр. 77+I. Цѣна 40 коп. (Новое воспитаніе и образованіе. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 23).**

Удивительный интересъ—знать, какъ училъ своего мальчика геометріи нѣкій Л. Гурвичъ. Будь это знаменитый математикъ или выдающійся педагогъ, опытъ его далъ бы цѣнные результаты, хотя и тогда нельзя было бы буквально примѣнять тѣ же пріемы къ другимъ дѣтямъ, такъ какъ хорошее обученіе индивидуально. Въ данномъ же случаѣ авторъ самъ рекомендуетъ себя не съ очень выгодной стороны, по крайней мѣрѣ—какъ начальнаго преподавателя ариѳметики. По собственному признанію, имъ примѣнялось „*механическое* заучиваніе сложеній, вычитаній, таблицы умноженія и т. п." и „*полумеханическое* рѣшеніе задачъ" (стр. 3), естественнымъ послѣдствіемъ чего и оказалось у ребенка отсутствіе интереса къ „познанію ариѳметическихъ истинъ" и даже „*антипатія* къ изучаемому предмету" (стр. 3). Отвращеніе же къ ариѳметикѣ, полученное въ дѣтствѣ, сохраняется очень долго и, какъ показываетъ практика, печально отзывается на успѣхахъ и въ другихъ отдѣлахъ математики.

Испортивъ такимъ образомъ своего мальчика, авторъ „рѣшилъ испробовать американскую систему", по которой будто бы „ученики сперва знакомятся съ геометріей, а затѣмъ уже съ ариѳметикой". По собственной его оцѣнкѣ, „результаты получились *очень удовлетворительные*", ибо „въ короткое время были сдѣланы *довольно порядочные* успѣхи" (стр. 3).

Американская система Л. Гурвича предполагаетъ, однако, у начинающаго немалыя познанія и въ ариѳметикѣ. Вотъ, напримѣръ, какіе разговоры ведутся на стр. 14: „Нарисуй на плотномъ картонѣ кругъ, *радіусомъ* въ семь аршинъ (по масштабу, стр. 7) и вырѣжь его. Попробуй измѣрить ниткой или тесьмой окружность вырѣзаннаго круга—сколькимъ аршинамъ равна она? *(22)*. Если ты возьмешь какой-нибудь другой масштабъ и, пользуясь имъ, опять нарисуешь кругъ *радіусомъ* въ 7 аршинъ, то какой длины получится окружность? Итакъ, въ любомъ кругѣ, во сколько разъ окружность длиннѣе *радіуса*? Въ $\frac{22}{7}$ т. е. немногимъ болѣе, чѣмъ въ три раза. У насъ два круга; діаметръ перваго въ пять разъ длиннѣй, чѣмъ діаметръ второго; какая окружность больше и во сколько разъ больше, чѣмъ другая? Лошадь привязана къ столбу веревкой, длиной въ 14 аршинъ; сколько аршинъ сдѣлаетъ лошадь, пробѣжавъ два раза вокругъ столба?" [1]).

[1]) Авторъ, составлявшій руководство по учебнымъ тетрадямъ своего сына (стр. 3),

Ученикъ 8—9 лѣтъ (стр. 3 — 4), такимъ образомъ, знаетъ, что отношеніе 22-хъ аршинъ къ 7 аршинамъ выражается дробью $\frac{22}{7}$ и что съ увеличеніемъ множимаго въ 5 разъ, при дробномъ множителѣ, произведеніе увеличивается во столько же разъ, а также умѣетъ умножить цѣлое число на дробь $\frac{22}{7}$.

На страницѣ 39 автору приходится ссылаться на такое свойство разности (съ уменьшеніемъ данныхъ чиселъ въ одинаковое число разъ, во столько же разъ уменьшается и ихъ разность), которое почему-то не упоминается у насъ даже въ полныхъ курсахъ ариѳметики.

На стр. 50 вводится „пропорціональность между собою" сторонъ въ подобныхъ треугольникахъ; для отвѣта же на вопросы объ отношеніи площадей прямоугольниковъ (стр. 58) надо знать измѣненіе произведеній при одновременномъ измѣненіи обоихъ сомножителей.

„Геометрическія теоремы и положенія", въ большинствѣ случаевъ, авторомъ „излагались чисто конструктивно", и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ „пробовалъ знакомить" своего мальчика „съ методическимъ обоснованіемъ" ихъ (стр. 4). Вотъ одна изъ такихъ попытокъ:

„На окружности отложены двѣ дуги AaB и CoD одинаковой длины; какая изъ стягивающихъ ихъ хордъ AB и CD длиннѣй или короче? Почему ты думаешь, что онѣ равны? Если повернуть кругъ около центра такъ, чтобы дуга AB пришлась на мѣсто дуги CD, то гдѣ окажутся точки A и B? а такъ какъ между двумя точками можно провести только одну прямую, то значитъ и хорда AB при такомъ поворотѣ совпадаетъ съ—? *Итакъ, въ кругѣ равныя хорды стягиваютъ равныя дуги и, наоборотъ, если равны дуги, то равны*—?" (стр. 14—15).

Хорошо, что подобныя „методическія обоснованія" затрогиваютъ лишь слуховые органы ребенка; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы логика была необязательна и для учителя. Что же касается подсказывающихъ вопросовъ, которыми авторъ желалъ развить „геометрическое чутье" (стр. 4) у ребенка, то дидактика осуждаетъ ихъ, какъ большое зло: ими развивается лишь привычка говорить не думая и отвѣчать не слушая.

Самый выборъ матеріала для книжки возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе: не говорится, напримѣръ, какъ измѣрить площадь трапеціи,

---

къ сожалѣнію, не обратилъ вниманія на вполнѣ естественныя въ подобныхъ тетрадяхъ ошибки. Такъ, въ приведенныхъ строкахъ надо бы въ трехъ мѣстахъ замѣнить „*радіусъ*" діаметромъ или же въ двухъ мѣстахъ число 22—числомъ 44: иначе длина окружности выйдетъ вдвое меньше истинной.

но сообщается зато объ измѣреніи двуграннаго угла его линейнымъ (стр. 65); вводится эллипсъ, какъ сѣченіе цилиндра, дается понятіе о его центрѣ и осяхъ (стр. 72—73), но не упоминается о его фокусахъ и способѣ вычерчиванія. Стало быть, геометрія по Гурвичу едва ли имѣетъ въ виду практическія цѣли. Подготовлять же къ научному курсу слишкомъ преждевременно, хотя авторъ и пользуется иногда ходячими доказательствами теоремъ (напр., о вписанныхъ углахъ, стр. 38—39); но переложеніе этихъ доказательствъ изъ повѣствовательной въ вопросительную форму отнюдь не сдѣлаетъ ихъ менѣе недоступными для ребенка.

Вѣроятно, для большей удобопонятности, авторъ употребляетъ несовсѣмъ русскія выраженія: „*проводимъ кусокъ* прямой линіи" (стр. 6); „достаточно *отложить точки* и *примѣрить* разстояніе между ними" (стр. 20); „разглядывать чертежъ *подъ лупу* или *подъ микроскопъ*" (стр. 34); „если *между* двумя или нѣсколькими *фигурами каждый уголъ одной находитъ равный себѣ уголъ въ остальныхъ* фигурахъ" (стр. 50—51); „*сложи* двѣ карты вдвое, такъ чтобы каждая *разбилась* на двѣ плоскости" (стр. 64) и т. д. Являются какіе-то „*правильные* цилиндры" (стр. 71), „*плоскіе* параллелопипеды" (стр. 75, 76) и т. п.

Удивляться надо, впрочемъ, не тому, что г. Гурвичъ пожелалъ опубликовать свои педагогическіе опыты, а тому, что нашелся для нихъ издатель.

Книжка, по моему мнѣнію, никуда не годится.

В. Соллертинскій.

*Переводы *Д. С. Мережковскаго* (въ изданіи товарищества „Знаніе". С.-Пб. Невскій, 92). 1) Эсхилъ. Скованный Прометей. Съ портретомъ (?!) Эсхила. Изд. 3-е. 1907. С.-Пб. Стр. 47. Цѣна 30 коп. 2) Софоклъ. Эдипъ-царь. Съ портретомъ (?) Софокла. Изд. 3-е. С.-Пб. 1907. Цѣна 40 коп. Стр. 74. 3) Эдипъ въ Колонѣ. Изд. второе. Стр. 87. С.-Пб. 1900. Цѣна 40 коп. 4) Антигона. Изд. третье. 1906. С.-Пб. Стр. 63. Цѣна 40 коп. 5) Эврипидъ. Медея. Съ портретомъ Эврипида. Изд. второе. С.-Пб. 1904. Стр. 62. Цѣна 40 коп. 6) Ипполитъ. Изд. второе. 1904. С.-Пб. Стр. 66. Цѣна 40 коп.

Переводы г. Мережковскаго хорошо извѣстны читающей публикѣ: нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Прометей и Антигона, были когда-то напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы". Легкій стихъ, отличный литературный языкъ, мѣстами чувствительность и искреннее одушевленіе,— всѣ эти качества переводовъ г. Мережковскаго давно оцѣнены. Но чего ему безусловно недостаетъ—это изученія подлинниковъ.

Слабѣе всѣхъ, по моему, переводъ Прометея. Текстъ Эсхила нельзя прямо переводить: его надо изучать (см. стр. 1, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25), и это переводчикомъ сдѣлано не было. И переводъ Прометея я рекомендовать бы особому вниманію гимназій не рѣшился.

Дѣло въ томъ, что вообще переводы классическихъ произведеній античности нельзя разсматривать, какъ другіе переводы, хотя бы и тоже выдающихся произведеній художественной литературы. Традиція школъ всего міра видитъ въ нихъ образцы, и къ осторожному обращенію съ ними, въ подлинникѣ ли или въ переводахъ, педагоговъ обязываетъ уже одно это.

Лучше, по моему, переводъ Софокла (см. также стр. Антиг. 1, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 34, 35, 37, 38, 39; Эдипъ царь 16, 38, 39, 40, 43, 54, 55, 57, 59, 60, 61, 64; Эдипъ въ Колонѣ 41, 34 et passim безусловно самый лучшій переводъ). Въ гимназіяхъ нашихъ эти переводы распространены и часто рекомендуются учащимся.

Переводъ Ипполита былъ когда-то подробно разобранъ мною (въ первый годъ существованія „Филологическаго Обозрѣнія“, т. е. лѣтъ 14 назадъ). Къ сожалѣнію, въ новомъ изданіи не исправлены ни одна изъ явныхъ неправильностей и неточностей работы. Будучи самъ авторомъ стихотворныхъ переводовъ и Ипполита и Медеи, которые были въ свое время напечатаны въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, а теперь вышли отдѣльной книгой, я боюсь придать теперь моему разбору нѣсколько субъективный характеръ, ибо этотъ разборъ былъ бы лишь сравненіемъ даннаго перевода съ моимъ, который и опредѣляетъ мѣру моего пониманія Еврипидовскаго текста.

Въ тріумвиратѣ аттической трагедіи Еврипидъ занимаетъ не столько почетное, сколько оригинальное, своеобразное мѣсто. Его трагизмъ, сильно приправленный „игрой страстей“ (*πάθη*), съ рѣзкими, сильными эффектами (какъ извѣстно, Аристотель называлъ Еврипида „τραγικώτατος“), съ сильно замѣтнымъ мѣстами реторико-философскимъ и даже политическимъ привкусомъ, съ стремленіемъ къ реализму, даже къ парадоксальности въ отдѣльныхъ деталяхъ композиціи, при чрезвычайно богатой и разнообразной фразеологіи—все это дѣлаетъ текстъ Еврипида далеко не легкимъ для передачи на русскій языкъ въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ видѣ, особенно если переводчикъ пожелаетъ считаться съ разсѣянными у Еврипида въ изобиліи гномами, афоризмами, парадоксами, передача которыхъ требуетъ особо тщательной обработки.

Для приличнаго перевода Еврипида отнюдь не достаточно тѣхъ скудныхъ знаній по греческому языку, которыя выносятся изъ гимназіи и лишь немного увеличиваются въ университетѣ (если только не идти на „классическое отдѣленіе"); здѣсь нужно солидное изученіе и языка вообще, и автора въ частности, эпохи, въ которую онъ жилъ, культурныхъ условій, въ которыхъ протекало его своеобразное творчество.

Для приличнаго перевода Еврипида не достаточно взять первое попавшееся греческое изданіе его текста; его текстъ надо изучить, проштудировать критически, вооружиться солиднымъ экзегетическимъ аппаратомъ, а не какими-нибудь французскими или нѣмецкими переводами; Еврипида надо—и это conditio sine qua non—брать изъ первыхъ рукъ, у него самого, а это не легкое дѣло...

При всемъ версификаторскомъ искусствѣ почтеннаго переводчика, ему недостаетъ не только глубокаго изученія Еврипида, но даже просто хорошаго знанія греческаго языка; вотъ нѣсколько примѣровъ изъ *Медеи:*

1. о, лучше бы отважнымъ аргонавтамъ
въ далекую Колхиду *кораблей*
не направлять...

въ оригиналѣ рѣчь идетъ не о *корабляхъ*, а объ одномъ только *корабль*, Ἀργοῦς σκάφος; неужели переводчикъ принимаетъ род. единств. Ἀργοῦς за форму множ. числа?

2. *ниже*: о, лучше бы не падала сосна...
на весла и т. д.

въ подлинникѣ τμηθεῖσα πεύκη упала вовсе не *на весла*; переводчикъ не замѣтилъ, что μηδ' ἐρετμῶσαι—отдѣльная мысль.

3. *еще ниже*: *Пелій* (Πελίας) смѣшанъ съ *Пелеемъ*!! А πύργοι Ἰωλκίας преведены „Іолковы стѣны"!

4. и я боюсь, чтобъ остраго меча
себѣ царица не вонзила въ сердце

въ оригиналѣ: δειμαίνω τέ νιν, μὴ θηκτὸν ὤσῃ φάσγανον δι' ἥπατος, рѣчь идетъ о замышляемомъ убійствѣ дѣтей, а вовсе не о самоубійствѣ... „Самоубійство" не вяжется съ послѣдующимъ.

5. несчастья *своего*, безпечные, они еще не знаютъ...

въ оригиналѣ: μητρὸς οὐδὲν ἐννοούμενοι κακῶν, т. е. о несчастіяхъ *матери* своей.

6. о, *добрая*, *почтенная* рабыня владычицы моей...

въ оригиналѣ: παλαιὸν οἴκων κτῆμα δεσποίνης ἐμῆς, т. е. совсѣмъ не то! и т. д. и т. д.

Въ ст. 404 Ἰάσονος γάμοι передано „язоновы любовницы"!!

Не лучше обстоитъ дѣло и въ „Ипполитѣ".

1. я *грозная* богиня Афродита...

въ подлинникѣ: πολλὴ μὲν ἐν βροτοῖσι κοὐκ ἀνώνυμος θεὰ κέκλημαι Κύπρις; откуда переводчикъ взялъ *грозная*?

2. ст. 15-й опущено Φοίβου δ' ἀδελφήν, что очень важно.

3. и свѣтлыми струями нимфа рѣкъ
стыдливыя деревья орошаетъ...

ориг.: Αἰδὼς δὲ ποταμίαισι κηπεύει δρόσοις, т. е. совсѣмъ не то!

4. о, если бы у ногъ твоихъ, любя,
окончить могъ я жизнь мою, какъ началъ!

ориг.: τέλος δὲ κάμψαιμ' ὥσπερ ἠρξάμην, βίον; въ оригиналѣ нѣтъ того слащаваго романтизма, какой внесъ переводчикъ въ свое произведеніе.

Ст. 340 σύγγονος переведено „усопшій"!

Еврипидъ не заслужилъ такого къ себѣ отношенія со стороны русскаго переводчика!

И. Анненскій и И. Холоднякъ.

**Аркадій Сосницкій*. Теорія словесности. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье, значительно исправленное. Москва 1908. Стр. 150. Цѣна 60 коп.

Настоящее изданіе измѣнено къ лучшему. Особенностью книги является включеніе въ нее выписокъ изъ различныхъ сочиненій по исторіи или теоріи словесности: къ сожалѣнію, въ книгѣ, издаваемой въ 1908 году, приходится встрѣчать выписки изъ книгъ 1856 года (Овидій — по статьѣ Знаменскаго, въ Библ. для чт., 1856 г., сатира, по Словарю древней и новой поэзіи, Остолопова). Но когда, вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлаютъ это многіе составители учебниковъ, говорить о существѣ творческаго процесса по собственнымъ заключеніямъ, г. Сосницкій приводитъ подлинныя слова людей, переживавшихъ самый процессъ (Лермонтовъ, Гончаровъ), то этому нельзя не сочувствовать.

Примѣрами книга г. Сосницкаго богата, и притомъ, къ чести автора, надо сказать, что онъ обновилъ подборъ своихъ примѣровъ (см., напримѣръ, парадигмы на иронію и сарказмъ стр. 35 сл.).

Вообще книга составлена внимательно и въ изложенія чувствуется хорошій практикъ преподаванія.

Отрицательной стороной книги является, по моему, включеніе въ нее отдѣла элементарной психологіи и логики.

Наша школа,—по крайней мѣрѣ, мужская гимназія,—слава Богу, уже выдѣлила философскіе элементы курса въ особый учебный предметъ. Они преподаются теперь на особыхъ урокахъ и по учебникамъ, написаннымъ спеціалистами. Такимъ образомъ первый отдѣлъ книги г. Сосницкаго оказывается не только излишнимъ для нашихъ гимназистовъ, но посвященныя ему страницы могутъ внести и нѣкоторую двойственность въ самое усвоеніе предмета. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ въ 7-мъ классѣ гимназіи преподается элементарная психологія, курсъ теоріи словесности въ 8-мъ долженъ съ нею считаться: онъ можетъ стать спеціальнѣе, и необходимо излагать его серьезнѣе.

Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній на книгу г. Сосницкаго:

1. На страницѣ 22 (см. примѣч. тамъ же) смѣшана работа фантазіи съ выдумкой.

2. На страницѣ 23 *точность* является однимъ изъ условій *яснаго* слога. Здѣсь какое-то недоразумѣніе.

3. На страницѣ 29 недостаточно выяснено понятіе *евфоніи* и ни слова не сказано объ *евритміи*. Примѣръ на *какофонію* неудаченъ (изъ русскаго перевода Фауста): ассонансы вовсе не обусловливаютъ какофоніи.

4. Въ стихосложеніи отсутствуютъ пэоны, нѣтъ ни слова о пентаметрѣ, и неправильно опредѣляется риѳма. То, что сказано о народномъ стихосложеніи, требуетъ нѣкоторой поправки.

5. На страницѣ 83 поэтическая идея смѣшивается съ общимъ мѣстомъ: оказывается, что въ „Макбетѣ" «основная идея — честолюбіе (?) — ведетъ къ гибели».

6. На 113 страницѣ для чего-то переиначено названіе одного изъ сочиненій, дошедшихъ до насъ подъ именемъ Гесіода.

7. На страницѣ 123 въ примѣчаніи допущены двѣ неточности относительно диѳирамба.

8. На 131 страницѣ едва ли понятна будетъ ученикамъ нѣсколько тяжеловатая эпиграмма Д. Давыдова.

И. Анненскій.

*Синтаксисъ русскаго языка. Составилъ *Ѳ. В. Ржига*, преподаватель Нижегородской губернской гимназіи. Второе исправленное изданіе. М. 1908. Стр. 84. Цѣна 25 коп.

О первомъ изданіи этой книги въ свое время былъ данъ отзывъ. Отдавая должное педагогическимъ и научнымъ достоинствамъ книги

г. Ржиги, которая является плодомъ усерднаго и самостоятельнаго труда его надъ вопросами русскаго синтаксиса въ ихъ примѣненіи къ среднеучебному курсу, рецензентъ не находилъ и продолжаетъ не находить доводовъ г. Ржиги въ пользу его терминологическихъ нововведеній убѣдительными. Г. Ржига вноситъ въ нашъ учебный обиходъ терминъ *трехчленнаго простого предложенія*, при чемъ *дополненіе* включается имъ въ составъ основныхъ или главныхъ членовъ предложенія. Въ научное подтвержденіе своего новшества г. Ржига приводитъ гипотезу Дельбрюка о первичности того типа словосочетаній, который мы находимъ въ древне-индійскомъ языкѣ въ видѣ предложеній, состоящихъ изъ однихъ именъ. Но при чемъ же тутъ трехчленность? Дельбрюкъ, какъ извѣстно, въ отличіе отъ Пауля (Prinzipien der Sprachgeschichte, 2 Aufl. Halle. 1886, S. 99), признаетъ *одночленныя* предложенія и даже *трехъ типовъ* (B. Delbrück, Vergl. Synt. der indogerm. Spr. Erster Theil. Strassburg. 1893, SS. 74 f.), но въ составъ этой группы отнюдь не входятъ предложенія, какъ *готовъ, знаю* (явно эллиптическія). Такимъ образомъ г. Ржига, который *одночленными* считаетъ, между прочимъ, и такъ называемыя неполныя, или эллиптическія предложенія, приводя на 8 страницѣ въ примѣръ ихъ именно слова: *готовъ, знаю*, очевидно, вноситъ въ свою терминологію какіе-то иные критеріи; а потому эти критеріи и требуютъ другого обоснованія, кромѣ ссылки на авторитетъ Дельбрюка.

Въ качествѣ примѣра на трехчленное предложеніе г. Ржига приводитъ фразу: *сосѣдъ сосѣда звалъ* (стр. 7).

Но въ предисловіи понятіе о *трехчленности* предложенія освѣщается имъ нѣсколько иначе.

Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Ржига на стр. IV—V: „Въ теоріи языковъ древнихъ и новыхъ господствуетъ правило двучленной основы предложенія, въ дѣйствительности же европейскіе языки въ области мысли примѣняютъ трехчленное предложеніе, и русское двучленное предложеніе изъ двухъ именъ существительныхъ нельзя ими передать иначе, какъ формою трехчленнаго предложенія. Безъ трехчленнаго предложенія и соотвѣтствіе двухъ формъ мысли: дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ не было бы возможнымъ, если *дополненіе* было бы членомъ не главнымъ, а второстепеннымъ въ предложеніи“.

На VI стр. читаемъ:

„Въ педагогическомъ отношеніи весьма важно установить прочные предѣлы мысли на значеніяхъ *предмета, какъ главнаго члена пред-*

ложенія, и дидактическая практика убѣдила меня, что введенное мною дѣленіе русскаго предложенія въ школѣ полезно и для переводчика цѣлесообразно".

Мнѣ кажется, что авторъ въ этихъ сужденіяхъ смѣшиваетъ двѣ точки зрѣнія на языкъ и на его преподаваніе. Изъ того, что на русскомъ языкѣ, какъ и по-санскритски, можетъ быть иногда двучленно выражена мысль, которая требуетъ для того, чтобы выразить ее по-нѣмецки, трехчленнаго предложенія, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы цѣлесообразно было вводить въ русскую учебную грамматику терминъ „трехчленное простое предложеніе"; по крайней мѣрѣ этимъ нельзя оправдать даннаго новшества.

Съ другой стороны, изъ того, что русскія фразы, опирающіяся на глаголъ въ страдательномъ залогѣ, *иногда* заключаютъ въ себѣ обозначеніе дѣйствующаго лица, тоже неправильно, по моему, разсматривать трехчленность, какъ одну изъ основныхъ формъ русскаго синтаксиса.

Наконецъ, интересы переводчиковъ или вообще иностранцевъ, изучающихъ русскій языкъ, не могутъ являться критеріемъ для перестройки русской грамматической терминологіи въ учебникѣ русскаго языка, который расчитанъ на учениковъ обще-русской школы.

Я нарочно дольше остановился на вопросѣ о дѣленіи предложеній въ новомъ учебникѣ, потому что г. Ржига своимъ предисловіемъ показалъ, что придаетъ ему большое значеніе, а для рецензента книгъ по учебной русской грамматикѣ всякая попытка внести практически-полезное обновленіе въ учебный курсъ этого крайне неопредѣленнаго предмета должна представлять, конечно, особенный интересъ.

Думаю, что мнѣ удалось показать, что никакого существеннаго обновленія категорія трехчленныхъ простыхъ предложеній въ русскіе учебники не внесетъ, хотя, по существу дѣла, называть ли предложеніе *сосѣдъ сосѣда звалъ*—*трехчленнымъ* или *распространеннымъ*, съ точки зрѣнія сознательнаго отношенія къ явленіямъ русскаго языка, безразлично.

Гораздо хуже другая новизна учебника: это—произвольное употребленіе термина *дѣепричастіе* (напр. на стр. 11). Г. Ржига относитъ къ дѣепричастнымъ формамъ слова: *судили*, *думали*, *рядили*, *избавлены* и т. п.

Для чего онъ это дѣлаетъ, и какъ совмѣстить сказанное имъ на 11 стр. съ изложеннымъ на 73 стр., гдѣ терминъ дѣепричастія употребленъ въ обычномъ примѣненіи, я не понимаю.

Во всякомъ случаѣ сказанную *новизну* я считаю *вредной*, такъ какъ она не только можетъ внести путаницу въ понятія учениковъ, но и противорѣчитъ даннымъ исторіи русскаго и вообще славянскихъ языковъ. Причастія на *лъ* (по терминологіи Миклошича part. praet. act. II) получали еще въ старославянскомъ, по крайней мѣрѣ отъ *v. neutra*, значеніе *прилагательныхъ* (см. Fr. Miklosich, Vergl. Synt. d. Slavisch. Spr. 2 A. Wien. 1883, S. 817), что совершенно исключаетъ примѣненіе къ нимъ наименованія *дѣепричастій*.

И. Анненскій.

Ben-David. A NEW PRACTICAL AND PROGRESSIVE ENGLISH READER FOR RUSSIAN SCHOOLS AND COLLEGES CONSISTING OF CHOICE SELECTIONS IN PROSE AND POETRY FROM THE BEST ENGLISH AND AMERICAN AUTHORS. SYSTEMATICALLY ARRANGED IN FOUR GRADUAL COURSES. Course the first with a Pronouncing Vocabulary and a Sketch of Pronounciation for the use of Junior Classes. M. 1900, стр. XVI+110. Цѣна 70 коп.

Утвержденіе на стр. VIII книги г. Бенъ-Давида („отсутствіе въ русской педагогической литературѣ пособій по англійскому языку") не соотвѣтствуетъ тому факту, что учебники Роджерса, Иванова, Нурока и другія англійскія пособія какъ спеціальнаго, такъ и общаго характера, уже много лѣтъ существуютъ въ печати. Для примѣра назову: English Modern Prose Reader by Hugo Berger; English Reader by Ch. Turner; English Reading Book by William Bray; Anecdotes for Classes by I. Harrisson; English Reader by Pauker; English Stories изд. W. Wilson; не говоря уже о „Royal Readers" и „New Readers" Лонгмана (обѣ книги составлены весьма опытными педагогами и одобрены англійскими педагогическими авторитетами); ими широко пользуются преподаватели англійскаго языка въ Россіи при классномъ и домашнемъ обученіи.

Утвержденіе г. Бенъ-Давида, что книга его представляетъ собою „послѣдовательный курсъ" (г. Бенъ-Давидъ говоритъ „gradual courses", но всякій англичанинъ сказалъ бы „graduated courses"),—совершенно невѣрно, ибо нѣкоторыя страницы въ срединѣ книги—легче по содержанію предыдущихъ страницъ. Напримѣръ, разсказъ № 24 гораздо проще разсказовъ за №№ 8, 9, 10 и 11.

Что касается возможности и желательности предлагать подобные тексты начинающему ученику, то я сошлюсь на примѣчаніе къ стр. 67 учебника, составленнаго г. Нурокомъ „Class Book and Reader", пользующагося достаточною извѣстностью. Это примѣчаніе гласитъ, что, по мнѣнію г. Нурока, нуженъ по крайней мѣрѣ годъ упражненій

для того, чтобы ученикъ смогъ перейти къ чтенію разсказовъ. Наиболѣе опытные преподаватели въ большей или меньшей мѣрѣ согласны съ г. Нурокомъ.

На стр. VIII г. Бенъ-Давидъ говоритъ: „матеріалъ элементарной школы въ Англіи и Америкѣ носитъ слишкомъ мѣстный, національный характеръ и не совсѣмъ удобенъ для русской школы". Что это *не* такъ, ясно доказывается книгами Royal Readers и New Readers Лонгмана. Зато часть матеріала, использованнаго г. Бенъ-Давидомъ въ его книгѣ, дѣйствительно „мѣстнаго характера и не совсѣмъ удобна для русской школы". Напримѣръ, разсказъ № 20 на стр. 6. Это — образчикъ американскаго жаргона самаго низкаго разбора, совершенно неудобнаго для учениковъ, тѣмъ болѣе — начинающихъ. Онъ такъ же мало подходитъ для русскихъ дѣтей, изучающихъ англійскій языкъ, какъ слова „куфарка", „колидоръ", „хвисть" и т. д. оказались бы неподходящими для англійскихъ дѣтей, изучающихъ русскій языкъ. Но даже если бы упомянутый разсказъ и не былъ написанъ на жаргонѣ, все же онъ могъ бы научить начинающаго (!) искаженному американцами англійскому языку,—что представляетъ нѣкоторую опасность для ученика, еще до извѣстной степени не овладѣвшаго языкомъ. Самый фактъ помѣщенія подобнаго разсказа въ книгѣ, предназначенной для начинающихъ учениковъ, заставляетъ меня усомниться въ умѣніи самого г. Бенъ-Давида отличать американскій говоръ отъ англійскаго языка.

Но я хотѣлъ бы обратить вниманіе на совершенно *не-англійскую* фразеологію на заглавномъ листѣ и на ошибки (я не говорю объ опечаткахъ, ибо онѣ неизбѣжны) въ тѣхъ мѣстахъ книги, которыя написаны г. Бенъ-Давидомъ „изъ головы", а не взяты изъ „лучшихъ англійскихъ и американскихъ писателей". Я остановлюсь на этихъ ошибкахъ лишь настолько, насколько это умѣстно въ рецензіи на книгу, ибо я отнюдь не намѣренъ давать г. Бенъ-Давиду уроковъ англійскаго языка.

На стр. 56 г. Бенъ-Давидъ говоритъ: „W произносится, какъ 2 слитые въ одно звука: гласнаго и согласнаго, слѣдующіе быстро одинъ за другимъ, сначала *у* (призвукъ—*у*, протяжный), затѣмъ *в* (отзвукъ *в* слабый), удареніе слышно на гласной слѣдующей непосредственно за w, напримѣръ well, week (у-в-э-л, у-в-и-к)".

Знаменитый лексикографъ Уэбстеръ говоритъ: „W разнится отъ англійскаго V и отъ нѣмецкаго W". Какъ же этотъ звукъ можетъ имѣть что-нибудь общее съ русскимъ *В*?

Несомнѣнно, это наиболѣе грубая изъ ошибокъ, могущихъ встрѣтиться въ отдѣлѣ книги, озаглавленномъ „Систематическій очеркъ правилъ произношенія" (стр. 53—61).

На стр. 33 интересны слѣдующія выраженія: 1) „One hour lost in the morning by laying in bed will put back all the business of the day. 2) One unruly animal will learn all others in company bad tricks".

Ф. Брей.

**А. П. Постниковъ*. Начала теоретической механики. Для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Съ 50 чертежами. Москва 1908 г. Издатель *В. С. Спиридоновъ*; 95 стран., цѣна 1 рубль.

Изъ предисловія видно, что эта книга предназначается для старшаго класса среднеучебныхъ заведеній, и что она представляетъ „второй концентръ элементарнаго курса механики, повторяющій, дополняющій и систематизирующій тѣ неполныя и обрывочныя свѣдѣнія по механикѣ, какія сообщаются ученикамъ въ предыдущихъ классахъ при прохожденіи съ ними общаго курса физики". Вся книга раздѣлена на два отдѣла. Отдѣлъ первый содержитъ кинематику; въ немъ разсмотрѣны „простое" движеніе точки, сложное движеніе точки и, вкратцѣ, движеніе неизмѣняемой системы. Отдѣлъ второй, кинетика, распадается на статику и динамику; къ послѣдней отнесены ученія о маятникѣ и объ ударѣ неупругихъ и упругихъ шаровъ. Изъ простыхъ машинъ разсмотрѣны только наклонная плоскость и рычагъ, какъ примѣры опредѣленія условій равновѣсія на основаніи начала возможныхъ перемѣщеній.

Въ книгѣ помѣщены 50 задачъ и приложены „общія замѣчанія о рѣшеніи задачъ по механикѣ".

Важно замѣтить, что авторъ считаетъ извѣстными основанія аналитической геометріи; онъ во многихъ мѣстахъ пользуется координатными осями, уравненіями кривыхъ, а также общимъ опредѣленіемъ касательной, какъ предѣла сѣкущей (стр. 13 и др.).

Книга г. Постникова содержитъ больше матеріала, чѣмъ принято помѣщать въ учебникахъ физики, и нѣтъ сомнѣнія, что она могла бы оказаться весьма полезною, особенно въ реальныхъ училищахъ, при прохожденіи отдѣла механики въ старшемъ классѣ.

Къ сожалѣнію, однако, эта книга страдаетъ многими недостатками: въ ней встрѣчается нѣсколько весьма крупныхъ ошибокъ и большое число мелкихъ промаховъ. Начнемъ съ явныхъ и наиболѣе серьезныхъ ошибокъ.

На стр. 64 читаемъ: „Центромъ массы или центромъ инерціи какой либо неизмѣняемой системы точекъ называютъ точку, относительно которой всѣ части системы расположены симметрично по ихъ массѣ. Если раздѣлить, напримѣръ, абсолютно твердое тѣло плоскостью, проходящею черезъ его центръ инерціи въ любомъ направленіи, то масса тѣла окажется всегда раздѣленною на двѣ равныя части".

Это совершенно невѣрно! Массы будутъ обратно пропорціональны разстояніямъ ихъ центровъ тяжести отъ упомянутой плоскости. Для треугольной пластинки, напримѣръ, массы относятся какъ 4 : 5, а для конуса какъ 27 : 37, если плоскость проведена параллельно основанію треугольника, или конуса.

Не менѣе серьезную ошибку мы находимъ на стр. 74, гдѣ авторъ разсматриваетъ движеніе коническаго маятника. Здѣсь читаемъ: „Если грузу маятника, отклоненнаго отъ положенія равновѣсія на нѣкоторый уголъ α, дадимъ толчекъ въ бокъ по направленію, перпендикулярному къ плоскости, въ которой онъ отклоненъ, то этотъ грузъ станетъ описывать окружность... Не трудно видѣть (sic!), что при отсутствіи сопротивленій грузъ такого маятника будетъ двигаться *равномѣрно* (курсивъ подлинника!) съ нѣкоторою скоростью v, зависящею отъ силы сообщеннаго ему толчка и т. д.". Все это невѣрно! Конецъ маятника описываетъ кривую, проекція которой на горизонтальную плоскость есть эллипсъ. При данномъ углѣ отклоненія α получается движеніе по окружности только при одной, вполнѣ опредѣленной скорости v, т. е. при опредѣленной величинѣ толчка (импульса).

На стр. 28 ученіе объ ускореніи представляетъ сплошное недоразумѣніе. Раньше (стр. 66) было показано, какъ вычислить тангенціальное ускореніе и какъ его построить графически. Теперь (стр. 28) авторъ говоритъ: „Однако, этими способами опредѣляется лишь *величина* ускоренія, но не его *направленіе*. Для нахожденія этого послѣдняго приходится (sic!) отыскивать геометрическое приращеніе скорости" и т. д. Въ слѣдующемъ параграфѣ (стр. 29) опредѣляется ускореніе при равномѣрномъ движеніи по окружности. Ясно, что, по автору, тангенціальное ускореніе по величинѣ, но не по направленію, совпадаетъ съ полнымъ ускореніемъ! Какъ опредѣлить полное ускореніе въ общемъ случаѣ, нигдѣ не сказано, хотя на стр. 30 и 41 объ этомъ ускореніи говорится, какъ о чемъ-то извѣстномъ.

На стр. 37 авторъ пишетъ: „*Постоянная* сила сообщаетъ тѣлу постоянное же ускореніе, т. е. производитъ сама по себѣ движеніе

равноперемѣнное". А какъ же равномѣрное движеніе по окружности подъ вліяніемъ силы, направленной къ центру?

На стр. 34 авторъ смѣшиваетъ абсолютную систему единицъ съ C. G. S.—системою. Развѣ, напр., Гауссова система (мм., мгр., сек.) не абсолютная (vis magnetica ad mensuram absolutam revocata)?

Способъ изложенія въ весьма многихъ мѣстахъ не выдерживаетъ никакой критики.

На стр. 11—13 все построено такъ, какъ будто бы равномѣрное движеніе можетъ быть только прямолинейнымъ! Разсмотрѣвъ сперва равномѣрное движеніе, при чемъ видъ траекторіи остается неопредѣленнымъ, авторъ переходитъ къ „перемѣнному движенію", которое онъ характеризуетъ непостоянствомъ среднихъ скоростей, и продолжаетъ: „истинная скорость такого движенія измѣняется непрерывно по величинѣ, по направленію, или по тому и другому вмѣстѣ". Далѣе показано, какъ найти мгновенную скорость, и, наконецъ, читаемъ, что мгновенная скорость равна разстоянію, которое точка прошла бы въ единицу времени, „если бы ея движеніе сохранило тотъ же характеръ, какой она имѣетъ въ этотъ моментъ времени, т. е. сдѣлалось бы равномѣрнымъ и *прямолинейнымъ* (!)".

Стр. 17. Авторъ указываетъ, что пройденный путь выражается на графикѣ его скоростей извѣстною площадью, но не разъясняетъ, что рѣчь идетъ о равенствѣ численныхъ значеній разнородныхъ, по существу, величинъ (линіи и площади).

Вообще авторъ нигдѣ не указываетъ, что скорость, ускореніе, сила и т. д. суть величины разнаго рода, единицы которыхъ могли бы быть выбраны произвольно. У него скорость есть путь, ускореніе есть скорость, сила есть масса на ускореніе, ускореніе равно разстоянію и т. д. Нѣтъ ни слова о коэффиціентахъ пропорціональности, объ условности приводимыхъ имъ равенствъ и т. д.

На стр. 22 неизвѣстно, что за кривая AB (черт. 12) и какъ понимать слова „оставаясь всегда параллельною самой себѣ въ одной плоскости (въ плоскости чертежа)". А если кривая AB не плоская? А если она плоская, то все-таки непонятно, почему она должна перемѣщаться въ своей плоскости?

На стр. 23 дано фиктивное доказательство равномѣрности нѣкотораго движенія: авторъ доказываетъ, что путь, пройденный *въ первую секунду*, есть постоянная величина. Какъ же ей быть перемѣнной?

На стр. 40 и 67 авторъ даетъ ускореніе въ видѣ $\frac{\text{см.}}{\text{сек.}}$!

Стр. 55. Разсматривая машину Атвуда, авторъ указываетъ на влія-

ніе инертности блока, но не упоминаетъ о вліяніи тренія. Тутъ же читаемъ, что блокъ дѣлается возможно болѣе широкимъ (?) и легкимъ.

Стр. 62—63. Авторъ доказываетъ уравненіе количествъ движенія для случая равноперемѣннаго движенія, а затѣмъ, безъ всякаго разъясненія, пользуется этимъ уравненіемъ для общаго случая перемѣнныхъ силъ, напримѣръ, при разборѣ удара тѣлъ.

Стр. 75. Переходя отъ коническаго маятника къ плоскому, авторъ пишетъ: „мы можемъ для небольшихъ угловъ его отклоненія принять дугу ABD равною хордѣ ACB и разсматривать движеніе груза такого маятника, какъ движеніе проекціи M, груза M коническаго маятника на діаметръ ACB описываемой имъ окружности, полагая этотъ діаметръ равнымъ размаху ACB плоскаго маятника". Дидактика необычайная! Допустимъ даже, что конецъ коническаго маятника движется по окружности. Откуда же взято допущеніе, что движеніе конца плоскаго маятника равно движенію проекціи конца коническаго маятника на плоскость качанія перваго? Кромѣ того, мы *по величинѣ*, конечно, можемъ замѣнить малую дугу хордою; но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что и движеніе по дугѣ можно замѣнить движеніемъ по хордѣ.

Изъ весьма большого числа мелочей укажемъ немногія. На стр. 5 читаемъ: „Мгновенная сила дѣйствуетъ на тѣло въ теченіи безконечно малаго времени, не поддающагося измѣренію". И то и другое невѣрно.

Стр. 7: „... кромѣ трехъ принимаемыхъ въ геометріи пространственныхъ измѣреній (длины, поверхности и объема)" и т. д.

Стр. 9. Изъ таблицы вовсе не слѣдуетъ, что точка, „начиная съ конца 5-й единицы времени, возвращается назадъ". Моментъ возвращенія можетъ находиться и во время шестой секунды.

„Мощность силы" (стр. 67) выраженіе странное.

Авторъ злоупотребляетъ словами „очевидно", „легко видѣть, что" и т. под. Примѣры можно найти на стр. 17, 26, 34, 35, 64, 72, 78, 83 и др. На стр. 83 даже начало возможныхъ перемѣщеній формулируется словами: „Не трудно видѣть, что равновѣсіе тѣла возможно лишь при условіи, когда алгебраическая сумма работъ" и т. д. Кстати, авторъ приписываетъ это начало Галилею и Лагранжу.

О. Хвольсонъ.

Е. Пржевальскій. ЭЛЕМЕНТАРНАЯ АЛГЕБРА. Изданіе четвертое, исправленное. Москва 1908. Стр. IV+471. Цѣна 1 р. 50 к.

Учебникъ г. Пржевальскаго не свободенъ отъ недостатковъ, хотя появляется уже четвертымъ изданіемъ. Главный недочетъ мы видимъ

въ томъ, что авторъ не отдаетъ себѣ достаточно яснаго отчета въ томъ, что можно считать извѣстнымъ изъ предыдущаго курса и что нужно опредѣлить заново. Это особенно проявляется въ началѣ книги, гдѣ авторъ половину доказательства заимствуетъ изъ ариѳметики, а другую излагаетъ заново. Думаемъ, что слѣдовало бы или прямо сослаться на ариѳметику (напр., стр. 10—11, §§ 8—9), или же прямо установить доказываемыя свойства, какъ новыя опредѣленія дѣйствій и ихъ свойствъ. Равнымъ образомъ, на стр. 235, § 245 авторъ говоритъ о дробяхъ, *меньшихъ* нѣкотораго ирраціональнаго числа, а на слѣдующей стр. о разности между раціональнымъ и ирраціональнымъ числомъ, не опредѣливъ, что подъ этимъ подразумѣвается. Подобная же погрѣшность на стр. 114, § 133 и 261, § 274. На стр. 467—471 говорится о безконечныхъ непрерывныхъ дробяхъ, и опять не опредѣлено, что это такое. Статья о предѣлахъ отсутствуетъ, что не мѣшаетъ автору пользоваться этимъ понятіемъ (напримѣръ, стр. 411, § 411).

Изъ болѣе мелкихъ погрѣшностей укажемъ слѣдующія:

Стр. 4, § 4. Не можемъ признать правильнымъ отожествленіе формулъ съ алгебраическими количествами.

Стр. 9, п. 4. Въ учебникѣ алгебры мы не стали бы говорить, что если $a = b + c$, то $a > b$ и $a > c$, хотя бы ученики и нѐ знали еще отрицательныхъ чиселъ. Это можетъ создать неправильныя представленія, отъ которыхъ потомъ ученикамъ будетъ трудно отдѣлаться.

Стр. 26. Авторъ *выводитъ* правило знаковъ при умноженіи отрицательныхъ количествъ. Выводъ основывается между прочимъ на умноженіи на нуль (!). Думаемъ, что слѣдовало просто поставить это правило, какъ *опредѣленіе* умноженія отрицательныхъ количествъ.

Стр. 28, § 32. Мы съ удивленіемъ узнали, что „безусловныя величины могутъ быть и положительными и отрицательными", и что *a* есть количество положительное, хотя оно можетъ обозначать и -2 и $-3^1/_7$.

Стр. 34. Опредѣленія цѣлыхъ и раціональныхъ одночленовъ нуждаются въ исправленіи, а то, напримѣръ, $3x$ окажется и цѣлымъ и раціональнымъ.

Стр. 70, § 87. Мы бы не стали говорить, что нѣтъ общаго способа для разложенія цѣлыхъ многочленовъ на множители.

Стр. 73. Примѣры 1, 2, 3. Слѣдовало бы отмѣтить, что тутъ происходитъ только *угадываніе* искомаго разложенія, и неуспѣхъ этого пріема вполнѣ возможенъ и ничего собою не обозначаетъ.

Стр. 81 и слѣд. Заимствованіе изъ алгебры Smith'а сдѣлано настолько сжато, что, вѣроятно, останется непонятнымъ для учениковъ. Особенно страдаетъ этимъ недостаткомъ § 99, стр. 82—83.

Стр. 91. Въ теоремѣ § 108 пропущено условіе: $sp - qr > < 0$.

Стр. 103, § 126, п. 1. Опять умноженіе на нуль!

Стр. 104. „Не зная, сколько численныхъ единицъ въ безконечности, не можемъ сказать, чему равняется разность безконечностей или частное безконечностей". Это и невѣрно и не нужно.

Стр. 115. Послѣдній абзацъ сформулированъ такъ, какъ будто всѣ члены ариѳметической прогрессіи должны быть соизмѣримы между собою.

Стр. 126, § 150. Авторъ говоритъ о постоянной величинѣ, не опредѣливъ, что это такое.

Стр. 131, § 163. „Совмѣстныя" и „тожественныя" уравненія совсѣмъ не одно и то же.

Стр. 137, п. 2. Авторъ безъ доказательствъ утверждаетъ, что цѣлый многочленъ относительно x можетъ обратиться въ ∞ (въ текстѣ опечатка „въ нуль") только при $x = \infty$. И дальше неловкая фраза: „Разсматривая ∞, какъ величину, видимъ, что уравненіе имѣетъ корень $x = \infty$".

Стр. 168—169. Рѣшая систему уравненій по способу сравненія коэффиціентовъ, авторъ зачѣмъ-то уравниваетъ коэффиціенты одного неизвѣстнаго сразу во всѣхъ четырехъ уравненіяхъ, между тѣмъ, какъ оказывается гораздо выгоднѣе уравнивать ихъ отдѣльно для каждой пары уравненій, изъ которыхъ потомъ исключимъ это неизвѣстное.

Стр. 179. Обычная ошибка: утверждается, что система уравненія будетъ неопредѣленной, если число уравненій меньше числа неизвѣстныхъ.

Стр. 206. „Общихъ правилъ для производства дѣйствія съ неравенствами не существуетъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, а для каждаго частнаго случая имѣется свое правило". Какое же это правило, если оно справедливо для одного частнаго случая?

Стр. 216. При доказательствѣ существованія рѣшенія у неопредѣленнаго уравненія сказано: „поэтому всѣ остатки, будучи менѣе a, равны или 0, или 1... или a—1". Слѣдовало сказать: въ ряду остатковъ должны содержаться *всѣ* числа 0,1... a — 1, слѣдовательно долженъ быть и остатокъ равный нулю.

Стр. 226, § 237. Общее правило для рѣшенія неопредѣленнаго

уравненія съ большимъ числомъ неизвѣстныхъ не удовлетворительно и не согласуется съ примѣрами.

Стр. 231, § 239. Утвержденіе, что возвышеніе въ степень и извлеченіе корня взаимно уничтожаются, слѣдовало бы высказать не безъ оговорокъ, ибо иначе оно вѣдь можетъ оказаться и невѣрнымъ, напр.

$$\sqrt{(-2)^2} = +2).$$

Стр. 241. При извлеченіи квадратнаго корня изъ чиселъ пропущено доказательство того, что число десятковъ есть *наибольшее* число, котораго квадратъ заключается въ числѣ сотенъ. Подобная же погрѣшность и при извлеченіи кубичнаго корня.

Стр. 246. Дается примѣръ: найти $\sqrt{9^3/_4}$ съ точностью до 1, а теорема о корнѣ нецѣлаго числа (съ точностью до 1) отсутствуетъ.

Стр. 248. Нахожденіе $\sqrt{\frac{17}{72}}$ до $^1/_{10}$ произведено неправильно. Получается точность до $^1/_{12}$, а не до $^1/_{10}$.

Стр. 262 внизу. Опредѣленіе умноженія на ирраціональное число появляется совершенно внезапно и не гармонируетъ съ остальнымъ изложеніемъ.

Стр. 287. Способъ для освобожденія уравненія отъ радикаловъ оставляетъ сомнѣніе, не будетъ ли число радикаловъ увеличиваться, а не уменьшаться (если ихъ не меньше четырехъ въ одной части уравненія).

Стр. 290—291. Авторъ *доказываетъ* (!), что если $a + bi = 0$, то $a = 0$ и $b = 0$, и если $a + bi = c + di$, то $a = c$ и $c = d$, вмѣсто того, чтобы поставить эти положенія, какъ *опредѣленіе* равенства двухъ комплексныхъ чиселъ.

Стр. 314. Чрезвычайно странное утвержденіе: „если коэффиціентъ при неизвѣстномъ (во?) второй степени приближается къ нулю, то абсолютная величина одного изъ корней увеличивается безпредѣльно, а другого корня становится раціональнымъ“ (!?). А если коэффиціенты уравненія ирраціональны?

Стр. 318. При рѣшеніи квадратнаго уравненія по способу послѣдовательныхъ приближеній нѣтъ и упоминанія о сходимости приближенія.

Стр. 366. Авторъ доказываетъ правила показателей при несоизмѣримыхъ показателяхъ, не опредѣливъ точно, что надо понимать подъ именемъ степени съ несоизмѣримымъ показателемъ.

Слогъ во многихъ мѣстахъ оставляетъ желать многаго. Напримѣръ, стр. 31: „принявъ въ произведеніи 5abc букву a за главную, произведеніе 5bc будетъ ея коэффиціентомъ“. Или стр. 108: „*Подста-*

віе это значеніе x, числитель и знаменатель *обратятся* въ ∞". Подобныя же погрѣшности на стр. 42, 86, 103, 193, 194, 205, 364.

Авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ не мало статей, выходящихъ за предѣлы гимназическаго курса, напримѣръ, рѣшеніе уравненій 3-й и 4-й степени, нѣкоторыя понятія о фигурныхъ числахъ и т. д. За это, конечно, можно быть ему только благодарнымъ.

Б. Коялович.

**Лакуръ и Аппель.* Историческая физика. Вып. II, стр. отъ 145—272. Вып. III, стр. отъ 273—435+2 таблицы и Вып. IV, стр. 144. Одесса.

Прекрасное изданіе, о первомъ выпускѣ котораго намъ уже приходилось говорить, печатается довольно быстро. Выпуски II и III составляютъ окончаніе перваго тома (стр. 145—435). Они содержатъ конецъ третьей статьи „Сила" (стр. 145—246) и дальнѣйшіе отдѣлы, а именно: 4) Мірозданіе. Свѣдѣнія и открытія послѣ 1630 г. (стр. 249—317), 5) Звукъ (стр. 321—363), 6) Природа свѣта (стр. 367—405) и 6) Спектральный анализъ (стр. 409—430). Весь первый томъ содержитъ 435 страницъ; онъ снабженъ 419 рисунками, таблицей сѣвернаго звѣзднаго неба и таблицею спектровъ. Къ нему приложенъ указатель, но мы не нашли оглавленія.

Четвертый выпускъ содержитъ начало второго тома (до стр. 144); въ немъ помѣщены 143 рисунка. Онъ весь посвященъ исторіи развитія ученія о тепловыхъ явленіяхъ. Въ остальныхъ выпускахъ будутъ помѣщены статьи: магнетизмъ, электричество до 1790 г., электрическій токъ и погода.

Мы можемъ лишь повторить уже высказанное нами пожеланіе, чтобы это прекрасное и недорогое (за оба тома 5 р. 50 коп. безъ пересылки и 6 р. 50 коп. съ пересылкою) изданіе получило самое широкое распространеніе. Желательно, чтобы наши среднія учебныя заведенія во-время подписались на эту книгу, такъ какъ по окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

О. Хвольсонъ.

**Проф. Ветэмъ.* Современное развитіе физики. Переводъ съ III-го англійскаго изданія подъ редакціей прив.-доцентовъ Б. П. Вейнберга и А. Р. Орбинскаго. Съ 5 портретами, 6 отдѣльными таблицами и 33 рисунками въ текстѣ. Съ приложеніемъ рѣчи перваго министра Англіи (1902 — 5) А. Дж. Бальфура „Нѣсколько мыслей о новой теоріи вещества". Изданіе Mathesis. Одесса 1908 г., 319 стр. Цѣна 2 руб.

Къ многочисленнымъ прекраснымъ изданіямъ Mathesis прибавилось еще одно, за которое нельзя не поблагодарить это дѣятельное изда-

тельство, какъ оно само себя называетъ. Весьма удачный выборъ книгъ для перевода, безукоризненность самого перевода и изящность изданія—вотъ чѣмъ характеризуется дѣятельность Mathesis.

Книга Ветгэма содержитъ рядъ статей, трактующихъ о послѣднихъ успѣхахъ по нѣкоторымъ, особенно важнымъ въ настоящее время, отдѣламъ физики. Она раздѣлена на слѣдующія главы: 1. Философскія основы физики, 2. Сжиженіе газовъ и абсолютный нуль температуры, 3. Плавленіе и застываніе, 4. Задачи (?) растворовъ, 5. Прохожденіе электричества сквозь газы, 6. Радіоактивность, 7. Атомы и эфиръ, 8. Астрофизика.

Здѣсь собрано новѣйшее, наиболѣе интересное и въ то же время доступное читателю, въ нѣкоторой степени, впрочемъ, подготовленному. Переводъ почти никакихъ замѣчаній не вызываетъ.

На стр. 64 говорится о расахъ западной Европы; желательно, чтобы при новомъ изданіи было выпущено слово „западной".

Предлогъ „изъ" при опредѣленіи мѣста жительства ученыхъ слѣдуетъ замѣнить предлогомъ „въ". Странно звучитъ „Арреніусъ изъ Стокгольма", „Планкъ изъ Берлина" и т. д. Можно подумать, что указывается мѣсто, гдѣ родились названные ученые.

Страннымъ представляется названіе главы IV (стр. 121) „Задачи растворовъ"; этотъ терминъ встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ, напр. на стр. 36 и др.

Въ книгѣ размѣщены портреты Ньютона, Лорда Кельвина, Гиббса, Фан'тъ Гоффа и Дж. Дж. Томсона. Въ ея началѣ помѣщенъ переводъ извѣстной рѣчи Бальфура „Нѣсколько мыслей о новой теоріи вещества".

Будемъ надѣяться, что Mathesis обогатитъ нашу учебную литературу еще многими, столь же интересными и полезными изданіями.

О. Хвольсонъ.

*Проф. *Е. Будде.* Нравственная личность женщины при современномъ общественномъ строѣ. С.-Пб. и М. Изданіе Вольфа (1908) in 8° [4 нен. + 37].

Профессоръ Будде задался цѣлью, какъ онъ самъ говоритъ (на стр. 37), — „хоть немного содѣйствовать подъему чувства личности и достоинства (sic) у женщинъ, значеніе которыхъ въ общемъ культурномъ прогрессѣ онъ старался обосновать исторически и психологически" — это сдѣлано на 37 страничкахъ. Изъ исторіи приведены примѣры въ видѣ анекдота изъ временъ Перикла (стр. 5), указанія женщинъ, работавшихъ въ Салерно и Болоньѣ (стр. 6), и „рядъ именъ (и только рядъ именъ) женщинъ-врачей, пользующихся заслуженной извѣстностью на западѣ и у насъ: Луиза Буржуа, Юстина Дитрихъ,

Лэди (sic) Хальветъ, Анна Маццалини, Марія Петрацони", неутомимой госпожи Кашеваровой, Олимпіи де Гушъ, Луизы Лакомбъ и сестры Ансельма изъ Ниццы, „обладающей доблестью Орлеанской Дѣвы и служащей еще болѣе великому дѣлу" (стр. 7). Приводимыя дальше имена княгинь Волконской и Трубецкой въ счетъ историческій не идутъ, такъ какъ „*Записки княгини Волконской*" даютъ нѣсколько иной историческій образъ женщинъ, чѣмъ идеализація ихъ въ поэмѣ Некрасова, изъ которой цитуетъ стихи профессоръ Будде на той же 7 страницѣ. Вотъ и все историческое обоснованіе.

„Психологическое" обоснованіе изложено пространнѣе. На стр. 21 послѣ разсужденій о чувствѣ (19—20 стр.) авторъ заключаетъ, что „если женщина прежде всего является возбудителемъ въ насъ чувства по самому уже *половому* строенію своему, то становится понятнымъ и возникновеніе рыцарскихъ подвиговъ у мужчинъ, и вдохновенія у поэтовъ, и творческой мысли сильныхъ умовъ", и послѣ этой тирады цитуются стихи Пушкина о геніи *чистой* красоты; далѣе говорится о возбудителѣ любви — женщинѣ съ указаніями Шиллеровскихъ „Die Ideale" и совсѣмъ уже неожиданно о Крейцеровой сонатѣ и о высотѣ цѣломудрія (стр. 32—33). Больше всего, впрочемъ, авторъ говоритъ о литературныхъ женскихъ типахъ: тутъ и „Гроза" Островскаго, и разсказы Чехова, и Максимъ Горькій, и Щепкина-Куперникъ, и Анна Каренина, и Татьяна, и Позднышевъ, и Купринъ, и Fécondité Зола, и все это въ столь быстро мѣняющемся калейдоскопѣ, что у читателя никакого окончательнаго опредѣленнаго вывода не получается, а получается „взглядъ и нѣчто", какъ говорили въ старину. Нельзя же предположить, что профессоръ Будде думаетъ серьезно, что вся жизнь женщины сводится къ половому чувству и что надо этому чувству женщины дать такой же просторъ, какой дается мужской половинѣ рода человѣческаго, въ силу чего вытекаетъ предложеніе учредить мужскіе дома терпимости (стр. 26). Неделикатенъ разсказъ, вѣроятно, еще о *живущей* дочери профессора Захарьина (стр. 34).

Спорными считаю и мысли профессора Будде о томъ, что крѣпостное право способствовало *массовой* половой безнравственности (стр. 1), или о томъ, что общественная несправедливость возникаетъ изъ-за женскаго покровительства (стр. 3), и тому подобное. О плохомъ стилѣ, неясности и противорѣчіяхъ мысли автора свидѣтельствуютъ стр. 4, 5, 7, 18—19, 21, 22, 23, 8 и 25 и др.

И. Шляпкинъ.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію за октябрь и ноябрь мѣсяцы 1908 года.

— Иллюстрированный каталогъ учебныхъ пособій. „Песталоцци". Институтъ учебныхъ пособій, дѣтскихъ занятій и книжный магазинъ. С.-Пб. Казанская 14. 1909 г. VIII+155 стр.

— Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Томъ I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. С.-Пб. 1908. V+282 стр. Цѣна 2 руб.

— Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Съ 1-го октября 1907 года по 1-е октября 1908 года. Годъ 13-й. Кіевъ 1908. 193+50+II стр.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ VII. Повременное изданіе комиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. С.-Пб. 1908. 119 стр.

— Саратовское уѣздное земство. Народное образованіе. Доклады управы XLIII очередному 1908 г. уѣздному земскому собранію. Саратовъ 1908. III+128 стр.

— Самоубійства, покушенія на самоубійство и несчастные случаи среди учащихся учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія въ 1907 году. Годъ третій. Подъ редакціей завѣдывающаго врачебно-санитарною частью учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія проф. Г. В. Хлопина. С.-Пб. 1908. VII+60 стр.

— Ежегодникъ Россіи 1907 г. (Годъ четвертый). С.-Пб. 1908. CXV+422 стр. (Центральный статистическій комитетъ М. В. Д.).

— *Жуковскій, Ю. Г.* XIX вѣкъ и его нравственная культура. Изслѣдованіе. Съ портретомъ автора и его біографическимъ очеркомъ. С.-Пб. 1909. XXIX+160 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп. (Матеріалы для исторіи нравственной и экономической культуры XIX вѣка).

— Православная богословская энциклопедія. Томъ IX. Кармелиты—Κοινή. Съ 15-ю рисунками. Составленъ подъ редакціею Н. Н. Глубоковскаго. Изданіе преемниковъ † проф. А. П. Лопухина. Безплатное приложеніе къ журналу „Странникъ" за 1908 г. С.-Пб. V+770 стр. (Общедоступная богословская библіотека. Выпускъ XXI).

— *Сиротининъ, Андрей.* Введеніе о русской словесности. С.-Пб. 1909. X+345 стр. Цѣна 1 руб. 35 коп.

— Отчетъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ по сберегательной операціи за 1907 годъ. С.-Пб. 1908. 58 стр. -Приложеніе къ отчету государственныхъ сберегательныхъ кассъ по сберегательной операціи за 1907 годъ. С.-Пб. 1908. 281 стр.

— Памяти почетнаго члена Историческаго общества Нестора Лѣтописца

заслуженнаго ординарнаго профессора и академика Николая Павловича Дашкевича. Кіевъ 1908. 57 стр.

—*Леруа-Больё, Анатоль, проф.* Христіанство и демократія. Христіанство и соціализмъ. Переводъ съ французскаго С. Троицкаго. С.-Пб. 1906. 52 стр. Цѣна 20 коп.

— *Гора, Чарльзъ.* Римско-католическія притязанія. Переводъ съ 9-го англійскаго изданія С. Троицкаго. С.-Пб. 1908. 48 стр. Цѣна 50 коп.

— *Васманъ, Эрихъ.* Неодарвинизмъ и христіанство. Переводъ съ нѣмецкаго С. Троицкаго. С.-Пб. 1907. 52 стр. Цѣна 30 коп.

— *Введенскій, Арс. И.* Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Критическіе очерки. 2-е изданіе. С.-Пб. 1909. 304 стр. Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1907 ГОДУ.

Настоящій отчетъ, составленный по образцу отчетовъ объ испытаніяхъ зрѣлости, бывшихъ въ 1894—1906 годахъ, подобно имъ распадается на двѣ главныя части: въ первой показаны результаты испытаній, произведенныхъ ученикамъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, при чемъ первыя отдѣлены отъ вторыхъ, во второй—результаты испытаній, произведенныхъ постороннимъ лицамъ. Въ заключительной (третьей) части отчета сдѣланъ общій сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости отчетнаго года, и приведены данныя относительно возраста молодыхъ людей, признанныхъ зрѣлыми на этихъ испытаніяхъ, равно какъ и относительно того рода дальнѣйшей дѣятельности, который они избрали, и, наконецъ, сдѣланъ сравнительный обзоръ результатовъ испытаній зрѣлости за время съ 1902 по 1907 годъ.

I.

1. Въ 1907 году испытанія зрѣлости были произведены въ 228-ми [1]) учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, въ которыхъ состояло учениковъ VIII класса 7.223.

[1]) Сравнительно съ предыдущимъ годомъ число правительственныхъ гимназій увеличилось на 7 учебныхъ заведеній; кромѣ того, включены свѣдѣнія о двухъ гимназіяхъ Приамурскаго края, о которыхъ для предыдущихъ отчетовъ свѣдѣній не имѣлось, и, наконецъ, былъ первый выпускъ въ частной гимназіи Шейнина (Варшавскаго округа) и въ частной гимназіи съ правами только для учащихся Лентовской (С.-Петербургскаго округа). 7 правительственныхъ гимназій, въ которыхъ въ отчетномъ году были первые выпуски, распредѣляются по округамъ слѣдующимъ образомъ: въ С.-Петербург-

Распредѣленіе учебныхъ заведеній и учениковъ VIII класса по учебнымъ заведеніямъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округи.	Число учебныхъ заведеній.	Число учениковъ VIII класса.
Московскій	36 [1])	1.215
С.-Петербургскій	33 [2])	1.068
Одесскій	26	730
Кіевскій	24 [3])	963
Варшавскій	23 [4])	318
Харьковскій	21	704
Кавказскій	13	620
Виленскій	12	420
Казанскій	10	377
Рижскій	10	327
Оренбургскій	5	162
Туркестанскій край	5	105
Западно-Сибирскій	4	94
Иркутское генералъ-губернаторство	4	71
Приамурскій край	2	49
Всего	228	7.223

Изъ общаго числа учениковъ VIII класса состояло:

въ 206 правительственныхъ гимназіяхъ . 6.929 (95,9%)

„ 5 церковныхъ училищахъ 72 (1,0%)

скомъ 2, въ Туркестанскомъ краѣ 2, въ Кавказскомъ округѣ 1, въ Московскомъ 1 и въ Одесскомъ 1.

[1]) Правительственныхъ гимназій—33, считая въ этомъ числѣ и гимназическое отдѣленіе Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, и Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; 1 училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла и 2 частныя гимназіи (Креймана и Поливанова) въ Москвѣ.

[2]) Правительственныхъ гимназій—25, считая въ этомъ числѣ и гимназію Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ; 4 училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій (св. Петра, св. Анны, св. Екатерины и при реформатскихъ церквахъ), 3 частныя гимназіи (Гуревича, Мая и Видемана) въ С.-Петербургѣ и 1 частное съ правами только для учащихся Лентовской.

[3]) Правительственныхъ гимназій—23; 1 частная гимназія Г. А. Валькера въ Кіевѣ.

[4]) Правительственныхъ гимназій—22; 1 частная гимназія Шеймана (въ Новой Александріи, Люблинской губерніи).

„ 6 частныхъ гимназіяхъ 188 (2,6%)
„ 1 частной съ правами только для учащихся 34 (0,5%)

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ VIII класса увеличилось въ правительственныхъ гимназіяхъ на 460 человѣкъ, въ частныхъ гимназіяхъ на 19 человѣкъ, въ частныхъ съ правами только для учащихся на 34, въ церковныхъ училищахъ уменьшилось на 37 человѣкъ; въ общемъ оно увеличилось на 476 человѣкъ.

Наибольшее число учениковъ VIII класса было въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа: въ среднемъ 47,7 на одну гимназію, а наименьшее въ гимназіяхъ Варшавскаго округа: въ среднемъ 13,8 на одну гимназію; остальные округи по среднему числу учениковъ VIII класса на одну гимназію слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Кіевскій—40,1, Казанскій—37,7, Виленскій—35,0, Московскій—33,7, Харьковскій—33,5, Рижскій—32,7, Оренбургскій—32,4, С.-Петербургскій—32,3, Одесскій—28,1, Приамурскій край—24,5, Западно-Сибирскій—23,5, Туркестанскій край—21,0, Иркутское генералъ-губернаторство—17,7.

2. Изъ 6.929 учениковъ, находящихся въ VIII классѣ правительственныхъ гимназій, къ испытаніямъ зрѣлости не были допущены 76 (1,1%) по малоуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія въ гимназіи и 3 (0,04%) по нравственной незрѣлости. Сравнивая числовыя данныя, касающіяся недопущенныхъ по первой изъ этихъ причинъ къ испытаніямъ зрѣлости учениковъ правительственныхъ гимназій, мы видимъ, что, не считая Казанскаго округа, Туркестанскаго края, Иркутскаго генералъ-губернаторства и Приамурскаго края, въ которыхъ не было ни одного случая недопущенія къ испытаніямъ по малоуспѣшности, въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ былъ Одесскій округъ, для котораго процентное отношеніе числа недопущенныхъ къ испытаніямъ по этой причинѣ къ общему числу учениковъ VIII класса выражается числомъ 0,5; для Харьковскаго—0,7, Кавказскаго—0,8, Московскаго—0,8, Оренбургскаго—1,2, Кіевскаго—1,4, Западно-Сибирскаго—1,5, С.-Петербургскаго—1,7, Виленскаго—1,7, Рижскаго—1,8, Варшавскаго—2,5.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ, не допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости по малоуспѣшности, увеличилось на 34 человѣка, или на 0,5%. Кромѣ того, испытаніе зрѣлости отсрочено на одинъ годъ 27 ученикамъ по болѣзни. Всего было

устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ 109 учениковъ правительственныхъ гимназій, что составляетъ 1,6% всего числа учениковъ, бывшихъ въ VIII классѣ (на 0,5% больше, чѣмъ въ предыдущемъ году).

Въ частныхъ гимназіяхъ были устранены отъ испытаній зрѣлости по малоуспѣшности въ ученіи 12 учениковъ (6,4%). По сравненію съ предыдущимъ годомъ число учениковъ этихъ учебныхъ заведеній, не допущенныхъ къ испытаніямъ вслѣдствіе малоуспѣшности, уменьшилось на 4 (или 3,0%). Въ церковныхъ училищахъ всѣ ученики были допущены къ испытаніямъ, кромѣ одного, которому экзамены отсрочены по болѣзни.

Сводя эти числовыя данныя вмѣстѣ, получимъ общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости въ отчетномъ году:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	109	(1,6%)
„ церковныхъ училищахъ	1	(1,4%)
„ частныхъ гимназіяхъ	15	(8,0%)
„ частныхъ съ правами только для учащихся	1	(3,0%)
Всего	126 [1]	(1,7%)

Исключая это число изъ общаго числа учениковъ VIII класса, получимъ слѣдующія данныя, показывающія число учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости въ отчетномъ году и подвергавшихся имъ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ . .	6.820	(98,4%)
„ церковныхъ училищахъ.	71	(98,6%)
„ частныхъ гимназіяхъ	173	(92,0%)
„ частныхъ съ правами только для учащихся	33	(97,0%)
Всего.	7.097 [2]	(98,3%)

[1]) По сравненію съ предыдущимъ годомъ процентъ учениковъ VIII класса, устраненныхъ отъ испытаній, увеличился; въ 1905 году такихъ учениковъ было 86 (1,3%).

[2]) Въ это число вошло 3 ученика, не державшихъ экзаменовъ, но получившихъ аттестаты.

3. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали эти испытанія и получили аттестаты зрѣлости 6.552 (96,1%), считая въ этомъ числѣ и тѣхъ 3 учениковъ (2 въ Харьковскомъ, 1 въ Оренбургскомъ), которымъ въ виду ихъ болѣзненнаго состоянія, съ особаго разрѣшенія высшаго начальства, были выданы аттестаты зрѣлости безъ испытаній. Наилучшіе результаты дали испытанія, произведенныя въ гимназіяхъ Оренбургскаго учебнаго округа и въ Приамурскомъ краѣ, въ которыхъ всѣ допущенные къ испытаніямъ выдержали ихъ успѣшно (100%). Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, къ общему числу учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Казанскій (99,7), Туркестанскій край (99,1), Кавказскій округъ (97,7), Харьковскій (97,7), Московскій (97,1), Одесскій (97,0), С.-Петербургскій (96,6), Рижскій (96,3), Варшавскій (94,5), Кіевскій (94,1), Западно-Сибирскій (93,5), Иркутское генералъ-губернаторство (89,9), Виленскій округъ (85,9).

Если же взять отношеніе числа учениковъ, успѣшно выдержавшихъ испытанія, къ общему числу учениковъ правительственныхъ гимназій въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что наибольшее число аттестатовъ зрѣлости было выдано гимназіями Кавказскаго учебнаго округа—45,9 на одну гимназію; порядокъ остальныхъ округовъ слѣдующій: Казанскій (37,6), Кіевскій (36,3), С.-Петербургскій (34,7), Московскій (33,9), Харьковскій (32,2), Оренбургскій (31,8), Рижскій (30,9), Виленскій (29,4), Одесскій (26,9), Приамурскій (24,5), Западно-Сибирскій (21,5), Туркестанскій край (20,8), Иркутское генералъ-губернаторство (15,3), Варшавскій (11,8), а въ общемъ, по отношенію ко всей Имперіи, приходится на одну гимназію 30,5 аттестата зрѣлости. Въ прошломъ году въ среднемъ на одну правительственную гимназію приходилось 30,6 аттестатовъ, т. е. болѣе на 0,1 аттестатъ. Что касается въ отдѣльности каждаго округа, то увеличеніе числа выданныхъ аттестатовъ въ среднемъ на одну гимназію произошло въ слѣдующихъ округахъ: Оренбургскомъ (7,0), Рижскомъ (6,0), Кіевскомъ (5,2), Харьковскомъ (1,7), Виленскомъ (0,9), Варшавскомъ (0,7), Казанскомъ (0,4), уменьшеніе же въ Иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ (7,2), Западно-Сибирскомъ (6,7), Кавказскомъ (3,7), Одесскомъ (3,3), С.-Петербургскомъ (2,4), Московскомъ (1,7) и въ Туркестанскомъ краѣ (1,9). О Приамурскомъ краѣ ничего сказать нельзя, такъ какъ свѣдѣній за предыдущій годъ не

имѣется. По сравненію съ предшествовавшимъ годомъ, въ которомъ изъ 6.400 учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, выдержали ихъ 6.308 или 98,6%, результаты испытаній отчетнаго года хуже такъ какъ процентъ выдержавшихъ испытанія понизился на 2,5%.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ, допущенныхъ къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 70 (98,6%). Процентъ выдержавшихъ испытанія учениковъ въ церковныхъ училищахъ повысился въ сравненіи съ прошлымъ годомъ на 0,5%.

Что же касается учениковъ частныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ, то выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 152 (87,9%). Сравнительно съ прошлымъ годомъ процентъ выдержавшихъ сильно понизился, а именно на 6,2.

Общій итогъ учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Имперіи, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ. . .	6.552
„ церковныхъ училищахъ	70
„ частныхъ гимназіяхъ	152
съ правами только для учащихся . . .	32
Всего	6.806

что составляетъ 95,9% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости. Въ прошломъ году этотъ процентъ былъ 98,5, такъ какъ изъ 6.661 ученика, допущеннаго къ испытаніямъ, выдержали ихъ и получили аттестаты зрѣлости 6.558.

4. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, выдержавшихъ испытанія зрѣлости, были награждены медалями: золотыми—503, серебряными—767, всего 1.270 учениковъ (19,4%). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, слѣдующій: С.-Петербургскій—24,9, Приамурскій край—24,5, Одесскій—23,5, Туркестанскій край—23,1, Харьковскій—21,3, Рижскій—19,1, Казанскій—18,4, Московскій—18,3, Кіевскій—17,8, Варшавскій—17,0, Виленскій—16,1, Кавказскій—15,2, Оренбургскій—14,5, Иркутское генералъ-губернаторство—11,3, Западно-Сибирскій—7,0.

Изъ учениковъ церковныхъ училищъ и частныхъ гимназій этого отличія были удостоены: въ первыхъ 18 (25,7%), во вторыхъ 27 (17,7%), всего 45 учениковъ, изъ которыхъ 15 получили золотыя, а 30—серебряныя медали.

Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи въ отчетномъ году учениковъ, награжденныхъ медалями, было:

	Золотыми.	Серебряными.	Всего.
въ правительственныхъ гимназіяхъ	503	767	1.270
„ церковныхъ училищахъ . . .	10	8	18
„ частныхъ гимназіяхъ	5	22	27
Всего	518	797	1.315 (19,3%)

Въ отчетномъ году процентъ учениковъ, награжденныхъ медалями, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, повысился, какъ въ общемъ выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній (былъ 17,1), такъ и для правительственныхъ гимназій (былъ 17,1), для частныхъ гимназій (былъ 15,4) и для церковныхъ училищъ (былъ 16,8).

5. Изъ учениковъ правительственныхъ гимназій, допущенныхъ къ испытаніямъ зрѣлости, не выдержали этихъ испытаній 268 (3,9%). Наибольшій процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ приходится на Виленскій учебный округъ (14,1%), а наименьшій — на Оренбургскій округъ и на Приамурскій край, гдѣ всѣ ученики, допущенные къ экзаменамъ, ихъ выдержали. Что же касается остальныхъ округовъ, то порядокъ ихъ, опредѣляемый процентнымъ отношеніемъ числа учениковъ, подвергавшихся испытаніямъ, слѣдующій: Казанскій (0,3), Туркестанскій (0,9), Кавказскій (2,3), Харьковскій (2,3), Московскій (2,9), Одесскій (3,0), С.-Петербургскій (3,4), Рижскій (3,7), Варшавскій (5,5), Кіевскій (5,9), Западно-Сибирскій (6,5), Иркутское генералъ-губернаторство (10,1).

По сравненію съ предыдущимъ годомъ, процентъ не выдержавшихъ испытаній учениковъ правительственныхъ гимназій въ общемъ повысился на 2,5. Что же касается каждаго округа въ отдѣльности, то процентъ повысился и во всѣхъ округахъ. Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ третій годъ всѣ ученики, допущенные къ испытаніямъ, выдержали ихъ успѣшно.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми 268 учениками правительственныхъ гимназій, не выдержавшими испытаній зрѣлости, доходитъ до 524, изъ которыхъ 293 (55,9%) были получены на письменныхъ испытаніяхъ, а остальныя 231 (44,1%)—на устныхъ испытаніяхъ.

Наибольшее число такихъ отмѣтокъ приходится на математику, по которой было получено неудовлетворительныхъ отмѣтокъ 237 (166 на

письменныхъ и 71 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ—157 (127 на письменныхъ и 30 на устныхъ испытаніяхъ), латинскій языкъ—60, исторія—33, новые языки—33, греческій языкъ—2 и Законъ Божій—2.

По сравненію съ предыдущимъ годомъ, общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ увеличилось въ общемъ на 837, при чемъ по нѣкоторымъ предметамъ испытанія, какъ по математикѣ, оно увеличилось на 138, по русскому языку на 104, по латинскому языку на 43, по исторіи на 18, по греческому языку на 1, по новымъ языкамъ на 31 и по Закону Божію на 2. Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ учениками правительственныхъ гимназій въ каждомъ округѣ, то окажется, что наибольшее число такихъ отмѣтокъ было получено въ гимназіяхъ Иркутскаго генералъ-губернаторства, въ которомъ на каждаго изъ 7 учениковъ, не выдержавшихъ испытаній, приходится по 5,4 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ. Порядокъ остальныхъ округовъ, расположенныхъ по степени уменьшенія средняго числа неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, слѣдующій: Казанскій (5,0), Харьковскій (2,5), Одесскій (2,5), Кавказскій (2,2), Московскій (2,1), Западно-Сибирскій (2,1), Туркестанскій край (2,0), С.-Петербургскій (1,8), Рижскій (1,8), Виленскій (1,6), Варшавскій (1,4), Кіевскій (1,3). Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ и въ Приамурскомъ краѣ не было получено ни одной неудовлетворительной отмѣтки на испытаніяхъ.

Въ частныхъ гимназіяхъ 21 ученикъ, допущенные къ испытаніямъ зрѣлости, получили 27 неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, т. е. по 1,3 на каждаго. Въ церковныхъ училищахъ однимъ ученикомъ, не выдержавшимъ испытаній, было получено 3 неудовлетворительныхъ отмѣтки.

Общій итогъ не выдержавшихъ испытаній зрѣлости учениковъ всѣхъ учебныхъ заведеній слѣдующій:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	268
„ церковныхъ училищахъ	1
„ частныхъ гимназіяхъ	21
„ „ „ съ правами только для учащихся	1
Всего	291

что составляетъ 4,1% всего числа учениковъ, допущенныхъ къ испытанію зрѣлости.

6. Если къ этому числу прибавить выше показанное число учени-

ковъ VIII класса, устраненныхъ по разнымъ причинамъ отъ испытаній зрѣлости, то получится сумма, показывающая общее число учениковъ, которые были лишены возможности поступить въ отчетномъ году въ высшія учебныя заведенія, вслѣдствіе неполученія аттестатовъ зрѣлости. Такихъ учениковъ было:

въ правительственныхъ гимназіяхъ	377	(5,4%)
„ церковныхъ училищахъ	2	(2,7%)
„ частныхъ гимназіяхъ	36	(19,1%)
„ „ „ съ правами только для учащихся .	2	(5,8%)
Всего . . .	417	

что составляетъ 5,7% всего числа учениковъ, находившихся въ VIII классѣ предъ началомъ испытаній.

Изъ этого числа выбыли со свидѣтельствами (на основаніи § 80 прав. объ испыт.):

въ правительственныхъ гимназіяхъ . .	85
„ церковныхъ училищахъ	—
„ частныхъ гимназіяхъ	5
Всего	90

остались на 2-й годъ въ VIII классѣ:

въ правительственныхъ гимназіяхъ .	289
„ церковныхъ училищахъ	2
„ частныхъ гимназіяхъ	31
„ частныхъ съ правами только для учащихся	2
Всего	324
Умерло въ періодъ экзаменовъ . . .	2
Уволено	1
Всего	3
Общій итогъ.	417

II.

Постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ зрѣлости въ 1907 году, было 3.620 (сравнительно съ предыдущимъ годомъ на 151 человѣкъ болѣе). Распредѣленіе ихъ по учебнымъ округамъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Одесскій	632 (17,5%)
С.-Петербургскій	529 (14,6%)
Кіевскій	490 (13,5%)
Кавказскій	387 (10,7%)
Московскій	361 (10,0%)
Харьковскій	338 (9,3%)
Казанскій	237 (6,5%)
Варшавскій	193 (5,3%)
Западно-Сибирскій	133 (3,7%)
Рижскій	125 (3,5%)
Виленскій	102 (2,8%)
Иркутское генер.-губерн.	31 (0,9%)
Туркестанскій край	22 (0,6%)
Оренбургскій	21 (0,6%)
Приамурскій край	19 (0,5%)
Всего	3.620

Изъ нихъ не были допущены къ испытаніямъ на основаніи § 51 правилъ объ испытаніяхъ: по п. а—36, по п. б—18, по п. в—7, по п. г—113, всего 174 человѣка. Кромѣ того, не явились къ испытаніямъ: по болѣзни—19 и по неизвѣстнымъ причинамъ—136, по недостатку мѣста 1 (въ Приамурскомъ краѣ), всего 156 человѣкъ. Такимъ образомъ, изъ всего числа постороннихъ лицъ, заявившихъ желаніе подвергнуться въ отчетномъ году испытаніямъ зрѣлости, были устранены или добровольно отказались отъ нихъ 330 человѣкъ (9,1%) (въ прошломъ году 131 или 6,2%), а въ дѣйствительности подвергались имъ 3.290 (90,9%).

Изъ нихъ выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости 1.669 человѣкъ,—что составляетъ 50,7% всего числа постороннихъ абитуріентовъ, подвергавшихся испытаніямъ зрѣлости (по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 13,6% менѣе).

Наибольшій процентъ выдержавшихъ испытанія приходится на Приамурскій край (77,8%), остальные округи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: Туркестанскій край (72,7%), Кавказскій (68,0%), Оренбургскій (65,0%), Казанскій (59,1%), Московскій (57,8%), Западно-Сибирскій (53,3%), Харьковскій (54,3%), Одесскій (51,5%), С.-Петербургскій (51,1%), Рижскій (42,6%), Иркутское генералъ-губернаторство (40,7%), Виленскій (36,0%), Варшавскій (35,7%), Кіевскій (29,2%).

Не выдержали испытаній зрѣлости изъ числа постороннихъ абитуріентовъ 1.621 человѣкъ (49,3%—по сравненію съ предыдущимъ годомъ на 13,6% больше). По отношенію къ отдѣльнымъ учебнымъ округамъ процентъ не выдержавшихъ испытаній постороннихъ лицъ слѣдующій: Кіевскій — 70,4, Варшавскій — 64,3, Виленскій — 64,0, Иркутское генералъ-губернаторство—59,3, Рижскій—57,4, С.-Петербургскій—48,8, Одесскій—48,5, Западно-Сибирскій — 46,7, Харьковскій—45,3, Казанскій — 40,9, Оренбургскій—35,0, Кавказскій—32,0, Туркестанскій край—27,3, Приамурскій край—22,2.

Общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ всѣми 1.621 посторонними абитуріентами, не выдержавшими испытаній, было 2.487, изъ которыхъ большая часть—54,6% (1.357 отм.) была получена на письменныхъ испытаніяхъ, остальныя—45,4% (1.130 отм.)—на устныхъ испытаніяхъ. Наиболѣе неудовлетворительно подготовленными оказались посторонніе абитуріенты по математикѣ, по которой было получено ими всего 892 неудовлетворительныхъ отмѣтки (668 на письменныхъ и 224 на устныхъ испытаніяхъ); затѣмъ слѣдуютъ предметы: русскій языкъ—821 такихъ отмѣтокъ (689 на письменныхъ и 132 на устныхъ испытаніяхъ), латинскій языкъ—183, физика и математическая географія—155, исторія—153, новые иностранные языки—115, логика—73, географія—56, Законъ Божій—13, греческій языкъ—5. Въ отчетномъ году въ первый разъ производилось испытаніе на экзаменахъ на аттестатъ зрѣлости по законовѣдѣнію и гигіенѣ, и посторонними абитуріентами по этимъ предметамъ получены 21 неудовлетворительная отмѣтка. По сравненію съ предыдущимъ годомъ общее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуріентами, оставшись тѣмъ же процентомъ въ среднемъ выводѣ на каждаго изъ не выдержавшихъ испытаній (былъ 1,5), увеличилось какъ въ общемъ итогѣ (на 1449), не считая 21 отмѣтки, полученной по законовѣдѣнію и гигіенѣ, такъ и по отношенію къ слѣдующимъ предметамъ испытанія: по математикѣ на 492, по русскому языку на 437, по латинскому языку на 115, по исторіи на 114, по новымъ языкамъ на 107, по физикѣ на 101, по географіи на 42, по логикѣ на 34, по Закону Божію на 5 и по греческому языку на 2. Если же взять среднее число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, полученныхъ посторонними абитуріентами въ каждомъ отдѣльномъ округѣ, то окажется, что хуже остальныхъ были подготовлены къ испытаніямъ посторонніе абитуріенты въ Иркутскомъ генералъ-губернаторствѣ и Приамурскомъ краѣ, въ которыхъ на каждое лицо, которое не

выдержало испытаній, приходится по 2,5 неудовлетворительныя отмѣтки. Затѣмъ слѣдуютъ посторонніе абитуріенты Оренбургскаго учебнаго округа, въ которомъ въ среднемъ на каждаго, не выдержавшаго испытаній, приходится 2,3 отмѣтки, Кавказскаго 2,1 отм., Казанскаго 1,9 отм., Рижскаго 1,9 отм., Западно-Сибирскаго 1,7 отм., С.-Петербургскаго 1,6 отм., Московскаго 1,5 отм., Виленскаго 1,5 отм., Харьковскаго 1,4 отм., Варшавскаго 1,4 отм., Одесскаго 1,3 отм., Туркестанскаго края 1,3 отм., Кіевскаго 1,1 отм.

III.

Въ заключеніе представимъ сводъ всѣхъ числовыхъ данныхъ, касающихся испытаній зрѣлости 1907 года.

1) Предъ началомъ испытаній состояло учениковъ VIII класса:

въ правительственныхъ гимназіяхъ . . .	6.929	
„ церковныхъ училищахъ	72	
„ частныхъ гимназіяхъ	188	
съ правами только для учащихся . . .	34	
		7.223
Подано прошеній о допущеніи къ испытаніямъ зрѣлости посторонними лицами		3.620
Всего было абитуріентовъ въ отчетномъ году		10.843

2) Къ испытаніямъ не были допущены или добровольно отказались отъ нихъ:

ученики правительственныхъ гимназій . .	109	
„ церковныхъ училищъ	1	
„ частныхъ гимназій	15	
„ съ правами только для учащихся .	1	
		126
постороннія лица		330
Всего было устранено отъ испытаній по разнымъ причинамъ		456 (4,2%)

3) Подвергались испытаніямъ:

ученики правительственныхъ гимназій .	6.820
„ церковныхъ училищъ	71

„ частныхъ гимназій	173		
„ съ правами только для учащихся	33		
		7.097	
постороннія лица		3.290	
Всего подвергалось испытаніямъ		10.387	(95,8°/₀)

4) Не выдержали испытаній:

ученики правительственныхъ гимназій . .	268		
„ церковныхъ училищъ	1		
„ частныхъ гимназій	21		
„ съ правами только для учащихся .	1		
		291	
постороннія лица		1.621	
Всего не выдержало испытаній		1.912	(18,4°/₀)

5) Выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости:

ученики правительственныхъ гимназій .	6.552 [1]		
„ церковныхъ училищъ	70		
„ частныхъ гимназій	152		
„ съ правами только для учащихся	32		
		6.806	
постороннія лица		1.669	
Всего выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости было .		8.475	(81,6°/₀)

Сопоставляя результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года съ результатами предшествовавшаго года, поскольку они выражаются числовыми данными, мы можемъ сдѣлать слѣдующее заключеніе: такъ какъ въ отчетномъ году процентъ не выдержавшихъ испытаній увеличился (18,4°/₀ вмѣсто 9,3°/₀), а процентъ выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости уменьшился (81,6°/₀ вмѣсто 90,7°/₀), то результаты испытаній зрѣлости 1907 года въ

[1]) Въ томъ числѣ 3 ученика, экзаменовъ не державшіе, но аттестаты получившіе: 2 въ Харьковскомъ учебномъ округѣ (1 въ Харьковской 3-й гимназіи и 1 въ Курской гимназіи) и 1 въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ (въ Оренбургской гимназіи).

общемъ должны быть признаны менѣе благопріятными, чѣмъ въ 1906 году.

Если же взять для сравненія не одинъ предшествовавшій годъ, а все предшествовавшее пятилѣтіе, то отчетный годъ, въ отношеніи количества абитуріентовъ (учениковъ VIII класса и посторонних лицъ), которые подвергались испытаніямъ на аттестатъ зрѣлости, превосходитъ всѣ предшествовавшіе годы, при чемъ 1902 годъ на 4.571 человѣкъ, 1903 годъ на 3.649 человѣкъ, 1904 годъ на 2.845 человѣкъ, 1905 годъ на 2.907 человѣкъ и 1906 годъ на 1.747 человѣкъ [1]).

Въ отношеніи количества абитуріентовъ, которые выдержали испытанія и получили аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, отчетный годъ превосходитъ всѣ предшествовавшіе годы, а именно: 1902 годъ на 3.175 человѣкъ, 1903 годъ на 2.442 человѣка, 1904 годъ на 1.846 человѣкъ, 1905 годъ на 1.652 человѣка и 1906 годъ на 644 [2]).

Въ качественномъ отношеніи по конечнымъ результатамъ испытаній, произведенныхъ ученикамъ VIII класса и постороннимъ лицамъ, отчетный годъ стоитъ ниже всѣхъ годовъ истекшаго пятилѣтія [3]).

Процентъ учениковъ правительственныхъ гимназій, которые выдержали испытанія и получили аттестаты зрѣлости, стоитъ ниже размѣра средняго процента за всѣ предыдущія пять лѣтъ [4]).

Для остальныхъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, наблюдается то же самое, такъ какъ произведенныя въ нихъ испытанія зрѣлости дали результаты, которые уступаютъ предшествовавшимъ пяти годамъ, и процентъ учениковъ какъ церковныхъ училищъ, такъ и частныхъ гимназій, выдержавшихъ въ отчетномъ году испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, ниже размѣра средняго процента за предыдущія пять лѣтъ [5]).

---

[1]) Въ 1902 г.—5.816, въ 1903 г.—6.738, въ 1904 г.—7.542, въ 1905 г.—7.480, въ 1906 г.—8.640.

[2]) Въ 1902 г.—5.300, въ 1903 г.—6.033, въ 1904 г.—6.629, въ 1905 г.—6.823, въ 1906 г.—7.831, въ 1907 г.—8.475.

[3]) Въ 1902 г.—91,1%, въ 1903 г.—89,5%, въ 1904 г.—87,9%, въ 1905 г.—91,2%, въ 1906 г.—90,7%, въ 1907 г.—81,6%.

[4]) Въ 1902 г.—98,0%, въ 1903 г.—96,6%, въ 1904 г.—94,9%, въ 1905 г.—98,4%, въ 1906 г.—98,6%, въ 1907 г.—96,1%.

[5]) Въ церковныхъ училищахъ: въ 1902 г.—97,8%, въ 1903 г.—100%, въ 1904 г.—

Въ общемъ же выводѣ для всѣхъ учебныхъ заведеній результаты испытаній зрѣлости отчетнаго года должны быть признаны менѣе благопріятными, такъ какъ процентъ учениковъ, выдержавшихъ испытанія и получившихъ аттестаты зрѣлости, ниже размѣра средняго процента за истекшее пятилѣтіе на 1,4 и ниже каждаго въ отдѣльности предшествовавшаго года за исключеніемъ 1904, въ отношеніи котораго процентъ выше на 0,8% [1]).

Что же касается испытаній зрѣлости, произведенныхъ въ отчетномъ году постороннимъ лицамъ, то и въ этомъ отношеніи испытанія дали менѣе удовлетворительные результаты; процентъ тѣхъ изъ постороннихъ лицъ, которыя выдержали испытанія и получили свидѣтельства зрѣлости, ниже размѣра средняго процента за всѣ предыдущія пять лѣтъ на 5,5%, изъ чего слѣдуетъ, что въ отчетномъ году степень подготовки постороннихъ лицъ была незначительна; процентъ выдержавшихъ испытанія [2]) и получившихъ свидѣтельства зрѣлости выше процента не выдержавшихъ этихъ испытаній на 1,4%.

При разсмотрѣніи возраста молодыхъ людей, удостоенныхъ аттестатовъ и свидѣтельствъ зрѣлости въ отчетномъ году, наблюдается, что наименьшее число тѣхъ изъ нихъ, которые обучались въ правительственныхъ гимназіяхъ, приходится на 17-тилѣтній возрастъ, а наибольшее—на 19-тилѣтній: первыхъ было 357 (5,4%), вторыхъ—1.889 (28,8%), въ частныхъ гимназіяхъ въ возрастѣ 17-ти лѣтъ было 11 молодыхъ людей; наибольшее же число пришлось на возрастъ 21 и болѣе лѣтъ — 47 (30,9%); въ церковныхъ же училищахъ наименьшее число изъ окончившихъ курсъ было въ возрастѣ 21 года и болѣе, а наибольшее въ возрастѣ 18 лѣтъ: первыхъ было всего 3 (4,2%), вторыхъ — 27 (38,5%). Изъ постороннихъ абитуріентовъ наибольшій процентъ приходится на молодыхъ людей, имѣвшихъ 21 и болѣе лѣтъ: такихъ было всего 838 (50,2%), а наименьшій—на имѣвшихъ 17 лѣтъ: такихъ было 73 (4,3%). Распредѣленіе по возрасту всѣхъ абитуріентовъ, получившихъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, показано въ слѣдующей таблицѣ:

100%, въ 1905 г.—100%, въ 1906 г.—98,1%, въ 1907 г.—98,6%; въ частныхъ гимназіяхъ: въ 1902 г.—99%, въ 1903 г.—98,9%, въ 1904 г.—100%, въ 1905 г.—100%, въ 1906 г.—94,1%, въ 1907 г.—87,9%.

[1]) Въ 1902 г.—98,0%, въ 1903 г.—96,7%, въ 1904 г.—95,1%, въ 1905 г.—98,5%, въ 1906 г.—98,5%, въ 1907 г.—95,9%.

[2]) Въ 1902 г.—50,2%, въ 1903 г.—50,8%, въ 1904 г.—50,6%, въ 1905 г.—59,4%, въ 1906 г.—64,3%, въ 1907 г.—50,7%.

Возрастъ.	Правительственныя гимназіи.	Церковныя училища.	Частныя гимназіи.	Частныя съ правами для учащихся.	Постороннія лица.	ВСЕГО.
17 лѣтъ	357(5,45%)	10(14,28%)	11(7,24%)	4(12,50%)	73(4,37%)	455(5,37%)
18 „	1.551(23,67%)	27(38.57%)	28(18,42%)	7(21,88%)	226(13,54%)	1.839(21,70%)
19 „	1.889(28,83%)	15(21,43%)	31(20,39%)	5(15,62%)	259(15,52%)	2.199(25,95%)
20 „	1.488(22,71%)	15(21,43%)	35(23,03%)	7(21,88%)	273(16,36%)	1.818(21,45%)
21 и болѣе лѣтъ. .	1.266(19,32%)	3(4,29%)	47(30,92%)	9(28,12%)	838(50,21%)	2.163(25,52%)
Неизв. возраст. . .	1(0,02%)	—	—	—	—	1(0,01%)
Всего . . .	6.552	70	152	32	1.669	8.475

Абитуріенты 1907 года, получившіе аттестаты и свидѣтельства зрѣлости, по избранной ими спеціальности, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Большинство ихъ выразило намѣреніе продолжать научное образованіе въ университетахъ	6.468	(76,32%)
Въ высшія спеціальныя заведенія желали поступить	1.736	(20,48%)
Предполагали посвятить себя практической дѣятельности	192	(2,27%)
Не дали свѣдѣній объ избранной спеціальности .	79	(0,93%)
Всего	8.475	

Въ 1-й группѣ большинство принадлежитъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые пожелали поступить на юридическіе факультеты университетовъ.

		% по отношенію ко всѣмъ учащимся.	% по отношенію къ данной группѣ.
Таковыхъ было	1.966	(23,20%)	(30,40%)
Остальные выбрали факультеты:			
Медицинскій (считая вмѣстѣ и военно-медицинскую академію)	1.911	(22,55%)	(29,54%)
Физико-математическій	1.882	(22,20%)	(29,10%)
Историко-филологическій (считая вмѣстѣ съ тѣмъ и историко-филологическіе институты)	568	(6,70%)	(8,78%)
Восточныхъ языковъ	126	(1,49%)	(1,95%)
Богословскій	15	(0,18%)	(0,23%)
Всего	6.468	(76,32%)	

Во 2-й группѣ по числу заявленій учебныя заведенія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Технологическіе институты	673	(7,94%)	(38,77%)
Политехническіе институты	265	(3,13%)	(15,26%)
Институтъ инженеровъ путей сообщенія и Московское инженерное училище .	208	(2,45%)	(11,98%)
Горный институтъ и Екатеринославское высшее горное училище	112	(1,32%)	(6,45%)
Институтъ гражданскихъ инженеровъ .	105	(1,24%)	(6,05%)

Земледѣльческія академіи и сельско-хозяйственные институты	73	(0,86°/₀)	(4,20°/₀)
Лѣсной институтъ	64	(0,76°/₀)	(3,69°/₀)
Военныя училища	56	(0,66°/₀)	(3,23°/₀)
Электро-техническій институтъ	43	(0,51°/₀)	(2,48°/₀)
Техническія училища	42	(0,50°/₀)	(2,42°/₀)
Академія художествъ	32	(0,38°/₀)	(1,84°/₀)
Морское инженерное училище	16	(0,19°/₀)	(0,92°/₀)
Заграничныя учебныя заведенія	15	(0,18°/₀)	(0,86°/₀)
Духовныя академіи	8	(0,09°/₀)	(0,46°/₀)
Драматическіе курсы и консерваторія	7	(0,08°/₀)	(0,40°/₀)
Межевой институтъ	7	(0,08°/₀)	(0,40°/₀)
Высшіе коммерческіе курсы	3	(0,04°/₀)	(0,17°/₀)
Училище правовѣдѣнія	2	(0,02°/₀)	(0,12°/₀)
Александровскій лицей	2	(0,02°/₀)	(0,12°/₀)
Римско-католическія семинаріи	2	(0,02°/₀)	(0,12°/₀)
Мореходныя школы	1	(0,01°/₀)	(0,06°/₀)
	1.736	(20,48°/₀)	

Изъ молодыхъ людей 3-й группы пожелали поступить:

Въ военную службу	135	(1,59°/₀)	(70,31°/₀)
Въ гражданскую службу	21	(0,25°/₀)	(10,94°/₀)
Избрали частную дѣятельность:			
Коммерческую	20	(0,24°/₀)	(10,42°/₀)
Учебную	8	(0,09°/₀)	(4,17°/₀)
Сельско-хозяйственную	5	(0,06°/₀)	(2,60°/₀)
Мануфактурную	3	(0,04°/₀)	(1,56°/₀)
	192	(2,27°/₀)	
Не дали свѣдѣній объ избранной спеціальности	79	(0,93°/₀)	
	8.475		

В. А. ЮШКЕВИЧЪ.

(Некрологъ).

21-го сентября скончался профессоръ римскаго права въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія Викторъ Адамовичъ Юшкевичъ.

Покойный родился 14-го февраля 1867 года. Среднее и высшее юридическое образованіе онъ получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, каковое окончилъ въ маѣ 1888 года. Уже въ бытность свою въ училищѣ онъ заинтересовался римскимъ правомъ (которое въ то время преподавалъ тамъ проф. Л. Б. Дорнъ) и по окончаніи курса рѣшилъ посвятить себя спеціальному изученію этого предмета. Съ этою цѣлью онъ былъ командированъ за-границу (въ сентябрѣ 1888 г.), гдѣ и оставался до 1891 года; римскимъ и гражданскимъ правомъ онъ занимался подъ руководствомъ профессоровъ берлинскаго университета Дернбурга, Перниса и Экка. Въ 1894 году онъ приступилъ къ преподаванію, будучи назначенъ приватъ-доцентомъ въ Демидовскій юридическій лицей. Въ концѣ 1899 года онъ защитилъ въ Московскомъ университетѣ магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ: „Ученіе пандектъ: о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ, объ островахъ въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, и сочиненія римскихъ землемѣровъ“ (С.-Пб. 1895 г. 326+XIII стр.).

Вскорѣ послѣ этого, въ февралѣ 1900 г. онъ былъ назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора въ Демидовскомъ лицеѣ, а затѣмъ, въ іюлѣ 1901 г., переведенъ испр. должн. ординарнаго профессора во вновь образованный Томскій университетъ. Во время пребыванія своего въ Томскѣ онъ состоялъ почетнымъ мировымъ судьей (съ іюня 1904 г.). Въ концѣ 1905 года онъ былъ назначенъ профессоромъ Училища Правовѣдѣнія, гдѣ преподавалъ какъ римское, такъ и торговое право.

Въ 1906 году покойный былъ приглашенъ для чтенія лекцій въ

Императорскій лицей въ память Цесаревича Николая (въ Москвѣ); тамъ онъ читалъ курсы исторіи и догмы римскаго права, а также и русскаго гражданскаго права, не оставляя своей дѣятельности въ Училищѣ Правовѣдѣнія.

Заграничная школа наложила опредѣленный отпечатокъ на научную дѣятельность В. А. Юшкевича. Въ самостоятельныхъ трудахъ онъ, по собственному признанію, стремился проводить тотъ методъ, благодаря которому, какъ онъ полагалъ, наука римскаго права сдѣлала въ Германіи такіе крупные успѣхи за послѣднія десятилѣтія, методъ, названный имъ „историко-аналитическимъ". Въ этомъ онъ старался слѣдовать своему учителю по Берлину, А. Пернису (см. рѣчь его передъ магистерскимъ диспутомъ, напечатанную въ Временникѣ Демидовскаго лицея за 1900 г. т. 78, подъ заглавіемъ: „Историко-аналитическій методъ въ наукѣ римскаго права"). Отъ этого метода, дающаго, какъ онъ думалъ, возможность проникнуть во всѣ тайники институтовъ римскаго права, онъ ожидалъ наиболѣе богатыхъ во всѣхъ отношеніяхъ результатовъ, какъ для тѣхъ юристовъ, для которыхъ римское право сохранило значеніе права дѣйствующаго, примѣняемаго на практикѣ, такъ и для тѣхъ, для которыхъ оно является „орудіемъ образованія юридическаго мышленія, образцовымъ матеріаломъ для упражненія"—а въ этомъ положеніи находятся русскіе юристы. Этого метода онъ старался придерживаться и въ своей магистерской диссертаціи: „Ученіе пандектъ о намывѣ" и т. д. (полное заглавіе приведено выше).

Эта работа представляетъ попытку тщательно прослѣдить тѣ направленія, которыя господствовали среди римской юриспруденціи по вопросамъ о юридической судьбѣ земли, примываемой незамѣтно къ берегамъ рѣкъ и другихъ водохранилищъ, о судьбѣ русла рѣки, перемѣняющей свое теченіе и т. п. Рѣшенія римскихъ источниковъ, простыя и ясныя на первый взглядъ, какъ уже давно замѣчено, не свободны отъ внутреннихъ противорѣчій, которыя особенно сказываются въ конструкціи юридической природы ложа публичной рѣки. Разсмотрѣнію этого вопроса и въ книгѣ г. Юшкевича отведено центральное мѣсто. Изучивъ и сопоставивъ отдѣльные фрагменты, трактующіе объ этомъ, авторъ приходитъ къ мысли, что несогласія ихъ слѣдуетъ объяснять разногласіемъ основныхъ теорій, изъ которыхъ исходятъ римскіе юристы. Одни — представители строгой, по терминологіи автора теоріи, напримѣръ Гай, Ульпіанъ и др., высказывались за одну постоянную квалификацію рѣчного ложа, счи-

тая послѣднее всегда за res publica (по какой бы землѣ рѣка ни проложила свой путь). Другіе—представители „гуманной“, или по имени творца — „Лабеоновой“ теоріи, признавали, что юридическое свойство русла публичной рѣки не постоянно, а измѣняется въ зависимости отъ свойства почвы, по которой рѣка прошла своимъ теченіемъ. Вслѣдствіе различія въ отправныхъ точкахъ, сказалось разногласіе въ конкретныхъ выводахъ, примѣнительно къ вопросамъ о раздѣлѣ обсохшаго пространства и послѣдствіямъ для собственника, земля котораго заливается рѣкой, измѣнившей свое теченіе.

В. А. Юшкевичъ не ограничиваетъ предѣла своего изслѣдованія чисто юридическимъ матеріаломъ. По примѣру нѣкоторыхъ другихъ авторовъ (въ частности итальянскаго ученаго Brugi) для выясненія неясныхъ мѣстъ въ Дигестахъ онъ обращается къ сочиненіямъ римскихъ землемѣровъ, такъ называемыхъ „громатиковъ“, сочиненіямъ, дошедшимъ до насъ въ отрывкахъ. По этимъ отрывкамъ онъ старается возстановить тѣ практическія комбинаціи, съ которыми приходилось считаться римскимъ юристамъ. Особенное вниманіе удѣляетъ авторъ этимъ работамъ во второй части своей работы, въ которой разбираются затронутые имъ вопросы, примѣнительно къ размежеваннымъ землямъ (agri limitati). По этому предмету въ Дигестахъ имѣются только очень скудныя данныя.

Сопоставляя источники, пользуясь тѣми результатами и указаніями, которыя даетъ небѣдная въ общемъ литература вопроса, авторъ оказался въ состояніи установить довольно стройную картину римскаго ученія и внести нѣкоторыя поправки къ господствующимъ въ литературѣ вопроса взглядамъ. Это изслѣдованіе полезно по мнѣнію автора и для русскаго юриста, поскольку онъ „ищетъ въ твореніяхъ римскихъ юристовъ, въ образахъ и конструкціяхъ классическаго римскаго правовѣдѣнія, назиданія для своего юридическаго мышленія, для своего чувства прекраснаго въ правѣ“.

Это изслѣдованіе является самой крупной изъ оригинальныхъ работъ В. А. Юшкевича, по крайней мѣрѣ, изъ числа вышедшихъ въ свѣтъ при жизни покойнаго.

Слѣдуетъ отмѣтить, среди другихъ его сочиненій, статью: „Наполеонъ I на поприщѣ гражданскаго правовѣдѣнія и законодательства“, напечатанную имъ въ Вѣстникѣ Права за 1903 г. (она вышла также отдѣльной брошюрой въ 1905 г. въ Москвѣ, 100 стр.) Въ ней сопоставлены тѣ мысли, которыя были высказаны Наполеономъ по разнымъ вопросамъ права, какъ при составленіи гражданскаго кодекса

такъ и впослѣдствіи. Эта тема привлекала и раньше вниманіе многихъ изслѣдователей, писавшихъ прямо о ней, или затрагивающихъ ее мимоходомъ. Пользуясь работами предшественниковъ и дополняя ихъ по напечатаннымъ историческимъ матеріаламъ, авторъ группируетъ мысли Наполеона по тремъ рубрикамъ: „Наполеонъ и исторія права", „Наполеонъ догматикъ", „Цивильно-политическія воззрѣнія Наполеона". Собраніе большого количества разнообразныхъ мыслей, высказанныхъ Наполеономъ, отчасти вредитъ общему впечатлѣнію; у читателя не остается выпуклой и яркой картины того вліянія, которое личность Наполеона имѣла въ исторіи составленія основныхъ памятниковъ французскаго законодательства, но ему дается богатый матеріалъ для самостоятельной оцѣнки.

Напечатана В. А. Юшкевичемъ и вступительная лекція къ курсу торговаго права, который ему пришлось впервые читать въ Томскомъ университетѣ. Въ лекціи этой затронуты вопросы о соотношеніяхъ между областями гражданскаго и торговаго права, при чемъ характеризуетъ онъ послѣднее какъ строгое право, jus strictum (она напечатана въ Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета 1901—1902 г. подъ заглавіемъ: „Торговое право. Его понятіе, характеристика и отношеніе къ праву гражданскому", 20 стр.).

Желаніе обогатить русскую литературу хорошимъ учебникомъ римскаго права побудило В. А. Юшкевича взять на себя редактированіе перевода нѣмецкаго руководства проф. Чиларжа; этотъ переводъ вышелъ въ двухъ изданіяхъ, 1900 и 1906 гг. подъ заглавіемъ: „Профессоръ К. ф. Чиларжъ. Учебникъ Институцій римскаго права". Переводъ снабженъ во многихъ мѣстахъ примѣчаніями и поясненіями переводчика, сдѣланными съ цѣлью приспособить книгу для русскаго читателя.

Въ послѣднее время своей жизни В. А. Юшкевичъ занимался вопросами изъ теоріи владѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ начало обширной работы, напечатанное въ I выпускѣ „Ученыхъ записокъ Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая". Пока вышло въ свѣтъ только 16 страницъ этой работы, первая часть которой, судя по оглавленію, касается пріобрѣтенія владѣнія. Но трудъ этотъ былъ уже законченъ авторомъ и напечатанъ при его жизни, такъ что въ скоромъ времени онъ, вѣроятно, появится въ полномъ объемѣ. Изъ теоріи владѣнія почерпнулъ В. А. Юшкевичъ и тему для вступительной лекціи къ курсу римскаго права въ лицеѣ въ память Цесаревича Николая; она напечатана въ томъ же выпускѣ „Извѣстій"

лицея, подъ заглавіемъ: „Храненіе (custodia), какъ основаніе владѣнія движимостью" (23 стр.). Внезапная кончина прервала другія научныя работы, предпринятыя покойнымъ. Такъ, не удалось ему довести до конца переводъ третьяго тома „Пандектъ" Дернбурга, начало котораго (семейное право) по свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ покойнаго, уже было закончено переводомъ.

Ученая дѣятельность В. А. Юшкевича несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что покойный очень живо интересовался римскимъ правомъ, многаго ожидалъ отъ него для русской юриспруденціи и не порывалъ связи съ первоисточниками его.

Баронъ А. Нольде.

ПАМЯТИ А. В. ГРИГОРЬЕВА.

(1848—1908 г.).

Когда умираетъ человѣкъ, умираетъ не онъ одинъ, а умираетъ вмѣстѣ съ нимъ все то свое, личное, что связывало этого человѣка съ другими людьми связями личныхъ отношеній, личнаго, не дѣлового общенія. Чѣмъ богаче былъ этимъ личнымъ, своимъ, покойный, тѣмъ шире тотъ кругъ смерти, который онъ оставляетъ среди живыхъ: люди, знавшіе такого человѣка, чувствуютъ, что съ его уходомъ умерла частица и ихъ души, умерло что-то, что никогда уже не возродится. Минуетъ острота боли утраты, но полноты жизни уже не будетъ. И тотъ, кого 28-го октября положили на вѣчный покой на Смоленскомъ кладбищѣ, кого любили глубокой, преданной любовью столь многіе, оставилъ по себѣ въ ихъ душахъ неизгладимый слѣдъ смерти.

По счастію, всякій человѣкъ не только человѣкъ, но и работникъ; и по скольку онъ работникъ, работа его и послѣ смерти не умираетъ, а остается живымъ дѣломъ — жизнью среди смерти. И этой жизни столько было у Александра Васильевича Григорьева, что онъ живетъ ею и будетъ жить въ томъ кругу, которому онъ посвятилъ свою жизнь, въ томъ дѣлѣ, которое онъ любилъ всегда и неизмѣнно — въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Новыя поколѣнія поставятъ обществу новыя задачи, но то, что сдѣлано покойнымъ, тѣ традиціи, то преданіе беззавѣтной любви къ дѣлу, работы настоящей, не стремящейся заставить говорить о себѣ, а только исполнить задачу, которая должна быть исполнена, они лягутъ въ основу всей жизни Общества: оно никогда не забудетъ, что однимъ изъ главныхъ установителей этого преданія былъ Александръ Васильевичъ Григорьевъ.

Александръ Васильевичъ происходилъ изъ старой петербургской семьи, сжился и сроднился съ Петербургомъ и бережно хранилъ старинный отцовскій небольшой домъ съ большимъ садомъ на Пескахъ,

гдѣ перебывало столько русскихъ и иностранцевъ въ крошечномъ кабинетѣ его гостепріимнаго хозяина. Сколько ихъ здѣсь перебывало, этихъ путешественниковъ по дальнимъ краямъ, географовъ, ботаниковъ, геологовъ, зоологовъ, этнографовъ! Каждый шелъ къ Александру Васильевичу подѣлиться тѣмъ, что узналъ, потому что чувствовалъ и зналъ, что здѣсь онъ найдетъ внимательнаго, понимающаго слушателя и совѣтника. Сколько здѣсь, въ этихъ узкихъ стѣнахъ зародилось широкихъ предпріятій, большихъ экспедицій, обогатившихъ науку крупными открытіями. Въ беззавѣтной преданности Александра Васильевича географіи была какая-то особая притягательная сила, которая невольно увлекала даже тѣхъ, кто до встрѣчи съ нимъ былъ чуждъ географическимъ вопросамъ. Эта преданность и любовь была удивительно чистая и безкорыстная, ибо Александръ Васильевичъ никогда не интересовался тѣмъ, чтобы имя его было поставлено въ связь съ тѣмъ или другимъ открытіемъ, съ той или другой работой. Оттого мы и не находимъ сколько-нибудь значительнаго числа работъ или статей, вышедшихъ подъ его именемъ, оттого и жизнь его такъ бѣдна внѣшними фактами и такой кажется простой при поверхностномъ наблюденіи. Но если вдуматься въ эти простые съ виду факты, то въ нихъ для насъ откроется глубокій смыслъ: мы увидимъ сознательное стремленіе къ творческой созидательной работѣ — вглубь и вширь, работы не единоличной, а общей, совмѣстной. Александръ Васильевичъ старался всю свою жизнь все болѣе и болѣе расширять кругъ своихъ знаній, не отвлекаясь какой либо спеціальной личной работой.

Въ 1870 году молодымъ человѣкомъ 22 лѣтъ онъ кончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета по физико-математическому факультету, кандидатомъ, занимаясь главнымъ образомъ ботаникой. Уже въ 1871 году Александръ Васильевичъ сдѣлался преподавателемъ анатоміи и физіологіи растеній въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ. Съ этимъ курсомъ соединялись практическія занятія — упражненія въ микроскопическихъ наблюденіяхъ, причемъ преподаватель знакомилъ слушателей съ приложеніемъ методовъ микрофизическаго и микрохимическаго изслѣдованія къ отечественному товаровѣдѣнію. Обязательны были анализы древесной коры растеній, имѣющихъ примѣненіе въ техникѣ, муки, продажныхъ сортовъ крахмала и бумажной массы [1]. Интересъ къ этимъ анализамъ остался у

[1]) См. Пятидесятилѣтній юбилей С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института. 28-го ноября 1878. С.-Пб. 1879, стр. 79; программы, стр. 81—83 и далѣе стр. 175.

Александра Васильевича долго спустя послѣ того, какъ онъ покинулъ технологическій институтъ; такъ онъ участвовалъ въ опредѣленіяхъ знаменитаго священнаго дерева въ Гумбумѣ, кусокъ котораго былъ принесенъ въ даръ Географическому Обществу. Когда съ одной стороны вслѣдствіе поднятія цѣнъ на бумагу, съ другой вслѣдствіе непрочности и недолговѣчности большинства сортовъ бумаги, употребляемыхъ для современныхъ книгъ, въ разныхъ ученыхъ учрежденіяхъ и обществахъ былъ поднятъ вопросъ о бумагѣ для печатанія, то Александръ Васильевичъ немедленно занялся этимъ вопросомъ, производя анализы.

Въ 1872 году Александръ Васильевичъ блестяще выдержалъ экзамены на степень магистра ботаники, но диссертаціи не представилъ ученой степени не добивался и, насколько намъ извѣстно, напечаталъ только одну спеціальную статью по ботаникѣ [1]). Его уже влекло къ другимъ вопросамъ. Лѣтомъ 1876 года онъ плавалъ въ Бѣломъ морѣ и сѣверномъ океанѣ на казенной шхунѣ „Самоѣдъ", при обходѣ ею сѣверныхъ бѣломорскихъ маяковъ, и занимался наблюденіями надъ температурою и плотностью воды Бѣлаго моря въ разныхъ его точкахъ; результаты этихъ наблюденій онъ впослѣдствіи напечаталъ въ „Извѣстіяхъ" Географическаго Общества [2]). Въ этой работѣ мы отмѣтимъ характерныя для Александра Васильевича слова: „Читая труды моихъ предшественниковъ по изслѣдованію морей Мурманскаго и Бѣлаго, я не разъ пожалѣлъ о томъ, что во многихъ случаяхъ не находилъ отвѣта на вопросы — какъ и чѣмъ произведены были тѣ или другія наблюденія, къ какому времени они относятся, при какихъ условіяхъ сдѣланы. Поэтому я и предпосылаю своимъ наблюденіямъ и выводамъ описаніе способовъ наблюденія и инструментовъ, которыми я пользовался" [3]). Александръ Васильевичъ всегда усердно убѣждалъ всѣхъ изслѣдователей, въ какой бы области они ни работали, тщательно описывать методы работы, совершенно справедливо отмѣчая, сколько драгоцѣннаго времени теряется вслѣдствіе того, что каждый изслѣдователь долженъ вновь, самостоятельно вырабатывать методы, до него уже выработанные. Александръ Васильевичъ не мало сдѣлалъ въ этомъ отношеніи самъ, когда потомъ, сдѣлавшись секре-

---

[1]) *A. Grigorieff.* Zur Anatomie des Phillodendron Amurense Rupr., Bot. Zeit. 29 Jahrg. № 21, pp. 343—351 (26 mai 1871).

[2]) Данныя о температурѣ и плотности воды морей Мурманскаго и Бѣлаго. Изв. И. Р. Г. общ. XIV, отд. II, 337--360.

[3]) Ib. стр. 1 отд. отт.

таремъ Географическаго Общества, онъ снаряжалъ экспедиціи: многіе изъ нашихъ путешественниковъ съ благодарностью вспоминаютъ, какъ много цѣнныхъ указаній, почерпнутыхъ изъ своего и чужого опыта, далъ имъ Александръ Васильевичъ.

Во время экспедиціи Александръ Васильевичъ занимался и драгировкой, при чемъ собранные матеріалы передалъ С.-Петербургскому университету. Тогда же онъ побывалъ и на Соловкахъ и имѣлъ возможность ознакомиться съ жизнью монастыря. Въ 1878 г. лѣтомъ Александръ Васильевичъ экскурсируетъ съ совершенно другими цѣлями: онъ ѣдетъ по Днѣпру, спустившись на лодкѣ до Орши, и собираетъ археологическій и этнографическій матеріалъ. Въ томъ же году онъ производилъ раскопку кургановъ въ Волосовѣ около Мурома.

Въ 1879 году Географическое Общество командируетъ А. В. Григорьева въ экспедицію въ Сѣверный ледовитый океанъ для отысканія Норденшельда. 1-го мая экспедиція ушла изъ Мальмö и благополучно прибыла въ Іокогаму 15-го іюля. Здѣсь выяснилось, что Норденшельдъ скоро пріѣдетъ самъ; Александръ Васильевичъ дождался его и привѣтствовалъ отъ имени Русскаго Географическаго Общества; а затѣмъ экспедиція рѣшила двинуться на сѣверъ, чтобы повторить путь Норденшельда, но въ обратномъ направленіи, съ востока на западъ. Къ сожалѣнію, планъ этотъ не осуществился: уже 26-го іюля (с. с.) корабль выбросился на сѣверный берегъ острова Іессо вблизи мыса Отцури (городокъ Неморо). Въ страшный туманъ судно какимъ-то чудомъ проскочило черезъ двѣ полосы рифовъ, въ которыхъ были только узкіе проходы, и раннимъ утромъ выбросилось на песчаную отмель у берега [1]).

Александръ Васильевичъ остался въ Японіи, хлопоталъ о спасеніи судна, такъ какъ капитанъ его былъ отстраненъ владѣльцемъ А. М. Сибиряковымъ. Стащить судно съ мели тогда же не удалось, пришлось его, для большей сохранности, затопить, и мѣры, принятыя Александромъ Васильевичемъ, были настолько хороши, что когда судно было на слѣдующій годъ поднято, то оно нисколько не пострадало и пришло на своей машинѣ въ Хакодате. Не даромъ Александръ Васильевичъ такъ любилъ японскую пословицу „неиъ ни ва̀ ненъ во́ иреро“ „прилагай къ старанію тщаніе“: всю свою жизнь онъ такъ поступалъ и старался убѣдить въ этомъ и другихъ.

---

[1]) См. *П. П. Семеновъ*. Исторія полувѣковой дѣятельности И. Р. Г. Общ. II, отд. IV, стр. 689—690.

Въ Японіи, благодаря тяжелымъ условіямъ жизни — приходилось зимою жить въ палаткѣ въ пустынной мѣстности — Александръ Васильевичъ заболѣлъ и остался поэтому до середины 1880 года. Болѣзнь не мѣшала ему присматриваться къ жизни и наблюдать. Поклонникъ самобытности и старины, съ грустью смотрѣлъ онъ на то, какъ японцы стремятся къ европейской цивилизаціи. Впослѣдствіи, впрочемъ, Александръ Васильевичъ всегда отмѣчалъ, что подражаніе Европѣ было не рабское и что всѣ основныя черты свои японцы сохранили вполнѣ. Въ это же время ему удалось предпринять поѣздку вглубь Іессо для изученія быта айновъ; собранныя имъ коллекціи составляютъ украшеніе Музея антропологіи и этнографіи Академіи Наукъ. Серьезнымъ препятствіемъ для болѣе обстоятельнаго изученія Японіи являлось запрещеніе иностранцамъ ѣздить вглубь страны далѣе 30 верстъ безъ особаго на то разрѣшенія. Насколько намъ извѣстно, Александръ Васильевичъ не напечаталъ о результатахъ своихъ странствованій по Японіи, и единственнымъ письменнымъ документомъ является его живой и интересный очеркъ „Садоводство въ Японіи"[1]), гдѣ онъ, страстный любитель цвѣтовъ и ботаникъ, съ восторгомъ отмѣчаетъ, что „для японца цвѣты составляютъ предметъ необходимости".

Въ 1881 году Александръ Васильевичъ, какъ делегатъ отъ русскаго правительства и отъ Географическаго Общества, участвуетъ въ IV международномъ географическомъ конгрессѣ въ Венеціи и состоитъ комиссаромъ русскаго отдѣла выставки, который былъ обязанъ ему своимъ успѣхомъ.

Въ мартѣ 1892 года Александръ Васильевичъ Григорьевъ, бывшій до того, при Леонидѣ Николаевичѣ Майковѣ, секретаремъ этнографическаго отдѣленія, становится секретаремъ Географическаго Общества и остается имъ до 1903 года.

Въ жизни Императорскаго Русскаго Географическаго Общества эти двадцать одинъ годъ секретарства Александра Васильевича будутъ всегда памятны. Имѣя вицепредсѣдателемъ П. П. Семенова и секретаремъ А. В. Григорьева, общество находилось въ совершенно исключительномъ положеніи, что блистательно доказала широкая, плодотворная дѣятельность общества, оказавшаго серьезныя услуги наукѣ и странѣ.

Александръ Васильевичъ обратилъ особенное вниманіе на издатель-

[1]) Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, гдѣ былъ помѣщенъ этотъ очеркъ, такъ какъ на немъ, по печальному обычаю русскихъ отдѣльныхъ оттисковъ, нѣтъ помѣтки объ изданіи, изъ котораго оно взято.

скую дѣятельность Общества, состоя все время редакторомъ его Извѣстій; съ 1890 года онъ вмѣстѣ съ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіяхъ повелъ „Ежегодникъ" Общества. Редактированіе этихъ изданій, составленіе ежегодныхъ обширныхъ „Отчетовъ" о дѣятельности Общества, не говоря уже о сложной секретарской работѣ, почти не позволяли ему удѣлять время личнымъ работамъ [1]). Да въ сущности Александръ Васильевичъ и не стремился къ этимъ личнымъ работамъ: онъ зналъ, что по многочисленнымъ изданіямъ Географическаго Общества, которыя широко распространялись всюду, гдѣ интересуются и занимаются землевѣдѣніемъ, разсѣяны его работы, его знанія, а стоитъ ли подъ ними его фамилія или нѣтъ, этотъ вопросъ его никогда не интересовалъ—была бы только сдѣлана работа и, по возможности, хорошо.

Въ 1889 и 1896 годахъ онъ былъ делегатомъ Географическаго Общества на V и VI географическихъ конгрессахъ въ Парижѣ и Лондонѣ и представилъ отчеты объ этихъ конгрессахъ.

Въ 1896 году Александръ Васильевичъ былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію въ губерніи Архангельскую и Вологодскую для объединенія дѣйствій переписныхъ комиссій въ связи съ I переписью. Командировка эта, давшая ему очень много для знакомства съ нашимъ сѣверомъ, тяжело отозвалась на его здоровьи, такъ какъ приходилось работать въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ.

Въ 1903 году, послѣ тяжелой болѣзни, постигшей его въ 1902 г., онъ оставилъ секретарство, потому что, какъ гласитъ его заявленіе въ совѣтѣ 5-го декабря 1902 года, „силы его въ настоящее время уже не соотвѣтствуютъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляетъ къ секретарю сильно развившаяся за послѣднія двадцать лѣтъ дѣятельность Общества".

Мнѣ хочется привести относящіяся къ уходу А. В. Григорьева простыя и краткія слова журнала совѣта Географическаго Общества, потому что въ нихъ, сквозь сухую офиціальную форму, ярко пробивается сознаніе того, чѣмъ Александръ Васильевичъ былъ для Географическаго Общества:

---

[1]) Вотъ тѣ немногія работы, за исключеніемъ нѣсколькихъ отзывовъ, напечатанныхъ въ „Извѣстіяхъ", на которыя мы можемъ указать:

Земля Санникова, Изв. 1882, т. XVIII.

Ein finnischer Ahnenbaum. Intern. Arch. für Ethnogr. Bd. VI (1893 p. 173, съ рисункомъ).

Подлинная карта Сибири XVIII вѣкъ. (Работы Семена Ремезова). *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1907 г., октябрь.

Peter Petrovitsch Semenow. Geogr. Kal. 1906—1907. (Съ портретомъ).

„Совѣтъ съ глубокимъ прискорбіемъ выслушалъ заявленіе Александра Васильевича. Въ теченіе 20 лѣтъ, воодушевляемый искренней любовью къ дѣлу, Александръ Васильевичъ не щадилъ своихъ силъ и не жалѣлъ труда на пользу общества. Необыкновенная эрудиція, разностороннія научныя познанія и опытность, пріобрѣтенная имъ при многолѣтнемъ участіи въ дѣлахъ Общества, привлекали къ нему всѣхъ, кто только ни работалъ въ средѣ Общества, а совѣтъ въ своихъ постановленіяхъ за время секретарства Александра Васильевича всегда съ благодарностью принималъ во вниманіе его полезныя указанія. Уходъ Александра Васильевича изъ секретарей является для Общества невознаградимой утратой".

Въ 1908 году Александръ Васильевичъ былъ избранъ помощникомъ предсѣдателя, и сразу этотъ выборъ сказался на оживленіи дѣятельности общества: „Извѣстія", въ теченіе долгаго времени не выходившія, стали опять правильно выходить въ свѣтъ и разсылаться, оживились и другія изданія Общества.

Изъ послѣднихъ работъ, которыя особенно интересовали Александра Васильевича, мы отмѣтимъ его занятія надъ Ремезовскою картою, которая благодаря его стараніямъ стала достояніемъ Географическаго Общества, и надъ книгой Цыбикова „Буддистъ-паломникъ у святынь Тибета", которую онъ редактировалъ вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки и которою онъ занимался за нѣсколько часовъ до смерти.

Въ краткомъ поминальномъ словѣ многое не досказано, много и много чертъ жизни Александра Васильевича можно было бы еще привести, чтобы яснѣе представить его образъ тѣмъ, кто не имѣлъ счастія знать его. Но сейчасъ мнѣ, да думаю и всѣмъ, кто близко зналъ покойнаго, трудно писать о немъ—слишкомъ сильно и больно вспоминается пережитое и чувствуется утрата; потому кончаю, но хочется сказать то, что чувствовалось всегда, при всякой встрѣчѣ съ Александромъ Васильевичемъ Григорьевымъ: стоитъ жить въ той жизни, въ которой живутъ такіе люди, какъ онъ.

Сергѣй Ольденбургъ.

Ѳ. А. ЗЕЛЕНОГОРСКІЙ.

(Некрологъ).

Нынѣшнимъ лѣтомъ, 2-го іюля скончался на дачѣ близъ Харькова, въ селѣ Водяномъ, заслуженный профессоръ Харьковскаго университета Ѳедоръ Александровичъ Зеленогорскій. Сынъ священника, покойный родился въ Нижегородской губерніи въ 1839 году. Окончивъ курсъ въ мѣстной духовной семинаріи, Ѳ. А. поступилъ въ Казанскую духовную академію, но черезъ два года перешелъ въ университетъ. За сочиненіе на заданную факультетомъ тему „О греческой трагедіи“ Ѳ. А. былъ награжденъ серебряной медалью. Каѳедра философіи была замѣщена на историко-филологическомъ факультетѣ въ Казани лишь незадолго до окончанія Ѳ. А. курса въ университетѣ. Занялъ ее М. М. Троицкій, вскорѣ затѣмъ перешедшій въ Варшавскій университетъ, а оттуда въ Московскій. Окончивъ курсъ, Ѳ. А. былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по философіи и началъ работать подъ руководствомъ М. М. Троицкаго. Въ 1870 году Ѳ. А. защитилъ диссертацію pro venia legendi (которая, по университетскому уставу 1863 года, давала право читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента) „О методическихъ пріемахъ философскаго мышленія Платона“. Послѣ этого факультетъ, въ виду отсутствія въ Казани представителя каѳедры философіи, командировалъ Ѳ. А., съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, для дальнѣйшихъ занятій въ Петербургъ [1]), гдѣ Ѳ. А. пользовался указаніями профессоровъ философіи Сидонскаго и Владиславлева и гдѣ онъ въ 1871 году напечаталъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣ-*

---

[1]) Ѳ. А. былъ командированъ въ Петербургскій и другіе университеты, но все время командировки провелъ, повидимому, въ Петербургѣ.

щенія свою магистерскую диссертацію „Ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона“. Ѳ. А. былъ посланъ затѣмъ за границу на два года и слушалъ Целлера, А. Ланге, Дробиша и др. Послѣ командировки, въ апрѣлѣ 1873 года Ѳ. А. выдержалъ въ Варшавскомъ университетѣ, гдѣ тогда преподавали философію Г. Ю. Струве и М. М. Троицкій, экзаменъ на степень магистра, а въ сентябрѣ защитилъ тамъ же свою магистерскую диссертацію. Въ слѣдующемъ 1874 году Ѳ. А. вступилъ въ число штатныхъ доцентовъ Харьковскаго университета. Въ 1877 году Ѳ. А. напечаталъ, а въ 1878 г. защитилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ каѳедру философіи занималъ въ то время М. М. Троицкій, докторскую диссертацію „О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства“. Вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ избранъ въ Харьковѣ экстраординарнымъ, а въ 1882 году ординарнымъ профессоромъ. По выслугѣ тридцатилѣтняго срока и выходѣ за штатъ покойный почти непрерывно продолжалъ преподаваніе въ университетѣ и прекратилъ его лишь за полгода до смерти, вынужденный къ тому тяжкой болѣзнью.

Ѳ. А. Зеленогорскій напечаталъ слѣдующія сочиненія:

1. Ученіе Аристотеля о душѣ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона. С.-Пб. 1871.

2. О математическомъ, метафизическомъ, индуктивномъ и критическомъ методахъ изслѣдованія и доказательства. Харьковъ. 1877.

3. Очеркъ развѣтія психологіи съ Декарта до настоящаго времени. Харьковъ. 1885.

4. Теорія словесности. Курсъ первый; проза. Опытъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній, составленный по новой методѣ. 1887.

5. Изъ исторіи греческой философіи. Вѣра и Разумъ 1890, № 3.

6. Идеи и діалектика по Платону. Тамъ же, №№ 7—8.

7. Греческіе трагики и софисты. Тамъ же, №№ 10—11.

8. Циники. Тамъ же, 1891 г. № 3.

9. Природа и жизнь по природѣ по Аристотелю. Тамъ же, № 17.

10. Аристиппъ Киренскій, основатель гедонизма. Тамъ же, 1892, № 10.

11. Общая характеристика движенія философіи въ послѣдніе три вѣка въ ея главнѣйшихъ направленіяхъ. Зап. Харьк. унив. 1893, кн. 2.

12. Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета. Вліяніе натурфилософіи Шеллинга. Тамъ же, кн. 4.

13. Философія Григорія Саввича Сковороды, украинскаго философа XVIII столѣтія. Вопр. филос. и психол. за 1895 г.

14. Памяти Г. С. Сковороды. Зап. Харьк. унив. 1895 г., кн. 4.

15. Ив. Г. Шадъ. Вопр. филос. и псих. 1895, кн. 27, 30.

16. Ив. Г. Шадъ. Біографія. Зап. Харьк. ун. 1896 г., кн. 2.

17. Ив. Г. Шадъ. Institutiones juris naturae. Тамъ же, 1900 г., кн. 1.

18. Самодѣятельность, какъ принципъ въ воспитаніи. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.* 1900 г. Май.

19. Пробѣлъ въ учебномъ планѣ средней общеобразовательной школы. Мирный трудъ. 1902, I.

20. О преподаваніи философіи въ университетѣ. Тамъ же, II.

Еще на ученической скамьѣ въ семинаріи Ѳ. А., какъ онъ самъ говоритъ въ своей автобіографіи [1]), „чувствовалъ наклонность къ занятіямъ философскими науками". Въ академіи „много было работы мысли, чтобы расчитаться съ матеріализмомъ" [2]), которымъ въ то время такъ увлекались въ Россіи и за границей. Кромѣ того Ѳ. А. написалъ и подалъ представителю каѳедры философіи въ духовной академіи студенческое сочиненіе о славянофилахъ И. Кирѣевскомъ и Хомяковѣ. Но интересъ къ философіи получилъ у Ѳ. А. совершенно опредѣленное направленіе во время его студенческихъ занятій въ университетѣ и въ первое время послѣ его прикомандированія къ университету.

Воспитанникъ духовной семинаріи того времени, Ѳ. А. еще до поступленія въ университетъ пріобрѣлъ довольно основательныя знанія по древнимъ языкамъ. На историко-филологическомъ факультетѣ онъ избираетъ классическое отдѣленіе и, за отсутствіемъ преподавателя философіи, со всѣмъ рвеніемъ принимается за изученіе древняго міра. У покойнаго и сохранялся во всю жизнь особый интересъ къ древне-классическому міру вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ древне-греческой философіи. Изъ лекцій Ѳ. А. курсъ древней философіи отличался отъ другихъ большею полнотой и обработкой. До и послѣ того времени, когда преподаваніе философіи въ университетѣ—или, по крайней мѣрѣ, обязательныя для студентовъ занятія—были ограничены изу-

[1]) Историко-филологическій факультетъ Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія. Харьк. 1908. II. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей, стран. 41.

[2]) Тамъ же.

ченіемъ Платона и Аристотеля, Θ. А. читалъ курсъ древней философіи съ большой охотой, можно сказать, даже съ особой любовью. Преподаваніе по этому отдѣлу онъ почти непрерывно сохранялъ за собой до конца своей научно-педагогической дѣятельности.

Всего нагляднѣе интересъ къ древне-греческой философіи сказался у Θ. А., разумѣется, въ томъ, что онъ посвятилъ древнимъ философскимъ авторамъ свои диссертаціи pro venia legendi и магистерскую, а затѣмъ и шесть отдѣльныхъ статей. Правда, появленіе послѣднихъ совпадаетъ или непосредственно слѣдуетъ за тѣмъ временемъ, когда университетское преподаваніе заключалось въ чтеніи сочиненій Платона и Аристотеля, и въ своей автобіографіи Θ. А. прямо ставитъ свои работы въ связь съ этимъ обстоятельствомъ. Но это, можетъ быть, и характерно, что для покойнаго достаточно было нѣкотораго внѣшняго толчка, чтобы онъ принялся за спеціальныя изслѣдованія въ области исторіи древней философіи, тогда какъ, по его собственному заявленію, вниманіе его въ это время было сосредоточено на ученіи Дарвина, на сочиненіяхъ Спенсера и Канта, на идеѣ прогресса и теоріи развитія [1]).

Этого мало. Если въ прежнихъ сочиненіяхъ Зеленогорскій избѣгалъ касаться метафизики и вопросовъ, сюда относящихся, то въ статьяхъ „Идеи и діалектика по Платону" и „Природа и жизнь по природѣ по Аристотелю" ясно проглядываютъ симпатіи автора къ ученію Платона и Аристотеля о „божественномъ умѣ" и „цѣлесообразности въ природѣ" [2]).

Θ. А. изучалъ наиболѣе выдающихся мыслителей древняго міра, Платона и Аристотеля. Первому изъ нихъ онъ посвятилъ, кромѣ диссертаціи pro venia legendi, которая осталась не напечатанной, сравнительно большое изслѣдованіе, гдѣ подробно и тщательно разсматриваетъ платоновское ученіе объ идеяхъ [3]). О философіи же Аристотеля Θ. А. трактуетъ въ только что названной статьѣ и въ своей магистерской диссертаціи. „Толкователей и критиковъ, говоритъ Зеленогорскій въ предисловіи къ диссертаціи [4]), интересовало больше метафизическое ученіе Платона о душѣ и мало интересовало психологическое ученіе о ней. То же съ нѣкоторымъ

---

[1]) Тамъ же, стран. 44.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Идеи и діалектика по Платону".

[4]) Стран. IX.

ограниченіемъ можно сказать о толкователяхъ и критикахъ ученія о душѣ, изложеннаго Аристотелемъ. Мы находимъ болѣе интереснымъ и болѣе необходимымъ въ настоящее время узнать и раскрыть психологическое ученіе о душѣ, высказанное лучшими древними мыслителями въ лучшемъ направленіи ученія о душѣ, явившемся въ древнемъ мірѣ". Конечно, пришлось въ книгѣ коснуться и нѣкоторыхъ пунктовъ метафизическаго ученія Аристотеля; но изслѣдованіе Ѳ. А. все же имѣетъ предметомъ своимъ „эмпирическую психологію", какъ она въ своихъ началахъ была разработана у Аристотеля и его предшественниковъ Сократа и Платона. Диссертація вышла почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1871 году; тѣмъ не менѣе всякій, знакомящійся съ философіей Аристотеля и его психологическими взглядами найдетъ въ ней много для себя поучительнаго.

Сосредоточиваясь на сочиненіяхъ Платона и Аристотеля, Ѳ. А. проникся мыслью, что ученіе ихъ стоитъ въ прямой связи съ философскими теченіями предыдущаго періода и что правильно понимать великихъ мыслителей древняго міра можно не иначе, какъ изучивъ ихъ предшественниковъ. Эту работу покойный и выполнилъ, и результатомъ ея является рядъ журнальныхъ статей. Въ небольшомъ изслѣдованіи подъ заглавіемъ „Изъ исторіи греческой философіи" Ѳ. А. обозрѣваетъ ученія до-софистическаго періода. Въ другой статьѣ [1]) онъ переходитъ къ софистамъ, подробно трактуетъ объ ихъ ученіи и дѣятельности и вслѣдъ за англійскимъ историкомъ Гротомъ защищаетъ ихъ противъ обычныхъ обвиненій, не всегда справедливыхъ. Въ первой части этой статьи дѣло идетъ о греческихъ трагикахъ, которыхъ Ѳ. А. также согласенъ признавать мыслителями; эта часть, повидимому, представляетъ переработку студенческаго сочиненія „О греческихъ трагикахъ". Ученіе Сократа Ѳ. А. разсматриваетъ параллельно и въ непосредственной связи съ платоновскимъ и аристотелевскимъ, въ сочиненіяхъ, посвященныхъ этимъ мыслителямъ. Наконецъ онъ пишетъ особыя статьи о сократовскихъ школахъ, цинической [2]) и киренской [3]). Такимъ образомъ, если Ѳ. А. и не имѣлъ „въ виду писать исторію греческой философіи", а ограничивался „нѣкоторыми очерками изъ этой исторіи" [4]), все же

[1]) „Греческіе трагики и софисты".
[2]) „Циники".
[3]) „Аристиппъ Киренскій, основатель гедонизма".
[4]) „Изъ исторіи греческой философіи", стр. 185.

совокупность его работъ представляетъ какъ бы обзоръ философскихъ ученій древняго міра, кончая аристотелевскимъ.

Въ 1867 году, когда Ѳ. А. былъ уже студентомъ четвертаго курса, въ Казани возобновлено было преподаваніе философіи въ университетѣ, и каѳедру эту занялъ, какъ сказано, М. М. Троицкій. Это было спустя всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ докторскаго диспута М. М. Троицкаго [1]), т. е. въ то время, когда впечатлѣніе, произведенное его диссертаціей „Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи" на русскій ученый міръ и интеллигенцію достигло всей своей силы. А „едва ли какое-нибудь другое сочиненіе по философіи, написанное въ Россіи, возбудило такое вниманіе къ себѣ и вызвало столько критическихъ статей. Такая книга, дѣйствительно, не могла не привлечь къ себѣ вниманія какъ спеціалистовъ, такъ и неспеціалистовъ... Русская философія всегда находилась подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкой; вслѣдъ за нѣмецкими учеными у насъ привыкли думать, что истинная философія только въ Германіи, и пренебрежительно относиться къ философіи другихъ странъ. И вотъ еще не составившій себѣ имени молодой философъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ всю нѣмецкую психологію сплошь — съ Канта до 60-хъ годовъ, и доказываетъ, что она стояла на ложномъ пути и не сдѣлала никакихъ успѣховъ со времени Лейбница и Вольфа, а взамѣнъ ея предлагаетъ англійскую психологію и философію, на существованіе которой не обращали вниманія спеціалисты по философіи и которая была извѣстна большой публикѣ по двумъ—тремъ журнальнымъ статьямъ, да по двумъ переводамъ... по „Логикѣ" Д. С. Милля и по книгѣ Льюиса и Милля объ О. Контѣ и положительной философіи" [2]).

Можно себѣ представить, съ какою силою должна была пробудиться мысль живо интересовавшагося философіей молодого слушателя подъ вліяніемъ лекцій автора „Нѣмецкой психологіи" и личнаго общенія съ нимъ. Ѳ. А. никогда не былъ безусловнымъ поклонникомъ М. М. Троицкаго; но идеямъ, пробужденнымъ учителемъ, принадлежитъ у него во всю его жизнь какъ бы первенствующая роль. Ѳ. А. сплошь и рядомъ несогласенъ съ М. М. Троицкимъ; но его постоянно занимаютъ тѣ вопросы, какими задавался М. М. Троиц-

[1]) Диспутъ состоялся въ маѣ, а назначеніе М. М. Троицкаго въ Казанскій университетъ въ сентябрѣ 1867 года. См. А. Бѣлкинъ „Матвѣй Михайловичъ Троицкій". Москва 1900, стр. 18.

[2]) Тамъ же, стр. 8—9.

кій, и онъ постоянно считается съ взглядами М. М. Троицкаго; никакія новыя теченія въ философіи, какъ бы покойный ими ни интересовался, не могли у него затереть и отодвинуть окончательно на задній планъ то, что говорилъ его учитель, — особенно въ своей „Нѣмецкой психологіи".

М. М. Троицкій, какъ извѣстно, посвятилъ свою диссертацію психологіи и ея исторіи; со всею энергіей онъ проповѣдывалъ психологію, какъ опытную науку, и стремился выключить изъ нея метафизическій элементъ; выдвигая вопросы методологіи, онъ хотѣлъ установить, какимъ методомъ слѣдуетъ пользоваться въ наукѣ о душѣ. Ѳ. А. пишетъ диссертацію pro venia legendi о *методическихъ* пріемахъ Платона; магистерское его сочиненіе имѣетъ цѣлью показать, что сдѣлалъ Аристотель и его непосредственные предшественники Сократъ и Платонъ въ области *эмпирической психологіи*; наконецъ и въ журнальныхъ статьяхъ, посвященныхъ древне-греческой философіи, вопросъ о *методѣ*, къ которому прибѣгали древніе мыслители (особенно Платонъ и Аристотель), играетъ у Ѳ. А. немаловажную роль.

Но если въ сочиненіяхъ по исторіи древней философіи наблюдается у Ѳ. А., по сравненію съ работами автора „Нѣмецкой психологіи", нѣкоторая одинаковость научныхъ интересовъ, то докторскую свою диссертацію онъ прямо посвящаетъ столь занимавшему его учителя вопросу „о методахъ изслѣдованія и доказательства", а спустя нѣсколько лѣтъ послѣ диспута пишетъ „Очеркъ развитія психологіи съ Декарта до настоящаго времени". Въ непосредственную связь съ этими двумя сочиненіями Ѳ. А. самъ ставитъ свою брошюру „Общая характеристика движенія философіи въ послѣдніе три вѣка" [1]). „Профессоръ Троицкій, увлеченный англійскимъ эмпиризмомъ, слишкомъ сильно, читаемъ мы въ автобіографіи Ѳ. А., налегалъ какъ въ своихъ учено-философскихъ трудахъ, такъ и на лекціяхъ на исключительности индуктивнаго метода, какъ единственно научнаго метода; то же направленіе преобладало въ то время и въ русской научной литературѣ и въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ. Въ виду этого Зеленогорскій обратился къ историческому изученію развитія философскихъ и научныхъ методовъ. Это изученіе впослѣдствіи привело его къ тому заключенію, что и другіе методы, особенно методъ Декарта, съ одинаковымъ правомъ должны быть названы строго научными" [2]). Сочиненіе же „Очеркъ развитія психологіи съ Декарта

[1]) См. автобіографію, стр. 42—45.

[2]) Тамъ же, стр. 42.

до настоящаго времени" „представляетъ собою тотъ же интересъ, какъ и предыдущіе, и вызвано тѣмъ же одностороннимъ направленіемъ профессора Троицкаго и въ области психологическихъ изслѣдованій" [1]).

Трактуя о направленіяхъ въ наукѣ психологіи, М. М. Троицкій какъ бы считалъ возможнымъ пріурочить ихъ къ народностямъ и странамъ Европы: рѣчь идетъ у него 1) о психологіи въ Германіи, 2) во Франціи и 3) въ Англіи, — особенно же въ Германіи и Англіи. Мысль своего учителя Ѳ. А. развиваетъ дальше: въ философіи вообще, въ направленіи мышленія и изслѣдованія каждая изъ первенствующихъ націй (нѣмцы, французы и англичане) до нѣкоторой степени оригинальна, говоритъ онъ, и каждая выдвигаетъ своихъ видныхъ представителей. Эта идея является въ сочиненіи „О методахъ изслѣдованія и доказательства" одной изъ руководящихъ; Ѳ. А. проводитъ ее и въ „Характеристикѣ движенія философіи"; она играетъ роль и въ его „Очеркѣ развитія психологіи".

Нельзя не обратить вниманія еще на одну частность: мы встрѣчаемъ у Ѳ. А. такъ же, какъ у М. М. Троицкаго, особенно рѣзко выразившееся отрицательное отношеніе къ Канту. „Онъ отнюдь не склоненъ, говоритъ Ѳ. А. о себѣ [2]), признать за Кантомъ ту роль реформатора въ философіи, которую приписываютъ ему другіе. Въ его философіи онъ видитъ лишь возвращеніе къ дуализму Декарта".

Въ названныхъ двухъ сочиненіяхъ и въ актовой рѣчи Ѳ. А. старался провести и обосновать ту важную мысль, что существуетъ постоянное общеніе и взаимодѣйствіе между науками и философіей и что психологія, а равно и философія вообще развиваются въ непосредственной связи и въ соотвѣтствіи съ успѣхами знанія въ другихъ областяхъ.

Нѣкоторые „труды Зеленогорскаго не состоятъ въ связи съ предыдущими и вызваны внѣшними обстоятельствами" [3]). Это — замѣтка въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи" и рѣчь, произнесенная покойнымъ по поводу столѣтней годовщины со дня смерти Г. С. Сковороды, а также рядъ статей, относящихся къ исторіи Харьковскаго университета. Нѣсколько обособленное положеніе занимаютъ, наконецъ, статьи Ѳ. А. по учебнымъ вопросамъ и его „Теорія словесности".

---

[1]) Тамъ же, стр. 13.

[2]) Тамъ же, стр. 14—15.

[3]) Тамъ же, стр. 15.

До конца своей жизни покойный сохранялъ самый живой интересъ къ наукѣ вообще, къ теологіи, къ философіи и ко всѣмъ новымъ философскимъ теченіямъ, наконецъ, къ педагогикѣ, изученіемъ и преподаваніемъ которой Θ. А. съ юношескимъ увлеченіемъ занялся въ послѣдніе годы своей профессорской дѣятельности.

Θ. А. велъ всегда чрезвычайно уединенный образъ жизни и всецѣло поглощенъ былъ интересами науки, интересами университета.

П. Лейкфельдъ.

ПОПРАВКИ.

Въ статьѣ Н. К. Козмина „Изъ эпохи романтизма" на стр. 45, въ строкѣ 4-ой сверху напечатано: послѣднія вмѣсто: послѣдніе.

Въ статьѣ „А. Н. Коркинъ" на стр. 36, строка 12 снизу вмѣсто „модулемъ" читай „показателемъ", а на стр. 36, строка 11-я снизу вмѣсто „модулями" должно быть „показателями".

Правильность этого вывода подтверждается еще и слѣдующимъ соображеніемъ. Близкое сходство между версіями первой главы Аѳинской Политіи и 12-ой главы Плутарховой біографіи Солона, несомнѣнно, указываетъ на одинъ общій источникъ (Бузольтъ [1]), Seeck [2])), изъ котораго Аристотель черпалъ непосредственно, а Плутархъ — черезъ посредство Гермиппа (Бузольтъ) [3]), но этотъ источникъ, въ свою очередь, много пользовался документальнымъ матеріаломъ (Seeck) [4]), а потому врядъ ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію, что и извѣстіе о процессѣ Алкмеонидовъ онъ почерпнулъ изъ подлиннаго декрета (Белохъ [5]), Бузольтъ [6]), Де-Санктисъ [7]), Seeck [8])).

Хотя и приходится согласиться съ Ботсфордомъ [9]), что этотъ декретъ не могъ быть, какъ думаютъ Белохъ и Бузольтъ, народнымъ постановленіемъ (Volksbeschluss), потому что невѣроятно, чтобы Клисѳенъ, только что успѣвшій пріобрѣсти расположеніе народа, тотчасъ же лишился его, — тѣмъ не менѣе, это нисколько не говоритъ противъ самой документальности приговора надъ Алкмеонидами; но въ такомъ документальномъ актѣ демотиконъ Φλυεύς могъ быть употребленъ не иначе, какъ въ оффиціальномъ значеніи, а потому безусловно указываетъ на эпоху Клисѳена.

Съ этимъ выводомъ согласуется и упомянутое нами выше, отмѣченное Бузольтомъ [10]), тожество числа эвпатридовъ, вершившихъ приговоръ надъ Алкмеонидами, съ числомъ сообщниковъ Исагора: какъ тѣхъ, такъ и другихъ было 300. Ботсфордъ [11]) считаетъ это случайнымъ совпаденіемъ: ему кажется невѣроятнымъ, чтобы въ эпоху Исагора въ Аѳинахъ могло быть такое большое количество эвпатридовъ, послѣ того какъ много знати полегло въ Палленскомъ сраженіи противъ Писистрата [12]). Если, однако, несмотря на это, Клеоменъ изгналъ изъ Аѳинъ 700 семействъ Алкмеонидовъ, которые, несомнѣнно, были

---

1) Griech. Gesch. II, 36 и 58.
2) *Klio*, IV (1904), 273, 287, 320.
3) L. c.
4) L. c., 298, 300, 303.
5) Griech. Gesch. 339, пр. 1.
6) Op. c., II, 209—210 пр.
7) 'Ατθίς, 281.
8) L. c., 322—323.
9) L. c., 19.
10) L. c.
11) L. c., 18.
12) L. c., 14.

эвпатридами, то непонятно, почему цифра 300 для приверженцевъ Исагора кажется Ботсфорду слишкомъ высокой?

Другое соображеніе, которое Ботсфордъ [1]) приводитъ противъ знатнаго происхожденія этихъ 300, заключается въ томъ, что Исагоръ, по его мнѣнію, стремился не къ олигархіи, какъ принято думать, но къ тиранніи, а въ такомъ случаѣ его приверженцами могли быть и не аристократы. Въ доказательство этого Ботсфордъ ссылается на свидѣтельство Геродота (V, 74), по которому Клеоменъ хотѣлъ сдѣлать Исагора аѳинскимъ тиранномъ. Но изъ Геродота ясно видно, что эта мысль явилась у Клеомена лишь послѣ его вмѣшательства въ борьбу Исагора съ Клисѳеномъ, и притомъ какъ разъ изъ желанія отмстить аѳинянамъ за свою неудачу (τίσασθαι δὲ ἐθέλων τὸν δῆμον τῶν Ἀθηναίων καὶ Ἰσαγόρην βουλόμενος τύραννον καταστῆσαι). Кромѣ того, если бы намѣреніе Исагора заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться тиранномъ, то остается совершенно непонятнымъ, почему Аристотель упоминаетъ о немъ, какъ объ архонтѣ. Это обстоятельство шокируетъ самого Ботсфорда [2]). Итакъ, Ботсфорду, по нашему мнѣнію, не удалось поколебать аргументаціи Белоха.

Справедливость этой аргументаціи подтверждается и съ другой стороны, а именно: ассоціація процесса Алкмеонидовъ съ Солономъ у Плутарха — произвольна, потому что она отсутствуетъ въ Ἀθηναίων Πολιτεία, а такъ какъ Гермиппъ, къ которому восходитъ свидѣтельство Плутарха, черпалъ здѣсь изъ того же источника, изъ котораго почерпнулъ свое извѣстіе и Аристотель, то въ высокой степени вѣроятно, что эту прибавку внесъ отъ себя именно Гермиппъ (Бузольтъ) [3]), тѣмъ болѣе что онъ является какъ разъ „завершителемъ романа о Солонѣ" (Демуленъ) [4]).

Mutatis mutandis соображенія Белоха относительно свидѣтельства Плутарха остаются въ полной силѣ и по отношенію къ первой главѣ Ἀθηναίων Πολιτείας, потому что, какъ мы только что сказали, она восходитъ къ тому же источнику, и въ ней говорится о тѣхъ же событіяхъ, о которыхъ разсказываетъ и Плутархъ. Это явствуетъ изъ полнаго сходства обѣихъ версій и въ особенности изъ того, что упоминаемый Аристотелемъ Μύρων и Μύρων Φλυεύς Плутарха—несомнѣнно одно и то же лицо. Только эти событія фигурируютъ у Аристотеля

---

[1]) L. c., 15, пр. 1.

[2]) L. c., пр. 2.

[3]) Griech. Gesch. II, 210 пр.

[4]) Epiménide de Crète, 13.

среди описанія до-драконовской эпохи. Подобно Плутарховой, и эта датировка явно ошибочна.

Во-первыхъ, въ высокой степени сомнительно, чтобы документальные акты такого рода, какъ декретъ суда, къ которому восходитъ свидѣтельство Аристотеля, могли существовать уже въ такое архаическое время (Де Санктисъ) [1].

Во-вторыхъ, въ первой главѣ Ἀθηναίων Πολιτείας есть и еще одна весьма характерная подробность, безусловно не позволяющая относить описываемыя въ ней событія къ до-драконовской эпохѣ — это именно сообщеніе Аристотеля о вырытіи изъ могилъ труповъ умершихъ Алкмеонидовъ, о которомъ разсказываетъ и Плутархъ.

Еще Низе усмотрѣлъ въ этомъ анахронизмъ—черту, заимствованную изъ эпохи борьбы Клисѳена съ Исагоромъ. Такого же мнѣнія держится и Кауэръ. Оба изслѣдователя основываются на словахъ Ѳукидида: ἤλασαν μὲν οὖν καὶ οἱ Ἀθηναῖοι τοὺς ἐναγεῖς τούτους, ἤλασε δὲ καὶ Κλεομένης ὁ Λακεδαιμόνιος ὕστερον μετὰ Ἀθηναίων στασιαζόντων, τούς τε ζῶντας ἐλαύνοντες καὶ τῶν τεθνεώτων τὰ ὀστᾶ ἀνελόντες ἐξέβαλον (I, 126). Изъ этой фразы Низе [2]) и Кауэръ [3]) хотятъ вывести заключеніе, что Ѳукидидъ ставитъ вырытіе изъ могилъ въ связь лишь со вторымъ изгнаніемъ. Однако, какъ справедливо замѣтилъ противъ Низе Хольцапфель [4]), слова Ѳукидида допускаютъ и противоположное толкованіе.

Если, такимъ образомъ, упомянутымъ ученымъ не удалось доказать своей мысли, тѣмъ не менѣе она остается безусловно вѣрной.

Что вырытіе изъ могилъ труповъ умершихъ Алкмеонидовъ не могло имѣть мѣста въ до-драконовскую эпоху, въ этомъ окончательно убѣждаетъ выраженіе Аристотеля: αὐτοὶ μὲν ἐκ τῶν τάφων ἐξεβλήθησαν, τὸ δὲ γένος αὐτῶν ἔφυγεν ἀειφυγίαν.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что подъ αὐτοί Аристотель разумѣетъ здѣсь непосредственныхъ виновниковъ избіенія Килоновцевъ.

Кайбель [5]) предложилъ измѣнить текстъ Аристотеля и читать его такъ: οἱ μὲν νεκροὶ—ἐξεβλήθησαν, αὐτοὶ δὲ καὶ τὸ γένος αὐτῶν κ. τ. λ. При такомъ чтеніи выходило бы, что умерли и были выброшены изъ

---

[1]) Ἀτθίς, 281.

[2]) Hist. Unters. Arn. Schäfer gewidm., 14—15.

[3]) Parteien u. Politiker, 64.

[4]) Beitr. z. Griech. Gesch., 6, пр. 3.

[5]) *Kaibel*, Stil und Text der Πολιτεία Ἀθηναίων des Aristoteles (Berlin 1893), 117.

могилъ только нѣкоторые виновники убійства (νεκροί), а оставшіеся въ живыхъ (αὐτοί) подверглись изгнанію вмѣстѣ со своими родичами.

Однако, поправка Кайбеля совершенно произвольна, и онъ самъ отказался отъ нея впослѣдствіи въ своемъ совмѣстномъ съ Виламовицъ-Мёллендорффомъ изданіи Ἀθηναίων Πολιτείας въ пользу вышеприведеннаго чтенія, которое принято и во всѣхъ прочихъ лучшихъ изданіяхъ Аристотелева трактата—Сандиса, Blass'а и Кеніона и можетъ считаться окончательно установленнымъ. Но это чтеніе безусловно обязываетъ къ тому, чтобы признать, что въ моментъ, о которомъ разсказываетъ Аристотель, сами виновники убійства Килоновцевъ (αὐτοί) были уже умершими, а отсюда вытекаетъ съ полной неизбѣжностью, что событія, описываемыя Аристотелемъ въ первой главѣ, не могли происходить въ до-драконовскую эпоху, и вотъ почему.

Килонова смута, какъ неопровержимо доказалъ Wright [1]), произошла между 636 и 628 годами. Въ этихъ хронологическихъ предѣлахъ ее и помѣщаютъ новѣйшіе ученые—Ботсфордъ [2]), Бауэръ [3]), Т. Рейнакъ [4]), Эд. Мейеръ [5]), Бузольтъ [6]) и Bury [7]).

Законодательство Дракона имѣло мѣсто въ 621 году, къ которому его относитъ большинство изслѣдователей — Вестерманъ [8]), Курціусъ [9]), Дункеръ [10]), Хольмъ [11]), Бауэръ [12]), Wright [13]), Абботъ [14]), Бузольтъ [15]), В. П. Бузескулъ [16]), Bury [17]) и др.

Но если такъ, то между Килоновой смутой и законодательствомъ Дракона долженъ былъ пройти промежутокъ времени въ 15, 11, или

---

[1]) The date of Cylon (Harvard Studies in class. philol. 1892, III, 39).
[2]) Hist. of Greece, 45.
[3]) Forsch. zu Aristot. 44.
[4]) *Revue des études grecques*, 1892, V, 262.
[5]) Gesch. d. Altert. II, § 399 (стр. 638).
[6]) Griech. Gesch. II, 206.
[7]) Hist. of. Greece, I, 188.
[8]) *Ber. üb. die Verhandl. d. Sächs. Gesellsch. d. Wiss.* 1849, III, 155.
[9]) Griech. Gesch. I, 301.
[10]) Griech. Gesch. II, 127.
[11]) Griech. Gesch. I, 462.
[12]) L. c.
[13]) L. c.
[14]) Hist. of Greece, I, 292.
[15]) Griech. Gesch. II, 224.
[16]) Аѳин. Пол., 309.
[17]) Op. c., I, 190.

7 лѣтъ, смотря по тому, будемъ ли мы пріурочивать попытку Килона къ 636, 632, или 628-му году.

Какой бы изъ этихъ сроковъ мы ни взяли, всѣ они, не говоря уже о послѣднемъ, слишкомъ незначительны для того, чтобы втеченіе ихъ убійцы Килоновцевъ успѣли умереть всѣ поголовно, а въ такомъ именно смыслѣ и приходится понимать выраженіе Аристотеля: αὐτοὶ μὲν ἐκ τῶν τάφων ἐξεβλήθησαν.

Итакъ, слова эти не позволяютъ относить разрушеніе могилъ Алкмеонидовъ къ до-драконовской эпохѣ.

Такой выводъ изъ словъ Аристотеля сдѣлалъ и Дильсъ [1]). Правда, онъ вмѣсто αὐτοί читаетъ ἐκεῖνοι, но это чтеніе не мѣняетъ смысла.

Однако, вычеркивая процессъ Алкмеонидовъ изъ до-драконовской эпохи, Дильсъ переноситъ его въ эпоху Солона. Между тѣмъ, самъ же онъ присоединяется къ тому справедливому взгляду, что ассоціація процесса Алкмеонидовъ съ именемъ Солона, съ которой мы встрѣчаемся у Плутарха, представляютъ собой плодъ комбинаціи Гермиппа.

Но если такъ, то единственно правильнымъ выводомъ изъ интерпретаціи вышеприведенныхъ словъ Аристотеля мы считаемъ слѣдующій: разъ, съ одной стороны, смыслъ этихъ словъ не позволяетъ относить разрушеніе могилъ Алкмеонидовъ къ до-драконовской эпохѣ, а съ другой—всѣ детали, касающіяся процесса Алкмеонидовъ у Аристотеля и Плутарха указываютъ, какъ мы видѣли, на эпоху борьбы Клисѳена съ Исагоромъ,—то очевидно, что какъ этотъ процессъ, такъ и явившіяся его прямыми послѣдствіями — изгнаніе живыхъ и вырытіе изъ могилъ мертвыхъ—должны были имѣть мѣсто именно въ эту эпоху. Такой выводъ дѣлаетъ и Де Санктисъ [2]).

Спрашивается: почему Дильсъ не пришелъ къ этому выводу, хотя и былъ уже близокъ къ истинѣ? Значительной помѣхой для него въ этомъ отношеніи явились его соображенія объ Эпименидѣ Критянинѣ. Такъ какъ Аристотель упоминаетъ Эпименида въ связи съ процессомъ Алкмеонидовъ (Ἐπιμενίδης δ' ὁ Κρὴς ἐπὶ τούτοις ἐκάθηρε τὴν πόλιν. Αθ. πολ. 1), то вопросъ о немъ намъ поэтому необходимо разсмотрѣть хотя бы въ общихъ чертахъ, чтобы и съ этой стороны гарантировать правильность нашего вывода.

---

[1]) *Diels*, Ueber Epimenides von Kreta (*Sitzungsberichte der Berliner Akademie*, 1891, 388, пр. 1).

[2]) Ἀτθίς, 281.

II.

Въ соображеніяхъ Дильса объ Эпименидѣ содержится много глубоко-вѣрныхъ мыслей, но наряду съ ними встрѣчаются и положенія, которыя намъ представляются недоказанными.

Безусловно справедливымъ мы считаемъ утвержденіе Дильса [1]), что Эпименидъ—реальная историческая личность. Здѣсь Дильсъ примыкаетъ къ взгляду, представителями котораго, кромѣ него, являются Гротъ [2]), Курціусъ [3]), Дункеръ [4]), Шöманъ [5]), Шультесъ [6]), Лёшке [7]), Преллеръ-Робертъ [8]) и Кернъ [9]). Этотъ взглядъ раздѣляютъ съ нимъ также Бузольтъ [10]), Родэ [11]) и Демуленъ [12]).

И въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли есть серьезныя основанія видѣть въ Эпименидѣ миѳическое лицо, какъ этого хотятъ Хиллеръ [13]), Низе [14]), Тöпферъ [15]), Виламовицъ-Мöллендорффъ [16]), Wright [17]), Эд. Мейеръ [18]).

Главнымъ основаніемъ для скептическаго взгляда является то обстоятельство, что въ древней литературѣ жизнь и дѣятельность Эпименида изукрашены баснословными легендами. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи преданій объ Эпименидѣ, оказывается, что далеко не все заподозрѣнное въ нихъ скептиками отмѣчено печатью сказочности. Таковы, напримѣръ, легенды о пребываніи Эпименида въ пе-

---

1) L. c. 391—392.
2) Hist. of. Greece II, 456—459.
3) Griech. Gesch. I, 310—311.
4) Griech. Gesch. II, 147—149.
5) *Jahrb. f. class. Philol.* CXI (1875), 457—458,
6) *Schultess*, De Epimenide Crete (Bonn 1877).
7) *Loeschcke*, Die Enneakrunosepisode bei Pausanias (Dorpat 1883, Progr.).
8) *Preller-Robert*, Griechische Mythologie, I, 1 (Berlin 1887), 146.
9) *Kern*, De Orphei Epimenidis Pherecydis theogoniis quaestiones criticae (Berlin 1888), 62 — 82 и Epimenides у *Pauly-Wissowa*, Realencyclopädie, 11. Halbbd. (1907), 173—178.
10) Griech. Gesch. II, 210—213.
11) *Rohde*, Psyche, II, 98 пр. 1.
12) *Demoulin*, Epiménide de Crète (Bruxelles 1901).
13) *Rhein. Mus.* XXXIII (1878), 526.
14) Hist. Unters. Arn. Schäfer gewidmet, 12—14.
15) *Toepffer*, Attische Genealogie (Berlin 1889), 140—145.
16) *Wilamowitz-Moellendorff*, Euripides Hippolytos (1891).
17) Harvard Studies in class. philol. 1892, III, 66—70.
18) Gesch. d. Altert. § 400, пр. (стр. 640) и § 460 (стр. 747—749).

щерѣ, его постѣ и экстатическихъ состояніяхъ, послѣ которыхъ онъ вышелъ изъ своего одиночества и началъ свою миссію пророка и жреца-очистителя.

Эти легенды допускаютъ и реалистическое толкованіе.

Въ древности имя Эпименида ассоціировалось съ орфическимъ цикломъ, что признаютъ и сами скептики (Тёпферъ [1]), Эд. Мейеръ [2])). Но указанныя черты легенды характерны какъ разъ для ученія орфиковъ, которое было мистическимъ по міровоззрѣнію и аскетическимъ по своей морали (Эд. Мейеръ [3]), Бузольтъ [4]), Родэ [5])).

Съ этой точки зрѣнія становятся вполнѣ понятными и другія детали преданія объ Эпименидѣ, напримѣръ, легенда, приписывавшая Эпимениду способность, по желанію, заставлять душу покидать тѣло и вновь возвращаться въ него (Suid. s. v. Ἐπιμενίδης). Эта легенда, очевидно, отражала въ себѣ характеризующій ученіе орфиковъ рѣзкій дуализмъ между духомъ и плотью [6]), въ то же время символизируя субъективныя переживанія мистика, какимъ въ ней рисуется Эпименидъ.

Что касается легенды о долголѣтнемъ снѣ Эпименида, то она представляетъ собой варіантъ широко-распространеннаго сказочнаго мотива, приплетавшагося къ воспоминаніямъ даже о такихъ завѣдомо историческихъ личностяхъ, какою, напримѣръ, былъ Фридрихъ Барбаросса, а въ частности, по отношенію къ нашему случаю, эта легенда символизируетъ мистическое значеніе сна, во время котораго она приводитъ Эпименида въ непосредственное общеніе съ божествомъ, заставляя его почерпнуть изъ этого общенія мудрость пророка и проповѣдника (ὄνειρος διδάσκαλος: Max. Tyr. 38, 3) [7]).

Тёпферъ [8]) относитъ Эпименида къ области легенды, на основаніи отожествленія его съ миѳическимъ героемъ—эпонимомъ рода Βουζύγαι, который, по преданію, тоже носилъ имя Эпименида и считался первымъ пахаремъ (Hesych. s. v. Βουζύγης. ἥρως Ἀττικός, ὁ πρῶτος βοῦς ὑπὸ ἄροτρον ζεύξας· ἐκαλεῖτο δὲ Ἐπιμενίδης).

Но это тожество не доказано, хотя у Павсанія мы, дѣйствительно,

---

[1]) L. c.

[2]) Op. c., § 459 (стр. 746).

[3]) L. c. и § 457 (стр. 742).

[4]) Op. c., 371—372.

[5]) Op. c., 121 сл. Cp. *Demoulin*, Epiménide de Crète, 66.

[6]) См. *Meyer*, *Busolt* и *Rohde*, l. c.

[7]) См. *Rohde*, *Rhein. Mus.* XXXIII (1878), 209, пр. 25 и XXXV (1880), 157—163; Psyche, II, 97, пр.; *Demoulin*, Epiménide de Crète, 97—98.

[8]) Att. Geneal. 140. Также *Ed. Meyer* op. c., § 460.

и встрѣчаемся съ нимъ. Описывая святилище элевсинскихъ божествъ близъ Эннеакруноса, Павсаній говоритъ: πρὸ τοῦ ναοῦ τοῦδε, ἔνθα καὶ Τριπτολέμου τὸ ἄγαλμα, ἔστι βοῦς χαλκοῦς οἷα ἐς θυσίαν ἀγόμενος, πεποίηται δὲ καὶ καθήμενος Ἐπιμενίδης Κνώσιος ὃν ἐλθόντα ἐς ἀγρὸν κοιμᾶσθαι λέγουσιν ἐσελθόντα ἐς σπήλαιον· ὁ δὲ ὕπνος οὐ πρότερον ἀνῆκεν αὐτὸν, πρὶν ἢ οἱ τεσσαρακοστὸν ἔτος γενέσθαι καθεύδοντι, καὶ ὕστερον ἔπη τε ἐποίει καὶ πόλεις ἐκάθηρεν ἄλλας τε καὶ τὴν Ἀθηναίων (I, 14, 4).

Что подъ Эпименидомъ Павсаній разумѣетъ здѣсь героя—Бузига, это явствуетъ какъ изъ того, что подлѣ его статуи находилось изображеніе быка, такъ и изъ ассоціаціи его съ Триптолемомъ, котораго преданіе, подобно упомянутому герою, считало насадителемъ земледѣльческой культуры [1]). Но съ другой стороны, упоминаемый Павсаніемъ Эпименидъ—несомнѣнно Критянинъ, потому что Павсаній называетъ его Κνώσιος и сообщаетъ преданія объ его долголѣтнемъ снѣ и очистительной дѣятельности — преданія, связанныя какъ разъ съ именемъ Эпименида Критянина.

Тёпферъ усматриваетъ въ версіи Павсанія симптомъ двойственности, какую приняла съ теченіемъ времени первоначально единая фигура героя—Бузига, но столь же возможно и обратное предположеніе, сдѣланное Hitzig'омъ [2]) и Демуленомъ [3]), что тожество именъ двухъ Эпименидовъ—могло подать поводъ къ смѣшенію ихъ. Впрочемъ, для категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ.

Что касается Аристотеля, то, по весьма вѣроятному предположенію Бузольта [4]), эпитетомъ ὁ Κρής онъ отличаетъ нашего Эпименида отъ одноименнаго съ нимъ героя.

Точно также совершенно недоказательна и ссылка Тёпфера [5]) на цитату изъ Аполлонія: Βώλου Ἐπιμενίδης ὁ Κρής (Müller, Fragm. Histor. Graec. I, 288, frg. 69). Толкуя здѣсь слово βῶλος въ смыслѣ „Erdenkloss", Тёпферъ хочетъ видѣть въ Эпименидѣ героя, рожденнаго изъ земли, слѣдовательно, опять-таки миѳическое лицо. Но, какъ доказалъ Дильсъ [6]), подъ Βῶλος въ этой цитатѣ слѣдуетъ разумѣть

---

[1]) См. *Preller-Robert*, Griech. Mythol. I, 771 — 773 и *Busolt*, Griech. Gesch. II, 356—357.

[2]) *Hitzig* et *Bluemner*, Pausaniae Graeciae Descriptio, I, 1 (Berlin 1896), 191.

[3]) Epiménide de Crète, 113.

[4]) Griech. Gesch. II, 211, пр. 1.

[5]) Op. c., 144.

[6]) L. c., 393. Ср. *Oder*, *Rhein. Mus.* XLV (1890), 72—75.

Каллимахова современника, автора оккультистическаго сочиненія, изъ котораго здѣсь и приводится выдержка.

Не можетъ подать повода къ сомнѣнію въ реальности Эпименида и то подчеркнутое Тёпферомъ обстоятельство, что матерью Эпименида по легендѣ считалась нимфа Βλάστα (Suid. s. v. Ἐπιμενίδης) или Βάλτη (Plut. Sol. 12): еще Шультесъ [1]), съ полнымъ основаніемъ усмотрѣлъ въ этомъ преданіи обычную тенденцію—приписывать замѣчательнымъ личностямъ сверхестественное происхожденіе.

Итакъ, аргументы, приводимые въ доказательство того, что Эпименидъ—миѳическое лицо, не дѣйствительны. Да и въ принципѣ нельзя отвергать реальное существованіе личности только потому, что она, какъ выразился про Эпименида Низе [2]), „окутана облакомъ миѳа" (Родэ [3]), Дильсъ [4]), Бузольтъ [5])).

Съ другой стороны, есть данныя, позволяющія видѣть въ Эпименидѣ дѣйствительно существовавшую историческую личность: это, во-первыхъ,—документальный характеръ замѣтки объ Эпименидѣ въ Аѳинской Политіи (Бузольтъ [6]), В. П. Бузескулъ [7])), а затѣмъ то обстоятельство, что Эпименидъ выведенъ здѣсь въ качествѣ очистителя Аѳинъ отъ Κυλώνειον ἄγος, какимъ его рисуетъ и Плутархъ (Solon 12).

Низе [8]), Лёшке [9]), Кернъ [10]), Тёпферъ [11]) и Эд. Мейеръ [12]) считаютъ это легендой, не заслуживающей довѣрія. Наоборотъ Шультесъ [13]), Дильсъ [14]), Бузольтъ [15]) и Демуленъ [16]) придаютъ этому извѣстію значеніе достовѣрнаго факта. И дѣйствительно, если принять

---

[1]) De Epimenide Crete, 18—19.

[2]) Hist. Unters. Arn. Schäfer gewidm., 14.

[3]) Psyche, II, 98, пр. 1.

[4]) *Sitzungsb. d. Berl. Akad.*, 391.

[5]) Griech. Gesch. II, 213.

[6]) Griech. Gesch. II, 211, пр. 1.

[7]) Аѳин. Пол. 300.

[8]) Hist. Unters. Arn. Schäfer gewidm., 13.

[9]) Die Enneakrunosepisode bei Pausanias (Dorpat 1883, Progr.).

[10]) *Kern*, De Orphei Epimenidis Pherecydis theogoniis, 82 и Epimenides у *Pauly-Wissowa*, Realencykl., 11. Halbbd., 175.

[11]) Att. Geneal., 141.

[12]) Gesch. d. Altert. II, § 400, пр. (стр. 640).

[13]) De Epimenide Crete, 21 сл.

[14]) *Sitzungsb. d. Berl. Akad.* 1891, 391.

[15]) Griech. Gesch. II, 210—211.

[16]) Epiménide de Crète, 106 сл.; 136.

во вниманіе ту выдающуюся роль, какая въ ритуалѣ орфиковъ, къ циклу которыхъ относится имя Эпименида, принадлежала обрядамъ очищенія [1]), то весьма естественно будетъ допустить, что Эпименидъ явился религіознымъ завершителемъ приговора, постановленнаго трибуналомъ 300 аристократовъ, судившихъ Алкмеонидовъ. Но это придаетъ критскому жрецу уже вполнѣ опредѣленныя очертанія.

Итакъ, для сомнѣнія въ **реальномъ существованіи** Эпименида, нѣтъ достаточныхъ основаній, и въ этомъ пунктѣ мы всецѣло присоединяемся къ Дильсу. Но мы не можемъ согласиться съ **хронологическими** соображеніями почтеннаго ученаго.

Въ древней литературѣ мы встрѣчаемся съ двумя главными датировками дѣятельности Эпименида въ Аѳинахъ.

Одни пріурочиваютъ ее къ періоду времени **передъ архонтствомъ Солона**: Іеронимъ—къ третьему году до архонтства, слѣдовательно къ 596 г. до Р. Хр., Свида—къ 604/1 году (44-я олимпіада). Съ другой стороны, Платонъ сообщаетъ, что Эпименидъ прибылъ въ Аѳины **за 10 лѣтъ до Персидскаго погрома**, слѣдовательно въ 500-мъ году: ἐλθὼν δὲ πρὸ τῶν Περσικῶν δέκα ἔτεσι πρότερον παρ' ὑμᾶς κατὰ τὴν τοῦ θεοῦ μαντείαν θυσίας τε ἐθύσατό τινας, ἅς ὁ θεὸς ἀνεῖλε, καὶ δὴ καὶ φοβουμένων τὸν Περσικὸν Ἀθηναίων στόλον εἶπεν, ὅτι δέκα μὲν ἐτῶν οὐχ ἥξουσιν, ὅταν δὲ ἔλθωσιν, ἀπαλλαγήσονται πράξοντες οὐδὲν ὧν ἤλπιζον, παθόντες τε ἢ δράσαντες πλείω κακά (Νόμοι 642 D—E).

Сообразно съ этими двумя датировками, и мнѣнія ученыхъ расходятся: одни придерживаются первой датировки (Гротъ, Курціусъ, Дункеръ и др.), другіе—второй (Лёшке, Преллеръ-Робертъ, Кернъ).

Дильсъ слѣдуетъ **первой** датировкѣ. Но она несостоятельна. Бузольтъ [2]) справедливо считаетъ основой ея ту версію, съ которой мы встрѣчаемся у Плутарха (Solon 12), гдѣ Эпименидъ выставленъ сотрудникомъ Солона, и возводитъ эту версію къ **Гермиппу**.

Взглядъ Бузольта, по существу вѣрный, нуждается, однако, по нашему мнѣнію, въ двухъ поправкахъ.

Во-первыхъ, Гермиппъ не можетъ считаться иниціаторомъ ассоціаціи Эпименида съ Солономъ, такъ какъ она встрѣчается уже у **Леандрія** Милетскаго (ap. Diog. Laert. I, 41) [3]), называющаго Эпименида въ числѣ

[1]) См. *Ed. Meyer*, op. c. § 459 (стр. 745) и *Rohde*, Psyche, II, 126.

[2]) Griech. Gesch., II, 211 пр. 1.

[3]) См. *Diels*, Die Fragmente der Vorsokratiker, II, 1 (Berlin 1907), 519.

семи мудрецовъ, къ которымъ, какъ извѣстно, принадлежалъ Солонъ. По всей вѣроятности, эта традиція и подала Гермиппу, занимавшемуся собираніемъ и разработкой легендъ о семи мудрецахъ [1]) (Diog. Laert. I, 42), поводъ сдѣлать изъ Эпименида не только современника, но и сотрудника Солона. Гермиппъ только біографически закрѣпилъ старую традицію, „рельефнѣе", выставивъ отношеніе между Эпименидомъ и Солономъ (Демуленъ) [2]), и въ такомъ видѣ передалъ ее Плутарху.

Во-вторыхъ, что касается внутренней логики комбинацій Гермиппа, то она представляется намъ въ такомъ видѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи, съ одной стороны, традицію, ассоціировавшую Эпименида съ семью мудрецами, а съ другой—традицію, по которой Эпименидъ являлся очистителемъ Аѳинъ отъ Κυλώνειον ἄγος, Гермиппъ, ассоціируя Эпименида съ Солономъ, долженъ былъ eo ipso пріурочить къ послѣднему и процессъ Алкмеонидовъ.

Само собою разумѣется, что ни та, ни другая комбинація не обязательна для насъ, а потому датировка Эпименида эпохой Солона, принятая Дильсомъ, не можетъ считаться удачной, тѣмъ болѣе, что и самъ Дильсъ [3]) комбинацію Эпименида съ Солономъ возводитъ къ Леандрію и Гермиппу.

Прямымъ послѣдствіемъ указанной датировки явилось убѣжденіе Дильса, что дѣятельность Эпименида въ Аѳинахъ не можетъ быть пріурочена къ концу VI вѣка, куда ее относятъ Лёшке и Кернъ.

Вдумываясь въ аргументы этихъ ученыхъ, нетрудно замѣтить, что они, дѣйствительно, не вѣски. Разсмотримъ сначала аргументы Лёшке [4]). Основываясь на датировкѣ Платона въ „Законахъ", Лёшке старается подкрѣпить ея достовѣрность путемъ комбинаціи свидѣтельства Платона съ Діогеномъ Лаэртіемъ (I, 110), который сообщаетъ, что аѳиняне вызвали Эпименида по случаю чумы, пославъ за нимъ на островъ Критъ Никія, сына Никерата. Въ качествѣ документальнаго подтвержденія чумы въ эпоху, о которой говоритъ Платонъ, Лёшке приводитъ надпись на памятникѣ женщины, умершей отъ чумы — [λοι]μῷ θανούσης εἰμὶ [σῆ]μα Μυρ[ρ]ίνης (C.I.A. I 475). Эту надпись Лёшке относитъ къ 500-му году, т. е., какъ разъ къ тому

---

[1]) Ср. *Bohren*, De septem Sapientibus (Bonn 1867); *Schultess*, De Epimenide Crete, 9; *Ed. Meyer*, Geschichte des Altertums, II, § 441, пр. (стр. 717).

[2]) Epiménide de Crète, 88.

[3]) *Sitzungsb.*, 388 и 392.

[4]) Die Enneakrunosepisode bei Pausanias.

времени, къ которому Платонъ пріурочиваетъ прибытіе Эпименида въ Аѳины.

Аргументація Лёшке не можетъ быть признана удачной. Прежде всего что касается надписи, то 1) какъ справедливо замѣтилъ Тёпферъ [1]), единичный случай чумы, о которомъ мы узнаёмъ изъ нея, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для заключенія, что тогда въ Аѳинахъ свирѣпствовала повальная эпидемія, заставившая прибѣгнуть къ религіознымъ церемоніямъ; 2) надпись не можетъ быть датирована 500-мъ годомъ, но, по характеру письма, должна быть отнесена къ значительно болѣе ранней эпохѣ (Тёпферъ [2]), Wright [3]), Бузольтъ [4])). Но если такъ, то засвидѣтельствованный ею чумный случай не имѣетъ ничего общаго съ эпохой, о которой говоритъ Платонъ.

Съ другой стороны, несостоятельна и комбинація Платона съ Діогеномъ Лаэртіемъ, которую Лёшке кладетъ въ основу своей аргументаціи, потому что у этихъ авторовъ рѣчь идетъ о разныхъ эпохахъ: у Платона—о времени передъ персидскими войнами, у Діогена—объ эпохѣ Пелопоннесской войны, къ которой относится дѣятельность Никія и чума въ Аѳинахъ (Thucyd. II, 47 и сл.). Впрочемъ, свидѣтельство Діогена Лаэртія разрывается пополамъ вопіющимъ анахронизмомъ, такъ какъ этотъ компиляторъ въ то же время съ легкимъ сердцемъ пріурочиваетъ очищеніе Аѳинъ Эпименидомъ къ 46-й олимпіадѣ (596/3 г.г.) [5]). Итакъ, Лёшке не удалось установить хронологію Эпименида на основаніи свидѣтельства Платона.

Не трудно понять, что это предпріятіе и не могло удасться. Какъ справедливо замѣтилъ Дильсъ, предсказаніе, переданное Платономъ, могло возникнуть лишь ex eventu [6]), послѣ событія, о которомъ въ немъ идетъ рѣчь, т. е. послѣ 490-го года, а потому сообщеніе Платона должно разсматриваться, какъ проекція изъ того χρησμός, который послужилъ для него источникомъ, или, выражаясь словами

---

[1]) Att. Geneal. 142.

[2]) L. c. и пр. 1.

[3]) Harvard Studies, 1892, III, 69, пр. 1.

[4]) Griech. Gesch. II, 212; пр. 1.

[5]) По странному недосмотру, очевидно, подъ вліяніемъ Діогена Лаэртія, Никій фигурируетъ въ качествѣ посла къ Эпимениду также у *Курціуса* (I, 311) и *Дункера* (II, 147 — 148), несмотря на то, что эти ученые ассоціируютъ Эпименида съ Солономъ.

[6]) L. c., 398. Также *Schultess*, De Epimenide Crete, 47 и *Rohde*, Psyche, II, 99, пр.

Тёпфера [1]), Эпименидъ только для того поставленъ передъ событіями, чтобы предсказать ихъ. Итакъ, на свидѣтельствѣ Платона никакихъ соображеній о времени жизни реальнаго Эпименида строить нельзя.

Mutatis mutandis то же приходится сказать и о Θеогоніи, извѣстной въ древности подъ именемъ Эпименидовой (Diog. Laert. I, 111: ἐποίησε δὲ... καὶ Θεογονίαν).

На основаніи анализа сохранившихся отъ нея отрывковъ, Кернъ [2]) пріурочилъ ее къ концу VI-го вѣка, усмотрѣвъ въ этомъ подтвержденіе свидѣтельству Платона и основаннымъ на немъ соображеніямъ Лёшке. Но при всей вѣроятности предложенной Керномъ датировки, и она не заключаетъ въ себѣ достаточныхъ данныхъ для хронологіи реальнаго Эпименида, такъ какъ остается открытымъ вопросъ, дѣйствительно ли эта Θеогонія принадлежала Эпимениду, или же только приписывалась ему. Дильсъ [3]), Бузольтъ [4]) и Родэ [5]) склоняются ко второму предположенію, а потому и не видятъ въ Θеогоніи, которую и они, слѣдуя Керну, относятъ къ концу VI-го вѣка, основанія для пріурочснія къ этому времени и самого Эпименида.

Но Дильсъ идетъ дальше: онъ старается въ принципѣ подорвать самую возможность такой датировки и доказать, что въ концѣ VI-го вѣка за фикціей для реальнаго Эпименида совершенно не остается мѣста. Происхожденіе этой фикціи Дильсъ представляетъ себѣ такимъ образомъ.

Въ борьбѣ съ Клисѳеномъ Писистратиды примкнули къ партіи его противника Исагора и, въ качествѣ тактическаго маневра, воспользовались тяготѣвшимъ на Алкмеонидахъ, вслѣдствіе убійства Килоновцевъ, нечестіемъ (ἄγος), а такъ какъ въ качествѣ очистителя отъ этой скверны въ концѣ VII-го вѣка дѣйствительно выступилъ Эпименидъ (Ἀθ. πολ. 1), то Писистратиды въ концѣ VI-го оживили память о немъ и санкціонировали свои политическія притязанія его авторитетнымъ именемъ, приписавъ ему цѣлый рядъ выгодныхъ для себя пророчествъ, клонившихся къ реабилитаціи тиранніи. Поддѣлкою этихъ

---

[1]) Att. Geneal. 142.

[2]) *Kern*, De Orphei Epimenidis Pherecydis theogoniis, 62—82 и Epimenides у *Pauly-Wissowa*, Realencycl., 11. Halbbd., 177.

[3]) *Sitzungsb. d. Berl. Akad.* 1891, 395.

[4]) Griech. Gesch. II, 211—212.

[5]) Psyche, II, 100, пр. 1.

пророчествъ, по мнѣнію Дильса, занимался литературный кружокъ подъ руководствомъ Ономакрита (οἱ περὶ Ὀνομάκριτον) [1].

Въ приведенныхъ разсужденіяхъ Дильса все неоспоримо, кромѣ одного пункта—будто Писистратиды въ своей борьбѣ съ Клисѳеномъ въ качествѣ орудія воспользовались именемъ Эпименида. Это утвержденіе кажется намъ произвольнымъ: въ источникахъ въ пользу его нѣтъ указаній. Аргументы, приводимые Дильсомъ, мы считаемъ неубѣдительными.

Прежде всего, Дильсъ [2]) ссылается на свидѣтельство Геродота (VII, 6). Греческій историкъ сообщаетъ, что Ономакритъ, получившій отъ Писистратидовъ полномочіе склонить Ксеркса къ походу противъ Аѳинъ, который Писистратиды хотѣли использовать для возстановленія тиранніи,—имѣлъ въ своемъ распоряженіи какое-то собраніе пророчествъ, откуда онъ и цитировалъ персидскому царю одни лишь предсказанія благопріятствовавшія походу, умалчивая о неблагопріятныхъ. Къ этому сборнику Дильсъ относитъ и пророчество, переданное Платономъ.

Даже если стать на точку зрѣнія Дильса и согласиться съ нимъ, что пророчества, которыми пользовался Ономакритъ, дѣйствительно были поддѣланы подъ Эпименида, то возникнетъ вопросъ: какимъ образомъ Ономакритъ могъ разсчитывать на успѣхъ своей поддѣлки, если память объ Эпименидѣ въ то время была настолько жива, что его именемъ, какъ утверждаетъ Дильсъ, творилась даже активная политика [3])? Здѣсь въ аргументаціи нѣмецкаго ученаго оказывается непримиримое противорѣчіе. Но мало того. Очень сомнительно, чтобы сборникъ, который имѣлъ въ рукахъ Ономакритъ, былъ составленъ изъ пророчествъ Эпименида: по крайней мѣрѣ, этого не видно изъ Геродота (VII, 6), у котораго все время идетъ рѣчь о пророчествахъ Мусея.

Точно также, изъ Геродота не видно, чтобы этотъ сборникъ представлялъ собой поддѣлку самого Ономакрита, или его кружка: изъ разсказа Геродота можно заключить только, что pia fraus Ономакрита состояла въ подтасовкѣ пророчествъ. Ссылка Дильса на засвидѣтельствованный тѣмъ же Геродотомъ (l. c.) фактъ поддѣлки Ономакритомъ одного изреченія Мусея неубѣдительна. Врядъ ли мы имѣемъ право такъ широко обобщать этотъ единичный случай, чтобы усматривать

---

[1]) L. c., 396; 402—403. Также *Busolt*, Griech. Gesch. II, 210—213.

[2]) L. c., 397.

[3]) Ср. *Demoulin*, Epiménide de Crète, 46—47.

въ немъ намекъ на цѣлую систему, будто бы практиковавшуюся Писистратидами: во-первыхъ, Геродотъ называетъ Ономакрита только редакторомъ сборника пророчествъ Мусея (διαθέτης χρησμῶν τῶν Μουσαίου l. c.), а во-вторыхъ, тотъ же историкъ разсказываетъ, что за упомянутую фальсификацію Гиппархъ не только не поблагодарилъ Ономакрита, но, наоборотъ, подвергъ его опалѣ.

Неубѣдительна ссылка Дильса и на свидѣтельство Плутарха (Solon 12). У Плутарха мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ, приписаннымъ Эпимениду, изреченіемъ о Мунихіи: „еслибы аѳиняне могли предвидѣть, сколько бѣдствій причинитъ имъ это мѣсто, они бы выкусали его своими зубами" (Λέγεται δὲ τὴν Μουνυχίαν ἰδὼν καὶ καταμαθὼν πολὺν χρόνον εἰπεῖν πρὸς τοὺς παρόντας, ὡς τυφλόν ἐστι τοῦ μέλλοντος ἄνθρωπος· ἐκφαγεῖν γὰρ ἂν Ἀθηναίους τοῖς αὐτῶν ὀδοῦσιν, εἰ προῄδεσαν, ὅσα τὴν πόλιν ἀνιάσει τὸ χωρίον. Plut. Sol. 12).

Дильсъ [1]) хочетъ видѣть въ этомъ изреченіи намекъ на фактъ, сообщаемый Аристотелемъ въ 19-ой гл. Ἀθηναίων πολιτείας, что на четвертомъ году послѣ смерти Гиппарха, Гиппій, когда положеніе его въ городѣ пошатнулось, началъ укрѣплять Мунихію, намѣреваясь переселиться туда: ἔτει δὲ τετάρτῳ μάλιστα μετὰ τὸν Ἱππάρχου θάνατον, ἐπεὶ κακῶς εἶχεν τὰ ἐν τῷ ἄστει, τὴν Μουνιχίαν ἐπεχείρησε τειχίζειν, ὡς ἐκεῖσε μεθιδρυσόμενος. Къ мнѣнію Дильса присоединяется и Кернъ [2]). Но въ то время какъ Кернъ въ сопоставленіи обоихъ цитированныхъ свидѣтельствъ видитъ основаніе для пріуроченія къ концу VI-го вѣка реальнаго Эпименида, Дильсъ, наоборотъ, относитъ переданное Плутархомъ подъ именемъ Эпименида изреченіе къ циклу „фальсификацій" Писистратидовъ, усматривая въ этомъ изреченіи маневръ, которымъ Писистратиды будто бы хотѣли терроризировать аѳинское населеніе. Дильсу слѣдуютъ Виламовицъ-Мёллендорффъ [3]) и Демуленъ [4]). Но мы не можемъ согласиться съ нимъ.

Во-первыхъ, въ данномъ случаѣ Писистратидамъ было выгоднѣе, какъ разъ наоборотъ, держать въ тайнѣ свои стратегическіе планы. Съ другой стороны,—и это главное—видѣть въ изреченіи о Мунихіи намекъ на Гиппія не позволяетъ, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что по отношенію къ Гиппію предсказаніе не сбылось, такъ какъ Гиппій не довелъ до конца задуманнаго имъ предпріятія

---

1) L. c., 398—399.

2) Epimenides у *Pauly-Wissowa*, Realencyclopädie, 11. Halbbd., 174.

3) Euripides Hippolytos.

4) Epiménide de Crète, 105.

и былъ свергнутъ какъ разъ среди своихъ заботъ по укрѣпленію Мунихіи. Но трудно допустить, чтобы въ уста Эпимениду было вложено несбывшееся предсказаніе: это не вязалось бы и съ самымъ понятіемъ пророчества, какъ такового, и съ тѣмъ представленіемъ, какое сложилось у древнихъ объ Эпименидѣ (σοφὸς περὶ τὰ θεῖα. Plut. Sol. 12).

Въ виду этого, мы считаемъ гораздо болѣе вѣроятнымъ, что въ нашемъ изреченіи заключается намекъ на событія значительно болѣе поздней эпохи, именно эллинистической, когда Мунихія дѣйствительно сыграла роковую роль въ жизни Аѳинъ, сдѣлавшись тамъ оплотомъ владычества Македоніи: въ 322 году, при Антипатрѣ, Мунихію занялъ македонскій гарнизонъ, продержавшійся въ ней, съ нѣкоторыми перерывами, безъ малаго сто лѣтъ, вплоть до 229 года, когда главѣ Ахейскаго союза—Арату удалось освободить Аѳины отъ македонскаго ига.

Такое толкованіе разсмотрѣннаго нами пророчества, принятое еще Ваксмутомъ [1]) и Шультесомъ [2]), мы считаемъ наиболѣе правдоподобнымъ. Но если такъ, то само собою разумѣется, оно можетъ служить только лишнимъ подтвержденіемъ справедливости той мысли Дильса, что имя Эпименида употреблялось всуе, т. е., что нѣкоторыя изреченія искусственно вкладывались въ уста критскому ясновидцу. Нечего и говорить, что и пророчество о Мунихіи могло возникнуть не иначе какъ ex eventu, слѣдовательно, въ эпоху, когда ни о какомъ реальномъ Эпименидѣ не могло быть и рѣчи, чѣмъ опровергается тотъ выводъ, который строитъ на этомъ пророчествѣ Кернъ. Но съ другой стороны, такое позднее происхожденіе этого пророчества исключаетъ уже всякую возможность относить его къ циклу „фальсификацій“ Писистратидовъ, какъ того хочетъ Дильсъ.

Итакъ, вопреки Бузольту [3]), мы думаемъ, что доказать существованіе при дворѣ Писистратидовъ „фабрики оракуловъ“ (Orakelfabrik) Дильсу не удалось.

Точно также представляется намъ недоказаннымъ и то мнѣніе Дильса [4]), раздѣляемое Виламовицъ-Мёллендорффомъ [5]) и Бузоль-

---

[1]) *Wachsmuth*, Die Stadt Athen im Alterthum, I (Leipzig 1874), 608—609.
[2]) De Epimenide Crete, 47.
[3]) Griech. Gesch. II, 212 пр. 1.
[4]) L. c., 395—396.
[5]) Philologische Untersuchungen, VII, 210.

томъ [1]), будто и приписывавшаяся Эпимениду Өеогонія въ дѣйствительности была составлена кружкомъ Ономакрита. Въ пользу такого утвержденія въ источникахъ не содержится указаній. Правда, размѣры дѣятельности Ономакрита въ области орфической литературы намъ въ точности неизвѣстны, но, насколько мы можемъ судить о ней, Ономакритъ являлся здѣсь, главнымъ образомъ, систематизаторомъ и редакторомъ (Tatian. 41: συντετάχθαι). Такова, напр., была его роль въ составленіи уже упомянутаго нами сборника пророчествъ Мусея, о которомъ говоритъ Геродотъ (VII, 6: διαθέτης χρησμῶν τῶν Μουσαίου). Изъ собственныхъ же сочиненій Ономакрита авторство его неоспоримо можетъ быть признано лишь за τελεταί (Suid. s. v. Ὀρφεύς). Двумъ его сотрудникамъ — Зопиру изъ Гераклеи и Орфею изъ Кротона приписываются: первому — Κρατῆρες, Πέπλον и Δίκτυον, второму—Δωδεκαετηρίδες и Ἀργοναυτικά (l. c). Что же касается Өеогоніи, то хотя она и упоминается у Свиды наряду съ перечисленными сочиненіями, но безъ имени автора, а потому мы не имѣемъ данныхъ, чтобы приписать ее Ономакриту, или его сотрудникамъ [2]).

Итакъ, подорвать самую возможность пріуроченія Эпименида къ концу VI вѣка Дильсу, по нашему мнѣнію, не удалось, и единственно неоспоримымъ результатомъ его критики мы считаемъ выводъ, что на тѣхъ основахъ, на которыхъ Лёшке и Корнъ хотѣли утвердить эту датировку—на свидѣтельствѣ Платона и на „Эпименидовой“ Өеогоніи — никакихъ хронологическихъ соображеній строить нельзя.

Тѣмъ не менѣе, есть другія данныя, которыя, какъ намъ кажется, говорятъ въ пользу такой датировки Эпименида, а именно слѣдующія.

Ассоціація имени Эпименида съ орфическимъ цикломъ у древнихъ писателей и отмѣченныя нами выше черты легенды о немъ, сближающія его съ орфиками, дали основаніе Родэ [3]) считать Эпименида предшественникомъ послѣднихъ. Но такое представленіе возникло у Родэ, какъ результатъ пріуроченія этимъ ученымъ Эпименида къ эпохѣ Солона [4]). Такъ какъ эта датировка весьма сомнительна, то болѣе естественно будетъ въ точкахъ соприкосновенія между Эпименидомъ и орфическимъ цикломъ видѣть симптомъ одновремен-

[1]) Griech. Gesch. II, 212.
[2]) См. *Rohde*, Psyche, II, 112 и пр. 1 и 3.
[3]) Psyche, II, 102.
[4]) Op. c., 98, пр. 1.

ности и, слѣдовательно, отнести Эпименида ко второй половинѣ VI вѣка, когда возникла и орфика (Родэ [1]), Бузольтъ [2])), тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время „греческій міръ наполняется странствующими пророками и жрецами—очистителями" (Эд. Мейеръ) [3]).

Послѣдній фактъ признаетъ и Родэ. Правда, онъ указываетъ на то, что эти χρησμολόγοι въ большинствѣ были уже пророками „изъ вторыхъ рукъ" [4]), только разносившими изреченія настоящихъ инспирированныхъ пророковъ добраго стараго времени, къ которымъ онъ причисляетъ Эпименида [5]). Но мы не видимъ основанія, почему среди χρησμολόγοι второй половины VI вѣка не могъ появиться истинный, инспирированный пророкъ, возвышавшійся надъ толпой прочихъ прорицателей. Хотя Родэ [6]) и утверждаетъ, что въ эту эпоху, уже успѣвшую подвергнуться раціоналистическому вліянію философіи, furor divinus долженъ былъ потерять кредитъ, но мы отвѣтимъ ему его же собственнымъ указаніемъ на Амфилита изъ Акарнаніи, который далъ предсказаніе Писистрату ἐνθεάζων (Herod. I, 63). Къ числу такихъ, уже рѣдкихъ на исходѣ VI вѣка, прорицателей Божьей милостью могъ принадлежать и Эпименидъ. Впрочемъ, эти соображенія гадательны, хотя и весьма вѣроятны.

Но самымъ важнымъ для цѣлей нашего изслѣдованія является тотъ выводъ, который, надѣемся, съ достаточной ясностью вытекаетъ изъ предшествующаго анализа вопроса объ Эпименидѣ,—а именно, что нѣтъ данныхъ, которыя бы мѣшали отнести Эпименида къ концу VI вѣка, и что, слѣдовательно, и съ этой стороны не встрѣчается препятствій для пріуроченія процесса Алкмеонидовъ къ эпохѣ борьбы Клисеена съ Исагоромъ.

Какъ мы видѣли, въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Дильсъ былъ уже на пути къ истинѣ, отказавшись пріурочить событія, описанныя въ первой главѣ Аеинской Политіи, къ до-драконовской эпохѣ. Но онъ не сдѣлалъ дальнѣйшаго шага—не перенесъ ихъ въ эпоху Клисеена, печатью которой они отмѣчены. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что Дильсу, когда онъ писалъ свое изслѣдованіе объ Эпименидѣ, еще не были извѣстны доводы Белоха. Если бы онъ былъ съ ними

---

[1]) Op. c., 105.
[2]) Griech. Gesch. II, 363.
[3]) Gesch. d. Altert., § 460 (стр. 747).
[4]) Op. c., 65.
[5]) Op. c., 89 и сл.
[6]) Op. c., 65.

знакомъ, то, безъ сомнѣнія, весь вопросъ предсталъ бы передъ нимъ въ другомъ свѣтѣ.

Πρῶτον ψεῦδος Дильса заключается въ томъ, что онъ невѣрно датировалъ событія первой главы Ἀθηναίων Πολιτείας, пріурочивъ ихъ къ эпохѣ Солона. Слѣдствіемъ этой основной ошибки и явилась его остроумная, но шаткая гипотеза о двухъ Эпименидахъ—историческомъ и литературномъ.

III.

Покончивъ съ анализомъ аргументаціи Дильса, намъ остается еще разсмотрѣть взглядъ Бузольта.

Если въ вопросѣ объ Эпименидѣ Бузольтъ всецѣло присоединяется къ Дильсу, то въ вопросѣ объ Алкмеонидахъ онъ, какъ мы видѣли, во многомъ слѣдуетъ Белоху. Убѣжденный доводами этого ученаго и основываясь на совпаденіяхъ между версіями первой главы Аѳинской Политіи и Плутарха съ одной, Геродота (V, 72) и 20-й главы Аристотелева трактата—съ другой стороны, Бузольтъ переноситъ Мирона и судъ трехсотъ эвпатридовъ въ эпоху борьбы Клисѳена съ Исагоромъ; однако, въ то же время Бузольтъ [1]) принимаетъ и до-драконовское изгнаніе Алкмеонидовъ.

Такой компромиссъ мы считаемъ недопустимымъ, потому что, какъ видно изъ предшествующаго анализа, для до-драконовскаго изгнанія совершенно не остается мѣста. Почему же, въ такомъ случаѣ, Бузольтъ такъ упорно держится за него?

Это объясняется двумя обстоятельствами, побудившими и В. П. Бузескула [2]) признать за фактъ до-драконовскій процессъ Алкмеонидовъ: 1) мѣстонахожденіемъ извѣстія объ этомъ процессѣ среди описанія событій до-драконовской эпохи въ трактатѣ Аристотеля и 2) свидѣтельствомъ Ѳукидида о двукратномъ изгнаніи Алкмеонидовъ: ἤλασαν μὲν οὖν καὶ οἱ Ἀθηναῖοι τοὺς ἐναγεῖς τούτους, ἤλασε δὲ καὶ Κλεομένης ὁ Λακεδαμόνιος ὕστερον μετὰ Ἀθηναίων στασιαζόντων (I, 126).

Что касается перваго пункта, то изъ анализа текста Ἀθηναίων Πολιτείας мы достаточно убѣдились, что положеніе описываемыхъ въ ней событій среди описанія до-драконовской эпохи не можетъ служить доказательствомъ ихъ хронологической принадлежности къ послѣдней.

---

1) Griech. Gesch. II, 210 пр.

2) Аѳин. Пол., 298.

Остается, слѣдовательно, Ѳукидидъ свидѣтельство котораго является, въ концѣ концовъ, единственною серьезною основою и скептическаго отношенія Ботсфорда къ взгляду Белоха.

Де Санктисъ [1]) полагаетъ, что подъ **первымъ** изгнаніемъ Ѳукидидъ разумѣетъ то, которое произошло при Писистратѣ, когда послѣдній окончательно захватилъ въ свои руки власть (Herodot. I, 64). Но противъ этого говорятъ два обстоятельства, указанныя Бузольтомъ [2]) и Ботсфордомъ [3]): 1) если бы Ѳукидидъ имѣлъ въ виду **это** изгнаніе, онъ не преминулъ бы назвать по имени его виновника, т. е. Писистрата; 2) слово ὕστερον ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что первое изгнаніе, по представленію Ѳукидида, произошло **вслѣдъ** за избіеніемъ Алкмеонидами Килоновцевъ. Итакъ, подъ **первымъ** изгнаніемъ Ѳукидидъ, несомнѣнно, разумѣетъ то самое, о которомъ сообщаетъ и Аристотель въ первой главѣ Ἀθηναίων Πολιτείας, причемъ и хронологически пріурочиваетъ его къ той же эпохѣ.

Но, въ такомъ случаѣ, спрашивается опять: не должно ли свидѣтельство Ѳукидида служить лишнимъ и притомъ вѣскимъ подтвержденіемъ датировки Аристотеля? Бузольтъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, но мы думаемъ, что уже a priori одинокая замѣтка даже такого авторитетнаго историка, какъ Ѳукидидъ, не въ состояніи поколебать всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній противъ этой датировки, особенно если принять въ расчетъ, что первая глава Ἀθηναίων Πολιτείας, какъ мы уже сказали, отмѣчена печатью **документальности** [4]).

Тѣмъ не менѣе, для того, чтобы окончательно иммунизировать нашу аргументацію противъ свидѣтельства Ѳукидида, намъ надо постараться опредѣлить, откуда Ѳукидидъ могъ почерпнуть свое извѣстіе. Я позволю себѣ высказать на этотъ счетъ слѣдующую гипотезу.

Путеводную нить для рѣшенія нашей задачи даетъ, какъ мнѣ кажется, тотъ фактъ, что **Геродотъ** ничего не говоритъ о „первомъ" изгнаніи Алкмеонидовъ. Кауэръ [5]) и Бузольтъ [6]) объясняютъ молчаніе Геродота извѣстной алкмеонидской тенденціей греческаго историка. Однако, эта тенденція не помѣшала Геродоту сообщить объ изгнаніи

---

[1]) Ἀτθίς, 280.
[2]) Griech. Gesch. II, 209, пр.
[3]) Harvard Studies, VIII (1897), 22.
[4]) См. *Busolt*, Griech. Gesch. II, 210, пр. и *В. П. Бузескулъ*, Аѳин. Пол., 298.
[5]) Parteien und Politiker, 64.
[6]) Op. c., 209, пр. 1.

Алкмеонидовъ при описаніи борьбы ихъ съ Писистратомъ (I, 64) и Исагоромъ (V, 72).

Приходится, слѣдовательно, искать другого объясненія, и я считаю болѣе вѣроятнымъ, что Геродотъ потому ничего не сообщилъ о „первомъ" изгнаніи, что когда онъ писалъ свою Исторію, ему не былъ извѣстенъ тотъ источникъ, изъ котораго черпалъ Өукидидъ. Этимъ источникомъ могла быть Аттида Гелланика, несомнѣнно написанная послѣ Геродотова труда (Виламовицъ-Мёллендорффъ [1]), Низе [2]), Эд. Мейеръ [3]), Бузольтъ [4]), Ваксмутъ [5]), В. П. Бузескулъ [6]), C. F. Lehmann-Haupt [7])).

Съ другой стороны, Өукидидъ могъ получить свѣдѣніе о „первомъ" изгнаніи Алкмеонидовъ именно у Гелланика, потому что извѣстно, что для Өукидида Гелланикъ служилъ однимъ изъ источниковъ (Виламовицъ-Мёллендорффъ [8]), Бузольтъ [9]), Ваксмутъ [10]), В. П. Бузескулъ [11])).

Хотя Гелланикъ разработывалъ преимущественно миөы и сдѣлался для послѣдующихъ „краеугольнымъ камнемъ въ исторіи легендарной традиціи" (Виламовицъ-Мёллендорффъ) [12]), но въ своей Аттидѣ онъ представилъ „исторію грековъ съ древнѣйшихъ временъ до современной ему эпохи" (В. П. Бузескулъ) [13]). Правда, промежуточная часть между миөическимъ періодомъ и современностью была у него изложена значительно короче (Низе) [14]), но въ ней онъ какъ разъ и могъ коснуться процесса Алкмеонидовъ и послѣдовавшаго за нимъ очищенія Аөинъ Эпименидомъ.

Какъ извѣстно, Гелланикъ „обратилъ вниманіе на документальныя

---

1) *Hermes*, XI (1876), 293.

2) *Niese*, Die Chroniken des Hellanikos (*Hermes* 1888, XXIII, 81).

3) *Ed. Meyer*, Gesch. d. Altert. II, § 8 (стр. 13).

4) Griech. Gesch. I, 151, пр. 1.

5) *Wachsmuth*, Einleitung in das Studium der alten Geschichte (Leipzig 1895), 510.

6) Введеніе въ исторію Греціи (Харьковъ 1904), 58.

7) *Lehmann-Haupt*, Chronologisches zur griechischen Quellenkunde (*Klio*, 1906, VI, 127—139).

8) Arist. u. Ath. II, 19—20.

9) Griech. Gesch. I, 155; II, 4.

10) Op. c., 511.

11) Op. c., 93.

12) L. c.

13) Op. c., 59. Также *Busolt*, Griech. Gesch. I, 152.

14) *Hermes*, XXIII, 85.

данныя" (В. П. Бузескулъ) [1]) и положилъ въ основу своей Аттиды хронологическую систему (Эд. Мейеръ [2]), Бузольтъ [3]), В. П. Бузескулъ [4]), Seeck [5])). Весьма возможно, что онъ-то и пріурочилъ процессъ Алкмеонидовъ, извѣстный ему изъ подлиннаго декрета,— къ эпохѣ Килона. Это было грубой хронологической ошибкой, но Гелланикъ могъ впасть въ нее потому, что въ декретѣ шла рѣчь объ убійствѣ Килоновцевъ. Кромѣ того, извѣстно, что онъ былъ далеко не точенъ въ своихъ сообщеніяхъ (Ἔφορος.., Ἑλλάνικον ἐν τοῖς πλείστοις ψευδόμενον ἐπιδείκνυσιν. Joseph. c. Apion. I, 3, 16); а въ частности какъ разъ въ хронологіи. За послѣднее его упрекаетъ Θукидидъ (I, 97), но, тѣмъ не менѣе, все же основывается на его хронологической системѣ (Эд. Мейеръ) [6]), а потому ошибка Гелланика легко могла перейти и къ Θукидиду, который черпалъ у Гелланика свѣдѣнія о древнѣйшихъ временахъ (Бузольтъ) [7]).

Вышеизложенныя соображенія бросаютъ свѣтъ и на то, какимъ образомъ процессъ Алкмеонидовъ могъ очутиться у Аристотеля среди описанія событій до-драконовской эпохи. А. Н. Щукаревъ [8]) и Seeck [9]) держатся того взгляда, что первая глава Аθинской Политіи (по условному счету) вводитъ прямо въ эпоху Солона. За описаніе этой эпохи они считаютъ и вторую главу. Усматривая въ словахъ, которыми оканчивается четвертая глава: ἐπὶ δὲ τοῖς σώμασιν ἦσαν οἱ δανεισμοί, καθάπερ εἴρηται, καὶ ἡ χώρα δι' ὀλίγων ἦν—сшивку, названные ученые полагаютъ, что первоначально вторая глава непосредственно примыкала къ пятой, заключающей въ себѣ описаніе реформы Солона, и лишь впослѣдствіи была отрѣзана отъ нея вставнымъ разсказомъ о до-драконовской эпохѣ (3 гл.) и реформѣ Дракона (4 гл.).

На это можно возразить, что вставку, которою обусловлена сшивка, представляетъ собой лишь находящееся въ четвертой главѣ описаніе Драконовой политіи, слова же μετὰ ταῦτα, χρόνου τινὸς οὐ πολλοῦ διελθόντος, ἐπ' Ἀρισταίχμου ἄρχοντος Δράκων τοὺς θεσμοὺς ἔθηκεν въ на-

[1]) Введеніе въ исторію Греціи, 60.
[2]) L. c.
[3]) L. c.
[4]) Op. c., 59.
[5]) *Klio*, IV (1904), 292.
[6]) Forschungen zur alten Geschichte, I (Halle 1892), 118.
[7]) Griech. Gesch. I, 155; II, 4.
[8]) Κυλώνειον ἄγος и Ἀθηναίων Πολιτεία (Στέφανος. Сборникъ статей въ честь Θ. Θ. Соколова. С.-Пб. 1895, 49—55).
[9]) L. c., 274—276.

чалѣ этой главы — должны были входить уже въ составъ первоначальной редакціи (Wilcken) [1]; но если такъ, то первая глава была посвящена до-драконовской эпохѣ а слѣдовательно, процессъ Алкмеонидовъ, описанный въ этой главѣ Аристотелева трактата, можетъ разсматриваться или какъ антиципація, или какъ событіе до-драконовской эпохи, но отнюдь не какъ фактъ, открывающій собою описаніе Солоновской эпохи.

Дильсъ [2]) допускаетъ первую возможность. Точно также В. П. Бузескулъ [3]), основывающійся на томъ что Аристотель „не соблюдаетъ строгой послѣдовательности въ своемъ изложеніи: иногда онъ возвращается назадъ, иногда забѣгаетъ слишкомъ впередъ“, причемъ въ этомъ отношеніи какъ разъ очень характерны первыя главы трактата [4]).

Врядъ ли, однако, эти общія соображенія примѣнимы къ данному случаю. Въ самомъ дѣлѣ, если бы сообщеніе о процессѣ Алкмеонидовъ представляло собой антиципацію, то къ какой эпохѣ эта антиципація могла бы относиться?

Къ эпохѣ Солона? Но этого невозможно допустить на томъ основаніи, что ассоціація процесса Алкмеонидовъ съ Солономъ, какъ мы уже говорили, по всей вѣроятности, принадлежитъ Гермиппу и, слѣдовательно, не была извѣстна тому источнику, изъ котораго почерпнули свѣдѣнія объ этомъ процессѣ какъ Аристотель, такъ и Гермиппъ, источникъ Плутарха [5]).

Къ эпохѣ Писистрата? Хотя во время борьбы съ тиранномъ Алкмеонидамъ и проходилось покидать Аѳины (Plut. Sol. 30; Herodot. I, 64), но Аристотель совершенно умалчиваетъ объ этихъ изгнаніяхъ въ 14-ой и 15-ой главахъ своего трактата, въ которыхъ разсказываетъ о борьбѣ Алкмеонидовъ съ Писистратомъ.

Остается, такимъ образомъ, только эпоха борьбы Клисѳена съ Исагоромъ.

Хотя отмѣченныя нами выше черты въ первой главѣ Ἀθηναίων πολιτείας указываютъ именно на эту эпоху, но и въ данномъ случаѣ объ антиципаціи, какъ таковой, въ изложеніи Аристотеля не можетъ

[1]) Zur Drakontischen Verfassung (Apophoreton, der 47. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner überreicht. Berlin 1908, 93—95).

[2]) *Sitzungsb. d. Berl. Akad.* 1891, 388, пр. 1.

[3]) Аѳин. Пол., 297.

[4]) Op. c., 175.

[5]) См. *Busolt*, Gesch. Griech. II, 36 и 210, пр.

быть рѣчи. Не говоря уже о томъ, что это былъ бы непомѣрно большой скачекъ,—это противорѣчило бы и смыслу словъ Аристотеля, который, описывая борьбу между Клисѳеномъ и Исагоромъ, въ 20-й главѣ говоритъ: ὁ δὲ Ἰσαγόρας... συνέπεισεν ἐλαύνειν τὸ ἄγος, διὰ τὸ τοὺς Ἀλκμεωνίδας δοκεῖν εἶναι τῶν ἐναγῶν. Выраженіе δοκεῖν ясно показываетъ, что Аристотель сообщаетъ здѣсь о новомъ событіи, какъ бы забывъ о томъ, что по версіи первой главы Алкмеониды уже фактически были признаны виновными въ святотатствѣ и осуждены какъ ἐναγεῖς [1]), и, очевидно, только перефразируетъ слова Геродота: τοὺς ἐναγέας ἐπιλέγων (V, 70). Итакъ, все говоритъ за то, что процессъ Алкмеонидовъ трактуется въ первой главѣ Аѳинской Политіи какъ самостоятельный фактъ.

Точно также нѣтъ основанія считать за антиципацію и замѣтку объ Эпименидѣ, какъ этого хотятъ Дильсъ [2]) и Wright [3]). Во-первыхъ, эта замѣтка слишкомъ тѣсно связана у Аристотеля съ сообщеніемъ о процессѣ Алкмеонидовъ, чтобы ихъ можно было оторвать другъ отъ друга [4]). Хотя связующее ихъ выраженіе ἐπὶ τούτοις хронологически и неопредѣленно, но все же, по своему значенію, ἐπὶ указываетъ на непосредственное слѣдованіе. Съ другой стороны, и въ данномъ случаѣ нельзя было бы указать, на какую эпоху могла бы намекать антиципація: видѣть въ ней намекъ на эпоху Солона, какъ хочетъ Дильсъ, не позволяетъ то обстоятельство, что и ассоціація Эпименида съ Солономъ, какъ мы уже указывали выше, была неизвѣстна источнику, изъ котораго Аристотель почерпнулъ свою замѣтку объ Эпименидѣ.

Итакъ, Аристотель, несомнѣнно, трактуетъ процессъ Алкмеонидовъ и очищеніе Эпименидомъ Аѳинъ, какъ факты до-драконовской эпохи и, слѣдовательно, подъ ταῦτα въ словахъ: μετὰ δὲ ταῦτα, χρόνου τινὸς οὐ πολλοῦ διελθόντος, ἐπ' Ἀρισταίχμου ἄρχοντος Δράκων τοὺς θεσμοὺς ἔθηκεν (Αθ. π. 4) разумѣетъ не одну только Килонову смуту, какъ думаетъ Wright [5]), но и оба ея указанныхъ послѣдствія.

Въ этомъ толкованіи ταῦτα мы вполнѣ соглашаемся съ Демуле-

---

[1]) Ср. *Cauer*, Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? стр. 63.

[2]) *Sitzungsb. d. Berl. Akad.* 1891, 388, пр. 1.

[3]) Harvard Studies, III, 48, пр. и 68, пр. 3.

[4]) Также *Demoulin*, Epiménide de Crète, 63.

[5]) L. c.

номъ [1]), отнюдь не считая себя, однако, обязанными, вмѣстѣ съ нимъ, и фактически относить событія, описанныя въ первой главѣ Аѳинской Политіи къ до-драконовской эпохѣ. Наоборотъ, послѣ всѣхъ вышеуказанныхъ соображеній, наша задача можетъ и должна заключаться теперь лишь въ томъ, чтобы отвѣтить на вопросъ: какимъ образомъ событія, фактически происходившія въ эпоху Клисѳена, могли очутиться у Аристотеля на такомъ неподходящемъ мѣстѣ—среди описанія до-драконовскаго времени?

Белохъ [2]) высказалъ вскользь догадку, что какой-нибудь аттидографъ поставилъ рѣшеніе суда надъ Алкмеонидами, извѣстное ему изъ подлиннаго декрета, въ непосредственную хронологическую связь съ Килоновой смутой, а отъ него эта ошибка перешла и къ Аристотелю. Послѣ нашихъ соображеній объ источникѣ Ѳукидида сама собой напрашивается мысль, что этимъ аттидографомъ могъ быть Гелланикъ. Хотя, по своему преобладающему интересу къ миѳологическому матеріалу, онъ можетъ быть причисленъ еще къ логографамъ, но какъ авторъ первой Аттиды онъ „съ другой стороны, открываетъ собою... рядъ... аттидографовъ" (В. П. Бузескулъ) [3]), являясь ихъ предшественникомъ (Бузольтъ) [4]).

Гелланикъ былъ весьма популярнымъ писателемъ и являлся для послѣдующихъ историковъ авторитетомъ не въ одной только области миѳологіи, но и какъ хронологъ, несмотря на свои дефекты въ этой области (Низе [5]), Ваксмутъ [6]), Бузольтъ [7]), Seeck [8])).

Аристотель не пользовался Гелланикомъ, но его источникъ находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ послѣдняго, даже повторяя его хронологическія ошибки (Seeck) [9]).

Такимъ путемъ легко могло перейти къ Аристотелю и допущенное Гелланикомъ невѣрное пріуроченіе процесса Алкмеонидовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Эпименида къ эпохѣ Килона.

Но ясно, что, возведя извѣстіе первой главы 'Αθηναίων πολιτείας

---

[1]) Op. c., 56.
[2]) Griechische Geschichte, 339, пр. 1.
[3]) Введ. въ ист. Греціи, 59.
[4]) Griech. Gesch. II, 7.
[5]) *Hermes*, XXIII, 82.
[6]) Einleitung in d. Stud. d. alt. Gesch., 511.
[7]) Op. c., I, 153.
[8]) *Klio*, IV, 303.
[9]) L. c., 288, 292, 302.

и свидѣтельство Ѳукидида о „первомъ изгнаніи" Алкмеонидовъ къ одному общему источнику (къ Гелланику); и предположивъ въ этомъ источникѣ хронологическую ошибку, мы, тѣмъ самымъ, съ одной стороны, лишимъ Ѳукидида права самостоятельнаго голоса въ нашемъ вопросѣ, а съ другой—перестанемъ смущаться мѣстомъ, на которое процессъ Алкмеонидовъ и Эпименидъ поставлены въ трактатѣ Аристотеля.

Еще разъ повторяю, что эти соображенія, конечно, гипотетичны и могли бы перейти на почву полной достовѣрности лишь въ томъ случаѣ, если бы Гелланикъ и аттидографы дошли до насъ въ большемъ количествѣ отрывковъ. Но и тѣ данныя, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, совершенно достаточны для того, чтобы заставить насъ разъ навсегда отвергнуть до-драконовскій, а равно и солоновскій процессъ Алкмеонидовъ и трактовать событія, изложенныя въ 1-ой главѣ Аѳинской Политіи и въ 12-ой главѣ Плутарховой біографіи Солона—въ связи съ событіями, о которыхъ идетъ рѣчь въ 66, 70 и 72 гл. V-й кн. Геродота и въ 20-й главѣ Ἀθηναίων πολιτείας, т. е. съ событіями эпохи борьбы Клисѳена съ Исагоромъ, къ которой должна быть отнесена и дѣятельность Эпименида Критянина въ Аѳинахъ.

А. Малининъ.

SIMITOSE ВЪ ИДАЛІЙСКОЙ НАДПИСИ И ΣΕΜΙΔΑΛΙΣ, SIMILA, SIMILAGO.

Въ Идалійской силлабической надписи, относящейся, вѣроятно, къ 391 г. до Р. Хр., послѣ упоминанія о томъ, что царь и городъ должны уплатить врачу Онасилу въ награду за оказанныя услуги извѣстную сумму денегъ, читается, по общепринятой транскрипціи, слѣдующее: (16) ē δōxοι νυ βασιλεὺς χὰς ἀ πτόλις 'Ονασί|λōι ἀ(ν)τὶ τō ἀργύρō τō̄δε ἀπὺ τᾶι ζᾶι τᾶι βασιλε̄̄Fος τᾶ ἰ(ν) Μαλανίjα|ι τᾶι πεδίjαι τὸ(ν) χō̄ρον τὸ(ν) χραυζόμενον 'Αμενίjα ἄλFō χὰς τὰ τερ|χνιjα τὰ ἐπιό(ν)τα πά(ν)τα, τὸ(ν) ποεχόμενον πὸς τὰ(ν) ῥόFο(ν) τὸ(ν) Δρύμιον χὰς πὸ|ς τὰν ἱερε̄́Fιjαν τᾶς 'Αθάνας, χὰς τὸ(ν) χᾶπον τὸν ἰ(ν)........ ἀρούρα|ι, τὸ(ν) ΔιFείθεμις ὁ 'Αρμανεὺς ε̄̄χε ἄλFο(ν) [1]... etc.

Слово стоящее въ двадцатой строкѣ и обозначенное мною точками, читается simitose; по правиламъ дешифровки финикійско-кипрскаго слогового письма это слово можно транскрибировать различно: σιμιτος, σιμιδος, σιμιθος, σιμμιτος, σιμμιδος, σιμμιθος, σιμιντος, σιμινδος, σιμινθος etc. Всѣ изслѣдователи, начиная съ знатока кипрскаго силлабара Moritz'a Schmidt'a (Inschr. v. Idalion u. Kypr. Syllabar), читали это слово σίμιδος resp. σίμμιδος, писали его съ большой буквы и понимали какъ собственное имя, хотя, повидимому, достаточнаго основанія для такого пониманія не имѣется. Кажется, неизвѣстно даже и о существованіи такого собственнаго имени или, хотя бы, близко подходящаго къ нему по формѣ; по крайней мѣрѣ, имени Σίμις не указываютъ ни Pape—Benseler, ни Fick—Bechtel въ своихъ перечисленіяхъ

---

[1]) *F. Solmsen*, Inscr. Graecae ad inlustrand. dialect. selectae, Lipsiae MCMV, p. 5, n. 3.

греческихъ собственныхъ именъ. Конечно, изъ этого не слѣдуетъ, что имени такого не было или не могло быть; однако, кажется, данныя, приводимыя въ пользу существованія такого имени Hoffmann'омъ, не могутъ быть признаны вполнѣ основательными. Hoffmann (Gr. Dial. I, 72) замѣчаетъ: Σίμ(μ)ις oder Σίμις ist ein regelrechter griechischer Kurzname, vgl. Σίμων, Σιμίας u. a. m. Не знаю, насколько вѣроятно образованіе изъ Σίμων или Σιμίας формы Σιμις. Meister (Gr. Dial. II, 152) желаетъ видѣть въ этомъ имени эллинизацію семитическаго, однако послѣдняго онъ не указываетъ.

Толкованіе σίμιδος, какъ собственнаго имени, вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія. Кому же принадлежитъ земля, Дивейѳемису или Симису? Интересный вопросъ ставитъ Meister (l. c.): „wie kommt es dann, dass König und Bürgergemeinde von Edalion ein Stück vom Lande dieser Person wegschenken dürfen?“ Поэтому-то Meister предпочелъ видѣть въ словѣ σίμιδος названіе одного изъ участковъ территоріи города. Но, все же, происхожденіе этого названія Meister'омъ не выясняется.

Нельзя ли, не измѣняя обычной транскрипціи слова σίμιδος, принять его за родительный падежъ отъ ἡ σίμις изъ *σίμιδ-ς и признать въ σίμις діалектическую форму слова σεμίδαλις? [1]). Правда, слова σίμις мы не имѣемъ въ наличномъ греческомъ лексическомъ матеріалѣ, но что существованіе его вполнѣ возможно и вѣроятно—видно изъ предлагаемой этимологіи обычной греческой формы.

Σεμίδαλις означаетъ по обычному толкованію farina ex tritico communi facta (Stephanus, Thesaur. graecae linguae). Параллельно этому въ латинскомъ языкѣ имѣемъ слова sĭmĭlă, sĭmĭlago, sĭmĭdălă—flos farinae triticeae (Forcellini, Lex. tot. Lat.); имѣются и производные отъ этихъ словъ: σεμιδαλίτης—e similagine factus, similaginarius—ad similaginem pertinens, similaceus, similagineus—e similagine factus.

По поводу σεμίδαλις L. Meyer (Handb. d. gr. Etymolog. IV, 39) замѣчаетъ, что этимологія этого слова ему совершенно неясна, и высказываетъ предположеніе, что оно—не греческаго происхожденія. Что касается латинскаго simila то о немъ писали много. Kretschmer (Indogerm. Accent.- u. Lautst. *Zeitschr. f. vergleich. Sprachforsch.* XXXI, 408 и 420) сопоставляетъ simila съ греч. ἄμαθος sand, ука-

---

[1]) Такое возстановленіе nominat.—ἡ σίμις—предложилъ М. Р. Фасмеръ, вмѣсто предполагавшагося мною τὸ σίμιδος, τοῦ σιμίδους.

зывая на точное соотвѣтствіе звуковъ l и dh: soleo—древнеиндійск. svadhā; ἄμαθος въ свою очередь изъ ψάμαθος. Wood (Phonetic notes. *Indogerm. Forsch.* XIII, 120) объяснялъ simila такъ же какъ и древнѣм. sĕmōn ѣсть, древнеакс. sumbel пиръ, древнисл. suml, англсакс. symbel, греческ. ψωμός, ψωμίζω и древнѣм. sĕmala, simila изъ psĕ-mo-, psŏ-mo-, изъ bhsĕ-, bhsō-, grind, eat; при этомъ латинск. simila выводилось изъ *semila. Аналогичное толкованіе дали Prellwitz и Schmidt. Kluge (Etymolog. Wörterb. d. deutsch. Spr. 5 Aufl.) нѣмецкое semmel выводилъ изъ срвнѣм. sĕmel, sĕmele, simel, древнѣм. sĕmala, simila изъ древнѣм. sĕmôn essen и признавалъ его верхне-нѣмецкимъ словомъ, отрицая объясненіе изъ латинск. simila (но въ 6 изд. того же труда онъ отказался отъ этого толкованія). Привожу его мнѣніе, потому что оно могло бы, казалось, дать косвенное подтвержденіе мнѣнію Wood'а. Persson (Z. Lehre v. d. Wurzelerweit. u. Wurzelvariat. *Upsala Universit. Årsskr.* 1891, 112) сопоставляетъ simila similago съ литовск. sijoti sieben, sėtas sieb, церкслав. sito и съ древнѣм. sib. Körting (Latein. -roman. Wörterb. 3 Aufl.) выводитъ изъ латинск. simĭlă итальянск. simila fior di farina, semola, французск. semoule (стрфранц. simle), испанск. и португальск. semola. Keller (Volkesetymolog. 83) считаетъ латинск. simila заимствованіемъ изъ σεμίδαλις, что невозможно, разумѣется, на той почвѣ, гдѣ это заимствованіе предполагается. Walde (Lat. etymolog. Wörterb. 572), считая невозможнымъ выводить simila изъ σεμίδαλις, въ то же время находитъ необходимымъ разсматривать оба эти слова вмѣстѣ и нераздѣльно и предполагаетъ, что оба они заимствованы изъ какого-то иностраннаго языка, напримѣръ египетскаго. Указывая нѣкоторыя прежнія толкованія слова simila, Walde подчеркиваетъ, что при старыхъ объясненіяхъ все же оставалось непонятнымъ σεμίδαλις. Связь между греческой и латинской формами ощущалась, но не могла быть воспринята и такъ или иначе точно объяснена: wie sich σεμίδαλις und simila, similago zu einander verhalten ist dunkel (Hehn, Kulturpflanz. u. Hausthiere. 7 Aufl. 557).

Всѣ указанныя соображенія я привелъ для того, чтобы рѣзче показать, что все написанное до сихъ поръ по данному вопросу нисколько не подвинуло впередъ его рѣшенія. При такомъ положеніи дѣла принято обыкновенно обращаться къ „Востоку" и искать тамъ объясненія. Въ данномъ случаѣ такой исходъ подсказывался еще и замѣчаніемъ Ермиппа: Φοινίκη (παρέχουσα) καρπὸν φοίνικος καὶ σεμίδαλιν (Athen. ed. Kaibel, I, 63). И Walde почему-то вспомнилъ объ еги-

нетскомъ языкѣ. Но въ этомъ случаѣ задача не могла быть разрѣшена и такимъ путемъ, хотя интересующее насъ слово, дѣйствительно, имѣется во многихъ „восточныхъ“ языкахъ.

Payne Smith (Thesaurus Syriacus) даетъ сирійск. sămdā m. χονδρίτης, similago contusa, comminuta, pulmentum e tritico factum; сирійск. smīdā, библейско-арамейск. (халдейск.) sĕmīdā simila, similago; сирійск. smīdā e similagine factus. Krauss (Gr. u. Lat. Lehnwört. im Talmud, Midrasch u. Targum) указываетъ еврейско-раввинск. sĕmīdā f. σεμίδαλις, feines Mehl, и приводитъ рядъ цитатъ; онъ тутъ же сопоставляетъ сирійскую, арабскую и армянскую формы. Въ арабскомъ имѣемъ samīd-un и samīḏ-un simila, panis albus. Freytag (Lex. arab.-lat.) замѣчаетъ, что форма samīḏ-un предпочтительнѣе. Vollers (Beitr. z. Kenntn. d. leb. arab. Spr. in Aegypt. *Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländ. Gesellsch.* L, 618) изъ новоарабскаго указываетъ samīd-un. Изъ коптскаго можно указать samit, simila, similago, σεμίδαλις (G. Parthey, Vocab. copt.-lat.; A. Peyron, Lex. lingu. copticae). Не давая этимологіи, Peyron ограничивается замѣчаніемъ: consonat arabicum samīd-un. Dillmann (Lex. lingu. aethiopicae) даетъ эѳіопск. sĕnĕdālē—n. prgr. σεμίδαλις, simila, similago, flos farinae triticeae. Barbier de Meynard (Dict. Turc-Franç.) даетъ турецк. simit, simid, gâteau en forme d'anneau, nommé aussi yaghlu simid, gâteau en beurre; oun simidi, fleur de farine, simid ounou—id. Richardson (Dict. Persian, Arab. a. Engl.) указываетъ персидск. samīd и samīz white bread, хотя это слово имѣетъ также, по крайней мѣрѣ въ живой рѣчи, значеніе „пирожокъ“. Böhtlingk и Roth (Sanskrit-Wörterb. S.-Petersb.) даютъ sămīdă и sămītā Weizenmehl. По замѣчанію G. Meyer'a (Türk. St. I. *Sitzungsber. d. Philos.-hist. Cl. d. K. Ak. d. Wissensch. Wien.* CXXVIII, 1, p. 58), слово это встрѣчается только въ позднихъ санскритскихъ текстахъ. Мхитаристы (Nor bargirq haykazean lezowi) указываетъ армянск. simindr, simintr—σεμίδαλις, simila, similago, siḷign (т. е. siligo), namih. Послѣднее слово значитъ „пшеничная мука“, очень древнее заимствованіе изъ сирійск. našīf, našīfā (Н. Я. Марръ, Новооткрытый армянскій текстъ Паралипоменонъ. *Кавказскій Вѣстникъ*, 1902, IV, 6). Saba Sulqan Orbeliani (Qarthuli leqsikoni) даетъ грузинск. samindali—„греческое слово, по грузински мука zanduri [1]), т. е. ϑaϑuqi [2]). Нѣкоторые пишутъ sa-

[1]) *Чубиновъ* (Грузино-русско-франц. слов.)—хлѣбное растеніе (?!). *Orbeliani* (ор. с.)—растеніе (?!).

[2]) *Чубиновъ* (ор. с.)—пшеничная мука.

mindo т. е. qlarϑi". Samindo—„мука zanduri, т. е. qlarϑi, мелко смолотая". Чубиновъ (Груз.-рус. франц. слов.) оба эти слова толкуетъ: семидалъ, мука пшеничная, farine de froment. Кромѣ того Чубиновъ даетъ еще semidali (при которомъ M. Brosset ставитъ арабск. sämīd-un)—семидалъ, fleur de farine de froment; simindi (опять—арабск. sämīd-un)—кукуруза, maïs. При послѣднемъ словѣ Orbeliani ставитъ только знакъ, означающій, что это—растеніе.

Несомнѣнно, всѣ приведенныя слова находятся въ этимологическомъ родствѣ съ греческ. σεμίδαλις и латинск. simila. Но и семитологи оказываются въ такомъ же затрудненіи, какъ эллинисты и латинисты, и считаютъ указанныя семитическія формы заимствованіями. Полагая, что греческое слово вполнѣ понятно, всѣ другія стали объяснять изъ него. Fraenkel (Aramäisch. Fremdwört. im Arab. 38) считаетъ арабск. sämīḏ-un заимствованіемъ изъ сирійско-арамейскаго smīdā, что въ свою очередь—изъ греческ. σεμίδαλις. Изъ греческаго же съ ассимиляціей m онъ объясняетъ и эѳіопское слово sĕnĕdālē. Vollers (l. c.) арабск. samīd-un выводитъ непосредственно изъ σεμίδαλις съ отпаденіемъ l, но не объясняетъ, почему, собственно, это l должно было отпасть. Сопоставленіе съ арабск. 'ūksimā > греческ. ὀξύμελι не вполнѣ удачно, такъ какъ самое греческое ὀξύμελι—очень новое слово. Brockelmann (Griech. Fremdwörtr. im Armenischen. *Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländ. Gesellsch.*, XLVII, 42) армянск. simindr выводитъ изъ греческ. σεμίδαλις, указывая на появленіе „паразитическаго" звука n передъ muta+liquida,—но откуда это конечное r, онъ не говоритъ. Того же объясненія держался и Hübschmann (Armenisch. Gram. I, 2), который, однако, сопоставляетъ сирійск., арабск., турецк. и санскритск. формы. Онъ тутъ же указываетъ и грузинск. semidali и simindi. G. Meyer (l. c.) турецк. simid и semid rundes Weissbrot—изъ арабск. samīḏ-un, а это послѣднее—изъ греческ. σεμίδαλις. G. Meyer замѣчаетъ, что, вѣроятно, греческое слово—тоже заимствованіе. Санскритск. samitā по Fraenkel'ю (l. c.) проникло въ санскритъ, во всякомъ случаѣ, черезъ персидскій (?!). Н. Я. Марръ (Ипполитъ, Толкованіе Пѣсни Пѣсней, стр. LXIX) указываетъ, что грузинск. samindo resp. *samido „тонкая пшеничная мука" тяготѣетъ не непосредственно къ греческ. σεμίδαλις, а къ сирійск. его формѣ smīdā. Предполагается, что эта форма имѣлась и въ древнеармянскомъ.

Такимъ образомъ неизвѣстное толковалось изъ неизвѣстнаго же. Но вѣдь если даже дававшіяся этимологіи и правильны, то, все же, ни на греческой, ни на семитической почвѣ не можетъ быть удовле-

творительно объяснена ни морфема -αλις, ни латинская морфема -ago, не говоря уже о томъ, что при старыхъ толкованіяхъ невозможно связать σεμίδαλις и simila, на настоятельную необходимость чего указывалъ Walde.

Мнѣ, кажется, удалось найти путь, по которому слѣдовало бы вести дальнѣйшія изысканія. Я исхожу отъ грузинскаго слова simindi, которое теперь означаетъ „кукуруза", но въ древности, естественно, не могло имѣть такого значенія; n, которое мы имѣемъ передъ d къ корню слова не имѣетъ никакого отношенія; появленіе n передъ d и d послѣ n—обычное явленіе и въ грузинск. и въ армянск.: грузинск. ṫminda > ṫmida чистый, samindo > samido мука; армянск. mandr > manr мелкій, ṫandr > ṫanr тяжелый (ср. Н. Я. Марръ, Грамм. др.-армянск. яз. 32). Впрочемъ въ живой имеретинской рѣчи имѣемъ не simindi, а simidi. Суффиксъ al-i resp. el-i, съ перебоемъ ad-i resp. ad-i, съ усѣченіемъ—a является въ грузинскомъ и вообще яфетическихъ языкахъ грамматическимъ признакомъ женскаго рода (Н. Я. Марръ, Осн. таблицы къ грамм. др.-грузинск. яз., 8), напр. mam-al-i пѣтухъ, ded-al-ï курица, sd̆-al-i невѣстка, ṭam-ad-i кушанье, ǧaǧ-ad-i крикъ, ded-a-y мать, mam-a-y отецъ и т. д.; конечное i resp. y—окончаніе именительнаго падежа. Такимъ образомъ мы имѣемъ *simid-al-i (вокализація основы, конечно, примѣрная).

Какъ уже сказано, въ яфетическихъ языкахъ звукъ d съ перебоемъ даетъ l (Н. Я. Марръ, Осн. таблицы къ грамм. др.-грузинск. яз., 7, 8, 9); итакъ, изъ формы *simid-al-i resp. simid-i мы получаемъ *simil-i resp. *simil-a-y, гдѣ a — признакъ женск. рода; -ag-o въ латинск. similago—опять же признакъ женск. рода въ яфетическ., въ формѣ ag, ak, aq̇, въ соотвѣтствіе семитическ. aḥ (см. Н. Я. Марръ, l. c.).

Итакъ въ основѣ всѣхъ этихъ формъ лежитъ яфетическій трехбуквенный корень smd resp. *sml. Корень этотъ сохранился въ грузинскомъ еще въ другой, нѣсколько развившейся формѣ.

Принимая во вниманіе, что звукъ ṫ является въ яфетическихъ высшей ступенью подъема s (Н. Я. Марръ. Лекціи по грамм. др.-грузинск. яз.) мы найдемъ въ грузинск. ṫmida resp. ṫminda точное звуковое соотвѣтствіе яфетическому корню smd. Слово ṫmida значитъ чистый, мелкій, тонкій; затѣмъ—святой. Нужно замѣтить, что слово ṫminda, ṫmida въ значеніи мелкій употребляется въ приложеніи лишь къ очень тонкимъ, мелкимъ вещамъ; ϑq̇eli и др. синонимы предно-

лагаютъ у предмета болѣе или менѣе значительную консистенцію. Это различіе понятій, совершенно невыразимое по-русски, строго выдерживается въ грузинскомъ. Что очень важно, существуетъ и глаголъ—tmeda resp. tmenda очищать.

Очень цѣнное свѣдѣніе даетъ намъ Saba Sulqan Orbeliani (op. c.): tmidasa φqvilsa qlarϑad vitkviϑ—„тонкую (tmida) муку мы (sc. грузины) называемъ qlarϑi"; напомню, что этимъ послѣднимъ словомъ онъ объяснялъ и samindali.

Итакъ мы должны предположить, что грузинск. tmida сохранило первоначальное значеніе яфетическаго smd. Отъ понятій „чистить", „чистый", „тонкій", „мелкій" къ понятію „тонкая мука" переходъ не очень труденъ. Подобное же явленіе мы имѣемъ въ сирійскомъ, гдѣ отъ глагола pšaf—pistillo tundere образовано существительное našīfā—simila, farina tenuis. Имѣются и другія производныя со значеніями purgatio, abstersio, detersio, ventilatio. Всѣ эти слова съ вполнѣ убѣдительной для насъ полнотой сопоставлены у Payne Smith'a (Thesaurus syriacus).

Для полноты параллели сирійск. našīf resp. армянск. naših σεμίδαλις укажу еще слѣдующее. Слово σεμίδαλις встрѣчается въ греческомъ текстѣ Библіи согласно указанію Hatch'a и Redpath'a (A concordance to the Septuagint) шестьдесятъ четыре раза. Сличивъ всѣ эти мѣста семидесяти толковниковъ съ армянской вульгатой (Venet., 1860), я не нашелъ соотвѣтствій въ пяти случаяхъ; въ одномъ (Le. 23, 17) отсутствуетъ только это слово; въ одномъ (Gen. 18, 6) стоитъ aliwr našhoy т. е. мука naših'a и въ одномъ (Ex. 29, 2) naših ϑorenoy т. е. naših пшеничный; во всѣхъ остальныхъ пятидесяти шести случаяхъ имѣемъ просто naših. При сличеніи же съ текстомъ Pešitt'ы, т. е. сирійской вульгаты, выясняется, что въ семнадцати случаяхъ имѣемъ smīdā, въ тридцати двухъ našīfā, въ трехъ этого слова не имѣется. Совершенно безразличнымъ употребленіемъ словъ našīfā и smīdā (одинъ разъ даже стоитъ рядомъ smīdā и našīfā—Num. 14, 4) какъ бы косвенно подтверждается и полная тожественность этихъ понятій и тожественность образованія самыхъ словъ.

Позволю себѣ привести еще параллели.

Арабск. глаголъ nabaġa—I apparuit, manifesta fuit (res.); II alacer et agilis fuit (adolescens); V furfuribus laboravit (caput); VI per rimas emisit (loculus farinam) quae evolavit tenuiore sui parte; e foraminibus cribri farinam emisit (cribrans). Отъ этого глагола образованы слова:

nabġ-un pulvis excitatus a mola; nabāġ-un pulvis molae; nabaġat-un farina; nubāġat-un furfures capitis, farina (Freytag, Lex. arab-lat).

Арабск. глаголъ daḳḳa—I tenuis, minutus fuit; II tundendo fregit; IV comminuit; VII fractus, contusus fuit. Отъ него—daḳḳīt-un tenuis, obscura res; farina (op. c.).

Мнѣ кажется, всѣ эти примѣры достаточно подтверждаютъ вѣроятность нашего предположенія.

При предлагаемомъ объясненіи тѣснѣйшимъ образомъ связываются и греческ. σεμίδαλις и латинск. simila, similago и семитическ. smīdā resp. samīḏ и т. д. Надо полагать, что слово это было независимо другъ отъ друга заимствовано латинск. и греческ., быть можетъ, латинск. черезъ греческ., изъ двухъ близкихъ между собою яфетическихъ діалектовъ. Сирійск., арамейск., арабск. формы нѣтъ основанія выводить изъ греческаго языка. Онѣ, вѣроятно, представляютъ непосредственныя заимствованія изъ яфетическихъ. Иначе непонятно, почему утерялся суффиксъ al греческой формы. Изъ арабск., конечно, идутъ турецк. и персидск. формы.

Къ турецкому восходитъ сербск. simit panis triticei genus и новогреческ. σιμίτιον Teig aus feinem Mehle (Matzenauer, Cizí slova ve slovansk. řečech 305). Точно также къ турецк. semid возводятъ болгарск. simid, simit, сербск. simita das feinste Weizenbrot, румынск. simit, simits, албанск. simit, semit, simet, новогреческ. σημίτι, σημίδια. Къ турецк. semidži Bäcker — болгарск. simidžija, сербск. simidžijnica, румынск. simidžijnica, албанск. simidžija (Fr. Miklošić. Türkisch. Element. II, *Denkschr. d. K. Ak. d. Wissensch. Wien.* XXXV, 154). Тутъ же сопоставляются албанск. semidals, новогреческ. σεμιδάλι. Изъ турецк. semitši — новогреческ. σημιτσῆς— булочникъ (Pio. Νεοελληνικὰ παραμύθια, 71). Новогреческ. σεμιγδάλι объясняется изъ σεμίδαλι + ἀμιγδάλι (Hatzidakis, Μεσαιωνικὰ καὶ νέα ἑλληνικά, II, 506), Албанск. semitši Bäcker, semitšane Bäckerei— изъ турецк. semid. (G. Meyer, Etymolog. Wörterb. d. Albanesisch. Spr.) [1]).

Указываемыя Mḱitharʼомъ Sebastaḁi (Bargirq haykazean lezowi) новоармянск. simid (читай simit), semiz, разумѣется, новѣйшія заимствованія изъ турецк. или арабск. Что же касается до армянск. simindr, simintr resp. *simidr, *simitr, то, если ихъ считать заимство-

---

[1]) Цитаты изъ работъ Hatzidakis'а, Pio и Matzenauer'а сообщены мнѣ М. Р. Фасмеромъ.

ваніями изъ греческ., какъ это дѣлаютъ Brockelmann и Hübschmann, невозможно объяснить появленіе конечнаго r. Основательнѣе было бы видѣть въ этомъ отголосокъ яфетической формы. Читая по древне-армянски simitər, simidər, изъ *simiter, *simider resp. *simitar, *simidar, мы находимъ тутъ діалектическія формы для *simitel, *simidel, *simital, *simidal; r вмѣсто l въ характерѣ женскаго рода мы имѣемъ, напр., въ иверскихъ, въ частности въ лазскомъ языкѣ [1]).

Изъ греческаго безспорно взяты латинск. simidala, эѳіопск. sĕnĕdālē, а также древне-русск. семидалъ (М. Р. Фасмеръ, Греко-славянск. эт., II, *Изв. отд. русск. яз. и словесн. И. А. Н.*, XII, 2, стр. 274). Сюда же, быть можетъ, нужно отнести и грузинск. semidali и samindali, которые въ такомъ случаѣ были бы возвратными заимствованіями; но они могутъ быть, вопреки Orbeliani, и отголосками яфетической формы. Грузинск. samindo resp. samido, можетъ быть и изъ сирійскаго, возвратное заимствованіе; но, мнѣ кажется, вѣроятнѣе и проще другое объясненіе: samido тождественно съ samid-al-i, если принять во вниманіе, что o есть діалектическій характеръ женскаго рода изъ av-i; а къ чему восходитъ это av-i, къ ag-i или al-i, пока окончательно не установлено.

Санскритское слово должно восходить къ персидскому, какъ вполнѣ увѣренно указывалъ Fraenkel.

Отвѣтить на возникающій вопросъ о путяхъ заимствованія слова σεμίδαλις и, въ связи съ нимъ, simila, similago очень трудно: слово это въ греческомъ древнее (встрѣчается, напр., у Аристофана) [2]) и потому безспорно является заимствованіемъ устнымъ, сдѣланнымъ въ ту древнѣйшую эпоху, когда, безъ сомнѣнія, уже существовали

[1]) Здѣсь, быть можетъ, не излишне вспомнить форму σεμιδάρεως, встрѣчающуюся въ одномъ отрывкѣ частныхъ счетовъ (The Oxyr. Papyri IV, 736, 82). Издатели, P. Grenfell и S. Hunt, предполагаютъ тутъ, очевидно, описку, такъ какъ въ примѣчаніи предлагаютъ шаблонное чтеніе σεμιδάλεως. Не говоря уже о невозможности вообще смѣшать буквы ρ и λ, сомнительность такой описки особенно бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на приложенное къ изданію facsimile. Быть можетъ просто мы имѣемъ тутъ діалектическую форму, которую можно поставить въ параллель армянскому *simidar, и которая могла возникнуть на мѣстѣ, въ Египтѣ, но можетъ являться и отголоскомъ болѣе дальняго діалекта. Форма эта, не сохранившаяся въ другихъ греческихъ текстахъ, можетъ быть представлена именно тутъ благодаря простотѣ слога этихъ документовъ и крайней близости ихъ языка къ разговорному.

[2]) Comic. Attic. Fragm. ed. *Kock*. I, 499, fr. 412. Также см. ниже.

самыя дѣятельныя сношенія грековъ съ народами, населявшими Кавказъ и прилежащія страны. Я надѣюсь, что ни невозможность указать пути, которыми шло это слово, ни то, что данная этимологія является, кажется, первой попыткой объяснить греческое слово изъ такъ называемыхъ „кавказскихъ“ языковъ, не поколеблетъ моихъ доводовъ. Подобныхъ заимствованій, конечно, много [1]); ихъ нужно только найти, тѣ же, которыя найдены, а нѣсколько уже отысканы, нужно выяснить и доказать.

Обращаясь опять къ идалійской надписи, мы, отбросивъ отъ σεμίδαλις указанную морфему — αλις получимъ σεμιδ resp. σημιδ resp. σιμιδ-ς, genetiv. σιμιδος, что, быть можетъ, и имѣемъ въ словѣ simitose.

Но, очевидно, значеніе, обыкновенно придаваемое въ словаряхъ нашему слову—farina e tritico communi facta—для даннаго мѣста не подходитъ. Мы бы ожидали тутъ встрѣтить названіе растенія. Переходъ отъ значенія „мука“ къ значенію „зерно“ и даже „растеніе на корню“ вполнѣ возможенъ, такъ же, какъ совмѣщеніе въ одномъ словѣ этихъ двухъ понятій. Напомню, что на своей родинѣ, въ яфетической средѣ, интересующее насъ слово въ формѣ — въ грузинск. simidi resp. simindi, — въ армянск. — simindr — приняло значеніе злака, именно — кукурузы, маиса. Точно также и греческ. σεμίδαλις, первоначально означая муку, получило значеніе и растенія. Приведу два—три примѣра. У Галена имѣемъ слѣдующее мѣсто: ὁ καθαρώτατος ἄρτος ὀνομάζεται σιλιγνίτης ὁ δὲ ἐφεξῆς αὐτῶν σεμιδαλίτης (Περὶ τροφ. δυν., ᾱ β̄ ed. Kühn. VI 483), т. е. самый чистый хлѣбъ называется σιλιγνίτης а слѣдующій — σεμιδαλίτης; очевидно, хлѣбу изъ пшеницы не можетъ противополагаться хлѣбъ изъ муки, и разъ σίλιγνις означаетъ пшеницу, и σεμίδαλις должно тутъ означать какой-нибудь другой злакъ. Затѣмъ у Аристофана читаемъ: ἀράχους, πυρούς, πτισάνην, χόνδρον, ζειάς, αἴρας, σεμίδαλιν (по цитатѣ у Галена Περὶ τροφ. δυν., ᾱ. κζ̄. ed. Kühn. VI, 541); мнѣ кажется нѣтъ сомнѣнія, что при перечисленіи пшеницы, проса, ячменя и другихъ злаковъ не можетъ упоминаться наряду съ ними мука; очевидно и тутъ σεμίδαλις — растеніе. Аналогичное мѣсто имѣемъ у Полидевка въ главѣ: „Названія съѣдобныхъ растеній“ (Λαχάνων ὀνόματα): ἀπὸ μὲν κριθῶν λέγεται πτισάνη καὶ ἄλφιτα· ἀπὸ δὲ σίτου χόνδρος καὶ σεμίδαλις, ζειὰ σήσαμα, κέγχρος, μήκων, λῖνος, ἄμυλος, ἄρτος (Ιουλ.Πολυδ. ὀνομαστ. I, 247. ed. Dindorf).

[1]) Разумѣется, мы не имѣемъ въ виду очень частыхъ сопоставленій, основанныхъ на случайномъ созвучіи.

Всѣ приведенныя мѣста въ достаточной мѣрѣ говорятъ за то, что греческ. σεμίδαλις получило значеніе не только муки, но и зерна и злака на корню; говорю получило, потому что, повидимому, не можетъ быть сомнѣній въ первоначальномъ значеніи этого слова. Другой вопросъ, подразумѣвался ли подъ этимъ названіемъ какой-либо опредѣленный родъ злака, и если да, то какой именно; выяснить это было бы очень интересно и важно, но и очень трудно и могло бы составить предметъ особаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, я думаю, можно сказать съ увѣренностью, что подъ σεμίδαλις нужно разумѣть опредѣленное растеніе; по крайней мѣрѣ, къ такому рѣшенію располагаютъ приведенныя цитаты.

Итакъ, имѣя въ σεμίδαλις resp. σίμις, σίμιδος названіе какого-то неизвѣстнаго намъ злака, мы должны слова надписи simitose aroura resp. σίμιδος ἀροῦρα понимать: поле, засѣянное такимъ-то злакомъ, скажемъ, пшеницей—„пшеничное поле".

Въ заключеніе укажу, что быть можетъ нужно связать предлагаемое пониманіе съ толкованіемъ Meister'a и, такимъ образомъ, дать объясненіе непонятному топографическому названію.

Іосифъ Орбели.

КЪ ТАЦИТУ.

Посвящ. Г. Э. З.

1. Ann. II, 83 сообщается, что Германику сооружены были sepulchrum Antiochiae, ubi crematus, tribunal Epidaphnae, quo in loco vitam finierat) [1]). Намъ кажется страннымъ обозначеніе Epidaphnae. Въ послѣднемъ изданіи Нипердеева комментарія оно оставлено безъ поясненія, хотя Моммзенъ уже въ 1885 году замѣтилъ о немъ (R. G., V, 457): „wenn Tacitus ann. 2, 83 diese Vorstadt Epidaphne nennt, so ist dies einer seiner seltsamsten Schnitzer. Plinius h. n. 5, 21, 79 sagt correct: Antiochia Epidaphne cognominata". Мы полагаемъ, что Моммзенъ взводитъ на Тацита напраслину.

Не только Плиній, но и нѣкоторые другіе писатели называютъ такъ эту Антіохію, и у всѣхъ писателей и вообще въ источникахъ знаменитое предмѣстье Антіохіи называется Дафной, или Дафной, что у Антіохіи. Дафна упоминается часто у писателей, особенно греческихъ; изъ нихъ назову здѣсь только Іосифа Флавія и Ливанія. Знаменитый храмъ Аполлона называли τὸ Δαφναῖον, ὁ ἐν Δάφνῃ νεώς, императорскій дворецъ—palatium Daphnense (Cod. Theodosianus). Антіохія и ея Дафна были хорошо извѣстны римлянамъ времени имперіи, да уже и раньше того. Антіохія была резиденціею римскаго намѣстника Сиріи и въ общемъ виднымъ городомъ, а при Траянѣ о ней должны были особенно много говорить въ Римѣ по случаю пребыванія въ ней императора и случившагося тогда въ ней землетрясенія. Ливаній, восторженно описывая свою родную, безподобную Дафну, говоритъ, что и пріѣзжавшіе изъ Италіи также отдавали ей должное.

Тациту въ своихъ произведеніяхъ неразъ приходилось упоминать Антіохію и Дафну [2]); если онъ не зналъ точно ихъ названій, то могъ

---

[1]) Текстъ мы дасмъ вездѣ по второму изданію Мюллера.

[2]) Антіохійцы, какъ извѣстно, имѣли при императорахъ свои олимпійскія игры.

найти ихъ въ своихъ источникахъ; но какъ онъ могъ этого не знать? Оронтъ, по словамъ Ювенала, давно уже вливалъ свои воды въ Тибръ. Самъ Тацитъ, если не бывалъ въ Сиріи, то бывалъ недалеко отъ нея, въ Малой Азіи; въ сенатѣ онъ долженъ былъ неразъ видѣть и слышать, между прочимъ, и антіохійцевъ изъ Сиріи и слышать названія Антіохіи и Дафны; какъ членъ жреческой коллегіи XV viri sacris faciundis, онъ долженъ былъ нѣсколько интересоваться культомъ Аполлона и не могъ не слыхать и поэтому о знаменитомъ храмѣ Аполлона, что въ Дафнѣ.

По приведеннымъ соображеніямъ мы утверждаемъ, что Тацитъ зналъ хорошо о Дафнѣ, зналъ между прочимъ и то, что это—не городъ, а предмѣстіе города. Поэтому нелѣпое чтеніе Epidaphnae мы должны рѣшительно отвергнуть. Если бы Дафна была и городомъ, то Тацитъ въ данномъ мѣстѣ сказалъ бы разнообразія ради apud Daphnen, а не Daphnae. Ср. Ann. II, 83: arcus additi Romae et apud ripam Rheni et in monte Amano и другія подобныя мѣста у Тацита, а также Vita Aureliani, 25: Recopta Tyana Antiochiam proposita omnibus impunitate brevi apud Daphnem certamine obtinuit и особенно Vita Veri, 7: egit autem per quadriennium Verus hiemem Laodiceae, aestatem apud Daphnen, reliquam partem Antiochiae.

2. Ann. III, 25 читаемъ: Relatum dein de moderanda Papia Poppaea, quam senior Augustus post Iulias rogationes... sanxerat. Мы полагаемъ, что передъ Papia выпало слово lege — можетъ быть, подъ вліяніемъ близко стоящихъ словъ lege pulsus. Пропускъ слова lex у Тацита мы считаемъ невозможнымъ: выходила бы неясность; вѣдь Papia Poppaea и т. п. можно было бы принять за имя женщины. Даже у поэтовъ слово lex не опускается. См., напр., у Ювенала II, 37: ubi nunc lex Julia? VI, 38: Sed placet Ursidio lex Julia, ср. II, 43 сл.: quod si vexantur leges ac iura, citari ante omnia debet Scantinia. У Тацита въ той же самой главѣ, ниже, находимъ legibus и legum, а гл. 28—прямо lege Papia Poppaea. Въ пользу нашей конъектуры говоритъ также и слѣдующее мѣсто у него (Ann. XV, 20): Sic oratorum licentia Cinciam rogationem, candidatorum ambitus Iulias leges, magistratuum avaritia Calpurnia scita pepererunt.

Справлялись эти игры какъ разъ въ Дафнѣ, гдѣ умеръ Германикъ, бывшій, какъ мы знаемъ, олимпіоникомъ. Олимпіи учреждены были въ Антіохіи съ разрѣшенія императора Клавдія, брата Германика (это сообщаетъ Малала). Это разрѣшеніе антіохійцы получили отъ Клавдія, вѣроятно, когда поздравляли его съ принятіемъ власти; объ этомъ могъ говорить Тацитъ въ не сохранившейся части XI книги Annales.

3. Ann. III, 54. Тиберій писалъ сенату: quantulum istud est de quo aediles admonent, quam, si cetera respicias, in levi habendum! at hercule nemo refert quod Italia externae opis indiget, quod vita populi Romani per incerta maris et tempestatum cotidie volvitur. ac nisi provinciarum copiae et dominis et servitiis et agris subvenerint, nostra nos scilicet nemora nostraeque villae tuebuntur. Комментаторы увѣряютъ, что refert здѣсь значитъ „докладываетъ сенату". Но Тацитъ не могъ послѣ refert въ этомъ смыслѣ поставить quod, да еще при немъ изъявительное наклоненіе. Далѣе, если refert значитъ здѣсь „докладываетъ", то, выходитъ, Тиберій писалъ нѣчто нелѣпое: онъ жаловался, что никто не дѣлаетъ того, чего не имѣетъ права дѣлать; вѣдь снабженіе хлѣбомъ Рима было дѣломъ исключительно императора, въ которое сенатъ не долженъ былъ вмѣшиваться, какъ и въ военное дѣло. Полагаютъ, что refert противополагается слову admonent; а на самомъ дѣлѣ оно противополагается словамъ: quantulum istud est; Тиберій говорилъ: „Какъ неважно то, о чемъ напоминаютъ эдилы! а вотъ какъ важно то, что Италія нуждается въ иноземномъ хлѣбѣ и пр.! Это великое дѣло лежитъ на государѣ". Если refert значитъ здѣсь „важно", то nemo испорчено: оно явилось результатомъ неправильнаго пониманія мѣста; всего вѣроятнѣе, Тацитъ написалъ nonne, которое испорчено постепенно въ nenno и nemo. Это мѣсто at hercule и проч. имѣетъ большое сходство со слѣдующими словами Агриппины Ann. XIII, 21: vivere ego Britannico potiente rerum poteram? ac si Plautus aut quis alius rem publicam iudicaturus [1]) obtinuerit, desunt scilicet mihi accusatores, qui non verba impatientia caritatis aliquanto incauta, sed ea crimina obiciant, quibus nisi a filio absolvi non possim. Въ томъ и другомъ мѣстѣ мы имѣемъ вопросъ или восклицаніе, и теперь интерпункція въ нихъ отчасти неправильна.

4. Ann. IV, 56 сообщается, что смирняне въ сенатѣ въ Римѣ доказывали, что ихъ городъ имѣетъ преимущественное право имѣть храмъ императору и сенату, декретированный сеймомъ провинціи Азіи; ссылались они при этомъ на тѣ услуги, которыя ихъ городъ нѣкогда оказалъ въ разное время Римскому государству въ критическіе моменты; между прочимъ они, по словамъ Тацита, L. Sullam testem adferebant, gravissimo in discrimine exercitus ob asperitatem hiemis et penuriam vestis, cum id Zmyrnam in contionem nuntiatum foret, omnes

[1]) Это indicaturus вставлено здѣсь читателемъ по той же причинѣ, какъ Hist. I, 87 immutatus, устраняемое теперь издателями.

qui adstabant detraxisse corpori tegmina nostrisque legionibus misisse. Сенатъ отдалъ предпочтеніе Смирнѣ передъ другими городами, ita rogati sententiam patres Zmyrnaeos praetulere.

Ни одинъ изъ комментаторовъ, давая поясненія къ этому мѣсту, не вспомнилъ о томъ писателѣ, который особенно много говоритъ о Смирнѣ, и именно объ знаменитомъ риторѣ Эліи и Аристидѣ Смирнянинѣ [1]). Когда Смирна при М. Авреліи и Коммодѣ была разрушена землетрясеніемъ, онъ, не дожидаясь отправленія отъ города депутаціи къ императорамъ, послалъ имъ письмо, или посланіе, которое дошло и до насъ. Въ немъ указывается на заслуги Смирны, оказанныя Риму, въ слѣдующихъ словахъ: ἀξία δὲ οὐ μόνον τῆς ὄψεως χάριν ἡ πόλις σωθῆναι, ἀλλὰ καὶ τῆς εὐνοίας ἣν παρὰ πάντα τὸν χρόνον εἰς ὑμᾶς παρέσχετο, συναραμένη μὲν τοῦ πρὸς Ἀντίοχον πολέμου, συναραμένη τοῦ πρὸς Ἀριστόνικον πολιορκίας τε ὑπομείνασα καὶ μάχας οὐ φαύλας ἀγωνισαμένη, ὧν ἔτι νῦν ἐν πύλαις αὐτῇ τὰ ὑπομνήματα· ἔτι δὲ ἐσθῆτος δεῆσαν ὑμετέρῳ στρατοπέδῳ καὶ τοῦ στρατηγοῦ διεφθαρμένου τὸν μὲν στρατηγὸν κομίσαντες εἰς τὴν πόλιν θάπτουσιν εἴσω τῶν νῦν πυλῶν, πρὸς δὲ τοὺς στρατιώτας τοὺς χιτῶνας ἐνείμαντο ἀνὴρ ἀνδρὶ δούς. τοιοῦτοι μὲν τὰ πρὸς τοὺς ἄρχοντας ὑμᾶς и пр. [2]). О погребеніи въ Смирнѣ римскаго полководца Тацитъ совсѣмъ не упоминаетъ, не упоминаетъ и о хитонахъ, а только вообще объ одеждѣ. У Тацита просто сообщается о сенатскомъ декретѣ въ пользу Смирны, а у Аристида, тамъ же, § 13, находимъ объ этомъ декретѣ еще нѣкоторую интересную подробность; именно онъ говоритъ: ὃ δὲ πάντων μάλιστα ἄξιον εἰπεῖν καὶ θαυμάσαι, τῆς τύχης τὴν μεταβολήν· τοῦ γὰρ νεὼ τοῦ νῦν καταδύντος οὕτω λαμπρῶς λέγεται τυχεῖν (именно Смирна) ὥστε ἀγῶνος γενομένου τὴν μὲν Ἀσίαν τῶν ἄλλων ἐθνῶν προκριθῆναι, τῶν δ᾽ ἐν τῇ Ἀσίᾳ πόλεων τὴν Σμύρναν τοσοῦτον ὥστε τὴν μὲν ἄλλην Ἀσίαν ἑπτὰ μόνας ψήφους μεταλαβεῖν, τῇ δὲ πόλει τετρακοσίας γενέσθαι μόνῃ.

5. Ann. XIII, 14 читаемъ: Ituram cum illo in castra: audiretur hinc Germanici filia, inde debilis rursus Burrus et exul Seneca, trunca manu et professoria lingua generis humani regimen expostulantes. Послѣднія слова этого мѣста отмѣчены справедливо въ словарѣ Грефа и Гербера, какъ подозрительныя. Мы предлагаемъ читать: generis humani regimen gerere expostulantes. Возбуждаетъ сомнѣнія также и rursus. Въ самомъ дѣлѣ, оно или совсѣмъ излишне или должно стоять послѣ inde, а то его можно относить къ debilis. Послѣ debilis, кажется,

[1]) Такъ называли Аристида потому, что онъ обыкновенно жилъ въ Смирнѣ.

[2]) О заслугахъ Смирны передъ Римомъ Аристидъ говоритъ также вкратцѣ въ своей привѣтственной рѣчи проконсулу Азіи, or. XVII (15), § 7.

должно быть поясненіе къ нему (artus? luxu? lustris?), а передъ exul умѣстно бы было reversus.

6. Ann. XIV, 5 читаютъ: cum dato signo ruere tectum loci multo plumbo grave. Комментаторы поясняютъ, что-де подъ locus здѣсь разумѣется каюта на палубѣ. По Светонію предполагалась camarae (navigii) ruina. Агриппина съ сопровождавшими ея лицами находилась, вѣроятно, въ обширномъ крытомъ помѣщеніи, по нашему каютъ-кампаніи, стѣны коей были несплошныя (можетъ быть, раздвижныя); мы читаемъ tectum oeci. Ср. у Петронія, гл. 115: sub diaeta magistri (на морскомъ суднѣ) и въ особенности у Аѳинея Dipnosoph. V, 38—42.

7. Ann. XIV, 20 читаютъ: an iustitiam auctum iri et decurias equitum egregium iudicandi munes *melius* expleturas, si fractos sonos et dulcedinem vocum perite audissent? Вмѣсто egregium мы читаемъ egregie, такъ что melius не нужно. Опредѣленіе egregium мало подходитъ къ munus (повинность); а egregie соотвѣтствовало бы слову auctum; вѣдь explere не значитъ „хорошо исполнять“, а есть синонимъ fungi. Ср. Hist. IV, 68.

8. Ann. XV, 36 сообщается о Неронѣ: super ea profectione (о предполагавшемся путешествіи на Востокъ) adiit Capitolium. illic veneratus deos, cum Vestae quoque templum inisset, repente cunctos per artus tremens и пр. Орелли о посѣщеніи храма Вестѣ замѣчаетъ, что къ Вестѣ обращались только послѣ обращенія къ другимъ богамъ. Фюрно, повторивъ это объясненіе, прибавляетъ: „Professor Holbrooke suggests that Nero went there to bid a solemne farewell to the Penates of Rome“. Это объясненіе намъ кажется вѣрнѣе. Мы полагаемъ, что въ данномъ случаѣ императоръ могъ въ храмахъ нѣкоторыхъ боговъ и совсѣмъ не побывать, но храмъ Юпитера, главнаго praeses imperii dei, и храмъ Весты, гдѣ находились и пенаты римскаго народа и pignora imperii, онъ долженъ былъ посѣтить непремѣнно. Историкъ Геродіанъ сообщаетъ, что были положены извѣстныя жертвоприношенія или вообще священнодѣйствія на случай отъѣзда изъ Рима императора, равно какъ и на случай возвращенія въ Римъ изъ далекихъ путешествій и походовъ [1]). Этотъ обычай, несомнѣнно, существовалъ уже въ первомъ вѣкѣ имперіи и примыкалъ къ соотвѣтствующему обычаю республиканскаго времени.

---

[1]) VIII, 4: καταλαβούσης δὲ τῆς ὁρισμένης ἡμέρας θύσας τε τὰς ἐπὶ ταῖς ἐξόδοις νενομισμένας ἱερουργίας, παραπεμφθείς τε ὑπὸ τῆς συγκλήτου καὶ παντὸς τοῦ δήμου, τῆς Ῥώμης ἀπῆρε (рѣчь идетъ объ Александрѣ Северѣ) и IV, 1, 4: ἐπιτελέσαντες δὲ (Каракалла и Гета) τὰς νενομισμένας ἱερουργίας ἐπὶ ταῖς βασιλικαῖς εἰσόδοις ἀνῆλθον ἐς τὰ βασίλεια.

9. Ann. XVI, 19 читаемъ: Forte illis diebus Campaniam petiverat Caesar et Cumas usque progressus [1]) Petronius illic attinebatur; nec tulit timoris aut spei moras и пр. Въ комментаріяхъ въ разъясненіе этого мѣста или не приводится ровно ничего, или говорится кое-что невѣрное. Мѣсто это, несомнѣнно, требуетъ разъясненія.

При традиціонномъ чтеніи выходитъ, что Петроній прибылъ въ Кумы, а куда прибылъ императоръ, остается неизвѣстнымъ; собственно неизвѣстно даже и то, прибылъ ли Неронъ въ Кампанію, неизвѣстно, куда онъ именно направлялся и какая связь между этою его поѣздкою и смертью Петронія; а что связь тутъ была, ясно для каждаго читателя.

По толкованію Фюрно, progressus значитъ здѣсь „выѣхалъ на встрѣчу (императору)". Но отчего же не сказано, откуда выѣхалъ? Далѣе, вѣроятно ли, чтобы Петроній выѣхалъ на встрѣчу императору, когда онъ былъ сильно заподозрѣнъ и ему не дано было возможности оправдываться, слѣдовательно, конечно, воспрещенъ былъ совсѣмъ доступъ къ императору? Невѣроятно поэтому также объясненіе другихъ, что-де Петроній сопровождалъ императора, какъ comes, или что онъ нагналъ его на дорогѣ [2]). При этомъ attinebatur переводятъ такъ: ei interdictum est iter cum principe facere, il reçut l'ordre d'y rester (коммент. Орелли) [3]).

Необходимость давать такой переводъ ясно показываетъ, что въ этомъ мѣстѣ что-то неладно. Attinebatur вѣдь не можетъ имѣть значенія перфекта; оно означаетъ, что Петроній содержался подъ стражей или былъ подъ надзоромъ [4]), именно въ Кумахъ); онъ тамъ находился уже до прибытія императора въ Кампанію. Но куда же именно пріѣхалъ императоръ? Какая связь была между смертью Петронія и прибытіемъ императора въ Кампанію? Не будь тутъ связи, ничѣмъ нельзя бы было объяснить упоминаніе Тацитомъ объ этой поѣздкѣ императора именно

[1]) Срв. у Ливія, XLII, 53: Profectus inde... Eordaeam petens, ad Begoritium.... positis castris postero die in Elimeam.... processit..., у Федра II, 5: Caesar Tiberius, cum petens Neapolim in Misenensem villam venisset suam, II, 8: Caeco timore proximam villam petit et opportuno se bovili condidit, у Фронтона Epist. ad. M. Caesarem: in viam profectus sum et paululum provectus.

[2]) Срв. у Ливія XXVII, 12: consules ad bellum profecti. prior Fulvius praegressus Capuam: post paucos dies consecutus Fabius.

[3]) Штаръ перевелъ все это мѣсто такъ: „zufällig war in diesen Tagen der Kaiser nach Kampanien gegangen; und Petronius, der ihm nachgereist und bereits bis Cumae gekommen war, wurde dort plötzlich unter Aufsicht zu verbleiben angewiesen".

[4]) Ann. XV, 51 объ Эпихаридѣ сказано: Sed ipsa in custodia retenta, а ниже, c. 57: Nero recordatus.... Epicharim attineri. Срв. также Ann. XIII, 50.

въ данномъ мѣстѣ. Связь эта, полагаемъ, и была выражена Тацитомъ, именно онъ сообщалъ, куда Неронъ пріѣхалъ: онъ относилъ слово progressus къ Caesar, а не къ Petronius. Пропускъ связки erat при причастіи, встрѣчающійся неразъ у Тацита [1]), могъ однако породить неправильное пониманіе мѣста и соотвѣтствующую интерпункцію. Послѣ слова progressus слѣдуетъ ставить знакъ препинанія. При такой интерпункціи выходитъ, что Неронъ пріѣхалъ въ Кумы — извѣстно, что въ этихъ мѣстахъ у него были виллы и онъ любилъ проводить въ нихъ, близь моря, время; весьма вѣроятно, что и Петроній имѣлъ дачу въ Кумахъ или около нихъ, гдѣ и былъ арестованъ; пріѣхалъ же сюда Неронъ въ этотъ разъ, надо полагать, съ заднею мыслію, именно, желая своимъ присутствіемъ произвести давленіе на Петронія и побудить его скорѣе покончить съ собою самоубійствомъ; во всякомъ случаѣ прибытіе императора въ Кумы повліяло на Петронія въ желательномъ для императора смыслѣ; ему трудно было перенести, что императоръ, его прежній другъ, находясь такъ близко отъ него, не допускалъ его къ себѣ, и, съ другой стороны, въ то же время эта близость дѣлала все-таки возможной или болѣе легкою пересылку императору извѣстнаго пасквиля на него.

10. Hist. II, 72 читаютъ: Non ultra paucos dies, quamquam acribus initiis coeptum, mendacium valuit. extiterat quidam и пр. По контексту къ слову mendacium требуется опредѣленіе illud, или servi, или mancipii; послѣднее могло быть пропущено подъ вліяніемъ рядомъ стоящаго mendacium; servi могло быть пропущено подъ вліяніемъ слова servitii въ концѣ 171 гл. Въ самомъ дѣлѣ, ниже объ этомъ лицѣ говорится: a domino noscebatur (послѣ этого слова мы ставимъ запятую) condicione fugitivus, nomine Geta; эти слова непремѣнно предполагаютъ выше указаніе на то, что рѣчь идетъ о рабѣ [2]).

И. Турцевичъ.

---

[1]) Срв. особенно Ann. II, 83: Sepulcrum Antiochiae, ubi crematus, tribunal Epidaphnae, quo in loco vitam finierat.

[2]) Срв. Ann. II, 39: Eodem anno mancipii unius audacia, ni mature subventum foret, discordiis armisque civilibus rem publicem perculisset. Postumi Agrippae servus и пр. Срв. также Hist. II, 64: cum repente Coenus libertus Neronis atroci mendacio universos perculit.., Hist. II, 8: Sub idem tempus Achaia atque Asia exterritae, velut Nero adventaret... tunc servus e Ponto sive, ut alii tradidere, libertinus ex Italia и пр., Ann. IV 46: facinus atrox in citeriore Hispania admissum a quodam agresti.., Ann. V, 10 о самозванцѣ сказано только: et erat iuvenis haud dispari aetate, а званіе или состояніе его не сообщается, но оно, по словамъ Тацита, осталось невыясненнымъ.

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ XVIII

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(ноябрь и декабрь 1908 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату.

Высочайшія повелѣнія.

Страп.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

При настоящемъ выпускѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается объявленіе журнала „Нива".

Отдѣлъ по народному образованію.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го декабря).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра. Иногородніе также адресуютъ **исключительно** въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ С.-Петербургѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу—**16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки—по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1869, 1870, 1876, 1877, 1881, 1882, 1883, 1884, 1887, 1888, 1894, 1895, 1900, 1902 — 1907 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При „**Журналѣ**“ съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ „**Извѣстія по народному образованію**“ съ приложеніемъ „**Справочной книги по низшему образованію**“. „**Извѣстія**“ воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ „**Журнала**“, но „**Справочная книга**“ составляетъ совершенно отдѣльное отъ „**Журнала**“ изданіе. Цѣна „**Извѣстій**“ составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу—4 р.